

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM RECUEIL POUR L'ETUDE
BYZANTSKO- DES RELATIONS
SLOVANSKÝCH VZTAHŮ BYZANTINO-SLAVES

VYDAVÁ
 BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
 SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR
 LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
 DE L'INSTITUT SLAVE

TYCHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚT

ROČNÍK **IV** TOME
SVAZEK 1 VOLUME

VYDÁN DNE 30. VI. 1932

P R A H A

V GENERÁLNÍ KOMISI NAKLADATELSTVÍ ORBIS, PRAHA-XII, FOCHOVA 62
VYTISKLA STÁTNÍ TISKARNA V PRAZE

1932

BYZANTINOSLAVICA

RECUEIL POUR L'ÉTUDE DES RELATIONS BYZANTINO-SLAVES

PUBLIÉ PAR LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
DE
L'INSTITUT SLAVE

RÉDACTEUR ADMINISTRATIF
MILOŠ WEINGART

TOME IV.

PRAGUE 1932
COMMISSIONNAIRE: «ORBIS», PRAGUE-XII FOCHOVA 62
IMPRIMERIE DE L'ÉTAT À PRAGUE

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE

PŘI

SLOVANSKÉM ÚSTAVĚ

VÝKONNÝ REDAKTOR

MILOŠ WEINGART

ROČNÍK IV.

V PRAZE 1932

V GENERÁLNÍ KOMISI NAKLADATELSTVÍ »ORBIS«, PRAHA XII

TISKEM STÁTNÍ TISKÁRNY V PRAZE

OBSAH – TABLE DE MATIÈRES.

ČLÁNKY – ARTICLES.

(DR = Deutsches Resumé — RF = Résumé français.)

	Str. - Page
M. A. ANDREEVA (Praha): Политическій и общественный элемент византійско-славянских гадательных книг. Гл. IV. Заключение. III. прил.	65—83
RF: Ch. IV. Des modifications et suppléments survenus dans les livres de man- tique slave	84
V. M. ISTRIN (Leningrad): Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи	36—55
RF: Histoire morave des Slaves et histoire des Poliano-Russes, comme sources sup- posées des Annales russes primaires	56—57
VĚRA IVANOVA (Sofija): Следитѣ отъ глаголица въ източна Бѣлгарія	227—233
RF: Les vestiges du glagolitisme en Bulgarie Orientale	234—235
J. A. JAVORSKIJ (Praha): Житіе Алексѣя Человѣка Божія въ карпаторусской стихотворной обработкѣ половины XVIII-го вѣка	365—370
RF: La vie d'Alexis l'Homme de Dieu dans la version carpatho-russe en vers du milieu du XVIII ^{ème} siècle	370
WŁADYSŁAW KURASZKIEWICZ (Kraków): Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Studium filologiczne	335—363
RF: Les chartes de Galicie et de Volynie du XIV ^e —XV ^e siècle. Étude philologique	363—364
N. A. MUŠMOV (Sofija): Un sceau en plomb du tsar Kaloyan (1196—1207)	135—138
J. MYSLIVEC (Praha): К иконографіи русских святых	418—430
DR: Ein Beitrag zur Ikonographie der russischen Heiligen	430—431
VALERIJ POGOREĽOV (Bratislava): На какомъ языкѣ были написаны, такъ на- зываемыя, паннонскія житія?	13—21
RF: Quelle est la langue, dans laquelle furent écrites les vies de saints aussi nommées »pannoniennes»?	21
V. F. RŽIGA (Moskva): О тканях до-монгольской Руси	399—416
RF: Des tissus de la Russie prémongole	416—417
A. SALAČ (Praha): La ville de Pautalie dans l'oeuvre de Procope περί πτωμάτων	131—134
A. V. SOLOVJEV (Beograd): Θεσσαλίские архонты в XIV вѣкѣ. Черты феода- лизма в византійско-сербском строѣ	159—171
RF: Les archontes de Thessalie au XIV ^e siècle	172—174
M. N. SPERANSKIJ (Moskva): »Греческое« и »лигатурное« письмо в русских рукописях XV—XVI веков	58—64
RF: L'écriture grecque et les ligatures des manuscrits russes du XV ^e —XVI ^e siècles	64

	Str. - Page
JÁN STANISLAV (Praha): Doterajšie výskumy o frizinských pamiatkach. Kritiko-bibliografický prehľad	303—331
RF: Résultats actuels des recherches sur les fragments de Freising. Étude bibliographique et critique	331—334
KAREL ŠKORPIL (Varna): Мадаро-могилското плато	85—128
RF: Le plateau de Madara-Moguila	128—130
ANDRÉ VAILLANT (Paris): La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem. La deuxième Catéchèse	253—302
JOSEF VAJS (Praha): Byzantská recense a evangeliijní kodexy staroslověnské. II.	1—10
DR: Die byzantinische Rezension u. die altkirchenslawischen Evangelien-Kodexe	11—12
N. VAN WIJK (Leiden): Два славянских патерика	22—34
RF: Deux Pateriks slaves	34—35
N. VAN WIJK (Leiden): Die slavische Redaktion des ΜΕΓΑ ΔΕΙΜΟΝΑΡΙΟΝ	236—252
V. N. ZLATARSKI (Sofija): Намѣстници-управители на България презъ царуването на Алексия I Комнинъ	139—158
V. N. ZLATARSKI: Idem	371—396
DR: Byzantinische stellvertretende Verwalter in Bulgarien während der Regierung des Alexios I Komnenos	396—398

POSUDKY – COMPTES-RENDUS:

<i>Franz Dölger</i> : Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der Neueren Zeit. I. Regesten der Kaiserurkunden. 3 Teil. München 1932 (M. ANDREEVA)	177—181
<i>Fritz Fichtner</i> : Wandmalereien der Athos-Klöster. Berlin 1931 (J. MYSLIVEC)	202—205
Як описувати рукописи. (Методологічно-критичні уваги) (I. OHĚENKO)	191—194
P. Dr. <i>Angelicus M. Kropp</i> : Ausgewählte koptische Zaubertexte. Bd. I—III. Bruxelles 1930—1931 (M. ANDREEVA)	434—437
Проф. О. Лотоцький: Українські джерела церковного права. Варшава 1932 (V. ZAIKYN)	447—457
R. P. D. <i>Placido de Meester</i> : Liturgia bizantina, I. II. p. VI. Rituale benedizionale bizantino. Roma 1930 (JAN FRČEK)	187—190
Кр. Миятевъ: Кржглата църква въ Преславъ. София 1932 (N. OKUNEV)	457—461
<i>Steven Runciman</i> : The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. Cambridge 1929 (M. ANDREEVA)	181—183
Ив. Скъгаров: История на Охридската архиепископия-патриаршия отъ паденето и под турцитѣ до нейното унищожение (M. ANDREEVA)	184—187
Статьи В. Н. Златарскаго по исторіи Болгаріи (M. ANDREEVA)	443—447
Dr. <i>Čiro Trubelka</i> : Starohršćanska arheologija. Zagreb 1931 (V. ROZOV)	175—177

<i>Union Académique Internationale: Emploi des signes critiques, disposition d'apparat dans les éditions savantes de textes grecs et latins. Paris 1932 (JAN FRČEK)</i> . . .	432—434
<i>André Vaillant: Les chants épiques des Slaves du Sud. Paris 1932 (R. JAKOBSON)</i> . . .	194—202
<i>Oskar Wulff: Die neurussische Kunst, t. I, II. Augsburg 1932 (J. MYSLIVEC)</i> . . .	205—208
<i>D. A. Zakythinos: Le despotat de Morée. Paris 1932 (M. ANDREEVA)</i>	438—442

ZPRÁVY — BIBLIOGRAPHIE ET CHRONIQUE

<i>Vol. 1.</i>	209—225
--------------------------	---------

podávají: — par:

M. ANDREEVA, J. FRČEK, I. OHŇENKO.

Les livres de liturgie latine (F. Cabrol) — Slovník staro-slov'jans'koï movy — Zahal'nyj katalog kyrylivs'kich rukopysiv — Vade mecum (Th. Wierzbowski) — Zachidno-bolgars'ka recenzija cerkovno-slov'jans'koï movy — Pomyly v vydanní »Izbornyka« 1073 roku — Stosunek zbirnyka carja Svjatoslava 1076 r. do zbirnyka 1073 r. — Constantin the Great and the Christian Church (N. H. Baynes) — Les rapports des Byzantins avec les Slaves (L. Hauptmann) — Archeologičeski beležki ot černomorskoto krajbrěžie (K. Škorpil) — Economic relations between Byzantium and Old Russia (A. Vasil'ev) — Na s'ězdě — Varjagi i Rus' (A. Pogodin) — Russko-bolgarskija otnošenija pri Svjatoslavě (P. Mutafčiev) — Encore sur Dobrotica (P. Mutafčiev) — Къмъ църковно-istoričeskata geografija na Plovdivskoto (P. Mutafčiev) — Izъ našichъ staroplaninski monastiri (P. Mutafčiev) — Jedan novi spomenik bugarskog prava (A. Solovjev) — Il viaggio dell'imperatore byzantino Giovanni V (A. Vasil'ev) — Zetska presuda (A. Solovjev) — O Tronoškom Rodoslovu (N. Radojičić) — Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru — Contribuții la studiiul izvoarelor manualui de pictură (V. Grecu) — D. A. Zakythinos.

<i>Vol. 2.</i>	462—471
--------------------------	---------

podávají: — par:

M. ANDREEVA, F. DVORNÍK, J. FRČEK, J. MYSLIVEC.

Le Congrès des Études byzantines à Sofia — Inchinare lui Nicolae Iorga — Γ. Σωτηρίου, Ὁδὴν τοῦ τ. βυζαντινοῦ μουσείου Ἀθηνῶν — G. Robinson, History and Cartulary of Greek Monastery — D. Zakythinos, Le chrysobulle d'Alexis III Comnène — A. A. Vasil'ev, Pero Tafur — K. Dietrich, Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte d. byzant. Balkanhandels — N. Baumgarten, Chronologie ecclésiastique — Vasil'ev, Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — Zaikyn, Učastie svetskago elementa — Filov, Geschichte der albulgarischen Kunst — Ainalov, Geschichte d. russ. Monumentalkunst — Hakkell, Obraz trechglavoj Troicy — Recenzija V. Zaikyna — Povodom pedesetgodišnjice Jubileja »Vjesnika Arch. i Hist. Dal.« — Peščanskij-Svencickij, Ikonopisna tehnika — Kuba, Čtení o Starém Srbsku a Makedonii — Rumunské pravoslavné Euchologion.

BIBLIOGRAFIE

podávají: — par:

M. ANDREEVA, J. MYSLIVEČ, M. WEINGART 472—509

ČASOPISY DOŠLÉ VÝMĚNOU 510—511

REJSTRÍKY. (Sestavila M. ANDREEVA.)

PŘÍLOHY: 21 + 4.

SEZNAM PŘÍSPĚVATELŮ IV. ROČNÍKU:

LISTE DES AUTEURS DU IVe TOME:

Andreeva, M. A., Praha	65—84; 177—181, 181—183, 184—187, 434—437, 438—442, 443—447;	
	zpr. ¹ , zpr. ² ; bibl.	
Dvorník, Fr., Praha		zpr. ²
Frček, Ján, Brno	187—190, 432—434; zpr. ¹ , zpr. ²	
Istrin, V. M., Leningrad		36—57
Ivanova, Věra, Sofija		227—235
Jakobson, R., Brno		194—202
Javorskij, J. A., Praha		365—370
Kuraszkiewicz, Władysław, Kraków		335—364
Mušmov, N. A., Sofija		135—138
Myslivec, J., Praha	418—431; 202—205, 205—208; zpr. ² bibl.	
Ohienko, I., Warszawa	191—194; zpr. ¹	
Okunev, N., Praha		457—461
Pogorělov, Valerij, Bratislava		13—21
Rozov, V., Zagreb		175—177
Ržiga, V. F., Moskva		399—417
Salač, A., Praha		131—134
Solovjev, A. V., Beograd		159—174
Speranskij, M. N., Moskva		58—64
Stanislav, Ján, Praha		303—334
Škorpil, Karel, Varna		85—130
Vaillant, André, Paris		253—302
Vajs, Josef, Praha		1—12
Weingart, Miloš, Praha		bibl.
van Wijk, N., Leiden	22—35, 236—252	
Zaïkyn, Vjačeslav, Lwów		447—457
Zlatarski, V. N., Sofija	139—158, 371—398	

BYZANTSKÁ RECENSE A EVANGELIJNÍ KODEXY STAROSLOVĚNSKÉ.

II.

V předešlém článku téhož jména¹ jsem došel k závěru, že staroslověnský překlad evangelijní byl pořízen podle řecké předlohy recense byzantské a sice podle nějakého kodexu s textem smíšeným – podle v. Sodenova »kompromisním« – s textem v jádře sice byzantským, ale s příměskou textů starších zejména t. zv. čtení Západních, které v. Soden označuje značkou J, angličtí kritikové písmem *W* (Western), jakých podle v. Sodenova v IX. stol., tedy za času sv. Cyrila a Metoděje, bylo v Cařihradě hojnost.²

Že se takové texty udržovaly v oblasti patriarchátu cařihradského ještě dlouho potom, přesvědčil jsem se sám, když jsem si při příležitosti byzantologického sjezdu v Atenách r. 1930 zajel do Cařihradu a tam na ostrově Chalki badal v patriarchálním archivu bohosloveckého ústavu sv. Trojice. Ukáží to mimochodem jen na několika rázovitých místech. Texty cařihradské mají u Jana 19,¹⁴: ὡρα δὲ ὥσει ἔκρη, a jen některé kodexy Západní a alexandrijské mají τρίτη. Toto čtení (τρίτη) však jsem tu našel ještě v jednom kodexu stol. XI.; ovšem, že týž kodex na jiném místě a sice v menologiu ke dni 14. září má již souhlasně s ostatními ἔκρη. Jiný ještě pozoruhodnější příklad je u Mat. 17,²; cařihr. τὰ δὲ ἱμάτια αὐτοῦ ἐγένετο λευκὰ ὡς τὸ φῶς; opět jen několik zejména Západních čtení mají ὡς χιὼν. Ku podivu toto odchýlné čtení ὡς χιὼν čtu jak v jednom cařihradském kodexu z XIII.–XIV. století, tak i v jiném z počátku stol. XV. (1403).³ Tedy ještě 50 let před pádem Cařihradu v srdci patriarchátu, v Cařihradě samém, se psaly takové varianty, které nacházíme v staroslověnském překladě. To jen mimochodem.

V této stati chci blíže zkoumat a označit povahu staroslov. textu evangel., pokud se mi to podařilo na základě podrobného badání v. Sodenova. Jak jsem již dříve připomenul, označuje v. SODEN recensi byzantskou značkou K (κοινή). Touž siglou s rozličnými ukazateli označuje texty řečené recense v rozličných jejích obdobích; tak K¹ představuje byzantské texty *nejstarší*, K² texty *nejmladší* pocházející z doby *revise* textu, provedené církevní autoritou, někdy

¹ Srov. Byzantinoslavica I., str. 1. násl.

² Viz v. Soden, Griechisches Neues Testament, Göttingen 1913, str. XIX. – Srov. též můj spis Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze; v úvodě str. 3.

³ Tento kodex má v katalogu archivu kláštera sv. Trojice číslo X. Na posledním listě se v něm čte kromě vřecení 6611 (= 1403 po Kr.) i poznámka, že kniha byla darována chrámu boží Rodičky ve Vlachernach (v Cařihradě): »δῶρον δοθεῖσα τῇ ναῷ τῆς Παρθένου μητρὸς πανάγνου τοῦ Θεοῦ καὶ δεσπότητος, τοῦ ἐν Βλαχέρναις...«. Později se dostal darem patriarchy Metrofana klášteru sv. Trojice na ostrově Chalki (Χάλκη) blíže Cařihradu.

v stol. XII.⁴ Texty, které vznikly v době mezi těmito dvěma časovými mezníky označuje v. Soden značkou K^a (l. c. str. 713). Ze spousty těchto textů věnuje v. Soden zvláštní pozornost dvěma třídám, které označil značkou Kⁱ a K^a; jsou to texty cařihradské obsahující hojná různocnění necařihradská ať Zápádni nebo alexandrijská⁵. Pro nás jsou tyto dvě třídy zvláště pozoruhodny, protože, jak víme odjinud a jak již J. Dobrovský nepřímo naznačil, obsahoval i staroslověnský překlad veliký počet čtení necařihradských, Zápádni i alexandrijských.

Z těchto dvou tříd textových Kⁱ a K^a budou nás zajímat především texty K^a, ježto druhá třída Kⁱ zastoupená zejména majuskulními kodexy E, F, G, H, v době minuskule, tedy ve stol. IX., kam klademe vznik písma staroslov. a překladu Písma sv., nebyla asi mnoho rozšířena, kdežto třída K^a se hojně rozvila, jak nasvědčuje značný počet dochovaných rukopisů. (Viz v. Soden l. c. str. 845).

Řečený autor vypočítává přes sto (101) dnes známých kodexů této třídy. Za nej přednější považuje majuskulní kodexy A, K, Π,⁶ z minuskulních zejména kodexy: č. 265,⁷ č. 489,⁸ č. 1219,⁹ č. 1346¹⁰ a č. 1500¹¹. Za nejlepší prohlašuje v. Soden kodexy: Π (ε 73) a K (ε 71); nejstarší, byť ovšem ne nejlepší, je kodex A (δ₄).

Povaha textů třídy K^a.

V. Soden si klade otázku, (l. c. str. 1163) odkud vlastně text K^a vyšel, zda z K (recense byzantské) či z I (čtení Zápádni). Přes to, že čtení cařihradská jsou v něm daleko četnější než ostatní, jsou tu okolnosti, které svědčí, že tu nebyla Zápádni čtení přejata do kodexů původu byzantského, ale spíše, že původní texty Zápádni byly vlivem cařihradským tak důkladně přepracovány a zdolány, že text K^a je textem cařihradským, v němž čtení Zápádni jsou jako zbytky potlačeného původního textu. Tím se vysvětlují varianty Zápádni jak v třídě textů K^a tak v překladě staroslověnském, není však vysvětleno vše.

⁴ Srov. veliké dílo v. Sodenovo: Die Schriften d. Neuen Testaments, Göttingen 1911, díl I., svazek 2., str. 713.

⁵ V ukazatelích i a a (Kⁱ, K^a) se naráží na jiné třídy textů, t. j. na čtení Zápádni, která označuje v. Soden siglou I (u anglických kritiků W = western) a na kodex A (Alexandrinus), který je sice v evangeliích recense cařihradské, ale obsahuje hojně čtení alexandrijských a Zápádni.

⁶ Kodex A, řečený Alexandrinus, stol. V.; podle Burkitta »Constantinopolitanus« nominandus (Journ. Theol. Stud., XI. 1909, 603–606).

Kodex Π (u Sodena ε 73) Petropolitanus, v Leningradě, stol. IX., má úplný text evangelní.

Kodex K (u Sodena ε 71) Cyprius, nyní v Národní knih. v Paříži, stol. IX., rovněž jeden z devíti nejúplnějších kodexů evangelních.

⁷ U Sodena ε 285 v Národní knih. v Paříži, Gr. 66., stol. X.

⁸ U Sodena δ 459 v Cambridži, Trin.-Coll., původem ze Sinaje stol. XIV.

⁹ U Sodena ε 1121 na Sinaji.

¹⁰ U Sodena ε 1089 dílem v Jerusalemě (sv. Saba 606), dílem v Leningradě (publič. bibl. 285, donesený Porfýriem Uspenským).

¹¹ U Sodena ε 79, na hoře Atosu (Lavra 78) stol. IX.

Při rozboru textu evangelia sv. Marka jsem se přesvědčil, že tam, kde tento text nesouhlasí s cařihradským (K), a kde se nesrovnává ani s jmenovanými kodexy A, K, Π (tedy s třídou K^a) ku podivu často se shoduje s minuskulními kodexy č. 1, 118, 131 a 209 (čleď Lakova), nebo s t. zv. kodexy Ferrarovými (č. 13, 69, 124 a 346).¹² V. Soden počítá sice obě tyto skupiny k textům Západním (I, W), avšak označil první skupinu (kod. č. 1 a příbuzné) značkou H^r pro jejich příbuznost s texty alexandrijskými (H). Také mezi řeckými K^a texty jsou takové, které vedle čtení Západních mají i čtení alexandrijská. V. Soden vysvětluje tento zjev tím, že tvůrce textu K^a měl asi po ruce také text alexandrijský, a kde kolísal mezi čtením I a K¹, rozhodl se pro H (alexandrijský). Připomíná ovšem, že to není jisté (str. 1107). Nám stačí skutečnost, že z IX. stol. máme kromě majuskulních kodexů A, Π, K množství minuskulních s textem K^a t. j. takových, které mohly být dobře předlohou staroslověnskému překladu. Jediné v evangeliu sv. Marka jsem napočítal přes čtyřicet (46) míst, v nichž staroslov. text souhlasí s řečenými kodexy A Π K (s jedním nebo s druhým nebo se všemi) tam, kde se uchyluje od vlastního textu cařihradského.

Pozoruhodné je při tom to, že tuto shodu nacházíme na místech, která se čtou *jediné* v řečených kodexech A, K, Π, tedy třídy K^a. Takové klasické místo je u Jana 5₁₄ ἄγγελος γὰρ κατὰ καιρὸν κατέβαινεν (αὐ κατήρχετο) ἐν τῇ κολυμβήθῃ; tak je čtení cařihradské a podle toho i v Marianu: анѣл во гнѣ на вѣтъ лѣтъ сѣ хождааше въ кѣпѣхъ . . . Ale v kodd. A K Π se čte místo κατέβαινεν — ἐλούετο (v kod. K: ἐλούετον) a podle nich v Zografu, Assemanu, ev. Nikoljském ano i u Ostromíra čteme мѣѣше сѣ въ кѣпѣхъ.

Týmiž texty K^a osvětlují se také některé, druhdy méně správně posuzované, dvojice čtení, na př. u Jana 9₈: προσιτης (προσαίτης) v hlaholských — сѣпѣхъ (τυφλός) cařihrad. a s nimi Ostromír. Šafařík (v Památkách hlahol. písemn.

¹² Uvedu zde několik příkladů :

- Mar. IV₁₁ (ἐκείνη) τανναα Mar. Nic. cum cod. 1, 118; kdežto cařihradský text (Stephanicus z 1550) má τὸ μυστήριον; s ním také kodd. A, K, Π (tedy třída K^a).
- Mar. V₁ въ странѣ гадаринскѣ Mar. a Zogr. s cařihrad. εἰς τ. χώραν τῶν Γαδαρηνῶν — ale starší čtení v Nik. стр. ѿперсинаскоу, které mají texty syrské a kodd. 1, 28, 118, 33, 131.
- Mar. VI₁₄ народъ цѣрь Ass. Nic. Ostr. et addunt σκληρὰ πόνος (την αλοην αἰ) cum 13, 69, 131, 346 — cařihradské a s nimi i AKΠ vynechávají dodatek.
- Mar. IX₃ (πετρῶ) γὰρ Mar. Nic. Zogr. = εἶπεν kodd. 1, 13, 28, 69, 124, 346; cařihradské λέγει.
- Mar. IX₃ тако ѡутѣанти Mar. Nic. Zogr. (οὕτως λευκάναι) cum 13, 28, 33, 69, 116, 124, 346, proti cařihrad. i proti AΠ (ty vynechávají οὕτως).
- Mar. X₁₃ вѣштинъ вѣти Mar. Nic. Zogr. cum 1, 69, 124 μέγας γενέσθαι; cařihrad. ~ γεν. μέγας, s nimi i Ostrom. вѣти вѣшнѣ.
- Mar. XII₂₂ послѣдѣ + же (ἐσχάτον + δε) Mar. Zogr. Nic. (послѣдѣ же) cum 1, 13, 33, 69 (add. де); cařihrad ἐσχάτη (bez де) . . . γυνή.
- Mar. XIV₄₁ приидѣ + коньчина Mar. Nic. Zogr. = ἀπέχει + τὸ τέλος add. 13, 69, 124; cařihrad. ἀπέχει (bez přídavku);
- tamtéž v. 43. народъ многоъ Mar. s cařihrad. ὄχλος πολλός; ale Nic. jen народъ s kodd. 13, 69! Zograf народн. — Místa, v nichž souhlasí slov. text řečenými minuskulními kodexy a spolu s A, K, Π, (tedy K^a), neuvádím; také těch je mnoho.

XXXVII) měl toto místo jako rázovitý znak recense cařihradské (τυφλός), jak také je; avšak kodexy A, K, Π (tento aspoň v korektuře), ač se čítají k cařihradským, mají tu také προσαιτης! Tedy proti starším badatelům, kteří stavěli příkře proti sobě recensi cařihradskou na jedné a řecké texty Západní i s latinskou vulgátou na druhé straně, musíme dáti za pravdu v. Sodenovi, když mluví o zvláštní třídě textů cařihradských K^a, s mnohými variantami Západními a i alexandrijskými. Hojně toho doklady najdeme v následujících odstavcích.

Srovnání řeckého byzantského K^a textu s textem překladu staroslověnského.

V příčině *pořádku slov*, v němž si autor třídy textů K^a dovoluje leckdes samostatné změny, většinou se přidržel textu Kⁱ. Od tohoto se uchyluje nejspíše tam, kde paralelní místa z I (W) měla jinak. Mimoto se přidrží v příčině pořádku slov třída K^a textů Západních (I neboli W) v těchto případech:

Mt. 21²⁷ υμιν λεγω = кама глаголю Nic. (Mar. již γὰρ καμῶ s K) — 22⁴⁶ αποκριθῆναι αὐτῷ; zde všecy kodd. sl. οτεκιστητι εμοῦ (Ass. vynecch. εμοῦ) — *Mar.* 3³² περὶ αὐτὸν ὄχλος = о немъ народъ Mar. Nic. (Zogr., evangeliaria silent) — 5⁵ ἐν τ. μνημασιν . . ὀρεσιν = въ гробѣхъ . . въ горахъ Mar. Nic. Zogr. — 5¹⁸ μετ' αὐτοῦ ἦ = съ нимъ былъ Mar. Nic. Zogr. — 8⁷ ταῦτα εὐλογησας = ты благословилъ Mar., Nic. (ты благословешъ), Zogr. — 11¹³ τι ἐρησει = что обрѣшется Nic. (Mar. a Zogr. ~) — 12⁶ εσχάτον πρὸς αὐτοὺς = послѣдъ к нимъ Nic. (Mar. a Zogr. ~) — *Luc.* 4²⁴ λεγω υμιν = γὰρ καμῶ Mar. Nic. (Zogr. silent) — 6³ ο ἰς εἶπεν πρὸς αὐτοὺς = нѣъ рече къ нимъ Mar. Nic. Zogr. — 7¹⁰ εἰς τὸν οἶκον οἱ πεμφθέντες = въ домъ посланнии Mar. Nic. Zogr. — 7⁴⁷ αὐτῆς αἱ ἀμαρτίαι = ѿ грѣш Mar. Nic. Zogr. — 11¹⁹ αὐτοὶ κρίται υμῶν εσονται = ти соудне кама боудѣтъ Nic. (Mar. ~; Zogr. et evangeliaria silent) — 11³⁶ μέρος τι = частн етеръ Zogr. Nic., Mar. (ч. едннъ) — 12⁵ ἐχοντα ἐξουσίαν = имажцадо каастъ Mar. Nic. Zogr.; item evangeliaria — 12²⁸ σημερον ἐν τῷ ἀγρῷ οὗτα = днесь на селѣ сѣиѣ Mar. Nic. Zogr. — 15¹ αὐτῷ ἐγγιζόντες = къ нѣмоу приближаѣште сѧ Mar. Nic. (Zogr. ~, evangeliaria silent) — 17²⁹ θεῖον καὶ πυρ = жюпелъ и огнь Mar. Nic. Zogr. (evang. silent) — 20⁴⁴ αὐτὸν Κυρίον = ѿ γὰ (нарицаатъ) Mar. (Nic. Zogr. ~; evang. silent) — 21¹⁶ ἀδελφῶν καὶ συγγενῶν καὶ φίλων = и братиѣхъ и родомъ и другъ Mar. Nic. (братнѣю) Zogr. — 22⁴ αὐτοῖς παραδω αὐτὸν = имъ прѣдастъ — и Mar. Nic. Zogr. — 22⁵³ ἐστὶ υμῶν = естъ ваша (година) Mar. Nic. Zogr., evang. silent — 23⁵³ οὐδεὶς οὐδεπῶ = никѣтоже никогдаже Mar. Nic. Zogr., (evang. silent). —

Job. 3¹⁹ αὐτῶν πονηρὰ = дѣла нхъ зѣла (!) Ass. Nic. (Mar. Ostr. ~, Zogr. Sav. silent). — 4⁵² τὴν ὥραν παρ' αὐτῶν = годинъ ѿ нхъ Ass. (ѣнъ!) Ostr. Mar. Nic. Zogr. (часъ) (Sava silent) — 5³⁷ πῶποτε ἀκηροατε = никѣдеже слышасте Mar. Nic. Zogr. Ostr., (Ass. никѣто не слышнтъ) — 6⁵ τοὺς ὀφθαλμοὺς ο ἰς = (възвѣдѣже) очи нѣ Mar. Nic. Zogr. (Ass. Ostr. ~) — 6³³ διδούς ζωὴν = даѣи жикота Mar. Nic. (жикотъ) Zogr. Ostr. Ass. (д. ж. есѣмоу м.) — 6⁵² τὴν σὰρκα δοῦναι = плѣтъ (своѣ) дати Ass. Ostr., (Mar. Nic. Zogr. ~) — 6⁶⁶ τῶν μαθη-

των αυτου απληθον = οὔτ' αἰχενникъ εἶς ηδ' κ' ἐκπατή Mar. Nic. Zogr. Ass. Ostr. — 7₄ τι εν κρυπτῳ = ничесоже въ таинѣ Ostr. Nic. (Mar. Zogr. Ass. ~) — 7₁₀ εις την εορτην α τοτε = въ праздниκѣ Mar. Nic. Zogr. Ass. — 7₃₂ αρχιε- ρεις . . . φαρισαιοι = архiereи и фарисеи Mar. Nic. (архiereѣ . . . фарисеѣ); ib. υπηρετας α ινα = слугы α да Mar. Nic. Zogr. — 7₃₈ ο λογος ουτος = слово сѣ Mar. Nic. Zogr. — 10₃₂ εργα καλα = дѣла добра Mar. Nic. Zogr. Ass. Ostr. — 10₃₉ αυτον παλιν = εἰς пакы Mar. Nic. Zogr. — 10₄₂ εις αυτον εκει = въ него тоу Mar. Zogr., Nic. (вънѣтоу) — 11₉ ωραι εισι = годинѣ естѣ Mar., Nic. (го- дѣны еста), Zogr. (часа естѣ); Ass. Ostr. Sav. — 13₃₃ εγω υπαγω = азъ ηδ' — 14₃ τοπον υμιν = мѣсто камъ omnes — 17₁₉ ωσιν και αυτοι = да бѣдѣтъ и ти Mar. Nic. (да бѣдоутъ и ти), Ass. Ostr., Sav. (ом и) — 18₃₉ απολυσω υμιν² = οὔτ'поушѣ камъ omnes² — 20₁₅ αυτον εδηκας = и еси положилъ Mar. Nic. (Zogr. Sava silent, Ostr. ~).¹³

2. Druhé, co jsem na základě v. Soden a zjistil je, že staroslov. text stejně jako K^a se shoduje se čteními Západními (I, W), a sice v *přidavcích*, na těchto místech:

Mat. 7₂₉ αυτων ἢ γραμματεεις Ass. Sav. Mar. Nic. Zogr. (Ostr. om) — 14₂₅ ἰς ἡ αυτους omnes (exc. Nic.) — 20₄ μου ἢ ἀμπελωνα omnes — 20₂₃ τουτο α δουναι = сего дати Mar. Nic. Zogr. — 23₂₃ δε α εδει = сн же (подобае) Mar. Nic. Zogr. — 26₂₀ μαθητων = οἰχеникома omnes — 28₁₉ ουν ἢ πορευθεντες = шѣдѣше оубо omnes. — Mar. 3₅ σου ἢ χειρα = р. твоѣ omnes — 3₃₁ αυτου ἢ αδελφοι = бр. εἰς Nic. (Mar. om., Zogr. et evgl. silent) — 5₃₈ και α κλαιοντας = и плачущѣ сѣ Mar. Nic. Zogr. (evgl. silent) — 16₁₉ ἰς ἢ ἄς = гѣ же иѣъ Mar. Nic. Ass. Ostr. (Zogr. Sav. silent) — Luc. 6₂₈ παντες α οι = въсн члѣци Mar. Nic. Zogr. 7₄ αυτω ἢ λεγοντες = гѣше емоу Ass. Sav. Nic. Zogr. (Mar. Ostr. om.) — 9₂₃ καθ ημεραν = по въсѣ дѣни Mar. Nic. Zogr. (evgl. silent) — 9₅₅ και — σωσαι = и рече — спасти Nic. Zogr. (in Mar. adscr.) — 10₁₁ εις τους ποδας ημων = на но- гахъ нашихъ Nic. Zogr. (Mar. om., evgl. silent) — 11₄₂ δε α εδει = (сн) же подо- баше Mar. Nic. Zogr. (evgl. silent) — 16₂₉ δε ἢ λεγει = гѣ же omnes (exc. Nic., silet) — 22₁₈ απο του νυν = οὔτ' сѣлѣ Mar. Nic. Zogr. (sed α πτω) — 22₃₀ εν τη βασιλεια μου ἢ траπεζης μου = въ црѣствѣи м. Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.) — 23₈ χρονου ἢ ικανου = ωтъ многа врѣмени Nic. Zogr., Mar. (οὔτ' мѣногъ врѣмени); evgl. sil. — 24₄₃ και τα επιλοιπα εδωκεν αυτοις ἢ εφαγον = проче (снс и) дастъ имъ Mar. Nic. Zogr. Ass. (Ostr. om., Sav. sil.) — Job. 1₃₈ δε ἢ στραφεις = обращѣтъ же Mar. Nic. Zogr. — 2₄ και α λεγει = и глагола Nic. (reliqui om.) — 5₁₁ ο δε α απεκριθη = онъ же οὔтѣ. omnes — 6₁₀ ουν α ανεπεσον = възлѣже оубо omnes (exc. Sav. sil.) — 6₁₅ παλιν α εις = пакы въ горѣ omnes (Sav. sil.) — 6₇₀ ο ἰς ἢ αυ-

¹³ V staroslov. textu nejsou sice všechna místa s čteními Západními, která zde vypočítává v. Soden v textě řeckém (l. c. str. 1166) — z 62 míst řeckého K^a textu je v staroslov. překladu 43 — tedy dobré dvě třetiny. Ostatní čtení Západní byla již v kodexech staroslov. zatlačena čteními K. Ostatně nahlédneme-li blíže do třídy řeckých kodexů K^a, přesvědčíme se, že v. Soden sám staví v čelo této třídy kodex Π (ε 73) ostatní pak (nevýjimajíc ani kodd. Α, Κ) všelijak za ním pokulhávají, t. j. i v nich jsou již zatlačena některá starší čtení Západní mladšími cařihradskými.

τοῖς = нмѣ нѣ Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.) — 7₃₂ add. οὐν ἢ ηκουσαν = слы-
шаша же Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.) — 8₁₄ υμεῖς—υπαγω = кѣ же не вѣсте ...
и камо идѣ omnes (Sav. sil.) — 9₈ δε ἢ οὗτος = съ ли omnes (Sav. sil.) — 10₈ προ-
εμου ἢ ἤλθον = приде прѣждѣ мене omnes (exc. Sav. sil.) — 13₁₈ γὰρ ἢ εγω = азъ
бо Mar. Nic. Zogr. — 13₂₃ εκ ἢ εἰς = отъ оученикѣ Mar. Nic. Zogr. — 14₂ οτι α πο-
ρευομαι = ꙗко идѣ omnes — 16₁₉ δε ἢ εγγω = разоумѣ же Mar. Zogr. Ass. Sav.,
Ostr. разоумѣ же, (Nic. sil.) — 19₃ και ηρχοντο προς αυτον = и приходящихъ
къ нему omnes (exc. Mar. om.) — 19₃₅ και ἢ ινα = да и (кѣ) Nic. Ostr. Zogr.
(Mar. om., rel. sil.) — 20₁₆ εβραισι α ραββουνι = Ass. Nik. (Mar. Ostr. om.,
Zogr. Sav. sil.)¹⁴

3. Proti tomu však K^a a s ním i texty staroslov. *nesdílejí* přídavky, které se
čtou v Kⁱ; takové jsou: *Mat.* 4₁₀ οπισω μου = иди за мѣ соотого Mar. Ostr.;
Ass. Sav. Nic. отиди с., Zogr. отиди днѣколе — 19₂ αυτω; γλῆψις Mar. et om-
nes (sine αυτω) — 19₂₅ αυτου ἢ^{14a} μαθηται, Ass. Mar. Nic. Zogr. оученици; Ostr.
Sav. add. εго — 26₁₇ αυτω, Ass. Nic. om; reliqui addunt — 26₄₅ αυτου ἢ μαθητ.,
Ass. Sav. Mar. Nic.; Ostr. add. сконмѣ (Zogr. sil.) — *Mar.* 1₂ εμπροσθεν σου,
Ass. Sav. Nic.; Mar. Zogr. Ostr. add. прѣдѣ токоуж — 2₂₁ και α ουδεις Nic.
om.; Mar. Zogr. add. ι — 3₅ υγιης ως η αλλη, omnes slav. sic; exc. Nic. om.
— 8₁ ο Ιῃ, Mar. Zogr.; Nic. om. — 9₄₁ μου ἢ ονοματι Ost. add. мое; rel. om.
— 11₁₄ ο Ιῃ, Mar. Zogr. нѣ, Nic. om. — 14₂₅ δε ἢ αμην, Mar. (аминѣ) же, Nic.
Zogr. om. — 14₄₃ ων, Mar. Nic. Zogr. om. —

Luc. 6₁₀ υγιης, om omnes (exc. Sav. sil.) — 6₃₀ δε ἢ παντι, Nic. Zogr. om,
Mar. add. же — 10₁₂ δε ἢ λεγω, Zogr. om; Mar. Nic. add. же — 10₂₂ και στρα-
φεις προς τους μαθητας ειπεν, Nic. Zogr. om; Mar. add. ι οβραшитъ сѣ къ оу-
рче — 13₃₅ αν ἢ εως, ηξει Mar. (дондеже) придетѣ, Nic. om (reliqui sil.) — 14₂₁
εκεινος ἢ δουλος Mar. Ass. Ostr. Sav. ραβѣ τѣ; Nic. Zogr. om — 15₂₄ και ἢ αν-
εξησεν Nic. solus add. и, rel. om — 16₂ σου Nic. solus add. твою; Mar. Zogr.
om (evgl. sil.) — 17₃ εις σε, Mar. add. тебѣ; Ass. Ostr. Sav. Zogr. om (Nic.
sil.) — 18₁₃ εις ἢ ετυπεν Ass. Sav. кѣ прѣш; Mar. Nic. Zogr. Ostr. om — 18₂₀
σου ἢ μητερα Ass. Ostr. Mar. add. твоуж; Nic. Zogr. Sav. om — 20₁₄ δευτε,
Mar. add. придѣте; Nic. Zogr. om — 21₂ και ἢ τινα, Mar. и единѣ; rel. om
— 22₄₇ δε ἢ еτι; Zogr. om, Mar. Nic. Ostr. add. (Ass. Sav. sil.) — 22₅₄ αυτον
ἢ εισηγαγον, Mar. Nic. Ostr. add и, Zogr. om, (Ass. Sav. sil.) — 22₆₂ ο Πετρος,
Mar. Nic. Zogr. add. Петръ; Ostr. om.

Joh. 6₇ αυτων ἢ εκαστος, Mar. Zogr. Ass. add. нхѣ; Nic. Ostr. om (Sav. sil.)
— 6₉ εν ἢ παιδαριον, Mar. Zogr. Ass. add. единѣ; Nic. Ostr. om — 6₁₁ τοῖς
μαθηταις οι δε μαθηται, Mar. Zogr. Ass. Ostr. add. оученикомѣ и оученици;
Nic. solus om. — 6₂₂ εκεινο εις ο ενεβησαν οι μαθηται αυτου, Ass. Ostr. Mar.
Zogr. add. τѣ κѣ нѣже кннидѣ оученици εго; Nic. om. — 6₆₈ οὐν ἢ αλεκριθη,

¹⁴ Tentýž zjev jako v předešlém máme i zde. V kodexech řeckých třídy K^a napočítal v. Soden 55 míst, kde tato třída proti obecnému čtení udržuje přídavky ze čtení Západních; v kodd. starosl. jsem napočítal takových míst 37, tedy opět asi dvě třetiny, neboli jen o třetinu méně nežli v řeckých.

^{14a} ἢ = post, α = ante, om = omittit.

omnes om. (exc. Sav. sil.)—7₉ δε ἢ ταυτα, omnes om.—7₂₆ αλεθως ἢ εστιν, omnes om.—8₂₀ ο Ιξ, Ass. Ostr. Mar. add. ηξ; Nic. Zogr. om. (Sav. sil.)—8₄₆ δε ἢ ει, Mar. αητε λι, Ass. Ostr. Nic. Zogr. om. λι (Sav. sil.)—8₅₃ συ α ποιεις, Ass. Mar. Zogr. τῃ, Nic. Ostr. om.—9₄₁ ουν ἢ η, omnes om. (Sav. sil.)—10₃₃ λεγοντες ἢ Ιουδαιοι, omnes add.; Nic. om. (Sav. sil.)—11₄₁ ο τεθνηκως κειμενος, Ostr. Sav. Mar. ηδεже бѣ оумерѣ лежѣ; Ass. Nic. Zogr. om.—11₅₇ (δεδωκαν δε)και; Mar. Nic. Zogr. om.—13₃₈ αυτω ἢ απεκριθη, Mar. Zogr. add. εμοϋ; Nic. om.—14₁₂ μου ἢ πατερα, om. omnes—14₂₈ ειπον ἢ οτι, Mar. add. ρѣхѣ; rel. om.—16₁₇ εγω α υπαγω, omnes om. (exc. Nic. sil.)—18₆ οτι α εγω, omnes om.—18₂₅ ουν ἢ ηρηησατο, Mar. Zogr. онъ же, отъверъже сѣ; Nic. Ass. Ostr. Savv. om. же—19₃₆ απ α αυτου, Nic. Zogr. Ass. Ostr. отъ него; Mar. его (Sav. sil.)—19₄₀ εν α οθονιοις, omnes om. (ризамн)—20₁₄ και α ταυτα, η сн Ostr. Ass.; Mar. Nic. om. (Zogr. Sav. sil.).¹⁵

4. Zbývá přehlédnouti ještě některá místa, která si třída K^a zachovala z čtení Západních proti znění Kⁱ; jsou důležitá, protože se jimi text K^a odráží od ostatních tříd (K) recense byzantské. Jsou to zejména tato:

Mat. 16₃ δυνασθε (pro συνιετε), Mar. Nic. не можете (Zogr. sil.)—19₅ προσκολληθησεται (pro κολληθι). Nic. Ostr. прилѣпнѣ сѣ къ женѣ; Ass. Mar. Zogr. п. женѣ, Sav. п. еѣ—20₂ συμφωνησας δε (και σ.) omnes—23₄ δε (pro γαρ) Mar. Nic. Zogr. же; Ass. Ostr. бѣ (Sav. sil.)—23₂₅ ακρασιας (αδικιας), Mar. Nic. Zogr. нечистоты (evgl. sil.)—24₄₅ οικειας (θεραπειας), omnes (δομοϋ)—26₅₂ απολουνται (αποθανουνται) omnes погыбнѣтъ (Sav. погыбѣхѣтъ)—

Mar. 5₉ λεγει (αποκριθη), γλῶττα Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.)—5₁₄ ηλθον (εξηλθον) приѣхѣ Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.)—5₁₉ και (ο δε Ιξ) Nic. η (не дастъ); Mar. Zogr. ιѣ же—9₁₉ αυτοις (αυτω) Sav. имѣ, Mar. εμοϋ; Ass. Ostr. Nic. Zogr. om. utrumque.—

Luc. 2₂₁ αυτον (το παιδιον), omnes η—8₂₂ εγενετο δε (και εγ.) Mar. Nic. Zogr. бѣ же—9₅₀ υμων bis (ημων) Mar. Nic. Zogr. на кѣ ... по васѣ—12₁₅ πασης (της), Mar. Nic. Zogr. кѣкого—14₅ ονος (υιος), οςѣλѣ omnes—18₇ μακροθυμει (—μων), omnes трѣпнѣтъ—21₁₅ η (ουδε) omnes η, Ostr. ηη—21₂₅ εχους (—ουσης), omnes шюма—22₃₄ εως (πριν η), дондеже Mar. Nic. Zogr. (evgl. sil.)—22₆₃ αυτον (τον Ιν) Zogr. η; Mar. Nic. Ostr. ηѣ (Ass. Sav. sil.)—23₄₆ τουτο (ταυτα) omnes сѣ.—

Job. 2₈ οι δε (και³) они же Nic. Zogr. Ass. Ostr.; Mar. ι (Sav. sil.)—7₈ ουκ (ουπω) Nic. Zogr. Ostr. не; Ass. Mar. не оу—7₉ αυτος (αυτοις) omnes самѣ (Sav. sil.)—9₈ προσαιτης (τυφος) проснѣтъ Ass. Nic. Zogr.; Mar. Ostr. слѣпѣ (Sav. sil.)—12₇ ινα ... τερηση (τετηρηκεν), Nic. Zogr. да сѣблѣдетъ, Mar. сѣблѣде—12₃₅ εν υμιν (μεθ υμων) Mar. Nic. Zogr. къ васѣ, evgliaria item—12₄₇ φυλαξη (πιστευση) Ass. Mar. Nic. Zogr. сѣхраннѣтъ; Ostr. вѣроуѣтъ (Sav. sil.)—15₁₁ η (μεινη) вѣдетъ omnes (exc. Sav. sil.)—18₃₁ δε (ουν²), же omnes sic—

¹⁵ Také v této skupině se přidržují kodexy staroslov. řecké třídy K^a skoro v témž poměru jako dříve. Podle v. Sodena je v řeckých textech toho druhu 97 míst; v staroslov. jsem jich našel 53.

19₁₄ ην (δε) þ ωα, Mar. Zogr. ροδнна ек; Nic. Ostr. r. же ек (též kodex K Cyprius a minusc. 127 ωα δε ην); Ass. r. же ек кко τρκτηκα! — 19₂₈ ειδως (ιδων) Mar. Zogr. екдм (Nic. екдк); evangliaria item екдм.¹⁸

Z uvedených dokladů, podle jednotlivých skupin, je vidět, že staroslov. text je téhož rázu, jako skupina řeckých textů K^a t. j. jádro je recense byzantské s příměsky čtení Západních. V. Soden se zabýval zvláště otázkou, pro nás podružnou, podle kterých zásad nebo z jakého hlediska byl utvořen tento *smíšený* text K^a z textů W (neboli I) a K^I (neboli cařihradského textu v nejstarší jeho podobě).¹⁷ V. Soden tvrdí, že autor této třídy řeckého (K^a) textu bral pravidelně za základ čtení byzantská, při tom však že podržel z čtení Západních místa podepřená *paralelami*. Po stránce gramatické se prý držel, až na jisté výjimky, textu cařihradského (K^I). Uvádět zde výjimky toho druhu by bylo bez užítku ano zbytečné, ježto se toho druhu rozdíly v překladu staroslov. nijak neobrazují.

Zato připomenu k hořejším dokladům důležitou poznámku, že se totiž veliký počet růzností, která přešla ze čtení Západních do třídy K^a, čte i v textech alexandrijských. Podle v. Sodena platí to o různostech týkajících se *pořádku slov* ze tří čtvrtí (neboli 75%, viz l. c. str. 1166). Proto jsem výše řekl, že třída K^a je text recense byzantské s četnými variantami Západními i alexandrijskými, jak také ukazuje exponent při značce K^a. Tato okolnost vedla v. Sodena, jak již bylo řečeno, k domněnce, že se snad neznámý autor třídy K^a textů, zejména tam, kde byl na vahách, kromě čtení cařihradského a Západního, ohlížel i na čtení alexandrijská (l. c. 1167).

5. Na konec připojuji dva praktické výsledky dosavadního badání o naší věci. První se týká stupně, ke kterému jsme došli v záhadě staroslov. překladu po této stránce. Jak známo, přijímají slavisté od dob Dobrovského, že staroslov. překlad Písma je recense byzantské. Avšak, jak jsem již jinde připomenul,¹⁸ sám Dobrovský přidával k této obecné charakteristice některé podrobnosti, které nelze na pohled snadno s jeho obecným tvrzením spojit v jedno a zahrnout všechny vlastnosti staroslov. textu v jeden rámec. Bližším zkoumáním však třídy K^a textu byzantského, v jehož čele stojí kodexy A K II, jsem přišel k tomu, že předloha staroslov. překladu náleží do této třídy a že jeho různorodé varianty jsou slučitelný s charakterem textu byzantského. Vychodiskem mi byla místa, která v řeckých kodexech jsou obsažena buď *vylučně* nebo aspoň

¹⁸ V řeckých kodexech této skupiny se zachovalo poměrně více čtení Západních nežli je v překladu staroslov. doloženo; v oněch jich uvádí v. Soden 77, v našich jsem jich zjistil 32. Připomenouti však sluší, že jsou v textě řeckém místa, o kterých nelze s jistotou říci, měl-li slov. překladatel před sebou jedno nebo druhé znění; tak na př. ze slov. ои τισοττω Mar. 14₄₀ nevidím, bylo-li v předloze οφθ. καταβαρυνόμενον (W) nebo ο. βαρυνόμενοι; podobně u Luc. 22₂₇ οὐχ α οὐχ; tamtéž v. 34 εφθ²—ελεν; Joh. 16₂₅ ἀπαγγελῶ—ἀναγγελῶ a pod.

¹⁷ Viz u Sodena § 236 Die Art der Textmischung (l. c. 1104 násl.).

¹⁸ Srov. čl. Dobrovský a biblická kritika (ve Sborníku statí k stému výročí smrti Josefa Dobrovského), str. 365 násl.

značným počtem.¹⁹ To můžeme, po mém soudu, považovat za pokrok v řešení této otázky, za krok kupředu, který, byť i neodstraňoval všechny pochybnosti, objasňuje mnoho, co bylo dříve na pohled kontradikcí. Takovou nesrovnalostí bylo, když Dobrovský tvrdil, že staroslov. překlad je příbuzný s alexandrijskými kodexy L a minuskulním 33. Dobrovský sice sám tuto nesrovnalost v Slované II (str. 132 v poznámce 11) omlouvá, ale nebylo mu jasné, jak se taková různorodá místa mohou číst v textech byzantských.

Druhé, co z dosavadní práce v tomto oboru plyne, je, že se tu ukazují stinné stránky jednotlivých staroslov. kodexů, pokud se zachovaly. Z rozmanitých statistik, které jsem si při srovnávání textů sestavil, se potvrzuje i zde, že ze čtvero-evangelií má ev. *Nikoljské* nejvíce čtení starších; podobně z evangeliářů je kodex *Assemanův* nejbohatší na čtení starší, kdežto *Ostromířův* evangeliář a čtvero-ev. *Mariinské* v prvé řadě oplývají čteními mladšími. Za mladší čtení považujeme ona místa cařihradská, kterými byla v kodexech smíšených vytlačena starší čtení Západní nebo alexandrijská. Abych vyjádřil věc názorněji číslicemi, napočítal jsem v 82 různočteních: 50 mladších čtení v Marianu, 21 v Zografu a jen 11 v evang. *Nikoljském*; v evangeliářích z 40 variant mladších čtení 28 v *Ostromířovi* a 15 u *Assemana* (v Sav. knize při častých mezerách v textu 4 ml. čtení). To je světlá stránka této statistiky, protože se jí celkem potvrzuje, co jsem jindy jinde zjistil.²⁰

Zde však chci ukázat, jak jsem výše řekl, na stinnou stránku staroslov. textů. Statistika totiž ukazuje nespolehlivost jednotlivých kodexů; nespolehlivost vidím v tom, že při srovnávání variant jsou možné kombinace všeho druhu. Hořejšímu ocenění a povaze kodexů odpovídá, čteme-li na př. v Mar. 2₂₁ starší čtení v Nic. proti Mar. Zogr.,²¹ nebo tamtéž 1₂ u Ass. Sav. Nic. starší čtení proti Ostr. Mar. Zogr.,²² a podobně se čte, že i sám Nic. se svým starším čtením stojí někdy proti všem ostatním (Jan 2₄).²³ Co máme však říci, čteme-li u Jana 19₃₆²⁴ v kodexu *Mariinském* starší čtení proti všem ostatním, nebo v *Ostromířovi* u Luk. 22₆₂ starší čtení proti Mar. Nic. i Zografu.²⁵ Dokonce i Sava stojí jednou (u Jana 9₁₉) se svým starším čtením proti všem ostatním.²⁶

Podobně prapodivně se vyjímá, jdou-li evangeliáře svorně s mladším čtením proti textu tetraevangelií; i tyto kombinace se přiházejí; tak na př. u Mat. 23₄,

¹⁹ Srov. výše uvedená místa z Jana (5₄) a Marka (přes čtyřicet míst).

²⁰ Viz v knize *Evangelium sv. Marka* a jeho poměr k řecké předloze, str. 13 násl.

²¹ Mar. Zogr. i нѣкѣтожъ = καὶ οὐδεὶς z cařihrad.; Nic. om i (καὶ) s kodexy A, K, 1, 13.

²² Mar. Zogr. Ostr. (пѣтъ трѣхъ) + прѣдъ тобожъ = ἐμπροσθεν σου z cařihrad.; Ass. Sav. Nic. om. (s kodd. K, Π).

²³ Nic. н глагола = καὶ λέγει (s kodd. A, K, Π); ostatní vynechávají н (καὶ) s cařihrad.

²⁴ Mar. (кость не съкроушнѣ са) εго = ὁποῦν οὐ συντριβήσεται αὐτοῦ s K^a (H, W); Ass. Ostr. Nic. Zogr. о тѣ ѿго = ὅτ' αὐτοῦ (cařihrad.).

²⁵ ишедъ конъ петръ Mar. Nic. Zogr. s cařihrad.; Ostr. om петръ s třídou K^a (vyjma kod. A).

²⁶ Sava рече н мѣ (αὐτοῖς) s K^a (kodd. A, Π); Mar. εμοῦ γὰρ s cařihrad. (αὐτῶ); Ass. Nic. Ostr. Zogr. om εμοῦ.

stojí Ass. a Ostr. s mlad. čtením proti staršímu čtení v Mar. Nic. Zogr.²⁷ Totéž je i u Jana 6.²⁸ Zásadně vycházíme z předpokladu, že evangeliáře a jim odpovídající texty v čtveroevangelích jakožto původní budou obsahovati starší čtení, ale jak uvedená místa svědčí, není tomu vždycky tak. A přece nelze opustit zásadu, že čtení Západní a alexandrijská jsou starší nežli cařihradská, jakož i tu okolnost, že mladšími čteními byzantskými byla obojí starší čtení čím dál tím více zatlačována. Tyto překvapující ukázky svědčí o veliké nespolehlivosti našich rukopisů. Je však v nich také odpověď některým kritikům, kteří se domnívají, že lze se staroslov. texty operovat tak jako s vyhraněným textem řeckým.²⁹ Tu zbývá ještě mnoho práce předchozí. Až někdo prostuduje aspoň dva první svazky v. Soden a probere se zásadami tam vyloženými aspoň šest řečených kodexů staroslověnských, dá mi za pravdu. Jiná slabá stránka staroslov. překladu, na kterou jsme dlužni dáti odpověď, jsou jeho domnělá nebo skutečná místa původu latinského; k tomu se vrátím jindy, až budu mít více látky pohromadě.

²⁷ Ass. сѣхрѣаѣтъ ко, Ostr. сѣхрѣаѣтъ ко s cařihrad. δεσμεύουσι γὰρ – Mar. сѣхрѣаѣтъ же, Nic. Zogr. сѣхрѣаѣтъ же = δεσμ. δὲ se staršími (kod. Π, 1, 33).

²⁸ вѣзведъ же очи нѣ Mar. Nic. Zogr. s třídou Ka (kod. A, K, Π); Ass. Ostr. вѣзведъ нѣтъ очи сѣон s cařihradskými. Toto místo bylo by snad lze omluvit tím, že je na počátku úryvku čtení v evangeliáři, ale ani zde nebylo nutné měnit pořádek slov.

²⁹ Srov. v »Naší Vědě« X. str. 170 násl. posudek mého spisu Evangelium sv. Marka a jeho poměr k řecké předloze (*М. Noba*). Je tu mnoho zbytečných slov a mentorování, ale co by byl p. kritik z mé práce měl a mohl vyčíst, to mu ušlo.

Že zbytečně mentoruje, svědčí dlouhé poučování, co všechno v kritickém aparátě býti má a co nemá (171), nebo dlouhé uvažování, měl-li jsem přibrati větší počet kodexů k srovnávání a pod. (172), a po tom všem onen dodatek: »Arci Vajsovi o kritické vydání nešlo a u různých (!) textů mladších byla celkem malá pravděpodobnost, že by přispěly něčím podstatným k rozřešení otázky, kterou se autor obírá.« Tedy k čemu ono dlouhé povídání.

Co však ušlo p. kritikovi, je právě to, co jsme dnes v této studii hojněji potvrdili a co již v řečené práci o evangeliu sv. Marka tu a tam jako vzácná zrnka prokmitalo. Ale je potřeba, aby měl člověk oči a viděl a nezastavoval se u věcí podružných. Hojnými poznámkami a aparátem, který mně samému se zdál těžkopádný, chtěl jsem docílit větší pozornosti u čtenáře a přes to vše vidím, že aparát, byť i těžkopádný, nebyl zbytečný, ano ani dostatečný; měl být ještě bohatější. Snad přijde čas, až prostudujeme důkladněji texty, že se najde někdo, kdo bude moci na základě těchto přípravných studií pořídit kritické vydání staroslov. textu, ať již po způsobu Tischendorfové nebo v. Sodenové.

Jíž při příležitosti I. sjezdu slov. filologů, když prof. Mazon tlumočil přání Meilletovo, aby se na příště konstruoval text, a pod ním aby byla uváděna různosti, vyslovil jsem námitku, že při tak malém počtu a, jak dnes vidíme, tak nespolehlivých rukopisů, je těžko tento text rekonstruovat, a pokusí-li se někdo o to nyní, bude to práce, neříkám marná, ale z veliké části nepřesná, protože předčasná. Trvám na tvrzení, že je potřeba dříve texty blíže probádat a pak teprve se můžeme odvážit rekonstrukce textu. I o tom jsem dávno s prof. Dobschützem uvažoval, že bude účelnější vycházet od evangeliářů, ale i zde, jak jsme v této studii viděli, hatí se naše výpočty. Snad se časem věc objasní. Ani to není nemožné, že by byl někdo text evangeliáře podle nějakého mladšího kodexu opravoval, nebo že čtveroevang. bylo pořízeno podle staršího textu nežli evangeliáře. Ale jsou okolnosti, které tomu odporují. Uvážíme-li všechno, jde nám hlava kolem; každý sebe menší kladný příspěvek je vítán; jen negativní práce nám nepomůže.

DIE BYZANTINISCHE REZENSION U. DIE ALTKIRCHEN-SLAVISCHEN EVANGELIEN-KODEXE.

II.

(Resumé.)

Da sich die nichtbyzantinischen Varianten in den echtbyzantinischen Evangelien-Kodexen lange, sogar bis in das XIV. u. XV. Jahrhundert bewahrt haben, wollen wir in diesem Aufsatz die altkirchenslavischen Kodizes, die der byzantinischen Familie gehören, mit ihren Varianten einer näheren Analyse unterziehen.

Von den vielen Klassen des byzantinischen Evangelien-Textes, die in dem Zeitraume vom IV. bis XII. Jahrhundert entstanden sind, finden wir für unseren Zweck hauptsächlich zwei Gruppen brauchbar, welche nämlich v. Soden in seinem großen Werke (II 845) mit Kⁱ und K^a bezeichnet und als die von K stark beeinflussten Texttypen charakterisiert hat. Es sind jene Klassen, welche zwar auf Grund ihres Ursprungs viele sog. Western-Varianten enthalten, dabei aber von dem byzantinischen Texte so gründlich durchkorrigiert sind, daß von ihrem ursprünglichen Ton nur Reste in der Form von Varianten geblieben sind (S. 1163).

Von diesen zwei Klassen ist es wieder hauptsächlich die K^a-Klasse, die uns interessieren kann, da die andere Kⁱ-Klasse, vertreten durch die EFGH-Kodizes, in der Minuskelzeit, also vom IX. Jahrh. an, keine starke Verbreitung gehabt haben dürfte. Die K^a-Klasse dagegen, mit Kodizes AKΠ an der Spitze, rechnet bis heute mehr als 100 Kodexe, von denen A der älteste, Π der beste ist. Auf diese Gruppe wurde meine Aufmerksamkeit dadurch gezogen, da ich einige Stellen der altkirchenslavischen Übersetzung (bes. Joh. V_g) in den genannten Kodexen entweder *ausschließlich* oder als eigentümliche Varianten dieser Klasse *häufig* vertreten gefunden habe.

So habe ich, mit v. Soden's Werke an der Hand, gefunden, daß die altkirchenslavische Übersetzung gleich der K^a-Klasse:

- a) an manchen Stellen die Wortfolge der Western-Texte beibehalten hat;
- b) an mehreren Stellen etwaige Additionen oder auch Omissionen der Western-Lesungen nachgeahmt hat.

Dazu kommen noch einige Fälle, in denen die Leseart von W gegen Kⁱ festgehalten wurde; dieselben sind meistens sowohl in der griechischen K^a-Klasse als auch in den altkirchenslavischen Texten zu finden.

Merkwürdig ist dabei auch der Umstand, daß die in der K^a-Klasse befindlichen Western-Varianten fast alle auch in den alexandrinischen Kodexen zu lesen sind, so daß v. Soden die Meinung ausgesprochen hat, daß vielleicht der Urheber der genannten K^a-Textklasse außer den byzantinischen und abendländischen Kodizes auch einen alexandrinischen zu Rate gezogen hätte.

Wie bekannt gilt seit Dobrovský's Zeiten von der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung eine allgemeine Meinung, dieselbe gehöre der byzan-

tinischen Rezension; unsere nähere Bezeichnung der K^a griechischen Textklasse als die der Vorlage der genannten Übersetzung ist ein wirklicher Fortschritt in der Frage von der Herkunft derselben, umsomehr, da bisweilen Meinungen ausgesprochen wurden, die in den Rahmen der obengesagten Charakteristik nicht hineinpassen.

НА КАКОМЪ ЯЗЫКЪ БЫЛИ НАПИСАНЫ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЯ, ПАННОНСКІЯ ЖИТІЯ?

Паннонскія Житія дошли до насъ въ рядѣ списковъ, писанныхъ на церковно-славянскомъ языкѣ; но уже издавна было высказано мнѣніе, что текстъ ихъ представляетъ переводъ съ недошедшаго до насъ греческаго оригинала. Этимъ вопросомъ особенно внимательно занимался русскій учёный, проф. А. Д. ВОРОНОВЪ. Онъ посвятилъ изученію памятниковъ по исторіи дѣятельности свв. Кирилла (Константина) и Меѳодія большую интересную работу: «Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія» (Кіевъ, 1877 г., 331 + XX стр.). На основаніи изученія текста Паннонскихъ Житій (стр. 9—108) онъ въ ней приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ (стр. 107—8): 1. оба Житія написаны однимъ лицомъ; 2. авторъ ихъ былъ Славянинъ, и именно, Славянинъ южный — Болгаринъ; 3. Житія дошли до насъ въ славянскомъ переводѣ съ греческаго оригинала, который не сохранился.

Доказывая принадлежность обоихъ Житій одному автору, ВОРОНОВЪ между прочимъ указываетъ на сходство словъ и выраженій, употребляемыхъ въ томъ и другомъ Житіи (на одинаковый лексическій составъ ихъ — стр. 34). При этомъ однако онъ не замѣчаетъ, что однородность славянскаго лексическаго состава могла бы говорить, съ его точки зрѣнія, лишь за тождество переводчиковъ, а не авторовъ, такъ какъ одно и то же греческое выраженіе, одинъ и тотъ же оборотъ могутъ быть разнo переданы различными переводчиками, и наоборотъ — различныя греческія слова (синонимическаго значенія) могутъ быть выражены однимъ и тѣмъ же славянскимъ словомъ, если одно и то же лицо является переводчикомъ произведеній разныхъ авторовъ.

Въ недавнее время соображенія А. Д. ВОРОНОВА были вновь разсмотрѣны акад. П. А. ЛАВРОВЫМЪ въ его книгѣ: «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві» (У Київі, 1928, 405 стр.), гдѣ онъ посвящаетъ занимающему насъ вопросу цѣлую главу: «Питання про мову моравсько-паннонських житій» (стр. 88—92). Ак. Лавровъ не отрицаетъ возможности существованія наряду съ славянскими Житіями и житій, написанныхъ на греческомъ или латинскомъ языкѣ; но указываетъ, что греческихъ житій не дошло до насъ ни одного, латинское же дошло въ такъ называемой Итальянской легендѣ, которая представляетъ много сходства съ славянскимъ текстомъ Житія св. Кирилла (Константина), но тѣмъ не менѣе является совершенно самостоятельнымъ произведеніемъ. Далѣе П. А. Лавровъ приводитъ и основанія, которыя заставляютъ думать, что авторъ Паннонскихъ Житій пользовался не греческимъ, а именно церковно-славянскимъ языкомъ: лёгкость

и правильность его славянского стиля и языка, языка, выработанного прославляемыми имъ Первоучителями, и употребленіе котораго они такъ горячо защищали, затѣмъ многочисленные моравизмы, замѣчающіеся въ языкѣ Житій (стр. 91—92), напр. ЖК. I жадаа на покланіе, добръ дѣа, V, XIII сънемъ, VI радъ ндѹ, размѣшаеи (sc. единъ богъ) на три, VII година = hora, VIII опаете сѧ о немъ (о градѣ), IX щедрѹи господи, къ чести имѣетъ, X чести дѣемъ, чьстивъ, къпросити на стаза, примѣсити сѧ, прикладомъ, XI доспѣти, XII слатина, лакомяство оутѣха, вѣчерати, секира, XVIII сѣѣтити надъ нимъ днь и ношъ. ЖМ. I сънемъ, IV рачити, V рѣчь (= res), VIII ключедръжацъ, доспѣхомъ, IX изница, дѣетъ онъ (= dicit), XI мѣша, кѣпетра, XVII свобода мжжъ и др. Можетъ быть, въ этотъ списокъ слѣдовало бы внести ещё и такія слова, какъ малжена два (ЖК. XI), трѹди сѧ до нѹхъ (ЖК. XII), потрѹди сѧ до насъ (ЖМ. XIII), вѣглави (ЖК. XV), вискупѹи (ЖК. XVI). Эти моравизмы указывали бы на написаніе Житій въ мѣстѣ дѣятельности св. Братъевъ. Затѣмъ, были ли авторы (или авторъ) Житій южные Славяне или западные, во всякомъ случаѣ ясно, что они предназначали свои произведенія для Славянъ, а не для Грековъ.

Не всѣ доказательства, приведенныя покойнымъ П. А. ЛАВРОВЫМЪ, являются достаточно сильными, чтобы окончательно отвергнуть возможность греческаго оригинала для Паннонскихъ Житій. Такъ, лёгкость и правильность славянской рѣчи были отмѣчены во многихъ переводахъ съ греческаго языка на славянской (напр. Горскимъ и Невоструевымъ въ ихъ «Описаніи слав. рукописей Синод. библіотеки»); больше значенія имѣетъ указаніе на моравизмы. Хотя подобные моравизмы встрѣчаются и въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка на славянской, какъ это доказалъ акад. А. И. Соболевскій, однако они свидѣтельствуя о мѣстѣ и времени составленія Житій. Какъ извѣстно, обычно принимается, что Житіе св. Кирилла (Константина) написано было ещё при жизни св. Меѳодія (была высказываема даже мысль, что авторомъ его могъ быть самъ св. Меѳодій; послѣднему однако, по моему мнѣнію, противорѣчитъ уже самая легендарность и неточность Житія, особенно въ разсказѣ о дѣтствѣ и отрочествѣ Константина), Житіе же св. Меѳодія признаётся написаннымъ очень скоро послѣ его смерти, ещё до начала гоненій на его учениковъ. Если принять эти мнѣнія, а они являются наиболѣе обоснованными (между прочимъ и присутствіемъ вышеуказанныхъ моравизмовъ), то оба Житія должны были явиться въ области дѣятельности св. Братъевъ: въ Панноніи, Моравіи, или быть можетъ, въ Чехіи. А въ такомъ случаѣ составленіе Житій на греческомъ языкѣ противорѣчило бы и всему характеру и направленію дѣятельности св. Первоучителей и не имѣло бы смысла въ такой средѣ, гдѣ наиболѣе просвѣщенные люди могли ещё понимать латинскій текстъ, но отнюдь не греческій. Въ подтвержденіе мысли о греческомъ оригиналѣ Паннон-

скихъ Житій указываютъ на греческое Житіе св. Климента Великаго, ученика св. Братъевъ, но условія его появленія только подтверждаютъ невозможность составленія Паннонскихъ Житій на греческомъ языкѣ, такъ какъ Климентово Житіе написано Грекомъ (архіеп. Теофилактомъ? — автора же Паннонскихъ Житій и Вороновъ признаётъ Славяниномъ) и притомъ въ такой области, гдѣ было очень сильно вліяніе греческой культуры, именно въ Македоніи, но не въ Моравіи, или Панноніи. Составленіе же Паннонскихъ Житій именно въ области западныхъ, а не южныхъ Славянъ подтверждается и свидѣтельствомъ хорватскихъ глаголическихъ богослужебныхъ книгъ XIV вѣка. Именно, въ нихъ мы находимъ значительные отрывки изъ Житія св. Кирилла, а между тѣмъ всѣ службы съ этими житійными отрывками проникли въ Хорватію не изъ Болгаріи, а изъ Чехіи, что доказывается упоминаніемъ въ нихъ: плку чешкому (изд. у Воронова, стр. 1, изд. Лаврова, стр. 128), народи чешские (Вор. стр. X, Лавр. стр. 136), землю чешку, в чещѣи земли (Вор. стр. XIV, Лавр. стр. 139). Очевидно, славянское богослуженіе и вызванная имъ слав. литературная дѣятельность послѣ смерти св. Меѳодія, а можетъ быть даже въ концѣ его дѣятельности передвинулись изъ области Словаковъ (съ Моравы) на западъ — въ Чехію, гдѣ должны были болѣе приспособиться къ требованіямъ римской Церкви, къ латинскому обряду: на это указываютъ намъ и Кіевскіе глаголическіе листки и Житія свв. Людмилы и Вячеслава и даже Житіе св. Меѳодія: необходимымъ условіемъ для его преемника было, чтобы онъ былъ «добръ оучень въ латинскиа книги». Къ этой эпохѣ, т. е. къ концу IX или началу X вѣка и надо относить возникновеніе чешскаго вліянія въ Хорватіи.¹

Но не только эти соображенія указываютъ на то, что Житія были написаны на славянскомъ, а не на греческомъ языкѣ; Житія представляютъ намъ и фактическія подтвержденія этого. Такими являются цитаты изъ книгъ Св. Писанія, въ большомъ количествѣ находящіяся въ Житіяхъ (особенно въ ЖК.) Это очевидно замѣтилъ и покойный П. А. Лавровъ, который далъ въ своей вышеуказанной книгѣ «Кир. та Мет.» въ видѣ добавленія (додатокъ № 3): «Тексты з Святого Письма у Житіяхъ Кирила та Методія» (стр. 317—329). Къ сожалѣнію, эта часть его труда представляетъ, повидимому, черновые наброски, которые покойный авторъ не успѣлъ обработать вполне. Даже извлечены не всѣ тексты (ос. изъ Житія св. Меѳодія) и заключенія автора очень кратки и носятъ слишкомъ общій характеръ: (стр. 329) «З поданихъ зіставленнѣ

¹ Совершенно недопустимо предположеніе *Воронова* (стр. 217—218), что перенесеніе этихъ службъ съ отрывками изъ Житія св. Кирилла изъ Чехіи въ Хорватію могло произойти въ эпоху Карла IV, такъ какъ тогда происходило какъ разъ обратное явленіе — призывъ въ Чехію хорватскихъ монаховъ-глаголящей съ ихъ богослужебными глаголическими книгами хорватской редакціи.

можна бачити, що, не вважаючи на пізні списки Кирилового Житія, у запроваджених до нього читаннях частенько зберігається старовина. Надто помітно це в старших текстах Євангелії, Псалтири, Апостола... Так само чимала схожість з паремійними читаннями. Куди менша схожість з текстами в тлумаченнях пророків, до того-ж Житіє, можна вважати, дає швидше давніші читання... Подекуди в Житії подано не точний та докладний текст, а лиш виклад під впливом біблійного тексту.» Замѣчанія эти въ общемъ вѣрны, но слѣдуетъ болѣе внимательно и подробно разсмотрѣть особенности текста, даваемого въ цитатахъ. Одна изъ нихъ такъ велика (взято цѣлыхъ 35 стиховъ изъ I посл. ап. Павла къ Коринѳянамъ, 14₅₋₄₀, см. ЖК. XVI), и такъ точно совпадаетъ съ древнѣйшимъ текстомъ Апостола,² что заимствование еѣ изъ готового славянскаго перевода, простое списывание еѣ оттуда является совершенно несомнѣннымъ. Прочія цитаты вообще довольно кратки и поскольку является возможность сравнить ихъ текстъ съ первоначальнымъ славянскимъ переводомъ, въ общемъ сохраняють его, но почти всѣ съ большими или меньшими отклоненіями. Наилучшую сохранность мы находимъ въ цитатахъ изъ Псалмовъ: ЖК. X (рече бо въ ѿлавлѣхъ) нбо чловѣкъ мира моего на нѣ же оуповахъ; ср. Пс. 40₁₀ Ибо члвкъ мира моего на нѣже оуповахъ (Бол., Пог., Син. Пс. и др.); XV (пророку глаголющю ш семъ:) пожри богехи жертвоу хвалѣ, и въздаждь вышнемуу молитвы (вар. вебѣты) твоа, ср. Пс. 49₁₄ пожри бѣи (Пог. Соф. Бук., бѣу Бол. Син.) жрътѣж хвалѣ (-лж Син.) и въздаждь вышнемуу вебѣты твоа (своа Син.); XVI (Давидъ бо вопіетъ глагола) понте господехи кса земла, понте господехи пѣснь новоу; (И пакы): въскликнете господехи кса земла. Понте и възвеселите сѧ, и въспонте. (И дроугоако): кса земла да поклонитсѧ, и да поетъ тебѣ, да поють же имени твоему, вышній. (И пакы): хвалите бога вси языци, похвалите его вси людѣ (И): ксѧко дѣханіе да хвалить господа, ср. Пс. 95, Въспонте гѣи (Син. гѣю) пѣснь новж. Понте гѣи (Син. гѣю) всѣ землѣ. Пс. 97₄ Въскликните гѣи (гѣю Син., бѣу Пог.) всѣ землѣ. Въспонте и радѣйте сѧ и понте. Пс. 65₄ Въск землѣ да поклонитъ ти сѧ и поетъ тебѣ (ти Пог.) Да поютъ же имени твоему вышній. Пс. 116₁ Хвалите га вси языци, похвалите и вси людѣ. Пс. 150₆ Въскко дѣханіе да хвалить га. Различіе заключается лишь въ томъ, что вм. вебѣты поставлено слово молитвы и вм. радѣйте сѧ — находимъ възвеселите сѧ, въ Пс. 95, переставлены части стиха. Подобное же отношеніе мы замѣтимъ и къ тексту Евангелія.

² См. сравненіе текста, произведѣнное П. А. Лавровымъ въ его изданіи ЖК. (Материалы по истории возникновенія древнѣйшей славянской письменности. — Труды слав. комиссии. Т. I. Изд. Ак. Наук.) стр. 31—33.

ЖК. I. Овца моя гласъ мой слышати и азъ знаю я, и именемъ възыкаю я и по мнѣ ходати и даю имъ животъ вѣчныи.

ЖК. VI. Молите за врагы, добро дѣлите ненавидящимъ и, и гонящимъ, и ланитоу обратите бнующимъ.

ЖК. VI. молитѣ за обидящыхъ
Больша сіа любви не можетъ никто же имати на семъ житіи, но да положить свою доушоу за другы.

Иже и сѣмрѣтно что испіете, ничто же васъ не вредитъ.

ЖК. XIV. Искони бѣ слоко и слоко бѣ оу бога, и богъ бѣ слоко.

ЖК. XV. Слышасте, іако речено естъ древнимъ: не сотвориши прелюбы. Изъ же глаголю вамъ, іако всакъ иже възритъ на женоу похотѣти еи, оуже прелюбы с нею сердцемъ своимъ створиша естъ.

Глаголю вамъ, іако иже поуститъ женоу свою развѣи словесе любодѣннаго, творитъ ю прелюбы дѣяти и иже поиметь поущеною шъ моужа прелюбы дѣть.

ЖК. VI. Блгоже естъ приіало ихъ, дастъ имъ область да чада божия боудутъ.

ЖК. VI. Не о сихъ бо въпрашаю токмо, но и въровавшихъ словомъ ихъ к ма, да вси едино боудутъ, іако же и ты, шче, бо мнѣ, а азъ к тебѣ.

Дана ми естъ всака власть на небеси и на земли. Шедше оубо наоучите вса языки, крестаще ѿ во нма шца и сына и скатаго доуха, оущаще а хра-

Ев. Іо 10²⁷. Овца моя гласа моего слышаша. и азъ знаю я и по мнѣ граджь. ²⁸ и азъ животъ вѣчныи даю имъ (ср. Іо 10³ и скою овца гласаша по имени).

Лк 6²⁷ любите врагы ваша, добро творите ненавидящимъ васъ... ²⁸ молитѣ сѣ за творащихъ вамъ обидѣ, ²⁹ бнжцуюмъ тѣмъ въ ланитѣхъ подан другъгъ.

Мѡ 5⁴⁴ = Лк 6²⁷ + гонящихъ вы, Мѡ 5³⁹ кѣто оударитъ тѣмъ въ ланитѣхъ обрати и другъгъ.

Лк 6²⁸ см. выше.

Іо 15¹³ больша сѣмъ любви не имать. да кѣто дѣлж своимъ положить за другы своимъ.

Мр 16¹⁸ иже и сѣмрѣтно чѣто испишъ, ничто же ихъ не вредитъ.

Іо 1¹ Искони бѣ слоко и слоко бѣ отъ ба и бѣ бѣ слоко.

Мѡ 5²⁷ Слышасте бѣко речено бѣ древнимъ. не прѣлюбы сѣтвориши. ²⁸ азъ же глаголю вамъ. бѣко въскѣкъ иже възритъ на женѣ сѣ похотниж. юже любви сѣтвори сѣ нѣжъ въ срдци своемъ.

³² азъ же глѣжъ вамъ. бѣко въскѣкъ поущаши женѣ своимъ развѣи словесе любодѣннаго. творитъ ѣж прѣлюбы дѣяти и иже подѣпѣгъ поимаетъ прѣлюбы творитъ.

Іо 1¹² Блгоже ихъ приіать и дастъ имъ область (ОА Ник., власть 3) члдомъ бжнемъ бѣти.

Іо 17²⁰ не о сихъ же молю тѣкѣмо, нѣ и въроуѣвшихъ словомъ ихъ к ма. ²¹ да вси едино сѣтъ. бѣко же ты отѣе въ мнѣ и азъ къ тебѣ.

Мѡ 28¹⁸ дана ми естъ въскѣка власть на нѣсе и на земли. ¹⁹ шѣдѣше оубо наоучите вса языки, крестаще ѣж въ нма оца и ѣна и сѣаго дѣа. ²⁰

ннѣи всѣмъ, елико заповѣдахъ вамъ, и се азъ с вами есмь во всѣ дни до скончаниа вѣка.

Шедше къ всѣмъ миръ, проповѣдите евангелие все(и) твари: вѣровавѣи и крѣще сѣ, спасетъ сѣ, а не вѣровавѣи осудитъ сѣ. Знаменнѣи же вѣровавѣишихъ поидоуть сѣ: именемъ моимъ вѣсы ижденоуть, языки възглаголють новы.

Горе вамъ книгъчнѣи фарисѣи лицемѣри, яко затвораете царство небесное предъ чловеки, вы бо не входите, и хотащихъ внити не оставляете.

Горе вамъ книгъчнѣи яко възаете ключъ разоумѣнѣи, сами не възходите и хотащимъ внити възбраннѣи.

ЖМ. I. Язъ къ отьци, а отьць къ мнѣ.

Доухъ истиннѣи иже отъ отьца исходитъ.

ЖМ. VIII. Слава въ вышнихъ бо-гоу и на земли миръ, въ чловецѣхъ благоволенне.

Ти бо соуть вѣлци, а не овьца, иже достонѣи отъ плодъ ихъ знати (изгнати) и храни ти сѣ.

ЖМ. XVII. въ роуцѣ твои господи доушу мою възлагаю.

оучающе ѿ бжюсти въсѣ елико заповѣдахъ вамъ. и се азъ съ вами есмь въсѣ дни до скончаниа вѣка.

Мр 16¹⁵ шедше къ всѣмъ миръ, проповѣдите еѣлике въсен твари. ¹⁶ и иже вѣрж имѣти и крѣстити сѣ съпасенѣи бждетъ. а иже не имѣти вѣрѣи, осжж-денѣи бждетъ. ¹⁷ знаменнѣи же вѣроуѣи-щимъ сѣ послѣдствоуѣти. именемъ моимъ вѣсы ижденжѣи. языкы въз-гльжѣи новы.

Мѣ 23¹³ Горе вамъ кънигъчнѣи и фарисѣи лицемѣри. ѣко затварѣте цѣ-ствеи ѣбское прѣдъ члѣкѣи, вы бо не възходите. ни възходящихъ остав-ляете внити.

Лк 11⁵² Горе вамъ законъникомъ. ѣко възаете ключъ разоумѣнѣи сами не вънидете и възходящимъ възбраннѣи.

Ю 14¹⁰ азъ къ отьци и отьць въ мнѣ естъ.

Ю 15²⁶ Доухъ истиннѣи иже отъ отьца исходитъ.

Лк 2¹⁴ Слава въ вышнихъ боу и на земли миръ. въ члѣцхъ благово-ленне.

Мѣ 7¹⁵ Вънемлѣте отъ лъжнихъ пророкъ. иже приходѣи къ вамъ въ одеждахъ овьчахъ. вънжтрѣи же сѣи вѣлци хыштѣи. ¹⁶ отъ плодъ ихъ познаете ѿ.

Лк 23⁴⁶ отьче въ ржцѣ твои прѣ-дажь дѣи мон.

Во всѣхъ этихъ цитатахъ мы находимъ сохранѣнными лексикологию и способъ выражения первоначальнаго славянскаго перевода, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти въ каждой изъ нихъ мы можемъ отмѣтити отклоненіе отъ евангельскаго оригинала. Въ однихъ это будетъ лишь пропускъ или вставка какого-нибудь слова или замѣна одного слова или выраженія другимъ: не можетъ никто же швити на семъ житиѣи вѣи, никто же не имѣти Ю 15¹³, или похотѣти еи вѣи, съ похотнѣи Мѣ 5²⁸, иже поустити вѣи. поущаѣи иѣи, възпрашаю вѣи. молю Ю 17²⁰, хотащихъ внити вѣи. възходящихъ Мѣ 23¹³

и Лк 11⁵²; въ другихъ совсѣмъ вольная передача текста, даже перифразъ его, какъ въ ЖК. VI, гдѣ мы видимъ комбинацію изъ нѣсколькихъ параллельныхъ мѣстъ Лк 6^{27, 29} + Мѡ 5^{44, 39}, или ЖК. I. = Іо 10²⁷ + Іо 10³; иногда авторъ лишь пользуется евангельскимъ текстомъ какъ пособіемъ для выраженія своей мысли, какъ въ ЖМ. VIII. (Мѡ 7¹⁵, Лк 23⁴⁶).

Причина всѣхъ этихъ отклоненій отъ основного текста Св. Писанія, какъ въ цитатахъ изъ Псалтыри и Евангелія, такъ и изъ другихъ библейскихъ книгъ заключается очевидно, въ томъ, что авторъ Житій приводитъ нужные ему тексты на память, не справляясь съ оригиналомъ; поэтому тексты, болѣе знакомые ему, чаще повторяющіеся въ церковной практикѣ, приводятся болѣе точно (напр. Псалмы, или такіе мѣста изъ Евангелія, какъ Іо. 1¹, 14¹⁰, 15²⁶, Лк. 2¹⁴ и т. п.), тексты, рѣже встрѣчающіеся, представляютъ больше различій. То, что тексты приводятся авторомъ на память, подтверждается и нѣкоторыми ошибками, допущенными имъ. Такъ онъ обыкновенно указываетъ, что данная цитата взята изъ извѣстной книги Св. Писанія, напр.: ЖК. X *рече бо къ ѡлаамѣхъ*, или ЖК. XVI *Давидъ бо вопіеть глагола*, но помѣщая выдержку изъ Пс. 49¹⁴, онъ говоритъ очень неопредѣленно: *пророку глаголющу о семъ* ЖК. XV, очевидно самъ не зная точно, гдѣ находится это мѣсто. Цитируя пророчество Исаи: *Исани бо съказаетъ*, авторъ приводитъ его въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ Ев. Мѡ 1²³, что доказывается прибавкой: *«еже естъ, съказавемо съ нами Богъ»*, которой въ книгѣ пр. Исаи нѣтъ. И далѣе онъ говоритъ: *«а Михеа рече»*, но цитируетъ не изъ книги прор. Михея (5²⁻³), а изъ Евангелія Мѡ 2⁶. То же онъ дѣлаетъ и съ пророчествомъ Захаріи 9⁹⁻¹⁰, которое, какъ отмѣтилъ уже и Лавровъ, стр. 322, онъ смѣшалъ съ Ев. Мѡ 21⁵. Говоря о преніи св. Константина съ Евреями, онъ приводитъ его слова въ такомъ видѣ: *азъ о семъ скажу вамъ сице, яко законъ ѿ нарицаетъ закѣтъ, Богъ бо глагола къ Аврааму: даю законъ мой въ плоть вашу и т. д.* — цитируется кн. Быт. 17¹³, но какъ въ славянскомъ переводѣ въ этомъ мѣстѣ стоитъ *закѣтъ*, а не законъ (см. изд. Михайлова), такъ и въ греческомъ текстѣ — *διαθήκη*, а не νόμος: очевидно здѣсь память измѣнила автору. Въ ЖК. XV авторъ сначала ссылается на Евангеліе: *и къ евангелии господь* (Мѡ 5²⁷⁻²⁸, 5³²), а затѣмъ на Апостолъ: *И апостолъ рече*, но приводитъ опять евангельскій текстъ: Мѡ 19⁶. Для насъ здѣсь важно то, что, даже путая и видоизмѣняя текстъ Св. Писанія, авторъ постоянно пользуется именно славянскимъ переводомъ, а не греческимъ оригиналомъ. Можно было бы возразить на это, что не только авторъ, но и переводчикъ, встрѣчая знакомый ему библейскій текстъ, могъ въ соответствующихъ мѣстахъ вносить цитаты изъ славянскаго перевода библейскихъ книгъ. Это, однако, было бы возможнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда цитата являлась бы достаточно обширной и точной, какъ это мы указали на

выдержкѣ изъ Посл. ап. Павла ЖК. XVI, но когда она представляла комбинацію изъ нѣсколькихъ мѣстъ библейскаго текста, или даже перифразъ, то конечно переводчику легче было бы просто её вновь перевести, чѣмъ подыскивать въ соотвѣтствующей библейской книгѣ отдѣльные слова и выраженія, которыя заимствовалъ оттуда авторъ.

Въ Житіи св. Константина (Кирилла) есть однако одно мѣсто, которое категорически свидѣлствуетъ противъ гипотезы о греческомъ оригиналѣ Житія. Именно, въ гл. V ЖК. говорится о его преніи съ иконоборческимъ патріархомъ Анніемъ, причѣмъ послѣдній спросилъ Константина: «богѹ рекшѹ къ Μωυσεωσι· не сътвориши всякого подобіа, како въ творяще кланяете сѧ?» на что послѣдній отвѣтилъ: «аще бы реклъ: не сътвориши никакаго же подобіа, то право приши, но естъ реклъ: не всякого, сирѣчь достойное». Очевидно, въ преніи была сдѣлана ссылка на ту заповѣдь, которая находится въ Библіи въ кн. Исходъ 20⁴ и въ кн. Второзаконіе 5 г. Въ славянскомъ переводѣ этихъ книгъ дѣйствительно читается: не сотвори себѣ кумира и всякого подобіа, хотя можно сомнѣваться, чтобы переводчикъ употребилъ здѣсь слово *всѧки* въ смыслѣ «дурной, недостойный». Но если мы обратимся къ греческому тексту, то увидимъ, что въ немъ никоимъ образомъ нельзя разыскать того смысла, который ему хочетъ придать авторъ. Всѣ его доказательство построено на неточномъ и даже неправильномъ славянскомъ переводѣ. Начало греческой фразы: «Οὐ ποιήσεις σεαυτῷ εἰδωλον, οὐδὲ παντὸς ὁμοίωμα, ὅσα ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, καὶ ὅσα ἐν τῇ γῇ κάτω, καὶ ὅσα ἐν τοῖς ὕδασι ἐπὶ οὐρανῶ τῆς γῆς» славянскій переводчикъ передалъ правильно: «не сотвориши себѣ кумира», но поставивъ слово «кумира» въ *gen. sg.* въ зависимости отъ отрицанія при глаголѣ, онъ принялъ за подобную же форму и греч. сочетаніе *παντὸς ὁμοίωμα*, не обративъ вниманія на различіе падежныхъ формъ греческихъ словъ и перевёлъ и *всякого подобіа*, тогда какъ долженъ былъ бы перевести: «ни подобія всего того, что и т. д.» Эта неправильность перевода лишній разъ свидѣлствуетъ намъ о томъ, что славянскій переводчикъ не очень хорошо разбирался въ греческомъ текстѣ, можетъ быть, тутъ слѣдуетъ предполагать извѣстное вліяніе и латинскаго текста, такъ какъ въ немъ это мѣсто, являющееся совершенно тождественнымъ въ обѣихъ книгахъ на греч. языкѣ, передано по разному: Exodus — Non facies tibi sculptile neque omnem similitudinem, quae... Deuteronomion — Non facies tibi sculptile nec similitudinem omnium, quae... И вотъ на этой неправильности построенъ весь рассказъ о преніи, рассказъ который поэтому и самъ теряетъ характеръ достовѣрности и заставляетъ насъ съ особенной осторожностью относиться къ свѣдѣніямъ о дѣтствѣ, юности св. Константина и о ранней его дѣятельности. Въ данномъ же случаѣ совершенно ясно, что на греческомъ языкѣ этотъ рассказъ существовать не могъ, такъ какъ вся соль его основана на ошибкѣ славянскаго перевода.

Такимъ образомъ мы можемъ категорически утверждать, что Житіе св. Константина (Кирилла) было написано на славянскомъ языкѣ, а не на греческомъ. То же слѣдуетъ сказать и о Житіи св. Меѳодія уже по сходству языка его съ Житіемъ св. Кирилла, не говоря о томъ, что проникающій его духъ западной Церкви вполне противорѣчитъ возможности появленія этого житія на греческомъ языкѣ.

Valère Pogorélov.

QUELLE EST LA LANGUE, DANS LAQUELLE FURENT ÉCRITES LES VIES DE SAINTS AINSI NOMMÉES « PANONIENNES ».

(Résumé.)

Cette hypothèse, si souvent soutenue dans la littérature scientifique, qui a fait prétendre que Les Vies des saints Cyrille et Méthode appelées « panoniennes » avaient été, à leur origine, écrites en grec, a trouvé un fervent défenseur dans la personne du savant russe A. Voronov en son oeuvre « Glavnejšie istočniki dl'a istorii svv. Kirilla i Methodija. Kijev, 1877 ». Tout récemment les preuves en ont été revisées par un autre savant russe, P. A. Lavrov (« Kirilo ta Metodij v davno-slovjanskomu pismenstvi. U Kijivi 1928 », p. 88—92), qui affirme, que ces Vies avaient été écrites en slave; son affirmation est basée sur la perfection du style et de la langue slaves et aussi sur le fait que dans la langue des Vies abondent des moravismes ce qui prouve, que ces Vies avaient été écrites dans la région des Slaves d'Occident et non dans celle du Midi. Bien que ces preuves de Lavrov ne soient pas dépourvues d'une certaine importance, elles ne peuvent pas être considérées comme définitives dans cette question-là. D'une portée beaucoup plus grave est le fait, que les paroles, tirées de la Sainte Écriture et citées pour la plupart par l'auteur des Vies par cœur, coïncident ordinairement d'une manière complète avec la traduction slave initiale. Ce qui est d'une plus grande importance sous ce rapport c'est le récit d'une discussion qu'avait eue St Constantin (Cyrille) avec le patriarche iconoclaste Annios, puisque tout le sujet de la narration est basé sur une traduction slave erronée du livre de l'Exode 20₄ (ou Deuteronom. 5₈). Car c'est notamment là que St Constantin explique le mot « vsjakyj » dans cette expression: « ne sotvori sebě kumira ni vsjakoga podobija, eliko etc. » comme équivalant à « indigne, mauvais », supposition à laquelle le texte grec ne donne aucun fondement, puisque « οὐ ποιήσεις σεαυτῷ εἰδωλον, οὐδὲ παντὸς ὁμοίωμα, ὅσα κτλ. » devrait être rendu par: « ne te crée pas d'idole ni d'image de tout ce qui etc. »

Ainsi ce passage contredit complètement l'hypothèse de l'origine grecque des Vies!

ДВА СЛАВЯНСКИХЪ ПАТЕРИКА.

Недавно лейденскій антикварій Э. фон-ШЕРЛИНГЪ показаль мнѣ два листка одной церковнославянской рукописи и попросилъ меня сказать ему, какой текстъ они содержатъ. Листки оказались отрывкомъ Патерика сербскаго извода, написаннаго въ концѣ XIII-аго или въ началѣ XIV-аго вѣка; но труднѣе было опредѣлить, съ какимъ Патерикомъ здѣсь имѣемъ дѣло. Сохранилось въ разныхъ библіотекахъ значительное количество славянскихъ рукописей, содержащихъ или полные Патерики или отрывки изъ нихъ, но до сихъ поръ никто не занимался серьезно изученіемъ этой отрасли церковнославянской словесности: ни взаимныя отношенія важнѣйшихъ славянскихъ сборниковъ этого рода ни ихъ происхожденіе не были изслѣдованы надлежащимъ образомъ. По этому понятно что, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію вопроса о происхожденіи этихъ двухъ сербскихъ листковъ, я долженъ былъ предпринять разныя предварительныя разысканія. Но совсѣмъ не жалѣю, что взялся за эту работу, ибо результатъ превзошелъ всѣ мои ожиданія: оказалось, что изслѣдованный мною славянскій текстъ представляетъ собою переводъ одного изъ самыхъ распространенныхъ греческихъ Патериковъ, а именно той Ἀνθρῶν ἀγίων βίβλος, которая была описана патріархомъ Фотіемъ въ извѣстной его «Библіотекѣ» подъ номеромъ 198. Тамъ же этотъ сборникъ обозначается какъ Συνοψαλαίωσις καὶ σύνοψις τοῦ μεγάλου καλουμένου Λειμωναρίου. Изданы до сихъ поръ только переводъ латинскій (*Verba seniorum, Patrologia latina LXXIII*, стр. 855 и слл.) и нѣкоторыя части перевода коптскаго.¹

Этому Патерику и разнымъ вопросамъ, связаннымъ съ нимъ, я посвятилъ свои *Studien zu den altkirchenslavischen Paterika*, изданныя Нидерландской Академіей Наукъ (*Verhandelingen der K. Akademie van Wetenschappen, afd. Letterkunde, XXX, 2, Amsterdam 1931*). Тамъ-же напечатанъ славянскій текстъ тѣхъ сербскихъ листковъ, которые заставили меня сдѣлать эту работу (стр. 6—9).

Какъ только я открылъ греческій оригиналъ этого Патерика, мнѣ показалось мало вѣроятнымъ, чтобы такой важный Патерикъ сохранился только въ одной неполной рукописи, и, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только просмотрѣть нѣсколько каталоговъ славянскихъ рукописей, чтобы встрѣтить описанія разныхъ кодексовъ того же содержанія. Ихъ сразу можно узнать по заглавіямъ и начальнымъ словамъ отдѣльныхъ главъ.

¹ См. *Th. Hopfner*, Ueber die koptisch sa'idischen Apophthegmata Patrum Aegyptiorum und verwandte griechische, lateinische, koptisch-bohairische und syrische Sammlungen (*Denkschriften* 61, 2), Wien 1918; *W. Bousset*, Apophthegmata, Studien zur Geschichte des ältesten Mönchtums, Tübingen 1923, 3—6, 10.

Надо, однако, быть на сторожѣ, потому что не всѣ тѣ сборники, гдѣ встрѣчаемъ славянскій переводъ заглавій, извѣстныхъ намъ изъ Фотіевой Библіотеки и изъ *Verba Seniorum*, содержатъ одинъ и тотъ же текстъ.

Пока я зналъ тѣ рукописи, описанія которыхъ мнѣ были доступны, только по каталогамъ, я предполагалъ, что онѣ всѣ содержатъ переводъ того греческаго Патерика, о которомъ въ свое время писалъ патріархъ Фотій; нѣкоторыя разночтенія въ заглавіяхъ я приписывалъ наличію нѣсколькихъ редакцій, не сомнѣваясь, однако, въ томъ, что онѣ являются позднѣйшими разновидностями одного древне-церковнославянскаго перевода. Такого мнѣнія я былъ въ то время, когда писалъ выше упомянутыя Studien, но при ближайшемъ ознакомленіи съ нѣсколькими рукописями оказалось, что имѣемъ дѣло съ двумя сборниками разнаго содержанія, переведенными независимо другъ отъ друга въ древне-церковнославянскую эпоху. Нѣкоторыя статьи, правда, встрѣчаются и въ томъ и въ другомъ сборникѣ, и при распредѣленіи статей по главамъ авторы, или скорѣе редакторы-собиратели, греческаго текста руководились тѣми же принципами. Одинъ изъ этихъ сборниковъ представляетъ собою славянскій переводъ описанной Фотіемъ Συγκεφαλαίωσις τοῦ μεγάλου Λεμοναρίου; этотъ текстъ встрѣчается м. пр. въ изслѣдованныхъ мною листкахъ сербскаго извода. Къ другой группѣ принадлежитъ м. пр. одна рукопись Государственной Библіотеки (*Preussische Staats-Bibliothek*) въ Берлинѣ (*Wuk* 40; № 50 каталога ЯЦИМИРСКАГО: *Описание южно-славянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ библіотекъ, Т. I: Вѣна, Берлинъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Мюнхенъ, Прага, Люблина, Сборникъ О. Р. Я. и С. XCVIII*, Петроградъ 1921, стр. 402 и сл.), содержащая Патерикъ Азбучный, а вслѣдъ за этимъ сборникъ анонимныхъ разсказовъ и изреченій, расположенныхъ по главамъ, при чемъ принципъ распредѣленія матеріала — тотъ же какъ въ Συγκεφαλαίωσις. Извѣстны мнѣ еще другіе экземпляры того и другого Патерика, но пока не перечислю ихъ, такъ какъ до сихъ поръ только часть каталоговъ славянскихъ рукописей была мнѣ доступна, и напечатать списокъ далеко не полный по моему не стоить. О составѣ Берлинскаго Сборника и подобныхъ ему кодексовъ напишу въ другой статьѣ; теперь хочу только обратить вниманіе славистовъ на то, что переводъ Συγκεφαλαίωσις и славянскій Патерикъ берлинскаго типа до того независимы другъ отъ друга, что даже такія статьи, которыя встрѣчаются и здѣсь и тамъ, представляютъ собою самостоятельные переводы съ оригиналовъ, принадлежащихъ къ разнымъ редакціямъ.²

Печатаю пока славянскій текстъ трехъ статей по той и другой редакціи. Такъ какъ сербскіе листки, содержащіе м. пр. и эти статьи, изданы

² Настоящая работа является продолженіемъ моихъ Studien; см. тамъ, стр. 39 прим. 3.

мною уже въ выше упомянутыхъ *Studien*, печатаю здѣсь тотъ-же переводъ по другой рукописи, а именно по средне-болгарскому *Cod. slav.* № 152 Государственной Библиотеки въ Вѣнѣ.³

*Cod. slav. vindob. № 152,⁴
fol. 57^r—58.^r*

Попъ ѿ причта приде · къ шшельникъ
етероу · творѣ емоу приношение стѣхъ
тани · пришедь же етеръ къ шшельникоу
вклевета емоу ꙗпа · пришедьшъ же емоу
5 по обычѣю сътвориши приноше[57^v]
ни · съблажнъ сѣ шшельникъ не ѿверзе ·
ѡтѣде же ꙗпа · и сѣ бѣ гла къ шшельни-
коу гла · възвѣсѣ члѣци сѣдѣ мои · бѣ
же ꙗко и въ оужасѣ · и видѣ ровѣ златѣ ·
10 и кладѣ златѣ · и вѣдро злато · и жже
злато · и вода злато добра · видѣ же про-
кажена чръпаѣща · и прѣлѣваѣща · и хо-
танъ⁵ пити не пиаше · зане бѣ прокаженъ
чръпалъ · и сѣ пакы к емоу гла гла ·
15 по что не пиши ѿ воды · кжѣ вещь
иматъ чръпалъ · чръплетъ тын тычѣмъ
и прѣлѣветъ · пришедь же шшельникъ
в себѣ · и расмотри сѣлж видѣни ·
призва ꙗпа и сътвори · ꙗкоже и прѣже
20 творѣше емоу стѣхъ тани · приноше-
ние · —

Бысте два бѣ велика жити · въ
вещи жити · и спобѣста сѣ кжѣ · ви-
дѣти благодѣтъ бжж на братѣ си ·
25 и бѣ же иногда единому · ю изыти ·
въ день патѣкы⁶ изъ манастирѣ · и

*Cod. berol. Wuk 40,⁴
146^r—147.^r*

Гдшльникоу нѣкомуу прихожаше
презентеръ ѿ събора, творѣ емоу при-
ношение стѣхъ тани · пришедь же нѣкто
къ шшельникоу, велѣга презентера · при-
шедьшъ же презентероу по обычаю сътво-
рити приношение · съблазни сѣ шшель-
никъ и не ѿвержи емоу · ѡнде презентеръ
въспетъ · и сѣ гла къ шшельникоу гла,
възвѣсѣ члѣци соудѣ мои · и сѣ бѣ ѡнъ
ꙗко въ истоупани · и оужеръ ровѣ златѣ,
и вѣдро злато, и оуже злато, и вода
зѣло добра · и видѣ же и нѣкого про-
каженна, почръпаѣща и прѣлѣваѣща ·
и хотѣшъ пити, не пиаше пониже про-
каженъ бѣше почръпаѣщѣ · и сѣ гла пакы
къ емоу гла · почто не пиши [146^v] ѿ
воды, каѣ вина ꙗ ѿ прокаженнаго иже
почръпатъ · пришедь же въ себе шшель-
никъ, и разоуднѣвъ силоу видѣни ·
призва презентера, и оучини его твори-
ти емоу стѣмъ приношение ꙗко и прѣже

Бѣста два брата велика въ киновѣ ·
и спѣи сѣ кжѣ ꙗ зрѣти блѣтъ нѣ-
кою на братѣ своемъ · бѣ же иногда
единому ѿ нѣ изыти въ днѣ пет[о]ч-
ни изъ манастира · и видѣ нѣкого

³ См. Б. Цоневъ, Славянски ржкописи въ Виена, Год. на Софийския университетъ, ист. - фил. фак., XXV, 9, София 1929, стр. 23 и сл. Тою-же рукописью пользовался Миклошичъ для своего словаря (*Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, Vindobonae 1862—65); см. тамъ, стр. XVII («Pat. Mih.») и у Цонева стр. 26.

⁴ Рукопись Вѣнская употребляетъ только одинъ знакъ препинанія; рукопись берлинская различаетъ отъ точки еще и другой знакъ, похожій на запятую. Пропускаю надстрочные знаки, которые пишутся очень часто надъ гласными, а тоже знаки обозначающіе исчезнувшіе еры. Эти знаки пишутся довольно неправильно, и иногда нельзя сказать, на лицо ли такой знакъ или нѣтъ.

⁵ Или два слова: хѣта и?

⁶ Точно такъ-же въ Парижскомъ Патерикѣ (*Bibl. Nat., fonds slave, N 10*). Зато въ изданныхъ мною сербскихъ листкахъ: петѣчны.

вндѣвъ етера заѣтра ѡдѣща рѣ емоу .
 въ снн ли чѣ ѡси въ патѣкъ . и въ
 дроуѣгын дѣнь бѣ съборъ по швычѣю .
 и възрѣже же братъ нго . вндѣ благо-
 дѣтъ ѡстѣплъшъ ѡ него и wskрѣѣ .
 и іако при[58^с]де въ келіѣ рѣ емоу . что
 сѣтворилъ еси брате . не вндѣхъ бо іа-
 коже прѣже вндѣхъ на тебѣ благодѣтъ
 бжнѣ . он же ѡтѣшавъ рѣ еѣ . азъ ни
 дѣломъ ни помышленіемъ . себѣ сѣѣмъ
 что сѣтворихъ зло . рѣ же емоу бра̃ его
 ни ли словесн еси глагола . и поманиже
 рѣ еи . вечера вндѣхъ етера ѡдѣща вѣ-
 мдоу манастирь⁸ заѣтра . и рѣхъ емоу
 к снн ли чѣ ѡси въ патѣкъ . то естъ
 грѣхъ мон . нж троуди сѣ съ мною . б̃ .
 ѡели . и млінеѣ ба да ми ѡдасть . и
 сѣтвориста тако . и по шбою нѣлю . вндѣ
 бра̃ блгдаты бжнѣ пакы пришѣдъшъ
 на бра̃ своего . и стѣшнста сѣ . и бла-
 гаго ба похвалиѣа .:

Мжжъ стѣ вндѣвъ етера сѣгрѣшъ-
 ша . плакавъ сѣ горко рѣ . съ днѣ въ
 истинѣ . іакоже и азъ стѣѣ . шбаче аще
 кто сѣгрѣшитъ⁹ прѣдъ тобож не шж-
 ди его . нж себѣ нмѣи грѣшнѣшиша
 нго .:—

ѡ оутра ѡдоуѣща . и рѣ нмоу въ снн ли
 чѣ ѡси въ днѣ петочнѣи . заѣтра же бѣ
 съборъ по швычаю . възрѣже же братъ
 нго на нь . вндѣ блгтъ ѡстоуплъшоу³⁰
 ѡ нго . и wskрѣен сѣ . и іакоже при-
 идоше въ келію рѣ нмоу . что еси сѣтво-
 рилъ брате , не вндѣхъ оубо іакоже и
 прѣже блгтъ бжнѣ на тебѣ . шн же
 рѣ , азъ не вѣѣ , ни дѣломъ ни помышлен-³⁵
 ніемъ , лоукаво что себѣ сѣтворша .
 гла нмоу братъ нго , нѣда слово нѣ-
 комоу рекъ еси . и въспомоуѣ сн рѣ ,
 въчѣра вндѣ нѣкого ѡдоуѣща вънѣ ки-
 новни заѣтра . и рѣ нмоу , въ снн ли чѣ⁴⁰
 ѡси въ днѣ петочнѣи . снн шбо ѣ грѣхъ
 мон . нь потроуди сѣ съ мною дѣѣ
 нѣлѣи и помлінемъ ба да проститъ прѣ-
 грѣшѣніи мон . и сѣтворше тако . и по
 двоѣ нѣлѣи , вндѣ братъ блгтъ бжнѣ⁴⁵
 пришѣшъ на бра̃ нго . и оутѣшишѣ блго-
 дарѣще гла .:

Нѣкто моужъ стѣ , вндѣвъ дрѣгаго
 грѣхоуѣща , и прослѣзиви рѣ . съ оубо
 сѣгрѣ[147^с]ши днѣ , азъ вѣѣ оутрѣ⁵⁰
 сѣгрѣшити нмамы .:—¹⁰

Часть тѣхъ разночтеній , которыми Берлинская рукопись отличается отъ Вѣнской , мы должны объяснить тѣмъ , что древне-церковнославянскій языкъ въ многихъ случаяхъ располагалъ нѣсколькими синонимами для выраженія одного понятія ; другую часть можно приписать произволу переводчиковъ ; но есть и такія , которыя вызваны разночтеніями греческихъ оригиналовъ . Для возстановленія первоначальнаго греческаго текста и позднѣйшихъ его редакцій условія не благопріятны . Доступна намъ пока только одна греческая редакція первой и второй изъ выше напечатанныхъ статей ; издалъ ее Ф. НАУ (NAU) въ XIV-омъ томѣ журнала *Revue de l'Orient chrétien* (1909), стр. 366, подъ номерами

⁷ Можно бы читать здѣсь букву -ъ , но врядъ ли писецъ хотѣлъ такъ писать .

⁸ Описка вмѣсто -мѣ .

⁹ И здѣсь можно бы читать -ъ ; см. прим. 7 .

¹⁰ Вторая часть этого номера отсутствуетъ въ рукописи Берлинской . Въ извѣстныхъ намъ текстахъ греческомъ и латинскомъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго .

254 и 255. Кроме того располагаемъ текстомъ латинскимъ выше упомянутыхъ *Verba Seniorum*; первая и вторая изъ нашихъ статей встрѣчаются тамъ въ концѣ IX-ой главы (*libellus* IX, § 11 и § 12, *Patrol. lat.* LXXIII, стр. 911 и сл.).¹¹ Разумѣется, что переводъ латинскій менѣе цѣненъ для насъ чѣмъ былъ бы греческій текстъ, съ котораго онъ былъ переведенъ; но все-таки онъ не совсѣмъ лишенъ значенія для возстановленія греческаго оригинала и для объясненія нѣкоторыхъ разночтеній славянскихъ переводовъ. Встрѣчаются въ немъ такіе слова и выраженія, которыя не могутъ быть переводами тѣхъ греческихъ словъ, которыя намъ извѣстны изъ текста, изданнаго въ *Revue de l'Orient chrétien*, и нѣкоторыя слова встрѣчаются или только въ греческомъ текстѣ у Нау или же только въ латинскихъ *Verba seniorum*. Приведу нѣсколько разночтеній славянскихъ текстовъ, соотвѣтствующихъ отклоненіямъ латинскаго текста отъ извѣстнаго намъ греческаго.¹²

на строкѣ 1: В причѣтъ = κληρος, Б съборѣ = *ecclesia*.

4: В ѣмоу, ср. лат. *qui*, Б презвитероу = *πρεσβυτέρου*.

7: (отсутств. В и гр.), Б ѣмоу = *ei*.

15: СВ вѣштъ = *πράγμα*, Б вина = *causa* (αἰτία?).

22: СВ житиимъ, ср. *VS magnae vitae* (отсутств. Б и гр.).

23/4: (отсутств. *VS* и В), Б нѣкою = гр. *τινα*.

32: СВ приде = *VS venisset*, Б придоше = гр. *ἦλθον*.

35: СВ ѣмоу = *αὐτῷ* (отсутств. Б и *VS*).

39: СВ ен = *VS etiam* (отсутств. Б и гр.).

45: СВ пакы = *VS iterum* (отсутств. Б и гр.).

46/7: СВ блага(а)го ба, ср. *VS qui solus bonus est*: Б ба, гр. θεῷ.

Этого перечня было бы вполне достаточно чтобы доказать, что переводчики той и другой славянскихъ редакцій пользовались рукописями греческими, отклонявшимися въ многихъ мѣстахъ другъ отъ друга, — изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными переводами. То же самое заключеніе можно бы вывести изъ того большаго количества греческихъ словъ, которыя переведены въ одномъ изъ изслѣдуемыхъ нами славянскихъ Патериковъ иначе чѣмъ въ другомъ. Такихъ разночтеній столько, что мы врядъ ли въ правѣ приписать ихъ исключительно позднѣйшимъ ревизіямъ одного первоначальнаго перевода.

Нѣкоторыя изъ этихъ разночтеній весьма цѣнны для хронологіи нашихъ двухъ Патериковъ. Не останавлиюсь ни на разницахъ по порядку

¹¹ Эти тексты перепечатаны мною *Studien* 17 и сл. Нигдѣ я не нашелъ греческаго или латинскаго текста соотвѣтствующаго нашему третьему номеру.

¹² Буквою Б обозначаю рукопись Берлинскую, буквою В рукопись Вѣнскую, буквою С изданные мною въ *Studien* листки сербскаго извода; гр. = греческій текстъ у Нау, *VS* = *Verba seniorum*.

словъ ни на такихъ мало интересныхъ дублетахъ какъ кѣждо : кѣждо ѿ 23 или ѿко : ѿкоже 32 или бо : оубо 33. Интереснѣе слѣдующіе случаи:

- В поплъ : Б презвитеръ 1, 4, 7, 19,
- В отити : Б отити въспеть 7,
- В видѣти : Б оубѣти 9,
- В прибавлено : и кладѣзь златъ 10; эти слова, м. б., когда-то были глоссой къ предыдущимъ словамъ,
- В зане : Б пониже 13,
- Вс скатыхъ таинъ приношение : Б свѣтое приношение 20/1,
- Вс оубѣ жити : Б киноки 22,
- В заоутра, С из оутра : Б отъ оутра 27 (: заоутра 40 В Б; С из оутра),
- Вс патѣкъ : Б данъ патѣчынъ 28, 41,
- Вс оскрѣѣти : Б оскрѣѣти сѧ 31,
- Вс зѣло : Б ажжако 37,
- Вс ни (ли) : Б ѿда 38,
- Вс кѣнѣждоу : Б кѣнѣ 39/40,
- Вс манастиръ : Б киноки 40,
- Вс троудити сѧ, молити : Б потроудити сѧ, помолити 42,
- В оуби : Б дѣви 44; С дѣви,
- Вс плакати сѧ горѣко : Б прослѣзити 49.¹³

Но какъ бы ни были интересны эти разночтенія сами по себѣ, нельзя сказать, чтобы въ какомъ-нибудь изъ этихъ случаевъ одинъ переводъ производилъ болѣе старинное впечатлѣніе чѣмъ другой. Относительно той части выше приведенныхъ словъ, которая встрѣчается тоже въ Евангеліи или въ Апостолѣ, исчерпывающія данныя можно найти въ ЯГИЧевомъ изданіи Маріинскаго Четвероевангелія и въ его-же монографіяхъ: *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache* (2-ое изданіе, Берлинъ 1913) и: *Zum altkirchenslawischen Apostolus, II. Lexikalisches (Sitz.-Berichte Wien, 193, 1; 197, 1; 1919/20)*. Что касается употребленія слова киноки въ Б, тамъ гдѣ редакція СВ предпочитаетъ оубѣ жити или манастиръ, къ этому случаю по моему врядъ ли примѣнимо извѣстное изъ изслѣдованій по библейскимъ текстамъ правило, что вообще непереведенныя греческія слова свойственны болѣе древнимъ редакціямъ чѣмъ славянскіе ихъ переводы.¹⁴ Точно такъ же въ Патерикахъ славянскихъ обиходнаго слова поплъ нельзя считать позднѣйшимъ разноченіемъ въ сравненіи съ заимствованнымъ словомъ презвитеръ.

Лексикологическая исторія древне-церковнославянскаго языка еще недостаточно изслѣдована. Лучше другихъ текстовъ обработаны пока

¹³ Греческій оригиналъ этой статьи мнѣ неизвѣстенъ. Въ Евангеліи плака сѧ горѣко является переводомъ греческаго ἔκλαυον λυγρῶς, прослѣзи сѧ: ἐδάκρυον.

¹⁴ Въ одномъ мѣстѣ (стр. 26) и тотъ и другой текстъ пишутъ ма-, монастыръ.

Новый Заветъ и нѣкоторыя книги Ветхаго Завета, и матеріалы, собранные ЯГИЧемъ и другими учеными для характеристики различныхъ редакцій этихъ книгъ библейскихъ, до сихъ поръ тоже служатъ исходной точкой для опредѣленія того періода и той среды, гдѣ жили и работали переводчики другихъ текстовъ. Такъ же и съ Патериками: и тутъ то большое значеніе, которое имѣютъ нѣкоторыя разночтенія для опредѣленія хронологіи переводовъ, ускользнуло бы отъ нашего вниманія, еслибъ мы не располагали богатыми матеріалами ЯГИЧевыхъ *Entstehungsgeschichte* и *Apostolus*¹⁵ и другихъ изслѣдованій того же рода. Благодаря этимъ работамъ не трудно намъ будетъ доказать весьма старинный характеръ редакціи СВ въ сравненіи съ редакціей Б. Вотъ самыя интересныя разночтенія:

В етеръ : Б нѣккыи, нѣккъто, друггыи 2, 3, 27, 39, 48. Первое и второе мѣсто отсутствуетъ въ С; третьему и пятому примѣру соотвѣтствуетъ въ С нѣккого, четвертому етера. Думаю что каждому, слѣдившему за лексикологической исторіей библейскихъ текстовъ, покажется правдоподобнымъ, что первоначальный переводъ редакціи, извѣстной намъ изъ В и С, употреблялъ только слово етеръ. Возникаетъ вопросъ, нельзя ли предполагать мѣстоименія етеръ тоже для первообраза другой редакціи. Легче будетъ отвѣтить на это, когда ознакомимся ближе съ полнымъ текстомъ Б. См. Е 343.

В оклѣкати : Б овлѣгати 'διαβαλεῖν' 4. Тотъ же переводъ, что въ В, встрѣчается въ самыхъ старыхъ рукописяхъ Евангелія (Л. 16, 1), и тоже въ Толкованіи Исихія на Псалтырь (139, 12, *Psalterium bononiense*, стр. 662). овлѣгати 'διαβαλεῖν' очевидно не встрѣчается въ текстахъ перваго періода.

В отворѣсти : Б отворити 'ἀνοῖξαι' 6. См. Е 375.

В оужасъ : Б истѣплѣние 'ἐξοχασίς' 9. См. Е. 297. А II 15 и сл.

В чръпати, чръплѣж : Б почръпати, почръплѣж 12, 14, 16; С Па 1, какъ В 16. Хотя въ Евангеліи встрѣчаемъ формы почрътѣть 'ἀντλήσαι' (I. 4, 7): почръпатѣ 'ἀντλεῖν' (I. 4, 15), трудно вѣрить, чтобы чръплѣж, чръпати не было болѣе старымъ глаголомъ чѣмъ почръплѣж, почръпати. Возможно, однако, что въ нѣкоторыхъ краяхъ глаголь чръплѣж, чръпати вышелъ изъ употребленія или даже никогда не былъ извѣстенъ, тѣмъ болѣе что рядомъ съ нимъ существовалъ глаголь чръплж: чръкти. Изъ самыхъ старыхъ рукописей Евангелія мы знаемъ глаголь совершеннаго вида по-чръплж, по-чръкти, за то глагола (по-)чръплѣж, (по-)чръпати въ нихъ нѣтъ. Итакъ, нельзя отрицать нѣкоторой разницы въ употребленіи типовъ спряженія корня *črp-*, *čerp-* между Ев. и Пат. ВС, но съ другой стороны нельзя счи-

¹⁵ Въ дальнѣйшемъ буду обозначать второе изданіе *Entstehungsgeschichte* буквой Е и лексикологическія части книги объ Апостолѣ буквой А (А I = первый выпускъ лексикологическаго отдѣла, А II = второй выпускъ того-же отдѣла).

татъ формъ, употребляемыхъ въ этомъ послѣднемъ текстѣ, менѣе архаичными.

ВС расꙗмотрити: Б расꙗдити 'διακρίναι' 18. Въ Новомъ Завѣтѣ находимъ и тотъ и другой переводъ: см. Ар. II, 79. Зато переводъ **расꙗжденіе** 'διάκρισις' (Б л. 152^v, 16; въ заголовкѣ главы X-ой; см. Яцимирскій *l. l.* 407) не встрѣчается, сколько знаю, въ Новомъ Завѣтѣ (см. Ар. II, 79); Кор. I, 12, 10 **расꙗжденіе** является разночтеніемъ третьей и четвертой редакцій; въ первоначальномъ переводѣ было, по всей вѣроятности, **расꙗмотрѣніе**; изъ одного Апостола толковаго XV-аго в. Воскресенскій, *Др.-слав. Апостолъ*, вып. 2-й, 138, приводитъ вариантъ **смотрѣніа**. То же самое слово находимъ въ нашей рукописи В: **w смотрѣніи** 58^r, 19, и въ томъ же мѣстѣ в рукописяхъ Парижской *Bibliothèque Nationale* (*fonds slave* 10, л. 94^v, 9) и Троице-Сергіевой Лавры (см. *Описаніе славянскихъ рукописей библ. Св.-Троицкой Сергіевой Лавры*, 1878, стр. 42). Всаки не сомнѣваюсь въ томъ, что въ С нужно читать **О расꙗмотрѣніи** (*Studien* 5, 14), тѣмъ болѣе что то же самое найдено мною въ одной рукописи (№ 151) Бѣлградской Національной бібліотеки (см. Л. Стојановић, *Каталог Народне библиотеке у Београду*, IV. *Рукописи и старе штампане књиге*, 1903, стр. 210), содержащей первую статью главы **Б расꙗмотрѣніи** вмѣстѣ съ заглавіемъ этой главы. Здѣсь, какъ въ С, слово **расꙗмотрѣніе** встрѣчается два раза, въ заглавіи и въ самомъ текстѣ. Трудно сказать, какъ писалъ самъ переводчикъ, **расꙗмотрѣніе** или **сꙗмотрѣніе**. Пожалуй, аористъ **расꙗмотри** (18, διακρίνας) говоритъ за первое изъ этихъ предположеній.

ВС сꙗтворити: Б оꙗчинити 19. Въ текстахъ перваго періода оꙗчинити переводитъ вообще греческій глаголъ τάσαι; въ нихъ, сколько я знаю, никогда не встрѣчается перевода оꙗчинити ποιῆσαι, ποιεῖν.

ВС къ другѣмъ дньмъ: Б за оꙗтра 'τὰ ἑξῆς, die sequenti 28/9. Въ древнѣйшій періодъ за оꙗтра значить только 'на разсвѣтѣ, утромъ рано'; см. Ар. I, 10 и сл. и А. В. Михайловъ, *Опытъ изученія книги Бытія I* (Варшава 1912), стр. 10 и сл.

ВС поманѣти: Б кꙗспоманѣти си 'μνησθῆναι' 38. Въ библейскихъ текстахъ поманѣти переводитъ 'μνησθῆναι', а кꙗспоманѣти 'ἀναμνησθῆναι', см. А. II, 69 и тоже словарь Северьянова къ его-же изданію Синайской Псалтыри.

ВС отꙗдати: Б прости́ти 'συγχωρεῖσαι' 43. Объ употребленіи глагола отꙗдати и существительнаго отꙗданіе въ библейскихъ переводахъ см. Е 338, 376, и тоже Поливка, *Archiv f. slav. Phil.* X, 462, Михайловъ, *l. l.* 176, прим. 1. Въ толкованіи Исихія Іерусалимскаго на Псалтырь глаголъ συγχωρεῖσαι переводится разными славянскими словами, м. пр. **отꙗдати** и **прости́ти** (см. *Psalt. bonon.* 957). **прости́ти** 'συγχωρεῖσαι' встрѣчается и въ другихъ текстахъ, м. пр. въ трактатѣ Меѳодія, епископа олимпійскаго, *De autexusio* (см. А. Vaillant, *Le De autexusio de Méthode d'Olympe*, Paris 1930, 861 = 137, 886 = 162). Этотъ текстъ не принадлежитъ къ

болѣе раннимъ переводамъ (см. l. l. 717 — 719 = LXXXIX — XCI), и вообще слово простити въ этомъ значеніи менѣе старо чѣмъ отдати.

ВС похвалити : Б благодарити 47. См. Е 412 и сл., А II, 12 и сл.

ВС съгрѣшити, -ати : Б грѣхувати 48/9 грѣхувати — рѣдкое слово, чуждое древнѣйшимъ переводамъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ редакція ВС представляет болѣе древній типъ языковой чѣмъ Б; только относительно *чръпльж* : *почръпльж* можно сомнѣваться. Этому матеріалу можно противопоставить только одно мѣсто, гдѣ кодексъ Б сохранилъ болѣе древнюю форму чѣмъ ВС, а именно: 22 *келни* Б : *келника* ВС. Не исключена, однако, возможность, что въ этой послѣдней редакціи *келника* позднѣйшаго происхожденія; въ другихъ текстахъ тоже эта основа вытѣсняетъ мало-по-малу основу *velije-* (*келни*, -иѣ, -иє).

Слово *келни* показываетъ намъ, что редакція Б, несмотря на ея менѣе архаичный типъ лексикальный, все-таки не возникла въ средѣ какой-нибудь поздней школы переводчиковъ. Укажу еще на причастія *ѡстоу-плъшоу* 30, *сѣтворша* 36, *сѣтворше* 44; весьма возможно, что типъ *разсоудикъ* 19, *прослѣзникъ* 49 былъ такъ же чуждъ языку самого переводчика какъ первоначальному переводу Евангелія. И то же самое можно предположить относительно другихъ морфологическихъ категорій позднѣйшаго образованія: совсѣмъ не исключена возможность, напри-мѣръ, что первоначальный переводъ не зналъ такихъ аористовъ какъ *придохъ*, *придоша* (*придоше* 31/2), но только типъ *придъ*, *придж*. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ станетъ вѣроятно возможнымъ при тщательномъ изученіи рукописи Б въ ея цѣлости и другихъ рукописей того же текста.

И въ морфологическомъ отношеніи рукопись В являетъ болѣе старинный обликъ чѣмъ Б; обращаю вниманіе славистовъ на формы *къзасъ* 8; *быте* 3 л. дв. ч. 22 (С *быста*); *съблажнь* *са* 6, *ѡстѣплъшъ* 31, *сыгрѣшъ* 48/9; въ этомъ краткомъ отрывкѣ ни одного причастія на *-ivъ* не встрѣчается; формы *сѣовиста* и т. д. (3 л. дв. ч.) врядъ ли существовали уже въ первоначальномъ переводѣ.¹⁶ Архаизмомъ считаю тоже родительный падежъ *приношеникъ* 5, вызванный вѣроятно предыдущимъ супиномъ (замѣненнымъ потомъ инфинитивомъ). Не станемъ останавливаться на фонетическихъ чертахъ нашихъ текстовъ. Отмѣчу только мимоходомъ большую выреджанность редакціи ВС что касается синтаксическихъ конструкций.

Во второй главѣ своихъ *Studien* я поставилъ вопросъ, не сохранился ли въ Патерикѣ, извѣстномъ намъ изъ сербскихъ листковъ С — и теперь тоже изъ рукописи В и т. д. — тотъ переводъ св. Меводія, о которомъ пишетъ авторъ т. наз. паннонскаго житія этого «Апостола Славянъ».

¹⁶ Редакція Б пошла еще дальше въ томъ же направленіи: здѣсь двойственное число въ нѣсколькихъ мѣстахъ уступило мѣсто множественному.

Рѣшеніе этого вопроса станетъ возможнымъ только при всестороннемъ изученіи полнаго текста. По скольку можно судить по напечатаннымъ мною тремъ статьямъ, предположеніе, что этотъ Патерикъ въ самомъ дѣлѣ является переводомъ св. Меѳодія, совсѣмъ не кажется фантастичнымъ. Словарь этого Патерика вообще весьма похожъ на словарь первыхъ библейскихъ переводовъ. Есть, пожалуй, нѣкоторыя отклоненія: еще больше чѣмъ *чрѣплж* (: по-чрѣплж, -лж Ев.) поражаетъ насъ слово *тъчнж* (*тъчина* 16; въ С по ошибкѣ *Тчѣтъ*), но этихъ словъ недостаточно, чтобы мы могли вывести изъ нихъ какія-либо заключенія; во-первыхъ, не знаемъ, восходятъ ли они къ первоначальному переводу, во-вторыхъ возможно, что иногда св. Меѳодій въ своихъ переводахъ не-библейскихъ текстовъ употреблялъ другія слова чѣмъ въ тѣхъ переводахъ Св. Писанія, которые онъ сдѣлалъ немного раньше вмѣстѣ съ своимъ братомъ.

*

Хотя В и С содержатъ одинъ и тотъ же переводъ, ихъ тексты не совсѣмъ тождественны. Чтобы картина ихъ взаимныхъ отношеній выступила отчетливѣе, сообщу еще тѣ части текста В, которыя встрѣчаются тоже на листкахъ С, поскольку онѣ не напечатаны уже выше. Печатаю цѣликомъ тѣ статьи, которыя являются на листкахъ С не въ полномъ видѣ, съ исключеніемъ того номера, который начинается на послѣдней строкѣ страницы I б (*Братъ при-*). Укажу на архаизмъ *вратри* въ началѣ послѣдней статьи (: С *вратни* II б 16) и на паннонизмъ *рѣсноѣка* (къ концу той же статьи), который имѣетъ нѣкоторое значеніе для рѣшенія вопроса, былъ ли этотъ Патерикъ переведенъ св. Меѳодіемъ или кѣмъ-нибудь другимъ.

Евлогини етерѣ именемъ · зченикъ бывъ стго ивана аѣниѣпа · попъ постъ- (В, л. 50^в.)
 никъ · постѣ са чрѣ днѣ · множицеж же и еса ѿе хлѣбъ тькмо съ солнѣ · слажъ стр. 2
 примаше ѿ члѣкъ · приде же къ ѿцоу ивснѣ · чѣмъ что болша жестока житиѣ
 вѣти ѿ него · и приемъ с радостиж · еже аще имаше сътвори¹⁷ стѣшение быти ·
 рѣшж же зченици евлогиеви · не ксть ѿпъ ничесоже развѣ хлѣбъ съ солнѣ · ѿцъ
 же ивснѣ · мѣчѣмъ ѿдѣше · и сътворише · ꙗ · днѣ · не слышашж нхъ пошъ · ли
 машъ са · тѣнно бо бѣ дѣло имъ · и изыдѣ не приемше польза · по бжню же
 съмотрению бѣ и мракъ · и заблѣжъше пжтемъ · придеж къ старцоу · и прѣже
 тѣкновениѣ нхъ · слышашж пошъж ѿ · и постоевъше много · послѣдъ же тѣкнѣж
 шж · и прижтъ ѿ старецъ с радосѣ · и зноѣ радн възашж зченици евлогиеви
 чѣшж · и дашж ѿмоу · бѣ же растѣрена · морскож и рѣчнож · и не може [51^г]
 пити · къ себѣ же бывъ и¹⁸ припаде къ старцоу · хотѣ навикнѣти житиѣ ѿ ·

¹⁷ Этимъ словомъ начинается листъ I рукописи С.

¹⁸ Вѣроятно ошибочно. Въ рукописи Парижской этого слова нѣтъ.

писи В, сохранившей чуть ли не вездѣ первоначальный переводъ извѣстныхъ намъ греческихъ и латинскихъ текстовъ:²⁷

- Ia 6 въ С прибавлено тоу.
 Ia 11 въ С прибавлено пакы.
 Ia 13 въ С прибавлено зѣло.
 Ia 19 въ С прибавлено и.
 Ia 22 въ С прибавлено поетѣ.
 Ia 25 въ С пропущено ю (ѣ).
 Ib 3 въ С прибавлено тако.
 Ib 10 въ С прибавлено оу него.
 Ib 14 въ С пропущено и се (= *et esse*; пропускъ здѣсь вызванъ предыдущимъ окончаніемъ -есе).
 Ib 23 въ С пропущено и, соотвѣтствующее множ. числу ж (т. е. ѡ) въ В.
 Ib 26 въ С прибавлено бѣ.
 IIa 14 въ В прибавлено и.
 IIa 15 въ С прибавлено на нь.
 IIa 15 въ С прибавлено бѣню.
 IIa 16 въ С прибавлено зѣло.
 IIa 18 въ С прибавлено мон.
 IIa 23 въ С прибавлено никомоужѣ.
 IIa 24 въ С прибавлено ѡнѣжѣ.
 IIb 3 въ С прибавлено и послоуша его брать.
 IIb 4 въ С припущено и.
 IIb 9 въ С пропущено плакавъ съ горко.
 IIb 12 въ С пропущено нго.
 IIb 22 въ С пропущено имъ.
 IIb 24/5 въ С пропущены имъ и ми.

Часть этихъ разночтеній можно объяснить небрежностью писцовъ, но въ многихъ случаяхъ создается впечатлѣніе, какъ будто писецъ, проводившій эти измѣненія, старался приспособить стиль своего текста къ разговорному языку и сдѣлать его болѣе яснымъ и гладкимъ; см. на примѣръ Ia 6, 11, 22; b 3, 10; IIa 15, 18, 23; IIb 22. Точно такъ же можно предположить, что слово *скръбѣнь* Ib 12 заступило мѣсто *печальнь* (В *печѣльнь*) по стилистическимъ соображеніямъ, для избѣжанія повторенія того-же прилагательнаго въ двухъ смежныхъ предложеніяхъ. И вообще возникаетъ мысль, что въ большинствѣ случаевъ, гдѣ въ С встрѣчаемъ другое слово или другую синтаксическую конструкцію или другой порядокъ словъ чѣмъ въ В, эта послѣдняя рукопись осталась

²⁷ Числа и буквы (a, b) обозначаютъ страницы и строки сербскихъ листковъ (С). См. мой *Studien*, стр. 6 и слл.

вѣрна первоначальному тексту. Не останавлиюсь на синтаксическихъ чертахъ нашихъ текстовъ,²⁸ но ограничусь перечисленіемъ нѣкоторыхъ дублетовъ лексикальных:

- Ia 4 С тѣкмо, В разкѣ, гр. πλήν.
 Ia 14 С рѣе се, В съ радосѣа, гр. χαίροντες, лат. *gaudens*.
 Ib 7 С тинно дѣло, В въ тиннѣ, гр. ἐν τῷ κρυπτῷ, лат. *in secreto*.
 Ib 10 С прѣкѣ, В сътвори, гр. ἐποίησε.
 Ib 12 С скрѣвѣнь, В печѣлень, гр. λυπούμενος.
 Ib 26 С его, В сего, гр. αὐτή, лат. *ista*.
 IIa 1/2 С ѿчѣть, В тѣчнѣ, гр. μόνον.
 IIa 10 С въ днѣ петѣч'ны, В въ дѣнь пѣтъкы.
 IIa 11/12 С изъ ютра, 26 изъ штра, В зѣтра, заштра, гр. ἀπὸ πρωῆας, πρωῆ.
 IIb 12 С (р)асм(отрен)и, 15 расмотренна, В смотренни, -нѣ, гр. διακρίσεως, διακρίσιν.
 IIb 20/1 С оскл'ца, 23 оскл'цѣ, В всеа, гр. ὄνον, -ος.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ греческій текстъ можетъ служить подтвержденіемъ нашего предположенія о большей архаичности редакціи В (I b 7, 10, 26; II a 1/2; II b 20/21); есть, однако, и такія мѣста, гдѣ буквальный переводъ сохранился не въ В, но въ С; укажу прежде всего на I a 14; см. такъ-же сказанное мною выше о словѣ **расмотреніе**. Итакъ, для восстановленія первоначального перевода Συγκεφαλαίωσις τοῦ μεγάλου Λεωνωναρίου и та и другая редакція (В и С) содержатъ весьма цѣнный матеріаль.

DEUX PATERIKS SLAVES.

(Résumé.)

Un des plus célèbres Πατερικά est l'Ἀνδρῶν ἁγίων βιβλος, décrit par Photios dans sa «Bibliothèque». Dans ses *Studien zu den altsl. Paterika*, l'auteur du présent article a étudié deux feuillets vieux-serbes contenant un fragment de la traduction slave de ce Paterik. Le même texte vieux-slave nous a été conservé d'une façon moins fragmentaire dans plusieurs manuscrits. Il y a encore un autre Paterik slave dont les chapitres ont les mêmes titres que ceux de l'Ἀ. ἁ. β.; mais ici la composition de chaque chapitre est tout-à-fait autre. Cependant, il y a des récits et des apophthegmes qui se trouvent dans les deux collections. Une comparaison de quelques unes de ces parties communes

²⁸ О фонетическихъ и морфологическихъ чертахъ листковъ С см. мои *Studien* стр. 9 и слл.: характеристика фонетическаго облика среднеболгарской рукописи В не входитъ въ рамки этой статьи.

montre nettement que la traduction de l' 'A. ā. β., représentée dans le présent article par le manuscrit de Vienne N° 152, est d'un type linguistique beaucoup plus classique que l'autre texte, représenté par le manuscrit de Berlin Wuk-40. Les fragments reproduits ci-dessus nous permettent de supposer que la première de ces deux collections soit le Paterik qui, d'après la légende panonique de S. Méthode, a été traduit en vieux-slave par cet Apôtre des Slaves lui-même. Il est à souhaiter que le texte complet de ce Paterik soit publié et étudié aussi vite que possible. L'autre Paterik a un vocabulaire moins classique, mais pourtant il ne semble pas exclus que cette traduction aussi remonte à une période assez reculée.

Le manuscrit de Vienne (M) et les feuillets serbes (C) représentent deux rédactions de la même traduction. En général, la rédaction M a mieux conservé le langage du traducteur vieux-slave.

МОРАВСКАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН И ИСТОРИЯ ПОЛЯНО-РУСИ, КАК ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЧАЛЬНОЙ РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ.

По поводу Исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет», как источник для истории начального периода русской письменности и культуры», вып. I, Лгд. 1930.

V.

«НОРИКИ». «ИЛЛЮРИК-СЛОВЕНЕ».

Указанием на западно-славянский источник русской Летописи является для Н. К. НИКОЛЬСКОГО летописная фраза Нарци [вар. „норици“] *ѣжѣ сѣуть Словѣне*» (Лавр. 5, 4). Это упоминание о нориках автор ставит в непосредственную связь со «Сказанием о преложении книг», добавляя, что «у русского автора или летописца не могло быть каких-либо побудительных причин называть нориков славянами» (стр. 61). Едва ли нужно оспаривать, что «летописное отождествление нориков со славянами восходит... к преданиям мораво-паннонского происхождения» (стр. 67), и весь вопрос в том, как оно попало в Летопись и какая связь его с дальнейшей историей расселения славян. Как и всюду, автор и здесь исходит из отождествления двух редакторов «Повести временных лет», которых я разделяю друг от друга, по крайней мере, полстолетием, и из которых второму, как я говорил, и принадлежат вводные статьи с упоминанием о нориках. Можно, поэтому, сказать только то, что в начале XII века на Руси знали о нориках, знали о принадлежности их к славянам, но знал ли что-нибудь о них редактор «Повести вр. лет» 1054 г. (1-я ред.), остается неизвестным. Если летописную фразу понимать в смысле «норици суть Словѣне» (стр. 62), то она является, что называется, ни к селу ни к городу, разрывая связный рассказ о расселении Словен. Сомнительно, чтобы разбираемая фраза принадлежала самому автору вводных статей (т. е. редактору 2-й ред. «Повести»), так как редактор их ведет свой рассказ вполне последовательно, и если делает вставку, то возвращается к рассказу теми же словами. (Лавр. 8=6, 7), или даже с указанием *Икоже рикохомъ* (Лавр. II, 13). Фраза о нориках в этом смысле имеет характер глоссы, сделанной после составления вводной статьи о расселении славян, но в XII же веке, так как в первой половине XIII в. она попала из Летописи уже в Толковую Палею (изд. учеников Тихонравова, стлб. 238). Глосса могла быть сделана на поляхъ, против дальнейшего изложения расселения славян, откуда при дальнейшей переписке была пере-

несена в текст; менее вероятно, чтобы она была вставлена прямо в текст. Полную аналогию представляет глосса «Иллюрик-Словѣне» (Лавр., 2, 16 — 3, 1), о которой речь идет далее. Возможность таких глосс во вводных статьях признает и Н. К. НИКОЛЬСКИЙ, говоря, что слова Летописи «гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (Лавр. 5, 6) «есть позднейшее дополнение к словам „по Дунаевѣ“, т. е. пояснительная глосса, не современная более раннему преданию» (стр. 72). Читатель Летописи в XII в. знал откуда-то о нориках, как о славянах, но, не встречая их в летописном тексте, дополнил его в виде глоссы, смысл которой был такой: «норици — тоже Словѣне».

Если же приведенную фразу понимать в распространительном смысле, т. е. что книжник хотел сказать приблизительно так: «От этих 72 языков произошел язык Словенский, называвшийся прежде Нориками (или «то-есть Норики»), «еже суть Словѣне» — возможность чего, по крайней мере, для мораво-паннонцев Н. К. НИКОЛЬСКИЙ признает вполне возможным (стр. 63), и что может быть оправдано и словоупотреблением древнерусского языка, в котором сочетания «еже суть», «еже есть» обыкновенно имеют значение «то-есть», — то и такое понимание не будет служить препятствием для признания данной фразы, как позднейшей. Прав, поэтому, был Н. П. БАРСОВ (Очерки русской исторической географии, 2-е изд., стр. 248—9), который полагал, что название «норици» проникло в Летопись, как ученый комментарий начитанного книжника.

Такого же происхождения и добавление «Словѣне» к «Илюрикъ» (Лавр. 2, 16 — 3, 1). Автор не признает чисто-литературного его происхождения и возводит его к мораво-паннонским преданиям, имевшим место на страницах предшествующих историографических трудов. Он правильно возражает ШАФАРИКУ, что летописец не отождествлял иллирийцев со славянами (стр. 70—71), но, соединяя две редакции «Повести временных лет» в одну и отождествляя первого редактора со вторым, автор и тут должен игнорировать литературную историю данной фразы. Вводные статьи «Повести» составлены, между прочим, по «Сказанию о прел. книг» (в 1-й ред. «Повести»), но редактор «Сказания» не отождествлял иллирийцев со славянами, а сказал только, что в Иллюрике ~~бѣша Словене первые~~ (Лавр. 28, 1); для последующего читателя летописного «Сказания» выходило, что Иллюрик есть первоначальное поселение славян; это же представление мог составить и 2-й редактор, автор вводных статей, который, выписывая статью о расселении народов, происшедших от Иафета (или, точнее — перечисление стран, занятых потомками Иафета), и добавил от себя глоссу, как бы в скобках, слово «Словѣне». Но возможно, что это и позднейшая глосса, сделанная на полях и внесенная затем в текст, так как второй редактор, делая выписки из Хроники Георгия Амартола — а данная статья заимствована

именно оттуда, — переписывал буквально, не прибавляя от себя ничего. Но существа дела это не меняет.

Разбирая фразу «Иллюрик-Словѣне», автор возражает против предположения об изложении в «Повести временных лет» теорий балканской родины славян, основывающегося на словах Летописи —

По мнозѣхъ же времѣнѣхъ сѣли сѣть Словѣни по Дунаевѣ, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска (Лавр. 5, 5—8).

Возражение автора основывается на том, что 1. на первом месте была бы названа земля Болгарская, а не Угорская, и 2. слова «гдѣ есть нынѣ земля Угорьска и Болгарьска» есть позднѣйшее добавление к словам «по Дунаевѣ», т. е. глосса. Возражение само по себе справедливо, но основания для него должны быть другие. Не говоря уже о странном требовании, чтобы летописец непременно должен был назвать сначала Болгарскую землю, а потом Угорскую, все дело в том, что и здесь надо различать двух редакторов. Редактор вводных статей взял разбираемое известие из первой редакции «Повести временных лет» т. е. из «Сказания о преложении книг» —

Словѣни, же сѣдяху по Дунаевѣ, нѣже прѣша Угри (Лавр. 25, 6—7) и —
таже грамота есть к Русѣи и к Болгарѣхъ Дунайскихъ (Лавр. 25, 10),

где упомянуты сначала Угры, а потом — Болгары, но сказал точнее: «где есть нынѣ Уг. з. и Б.» т. е. в его время, в начале XII века; след. эти слова не будут глоссой к слову «по Дунаевѣ» в том смысле, как обыкновенно глосса понимается, а составляют с ним неразрывное целое. Может быть, редактор «Сказания» (т. е. 1-й ред. «Повести») и разумел средний Дунай т. е. Паннонию, но редактор вводных статей не вникал в эти тонкости и сообщил, что было известно в его время. Из примечания 1-го на стр. 71-й мы узнаем, что уже А. А. ШАХМАТОВ в оставшемся в рукописи втором томе своего труда «Повесть временных лет» признавал слово «Словѣне» после названий Иллюрика вставкой в переводный текст Хроники Амартала, причем вставка, по его мнению, сделана самим автором «Повести временных лет». Но А. А. Шахматов еще не отделял автора вводных статей Летописи от автора последующего изложения и не различал еще двоякого пользования Хроникой Амартала. Однако, его наблюдение в общем остается в силе.

Таким образом, летописная история расселения славян, как она изложена именно во вводных статьях, восходит, действительно, не к византийскому источнику (стр. 75), но и не к западнославянским преданиям (ibid.), а есть литературного происхождения из ранее составленного «Сказания» и других неопределенных пока источников. Нестор не был изобретателем балканской теории, но не был и сторонником византийской (стр. 76—77), а был лишь передатчиком строк «Сказания»,

воспринятых им сообразно своему времени. Следов., взгляд НИДЕРЛЕ на Нестора ближе к истине.

На основании сказанного, путь должен быть представлен в следующем виде: 1. Мораво-паннонские предания (Норик, ап. Павел); 2. редактор *первой* редакции «Повести временных лет» (1054 г.), вероятно, он же и автор «Сказания о предложении книг», сделавший свое умозаключение об апост. Павле и о поляно-руси, но не сказавший ничего о нориках; 3. редактор *второй* ред. «Повести» (XII в.), основавший вводную статью, между прочим, на «Сказании о предложении книг», и 4. глоссатор, вставивший упоминание о нориках и об Иллирике-Словенах, хотя таким глоссатором мог быть и автор второй редакции «Повести».

Не будем, поэтому, спорить, что летописное сказание о древних славянах в конце концов восходит «к циклу мораво-паннонских традиций славянства» (стр. 77). Но от существования в древней Руси отголоска этих традиций до признания историографического труда, посвященного изложению судеб мораван, чехов, ляхов и полян, и, далее, до существования основанной на этом западнославянском памятнике областной истории поляно-руси, бывшей источником и для вводных статей «Повести временных лет» и для «Сказания о предложении книг», до всего этого — расстояние огромное.

VI.

ПОЛЯНЕ И ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

Дальнейшим подтверждением существования моравско-паннонского источника о поляно-руси, по мнению Н. К. НИКОЛЬСКОГО, служит «несколько загадочное» сообщение «Сказания о предложении книг» (под 898 годом) о родстве поляно-руси с четырьмя славянскими племенами: паннонцами или нориками, мораванами, чехами и ляхами, между тем как в вводных статьях перечисляются и другие славяне, а также и другие русские племена. И здесь автор исходит из единства вводных статей Летописи и погодного ее изложения, приписывая и вводные статьи и «Сказание» одному и тому же редактору, и потому, эта несогласованность и является, пожалуй, «несколько загадочной». Для объяснения этого противоречия автор и выдвигает утраченное западнославянское Сказание с группировкой в одну семью или в один союз именно этих только племен, которое и повлияло — де на «Сказание о предложении книг».

Однако, объяснение должно быть иное. Как уже разъяснено выше, начальная часть погодного изложения «Повести временных лет» (852—1054 гг.) составляет нечто отдельное от вводных статей, написанных на полстолетие позднее; эта начальная часть «Повести», в свою очередь,

составляет конечную часть предшествовавшей «Византийско-русской Хроники» или «Хронографа по великому изложению», где русские события являлись сначала дополнением византийских, тесно с ними переплетаясь, а затем уже — простым продолжением. Автор «Хронографа», начиная говорить с 852 г. прямо о русских событиях, и не имел в виду никакой мысли говорить об единстве славянских и русских племен в той или другой их группировке, так как писал не «историю русскую», а «всемирную хронику», лишь с добавлениями из русской истории в полное подражание своему источнику. Когда в 1054 г. конечная часть Хронографа была механически оторвана и превращена в первую редакцию «Повести временных лет», то известия о разселении всех славянских и русских племен также продолжали механически отсутствовать, и идея родства всех славян между собой и всех русских племен между собой не возникала и не выдвигалась, хотя, разумеется, и была известна. Но как таковая, она все-таки явилась, но — не как самостоятельная, широкая, а как подсобная, узкая.

Это и проявилось в «Сказании о преложении книг», где в круг славяно-русской семьи включены были только те племена, которые имели отношение именно к славянской грамоте и к преложению книг на славянский язык. Редактор «Сказания» из русских племен называет только полян, и это объясняется и той целью, для которой «Сказание» составлено, и действительностью, из которой оно исходило. Редактор исходил только из «словенской грамоты»; грамота пришла на Русь в Киев т. е. к полянам; далее, в том же Киеве т. е. опять-таки у полян развилось книжное просвещение при Владимире, а особенно при Ярославе; редактор — сам киевлянин т. е. полянин, т. е. до известной степени националист; поляне, таким образом, в его время являлись передовыми среди всех русских племен, и в «Сказании» они и выставлены, как представители последних, подобно тому как и «Ляхове» в «Сказании» (Лавр. 25, 8) объединяют всех ляхов, которые позднее во вводных статьях подробно перечисляются. Следов. «Сказание» не включает в себе данных для предположения особой теории о родстве полян с западными славянами. Но редактор сделал пояснение —

иже грамота естъ в Русѣи и в Болгарѣхъ Дунайскихъ (Лавр. 25, 10),

так как в его время (полов. XI века) термин «поляне» уже заменялся термином «Русь», и так как книги «словенской грамоты» приходили уже только из Болгарии Дунайской. Как будто не хватает слова «ныне» или «только»; лучше было бы «ныне».³

³ Ср. сказанное автором на стр. 48, что в конце X в. прекратились связи, скреплявшие единство моравы, чехов и ляхов с поляно-русью, и что в начале XI века у западных славян славянская грамота заменилась латинскою.

Сообразно с этим, и произошло заключение «Сказания» (Лавр. 28, 6–10): а) теперь грамота русская (русский язык); в) она должна бы называться, в действительности, *полянской*; с) но *поляне* и *русь* одно и то же: различие только хронологическое; д) а *поляне* суть *словене*; следов. *словенский* и *русский* язык одно и то же. Разумеется, редактор писал «Сказание», не составляя предварительно приведенной схемы, но его материал сам дает основание для утверждения, что для него на первом месте была грамота, а затем уже вера и на последнем месте — единство славян. Тем более у нас нет оснований заключать, что редактор «Сказания» настаивает на единстве полян только с западными славянами — мораванами, чехами и ляхами.

Н. К. НИКОЛЬСКИЙ говорит, что в перечень племен, родственных с поляно-русью, летописец не включает дунайских болгар (стр. 79; Лавр. 25, 10), и видит основание этому в том, что летописец или, точнее, автор утраченных повестей о поляно-руси, проводивший славянофильскую теорию, был убежден, «что обитатели древнего Норика были предками славян, что исходным пунктом расселения славян в Европе была Паннония или Норик» (стр. 82—83). Но мы видели выше, что упоминание о Нориках было сделано во вводных статьях через 50 лет после «Сказания», и скорее глоссатором, нежели редактором. Знал ли редактор «Сказания» что-нибудь о нориках, остается неизвестным; но для него, как и вообще для книжников половины XI века,

Глокѣни иже сѣдаху по Дунаѣви, и хъже приаша Ёгри (Лавр. 25, 6–7),

были современные ему болгары, которым дана та же грамота, что и на Руси. Автор вводных статей (начала XII в.) воспринял из «Сказания» то же представление, изложив суммарные сведения последнего в распространенном виде. Суммарность сведений «Сказания», вызванная, как показано выше, целью выдвинуть на первое место «словѣнскую грамоту», для редактора 2-й редакции «Повести временных лет», т. е. для автора вводных статей оказалась недостаточной. Не распространяя самого «Сказания», он во вводной статье и дал подробную картину расселения как славянских племен вообще, так и русских племен в частности. Но свое изложение он начал словами «Сказания»:

По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли сѹть Глокѣни по Дунаѣви, гдѣ есть ныне Ёгорьска зѣмля и Болгарьска. И отъ тѣхъ Глокѣнъ разидошася по зѣмлѣ и прозвашася имении своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ (Лавр. 5, 6–8). — Бѣ единъ языкъ Глокѣнскъ: Глокѣни иже сѣдаху по Дунаѣви, и хъже приаша Ёгри... (Лавр. 25, 6–7).

Подтверждение своему взгляду на существование западнославянского Сказания о родстве четырех славянских племен автор видит в заметке, приписанной к некоторым спискам легенды о Константине Фило-

софе (стр. 79—82). Но эта заметка — пренелепая поздняя компиляция, хотя бы и домонгольская (по мнению Соболевского), составленная в противовес летописным сказаниям для возвеличения Руси; «Морава-Чехи-Ляхи» взяты из Летописи, но им дана русская грамота; естественно, что и Войтех изгнал русскую грамоту из Моравы-Чехи-Ляхи.⁴

VII.

ПОЛЯНЕ СРЕДИ РУССКИХ ПЛЕМЕН. ХРИСТИАНСТВО У ПОЛЯН.

Итак, предшествующие страницы монографии приводят Н. К. НИКОЛЬСКОГО к заключению, что, если существовали утраченные Повести о поляно-руси, автор которых находился под влиянием западнославянской (славянофильской) историографической идеологии, то такой автор не мог излагать историю просвещения Руси так, как она изложена в «Повести временных лет». В утраченных Повестях о поляно-руси она была изложена иначе и уже позднее, под влиянием греко-варяжской теории, под пером летописца приняла тот вид, в котором мы ее имеем в «Повести временных лет». Но естественно ожидать, что в «Повести» останутся следы старого источника в рассказе о начале русской культуры, замененном новою версией. Исканию этих следов и посвящена IX глава монографии.

Хотя предшествующие мои замечания все сводились к отрицанию существования особых повестей о поляно-руси, да еще восходящих к западнославянскому историографическому труду, но встанем пока на точку зрения автора и посмотрим, насколько действительно в «Повести временных лет» такие следы существуют.

Насколько можно выяснить, все дело сводится к следующим положениям: 1. поляне были просвещены христианским учением еще во времена апостольские апост. Павлом, когда они, вместе с другими славянами, жили в Моравии; 2. они продолжали оставаться такими же просвещенными христианством, но не обязательно крещенными, и в новом своем поселении при первых князьях и отличались кроткими нравами; 3. Владимир лишь узаконил крещение. Так было изложено в утраченной Повести о поляно-руси. Под влиянием грекофильской теории, все это было переделано в духе главенствующего значения греков и княжеского дома, в результате чего поляне сделались «невѣголосами», кровожадными, приносящими человеческие жертвы, и вся роль введения на Руси христианства была приписана грекам и Владимиру. Но следы старого изложения остались. На первом месте и стоит опять «Сказание о преклонении книг» с своим указанием на ап. Павла.

⁴ Такой же взгляд на заметку уже высказан Г. А. Ильинским — *Byzantinoslavica* II/2 (1930), стр. 435.

Не повторяя сказанного уже выше, по поводу ап. Павла можно, однако, кратко возразить, что смысл заключения «Сказания» иной. Он сводится к следующему. Славянские книги предложены Кириллом и Мефодием; Мефодий есть настояльник Андроника; Андроник был епископом в Моравии; ап. Павел учил Словѣн, так как доходил до Иллюрика, где жили прежде Словене; след. Павел есть первоначальный учитель Словен т. е. Мораван; но Русь не хуже Моравы; хотя на Руси никакого апостола не было, но через Мефодия и, далее, через Андроника Русь также связывается с апост. Павлом; препятствий для этого нет ни в названии (Словене-поляне), ни в языке: словенский и русский (полянский) языки — одно и то же; общее название Словене, а в частности — моравы, чехи, ляхи, поляне. Следов., задачей Заключения является стремление доказать путем умозаключения, что мы, поляне (или русские), доходим и до ап. Павла. Но отсюда нисколько не следует, что летописец имел в виду сказать, что поляне с незапамятных времен держатся христианского просвещения, и нисколько не следует, что поляне, действительно, с тех времен следовали учению ап. Павла. Поэтому, логическая связь между выпиской из Жития Мефодия и дальнейшим рассуждением летописца не является нарушенной, хотя и обнаруживает или пропуск или сокращение своего источника. Источником были, разумеется, западнославянские предания, которые редактор «Сказания» изложил с своим вступлением и заключением. Но кто настоящий автор «Сказания»? автор ли Византийско-русской Хроники т. е. «Хронографа по вел. излож.», составивший его для своего труда, откуда оно перешло и в «Повесть временных лет», или автор последней? Кажется, не надо сомневаться, что в том виде, в каком мы имеем «Сказание» в «Повести временных лет», оно должно принадлежать редактору «Повести» (1054 г.). Основание заключается в том, что цели у того и другого автора были различны. Автор «Хронографа» создавал не «русскую историю», а такую же всемирную хронику, какую представляла собой и Хроника Георгия Амартола, с присоединением лишь русских событий; редактор же «Повести временных лет» создал уже «Историю русской земли», и поэтому, проявить свой патриотизм, свое национальное сознание было вполне естественно, а это и обнаруживается в вступлении и в заключении «Сказания». Если оно и было уже в «Хронографе по вел. излож.», то без того и другого. Большого значения это, конечно, не имеет, так как оба памятника явились на пространстве двух десятилетий. Так надо понимать историю и значение «Сказания».

Приведенное выше рассуждение автора сводилось к тому, чтобы оправдать действительность противоречия, которое, по его мнению, обнаруживается в известиях, касающихся истории христианства у полян. Во вводных статьях летописец считал полян христианами, так как объяснял дикие нравы прочих племен «неведением закона Божия» (стр. 88;

Лавр. 13, ₁₁₋₁₂); но далее они являются «невѣголосами», приносящими человеческие жертвы, а еще далее — их христианское просвещение возводится даже к апостольским временам. Действительно, как будто, — противоречия. Но встанем и здесь на время на точку зрения автора на принадлежность вводных статей и погодной части Летописи одному и тому же редактору и поставим вопрос, насколько необходимо здесь видеть указанное противоречие? Сам автор сомневается, не будет ли слишком смело приписывать летописцу взгляд на полян, как на христиан, и считать этот взгляд соответствовавшим действительности, так как документальных данных для этого нет, а есть только соображения, «быть может, не для всех достаточно убедительные» (стр. 89). О христианстве полян речь будет далее, а теперь только речь о кротких нравах полян, которые через несколько страниц оказались кровожадными. В понимании такой якобы «метаморфозы» (стр. 85) не мало субъективного. Пусть будет вполне справедливым, что поляне отличались от прочих русских племен кроткими нравами и культурными привычками, что могло быть вполне естественным, так как они жили не в диких лесах, а в полях, что уже одно должно было смягчать дикие нравы, и так как в их земле был такой культурный центр, как Киев. Но в области веры это несколько не могло препятствовать их приверженности к унаследованным обрядам и обычаям и отличаться в известных случаях религиозной фанатичностью. Будучи, сравнительно с другими племенами, «мудрыми» (Лавр. 9, ₁) и «кроткими» (Лавр. 12, ₁₀), в области религиозных убеждений и обычаев они могли быть «погани и невѣголоси» (Лавр. 31, ₂₃₋₄). Ведь принесла же добровольно набожная старушка для сожжения Гуса охапку дров, что вызвало у него восклицание: «O sancta simplicitas!» А чего стоят преследования за религиозные убеждения в новые века, в которых повинны люди не менее «мудри и смыслени»! Имея это в виду, едва ли будет необходимо усматривать в разбираемых летописных известиях взаимное противоречие, считать полян христианами (но необязательно крещенными) еще со времен апост. Павла и искать их вторичного обращения в язычников или в исторических переменах в их судьбе, «рассказ о которых опущен», или во влиянии «средневековых литературных условностей» (стр. 85, прим. 3-е).

Но дело не столько в этих общих соображениях, а в самом ходе составления летописных рассказов. Редактор 1-й редакции «Повести временных лет» или его предшественник, автор «Хронографа по вел. изл.», вводных статей не имел, о нравах полян ничего не говорил, а считал их только язычниками («погани и невѣголоси» — Лавр. 81, ₁₂). Вопреки мнению автора (стр. 87), начальные слова «Сказания о предложении книг» «Словѣномъ живущимъ крещенымъ» (Лавр. 25, ₁₁) имеют в виду только моравян, которые для него тоже «словѣне», как и «полянерусь», так как к ним сейчас же присоединяются их князья — Ростис-

слав, Святополк и Коцел (Лавр. 25, 12), и так как далее читается: и посла ѡ въ Словѣнскую землю къ Ростиславу и Святополку и Къцѣлови (Лавр. 26, 9—10); следов., о полянах автор «Сказания» нисколько не думал и в состав «крещеныхъ Словѣнъ» их не включал. Спустя полстолетие, редактор вводных статей, переписывая бывшую у него в руках «Повесть временныхъ летъ», разумеется, уж нисколько не сомневался в том, что его предки-поляне были язычниками. Но описывая нравы русских племен и выставляя кротость, тихость и стыдливость полян, он руководствовался, надо думать, кроме преданий, и современной ему действительностью; в течение целого века поляне, сравнительно с другими племенами, и должны были стать более культурными, так как христианство и просвещение было наиболее сильно и действительно в центре т. е. в Киеве. Нестор это видел, и свое впечатление от современности отчасти перенес и на старину, сгущая краски преданий;⁵ возможно, что здесь не обошлось и без влияния со стороны сознания своего национального превосходства.

Можно ли из слов летописца:

Он же творяху обычаи Кривичи и прочии погани, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ (Лавр. 13, 11—12)

— заключать, что он «считал полян христианами» (стр. 88)? Сомнительно. Все русские племена —

имяху обычаи свои и законъ отѣцъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ (Лавр. 12, 8—9); поляне имели нрав тихий и кроткий и — только. Фраза «не вѣдуще закона Божия» есть только общее выражение в устах благочестивого монаха.

Следовательно, нет противоречий, которые давали бы основание возводить христианство полян к временам апостольским, предполагать утраченную Повесть о поляно-руси, где поляне изображались бы как исконные христиане, и приписывать их вторичное обращение в язычество греческому влиянию на летописца.

Но если автор желает видеть в полянах исконных христиан, то он должен выяснить их отношение к остальным русским племенам. Как же это так случилось? Все русские племена составляли одну семью, жили все вместе, по мнению автора, на среднем Дунае, просвещены были христианским учением в апостольские времена, так просвещенными должны были придти на места их нового поселения, и — из них только поляне остались христианами, а радимичи, кривичи, вятичи и другие

⁵ Лавр. 12, 17 надо читать не «умыхаху чѣмъ дѣвца», но — «умыхаху чѣмъ дѣвца» т. е. «уводами», как предлагал уже Срезневский в своем Словаре.

явились дикими язычниками? Здесь являются несколько возможностей. Или поляне жили на Дунае отдельно от всех прочих русских племен, входя в союз с моравами, чехами а ляхами, и апостольская проповедь коснулась только их, не затронув остальных русских племен, которые и переселились в новые места еще язычниками; но тогда надо точнее выяснить историю переселения. Или все русские племена на Дунае были христианами, но на новых местах христианское просвещение удержалось только у полян, а у прочих вновь заменилось язычеством; но тогда на каком основании можно говорить о союзе западных славян только с полянами? Подобных недоумений получается не мало.

По летописцу, Владимир, отменив казнь для разбойников, стал жить по *устроенью отъню и дѣдню* (Лавр. 124, 15). Автор и утверждает, что христианин Владимир «не мог вернуться к языческому устроенью предков» (стр. 90), и следовательно, вернулся к негреческому христианству отца т. е. Святослава и деда т. е. Игоря. Однако, выражение летописца нисколько не говорит о христианстве времен Игоря и Святослава. Никто не оспаривает, что во времена Игоря и Святослава на Руси уже были христиане, но самое выражение «устроенье отъне и дѣдне» не означает непременно христианства. Оно должно пониматься буквально, и в поведении и в решении Владимира нет ничего странного (стр. 89). При Игоре и Святославе разбойникам смертной казни не полагалось, а полагалась вира, очевидно, как норма обычного права. Владимир, став христианином, присоединил новое основание — боязнь греха, по крайней мере, в устах летописца. Введя, однако, на некоторое время казнь, он скоро отменил ее, как противоречащую нормам русского обычного права, и вернулся к обычаю отца и деда. О христианстве тут нет и речи.

В подспорье *устроенью отъню и дѣдню* автор привлекает Договор Игоря с греками 945 г. Русским послам было

*запоѣдано обновити вѣтѣхъй миръ, ненакидащаго добра и краждолюбьца
дыакола разорити* (Лавр. 46, ^{14—15}),

что не могло исходить от Руси языческой (стр. 91). Так как послы были посланы

*отъ Игоря, великого князя Рускаго, и отъ всякого княжыи и отъ всѣхъ
людей Руския земли* (Лавр. 46, ^{12—13}),

то отсюда следует-де, что и Игорь и княжыи и все люди русской земли были уже христианами, и языческая религия не имела первенствующего значения. Хотя летописец и признает Игоря язычником, так как Игорь и люди его приносят клятву перед Перуном, но, в виду противоречия этого сообщения с сказанным, не надо ему, очевидно, придавать значения (стр. 92, прим. 3).

Вот ведь до чего можно договориться! И Игорь стал христианином!

Все это было бы хорошо, если бы самый вопрос о Договорах был так прост, как его хочет представить автор. Договоры имеют за собой длинную литературу и все-таки удовлетворительно еще не разъяснены. Но кое-что уже выяснено, как напр. то, что Договоры переведены с греческого языка, и то, что они представляют собой только обязательства русских по отношению к грекам. В статье А. ДИМИТРИУ «К вопросу о договорах русских с греками» (Византийский Временник, II, вып. 3, 1895 г.) выяснена вся процедура тогдашнего составления подобных договоров. Каждая договаривающаяся сторона передавала другой хартию с перечислением обязательств, которые она брала на себя; так и тут греки излагали свои обязанности и передавали русским, а русские — обратно. Принимая все это во внимание, должно прийти к заключению, что и обязательства русских писаны греками в Царьграде, а русские послы прибыли туда лишь с устными поручениями. Это вполне естественно, так как на каком языке могли бы быть написаны Договоры в Киеве в 945 году? Греки и излагали, по устному соглашению с русскими послами, обязательства, которые они принимали на себя, и сочиняли те обязательства, которые налагались на русских. Те и другие хартии затем переводились на славянский язык.⁶ Так как оригинал Договора 945 года писан греками, то он и отражает и стиль и мысли греков и способ их выражения: то, что они думали, и то, как они говорили. Все это было как-бы вложено в уста русских. Отсюда и начало Договора с дьявола, отсюда призывание мести на нарушивших их договор, прежде всего, от «Бога вседержителя», а потом уже — и как бы в виде уступки —

елнко нхъ естъ не хрещено, да не имутъ помощи отъ Бога ни отъ Перуна (стр. 91; Лавр. 47, 3—4). Таким образом, слишком рискованно основываться в данном случае на Договоре 945 для подтверждения господствующего положения на Руси христианской религии, и еще менее можно выводить заключение, что Договор 945 г., с своей стороны, «удостоверяет, что в древности должны были существовать сказания, излагавшие историю русского просвещения не с теми фактическими подробностями, с какими знакомит древнейший свод» (стр. 92).⁷

⁶ Подробнее в моей статье «Договоры русских с греками X века» (Изв. рус. яз. и слов. Акад. Н., т. XXIX, 1924 г.).

⁷ Вошедшие в Летопись Договоры дают нам перевод с греческого языка не на болгарский, как принято думать, а на русский, т. е. перевод сделан русским книжником. Помимо приведенных в моей статье случаев итацизма, указывающих на то, что перевод был сделан тогда, когда могущие возникнуть недоразумения из-за его неправильностей уже не имели значения — помимо этого, на русский перевод решительно указывают две глагольные формы с префиксом «вы»: 1) в Договоре Олега 912 г. — «аше вывержена бѹдетъ ледѹа вътрѹмъ» (Лавр. 34, 18) и 2) в Договоре Игоря — «аше окрищють Рѹсь кѹбарѹ грѣхскѹю»

Важнейшим доказательством существования особой истории поляноруси для автора является летописная история крещения киевлян, явно де указывающая на следы изъятия известий из старого летописного свода. По летописцу, перемена языческих верований на христианские произошла, действительно, так сказать, «феерически» (стр. 93), по приказу Владимира, в 24 часа. Историки давно уже указывали на невозможность такого быстрого проявления события в действительности и предполагали существование длительного подготовительного периода, не обставленного в Летописи фактическими данными. Н. К. НИКОЛЬСКИЙ исходит из этого общего мнения, опираясь особенно на мнение В. И. ЛАМАНСКОГО. Но доказывать необходимость существования подготовительного периода введения христианства только одними теоретическими рассуждениями — значит ломиться в открытую дверь. Гораздо важнее указать на фактические данные и затем разъяснить, почему летописец не изобразил нам этого подготовительного периода, который, по нашим представлениям, являлся безусловно необходимым. Автор, действительно, делает то и другое, возводя объяснение умолчания летописцем о подготовительном периоде к влиянию грекофильской теории и к стремлению возвысить заслугу Владимира, в которой повинны были исключительно греки.

К сожалению, фактических данных у нас нет, и автор мог указать только на одну фразу в рассказе Нестора о Борисе и Глебе —

но аки издавна научены, тако течаху радующеся къ крещенію

(стр. 94), усматривая в ней литературный отголосок «предания о том, что просвещение полян началось значительно ранее, чем объявление у них греческой веры государственной религией» (ibid.). Однако, здесь, очевидно, простое недоразумение. Фраза должна пониматься совершенно иначе. Ее нельзя понимать так, как хочет понять ее автор, т. е. в смысле — «они шли съ радостію къ крещенію, так как издавна были научены», а надо понимать ее в смысле: «они с такой радостью шли к крещенію, как будто давно уже были научены». Нестор здесь удивляется отсутствию всякого сопротивления, его поражает готовность масс креститься, и нет никакого сомнения в том, что он был убежден в действительности такого необычайного явления. Это его убеждение

«извержену на козъм любо мѣстѣ» (Лавр. 50,4—5) — в последнем случае «вз» вместо «вы», что встречается часто в рукописях не раннего времени, как Лаврент. список. Если бы Договоры переводил в свое время болгарин, то он никак бы не сказал «вывержена», «вывержену», так как в его языке префикса «вы» не было, а сказал бы «извержена», «извержену»; а если бы русский книжник переписывал болгарский оригинал, то «извержена», «извержену» оригинала он никогда бы не изменил на «вывержена», «вывержену», так как для него оба глагола были совершенно одинаковы. — В этом смысле надо дополнить указанную мою статью.

есть не только литературный отголосок какого-либо старого предания, но прямое заимствование из «Повести временных лет» первой редакции (1054 г.), которую он переделал во вторую редакцию, оставив историю крещения киевлян в неприкосновенном виде и заимствовав из нее в новый свой труд не только факт, но и взгляд на него. Но надо полагать, что таково было убеждение всех русских людей конца XI и начала XII в., хотя бы оно и не соответствовало действительности. Таково же было убеждение и у книжников половины XI века, когда составлялись и «Хронограф по великому изложению» (Византийско-русская хроника) и «Повесть временных лет», и вопрос, действительно, заключается в том, как у авторов того и другого памятника образовалось такое убеждение.

Не отделяя летописца половины XI века от летописца начала XII в., автор видит в летописном сообщении о крещении киевлян исключительно греческое влияние, которое вытравило из умонастроения русских книжных людей всякую мысль об иной истории христианского просвещения и предало забвению старые предания, читавшиеся в древнейшей истории поляно-руси. Несомненно, в достаточной степени автор прав, и опаривать греческое влияние на мысли и настроения русских людей XI—XII вв. не приходится. Факт постепенного овладения всей умственной и культурной жизнью русских людей древнего периода вплоть до половины XV века — факт общеизвестный. В настоящем случае является только лишь вопрос хронологический. Влияние греческой литературы началось, разумеется, с самого раннего времени, как только, вместе с отдельными случаями проникновения на Русь христианства, стали проникать в нее и церковные богослужебные книги. Вероятно, изредка проникали и книги небогослужебные, поучительные; отрицать такое проникновение едва ли возможно. Но это влияние было еще незначительное и не непосредственное. Последнее началось только с 1037 года, с момента учреждения в Киеве греческой митрополии и с приездом греческого клира, который привез с собой массу литературы и занял первенствующее на Руси положение. Русские книжники, естественно, подчинились влиянию греков и стали мало-по-малу принимать их взгляды на самые разнообразные стороны жизни и тем самым изменять свои старые. Подчинился им и русский книжник-историк, был ли это автор «Хронографа по великому изложению» (Визант.-русской Хроники) или автор «Повести временных лет».

Однако, при этом возникает неизбежный вопрос: достаточно ли было времени для того, чтобы забыть все, что рассказывалось и писалось о действительной истории крещения Владимира и киевлян, о предполагаемом господствующем положении на Руси христианства с самого начала русской истории, о христианстве Игоря, Святослава и т. п.? Ведь оба памятника создались в период 1037—1054 годов, и очень уже сомнительно, чтобы в такой короткий промежуток русский книжник

сделался таким грекофилом, что, в угоду своим новым учителям, переделал всю свою предшествующую историю. Это было бы еще возможно, если бы все дело ограничивалось одними устными преданиями; но Н. К. НИКОЛЬСКИЙ восстанавливает нам не одни только устные предания, но и целую письменную историю поляно-руси. Невольно возникает необходимость ограничить степень участия греков в составлении начальной нашей Летописи, в частности — в составлении истории крещения Руси. Вполне вероятно, что в составлении последней греки сыграли известную роль, но все изложение предшествующей истории христианства на Руси не потому ли так скудно в Летописи изображено, что оно отвечало действительности, что у летописца не было других фактов, и что он мог ярко изобразить только то, что совершилось на его глазах? Напрашивается ответ, что в действительности так и было. Об общественных событиях летописец, редактор «Повести временных лет» 1054 г., передает обыкновенно только конечный их результат. Подобно тому, как о книжном просвещении он сказал только то, что он видел сам своими глазами, а вся предшествующая история проникновения книжной мудрости оставалась в деталях ему неизвестной, частью потому, что она была незначительна и, приходя постепенно, не попадала в записи, — подобно этому, и история крещения представлена в виде конечного результата потому, что предшествующая история по своей незначительности была ему неизвестна. А по своей незначительности она не попадала на страницы записей — если только еще последние были, ибо их следов у нас никаких нет — и держалась только в народной памяти. Автор Летописи мог еще помнить всенародное крещение, если не как очевидец (1054 — 988 = 66), то как с раннего детства слышавший о нем рассказы. Разумеется, эти рассказы поддерживались и греками, которые, приехав в массу в 30-х—40-х годах, нашли для себя уже подготовленную почву и лишь усилили сложившееся уже убеждение книжных русских людей. Что проникновение христианской веры было раньше спорадическим и что крещение не привлекало к себе внимания, можно видеть хотя бы из того, что о месте крещения самого Владимира не существовало точных сведений, и летописец счел нужным опровергать неверные, по его мнению, указания; очевидно, крещение Владимира происходило без всякой торжественности, в семейной обстановке, и никто им не интересовался; тем более проходил незамеченным переход в христианство рядовых граждан.

Все это сводится к тому, что у нас нет никаких данных для утверждения о существовании выкинутых автором «древнейшего свода» (какого?) особых преданий о просвещении Руси (стр. 92).

Теперь несколько отдельных замечаний.

Стр. 94—95. Похвала летописца (Лавр. 117, ¹³⁻¹⁶) совершившемуся крещению и должна гармонировать с заключительными словами рас-

сказа о нравах русских племен (Лавр. 15, ₁₈), так как редактор вводных статей (XII в.) составлял свой рассказ, имея в руках предшествующую Летопись, с которой он не расходился, а только дополнил введением. В указанной похвале потому и нет намеков на коренной перелом народных воззрений, что такого перелома в действительности не было, а его не было именно потому, что реформа Владимира была по существу «первым и притом принудительным этапом». Если Летопись почти ничего не сообщает о борьбе мировоззрений на Руси, то это не значит, что ее не было. Древнерусская поучительная литература постоянно говорит о «двоеверии», на что исследователи постоянно указывают. Если, по летописцу, киевляне очень охотно шли, по приказу Владимира, на крещение, то надо иметь в виду, что здесь говорится исключительно о горожанах, которые вообще равнодушнее к делам веры. Народные волнения, вызванные волхвами и указываемые в Летописи, происходили не в городах, а в глухих областях северовосточной Руси.

Стр. 96. Редакторы сказания о крещении Руси не сообщили ничего о подготовительном периоде не потому, что они не были в этом заинтересованы, а потому, что они ничего о том не знали; с внешней стороны он был очень незначителен, и отдельные случаи перехода в христианство не попадали в записи и не удерживались в памяти, исключая таких случаев, как крещение княгини Ольги; массовое же событие при Владимире заслонило от их глаз и известные им ранние разрозненные факты. Автор повествования о крещении Руси, сказавший, что ~~сдѣ бо не сѣуть апостоли учили~~ (Лавр. 81, ₁₆), нисколько не стоит в противоречии с «Сказанием о преложении книг», так как в последнем апост. Павел представлялся косвенным, отдаленным учителем предков полян, когда они еще жили на Дунае, а автор повествования о крещении Руси отрицает только факт непосредственного просвещения каким-либо апостолом здесь, на новом поселении, в Киеве. Редактор вводных статей XII в., передавая легенду о посещении Руси апост. Андреем, вполне правильно не усматривал противоречия ни с тем ни с другим сказанием, так как, по его изложению, апост. Андрей только проехал через русскую землю, не оставив следа какого-либо учения. Митрополит Иларион, писавший «Слово о Законе и Благодати» в 1037—1050 гг. и также настаивавший на том, что на Руси не было никого из апостолов, также не видел противоречия «Сказанию о преложении книг», а едва ли можно отрицать, что он его знал: все писалось в одно и то же время. Самое слово Илариона проникнуто той же мыслью, что и летописное сказание о крещении Руси, именно убеждением, что главная роль в деле крещения Руси принадлежит не грекам, которые являлись только исполнителями княжеской воли, а — князю Владимиру. Оно и явилось, как противодействие излишним притязаниям греков. В то время как греки, очевидно, настойчиво проводили мысль, что русские обязаны своим христианским

просвещением исключительно им, грекам, русские книжные люди, из национального самолюбия, главную роль в этом деле приписывали своему князю, который приравнялся в этом случае к апостолам; так смотрят на него и Иларион и летописец. В то время как русские стремились канонизовать Владимира за его просветительную деятельность, греки, приписывавшие всю славу себе, противодействовали этому стремлению. В результате этой борьбы и явилось «Слово о Законе и Благодати». Следовательно, современники правильно понимали умозаключение автора «Сказания» о роли ап. Павла в деле просвещения полян. Поэтому, нет оснований и считать, что летописные рассказы и заметки о христианстве на Руси остались намеренно без продолжения, как-бы литературными эпизодами (стр. 98): они были эпизодами и в действительности. И в словах Ольги Святославу *аще ты крестишися, вси немѣть тожѣ сотвориши* (Лавр. 62, 13) нет нужды видеть «существование в древности преданий о длительной подготовке полян, предшествовавшей реформе Владимира» (стр. 98). Весь предшествовавший период, разумеется, можно называть подготовительным даже по тем немногим фактам, которые приводятся в Летописи. Но нет оснований видеть здесь как бы систематическую подготовку. Весь разговор Ольги с Святославом свидетельствует только о том, что к перемене веры до Владимира русские люди относились довольно свободно, что христианская вера возбуждала только насмешки, не более, которых Святослав и боялся, и что, если бы он приказал, то киевляне также беспрекословно пошли бы на крещение. И такое отношение к вере до греческого господства на Руси вполне понятно для жителей Киева, как центра, где сходились люди всех наций и всех вер. Если наш древнейший свод, в противоположность Паннонским житиям Кирилла и Мефодия, прославлявшим именно их, а не князей Ростислава, Коцела и Святополка, не называет ни одного имени просветителей Руси (стр. 99), то это и показывает, что таких просветителей, которых можно было бы приравнять к Кириллу и Мефодию, в действительности и не было. Приходили на Русь случайные просветители, болгарские священники, а может быть, и моравские, просветители рядовые, оставлявшие случайный, спорадический след христианской веры, и имена их не оставались в памяти народной, так как их деятельность не была поразительна. Имена же греческих просветителей времени Владимира не попали в Летопись потому, что это просвещение было делом не отдельных выдающихся личностей, а всего греческого духовенства, и выдающиеся имена также и тут отсутствовали. Кирилл и Мефодий прославляются не за распространение христианской веры, которая у моравян была уже всеобщей, а за славянскую грамоту; на Руси же славянская грамота уже была, приносимая в богослужебных книгах южными и западными славянами. Греки принесли массовое крещение, и кого же было прославлять за него, как не

князя? Ведь князь играл тогда первенствующую роль. И за массовое насаждение книжной мудрости несколько позднее летописец прославляет князя, не называя по своему обыкновению, имен ни переводчиков ни авторов самостоятельных трудов. Н. К. Никольский должен будет признать, что роль греков в распространении христианства на Руси до Владимира была очень незначительна, ибо иначе летописец — грекофил разукрасил бы ее и, во всяком случае, не умолчал бы о ней. Но можно спросить, была ли значительна в этом отношении и роль западных славян? Если для Владимира введение христианства имело политическое значение, то для греков его времени оно имело то же значение в большей степени; в результате такого осознанного к этому времени с обеих сторон совпадения интересов и произошло как будто «федерическое» введение на Руси христианства. Но пусть историки нам скажут, были ли в X веке подобные взаимные интересы у западных славян и у русских, которые могли бы заставлять нас думать, что западные славяне были заинтересованы в христианизации Руси. Не потому ли о подобной роли западных славян ничего в Летописи и не говорится, что ее в действительности и не было?

VIII.

ВЫВОДЫ.

Я не буду останавливаться на возражениях по существу против конечного вывода автора о слиянии в «Повести временных лет» двух повествований — славянофильского и грекофильского (стр. 102—105). Такой вывод о существовании двух независимых друг от друга повествований вплоть до конца XI века и слившихся только во второй его половине является довольно неожиданным и не вытекающим из предшествовавшего исследования. Все, что я говорил выше, может быть приложено и к данному положению: славянофильского Повествования, «стройного обзора древнейшей русской истории» (стр. 104) не существовало. Я укажу только на те недоразумения и противоречия, которые при этом возникают.

«Повесть временных лет» явилась результатом слияния двух предшествовавших повествований, где грекофильская теория возобладала, а потому славянофильское повествование исчезло из употребления. — Но, по автору, грекофильское влияние получило силу в конце XI века, во всяком случае — во второй его половине; следовательно, и соединение двух повествований в «Повесть временных лет» произошло тогда же, не раньше. В таком случае — когда же было составлено грекофильское повествование, имевшее, по автору, происхождение, независимое от славянофильского? Какие летописные записи были в грекофильском

повествовании и какие при сводке были выпущены? Если же грекофильское повествование было уже в 1-й половине XI в., то откуда же проникла в него та грекофильская тенденция, которая стала действовать только во 2-й половине XI века?

Далее: где первоначально появилось «Сказание о предложении книг»? — в славянофильском или в грекофильском повествовании? И какой был его первоначальный вид? Если оно появилось в славянофильском, а в грекофильском его не было, и в «Повесть временных лет» оно попало в конце XI века, то получается трудно объяснимое явление, как грекофил, компилятор «Повести временных лет», мог вставить в свой труд такое резкое опровержение своей теории? Если же оно было уже раньше в грекофильском повествовании, то, помимо возникающего и тут только-что поставленного вопроса, такая постановка стоит в противоречии с указанием автора на конец XI века.

В итоге получается круговорот, из которого нет выхода. Существование недошедших до нас памятников основывается на существовании славянофильской теории, которой эти памятники были пропитаны; существование же самой славянофильской теории, в свою очередь, выводится из существования тех же утраченных памятников.

*

Выводы из всего сказанного мною, в положительной и отрицательной форме, будут следующие.

1. Нет данных для признания существования моравской Истории четырех славянских племен, якобы составлявших один союз — мораван, чехов, ляхов и полян.

2. Нет данных для признания существования Истории поляно-руси, якобы восходящей к моравской истории четырех племен.

3. Нет данных для утверждения существования в XI веке двух параллельных повествований о древнейшей истории Руси — славянофильского и грекофильского направления, якобы соединенных в «Повесть временных лет» в конце XI века.

4. Теперь, разумеется, уже нет сомнения в том, что на Руси в XI веке, а, может быть, даже и в X, вращались произведения моравского происхождения; однако, остается невыясненным путь, по которому они приходили на Русь — непосредственно ли из Моравии или через посредство Болгарии. Число их было очень незначительно; известные нам памятники моравского происхождения — характера: а) житийного, б) богословского, с) церковно-обиходного; в собственном смысле «исторических» памятников моравского происхождения пока не обнаружено; известные только по глухим ссылкам *vetustissimi codices bohemic* были, вероятно, писаны на латинском языке и, как таковые, на Русь не приходили.

5. Русская «Летопись» не может быть отделяема от византийской хронографии, с которой она была непосредственно связана; эта тесная связь была в непосредственно предшествующей истории «Повести временных лет».

6. В 30-х и 40-х годах XI века, тотчас после перевода целого ряда греческих памятников, как Хроника Георгия Синкелла, Хроника Георгия Амартола, Житие Василия Нового, Договоры русских с греками, была составлена Византийско-русская хроника, названная «Хронографом по великому изложению». В основу была положена Хроника Георгия Амартола с сильным сокращением и с редакторской обработкой текста; с 852 г. в ней начиналось изложение русских событий, излагаемых по канве византийской истории; расположения по годам в ней еще не было.

7. После смерти Ярослава, в 1054 г. конечная часть «Хронографа по великому изложению» механически была от него оторвана и обработана в свою самостоятельную Русскую Историю; автор ее приделал хронологическое Предисловие и дал соответствующее последнему Заглавие; события были расположены уже по годам. Так получилась «Повесть временных лет» первой редакции.

8. «Сказание о преложении книг», на основании западнославянских источников, было составлено или редактором «Повести временных лет» или, может быть, еще автором «Хронографа по великому изложению». Тот или другой автор, на основании тех же западнославянских преданий, приделали от себя введение и заключение, в которых на первом плане стояла грамота, на втором — вера и на третьем было уже родство между собой славян по происхождению; тенденция в «Сказании» проводилась не славянофильская, а руссофильская.

9. Первая редакция «Повести временных лет» в известные сроки получала продолжения, возможно, что именно в те сроки, которые предположительно устанавливал А. А. Шахматов.

10. В начале XII в., не позднее 1113 г., Нестор довел «Повесть» до своего времени и присоединил вводные статьи, перенес на них то Заглавие, которое было в первой редакции; вводные статьи были составлены частью по новым источникам, устным и письменным, частью — на основании уже данных в первой редакции «Повести», между прочим, и на основании того же «Сказания о преложении книг»; были ли произведены какие-либо внутренние переработки, остается неизвестным. Так явилась единственно известная вторая редакция «Повести временных лет».

HISTOIRE MORAVE DES SLAVES ET HISTOIRE DES POLIANO-RUSSES, COMME SOURCES SUPPOSÉES DES ANNALES RUSSES PRIMAIRES.

(A propos de l'ouvrage de N. K. Nikol'skij, « Povest' vremennyh let, kak istočnik dlja istorii načal'nago perioda russkoj pis'mennosti i kultury ». Fasc. I. Leningrad 1930.)

(Résumé.)

L'auteur de l'article, M. Istrine, achève l'analyse critique du Ier volume de l'ouvrage de M. Nikol'skij « Histoire des annés passées' (Annales primaires), comme source pour l'histoire de la période primaire de la littérature et civilisation russe. » Il s'arrête principalement sur les questions suivantes: la soi-disante origine slave des Noriques et Illyriens dans les Annales primaires; la parenté des Polianes avec les autres tribus des Slaves Occidentaux; les origines du christianisme chez les Polianes.

Les conclusions de l'auteur d'un genre soit positif soit négatif sont les suivantes:

1. Faute de données historiques on ne peut soutenir qu'il eût existé une histoire morave des quatre tribus slaves — Moraves, Tchèques, Polonais et Polianes, qui soi-disant étaient des alliés.

2. Faute de données on ne peut soutenir qu'il eût existé une Histoire des Poliano-russes, qu'à ainsi dire soit dérivée de l'histoire morave des quatre tribus.

3. Faute de données on ne peut affirmer qu'il eût existé au XIme siècle pour l'histoire la plus ancienne de la Russie deux récits parallèles à tendances gréco-philés et slavophiles, qu'on prétend retrouver dans les Annales primaires à la fin du XIme siècle.

4. A présent il n'y a plus de doutes que des écrits d'origine morave circulaient en Russie au VIme et peut être même au XIIme siècle. Cependant le chemin par lequel ils pénétraient en Russie — directement de la Moravie ou indirectement par la Bulgarie — reste inconnu. Le nombre de ces écrits est insignifiant; les monuments d'une origine morave, qui nous sont connus, ont un caractère: a) hagiographique, b) théologique; c) liturgique; des monuments historiques d'origine morave au strict sens du mot n'ont pas été encore découverts; les vetustissimi codices bohémici, connus que d'après de sourdes mentions furent probablement écrits en langue latine et par ceci ne pénétrèrent point en Russie.

5. Les Annales russes ne peuvent être séparé de la chronographie byzantine, à laquelle elles étaient directement liées; ce lien étroit existait dans l'Histoire qui précédait immédiatement les Annales primaires.

6. Aux 30mes et 40mes années du XIme siècle, immédiatement après la traduction de toute une série de monuments grecs, comme la chronique de Georges Hamartoles, la vie de Saint Basile le Jeune, les traités des Russes avec les Grecs, fut aussi rédigée la chronique byzantino-russe, qui fut appelée « Chronographe d'après le grand exposé ». La Chronique de Georges Hamartoles, après avoir subi de fortes abréviations et des modifications de son texte de la part du

rédacteur, fut prise comme base. Dès l'an 852 commence la description des événements russes, qui furent narrés sur le canevas de l'histoire byzantine; une distribution des faits d'après les années n'existait pas encore.

7. Après la mort de Iaroslave, en 1054, la partie finale de la « Chronographie d'après le grand exposé » fut détachée d'une manière purement mécanique et refaite en guise d'histoire russe indépendante; l'auteur adjoint une préface chronologique et donna un titre qui lui correspondait; les faits furent déjà distribués d'après les années. Ainsi se formèrent les « Annales primaires » de la première rédaction.

8. « La légende de la traduction des livres », qui se basait sur une source slave-orientale, fut composée par le rédacteur des « Annales primaires » ou peut être même encore par l'auteur du « Chronographe d'après le grand exposé ». L'un ou l'autre des deux auteurs se basant sur les mêmes légendes slaves-orientales, adjoint une préface et conclusion, dans lesquels à la première place se trouvait l'écriture, à la deuxième la religion et seulement à la troisième la parenté des Slaves d'après leur origine commune; la tendance de la Légende n'était pas slavophile, elle était russophile.

9. La première rédaction des « Annales primaires » reçut à de certaines époques des continuations. C'est possible que ceci se passa aux termes, qu'a indiqué hypothétiquement A. A. Šachmatov.

10. Au début du XIIme siècle, à 1113 au plus tard, Nestor a mené les Annales jusqu'à son époque et a adjoint les articles interpolés, ayant aussi transporté sur eux le titre de la première rédaction. Les articles interpolés avaient été composés en partie d'après des sources nouvelles, orales ou écrites, en partie sur la base des données procurées par la première rédaction des Annales entre autre aussi par la « Légende de la traduction des livres ». Il reste incertain si quelques remaniements intérieurs ont eu lieu. Ainsi fut rédigée l'unique rédaction connue des Annales primaires.

М. N. SPERANSKIJ (Moskva):

«ГРЕЧЕСКОЕ» И «ЛИГАТУРНОЕ» ПИСЬМО В РУССКИХ РУКОПИСЯХ XV—XVI ВЕКОВ.

Кирилловская палеография» Е. Ф. Карского в последнем ее издании (1928) представляет, как известно, наиболее полный из существующих свод всего, что до сих пор сделано было в области славянорусской палеографии (ср. *Slavia*, VII, 628); именно, как свод, она объединила все, или почти все, труды в этой области; автор ее работал в большинстве случаев, пользуясь уже изданным материалом в виде отдельных монографий, пособий по палеографии, альбомов, учебников и т. д., и вносил на страницы своего капитального труда в критическом освещении результаты, добытые его предшественниками на основании непосредственного изучения ими сырого рукописного материала; самостоятельных же исследований этого материала Е. Ф. Карский производил сравнительно не много, привлекая из него главным образом то, что давали ему его труды по изданию и исследованию памятников в иных отношениях (главным образом в области языка). Поэтому обращение к непосредственным наблюдениям над графикой рукописей делает возможными дополнения и продолжение труда Е. Ф. Карского в отдельных его частях. Несколько таких дополнений и представляют ниже следующие строки.

I.

На фоне обычного, угловатого по своей структуре, русского полуустава второй половины XV и первой XVI века в иных из рукописей обращают на себя внимание спорадически (то реже, то чаще) встречающиеся необычные для этого прочно установившегося пошиба письма начертания отдельных букв, выделяющиеся своей округлостью черт среди угловатых остальных и напоминающие в общем по структуре греческое минускульное письмо. Чаще других из таких начертаний находим: а, в, д, е, з, л (широкое, опускающееся ниже строки), п, р, і, т (см. на таблице под № 1), и их сочетания с другими такими же по начертаниям буквами: де, деа, дв, дъ, до, дв, др, тр, и т. п. (на табл. под № 2); иногда даже целое слово пишется подобным образом (особенно, если и в остальном письме есть склонность к округлению начертаний): прѣ, пр^ѣ (пророк), ска^ѣ, Димитриѣ, доздіѣ и др. (на табл. под №№ 3, 4, 5); есть даже целые строки (особенно в тайнописи), писанные этим кудреватым, подражающим греческому, письмом (какова, напр., запись 1527 г. на евангелии, писанном

¹ С нее снимок — в «Палеографических снимках русских рукописей XII—XVII вв.». (СПб. 1901), табл. XXV. И в самом ниже идущем послесловии, писанном обычным полу-

под Вязьмою, в Лен. П. Б. — Q. I. 21.)¹ Некоторые из этих своеобразных начертаний (напр. в, т, ѣ, л, з) перешли в русскую скоропись и стали здесь обычными.

Эта особенность кирилловской графики XV—XVI вв. обратила на себя внимание, хотя и не в достаточной степени, славянских и русских палеографов. Так, П. А. Лавров [Энци. Сл. Фил. (СПб. 1915), 4, 1, стр. 164] в силу своей общей задачи, ограничился только констатированием влияния греческого письма в средне-болгарских рукописях XIV века (именно, описывая б. синодальный сборник 1345 года с Летописью Манассии).² В. Н. Шепкин (Учебник русской палеографии, М. 1920, стр. 114) указав в общих чертах на наличие начертаний, подобных интересующим нас (греческое влияние на юге славянства, в этом случае подразумевалось само собою), увидел в них югославянское влияние на русскую письменность в XV веке. Е. Ф. Карский, излагая историю отдельных начертаний кирилловской азбуки (гл. IX, стр. 171—210), ограничивается относительно некоторых из интересующих нас начертаний (п, а) указанием на след влияния греческой графики, другие начертания (в, ѣ, л, р) только отмечает безо всяких замечаний, третьих (д, м) вовсе не помещает в своих снимках. А. И. Соболевский (Палеография², 1908, стр. 53), не касаясь непосредственно интересующих нас начертаний, говорит, однако, в общих выражениях о влиянии югославянского полуустава на русский в связи с общим югославянским влиянием XIV—XV вв., отмечая при этом роль монастырей Афона и Константинополя, в которых «жили рядом греки, русские и южные славяне».³

Не отрицая, как общепринятого, факта южнославянского влияния на русскую письменность (это — т. н. «второе» югославянское влияние) и в частности на графику XIV—XVI в., возможно однако несколько ближе подойти к объяснению интересующей нас особенности графики этого времени и тем внести более точности в ее характеристику, именно исходя из названных мною «греческими» начертаний нашего полуустава XV—XVI вв. Дело в том, что не все указанные выше начертания возможно объяснить из одной только юго-славянской графики XIV—XV вв. (насколько, конечно, она нам известна до сих пор), как естественно было

уставом, рядом с обыкновенными буквами находим и «греческие» а, м, в, п, д. Ср. Энци. Сл. фил., 4, 3, стр. 81. Приблизительно то же — и в Триоди XV в. Историч. Муз. в Москве в приписке того же века: *поданъ ѿ (=ou?) тѣшеу (= v) ѿ оуѣи ѿ разо ѿ ксѣнѣтѣоуѣ наа* (л. 50).

² Еще более наглядный пример, нежели рукопись с Хроникой Манассии, такого влияния найдем у него же (стр. 162, снимок 162) в евангелии XIV в. из собр. б. Уварова (в Историч. Музее) № 55, где киноварная строка писана на «греческий» манер, при общем обычном крупном полууставе самого текста (см. у нас на таблице под № 6).

³ Подробнее, но все же не касаясь выделенных мною начертаний, он говорит в известной своей статье: «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках» (Сборн. ОРЯС, т. LXXIV, № 1, стр. 1—14).

предположить, ограничиваясь указанием на одно только югославянское влияние: некоторых начертаний (каковы, напр. *д*, *п*) мы не встречаем в югославянских рукописях этого времени, не встречаем и таких сочетаний их, какие мы отметили выше, тогда как в минускульных греческих текстах того же или более раннего времени мы находим все эти начертания или, по крайней мере, все элементы, которые встречаем в русских рукописях того пошиба письма, о котором у нас идет речь. Сюда же присоединяется и еще одно сравнительное наблюдение над общим характером югославянских и русских рукописей полууставных: это — стремление к округлению начертаний в русских указанных рукописях, нормально чуждое полууставу, в том числе и югославянскому. Если же мы и среди югославянских рукописей встречаем изредка почерки, склонные к округлению начертаний (каков, напр., упомянутый Синодальный сборник 1345 года),⁴ то эта округленность начертаний далеко не столь велика, как в русских полууставных рукописях, и там, где она встречается в югославянских текстах, она не соединяется со стремлением к слитности письма (его отдельных начертаний), остающегося по типу чистым полууставом, и отдельные «греческие» начертания, в них находимые, считаются, действительно, результатом непосредственного влияния подлинного греческого письма (Лавров, ук. соч., стр. 164). Т. о. для уяснения возникновения округления, а также соединяющихся между собою начертаний русских рукописей одного югославянского влияния не достаточно; необходимо здесь допустить непосредственное влияние греческой графики рядом с возможным влиянием ее же и через югославянские образцы, вроде упомянутых Синодального сборника или Уваровского евангелия. Что здесь можно видеть непосредственное отражение греческих минускульных начертаний доказывается именно тем, что все заинтересовавшие нас начертания русских рукописей мы найдем и среди греческих минускульных XIII—XIV вв., а для некоторых (*п*, *д* и др.), и много раньше; и это стремление к слиянию нескольких начертаний в одно характерно для греческого минускула.⁵ Это же непосредственное влияние греческой письменности не только на югославянскую графику (объясняющееся естественно — географической близостью обеих народностей), но и на русскую находит себе объяснение в культурных непосредственных связях России того времени не только с югославянством, но и с Византией: как раз в это время (с конца XIV и в течении XV в.) эти связи с греками, как известно, становятся особенно оживленными; не только греки в значительном количестве по-

⁴ Снимки из него см. у Саввы, Палеографич. снимки, М. 1863, табл. 30, и у Лаврова, ук. соч., табл. 31 в альбоме.

⁵ См. V. Gardthausen, Griech. Paläogr. (1876), табл. 10, а также 6 и 7; здесь же встретим и такие же сочетания, напр., для *дѣ*, *де*, *рѣ*, *те* и др.

$\alpha \beta \delta \varepsilon \zeta \eta \theta \iota \kappa \lambda \mu \nu \xi \omicron \pi \rho \sigma \tau \upsilon \phi \chi \psi \omega$

[illegible]

$\mathcal{D}C$ (npe)

$\overline{\pi}$ (проф) $\mathcal{K}^3$ (сказ)

dyukje w

$$\Omega_{\omega} \Omega_{\varepsilon}^{(A \circ B A^{\dagger})} \quad \text{ახ} \quad (M^{\dagger})$$

Ἀποστολὰς Κρίστοῦ Ἰησοῦ:

[illegible]

Δδ Ξδ Δε Δζ Ψε Ψζ Φε Φζ δε πε ς'

являются в русских книжных центрах (Москва, Троицкая лавра, Новгород), но и русские люди — в центрах греческой книжности (Афон, Константинополь), где, как нам также известно, многие из них занимаются переводами с греческого, исправлением по греческим текстам более ранних переводов, списыванием югославянских рукописей одновременно с югославянами; поэтому, напр., до нас дошел ряд русских рукописей, писанных в Константинополе и на Афоне.⁶ На этой-то почве могли возникать у писцов и их русских учеников те характерные для греческого письма навыки, но уже в приложении к русскому письму, о которых у нас теперь речь.⁷ То же время в развитии русской графики было временем выработки и оформления скорописного почерка, в силу своего назначения и естественных условий жизни письменности имеющего много точек соприкосновения с греческим минускульным письмом (округлость, связность начертаний, как результат стремления к быстроте самого процесса писания): не удивительно, поэтому, что «греческие» навыки, проникавшие в полууставное письмо, оказались подходящими и укрепились и в русской скорописи, на что было мной указано выше.

II.

Другая особенность русского полуустава того же времени, преимущественно XVI века, до сих пор остававшаяся не отмеченной в трудах по русской палеографии, нашла себе место большею частью в тех же текстах с «греческими» начертаниями: это — стремление к лигатурам.⁸ Применение лигатуры в строке текста, как известно, весьма древне, но чем древнее рукопись, тем лигатуры реже и тем строже определено их место в строке: они являются исключительно в самом конце или к самому концу строки, как прием — уписать слово, не переноса части его на следующую строку; несколько позднее (приблизительно веке в XIV) некоторые из них, ставши обычными (каковы: н + и, м + ѱ, л + ѱ, т + р, о + ѱ и др.) проникают и дальше от конца строки; но все же число таких лигатур ограничено, и оне не часты. Не то мы наблюдаем

⁶ Ср. А. И. Соболевский, Южнославянское влияние . . . , стр. 9—11, 25—26.

⁷ Кстати не будет излишним припомнить о влиянии греческой графики на русскую при создании и развитии русской тайнописи: греческая азбука не только в своем обычном виде, иногда несколько искаженном, применялась в этих целях, но и давала материал для составления целых условных русских алфавитов. См. Энци. Сл. Фил., 4, 3, стр. 67—70, 82—84, 88.

⁸ «Лигатуру» я отличаю от «вязи»: тогда как первая — результат стремления выгадать место в строке, вторая преследует цели эстетические: дать красивую строку, почему вязь имеет место в заглавиях сплошного текста, часто пишется краской, тогда как лигатура применяется в строке этого сплошного текста и пишется теми же чернилами, что и остальной текст.

в некоторых рукописях полууставных XVI века:⁹ здесь лигаруры иногда положительно пестрят обычный полуустав, при том по своей структуре оне достигают большого разнообразия и даже вычурности, не говоря уже о лигатурах старшего времени, упомянутых выше: эти идут наравне с новыми; большинство лигатур употребляется писцом иногда более или менее последовательно — всякий раз, как только он встречается с данным сочетанием букв. Наконец, самый характер построения лигатуры в ряде случаев необычен: буква, сливаемая с предыдущей часто ставится не рядом с этой буквой (как обычно и в более раннее время), а ниже ее, как бы подвешивается к одному из нижних концов строчной буквы. Все это, взятое вместе с «греческими» начертаниями отдельных букв, придает необычный характер и всему обычному полууставному письму рукописи, особенно если лигатуры часты и разнообразны. Из таких текстов можно указать несколько, встретившихся среди рукописей XVI века: б. собр. Шукина (в Историч. Муз. в Москве) № 533, в лист, особенно богат в этом отношении, сливая не только согласную с гласной, но и две согласных; особенно же часто в состав лигатуры входят гласные: а, е, о (см. на таблице под № 7); изредка здесь встречаются и лигатуры старшего времени (л+у, м+у, р+ѣ, последняя, особенно излюбленная у югославян); совершенно последовательно употребляет лигатуру д+а, с а, подвешиваемым к правому концу нижнего штриха д; рукопись б. собр. Уварова (в Истор. Муз.) № 886, также в лист, рукоп. Историч. Муз. № 3798, также листовая, сохраняя более полууставной характер и в лигатурах, дают частые лигатуры е с д, ш, щ, л, в, реже с а (на табл. № 8); к числу таких же рукописей, впрочем, умереннее указанных пользующихся лигатурами, относятся также: б. собрания Хлудова (в Ист. Муз.) № 147 дополн. каталога и упомянутые в предыдущей заметке Синод. 300 и Чудовск. 182 (см. на табл. № 3). Из сравнительно поздних (но всетаки еще XVI в.) случаев применения лигатур, впрочем, исключительно с «подвешиванием» букв внизу строки, нам известен пока один, при том в скорописи: это — «отписка» русского посланника в Грузию в 1597 году К. П. Савина: она писана тайнописью (по системе условного порядка букв — чередования слогов) обычным письмом, при чем кое где буквы опущены под строку и привешены к нижней части строчной буквы (н+ю, ч+е, з+и, а+и).¹⁰

Приведенные случаи показывают, что здесь мы имеем дело не со случайностью или прихотью отдельного писца, а скорее с модой, которая, судя по имеющимся образцам, распространилась в XVI в. в русской письменности, хотя, быть может, на короткое время.

Откуда пошла эта мода? Среди русских по письму рукописей пред-

⁹ Примеров старшего времени мне не встретилось.

¹⁰ Снимок и чтение «отписки» см. в Энци. Сл. фил. 4, 3, стр. 140.

шествующего времени можно указать на некоторые, правда, немногие, которые до некоторой только степени напомним про аналогичные приемы графики. Я имею в виду известную, писанную сплошь лигатурами рукопись Слов Григория Богослова XIV в. из б. собр. Чудова мон. (в Историч. Муз.) № XI, и запись (также, повидимому, XIV в.) на известной рукоп. Богословия Иоанна Дамаскина б. Синод. библ. № 108, на л. 290 об.¹¹ Но связывать манеру письма этой единственной в своем роде Чудовской рукописи, а также единственной записи на рукоп. № 108 с нашими XVI в. по манере нет основания: если и там и здесь мы имеем дело с лигатурами, то этим сходство и кончается: лигатуры в них различны по принципу построения; совпадения, какие можно отметить (л+у, к+ѣ, а+у) слишком незначительны, и те могут объясняться на почве принципа построения всякой лигатуры (сливать две буквы, делая общим смежные штрихи); кроме того, Чудовск. и Синод. рукописи — обе строго уставные, угловатого письма, применяют целый ряд иных принципов лигатур и сокращений (м. пр. принцип тахиграфии). Есть еще одна рукопись, несколько напоминающая своими лигатурами наши: это — т. н. Зарайское евангелие в собр. б. Румянцова (в Гос. Публ. Б. в Москве) № 118, в малую четвертку, 1401 года, в два столбца,¹² также уникальная по письму рукопись: масса встречающихся в ней сокращений (пропуск глухого в конце слова, вынесенные между строк буквы, а также лигатуры, отчасти сходные с нашими, каковы: а+р, н+п, н+к, а+к, но никогда не свешивающиеся вниз строки) объясняется малым форматом рукописи (наши все — в лист) и письмом в две колонны (у нас все — в одну), еще более стеснявшим писца; при всем том письмо евангелия сохраняет строго уставной (отчасти архаизирующий) характер всех отдельных начертаний. Т. о. и здесь нельзя искать полной аналогии с нашими полууставными текстами XVI века.

С другой стороны, несомненно, некоторая аналогия может быть установлена для наших рукописей с отмеченными в предыдущей заметке с «греческими» начертаниями: та же склонность к округлениям (д, р, ѓ, т) и «греческим» начертаниям (к, і, п, с, кроме только что приведенных); особенно показательны в этом отношении рукоп. Чуд. мон. № 182 и Синод. № 300 (см. на табл. под № 3). Какая-то связь между манерой «греческого» письма и нашего «лигатурного», несомненно, может быть подмечена, т. е., и здесь можно усматривать влияние греческой минускульной практики. Остается до сих пор не объяснимым по происхождению прием «подвешивания», так обильно практикуемый Щукинской рукописью и скромнее — остальными из указанных текстов: в греческих

¹¹ Подробнее о них — в Энцикл. Сл. фил. 44, 3, стр. 146—7; снимок — там же, а также у К. Калайдовича, Иоанн Экзарх, снимки 12 и 13.

¹² О нем см. А. Востокова, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 182—3.

минускульных текстах он, кажется, не практиковался, насколько могу судить по данным, имеющимся в моем распоряжении.¹³

РЕЗЮМЕ.

В виде дополнений к «Славянской Кирилловской Палеографии» (1928) Е. Ф. Карского автор дает результаты некоторых своих наблюдений над русским полууставным письмом XVI в. рукописей, среди которых обратили на себя его внимание такие, где видно явное подражание греческому минускулу в начертаниях и необычное применение в тексте лигатур. Не отрицая юго-славянского влияния на образование русского полуустава вообще, автор находит возможным допустить в заинтересовавших его случаях *непосредственное* влияние греческого минускула и приводит несколько исторических данных, оправдывающих возможность такого непосредственного влияния. К заметке приложена таблица снимков такого «греческого» письма из рукописей преимущественно XVI века.

L'ÉCRITURE GRECQUE ET LES LIGATURES DES MANUSCRITS RUSSÉS DU XV—XVImes SIÈCLES.

(Résumé.)

М. Speranski présente comme supplément à la « Paléographie slave cyrillique » (1928) de E. F. Karski les résultats de quelques unes de ses observations de l'écriture onciale des manuscrits russes du XVIme siècle. Parmi ces manuscrits son attention est attirée par ceux, où l'imitation de la minuscule grecque dans le tracé des caractères ainsi que dans l'emploi dans le texte même de ligatures est clairement visible. Ne déniaut point l'influence sudslave sur la formation de l'onciale russe en général, l'auteur néanmoins trouve possible d'admettre dans les cas qui l'ont personnellement intéressé l'influence directe de la minuscule grecque. Il communique quelques données historiques, prouvant la possibilité d'une pareille influence directe. A cette note est adjointe une table d'exemples de cette écriture grecque, recopiés dans leur plus grande part des manuscrits du XVIme siècle.

¹³ Отдельный намек на подобный прием можно усмотреть в построении греческих монограмм (ср. Gardthausen, Griech. Paläogr. S. 116). Впрочем, такого же рода намек можно указать для начертания *отъ* в греч. Октоихе XII в. № 515 Ватопедского мон., на л. 353 об. (см. Н. П. Кондаков, Памятники христ. искусства на Афоне (1902), стр. 285, на снимке налево).

М. А. ANDREEVA (Praha):

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВИЗАНТІЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ГАДАТЕЛЬНЫХ КНИГ.

ГЛАВА IV.

О измѣненіях и дополненіях внесенных в славянскія гадательныя книги.

Разсмотрѣвъ в предыдущей главѣ¹ предсказанія славянских гадательных книг, представляющіяся общими с византійскими и новогреческими, обращаюсь к изученію того матеріала о котором с нѣкоторым правом можно предположить, что он является продуктом славянской письменности. Этот матеріал, как уже было выше отмѣчено, касается преимущественно вопросов социальных и отчасти религиозных. Он главным образом может быть почерпнут из позднѣйших переводов гадательных книг. К таковым в первую очередь принадлежат большіе сводные Громники по мѣсяцам (дальнѣйшее развитіе первоначального римскаго типа), которые сохранились в рукописях Румянцевскаго и Чешскаго музея и в нѣкоторых других.²

Прежде чѣм приступить к его изученію, необходимо еще раз остановиться на вопросѣ хронологическом, т. е. времени возникновенія отдѣльных переводов, опредѣлить среду в которой главным образом имѣли хожденіе славянскія гадательныя книги и также по возможности тѣ славянскія страны, гдѣ создались первоначальныя редакціи.

Мною уже было отмѣчено, что по всей вѣроятности Громник царя Ираклія по Зодиаку был переведен с рукописи не старше XII-го вѣка.³ В пользу этого говорит также наличие соответствующаго текста в одной из рукописей Народнаго Музея в Бѣлградѣ — № 466, попа Драголя, принадлежавшей Сречковичу и относимой Соколовым и Стојановичем к серединѣ XIII-го вѣка. В бытность мою в Бѣлградѣ я не смог воспользоваться этой рукописью. Судя по этой датировкѣ, мы имѣем дѣло еще с одним подтвержденіем сравнительной древности греческаго оригинала этого Громника. Заглавіе и начало его слѣдующія: л. 98 б.

¹ Гл. III. Позднѣйшія византійскія, новогреческія и славянскія гадательныя книги. *Byzantinoslavica*, III/2. 1931, p. 430—461.

² *Перетц*, К исторіи апокрифа и легенды. I. К исторіи Громника. СПбг. 1898, p. 54—80; Андреева, гл. III, p. 454.

³ Гл. III, p. 439.

Громъникъ съ богомъ починаемъ ѿ скончаниа · ꙗко книги оугатанію имоутъ, изведемо ѿ Ираклиа цара ѿ звѣздочтеніа. — Юсть во тако ѿ априла. Мѣсяць априль · а · б · вѣтънъ · г · д · юнъць. Л. 101а Сказъ о жі-котогръмѣнні. Яше въ число вѣне погрѣмнѣ ѿ вѣстока тѣнни повѣдають. Там же л. 47а краткій Громникъ по мѣсяцамъ: О Гръмѣни и о трѣсканніи сказаниа. Мѣсяца сѣктября аше възгрѣмнѣ, виноу и житѣ недостатѣкъ.⁴ Сводные Громники, какими мы их встрѣчаемъ въ XVI—XVIII вѣкахъ, переведены если не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ съ образцовъ эпохи Палеологовъ, хотя они и сохранили въ себѣ отрывки изъ архаизирующаго Громника монаха Пансія, первой половины XIV-го вѣка.

Представляется почти невозможнымъ опредѣлить, гдѣ возникла эта компиляція въ томъ видѣ въ какомъ она дошла до насъ въ вышеупомянутыхъ двухъ рукописяхъ. Возможно однако, что и на славянской почвѣ, т. е. уже въ XV вѣкѣ часть I-го Громника Часослова № 23 Ч. М., которая въ рукописи Румянцевскаго Музея вновь выдѣлена въ особый Громникъ, имѣла хожденіе отдѣльно. (См. прил. III.) Тотъ же Громникъ по одному признаку — худѣющей или растущей луны — имѣется также въ рукописи XIII-го вѣка попа Драголя. Текстъ его приводится цѣликомъ Соколовымъ; въ каталогѣ Бѣлградской Нар. Библиотекы онъ не отмѣченъ вовсе.⁵

Слѣдовательно въ XV—XVIII вѣкахъ на славянской почвѣ, первоначально въ непосредственной близости отъ Византии, затѣмъ и въ болѣе отдаленныхъ странахъ, получили широкое распространеніе гадательныя книги астрологическаго цикла, проявляющія интересъ къ политической и общественной жизни. Самыми типичными для этой эпохи являются Громники, Колядники и Лунники. Лунники распространяются, главнымъ образомъ, въ томъ позднѣйшемъ видѣ этого сочиненія въ которомъ главное вниманіе сосредоточено на днѣ рожденія челоуѣка при опредѣленной фазѣ луны. Эти сочиненія крайне интересныя въ бытовомъ отношеніи касаются вопросовъ общественныхъ и политическихъ постолько, поскольку они оказываютъ вліяніе на судьбу отдѣльныхъ лицъ.⁶ Наоборотъ въ разсматриваемыхъ нами сочиненіяхъ предсказанія касаются всей страны или отдѣльныхъ социальныхъ группъ и личностей, какъ участвующихъ въ жизни государства. Эта разница не всегда чувствуется въ позднѣйшее время и не всегда сознавалась переписчикомъ, составителемъ или гадающимъ, ищущими въ боль-

⁴ Стојановић, Каталог Народне Библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампање кн. Београд 1903. р. 291, 290; М. Соколов, Материалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. вып. I. Москва 1888, р. 5—6.

⁵ Соколов, *оп. с.*, р. 39—40.

⁶ Н. Н. Кононов, Из области астрологіи. Обзоръ статей: Планетника, Звѣздочетца, Колядника, Громника, Лунника, Трепетника, Тайная Тайныхъ, Лѣчебника и пр. рукописей XVIII в. А. Г. Первухина, Древности. Труды Славянской Комиссіи Импер. Моск. Арх. Общ. IV. вып. I. Москва 1907. р. 17 сопоставляетъ Лунники упомянутаго типа съ Планетниками, т. е. гаданіемъ о судьбѣ челоуѣка по планетамъ.

шинствѣ случаев личнаго поученія. Поэтому встрѣчается даже смѣшеніе этихъ двухъ видовъ гадательныхъ сочиненій в особенности в композиціяхъ.

В XVI-омъ вѣкѣ славянскій Громник, Колядник и Лунник начинаетъ вліять на сосѣдей и переводиться на румынскій языкъ. Впрочем в Румыніи встрѣчаемъ еще в началѣ XVIII-го вѣка переводы непосредственно с греческаго. К той же эпохѣ относится и появленіе печатныхъ календарей, воспринявшихъ часть рукописнаго матеріала и в свою очередь вліявшихъ на него. Напр. в библіотекѣ одного из Аѳонскихъ монастырей находимъ среди рукописей перевод венгерскаго календаря на греческій языкъ, сдѣланный в XVIII вѣкѣ с благословенія и при матеріальной поддержкѣ духовнаго лица.⁷ Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ насколько в позднее время переплетаются взаимныя вліянія, что значительно осложняетъ задачу разысканія оригинала.

Среди славянскихъ рукописей XIV—XVIII вв. имѣется большая основная группа южнославянскихъ рукописей, затѣмъ меньшее количество русскихъ, отчасти уже испытывшихъ польское вліяніе, в особенности рукописи Галицкой Руси.⁸ Польская же группа оставлена нами в сторонѣ, какъ черпающая свои предсказанія преимущественно из западныхъ источниковъ. Впрочем не лишено вѣроятности, что при разсмотрѣніи латинской гадательной литературы окажется значительное сходство с данными византійско-славянскими, тѣмъ болѣе, что повидимому, существовала тѣсная связь между римскими и греческими гадательными книгами. Такимъ образомъ кругъ сомкнется.

Что же касается группы южнославянскихъ рукописей, то представляется затруднительнымъ провести болѣе опредѣленную линію между болгарскими, сербскими и валашскими. Задачу эту можетъ выполнить только филологъ. Кромѣ того переписчикъ зачастую вносилъ при переписываніи оригинала свои діалектическія особенности. Такимъ образомъ сводные Громники по Румянцевской рукописи носятъ слѣды молдавско-валашскаго происхожденія; по пражской рукописи сербскаго, и одинъ изъ нихъ содержитъ отрывки из болгарскаго перевода монаха Паисія.⁹ Для насъ важно то обстоятельство, что всѣ эти списки возникли в земляхъ бал-

⁷ *N. Cartoian*, *Cărtile populare în literatura românească*. v. I. Epoca influenței sudslave. Bucaresti. 1929. cap. XXI. p. 172, 179; *Lambros*, *Catalogue of the Greek Manuscripts of the Mount Athos*. Cambridge. vol. I. 1895. № 245. p. 30.

⁸ *Кононов*, Из области археологій, p. 17, 33, 39; *Ю. А. Яворскій*, Новыя рукописныя находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII вѣковъ. *Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze*. 1931. p. 113, 55—64; Его-же, «Практика господарей», Карпаторусскій сборникъ астрологическихъ и метеорологическихъ предсказаній и примѣтъ по рукописи 1740 года. Львов. 1921.

⁹ Глава III, p. 445; *Перетц*, К исторіи апокрифа. I, p. 51; *Яцимирскій*, Рукописи, хранящіеся в загр. библ. Сб. отд. рус. яз. А. Н. 98. p. 627.

канских славян в эпоху турецкаго владычества, когда положеніе порабощеннаго населенія до извѣстной степени являлось общим.

Что касается чисто русских и карпаторусских рукописей, то онѣ многочисленны. Попытку выдѣлить первыя из всего южнославянскаго матеріала сдѣлал Кононов. (См. прим. 8.) При наличіи такого незначительнаго матеріала трудно сдѣлать какіе либо выводы. Явныя приращенія польскаго происхожденія в карпаторусских гадательных книгах будут отмѣчены ниже.

Перехожу к вопросу о средѣ в которой переводились и имѣли хожденіе гадательныя книги. Если в Римской и Ромейской имперіи этот род литературы сначала преслѣдовался императорами и позднѣе церковью, то послѣднее проводилось в жизнь не слишком усердно.¹⁰ Временем, когда гадательныя книги попадают обязательно в каталог отреченных книг и занимают там видное мѣсто является по преимуществу XVI—XVII вѣка, а почва славянская. Но если церковь энергично принялась преслѣдовать гаданіе, то одновременно в ея же лонѣ послѣднее прочно укоренилось, и среди церковных книг затаились соотвѣтствующія сочиненія. Случилось это естественным путем, т. к. вся древнѣйшая славянская книжность находилась в руках духовенства, а послѣднее в значительной мѣрѣ шло на встрѣчу интереса своего государя и его двора. Славянскій же государь, не так давно оставившій язычество, будь ли то болгарскій царь или сербскій краль, неизбѣжно слѣдовал примѣру византійскаго царя, в домашній обиход котораго были включены гадательныя книги. За государем тянулись к ним вельможи и властели и, по видимому, купцы. Так вѣроятно возникли самые ранніе переводы, между ними и монаха Паисія. Кромѣ того интерес к гаданіям был также далеко не чужд греческому монашеству.¹¹

Еще на греческой почвѣ появилась тенденція прикрыть гаданіе именами ветхозавѣтных царей и пророков, но только значительно позднѣе гаданіе окончательно виѣдрилось в церковную жизнь, скрываясь в церкви же от ея преслѣдованій. Гадательная литература укрывается в молитвенниках и среди благочестивых сочиненій. Конечно это имѣло мѣсто и раньше, т. к. такого рода статьи всегда входили в сборники, иногда составляя особые, но начиная с XVI-го вѣка и в особенности в XVII-ом самое типичное мѣсто для гадательной книги это молитвенник, будь то греческій либо славянскій.¹² Даже начало гадательных книг приспособляется

¹⁰ *Cartoian, Cărtile populare*, p. 173.

¹¹ Глава III, p. 437—438. Примѣръ хроники Георгія Амартолы.

¹² *Lambros, Catalogue Greek Manuscripts*, v I. p. 127—28, 253, 260, 306; II. p. 46, 62, 81, etc. Из славянских Часослов Чешскаго Музея № 23; *Стојановић*, Каталог Нар. Библ. у Београду, № 475, p. 318—321; № 498, p. 360—361, 506; p. 372—373. Встрѣчаются конечно и исключенія, напр. № 492, p. 352—353.

к тому, чтобы замаскировать запретное содержаніе. Так сводный Громник начинается точно также, как Синаксарь. (См. стр. 76.)

Обратимся к самому тексту индекса отреченных книг, подтверждающим вышеизложенное. Текст этот, повидимому, русскаго происхожденія,¹³ а затѣм был перенесен на южнославянскую почву. В одном из древнѣйшихъ списков, изданныхъ Перетцом по рукописи № 493 (1655) Кіево-Михайловскаго монастыря 1483 года уже прямо указывается на сопричастность сельскаго клира к еретическимъ обычаямъ: *соуть же мѣждѣ бжествеными писаніи ложнага словеса насѣяна на пакость христіанѣмъ, соборничи селскіа и хсдыа маноканони по молитвѣнникомъ ѿ сельскіа поповъ . и лѣжи[вы]а мѣтвы ѿ трѣсавицѣ . и ѿ нежит[а]хъ.*¹⁴ Отсюда до нашихъ гадательныхъ книгъ недалеко. Онѣ также упоминаются в спискахъ отреченныхъ книгъ под рубрикой: *И сѣ есть мѣдроканіе тѣхно, нмнже штводѣть штъ Бога и приводець къ бѣсѣмъ къ пагѣбѣ. На пятомъ мѣстѣ — е . громовники . з . маніа . з . мѣсѣць окръжетъ се . и . колѣдники. Затѣмъ помѣщены и гаданія въ часѣхъ злыхъ и добрыхъ. Къ астрологическимъ гадательнымъ книгамъ, не входящимъ непосредственно въ разсматриваемый нами циклъ относятся: 1. партолею сирѣчь шстрогогъ, 2. астрономіа, и 3. звѣздочѣтъцѣ.*¹⁵ При такомъ волхованіи люди оставляютъ бжію помощь, и призывають бѣсовъ на помощь. Это гаданіе представляется ненавистнымъ іакоже вѣторо ѿдолослѣженіе ѿ бѣсѣвъ іретікы насѣяно не вѣждамъ на пагѣбѣ ихъ дшѣ . . . Тотъ кто хранитъ подобныя писанія — врагъ Божій, а вѣрующій въ гаданія подвергается проклятіямъ вмѣстѣ со всѣми еретиками. Наконецъ особое вниманіе удѣлено отношенію духовенства, оказывающаго попустительство или самого гадающаго: *ѡце которіи ѿць дховныи вѣдаа таковаа оу сѣбѣ въ сѣтѣхъ илѣ и метъ самъ тоже творити да извержетъ сѣна и сѣ прежде речѣнними іретікы съ тѣми въсѣми да боудѣть проклѣтъ. ѡ написаніа та на тѣлѣи да съжигѣтѣся, по правилѣ стѣхъ ѿць и анадѣма да ѣ: ~*¹⁶ Всеже церковныя проклятія мало дѣйствуютъ и повидимому рѣдко примѣнялись на практикѣ. Гадательныя книги хранятся въ монастыряхъ, а среди владѣльцевъ ихъ находятся не только сельскіе попы, но и епископы. Правда, что владѣлецъ одной изъ нихъ печуйскій епископъ Максимъ расписывается на ней только грѣшнымъ попомъ.

Большинство предсказаній, явно переводныхъ или стоящихъ въ непосредственной связи съ греческими, были разсмотрѣны въ предыдущей главѣ. Здѣсь остановлюсь только на тѣхъ изъ нихъ, которыя даютъ возможность предполагать о ихъ возникновеніи на славянской почвѣ. Обратимся

¹³ А. Пыпин, Для объясненій статей о ложныхъ книгахъ. Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи. 1861. вып. I. СПбг. 1862. р. 3; Яцимирскій, Мелкіе тексты и замѣтки по старинной русской и славянской литературамъ. VI. Изв. Ак. Н. 1908, кн. 2. р. 191.

¹⁴ В. Н. Перетц, Новые труды по источниковѣднію, древне-русской литературѣ и палеографіи. Критико-біографическій обзор. Вторая серія. Кіев. 1909. I—X. р. 36.

¹⁵ Jagić, op. c. p. 109—110; Яцимирскій, op. c. p. 194—195.

¹⁶ Яцимирскій, op. c., p. 195; Jagić, op. c., p. 110.

прежде всего к географіи. Пыпин публикует два списка стран, распределенных под знаками Зодіака, из сербских рукописей XVI-го вѣка,¹⁷ но явно идущих от болгарскаго оригинала. Озаглавлена эта табличка: Сказаніе влдцы 12-тих. Вот это распределение: 1. Рыбы — фрузи; 2. Овен — Рим; 3. Юнец — (стоит не на своем мѣстѣ в первом списокѣ) Бдин, Видин; 4. Близнецы — Тырнов; 5. Рак — руси — русские; 6. Лев — Дунай; 7. Дѣва — Романія; 8. Хомут (Вѣсы) — Іерусалим; 9. Скорпион — Анатолія; 10. Стрѣлец — слунъ, олунъ (Солунъ); 11. Козерог — скръблы, срблъ (сербы); 12. Мокреш (Водолей) — море.

Довольно примитивное подражаніе древним таблицам, составленным согласно географіи Птолемея, не имѣющее ничего общаго и с позднѣйшими греческими передѣлками.¹⁸ Даже обычный порядок слѣдованія знаков Зодіака не соблюден. Чѣм же руководствовался славянскій составитель таблички? Прежде всего ему надо было размѣстить знакомые ему народы и мѣстности, но т. к. географическій и политическій кругозор его не оказался широк, то их даже не хватило на число 12. Преобладающее мѣсто дано болгарам. Им дается три знака, для Тырнова, Бдина и Дуная, т. к. послѣдній не играет еще в XIV-ом вѣкѣ такой роли в жизни Сербіи, как в послѣдствіи. За эту датировку говорит также наличие двух самостоятельных столиц послѣдней эпохи II-го Болгарскаго царства. Упоминаются сербы и сосѣдняя Романія — Ромейская имперія, отдѣльно и хорошо извѣстная Солунъ. Анатолія олицетворяет турок и быть может не без умысла помѣщена под знаком Скорпіона. Из других народов упоминаются русскіе и фрузи, а из городов Рим и Іерусалим — первенствующие в церковном отношеніи, что заставляет предполагать, что составитель был духовнаго званія. Что же послужило критеріем при распределеніи? Возможно, что в нѣкоторых случаях имѣлась опредѣленная традиція, но в других, как напр., в приписаніи Мокрешу владычества над морем явно замѣчается стремленіе найти связь по существу между знаком Зодіака и тѣм над чѣм он властвует. Другой примѣр, указывающій также на то, что автор был болгаринѣм — поставленіе Тырнова под знаком Близнецов. Как извѣстно Тырнов расположен на холмах, носящих это названіе.

За исключеніем этой оригинальной, если и не вполне удачной попытки распределить современныя составителю страны и народы под знаками Зодіака и гадать об их судьбѣ, приходится отмѣтить почти слѣпое подражаніе старшим образцам. Изрѣдка между египтянами,

¹⁷ А. Н. Пыпин, Громовник. Архив исторических и практических свѣдѣній относящихся к Россіи, издаваемый Николаем Колачевым. СПбг. 1860, р. 8, 11. Первая рукопись № 267 Вѣнской бібліотеки, вторая № 62 (48). Текст приводится гражданским шрифтом, сокращенія повидимому не вскрыты. Передаю географическіе термины в употребительной формѣ, сохраняя только точное наименованіе тѣх, которые возбуждают сомнѣніе.

¹⁸ Глава II, Вуз-sl, IIз. р. 398—399; гл. III, Вуз-sl. IIIз. р. 440—441.

аравлянами и вавилонянами неожиданно мелькают литвины, у которых умирает царь,¹⁹ да непонятная Марарадійская земля превращается в XVII вѣкѣ в Мазрадскую, напоминающую Маджарію — Венгрію. М. б. возможно также усмотрѣть в встрѣчающейся тогда же Кѣрманінской зѣмли эквивалент Германіи.²⁰ Конечно под измаилтянами слѣдует разумѣть турок; им противопоставляются христіане. Значительную роль в сводном Громникѣ играют фрузи — франки, т. е. германскіе и романскіе народы. Всѣ они встрѣчаются и в новогреческих гадательных книгах.

Дальнѣйшее развитіе старших тем, сопровождающееся дополненіями, имѣло мѣсто в области предсказаній социального характера. Дѣйствительно, находясь под турецким игом, славянам, послѣ перенесеннаго разочарованія в освободительном движеніи с Запада, разбившемся о мощь молодой турецкой военной имперіи, оставалось только обратить свой интерес к внутренней также далеко нелегкой жизни.²¹ В связи с этим поздній Громник изобилует предсказаніями о взаимоотношеніях господ и их подданных. Причем первые в значительной степени могли состоять из турецких помѣщиков.

Предсказанія эти возникли отчасти и раньше до турецкаго завоеванія на греческой и славянской почвѣ, но расцвѣли позднѣе. При своей многочисленности они все же по существу однообразны и по большей части малоблагопріятны для низшаго сословія. Даже, если господа между собою затѣют ссору или рати сотворят, то ему от этого плохо.²² К господам слѣдует также отнести поминаемых в своих взаимоотношеніях с царями, князьями, и господалями властелей, бояр и старѣйшин. Тут же упомянем предсказаніе из карпаторусскаго Колядника о том, что ц(а)ре(м)ъ, króľom, ranom upadek и многих пан(ст)вѣ замѣтаніе.²³ От господ люди главным образом принимают злобу и беззаконіе и только изрѣдка милость.²⁴ Среди лиц подчиненных и зависимых упоминаются рабы, хорошо извѣстные в сербском быту, слуги и служанки. Предсказывается, что и тѣ и другіе вѣрно послужат своим господам.²⁵ От господ страдают не только они, но и свободное населеніе, купцы, овчары поло-

¹⁹ Перетц, I. р. 68 й лѣтвѣно цѣрь ѡмрѣтъ.

²⁰ Перетц, I. р. 64; Глава III. р. 457 (Декабрь).

²¹ Привожу еще один примѣръ пессимистическаго отношенія христіан к событіям. Перетц, I. р. 68 йзнѣвѣртса хрѣтіани цѣрю ѣгѣпет'скомоу · й пакѣ смѣртса, отмѣченнаго Перетцом и в еврейском Громникѣ. Он его толкует, как симпатію к туркам, р. 88.

²² Перетц, I. р. 68 гѣо помежоу сѣкѣ вражоу полѣжѣ; р. 70 помеждоу гѣда рѣп'таніе й рати й крѣвѣ пролѣтѣ й смѣртѣ бѣкаетѣ; 61; 63; 74; 69 й помежоу гѣда рати й людемѣ злоба ѡ своѣ гѣда бѣдетѣ.

²³ Перетц, I. р. 64 цѣремѣ й властелѣ смѣртѣ; р. 58 старѣйшин на зѣмлѣ тоѣ мнѣго дѣбро по-ѣдоуѣ; р. 60 й болѣри й совѣт'ниці ѣго; йзнѣвѣртса; Яворскій, Практика господарей, р. 16.

²⁴ Перетц, I. р. 65 й подѣв'никѣ людѣ неправдѣ ѡ гѣдѣ; 66 й ѣа подѣв'никѣ беззакон'ства сѣтворѣ; 62 й ѣа вѣзвѣгнетѣ гѣнѣвѣ своѣ на люди своѣ; 63 й мѣтъ ѡ гѣдѣ людѣ бѣдетѣ.

²⁵ К. Јиречек, Историја Срба. III. Београд. 1923, р. 120—121; Перетц, I. р. 62 й вѣсѣкѣ раба й рабыни й слоугѣа своѣмоу гѣроу вѣр'но послѣужѣ.

нинскіе.²⁶ Наконец и извѣстное предсказаніе византійских гадательных книг о том, что богатые смирятся, а бѣдные вознесутся, передѣлывается таким образом, что цари и бояре погибнут, а ратари (батраки) и оубоши ѡбогати́тъ ѿ къзни́тса (Перетц, I. р. 72).

Переходя к иным группам населенія упомяну в связи с купцами о торговлѣ уздами и сѣдлами, которой удѣляется особое предсказаніе. Это производство было извѣстно в Сербіи.²⁷ Поминаются, как отдѣльное сословіе, войны, в особенности в Колядниках, гдѣ им сулятся радость. Трудно сказать есть ли это заимствованіе с греческаго или же возникло оно самостоятельно в славянской гадательной литературѣ.²⁸

Но главными героями Своднаго Громника являются гусары, т. е. гайдуки, тати и разбойники. Если в поздне-византійском Громникѣ только упоминается о небезопасности дорог, то здѣсь предсказанія и разнообразны и многочисленны. Это и понятно. Вспомним славянских гайдуков и греческих клептов и их значеніе в борьбѣ за сохраненіе своей національности, и станет понятно, то мѣсто, которое им удѣляется в предсказаніях. Впрочем судя по Законнику Стефана Душана разбой процвѣтал в Сербіи и прежде.²⁹ Предсказанія эти можно раздѣлить на двѣ группы. В одних предсказываются бѣды самим разбойникам,³⁰ в других перечисляются лица, которыя от них пострадают. Вторая группа болѣе обильная. Указывается, что от гусар и татей всѣм будет плохо; в частности купцам и путникам и паломникам на дорогах. Появленіе разбойников бывает связано с войной и иногда вызывает среди населенія мятеж. Вообще часты предсказанія распрей не только среди господ, но и среди людей вообще.³¹

Наконец встрѣчается предсказаніе о невѣрствѣ, т. е. измѣнѣ своей вѣрѣ старцев, которая будет продолжаться три мѣсяца, а затѣм они покаются и снова обратятся к Богу.³² Оно, должно быть, возникло во время турецкаго владычества, и вмѣстѣ с предсказаніем о поломниках к Гробу Господню является характерным подтвержденіем усиленія религіознаго-христіанскаго интереса в гадательной книгѣ. В таблицѣ по

²⁶ Перетц, I. р. 70 ѿ коуп'цѣ ѡ гѣа пагѣба мнѡго; р. 71 ѿ ѡвчаремъ планинцемъ ѡ гѣра злѡкъ кѣжѣ. К. Жиречек, Историја Срба. III. р. 181.

²⁷ Перетц, I. р. 71 ѡце ѿ сѣнце помрѣкнеть на два ѡблѡка · сѣд'ла ѿ оубзѣ ѡскоуп'кѣтъ тѣк'мо. ѿ дроуто вѣсѣ ѣктѣна бѣдет.

²⁸ Архангельскій, К исторіи южносл. и др. рус. апокр. лит. Изв. Р. А. Н. 1899. т. IV—2. р. 132; р. 133.

²⁹ Жиречек, Историја Срба. III. р. 155.

³⁰ Перетц, I. р. 64 разбойникѡ ѿ злодѣицѣмъ зло кѣжѣтъ.

³¹ Перетц, I. р. 75, 68 ѿ коуп'цѣмъ пагоука ѡ хоусарѣ; 69 татѣж ѿ рати ѿ разбойници мнѡ бѣдетъ; 63; 65 хоусарѣа мнѡгы люде на пѣти погубѣнеть, гдѣ хѡта ѣти на поклонѣніе къ бжѣю грѣкъ; 62 ѿ разбойници пѣтнѣкъ мнѡго зло сѣтворѣа. ~ ѡце лоуна ѡградѣтса великъ мѣтежъ ѡ разбойникѡ ѿ оубѣица въ люде кѣжѣ: ~

³² Перетц, I. р. 66 ѿ стар'ци невѣр'ство за г' мѣа боу покажѣтъ · ѿ потѣса покѣтъ вѣл'ми къ боу.

Зодіаку также был особо отмѣчен Іерусалим. Церковный элемент проник и в самый способ гаданія. В XVIII вѣкѣ на Карпатской Руси гадают не только по Новому Году и Рождеству Христову, но и по другим праздникам, как напр. Благовѣщенію.³³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Гаданія по метеорологическим, астрономическим и иным стихійным явленіям из глубокой древности при посредствѣ Рима перешли сначала в Византію, а затѣм и к славянам. Древнѣйшія гадательныя книги до нас не дошли. Сохранилась только в значительной степени использовавшая их коллекція Іоанна Лида, но и тут онѣ были переработаны и приспособлены к политической и общественной жизни эпохи Юстиніана I-го.

К сожалѣнію этого нельзя сказать о дальнѣйших сочиненіях этого рода. Интерес к гадательной книгѣ переходя в болѣе широкіе слои общества понижает ея уровень, и она претерпѣвает значительныя измѣненія в позднѣйшую эпоху. Если при Юстиніанѣ гадательная книга Лида отвѣчала запросам сенаторской партіи, то позднѣйшія, хотя и бывшія в употребленіи и при дворѣ, соотвѣтствовали уровню интереса составителей хронографов. Мировыя хроники, начиная с Пасхальной, т. е. с того же VI-го вѣка по XII, тщательно отмѣчают связь необыкновенных природных явленій с выдающимися событіями в государствѣ. В этот період упрощенія гадательной книги все же продолжается ея приспособленіе, в соотвѣтствіи с качественно понизившимся интересом ея читателя, к политической и общественной жизни страны. Повидимому, часть предсказаній все же продолжает черпаться из собственнаго опыта, хотя шаблон и приобрѣтает все большую силу, и в изобиліи сохраняются анахронизмы.

В эпоху Палеологов происходит дальнѣйшее приспособленіе этих книг к эпохѣ, что замѣчается, как в общем их характерѣ, так и в частности в географической номенклатурѣ. Шаблонность увеличивается; все меньше черпается новаго матеріала из опыта. Измѣненіе содержанія, повидимому происходит уже исключительно филологическим путем — замѣной болѣе подходящими словами частей предсказанія. Вмѣстѣ с тѣм, если первоначально гадательныя книги по географическому признаку явно раздѣляются на три редакціи — восточную (мало-азійскую), египетскую (александрійскую) и столичную — римскую, затѣм константинопольскую, а позднѣе в VIII—XII мы повидимому имѣем дѣло с книгами переработанными в Константинополѣ и в провинціях мало-азійских

³³ Яворскій, Практика господарей, р. 5, 6.

и балканских, то, наконец, при Палеологах, как отмѣчает Гейзенберг³⁴ центр тяжести переносится на Балканскій полуостров греческій и славянскій. Но это не эпоха расцвѣта гадательной литературы, а ея качественнаго упадка и популяризации. Сохраняется она в позднѣйших рукописях в значительной мѣрѣ благодаря интересу к ней духовенства не только славянскаго, но и греческаго.

Славянская письменность получила гадательныя книги двух позднѣйших эпох и мало внесла в них новаго, восприняв их со всѣми архаизмами и шаблонами, болѣе далекими для славянина, чѣм для грека. Она продолжает эволюцію их в тѣх же основных линіях; но в связи с общим положеніем послѣ турецкаго завоеванія в них усиливается момент социальный в ущерб политическому. Со временем гадательныя книги ветшают и окончательно теряют связь с реальной дѣйствительностью, имѣвшуюся еще на лицо в болѣе ранних переводах.

На славянской почвѣ гадательныя книги являются главным образом памятниками литературными и бытовыми, цѣнными для византолога сохраненными в переводѣ сочиненіями болѣе ранней эпохи. В Византіи же гадательная книга является первоначально в значительной степени отраженіем политическаго міровозрѣнія и интересов эпохи. Затѣм, уходя все дальше от жизни, упрощаясь и становясь все болѣе шаблонными, онѣ все же продолжают освѣщать одну из сторон душевнаго склада средневѣковаго грека — ту приверженность к старым вѣрованіям связанную с чувством государственности, продолжавшую теплиться в ромѣѣ, гадающем не только о собственном благополучіи и хозяйственных дѣлах, но и о судьбах страны и сознательно вносящем в теченіи вѣков свои поправки и измѣненія в предсказаніи.

Вот в общих чертах та схема эволюціи гадательной книги и измѣненій в составѣ ея политическо-общественных предсказаній, как она намѣчается при изученіи даже того неполнаго матеріала, который нам был доступен.

Приложеніе III.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ГРОМНИК ИЗ РУКОПИСИ ЧАСОСЛОВА ЧЕШСКАГО МУЗЕЯ 23.

Краткое описаніе рукописи было дано в II-ом Приложеніи (см. *Byzantinoslavica*, III 2, p. 454—455). Остановлюсь еще раз на выше опубликованной надписи 1722 года тогдашняго владѣльца книги грѣшнаго попа Максима Печанина, т. к. представляется возможным ближе опредѣлить его личность. С 1721 года епископом печуйско-могучско-сечуйско-сигет-

³⁴ *Catalogus codicum astrol. graec. Codices Athenienses descripsit A. Delatte*, t. X. Bruxelles 1924. Rec. A. Heisenberg, *Byzantinische Zeitschrift*. XXXI. p. 93.

ским был Максим Гаврилович, бывший архимандрит одного из фрушкогорских монастырей — Бешеновского. В этом монастырь хранится игуменский жезл с надписью от 1726 года: *Маѣѣмъ ѡѡкъъ печѣискій*.¹ Еп. Максим по всѣм своим епархіям называет себя по первой, хотя и жил в Сечуѣ, гдѣ и был похоронен.

Надпись на Часословѣ принадлежит к типу тѣх, гдѣ автор преднамеренно умаляет свое достоинство; впрочем конец сборника с его гадательными статьями был таков, что епископу было неудобно расписываться полным титулом. Поэтому читаем: *мнѣ грѣшнато попа Маѣѣма печаніна*. Нѣкоторое сомнѣніе может только возбудить форма *пѣчаніи* от Печуй, хронологическія же данныя вполне совпадают.

Привожу цѣликом также второй из Громников коллекции Часослова, за исключеніем первой части о распредѣленіи чисел мѣсяца под знаками Зодіака (*а сѣ ѡнь громовникъ зодіѣ* · л. 142 об. — л. 145), которая соотвѣтствует приводимой у Тихонравова, Памятники отреченной литературы, р. 361 sq. Он содержит много политических предсказаній и значительно расходится с текстом нами напечатанным по Ходошской рукописи, легшим в его основу. Как и всѣ остальные Громники — это передача по сербски болѣе стараго текста, который в данном случаѣ, повидимому, не обладает достоинствами прототипов двух других Громников; м. б. оригинал списан из другой рукописи.

I Громник представляет из себя слитый текст I и II-го Громника рукописи XVI-го вѣка Румянцевскаго Музея 1275, изданных Перетцом в «Матеріалы к исторіи апокрифа и легенды. I. К исторіи Громника». СПбг. 1898, р. 54—56; 56—60.²

Что мы имѣем дѣйствительно дѣло с цѣльным текстом раздѣленным на двое, а не с отдѣльными гаданіями по положенію луны, с которыми приходится неоднократно встрѣчаться в рукописях, явствует из самаго текста. Переписчик рум. рук. сбился, и только с ноября правильно пишет то, что относится к этому гаданію. Сентябрь же выписан цѣликом не там, гдѣ нужно, и в началѣ второго Громника дѣлается ссылка на первый (р. 56): *Ѣ бѣѣ починаѣ громовникъ · мѣца сѣтѣвріѣ · ѡще грѣѣ бѣдѣ растѣши лѣнѣ · вѣсѣмѣ ѡзѣбѣлѣ, ѡ здравѣ чѣкѣ · пѣ назѣ*. Октябрь также начинается не с растущей луны, а с молніи в ведро, тогда как I Громник под октябрем имѣет нѣсколько лишних предсказаній, кончающихся молніей в ведро (р. 55). Для наглядности и также для сравненія с издаваемым текстом рубежа XVII и XVIII вѣков привожу начало I Громника полностью (р. 54—55):

¹ Л. Мирковић, Старине фрушкогорских монастыра. Ист. друш. у Новом Саду. Посебна изд. III. Београд. 1931. № 21, 22.

² Как указывает Н. Н. Кононов (Из области астрологіи, р. 38) в руках Ундольскаго имѣлася ранѣе снятая и болѣе исправная копія с этой рукописи, принадлежавшей ранѣе Григоровичу. Она пополняет лакуны, которыя имѣются на страницах 77—80 изданія Перетца.

Оказаніе ѡ живѣтѣ ѿ ѡ гаданіа · ѿже видѣвъ кражѣ · громѡвники ѿ показася ѿмѡу · ѿмать ѿ белѣгы сѣ · ѿ тако сѣ начинаетъ · мѣа сеп'тѣрія рекѡмѣн роуганѣ · ѿмать дѣи ѿ · ѿ часовъ · тѣхъ · лоуна ѿмѡу свѣтитъ, кѣдъ дѣи · ражається ѿ · чѣдъ дѣи · да ѿще ѿ лоуна ѿмѡу права · тѣ припаси мнѡзи || добри ѿ вѣдро бѣдѣ · ѿще положѣ тѣ слѡта бѣдѣ: ~ ѿще ли грѣ · растѣщи лоуна въ сѣмѣ ѿзвѣнѣ · ѿ здравіе члѡкѡу, ѿще ли ѡскѣдѣважши възгрѣмѣ · пагоуба каже · ѿще ли въ днѣ бѣдетъ грѣ · ѿли мѡвнѣ · въсѣ члѡци въ стрѣ въпадѣтъ ѿ дѣжеке бѣдѣ · ѿ плѣ мнѡ · повѣдоуѣтъ · ѿще ли трѣ бѣдетъ дѣи жѣта соуха бѣдѣ · ѿще ли ношѣ трѣ бѣдѣ кнѡзи тѣе земли погыбѣж: ~ Возможно также, что переписчик захотѣл вновь выдѣлѣть гаданіе по растущей и худѣющей лунѣ, которое имѣло хожденіе отдѣльно, как можно судить по рукописям XIII—XV вѣков, хранящимся в Бѣлградском Народном Музеѣ (Стојанович, Каталог, р. 383 Громовника — Мѣсец сек · рекомѣ Рѣианѣ · Лѣна ѿго свѣтит · ѿ · дѣи · ѿще погрѣмѣтъ растѣши лѣне, всѣмѣ ѿзвѣнѣ ѿ здравіе члѡкѡкомѣ; Соколов, «Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ», р. 39—40). Текст в Часословѣ нѣсколько полнѣе изданнаго Перетцом, но передан болѣе современным языком. Кромѣ того в концѣ каждаго мѣсяца прибавлены злые дни, по два на мѣсяцъ. Аналогичныя таблички приводятся у Новаковича (Примери књижевности ѿ езыка старосербскаго, 1877, р. 520). При печатаніи сохраняю по возможности правописаніе и надстрочныя знаки подлинника. Оставлена, как и в предыдущих приложениях, пагинація кодекса, сдѣланная прежде, хотя она иногда и повторяется. Текст обоих Громников сохранился полностью.

Заглавіе отсутствует.

л. 127 Мѣсѣ септемѣри ѿмать дѣи · ѿ · данѣ ѿмать чѣ · кѣ ѿ · нощѣ · кѣ лѣна ѿго свѣтитъ, · кѣ · дѣи · ражається въ прѣи чѣдѣ днѣ · да ѿще мѡ бѣдетъ лѣна права припаси мнѡзи бѣтъ, ѿ вѣро бѣдетъ · ѿщели пѡлого бѣдетъ слѡта · ѿще възгрѣмѣтъ растѣши лѣне ѿзвѣнѣ ѿ здравіе члѡкѡкомѣ · ѿщели на скончаніе лѣне възгрѣмѣтъ · снегъ бѣдетъ · ѿще потѣтнѣтъ пременѣніе кнѣземѣ · ѿ стране тѡн метежъ великѣ бѣдетъ · ѿ дѣжъ повѣдоуѣтъ · ѿщели магла низъ падѣтъ, тѣ рѣтъ бѣдетъ · ѿщели мѡ лѣна права бѣдетъ, тѣ въсѣ людемъ тѣгѣ носитъ · ѿщели мѡвнѣ ѿз вѣра бѣдетъ · тѣгѣ житѣ кажетъ · Гѣго мѣсеца ѿще бѣдетъ ѿ днѣ громъ || ѿ мѡвнѣ тѣ дажеке бѣдѣтъ ѿ тишина велика житѡмѣ плѣдѣ мнѡгѣ ѿ ѡ множаства пише члѡвѣци въ лѣдѣ въпадѣтъ · домоке ѿ разкратѣтъсѣ жени ѿ ѿ дѣти кнѣзѣпѣ ѿзмѡрѣтъ · Гѣго мѣсеца ѿще бѣдетъ нѡщѣю грѣ · ѿли мѡвнѣ · въсѣ члѡвѣци въ стрѣ въпадѣтъ · велици же ѿ силни · мѡчѣмѣ ѿ рѣтѣю погыбѣтъ · ѿ ѡскѣдѣютъ людемѣ ѿждею ѿ погыбѣтъ болѣзнію · Гѣго мѣа ѿще бѣдетъ трѣсѣ земли ка днѣ · жѣта сѣха бѣтъ ѿ бѣдетъ стрѣхъ въ члѡвѣцѣхъ · ѿ поухѣла ѿ дажѣи велици · ѿщели въ ноши трѣтъсѣ земліа кнѣзѣ земліа тѣе ѿ людемѣ погыбѣтъ · данѣ мѡ зѣл · г · к.

л. 128 Мѣсѣ октомѣри ѿмѣ дѣи ѿ · данѣ ѿмать чѣ · ѿ · а ношѣ г · г · || лѣна ѿго свѣтитъ · ѿ · дѣи · ражається въ втори чѣдѣ днѣ · да ѿще бѣдетъ лѣна права · тѣ зѣма добѣ-

ра ѿ кѣро бѣдетъ · аще ли полого то да жеке бѣтъ · аще ли магла на небѣ възидеть то самрѣтъ въ людехъ · аще ли лѣна прѣдъ бѣдетъ то великъ мѣжъ смреть ѿ прѣва сетва праказитъсе ѿ снѣца · аще ли мѣна на вѣрѣ бѣдетъ ѣзи многѣ ѿ житѣ недостатка жеке · аще ли погрѣмѣтъ · растѣши лѣне · смрѣтъ поведѣтъ ѿ сетве погрѣшеніе ѿ рѣбамъ локъ · ѿ полесному скотѣ локъ · аще ли потѣтнѣетъ то радѣтъ поведѣтъ ѿ благодетъ · аще ли трторѣ бѣдетъ · а · данъ ѿ ли · б · ѿ ли въ нарочнемъ днѣ метежъ ѿ вѣстока бѣдетъ · ѿ самрѣтъ || въ скотѣ ѿ многими зверемъ напѣсти, л. 128 об. ѿ многѣ пагѣба · аще ли възгрѣмѣтъ малѣюши лѣне · ѿкасемъ благо поведѣтъ · сѣго мѣца аще бѣдетъ ѣ дне грѣмъ ѿ ли мѣнѣ · ѿ вѣтока до запада вѣсе възрадѣтъсе · ѿ егѣпатска землѣ ѿзнемѣтъ · ѿ въ рекнѣсти погнѣнѣтъ ѿ звери ѿ снѣтъ · аще ли въ ноши бѣдетъ громъ ѿ ли мѣнѣ · бѣтъ попаленѣа по места ѿ стрѣ вѣтри мнози · ѿ кораблемъ потопленѣа ѿ разоренна ѿ въ людехъ ва домохъ ѿскѣденѣа ѿ зверѣ ѿветъсе мнози, а въ скотѣ плодъ много. || аще ли л. 128 а бѣдетъ трѣнѣа землѣ рѣти бѣдѣтъ ѿ море ѿхѣдѣетъ · потомъ да жеке ѣмножѣтъсе · ѿ жита много бѣтъ · аще ли въ ноши потрѣтъсе землѣ · тѣга чловекомъ · ѿ гладѣ бѣдетъ много ѿ ѣмалѣтъсе людѣ а дрѣзи ѿветъсе ѿ ѿскѣдѣютъ жита ѿ да жеке бѣтъ а ѿкопѣа плода не дастъ · днѣ мѣ заль · ѿ · кѣ.

мѣцѣ нѣмѣри ѿматъ дѣн · а · данъ ѿматъ чѣ · і · а ношѣ д · і · лѣна ѿгѣ светит · к · д · дѣн · раждѣтъсе въ втори чѣ ноши да аще мѣ бѣдетъ лѣна права то да же · аще ли || полого слѣта · аще ли възгрѣмѣтъ растѣши лѣне то да же много · ѿ кнѣ поведѣтъ много · ѿ възмѣшеніе въ людѣ на западѣ мѣжемъ мѣдримъ сѣцемъ смрѣтъ · аще ли потѣтнѣетъ · жита много бѣдетъ · аще ли потрторѣтъ великъ мѣжъ смреть · аще ли шѣмъ сѣ небѣ бѣдетъ то прѣменѣе кнѣземъ ѿ стране той тѣга вѣла · аще ли мѣнѣ на вѣре бѣдетъ · то вѣсѣ добро приносѣтъ здравіе зима добра · ѿ жита много бѣдетъ · сѣго мѣца аще бѣдетъ ѣ дне грѣмъ ѿ мѣнѣ · да жеке ѣмножѣтъсе ѿ жита много бѣдетъ || въ араписценъ землѣ метежъ, ѿ члѣвци члѣкы ѣмѣше ѣдавѣа славѣ сѣбѣ вѣрѣцѣтъ · ѿ кон ѿхѣ погнѣнѣтъ въ землѣ тѣнѣ стѣны градокомъ разорѣтъсе · аще ли въ ноши бѣдетъ грѣ ѿ мѣнѣ · то попаленѣа въ вѣсѣ странахъ, ѿ кораблемъ погнѣбѣа вѣла · ѿ зверемъ ѿ скотѣ ѣмрѣшавленіе · ѿ звери же снѣдѣтъ чловеки мнози ѿ небесъ много места пожѣгѣтъсе ѿ стрѣсѣтъсе · аще ли бѣдетъ трѣсъ землѣ ѣ днѣ царемъ мѣръ ѿ любѣ вѣла ѿ рати не бѣтъ на радѣсть велика въ царехъ ѿ въ чловецехъ бѣдетъ · да жеке мнози бѣтъ ѿ жита || ѣмножѣтъсе маадѣнѣа же велики ѿ скоти л. 129 об. ѿ скѣти ѿзмрѣтъ · аще ли въ ноши бѣдетъ трѣсъ землѣ, то миръ много нѣсѣтъ скрѣн ѿ печали не бѣтъ нѣ радѣтъ велика въ чловецѣ бѣдетъ ѿ да жеке бѣтъ · ѿратѣа тежка ѿ жита ѿскѣдно а сѣши въ мѣри ѣмножѣтъсе · данъ мѣ заль · к · ѿ · кѣ: ~

мѣцѣ декѣмѣри ѿматъ дѣн · а · днѣ ѿматъ чѣ · д · а · ношѣ е · і · лѣна ѿгѣ светитъ · а · дѣн · раждѣтъсе прѣжде полѣноши · аще бѣдетъ лѣна ѿгѣ права, то зима люта бѣдетъ · аще полого то слѣта много · ѿ вѣтри велици бѣтъ · аще възгрѣмѣтъ растѣши лѣне метежъ на некѣи странѣ бѣдетъ · сетѣа рѣна добра а поздна праказитъсе ѿ снѣца · ѿ южно бѣдетъ || аще възгрѣмѣтъ малѣюше лѣне вѣсѣа добро вѣдетъ · аще ли л. 130 потрторѣтъ · то радѣсть великъ кажетъ ѿ ѣмѣнѣа вѣсѣму кажетъ ѿ бѣдетъ · аще ли мѣнѣ на вѣре бѣдетъ то немѣщѣ ѿ зло приносѣтъ · аще ли бѣдетъ ѣ дне грѣмъ ѿ мѣнѣ мнѣне ѿ арапитѣне рѣтъ сѣтѣорѣтъ ѿ пленѣа вѣпадѣтъ · ѿ царѣ ѿхѣ ѿ ѣтрови

л. 130 об. ѿмръть · велики же властеле ѿ въ рати ѿмръть на вастоце же ѿ даждеве мнози
бѣдѣтъ жита много ѿ ѿкошїа ѿматъ бити по земан · ѿ въ мори погнѣбелъ · аще
ли въ ноци бѣдетъ громъ ѿ манїа раждаючи жени ѿмръть · ѿ напрасна смръть · ||
бѣдетъ тога царь противитъсе [им]ѣ ѿ погнѣбѣтѣю. Сего мѣца · аще бѣдетъ тресенїе
земан въ дне · то градъ томъ ѿ ѿзникъ томъ цара рѣшетъсе · последи же начнетъсе
ѿ сдрожитъсе ѿ днѣи зверь погнѣбѣтъ · аще ли ноцѣю бѣдетъ трѣнїе земан · ѿ многа
канча рати ѿ смрти поведѣтъ · градѣмъ ѿ ѿзникомъ новъ царь биваетъ ѿ царство
ѿставленїи бежитъ ва ина места ѿ царѣтѣю ѿго ѿнѣ приемлетъ ѿ цркви ѿпѣсѣтѣютъ
даже не бѣдетъ ѿ жита ѿ възрѣтъ последи цара своѣго ѿзрѣтъ ѿ встроетъсе гради
ѿ мнретьсе · дан мѣ заль · ꙗ · ꙗ · ꙗ · ~

л. 131 Мѣцъ ѿансарїи ѿматъ · днѣи · ꙗ · ꙗ || днѣи ѿматъ чѣ · ꙗ · ꙗ · а ноцѣ · ꙗ · ꙗ · раждѣтъсе въ полѣ
ноци аще мѣ бѣдетъ лѣна прака то летина · ѿ на лето плодъ много · аще ли полово
то слота сего мѣсца · ѿ на лето плода мало · аще възгнмѣтъ растѣши лѣне въсемъ
злѣ поведѣтъ · ѿ ѿзн много каже ѿ рана сѣтѣа дѣбра · а позна лоша · аще трторѣ
бѣдетъ · то на томъ кончина · аще потѣтнѣтъ · не бѣдетъ злѣ никоѣгоже · аще ли
тресѣ бѣдетъ то вино родитъ ѿ жито ѿ радость въ людѣ бѣдетъ · аще ли малѣ
последѣтъ то сѣтка проказитъсе мразомъ · аще ли магла на небо възидѣтъ то
л. 131 об. самрътъ направа || въ людѣхъ · аще малѣ на вѣре бѣдетъ въсемъ самрътъ прино-
ситъ · аще ли малѣущи лѣни възгнмѣтъ · точила ѿставѣтъсе ѿ недобро бѣдетъ ·
аще бѣдетъ тресѣ земан въ дне то плодъ много бѣдетъ тоци ѿмножетъсе ѿ
ѿкошїа ѿвъѣбнїе въсѣде бѣдетъ · аще ли въ ноци потресѣтъсе земан рати бѣтъ
междѣсѣбнїе · ѿ метежъ много въ людѣхъ · ѿ ѿбнѣства · ѿ възидѣхнїа ѿ сѣзи много
въ людѣхъ · данъ мѣ заль · ꙗ · ꙗ · ꙗ · ~

л. 132 мѣцъ февраль ѿматъ днѣи ꙗ · ꙗ · аще ли ѿстѣтъ ꙗ · ꙗ · ꙗ · лѣна ѿго свѣтитъ · ꙗ · ꙗ · днѣи ||
раждѣтъсе въ полѣноци · ѿ аще мѣ бѣдетъ лѣна прака то въсемъ добро бѣдетъ ·
аще ли полово то слоти · аще ли възгнмѣтъ растѣши лѣне много добро поведѣтъ
въсемъ ѿвъѣбнїе ѿ вино родитъсе ѿ жито · аще ли въ ноци потресѣтъсе земан рати
бѣтъ · аще ли тресакъ бѣдетъ · ѿ ли тѣтанъ ѿ ли малѣ последѣтъ то спаденїе ѿ пакости
самрътъ скотѣ ѿ пагнѣа въсемъ бѣдетъ · аще ли шѣмъ са небѣ бѣдетъ · то великъ
мѣжъ ѿмрътъ · ѿ позна сѣтка ѿхѣдетъ · аще ли магла на небо възидѣтъ то ѿкошїе
л. 132 об. родитъсе · ѿ дробномъ скотѣ плодъ бѣдетъ · аще ли лѣна крѣака бѣдетъ || то
ѿкошїа процветѣтъ ѿ маслина бѣдетъ · аще ли хѣдеюще лѣне възгнмѣтъ · даждеве
пакосни бѣтъ · аще бѣдетъ ѿ дне громъ ѿ манїа болзаромъ становитнѣмъ ѿзметакъ
ѿ попаденїа въ мнѣзехъ мѣстѣ а жито ѿвъѣбнїе бѣдетъ · ѿ ѿкози възнѣсѣтъсе ·
а богати смѣретьсе · на старейшихъ земельнѣ ѿза много ѿ прѣленїа много въ чо-
вецѣ бѣтъ · аще ли въ ноци въ ноци бѣдетъ громъ ѿ манїа въ мори ѿ кораблѣхъ ѿ пше-
ницѣ рати велики бѣдѣтъ · бѣреже мнози ва ревности възпратѣтъсе · ѿ пакн смѣретьсе.
Сего мѣсца аще бѣдетъ тресѣ земан въ дне старейшиннѣ землѣ тоѣ много добро
л. 133 поведѣтъ || тѣ а ва ѿнѣ градѣ старейшиннѣмъ пагнѣа бѣдетъ · аще ли ва ноци бѣдетъ
тресѣ земан то смѣтенїа ѿ помишенїа много злѣа бѣдѣтъ въ чловецѣхъ · ѿ ва гра-
дѣхъ самрътъ · ѿ княза тоѣ землѣ пагнѣбѣтъ людѣ · цркви много ѿпѣсѣтѣютъ · а жито
много родитъсе · аще ли малѣ на кедре бѣдетъ то мнрѣ самрътъ · ѿ царѣ печаль
каже · данъ мѣ заль · ꙗ · ꙗ · ꙗ · ~

мѣсѣць мартъ ѿмать дѣнь .л̄а. дань ѿмать чась к̄ѣ . а нощь к̄ѣ л̄сна ѿгò светити . л̄ . дѣнь раждається прежде петалъ || даще мѣ бѣдѣть л̄сна прѣ тò красти много . ѿ ветри разанчнн ѿ слòти бѣтъ . ащеиں пòлого . тò ведрина много . ащеиں вазгормитъ растъще л̄сне . тò добро повѣдѣтъ . житò рòдити ѿ маслина процактѣтъ . ѿ са небѣ манна санидѣтъ . ѿ челама радость ѿ востòка до запад̄ . на севере живущимъ брань повѣдѣтъ . ащеиں трторъ . тò некоиъ земли зело гладь повѣдѣ . ѿ говедомъ пагъба : ѿ позна сетва х̄сда бѣдѣтъ ѿ гради крайни бѣд̄ примѣтъ . ащеиں ѿдажити тò самрть || къ людѣ . ащеиں л̄сна кровава бѣдѣтъ . тò касемъ сеткамъ добро бѣдѣтъ . л̄ . 134 ащеиں ходюще л̄сне вазгормитъ все дѣло благополучно родиться житò ѿ кино . аще трторъ бѣдѣтъ тò древни плодъ показѣться а житѣ ѿ кинс ѿзобнаѣ . сего мѣца аще бѣдѣтъ 8 дне грмн̄ . или ман̄а бѣдѣтъ тò земля дастъ плодъ свой , ѿ рибамъ пагъба ѿ скот̄с много плодъ болше же величнн ѿ силни царѣ смирѣться на востòце же ѿ западе самрть много . ащеиں ка нощи бѣдѣтъ громъ великъ ѿ ман̄а . такоже бѣдѣтъ . аще бѣдѣтъ трѣсь земли 8 дне || конемъ ѿ говедомъ ѿ ѿвѣ- л̄ . 134 об. цамъ ѿ касемъ четвероногомъ скот̄с погнѣль нѣсити . ащеиں ка нощи бѣдѣтъ трѣсь земли ка касѣ градехъ кл̄нча ѿ метежъ бѣдѣтъ . ѿ места много падѣтъ . ѿ цркви много ѿп̄стѣють ѿ живущи на востòце чловеци болѣзни много примѣтъ . ѿ живущей же ка моры ѿ ка рекахъ разсильють . ѿ градове же ѿ печали ѿ скрби падѣтъ потòмъ радость примѣтъ . ащеиں пот̄стнѣтъ . касемъ м̄р̄с̄ гладь кажетъ . ащеиں ман̄а ѿдарити на ведринѣ тò цар̄с̄ самрть кажетъ . дан мѣ заль . г̄ . к̄ѣ .

мѣсѣць априль . ѿмать дѣнь .л̄ . дѣнь ѿмать ч̄ѣ . г̄ . нощь .л̄ . || л̄сна ѿгò светити . л̄ . 135 к̄ѣ . дѣнь раждається въ прѣ петлѣ аще бѣдѣтъ л̄сна права ведро . бѣдѣтъ ащеиں пòлого тò ѿз чловекомъ ѿ скотòмъ ѿ даждеве . ащеиں вазгормитъ растъщи л̄сне . или х̄сдеищи . добро каже земли , рана сетва добра . ащеиں пот̄стнѣтъ . тò великъ гладь каже ѿ разр̄шеніе великимъ м̄жеи . ѿ войска нап̄ана въ людехъ . аще ли трторъ бѣдѣтъ . рат̄ каже . ѿ метежъ стране той ѿ нед̄згъ заль много . ащеиں трѣсь бѣдѣ . тò ветри величнн бѣдѣтъ ѿ плодъ проказнѣться . аще бѣдѣтъ громъ касакòмъ ѿвоцїю || ѿзъѿбнаѣ . средна сетва добра ащеиں пот̄стнѣтъ вина по места бѣдѣтъ . ащеиں трѣсь бѣдѣ 8 дне ближни царѣ рат̄сатворѣтъ меж̄с собою гради люд̄и тѣ сметѣться ѿ гнѣвъ ѿ ревность бѣдѣтъ въ людехъ . ѿ м̄жеи слави по- гнѣнѣтъ даж̄ много бѣдѣ . жита ѿ ѿвоцїа много . ащеиں ка нощи бѣдѣтъ трѣсь земли . тò метежъ бѣдѣ въ людехъ . ѿ не покорѣться болгаромъ своѣ ѿ кнези ѿти- дѣтъ ѿ старейшинъ своѣ . зло мислѣще ѿ цари скòемъ нерадити начнѣтъ . ѿ ѿ касехъ ѿправленіа небѣдѣ . западни же царь ѿмрѣтъ . ѿ даждеве мнози бѣтъ ѿ въ ег̄п̄те¹ || гладь бѣдѣтъ . ащеиں м̄льн̄а на ведре бѣдѣтъ . самрть приносить . дань л̄ . 136 мѣ заль . г̄ . к̄ѣ . :

мѣць маѣ . ѿмать дѣнь .л̄а. дань ѿмать ч̄ѣ . д̄ѣ . а нощь .г̄ . л̄сна ѿгò светити . л̄ дѣнь раждається прѣ ч̄ѣ д̄нѣ . аще мѣ бѣдѣтъ л̄сна прѣ тò ведро ѿ касемъ добро бѣдѣ . ащеиں пòлого самрть . аще вазгормитъ растъщ[е] л̄сне ѿвоцїю ѿбнаѣ а м̄р̄с̄ метежъ . скот̄с великомъ пагъба . ащеиں т̄станъ гладь ѿ болѣзанъ каже . ащеиں трторъ даждеве велике каже ѿ самр̄тъ въ людѣ . ѿ мнози въ стране той ѿв̄ргѣться || л̄ . 136 об.

¹ ВЫСОКОЕ Т.

- аще магла нѣз падеть тѣ много спаденіе ѣзѣбиліе · и добро пчеламъ · аще роса
и магла на нѣбо вазидеть · и тѣ добро позна сетка добра · и ѡкошіа помала · и на-
рѣчить мѣжъ смреть · аще бѣдетъ громъ ѡ днѣ и мѣнїа · тѣ дѣхове много каже ·
и грѣ много · и рѣки ѣспанетъсе вѣди · и морѣ вазмѣтитъсе ѡ вѣре и ѡнимъ чедомъ
погнѣбелъ · а рѣби много каже · сѣившиже плодъ много примѣтъ · и ва бѣдѣ выпадетъ
чловецъ · и женѣ бѣдетъ бреженїа и · ка царѣ мнози дари принесетъ конѣ · и челоу ·
л. 137 приведетъ · и ѡ вѣсѣмъ || радостъ виваетъ въ домѣ царевѣ · и трѣдѣ бѣдетъ въ
земли тои: на востѣченнѣ стране каже гладѣ и рати мѣжъсѣбѣ · и дрѣгъ дрѣга
начнетъ ѣвкати · и ѣза бѣде ка людехъ · на ва мѣле сочнѣс погнѣбелъ · а скотѣ плѣ
много · аще въ нѣщи бѣдетъ громъ · и мѣнїа тѣ жїтѣ плодѣ много поведе · дажда
не бѣдетъ ни вѣтра на сѣша бѣде · и ѣсточниці речни ѡсѣкнѣтъ · и жєни ѣзѣи-
ловетъсе · а дрѣгѣ раждающе смрѣтъ · и ѣвкитсе царѣ ѡ вѣсточненїе странн · потѣмъ
погнѣнѣ · ащеи зѣмла потрѣтсе въ днѣ тѣ грады мнози сметѣтъсе и болѣзни
л. 137 об. сметѣтъсе · и ва рати || погнѣнѣтъ ѣвѣзи ѡбогатѣтъ · плодѣ бѣдетъ по вѣсен зѣмли ·
и по градовѣ а ва немъ же мѣсте бѣдетъ трѣсъ тѣ ѣзѣбиліе каже и ѣака ѣза и
болѣзанъ и мѣста тѣго и пчеламъ плодѣ бѣде · аще ва ноши въ ноши бѣдетъ
трѣсъ земли тѣ мирѣ² каже царемъ и на мѣсте томъ даждеве ѣмножетъсе · и
плодѣ много бѣде на зѣмли тои · и зѣмла тѣ начнетъ прѣтїкнѣтсе врагѣ скѣимъ ·
ащеи мѣнїа на вѣдрѣ бѣде гладѣ каже · данъ мѣ зѣль · ѣ · ка: ~
л. 138 мѣсець ѣзѣн ѣматъ днѣ · а данъ ѣматъ ѣс · ѣ · а ноцѣ ѣ · || лѣна ѣгѣ светитъ ѣ ·
днѣ раждаѣтъсе ва днѣ ѣ · ѣ · аще мѣ бѣдетъ лѣна прѣва тѣ зїма и дажъ · ащеи
полѣго тѣ вѣдро и стѣдено и аще вѣзгрмнѣ растѣши лѣне · тѣ метежъ бѣдетъ и
ѣакон вѣнѣннѣ · царѣ западнн ратѣ сѣтворнѣ и великѣ мѣжъ смрѣтъ ·
аще потѣнѣетъ гладѣ и болѣзанъ каже · ащеи трѣторъ гладѣ · ащеи лѣна прѣва
бѣдетъ маслїна прѣказнѣтсе а вино роднѣ · а ѡкошіе сметѣтъсе · познаа сетка
л. 133 об. прѣказнѣтсе · ащеи хѣдеюще лѣне вѣзгрмнѣ || даждеки и зїмѣ каже · ащеи трѣ-
сакъ · ѡкошіа ѡскѣдно бѣдетъ позно · ащеи дажъ ѡбложннѣ бѣде самрѣтъ въ
людехъ · сѣго мѣца аще бѣдетъ громъ и мѣнїа · чловецн мнѣстїкн мѣждѣ собѣю
бѣтъ и прѣведнн · въ делѣ рѣкѣ скѣю вѣзрадѣютъсе · и ва земли тѣн жївѣтъ до-
барѣ бѣдетъ · ащеи въ нѣщи бѣдетъ грѣмъ мѣнїа · болѣзанъ и самрѣтъ бѣдетъ ва
чловецехъ и скѣтехъ · и конемъ и ѡвцѣмъ мѣрѣ · и ѣравнѣтскѣмъ кнѣзъ и ѣзѣкѣ
л. 139 погнѣбелъ · и ва томъ граде ѣдеже бѣдетъ знаменїе сѣ || послѣдн радостъ и ѡбиліе
бѣде · ащеи трѣсъ земли бѣде ва днѣ · царѣ [чѣстнѣ]³ бѣдетъ и кнѣзн смѣретъсе и
смѣрени вѣзрадѣютъсе ѡ големн ва рати погнѣнѣтъ · похвалаже бѣде ѡ мѣсте томъ
ѣдеже трѣсъ бѣде · и жнѣтѣ много бѣдетъ · ащеи ва нѣщи бѣдетъ трѣсъ земли тѣ
прѣленїа на мѣста бѣтъ и гонѣнїа и пленѣнїа и ва томъ мѣсте добро бѣдетъ · и тѣ
лѣто слѣва велика бѣде и даждеве ѣкаснѣтъ и ѣдржетъсе · аще лн мѣнїа на вѣдрѣ
л. 139 об. бѣдетъ мѣжемъ || и скѣотѣмъ самрѣтъ каже · днѣ мѣ зѣль · ѣ · кѣ ·
мѣецъ ѣюль ѣматъ днѣ · лѣ · данъ ѣматъ ѣ · д · і · а ноцѣ і · лѣна ѣгѣ светитъ
· л · днѣ · раждаѣтъсе въ пладнѣ · да аще бѣдетъ лѣна прѣва · добро каже здравїе въ

² ми перечеркнуто красными чернилами.³ различается с трудом.

людехъ · ѿзъѡбнѣе касѣмъ · ѿ ведро бѣде · ащели полѡго пшенице много · ѿ даждеве
 бѣтъ · ѿ аще възгрмнть растѣши лѣне добро кѣже · великъ мѡжъ ѡмреть крѣнни
 градоке бѣдъ примѣтъ ѿ четворанѡго ѡловѣтѣсе · ащели тѣтнѣ ѿли тртарь бѣде ·
 казметсе некое зѣмля · ащели хѣдѣюще лѣне възгрмнть добро кѣже · а ѿже стечетъ л. 140
 || ѡберецѣтсе · сѣго мѣца аще бѣде ѡ дне громъ ѿ манѣа въ касѣмъ мѣре метежъ
 кѣже · ѿ зѣмля ѡвѣтъ плодъ · ѿ пѣки недасть · до времени бѣри велики · ѿ морѣ
 възмѣтитсе на мѣста · въ еѣрѣхъ сѣм'рть напрасна · ѿ позна сетка каче плодо-
 вѣтѣа⁴ бѣдетъ · даждеве величѣ ѿ ветрѣ · перси бѣтъ · прѣзѣн настанѣтъ · пакости
 нетворетъ ва томъ лете житѣ · господомъ самртъ · ѿ зима ка мале ѡвоцѣа много
 бѣде западнимъ ѣзникомъ погнбелъ ѿ царь ка нѣ ѿзменитсе · ѡ · аще ка нѡщи бѣ-
 детъ громъ ѿ манѣа ва арабѣтсеи зѣмля жита много бѣдетъ · || ѿ сакешанѣа брѣ л. 140 об.
 немъ · ѿ ка ѣтиѡпѣхъ ѿ ѿни ѣзници сѣтворетъ рѣтъ до кавилона тогда западни
 ѣзници ѿзнемогше разболѣтсе ѿ каспачѣтсе · ѿ ѡставши ѡ человекъ тѣхъ победѣ
 сѣтворетъ до етѣѡпа метежъ бѣдетъ въсточнимъ ѿ западнимъ · ащели трѣсь бѣде
 ѡ дне · ка арабѣи подѣнженѣа бѣтъ ѿ поганимъ человекъ словекѡ погнбелъ · ѿ кнеземъ
 ѿ ѿ ѣзникъ на ѣзникъ вѣстанетъ · ѿ жѣта ѡскѣдѣютъ · ащели нѡщѣю трѣсь бѣде · въ
 градѣ томъ велѣе злѡ кѣже · карварски ѣзникъ вѣстанетъ · болѣреже величѣи смѣретсе ·
 ѿ ѡ мѣста тѡгѡ прѣлетсе · ѿ ѿзменивше мѣсто злѣ погибають ѿ дажѣ пролетѣа || л. 141
 ѡдржѣтсе сѡдѣшъ же лето томъ бѣдетъ даждеве величѣи жита бѣтъ позна много ·
 прѣзѣи же мнози бѣтъ ѿ погнбѣтъ · ѿ мали зѣврѣ погнбѣтъ · аще манѣа на вѣри
 бѣдетъ · царѣи прѣменѣ кѣже · дан мѡ заль · ѡ · кѣн : ~
 мѣцъ ѡвѣгѣстъ · ѿмѣтъ дѣни · лѣ · дѣнъ ѿмѣтъ чѣ · лѣ⁵ а нѡщѣ · лѣ лѣна ѣгѡ светитъ ·
 л · дѣнъ раждѣтсе въ · д · чѣ дѣнѣ · аще бѣдетъ лѣна ѣгѡ прака · ѿзобнѣе кѣже касѣмъ ·
 аще полово · ѣза людемъ ѿ скотѡ ѿ даждеве бѣтъ · ащели възгрмнть · а · данъ ѿли
 потѣтнеетъ ѿли ветарь || нарѡчитъ бѣдетъ ѿли зѣмля потрѣтсе зноѣ величѣи бѣтъ · л. 141 об.
 ѿ ѡвоцѣи прѡе на дрѣ ѡ кара саначнаго ѿзгоритъ ѿ лозѣи ѡсахнѣтъ ѿ гроздѣа
 сѣтрѣтсе ѡ гнева божѣа · ащели възгрмнть растѣши лѣне · д · данъ ѿли трторѣ
 бѣдетъ великимъ мѡжемъ самртъ · ѿ метежъ зѣмля ѿ много злѡ стране тѡй кѣже ·
 ащели потѣтнеетъ не бѣдетъ злѡ добро кѣже · ащели хѣдѣюще лѣнѣи възгрмнть
 добро кѣже масла много ѿ кина · а ѡвоцѣа ѡскѣда · ащели бѣдетъ ѡ дне громъ
 ѿ манѣа на вѣстоце же ѿ западѣ ѡмѣтаютьсе рѣкописанѣа || ѿ зѣмля дасть плодъ л. 142
 свой кой ѣже пришѣше снѣтъ лѡдъ еѣ · ѿ ѡдолеютъ зѣмля тѡй · ѿ разбойничи вѣстѣ-
 нѣтъ · ѿ вѣнства мѣжѣ собѡю ѿни · ѣгѡ мѣца аще въ нѡщи бѣдетъ громъ ѿ манѣа ·
 вѣстанѣтъ на цѣ ѿ погѣбѣтъ вѣзѣпѣ · ѿ на въсточней странѣ велѣице чѣди погнбѣлъ ·
 жита бѣтъ ѿ зѣврѣи человекѣи начнѣтъ ѣти · аще бѣдетъ трѣсь зѣмля въ дѣне тѡ плѣчь
 ѿ скрѣ · ѿ болѣзни многи мѣстѣ томъ · жита бѣтъ по касѣхъ мѣстѣ · ѿ црковѣ ве-
 лѣка негда сѣзѣжѣтсе · ѿ лозѣа ѿ гроздѣа ѿсахнѣтъ · ащели манѣа на ведрѣ бѣдетъ || л. 142 об.
 ѣзи кѣже ѿ зима злѡ бѣдетъ ѿзмайлати мнози вѣстанѣтъ ѿ бѣдетъ бранѣ · дан
 мѡ заль · ѡ · нѣ · кѣ : ~

⁴ повидимому, вторая буква л.

⁵ первое число особаго начертанѣя, повидимому, л.

л. 142 об.

Ѣсе ѣнь громовникъ зодіе.

Слѣдуетъ на л. 142 об. **Мѣцъ** мартъ · а · б · рнеа по л. 145 **ѣн · кѣ · л ·** мокрошь
таблица распределенія чисел мѣсяца по знакам зодіака. Начинается текст
Громника:

л. 145 аще ва число рнеѣ · погрмнѣ тѣ житомъ проказнненіе по местѣ · ѣ ѡкошю па-
гѣба · ѣ беда ва люді · ѣ ва цариграде гладъ бѣдетъ · ѣ кастанетъ дрѣгъ на дрѣга ·
л. 145 об. ѣ сеѣба добра ѣ волокомъ пагѣба · ащеи потѣтннѣ метежъ по земли ѣ недѣзи
ва людехъ · ащеи ва ноши || погрмнѣ рати великѣ поведѣтъ ѣ рекамъ наводненіе ·
ѣ человекѣ болестъ ѡчѣма ѣ зѣма бѣдетъ добра · ѣ пѣдѣ всемъ добро · ѣ ва мори
радостъ · ѣ ва людехъ смѣртъ · аще трѣсь бѣдетъ недѣзи мнози ва людехъ.

аще къ число ѡвне погрмнѣ тѣ всемъ плодѣ тленіе ѣ скрѣь · ѣ вацѣ сѣти ѡ
рати · ащеи ва ноши погрмнѣ тѣ плодове ѣветсе ѣчамъ ѣ сочико ѣзобѣано · ѣ
ва анатѣли гладъ · ащеи трѣсь бѣде тѣ гладъ каже ѣ пагѣба.

ащеи ва число юнче · погрмнѣ тѣ пшенице на места а на места помало · ѣ
метежъ ва люді · ѣ ваколѣтъ дрѣгъ дрѣга къ нечѣвеніе царѣко · понежеи некой
л. 146 насаникъ подѣвнѣтсе ѣ велики мѣжемъ погибѣлъ || ѣ скотѣ маломъ пагѣба ѣ къ
грѣаско земли радостъ · аще потѣтнѣетъ · тѣ зноѣеи ѣ сметѣніа многа · ѣ великимъ
человекѣмъ пагѣба бѣдетъ · аще ва ноши погрмнѣ ѣакомъ плодѣ добро ѣ стѣжаніе
велико · ѣ ва ѣзманати глѣ ѣ ва цариграде метежъ къ человекѣхъ некон царъ по-
гибѣнѣтъ · аще трѣсь бѣдетъ зноѣеи велици ѣ сметѣніа ва людехъ.

аще къ число близанчеко погрмнѣ тѣ метежъ къ человекѣ · ѣ пшеници тленіе
ѣсмантеномъ пагѣба ѣ зима злѣ · ѣ плаваѣущимъ мѣва · ѣ поозна сѣтѣва добра · ѣ
л. 146 об. ѡкчемъ плодѣ пагѣба ѣ вацѣ плоди ѣстленѣтъ · ѣ некон || насаникъ настанѣтъ ѣ
великѣ мѣжемъ премененіе · ащеи трѣсь бѣдетъ тѣ сметѣтсе некой страна · ащеи
ва нош погрмнѣ · тѣ ветри ѣ болѣзни · ѣ метежъ злѣ ва карвари приѣдѣтъ · ѣ зима
злѣ ѣ гладъ ѣ вина много.

ащеи ва число ракоко погрмнѣ тѣ ветри велици бѣдѣтъ сѣѣніе добро пше-
нице ѣ вакого плода ѡвѣано ѣ западниѣ стране ратъ бѣдетъ ѣ трѣсавица ва лю-
дехъ ѣ зима тѣшка ка сочика помало ѣ нарочитѣ плоѣе ѡскѣдѣютъ волокомъ па-
гѣба ѣ некон воекода подѣвнѣтсе · ащеи трѣсь бѣдетъ · того ради ѡригнѣтсе ·
л. 147 нарочитѣ мѣжѣ || ѡ царѣ · ащеи ва ноши погрмнѣ тѣ сочикѣ добро къ чело-
векѣхъ метежъ ѣ разѣон мнози даѣа мало ѣ ветри сѣли · ѣ на западе злѣ много
ѣ смѣртъ человекѣмъ.

ащеи ва число лаково погрмнѣ тѣ пшеници ѣ дрѣгомъ плодѣ тленіе · болѣ-
занъ ѣ крѣсти къ людехъ · ѣ зима злѣ · ѣ зѣерѣмъ пагѣба · ащеи потѣтнѣетъ тѣ
силнимъ мѣжемъ погибѣлъ · ащеи ва ноши погрмнѣ · тѣ плодове добри бѣдѣтъ ·
ѣ ва вавѣлоне пища къ человекѣхъ разѣой ѣ метежъ · ѣ на вѣсточнен стране скрѣь ·
ащеи трѣсь бѣде премѣдримъ пагѣба.

л. 147 об. аще ва число деѣе погрмнѣ поганимъ царѣмъ погибѣлъ || ѣ кашѣканѣ ва ме-
стѣхъ · ѣ къ ѣгипатсѣн земли мака · ѣ плодовою ѣ сочикомъ тленіе · ѣ позна
зима ва человекѣхъ смѣртъ напрасна ѣ градѣхъ · ащеи трѣсь тѣ мнози недѣзи

ка людехъ · ащеи ка ноши погрмѣть царемъ сметеніе ѿ ветри стѣдени ѿ плава-
ющій ка мѡри потопленіе.

ащеи въ число хѡмстоко погрмѣть тѡ подвигнеться дрѡга на дрѡга ѿ сечь
бѣдетъ · ѿ гладь ѿ недѣзи ѿ ѡ звери ѡиженіе · ѿ ѡ задѣшнице болѣсть ѿ зима
славна ѿ плоди родетсе · ѿ рекамъ наводненіе · ѿ мнози потопеться · ѿ скотѣ па-
гѣба · ѿ преселеніе мнози || ѡ мѣсть своѣ нжи⁶ беснѹю · ащеи тѣтнееть тѡ самртъ л. 148
многа · ащеи трѣсь бѣдетъ тѡ великимъ главамъ погибѣль ѿ межѣсобни рати ·
источниці кѡю ѡскѣдѣють ѿ ка вавилоне рати ѿ ка чловецѣхъ самртъ многа · ѿ
гдѣ погрмѣть жинейсе юни недѣржеться ѿ плодове погибѣнь.

аще въ число скорпѣко погрмѣть · тѡ гладь ѿ сечь ѿ пшеницамъ пагѣба зима
тежка · ѿ крагѣмъ пагѣба на южен стране чловеци падѣться касхишеніе ка нѣ
ѿ плоди || ѡскѣдѣють ѿ сочнѣхъ злоба · ѿ на восточней стране пленить дрѡга л. 148 об.
дрѡга · ѿ начнѣть зака[и]тисѣ без милости ѿ царѣ некой ѿзменитсе · а дрѡгомъ
ѡвленіе · ѿ железомъ крѣи пролѣютсе · ащеи потѣтнееть тѡ радость многа ѿ бо-
лѣсть бѣдетъ · ащеи въ ноши погрмѣть, тѡ метежъ ѿ ѡчима болѣсть ка людехъ ·
ѿ зима стѣдена ка малѣ ѿ плодъ много добаръ по мѣста · а на мѣста гладъ
ка царехъ рать · ащеи трѣсь · тѡ радость велѣа.

аще въ число стрелачеко · погрмѣть тѡ подвигнеться мава · ѿ казѣшни дѣ-
хѡки || приасть ѿ каземалютъ пшеницѣ ѿ дрѡгомъ плодѣ тленіе скрозѣ горе а ка л. 149
поли пѡд славни бѣть ѿ четверонѡгѣ приплоди · ѿ позна зима · ѿ ка анатоли гладъ
бѣдетъ · ѿ потомъ паднѣть ка море ѿ потонѣть · ащеи потѣтнитъ тѡ скотѣ па-
гѣба по мѣстехъ · ащеи въ ноши погрмѣть тѡ болѣзни на плѡве добри ѿ ка ва-
вѣлоне бѣдетъ плененіе · рати ѿ сечи · ѿ бѣнства бѣдѣть · ащеи трѣсь бѣде тѡ скотѣ
пагѣбѣ каже.

аще въ чѣло козирѡгѣ погрмѣть чѣтири дни дажѣ бѣдетъ · ѿ дѣхѡки злѣ ѿз-
сѣшетъ вино ѿ сочнѣко по мѣста || по морѣ зима ѿ плавающимъ погибѣль ѿ рати л. 149 об.
по градѣ бѣть · ѿ царѣ мава ѿ рптаніе ѿ вѣза · ѿномъ царѣ ѡвленіе ѿ сметеніе ѿ
сечь · ѿ силнимъ мѣжѣмъ паденіе · ѿ недѣзи мнози бѣть · ащеи потѣтнееть тѡ
гладъ бѣдетъ ѡ сапостѣта ащеи ка ноши погрмѣть тѡ зло много каже ѿ зима
добра · ѿ ка мори плаванѣа многа ѿ похоть ка людехъ · ащеи трѣсь бѣде тѡ брань
ѿ гладъ той земли.

ащеи въ число мокрошеко погрмѣть · тѡ радость ѿ много пшенице ѿ какого
жѣта ѿзѡбѣнѣ · сочива поѡскѣдо || зима добра · ѿ сейнѣю плодѣ [до]баръ градо- л. 150
комъ пагѣба · въ царѣе дѡмъ многа злѣ бѣть · ащеи потѣтнееть тѡ бранѣ на
мѣста · ащеи ка ноши погрмѣть тѡ рать бѣдетъ ѿ болѣзанъ ѡчима въ людехъ ·
ащеи трѣсь бѣдетъ тѡ бранѣ подвиженіе. ~

⁶ написаніе ж напоминает ѱ.

⁷ неразборчиво.

L'ÉLÉMENT POLITIQUE ET SOCIAL DANS LES LIVRES DE MANTIQUE BYZANTINO-SLAVES.

Chapitre IV.

Des modifications et suppléments survenus dans les livres de mantique slaves.

(Résumé.)

Les matériaux dans leur plus grande part sont fournis par les Brontologes complexes des manuscrits du XVI—XVIIme siècles, qui ont été traduits et remaniés chez les Slaves balkaniques. Les principaux changements et additions dans le texte paraissent appartenir à l'époque de la domination turque et se concernent des questions sociales: des relations entre les seigneurs et leurs serfs, ainsi que de la population libre et surtout du brigandage. Les brigands slaves, « husards » et « haïdouks », ont joué un rôle semblable à celui des palicares grecs dans la vie nationale des peuples slaves subjugués par les Turcs. Ceci peut quelque peu expliquer le grand nombre de pronostics de ce genre.

Les livres de mantique quoique persecutés et prohibés par l'Église ont trouvé refuge chez le clergé rural et les moines, qui dès le début ont contribué à la traduction du grec d'écrits semblables et à leur conservation.

KAREL ŠKORPIL (Varna):

МАДАРО-МОГИЛСКОТО ПЛАТО.

У В О Д Ъ.

Въ Черноморската област на Балканския полуостровъ се срещатъ остатъци на разни култури. Остатъци отъ найстаритѣ култури се срещатъ до сега само като случайни находки; къмъ последнитѣ принадлежатъ предисторични работилници и селища, предисторични могили (наречени по турски Ясж-тепе),¹ мегалитни паметници и могилища² и надколнитѣ постройки край дветѣ Девненски езера.

Първиятъ исторически народъ въ Черноморската област, сж били тракийцитѣ и то на северъ отъ Балкана—Гети, въ южната частъ и въ крайдунавската равнина до р. Янтра — племето Кробизи, а въ северната частъ — Теризи. Найважниятъ центъръ на тракогетитѣ въ тия страни е билъ градъ Dausdava (Δάουδαυα). Триглотитѣ въ Малка Скития (Добруджа) не сж били особено племе, но названието имъ се дължи само на особенъ видъ на тѣхнитѣ жилища въ скални пещери на северъ отъ носа Калиакра.³ Скититѣ проникватъ на югъ отъ Дунава въ IV в. пр. Хр.

На югъ отъ Балкана между градоветѣ Perinthus и Apollonia (Созополъ) сж живѣли Asti (Ἀσται), които се простирали до гр. Kabyle (до гр. Сливенъ); кралското имъ седалище е билъ гр. Bizye (Виза), а единъ отъ главнитѣ центрове съ светилища въ гр. Малко Търново.⁴

Въ VII в. пр. Хр. се започва гърцката колонизация по Черноморския брѣгъ за търговски връзки съ мѣстното население, която е донесла ионийско-атическа култура и съ това нови елементи въ първобитната тракийска култура. Главнитѣ гръцки колонии на «лѣвия брѣгъ на Понта» (τὰ ἀριστερὰ τοῦ Πόντου), на северъ отъ Балкана сж били: Odessos (Варна), Dionysopolis (Балчикъ), Callatis (Мангалия), Tomis (Кюстенджа) и Istros (до с. Каранасуфъ въ северна Добруджа); а на югъ отъ Балкана: Mesembria, Anchialos, Apollonia in Ponto (Созополъ) и Salmydessus (Мидия). Кулминацията на развоя на колониитѣ, които представляватъ нови културни центрове, се пада въ V-ти в. пр. Хр.

Първитѣ опити за завладяване тия страни отъ римлянитѣ се почватъ

¹ «Могили», *Х. К. Шкорпилъ*. Пловдивъ 1898, стр. 80—109; «Доисторическѣ паметници Болгаріи». *Г. Шкорпилъ*, Одесса 1896.

² Издание на Нар. музей, София 1925. *К. Шкорпилъ*, «Мегалитни паметници и могилища».

³ «Сѣвероисточна България», *К. и Х. Шкорпилъ*. Сборник на Министерството на Народното просвѣщение. Кн. VII, стр. 49—79.

⁴ «Светилища и паметници съ изображение на конници», *Кар. Шкорпилъ*. Издание Народенъ Музей, София, стр. 65—75.

въ I в. пр. Хр. (75 г. пр. Хр. C. Scribonius Curio; 72 г. пр. Хр. Marcus Lucullus; 29 г. пр. Хр. M. Licinius Crassus). За първия управител на Мизия се сочи Caecina Severus (6 г. сл. Хр.). Мизия е била организирана, като част на империята, заедно съ други части на Балканския полуостровъ, отъ имп. Тиберия (14 г. сл. Хр.), а като самостоятелна провинция — отъ имп. Клавдия (44 г. сл. Хр.). Провинцията Тракия е образувана въ 46 г. сл. Хр. Границата между дветѣ провинции Moesia и Thracia не е била постоянна и тя е преминавала и на северъ отъ Балкана.⁵

Отъ римското завладяване вникватъ елементи на новата култура на полуострова, но тя поздраво се е загнездила само край новата стратегическа Дунавска линия, чрезъ римскитѣ легиони (XI въ Durostorum, I въ Novae и V въ Oescus) и, то, отъ времето на имп. Веспасиана (67—79 сл. Хр.). Главнитѣ военни центрове на римлянитѣ въ Черноморскитѣ страни сж били Marcianopolis (Рѣка Девна) на северъ, а *Colonia Flavia Deultensium* (до с. Яйкезли) на югъ отъ Балкана.

Въ римско време Черноморската област е останала новечето подъ влияние на по-старитѣ култури. Епиграфическитѣ паметници въ тая областъ, съ изключение на официалнитѣ надписи, сж преимуществено гръцки; и надписитѣ отъ времето на първото Българско царство сж сжщо на гръцки.

Освенъ тритѣ погоре означени култури сж прониквали въ Черноморската област и други по-далечни култури чрезъ временното завладяване (келтийска) или чрезъ търговскитѣ сношения (малоазийска, египетска, сирийска).

Християнството се е загнездило въ Черноморската област още въ първитѣ столѣтия на християнската ера;⁶ голѣмиятъ развой на християнството се датира отъ имп. Константинъ Вел. (началото IV в. сл. Хр.), когато по цѣлата Черноморска област, особено по крайбрѣжието, сж поникнали великолепни мѣнастири и църкви.

Съ идването на българитѣ, християнството претърпѣло поражение и църквитѣ му сж били унищожавани, но възкрѣсна отново съ покрѣстването на царь Борисъ Михаила.

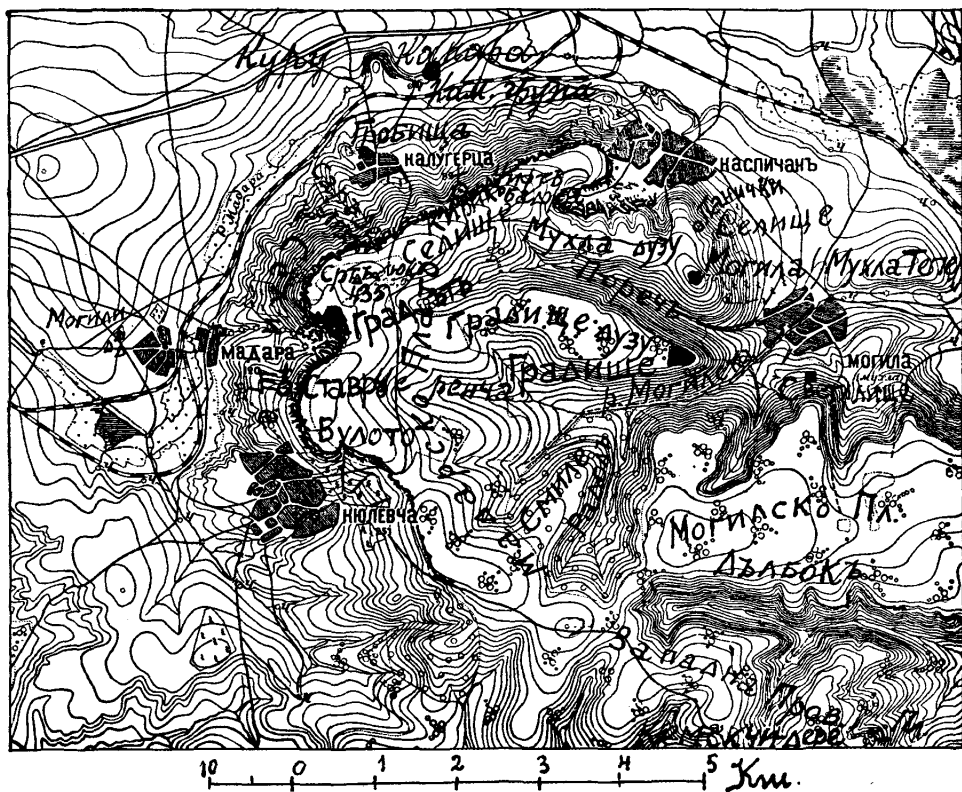
Въ VI и VII вѣкове се внасятъ въ Черноморската област нови култури отъ Славянитѣ и отъ Българитѣ, които се затвърдяватъ съ образуването на новата българо-славянска държава въ 679 г. сл. Хр. съ центъръ въ столица Плиска (Абоба), която въ времето на Симеона е била пренесена въ крепостъта на р. Туца (Тича), основана въ 821 г. отъ Омортага подъ името Велики Преславъ.

⁵ «Абоба-Плиска». Томъ X. Извѣстія рускаго археологическаго института въ Константинополь, София 1905, стр. 469—470.

⁶ Въ гр. Одессосъ (Варна) е билъ първи епископъ Амплий (56 г. сл. Хр.), а втори Карпъ (59 г. сл. Хр.).

География.

Шуменското поле се пада по срѣдата на източната частъ на северна България и е еднакво отдалечено отъ Дунава, Черно море и южнитѣ склонове на Балкана. Въ източната страна на полето се вдава въ него северозападниятъ жгълъ, найвисоката частъ на Провадийската планина, подъ общо название Мадаро-Могилското плато (обр. 1).

Обр. 1. Мадаро-Могилското плато.

Съ дола на р. Радолъ, притокъ на Могилската рѣчка, платото е раздѣлено на две части: западна — Мадарското плато (до 435 м. надморска височина), и източна — Могилското плато (395 м.). Дветѣ части сѣ свързани съ тѣсна седловина между долинитѣ Радолъ и Дълбокъ, гдето Мадарското плато се свързва и съ западния клонъ на Провадийската планина.

Могилското плато е ограничено съ стрѣмнинитѣ, които се падатъ отъ

северната страна към Вѣнчанското дефиле, а отъ южната страна, долъ Дълбогъ отдѣля платото отъ северния клонъ на Провадийската планина — Съртоветъ.

Мадарското плато се снишава отъ западъ къмъ изтокъ, гдето е разцепено съ Могилската рѣчка и притока ѝ Поречъ на три гребена: северниятъ Могилски (Мухла дузу), на края си съ висока естествена могила (Мухла-тепе), срѣдниятъ Градишки (Градище дузу) и южниятъ Смиле.

Мадарското плато се пада съ отвесни скални стени къмъ Абобското поле и затова е недостъпно отъ тия страни. Стенитъ се почватъ до с. Кюлевча и въ видъ на една дѣга, изпъкнала къмъ западъ, завиватъ къмъ изворитъ на Мадарската рѣчка (Дерменъ-дере) и отъ тѣхъ отново завиватъ къмъ с. Калугерица и отъ тамъ въ почти права линия до с. Каспичанъ.

Найинтересно мѣсто въ тѣзи скали е скалниятъ жгълъ надъ Мадарскитъ извори, който съ изобилие на вода и съ възможността на лесна отбрана е привличалъ човѣка отъ първото му появяване въ тия страни. Въ този жгълъ се явяватъ остатъци на предисторически човѣкъ отъ началото на второто хилядолѣтие пр. Хр. и остатъци отъ културитъ на всички народи, които сж се изреждали въ североизточната частъ на Балканския полуостровъ (обр. 2).

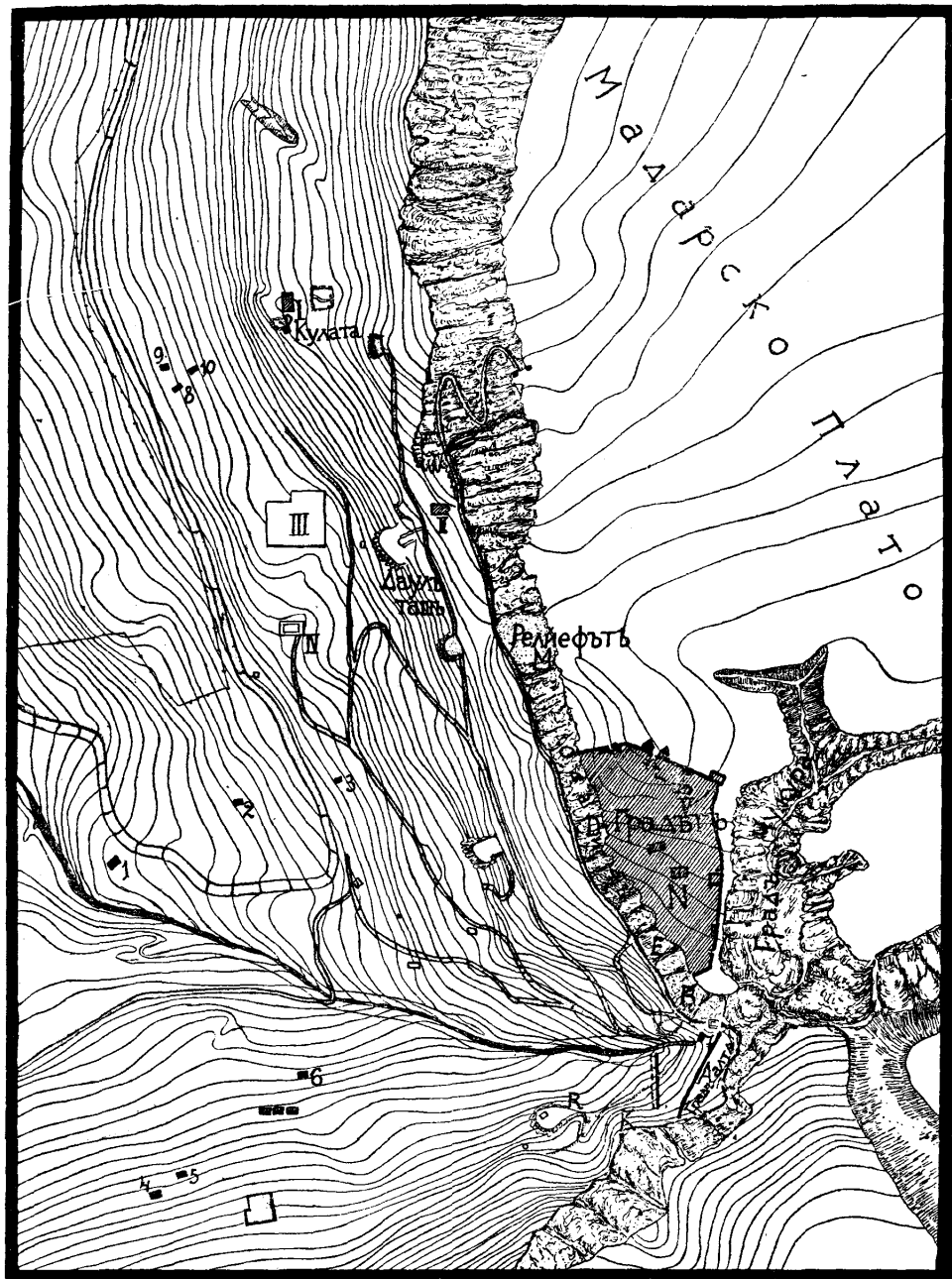
Скалниятъ жгълъ съ своята величественостъ, ограниченъ съ до 100 метра високи скални стени, съ своята таинственостъ прави впечатление на едно огромно естествено светилище (обр. 12), което впечатление се постепенно усилюва съ доближаване къмъ дъното на жгъла, гдето въ видъ на голѣма театрална сцена, се намира пещера отворена къмъ западъ, 86 м. широка, незначително стѣснена до двата ѝ края, 23 м. дълбока и до 50 м. висока, съ кубеобразно закривена скална стена (обр. 2—А). Къмъ пещерата, наречена Градъ-алтж (Подъ града), водятъ пѣтица край скалнитъ стени, отъ дветъ ѝ страни (обр. 8).

Надъ северния край на пещерата е устието на скално долче Чукура, отъ което, въ време на проливни дъждове, пада великолепенъ водопадъ върху единъ плоскъ блокъ въ пещерата; водопадътъ възбуждалъ религиознитъ чувства още на найстаритъ жители въ тия страни.

Подъ почти хоризонталната площадка въ пещерата има стръменъ склонъ, който въ северната си половина е затрупанъ съ скални блокове, подъ които на три мѣста извира Мадарската рѣчка, съ редъ воденици и тепавици, сега унищожени.

Вследствие на ерозия, скалнитъ стени се разрушаватъ и въ стенитъ на югъ отъ пещерата се образуватъ разни фантастични форми (Калпакъ-таши, Кадели, Кжжели, Калавиръ-ташъ и др.);⁷ скалната стена на северъ отъ пещерата, до 400 м. дължина, е еднообразна и почти равна, а само

⁷ Обр. 12, 14, 15, 30.

МАДАРСКИ ЖАЗЛЫБ.

700 600 500 400 300 200 100 0 100 200 М.

съ вертикални вдлъбнатини е раздѣлена на отвесни блокове, отгоре на по малки блокчета (обр. 12); въ северната стена, въ южната ѝ половина, има две естествени пукнатини — едната отъ страна на пещерата (обр. 27), а другата препречва диагонално единъ отъ отвеснитѣ блокове (обр. 13); дветѣ пукнатини се срещатъ, а отцепватъ единъ пластъ отъ скалния масивъ, и сж били използувани за изкачване и върху платото.

До южния край до севернитѣ скали, близо до пещерата е залепенъ самостоятеленъ пирамидаленъ блокъ, нареченъ Кьошкетовѣ (обр. 13, 16) и на него кореспондира подобенъ блокъ близо до южния край на пещерата въ южнитѣ скали (обр. 8).

П а м е т н и ц и.

Въ Мадаро-Могилското плато се явяватъ разнообразни паметници отъ разни времена. До сега сж констатирани паметници предисторични, отъ не напълно опредѣлена до сега култура, тракийски, гръцки, римски, византийски, български отъ времето на дветѣ царства и турски.

I.

ПРЕДИСТОРИЧНИ ПАМЕТНИЦИ.

Предисторични селища до сега сж констатирани въ Мадарския жгълъ и подъ естествената могила надъ с. Могила.

Предисторичнитѣ изследования въ Мадарския жгълъ сж направени отъ Раф. Поповъ, презъ 1902/3, 1909 г.⁸ и продължени презъ време на разкопкитѣ на Народния Музей 1924 г.⁹

Въ найдолнитѣ пластове се откриватъ предмети отъ втората каменна епоха и, то, наймного подъ Мадарския изворъ, отъ дветѣ страни на рѣчката (обр. 2). Мѣстото представлява единъ видъ предисторична работилница; кремъкъ за обработване е билъ изкопаванъ въ Делиорманъ, въ околността на с. Крива рѣка (Ири-дере), въ мѣстността Чакмаклъкъ, въ видъ на буци. Друга работилница на кремачни издѣлие е била въ с. Гьозелдже-аланъ (Делиорманъ, Разградско).¹⁰

Предисторични могили, каквито се срещатъ до извори въ околнитѣ страни, въ района на Мадаро Могилското плато нѣма.

⁸ Известия Археол. Др-ство, кн. III, стр. 90—107.

⁹ Презъ 1898 г. правихъ сондажи до Мадарскиж изворъ (Абоба-Плиска, стр. 25).

¹⁰ «Могили» (Пловдивъ 1898, стр. 85—87); Абоба-Плиска, (стр. 25).

II.

МОГИЛИ.

Обикновени могили, въ района на Мадарско-Могилското плато, сж рѣдки.

На найвисоката точка на Мадарското плато (кота 435 м.) се намиратъ две могили, отъ които голѣмата «Съртъ-юкъ» е до 8 м. висока и диаметръ 40 м.; значението на могилата не е известно, защото не е била достатъчно разкопана (отъ Шуменския гарнизонъ).

Въ Делиорманъ до с. Мумджиляръ се намира найголѣмата могила въ тия страни (291 м. надморето),¹¹ която по своето положение и широкъ изгледъ отговаря на Съртъ-юкъ. Въздушната линия между дветѣ могили е 60 Км. Военнитѣ власти, предполагайки, че — дветѣ могили принадлежатъ къмъ една и сѣща съобщителна линия, предприели нощни опити съ ракети, които обаче излѣзоха несполучливи, защото на линията между дветѣ могили се изпречва едно възвишение на западъ до с. Гюргенлие, на височина 488 м. Ако дветѣ могили сж принадлежали къмъ една съобщителна линия, трѣба да е била използвана и могилата на възвишението западна Стана надъ с. Довруклу, съ надморска височина 480 м., като съединителна станция между дветѣ могили. Предполагамъ, обаче, че и третѣ могили сж гробни.¹²

Отъ могилата Съртъ-юкъ е една отъ найширокитѣ гледки въ източна България.

Освенъ Съртъ-юкъ има само нѣколко могили на западъ надъ с. Мадара, гдето е билъ разположенъ рускиятъ лагеръ презъ 1829 г.

III.

КАМЕННИ ГРУПИ (ДЕВТАШЛАРЪ).

Каменни групи, наречени девташларъ,¹³ въ района на Мадаро-Могилско плато, нѣма.

За група прости камъки, въ една ливада надъ Мадарската рѣка, на североизтокъ отъ с. Калугерица, до скалистия проломъ Куру-канара (Сухата скала), не може да се каже, да-ли е остатъкъ на прабългарски девташларъ (обр. 1).

¹¹ Абоба-Плиска, стр. 553. Табл. CVII. ф. 1, 2.

¹² Мнението си за гробницата на Омортага въ Мумджилярската могила, основано върху четението на надписа въ В. Търново отъ Т. Успенски (Абоба-Плиска, 552), измѣнихъ въ полза на гробницата Демиръ-боба-теке («Въ защита на бълг. народна старина», Варна 1924).

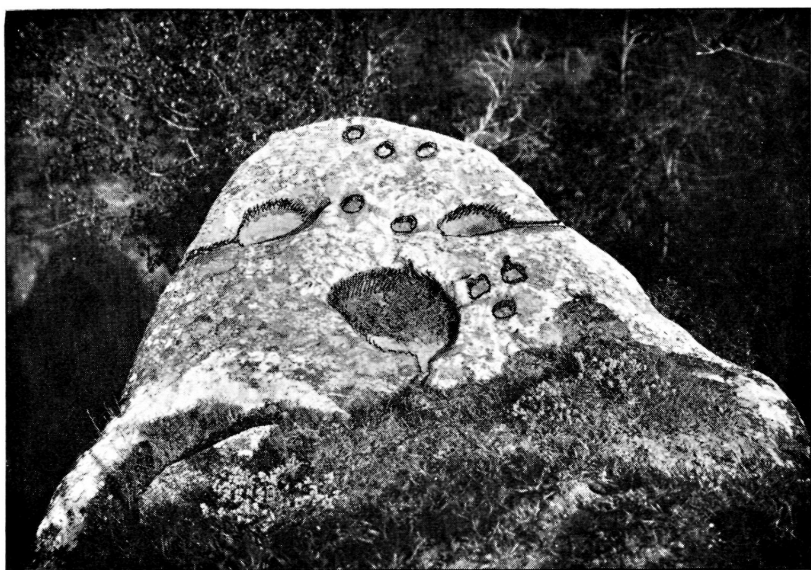
¹³ Абоба-Плиска. Глава XVII. Табл. LXX—LXXIII; правилни и неправилни; последнитѣ до с. Абоба (Везиръ тепе) и до с. Ендже.

Обр. 3. Гробища съ надгробни камъки, въ видъ на кръстове и на баби, до с. Калугерица.

Обр. 4. Надгробенъ камъкъ, въ видъ на баба, до с. Калугерица.

Обр. 5. Панички (Schalensteine) надъ Могилскитѣ лозя.

Обр. 8. Пещерата и голѣмъ жертвеникъ (отъ лѣво).

До с. Ендже, въ една могила сж били намѣрени две статуи, наречени «Каменни баби»,¹⁴ които се съхраняватъ въ Шуменския музей. Подобни две статуи, въ видъ на плочи сж намѣрени и въ Варненско (с. Мънастиръ и с. Аладънъ), които се съхраняватъ въ Варненския музей, и една статуа се намира въ развалинитѣ на крепостъта Стана-калеси до с. Гьоджедже.¹⁵

Предполагамъ, че и надгробнитѣ камъни въ групитѣ на неправилнитѣ девташлари въ Абоба и Ендже, въ видъ на заоблени камъни, сж единъ видъ на недовършени каменни баби безъ детайли.

Въ района на Мадаро-Могилското плато такива камъни до сега не сж намѣрени.

Въ старитѣ гробища до с. Калугерица се намиратъ голѣми каменни кръстове и между тѣхъ и два особени надгробни камъни въ видъ на непълни кръстове, отгоре закрѣглени (диам. 0,55 м.) и върху тѣхъ съ прости черти сж издълбани части на човѣшко лице (обр. 3, 4).¹⁶ Такиви камъни, въ видъ на пълни кръстове се срещатъ и по течението на Русенски Ломъ; горнитѣ рамене на кръста сж закрѣглени (женски надгробни камъни) или полигонални (мѣжки) и върху тѣхъ съ прости черти сж части на човѣшко лице въ закрѣглени рамки или само украшение на женска глава.¹⁷

Предполагамъ, че подобни надгробни камъни представляватъ единъ видъ баби, приети отъ християнството.

ПАМЕТНИЦИ СЕЧЕНИ ВЪ СКАЛНИ БЛОКОВЕ.

IV.

ПАНИЧКИ (Schalensteine).

Подобни паметници рѣдко се срещатъ въ България. Въ Мадаро-Могилското плато до сега е известенъ само единъ такъвъ паметникъ, който е издълбанъ въ единъ скалистъ виступъ, стърчашъ надъ Могилскитѣ лозя, на северъ подъ естествената могила «Мухла тепе» (обр. 1); паметникътъ се състои отъ три поголѣми и 8 малки вдлъбнатини; поголѣмитѣ сж съединени съ каналчета съ периферията на блока (обр. 5).

Найинтересниятъ паметникъ отъ този родъ се намира до с. Ахарь-къой, въ единъ уединенъ скаленъ блокъ.¹⁸

Тѣзи паметници едни смѣтатъ за предисторични, а други пъкъ ги числятъ къмъ мегалитната ера.

¹⁴ Известия на бълг. арх. институтъ, кн. V., стр. 109, обр. 106.

¹⁵ Абоба-Плиска, стр. 385.

¹⁶ Абоба-Плиска, стр. 402. Табл. LXXXI, обр. 3, 4.

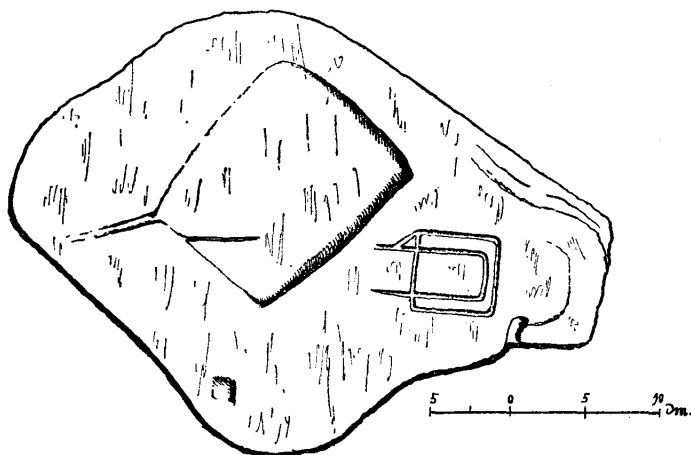
¹⁷ Описъ на старинитѣ по течението на рѣка Русенски Ломъ, София 1914. *К. Шкорпилъ*, стр. 169—171, фиг. 145—147, 150; 142, 148.

¹⁸ «Светилища и паметници съ изображение на конници», *К. Шкорпилъ*, стр. 86, фиг. 113.

V:

ЖЕРТВЕНИ КАМЪКИ. (Шарапъ-таши.)

По склоновете подъ скалните стени на Мадарското плато се срещатъ разхвърлени и паднали скалисти блокове, въ които сж издълбани жертвени камъки въ разни форми, известни подъ името «Шарапъ-таши» (винени камъки). Подобни издълбатини срещахме често въ Черно-

Обр. 6. Жертвеникът надъ лѣвия брегъ на Мадарския потокъ.

морската област и, то, отъ дветѣ страни на Балкана. Едни отъ тѣхъ — въ Странджа планина, Сакаръ планина и Източните Родопи — принадлежатъ къмъ мегалитни паметници.¹⁹

До Мадарското плато до сега сж известни:

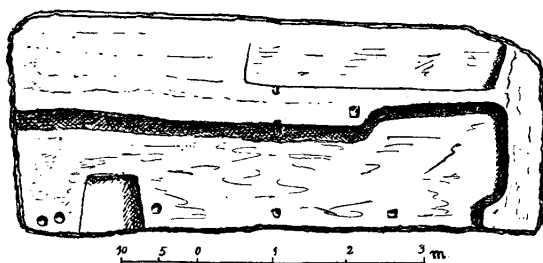
1. Надъ дѣсния скалистъ брѣгъ на Мадарския потокъ въ единъ блокъ, 6 м. дълъгъ, 1,7 м. широкъ и до 2,2 м. високъ, продълговатъ въ направление къмъ Мадарския релефъ е издълбанъ жертвеникъ и, то, по срѣдата, на найвисокото мѣсто на блока, правоъгълно корито за по малки жертви и предъ него отъ източната страна достѣпъ къмъ коритото (Абоба-Плиска, стр. 399. Табл. LXXXI, фиг. 1, 2). Жертвеникътъ е вече напълно унищоженъ (обр. 2—1).

2, 3. Надъ горния жертвеникъ, по склона къмъ Мадарския релефъ е имало два, почти еднообразни жертвеника въ подвижни самостоятелни блокчета, забити въ земята съ котлообразна вдлъбнатина, съ диам.

¹⁹ «Мегалитни паметници и могилища», *К. Шкорпилъ*, издание на Нар. Музей, София 1925; *Г. Бончевъ*, Сборникъ Мин. Просв. XVIII, 1901, 659—703.

ок. 0,4 м., а дълбочина 0,35 м. (Абоба-Плиска, стр. 399. Табл. LXXXI, ф. 3 и LXXXII, ф. 1). Вторият жертвеник е блокче върху почти квадратна основа ($1,6 \times 1,3$ м.), раздѣленъ диагонално на две части; западната частъ (0,5 м. вис.) е служила за стѣпало за жреца, а източната — (1,2 м. вис.) съ котлообразна вдлъбнатина за жертва (обр. 2—2 и 3).

4—6. По склоноветѣ надъ лѣвия брѣгъ на Мадарския потокъ се намиратъ самостоятелни три плоски блокове съ плитки жертвеници отъ

Обр. 7. Жертвеникъ до голѣмата пещера.

правожгълна форма (обр. 2—4, 5, 6). Върху западния плоскъкъ наклоненъ блокъ има двоенъ жертвеникъ, състоящъ се отъ голѣмо плитко корито ($1,6 \times 0,9$ м.) съ единъ улукъ, и другъ ($0,55 \times 0,6$ м.) отъ два реда улучета (обр. 6).

По склоноветѣ къмъ с. Кюлевча е имало още нѣколко жертвеника, почти напълно изтрити.

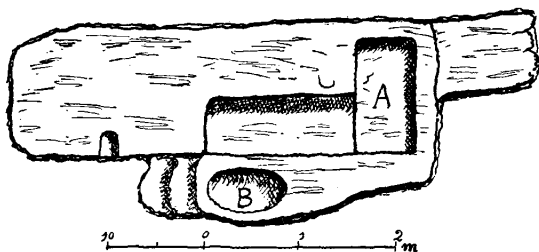
7. Найинтересниятъ жертвеникъ е изсеченъ въ единъ продълговатъ скаленъ блокъ предъ пещерата, найгорниятъ въ групата блокове, струпани надъ самия Мадарски изворъ (обр. 2—7). Блокътъ е 7 м. дълъгъ, горе до 2,5 м. широкъ и до 6 м. високъ. Въ горната плоскостъ на блока е изсечена продълговата площадка ок. 1,25 м. широка, отворена къмъ противната страна на пещерата, ограничена съ наклонени стени отъ югъ и западъ, до 1,4 м. високи; до западния си край, гдето е стоялъ жрецъ, площадката е незначително разширена. Надъ разширената частъ на площадката сж запазени остатъци на една вдлъбнатина (корито) до 3 м. дълга. Жрецътъ е билъ обърнатъ къмъ пещерата и къмъ великолепия водопадъ, който, въ време на проливни дъждове, пада отъ устието на сухото долче Градъ — чукура, отъ платото надъ пещерата.

До външния край на площадката има редъ кръгли дупки за вертикални колове, вѣроятно, за ограда, а до източния ѝ край остатъкъ отъ стѣпала за изкачване (обр. 7). Северната стена на блока е била обработена, а до западния ѝ край е изсечено продълговато долапче, види се, за влагане плоча (обр. 8, 12, 16).

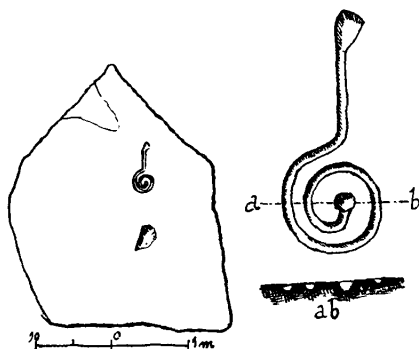
Въ групата блокове подъ жертвеника има разни издълбатини и изкуствена обработка за дървени конструкции.

Неможе да има съмнение, че жертвеникътъ има връзка съ извора и съ водопада.

8. Предъ входа на малката пещера срещу жертвеника, на югъ подъ Кьошкетовѣ, има кръгла вдлъбнатина съ диам. 0,86 м. и 0,44 м. дълбока, може би жертвеникъ.

Обр. 9. Жертвеникъ въ Мадарскитѣ лозя.

Обр. 10. Знакъ въ видѣ на змия.

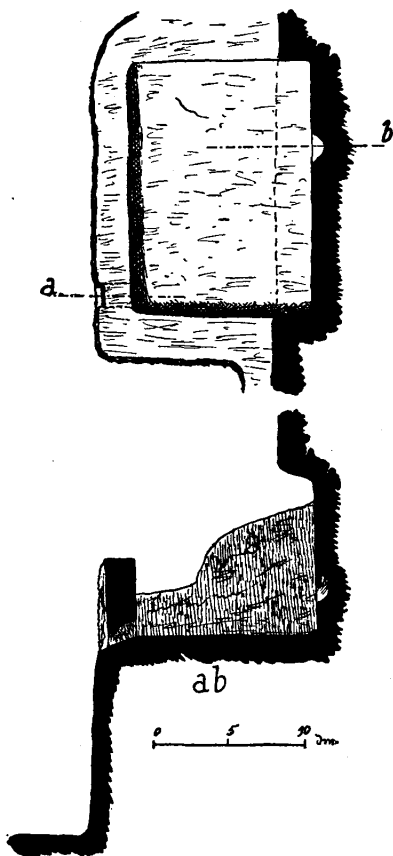
9—11. Подъ строеното светилище «Кулата», надъ Мадарскитѣ лозя, въ скални блокове е имало три жертвеника. Найголѣмиятъ въ видѣ на корито съ два улука ($2,95 \times 1,20$ м.) до 0,63 м. дълбочина за голѣми жертви (Абоба-Плиска, стр. 399. Табл. LXXXI, ф. 4, LXXXII, ф. 2). Вториятъ жертвеникъ по малкъ ($1,4 \times 1,06$ м.) съ единъ улукъ (табл. LXXXI, ф. 7), а третиятъ още помалкъ (обр. 2—8, 9, 10).

12, 13. Въ Мадарскитѣ лозя има два жертвеника отъ които първиятъ е почти унищоженъ, а вториятъ е издълбанъ въ единъ блокъ 1,2 м. високъ, 5 м. дълъгъ и до 2,0 м. широкъ съ две корита, едното правоъгълно ($0,53 \times 1,2$ м., дълбочина 0,36 м.), напречно къмъ блока, а второто овално ($0,7 \times 0,5$ м., 0,25 м. дълбоко) (обр. 9).

На северъ отъ Мадарскитѣ лозя въ единъ плоскъ блокъ е изсеченъ знакъ (0,65 м. дълъгъ) въ видъ на змия, спирално завита, съ вдигната глава (обр. 10).

14. Подъ скалитѣ надъ с. Калугерица и къмъ с. Каспичанъ има жертвеници:

На западъ отъ гробницата Кирика въ видъ на корито (2,15 м.) съ

Обр. 11. Жертвенъ камъкъ до Кирикъ.

кръгла вдлъбнатина (Абоба-Плиса, стр. 400. Табл. LXXXI, ф. 10). Въ тия мѣста е имало още други 6 жертвеника, повечето разрушени или унищожени.

15. На изтокъ отъ Кирика, подъ самата скална стена, е добре запазенъ единъ жертвеникъ въ видъ на корито (1,72 м. дълго край стената, 1,2 м. широко) отпредъ съ една стена, 0,58 м. висока и 0,35 м. дебела, отвънъ равна и 1,25 м. надъ земята, за свободенъ достъпъ за жреца (обр. 11).

16—18. Въ Каспичанскитѣ лозя има остатъци на нѣколко жертвеника въ видѣ на корита; два отъ тѣхъ се намиратъ единъ до другъ (Абоба-Плиска, стр. 400. Табл. LXXXI, ф. 9); при другъ жертвеникъ има три каналчета (Абоба-Плиска, стр. 400. Табл. LXXXI, ф. 11).

VI.

ИЗКУСТВЕНИ ПЕЩЕРИ ВЪ СКАЛНИТѢ СТЕНИ.

Въ скалнитѣ стени на Мадаро-Могилското плато се намиратъ изкуствени пещери, главно въ два вида: килийки и пещери.

А. К и л и й к и.

Особенъ видъ пещери, единствени въ източната частъ на Балканския полуостровъ, сж изкуствени издълбатини, въ видъ на призматически или заоблени килии, който сж сечени въ хоризонтални редове въ горната половина на скалнитѣ стени, отъ дветѣ страни на Мадарския жгълъ, които днесъ сж почти недостъпни. Срещата се и уединени килии или групи до 3 стаички.

Главнитѣ редове килии сж следнитѣ:

1. «Одаитѣ» — въ северната скална стена на Мадарския жгълъ,²⁰ въ единъ хоризонталенъ редъ на височина 60 м. надъ подножието ѝ, съ повече отъ 30 килии. Южниятъ край на реда е откъртенъ въ поново време (обр. 12).

Достъпъ къмъ Одаитѣ е имало чрезъ северната пукнатина въ скалнитѣ стени, въ която е имало дървени конструкции съ стълби и съ стъпала. До долния край на пукнатината, по външнитѣ стени, има редове хоризонтални и вертикални дупки за подпиране греди, за конструкция за изкачване (обр. 13).

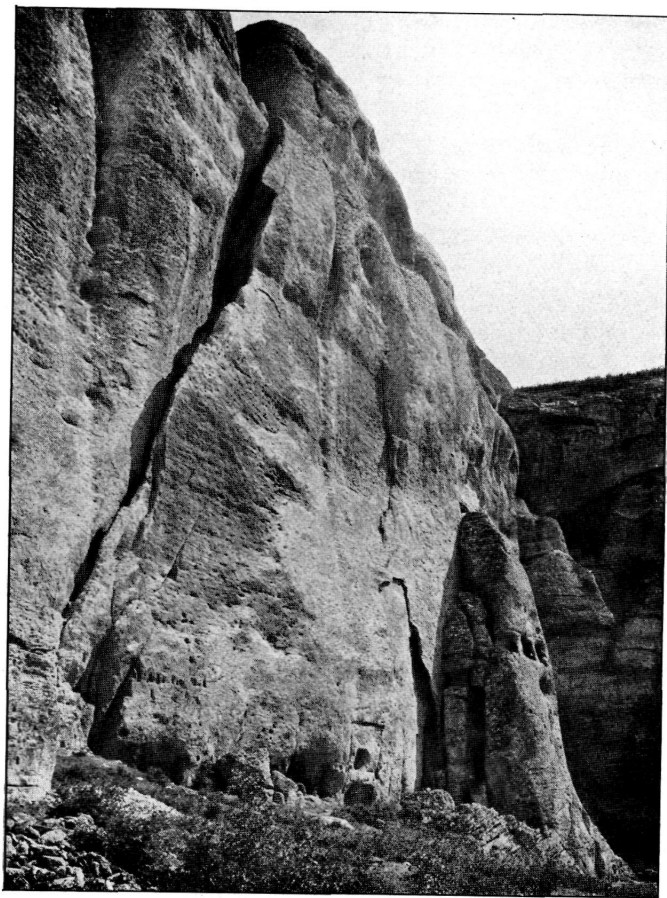
Вжтре въ скалата се съединяватъ дветѣ скални пукнатини. Възможно е, да се е слизало и отъ долчето върху платото — Градъ чукура — къмъ Одаитѣ по тѣсна пжтека и дървена галерия до южния имъ срутенъ край (обр. 27). Въ реда на килийкитѣ има едни отдѣлни килийки запазени и други, които съ дървени преградни стени сж били отдѣлени по между си; има и прекратяване на килийкитѣ.

Килийкитѣ сж били съединени помежду си съ една тѣсна скална пжтека (0,2—0,5 м.), сечена отъ предъ килийкитѣ, край цѣлата дължина на реда. Входътъ сеченъ въ преградната скална стена, между две съсѣдни килийка, е запазенъ само на две мѣста — първиятъ въ реда на югъ отъ пукнатината, а вториятъ на северъ; входоветѣ сж тѣсни

²⁰ Абоба-Плиска, стр. 396.

Обр. 12. Мадарският жгъл съ пещерата (фотография отъ 1898 г.).

Обр. 13. Южната група на севернитѣ светилища съ голѣмата пукнатина и блока
Кьошкетовѣ.

за свободно минаване на единъ човѣкъ и по-низки отъ килийкитѣ, отгоре равни или заоблени.

Формата на килийкитѣ е призматическа съ заоблени рѣбове или фурно-образна и, то, отъ разни величини, 1,7—6,0 м. дължина, до 3 м. дълбочина и до 2,0 м. височина, съ равни или заоблени тавани, нѣкои стѣснени къмъ тавана. Гробни корита въ килиитѣ нѣма; само въ една килия, до южния край, има скални пейки край дветѣ противоположни стени.

Килиитѣ навънъ сж отворени и отгоре на външнитѣ имъ стени личатъ хоризонтални, а рѣдко и вертикални улуци за закрепване на външнитѣ дървени стени.

Килиитѣ сж били сечени и въ завоитѣ на скалната пѣтека, въ вдлѣбнатинитѣ, които отдѣлятъ отвеснитѣ скални блокове.

Само на едно мѣсто, на северъ до пукнатината, има две добре запазени килийки надъ долния редъ, къмъ които е водила дървена пѣтека отъ страна на съседната вдлѣбнатина въ скалата, отъ която сж запазени само дупки.

Въ севернитѣ скални стени се срещатъ и уединени килийки, по една отъ дветѣ страни на Мадарския релйефъ, а една до върха на пирамидалния блокъ Кьошкетовѣ, плитко работена, вѣроятно, попълнена съ дървени стени, върху площадката на върха на блока.

Въ найгорния пластъ на скалитѣ, надъ севернитѣ килийки на Одаитѣ, се намира недостѣпна пещера Тарапана и до нея изгладена стена, наречена Хромелъ.

Въ южнитѣ скални стени има килийки:

2. *Орловитѣ гнезда*, които сж недостѣпни, въ единъ скаленъ жгълъ. Въ реда има 7 килийки, които сж свързани съ една скална пѣтека край тѣхъ. Южната килийка въ реда е била раздѣлена съ дървени преградни стени на три отдѣления. Подъ реда съ килийкитѣ има три отдѣлни килийки една върху други, а други шестъ не въ единъ редъ (обр. 12, 14).

3. «Долапитѣ» сж въ недостѣпенъ двоенъ редъ на югъ, до скалната група Калпаклж-ташъ.

Въ долния редъ има три уединени килийки, а между тѣхъ редъ отъ около 10 килии, повечето отдѣлени съ дървени стени, отъ които сж запазени дупки за закрепване и, отгоре улуци за външнитѣ стени, предъ които е имало скална пѣтека. Въ горния редъ се виждатъ две дълги килии, които сж били раздѣлени съ дървени стени на нѣколко отдѣления; въ сжщия редъ има входи въ естествени пещерки, които служатъ за гнезда на орли.

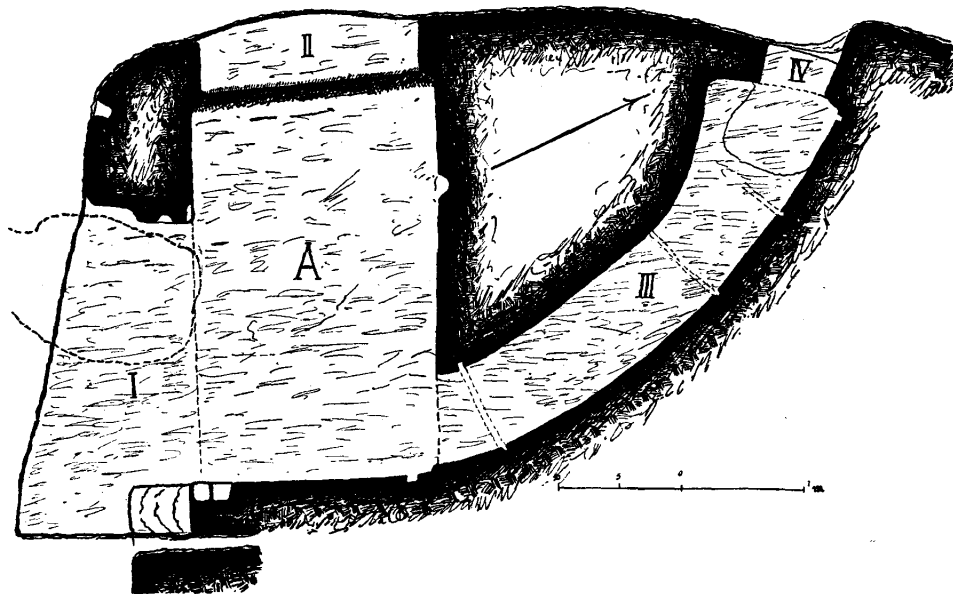
В. Пещери.

Въ района на Мадарско-Могилското плато не се срещатъ изкуствени пещерни колонии, каквито се намиратъ на разни мѣста въ североизточ-

ната част на Балканския полуостровъ,²¹ види се затова, че скалният материалъ е мжченъ за обработване.

1. Въ Кюлевченскитѣ скали се намиратъ изкуствени недостѣпни пещери въ скалната стена «Булото» (обр. 15).

2. Между с. Кюлевча и Мадарския жгълъ се намиратъ две малки пе-

Обр. 17. Планъ на Долнитѣ Кьошкове.

щери въ скалнитѣ пукнатини съ изкуствена обработка, приспособени за килии.²²

Въ Мадарския жгълъ сж сечени пещери въ пирамидалния блокъ, който, споредъ тѣхъ, е нареченъ Кьошковетѣ и то, въ два етажа — Горни и Долни Кьошкове²³ (обр. 12, 13, 16) (обр. 2—В).

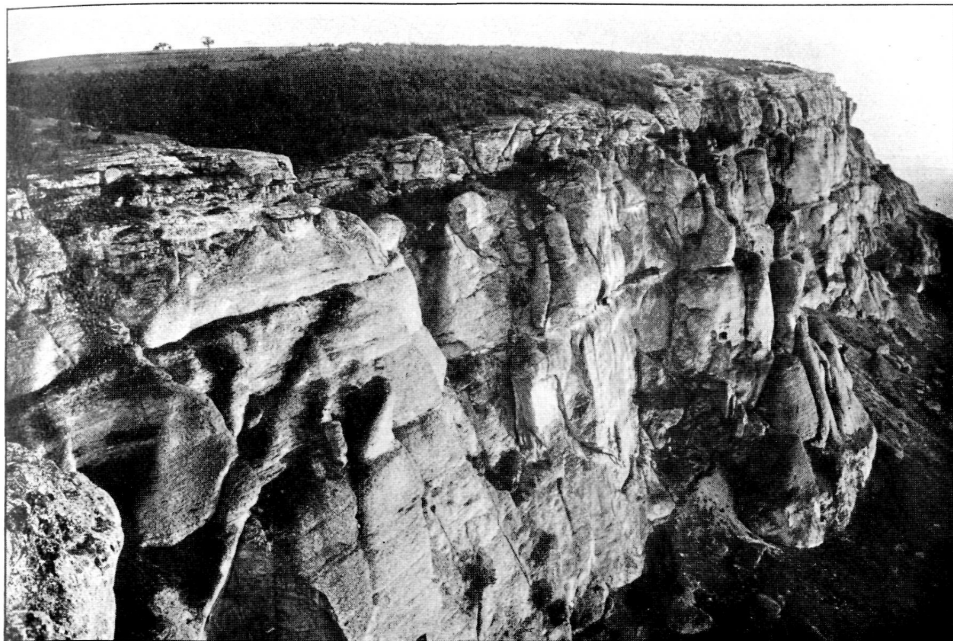
3. Долнитѣ Кьошкове (обр. 17).

Пещерата се състои само отъ една, почти правоъгълна стая (килия) (А), до 3,4 м. дълга, 2,05 м. широка и 2,4 м. висока. Излазътъ къмъ пе-

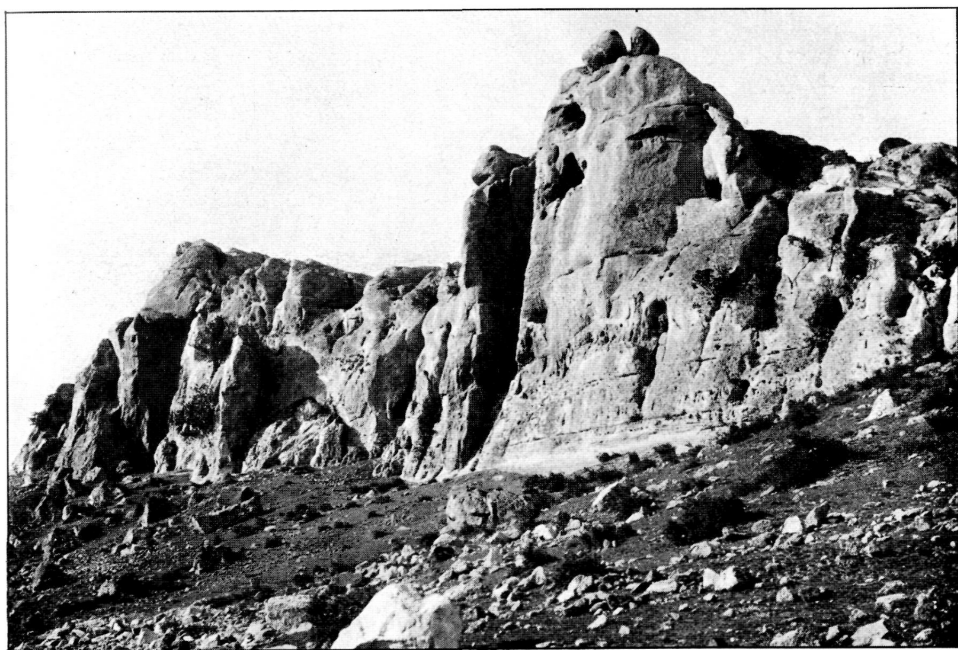
²¹ Крайморски колонии (Сборникъ VII, 49—83); Шакендийска колония и въ Провадийска планина (VIII, 1—31; Абоба-Плиса, Глава XVIII); по рѣката Русенски Ломъ. («Описъ на старинитѣ по течението на рѣка Русенски Лом», София 1914. Глава VI.)

²² Абоба-Плиса, стр. 393.

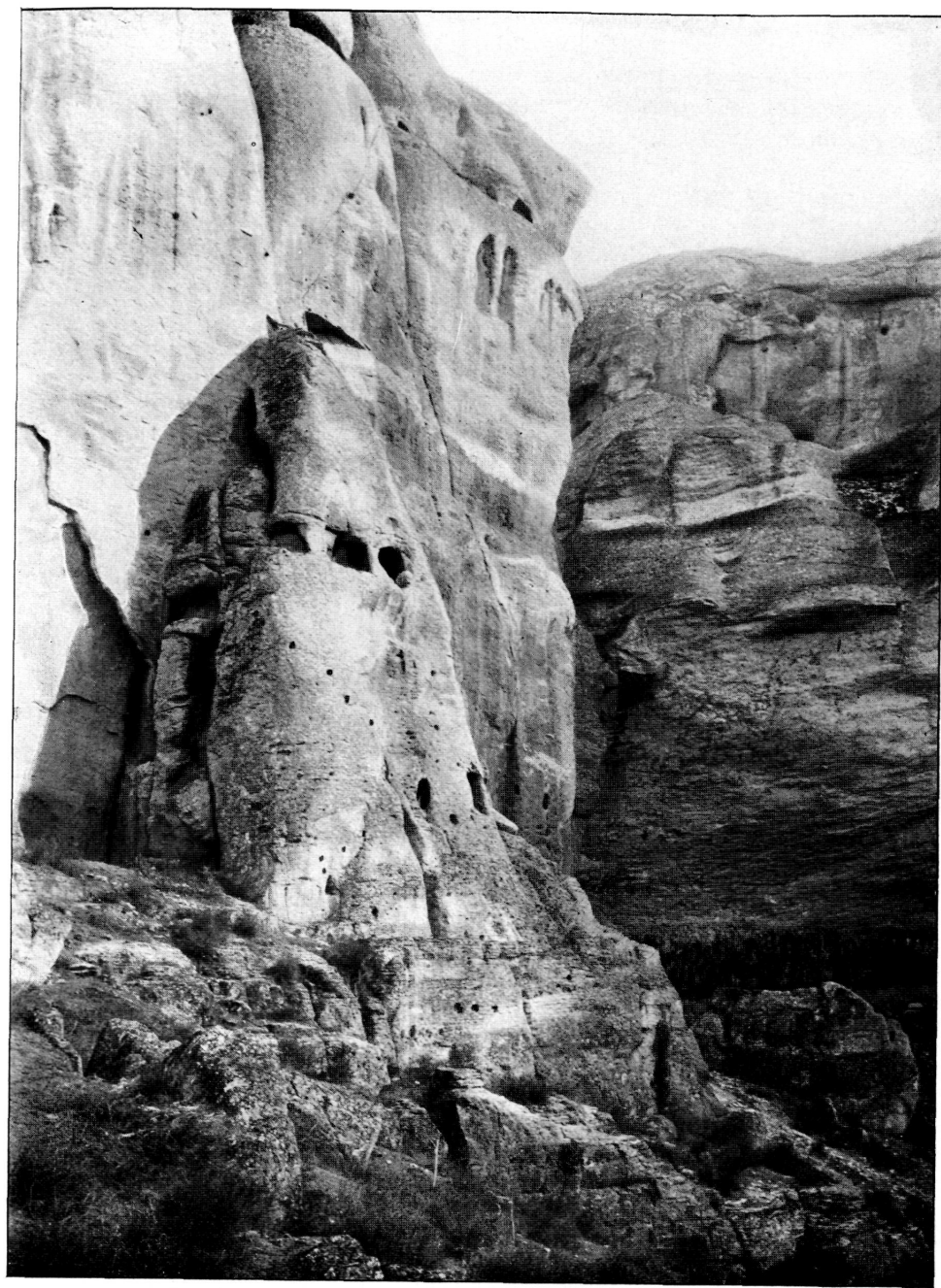
²³ Абоба-Плиса, Табл. LXXVII.

Обр. 14. Първата и втората група отъ южнитѣ светилища и Орловитѣ гнезда.

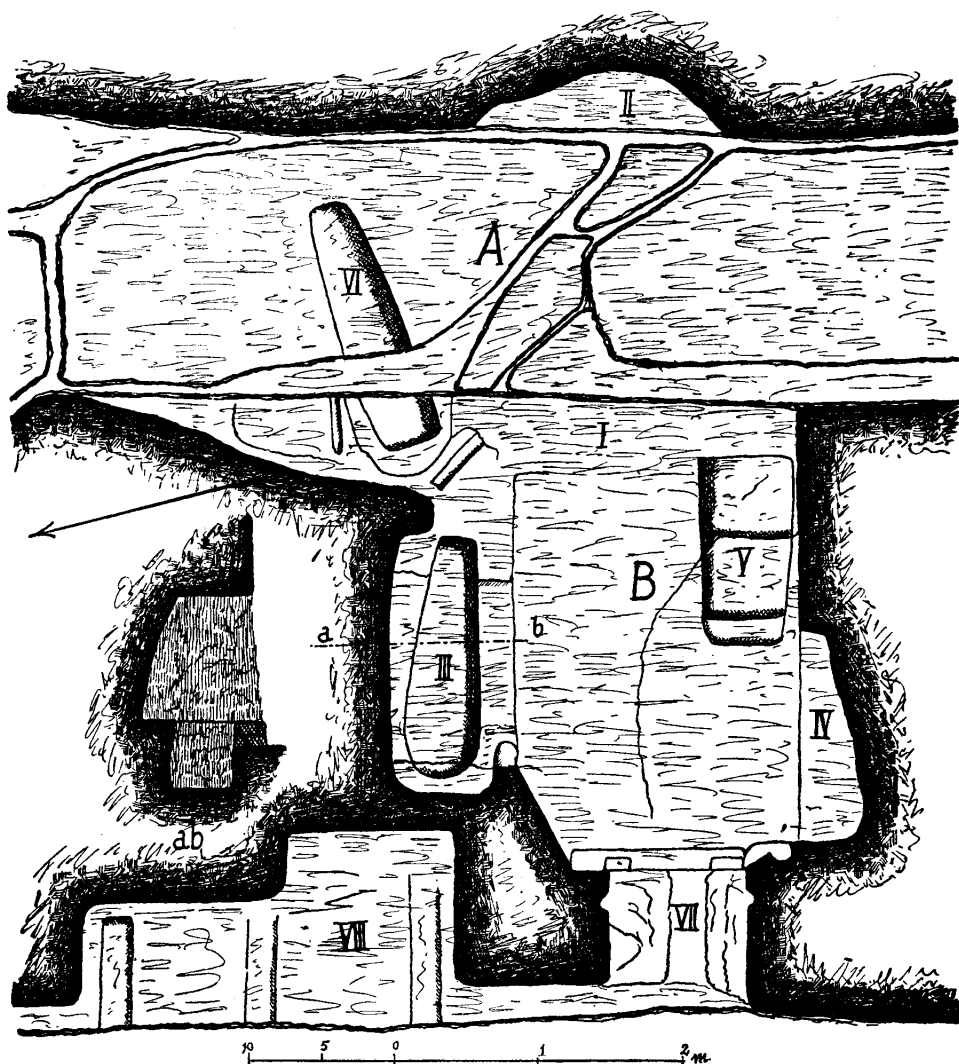
Обр. 15. Скалата «Булото» надъ с. Кюлевча съ пещеритѣ.

Обр. 16. Къошкетъ, жертвенъ камъкъ надъ извора и часть отъ пещерата.

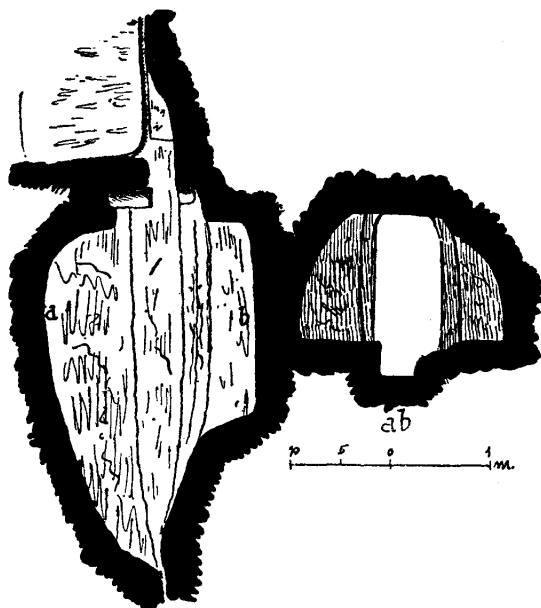
щерата е билъ отъ страна на голѣмата пещера, по единъ пѣтъ съ сега изтрѣти стѣпала, чрезъ входъ (I) 2,2 м. широкъ, който е затрупанъ отъ падналитѣ блокове и е билъ първоначално закритъ съ дървена стена. Пещерата е отворена къмъ югозападъ, почти по цѣлата ѝ ширина въ видъ на прозорецъ 0,35 м. надъ пода (II).

До източния край на северната стена има входъ въ едно коридорче

Обр. 18. Планъ на Горнитѣ Къшкове.

(0,7 м. широко и 1,9 м. високо), въ закривена линия (4 м.) къмъ външната стена на блока (III), гдето е разширено (до 1,25 м.) съ изходъ (IV). До двата края на коридорчето, та и на две мѣста вътре е имало дървени врата, отъ които сж запазени само подпорни улуци. Отъ изхода (IV) на коридорчето, по стенитѣ на блока сж запазени дупки за дървена конструкция за излаза къмъ северното отдѣление на Горнитѣ Къшкове.

Обр. 19. Килия въ Даулъ-ташъ.

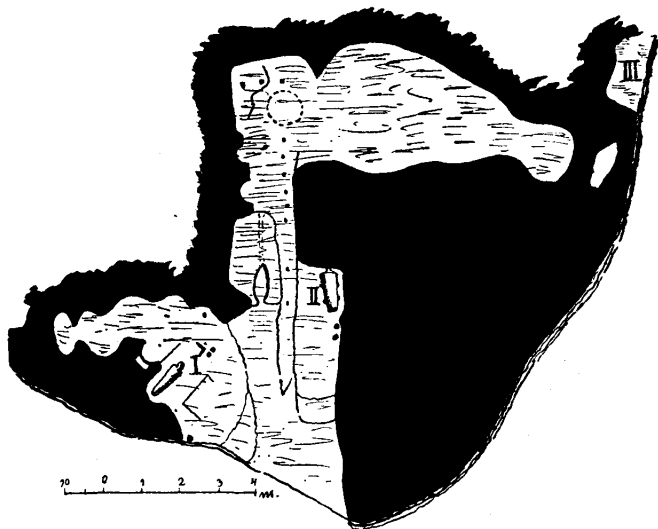
4. Горнитѣ Къшкове (обр. 18).

Излазътъ къмъ пещерата, отъ страна на голѣмата пещера, е билъ чрезъ разцепнината (до 2,5 м. широка) между пирамидалния блокъ и главната скална стена (А). Подътъ въ разцепнината предъ пещерата е отъ напукани паднали блокове. Входътъ въ пещерата (В) по цѣлата ѝ ширина (I) (1,95 м. високъ) е неправиленъ и около него отъ страна на разцепнината сж запазени дупки и улуци за дървена конструкция въ нея; срещу входа има разрушена ниша надъ пода 0,5 м. и 1,95 м. висока (II). Самата пещера е 2,5 м. широка, 3,3 м. дълга и до 2 м. висока и напълно пробива пирамидалния блокъ. Въ пещерата, въ подлѣжнитѣ ѝ стени има по една ниша. Въ северната стена нишата (III) е 1,07 м. висока, съ една коритообразна вдлѣбнатина въ видъ на гробъ 1,65 м. дълга, 0,47 м. дълбока, която се стѣснява къмъ източния ѝ край (отъ 0,54 м. до 0,28 м.) и до широкия си край е закрѣплена; отъ пещерата е била отдѣлена съ

едно стъпало, сега изтрито. Да-ли тази ниша съ гроба е едновременна съ пещерата, или отъ после прибавена, неможе да се опредѣли.

Въ южната стена има неправилна ниша (IV) и край стената въ пода корито (1,12 $\times$ 0,7 м.) съ неравно дъно (V).

Една вдлъбнатина, въ видъ на гробъ, е сечена на границата между пещерата и външната разцепнина, прекъсната съ една пукнатина (VI).

Обр. 20. Пенча Пещера въ Калугерскитѣ скали.

По стениѣ на пещерата има дупки и улуци за вътрешна дървена конструкция. Пещерата е отворена къмъ западъ, въ видъ на врата (0,75 м. шир.), отгоре разширена (VII) до 1,78 м. Отъ вратата се слиза по една тѣсна пѣтека въ съседното отдѣление, което е до 2,7 м. дълго и до 1,4 м. дълбоко и навънъ сега напълно отворено; въ пода на това отдѣление сж сечени три легла за хоризонтални, навънъ нависнали греди, които ясно свидетелствуватъ, че отдѣлението е било разширено съ дървена пристройка (VIII) надвиснала навънъ. Тѣсна пѣтека води къмъ третото недостъпно отдѣление, чрезъ което пещерата е била съединена съ Долнитѣ Къошкове, а, вѣроятно, и съ килийката на върха на пирамидалния блокъ.

5. Въ единъ отдѣленъ блокъ «Дауль-ташъ»²⁴ (обр. 2), недалеко подъ Мадарския реліефъ, е разширена изкуствено пукнатина, въ видъ на неправилна килия, както сж погоре описани подъ № 3 (обр. 19).

6. На югъ отъ с. Калугерица, надъ входа на кжсо боазче Саръ-деликъ, се намира неправилна естествена пещера Пенча пещера (обр. 20), която

²⁴ Абоба-Плиска, стр. 398.

служи за излазъ къмъ изкуствени недостъпни пещери въ скалнитѣ стени на западъ отъ боазчето, наречени «Мънастиръ». Въ естествената пещера личи изкуствена обработка по стениѣ и се намиратъ два гроба. Гробътъ (I) се стѣснява къмъ краката (1,7 м. дължина, до 0,42 м. ширина и 0,35 м. дълбочина), съ особена закрѣглена издълбатина за главата.²⁵ Гробътъ (II) (2,4 м. дълъгъ, до 0,6 м. широкъ и 0,8 м. дълбокъ), отгоре е съ первазъ за влагане покривна плоча и подъ него сечени улици за напречни подпорни греди.

7. На източния край на скалната стена Узунъ-елеме, на югоизтокъ надъ с. Калугерица, въ единъ скаленъ жгълъ е изсечена скална гробница,²⁶ известна подъ името «Кирикъ» или «Кирика», споредъ мънастира, развалинитѣ на които се намиратъ подъ гробницата. Интересни сж кръстоветѣ, изсечени надъ гробоветѣ и отвѣнъ надъ входа²⁷ (обр. 21).

Въ сѣщия скаленъ жгълъ е изсеченъ скаленъ гробъ, съ плитко легло закрѣглено до главата, който е билъ закритъ съ каменна плоча.²⁸

8. Въ Мухленското плато се намиратъ изкуствени пещери до източния му край, подъ платото на крепостъта Гюре-бахче-кале. Въ пещерата въ пода сж изсечени гробове, а по стениѣ се виждатъ остатъци на фрески.²⁹

9. Въ долината Дълбокъ се намира мѣстността «Мънастиръ» и една изкуствена пещера съ гробъ,³⁰ и едни естествени пещери отъ цилиндрическа форма съ хоризонтална ось, наречени «Варелитѣ» съ следи на изкуствена обработка.

VII.

ПОСТРОЙКИ.

Въ района на Мадаро-Могилското плато се срещатъ два вида постройки — дървени и каменни. Дървени постройки пакъ има два вида: самостоятелни, каквито сж били почти всичкитѣ до сега известни тракийски светилища въ североизточна частъ на Балканския полуостровъ,³¹ а втори, които сж залепени до скалнитѣ стени. Отъ първитѣ се намиратъ

²⁵ Подобна форма на гробъ въ пещерата Св. Георги до гр. Провадия. (Абоба-Плиска, стр. 423. Табл. LXXXVII, ф. 2.)

²⁶ Абоба-Плиска, стр. 397. Табл. LXXIX, ф. 1, 2; LXXX, ф. 2, 3.

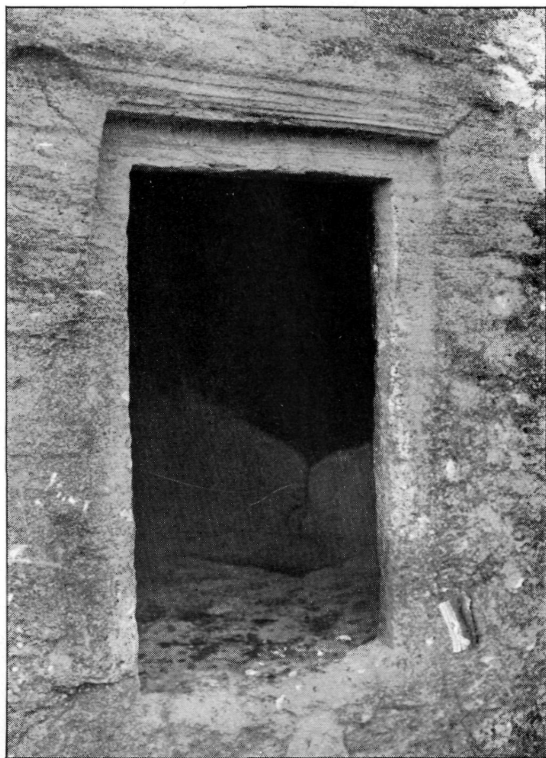
²⁷ Абоба-Плиска, Табл. LXXX, ф. 2 с, d, e и ф. 3.

²⁸ Абоба-Плиска, отр. 398. Табл. LXXXXI, ф. 4; LXXVIII, ф. V.

²⁹ Абоба-Плиска, стр. 388. Табл. LXXIV, ф. 3, 4; LXXV, ф. 1.

³⁰ Абоба-Плиска, стр. 390. Табл. LXXV, ф. 2.

³¹ Светилища и паметници съ изображение на конници, София 1927. Ново открити въ последно време сж: до с. Караачъ-Софуларъ, с. Мънастиръ, с. Ески Арнаутларъ, с. Каджкѡй, с. Асълъ-Бейли въ Провадийска околия; на в. Маринъ-Тепе до с. Долни Чифликъ, въ каменитѣ групи Декилиташларъ до с. Гебедже, до с. Аладънъ въ Варненска околия; до с. Кълново, до с. Драгоево, до с. Хасаново въ Преславска околия.

Обр. 21. Входъ въ гробницата Кирикъ.

Обр. 23. Долното светилище въ първата група на севернитѣ светилища. Стѣпала (южни) за горното светилище (на дѣсно).

само разхвърлени плочки съ релефи, а отъ другитѣ сж останали въ скалнитѣ стени дупки и улуци за греди отъ дървена постройка, хоризонтални легла за подови греди и долапчета за влагане плочки съ релефи.

Постройкитѣ, съ малки изключения, сж имали религиозно значение — езически светилища и християнски църкви.

С в е т и л и щ а.

Самостоятелни светилища дървени е имало върху естествената могила надъ с. Могила (Мухла-тепе) и на склона на югъ надъ с. Могила, въ която сж намѣрени плочки съ релефи.³²

Светилища залепени до скални стени се намиратъ въ Мадарския жгълъ, отъ дветѣ страни на голѣмата пещера (Градъ-алтж) и въ самата пещера.

Интересно е, че килийки въ редове, и по отдѣлно се намиратъ само надъ светилища до подножието на скалнитѣ стени, отъ което е ясно, че тѣ иматъ тѣсна връзка съ тѣхъ и не представляватъ гробници, както се предполагало до сега.

Светилища на северъ отъ пещерата сж въ две групи, разположени отъ дветѣ страни на голѣмата пукнатина въ скалната стена (обр. 12).

Редъ килийкитѣ Одаитѣ се намиратъ надъ дветѣ групи светилища.

1. Северната група светилища (обр. 2—D) се намира на югъ отъ Мадарския релефъ, върху натрупани блокове до подножието на скалната стена (обр. 12).

Центърътъ на тази група — главното светилище — е било построено върху изравнена площадка на найвисокото мѣсто въ южната половина на натрупанитѣ блокове.

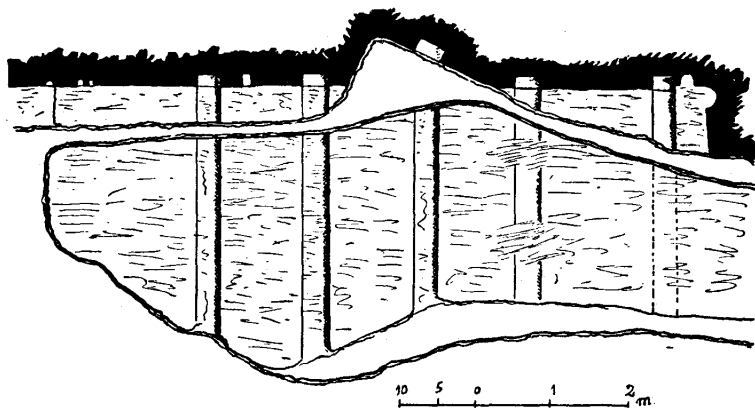
Върху площадката сж запазени изсечени легла на хоризонтални греди, перпендикулярно къмъ скалната стена, която е отдѣлена отъ площадката съ скална разцепнина. Леглата сж успоредни по между си, на разстояние 1,1—1,5 м., сж 0,3 м. широки и до 0,24 м. дълбоки и грижливо сечени и сж запазени до 4 м. дължина; гредитѣ, при източния имъ край сж били закрепени въ особени издълбатини въ скалната стена, които сж правоъгълни, отгоре джгообразни, 0,32—0,38 м. широки, 0,28 м. високи и до 0,2 м. дълбоки. До сега сж запазени три легла и петъ издълбатини; гредитѣ сж били подълги (до 6 м.) и при надвисналия край, подпрѣни съ вертикални греди, закрепени въ дупки подъ площадката (обр. 22).

Напречниятъ разрѣзъ на светилището е очертанъ въ скалната стена съ улуци за влагане вертикални и хоризонтални греди за външнитѣ

³² Сега въ Шуменски Музей. Релеф на Зевса и Хера.

дървени стени и за тавана; споредъ разрѣза светилището е било до 6 м. широко, край скалната стена, ок. 5,5 м. високо и до 6 м. дълго; покривътъ му е билъ седлообразенъ.

Отъ дветѣ страни на централното светилище и подъ него до външнитѣ стени на натрупанитѣ блокове е имало други постройки и пристройки; отъ северната страна е имало редъ пристройки залепени до

Обр. 22. Първото отъ севернитѣ светилища (основни греди).

скалната стена на дължина до 18 м., отъ които сж запазени само дупки и улуци и нѣколко долапчета; предъ пристройкитѣ е имало площадка на по ниско ниво отъ централното светилище, оградена съ блокове съ изкуствена обработка, съ излазъ, съ остатъци на стѣпала, до северо-западния ѝ жгълъ.

Другъ излазъ къмъ централното светилище, е имало отъ западната му страна, отъ подножието между два блока (2,3 м. ширина), въ които сж запазени дупки въ наклонени линии за дървени стѣпала; трети излазъ е имало отъ южна страна съ дървена конструкция и остатъци на скални стѣпала (обр. 23).

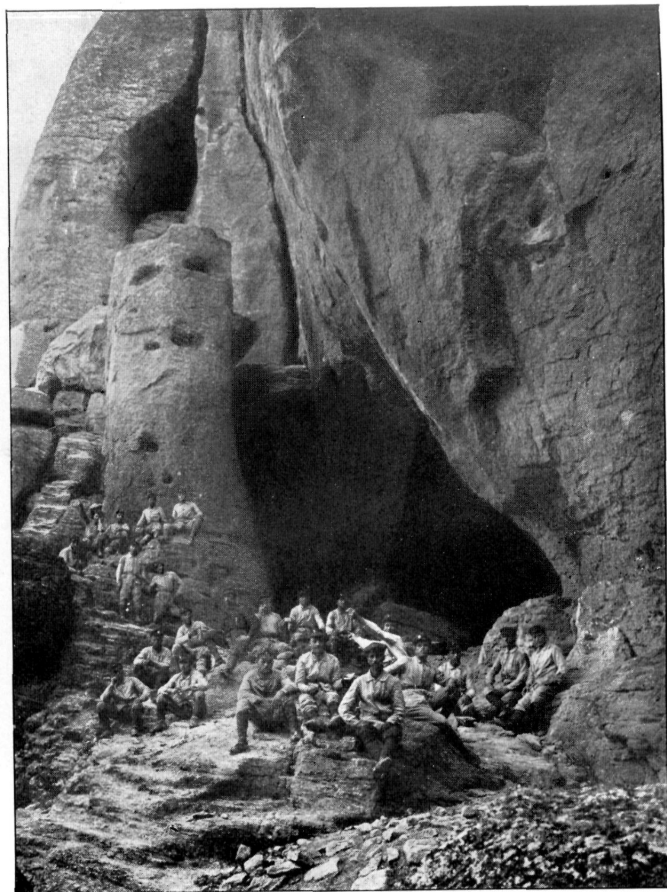
До подножието, до западната стена на блоковетѣ, е имало долни постройки въ групата, може би, друго второстепенно светилище, съ разни улуци, вертикални и двойни — наведени (за покривъ и за отвеждане вода), дупки и долапчета за влагане плочки (обр. 23).

2. Южната група светилища (обр. 12, 13, 14; обр. 2—Е) се намира между скалната пукнатина и северния край на главната пещера. Центърътъ на тази група образува скалниятъ пирамидаленъ блокъ — Кьошкетовѣ. Изкуственитѣ пещери въ блока и килийкитѣ Одаитѣ сж нераздѣлима частъ отъ групата светилища.

Главното централно дървено светилище е било залепено до под-

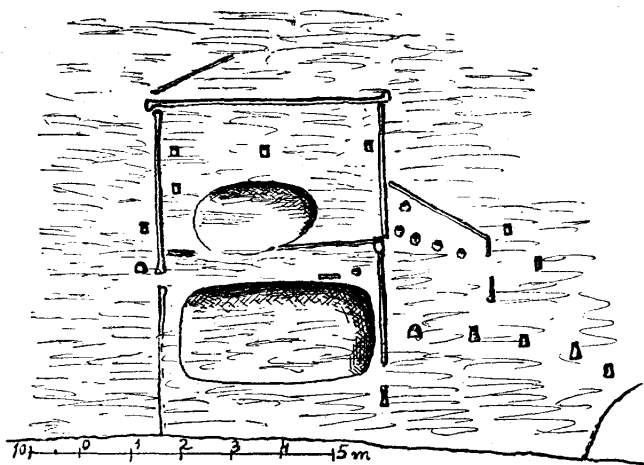

Обр. 24. Светилище въ южната група на севернитѣ светилища. Легла на гредитѣ.

Обр. 26. Пещерата подъ Къшкетѣ и излазъ къмъ тѣхъ.

ножието на блока и строено по същия начинъ, както централното светилище въ северната група. Отъ светилището сж запазени 7 легла за подовитѣ греди (обр. 24) сечени въ отдѣленъ блокъ, отцепенъ отъ скалната стена съ една разцепнина (1,6 м. широка); запазенитѣ легла сж до 2 м. дълги, на разстояние 0,75—1,15 м., иматъ ширина 0,3 м. а дълбочина 0,15 м. Гредитѣ пакъ сж били вложени въ особени, правоъгълни, отгоре

Обр. 25. Контуритѣ на светилището до Къошкетовѣ отъ северната имъ страна.

джгообразни дупки въ скалната стена (0,5 м. високи, 0,3 м. широки и до 0,25 м. дълбоки) и сж била положени и върху разцепнината и сж имали дължина не помалка отъ 4,2 м. Споредъ това светилището е било край скалната стена ок. 8 м. дълго и издадено навънъ повече отъ 4,5 м. Подъ светилището е имало пристройки залепени до външната стена на блока съ леглата.

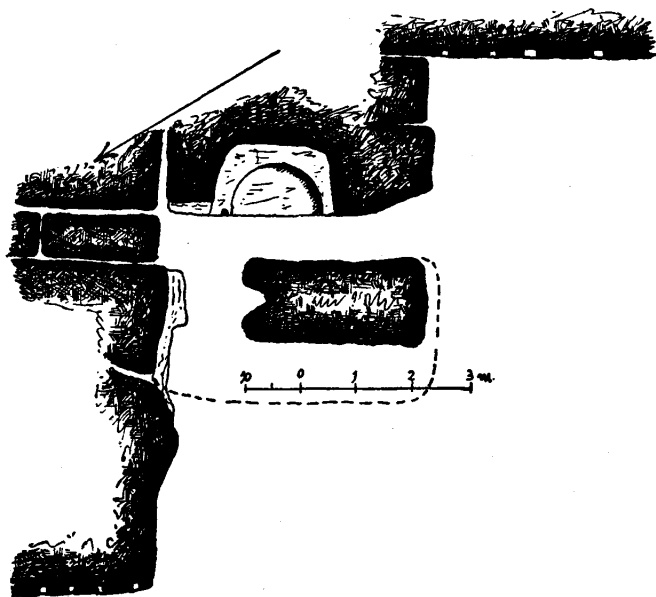
Отъ светилището е имало, вѣроятно, съобщение съ дървена конструкция, къмъ изхода на коридорчето на пещерата Долния Къошкъ, и отъ тамъ и до Горния Къошкъ и до върха на пирамидалния блокъ, съ което Къошкетовѣ се представляватъ като части на долното дървено светилище.

Отъ дветѣ страни на блока Къошкетовѣ сж били пристройки и постройките, залепени до скалнитѣ стени на северъ до северната (обр. 13), а на югъ до южната голѣми скални пукнатини.

На северъ, въ жгъла между блока Къошкетовѣ и главната скална стена, е имало второ светилище. Отъ светилището сж запазени контури въ видъ на хоризонтални и вертикални, а отгоре стрехообразни улуци въ главната скална стена; споредъ контуритѣ светилището е било дву-

етажно; 4,45 м. широко край скалата; долният етаж до 3,7 м. а горният до 2,5 м. високъ; заднитѣ стени въ двата етажа сж вдлъбнати, може би, за влагане плочи. На дѣсно отъ контурата има подпорни дупки въ хоризонталенъ и наклоненъ редъ за дървена конструкция за изкачване въ горния етажъ (обр. 13, 25).

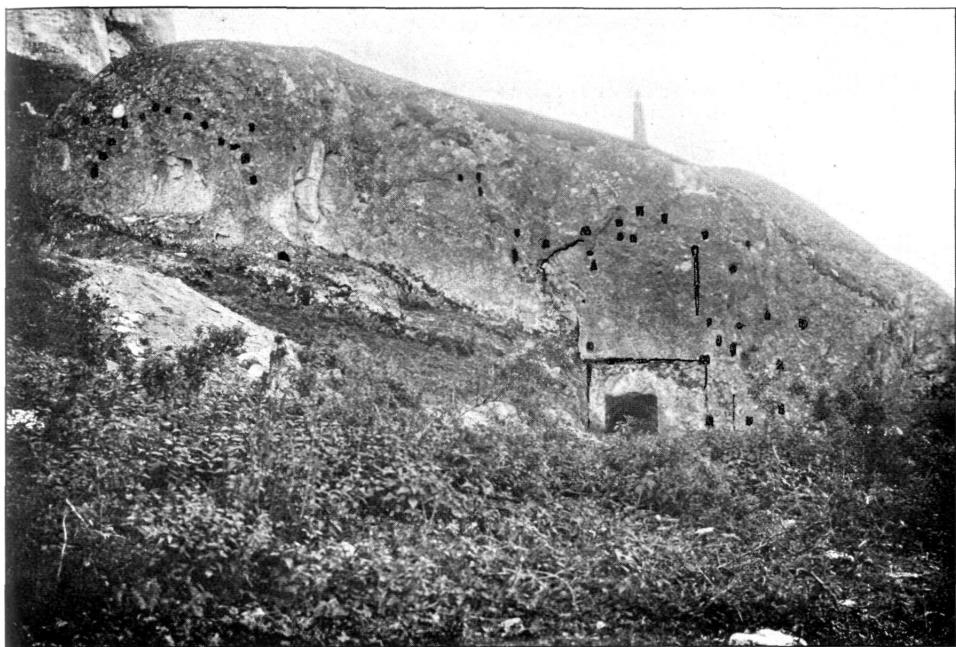
Трето светилище въ южната група образува малката пещера «Маара»,

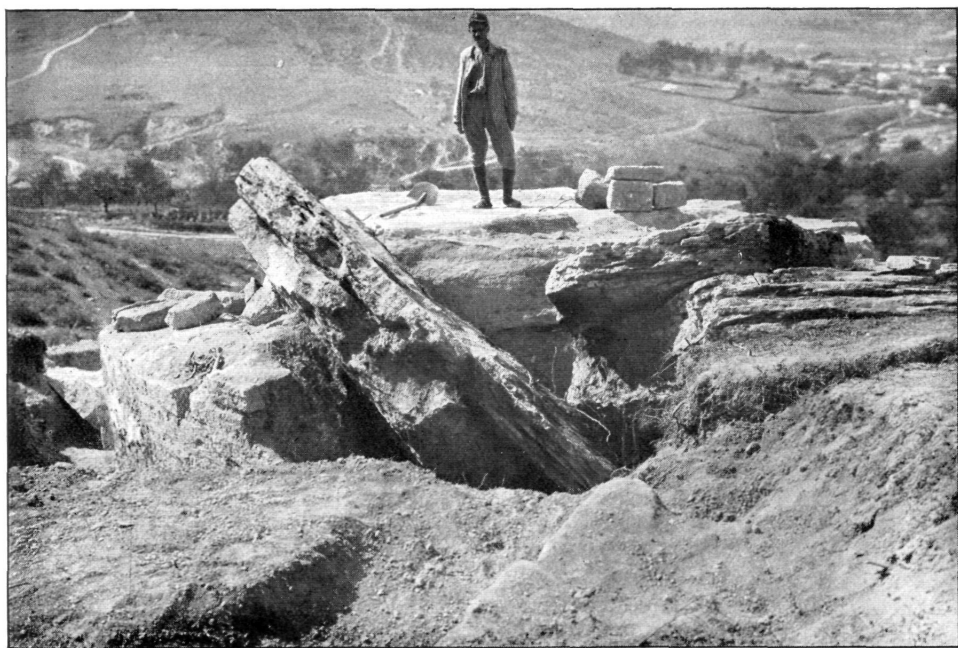
Обр. 28. Нишата подъ голѣмата пукнатина до голѣмата пещера.

собствено скална пукнатина на югъ подъ Кьошкетовѣ (обр. 26); пещерата има неправилна продълговата форма, до 20 м. дълбока и ок. 8 м. висока, съ входъ ок. 6 м. широко. По стенитѣ на пещерата има многобройни дупки за дървени конструкции, а въ източната ѣ стена две ниши. Дървени конструкции е имало и отвънъ, отъ дветѣ страни на входа, особено къмъ входа на главната пещера Градъ-алтж и, то, до височина 10 м., до устието на голѣмата пукнатина, чрезъ която е имало и излазъ отъ изворитѣ къмъ крепостъта Градътъ, върху платото надъ скалнитѣ стени (обр. 27).

Четвърто светилище се намира въ скалния жгълъ до голѣмата пукнатина, закрито съ паднали блокове; отъ светилището е запазена само една ниша, отвънъ 2,1 м. широка, до 1,2 м. дълбока, отгоре закръглена до 2,65 м. висока, отгоре съ дупки за покривни греди предъ нишата. Нишата е върху едно ниво съ 0,89 м. надъ външното ниво, въ видъ на

Обр. 29. Блокът под първата група на южните светилища, с остатъци на отделно светилище.

Обр. 31. Блокът «Кулата» в сегашното положение.

олтарна частъ; въ нишата е изсечена полукръгла пейка съ диаметъръ 0,85 м. (0,35 м. висока) (обр. 28).

Срещу светилището, надъ Мадарскитѣ извори, се намира голѣмиятъ жертвеникъ въ самостоятеленъ блокъ (жертвенитѣ камъки № 7).

Светилища на югъ отъ пещерата.

Въ голѣмата пещера и въ скалнитѣ стени на югозападъ отъ нея се намиратъ три групи дървени светилища. Скалнитѣ стени тукъ иматъ фантастични образувания, които сж били по привлекателни за религиозни настроения, отколкото севернитѣ еднообразни скални стени, обаче сж били съ непоблагоприятно изложение, къмъ северозападъ.

3. За центъръ на първата група светилища (обр. 2—К) е служилъ скалниятъ блокъ подпрѣнъ до главната скална стена, до южния край на пещерата, който отговаря на срещу положения блокъ Кьошкетовѣ (обр. 8); двата блока сж изпречени предъ пещерата, като нейна гигантска стража (обр. 12). До върха на блока има две плитки килийки една върху друга, които сж били попълнени съ дървени стени, които сж били положени върху площадката на върха на блока (обр. 8).

Главнитѣ дървени постройки на светилището сж били въ южната половина на самата голѣма пещера. Въ северната половина на пещерата се просмуква вода, съ което се образува единъ пѣстъръ поясъ отъ нови образувания, покритъ съ мехове и лишеи въ видъ на кожа на пардалъ; до северния край на пѣстрата стена има капава чушма (Судамлаянъ), която до днесъ служи за церене отъ треска.

Отъ светилището сж запазени редове дупки и въ два етажа и долапчета за влачане плочки (обр. 37).

Подъ пирамидалния блокъ е проходъ, а отъ дветѣ му страни, особено отъ южната, има дупки и улуци за дървена конструкция за изкачване до килийкитѣ на върха на блока.

Дървени постройки е имало и отъ дветѣ страни на блока, на югъ, до скалната пукнатина съ водопадъ въ дъждовно време. До пукнатината и въ стенитѣ ѝ има редове дупки на три етажа, за конструкция за изкачване къмъ «Орловитѣ гнезда» и нѣколко ниши (обр. 28₁); подъ пукнатината е намѣренъ мраморенъ стълбъ.

Подъ групата светилища, въ единъ самостоятеленъ блокъ (съ новъ паметникъ), до единъ изворъ, до стената му обѣрната къмъ извора, е имало светилище; въ подолната частъ на блока има една фурнообразна ниша (0,94 × 0,85 м.), до 0,68 м. дълбока, а предъ нея, въ едно скално жгълче, е била построена дървена килийка 1,9 м. широка и 1,75 м. висока съ дървени постройки на около (обр. 29).

Между дветѣ крепостни стени въ главната пещера се намиратъ зи-

дани постройки, целта на които е неопределена (обр. 8) отъ разни времена.

4. Втората група светилища се намира около едно скално жгълче въ видъ на ниша (Малката ниша), до скалнитъ групи Кжжелитъ; въ нишата има изкуствена обработка по стенитъ ѝ, и, вѣроятно, е имало дървенъ подъ, а въ задната ѝ стена (6,7 м. широка), има остатъци на плитка вдлъбнатина (0,65 м.) 2,4 м. широка и около 3,5 м. висока.

Въ групата Кжжелитъ се намиратъ площадки, между съборени блокове, съединени съ скални коридорчета, които сж били съ дървени врати (обр. 14).

5. Третата група светилища се е намирала до група изправени блокове Малкъ Калпаклъ-ташъ. Къмъ тая група сж принадлежали, вѣроятно, килийки тѣ «Долапчета», които се намиратъ между дветъ последни групи светилища, гдето има сравнително малко пристройки залепени до скалитъ (обр. 30).

Окола група естествени блокове Калпаклията, до найвисокото мѣсто на подножието на скалнитъ стени, остатъцитъ отъ постройки почти изчезватъ. Подъ групата блокове, по склона на скалитъ въ отдѣлни самостоятелни блокове, сж издѣлбани три долапчета за влагане плочки; до тия блокове излизатъ фрагменти на амфори. Близо до Калпаклията е имало скална пжтека за платото надъ скалнитъ, наречена Циганска пжтека.

Между Калпаклията и с. Кюлевча се намиратъ остатъци на пристройки подъ недостъпната пещера съ дървенъ кръстъ и други въ самостоятелнитъ блокове по склона (Кюлевченски Дауль-ташъ).

До новитъ каменоломи до с. Кюлевча се намира една естествена пещера, до 30 м. дълбока, повечето срутена; до входа (8 м. широкъ и ок. 6 м. високъ) има дупки за дървена преградна стена.

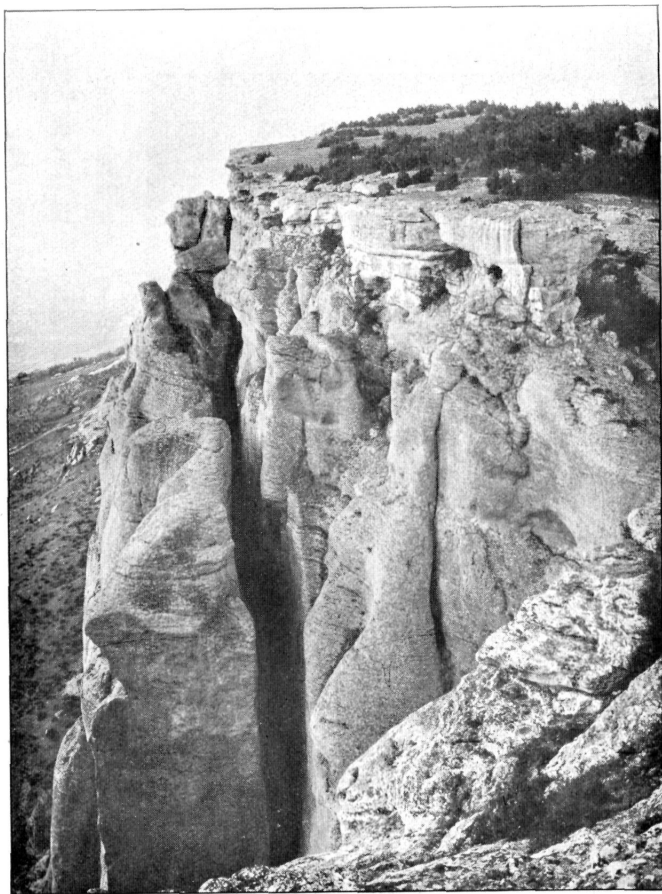
За Мадарскитъ скали и пещеритъ има предание, че въ тѣхъ сж живѣли «Кара-баши» (черноглавци), голѣми хора (жидове, латини, елени, калугери). Споредъ друго предание изкуствени скални работи сж правени отъ змѣйове, които живѣли въ скалнитъ дупки, ходили въ с. Кюлевча, водили селски хора и сж били съ опашки.

Латинскитъ хора сж били безсмъртни и сж умирали само като се заплитали въ капини и паднали. Самодиви сж играли съ млади момци, които отъ умора падали мъртви.

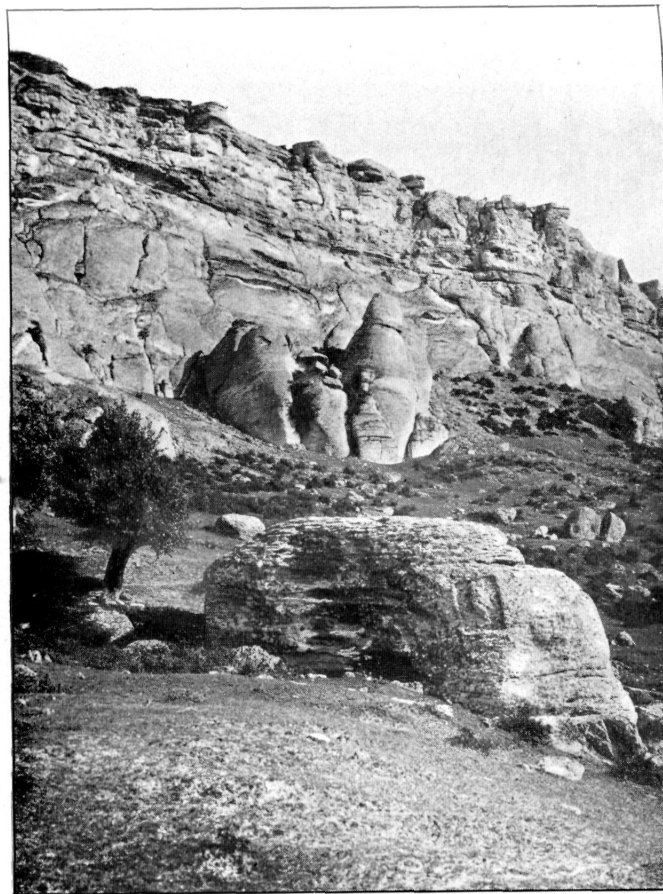
Каменни постройки.

Зидени постройки светилища въ Мадарско-Могилското плато до сега сж открити две.

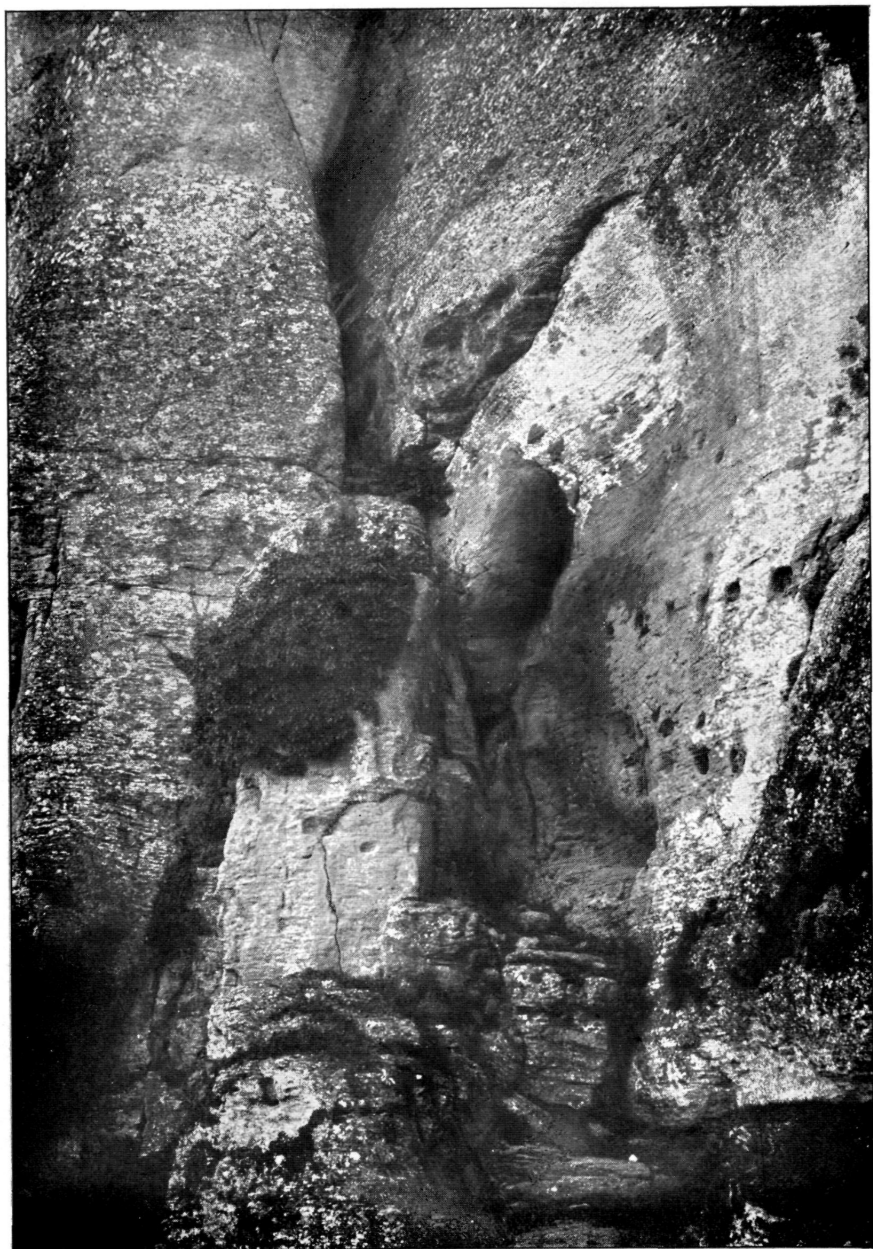
1. На северъ отъ Мадарския релйефъ (280 м.), (обр. 2—1) върху една площадка 100 м. подъ скалнитъ стени, се е издигалъ единъ скаленъ

Обр. 27. Голѣмата южна пукнатина въ скалитѣ отъ страна на голѣмата пещера.

Обр. 30. Мѣнастирище до блока Ставро подѣ Калпаклѣ-ташѣ съ релефенѣ крѣстѣ.

Обр. 281. Излазъ къмъ Орловитѣ гнезда въ првата група на южнитѣ светилища.

блокът, въ видъ на неправиленъ стълбъ, съ диаметъръ около 10 м. и на височина ок. 7 м. надъ площадката нареченъ «Кулата»,³³ който е билъ унищоженъ отъ каменари следъ 1900 г. Горната повърхностъ на блока е била изгладена и въ нея е имало квадратни и кръгли дупки (0,3 м.) за дървени постройки. Възможно е, блокътъ да е служилъ за жертвеникъ (обр. 31 въ сегашното положение).

До блока, отъ дветъ му страни, северната (горната) и южната (долната) бѣха открити развалини на постройки — светилища (обр. 32).

Около източната половина на самия блокъ (I) е билъ построенъ зидъ въ джгообразна форма съ външенъ диаметъръ 6 м., на дебелина 1,15 м., който се допира до дветъ постройки; въ срѣдата на зида имало простъ входъ (1,15 м.); между блока и зида, отъ северъ има тѣсно мѣсто, което е било постлано съ квадратни тухли (0,32 м.) и въ него е имало дървенъ излазъ върху блока (II).

Предъ входа е имало пѣтъ (2,5 м. широкъ) закрепенъ отъ страни съ зидове (0,5 м.) къмъ източната частъ на светилището (III). Джгообразниятъ зидъ е строенъ отъ полуобработени камъни, рѣдко съ тухли (обр. 31).

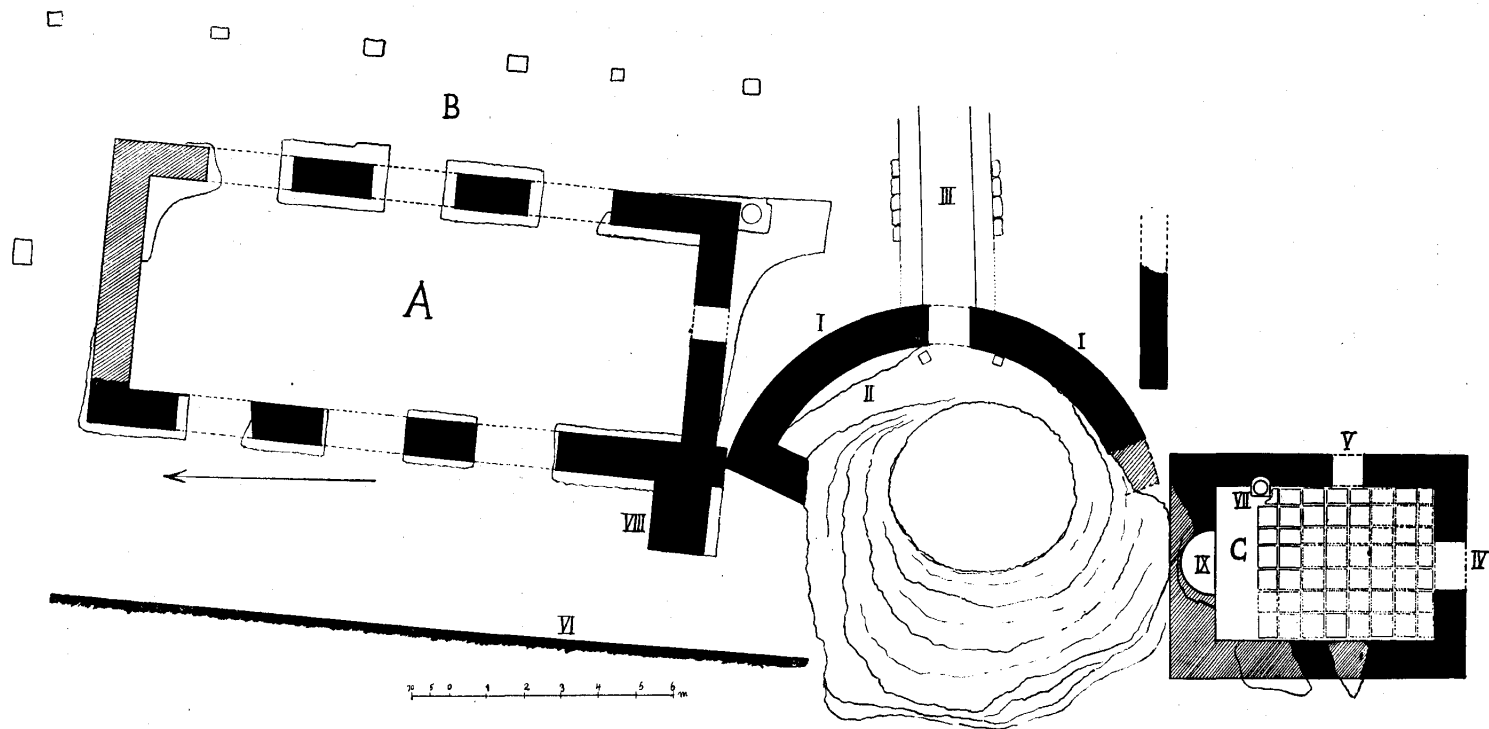
Остатъци на горното светилище (A) сж открити презъ 1924—25 год. Светилището има правоъгълна форма, продължена къмъ северъ, отвѣтре 14,8 м. дълго и 5,8 м. широко (стени 0,95 м. дебели). Въ подлъжнитѣ стени има по три широки (2,2 м.) отвори. Предъ светилището отъ източна страна е имало, вѣроятно, дървена галерия, 2,8 м. широка, отъ която сж запазени подпорни дупки за греди, а предъ галерията — открити плоски блокове и остатъци на постройки.³⁴

Отъ западна страна на светилището е имало три тераси и, то, 4,5 (VI), 3,5 и 12 м. широки, на които подпорнитѣ зидове сж почти напълно унищожени. Светилището е строено отъ камъкъ, а рядко отъ тухли (0,46 м.), фугитѣ сж широко измазани съ праховъ хоросанъ. Развалинитѣ на светилището (до 1,5 м. високи) сж били покрити съ насипъ до 4 м. високъ, отдолу отъ набитъ хоросанъ (до 1 м.). До югозападния жгълъ отъ вънъ е билъ построенъ подпорянь пиластъръ, отъ дѣлани камъки и редове тухли (VIII).

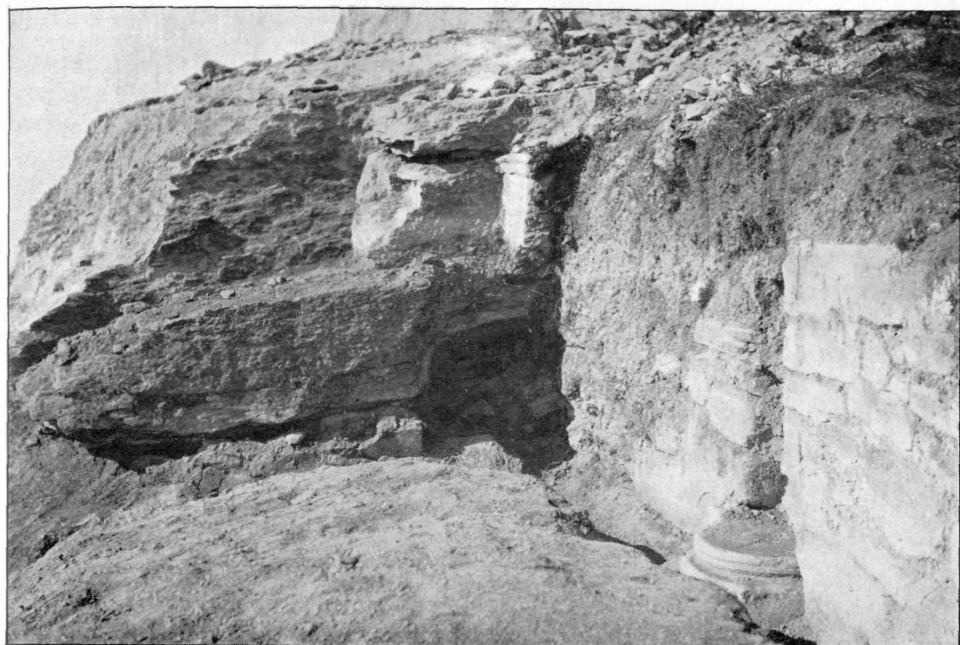
Долното светилище (C), което е било залепено до блока, е правоъгълно, отвѣтре 6 м. дълго и 4,25 м. широко (стенитѣ 0,8 м.) и строено по слабо отъ горното светилище. Входътъ е билъ отъ южната страна (IV) и после пробитъ входъ и въ източната стена (0,8 м.) (V). Въ източната стена, близо до северния ѝ край, е имало малка полукръгла ниша

³³ Подобенъ блокъ има и въ Шуменската планина въ Троишкия боасъ, нареченъ Мамилъ-ташъ или Моминъ камъкъ (Абоба-Плиска, стр. 432. Табл. XCIV, ф. 1). Върху площадката на Кулата, въ турско време сж тургали месо за да хранятъ орли.

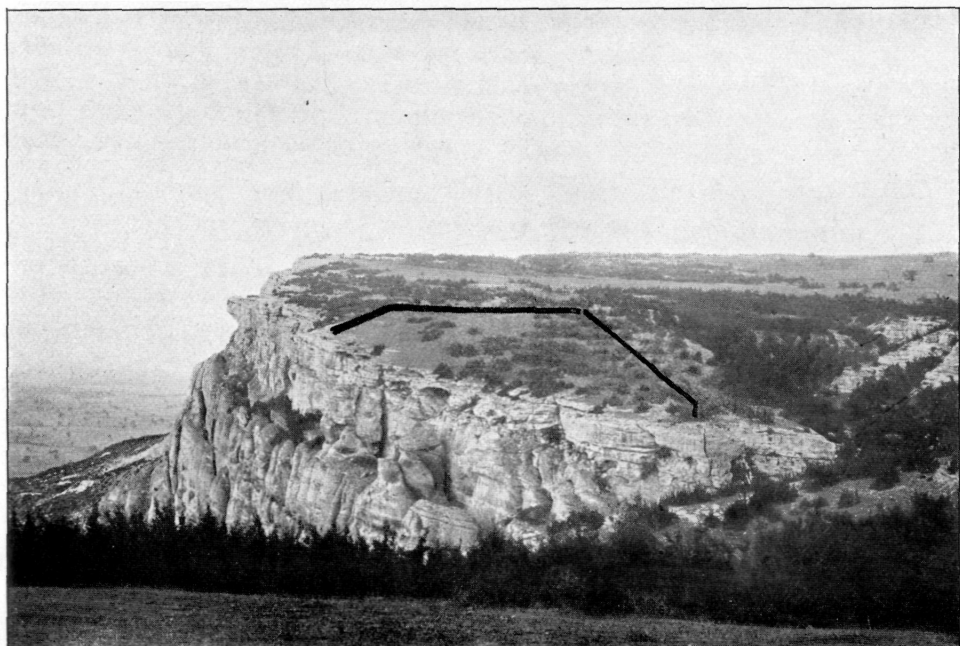
³⁴ *Ив. Велковъ*, «Мадара», стр. 20.

Обр. 32. Планъ на светилището «Кулата».

Обр. 33. Долното светилище до Кулата.

Обр. 35. Крепостъ Мадара-Градътъ.

(диам. 0,45 м.), въ която е съзидана четиричленна база съ квадратна плинта (VII). Въ северната стена на светилището (IX), върху една зидена основа, е положенъ блокъ 2,5 м. дълъгъ и 0,8 м. високъ отгоре съ остатъци на полукръгла ниша (диам. 0,85 м.) (обр. 33).

Подътъ е постанъ съ плочи (повечето квадратни стр. 0,55 м. и правоъгълни $0,55 \times 0,3$ м.), сложени въ правилни редове въ две посоки; северната частъ (на ширина 1,05 м.) е била постана съ мраморни плочи, отъ които сж намѣрени само фрагменти.

Подъ пода сж намѣрени още две постари настилки; базата, съзидана въ нишата, е била на нивото на найдолната настилка.

2. Развалини на зидено светилище се намиратъ между с. с. Нова Костена рѣка (Дерекъой), Марковча и Кюлевча, на склона на възвишението Куртъ гьолджикъ, до чушмата Башъ-чушме, до развалинитъ на черкезкото село Кемекчи дере.

Светилището е било построено върху зидена тераса и отъ него сж запазени само разхвърлени строителни материали; намѣренъ е тукъ единъ акантовъ капителъ съ диам. 0,26 м., плочки отъ настилка (правоъгълни и ромбически). Въ турско време тукъ е намѣренъ гробъ, покритъ съ плоча съ надписъ, отъ който единъ фрагментъ е билъ пренесенъ въ Шуменъ (сега въ Народ. Музей № 1408). Надписътъ³⁵ е дорийски и произлиза отъ 100 год. пр. Хр. Въ него се споменуватъ гр. Kallatis (Мангалия) и светилището въ Apollonia (Созополъ), а е билъ пренесенъ тукъ отъ друго мѣсто. Въ светилището е намѣрена и мраморна плоча $0,55 \times 0,65$ м.) съ релефъ на жертвоприношение:³⁶ шестостененъ олтаръ, а предъ него жрецътъ, въ лѣвата си рѣка държи паница, а съ дѣсната рѣка сипе въ свещения огнь ечмикъ (?); задъ жреца стои бикъ съ жертвенъ широкъ поясъ, приготвенъ за жертва; надъ бика е осмочленна розета съ изтритъ надписъ,³⁷ а подъ релефа надписъ

..... μου ὁ καὶ Παλίας οἰκοδ[ομήσας καὶ καθιερῶσ]ας τὸν τόπον Διὶ ὑψ[ίστω. τοῦτου δὲ τὸ τέταρτον μέρος ἐστὶν Διοσκ[ύρων.

отъ около I в. сл. Хр.

Въ надписа се говори за храма, който е билъ съграденъ на «Всевишния Зевсъ».

Съмнително е, да-ли релефътъ произлиза първоначално отъ самото светилище.

При разкопкитъ до с. Мадара е намѣренъ фрагментъ на мраморна

³⁵ AEM. X. 197—200 (*Jireček-Szanto*); Одессосъ-Варна № 89; Ant. Denkm. № 94; Jahreshefte Wien, Beiblatt, XI, 105.

³⁶ Ant. Denkm., № 133, фиг. 34, 35; Сборникъ XVIII, стр. 768, фиг. 49.

³⁷ θεοῦς συννάοις.

плоча отъ сѣщия видъ, съ остатъци на релефа (долни части на две стоящи фигури и отдолу надписъ:

ΟΜΗΣΑΣΤΟΝΓΥ
Σ ΩΕΥΧΗΝΙ

въ който, въ втори редъ Δί ὅψι[σ]τ]ω εὐχὴν пакъ се споменува «Всевишниятъ Зевсъ».

По формата и писмото дветѣ плочи произлизатъ отъ единъ и сѣщъ паметникъ. Понеже развалинитѣ до Кемикчи дере неотговарятъ на голѣмо светилище, може да се предположи, че храмътъ на бога Зевса е билъ съграденъ въ Мадарския жгълъ, отъ поменатия въ първна надписъ Папиасъ (Παπίας).

Двата релефа, особено първиятъ, представляватъ нагледно, какъ сж били извършвани жертвоприношенията въ Мадарскитѣ светилица.

Възможно е, че остатъцитѣ на светилицето «Кулата» принадлежатъ на храма на бога Зевса, а че обичаятъ, да хранятъ орлитѣ е свързанъ съ култа на този богъ.

Светилица въ могили се срещатъ и въ източна България: кржглото светилище въ Анхиалската могила (Сборникъ на Министерство, Кн. IV., стр. 112, ф. 33, 34), която смѣтахме за фамилиарна гробница; осможгълно светилище въ двора на окржжното управление въ гр. Варна; светилицето до гр. Кюстенджа («Могили», стр. 51, ф. 12; «Die christlichen Altenthümer der Dobrudscha», Netzhammer, Bukarest 1918, стр. 79, ф. 13), обърнато на параклисъ.

Християнскитѣ паметници не се отличаватъ съ своята величественостъ, нито съ своитѣ детайли.

1. Отъ предибългарско време сж били открити остатъци на една базилика.³⁸ По плана си тя принадлежи къмъ подобни постройки въ североизточната частъ на Балканския полуостровъ.

Явно е, че базиликата е била съборена отъ българитѣ, както виждаме въ крайбрѣжието, гдето при постройкитѣ на противодесантовитѣ укрепления срещу византийцитѣ, презъ времето на Испериха, сж били съборени църквитѣ на Джанаваръ-тепе и Пиринчъ-тепе до гр. Варна и базиликата до устието на Фанджклийската рѣка.

2. На северъ отъ Мадарския релефъ, въ едно скално жгълче, сж намѣрени основи на малка църква съ гробове. Въ единъ гробъ сж намѣрени два скелета, а отгоре въ скаленъ блокъ кръстъ и изтритъ надписъ³⁹ (обр. 2—II).

3. Отъ времето на второто Българско царство произлизатъ християнски постройки, въ които се среща разноцвѣтна керамика отъ XIV.

³⁸ *Ив. Велковъ*, «Мадара», стр. 22, планъ стр. 23. (Обр. 2, III.)

³⁹ Абоба-Плиска, стр. 397. Табл. LXXVIII, ф. VII и XCVII, ф. 13.

вѣкъ, известна до сега отъ Преславъ, Провадия и Варна, но ненамерена въ Плиска. Отъ Ив. Велковъ сж открити две такиви църкви, въ едната отъ които е намѣренъ прабългарски надписъ съ името на бога Тангра,⁴⁰ върху една колона.

4. Единъ мѣнастиръ е имало до пѣтя отъ Мадарския жгълъ въ с. Кюлевча, въ мѣстносттата Ставро подъ Калпаклъ-ташъ. Тукъ въ единъ скаленъ блокъ е изсеченъ релйефенъ кръстъ въ вдлѣбната рамка (1,13 м. висока, 0,9 м. широка) (обр. 30).

5. Въ Мадарската крепостъ «Градътъ» е открита малка църква, която Н. Мавродиновъ датира още отъ първото българско царство⁴¹ (обр. 2—V).

6. Подъ скалната гробница Кирикъ, се намиратъ развалини на мѣнастиръ, съ остатъци на църква до 20 м. дълга и 15 м. широка, построена отъ плоски квадрати (0,7 × 0,5 м.) и тухли. Споредъ преданието е билъ мѣнастиръ Св. Кирикъ.

Постройки съ друго значение.

1. Върху развалинитѣ на византийската базилика подъ Мадарския релйефъ е била издигната нова постройка съ характерна кладка⁴² отъ втората българска — Омортаговата — епоха (обр. 2—III).

За какво е служила постройката трѣбва да решатъ ръководителитѣ на разкопкитѣ; по плана прилича на палатови постройки въ Плиска и Преславъ.

2. Въ мѣстносттата Клисе-ери, надъ с. Мадара, сж открити остатъци на римска вила, отъ III.—IV. в. сл. Хр.⁴³ Въ турско време тукъ сж намѣрени две мраморни статуи;⁴⁴ оттукъ произлиза и една римска тухла на XI. легионъ.⁴⁵

3. Отъ римско време произлиза и басейна за вода (3,5 × 3,5 м.)⁴⁶ (обр. 2—IV).

4. Въ Мадарския жгълъ, подъ извора, сж открити презъ 1887 г. остатъци на малка постройка и въ нея мраморна статуйка безъ глава, 0,2 м. висока.⁴⁷

⁴⁰ «Канъ Персианъ (?) бѣше тукъ и принесе жертва на бога Тангра» (Българска Мисль, стр. 667, Бешевлиевъ; Ив. Велковъ, «Мадара», стр. 26).

⁴¹ Еднокорабната и кръстовидната църква по българскитѣ земи до края на XIV. в (София 1931, стр. 9, обр. 5, 6).

⁴² Абоба-Плиска, Табл. XXXIII, ф. 50; България 1000. години, стр. 222.

⁴³ Ив. Велковъ, «Мадара», стр. 26.

⁴⁴ Абоба-Плиска, стр. 27.

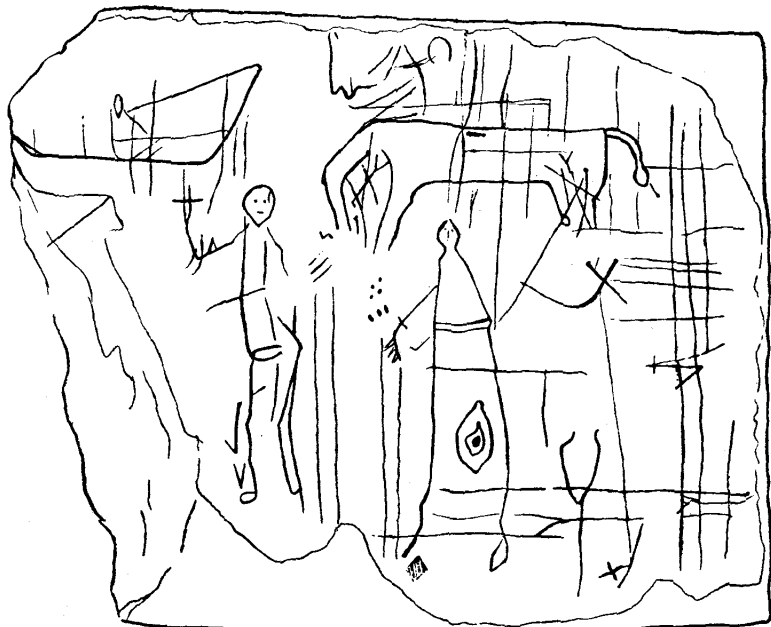
⁴⁵ (Legionis XI C(laudiae) p(iae) f(idelis)).

⁴⁶ «Мадара», Ив. Велковъ, стр. 26.

⁴⁷ Абоба-Плиска, стр. 27, фиг. 4.

5. Въ лозята източно до с. Кюлевча, въ мѣстността наречена Сарай (Дворецъ), се намиратъ развалини на постройки.

Върху строителнитѣ материали се срещатъ и особени каменарски знаци, каквито сѣ извѣстни отъ Плиска,⁴⁸ а рѣдко отъ Преславъ;⁴⁹ като особенъ новъ знакъ се явява счупения кръстъ (Hakenkreuz).

Обр. 34₁. Надрасканитѣ рисунки отъ Мадара.

Обр. 34₂. Надрасканитѣ рисунки отъ Мадара.

⁴⁸ Абоба-Плиска, Глава VII, фиг. 41. Табл. XLIX.

⁴⁹ България 1000 години, Табл. XLVIII, ф. 2.

Върху тухлитѣ, които не сж мѣстни, се срещатъ, на рѣдко печати (на XI. легионъ, *Annia, Sarm., Dionisis, Marcia*), известни отъ Плиска.

Отъ българско време се срещатъ и разни надраскани рисунки, каквито сж намѣрени и въ Плиска;⁵⁰ тукъ даваме две такиви рисунки (обр. 34, 1, 2), отъ който едната напомва оргиитѣ въ женската колония.

Крепости.

Въ Мадарско-Могилското плато се намиратъ развалини на три крепости:

1. На източния край на Могилското плато се намиратъ развалини на крепостъта «Гюребахче-кале».⁵¹

2. На източния край на рѣта Градище^{51a} дузу въ Мадарското плато, надъ с. Могила е крепостъта «Градище» или «Стража». На подножието на крепостъта, до с. Могила, намѣренъ е билъ фрагментъ на стълбъ съ надписъ отъ Омортага.⁵²

3. Надъ Мадарския жгълъ, върху платото, до южния край на севернитѣ скални стени, между стенитѣ и скалното долче Градъ-чукура, върху единъ теренъ наклоненъ къмъ югъ, се намиратъ развалини на крепостъта «Градътъ»⁵³ (обр. 2—N, обр. 35).

Крепостъта е открита при разкопкитѣ правени отъ Народния Музей.⁵⁴ Формата на крепостъта е трижгълникъ съ неравни страни, съ найголѣма дължина 175 м. надъ скалнитѣ стени и найголѣма ширина 100 м. край североизточната страна, която е била найздорово укрепена и въ която е била главната порта, пазена съ две петожгълни кули,⁵⁵ а отвѣтре съ особено входно отдѣление. Малка порта е имало между главната порта и скалнитѣ стени и две въ югоизточната стена къмъ долчето Градъ-чукура. На три мѣста има стълби за платформата на крепостнитѣ стени. До североизточния жгълъ на крепостъта е имало голѣма правожгълна наблюдателна кула.

Постройкитѣ въ крепостъта сж били дървени съ изключение на малката църква и две правожгълни здания.

Крепостъта е имала съобщение съ Мадарския изворъ за снабдяване съ вода и съ укреплението въ голѣмата пещера. Отъ главната порта е водилъ пжтъ по платото къмъ Калугерскитѣ скали и е слизалъ къмъ

⁵⁰ Абоба-Плиска, Глава IX. Табл. LIV, LV.

⁵¹ Абоба-Плиска, стр. 388. Табл. LXXIV, ф. 3, 4.

^{51a} Абоба-Плиска, стр. 392. Табл. LXXVI, ф. 1.

⁵² Абоба-Плиска, стр. 192, N° 7, ф. 40. Табл. XLIII, 7.

⁵³ Абоба-Плиска, стр. 391. Табл. LXXVI, ф. 2; LXXVII, ф. 1.

⁵⁴ *Ив. Велковъ*, «Мадара», стр. 27, планъ, стр. 28.

⁵⁵ Абоба-Плиска, Табл. LXXVI, ф. 2, III. Сжщата форма въ Плиска. (Табл. V.)

пътя Кечи-йолъ, съ скалистия проходъ Чифтъ баджа (въ стенитѣ на който има славянски надписи),⁵⁶ къмъ Плиска.

4. Голѣмата пещера Градъ-алтж (Подъ града) е била укрепена съ две крепостни стени, които препречвали скалния жгълъ; горната стена е на разстояние 22 м. отъ задната стена на пещерата, а долната на разстояние 40 м. отъ горната (обр. 2—А; обр. 8).

До северния край на горната стена се намира скаленъ плоскъ блокъ, върху който има кръгли дупки, види се, за дървено продължение на стената до северния входъ на пещерата. Крепостната стена е строена на външното лице съ квадрати, и е запазена на дължина 11,5 м., пречупва се и сочи къмъ южния входъ на пещерата (70 м.), сега почти напълно унищожена. Първоначално стената е вървѣла въ една права линия и при нова реконструкция, направена съ другъ строежъ, е била пречупена (обр. 36, 37).

Зидътъ отъ квадрати 1,6 м. дебелъ е построенъ въ основата съ ломенъ камъкъ; квадратитѣ сж слагани на дължъ (0,6—1,1 м.) и на ширъ (0,24—0,38 м.) безъ особено правило и, то, само на външното лице (обр. 36); вътрешното лице е строено отъ простъ камъкъ, а до него сж построени полупиластри (обр. 37). Въ стената е запазенъ единъ хводъ (1,2 м. широкъ), стѣсненъ отъвнъ (на 0,97 м.) върху праговъ квадратъ.

Новата реконструкция на стената е строена отъ прости полуобдялани камъки (обр. 36).

При долната крепостна стена, на ниво 18 м. подъ нивото на горната стена, се забелязватъ нѣколко реконструкции, защото е била положена въ единъ влаженъ теренъ. Стената е била двойна на разстояние 6,8 м.; външната стена (2,7 м. дебела) е напълно унищожена, а вътрешната (2,15 м.) е запазена въ последната си реконструкция, при която, вмѣсто тухлени редове за изравнение на пластоветѣ, сж употребени дървени скари. Скаритѣ се състоятъ отъ подлъжни греди, влагани по лицето въ особени легла и напречни, които се крепятъ върху подлъжнитѣ, и сж влагани въ напречни легла отъ бѣлъ твърдъ хоросанъ и отгоре изливани съ пластъ отъ сѣщия хоросанъ. Зидътъ между дървенитѣ скари е строенъ отъ ненапълно правилни квадрати, върху които се срещатъ каменарски знаци известни отъ Плиска (обр. 38).

Между дветѣ части на двойната стена е имало постройки отъ по-стария строежъ, при които се виждатъ тухлени пластове отъ 4 реда квадратни жълти тухли (0,3 м.) и се среща хоросанъ съ нарчета тухли (обр. 39).

Въ постройкитѣ, между дветѣ крепостни стени и между двойната долна крепостна стена, се намиратъ уединено или въ редове купове (обр. 39).

⁵⁶ Абоба-Плиска, Табл. ХСvII, ф. 7, 10, 11.

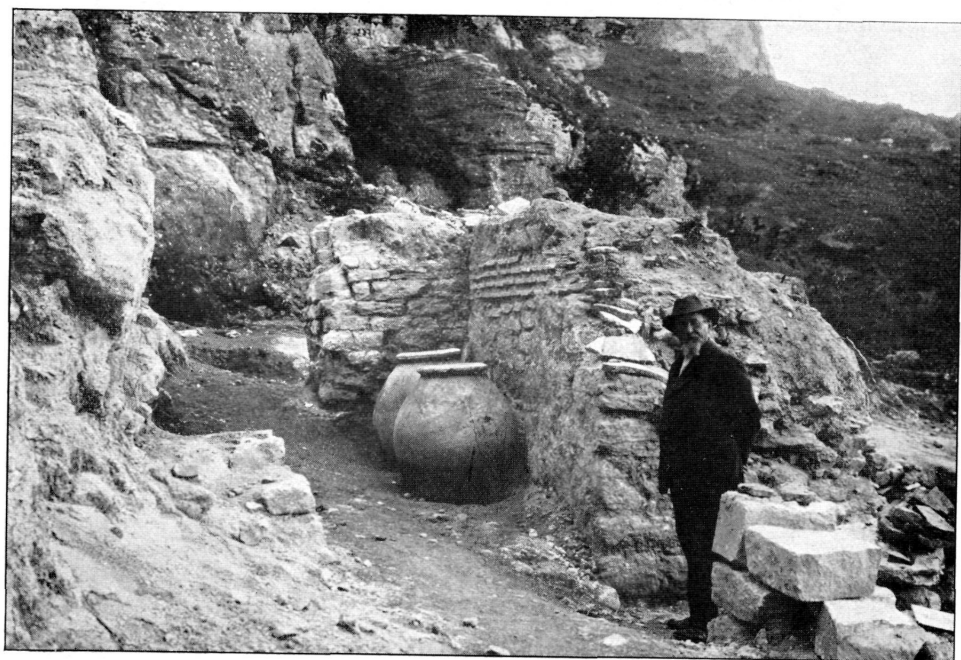
Обр. 36. Горниятъ крепостенъ зидъ отъ външната страна въ голѣмата пещера.
Пъстрата стена въ пещерата.

Обр. 37. Горниятъ крепостенъ зидъ отъ вътрешната страна въ голѣмата пещера.
Остатъци на светилището въ пещерата (въ скалната стена отзадъ).

Обр. 38. Долниятъ крепостенъ зидъ и постройките до него подъ голѣмата пещера.

Обр. 39. Отдѣление съ кюповетѣ до долния крепостенъ зидъ подъ голѣмата пещера.

Селища.⁵⁷

1. Найголемото селище се намира по склоновете на скалните стени отъ с. Кюлевча (и на изтокъ отъ него) до Мадарския жгълъ и продължава къмъ с. Калугерица, въ сърдцето на което се намира светото мѣсто на тракийците.

Монетите, които се намиратъ въ това и въ другите селища, почватъ отъ IV. в. пр. Хр. и продължаватъ до турско време.

2. Селището въ Могилските лозя, между с. с. Каспичанъ и Могила. Въ селището е била намѣрена мраморна плочка съ релефъ на конникъ съ рогъ изобилие (*cornu copiae*), отдолу съ олтаръ и борба на куче и дива свиня.⁵⁸

3. Селището до с. Кюлевча, въ мѣстността Братовецъ съ монети на Александъръ Велики и римски (*Odessos, Deultum*).

4. Върху Мадарското плато има селища въ мѣстността Черенча (купове и византийски монети) и на североизтокъ отъ могилата Съртъюкъ.

VIII.

РЕЛИЕФЪТЪ.

Найпрочутиятъ до сега паметникъ въ Мадарския жгълъ е релефътъ на конникъ, който е издълбанъ върху една отъ отвесните части на северната скална стена, на северъ отъ светилищата (обр. 2—М), известенъ у околното население подъ името «Бейгиръ» или «Атъ» (жребецъ) и научно «Мадарскиятъ релефъ».⁵⁹ Релефътъ е издълбанъ въ горната частъ на двойна хоризонтална вдлъбнатина (дипла), образувана отъ ерозия въ грубъ зърнистъ пѣсечникъ (обр. 40, найстарата фотография 41, 42).

Релефътъ е на височина 23 м. отъ подножието на скалната стена, върху една плоскостъ, при долния си край до 4,8 м. широка и до 3,4 м. висока.

Релефътъ представлява конникъ, крачащъ на дѣсно и е издълбанъ въ два реда: горниятъ — конникътъ, а въ долния — две животни — на лѣво кучето, а на дѣсно лъвътъ. Конникътъ е до 3,1 м. широкъ и 2,6 м. високъ.

Релефътъ на конника е значително изпъкналъ (0,1—0,34 м.), задниятъ дѣсенъ кракъ на коня е почти пластиченъ и край контуритъ на релефа личатъ тънки изгладени поясчета.

⁵⁷ Абоба-Плиса, стр. 25—29.

⁵⁸ Абоба-Плиса, стр. 26, ф. 1. Великъ-богъ-конникъ. Въ *Paulis Realenzyklopädie Kazarow* Μεγας θεος погрешно отъ Шумень.

⁵⁹ Споредъ него и поляната върху найвисокото мѣсто на платото се нарича Атъ-аланъ, което, споредъ преданието има връзка съ релефа.

Яздецът е съ силно тѣлосложение, съ широки гърди, отъ срѣденъ ръстъ. Горната му частъ, особено главата му, която е обърната повечето напредъ, е много повредена и върху нея неличатъ никакви детайли. Покривката на главата на яздеца неможе да се опредѣли съ положителностъ, но съ голѣма вѣроятностъ може да се каже, че това е богата коса, стигающа до шията. Почти сѣщата коса виждаме на релйефа на богъ-конникъ отъ с. Аладжнѣ (Варненски Музей, инв. III, № 932). Върху главата на скалнитѣ релйефи отъ с. Зекерия има шлемъ.⁶⁰

Върху монетитѣ на бога-конникъ на гр. Одессосъ има особена шапка (kausia), или е безъ покривка съ дълга коса. Върху плочка съ релйефа отъ Ески Джумая, Великиятъ богъ е изобразенъ брадатъ съ дълга коса.

Яздецътъ е облеченъ съ дълга дреха, покриваща тѣлото му до колѣне; гърдитѣ сѣ много повредени и неможе даже, да се опредѣли дали сѣ били покрити или сѣ били голи, както виждаме върху тракийскитѣ релйефи на Зевса и върху релйефа на брадатъ и съ дълга коса мжжъ отъ гр. Варна;⁶¹ дрехата, покриваща долната частъ на тѣлото, виси свободно отзадъ на долу и е набръчкана. Сѣщата дреха виждаме и върху статуйки и релйефи на тракийски конници а особено върху монетитѣ на гр. Одессосъ съ бога-конникъ (обр. 43₂).

Долната частъ на краката на конника е отчупена.

Дѣсната ржка на яздеца стѣга поводитѣ на коня, съ което главата на коня гледа напредъ.

Лѣвата ржка на яздеца е сложена върху шията на коня и държи единъ предметъ издигнатъ надъ конската грива. Предметътъ е сравнително малъкъ и отъ него личатъ само изпжкнали контури въ четирожълна форма. Споредъ досегашнитѣ мнения това е чаша. Богъ-конникъ на гр. Одессосъ върху монетитѣ на града държи въ лѣвата си ржка рогъ на изобилие, който липсва върху монетитѣ отъ по-ново време, но се явява и другъ малъкъ неясенъ предметъ (монети въ Варненския музей).

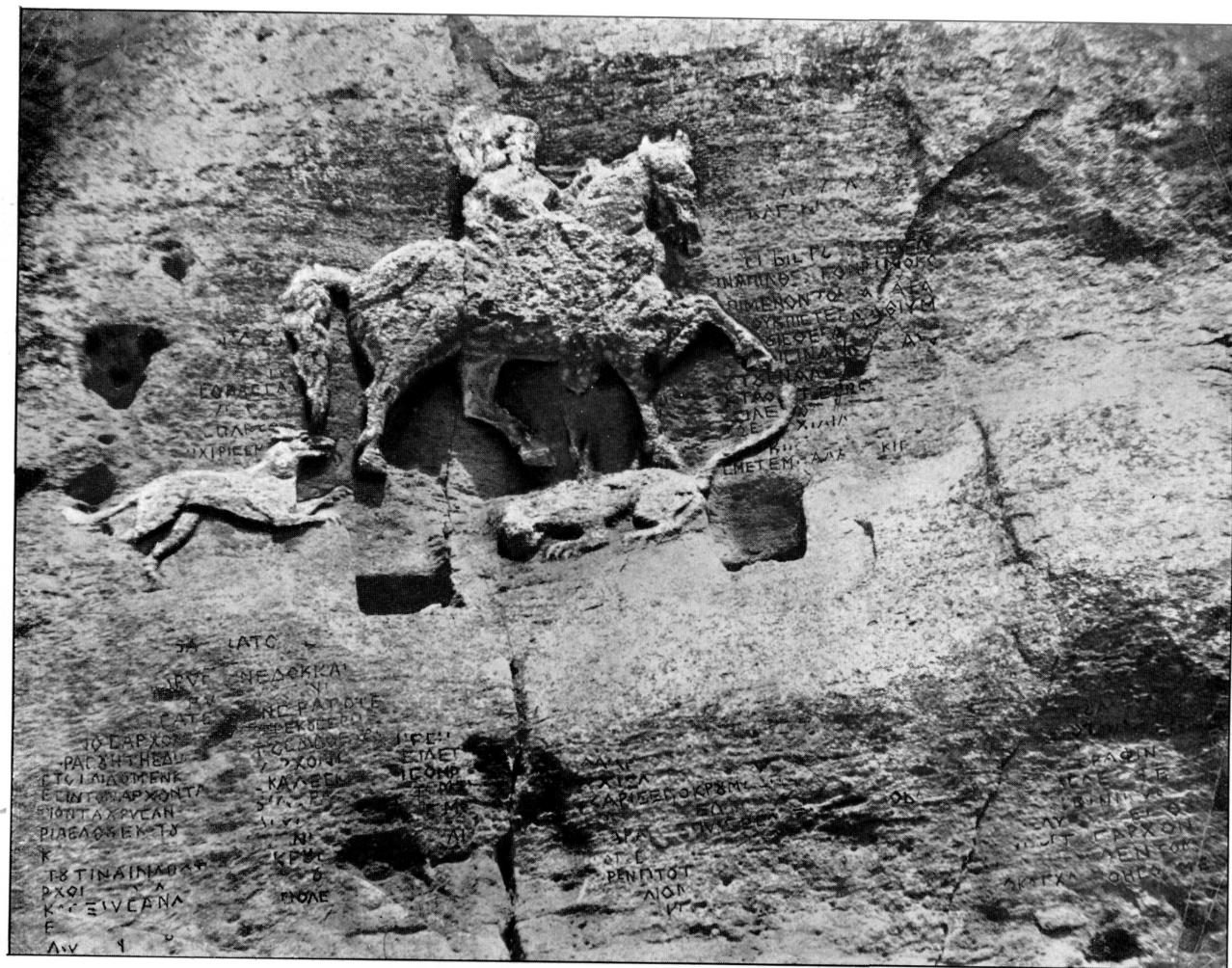
Въ релйефа отъ с. Аладжнѣ (Варненски Музей, инв. III, № 932) — брадатъ конникъ, облеченъ въ дълга препоясана дреха, въ дѣсната си, нагоре вдигната ржка, държи рогъ. Въ ново откритата плоча отъ гр. Варна (Варненски Музей, инв. III, № 1016), конникътъ облеченъ въ дълга дреха, въ дѣсната си, на долу спустната ржка, държи сравнително малъкъ рогъ, отгоре въ сѣщата почти форма, и въ сѣщата сравнително величина, както е при Мадарския релйефъ. Тракийскиятъ богъ-конникъ (Θεὸς Σόζων) отъ Мала Азия държи въ дѣсната си ржка кривакъ.⁶² Чаша въ ржката на конника се явява и при Скититѣ въ III—IV в. пр. Хр.⁶³

⁶⁰ Г. Баласчевъ, «Трако римскитѣ светилища», стр. 36; АЕМ. XIX, стр. 49.

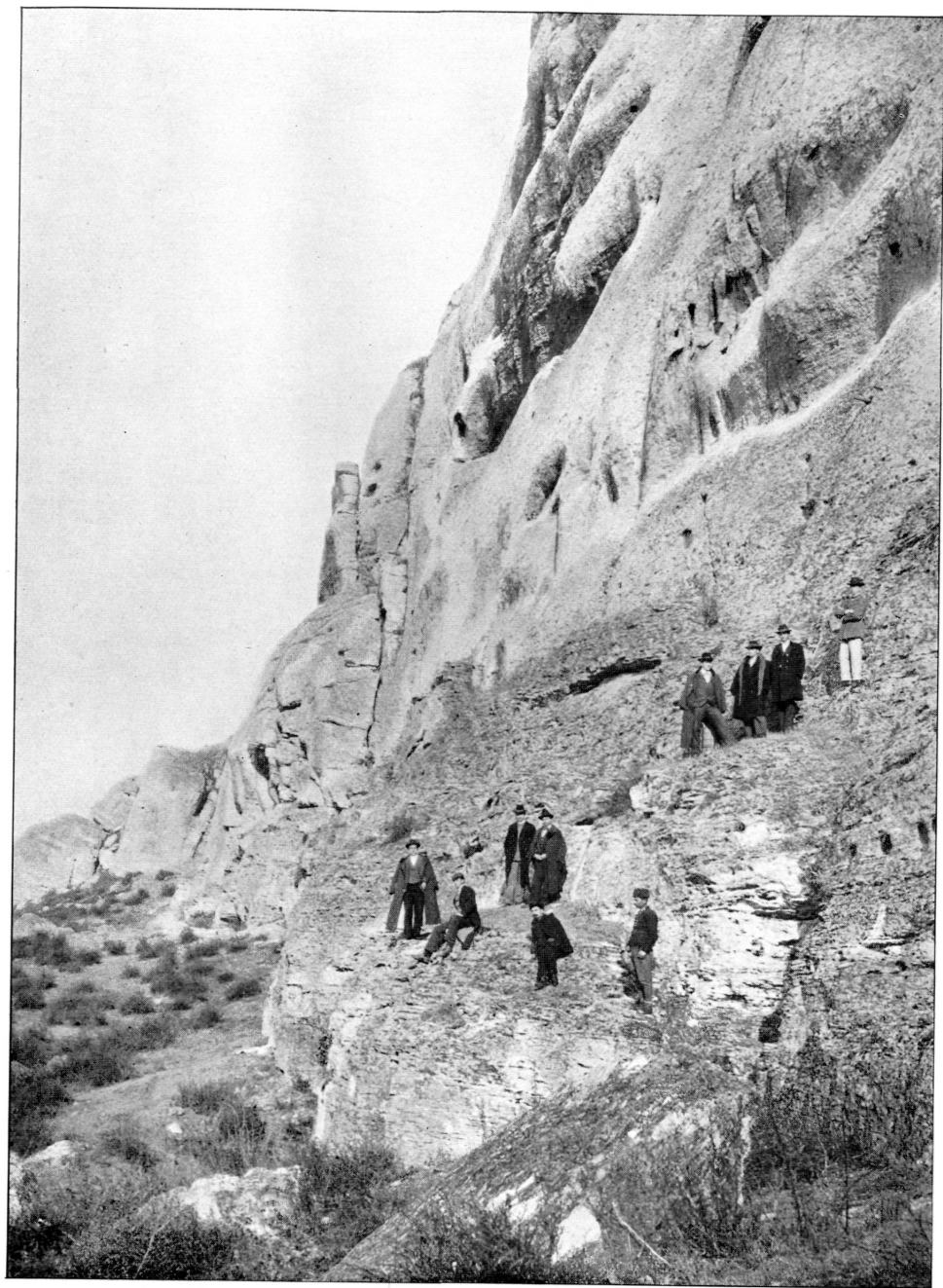
⁶¹ Paulus Realezyklopädie, Μέγας Θεὸς Ὀδησιῶν, Kazanow.

⁶² Баласчевъ, стр. 35.

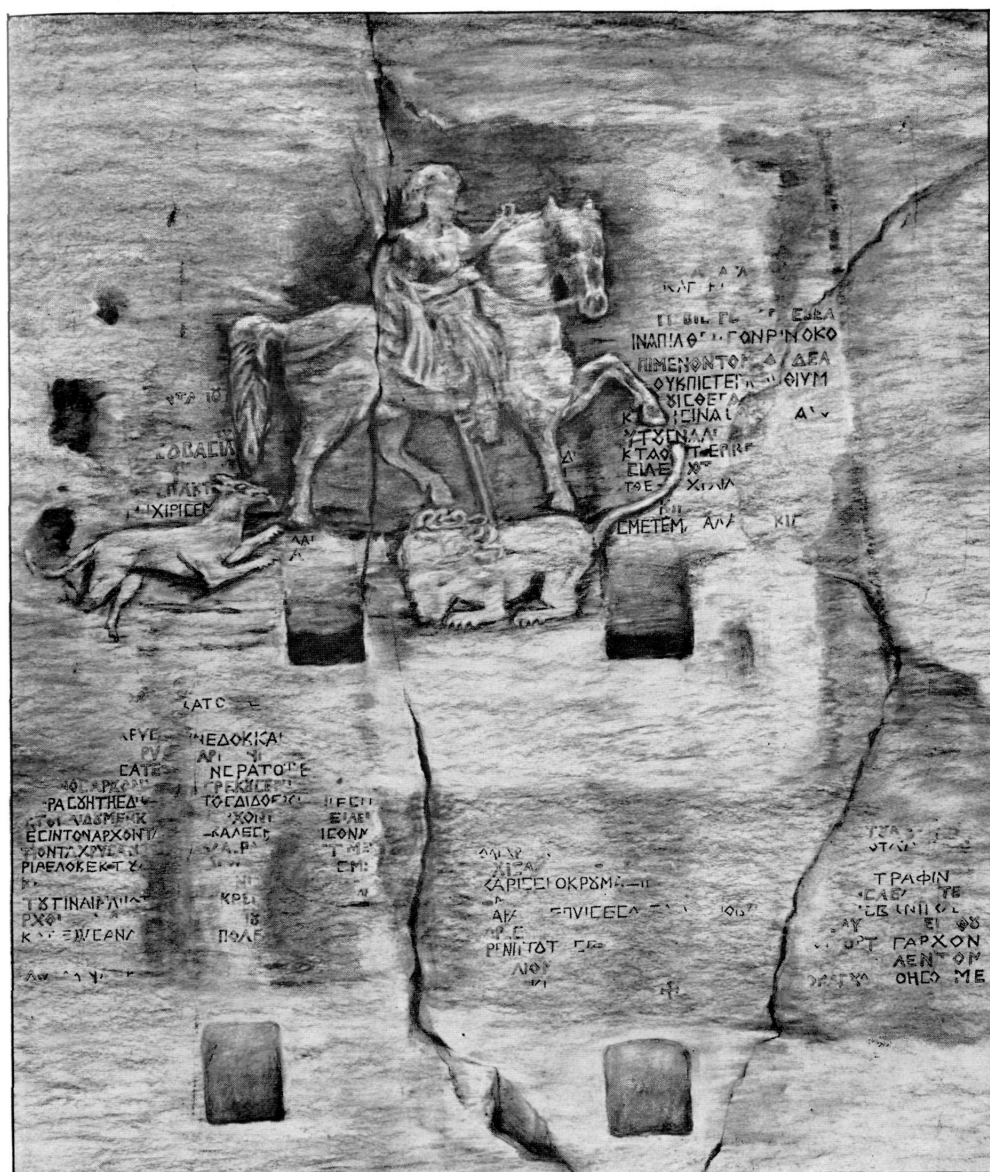
⁶³ Хр. Миятевъ, «Мадарскиятъ Конникъ». Изв. Соф. Инст. V, стр. 112, ф. 107.

Обр. 40. Мадарскиятъ релефъ съ надписъ. (фотография отъ 1898 г.).

Обр. 41. Мадарската скална стена съ реліефа (фотография отъ 1898 г.).

Обр. 42. Мадарският релеф и надпис. Според копията на К. Шкорпилъ отъ 1924 г.

Задъ главата на яздеца, особено върху фотографията отъ 1898 г. (обр. 40) и подъ коня се виждатъ части на едно дълго копие, отгоре разширено. Конници съ дълго копие се срещатъ и върху монети на гр. Одессосъ (Pick, №№ 2248, 2269).

Г. КАЦАРОВЪ⁶⁴ говори за кжсо копие, на края съ конска опашка; конската опашка е служила като тържественъ знакъ, но таково копие за хвърляне е противъ законитѣ на хвърляне и на лова.

Коньтъ е жребецъ съ силно тѣлосложение, мускулестъ; главата му е обърната почти напълно напредъ, ушитѣ сж нащъркнали и гривата е кжса. Жребецътъ върви на дѣсно съ особенъ изкуственъ ходъ, при който двата дѣсни крака сж закрепени и двата лѣви крака едновременно сж въ движение, подвигнати, особено предния кракъ, значително нагоре. На подобенъ изкуственъ ходъ, нареченъ «рахванъ» (едноходка), учатъ до днесъ млади коне, защото е бързъ и неуморява нито коня, нито яздеца.⁶⁵

Този вървежъ «рахванъ» виждаме при всички крачащи тракийски конници и монети съ конници. На релйефа върху каната отъ съкровището отъ Nagy Szent Miklós,⁶⁶ който се посочва като доказателство за българския произходъ на Мадарския релйефъ, конникътъ има естественъ ходъ (разноходка); подобно и чудовището съ човѣшка глава върху сжщата кана.

За сравнение: обр. 43₁ Мадарски конникъ, обр. 43₂ конникъ върху монетитѣ на Одессосъ а обр. 43₃ конникъ върху каната отъ съкровището.

Опашката на жребца, вследствие на грубия материалъ, не е работена съ рѣзки, но съ изпжкнали поясчета, но не е и плетена, както предполага Хр. МИЯТЕВЪ;⁶⁷ по сжщата причина и по сжщия начинъ е работена и гривата на лъва.

Отъ приборитѣ на коня има широкъ подопашиникъ, седло и юзда.

Върху подолното ниво подъ конника сж изобразени дветѣ животни — кучето и лъвътъ.

Кучето, сравнително съ лъва, е голѣмо и едро, съ разширени гърди и дълги крака, изобразено въ скокъ на дѣсно, преднитѣ му крака, съ едри нозе, сж вдигнати и едвамъ стигатъ до копитото на жребца. Кучето е степна хрътка (*Canis familiaris grajus*), каквито се срещатъ вече върху египетскитѣ паметници. Главата на кучето е продълговата и заострена, муцуната е отворена съ изплезналъ, на долу висящъ езикъ и ушитѣ легнали назадъ; опашката на края е завита нагоре.

⁶⁴ «Скалниятъ релйефъ при Мадара» въ Мадарскитѣ релйефъ, (стр. 34).

⁶⁵ При учение вързватъ двата лѣви (или дѣсни) крака на коня съ особено дебело вжже, дълго колкото е разстоянието на преднитѣ и задни крака, съ особени петелки, съ което принуждаватъ коня да изкрачва едновременно съ лѣвитѣ или съ дѣснитѣ крака.

⁶⁶ Баласчевъ, «Минало» II, кн. 5, 6, стр. 106, 108.

⁶⁷ Мадарскитѣ конникъ, стр. 94.

Кучето се явява и въ релйефа на Великия богъ.⁶⁸

Лъвътъ извива подъ преднитѣ крака на жребеца отъ дѣсно на лѣво. Лъвътъ е сравнително малъкъ, затова и мѣстното население говори и за дива котка. Лъвътъ е згушенъ, съ снишени крака съ разтворени нозии и задната му частъ е незначително издигната и е приготвенъ за скокъ отъ скалната стена. Главата му е широка съ богата наежена грива, наведена на долу къмъ пропастьта и обърната почти напредъ. Гривата му е подобре запазена до горния край и отчасти на дѣсно и е работена по сжщия начинъ, както опашката на жребеца, поради грубата основа.

Опашката на лъва, на края е подебела и е вирната нагоре, почти до повдигнатия преденъ кракъ на жребеца. Лъвътъ е въ пълна живость и

Обр. 431. Мадарскиятъ релйефъ.

Обр. 432. Богъ-конникъ върху монетитѣ на гр. Одессосъ.

Обр. 433. Конникъ отъ съкровището отъ Nagy Szent Miklos.

⁶⁸ Kazarow, Μέγας θεός Ὀδησιτών.

неможе да се говори за убитъ, промушенъ, раненъ или свитъ въ агония лъвъ, което найясно личи отъ вирнатата нагоре опашка.⁶⁹ Нѣма въ релйефа и ржка, която го що току убива съ хвърленото отъ яздача и забито въ гърба му кжсо копие.⁷⁰

Въ до сега известнитѣ релйефи, ловецътъ убива лъва въ явна борба, което липсва напълно при Мадарския конникъ, който крачи тържествено.

За да подкрепи Кр. Миятевъ своето твърдение за мъртъвъ лъвъ е измислилъ даже нѣкакваси двупланостъ за релйефа и самъ говори за необикновенъ на времето опитъ, който се стреми да представи на една отесна скала лежащъ на едната си страна лъвъ.⁷⁰

Въ ловджийскитѣ сцени на тракийски конници, като помощници на ловеца се явяватъ — куче, лъвъ и змия (Варненски Музей, инв. III, № 468),⁷¹ които нападатъ друго животно или само придружаватъ конника;⁷² въ Мадарския жгълъ е намѣрена плочка, въ която лъвътъ напада бика;⁷³ а до с. Кюлевча, въ мѣстността Дараачъ-баиръ, плочка съ лъвъ на дѣсно и олтаръ подъ конника;⁷⁴ въ Черноморскитѣ крайбрѣжни страни въ релйефи на конници често се среща лъвъ, като помощникъ на конника.⁷⁵

Лъвътъ въ подобно положение, както при Мадарския релйефъ, се среща при статуйката на конника отъ с. Мутафларъ (Изв. Инст. V, стр. 86, ф. 99) и върху една монета на гр. Никополъ [до с. Никюпъ (Pick, № 1987. Табл. XIX, 21)].

Въ Мадарския релйефъ се явява, вѣроятно, лъвътъ, като символъ на силата.

Всички изследователи на Мадарския релйефъ се съгласяватъ, че той е художествено произведение отъ вещь скулпторъ, изобразено съ живостъ и реалностъ.

Релйефътъ неможе да бжде продуктъ на българско изкуство, което, споредъ Кр. Миятевъ, ужъ внезапно възникнало презъ IX вѣкъ.⁷⁶ При всички до сега направени разкопки въ Плиска и Преславъ не е намѣрено нито едно подобно произведение, нито степени, които трѣбвало би да предшествуватъ таково високо изкуство. Всички архитектурни произве-

⁶⁹ Ливингстоне разправя: «Ненадейно забелязвахъ лъвъ върху една скала, скритъ задъ хрусталька и два пжти му гръмнахъ. «Ударенъ» извикаха другаритѣ, но азъ като видѣхъ опашката на лъва вдигната забранихъ имъ, да се доближатъ, следъ което лъвътъ се хвърли върху мене.»

⁷⁰ Миятевъ, «Мадарскиятъ конникъ», стр. 100.

⁷¹ «Светилища и изображение на конници», стр. 33, № 66.

⁷² При статуйката отъ Кабаюкъ, кучето напада лъва (Абоба-Плиска, Табл. XCVIII, ф. 5).

⁷³ Кацаровъ, Мадарскиятъ конникъ, обр. 12.

⁷⁴ Изв. Археол. дружество VII, стр. 149.

⁷⁵ К. Шкорпилъ, Светилища и изображение на конници.

⁷⁶ Мадарскиятъ конникъ, 105.

дения отъ IX вѣкъ въ Плиска и Преславъ не сж оригинални и сж измѣстувани отъ постари постройкы.

Изкуството въ старобългарското съкровище отъ Nagy-Szent-Miklós⁷⁷ отъ IX вѣкъ се отличава въ всѣко отношение, отъ изкуството при Мадарския релйефъ; подобно и релйефътъ при Никтъ-и-Рустемъ (Персія).

Че Българитѣ сж използвали стари паметници за своитѣ надписи показва отново Хамбарлийския паметникъ съ старогръцки надписъ,⁷⁸ който е билъ употребенъ за прабългарскитѣ надписи отъ Омортага и Маламира (Byzantinoslavica III/2, ШКОРПИЛЪ и П. НИКОВЪ).

Отъ описанията на релйефа е ясно, че произхода на Мадарския релйефъ, трѣба да търсимъ въ първитѣ исторически времена, като произведение на единъ високо културенъ народъ, чиито художествени паметници сж разпърстнати въ североизточната частъ на Балканския полуостровъ. Това сж тракогетитѣ, а до Мадара трѣба да се търси тѣхната света земя.⁷⁹ Едно отъ главнитѣ божества на тракийцитѣ въ тия страни е билъ Великиятъ богъ (Μέγας θεός) съ тракийско име Δεοζέλας, богъ на подземieto.⁸⁰ Култътъ на този богъ не е билъ само въ Одессосъ, защото плочкитѣ съ неговъ образъ се явяватъ на разни мѣста: плочка отъ Ески Джумая (Изв. Нар. Музей I, № 228, стр. 178); отъ селището между с. с. Каспичанъ и Могила (Абоба-Плиска, стр. 26, ф. 1); отъ с. Аладънъ (Варненски музей, инв. III, № 932); статуйка отъ с. Мутафларъ (Изв. Инст. V, 86, ф. 99); Плочка отъ Варна (инв. III, № 1016).

Великиятъ богъ е изобразенъ върху монетитѣ на гр. Одессосъ, начиная отъ IV в. пр. Хр., въ три типа: лежащъ богъ, богъ-конникъ (отъ III в. пр. Хр.) и стоящъ богъ. Като богъ-конникъ се среща и върху императорскитѣ монети на крайбрѣжнитѣ градове (Odessos, Kallatis, Tomis, Istros).

Богъ-конникъ върху автономнитѣ монети на гр. Одессосъ⁸¹ е изобразенъ крачащъ на дѣсно съ рахванъ (едноходецъ), облеченъ въ дълга до колѣне дреха нависнала и набърчкана отзадъ, държащъ въ дѣсна ржка поводитѣ на коня, съ които стяга главата на коня, съ което тя е обърната отъ части напредъ, а въ лѣвата ржка съ рогъ на изобилие или другъ неясенъ предметъ (обр. 43₂).

Г. КАЦАРОВЪ говори за сливане на тракийския герой съ елинския Великъ богъ на Одессосъ, чрезъ влияние на околнитѣ Траки.⁸²

⁷⁷ Баласчевъ, Минало II, 5, 6, стр. 100.

⁷⁸ Byzantinoslavica III, 2.

⁷⁹ Г. Баласчевъ, «Трако-римскитѣ светилища», стр. 34.

⁸⁰ Kazanow, Μέγας θεός 'Οδησιτών (Paulys Real-encyclopädie; Salač-Škorpil, »Několik archeol. památek«, 26–30.

⁸¹ »Die antiken Münzen von Dacien und Moesien« Pick-Regling, N°N° 2177–2225; Монети въ нумизматическа сбирка на Варненския музей.

⁸² Kazanow, Μέγας θεός 'Οδησιτών.

Тракийското име на Великия-богъ Δερζέλας се среща и въ списъците на ефебитъ отъ гр. Одессосъ и, то, отъ 215 г.⁸³ и 238 г.⁸⁴ сл. Хр. Въ честь на Великия богъ Дерзеласъ сж били устроени въ гр. Одессосъ, въ време на имп. Гордиана, игри наречени „Δερζάλεια“, съ цель да подкрепятъ умирающата стара вѣра противъ разпространяването на християнството въ крайбрѣжнитѣ страни. За тѣзи игри сж били сечени въ гр. Одессосъ особени монети.⁸⁵

Великиятъ богъ, не като богъ-конникъ, се среща наймного върху монетитѣ на Одессосъ; върху монетитѣ на Маркианополъ не се среща Великиятъ богъ.

Отъ гореказаното дохождаме до заключение, че въ Мадарския жгълъ, едно отъ главнитѣ светилища, е било и светилището на Великия богъ и, че, Мадарскиятъ релйефъ е образъ на този богъ.

При новитѣ разчиствания на развалинитѣ на Плиска, до източната порта на вътрешната крепость, е билъ намѣренъ фрагментъ на мраморна плоча съ остатъкъ на единъ конски кракъ отъ голѣмъ релйефъ; не е изключено, че и това е часть на релйефа на Великия богъ-конникъ, да произлиза отъ Мадара, и е билъ пренесенъ въ Плиска още при постройката на вътрешната крепость (следъ 811 г. сл. Хр.).

По горе споменахъ за храма на Всевишния Зевсъ въ Мадарския жгълъ.

Едно отъ главнитѣ тракийски светилища въ Мадарския жгълъ е било Нимфеумъ (Nymphaeum), каквито е имало на много мѣста въ източна България и споменъ за които сжществуватъ до днесъ въ аязми. Светилището е било надъ самитѣ извори, отъ дветѣ страни на Кьошкетовѣ, и къмъ него принадлежи и група блокове надъ извора съ жертвенъ камъкъ. Къмъ Нимфеума се отнася и релйефътъ на Херкулеса, намѣренъ подъ изворитѣ.⁸⁶ Херкулесъ е изобразенъ голъ, лежащъ върху лъвска кожа и е обслужванъ и отъ една нимфа; на лѣво е плочка съ три нимфи; надъ релйефа латински надписъ Herculis Invicto; Филовъ датира плочката отъ II ст. сл. Хр. За светилището се отнася и единъ надписъ намѣренъ до извора.

Нимфитѣ сж били здравословни дружества и до днесъ става сборъ до изворитѣ на Св. Марина (споменъ на Нимфеумъ) и на Св. Георги (споменъ на бога-конникъ).

Последнитѣ останки на нимфитѣ сж се запазили въ женската колония въ с. Мадара. За колонията има едно сведение отъ 1826 г. («Resumé

⁸³ *Salat-Skorpil*, »Několik archeol. památek z východního Bulharska«, стр. 26—30 (Варненски музей, инв. III, № 348).

⁸⁴ *Kalinka*, »Antike Denkmäler in Bulgarien«, № 114.

⁸⁵ *Pick*, №№ 2370—2372, 2368, 2369.

⁸⁶ *Б. Филовъ*, Известия на Соф. Археол. Др-ство II, стр. 85.

géographique de la Grèce et de la Turquie d'Europe» par G. A. M., стр. 408—410) публикувано отъ Л. Милетичъ «Амазонкитъ въ с. Мадара въ в. «Миръ» (21. X. 1925 г.). Животътъ и гостоприемството въ този женски градъ на женитъ Амазонки, като, че е билъ продължение на старитъ тракийски обичаи.

Въ пещерата е намѣрена мраморна плочка съ релйефъ на Диониса съ пантера до краката му.⁸⁷ Не е изключено, едно отъ светилищата да е било на този богъ. Култътъ на бога е билъ много разпространенъ въ източна България, гдето и гр. Dionysopolis (Балчикъ) носи негово име.⁸⁸

IX.

НАДПИСЪТЪ.

Отъ дветъ страни на релйефа, и то, на лѣво върху ок. 1 квадр. м., и на дѣсно върху ок. 4 кв. м., а особено подъ релйефа, между двата реда издълбатини, върху една плоскостъ 7 м. дълга и 2,2 м. висока (15 кв. м.), е издълбанъ надписъ съ букви 0,007—0,01 м. високи.

Още при първия погледъ се вижда, че надписътъ нѣма никаква връзка съ релйефа и че той е писанъ и между краката на коня и подъ дѣсния заденъ му кракъ.

При първитъ ни публикации на надписа⁸⁹ се изказа мнение, че надписътъ е по-новъ отъ релйефа. К. ИРЕЧЕКЪ смѣта релйефа отъ тракийско време.⁹⁰

Въ «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften» Wien 1898 (стр. 27) се пише: «Изображението на Шкорпилъ дава за първъ пжтъ подробенъ образъ на цѣлия паметникъ». А. ПРОТИЧЪ («Мадарскиятъ конникъ» София 1925, стр. 6), директоръ на Народния Музей въ София, пише: «Шкорпилъ хвърли такава ярка светлина върху Мадарския релйефъ, че се откри широка перспектива за работа на ученитъ».

Г. КАЦАРОВЪ, Г. ФЕХЕРЪ⁹¹ и Кр. МИЯТЕВЪ⁹² смѣтатъ надписа и релйефа за едновременно, макаръ че последниятъ признава, че надписътъ нѣма никакво вътрешно отношение къмъ релйефа.⁹³

Буквитъ въ надписа сж били измазани съ сивочервеникаво, на мѣста зеленикаво вещество (циментъ), за да се предпазатъ отъ разрушение

⁸⁷ Известия на Соф. Археол. Др-ство III, стр. 104, ф. 82.

⁸⁸ Отецеството на бога е била Тракия и неговото име е свързано и близо до култа на нимфитъ.

⁸⁹ АЕМ. XIX, 2, стр. 248; Одессосъ-Варна, 11.

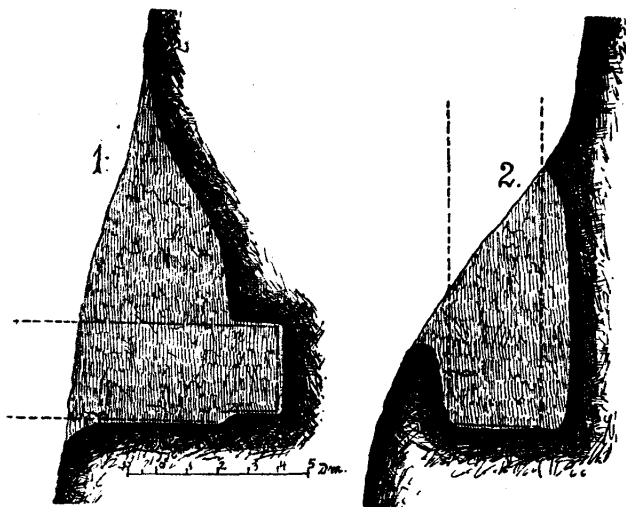
⁹⁰ Sestý ro Bulharsku, стр. 638; Пжтувания, стр. 869.

⁹¹ Мадарскиятъ конникъ.

⁹² Известия на Софийски Институтъ V, стр. 91.

⁹³ Пакъ тамъ, стр. 92.

отъ атмосфернитѣ влияния; съ подобно вещество е билъ измазанъ и релефътъ. Това обстоятелство служи на Кр. Миятевъ за явно доказателство на едновременността на надписа съ релефа.⁹⁴ Това обаче може да служи за едновременностъ на надписа съ реставрацията на релефа, когато той е билъ използванъ за български паметникъ; естествено е, че въ това време релефътъ е билъ вече повреденъ и, че е била

Обр. 45. Профили на дупкитѣ за греди подъ Мадарския релефъ.

употрѣбена мазилката за поправки и, може би, за нови детайли и, може би, че особено лицето на конника, е било нарочно повредено.

Противъ едновременността на надписа съ релефа говорятъ и дветѣ пукнатини презъ паметника. Не е мислимо художникътъ, да е избралъ за своя величественъ паметникъ, напукана вече площъ въ скалнитѣ стени отъ единъ и сжщъ съставъ, на дължина 400 м. Дветѣ пукнатини сж се появили вече въ историческо време, когато релефътъ е вече съществувалъ, вследствие на които стената между тѣхъ излѣзе нѣколко сантиметра навънъ.⁹⁵ Надписътъ е обаче писанъ, когато пукнатинитѣ сж съществували, което ясно личи при горния надписъ на дѣсно. Самиятъ Г. ФЕХЕРЪ разпредѣля долния надписъ на колонитѣ, отдѣлени помежду си съ пукнатинитѣ.⁹⁶

Надписътъ е много повреденъ и не е почти възможно да се възстанови напълно общия смисълъ.

⁹⁴ Мадарскиятъ конникъ, стр. 92.

⁹⁵ Раф. Поповъ, «Мадарскиятъ конникъ», стр. 11.

⁹⁶ «Надписътъ на Мадарския конникъ», стр. 129.

За цѣлия надписъ е писано въ АЕМ. XIX, стр. 246 съ изображение (1897 г.); Одессоусъ-Варна № 16; Абоба-Плиска, стр. 401, Табл. LXXXIV (1905 г.), и се говори само за предполагаемостта на имената Крумъ и Омортагъ.

Г. ФЕХЕРЪ въ «Мадарския конникъ» стр. 15—26 (1925) и въ «Надписътъ на Мадарския конникъ» (1928) се е опиталъ да прочете надписа на основание на собственъ, не напълно точенъ преписъ, съ фантастични попълвания.

В. БЕШЕВЛИЕВЪ⁹⁷ отхвърля тълкуването на надписа отъ Г. Фехеръ и по съдържание, и по време на надписа.

Нови изучавания отъ страна на Виенската Академия на Наукитъ предприе (1931 г.) Dr. V. von ARNIM отъ Leiden; неговитъ резултати не сж още публикувани, но отъ устния разговоръ и той оспорва тълкуването на Г. Фехеръ.

Подъ релйефа и подъ долния надписъ има правоъгълни издълбатини за подпорка на греди и, то, въ два реда по две; голѣмината имъ ок. $0,6 \times 0,7$ м. и тѣ сж били изработени съ особена тънкость и съ особена форма въ профили и е ясно, че тѣ не сж били дълбани само за временно скеле на художника, но за постоянна дървена конструкция за свободенъ достѣпъ къмъ релйефа

Горнитъ издълбатини (профилъ обр. 45, 1) сж въ видъ на ниша, при долния край на задната ѝ стена съ особена вдълбнатина по цѣлата ширина на нишата, 0,3 м. висока и 0,2 м. дълбока, за закрепване хоризонтални греди. Долнитъ издълбатини (профилъ обр. 45, 2) сж дълбани на дъното на долу и сж служили за подпорки на вертикални или навѣтъ наклонени греди. За подпорка на горнитъ греди сж служили вертикални греди, поставени въ особени дупки, издълбани въ скалната площадка, подъ паметника и до подножието на скалитъ.

Въпреки ироническата бележка на Г. Фехеръ,⁹⁸ е явно, че паметникътъ е билъ достѣпенъ и, може би, въ особено дървено светилище, надвиснало предъ скалната стена, каквито сж били и другитъ светилища. Да-ли и наведената линия, която личи на дѣсно отъ релйефа имало нѣщо общо съ дървената постройка, неможе да се каже (обр. 40, 42).

Че и надписътъ е билъ достѣпенъ и предназначенъ да се чете, излиза ясно отъ Омортаговия надписъ (В. Търново), въ който се казва: И нека тоя, който се роди найсетне *разгледвайки тоя надписъ* си спомни за оногова, който го построи.

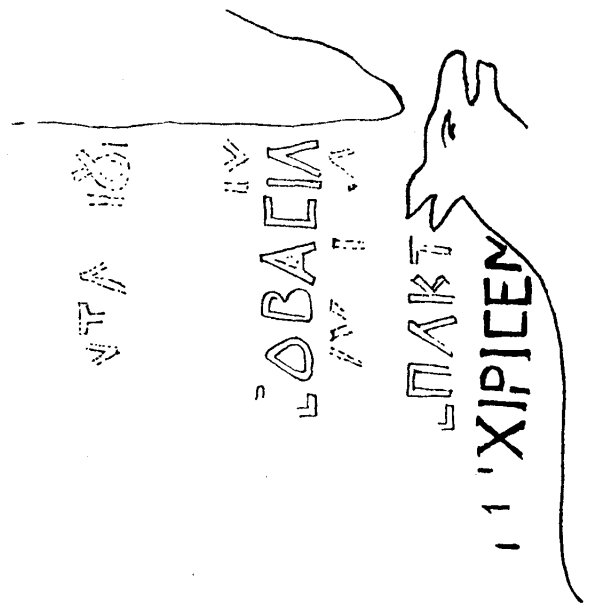
Колко надписътъ е билъ четливъ отдолу, показва фактътъ, че Каницъ и Иречекъ, и съ бинокла, не сж даже забелязали долниятъ надписъ, върху една плоскость отъ 15 кв. м., съ букви 0,1 м. високи.

⁹⁷ Българска Мисль, 1931, XII, 660—667. Надписитъ около Мадарския конникъ. Известия на историческото дружество, Кн. XI—XII.

⁹⁸ Надписътъ на Мадарския конникъ, стр. 56, 1.

Обр. 441. Мадарският надписъ: горниятъ надписъ отъ лѣво. (Копията на К. Шкорпиль презъ 1924 г.)

Обр. 442. Мадарскиятъ надписъ: горниятъ надписъ отъ дѣсно. (Копията на К. Шкорпиль презъ 1924 г.)

ATC

NEΔOKICA

API

NEPATOTTE

PEKOTEP

TOCΔIDOF

XONI

KALECT

MA-P

MA

NI

KPEI

IX

POAE

IFC

EIAE

ICONN

TME

ME

AI

AI

XIPAN

KAPICEI OKPMZ

AN

APF

APF

PFNITOT

CT

AIOT

AI

AI

AI

AI

AI

AI

AI

AI

AI

AI

+

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TA

TPAFIN

EAE

EBINICL

AY

OPT

GAPXON

LENTON

ONCME

OKAX

ATC

AFVE

PV

LATE

NOEAPXON

PACXHTHEA

ETI ADOMEK

ECINTONAPXONT

TIONTAHPYCAN

PIAEΔOKECTX

K.

TXTINAIPIAT

PXOI

K. EVCAN

E

AN

NEΔOKICA

API

NEPATOTE

PEKOTEP

ΓOCΔIDOF

CHON

KALEC

AN-P

AN

NI

KPE

IX

POLE

IFC

EIAE

ICONN

TME

EME

AI

AN

XIEM

KAPICEI OKPXM

AN

APX

APTE

PENITOT

CG

AIOT

AI

+

OKATX

За изучаване паметника въ ново време сж били построени скелета:

1. въ време на руската окупация (1879 г.), безъ да се знае резултата;
2. презъ 1895 г. построихме, съ братъ ми Херминъ, скромно скеле, по собствена инициатива и на собствени разноски.⁹⁹ Върху нѣколко подвижни дъски, надвиснали отъ скелето на вѣнъ и върху една подвижна стълбичка, залепенъ до скалата, преписахъ надписа и рисувахъ релйефа въ нѣколко дена;

3. презъ 1905 г. е било построено скеле отъ Народния Музей за гипсовъ отпечатъкъ, безъ да било използвано за подробни изучавания;

4. презъ 1924 г. сжщиятъ музей е построилъ здраво скеле, три пѣти пошироко отъ скелето презъ 1895 г., съ което паметникътъ бѣше достъпенъ отъ всички страни и за подробни фотографически снимки.

Като единъ отъ ръководителитъ при разкопкитъ презъ 1924 г., използвахъ скелете за ново подробно изучаване и за нова точна снимка на релйефа и на надписа, споредъ които художникътъ при Варненския музей Мил. Сакъзовъ изработи приложения къмъ настоящия трудъ образъ (обр. 42). Въ рисунката отбележихъ три вида букви (обр. 44₁, 44₂, 44₃): пълни, при които е запазена мазилката, контурни, при които е паднала мазилката, а съ чъртички, които не сж сигурни. Копията ми въ размѣръ 1:10 дадохъ на разположение на специалиститъ по българската епиграфика: В. ЗЛАТАРСКИ, П. НИКОВЪ, В. БЕШЕВЛИЕВЪ и Dr. В. von ARNIM.

За историята на Мадарско-Могилското плато К. Иречекъ пише: «намираме се въ земята на Гетитъ; въ такива непристъпни пещери живѣлъ пророкъ Замолксисъ»¹⁰⁰ Сжщиятъ предполага, че Мадарската крепостъ е тождествена съ тракийския Burziavo,¹⁰¹ превзетъ отъ Luculla, споредъ Eutropia. Въ Абоба-Плиска (стр. 25) азъ се изказахъ за тази мѣстностъ въ полза на Мадарското селище. Въ «Светилища и паметници съ изображение на конници» (стр. XXIII), изказахъ мнение, че до Мадара е билъ важенъ тракийски центъръ, и, че тукъ трѣба да се положи Dausdava,¹⁰² който Н. Kiepert въ картата «Formae orbis antiqui XVII — Illyricum et Thracia» — полага до с. Абоба, а W. TOMASCHEK¹⁰³ до гр. Разградъ.

Крепостъта «Градътъ» надъ Мадарския жгълъ е била построена вече презъ времето на първото българско царство. Крепостъта подъ името

⁹⁹ Епиграфически семинаръ при Виенския университетъ е далъ само една помощъ (ein Beitrag) отъ 100 лева и разноскитъ за постройката сж били до 800 лева; по нашата инициатива сж били предприети и дветѣ експедиции отъ Виенската Академия, на които бѣхъ членъ.

¹⁰⁰ Иречекъ, Пътувания, стр. 869.

¹⁰¹ Βουρζιάων, Burziavo, arch Getarum (Entr. 6. 10); Tomasczek, »Die alten Thraken« 62.

¹⁰² Δάουσι-δανσι, «Светилища», стр. XXIV.

¹⁰³ Die alten Thraker II. Wien 1894, стр. 70.

„Μουνηδαία“ се споменува през времето на войнитѣ на Симеона. Името на крепостта е запазено въ името на селото Мадара.

Въ 1388 крепостта «Матара» е била между крепоститѣ, които сѣ били превзети отъ турцитѣ.

Съ настоящия си трудъ, въ който бѣхъ принуденъ, да опровергая отъ части и себе си, ликвидирамъ отъ моя страна съ въпроса за Мадара и го смѣтамъ за достотѣченъ отговоръ на всички подигравателни, унижителни и недостойни нападки противъ мене отъ страна на Г. Фехеръ въ ежедневната преса, като се почне съ фамозната рекламна, за Г. Фехеръ, статия: «Сензационно откритие отъ миналото ни. Величественъ паметникъ на царъ Крума», въ вестника «АБВ» (17. Августъ 1924), съ неговъ портретъ съ белѣжка «Първиятъ откривателъ на лицето и произхода на паметника», придружена съ два мои образа отъ Абоба-Плиска (Табл. LXXXIII и LXXXIV) отъ 1905 г. и следъ като е било писано за паметника до тогава вече въ 19 съчинения и статии отъ разни изследователи.

LE PLATEAU DE MADARO-MOGUILA.

(Résumé.)

Dans la préface, il est question des peuples de la région de la Mer Noire de la péninsule des Balkans: des Gètes dans la partie septentrionale, avec un centre à Dausdave (Δάουσαδave) et dans la partie méridionale, Astové (Ἀστοί) avec le centre de Bizye; de la colonisation grecque sur le littoral de la Mer Noire: Odessos, Dionyspolis, Callatis, Tomis et Istris au Nord et Messembria, Anchialos, Apollonia in Ponte et Salmydessus au Sud des Balkans; de l'arrivée des Slaves et des Bulgares et de la formation d'un État bulgaro-slave en 679 après J. C. avec un centre à Pliska et dès le règne de Siméon à la Grande Preslava.

Géographie: Le plateau de Madara-Moguila (des. 1); le recoin rocheux de Madara (des. 2) avec une grotte; une sorte de grande scène (des. 8) avec les sources du torrent de Madara. Parois rocheuses qui bornent ce recoin au Nord et au Sud de la grotte (des. 12, 14, 15, 30). Crevasses naturelles dans la paroi du Nord (des. 13, 27) et quartiers de roche pyramidaux devant l'entrée de la grotte (des. 8, 13, 16).

Monuments:

I. *Préhistoriques:* de la seconde époque paléolithique; ateliers de silex.

II. *Tombeau* «Srt-jug» au point le plus élevé du plateau de Madara et sa jonction avec les tombeaux près du villaga de Mumdzilar et au-dessus du village de Dourukli.

III. *Groupes en pierre* (devtašlar). Idoles en pierres (baba) du village d'Endža et du musée de Varna. Pierres tombales des devtašlars irréguliers; «baba» non terminées, sans détails. Pierres tombales chrétiennes qui ressemblent à des «baba» près du village de Kalougerica (des. 3, 4) et dans le bassin de la rivière Russenski Lomy.

IV. *Pierres à écuelles* au-dessus de Moguila (des. 5).

V. *Pierres votives* (šarap-taš) au pied des rochers de Madara (des. 6, 9, 10, 11), dans la grande grotte (des. 7, 8, 12, 16).

VI. *Grottes artificielles dans les parois du rocher*.

A. Cellules alignées et en petits groupes: « Odaïtes » (chambrettes) (des. 12); nids d'aigles (des. 12, 14) et « Delatipe » (niches); ascension aux cellules (des. 13, 27, 28).

B. Grottes artificielles: dans les rochers de Buloto (des. 15); Kjoškovo Inférieur (des. 18); Kjoškovo Supérieur (des. 19); Daul-taš (des. 19); Penča-peštera au-dessus du vil. de Kalugerica (des. 20); tombeaux dans la roche Kirik (des. 21); grotte sur le plateau de Moguila.

VII. *Constructions* (sanctuaires payens et temples). Ces constructions sont en bois — indépendantes, accolées aux parois rocheuses ou murées.

Sanctuaires indépendants au-dessus des vignes de Moguila (relief du Grand dieu-cavalier) et au Sud au-dessus du village de Moguila (relief de Zeus et de Héra).

Sanctuaires accolés aux parois des rochers dans le recoin de Madara: constructions en bois reposant sur des solives spéciales (des. 22, 24); avec des solives rentrantes dans des trous particuliers artificiels et avec des niches et des reliefs (des. 23, 25, 28, 29). Dans les rochers septentrionaux, deux groupes principaux de sanctuaires (le sanctuaire avec le cavalier de Madara en fait aussi partie) et dans les rochers méridionaux trois groupes. Un sanctuaire dans la grotte même. Légendes de la grotte.

Sanctuaires murés. Dans le recoin de Madara et au point Kulata près d'un quartier de roche en forme d'une tour (des. 31 — état actuel après la destruction du quartier de roche) deux sanctuaires murés (plan, des. 32, 33).

Ruines près du village détruit de Kemekči dere, dans lesquelles furent découverts le fragment d'une inscription dorique de l'an 100 avant. J. C., table de marbre avec une inscription sur le temple de Zeus et relief votif du Ier siècle après J. C., qui d'après toute apparence provient du recoin de Madara, où fut découverte une inscription semblable avec un relief (qui parle aussi de Zeus). Il paraît possible que le sanctuaire au point Kulata ait été ce temple-là.

Des constructions et tombeaux auprès de la Mer Noire.

Constructions chrétiennes. Basilique de l'époque prébulgare dans le recoin de Madara et petites églises. Restes d'un monastère du XIVme siècle au recoin de Madara et d'autres monastères dans les environs (des. 30).

Autres constructions: La Construction d'après toute apparence d'un palais sur l'emplacement d'une basilique; villa romaine au-dessus du village de Madara; réservoir d'eau.

Dans les constructions ont été découvertes des briques avec des sceaux de légions et de personnes privées, et des dessins griffonnés sur des pierres (des. 34_{1,2}).

Forteresses. Sur le plateau de Moguila, la forteresse « Gjüre-bachča-Kale »;

sur le plateau de Madara, la forteresse « Gradišće » au-dessus du village de Moguila et la forteresse « Grad » au-dessus du recoin de Madara (des. 2, 35). Fortification double de la grande caverne « Grad-alta » (des. 36—39). Vestiges de colonies anciennes.

VIII. *Relief du cavalier.*

À la hauteur de 23 m. dans la paroi Nord du rocher sur un espace de 4,8 m. de large et 3,4 m. de haut, en deux lignes: au-dessus le cavalier et au-dessous de lui à gauche un lévrier, à droite un lion.

Description du relief et de ces détails et comparaison avec les communications ci-dessus. Conclusion — le relief de Madara n'est pas de provenance bulgare (comme le veut la plus grande partie des opinions précédentes), mais de provenance thrace et représente une des principales divinités thracogètes — « Le Grand dieu » (Μέγας θεός) avec le nom thrace „Δερχέλας; des monuments consacrés à ce dieu ont aussi été retrouvés dans la Bulgarie Nord-Est. L'effigie de ce dieu apparaissait principalement sur les monnaies de la ville d'Odessos (Varna) au IVme siècle avant J. C.

Dans l'angle de Madara se trouvait l'un des principaux sanctuaires de ce dieu; le relief de Madara donne son effigie.

Dans le recoin de Madara se trouvaient aussi d'autres sanctuaires: le Nympheum au-dessus des sources du torrent Madara avec une grande pierre votive; là fut trouvé aussi le relief d'Héraclès se reposant avec des Nymphes. Au village de Madara fut mentionnée une colonie féminine d'Amazones (1826 « Résumé géographique de la Grèce et de la Turquie d'Europe » par G. A. M. p. 408—410); ce sont d'après toute apparence des traces de coutumes relatives à l'ancien sanctuaire.

IX. *Inscription auprès du relief* (des. 40, 42, 44).

Des deux côtés du relief et au-dessous se trouvent les restes d'une inscription ancienne de l'époque du Premier Empire bulgare (VIIIe et IXe siècles).

La discussion principale tourne autour de la question de savoir si le relief et l'inscription proviennent l'un et l'autre de la même époque bulgare ou d'époques différentes, ce qui a été déjà résolu plus haut au désavantage de la provenance bulgare du relief; preuves.

Échafaudage au-dessous du relief (des. 45).

De l'histoire des monuments de Madara-Moguila: K. Jireček les considère comme gètes et juge, que là habitait leur prophète Zamolxis; d'après lui, la forteresse doit être le Burziavo thrace. Je la place moi-même sous les rochers de Madara Dausdavu, tandis que Kiepert (Formae orbis antiqui XVII « Illyricum et Thracia ») croit la retrouver près d'Aboba et W. Tomaschek (Die alten Thraker) près de Razgrad.

J'estime que la forteresse de Madara est la forteresse „Μούνδραγα“ du temps de Siméon (de là vient aussi le nom actuel du village — Madara), qui en 1338 fut prise par les Turcs (Matara).

LA VILLE DE PAUTALIE DANS L'ŒUVRE DE PROCOPE ΠΕΡΙ ΚΤΙΣΜΑΤΩΝ.

L'antique Pautalia fut élevée au rang de ville à l'époque de Trajan et c'est pourquoi elle portait le nom d'*Ulpia Pautalia*; aujourd'hui on en connaît exactement la situation: elle se trouvait à l'emplacement de la ville actuelle de Küstendil à proximité de la frontière occidentale de la Bulgarie.¹ Dans la réorganisation des provinces romaines par Dioclétien, Pautalia faisait partie de la *Dacia mediterranea*; à l'époque de Justinien les remparts démolis de cette ville furent reconstruits.²

Quoique la ville de Pautalia soit par conséquent relativement très bien connue, une certaine incertitude règne encore au sujet de la véritable appellation de cette ville, car à côté ou bien au lieu de la forme *Pautalia* se rencontre aussi la forme *Pantalia*.³ C'est cette même forme qui se lit dans l'importante oeuvre de Procope περί κτισμάτων IV, 1, 31, même dans la dernière édition critique de cet auteur.⁴

Quelles sont les preuves à l'appui de chacune de ces deux formes et en faveur de laquelle y a-t-il lieu de se prononcer?

Tout le matériel épigraphique, non seulement grec, mais aussi latin, connu jusqu'à présent, sans aucune exception, offre seulement la forme *Pautalia*, et le nom des habitants de cette ville est dérivé de la même forme. Il s'agit des inscriptions grecques suivantes:

1. L'importante inscription de Skaptopara, publiée déjà à plusieurs reprises.⁵

¹ Leake (Travels in northern Greece III, p. 475) fut le premier à proposer d'identifier les ruines de Küstendil avec l'antique Pautalia. Ch. Müller (dans l'édition de Claude-Ptolémée I, 1, p. 486 note) voulait placer Pautalia aux environs de la localité de Dubnice. L'opinion de Leake fut confirmée par une inscription qui fut trouvée *in situ* et qui contenait le nom de Pautalia (Jireček, A. E. M. Ö. X, p. 68), et ensuite, à une époque toute récente, par les fouilles qu'a entreprises le prof. Jordan Ivanoff; le résultat provisoire de ces fouilles fut exposé dans les Известия на българското арх. дружество I, 1910, p. 217—219, II, 1911, p. 263; cf. aussi à ce sujet l'*Arch. Anzeiger* 1910, col. 391 suiv., 1911, col. 362 suiv., 1912, col. 569 suiv. Les travaux furent interrompus par les guerres balkaniques et par la guerre mondiale; ils ne furent pas repris après la guerre et aucune publication plus détaillée n'a pas non plus paru à ce sujet.

² Cf. l'interprétation donnée par A. v. Domszewski dans le CIL III, p. 1337.

³ Le lexique de Pape-Benseler cite toutes ces deux formes, ce qui n'alla pas sans causer une certaine confusion; le lexique géographique bien connu de Cagnat et Besnier cite la forme *Pantalia* seule, comme le fait aussi l'index de l'opuscule de Perthes, *Atlas antiquus*.

⁴ Procopii Caesariensis opera omnia recogn. J. Haury III, 2, p. 106, également dans l'index à la p. 291.

⁵ CIL III 12336 = IGRR I 674 = Dittenberger Sylloge³ no. 888 = Preisigke, Die Inschrift von Skaptoparene (sic!).

2. Les inscriptions sur les pierres milliaires.⁶

3. Une inscription murée dans le pont appelé Kadinъ most, et provenant de Pautalia, qui fut découverte par Jordan Ivanoff.⁷

4. Une inscription d'Asklepieion d'Epidaure, dédiée aux divinités de Pautalia.⁸

On arrive au même résultat avec les inscriptions latines; le nom de la ville en question figure assez souvent dans les listes de prétoriens de la ville de Rome, soit en toutes lettres, soit sous une forme abrégée (*Pauta* ou bien *Paut*).⁹ Dans un seul cas, on rencontre la forme *Potelense*, naturellement dérivée de *Pautalensis*.¹⁰

Cette ville, comme toutes celles qui étaient situées dans la région, frappait à l'époque romaine ses propres monnaies; le matériel numismatique est assez copieux. C'est le numismate bulgare, M. Mouchmoff, qui s'appuyant surtout sur les collections du Musée National de Sofia a pu, jusqu'à présent, le recueillir le plus en détail;¹¹ ce matériel fut d'ailleurs encore complété à l'époque toute récente.¹² Sur toutes les monnaies jusqu'à présent connues, le nom de la ville est Πανταλία, et le nom des habitants Πανταλιῶται, avec les variantes habituelles aux terminaisons.¹³

Les témoignages littéraires donnent d'autres résultats; j'ai déjà dit que notre témoin le plus important, Procope de Césarée, emploie (dans les deux classes principales de ses manuscrits) la forme Πανταλία ou Πανταλεία. Un contemporain de Procope, Hieroclès, emploie la forme Πανταλία;¹⁴ dans les extraits

⁶ La meilleure transcription actuelle se trouve dans Kalinka, *Antike Denkmäler aus Bulgarien*, no. 47, 53, 61, 77.

⁷ Известия на българското арх. дружество I, 1910, p. 199, avec photographie n. 99.

⁸ IG IV 1030 = ed. minor 477; l'interprétation correcte à laquelle M. Fränkel donna son approbation, fut fournie déjà par Kavvadias.

⁹ CIL VI 2397 (cf. 32627), 2616, 2671 (et non pas 2761, comme l'affirme Domaszewski dans le même tome à la p. 1337 sous le no. XVII), 2772 (cf. 32659); il faut aussi ajouter no. 32624 (= Eph. epigr. IV, no. 894), 32626.

¹⁰ Cives prov. Tracie reg. Serdicens. midne Potelense sur l'inscription d'Esquilin, citée par K. Miller: *Itineraria Romana*, col. 579 suiv. s. v. *Peutalia* avec renvoi à Dumont, *Inscriptions de la Thrace*, p. 60, qui connaît cette inscription par Jireček.

¹¹ Античните монети на балканския полуостровъ etc., Sofia 1912, p. 231—245.

¹² Dans les travaux de Ruzicka (*Die Münzen von Pautalia*, Monatsbl. der numism. Gesellschaft, Wien 1915, le 27 octobre, *Die Münzen von Ulpia Pautalia*, Berl. Münzblätter 1916, p. 460). Cf. aussi la mention faite à ce sujet par Head, *Historia Numorum*², p. 287.

¹³ Une seule exception, paraît-il, est à faire pour la légende du revers de la monnaie décrite dans le vieux catalogue de Mionnet (I, p. 397, no. 232): ΠΑΝΤΑΛΕΩ · ΕΝ · ΠΑΙΩ; une fausse leçon est assez fréquente en ce qui concerne les monnaies que Mionnet lui-même n'a pas eues entre les mains: au lieu de ΕΝ · ΠΑΙΩ il faut lire ἐν Παιω(νίᾳ). Il ne faut pas exclure non plus l'éventualité d'une erreur commise par le graveur.

¹⁴ Hieroclès Συνέκδημος rec. Aug. Burckhardt, p. 14; les manuscrits offrent les variantes πανηλια et παταυλια.

d'Hieroclès faits sur l'ordre de Constantin Porphyrogénète, on voit déjà apparaître la forme Παντολία¹⁵.

La plupart des manuscrits de Claude-Ptolémée présentent également la forme Πανταλία, un seul seulement la forme Παταλία; la forme Πανταλία fut introduite dans le texte par Ch. Müller qui s'autorisait des monnaies.¹⁶ Sur la carte appelée *tabula Peutingeriana* se trouve seulement la forme *Peutalia*.¹⁷ Il est vrai que dans le lexique d'Etienne de Byzance se lisent Παταλία et Παιταλιώτης, mais, comme l'avait remarqué Ch. Müller au passage déjà cité, d'après l'ordre alphabétique, ces mots ne se trouvent pas à leur place. Le même savant a aussi tenu compte du frg. de Malchas¹⁸ dont les manuscrits présentent également la forme de Πανταλία.

Dans l'ouvrage intitulé *περὶ κτισμάτων*, Procope, contemporain de Justinien et qui est en général bien renseigné, donne un aperçu des résultats de l'activité constructrice de Justinien, qui fut admirable. Son témoignage a par conséquent beaucoup de poids. Devons-nous dans le livre IV, 1. 31 de son texte laisser la leçon du manuscrit, comme l'a fait également le dernier éditeur, ou bien corriger, comme le font, sans en parler, beaucoup de savants, quand ils citent Procope? Il n'est pas difficile de se décider sur ce point si l'on recourt aux témoignages épigraphiques et numismatiques. Mais même si l'on fait abstraction de ces derniers, on découvre dans un autre passage du même ouvrage de Procope la forme correcte de ce nom, non complète, mais abrégée en Παντά¹⁹; elle se trouve dans l'aperçu succinct des constructions de Justinien à la p. 122 dans l'argument (ὑπὸ πόλιν Παντά) où le contexte nous fait comprendre qu'il s'agit d'une seule et même ville: car immédiatement avant on lit l'argument ὑπὸ πόλιν Γέρομενε, et un peu plus loin (à la p. 126, col. 1, ligne 13) Ἐν χώρᾳ Ῥεμισιανίᾳ. Il n'y a aucun doute que ce soient en effet les villes qui dans le texte (IV, 1, 31) sont appelées Γερομαῆς (génitif du nom) et un peu plus loin Ῥομισιάνᾳ.

On ne saurait en conséquence mettre en doute la nécessité de reconstituer la forme Πανταλία aussi au passage IV, 1, 31, et également partout ailleurs, la forme Πανταλία étant une simple corruption dont l'origine remonte peut-être à l'étymologie populaire qui assimilait le mot à la forme grecque πάντα... Une altération de ce genre atteint le plus facilement les noms qu'on avait cessé d'employer dans l'usage courant; à ce sujet, il est intéressant de remarquer que Jordan Ivanoff a trouvé dans les ruines de Pautalia un sceau en plomb (μολιβδοβούλλιον) où se lit un nom de lieu tout à fait différent, Βελεβούδιον;

¹⁵ Cf. l'édition de Claude-Ptolémée de Ch. Müller I, 1, p. 486.

¹⁶ Cf. l'édition de Ch. Müller I, 1, p. 486.

¹⁷ K. Miller, *Itineraria Romana*, 1916, col. 579.

¹⁸ Frg. 48 (= FHG IV, p. 126).

¹⁹ J'ai démontré plus haut déjà (p. 132) que cette abbréviation se rencontre également dans les listes de prétoriens de la ville de Rome.

ce sceau provient du XIe siècle environ, époque à laquelle la ville s'appelait ainsi (= Velъbuždъ).²⁰ Enfin la désignation turque, *Küstendil*, tire son origine du nom que cette localité portait à l'époque où se produisit l'occupation turque, à savoir *Banja de Constantin*, d'après le nom du beg Constantin († 1394).²¹

Aussitôt que nous seront connus les résultats des fouilles bulgares à Küstendil, il sera peut-être possible de nous prononcer d'une façon plus précise sur la date du changement du nom de la ville. Mais notre raisonnement n'en sera nullement ébranlé: dans l'antiquité le nom de la ville était Πανταλία et nullement Πανταλία.

H. Usener²² faisait dériver le nom de Pautalia des racines grecques πανω et αλία—*aerumna*; il postulait sans doute une origine grecque de ce nom. Cela serait admissible seulement au cas où la ville aurait été fondée par les Grecs, mais étant donné que la ville en question était située profondément à l'intérieur de la presqu'île, son origine grecque est peu probable; il n'est pas possible de dire aujourd'hui dans quelles conditions la ville fut fondée et d'où le nom de cette ville prit origine.

²⁰ Cf. son rapport dans les *Извѣстія* I, 1910, p. 219, l'interprétation détaillée donnée par K. Jireček [Voyages en Bulgarie, Prague 1888, p. 400 suiv. (en tchèque)] et les mentions faites à ce sujet par F. Hýbl (*Hist. de la nation bulgare* I, 1930, p. 135 et 159). Le nom est certainement d'origine slave.

²¹ Cf. surtout l'interprétation donnée à ce sujet par Jireček, au passage cité dans la note précédente.

²² *Göternamen*, p. 312, n. 31, passage cité IG IV 1030.

N. A. MUŠMOV (Sofia):

UN SCEAU EN PLOMB DU TSAR KALOYAN (1196—1207).

Grâce au geste noble et généreux d'un vieux vétéran de la guerre de libération de la Bulgarie, M. N. OBRÉTÉNOFF, de Roustchouk, le Musée National de Sofia vient de s'enrichir d'un sceau en plomb du tsar bulgare Kaloyan. Il faut également remercier le professeur V. Béchévlieff d'avoir découvert ce sceau et d'en avoir avisé la direction du Musée. Cette découverte est d'une grande importance pour l'histoire bulgare, car on n'a retrouvé jusqu'à présent ni sceau, ni monnaies de Kaloyan alors qu'on en possédait même du prince Boris-Michel (825—889), et d'autres tsars bulgares.

Donnons-en la description: Sur l'avvers est représentée, debout à droite, l'effigie de la Vierge avec une auréole, enveloppée d'un *maphori* qui descend jusqu'au-dessous des genoux, les bras élevés vers le ciel en signe de prière, avec la légende abrégée *ѿ ѿца* (Ste Vierge). Au-dessus du dernier mot est placée une branche d'olivier; tout était dans un cercle de grénétis. De l'autre côté nous avons, en quatre lignes, en caractères bulgares, la légende suivante: *✝ Калѡѣн цр бѡгарѡм ✝*. Les lettres de la légende sont nettes, grosses, d'une hauteur de 6 millimètres. Le tout était dans un cercle de grénétis. La légende est remarquable par sa brièveté et sa simplicité. On n'y voit pas d'autres titres que celui de tsar des Bulgares, il n'y a pas non plus de ces invocations aux saints si coutumières aux empereurs byzantins. Le nom de Kaloyan a été écrit selon l'orthographe du XIIIe siècle avec l'e double (*ѣ*) et non avec l'я justement comme c'est le cas dans l'inscription de l'église de Boyana où l'on trouve le nom de sebastokrator Kaloyan,¹ écrit de la même façon: *Калѡѣн*. Dans la légende du sceau on ne voit pas figurer les lettres *ѡ* et *ѣ*. Le sceau a 32 mm. de diamètre. Il est parfaitement conservé à l'exception des deux extrémités où les trous par lesquels passait le fil, sont un peu élargis. Malgré ces légers dégâts dont ont souffert les pieds de la Vierge et la moitié gauche de la lettre *м*,

¹ Grabar A., Monuments de l'art en Bulgarie, L'Église de Boyana, p. 3, Sofia 1924.

la légende est restée nette et lisible, ce qui est très rare surtout pour des sceaux en plomb qui sont exposés au travail destructeur du temps et aux influences atmosphériques.

Il est certain que Kaloyan est le seul parmi les rois bulgares qui eût jugé nécessaire d'avoir ses propres monnaies et, à cet effet, il s'adressa au pape Innocent III en sollicitant de lui l'autorisation de porter la couronne et le droit de frapper les monnaies. Flatté par la politesse du tsar bulgare, ou influencé par certaines considérations politiques, le pape conféra cette autorisation au tsar Kaloyan² qui régna ensuite encore quatre années. Malgré cela aucune monnaie, aucun sceau de l'époque de Kaloyan n'était connu jusqu'à présent. On n'a pas encore découvert de monnaies de ce tsar bulgare.

La découverte du sceau nous autorise en outre à supposer qu'au cours de quatre années qui suivirent l'obtention de l'autorisation, Kaloyan a frappé des monnaies. On est également fondé à supposer que le tsar bulgare ait éprouvé le besoin d'avoir ses propres monnaies pour des raisons économiques ou politiques. Le fait qu'on n'a pas trouvé jusqu'à présent de monnaies de Kaloyan ne tranche pas la question de même qu'il n'était pas possible d'affirmer, avant la découverte d'un de ses sceaux, l'existence de ceux-ci. Il en était de même pour d'autres tsars bulgares. Naguère encore on ne savait pas si les tsars bulgares Assène II, Georges Ier le Terter et Constantin-Assène avaient frappé des monnaies. Aujourd'hui leurs monnaies nous sont connues. Il serait invraisemblable d'admettre que Kaloyan ait renoncé à frapper des monnaies après en avoir obtenu l'autorisation. Une telle supposition est dépourvue de toute logique! Il faut croire qu'il a frappé ses propres monnaies et que, tôt ou tard, on en découvrira.

Jusqu'à présent on connaît des sceaux des tsars, de leurs familles, des bolides bulgares suivants: Le prince Boris-Michel (852—889), deux exemplaires en plomb, l'un au Musée National de Sofia,³ l'autre au Musée de Varna;⁴ Pierre (927—969), modèle de sceau en bronze;⁵ en plomb: Aaron⁶ et Aloussian,⁷ fils du dernier tsar de la Bulgarie occidentale, Ivan-Vladislav (1015—

² *Migne*, *Patrologia latina*, t. 215, p. 280... publicam in regno tuo cudere monetam tuo charactere insignitam liberam tibi concedimus facultatem.

³ *Мушмовъ Н. А.*, Новооткрити сръдновѣковни печати отъ България, dans *Известия на Българския Археол. Институтъ*, t. V, 1928/1929, p. 225—230.

⁴ *Мушмовъ Н. А.*, Монетитѣ и печатитѣ на българскитѣ царя, 1924, p. 157. — *Škorpil K.*, Печатътъ на княза Борисъ Михаилъ dans les *Byzantinoslavica* III/1. 1931, p. 2-4, Табл. 1. 1-2.

⁵ Le même, Новооткрити сръдновѣковни печати отъ България, dans les *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. V. p. 230—239.

⁶ *Schlumberger*, *Sigillographie de l'empire Byzantin*, Paris 1884, pp. 316—317.

⁷ Publié par *Konstantopoulos*, Βυζαντινα καὶ μολιβδόβουλλα Συλλογὴ Ἀναστασίου Κ. Π. Σταμούλη, Athènes 1930, p. 23 pl. III. N° 21 attribué à Aloussian par *M. Lascaris*, dans les *Byzantinoslavica* II, 1930, p. 424.

1018); de son neveu Samuel, fils d'Aloussian;⁸ du proèdre et duc Radomir-Aaron, fils d'Aaron, mentionné ci-dessus et neveu du tsar Ivan-Vladislav;⁹ du protospathère Sermon (fin du XIe siècle);¹⁰ du tsar Assène Ier (1186—1196);¹¹ du tsar Boril (1207—1218).¹² On attribue également un sceau en plomb au tsar Ivaïlo (1278—1279).¹³ Il existe des sceaux en or du tsar Assène II (1218—1241),¹⁴ de Constantin-Assène (1258—1277);¹⁵ d'Ivan-Alexandre (1331—1371).¹⁶ On connaît de ce dernier tsar un sceau en argent;¹⁷ il y a aussi un sceau en or (?) du tsar Ivan Chichman (1371—1393) qui n'est, à mon avis, qu'une imitation,¹⁸ enfin le sceau du tsar Kaloyan que je reproduis ici.

Des sceaux énumérés plus haut, le Musée National de Sofia possède seulement ceux de Boris, d'Aloussian, d'Assène Ier, de Boril et de Kaloyan.

Le type du sceau de Kaloyan convient plus au goût et aux conceptions du prince Boris-Michel qu'à ceux d'Assène Ier et de ses héritiers. Les sceaux de Boris seulement nous présentent, sur l'un des côtés, le buste de La Vierge et sur l'autre côté, celui du Christ.¹⁹ La légende en grec ne se rencontre que sur

⁸ *Златарски*, Моливдовулъ на Самуила Алусианъ. Известия Бъл. Археол. Инст. I, 1921, pp. 86—101.

⁹ *Lascaris M.*, Sceau de Radomir-Aaron, *Byzantinoslavica* III/2. 1931, Praha, pp. 3—11.

¹⁰ *Schlumberger*, *ibid.* p. 697.

¹¹ *Добруски*, dans Сбор. за Народ. умотвор. XVIII, p. 813 et suiv. — *Revue Numismatique* 1901, p. 258; *Мушмовъ*, Монетитъ и печатитъ на българ. царя, p. 158, pl. VI. 243.

¹² *Добруски*, *ibid.*; *Мушмовъ*, *ibid.*

¹³ *Панченко*, Известия Русскаго Археол. Института въ Константинополъ, т. XIII, 1908, p. 148, pl. VIII. 6. — *Мушмовъ*, *ibid.* p. 159, pl. VII. 245.

¹⁴ *Смоиловъ*, Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, Berlin 1908, p. 81—96. — *Мушмовъ*, *ibid.* p. 160.

¹⁵ *Мouchmov*, *ibid.* p. 161.

¹⁶ *Ильинский*, Грамоты болгар. царей dans Древности. Труды Слав. Ком. 1911, т. V. p. 24—26, грамота № 4. — *Мушмовъ*, *ibid.* p. 161, pl. VI. 248.

¹⁷ *Мушмовъ*, *ibid.* p. 163, 250, pl. VI. 250.

¹⁸ Сборникъ на Министер. на Народ. Просвѣщение XVIII, 1901, p. 816—818. — *Минало*, год. I, 1909, p. 400—411. — *Ильинский*, *op. cit.* pp. 26—29, 33—34, pl. № 6. — *Ивановъ*, *Йор.*, Св. Ив. Рилски и неговиятъ манастиръ, Издание на Бълг. Акад. на наукитъ 1917, p. 151—152. — *Мушмовъ*, *ibid.* p. 162—163, pl. VI. 249.

¹⁹ Cette circonstance a donné lieu à V. Laurent de publier dans le *Byzantion*, t. V., fasc. II (1929—1930), p. 600, la note suivante concernant les deux sceaux d'archonte de Bulgarie, Michel (prince Boris Michel). « Il existe deux exemplaires absolument identiques de ce sceau, l'un conservé au Musée National de Sofia et l'autre au siège de la Société archéologique de Varna dont le Bulletin (t. VII, 1921, p. 114, 115) l'avait d'abord fait connaître. M. Mouchmoff, dans son article du *Bulletin de l'Institut archéologique bulgare*, attribue la molybdobulle au roi Boris-Michel [865—888 (sic!)] . Il faut ici encore mettre une forte réserve. Ce serait bien là le plus ancien sceau conservé des souverains bulgares. On peut à la rigueur admettre que les tsars aient employé le grec pour composer la légende de leurs bulles. Mais comment en ce cas, ne s'y seraient-ils pas fait, tout comme leurs collègues de Byzance, représenter eux-mêmes? Le fait que le type du Christ est copié sur les monnaies en or du *basileus* Michel III, parrain du roi Boris-Michel, n'est pas décisif. Et nous sommes plutôt portés à croire que le propriétaire de ces deux petits monuments pourrait bien

les sceaux de Boris-Michel et d'Ivaïlo, sur tous les autres sceaux des tsars bulgares la légende est en caractères bulgares. Le sceau de Kaloyan nous démontre aussi qu'il ne faut pas s'attendre à voir nécessairement les effigies des tsars bulgares sur leurs sceaux, quoique la plupart de ces derniers aient été conçus d'après la manière byzantine, c'est-à-dire portant d'un côté l'effigie du tsar et de l'autre celle d'un saint.

Le sceau du tsar Kaloyan constitue un monument de grande importance pour l'histoire bulgare et un précieux apport à la jeune sigillographie bulgare.

n'être qu'un gouverneur byzantin de la Bulgarie, du nom de Michel, par ex. Michel Saronitès que l'on trouve vers 1075, ou tout autre homonyme plus ancien, que les sources ne nous ont pas fait connaître. »

Quant à la légende des sceaux je dirai à M. Laurent qu'il était impossible en ce temps-là d'user de l'alphabet slave pour la simple raison, qu'il n'était pas encore découvert. En ce qui concerne le type, je persiste à croire qu'il a été copié d'après les monnaies en or de Michel III, parrain de Boris-Michel, ainsi qu'il a pris son nom. Par conséquent, les deux sceaux en question attribués à Boris-Michel ne peuvent-être attribués à aucun autre archonte de Bulgarie qu'au prince Boris-Michel.

НАМЪСТНИЦИ-УПРАВИТЕЛИ НА БЪЛГАРИЯ ПРЕЗЪ ЦАРУВАНЕТО НА АЛЕКСИЯ I КОМНИНЪ.

Последниятъ, известенъ отъ хрониката на Ивана Скилица, управителъ на България билъ Александъръ Кавасила, дука на Скопие, презъ царуването на императоръ Никифора Вотаниата.¹ Кой е билъ неговъ непосредственъ преемникъ, остава засега неизвестно; следниятъ, познатъ по име, управителъ се отнася, както ще видимъ, къмъ 1096 год. Обаче не подлежи на никакво съмнение, че както между тия двама, тъй и следъ втория е имало и други управители; това ще покажатъ следнитъ редове.

I.

Между писмата на българския архиепископъ Теофилакта Охридски (1091—1108) има две писма, 4-о и 12-о въ сбирката на Ивана Ламия, адресирани до «Ивана Дука, шурей на императора»,² или брата на императрица Ирина, или внука на българина Трояна, сина на българския царъ Ивана-Владислава (1015—1018). Въ първата по-голяма частъ на първото (4-о) отъ споменатитъ тукъ писма Теофилактъ съ изрази отъ св. Писание възхваля неговитъ подвизи, а именно, че «той строшилъ главата на змейоветъ по водата» и че «смазалъ главата на дракона (Псал. 73, 13—14), и макаръ и да движи той сега опашка, и се вижда, че е живъ, обаче съдешитъ право, като насъ, получилитъ животъ отъ тебе, който си добилъ властъ да настѣпвашъ на всѣка вражеска сила (Лук. 10, 19), се присмиваме на оногова, който се е похвалилъ прѣкомѣрно и казалъ: ще обхвана съ ржката си вселенната и ще залича морето и ще махна всички, като изоставени яйца» (Исайя, 10, 14).³ Нѣма никакво съмнение, че, когато Теофилактъ писалъ горнитъ думи, той е ималъ предъ видъ военнитъ успѣхи по море и победата на Ивана Дука надъ селджукскитъ пирати и тѣхния емиръ Чаха, който отъ 1089 г. на 40 кораби завоювалъ много византийски приморски градове и острови, а въ 1092 год. завладѣлъ Смирна и се прогласилъ за «василевсъ». Про-

¹ Skylitzes, ed. Bon., II, p. 743, 1—2: Σκοπίων δὲ δοῦξ προεβλήθη ὁ Καβασίλος Ἀλέξανδρος.

² Migne, Patrologia gr., t. 126, за 4-о писмо col. 509 B: Τῷ σεβαστῷ Ἰωάννῃ τῷ γυναικαδέλφῳ τοῦ βασιλέως, а за 12-о col. 521 C: Τῷ γυναικαδέλφῳ τοῦ βασιλέως κυρῷ Ἰωάννῃ. Вж. митроп. Симеонъ, Писмата на Теофилакта Охридски, архиепископъ български. София 1931, стр. 193—194 и 208—209.

³ Migne, ib., col. 509 D—512 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 194.

тивъ него билъ изпратенъ въ сѣщата 1092 год. Иванъ Дука съ титла «величайши дука» (μέγιστος δούξ) надъ флотата за противодействие. Въ действията си противъ селджукскитѣ пирати Иванъ Дука не сполучилъ да стори нѣщо лично на Чаха, защото следъ нанесеното му поражение по море, последниятъ се оттегилъ въ Смирна и почналъ да приготвя нова флота, за да продължи борбата. Очевидно, когато Теофилактъ е писалъ, какво «драконътъ движи все още опаска и показва, че е живъ», той е ималъ предъ видъ тъкмо посочения моментъ.⁴ Въ втората по-малка частъ на писмото се чете: «Продължавай, прочее, да подражавашъ на Бога въ благостта, не пожелавай никому никакво зло и бжди благостенъ къмъ всички, а най-много къмъ помилванитѣ отъ самого начало, каквито сме ние, на които би сторилъ велико благодеяние, ако би удостоилъ съ милостъ нашитѣ роднини въ Еврипъ и ако би доказалъ на живѣшитѣ въ Еллада, че ти, памсевастътъ, застъпникътъ на всички, зачиташъ архиепископа повече отъ всѣкиго другиго. И тъй направи радостта ми пълна въ лицето на моитѣ роднини, като ги покровителствувашъ въ всичко.»⁵

И тъй, отъ първата частъ на 4-о писмо се установява, че то било написано не по-рано отъ 1093 год., а отъ втората —, че Иванъ Дука, следъ като усмирилъ и възстанието на островитѣ Критъ и Кипъръ,⁶ се върналъ въ столицата въ 1093 год., въ която и Чаха билъ убитъ, и получилъ нова длъжностъ. Каква и де е била новата му длъжностъ, ще ни покаже току що приведената втора частъ отъ сѣщото писмо.

Въ нея архиепископътъ моли Ивана Дука да удостои съ милостъ роднинитѣ му въ Еврипъ, родния градъ на Теофилакта на о-въ Евбея (себ. Негропонтъ)⁷ и да докаже на живѣшитѣ въ Еллада, че той зачита архиепископа повече отъ всѣкиго другиго. Тия две данни сж достатъчни да ни убедятъ, че когато това писмо било писано, Иванъ Дука се намиралъ и живѣлъ въ Еллада и че, ако е могълъ да раздава тамъ милости, той ще да е заемалъ въ Еллада важна длъжностъ, а тая длъжностъ не е могла да бжде по-долна, особено следъ победитѣ му, отъ оная, която той заемалъ въ Драчъ, т. е. той е билъ дука на тема Еллада, която въ XI. вѣкъ била присъединена къмъ тема Пелопонесъ и била образувана една тема «Еллада и Пелопонесъ» съ гл. градъ Атина или Тиви. Въ началото на Алексиевото царуване тамъ билъ управителъ (παρίτωρ) кате-панъ протопроедъръ Константинъ Хиросфактъ, който игралъ важна

⁴ *Annae Comnenae*, Alexias, lib. IX, cap. 1 et 3, ed. Teubn. II, p. 28–32, 35–36. — F. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène* (1081–1118), Paris 1900, p. 126–127, 146–147. — Г. Ф. Герцбергъ, *Исторія Византии*, Москва 1896, стр. 267–268.

⁵ *Migne*, ib. col. 512 B. — У митр. Симеона, п. т., стр. 194.

⁶ *Anna Comnena*, lib. IX, cap. 2; ib. II, p. 33–35.

⁷ Ср. Дюканжовия списъкъ на охридскитѣ архиепископи. Йор. Ивановъ, *Български старини наъ Македония*, 2-ро издан. София 1931, стр. 567, № 13.

роля презъ войната съ Роберта Гюискара (1081—1085).⁸ Кой е билъ следъ него непосредно управитель на тема Еллада и Пелопонесъ, не се знае; но възъ основа на даннитѣ въ нашето писмо ние можемъ да твърдимъ съ положителностъ, че отъ или веднага следъ 1093 год. такъвъ е билъ Иванъ Дука. Но въ приведения пасажъ се казва, че Теофилактъ принадлежалъ «къмъ помилванитѣ (разбира се, отъ Ивана Дука) отъ самото начало», т. е. откакъ архиепископътъ влѣзълъ въ допиръ съ него, а това право сочи, че Теофилактъ и Иванъ Дука нѣкога сж живѣли и действували заедно и сж били близки и се разбирали единъ съ другъ, както показва и подканата на архиепископа къмъ Ивана Дука да го зачита повече отъ всѣкого другого. Де е могло това да стане, ще ни покаже съдържанието на посоченото по-горе 12-о писмо въ сбирката на Ламия.

Това писмо се почва така: «Сега разбрахме, какво слѣнце имаме, а ние жумѣхме. Сега ни сж сладки прелеститѣ на пролѣтѣта. Ти отвърна лицето си, и всички се смутихме. Чезнемъ за кротостѣта ти, търсимъ смиреностѣта ти, приветливостѣта ти къмъ всички и радушностѣта ти. Уви! колко добрини изгубихме! Да премълчимъ ли благотворителностѣта и щедрата ти ржка, почитителностѣта и чловѣколюбието ти и снизхождението ти къмъ всички, които посветиха себе си Богу? Знай, че всичко това изповѣдва мало и голѣмо. Явно е, че за тия добродетели ти ни бѣше подаренъ отъ Бога, а за нашитѣ грѣхове ни напусна и си запазенъ отъ Бога, за да бѣдешъ за други спасителъ и подателъ на всѣка благодѣль. Богъ като първомайсторъ води тебе, остроумния ученикъ, къмъ най-велики дѣла, които ти дава като вещество, за да проявишъ и въ тѣхъ своята способностъ. Като се основавамъ на тия ненадминати за възрастѣта ти твои добродетели, надѣвамъ се, че ще излѣзешъ въ всичко по-способенъ и по-изкусенъ отъ всички други. Ако и да ни си напусналъ, ти все пакъ ще облагодетелствуваши България и ще я удостояваши съ божественитѣ си грижи, които отличаватъ всичкитѣ ти дѣла. И сега ти не ни остави съвършено.»⁹

Едвали би се намѣрилъ нѣкой, който да не остане убеденъ отъ гореприведения пасажъ, че Иванъ Дука е живѣлъ известно време въ България, както най-ясно показватъ подчертанитѣ тукъ изречения, и при това ще да е заемалъ важна длѣжностъ, защото въ България той проявилъ благотворителностъ, щедростъ, почитителностъ, чловѣколюбие и снизходителностъ къмъ духовенството изобщо. Всичко това знаело мало и голѣмо. Такива добри качества и тѣй нашироко е могълъ да прояви само човѣкъ, който е ималъ властъ и значение; очевидно, Иванъ Дука

⁸ Вж. *Anna Comnena*, lib. III, cap. 10; ib. I, p. 120, 23—122, 4. — Ср. *Н. Скабалановичъ*, Византийское государство и церковь въ XI вѣкѣ. С.-Петербургъ 1884, стр. 222—223. — *F. Chalandon*, п. т., стр. 68—70.

⁹ *Migne*, ib. col. 521 C—524 A. — У митроп. *Симеона*, п. т., стр. 208—209.

не е могъл да бжде друго, освен управител на България и едновременно, както видяхме, съ архиепископ Теофилакта. Че Иванъ Дука е бил управител на България, се установява и отъ 17-о му по Ламия писмо, въ което се съобщава, че той издавалъ въ България и сѣдебни решения,¹⁰ каквито да издава е могълъ само управителътъ на една област или страна, защото въ неговитѣ рѣше се намирала и гражданското управление.¹¹ Но кога е заемалъ той тая длъжностъ? Споредъ Анна Комнина, Иванъ Дука билъ извиканъ, за да бжде изпратенъ въ 1092 год. противъ Чаха съ флотата, както видяхме, направо отъ Драчъ, гдето той прекаралъ единайсѣт години като драчки дука. Тукъ обаче Анна трѣба да има грѣшка. Преди войната съ Роберта Гюискаръ драчки дука билъ назначениетъ отъ Никифора Вотаниата Георги Мономахатъ, но следъ завземането на престола отъ Алексия I Комнинъ той билъ замѣненъ още въ 1081 год. отъ Георгия Палеологъ,¹² баджанакъ на императора, който взелъ деятелно участие въ защитата на Драчъ противъ норманитѣ. Следъ свършването на войната въ 1085 год., споредъ Анна, за драчки дука билъ назначенъ веднага Иванъ Дука, както за да брани крепостта на Драчъ, тъй и за да воюва противъ сѣрбитѣ, които постоянно нападали драчката област.¹³ И тъй, ако назначението му за драчки дука по никой начинъ не може да се отнесе по-рано отъ 1085 год., то ясно е, че Иванъ Дука не е могълъ да прекара въ Драчъ единайсѣт години, а много по-малко.

Но у Анна Комнина има и друга една бъркотия и дори несъобразностъ. Като пише за събитията, станали презъ 1091 год., тя споменува, че, когато Алексий I, отивайки въ походъ противъ сѣрбитѣ, стигналъ въ Пловдивъ, той получилъ отъ тогавашния български архиепископъ писмо, въ което му съобщавалъ, че драчкиятъ дука, неговиятъ братанецъ Иванъ Комнинъ, синъ на по-стария Алексиевъ братъ, севастократоръ Исаака, замислялъ отцепване.¹⁴ Отъ това известие става явно, 1. че Иванъ Дука билъ замѣстенъ отъ Ивана Комнинъ, най-голѣмия синъ на севастократоръ Исаака Комнинъ и 2. че това замѣстяне е станало по-рано отъ 1092 год., и то не по-късно отъ 1090 год., защото едвали тогавашниятъ български архиепископъ би могълъ да скрои своя доносъ още веднага следъ назначаването на Ивана Комнинъ за драчки управител и следъ пристигането му въ Драчъ.¹⁵ Къмъ тая междина отъ

¹⁰ Migne, ib. col. 532 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 216. — Вж. тукъ по-долу, стр. 34.

¹¹ В. Г. Васильевскій, Рецензия на книгата на Успенски, Образование втораго болгар. царства. ЖМНПр. ч. 204 (1879), стр. 156, 324—325.

¹² Anna Comnena, lib. III, cap. 9; ib. I, p. 119, 24—31.

¹³ Ibidem, lib. VII, cap. 9; I, p. 252, 21—29.

¹⁴ Ibidem, lib. VIII, cap. 7; II, p. 19, 19—23.

¹⁵ А. Петровъ, Князь Константинъ Бодинъ. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго. С.-Петербургъ 1883, стр. 256, прим. 3, приема за замѣстването на Ивана Дука съ Ивана

1090 до 1092 год., споредъ насъ, Иванъ Дука е заемалъ длъжността управител на България; а пъкъ като се вземе подъ внимание почналата се къмъ това време вражда между Комниновци и Дуковци,¹⁶ то едва ли ще бждемъ далечъ отъ истината, ако приемемъ, че както замѣстването на Ивана Дука съ Ивана Комнинъ трѣба да се постави въ връзка съ тая вражда между двата рода, тъй и доносьтъ на българския архиепископъ, въ когото несъмнено трѣба да видимъ самия Теофилакта,¹⁷ ще да е билъ съставенъ подъ влиянието и настояването на Ивана Дука по силата на сѣществуващото тогава разположение на Дуковци къмъ Теофилакта и на привързаността на последния къмъ първитѣ. Отъ друга пъкъ страна, като се вземе предъ видъ това обстоятелство, че самиятъ донось следъ направеното отъ императора разследване се оказалъ свършено лъжливъ,¹⁸ то и извикването на Ивана Дука отъ България и изпращането му противъ Чаха, очевидно, се явява като последица отъ сѣщия донось, отдаденъ, може би, на Ивана Дука по подозрение; впрочемъ, това се доказва и отъ следнитѣ думи на самия Теофилактъ въ разгледваното писмо: «Явно е, че за тия добродетели ти ни бѣше подаренъ отъ Бога, а за нашитѣ грѣхове ни напусна.» Наистина, Анна твърди, че императорътъ, «като знаелъ отъ много опити, какво тоя Иванъ Дука билъ твърде воинственъ, изкусенъ въ военнитѣ работи и неразположенъ да отмѣнява каквото и да било въ императорскитѣ наредби, понеже се нуждаелъ сега тъкмо отъ такъвъ човѣкъ, за да го противопостави на Чаха, извикалъ го оттамъ... и изпратилъ противъ Чаха;¹⁹ но все пакъ обстоятелството, че следъ като свършилъ така благополучно и съ такъвъ успѣхъ мисията си въ войната противъ емира Чаха, Иванъ Дука билъ назначенъ за управител на тема Еллада и Пелопонесъ, показва, че връщането му въ България било невъзможно тъкмо поради неприязненитѣ отношения между младитѣ представители на двата управляващи рода. Както и да било, но не подлежи на никакво съмнение, че Иванъ Дука е билъ управител на България презъ 1090—1092 год., и Теофилактъ, следъ пристигането си въ Охридъ като български архиепископъ презъ първата половина на 1091 год.,²⁰ заварилъ го вече тамъ, но съ него прекаралъ само кѣсо време (ок. 1 година). Ако Анна не от-

Комнинъ 1090 год., когато *F. Chalandon*, п. т., стр. 145, приема 1091 год., което не може да се приеме вече по посочената причина.

¹⁶ Вж. *В. Г. Васильевскій*, Теофилактъ Болгарскій и его сочинения. Прилож. III. къ его изслѣдованію «Византия и печенѣги» въ Труды его. т. I. Петербургъ 1908, стр. 139—143.

¹⁷ Тоя въпросъ подробно е разгледанъ у митр. *Симеона*, п. т., стр. 185—186 и особ. 201—203.

¹⁸ *Anna*, lib. VIII, cap. 7; II, p. 19, 23—23, 14.

¹⁹ *Ibidem*, lib. VII, cap. 9; I, p. 253, 2—10.

²⁰ Ние приемаме тая 1091 година за пристигането на Теофилакта въ България като най-вѣрна и тъй документирано установена отъ *В. Г. Васильевски*, казн. рецензия, п. т., стр. 158—161.

белязва всичко това, то е, или защото Иванъ Дука прекаралъ въ България кратко време, или защото тя избѣгвала да пише за работи, които биха извадили наяве враждата между Комниновци и Дуковци, и въ случая тя би трѣбало да каже и причинитѣ за смѣняването на Ивана Дука съ Ивана Комнинъ, и затова предпочела да не споменува нито за едното, нито за другото тѣй, както тя намѣрила за добре да премълчи и името на българския архиепископъ, което тя не е могла да не знае.

Разгледваното тукъ писмо е писано отъ Теофилакта, когато Иванъ Дука билъ вече управителъ на тема Еллада и Пелопонесъ, и то наскоро следъ 4-о писмо, както това показва заключителното изречение въ него: «Бъди за насъ беднитѣ и за *нашитѣ* роднини застъпникъ ... и ни помагай съ голѣмата си дѣсница», т. е. Иванъ Дука все още се намиралъ наблизко до неговитѣ роднини въ тема Еллада и Пелопонесъ и е могълъ да имъ помага съ своята пълна съ властъ дѣсница. Това се потвърждава и отъ следното изречение: «И слънцето (т. е. Иванъ Дука), ако и да е по на югъ отъ севера, все пакъ грѣе и оживотворява съразмѣрно не съвсемъ близкитѣ страни.» Тукъ подъ «югъ» се разбира, споредъ насъ, Еллада, която се намира по на югъ отъ севера, т. е. България, днешна Македония — две страни не съвсемъ близки, т. е. тѣ не сж съседни. Иванъ Дука е правилъ услуги и добрини на Теофилакта и порано, когато билъ управителъ на България, както това ще покаже поводътъ за написването на самото писмо.

«Така и ние, продължава Теофилактъ, се наслаждаваме отъ твоитѣ лъчи въ Пелагонийската страна. И бихме се наслаждавали още повече, ако селцето Могила, въ което се намира старо наше дворище,²¹ би се дало на твоята покровителка Богородица съ покланяема и уважаема твоя сигилия, а (настанилиятъ се) въ него (дворището) Романъ Страво-романъ,²² който, затлъстѣлъ чрезъ църквата, бѣснѣе противъ нея, би

²¹ Въ текста у Migne'я стои думата αἰλή, подъ която се разбира дворно оградено мѣсто вътре съ постройки за живене и за добитѣкъ и съ широко селско стопанство — като сегашнитѣ стопанствени имоти — тур. чифликъ.

²² Въ текста сжщо у Migne'я за това име стои Ῥωμανὸς Ὀστροχωρῶνός, което още Успенски изправи по ватиканския преписъ на Теофилактовитѣ писма на Ῥωμανὸς ὁ Στραβορῶνός (Образование втораго болгарскаго царства. Одесса 1879, стр. 22, прим. 2). — Единъ отъ приврѣженцитѣ на Никифора Вотаниата, който билъ отъ фригийския Пентаполь, мжжъ силенъ и деятеленъ, изкарвалъ рода си отъ прадѣдитѣ на Никифора Вотаниата (N. Bryennius, ed. Вop., p. 130, 17—20), носилъ сжщото име и билъ протопроедъръ и великъ етериархъ (Skylitzes, ib., II, p. 726, 7—8: Ῥωμανὸς πρωτοπρόεδρος καὶ μέγας ἐταρειάρχης Στραβορῶνός). Той взелъ деятелно участие въ Мала Азия при свалянето на Михаила VII Дука въ 1077—1078 г. (вж. Skylitzes, ib., p. 735—736, 744. — Zonaras, ib., p. 231, 29—232, 8 — Anna Comnena, lib. II, cap. 5; I, p. 71, 4—72, 5). Едвали може да се приеме, че това е била една и сжща личностъ; нашиятъ Романъ по-скоро е билъ родника на стария византийски пълководецъ. — Вж. и митроп. Симеона, п. т., стр. 219. — Съ сжщото презиме Ставо-романъ сж известни двата современни на Алексия I Комнинъ писатели, Мануилъ и Никифоръ. Вж. K. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litteratur. 2-te Aufl. München 1897, S. 464.

се отблъсналъ (соб. изтикалъ) чрезъ заплахитѣ на моя господарь, като се даде заповѣдь на войската относно него и другитѣ хора, щото да се не позволява никому (да действува) противъ насъ, които всѣкога се молимъ за твоего преуспѣване, всѣкога разгласяме похвалнитѣ ти дѣла и изказваме нашитѣ благодарности не по-лошо отъ всѣки другъ, за да не кажемъ по-добре отъ Романа и отъ много други.»²³

И тъй въ селцето Могила въ Пелагонийската областъ²⁴ архиепископската църква Св. Богородица (сега наричана Св. Климентъ) въ Охридъ, или по-добре Охридската архиепископия притежавала единъ старъ стопанственъ имотъ (чифликъ), а самото село, очевидно, било дадено въ владение на архиепископията отъ Ивана Дука, когато билъ управителъ на България, и поради това Теофилактъ пише, че «се наслаждава отъ неговитѣ лъчи въ Пелагонийската страна». Презъ даденото време (1093 год.) въ тоя имотъ заседналъ нѣкой-си Романъ Стравороманъ, който или е държалъ страната на Теофилактовитѣ противници — финансовитѣ чиновници, или пъкъ се е броилъ между последнитѣ, и, очевидно, искалъ е да присвои тоя църковенъ имотъ. Теофилактъ, вѣроятно, защото не е билъ още назначенъ новъ управителъ на България, по силата на предишната си съвмѣстна дейность и приятелство се обърналъ съ молба къмъ Ивана Дука, не само съ заплахи да принуди Страворомана да освободи завзетия отъ него църковенъ имотъ и да се заповѣда на войската да не позволява нито нему, нито на други хора да действуватъ противъ архиепископа, но и да издаде своя сигилия за преминаването на цѣлото село въ владение на църквата, т. е. Иванъ Дука да му издаде документъ, съ който да се потвърди, че село Могила е дадено на църквата, още когато той билъ управителъ на България.

И въ дветѣ разгледани тукъ писма Теофилактъ все още не се оплаква отъ своитѣ противници тъй силно, както въ по-къснитѣ си писма, а това иде още единъ път да установи, че тия писма архиепископътъ е писалъ наскоро, т. е. презъ първитѣ години следъ пристигането си въ Охридъ като български архиепископъ и преди да бѣ влѣзълъ още въ открита борба съ финансовитѣ чиновници — главно бирницитѣ и другитѣ си врагове.

II.

Следниятъ известенъ управителъ на България се споменува по случай преминаването на крѣстоносцитѣ отъ първия походъ презъ Балканския полуостровъ. Каноникътъ на Ахенската църква Албертъ (Albertus Aquisensis) отъ срѣдата на XII. вѣкъ, който е описалъ първия крѣстоно-

²³ *Migne*, ib. col. 524 A-B. — Митр. Симеонъ, п. т., стр. 209.

²⁴ Това село и днесъ съществува въ Битолско, на с.-из. отъ Битоля, източно отъ главния пътъ (шосе) Битоля—Прилепъ.

сенъ походъ до 1211 год., разказва, че когато Валтеръ Голакъ стигналъ съ дружината си въ Малевила (Malevilla, сег. Землинъ, сръб. Земунъ) и следъ като преминалъ Дунавъ на кораби при «българския градъ Белеграва» (Belegraua ciuitas Bulgarorum, сега Бѣлградъ при вливането на р. Сава въ Дунавъ) и разпъналъ палатките си наблизю до стениѣ на града, той се обърналъ къмъ «княза на българитѣ и управителя на града» (a Principe Bulgarorum et magistratu ciuitatis) да иска позволение да купи въ града храна за себе си и войската си.²⁵ По-нататъкъ въ разказа на Алберта сѣщиятъ тоя princeps се нарича «dux et princeps terrae, dominus terrae, и най-сетне му дава и собственото име: Duce Nichita nomine, principe Bulgarorum et praeside ciuitatis Belegrauae.²⁶ И тъй, споредъ Алберта Ахенски, Никита билъ dux, princeps Bulgarorum, dux et princeps terrae, dominus terrae и praeses ciuitatis Belegrauae. Наричайки Никита «господаръ на (българската) земя» и «князь на българитѣ», Албертъ е искалъ, очевидно, да изтъкне, че съ титлата *dux* се е свързвала по-широка власт, т. е. че Никита билъ не простъ воевода, вождъ на българитѣ, а «господаръ», «князь», и въ случая императорски намѣстникъ, или дука-управитель на България.²⁷

Тоя нашъ изводъ получава своята подкрепа отъ надписа на единъ моливдовуль, който е известенъ въ два екземпляра и несъмнено принадлежи на нашия дука Никита. Надписътъ представя едно двустиие, написано въ размѣръ на ямбически тримерти, и гласи:

Γραφῶν σφραγῖς τοῦ δουκὸς Βουλγαρίας
τοῦ προέδρου Νικήτα τοῦ Καρίκη.

т. е. «печать за писма на българския дука, проедъръ Никита Карики»,²⁸ отъ което се установява: 1. че Никита наистина билъ дука, т. е. намѣстникъ-управитель на България; 2. че чинътъ му билъ *проедъръ*, който Албертъ Ахенски, като не разбиралъ значението на тая дума, просто я превелъ съ съответната латинска дума praeses, -idis, и прибавилъ къмъ

²⁵ Вж. Bongars, *Gesta Dei per Francos* etc. t. I. Hanoviae 1611, p. 186, 11.

²⁶ *Ibidem*, p. 186, 45—46; 186, 48; 187, 14—15. Ср. сѣщо p. 187, 49: Dux praefatus Nichita; p. 188, 24—25: ad ducem Nichita, principem Bulgarorum; 188, 39: Ducem Nichita; p. 188, 41: Ducis Belegrauae. — Вилхелмъ Тирски пъкъ (ib., p. 644, 8—9) го нарича право Bulgarorum dux Nichita nomine.

²⁷ Вж. В. Н. Златарскій, Устройство Болгаріи и положеніе болгарскаго народа въ первое время послѣ покоренія ихъ Василиемъ II Болгаробойцею. *Seminarium Kondakovianum*. IV (1931), стр. 56—57.

²⁸ За четенето и попълването на тоя надписъ вж. G. Schlumberger, *Sigillographie de l'Empire byzantin*. Paris 1884, p. 239. — N. Bănescu, *Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'empire de Samuel* (1018). *Nouveaux duchés byzantins: Bulgarie et Paristrion*. Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine, t. X (1923), p. 62 (14). — Н. Мушмовъ, Византийски печати съ значение за българската история. Македонски Прегледъ, год. V (1929), кн. 2, стр. 90—92. — V. Laurent, Bulletin de sigillographie byzantine, въ *Byzantion*, vol. V (1929—1930), fasc. II, p. 590—592.

нея *ciuitatis Belegraue*, може би, съ целъ да посочи, че въ Бѣлградъ се намирало неговото постоянно мѣстопребивалище, което, впрочемъ, той право потвърждава съ това, че го нарича «*Dux Belegraue*», и 3. че прозвището му било *Карики*.²⁹

И тъй въ 1096 год. дука-управитель на България билъ *проедъръ Никита Карики*. Дали той е билъ непосреденъ преемникъ на Ивана Дука, или е имало другъ нѣкой между тѣхъ, не може засега да се установи по липса на данни, както не се знае, колко още години следъ 1096 г. Никита Карики е заемалъ тая длъжностъ.³⁰ Обаче други две писма на архиепископъ Теофилакта ни идатъ на помощъ да опредѣлимъ името, времето и мѣстото още на единъ управитель на България при Алексия I Комнинъ.

III.

Въ писмото си «до Господина Григория Каматира» (6-о по Меурсия) архиепископъ Теофилактъ, като изтъква предъ своя адресатъ, че той достойно заемалъ високия постъ *πρωτασκηρῆτις* — началникъ на императорската канцелария и поради това придобилъ голѣмо значение предъ императора, възхваля новия управитель,³¹ когото Григорий Каматиръ назначилъ и изпратилъ въ България. «Той — управительтъ, пише Теофи-

²⁹ За единъ *Καρχή*, управитель на о-въ Критъ, споменува Анна Комнина (lib. IX, cap. 2; II, p. 33, 1—8), който въ 1092 г. се отметналъ отъ императора и се обявилъ за независимъ. Ср. F. Chalandon, п. т., 147—148.

³⁰ В. Г. Васильевски въ коментаритѣ си къмъ издаденото отъ него житие на св. Мелетия Нови, написано ок. 1141 год. отъ знаменития византийски стихотворецъ *Теодора Продрома* или, както самъ се подписвалъ, *Πτοχοπροδρομъ* (бедни Продромъ), който е живѣлъ при Ивана II и Мануила I Комнини (1118—1143—1180) (вж. В. Г. Васильевскій, *Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Московской Синодальной Библиотеки*. ЖМНП. ч. 248 (1886), стр. 67—70), по аналогия съ споменуваниѣ у Теодора Продрома нѣкои управители на тема Еллада и Пелопонесъ, предположи, че известниятъ византийски пълководецъ Лъвъ Никеритъ (за него вж. В. Н. Златарски, *Политическото положение на северна България презъ XI и XII вѣкове*. Известия на Историческото Д-во въ София, кн. IX (1929), стр. 36—39) билъ сжщо антипатъ (проконсулъ) на сжщата тема, и го идентифицира съ нашия «херцогъ» (sic) Никита «подъ изопачено име и не съвсемъ правилна титла: князь български», който трѣбало да се разправя съ буйнитѣ и грабливи предни опълчения на първия кръстоносенъ походъ въ 1096 г. Поради това, като изхожда отъ известието на Анна Комнина (ib. II, p. 26, 32—27, 1), че Лъвъ Никеритъ ок. 1092 год. «получилъ воеводство на придунавскитѣ области, т. е. на България», Васильевски заключава, че той «оставалъ въ това звание до 1096 год., а понеже той участвувалъ и въ войната съ Боемунда Тарентски (1107—1108), отнесе управлението му въ Еллада и Пелопонесъ между 1096 и 1108 год. (вж. В. Г. Васильевскій, п. т., стр. 80—82). При сжществуващитѣ обаче днесъ точни данни за дветѣ тия исторически личности подобна идентификация, разбира се, не е възможно да се допусне (вж. В. Н. Златарски, п. т., стр. 38), а оттука и посоченитѣ години не могатъ да се приематъ.

³¹ Самъ Теофилактъ, когато говори за новия управитель на България, наредъ съ *ἀρχων* употребява и думата *ἀρμοστής*, която значи: «управитель», «намѣстникъ», «генералъ-губернаторъ», т. е. началникъ на една областъ или страна съ широки права.

лактъ, съединилъ странно две противоположни по природа качества — тежко държане и умѣреностъ: първото той пази за лукавстващитѣ, а второто съ изобилна щедростъ проявява къмъ добритѣ; съ първото спира постѣпкитѣ на несправедливитѣ, съ втората пъкъ подбужда добритѣ да проявяватъ по-голѣма доброта, излѣкува съкрушенитѣ и привлича отбутнатитѣ. Вижда се, че ще постави Охридъ въ положение на помилванъ», т. е. новиятъ управителъ ще снесе отъ архиепископа немилостъта, въ която той бѣ изпадналъ поради доноса за Ивана Комнинъ, «а следъ малко ще го направи за завиждане», т. е. ще защити неговитѣ права и ще спомогне на църквата да се издигне на подобаващата висота. Затова Теофилактъ продължава: «Това, дете си поставилъ надъ насъ такъвъ управителъ-намѣстникъ (ἀρμοστής), какъ нѣма да ни подканя, да се молимъ на Бога да ти даде по-голѣма сила предъ императора, за да облагодетелствувашъ повече градове и народи съ избирането на началници и препорѣчването имъ на владащия». По-нататѣкъ като главенъ мотивъ за написването на писмото архиепископътъ изтъква следното: «Като видѣхъ, че чрезъ тебе е стигнало до насъ такова голѣмо и неочаквано добро, намѣрихъ, че не бива да не явя на твое великолепие, до колко съзнаваме това, което ни е дадено, и да не ти направя съ слово известно, какво сме придобили. Защото при другото, като узнаешъ и ти самъ, какъ го оценяваме, приятно ще се зарадвашъ, като нѣкой баща на хубавата си рожба, и още повече ще се насърдишъ и окрилишъ чрезъ писмата къмъ пѣтя, който си избралъ, така че хубавиятъ ще се покаже по-хубавъ, и Нирей ще стане и Ахилесъ.» Но при всичката тая радостъ и задоволство Теофилактъ, като не е знаелъ още, какви ще бѣдатъ отношенията на тоя Ахилесъ къмъ него самия, все пакъ намѣрилъ за необходимо въ заключението на писмото да изкаже мисълта, че «ако Григорий Каматиръ го посѣветва да отдава по-голѣма почитъ на Финикса или Нестора, той нѣма да направи нѣщо непристойно за единъ герой, а ти самъ ще докажешъ, че двамата, познати сега намъ, се шегуватъ (само) съ тебе силния, съ божествената Зевсова птица».³² Нѣма никакво съмнение, че подъ Финиксъ или Несторъ Теофилактъ разбира себе си, а подъ «божествена Зевсова птица» самия Григория Каматиръ; кои сѣ тия двама, които се шегували съ него, остава неизвестно. Сѣщо така несъмнено е и това, че той нарича съ името Ахилесъ новия управителъ на България, но вече обстоятелството, че архиепископътъ го уподобява на Ахилеса, показва, че той е билъ младъ, хубавъ и енергиченъ като Омировиятъ Ахилесъ.

Но кой се крие подъ името Ахилесъ? На тоя въпросъ ще ни отговори съдържанието на Теофилактово писмо, адресирано «до великия доместикъ Адриана», т. е. до по-малкия братъ на Алексия I Комнинъ (14-о

³² 6-о писмо по Меурсия. *Migne, ib.*, col. 368 B–369 B. — У митр. Симеона, п. т., стр. 44.

по Меурсия). Това писмо несъмнено трѣба да се постави въ връзка съ току що разгледаното до Григория Каматиръ, едно, защото то е писано, следъ като разхвалениятъ въ последното писмо новъ управитель билъ напусналъ вече поста си и заминалъ за Цариградъ, и, друго, защото Теофилактъ, следъ като по-късно при другъ български управитель изпадналъ въ съвсемъ лошо положение подъ притѣсненията на фискалнитѣ чиновници, си спомнилъ за тоя добъръ управитель на България и за неговата благотворна дейность, като ни го представя също така като «всеблагороденъ и добродетеленъ младежъ», пълненъ съ енергия, и ни рисува подробна картина за дѣлата му въ България. Но нека чуемъ, какво пише за него самъ Теофилактъ.

«Когато гледахъ бъркотията на сегашния животъ, безсрамието и нахалството на користолюбieto, което тъй безстыдно развратило всичко, а държавнитѣ служители (τοὺς τὰ δημόσια πράττοντες) повечето грабители, отколкото бирници (πορθητὰς μᾶλλον ἢ φορολόγους), които смѣтатъ, че божественитѣ закони и царскитѣ заповѣди сж паяджини, за да се ловятъ мухи, а отъ оси да се разкъсватъ, както е казалъ Анахарсисъ на Солона; като гледахъ, че всичко, принадлежащо на християнския народъ, се плячкосва по нѣмане на избавитель и спаситель, изгубилъ бѣхъ всѣка надежда за спасение, която, ако човѣкъ нарече духъ на паднала въ злочестина душа, нѣма да сгрѣши, бѣхъ престаналъ да мисля и въ отчаянието си, че злото ще се поправи, лежахъ мъртъвъ. Но, когато всеблагородниятъ ти зеть, младочка на блѣгата воля, кринъ въ долините, дето въ сегашно време се втичатъ злините, роза между тръни, които бодатъ всички, действително боговдѣхновена душа, — когато той застана надъ близкитѣ намъ работи, тогава видѣхъ едно чудно зрелище: рѣка отъ сладка вода да тече презъ солена, и пѣтникъ да минава презъ мръсотии, безъ да се оцапа (нѣщо, което разбрахъ, че е непременно следствие на твоитѣ наставления), тогава и отлетѣлиятъ духъ за подобри надежди пакъ ми се повърна, и около мене се извърши всичко, което описва Иезекиилъ (37, 1–11) въ страшното си видение. Затова малко ли благодарности съ молитви и похвали длѣжа на тебе, душедателя и животвореца, или толкова, колкото клетви, ако е позволено да кажа така, противъ непоправимитѣ врагове на благостъта, противъ душегубцитѣ, противъ животогубцитѣ? Но какво патихме! Наистина, младежътъ бѣше кринъ и роза и, следъ като благоуха за малко, или по-добре да кажа, следъ като бѣше чрезъ сиромаситѣ благовоненъ Богу, комуто мирисътъ на неговитѣ дѣла бѣше по-приятенъ, отколкото жертвитѣ на древния Ноя (Бит. 8, 20–21), той следъ това замина за вашия въздухъ, като ни остави безутешенъ споменъ. Защото кой ще събира занаяпредъ излишъцитѣ въ полза на безимотнитѣ? Кой ще помага на сиромаситѣ, за да влѣзатъ въ реда на състоятелнитѣ? Кой ще даде поводъ на сирачетата почти да благодарятъ на смъртъта, задето ги е

лишила отъ слаби родители и е станала причина да получаватъ вмѣсто тѣхъ като баща човѣкъ толкова силенъ? Чии заповѣди, отзвукъ на божията благодѣтелъ, ще подкрепятъ вдовишката граница? Чии очи, като ронятъ сълзи за онеправданитѣ, ще оплакватъ повече онеправдателитѣ за това, че тѣ повече губятъ, и следов. кой ще побърза и двамата да обезщети, като премахне по-голѣмата щета на първия и по-малката на втория? Кой ще бѣде застъпникъ на сиромаша противъ грабители богаташи, и кой ще помага на богатия противъ злонравни и клеветници сиромаси? Сонмътъ на божииѣ служители въ кого ще намѣрятъ служителъ, който да не придира за достоинства, както усърдно правятъ безбожниците, за да оправдаятъ омразата си къмъ Бога, проявявана съ това, дето безчестятъ божииѣ раби, осѣждатъ като недостойни дори и заслужаващитѣ почитъ и уважение? Въ лицето на кого тѣ ще намѣрятъ човѣкъ, който да счита всички божии служители по-горни отъ себе си, да вѣрва, че чрезъ тѣхъ съ силата на помазването отъ св. Духъ се освещаватъ и извършватъ божественитѣ и освещаващи таинства; и да смѣта несъгласилитѣ се съ това мнение за непосветени, нечестиви и лишени отъ всѣка освещаваща благодатъ? . . . Кой — и това е за невѣрване, защото нито се е видѣло, нито се е чуло, — *бидейки на такова високо положение*, би приелъ дотамъ да се лиши отъ потребноститѣ на живота, щото и българитѣ дори да не роптаятъ? Съ едно само нѣщо севастѣтъ е наскърбилъ ония, които му услужиха, а това е, че не само не сж припечелили нищо, но сж и похарчили, каквото имаха отпреди, и, споредъ пословицата, съкровищата имъ излѣзоха вжглища, и вмѣсто да се нахранятъ, напариха се. Трѣба, обаче, да кажа и това, което е и по-вѣрно, че и тѣхъ той не е огорчилъ, защото и тѣ счетоха за голѣма печалба и богата придобивка, а не загуба това, дето младежътъ вършеше такива великолеппи дѣла. Защото на добритѣ слуги е свойствено да предпочитатъ бедността, която обогатява господаря имъ съ похвали, отколкото богатството, което го прави сиромашъ поради укори и злословия и го лишава отъ добро име. Но добриятъ и добродетеленъ севастъ намѣрилъ, че мѣстото на властѣта е за избѣгване, защото то развращава и е или селение Кидарско, или пещъ желѣзна. И затова той, току речи крилатъ, се понесе къмъ васъ благодѣтелъ. А ония, които се бѣха усладили съ неговата доброта, като окайватъ себе си, че сега повече, отколкото преди, ще чувствуватъ мжнотиитѣ (защото, следъ като човѣкъ опита доброто, злото му се вижда по-зло), ще благопожелаватъ на тебе, който така си училъ, и на твоитѣ, които така сж учили всѣко добро отъ Господа. Не се срамувамъ и азъ самъ да считамъ себе си пръвъ между тия благопожелатели. Дано и пр.³³

³³ 24-о по Меурсия. *Migne, ib., col. 404 D—405 A—D et 408 A—C.* — У митр. Симеона, п. т., стр. 81—83.

При «такова високо положение», което е заемало лицето въ България, чиято обширна, разнообразна и плодотворна дейност се описва тукъ и за прокарването на която е билъ потрѣбенъ голѣмъ авторитетъ и широка властъ, каквито той, очевидно, е ималъ, защото билъ «силенъ човѣкъ», едва ли може да има и най-малко колебание, че тукъ се говори за единъ управителъ на България. Той е представенъ тукъ като «добъръ, добродетеленъ и пѣргавъ младежъ» (ὁ γενναῖος), какъвто е билъ и Ахилесъ, за когото се говори въ предното (6-о по Меурсия) писмо. Освенъ това тукъ той е нареченъ съ титлата «севастъ», което право сочи, че билъ близъкъ сродникъ на императора. Но най-важно въ случая е това, че той билъ «всеблагороденъ зеть» на великия доместикъ Адриана, брата на Алексия I Комнинъ.

Доколкото е известно засега, Адрианъ Комнинъ билъ жененъ за Зоя, най-малката дъщеря на Константина X Дука и Евдокия,³⁴ но той нѣмалъ отъ нея деца, така че младежътъ не е могълъ да бѣде зеть на Адриана по дъщеря; сѣщо така и по сестра не е могълъ да му бѣде зеть, защото Адриановитѣ сестри сѣ били женени първата — Мария за паниперсевастъ Михаила Таронитъ,³⁵ втората — Евдокия за кесаръ Никифора Мелисинъ³⁶ и третата — Теодора за Константина, сина на Романа IV Диогенъ, следъ смъртъта на когото тя се покалугерила,³⁷ но отъ двамата живи зетьове на Адриана по сестра нито единъ не е могълъ да бѣде цвѣтуещъ младежъ — Ахилесъ въ даденото време. Θ. Успенски предположи, че въпросниятъ младежъ билъ Григорий Гавра, синътъ на Теодора Гавра, дука-управителъ на Трапезунтъ,³⁸ който, наистина, билъ младъ човѣкъ и дори сгоденъ за една отъ дъщеритѣ на Исаака Комнинъ, по-голѣмия братъ на Алексия I; обаче следъ несполучливия опитъ на баща му да го отведе тайно съ себе си и дори самъ да избѣга въ Трапезунтъ въ 1092 год., той билъ изпратенъ при пловдивския дука Георгия Месопотамитъ съ заповѣдь да го държи подъ стража въ градската крепостъ,³⁹ тъй че и следъ освобождението му, ако такова е последвало наскоро, отъ затвора едва ли императорътъ би повѣрилъ на Григория Гавра такъвъ важенъ постъ, какъвто е билъ постътъ — управителъ на България. Едничкиятъ отъ роднинитѣ на Адриана, който напълно от-

³⁴ *Anna*, lib. III, cap. 2; ib., I, p. 98, 13—14.

³⁵ *Ibidem*, lib. III, cap. 4; I, p. 103, 11.

³⁶ *Ibidem*, lib. VII, cap. 3; I, p. 236, 12. — *N. Bryennius*, *ibid.*, p. 24, 5—8.

³⁷ *Ibidem*, lib. X, cap. 2; II, p. 59, 25—27. — Тукъ Анна нарича мъжа на Теодора Лъвъ Диогенъ, което не е вѣрно, защото *Н. Вриенний* право говори, че Теодора била женена за Константина Диогена, който падналъ убитъ въ единъ походъ противъ турцитѣ при Антиохия въ 1070 год. (*N. Bryennius*, *ib.*, p. 24, 8—9 et 99, 3—7. — *Anna*, *ib.* II, p. 59, 11—13), а Лъвъ Диогенъ билъ убитъ презъ войната противъ печенѣжитѣ, Вж. *Anna*, *ib.* I, p. 237, 3—6. — Ср. *В. Г. Васильевскій*, Труды, I, стр. 109, прим. 2.

³⁸ *Θ. Успенскій*, Образование, стр. 29, прим. 2.

³⁹ *Anna*, lib. VIII, cap. 9; *ib.*, II, p. 23, 15—26, 31.

говаря на всички данни, съобщавани отъ Теофилакта за него, се явява *Никифоръ Вриенний*, мъжътъ на Алексиевата дъщеря, писателката Анна Комнина, и внукътъ на стария Никифоръ Вриенний, съперника на Никифора Вотаниата и противника на Алексия I Комнинъ, поради това като царски близъкъ роднина той е носилъ титлата «севастъ» и се падалъ зетъ и на Адриана по братова дъщеря. Не по-малко това се потвърждава и отъ следнитѣ думи на самата Анна, писани отъ нея за мъжа ѝ: «Това бѣще човѣкъ мѣдъръ по умъ и още по-мѣдъръ по красноречие. Въ него се съединяваха и го украсяваха и сила, и пѣргавина, и хубостъ, и изобщо всички достоинства на душата и тѣлото. Него едного и природата израстила, и Богъ го създалъ като най-отличенъ въ всички отношения. И какъвто Омиръ въ своитѣ пѣсни е представилъ Ахилеса между древнитѣ, такъвъ между всички родени подъ слънцето би могълъ всѣки да нарече моя кесаръ. Тоя кесаръ, познавайки отлично военнитѣ работи, не пренебрегвалъ сѣщо и учеността» и т. н.⁴⁰ Ако съпоставимъ тоя пасажъ съ съдържанието на дветѣ по-горе разгледани писма на Теофилакта, то не може да има никакво съмнение, че въ «хубавия младежъ» и «Ахилеса» на първото писмо и въ «всеблагородния зетъ» на Адриана и «добрия и добродетеленъ севастъ» трѣба да видимъ никого друго, освенъ Никифора Вриенния-внукъ.

И тъй при Алексия I Комнинъ управителъ-намѣстникъ на България билъ и *Никифоръ Вриенний*, по-сетнешенъ кесаръ и паниперсевастъ, но отъ и до кога? Въ 1095 год. Анна Комнина (род. въ 1083) достигнала била брачната възраст — дванайсетъ години, а въ 1097 год. Никифоръ Вриенний билъ вече зетъ на Алексия I,⁴¹ а оттука и на Адриана Комнинъ, следов. той се е оженилъ за Анна между 1095 и 1097 год.; но веднага следъ женидбата си той не е могълъ да бѣде назначенъ за управителъ на България, па и въ това време, както видѣхме, такъвъ билъ дука на Бѣлградъ, Никита Карики, но не и презъ 1097 год., защото въ тая година той се намиралъ въ Царградъ, дето всички сѣ били усилено заети съ пристигналитѣ подъ стениѣ на столицата водачи на кръстоносцитѣ отъ първия походъ, Годфрида Лотарингски и Боемунда Тарентски; но не може да се отива много надалечъ следъ 1097 год., защото Никифоръ Вриенний билъ въ даденото време все още младъ човѣкъ и на неговата младостъ сочи и титлата «севастъ». Тия съображения ни даватъ достатъчно основание да приемемъ, че следъ изпращането на кръстоносцитѣ въ Мала Азия е била направена промѣна въ

⁴⁰ *Ibidem*, lib. VII, cap. 2; I, p. 230, 31—231, 6. — На друго мѣсто тя пише: ... »Мой мъжъ ... бѣше Никифоръ Вриенний отъ рода Вриениевци, човѣкъ, който далечъ надминаваше врѣстницитѣ си и по предимствата на хубостта, и по висотата на ума, и по точното знание на наукитѣ; защото истинско чудо бѣше да се погледне на него и да се послуши той.« (*Anna*, Praefatio, ib., p. 5, 11—16. — Ср. *Nicetas Acominatos*, ed. Bon., p. 8, 17—22).

⁴¹ *Ibidem*, lib. X, cap. 9; II, p. 88, 21. — Вж. В. Г. Васильевскій, каз. рец., п. т., стр. 322.

управлението на България, като е билъ отстраненъ оттамъ дука Никита Карики, може би, по искането на самитѣ кръстоносци за неговитѣ враждебни действия противъ тѣхъ и на негово мѣсто билъ назначенъ Никифоръ Вриенний не по-късно отъ 1098 год. Той, обаче, споредъ думитѣ на Теофилакта, «като кринъ и роза благоухалъ за малко въ долинитѣ, дето тогава се втичали злинитѣ, и между трънитѣ, които бодѣли всички», т. е. той не останалъ за дълго време въ България.

Причинитѣ, които сж принудили Никифора Вриенния да напусне високия постъ архиепископѣтъ обяснява съ това, че «мѣстото на властѣта било за отбѣгване, защото то развращавало и било или селение Кидарско, или пещъ желѣзна», подъ които трѣба да разбираме България «и затова той, току речи крилатъ, се понесълъ» за столицата. Колкото и неясни да се показватъ тия думи, все пакъ отъ тѣхъ може да се разбере, че въ България службата на Никифора Вриенния не ще да е била много лека и привлѣкателна. Както и да било, но за да прояви той такива широка и разнообразна дейность, както я описва Теофилактъ въ писмото си «до великия domestikъ Адриана», все пакъ сж се изминали най-малко две години, тъй че Никифоръ Вриенний е билъ управителъ на България до края на 1100 или началото на 1101 година, къмъ която ние отнасяме и писмо 24-о по Меурсия, защото по всичко изглежда, че то е било отправено наскоро следъ заминаването на Никифора Вриенния отъ България. Съ каква целъ е писалъ Теофилактъ това писмо: дали, описвайки въ такива ярки и хубави черти дейността на Никифора Вриенния въ България, е искалъ да напомни чрезъ Адриана Комнинъ въ Цариградъ, че работитѣ тамъ ще се поправятъ, ако се изпрати отново за български управителъ всеблагородниятъ зетъ на императора, или пъкъ, като е знаелъ, че Адрианъ Комнинъ не малко е съдействувалъ за изпращането на Никифора Вриенния за управителъ на България, както това е ясно посочено и въ самото писмо, Теофилактъ е искалъ да му покаже, какво добро той е направилъ както за него лично, тъй и за «християнския народъ», т. е. за населението въ България, или най-сетне, спомняйки за широката и благотворна дейность на Никифора Вриенния домогвалъ се да представи по-релефно непоносимо тежкото и мъчително за него управление на неговия преемникъ, — остава засега неизвестно. А кой е билъ неговъ преемникъ и какво е било неговото управление, ще ни покажатъ 13-о по Ламия и 1-о по Меурсия писма на архиепископъ Теофилакта.

IV.

Първото (13-о по Ламия) отъ тия две писма въ изданието на Migne'я носи тоя на пръвъ погледъ безсмисленъ надписъ: τῷ Θεοφωτοπόλῳ τῷ Δοξολογίῳν, който впрочемъ Θ. Успенски на времето си изправи споредъ ватиканския преписъ на Теофилактовитѣ писма на: τῷ Ταρωνιτοπόλῳ τῷ

Δουκὶ (вм. δουκὶ) Σκοπίων,⁴² което несъмнено е правилното четене и значи: «до Таронитопула (т. е. сина на Таронита), дука на Скопие». Българските дуки и катепани — намѣстници-управители, както ние установихме на друго мѣсто,⁴³ сѣ носили обикновено името на града, дето тѣ сѣ имали своята резиденция; оттуда ясно става, че нашиятъ Таронитопулъ билъ дука-управитель на България. Че той е заемалъ тъкмо тая длъжностъ, се доказва и отъ съдържанието на самото писмо. Така Теофилактъ го нарича «всесветий мой господарю» (πανάγιε μου αὐθέντη) и изобщо «мой господарю», както той изобщо нарича българските управители, говори за неговия «високъ постъ» (περίωλή) който той заемалъ и поради който превишавалъ всички, и после го предупреждава: «не дай току тъй вѣра на ония, които ни клеветятъ предъ твоята благостъ.» Всички тия изрази сочатъ право, че архиепископътъ се е намиралъ въ известна зависимостъ отъ Таронитопула, а пъкъ при автокефалността на Охридската архиепископия тая зависимостъ може да се обясни само съ това, че Таронитопулъ е билъ представител на императора въ България. Освенъ това той въ видъ на препорѣка предписвалъ на архиепископа да назначи неговъ кандидатъ на епископска катедра, а въ края се казва, какво той писалъ на архиепископа, че «съ уважаемо писмо до своя представителъ е облекчилъ положението на свещеницитъ въ едно градче» (πολίχνιον).⁴⁴ Всичко това ясно показва, че Таронитопулъ се ползувалъ съ голѣмо значение и властъ, каквито е могълъ да има само дука-управитель на България.

Но чий синъ е билъ тоя Таронитопулъ? Още В. Г. Васильевски, изхождайки отъ това, че въ разгледваното писмо той се величае «всесвети», а майка му «света» (καὶ πρὸς τῆς εὐχῆς τῆς ἀγίας μητέρος) — епитети, които се давали само на членоветъ отъ царското семейство и близки негови роднини, доказа, че подъ името Таронитопулъ се крие синътъ на Михаилъ Таронитъ, зетя на Алексия I по сестра, т. е. той билъ жененъ за по-голѣмата сестра на императора и поради това получилъ титла *паниперсевастъ* (πανυπερσεβαστος), че той носилъ име *Иванъ*, и че Григорий Таронитъ, дука на Трапезунтъ, билъ неговъ чичо.⁴⁵ Анна Комнина характеризира Ивана Таронитъ като човѣкъ благородень, който «още като дете билъ прибранъ при императора, билъ му дълго време помощникъ-секретаръ, познавалъ добре ромейскитъ закони, одобрявалъ заповѣдитъ на императора, когато тоя предписвалъ такива, достойни

⁴² Вж. Образование втораго болгар. царства, стр. 45, прим. 1.

⁴³ Вж. В. Н. Златарскій, Устройство Болгаріи и положеніе болгарскаго народа и пр., п. т., стр. 52—57.

⁴⁴ Migne, ib. col. 524 C—D; 525 C. — У митр. Симеона, п. т., стр. 52—57.

⁴⁵ Anna, lib. III, cap. 4; ib. I, p. 103, 10—13; lib. IX, cap. 6; ib. II, p. 44, 17—18; lib. XII, cap. 7; ib. II, p. 164, 20—21. — В. Г. Васильевскій, казан. рецензия, п. т., стр. 331—332. — Митр. Симеонъ, п. т., стр. 211.

за царското великодушие, билъ добъръ ораторъ и не закривалъ уста при нагла хула, но дотолкова, доколкото Стагиритъ (Аристотель) съществалъ да бѣде способенъ да държи речъ». ⁴⁶ Иванъ Таронитъ участвувалъ въ войната противъ лъже-Константина Диогенъ и куманитѣ презъ 1092 год. ⁴⁷ Времето на неговото управление като дука на Скопие и управителъ на България се опредѣля по това, че, когато Алексий I Комнинъ потеглилъ въ 1107 год. ⁴⁸ отъ Цариградъ за Солунъ, за да поеме лично ръководството на военнитѣ действия противъ Боемунда Тарентски, той още въ Хировакхи ⁴⁹ го назначилъ за епархъ, префектъ на столицата; но понеже тая длѣжностъ, споредъ Васильевски, била по-горна отъ «дука на Скопие», то последната длѣжностъ той заемалъ по-рано отъ 1107 год., ⁵⁰ отъ друга пѣкъ страна, понеже презъ тая година той не е билъ въ България, то имаме достаточное основание да приемемъ, че по ходатайствата на Теофилактовитѣ приятели той е билъ смѣненъ отъ длѣжността дука на Скопие, може би, още въ 1105 г., въ всѣки случай не по-късно отъ 1106 г., когато Алексий I Комнинъ още пребѣждалъ въ Солунъ и посетилъ нѣкои градове въ България, така че Иванъ Таронитъ билъ намѣстникъ-управителъ на България между 1100/1 и 1105/6 год.

Теофилактъ, както може да се разбере отъ съдържанието на разгледаното писмо, не се е намиралъ въ добри отношения съ Ивана Таронитъ, защото последниятъ давалъ вѣра на клеветитѣ отъ страна на Теофилактовитѣ противници, следов. той е държалъ тѣхна страна, именно, тѣ обвинявали архиепископа, че по незачитане той не отговорилъ на нѣкакво дуково писмо, когато никакво писмо той (архиепископътъ), както самъ твърди, не билъ получавалъ отъ Ивана Таронитъ. Като отказва да изпълни искането му: да назначи неговия кандидатъ на епископска катедра, Теофилактъ пише: «Ако обаче той (кандидатътъ) не е познатъ нито на нашата църква, нито е чутовенъ между ония, които сж известни въ Цариградъ по своята наука или по своя животъ, то нито ти искай току тѣй и напразно да се противопоставишъ на Бога, нито намъ предписвай да направимъ това, защото ни е заповѣдано да се повинуваме повече на Бога, отколкото на човѣци.» А въ края на писмото архиепископътъ обвинява Ивана Таронитъ, че не си

⁴⁶ *Anna*, lib. XIII, cap. 1; *ib.*, II, p. 175, 2—3.

⁴⁷ *Ibidem*, lib. X, cap. 2; *ib.* II, p. 61, 13—14.

⁴⁸ Алексий I Комнинъ стигналъ въ Солунъ най-рано презъ ноемврий 1107 г. — *Anna*, *ib.*, II, p. 174, 11—15.

⁴⁹ Мѣстностъ и крепостъ *Хировакхи* се намирала северно отъ Голѣмо-Чекмедженското езеро при днеш. с. Бахчисъ-къой. Вж. *M. Attaleiates*, ed. Bon., p. 85, 3—6. — Ср. *K. Jireček*, *Heerstrasse etc.*, S. 102.

⁵⁰ *Anna*, lib. XIII, cap. 1; II, p. 174, 23—175, 2. — *В. Г. Васильевскій*, п. т., стр. 332, не вѣрно отнася назначението на Ивана Таронитъ за епархъ къмъ 1105 год., т. е. когато Алексий I заминавалъ презъ септемврий с. г. на западъ, за да се приготви за отпоръ на Боемунда. Вж. *Anna*, lib. XII, cap. 3; *ib.* II, p. 149 et sq. — *Митр. Симеонъ*, п. т., стр. 211.

сдържалъ думата. «Живѣещитѣ въ градчето (οἱ δ' ἐν τῇ πολυχνίῳ) све-
щеници, пише той, не сж получили никакво облекчение и спокойствие,
ако и да си ни писалъ ти, моятъ господарь, че съ уважаемо писмо до
своя представитель си облекчилъ положението имъ. Защото и стража
да пазятъ ги влачатъ, и хлѣбъ да мѣсятъ ги каратъ, и това става, ако
и да е заповѣдано съ хрисовуль да ги държатъ по-високо отъ такива
мръсотии и да не служатъ за умѣсване хлѣбъ. И тъй, каквото спра-
ведливо искане имахъ и имамъ, азъ го представихъ на господаря си.
Ако нѣкои спѣватъ твоята благодѣлность, знай, че тѣ сж врагове на доброто
и прѣчатъ на твоята чиста душа да отдава божие на Бога, когото
имай за съюзникъ въ всичко, и не оставяй посветенитѣ нему да ги
свѣсватъ съ тѣлпата, и дано, бидейки въ миръ съ него, да бждешъ за-
пазванъ въ мирно и военно време.»

Отъ другитѣ Теофилактови писма къмъ разгледаното тукъ писмо ще
трѣба да отнесемъ и първото (ἐπιστολὴ πρώτη) отъ сбирката на Меур-
сия,⁵¹ което е безъ личенъ надписъ, но което и по нѣкои изрази, и по
духъ показва, че и то е било адресирано до Ивана Таронитѣ. Въ нача-
лото на това си писмо Теофилактъ благодари на оногова, който го на-
клеветилъ, защото станалъ причина, за да получи писмо отъ адресата,
когото той нарича «всеуважаемый мой застъпникъ» (πανσέβαστέ μου ἀν-
τιλήπτορ) и «твоео величество» (τῆς σῆς μεγαλειότητος) — епитети, съ
които архиепископътъ се обръщалъ къмъ управителитѣ на отдѣлни
области или на България,⁵² а сжщо и къмъ личности, които стояли по-
горе по длѣжностъ, като «великиятъ доместникъ» Адрианъ, братъ на
Алексия I;⁵³ но той още повече се зарадвалъ, защото получилъ и дозво-
ление да отговори на писмото на адресата, въ което Теофилактъ се
упрѣквалъ, какво той билъ спънка за ония, които завеждали държав-
нитѣ данъци (τοῖς τὰ τοῦ δημοσίου χειρίζουσιν), т. е. че той се противопо-
ставялъ на действията на финансовитѣ чиновници. Такъвъ упрѣкъ
е могла да направи на архиепископа само личностъ, която е била близо
до него, и по положение и авторитетъ която имала известна властъ надъ
него, както това може да се заключи и отъ следнитѣ думи на Теофилакта
въ самото писмо: «но да речемъ, че съмъ спѣвалъ другитѣ, азъ не съмъ
толкова глупавъ, щото да се противя така сжщо и на тебе», т. е. тъй,
както на другитѣ представители на властѣта. Такова смирение Теофи-
лактъ е могълъ да показва само предъ намѣстникъ-управителя на
България, подъ чиято властъ се намирали и финансовитѣ чиновници.
Теофилактъ счелъ тоя упрѣкъ като клевета, и то като «частъ отъ минѣ-
лата буря, въ време на която го нападнали потоци отъ клевети». «Но

⁵¹ Migne, ib., col. 357 A-B et 360 A-B. — У митр. Симеона, п. т., стр. 31—32.

⁵² Вж. писма 63-о и 64-о по Меурсия и 4-о, 7-о, 8-о, 16-о и 17-о по Ламия. Вж. тукъ по-долу.

⁵³ Вж. писмо 24-о по Меурсия.

Господь е съ насъ, пише той, и неудържимата вода нѣма да ни потопи, но душата ми ще премине потока, безъ да те повреди; напротивъ, съ тая вода ще се омиемъ и оперемъ и ще излѣземъ чисти отъ това, съ което се надѣваха, че ще останемъ опетнени.» Но съ това само не сж свършвали, споредъ Теофилакта, клеветитѣ. Нѣкой неговъ събратъ (вѣроятно, нѣкой враждебно настроенъ къмъ него епископъ, какъвто е билъ триадишкиятъ = софийскиятъ) го наклеветилъ, какво той претендиралъ, че ималъ нѣкакви права върху Охридското езеро, че билъ «великъ и силенъ» и че «всичко се вършело по неговата дума», когато всички го хулѣли и презирали, затова той «оглушалъ», т. е. не искалъ вече да слуша това, което се говорѣло противъ него, «смирилъ се и млъкналъ», т. е. престаналъ да се защитава противъ клеветниците си, «като да е станалъ човѣкъ, лишенъ отъ всѣко добро, и предоставилъ гърба си за биене и ланититѣ си за плесници» (Исайя, 50, 6). «Никой не може, продължава Теофилактъ, да запуши уста по природа клеветнишки. Би приличало на твоето високо положение да бждешъ по-високо, за да не приемашъ грачанията на гаргитѣ и шептенията на косоветѣ, но да притежавашъ свойството на Бога, да казвашъ и вършишъ всичко, следъ като го обсъдишъ и разследвашъ добре. Защото и той (Богъ), ако и да знае всичко, преди да се извърши, казалъ: «ще слѣза и ще видя» (Битие, 18, 20—21). Дано той да ти помага да бждешъ подобенъ нему, колкото това е възможно, и да те запазва по-горе отъ всѣка злоба и беда».

Въ последния пасажъ се изтъква сжщото високо положение на адресата, както и въ 13-о по Ламия писмо («обаче въ едно сме умни, и то е, че съзнаваме високия постъ, на който стоите и поради който превъзхождате всички») и сжщо така се предупреждава адресата да не вѣрва на клеветитѣ, които достигатъ до него («не давай току тъй вѣра на ония, които ни клеветятъ предъ твоята благодетелъ»), а въ края на 13-о писмо, както и въ разгледваното, Теофилактъ съветва своя адресатъ, «да подражава на Бога и въ всичко да го има за съюзникъ», т. е. всичко да върши съ съгласие съ Бога, и, «като бжде въ миръ съ него, да бжде запазванъ» въ мирно, и въ военно време. Всичкитѣ тия сходни мисли и изрази явно разкриватъ, че въ еднакво настроение се намиралъ авторътъ, когато е писалъ дветѣ писма: сжщото неразположение и дори неприязненостъ на Теофилакта къмъ адресата, който, очевидно, е държалъ страната на неговитѣ противници и билъ готовъ да действа въ тѣхна полза, като упрѣкавалъ, както видѣхме, архиепископа, че той спъвалъ дейността на финансовитѣ чиновници — главно на бирниците. Затова Теофилактъ, като му привежда мѣста отъ Омира (Илиадата) и отъ Библията, прикрито искалъ да му напомни, че божеството жестоко наказва ония, които искатъ да се покажатъ по-силни отъ него, и при това безъ да прави разлика между виновенъ и невиненъ, особено пъкъ «когато олучи държавни служители, които не сж просвѣтени отъ духа на раз-

сждъка», както се изразява самъ Теофилактъ. Предъ видъ на всичко тукъ изтъкнато ние дохождаме до заключение, че писмо 1-о по Меурсия било сжщо така адресирано до Ивана Таронитъ, дука на Скопие и управителъ на България.⁵⁴ Що се отнася до въпроса, кое отъ дветъ писма било изпратено по-рано, то мжчно може да се установи по липса поне на нѣкои намеквания; обаче, като се вземе въ внимание, че Иванъ Таронитъ билъ управителъ на България до 1105 или 1106 год., то не подлежи на никакво съмнение, че и по съдържание, и по характеръ и дветъ писма се отнасятъ къмъ едно и сжщо време, т. е. къмъ преди 1106 год., когато борбата на Теофилакта съ представителитъ на фиска била въ най-голѣмия си разгаръ, защото, както се изтъкна, самиятъ управителъ на България, Иванъ Таронитъ, се отнасялъ неприязнено къмъ Теофилакта.

Кой е билъ преемникътъ на Ивана Таронитъ, ще ни покажатъ други Теофилактови писма.

(Следва.)

⁵⁴ Митроп. Симеонъ, като посочва на това: 1. че въ това писмо Теофилактъ употребява думата »величество« — τῆς οἷς μεγαλειότητος; 2. че приспособява къмъ адресата думитъ, казани отъ Атина за Зевса, който сграбчвалъ и наказвалъ наредъ и виновния и невинния; 3. че той споменува думитъ, които Авраамъ казалъ на Бога, какво не бива да погубва наравно благочестивия и нечестивия (Битие, 18, ²²), и чрезъ това прави известно сравнение между Бога и адресата, и 4. че въ края на писмото напомня, че високото положение на адресата изисква да не вѣрва на всѣкакви шепотни, но да има това общо съ Бога — да говори и вѣрши всичко, следъ като го прецени добре, — дохожда до заключение, че лицето, до което било отправено писмото, билъ византийскиятъ императоръ (п. т., стр. 32). Обаче такова заключение едва ли е приемливо. Преди всичко думата »величество« Теофилактъ употребява и въ писмата си (31-о, 50-о и 63-о по Меурсия) до дука на Драчъ Вриенния, баща на Никофора Вриенния, зетя на Алексия I Комнинъ, (*Migne*, ib. col. 428 A: τοῦ τῆς οἷς μεγαλειότητος ὕψους; col. 468 A: τὸ τῆς οἷς ὕψος μεγαλειότητος) и до Константина Дука, синъ на протостраторъ Михаила Дука (*Migne*, ib., col. 481 C: οὐκ ἄξιον ἀποστολῆν) τῆς οἷς μεγαλειότητος), така че той не-свързвалъ тая дума само съ личносте та на императора; после, по-горе ние видѣхме, съ каква цель Теофилактъ е привелъ мѣста отъ Илиадата и Библията, а не да прави сравнение между Бога и адресата, и най-сетне за високото положение на адресата той говори, както видѣхме, и въ писмото до Ивана Таронитъ, па и въ други писма, както ще видимъ по-нататъкъ, и него сжщо така съветва да не дава вѣра на всѣкакви шепотни, а да подражава на Бога и въ всичко да бжде неговъ съюзникъ, т. е. всичко да вѣрши въ съгласие съ Бога. Най-после, едва ли Теофилактъ би се решилъ да пише на императора въ такъвъ остъръ и дори неприязненъ тонъ, съ какъто е написано разгледваното тукъ писмо. Освенъ това досега не е намѣрено нито едно писмо, което да е писано отъ Теофилакта направо до императора: предъ него той е действувалъ чрезъ лица, които били близки до императорския дворъ.

ΘΕΣΣΑΛΙΪΣΚΙΕ ΑΡΧΟΝΤΕΣ В XIV ВѢКѢ.

ЧЕРТЫ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИЙСКО-СЕРБСКОМ СТРОѢ.¹

Из всѣх греческих земель Стефан Душан позднѣ всего покорил Θессалию. Он уже занял к 1342 году многія области южной Македоніи, в 1343 Албанію, наконец в октябрѣ 1345 ему сдался Сѣр (Серез), этот великій и прекрасный город (πόλις μεγάλη καὶ καλή, Сант. II, 329), ставшій второй столицей его сербско-греческаго царства. И однако только в концѣ 1348 года, послѣ страшной эпидеміи «черной смерти», от которой вѣроятно погиб и византійскій намѣстник в Θессалии Іоанн Ангел, войска кесаря Прелюба заняли эту плодородную страну и возвратили сербскія знамена у подножія Θермопил и в заливѣ Воло.²

Надо думать, что такое опозданіе объясняется особыми условіями политическаго развитія Θессалии, представлявшей в Византійской имперіи особую, крѣпкую единицу со своеобразным устройством. Именно в Θессалии создалось к этому времени наиболѣе самостоятельное и многочисленное дворянство, закаленное в боях, со многими чертами западнаго феодальнаго рыцарства.³

Плодородная Θессалия с ея широкими равнинами и лугами была издавна житницей Греціи и страной конников. Вспомним, что во времена классической Эллады она именно отличалась своим аристократическим строем, многочисленными всадниками-помѣщиками, выбиравшими своих династов-«тагосов». На рубежѣ V и IV вѣка до Р. Х. особенно выдающимся стал род тиранов города Фер. Наиболѣе извѣстен из них Ясон (378—370 а. С.), сказавшій перед избраніем: «Я легко буду выбран тагосом; а когда в Θессалии является тагос, то ея силы доходят до 6 тысяч всадников и болѣе 10 тысяч гоплитов».⁴ Правда, послѣ его смерти раздоры между отдѣльными династами привели к постепенному подчиненію Θессалии сѣверному сосѣду — Македоніи, которой ѳессалійцы послужили затѣм своими военными силами.

Возвращаясь к Средним Вѣкам, отмѣтим, что в 1204 г. Θессалия раздѣлила судьбу других областей Романіи: она подчинилась ломбардским

¹ Доклад, прочтенный на III Международном Сѣздѣ Византологов в Аѣинах 14 октября 1930 года.

² Самое точное изложеніе этих фактов у К. Иречека, *Geschichte der Serben*, B. I, Gotha 1911 (цит. по сербскому переводу І. Радоница, т. I, 282—285 и 291).

³ Интересная статья проф. И. И. Соколова, Крупные и мелкие власти в Фессалии, *Византійскій Временник XXIV* (1923—26), стр. 35—44, привлекла много любопытных данных, но не исчерпала вопроса.

⁴ Рѣчь Ясона к Полидаменту, *Xenophontis*, Hell. VI, 1, 2, 3; ср. кн. С. Абамелек-Лазарев, *Ферейскіе тираны*, ЖМНПр, ч. 211 (1880), стр. 351 сл.

рыцарям короля Солунскаго, Бонифация Монферрата. Отдѣльные рыцари (Rolando Piscia, Guilelmo de Larsa, comes Bertholdus, Albertino et Rolandino de Canossa) получили крупные лены в Лариссѣ, Платамонѣ, Велестинѣ и Ѳессалійских Ѳивах. На широких полях Ѳессаліи нѣсколько раз собирались конные парламенты, на которых вѣроятно кромѣ завоевателей присутствовали и их вассалы — греческіе архонты (в 1209 у замка Равеники около Ѳермопил, с императором Генрихом во главѣ, в 1210 там же новое «майское поле» для устройства церковных и свѣтских дѣл, в маѣ 1219 у Лариссы в Великой Влахиі).⁵

Это владычество латинян оказалось однако недолгим. С 1222 года, когда Димитрій Хоматіан вѣнчал в Солуни Ѳеодора Ангела Эпирскаго на царство, Ѳессалія вошла в состав Эпирскаго государства. В ней замѣтно однако стремленіе к самоуправленію, к созданію крупных «бароній» и системы вассалитета. Так напримѣр с 1241 г. сын Михаила II Эпирскаго Іоанн Ангел отдѣльно управляет Ѳессаліей, имѣя престол в Новой Патрѣ. В эти же годы в Касторіи сидит Іоанн Глава, в Лариссѣ — Ѳеодор Петралиф. Связи с франками были очень сильны. Так в 1259 г. дочь Михаила II Анна, выходя замуж за Морейскаго принца Вилльардуэна, принесла ему в приданое Лихонію и остатки франкских баронств в юго-восточной Ѳессаліи.⁶ С помощью франкских рыцарей Іоанн Ангел Ѳессалійскій вступил в борьбу с никейским царем, но разбитый у Пелагоніи, должен был в 1259 г. подчиниться ему. Но это подчиненіе было чисто номинальным. Воинственный Іоанн Ангел породнился с аѳинскими герцогами де-ла-Рош и во многом оглядывался на франкскіе примѣры.⁷ В это время мы видим в Ѳессаліи сильное развитіе дворянскаго класса. Кромѣ многочисленных «хрисовулатов и экскусатов», т. е. помѣщиков, надѣленных жалованьями и иммунитетами, выступают и отдѣльные мегистаны, крупныя землевладѣльческія семьи, владѣющія вѣковыми замками и дающія жалованныя грамоты своим монастырями и, вѣроятно, своим дружинникам.⁸ Таковы напр. Мелисино, извѣстные с VIII вѣка, Стратигопулы (из них один был кесарем в концѣ XIII вѣка), Гаврилопулы и др. Все это дворянство, несмотря на свою іерархичность, привыкло однако (под франкским вліяніем) к совмѣстному обсужденію и защитѣ своих прав. Яркій свѣтъ на Ѳессалійскія дѣла бросает извѣстная Морейская хроника «Le livre de la conquete». Она так описывает их. В 1290 г. умер Іоанн Ангел Комнен, герцог Патры

⁵ С. *Hopf*, *Geschichte Griechenlands im Mittelalter*, Ersch u. Grubers Enzyklopädie, Band 85, s. 210, 230–235, 269. И в Морѣ рыцари и духовенство франков собирается в парламент (παράκλησις), на который приглашают и греческих архонтов. *J. Schmitt*, *Die Chronik von Morea*. München 1889, s. 6.

⁶ *Hopf*, ib. 281–282.

⁷ *Hopf*, ib. 360 sq; *W. Miller*, *The Latins in the Levant*, London 1908, p. 200 seq.

⁸ *И. Соколов*, цит. ст. стр. 36 сл.

и государ всей Влахиі («l'Angle de la Patre, qui sires estoit de la Blaquie»), оставив малолѣтняго сына Константина под опекой своего родственника, герцога Аѳинскаго де-ла-Роша. Об этом он объявил на смертном одрѣ своим «баронам», наказав им слушаться герцога и впускать его людей в замки. Однако, бароны и лучшие люди Θессалиі собрались еще на свой совѣт и обсудили положеніе.⁹ Они признали, что аѳинскій герцог лучше всего будет защищать их от византійскаго царя, от эпирскаго деспота, от болгар и албанцев, и отправили посольство навстрѣчу герцогу де-ла-Рошу. Когда герцог подошел к замку Зейтуни, его встрѣтили «высокіе и благородные мужи Влахиі» и привѣтствовали как своего государя. Герцог, принявши их присягу, присягнул сам держать и содержать их в их свободах и правах.¹⁰ Эта обоюдная присяга является чрезвычайно важнымъ моментом: это — дотолѣ незнакомая византійскому праву взаимная присяга вассалов и сюзерена. Дѣйствительно, Θессалія сохранила полную автономію. Только чтобы защищать ее и вершить верховный суд, герцог назначил своего «баила», рыцаря Антонія Фламандца, самаго мудраго во всем герцогствѣ.¹¹ И мы знаем, что Антоній Фламандец мудро управлял Θессаліей. Сохранившаяся надпись 1311 г. в Кардицѣ показывает, что он на свой счет обновил православную церковь св. Георгія и увѣковѣчил это надписью только на греческом языкѣ.

В 1304 году герцог Гвидо де-ла-Рош выступил против деспины Анны Эпирской, захватившей в Θессалиі замок Фанар. Аѳинскій герцог созвал своих вассалов из Аттики и Мореи и выступил в Θессалию. Лѣтописец, бывший очевидцем, так описывает этот блестящій поход. Сперва герцога встрѣтили рыцари (т. е. греческіе архонты) Влахиі, болѣе 1000 всадников. У самого герцога было 900 рыцарей-франков.¹² Но в концѣ концов под Зейтуни собралось больше 6000 всадников-ѳессалійцев.¹³

⁹ Tout li baron et li haut home de la Blaquie se furent ensemble et orent leur conseil. *Buchon*, *Recherches historiques sur la principauté française de Morée*, vol. I. Paris 1845, p. 406.

¹⁰ Et la vindrent li hault et noble home de la Blaquie et lui firent la reverence que li Grec font à leur seignor. Et puis que li dux ot receu le serement de la noble gent de la Blaquie et de toute autre maniere de gent, si leur jura aussi li dux de eaux tenir et maintenir en leur franchises et raisons, ib. 408.

¹¹ Et puis si ordina pour baill et son lieutenant sus tout le pays, pour maintenir justice de toute maniere de gent, monseignor Anthonye le Flamenc, qui estoit tenu le plus sage du duchame; ib. 410. Надпись τοῦ θεοσεβαστάτου καβαλάρι μίσηρ Ἀντωνί λε Φλάμα в Кардицѣ, у *Buchon*, ib. 409.

¹² Il estoient la plus bele gent que il onques veist en Romanie. Et bien le poreit dire, car il estoient plus de 900 homes de cheval, tout Latin et bone gent eslite; et si estoient de la Blaquie et de Burguerie plus de six mille homes de cheval, moult bele gent et bien montée. Et estoient desparti en 18 batailles; et les guyoient 18 barons, tout grant seignor, gentils homes grec de grant affaire; et bien trente mille de pié. ib. 416.

¹³ Среди этих всадников были и Славяне: хронист говорит, что они были из Влахиі и Болгаріи (вѣрнѣе — из Влахов и Болгар).

они были раздѣлены на 18 знамен: ими начальствовали 18 баронов, всѣ великіе властели, всѣ благородные греки высокаго рода. Кромѣ того было до 30 тысяч ѳессалійской пѣхоты.¹⁴ Испуганная таким войском, деспина Анна Эпирская вернула Фанар и уплатила 10 тысяч перперов. Герцог согласился на это лишь послѣ того, как всѣ благородные бароны ѳессаліи одобрили условія мира.¹⁵

Тогда, посовѣтовавшись с честными баронами ѳессаліи, герцог Гвидон заключил мир. Но затѣм рыцари его нашли, что раз такое войско собралось, то жаль расходиться, не воевав. И они пошли войной на царскія владѣнія; прошли пограничные столбы, отдѣлявшіе ѳессалію от имперіи. «И благородные бароны Влахіи (т. е. ѳессаліи) послали вперед три больших полка по тысячѣ всадников, греков и болгар»; так они дошли почти до Солуни.¹⁶ Византійцы попросили мира; и для мирных переговоров с ними герцог послал двух своих рыцарей — франков и двух греческих архонтов, опять-таки соблюдая правовую самостоятельность ѳессаліи.¹⁷

Послѣ смерти Гвидона де-ла-Роша (5 окт. 1308) ѳессаліей продолжает управлять Антоній Фламандец, как об этом свидѣтельствует надпись 1311 г. Первый набѣг каталонцев на ѳессалію в 1309 г. был отбит «стальными людьми из Влахіи».¹⁸ Однако в 1311 г. каталонцы, пройдя через ѳессалію, наголову разбили франков в битвѣ при Кефиссѣ; в болотах погибли всѣ рыцари Готье де Бриенна и он сам. Каталонцы заняли Аѳины и уничтожили столѣтнюю власть франков в Атикѣ.

Однако ѳессалія продолжает самостоятельную жизнь,¹⁹ ею управляет Иоанн II Ангел как Angelus sebastocrator della Patra; signore delle terre de Athene e Patras. Послѣ исчезновенія мощи франков он ищет сближенія с Византіей; в 1315 г. он женится на Иринѣ, побочной дочери Андроника II. Когда он умер в 1318 г. без наслѣдников, Андроник II объявил ѳессалію вдовствующим леном имперіи (χηρεῖον φέρον) и рѣшил вернуть ее Византіи.²⁰ Но многочисленные «бароны» — мегистаны рѣшили защищать свою самостоятельность, и власть Византіи оказалась чисто но-

¹⁴ Обращаем вниманіе на рѣдкое совпаденіе: 6000 ѳессалійских всадников в 378 г. до Р. Х. и в 1290 г. послѣ Р. Х. Что касается пѣхоты, то в 374 г. у Ясона было, сверх конницы, 20 тысяч гоплитов. см. *Абамелек-Лазарев*, цит. ст. 352.

¹⁵ Et quant li dux vit que tout li noble baron de la Blaquie lui looient d'avoir pais avec la despine, se le consentit, ib. 418.

¹⁶ Il passerent les bornes qui partissent l'empire et la Blaquie. Si ordinerent li noble baron de la Blaquie trois grosses batailles de mil homes de cheval, Grex et Vorgaires, pour coureur qui aloient adès devant. ib. 419.

¹⁷ Lors envoia li dux 2 chevaliers et 2 arcondes grex de la Blaquie à l'empereis, ib. 421.

¹⁸ W. Miller, о. с. 222.

¹⁹ I. Βογιατζίδης, Τὸ χρονικὸν τῶν Μετεώρων. в 'Ελευθερία Ἐταιρεία Βυζαντινῶν Σπουδῶν, I (Αθ. 1923), стр. 139—173.

²⁰ Gregoras, I, 249—251, 278 et 279; И. Соколов, цит. ст. 37.

минальной. К сожалѣнію, нам мало извѣстны имена этих 18 (или болѣе) баронов, подѣливших Θεσσαλίю, как феодальные владѣтели. В Лихоніи и Кастръ утвердился Іоанн Мелиссіно, породнившійся с каталонцами, захватившими южные города.²¹ В Трикалѣ и Касторіи около 1325 сидѣл самостоятельный греческій «барон».²² Может-быть это был Стефан Гаврилопуло, который к 1333 году владѣл Трикалой, Фанаром, Стагом, Дамайей и Эласоной. Послѣ смерти этого самого крупнаго ѳессалійскаго феодала эпирскіе деспоты стали опять захватывать ѳессалійскіе города. Тогда Андроник III изгнал эпирскій гарнизон из Трикалы, занял все наслѣдство Гаврилопула и к 1337 подчинил весь Эпир, принудив к сдачѣ деспину Анну и сына ея Никифора II. Θεσσαλίей от имени императора стал управлять эпарх Михаил Мономах. Пришлось бороться с возстаніем эпиротов и с новыми набѣгами албанцев.

Когда 15 іюня 1341 года умер Андроник III, началась извѣстная борьба между Кантакузином и Палеологами. Михаил Мономах около Солуни горячо борется против Кантакузина и оставляет Θεσσαλίю на произвол судьбы.²³ В ней опять поднимают голову мегистаны. Тогда появляется в ней наслѣдник могущественнаго рода, Михаил Гаврилопуло, извѣстный лишь по случайно сохранившейся жалованной грамотѣ от іюня 1342 года.²⁴

Эта любопытная грамота проливает яркій свѣтъ на сословный строй Θεσσαліи в XIV вѣкѣ. В городѣ Фанарѣ находится сплоченное сословіе властелей «великих и малых, свѣтских и церковных, хрисовулатов и экскузатов». Они вступают в договорныя отношенія со своим сюзереном — государем (αὐθέντης) Гаврилопулом. Они навѣрное присягнули ему на вѣрность; но государь со своей стороны дает им не жалованную грамоту, а клятвенную грамоту (δοκίμιον ὑπόμνημα) в том, что он будет соблюдать их права и свободы. Он гарантирует им: неприкосновенность хрисовулов царей и эпарха (Мономаха), обезпеченіе прав землевладѣнія,

²¹ И. Соколов, 39.

²² Est quidam Graecus qui tenet castrum de Latricale et Castorie et plura alia atque terras, *Mar. Sapidus*, *Secreta* 4, 13, circa 1325; цит. по ст. Βοϊασιδισα, 'Ελευθερίс I, 149.

²³ Вмѣстѣ с Гюи де Люзиньяном и Апокавом эпарх Мономах занял Солунь в 1342 г. затѣм он является уже в званіи великаго контоставла и в 1343 назначен стратегом над всѣм войском в Солуни. *Cantac.*, *Hist.* II, 190, 228, 236, 253, 356, 368, 380.

²⁴ Эта грамота, (впервые напечатанная *Henze-Daumit*, *Mission archéologique de Macédoine*, 1876, p. 455) неточно датирована 1295 годом; эту дату принял и И. И. Соколов, (ц. ст. стр. 37—39). Между тѣм она может относиться лишь к іюню 1342 года, ибо в ней упоминаются предыдущія грамоты эпарха (т. е. М. Мономаха). Это замѣтил уже архим. Антонин, Из Румелии, СПб. 1886, стр. 399 и нѣсколько раз доказывал *Никос Венс*; в *Byz. Zeitschr.* XXI, 1912, S. 170; Виз. Врем. XX, 1913, стр. 57; 'Ελευθερίс II, 1925, стр. 137. Именно 1342 году вполне соответствует X индикт, который *Miklosich et Müller*, *Acta Graeca* V, 260, своевольно замѣнили III. Добавим, что очень легко было издателю вмѣсто σων (6850) прочесть σωυ (6803), что и создало ошибку.

полную свободу распоряженія земельными имуществами, свободу от налогов и постоев, строго ограниченныя условія военной службы, неотвѣтственность за родственников в случаѣ измѣны, и суд сословный, только перед равными себѣ.²⁵ Во всем этом он клянется страшною клятвою. Эта грамота совершенно одинока в византійской дипломатикѣ, знающей лишь жалованныя грамоты государей.²⁶ Клятвенныя записи находятся лишь в международных договорах. В 1342 г., под явным вліяніем франкских феодальных порядков, договорное начало проникает и в отношенія между хрисовулатами и выбранным ими государем.²⁷

Мы не знаем, что случилось с Михаилом Гаврилопулом: он исчез, вѣроятно был убит. Уже осенью 1342 г. ѳессалійскіе архонты ведут новые переговоры — с претендентом Іоанном Кантакузином. Послы ѳессалійских архонтов приглашали его к себѣ. Он отказался, ссылаясь на свое трудное положеніе в борьбѣ, и предложил им на выбор — своего племянника Іоанна Ангела или приближеннаго Мануила діойкета. Послы вернулись в ѳессалію: тогда стратіоты и благороднѣйшіе из родов (ἡ στρατιά καὶ τῶν πλῆθων οἱ ἀριστοί), очевидно собравшись на собор-парламент, услышав этот отвѣт, предпочли пригласить Ангела, как способнаго править ими. Получив этот отвѣт через новых послов, Кантакузин послал своего племянника быть попечителем ѳессаліи (ἐπίτροπος εἶναι ѳετταλίας²⁸). Кантакузин приводит цѣликом и любопытную грамоту, которую он дал Іоанну Ангелу. Он назначает его за испытанную вѣрность кефаліей замков и земель Влахіи на слѣдующих условіях: 1) пусть Ангел будет друг друга и враг врага своего царя, 2) пусть он управляет Влахіей на время всей своей жизни, но без права передавать власть сыновьям, кромѣ как по позволенію царя, 3) пусть он повинуеться и служит вмѣстѣ с тѣм и царю Іоанну Палеологу, 4) если же Іоанн Палеолог

²⁵ Перевод этой грамоты на русскій язык дан *И. И. Соколовым* (цит. ст. 37—39): он оставил без перевода любопытный отрывок послѣ 7-й статьи, говорившій о καβαλλαρίφ δοξολόφ μετὰ τῆς συντροφίας αὐτοῦ (странствующем рыцарѣ с его дружиной).

²⁶ Слѣды вассальной присяги можно уловить в Византіи и раньше. Так напримѣр в 1279, когда не удалась попытка уніи, царь Михаил Палеолог писал папѣ через протонотарія Огерія, что уніи мѣшали вліятельныя лица: unus quorum est filius naturalis domini Michaelicii, qui a Latinis dux Patrae vocatur; similiter et alius filius eius legitimus dominus Nicephorus (деспот Арты) qui, ut subditi, servi et submanuales (очевидно ὑποχεῖρες) imperii, sacramentum domino meo sancto imperatori fidelitatis et ligii homagii multoties praestiterunt de parendis praeceptis et mandatis suis, a quo dignitates et officia, quibus nominati sunt, hactenus acceperunt. Buchon, *Nouvelles recherches* I, 261—3.

²⁷ Сравним с этим рассказ Морейской хроники под 1301 г. об обычной присягѣ зерена вассалам: Isabelle leur requeroit et comandoit de lui recevoir et obeir pour leur seignor, et de faire lui le homage et ligie que il lui estoient tenu; et que il estoit appareillé de faire leur serment tel qu'il estoit acoustumés que tout li princes font aux homes de la princée, de maintenir les en leurs franchises et usages. Buchon, *ib.* 398.

²⁸ *Cantac.*, Hist. II., 309 seq. (ed. Bonn.).

умрет, то пусть повинуется тому царю, который будет избран на престол, 5) пусть по всей землѣ упоминается и прославляется и имя императрицы Анны «по обычаям нашего дворца и этой страны», 6) пусть епископіи, монастыри и церкви Θεσσαλίи подчиняются великой церкви (т. е. цареградской патріаршіи) и пусть получают должные доходы, 7) если деспот Никифор будет властвовать в Эпирѣ, то пусть Ангел будет в дружбѣ с ним, 8) если же между ними будет разлад, то пусть он донесет об этом царю, 9) пусть он охраняет границы Влахіи и ея замки, 10) что же касается замков за Патрой, то пусть договорится с каталонцами, 11) и если нѣчто новое (город или область) придет в подчиненіе, то он может своей властью поставить туда кефалію, 12) если кто из архонтов Θεσσαλίи хочет получить чин у царя и придет на поклоненіе, то они могут это сдѣлать свободно и безпрепятственно, 13) пусть в каждой странѣ Диса (западных областей), куда пойдет ратью сам царь, и Іоанн Ангел служит ему со всѣм войском ромейцев и албанцев, 14) если же царь пойдет в поход восточнѣе Христополя, то пусть Ангел приведет столько войска, сколько может собрать.²⁹

Кантакузин говорит, что Θεσσαλίϊцы с радостью приняли Іоанна Ангела на этих условіях. Жаль, что он не упоминает, дал-ли Іоанн Ангел, пришедши в Θεσσαлію, какую-нибудь клятву соблюдать свободы и права архонтов, как это сдѣлали герцог де-ла-Рош и Михаил Гаврилопуло. Кантакузин записал лишь тот хрисовул, который исходил от него лично. Но мы можем предполагать, по ходу переговоров и по всей обстановкѣ, что и такая клятвенная запись имѣла мѣсто.

Послѣ этого Θεσσαλίϊская конница (ἡ Θεταλικὴ ἵππος) нѣсколько раз вѣрно служила Кантакузину, и он одарял архонтов Θεσσαλίи придворными чинами и дарами.³⁰

Слава Θεσσαλίϊскаго рыцарства и в это время так велика, что Апокавк в 1343 г. грозит Стефану Душану, в момент размолвки между Кантакузином и Душаном: «ты знаешь, что против тебя вся Θεσσαλίϊская конница, и знаешь, какой навѣкъ имѣет это войско в сраженіях, и как оно закалено во многих и трудных битвах».³¹

И дѣйствительно, эта закаленная конница внушала уваженіе даже великому сербскому завоевателю. Мы уже отмѣтили в началѣ статьи, как

²⁹ *Cent.*, II, 312–322; ср. *Greg.*, II, 657. Послѣдніе два пункта нѣсколько напоминают условія извѣстных раста conventa между хорватским дворянством и избранным им королем Коломаном в 1102 году: si dominus rex mitteret pro eis, tunc ire debeant adminus cum X armigeris equitum de qualibet generatione suis expensis usque ad flumen Dravae; inde versus Hungariam ad expensas domini regis, usque quo exercitus duraverit, debeant permanere. *N. Tomatić, Temelji državnoга prava kraljevstva Hrvatskoga. Zagreb, 1915, str. 36.*

³⁰ *Cent.*, II, 355, 391.

³¹ ἀκούειν δ' οἶμαι σε τὴν Θεταλικὴν ἵππον ἤλικη, καὶ ὅσην ἔχει τὴν ἐμπειρίαν ὁ στρατός ἐκείνος πρὸς τὰ πολέμια, καὶ ὅπως μακρῶν καὶ ποικίλων πολέμων εἰσὶν ἀθληταί. *Greg.*, II, 663.

Душан, обойдя с запада Фессалию, покорив дикую Албанию и трудно проходимый Эпир, все не рѣшался вторгнуться в болѣе доступныя равнины Великой Влахіи и сдѣлал это лишь в концѣ 1348. Условія этого покоренія плохо извѣстны. По правдоподобной догадкѣ Иречека «черная смерть» унесла Иоанна Ангела и ослабила сопротивление ѳессалійцев, пощадив Сербію. Извѣстно лишь точно, что в Фессалии стал сербским намѣстником кесарь Прелюб, котораго даже Кантакузин хвалит как мудрѣйшаго и храбрѣйшаго из сербов³² и который был женат на царской родственницѣ Иринѣ, по нашей догадкѣ — гречанкѣ.³³ В этом назначеніи можно видѣть извѣстное уваженіе царя Душана к благородному рыцарству Фессалии.

Фессалия была занята сербами до Птелеона, гдѣ они встрѣтились с венеціанскими владѣніями. Любопытно, что Душан чувствует себя не прочно в Фессалии и готов уступить ее Венеціи за извѣстныя услуги.³⁴

На каких условіях подчинилась Душану Фессалия? Весьма вѣроятно, что не было ни завоеванія ни битв (об этом молчат всѣ источники), а было лишь мирное подчиненіе послѣ извѣстных переговоров, как в 1342 и в 1343 году. Вспомним, что царь Душан охотнѣе всего подчинял греческія области мирным путем, часто помощью подкупа,³⁵ часто давая жалованныя грамоты городам.³⁶ Что такія жалованныя грамоты были даны сербским царем и ѳессалійским городам и архонтам, можно усмотрѣть из анализа немногих уцѣлѣвших памятников сербскаго владычества въ Фессалии и Эпирѣ. Этих грамот немного: двѣ грамоты царя Душана ѳессалійским монастырям 1348 года, пять грамот его брата, царя Симеона тѣм же монастырям с 1359 до 1366 года, и грамота царя Симеона великому контоставлу Иоанну Цафѣ Урсину 1361 года.³⁷

Жалованных грамот городам не сохранилось. Однако, если мы обратимся к грамотѣ царя Душана монастырю Ликусадѣ отъ ноября 1348 года, то мы замѣтим странное явленіе: эта грамота, подтверждающая

³² ἡς ἡγε μετὰ τῆς ἄλλης Θεσσαλίας Προερίμτος τῶν παρὰ κράλλη δυνατῶν, ὅς μάλιστα ἐδόκει συνέσει καὶ εὐτολμίᾳ καὶ τῇ περὶ τὰ πολέμια τῶν ἄλλων προέχειν ἐμπερία. *Сантас.*, III, 130.

³³ Кесарицу Ирину царь Урош называет в 1357 своей любезной сестрою, т. е. родственницею. *Споменик Срп. Крал.* Ак. LVI, 8; когда она вышла во второй раз замуж за серба Хлапена, то ея сын был назван Стефаном Дукой: очевидно, она была из семьи Дук. ср. *Иречек*, *Ист. Срба* II, 80.

³⁴ *Ljubić*, *Listine* III, 110, 169, 174.

³⁵ Как в этом его обвиняет Кантакузин. *Сантас.*, III, 147.

³⁶ Сохранилась лишь случайно в Барселонском архивѣ копія жалованной грамоты короля Душана в 1343 албанскому городу Кроѣ, которую выхлопотали епископ, клир и архонты (*venerabilis clerus et nobiles oppidi*). *Arch. slav. Phil.* XXI, 96. Но ст. 126 Душ. Закона ясно говорит о многих «хрисовулах што учини господинь царь градовомъ грѣчкимъ».

³⁷ *Ст. Новаковић*, *Законски Споменици*, Б. 1912, стр. 730, 791, 732; и еще нѣсколько грамот Симеона Метеорским монастырям около 1358 и 1362; *Нико Веис*, (*N. Βέης*, *Βυζαντις* II, 1911).

монастырское землевладѣніе, редактирована не как обычная царская «милость», а как клятвенная запись (ὁρκωμοτικός χρυσόβουλλος λόγος)³⁸. И для сербской и для византійской дипломатики это является фактом необычайным. И сербскіе короли и византійскіе василевсы всегда давали монастырям жалованныя грамоты, — хрисовулы, как свободные дарственные акты своим подданным. И вот впервые царь Душан (от котораго сохранилось до 50 жалованных грамот монастырям) клянется небольшому монастырю страшною клятвою: «Богом и св. евангеліем, честным и животворящим крестом, всѣм святым в мірѣ и душою своею», что он не нарушит пожалованій блаженных царей и других государей. Это можно объяснить лишь тѣм, что он вступил на почву Θεσσαλίи, привыкшей уже «aux serments que tout li princes font aux homes de la princée»: можно объяснить и тѣм, что монастырь Ликусада находится около самаго города Фанара, извѣстнаго уже цитированной нами клятвенной грамотою 1342 года.

Царь Душан и в грамотѣ 1348 г., и в иных постоянно подчеркивает свое уваженіе к греческому правовому строю, к пожалованіям τῶν ἀοιδίμων βασιλέων καὶ τῶν κατὰ καιροὺς αὐθεντευσάντων. Шесть лѣтъ тому назад αὐθέντης Михаил Гаврилопуло поклялся страшною клятвою благородным жителям Фанара соблюдать их права и привилегіи. Вполнѣ вѣроятно, что прійдя в Фанар, царь Душан тоже подтвердил эти привилегіи фанарских архонтов дотолѣ неизвѣстным ему видом «клятвенной златопечатной грамоты». Поэтому он редактировал таким образом даже жалованную грамоту монастырю, хотя в этом уже и не было надобности, потому что здѣсь договорный элемент отсутствовал. Мы можем допустить, что подобныя же клятвенныя грамоты были даны царем Душаном и другим Θεσσαλίϊским городам, и может-быть Θεσσαλίи, как особому цѣлому. Недаром царь Душан, носившій обыкновенно весьма простой титул царя Сербов и Греков, βασιλεὺς Σερβίας καὶ Ῥωμανίας, является в началѣ 1350 г. в венеціанском официальном актѣ как «царь Сербіи и Романіи, деспот Арты и граф Θεσσαλίи».³⁹ Этим титулом как бы подчеркивается особое, автономное положеніе Θεσσαλίи в Душановом царствѣ.

Что клятвенныя записи государя своим подданным были особенностью Θεσσαλίϊскаго полу-феодалнаго строя, видно и из грамоты царя Симеона монастырю Завлантии в 1366 году.⁴⁰ Она опять-таки называется ὁρκωμοτικός χρυσόβουλλος λόγος, опять-таки завершается страшною клятвою εἰς πάντα τὰ ἅγια καὶ εἰς τὴν ψυχὴν τῆς βασιλείας μου. В этой клятвѣ упоминается еще и архистратиг Михаил, что придает ей воинскій ха-

³⁸ Эта грамота, принадлежащая г. I. Вуичу в Сентѣ, впервые напечатана у *Ст. Новаковића*, Законски Споменици, Београд 1912, стр. 791—793.

³⁹ 13 aprilis 1350 »imperatorī Raxiae et Romaniae, despoti Lartae et Blachiae comiti«. *Ljubić*, Listine III, 174.

⁴⁰ *Ст. Новаковић*, Законски Споменици, 737; Βυζαντις II, 82.

рактер и еще больше сближает ее с клятвою 1342 г. Михаила Гаврилопула. Во всей остальной сербской и византийской дипломатикѣ мы не нашли больше подобных клятвенных записей.⁴¹

Что клятвенная запись Михаила Гаврилопула должна была быть известна царю Душану (и что он вѣроятно повторил ее), можно усмотрѣть из одного замѣчательнаго совпаденія. Статья 52-я Душанова Законника гласит:

За некрѣс за ксако сьгрѣшени, братъ за брата и отьць за сына, родимъ за родима, кто сътъ ѿдѣльни ѿ оногъ-зи с сконхъ кѣкахъ, кон не сьгрѣшили тѣзи да не плати ница; развѣкъ онъ-зи кон и сьгрѣшили, тогова и кѣка да плати.

Мы уже имѣли случай указывать, что эта статья является уступкою, которую сербское право дѣлает византийскому. Въмѣсто коллективной отвѣтственности семьи, вытекающей из задружнаго быта, в Законникѣ Душана появляется для властельскаго сословія строгая индивидуальная отвѣтственность и понятіе о том, что сын может быть отдѣлен имуществом от отца, раздѣльность семьи под вліяніем греко-римской эмансипаціи.⁴² Въмѣстѣ с тѣм можно указать, что эта статья является одною из уступок царя Душана его властелям, одною из многих статей, гарантирующих неприкосновенность дворянскаго землевладѣнія и личности в Душановом Законникѣ.⁴³

Теперь слѣдует обратить вниманіе на слѣдующее совпаденіе. Последняя статья клятвенной грамоты Михаила Гаврилопула гласит: «А если кто будет обвинен в измѣнѣ или неповиновеніи, то пусть будет судим перед всѣми архонтами и пусть наказывается только он и никто другой за его преступленіе, и никто иной из рода его: ни сыновья ни братья ни друзья его».⁴⁴ Совпаденіе между текстом фанарской грамоты іюня 1342 г. и Законника, изданнаго в маѣ 1349 г., очень велико, особенно если мы обратим вниманіе на то, что в остальных памятниках сербскаго и византийскаго права нам не встрѣчалось статьи, хотя бы отдаленно напоминающей эту норму.

⁴¹ Только в Босніи, под явным вліяніем западнаго феодализма государь (бан или позднѣе краль) клянется — «дает вѣру» своим вассалам не отнимать у них пожалованных имѣній. *L. Thallorcy, Studien zur Geschichte Bosniens.* М. 1914, s. 14, 16, 20 etc.

⁴² А. Соловьев, Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка, Скопье 1928, стр. 174. Замѣтим, что в крестьянском быту статьи 66 и 71 Душ. Законника говорят о коллективной отвѣтственности.

⁴³ Надо замѣтить, что царь Душан не был особенно склонен исполнять ст. 52-ю. Так под 1350 г. Кантакузин разказывает, что властелин Волк готов был измѣнить Душану, но боялся, что Сербы разграбят его имущество и что Душан уничтожит его родных и близких (τοὺς συγγενεῖς αὐτοῦ καὶ οἰκείους κραλὴν ἄρδην διαφθερεῖν). *Самл.*, III, 136.

⁴⁴ ἂν δὲ διαβληθῇ τις περὶ ἀπιστίας ἢ ἀνυποταγῆς, νὰ δικάζηται ἐνώπιον ἀπάντων τῶν ἀρχόντων καὶ νὰ παιδεύηται αὐτὸς μόνον, οὐ μὴ τις ἄλλος πρὸς τὸ πταίσμα αὐτοῦ, καὶ οὐχὶ ἕτερος ἀπὸ τὸ γένος αὐτοῦ ἢ υἱοὶ ἢ ἀδελφοὶ ἢ φίλοι αὐτοῦ. *Agг.* V, 261.

Михаил Гаврилопуло так же говорит только об измѣнѣ или непослушаніи государю, причем греческій термин *ἀποτία* дословно соотвѣтствует сербскому *нѣкѣра*. Так же говорится только о личной отвѣтственности обвиняемаго, причем не должны страдать ни сын (за отца), ни брат за брата, ни дальніе родственники.⁴⁵ Правда, фанарская грамота гарантирует еще обвиняемому, вполнѣ в духѣ франкскаго феодализма, и суд пэров — «пусть он будет судим перед всѣми архонтами». В статьѣ 52-й это не сказано. Но если вспомним, что в статьях о поротном судѣ предусмотрено порота, состоящая только из властелей, когда судебное дѣло касается властелей; то мы можем предположить, что этот порядок, твердо установленный в 1354 году, мог *implicite* заключаться и в судопроизводствѣ 1349 года, и что обвиненный в измѣнѣ властелин был судим царем за свое «великое дѣло» перед 12 или 24 властелями.⁴⁶ Граница между судом пэров и судом присяжных легко стирается в это время, когда суд присяжных основан на сословном началѣ.

Мы можем утверждать, что это совпаденіе не случайно; здѣсь есть прямое вліяніе. Царь Душан, подчиняя Θεσσαλίю, очевидно должен был в ноябрѣ 1348 г. клятвенно подтвердить привилегіи θεσσαλίησкаго дворянства, в том числѣ и фанарскую грамоту 1342 года. Под вліяніем феодализма θεσσαλίηское дворянство привыкло к совмѣстному обсужденію своих прав. Феодальное пониманіе личной рыцарской чести, встрѣтившись с греко-римским понятіем правового индивидуализма, заставило требовать отмѣны коллективной отвѣтственности за измѣну. Сословный принцип феодализма создал требованіе суда пэров. Со всѣми этими требованіями θεσσαλίηское рыцарство пришло весной 1349 г. на земскій собор в Скоплѣ. Оно принесло туда нѣкоторые феодальные навыки: корпоративный сословный дух, привычку договариваться с государем и просить у него гарантій прав землевладѣнія, иммунитетов и личной отвѣтственности. Оно могло принести уже готовые требованія, основанныя на прежних грамотах, и повліять в этом отношеніи и на сербских властелей, у которых было меньше навыка в области писанных привилегій. Потому ряд статей Душанова Законника можно разсматривать как уступки царя дворянству сербскому и особенно греческому. Такова статья 39-я, подтверждающая неприкосновенность старых пожалованій, еще от прежних (т. е. греческих) царей. По ст. 40-й и новыя пожалованія имѣют такую же незыблемость, как пожалованія

⁴⁵ φίλοι можно перевести и родственники, а не друзья (как это сдѣлал И. И. Соколов), тѣм болѣе что всѣ эти три разряда обобщены понятіем *ἀπὸ τὸ γένος αὐτοῦ*.

⁴⁶ Подобную гарантію мы находим в боснійских грамотах XIV и XV вѣка, гдѣ под венгерским вліяніем сильно развиты черты феодализма: государь клянется (дает вѣру) своему вассалу, что он не будет наказывать его за измѣну, пока дѣло не будет разсмотрѣно босанскою церковью или »12 добрыми бошнянами«, т. е. 12 властелями. *Thalloszy Studien* 21, 24, 26.

греческих царей. Статья 41-я значительно сокращает право царя на выморочныя имущества, расширяя круг боковых наслѣдников, в полном соотвѣтствіи с византійским правом, до 8-й степени родства (третини братъ = τρισεξάδελφος). Статьи 45-я и 47-я подтверждают полное право владѣнія и распоряженія рабами. Наконец, ст. 46-я расширяет право наслѣдованія движимым имуществом и на дочерей, опять в соотвѣтствіи со взглядами греческаго права.⁴⁷

В этом ряду стоит и указанная статья 52-я, связь которой с грамотой 1342 года несомнѣнна. Крѣпкая организація фанарских архонтов, получивших клятвенно подтвержденныя гарантіи от Гаврилопула и вѣроятно от царя Душана, не могла быть исключеніем в Θεσσαλίи. Уже И. И. Соколов замѣтил, что архонты являются сплоченной силой. Обладая имѣніями в провинціях, они часто живут в городах, гдѣ составляют особый класс «хрисовулатов и экскузатов». Во главѣ их вѣроятно стоит особый «примикирій хрисовулатов», нѣчто вродѣ предводителя дворянства.⁴⁸ Собранія церковных и свѣтских архонтов под предсѣдательством епископа или кефалии являются не только высшим судебным и административным органом, но и выразителем мнѣнія данной области.⁴⁹ Это нѣчто вродѣ областного сейма, который может представить свои пожеланія земскому собору.

Мы не знаем, была ли подобная организація в сѣверных, сербских областях Душанова царства.⁵⁰ Но в южных областях епископскіе города привыкли к подобным собраніям, их архонты выступают как особая организація, получающая привилегіи от государя.

Невольно хочется думать, что и издание Душанова Законника, который в своей основѣ является жалованной грамотой православной церкви и православным властелям, Сербам и Грекам, — что издание этого уложенія было отчасти подготовлено обсужденіем на таких областных сеймах. Нельзя думать, чтобы многочисленные «властели церковные и свѣтскіе, Сербы и Греки» явились на собор с пустыми руками, лишь чтобы выслушать готовый проект кодекса, созданнаго в царской канцеляріи. Таким готовым проектом могла быть сокращенная Синтаγμα Матѳея Властаря со своими приложеніями. Но члены собора

⁴⁷ См. наше *Законодавство Ст. Душана*, стр. 136 и 137.

⁴⁸ В 1326 г. в Сѣрѣ *πριμικήριος τῶν χρυσοβουλῶν* κυρ Μιχαὴλ τοῦ Καφούρη. Виз. Врем., т. XVII, Хил. № 108.

⁴⁹ Такое собраніе можно усмотрѣть в Сѣрѣ в 1346 г.; наша статья Греческіе архонты в сербском царствѣ, в Byzantinosl. II, 279.

⁵⁰ Этому вѣроятно мѣшало почти полное отсутствіе епископских городов в Сербіи: их очень немного: Ниш и Бѣлград в пограничной полосѣ, Печь, Призрѣн и Скопле в полосѣ переходной к греческим областям. Обыкновенно же сербскіе епископы живут в сербских монастырях — Жича, Грачаница, Баьска. Торговые же города (Н. Брдо, Трепча, Рудник) населены иностранным элементом — нѣмецкими и далматинскими мѣщанами. Наконец приморскіе романскіе города имѣют полную автономію: Котор, Будва, Дриваст.

должны были почувствовать, что в этих «православных законах», в этом сборникѣ часто уже устарѣлаго византійскаго права, нѣтъ ни слова об их сословных нуждах и правах. Тогда и стал создаваться Душ. Законник, в котором первыя 38 статей говорят о сословных правах церкви, а слѣдующія статьи — о правах и обязанностях дворянства.

Крѣпко организованное дворянство Фанара (или других городов Θεσσαλίи) пришло на собор в Скоплѣ не с пустыми руками, а с опредѣленными требованіями, из которых одно вошло в Законник как статья 52-я. Если бы у нас было под руками больше жалованных грамот дворянству, мы навѣрное могли бы указать источники и нѣкоторые других указанных статей (39-й и слѣд.) и т. о. представить шире любопытный процесс генерализаціи права: превращенія мѣстных привилегій в общеобязательный (хотя и сословный) закон.

В этом процессѣ созданія общеобязательнаго законодательства царства Сербов и Греков в 1349 году थेσσαλίское дворянство сыграло, по нашему мнѣнію, свою роль. Эта роль тѣм болѣе любопытна, что мы можем наблюдать в этом случаѣ сложный процесс внѣдренія элементов феодальнаго права в византійскій строй и передачи их в область югославянскаго права.

Мы видѣли, что к XIV вѣку в западной части Византійской имперіи создались городскія или областныя собранія церковных и свѣтских архонтов, надо думать под сильным вліяніем латинских рыцарей. Эти собранія повліяли на развитіе корпоративнаго духа и на стремленіе к сословным и областным привилегіям, которых раньше Византія не знала.

Этот «уклон консервативной Византіи к Западу», к типу сословной монархіи, — встрѣтился в Душановом царствѣ с наличием славянскаго служилаго класса, фактически болѣе сильнаго, но с менѣе развитым сословным сознанием. Стремленія греческих и сербских властелей в этот момент совпали и повліяли на сословное содержаніе Душанова Законника; в нем мы встрѣчаем наряду с примитивными и архаическими чертами славянскаго процесса, — сильную рецепцію византійских начал в области уголовного и церковнаго права, и наконец нѣкоторыя черты средневѣковаго феодализма, пришедшія туда иногда весьма сложным и кружным путем.

LES ARCHONTES DE THESSALIE AU XIVe SIÈCLE.

(Quelques traits de féodalisme dans l'organisation sociale byzantino-serbe.)

(Résumé.)

La Thessalie fut la dernière province grecque, conquise par Etienne Douchan. Il l'occupe seulement en 1348, probablement grâce aux ravages causés par la peste de ces années.

La Thessalie était toujours bien peuplée et avait une nombreuse chevalerie. Les plaines fertiles de ce pays nourrissaient d'excellents chevaux: il est connu que la Thessalie pouvait armer 6000 cavaliers aux temps de Xénophon. Même au XIIIème siècle, tandis que la Morée et l'Attique deviennent la proie des conquérants français, la chevalerie thessalienne défend avec assez de succès l'indépendance de son pays. « Le livre de la conquête » nous décrit « la Blaquie » vers 1290. On y voit une quantité de gentilshommes grecs, faisant hommage au duc de la Roche: « ils étaient plus de 6000 hommes de cheval, moult belle gent et bien montée. Ils étaient départis en 18 batailles, et les guidaient 18 barons, tous grands seignors, gentils hommes Grecs de grand affaire; et bien 30 mille de pied. » Nous connaissons quelques noms de ces grands barons: les Mélissino, les Stratégopoulos, les Gabrielopoulos, qui possédaient leurs châteaux comme de vrais seigneurs. Ils se choisissent quelquefois leur suzerain. Ayant reçu le serment de cette noble gent de Thessalie, le duc de la Roche « leur jura aussi de les tenir et maintenir en leur franchises et raisons ». La noblesse de Thessalie a donc ses franchises et raisons précisées, et leur nouveau suzerain leur prête un serment féodal. On voit donc que les archontes de Thessalie sont plus imprégnés de féodalisme que leurs voisins grecs ou slaves.

En 1318, après la mort de Jean II sébastocrator, la Thessalie revient à l'empire comme un « fief veuf ». Mais nous voyons alors un morcellement tout féodal entre les descendants des 18 barons. Après la mort d'Andronic III, un document unique nous éclaire sur les coutumes de ces pays. C'est le diplôme de Michel Gabrielopoulos aux habitants de Phanar, qu'on doit dater de 1342 (comme l'a démontré M. Nico Béés). Nous voyons que les chrysobullates de Phanar ont leurs droits corporatifs, leurs privilèges et leurs franchises. Il est curieux que ce document soit rédigé comme un *ὀρκωμοτικὸν γράμμα*, un serment fait par le seigneur à ses vassaux, — et non comme un chrysobulle. On doit remarquer que la diplomatie byzantine ne connaît de serments que dans les contrats privés et dans les traités internationaux.

Après M. Gabrielopoulos, à la fin de 1342 les barons de Thessalie pactisent déjà avec Cantacuzène, qui nous a conservé le chrysobulle concédé par lui à son neveu Jean Ange comme nouveau gouverneur de la Thessalie. Nous pouvons présumer que ce nouveau képhalé prêta aussi serments aux archontes de Thessalie en garantie de leurs privilèges. Pendant que Jean Ange gouvernait

6 ans la Thessalie, Douchan occupa l'Albanie, l'Épire, la Macedoine, mais on dirait qu'il n'osait pas franchir « les bornes qui séparent la Blaquie de l'Empire », qu'il avait du respect pour cette chevalerie thessalienne, dont Grégoras et Cantacuzène nous font l'éloge. Ce n'est qu'à la fin de 1348 que la Thessalie fut occupée par Preliub, ce général vanté par Cantacuzène pour sa prudence. Il paraît que l'occupation fut pacifique. Il nous semble même que Douchan dût aussi pactiser avec les archontes thessaliens et prêter serment sur les franchises. Voici quelques indices.

Les documents sur l'administration serbe en Thessalie sont très rares. Mais si nous analysons le premier, concédé par Douchan au couvent de Lycousade en novembre 1348, nous voyons que c'est nullement un chrysobulle ordinaire, mais un *ὁρκωμοτικὸς χρυσόβουλλος λόγος*. Douchan prête serment sur Dieu, toutes les choses saintes et sur sa propre âme, qu'il n'offensera jamais les privilèges du couvent. Fait unique dans la diplomatie serbe! Tous les Niemanides ne promulguent que des chrysobulles; ils font toujours grâce (*milost*) à leurs sujets et ne leur prêtent jamais serment. Mais parce que Lycousade dépend de la ville de Phanar, la formule de ce serment est identique au serment de Gabrielopoulos. Nous pouvons donc penser que le mode des serments prêtés par les suzerains à leurs sujets était fort en coutume en Thessalie. En venant à Phanar, Douchan renouvela sans doute le serment sur les privilèges de 1342; en venant à Lycousade, il fit le même pour le couvent.

Nous trouvons encore un *ὁρκωμοτικὸς χρυσ. λόγος* avec le même serment. C'est un diplôme de 1366, promulgué par Siméon, le frère de Douchan, au couvent de Zablantia. On voit donc que cette forme était bien usitée en Thessalie.

Enfin nous trouverons des traits de ressemblance entre le serment de Gabrielopoulos et un article du Code Douchan. Ce Code fameux, édité au mois de mai 1349, peut être envisagé comme une collection de Nouvelles faisant suite à deux compilations grecques traduites et adaptées en serbe.¹ Ce Code parle beaucoup des privilèges et des devoirs de diverses classes. Après avoir réglé les droits de l'église orthodoxe, il passe dans l'art. 39 aux privilèges de la noblesse. Tous les chrysobulles des monarques précédents y sont confirmés en bloc aux nobles serbes et grecs (art. 39). Les chrysobulles de Douchan même auront la même valeur que ceux des empereurs grecs (art. 40). Le droit d'hériter est étendu pour les nobles jusqu'au trisexadelphos, comme dans la Peira (art. 41). Enfin l'art. 52 dit « qu'en cas de félonie et de chaque péché, ne répondra ni frère pour frère, ni père pour fils ni parent pour parent, s'ils sont séparés de biens ». C'est une norme progressive qui est bien loin de l'organisation slave, basée sur la communauté de famille et sur la responsa-

¹ Voir notre article « Le droit byzantin dans la codification d'Etienne Douchan », dans la Revue historique de Droit, t. VII (1928), p. 387—412.

bilité collective. Cet article est né sous l'influence de l'individualisme du droit byzantin, où l'on pouvait facilement trouver des frères et des fils séparés. Et en vérité, nous trouvons un article presque identique dans le serment de Phanar (v. dans le texte la note 44). La garantie de non-responsabilité de famille, insérée dans le serment de 1342, se repète après 7 ans dans le Code Douchan. C'est une concession faite par le conquérant à la noblesse grecque venue à la diète de Skoplié. La noblesse de Thessalie dût y jouer un rôle important. Elle a dû y apporter des coutumes féodales: un esprit de corps, l'habitude de pactiser avec son suzerain et de lui demander des garanties du droit de propriété, des immunités et de responsabilité individuelle. Elle a pu y apporter des demandes toutes faites et des privilèges écrits, et influencer la noblesse serbe, qui n'avait pas encore développé cet esprit féodal et corporatif.

La Thessalie du XIVème siècle nous semble donc intéressante à étudier, comme ayant apporté dans l'organisation sociale serbe non seulement des éléments de droit byzantin, mais aussi quelques traits du droit féodal.

POSUDKY — COMPTE-RENDUS.

DR. ČIRO TRUHELKA: STAROHRŠČANSKA ARHEOLOGIJA, Zagreb, 1931, str. 222. *Jeronimska knjiga trista šezdeset šesta*, изд. Hrvatsko književno društvo sv. Jeronima.

Эта книга известного хорватского ученого археолога предназначена для широкой публики, написана популярным, ясным, точным и изящным языком, но представляет и крупную научную ценность благодаря обилию нового материала, в значительной мере открытого и самостоятельно изученного самим автором. Вместе с работой Филова: Старобългарската църковна архитектура¹ она дает нам ясное представление о церковной архитектурѣ занятой нынѣ славянами части Балканскаго полуострова в I—XI вѣках.

Дѣлится книга на двѣ части. Общая сообщает необходимыя свѣдѣнія об источниках и развитіи древне-христіанскаго искусства (3—96). Уже здѣсь автор обильно пользуется матеріалом западно-балканскаго происхожденія. Специально изслѣдует церковную архитектуру и орнаментику сѣверовосточнаго побережья Адриатики и прилегающих стран (97—214).

В их развитіи Трухелка различает три періода: первый от появленія здѣсь христіанства до вторженія готов (I—IV вв.), второй завершается приходом хорватов (V—VII вв.), третій паденіем их королевства (VIII—XI вв.).

Церкви перваго періода примыкают к поздне-римской архитектурѣ. Их мало; онѣ древнѣе и проще болгарских. Одна передѣлана из частнаго дома. Три других невелики и имѣют форму однокорабельной базилики с абсидой разнаго вида. Болгаріи этот тип почти неизвѣстен.² Лишь Basilica constan-

tiniana в Салонѣ крупнѣе размѣрами, имѣет три корабля, раздѣленных колоннами, с эмпорой над средним из них. Полукруглая абсида шире пресбитерія и вмѣстѣ с ним выступает из алтарной стѣны храма. Такой тип постройки, по мнѣнію Трухелки, совершенно необычен для древне-христіанской базилики. Поэтому он вопреки Буличу предполагает, что по обѣ стороны пресбитерія находились жертвенник и диаконник. Однако такое же устройство алтарной части видим и в софійском храмѣ св. Софіи, где Филлов объясняет его вліяніем малоазійской архитектуры.³

Второй період отмѣчен вліяніем Сиріи и Палестины. И теперь преобладает однокорабельная базилика с полукруглой абсидой, но к ней по сирійскому образцу пристраиваются нартекс, диаконник, жертвенник, помѣщенія для священника или епископа. Тип этот в ту же эпоху становится обычным и в Болгаріи.⁴ Сирійскаго же происхожденія и двойная базилика. Этот рѣдкій тип так распространился в с.-вост. части Адриатики, что Караман считает его специфическим для этой области.⁵ В Болгаріи же имѣем одну такую церковь лишь в XIII—XIV в.⁶ Под тѣм же вліяніем возникли и крестообразный храм в Дуклѣ, V—VI в., и монументальная двойная базилика в Салонѣ. Ея древнѣйшая часть, первой половины V в. Basilica urbana имѣет пять кораблей при одной полукруглой абсидѣ и цѣлый комплекс пристроек различнаго назначенія. В первых десятилѣтіях VI в. к ней добавлена крестообразная базилика больших размѣров, поразительно похожая на храм св. Симеона Столпника в Сиріи (150). Оба эти типа церковной архитектуры чужды Болгаріи, но простѣйшій вид церкви в формѣ

¹ См. Списание на Българ. Ак. на наукитѣ, XLIII.

² *Ib.*, 6—7.

³ *Ib.*, 10—11.

⁴ *Ib.*, 12 и др.

⁵ *L'architecture dalmate du haut moyen-âge et Byzance*, см. *Académie roumaine. Bulletin de la section historique* XI, I.

⁶ Филлов, *Op. cit.*, 41—42.

креста встрѣчается и в ней.⁷ Зато распространенный в Болгарии и южной Сербии тип большой базилики с тремя кораблями встрѣчается на западѣ полуострова только в приморских городах, сохранивших остатки былой торговли и муниципального устройства, но здѣсь она примыкает к древне-христианской архитектурѣ и не испытала византийскаго вліянія, как там. Должен однако отмѣтить, что церковь св. Кршевана в Задрѣ имѣет нартекс и три абсиды, в чем можно видѣть вліяніе Византии.⁸

И внутреннее убранство храма: *pergula*, капители колонн, орнамент геометрический и растительный с преобладаніем виноградной лозы, ведет нас в Сирію и Египет. Конечно, в V—VI вв. этот орнамент распространился и в южной Франціи и в Италіи, но по мнѣнію Трухелки, в Далмаціи он развивался независимо от итальянскаго, рѣзко отличаясь от него своей сельской простотой (166).

Церкви третьяго, хорватскаго, періода частью продолжают старую мѣстную традицію, частью обнаруживают византийское и армянское вліяніе. Первое объясняется политическими причинами, второе принесено крестоносцами и паломниками. Наиболѣе обычны малыя однокорабельныя базилики с полукруглой абсидой и разными пристройками. Новостью является, что иногда абсида образована простым закругленіем основных стѣн храма (167—169). Церковь св. Петра в Задрѣ, состоящая из двух таких базилик, продолжает традицію двойных базилик. Под византийским вліяніем далматинская базилика пріобрѣтает сводчатый потолок и даже купол, но типично-византийской базилики с куполом, столь обычной для центра и востока полуострова, на западѣ его не встрѣчается. Наиболѣе характерны для этой области в эту эпоху церкви круглаго типа. Одна его разновидность состоит из продолговатаго прямоугольника с тремя полукруглыми абсидами, образующими с ним крест (св. Николай в Нинѣ). Другая имѣет форму буквы Т с тре-

мя такими же абсидами в алтарной стѣнѣ (св. Крест в Нинѣ, ок. 800 г.). Родина первой Арменія, вторую STRZYGOWSKI выводит из Сиріи и Африки, что Трухелка не считает доказанным. Этот тип очень распространен в хорватской части полуострова. Напротив в Болгаріи находим лишь одну церковь такого типа, выстроенную, по Филову, армянскими мастерами из Пловдива.⁹ В сербскія области его приносят лишь в XIV—XV в. синайскіе монахи (54—55), в связи с исихастским движеніем. Третью разновидность представляют церкви с шестью полукруглыми абсидами, расположенными по кругу (св. Троица ок. Сплита, Урсула в Задрѣ). Родом из Арменіи, она рано распространилась на Западѣ: в Римѣ, Равеннѣ, во Франціи. Но далматинскія церкви, по мнѣнію Трухелки, представляют столько своеобразнаго, что не могут считаться отвлѣтвленіем итальянской архитектуры. Не исключена возможность непосредственнаго армянскаго вліянія (180—182). Напротив, круглую церковь в Преславѣ с ея двѣнадцатью нишами и массивной стѣнной Филом правильно сопоставляет с римскими ротондами и мавзолеем Діоклетіана в Сплитѣ.¹⁰

Сплитскіе соборы 925 и 928 г. дѣлают для церквей Далмаціи обязательным западный тип трехкорабельной базилики с одной абсидой, который и господствует здѣсь с X вѣка. Впрочем, пилястры вм. колонн в церкви св. Мартына в Біячах напоминают церкви Малой Азіи и св. Ахилла на о. Преспѣ (171—176).

Отличительной чертой хорватскаго періода является «плетенный» орнамент. Трухелка энергично опровергает его ломбардское происхождение и рѣшительно связывает его с текстильным искусством хорватов, с узорами, которыми они украшают свою одежду (192—199). Все церковное зодчество хорватов обусловлено мѣстными

⁷ *Ib.*, 13—14.

⁸ *Ib.*, 5.

⁹ *Ib.*, 14—15.

¹⁰ *Ib.*, 20—22.

элементами. Здѣсь на мѣстѣ нашли они и типы своихъ церквей, и пергулу, и колонны, и орнаментику (200—208). Даже три параллельныхъ нити, изъ которыхъ плетутъ они свой орнамент, они нашли на мозаичныхъ полахъ поздне-римскихъ зданій на мѣстѣ же (208—210). Ни за чемъ имъ не нужно было обращаться въ Италію (205). Но эти элементы своей архитектуры они восприняли не пассивно. Плоскій архитравъ надъ главнымъ просвѣтомъ пергулы они замѣнили высокимъ островерхимъ тимпаномъ по образцу кровли своихъ жилищъ (202—203). Его рубцы украсили волютами, взятыми съ каймы своихъ одеждъ (203—208). Ни того ни другого Италія не знаетъ (203). Съ тѣхъ же одеждъ взяли они и тѣ оригинальные и роскошные узоры, которыми они освѣжили орнаментику приадріатическихъ странъ. Въ сѣверную Италію этотъ орнаментъ принесла славянская колонизація (211—212). Мнѣніе, будто итальянскіе памятники «плетеннаго» орнамента древнѣе далматинскихъ, авторъ считаетъ ошибочнымъ (212—213).

Такимъ образомъ и западная часть Балканскаго полуострова, подобно восточной, обнаруживаетъ сильное вліяніе Востока: Сиріи, Палестины, Арменіи, послѣдовательными волнами распространявшееся здѣсь помимо Византіи одновременно въ разныхъ частяхъ полуострова, хотя и не съ одинаковой интенсивностью. Церкви запада въ общемъ скромнѣе размѣрами, бѣднѣе, чѣмъ на востокѣ, но разнообразнѣе по своей формѣ. Нѣкоторые архитектурные типы становятся любимыми на западѣ и придаютъ мѣстной архитектурѣ своеобразную фizioномію. Таковы двойная базилика, круглыя церкви и «плетенный» орнаментъ.

Dr. Владимиръ Розовъ (Zagreb).

CORPUS DER GRIECHISCHEN URKUNDEN DES MITTELALTERS UND DER NEUEREN ZEIT *herausgegeben von den Akademien der Wissenschaften in München und Wien. Reihe A: Regesten Abteilung I. REGESTEN DER KAISERURKUNDEN*

DES OSTRÖMISCHEN REICHES VON 565—1453 *bearbeitet von* FRANZ DÖLGER. 3 TEIL: REGESTEN VON 1204—1282. *München u. Berlin 1932, p. XIX+77.*

Литература по византиновѣдѣнію только что обогатилась новымъ выпускомъ фундаментальнаго труда по царскимъ грамотамъ молодого мюнхенскаго ученаго, преемника ГЕЙЗЕНБЕРГА и КРУМБАХЕРА, Франца ДѢЛГЕРА. III-й выпускъ Регестъ, по словамъ ихъ составителя, задержался благодаря необходимости предварительно разрѣшить нѣкоторые хронологическіе вопросы, въ частности, возникающіе при изученіи грамотъ Патмосскаго и Лемвійскаго монастыря. Имѣя передъ собою огромный трудъ, продѣланный ДѢлгеромъ и принимая во вниманіе и другія его работы, появившіяся за послѣднее время (см. *Byzantioslavica*, III 1931, p. 511—513) приходится просто изумляться его работоспособности и сравнительной скорости изданія.

Въ смыслѣ техническомъ, оставляя въ общемъ все по старому, авторъ все же внесъ нѣкоторыя измѣненія въ систему сокращеній (сигл), которыя въ данномъ выпускѣ уже не представляютъ затрудненій для пониманія, въ особенности для специалиста.

III-й выпускъ охватываетъ царствованія династіи Ласкарей (такъ называемыхъ никейскихъ императоровъ) и перваго изъ Палеологовъ Михаила VIII. Имѣющійся на лицо матеріалъ отличается тѣмъ (*Einleitung*, p. V.), что грамоты съ вполнѣ сохранившимся текстомъ преобладаютъ надъ тѣми, о которыхъ только упоминается въ источникахъ. Въ качествѣ источниковъ значительную роль играютъ папскіе регистры и иные негреческіе историческіе памятники.

Особую трудность при подборѣ матеріала представляли письма Θεодора II-го Ласкаря. Большинство изъ нихъ являются частными письмами и только нѣкоторыя изъ нихъ, по видимому, вышли изъ царской канцеляріи, но все же и въ нихъ чувствуется диктатъ самого Ласкаря. Поэтому ДѢлгер выбралъ лишь небольшое число: (№ 1823, 1823a, 1834—1839)

два письма греческим духовным лицам, касающихся церковно-административных вопросов, четыре к западному духовенству — к папѣ Александру IV, к кардиналам Рикарду, Октавиану Убалдини и Петру Капоццо, и наконец окружное письмо о мирѣ с болгарями к которому я ниже вернусь, как и к письму Сенахериму и Франгопулу, заслуживающему также быть отмѣченным.

Остальные источники, характера повѣствовательнаго, именно, сочиненія Акрополита, Пахимера и Скутариота отличаются достовѣрностью сообщаемых в них свѣдѣній. В случаѣ сомнительности, послѣднее всегда отмѣчается Дѣлгером. Кромѣ этих источников автор привлекает и ряд иных. Из них отмѣтим напр. автобіографію Никифора Влеммида.

Тексту Регест предпосылаются списки чаще всего встрѣчающихся источников и главнѣйшей литературы. В них приходится отмѣтить в русских заглавіях нѣсколько неточностей: р. IX. Akty Ross. вмѣсто Russ., р. XVIII Usp. Bulg. Arsénov. — Arsénévca вмѣсто Асѣновича; неправильная транскрипція имен Васильева и Васильевского — Vasilev и Vasilevskij (также и в текстѣ).

Приступая к Регестам царствованія Θεοδωρα I Ласкаря, Дѣлгер дает комментарий к хронологіи правленія этого царя, опредѣленной таким образом в заголовкѣ: Theodoros I. Laskaris gewählt 1204 apr. 13 (in Nikaia zum kaiser gekrönt 1208 zw. märz. 30 und april 5) — 1222 anfang. Дѣлгер принимает за начало царствованія Θεοδωρα I Ласкаря 13 апр. 1204 г., когда он будто бы был превозглашен царем в Константинополѣ. Ссылается он при этом на исторію Никиты Акомината (р. 756₂₀), хотя там же выше (756₁) и говорится, что оба кандидата носили имя царя-основателя вѣры (ὁ Δούκας οὕτω καὶ ὁ Λάσκαρις ἀμφοῖν δ' ἡ κλήσις ὁμῶν υμνος τῷ ἀρχηγῷ τῆς πλωτῆως βασιλεῖ) т. е. несомнѣнно Константина. В других источниках имѣются разночтенія: оба кандидата названы то Θεοδοράми, то Константинами (см. мои доводы: Андреева, Очерки по

культурѣ византийскаго двора въ XIII вѣкѣ, Прага 1927, р. 5—6). Если же Акрополит и говорит, как на это ссылается Дѣлгер (Acropolitae, р. 10₂₈), что Ласкарь хотѣл захватить Прузію, ὡς βασιλεὺς ἀντὶ τοῦ πενθεροῦ Ἀλεξίου, то дальше (р. 11₈) сообщает, что два года спустя на собраніи духовенства и знати οὐκ ἐφίς τοῦτοις ἐγένετο ὅπως βασιλεὺς φημισθεῖν ὁ δεσπότης Θεόδωρος. Я лично полагаю, что не Θεοδορ Ласкарь, а его брат Константин был героем константинопольской авантюры, и это мнѣніе высказывалось и передо мной. Во всяком случаѣ при наличіи только спорнаго матеріала и сомнѣній, высказанных в литературѣ, представляется нѣсколько рискованным давать в Регестах такое точное хронологическое опредѣленіе, при этом не указав на его оспариваемость и не разобрав вновь всѣх имѣющихся данных.

Всеже эта датировка Дѣлгера в конечном счетѣ не вредит распредѣленію матеріала. Как совершенно справедливо отмѣчает автор, немедленно послѣ своего прибытія в Малую Азію, Θεοδορ Ласкарь стал претендовать на царскую власть, а современники его считали года его царствованія от 1204-го года (р. 1), только он не утверждал своей легитимности на основаніи избранія в Св. Софій.

Первым среди номеров, посвященных царствованію Θεοδωра I Ласкаря (1269—1708) помѣщено извѣстіе о перемиріи с франками 1205 г. приб. авг. Из остальных отмѣтим 1705 — circa 1220 — ПОВЕЛѢНІЕ — св. Савва становится автокефальным еп. Печским. Дѣлгеру путем сопоставленія славянских и греческих данных удастся установить эту дату вмѣсто обычно принятой 1219 г.

С 1709 по 1822 (р. 8—25) идут грамоты и извѣстія о них, относящіяся к царствованію Іоанна III Дуки Ватаца [Johannes III. Dukas Vatatzes 1222 ca anfang — 1254 okt. 30 mitkaiser Theodoros (II) Laskaris 1241(?)—1254 okt. 30 (vergl. dagegen Greg. I. 53)]. Новым представляется введеніе Θεοδωра II Ласкаря, как соправителя, в противоположность утвержденію Григоры. Дѣлгер в подтвержденіе

этого ссылается на два письма Θεοδора II Ласкаря. В тоже время относительно упоминаемой в первом письмѣ простагмы автор сам замѣчает: «Indessen ist es fraglich, ob Th. L. das Prostagma als mitkaiser oder in einer anderweise begründete beamteigenschaft als stellvertreter des K. erlassen hat» (p. 25). Во втором письмѣ, относимом к веснѣ са 1254 г. Θεοдор Ласкаръ пишет митр. Φοκѣ Φιλαδελφεί-скому: «Ph. möge nicht auf die Stimme des Parsates hören und vielmehr der vom K. vorgesehene ernennung des Antonios zum abte des klostere τοῦ Κουζηνῶ seine zustimmung geben». С такой просьбой мог обратиться к митрополиту и не царь. Поэтому быть может преждевременным является выдѣление этих двух писем и создание для них особаго соправительства Θεοдора II Ласкаря вопреки утверждениям другого источника. Но конечно эти наводящие на размышления факты необходимо было отмѣтить.

Часть посвященная Ιοάνну III Βαταцу богата матеріалом: грамотами и свѣдѣніями извлеченными составителем Регест из литературных памятников. Многія извѣстія относятся к исторіи болгаро-византийскихъ отношеній. В этой части можно указать на нѣсколько представляющихъ нам полезными добавленій: 1. Переход на службу к царю Ιοάνну III Βαταцу 10.000 орды половцев-куманов, которые по свидѣтельству Григоры были расселены в Малой Азіи и на Западѣ (p. 37s), что конечно сопровождалось изданіем жалованных грамот. 2. Указ царя, запрещающій ношеніе заграничныхъ дорожныхъ тканей (Gregoriae, ed. Bonn., p. 4317) и иныя хозяйственныя мѣропріятія. (Ibid. p. 412s; Андреева, Очерки, p. 97—98.)

Θεοдор II Ласкаръ разсматривается сначала, какъ соправитель, затѣм, какъ самостоятельный государь (p. 25—29, 1823—1851). Для его самодержавнаго царствованія Дѣл-

гер дает датировку — 1254 okt. 30 (auf das schild erhoben anfang nov.) — 1258 august. Начинает Регесты с извѣстія об отправленіи посольства Азеддину Кайкосу II.

Под № 1826 к 1254 г. (конец 1255 начало) помѣщено повелѣніе-оризма о том, чтобы учителя школы при церкви св. Трифона получали бы хорошій оклад. Дѣляется ссылка на хронику Θεοдора Скутариота, p. 291s и на работу Фукса по высшему образованію в Византіи. Между тѣм среди писем Θεοдора II Ласкаря имѣется одно, посланное учителям этой школы по случаю отправки к ним назад учеников для дальнѣйшаго совершенствованія их в науках. Письмо это заслуживало бы быть здѣсь упомянутым или даже быть разсмотрѣнным отдѣльно.¹ В этом посланіи также точнѣе опредѣляется внѣшняя форма акта, устанавливающаго выдачу продовольствія (содержанія) учителям и ученикам: 2761s2 ἐντελὴ γὰρ ἀνελλτῇ τὰ χρεώδη τοὺς διδάσκουσι καὶ διδασκόμενοις πεποικότες, ὅτε τυπώσμεν ἐν τῇ ἡμετέρῃ συντάγματι, ὅπερ δὲ τυποτικῶς τῷ μεγαλομάρτυρι ἀνεθέμεθα Τρύφωνι... Под 1256 г. 1834 помѣщен мирный договор, заключенный под Региной с болгарами при посредствѣ русскаго Ура, т. е. ура Ростислава Михайловича, сына св. Михаила, князя Черниговскаго, бѣжавшаго от татар и создавшаго себѣ положеніе на службахъ у венгерскаго и болгарскаго царя. Подробная литература приводится Дѣлгером с особой ссылкой на Гарднер (Lascarids of Nicea, p. 217—218), у которой в этом мѣстѣ встрѣчаются неточности, и на П. Никова. Ростислав хотя и носил званіе князя Галицкаго, но это только номинальный титул и наименѣе характерный для него.

Слѣдующій № 1834—1256 незадолго до 25-го мая — Runderlaß an die völker des ostens: der sieg über die Bulgaren wird mitge-

¹ N. Festa, Epistulae Theodori Ducae Lascari. Firenze 1898. Ep. CCXVII. p. 271-276. Τοῦ αὐτοῦ ἔργου τοῦ σωφωτῆτου βασιλέως κυρὸν Θεοδώρου Δούκα τοῦ Λάσκαρι ἐτέρα ἐπιστολὴ γραφεῖσα πρὸς τοὺς κατὰ Νικαίαν ἑλλογίμους διδασκάλους τῆς ῥητορικῆς τε παρὰ μέρος καὶ

τῆς ποιητικῆς τὸν Σεναχηρείμ κυρὸν Μιχαὴλ καὶ τὸν κυρὸν Ἀνδρόνικον τὸν Φεργγύπουλον, ὅτα ἐξ αὐτῶν πρὸς αὐτὸν ἀνήλθον οἱ παῖδες, ἐστράφησαν δὲ παρ' αὐτοῦ διὰ πλείονα μάθησιν πάλιν εἰς τὴν σχολήν. Подробности об этом письмѣ и школѣ св. Трифона; Андреева, Очерки, p. 133—134.

teilt. Отмѣтим, что в заглавіи² этот род посланія назван ἐπαναγνώστικόν. Не вполне удачно также передача слов πρὸς τοὺς ἐν τῇ Ἑφ, как *völker des Ostens*. Это скорѣе должно обозначать обитающих на Востока, т. е. в византийских провинціях, лежащих по ту сторону пролива, от Константинополя, термин общепринятой в Византии. М. б. возможно также в одной из послѣдних фраз усмотрѣть, обличенное в риторическую форму приказаніе служить благодарственные молебни и на Востока (p. 282⁷ ἐντεῦθεν καὶ πρὸς Θεὸν ὑμῖνους προσάγεσθαι δίκαιον καὶ πρὸς ὑμᾶς τοὺς τῆς Βασιλείας μου χαριστοῦνα καὶ ψυχότερη εὐαγγέλια). В литературѣ не упомянута статья ЗЛАТАРСКАГО, Южная Болгарія, на которую Дѣлгер ссылается в других случаях. В ней дается подробный разбор содержанія посланія.

К этой части Регест мнѣ представляется возможным сдѣлать слѣдующія небольшія дополненія. У Θεодора Скутариота говорится о посольствѣ к Θεодору II Ласкарию арабов и династа Египта.³ Интересное указаніе на Египет, которое можно сопоставить с извѣстіем, занесенным Дѣлгером в Регестъ под 1265 г. (1933) о посольствѣ к султану Байбарсу. У Ен-Нуавеири ромейскій царь, отправившій посольство назван «Ласкарисом», хотя это на самом дѣлѣ был Михаил Палеолог. Повидимому имя Ласкаря было лучше извѣстно писателю. Из других посольств осталось неотмѣченным прием татарских послов и отвѣтное посольство Θεодора II Ласкаря к хану, хотя имѣются указанія на перешиску. (Pachymeris, M. P. Gr. t. 147, col. 572—3, 575; Андреева, Прием татарских послов при никейском дворѣ. Recueil en mémoire de N. P. Kondakov. Прага 1926, p. 192—193, 200.)

К краткому царствованію Іоанна IV Дуки — 1258 авг.—1258 1 дек. относятся только нѣсколько номеров. В первом из них (1852)

Дѣлгер на основаніи, сохранившейся грамоты опровергаетъ рассказ Пахимера о немудрости маленькаго царя писать. Годов соправительства, хотя бы и номинальнаго с Михайлом Палеологом Дѣлгер не отмѣчает ни в данном мѣстѣ ни ниже, когда упоминает о позднѣйших соправителях Михаила VIII, Андроникѣ II и Михайлѣ IX. Этим заканчивается часть, посвященная Ласкарям, в которой автор, несмотря на небольшіе пробѣлы, дает наглядный обзор матеріала имѣющагося в грамотах, и также извѣстій, касающихся внутренней и внѣшней политики государей, в особенности договоров с иностранными державами.

Наибольшее количества матеріала, опубликованнаго в этом выпускѣ, падает на царствованіе Михаила Палеолога (p. 30—77, № 1857—2075). Не останавливаясь на деталях этой прекрасно разработанной части, где в особенности полно переданы договоры с западными государствами, и остальной матеріал также богато комментируется, все же позволю себѣ обратить вниманіе автора еще на один процесс еракессійскаго дуки Θεодота Каловета с Никифором Влеммидом в результатѣ котораго Михаил Палеолог утвердил послѣдняго во владѣніи монастырем Григорія Чудотворца, согласно хрисовулли преждецарствующаго царя. (Nicephori Blemmydae, Curriculum vitae, p. 90—92; сар. XXIV; ibid. о вызовѣ в Магнезію на собраніе, p. 89—90; сар. XXIII; см. также Андреева, Адрессаты и датировка двух писем Никифора Влеммида. Сборник в честь Н. П. Милюкова. Прага. 1930, p. 198—199). В области литературы заслуживали бы быть отмѣченными работа Θ. И. Успенскаго в Византийском Временникѣ, XXIV. «Византийскіе исторіи о монголах и египетских мамелюках» и Н. И. Веселовскаго, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время (Зап. Акад. Наук. Петр. VIII сер. т. XIII. 1922).

τρον τὴν Τζέλαιναν.

³ Scutariotae, p. 297⁴ ἀλλὰ καὶ Ἀραβας καὶ τῆς Αἰγύπτου τὸν δυναστεύοντα δοῦρα τούτῳ μέγιστα στέλλειν ἐκ φήμης μόνης παρέλπειν.

² Festa, op. c. p. 279 Τοῦ αὐτοῦ ἐπαναγνώστικόν ἀποστέλλεν πρὸς τοὺς ἐν τῇ Ἑφ, ὅτε ὁ τῶν Ῥώμων ἀρχὼν ἦλθεν εἰς τὸν τοιοῦτον, βασιλεὺς ἱκετεύων λύσαι τὴν κατὰ τῶν Βουλγάρων μάχην, ἀντιδοῦναι δὲ αὐτῷ τὸ κάσ-

Заканчивая обзор Регест нельзя не при-
вѣтствовать их составителя, взявшаго на
себя огромный труд и так блестяще его вы-
полняющаго, и пожелать дальнѣйшаго по-
явления двух выпусков, посвященных эпохѣ
Палеологов, которые, как и этот выпуск,
значительно облегчат работу по изученію
исторіи поздней Византіи. М. Андреева.

THE EMPEROR ROMANUS LECA-
PENUS AND HIS REIGN. A STUDY
OF TENTH CENTURY BYZANTIUM
by STEVEN RUNCIMAN. *Cambridge Uni-
versity Press* 1929, p. 276.

В литературѣ по византиновѣдѣнію до
сих пор не имѣлось особой монографіи, по-
священной личности и царствованію Романа
Лекапена. Этот пробѣл нынѣ заполняет
в своей живо и интересно написанной книгѣ
Ст. Ранцимен. Как указывает на это сам
автор (в первой главѣ, р. 11) мнѣнія выска-
зываемыя об этом императорѣ отдѣльными
учеными отличаются разнорѣчивостью. То
видѣли в нем слабаго характером узурпа-
тора, то талантливаго администратора. Дать
разгадку личности этого царя является за-
даніем, поставленным себѣ Ранцименом.
Вмѣстѣ с тѣм автор подчеркивает методо-
логическое значеніе подобнаго «горизон-
тальнаго» изученія исторіи Византіи и пре-
имущество перед «вертикальным», т. е. изу-
ченіем отдѣльных явленій, напр. отношеній
с болгарами, арабами и т. д. (впрочем автор
воздает должное трудам и в этом направ-
леніи). Признавая особую цѣнность «гори-
зонтальных» монографій в особенности
в той стадіи развитія в какой находится
сейчас изученіе исторіи Византіи, считаю
все же необходимым замѣтить что во мно-
гих вопросах, касающихся, как исторіи внѣ-
шней, так в особенности внутренней «вер-
тикальный разрѣз» представляется зача-
стую цѣлѣсообразнѣе и дает возможность
лучше выяснить и объяснить отдѣльныя яв-
ленія.

Что же касается в частности рассмат-
ваемой работы, то «горизонтальный разрѣз»

представляется б. м. не достаточно широ-
ким. Дѣятельность Романа Лекапена слиш-
ком сильно связана с традиціонным направ-
леніем политики царей Македонской дина-
стіи, чтобы ее можно было бы выдѣлить
в особое цѣлое. Внѣшнія побѣды его цар-
ствованія не отличаются исключитель-
ностью побѣд, одержанных позднѣе Ники-
фором Фокой или Іоанном Цимисхіем. Даже
там, гдѣ в области внутренняго управленія
Лекапен проявляет самостоятельность в
своих извѣстных новеллах, направленных
против *dynatoi*, продолженіем их являются
узаконенія его правнука — яркаго пред-
ставителя Македонской династіи, Василія II.
Выясненію индивидуальных начинаній в об-
ласти внутренняго управленія всего уклада
жизни автор удѣляет сравнительно мало
мѣста: можно было бы и больше сказать
о взаимоотношеніях Константина Багрян-
роднаго и Романа Лекапена. Недовольство
перваго вызвано не только необразован-
ностью старшаго правителя, но и недо-
статочно бережным отношеніем его к при-
дворным традиціям. Сам автор не удержи-
вается в узко поставленных рамках и к зна-
чительному выигрышу своего сочиненія
затрагивает ряд болѣе общих вопросов.

Дав краткій обзор источников (перечень
их и литературы помѣщен в концѣ) и опре-
дѣлив свои заданія, автор переходит к опи-
санію жизни Византійской имперіи в на-
чалѣ X-го вѣка, являющейся прологом к во-
царенію Лекапена и фоном на котором раз-
ыгрываются дальнѣйшія событія. В этом
разносторонне составленном очеркѣ опи-
сывающем жизнь эпохи и подмѣчающем
ея характерныя черты, остановилось только
на двух чертах представляющимися мнѣ
отчасти спорными. 1: демократизм общества,
в котором ряды бюрократіи были открыты
для всѣх без разбора, т. к. аристократія
только существовала в зародышѣ, 2. исклю-
чительное вліяніе евнухов в государствен-
ной жизни, невиданное в сосѣдних государ-
ствах восточных и западных. Дѣйствительно
в эпоху Македонской династіи (что нельзя

скаазать для позднѣйшаго времени), евнухи занимали исключительно высокое положеніе при дворѣ и в управленіи. Все же в X-ом вѣкѣ мы уже не встрѣчаем Нарзесов. Повидимому евнухи не только не занимали постов четырех домашних, но и также менѣе важных в войсках. Сила их в внутреннем управленіи и при дворѣ, благодаря их близости к государю. Евнухи патриции стоят перед анипатимами-патрициями, т. е. во главѣ 13 ступени по Филоею, но остальные ступени санов от 14 по 17, т. е. от магистра до кесаря включительно, им недоступны. Таким образом они не могут возсѣдать с государем при пирах за отдѣльным столом с лицами принадлежавшими к первому разряду. Характерно также, что евнухи имѣют свою отдѣльную от варабатов табель рангов, и только два ранга протоспааріев и патрициев, совпадают по названію и отчасти по значенію.¹ В обоих случаях автор нѣсколько преувеличивает значеніе несомнѣнно имѣющихся на лицо факторов.

Слѣдующія главы (II и III) посвящены наслѣдству имп. Льва Мудраго, т. е. описанію положенія вещей ко времени его смерти и регентству. Наконец, в IV-ой главѣ автор переходит к личности Романа Лекапена и к началу его правленія. Подробно он останавливается на дворцовой политикѣ Романа, направленной к созданію своей собственной династіи, и на стоящей в связи с этим церковной политикѣ и желаніи царя возвести на патриаршій трон своего младшаго сына Теофилакта. Переходя к области внѣшней политики в которой лежит центр тяжести царствованія Лекапена, Ранцимен посвящает отдѣльныя главы сношеніям с различными сосѣдями: V. Болгарская война; VI. Византія и степныя народности; VII. Восточный фронт — борьба с арабами; VIII. Армения и Кавказ; IX. Византійская Италия — достигнутые успѣхи и борьба с арабами; X. Южные славяне и Иллирик. Остановимся на тѣх

главах, которыя касаются византійско-славянских сношеній. Автор в них вносит новое в области хронологіи.

В главѣ, посвященной Болгаріи, Ранцимен дает довольно подробное описаніе походов, которое по своей хронологіи, нѣкоторым деталям и общему освѣщенію событий расходится с данным ЗЛАТАРСКИМ в «Исторія на Българската държава прѣз срѣдното вѣкове. Том I. Първо Българско царство. Отъ славенизасията на държавата до падането на първото царство». София, 1927. гл. V. (р. 450—483) и не отмѣчает в отдѣльных случаях этой разницы в повѣствованіи. В I приложеніи: Дата свиданія Романа и Симеона (р. 246) он полемизирует со взглядом Златарскаго от 1896 г., когда послѣдній полагал, что *λεμντή ημερα* значила пятый день по приходу Симеона. Между тѣм в выше упомянутом капитальном трудѣ Златарскаго (р. 466) уже говорится, что свиданіе имѣло мѣсто — «въ четвертькъ на 9 септемврій въ 4 часа (ок. 10 часа преди пл.)» Златарскій по прежнему относит это событіе к 923 году. Ранцимен же утверждает, что в 923 году нельзя найти подходящаго четверга. В спискѣ литературы по вопросу (р. 261) труд Златарскаго (с опечаткой в сокращенном заглавіи) числится. В генеологических таблицах приводится родословня болгарских царей и сербских князей, потомков Властимира.

В VI-ой главѣ, посвященной степным народностям вниманіе удѣляется Херсонесу, причем подчеркивается его особенное, болѣе самостоятельное положеніе, сравнительно с остальными оемами. Нѣсколько страниц удѣлено сношеніям русских с Византіей. В походѣ 941 г. Игоря автор усматривает скорѣе набѣг викингов (р. 112), чѣм войну ведомую из-за торговых интересов, хотя сам же приводит содержаніе торговых договоров Олега и Игоря.

В X-ой главѣ дается описаніе положенія вещей в западной половинѣ Балканскаго полуострова, заселеннаго сербскими и хорватскими племенами. Разсматривается по-

¹ J. Bury, An Imperial Administratif System in the X-th Century, p. 120, 121; текст Клиторологія Филоея р. 143sq; p. 140.

ложение вещей с точки зрѣнія византійскаго благополучія. Таким образом лучшим вассальным государством является Сербія; борьба с Болгаріей дѣлала союз с имперіей неизбѣжным. Хорватія, подпавшая под латинское вліяніе далеко не в такой степени удовлетворяла интересам имперіи. Ранцимен относится отрицательно к принятой Ф. ШИШИЧЕМ и СТ. СТАНОЕВИЧЕМ (впрочем трудов послѣдняго он повиждимо-му не знает) хронологіи. Они размѣщают упомянутых в De adm. imp., cap. 30. p. 150 князей Трпимира, Кресимира и Мирослава, свергнутого баном Прибуней, в промежуток времени между 928 и 949 г. Автор же слѣдуя за D. FARLATI помѣщает их в началѣ X-го вѣка до 912 года. Главный его довод, что Константин Багрянородный (р. 210) не достаточно хорошо информирован. Константин упоминает только о походѣ князя захлумскаго Михаила от 917-го года, и ничего не говорит о походѣ Михаила в 926 году в Византійскую Италію, ни о крайѣ Томиславѣ. О походѣ в 922 г. болгар в Хорватію он освѣдомлен только из болгаро-сербских источников. Все это объясняется холодными отношеніями между Константинополем и далматинскими и хорватскими государствами. Автор однако не учитывает того обстоятельства, что Константинополь находился в постоянных сношеніях со своими оемами Диррахіем и Далмаціей, и что в частности дубровчане служили в византійском флотѣ. Как раз в 949 году отмѣчен 500 лѣтній юбилей перенесенія мощей св. Панкратія из Салоны в Дубровник; мощи были положены в храмѣ св. Стефана, в градѣ.² Дубровчане и впоследствии служили освѣдомителями сосѣдним государям и могли сообщить о положеніи дѣл в Хорватіи, если у Константина Багр. не было в то время под рукой другого источника. Коснувшись и прочих славянских княжеств Ранцимен переходит к цер-

ковному вопросу и к папской политикѣ в Далмации. В этой же главѣ разсматриваются византійско-венеціанскія взаимоотношенія.

Особую главу автор посвящает законодательству, в частности по земельному вопросу. Одну из причин паденія мелкаго землевладѣнія он усматривает в очень тяжелой кредитной системѣ (см. II прилож.), увеличивающей задолженность крестьян. Роман Лекапен борется с этим явленіем.

В XII гл. описывается паденіе Лекапенов. По мнѣнію Ранцимена Лекапен, несмотря на свое долгое царствованіе, оставался на положеніи узурпатора, держащагося у власти пока он силен. Между тѣм состарившись он обращается к религіи и страдает угрызениями совѣсти; сыновья его дѣйствуют для сохраненія своей династии. В XIII главѣ и послѣдней подводятся итоги значенія царствованія Романа Лекапена. Поднявшись к престолу при помощи измѣны, Лекапен, как правитель, оказывается на высотѣ создавашагося труднаго положенія и благополучно разрѣшает церковный и болгарскій вопрос. На востокѣ он продолжает вести наступленіе против арабов. В смыслѣ внѣшней политики это «памятное» царствованіе. Если Роман и не является яркой фигурой и «не романтичен», то во всяком случаѣ он сумѣл использовать благоприятную для Византіи международную конъюнктуру и найти себѣ достойных сотрудников.

Для иллюстраціи внѣшней политики Лекапена, на которой преимущественно останавливается автор, предлагая читателю ясное изложеніе событій и внося свои поправки в особенности в области хронологіи, приложен ряд небольших карт и одна детальная мало-азійскаго фронта. Книга в то же время знакомит и с внутренней, главным образом, политической стороною жизни того времени и дает общую характеристику эпохи.

М. Андреева.

² Constantini de admin., imp. ed. Bonn. cap. 29: p. 137.10 ἀφ' οὗ δὲ ἀπὸ Σαλῶνα μετέφεραν εἰς Ῥαούσιον. εἰσιν ἔτη φ' μέχρι τῆς σήμερον, ἧτις ἰνδικτικῶνς ἔβδω-

μης ἔτους, συνί'. ἐν δὲ τῷ αὐτῷ καίτῳ καίται ὁ ἅγιος Παγκράτιος. ἐν τῷ ναφ τοῦ ἁγίου Στεφάνου τῷ ὄντι μέσον τοῦ αὐτοῦ καίτρου.

ИСТОРИЯ НА ОХРИДСКАТА АРХИ-
ЕПИСКОПИЯ-ПАТРИАРШИЯ ОТЪ ПАДЕ-
НЕТО И ПОДЪ ТУРЦИТЪ ДО НЕИНОТО
УНИЧТОЖЕНИЕ (1394–1767) *отъ* ИВ. СНЪ-
ГАРОВЪ. *Македонски Наученъ Институтъ.*
София 1932. Стр. 615.

Настоящая работа является второй частью обширного труда, предпринятого автором по истории охридской церкви, сыгравшей такую важную роль в истории средневековой болгарской империи. В 1924 году появилась первая часть его «История на Охридската архиепископия», захватывающая время от ее возникновения до захвата стольного города турками. II-ая часть вышедшая при поддержке Македонского Института рассматривает историю архиепископства-патриархата в эпоху турецкого завоевания вплоть до его окончательного упразднения в 1767 году. Выходя в большей своей части из рамок хронологических собственной «византинославики», эта работа представляет все же большой интерес тем, что она дает картину взаимоотношений греческого и славянского духовенства, сношений с турками, постепенно захватывающими весь Балканский полуостров, борьбы за сохранение своей национальной религии и славяно-византийской культуры. Эта борьба, как особенно подчеркивает Снѣгаров в предисловии, развивает и автономистический дух Македонии.

Труд свой автор разделил на 8 глав, в которых рассматриваются внешнее и внутреннее, административное и культурное, положение охридского архиепископства. В конце книги даются многочисленные приложения.

I. глава. Положение охридского архиепископства от падения Охриды под власть турок до 1557 г. В первой ее части автор останавливается на выяснении положения, которое занимало охридское архиепископство под турецким владычеством непосредственно после захвата его турками в 1408 г. Это время враготорпимаго отношения побдителя к побжденным. Кромѣ того под-

держка самостоятельного православнаго архіепископства, претендующаго на патріаршество, было также выгодно туркам в то время, когда еще существовала Ромейская имперія с сильным церковным центром в Константинополѣ. В то же время и охридское архіепископство держалось лояльно по отношенію к туркам, т. к. и оно преслѣдовало свои личныя цѣли. Охрида не только стремилась сохранить автокефальность, но даже пыталась присоединить к себѣ нѣкоторыя епархіи бывшаго тырновскаго патріаршества. Арх. Матвѣю удалось получить от императора Мануила Палеолога грамоту, уступавшую Охридѣ софійскую и видинскую епархіи и предоставлявшую права на дринопольскую епархію и на аргирокастерскій округ. Но уже при слѣдующем цариградском патріархѣ Евфиміи возгорѣлся спор, который по своей остротѣ напоминалъ имѣвшій мѣсто в XIII вѣкѣ между Димитріем Хоматіаном и патріархом Германом II. Впрочем слѣдуетъ добавить, что этот спор имѣлъ свою опредѣленную политическую подкладку и был так сказать междугреческим. Это охлажденіе между обѣими церквями продолжалось вплоть до Флорентійской уніи 1439 года, которую Охрида не признала. Послѣ паденія Константинополя вновь наступаетъ сближеніе обѣихъ церквей; все же и позднѣе имѣли мѣсто тренія из-за отдѣльных епархій. Охридское архіепископство продолжало свою политику расширенія, пытаясь даже распространить свою юрисдикцію по ту сторону Дуная на Валахію и Молдавію. Послѣ заключенія Флорентійской уніи ему это удастся, но уже послѣ 1466 г. при Стефанѣ Великомъ власть Охриды в Молдавіи становится номинальной, а в началѣ XVI в. Валахія опять перешла подъ вѣденіе константинопольскаго патріарха. Затѣмъ пришла очередь подчиниться Охридѣ діоцезамъ бывшаго печскаго патріархата. Все же в началѣ XVI-го вѣка сербы с митрополитомъ смедеровскимъ Павломъ во главѣ попытались вновь отдѣлиться отъ Охриды и возстановить свою самостоятельность.

Энергично боролась Охрида и с католической пропагандой, усилившейся с появлением католических колоний в ея епархиях, напр. в Скоплии. Охридъ удалось также подчинить себѣ православных колоній греческих и албанских переселенцев в Италиі.

Несмотря на территориальный рост, Охридское архіепископство значительно потеряло в смыслѣ моральном и экономическом. Кромѣ разрушеній причененных турецкими походами, Снѣггаров отмѣчает в XV вѣкѣ массовое потурченіе славянскаго и албанскаго населенія, принесшее значительную пользу молодому турецкому государству. Причины этого явленія автор усматривает, как в цѣлом рядѣ матеріальных выгод, связанных с принятіем ислама, так и в явленіях порядка моральнаго: механическаго воспріятія массаами христіанства, слабостью их политическаго сознанія и в первую очередь гниlostью византійской культуры. На вред принесенной Болгаріи византійской культурой послѣднее время все чаще указывается в средѣ болгарских ученых. Характерным в этом направленіи представляется статья МУТАФЧИЕВА в *Byzantinische Zeitschrift*, т. XXX. р. 387sq. *Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien*.

Но если византійцы в качествѣ побѣдителей принесли в первобытную Болгарію болѣе высокую культуру со всѣми ея положительными и отрицательными чертами, усиленным моментом завоеванія, то неизбежное наличіе этих отрицательных черт, принявших б. м. болѣе уродливыя формы в менѣ культурной средѣ, всеже не является признаком гниlosti всей византійской культуры, павшей под ударами внѣшняго врага. Быстрое же паденіе славянских государствъ объясняется не только недостатком національнаго самосознанія, но главным образом тѣм, что появленіе турок совпало с моментом полной децентрализаціи балканских стран, как результат их феодализаціи. Явленіе это характерно не только для Балканскаго полуострова, но и для сосѣдних земель, напр. Италиі. Вмѣстѣ

с тѣм еще в XV вѣкѣ турки начинают проявлять фанатизм. Церкви также много приходилось страдать от неправедных судей и несоразмѣрных поборов.

Глава II. Положеніе охридскаго архіепископства от 1557 г. до уничтоженія его в 1767 г. Это період упадка и постепенной утраты Охридой своей территоріи. Упадок вызван не только тяжелым политическим и экономическим положеніем, но и сепаративными стремленіями (совершенно естественными) нѣкоторых епархій и непосильной борьбой с константинопольским патріархатом и Ватиканом. В 1557 г. отдѣлились сербскія епархія и часть македонских и добились своего самостоятельнаго печскаго архіепископства. Также в Италиі власть охридскаго архіепископа уменьшилась отчасти в пользу Ватикана (принятіе уніи), отчасти же греческих митрополитов, подчиненных Цариграду. В XVII и XVIII вв. усилился гнет турецкой власти в связи с начавшимся упадком турецкой державы. Автор дает в очень мрачных тонах очерк общаго положенія христіан в Турціи. Приходится отмѣтить полное отсутствіе в ссылках упоминанія труда ЮРГИ и нѣкоторых работ МАКУШЕВА. Этот гнет отозвался также на экономическом положеніи православнаго населенія и тѣм самым на финансы архіепископства. Для поправленія их охридскіе пастыри, как и их восточные собратья, правда с меньшим успѣхом, совершали путешествія в Россію, Рим и иногда дальше на Запад. В то же время, благодаря правительственным мѣрам турок, совершенно прекращается католическая пропаганда.

В XVIII вѣкѣ вслѣдствіи вмѣшательства Россіи положеніе христіан в Турціи улучшается, но Охрида всеже не получает своего прежняго значенія. Характерным для этого времени является быстрая смѣна іерархов. Постепенно также начинает проявляться вмѣшательство цариградскаго патріархата в дѣла охридской епархіи; среди партіи фанариотовъ появляется явное желаніе подчинить Охриду, что и случилось в 1767 году. Охрида

была присоединена к преспанской епархii, которая впредь стала именоваться преспанской и лихридской. Только в серединѣ XIX-го вѣка болгары в борьбѣ за самостоятельность вспомнили вновь и о церковной автокефальности.

Особая глава (III) посвящена описанiю границ архіепископства, отдѣльных епархiй и епархiальных городов охридскаго діоцеза в различные моменты его существованiя. IV. глава дает список, с біографическими свѣдѣніями, архіепископов охридских, начиная с Матвѣя, упомянутаго впервые в греческой надписи 1408 г. и кончая послѣдним (59) Арсеніем II. Дается также список архіереев, имена которых сохранились, по отдѣльным епархiям.

В V главѣ Снѣгаров занимается изученіем внутренняго состоянiя охридской церкви. В XV и в первой половинѣ XVI-го вѣка духовенство играло важную роль, как официальный представитель народа перед мусульманскими властями. Оно поддерживало славянскую образованность; объединяло также клир и паству сильное религиозное чувство. С XVII-го вѣка ввиду частых отлучек іерархов в чужія страны за милостынью связь между клиром и его паствою значительно ослабѣла. Нѣсколько улучшилось положеніе начиная со второй половины XVII-го вѣка, когда начали заботиться о подъемѣ духовной жизни автохтонная партія и фанариоты. Особенно выдѣлился своей просвѣтительной дѣятельностью Козьма Китійскій. С XVI-го вѣка начинается вновь грецизація Охриды. Несмотря на это еще в XVII вѣкѣ в церквях имѣлся цѣлый ряд славянских надписей, и наряду с распространеніем греческой образованности не дѣлалось препятствiй к употребленію церковно-славянскаго языка. Приверженцы же автохтоннаго направленiя возвеличивали культ славянских святых, в особенности Климента и Наума. Вмѣстѣ с увлеченіем греческаго клира западной образованностью проникали в Охриду и неправославныя религиозныя ученiя. Также среди населенiя

замѣчается стремленіе поддерживать церковныя постройки и способствовать культурно-просвѣтительнымъ учреждениямъ.

VI гл. посвящена духовному просвѣщенію. Охридскіе іерархи и бояре поддерживали духовное просвѣщеніе греческое и славянское. В самой Охридѣ до пол. XVI-го вѣка преобладал церковно-славянскій языкъ. Снѣгаров приводит список лиц, болгар и сербов, причастных к литературной дѣятельности, в том числѣ и переписчиков. Вниманіе также удѣлено греческим писателям, меценатам и учрежденным ими школам.

VII гл. Устройство и управленіе охридской церкви. Снѣгаров на основанiи источниковъ дает очеркъ организациі и управленiя діоцезомъ. Во главѣ стоял архіепископ и синод. Архіепископ, как глава автокефальной церкви, пользовался особыми правами. Приводится перечень церковныхъ чиновниковъ от 1690 года; они раздѣлены по поздне-византійскому обычаю на пятки. Подробно разбирается титулъ архіепископа в разное время, как ихъ собственное титулованіе себя, так и титулованіе ихъ другими лицами, отдѣльно также приводятся эпитеты ихъ и другихъ духовныхъ лицъ. Подробно описанъ способъ избранiя архіепископа, его финансовое положеніе; вниманіе удѣлено церковной дисциплинѣ, склонной в Охридѣ к суровымъ наказанiямъ, и суду.

В послѣдней главѣ авторъ даетъ перечисленіе монастырей по отдѣльнымъ епархiямъ; такимъ образомъ в немъ перечисленъ рядъ памятниковъ албанскихъ, болгарскихъ, македонскихъ и сербскихъ. Описаніе отдѣльныхъ монастырей сопровождается краткимъ описаніемъ ихъ, приведеніемъ историческихъ данныхъ и важнѣйшей литературы. Къ сожалѣнію совершенно не использованы многочисленныя работы, вышедшія послѣ 1925 года в Гласникѣ Скопскаго Научнаго Дружества, Monumenta artis serbicae ОКУНЕВА и другія его статьи.

Книга заканчивается XXVIII приложеніями и подробнымъ указателемъ. Среди приложенiй помѣщены факсимиле и фотографіи

s oddělných dokumentů. Otmětim приложениа, имѣющія отношеніе к болѣе древнему времени, именно, касающіяся подчиненія печскаго патріархата охридскому архіепископству, и перевод отвѣта охридскаго архіепископа цариградскому патріарху по вопросу о присоединеніи софійской и видинской епархіи.

Монографія Снѣгарева дает живописанную картину жизни охридскаго архіепископства под турецким владычеством. Она широко охватывает взаимоотношенія той эпохи в области внутренней, хотя событія иногда и освѣщаются со своего угла зрѣнія, без привлеченія всей имѣющей по вопросу литературы. Она является самым обширным и разработанным трудом по церковной исторіи Охриды и захватывает также культурную и церковную исторію oddělných балканских государств. *М. Андреева.*

R. P. D. PLACIDO DE MEESTER O. S. B.: LITURGIA BIZANTINA. *Studi di rito bizantino alla luce della Teologia, del Diritto Ecclesiastico, della Storia, dell'Arte e dell'Archeologia.* Libro II, parte VI. RITUALE-BENEDIZIONALE BIZANTINO. Roma, Pustet, 1930, XXXII + 571 str., 25 obrazů a obraz. př.

Učený benediktýn R. P. Pl. de Meester, profesor liturgie na Papežské řecké koleji v Římě, známý svými pracemi theologickými a liturgickými, vydává touto knihou, vzniklou z jeho přednášek, první ze svazků, které budou tvořiti dílo rozsahu skutečně monumentálního, jež bude obsahovati: I. *Obecný úvod* (1. Rozdělení východních liturgií. 2. Původ liturgie byzantské. 3. Dějiny a vývoj byzantské liturgie. 4. Prameny a bibliografie byzantské liturgie). II. *Liturgické věci* (1. Místa. 2. Zařízení. 3. Čas. 4. Texty a formuláře. 5. Pohyby a látky liturgické). III. *Osoby a děje liturgické* (1. Oběť eucharistická. 2. Výchova křesťana. 3. Smíření [hříšníci, heretické, schismatické, vyobcování, křivopřísežníci]. 4. Církevní a světská hierar-

chie. 5. Manželství a euchaion. 6. Ritual-benedikcionál byzantský. 7. Obřad kanonický, t. j. hodinky noční, denní a různé obřady.

V předmluvě k tomuto prvnímu svazku vykládá autor úvahy, které ho vedly k tak rozsáhlému pojetí: byzantská liturgie je těsně vepředena do celého byzantského života; nese stopy byzantské historie, zanechala svoji pečeť v umění, sledovala vývoj theologie, inspirovala právo a úzce souvisela se životem kněžstva, klášterů a státu. Proto při jejím studiu věnoval autor pozornost i ostatním církevním institucím byzantským.

Název ritual-benedikcionál není termín byzantský a autor sám je si vědom toho, že v názvu jeho knihy je cítit liturgii římskou. Utvořil si jej, aby mohl označiti nějak tu část liturgických textů, jež ho právě zajímala a jež je obsažena částečně ve velkém i malém *Ἀγιασματάριον* a úplně v euchologiu. Naproti tomu však neobsahuje celého euchologia, z něhož m. j. vynechává zejména tři východní liturgie (mše), blíží se k csl. trebníku. Za základ vzal P. de Meester římské vydání euchologia z r. 1873.

Celá kniha je rozdělena na 7 hlav: 1. ritual klášterní, 2. ritual úmrtní, 3. obřady žehnání chrámu a předmětů bohoslužebných, 4. žehnání a exorcismy obydlí, 5. požehnání a obřady pro potřeby křesťana (potřeby duchovní, tělesné, obecné pohromy, požehnání na ochranu proti nebezpečím přírodním a pro různé okolnosti), 6. žehnání zvířat, rostlin, plodů a jiných věcí, 7. modlitby a požehnání pro určité dny v liturgickém roce (zejm. svěcení vody). V dodatku hovoří ještě o rouších a tom, kdy a jak se konají obřady obsažené v euchologiu. Přidává pak stručné poznámky o faktuře modliteb, t. j. o tom, jak z různých stálých a pohyblivých částí jsou skládány jednotlivé modlitby. Následuje seznam všech citovaných modliteb a obřadů řeckých i slovanských, a věcné rejstříky

(italský a řecký).

Autor každý obřad a každou modlitbu popisuje a vykládá, podává k nim údaje a odkazy bibliografické, namnoze sleduje jejich osudy. Zvláštní pozornost věnuje byzantskému klášternictví a klášterním obřadům, důležitým pro slovanského filologa vzhledem k rozsáhlému místu, jež zabírají v Sinajském euchologiu. Celá kniha je doprovodem a komentářem k textům, jež čtenář musí mít po ruce; autor jich totiž zásadně nepodává a dobře chápeme praktické publikační důvody, jež ho k tomu vedly a k nimž se jistě pojilo i vědomí celé velké práce kriticko-ediční, jíž by si moderní vědecké vydání těchto dosud filologicky vůbec nezpracovaných textů vyžádalo. A práce i P. de Meester velmi správně vidí ve studiu textů nepostradatelný pevný základ vši badatelské práce o původu a vývoji liturgie.

Zde tedy čeká filologii kus práce, práce tím důležitější, čím prudčeji roste na západě, zejména ve Francii a Německu, zájem o historii a rozvoj liturgie, a čím akutnější jsou tyto otázky v celém souboru problémů přinesených obnovenými snahami o sjednocení církve západní s východní. Liturgické texty církevněslovanské jsou velmi úzce spjaty s liturgickou literaturou byzantskou, z níž se zrodily a pro niž přinášejí i svědectví v řeckém znění nedoložená. Odtud zájem P. de Meester o liturgický materiál *církevněslovanský*, jímž dokresluje místy svůj obraz liturgie byzantské, odtud také zájem, s nímž po knize P. de Meesterové sáhne i slovanský filolog. Následující poznámky jsou činěny právě jen s tohoto skromného stanoviska slavisty, jehož zajímají texty, o něž jde a jímž věnuje P. de Meester tolik pozornosti. Jsou činěny s nelíčenou úctou k velké a dlouhé práci, kterou tato kniha představuje, a u plném vědomí, že se nedotýkají výtěžků, v nichž spočívá hlavní její cena a vlastní její poslání.

*

Řecké rukopisy, které průběhem své práce P. de Meester cituje, jsou uvedeny v rozsáhlém seznamu, zabírajícím str. IX až XVII. Nepracoval však s tímto materiálem přímo, nýbrž ve vydáních, která pořídili GOAR, DMITRIJEVSKIJ, CONYBEARE a j., a vedle nichž použil i katalogů rukopisných fondů, odkud vypsal názvy, po případě incipit modliteb a obřadů, které pro něho přicházely v úvahu. Je to tedy pokus o široce založený inventář textového materiálu. Pokus nový, nesnadný, záslužný a skutečně užitečný. Je ovšem dáno novostí pokusu i podstatou, rozmanitostí a neobvyčejnou rozsáhlostí látky, že soupis zůstal neúplný v materiálu knihoven východních i západních. V materiálu východním proto, že autor nepoužil některých důležitých ruských edicí byzantských liturgických textů, že nepoužil prací novořeckých a i některých prací francouzských a j. Tak nezná na př. materiálu vydaného ALMAZOVEM, KRASNOSELCHEVEM, MANSVETOVEM (zejména jeho důležitých glos k Euch. sin. в Прибавл. къ изд. твор. св. отцевъ (1883), kde je citováno i málo známé euchologion Porfiriovo, jedno z nejstarších řeckých euchologií vůbec) a j., nepoužívá toho, co podává Λαογραφία a Ἑλληνικὴ λαογραφία, nechává stranou i neobvyčejně pronikavé, živé a instruktivní studie ARNAUDOVY v předválečných ročnících *Echos d'Orient*. Nejcitelnější mezerou v materiálu z knihoven východních je ovšem neúplnost, s níž P. de Meester použil materiálu církevněslovanského. Autorovy omluvy v předmluvě jsou pochopitelné, ale přece není možno dost litovati, že mu unikla i památka tak kapitální věkem a obsahem, jako je stsl. *Sinajské euchologion*, vrhající do liturgického materiálu byzantského v nejednom bodě světlo, jež teprve čeká na své ocenění. V materiálu západním, který mohl býti velmi obohacen využitím převzácných možností, které skýtá Řím, nepoužil autor na př. ani katalogu IRIARTOVA (*Regiae Biblioth. Matritensis*

codices graeci mss., Matriti, 1769) a k velmi důležitému materiálu pařížskému se mu nepodařilo najít cesty jiné, než excerpta DMITRIJEVSKÉHO z Coislin 213 (Описание лит. рукоп. хран.-ся въ библ. правосл. Боср. П. Εὐχολόγια), kterého ostatně nevyužil plně. V materiálu východním i západním měl P. de Meester při svém soupise na základě katalogů velkou překážku v tom, že starší katalogy nepřecisují u eucharologií obsah rukopisů, ač nejsou snad dvě eucharologia obsahově totožná; jindy neúplnost vznikla z toho, že mu při množství materiálu uniklo i něco z toho, co je ve vydáních, která měl v ruce. Tu z konkrétních fakt budou uváděny pouze příklady.

Tak na př. neuvádí modliteb před jídlem a po jídle, třebaže jsou doloženy i u GOARA (*Euchologion sive Rituale Graecorum*, 2. vyd. v Benátkách 1730), i u DMITRIJEVSKÉHO op. cit. v jeho materiálu z Coislin 213, nehledě ovšem k Euch. sin. a vydanému materiálu církevněslovanskému (GOAR² 569, Εὐχή πρὸ ἁγρίστου, DMITR. 1014 °Ε. ἐπὶ τραπέζης; GOAR ibid. °Ε. μετὰ τὸ ἀναστῆναι ἐκ τοῦ ἁγρίστου, DMITR. 1015, °Ε. μετὰ τὸ ἀναστ. τῆς τραπέζης; GOAR ibid., DMITR. ibid. °Ε. μετὰ τὸ ἁγρίστον; DMITR. ibid. °Ε. ἐτέρα).

Stejně neuvádí modlitby při postřížení (τριχοκουρία) třebaže jsou dostupny v těchto vydáních (GOAR 306—7, DMITR. 55—56) a u CONYBEARA (*Rituale Armenorum*, str. 408—411).

Hledání materiálu v této knize je ztěženo ještě neúplností rejstříků. Tak na př. požehnání velikonočního beránka je zaznamenáno při svěcení masa str. 493, ale uvedeno není ani v rejstříku řeckém, ani v rejstříku italském.

Bibliografické odkazy jsou někdy neúplné, neplodné nebo nepřesné. Tak na př. u právě jmenovaného požehnání velikonočního beránka nezmiňuje se autor, že tuto modlitbu najdeme i u GOARA² str. 566 Εὐχή εἰς τὸ εὐλογῆσαι ἐδέσματα χρεῶν

τῇ ἁγίᾳ καὶ μεγάλῃ κυριακῇ τοῦ Πάσχα a že její variantu z Cod. Cryptofer. Γ. β. 10. (Εὐχὴ εἰς τὸ εὐλογῆσαι ἄμυνὸν καὶ Κρέα τοῦ Πάσχα), kterou cituje, vydal CONYBEARE, *Rit. Armen*, str. 412.

Odkazy P. de Meestera mají často jen význam soupisu, bez přímého užitku, když z DMITRIJEVSKÉHO nebo z katalogů rukopisů cituje místa, kde nacházíme jen název modlitby nebo nejvýš její incipit či odkaz na GOARA. Tak na př. na str. 248 ze 13 odkazů na DMITRIJEVSKÉHO, seřazených v poznámce 2. k modlitbě při vstupu do nového domu, jen u jednoho jde o něco jiného než o další odkaz nebo incipit. Ostatně z těchto 13 odkazů 2 (odkazy na stranu 284 a str. 437) jsou mylné, protože na těch místech není nic z modlitby, o níž jde. Táž nehoda se stala v pozn. 4. na téže straně, kde je z DMITR. citována str. 70, kde rovněž není nic z příslušné modlitby. O stranu dále (str. 249) v pozn. 2. je z DMITR. citována chybně str. 430 místo str. 431. Jindy opět necituje autor všech míst, kde u DMITRIJEVSKÉHO nacházíme nejen zmínku o určité modlitbě, nýbrž skutečně její text. Tak u modlitby nad mladým vínem (str. 390) necituje DMITRIJEVSKÉHO str. 526, ale cituje naproti tomu str. 491, kde o této modlitbě není vůbec řeči.

Při obřadu duchovního sbratření (po-bratimstvo) (Euch. sin. 9a—11b) odkazuje, na str. 359 pozn. 1., k DMITRIJEVSKÉMU str. 214; tam však jsou jen texty týkající se zasnoubení a sňatku. O obřadu duchovního sbratření uvádí P. de Meester str. 367 i odjinud známou skutečnost, že původně obsahoval jen jednu modlitbu a že teprve průběhem doby se rozrostl v rubriky a jiné modlitby. Na doklad tohoto nejstaršího stavu tohoto obřadu dovolává se i materiálu, jež DMITRIJEVSKIJ podal z pařížského Coislin 213 (DMITR. str. 998). V tomto rukopise (jenž není z IX.—X. st., jak autor udává, nýbrž z r. 1027, jak správně naznačuje na str. 377, pozn. 4.)

nejde však přes označení Εὐχὴ o jedinou modlitbu, nýbrž o obřad skládající se z modliteb dvou, spojených normální rubrikou, což je vidět i u DMITRIJEVSKÉHO.

Drobné nepřesnosti vloudily se i do řeckých citátů. Tak na př. na str. 370, pozn. 15. je uvedeno incipit Κύριε... ὁ καταξιώσας διὰ τῆς ἐπιφανείας (DMITR. 897) místo správného... διὰ τῆς ἐπιφοιτήσεως.

Konečně v *transkripci* církevněslovanských citátů nevyhnul se autor nedůslednosti tam, kde některé zvuky přepisuje dvojím, jiné trojím způsobem. Tak *c* píše někdy z (grabnizy 549), jindy tz (tzerkve 549, tzara 550); *š* píše ch (prochenija 547), ale také c (nacestvija 549); *ž* píše g (dergavy 549, Rogdestva 549), ale také j (Rojdestvo 548), při čemž g mu znamená také g (blagovonnoje 547) a j také j (obchojdenija 405 psané také obchogdenija 550); *šč* píše chtch (kladbichtcha 549, chotiachtchim 549) i chtc (mochtci 549, osviahctcenija 549); *u* píše jednou u (putii 549, orugii 549), po druhé y (sybbota 548, Ierysalimskii IX); *v* někdy v, jindy b (v bibliotekach pravoslavnago Bostoka IX). Rozmanitě píše *č*: jednou tc (tcin 550, motciti 550), jindy tch (kolatcha 550) nebo c (liturgiceskich IX); *y* transkribuje jednak ui (svietluia 548, sviatuija 548), jednak y (synom 548), jež mu znamená také, jak již řečeno, *u*, jednak také u (materialu XIV, tcturedesiatizi 548); a konečně největší fantasii nacházíme při transkripci *ch* psaného jednou ch (chramie 548, chorugvi 549), jindy *χ* duχovnym 548) a konečně i *χh* (vsagden-nyχh 547), atd.

Při studiu faktury modliteb bylo by bývalo zajímavé sledovat osudy jednotlivých mobilních kusů. Tak při modlitbě nad znečištěnou studní (str. 256—259) je použito modlitby Κλῖνον, Κύριε, τὸ οὖς σου καὶ ἐπάκουσον, z malého obřadu svěcení vody

(Euch. sin. 6a), u DMITR. na straně 217, kterou P. de Meester cituje.

Přese všechna tato desiderata zůstává však synthese P. de Meestera zásluha, že vrhla ostré světlo do hustého a spletitého přediva jedné části východních liturgických textů. Je-li třeba hodnotiti každé dílo nejen podle jeho skutečného přínosu, nýbrž také podle podnětů, jež poskytuje, je třeba říci o knize, za níž vděčíme P. de Meesterovi, že podnětů přináší hodně. Slavistovi se musí vtírat zejména jeden: bibliografický soupis liturgických památek církevněslovanských jako příprava ke kritickému vydání těchto filologicky dosud neprobraných textů. Jan Frček (Brno).

ЯК ОПИСУВАТИ РУКОПИСИ.¹ (Методологічно-критичні uwagi.)

Великий і цінний збір рукописів старого львівського монастиря св. Онуфрія дочекався, нарешті, друкованого опису. Цілі покоління вчених багато користали з цікавих св. Онуфрійських зборів, але широкий загал мало знав про бібліотеку одного з найстаріших львівських монастирів. І тільки з виданням праці Д-ра ЯРОСЛАВА ГОРДИНСЬКОГО («Рукописи бібліотеки монастиря св. Онуфрія ЧСВВ. у Львові.» Випуск перший. Бібліотека «Записок Чину св. Василя Вел.» № 5. Жовква, 1927 р. Ст. 1—114) маємо тепер повну змогу ближче приглянутися змістові св. Онуфрійських рукописних зборів.

Опис рукописів — це дуже «не модна» наукова ділянка, особливож по війні, коли таких описів майже не друкується. Дійсно, опис рукописів — праця надзвичайно тяжка, складна, вимагає різнорідного знання, але праця мало вдячна, — хто її тепер оцінить? І вже через саме це мусимо нову працю Я. Гординського як найгарячіше вітати.

Кожний, хто працює в архівах, добре знає, як гостро відчувається на нашій на-

¹ На першому з'їзді Слов'янських Філологів у Празі проф. С. Кульбакін порушив важливе питання про потребу опису всіх кирилических руко-

писів XI—XVII віків. У зв'язку з тим повстає не менше важливе питання, як ті рукописи описувати, бо ж методологія опису ще не вироблена.

уковій праці брак добрих покажчиків рукописного майна. Наші бібліотеки чи архиви звичайно обходяться старим рукописним покажчиком, майже постійно зложеним нефахово, непрактично й неповно; часом маємо й друківані покажчики, що з наукового погляду стоять дуже низько. Але в наш час виробилася вже окреслена наукова методологія, як саме повинно описувати рукописи, щоби цей опис справді був корисним для науки, практичним для вжитку й подавав найрізніші потрібні відомості.

З погляду методологічного нова праця Д-ра ЯР. ГОРДИНСЬКОГО вповні дорівнюється кращим зразкам цієї літератури. Звичайно він дає всебічний опис рукопису, що часом стає в нього цілою монографією, напр. NN^o 27 ст. 48—102. Кидається в вічі добра ерудиція автора в давній слов'янській літературі, бо майже скрізь до свого опису він подає багату бібліографію, за яку не раз чинить подяку йому науковий дослідник (при закінченні праці варто подати частоквиану літературу в одному місці повно, бо ж в книжці її звичайно цитується скорочено).

В першій випуску праці Гординського описано поки-що лише 36 рукописів, — все рукописи на папері, пергаменових серед них нема зовсім. Зміст цих рукописів такий: Службники XVI в. — 2 (NN^o 21 і 28), Службник монастирський кінця XVI ст. NN^o 12, Службник з Требником к. XVI ст. NN^o 18, Великодня відправа XVI ст. NN^o 25, Величання 1821 р. NN^o 20, Четвероевангелія XVI в. NN^o 24, Канони Івана Дамаскина к. XVI в. NN^o 16, Часословів два: 1668 р. NN^o 8 і 1698 р. NN^o 9, Ірмологіонів 7: поч. XVIII ст. NN^o 5, 6 і 13, XVIII ст. NN^o 26, 29 і 30, один датований 1759 р. NN^o 19; Метрики 1708—1727 р. NN^o 31, 1752 р. Крехівська NN^o 22 і 1743 р. NN^o 32; Устав XVI в. NN^o 36, О уставах монастирських XVII ст. NN^o 35, Пом'яник Яворовського монастиря 1685 р. NN^o 23; книги до читання: Пролог кінця XVI - поч. XVII в. NN^o 27, Ліствиця 1604 р. NN^o 14, Маргарит 1617 р. NN^o 15, Пандекти Никона Черногорця кінця XVII ст. NN^o 11, Душеспасительні річі

1722 р. NN^o 2, Розмишлення 1748 р. NN^o 10; багатий Опис на збірники, їх тут аж 7: XV в. NN^o 33, XVII в. NN^o 7, 34, 17 і 4, і XVIII в. 1 і 3.

По віках описані 36 рукописів діляться так: датованих 12 і недатованих 24, а саме: XV в. — 1, NN^o 33; XVI в. — 5, NN^o 21, 24, 25, 28 і 36; кінця XVI в. — 3, NN^o 12, 16 і 18; кін. XVI - поч. XVII в. — 1, NN^o 27; поч. XVII в. — 2, NN^o 7 і 34; половина XVII в. — 1, NN^o 17; кінець XVII в. — 1, NN^o 11; XVII в. — 2, NN^o 4 і 35; поч. XVIII в. — 4, NN^o 1, 5, 6 і 13; XVIII в. — 4, NN^o 3, 26, 29 і 30. Датовані рукописи: 1604 р. NN^o 14, 1617 р. NN^o 15, 1668 р. NN^o 8, 1685 р. NN^o 23, 1698 р. NN^o 9, 1708 р. — 1727 р. NN^o 31, 1722 р. NN^o 2, 1743 р. NN^o 32, 1748 р. NN^o 10, 1752 р. NN^o 22, 1759 р. NN^o 19 і 1821 р. NN^o 20. Як бачимо, найстарший рукопис NN^o 33 з XV в. (Збірник), наймолодший — NN^o 20 з 1821 р. (Величання). Більшість рукописів писано півуставним письмом — 26; скорописом писано 5 рукописів, NN^o 1, 2, 10, 17 і 34; один рукопис — Маргарит 1752 р. NN^o 22 «ріжні почерки», а в 4 рукописах автор форму письма забув зазначити (NN^o 5, 6, 31 і 32).

Починається праця Д-ра Яр. Гординського передмовою видавця — редактора о. Й. Скрутня, в якій підноситься значіння цієї праці; передмова зовсім не на місті й непотрібна; шкода, що сам автор не подав своєї передмови, в якій би описав, напр., як склалася рукописна збірка св. Онуфріївського монастиря; так, із самого опису бачимо, що багатенько рукописів прийшли до Львова з провінціальних монастирів, напр. з Добромиля NN^o 3, 16, 25, 34, 35, з Крехова NN^o 15, з Верхратського монастиря NN^o 27, один навіть з Києва NN^o 7, а деякі переходили з монастиря до монастиря, поки не опинилися у Львові, напр. NN^o 11.

Частина рукописів дуже цікава й цінна. Перш над усе, NN^o 4 — тут збірка творів Івана Вишенського, про яку писали Іван Франко та В. Щурат. Цікавий пом'яник NN^o 23, на жаль тільки, автор описав його дуже поверхово. На ст. 40 знаходимо статейку: «О повѣтх рускихъ: Сія страна Европіа

глаголется, идеже ми сѣдим, вси сармати», але автор ближче її не подав.

Кидається ввічі, що серед описаних рукописів маємо аж 6 копій зо стародрукованих книжок, а саме: 1. «Собраніє въкратце словес», Павла Домжива Лютковича, в Угорцях, 1611 р., № 4 ст. 11; 2. «Маргарит», Остріг, 1595 р., № 15; 3. Копія з досі невідомого друку Петра Могили: «Книга Души, нарицаема Злото», Київ, 1623 р., № 4, ст. 7; 4. «Омилія» Зах. Копистенського, Київ, 1625 р., № 17; 5. «Лимоментар», Київ, 1647 р., видання Спир. Соболя, № 17 і 6. Величання, Почаїв, 1789 р., № 20. Як бачимо, часом і рукописи дадуть нам змогу віднайти загублений стародрук, як то бачимо тут з невідомою працею митр. Петра Могили. Це важлива методологічна вказівка для палеонтипії.

Автор старанно подає в своїй праці всі записи й приписки, що їх маємо в рукописах, а це не тільки дає нам історію книжки, але часто й ціну її, звістки про її господарів і т. п. Записів історичного та побутового змісту мало; в № 18 (Службник к. XVI ст.) читаємо: «Року божего 1662 на квѣтъ на жито впавъ снѣгъ великий, азъ ся дерева ломали, мѣсяца мая дня 8» (ст. 41); або ще такий запис (№ 27 ст. 49): «Рок(у) бж. 1638 (1648?) была заторжка велик(а) поляком ис козаками, много погинуоуло христиан и поган от лахов и от козаков и от татар; которых побрали в неволю, а других постинали» ...

Багато описаних рукописів надзвичайно цікаві для історії української мови, напр. № 4, I; частина матеріалу писана впрост українською мовою, частина має багато ріжних додатків в цій мові; рукопис № 10 (Размишленія 1748 р.) дуже послідовно вживає *и* замість *ы*. Автор звичайно подає уривки з цієї мови, напр. № 11, але шкода, що часто він скупий на них; взагалі ж, автор зробить для науки велику прислугу, коли при своїх описах ніде не забуватиме й історії української мови, нотуючи докладно все, що заслуговує на увагу; підкреслювати

значіння пам'ятки і для історії мови — це необхідна методологічна вимога в сучасних наукових описах.

Деякі рукописи кидають нам цікаве світло на стан наших давніх церковних книг. У нас принято в богослужбових книжках давати заголовки та всі пояснення до Служб (рубрики) лише церковно-слов'янською мовою. Це зовсім непотрібний пережиток, бо навіть у старовину цього часом уже не робили; так, в рукопису № 8, Часослов 1668 р., читаємо, напр., такі заголовки: Начало часа третаго, Чинъ малой ал'бо повседневной всего лѣта Повечерниці і т. п., ст. 21; або ось Часослов 1698 р., про нього на ст. 23 автор подає, що «мова в увагах і поясненнях до тексту книжна українська з польонізмами». Це приклади, гідні наслідування і в наш час при виданні богослужбових книг.²

Подам ще кілька методологічних уваг на працю Д-ра Яр. Гординського.

1. В своїй праці: «Наголос, яко метод означення місця виходу стародрукованих книжок» («Записки» Львівські т. т. 136–137 за 1925 р.) я докладно показав, що наголос постійно показує нам, де написано того чи іншого рукописа; через це, описуючи рукопис, мусимо обов'язково подати хоч жменю прикладів акцентування, але вибрати ці приклади треба пильно й подавати лише наголоси характерні, напр. слова: зѣло, глаголати, твоего, своего, моего, твоему, своему, моему, сія, бесѣда, послѣдованіе, хвала, вторый, шестый, житіе, бытіе і т. п., — по акценту навіть цих слів відразу окреслите, чи то рукопис український, чи ні. На жаль, мої принципи автор зачав стосувати до праці тільки з № 24-го свого опису, а в №№ 1–23 він зовсім не цікавився акцентом. А між тим, походження деяких рукописів автор докладно не проаналізував, напр. № 7, — Збірник поч. XVII ст., привезений з Києва. Автор про нього пише на ст. 13: «Українська редакція», але чому це українська редакція, автор нічим не пояс-

² Подаю це на увагу «Міжепархіальній Комісії для ревізії літургічних книг» у Львові.

нює; акценти ж цього рукопису найвиразніше свідчать про його російське походження: вторая, о судѣ, полѣзна, житѣе, бесѣда, похвала, своего, повѣдаше, исповѣдуеши, сего, своей, злѣбу і т. п. Глибше студіювання способу розставлення наголосів дало б авторіві змогу точніше зазначати про походження оригіналу, з якого списувано; напр. № 36 ст. 113, автор пише: «Наголоси часто неукраїнські». Невідомо, чого автор шукав в цій рукопису українських наголосів, коли це список болгарської редакції, про що свідчать: юс великий ж, ѣ замість и, знак кендема ѣ, спосіб розставлення наголосів і др. Те саме стосується й до рукопису № 33. де так само несподівано знаходимо нотку: «наголоси не все українські», коли то текст болгарський. В рукописах №№ 10, 14 і др. наголос такий чисто український, що аж проситься описати його, чого автор не зробив. Про мову (церковного тексту) Часослова 1668 р. № 8 автор не сказав ані слова, але наголоси: зѣло, вѣщей, малѣи і т. п. найвиразніше говорять нам про українську редакцію. Про № 28 читаємо, що це «середньо-болгарсько-українська редакція» ст. 102, але українізмів тут не знати.

2. Надрядкових значків автор не описує докладно, а там, де описує, не все в нього в порядку. Так, частенько автор змішує титлу з покриттям винесеної букви (титла й покриття винесення повинно розрізняти). Написати (ст. 45): «Придих'... зрідка в середині слів» — це ще нічого не дати, бо ж треба зазначити, в яких саме умовах кладеться придиха в середині слів (на голосній по голосній?). Або (ст. 46): «Тут і там подвійний знак тупого наголосу ѣ без системи», а подані приклади — все односкладові слова — як раз і свідчать про тодішню систему, до речі — цілком переняту з літератури грецької.

3. Методологія наукового опису вимагає, щоби з кожного окремого твору подавати відповідний уривок, а це дасть змогу розпізнати мову цього твору, чи хоч редакцію його. Шкода, що автор часом цього не

робить, як напр. в №№ 15, 25, 26.

4. На графічний палеографічний опис письма рукопису мусимо звертати найпильнішу увагу. На жаль, Др. Яр. Гординський часто на графіку не звертав належної уваги; правда, починаючи з № 24 він не забуває графіки, а часом подає її навіть зовсім докладно, напр. №№ 24, 27, 28, 33, 35 і 36, але спиняється на графіці тільки півуставу, хоч не дає всього найбільше цікавого; напр., неперемінно треба зазначати, чи в рукопису проведено послідовну різницю між е і є (це вже й правописна риса); напр. на ст. 46 автор розповідає про брак йотації в деяких виразах і подає приклад: събираеть, приклад не відповідний, бо може це й събираеть. Докладного опису скоропису автор не подає (напр. в № 34), тоді як обов'язком нашим мусить бути постійно зазначати характер скоропису, спиняючись докладно над в'ясуванням т. зв. ознакових літер, напр. для українського письма то будуть б (трикутник з гачком зверху), в (як грецька ϑ), г і др. Звичайно, при докладнім описуванні варто оминати таких фраз, як «різні почерки» (№ 22), ліпше подати, хоч коротко, які саме.

5. Який би зміст не був, мусимо кожний рукопис описати докладно. При загальнім докладнім описуванні кожного рукопису кидається в вічі в рецензованій праці занадто малий опис №№ 6, 12, 13, 19, 21, 23 і 26. Взагалі ж ці всі Ірмологіони автор описав аж занадто недокладно.

6. В описах рукописів мусимо обов'язково подавати висоту літер в міліметрах, користуючись для того особливою поділкою. Шкода, що Др. Яр. Гординський ніде цього не робить; а без докладного виміру чого вартий такий вислів, як, напр., на ст. 13: «малий півустав»?

7. При описах варто більшу увагу звертати на опис календарної частини, — на пасхалії, круги і т. п., і все це описувати докладно, зазначаючи й місцевих святих. Коли говоримо про Чин Вінчання (ст. 42), варто зазначити й виписати присягу моло-

дих, як що вона єсть; в українськiм «Чинi на розлучення душі з тілом» (ст. 12) бувають цікаві частини живою українською мовою, — їх треба виписувати.

8. У великих рукописах та стародруках дуже часто знаходимо папір не з одним якимсь водним знаком (філігрань), а з найрізніщими; напр. на папері Острiжської Біблії 1581 р. маємо цих знаків понад 30. Д-р. Яр. Гординський звичайно подає лише один водний знак, але не маю певности, чи там дійсно їх лише один. Методологія наукового опису вимагає подати опис усіх філігранів, які має рукопис, переглядаючи його сторінка за сторінкою.

9. Автор ніде не забуває подавати опису всіх прикрас, які маємо в рукопису; але загальне вражіння таке, що автор описує їх недокладно.

10. Усі рукописи автор подає в своїм опису без жадного певного порядку. Чи не ліпше було б все-таки, за старими зразками Горського й Невоструєва, давати опис, поділивши рукописи по змістові їх, — книги літургiчні, св. Письмо, отці церкви, читання, Збірники і т. п., а кожну окрему групу описувати хронологічно й географічно; такий опис був би справді змістовним і цінним, бо відразу виявляв би вартість не тільки архиву, але й самого рукопису.

11. Ще дрібнички. Звичайно, на ст. 6 рядок 2-й від долу маємо зовсім добру стару форму А¹ патріар(х)с, від N¹ патріарха. В N° 22 на ст. 43 неясність: «Печатка Крехівського монастиря», але яка це печатка — стародавня, чи нова? Який її зміст?

На 2-й ст. заголовного листка в праці Др. Яр. Гординського несподівано читаємо: «Всі права зберігається.» На наукових виданнях робити таких написів не повинно: 1. нехай передруковує, хто хоче, а за передрук подякуємо, і 2. автор може бути спокійним, що Опису рукописів напевне ніхто не передрукує...

Над текстом сторінки варто було б в цілях практичних позначати на кожній сторінці і N^oN^o описуваного рукопису. До рукопису

N° 35 додаю нову літературу: С. Некрашевич: Мова книги Касьяна Рымлянина Ераміты, див. «Записки аддзела гуманітарных навук», кн. 2 ст. 86—115.

Такі мої методологічні уваги на працю Д-ра Яр. Гординського. Працю пророблено старанно й докладно, так що вона в нашій науковій літературі не на одній сторінці може бути зразком для подібних праць. Праця ще далека від закінчення (в тих же «Записках» т. III вип. 1—2 на ст. 40—64 подано ще описи N^oN^o 37—52), а тому може й мої вище подані замітки не будуть зайвими для автора.

Іван Огієнко.

ANDRÉ VAILLANT: LES CHANTS ÉPIQUES DES SLAVES DU SUD. *Extrait de la Revue des Cours et Conférences* (30 janvier, 15 février et 15 mars 1932). Paris, Boivin et Cie, éditeurs, 1932, 46 p.

Новая работа даровитого французского слависта посвящена преимущественно эпосу сербо-хорватскому. Вступительный очерк сжато излагает историю собирания эпических песен, при чем автор справедливо отмечает, что изданные записи большей частью воспроизводят песенный текст приблизительно, не без искажений, — стихи записаны не с голоса, как надлежало бы, а с пересказа. Далее следует толковая характеристика современного бытования эпической традиции, — в частности, правильно освещен вопрос об отношении сказителя к исполняемой песне; автором использована новейшая литература вопроса, в особенности — ценные наблюдения МУРКО. К сожалению, VAILLANT не упоминает об исполнении эпических песен без музыкального аккомпанемента, — было бы важно охарактеризовать этот тип исполнения и его географическое распространение, ибо до сих пор невыяснено, был ли первоначальным сказителем юнацких песен именно гусляр; равно и в истории русского былевого эпоса вопрос о музыкальном аккомпанементе остается открытым. В главе об эволюции эпоса поучителен критический перечень

древнейших свидетельств о сербо-хорватских эпических песнях, а также оценка исторического элемента в эпосе; VAILLANT приходит к выводу: южно-славянский эпос не знает исторических тем, которые были бы старше середины XIV века. Любопытны историко-литературные соображения автора об отдельных песенных циклах; впрочем, некоторые догадки представляются малоубедительными, — таково, напр., предположение, что в основе «Косовского цикла» песен лежит недошедший до нас рыцарский роман о Милоше, такова и гипотеза, что Марко Кралевич был воспет как «репрезентативный герой политики сотрудничества с турками». Наименее удался автору экскурсы в область стихосложения. Нам придется остановиться на этих экскурсах подробнее, потому что преимущественно метрическими аргументами обосновывает VAILLANT свою гипотезу о византийском влиянии на южно-славянский эпос.

Автор характеризует сербо-хорватский эпический *десетерац* как десятисложный стих, составляющий семантическую единицу и наделенный принудительной паузой после 4-ого слога (12 след.). В интересах терминологической точности нам представляется целесообразным вместо «паузы» подставить термин «сечение» (*coupe*). MEILLET справедливо указывает, что сечение не знаменует перерыва, это только факт фразировки стиха, и в этом отношении сечение отчетливо отличается от конца стиха, где действительно налицо пауза (*Les origines indo-européennes des mètres grecs*, 10 след.). Уже СУБОТИЧ возражал против попыток отождествить сечение с перерывом; здесь декламатор, по его словам, «нити престае гласомъ . . . нити престаи мора» (Наука о србскомъ стихотворенію, 1845, 49). С точки зрения фразной фонологии, сечение является полу-каденцией (*mi-cadence*); в конце же стиха имеет место фразная каденция или анти-каденция (см. КАРЦЕВСКИЙ в *Trav. du Cercle ling. de Prague IV*, 199 след.). Полу-каденция может сопровождаться пе-

рерывом, но таковой необязателен. Мало того, исполнители юнацких песен его обычно не реализуют, опускают. Как полустииши десетерца, так и стихи в целом являются, в плане фразной фонологии, единицами различных рангов. Термин «семантическая единица» страдает неопределенностью.

Подобно МАРЕТИЧУ, VAILLANT пытается построить характеристику десетерца на одних метрических *константах*, не привлекая к рассмотрению тех просодических элементов, которые проявляются в стихе только как носители ритмических *тенденций*. Исследователь стиха, разумеется, не в праве смешивать константы и тенденции, но с другой стороны, картина неизбежно окажется искажена, если в описании стиха он ограничится только одной из этих двух категорий. VAILLANT повторяет утверждение МАРЕТИЧА, что ударение не играет существенной роли в сербо-хорватской народной поэзии, однако тут же сам противоречит этому тезису: он констатирует, что в конце полустииши десетерац не терпит ударного односложного слова, так как оно «разрушило бы трохайческий ритм» (13). Между тем, МАРЕТИЧ, будучи последователен в своем отрицании роли ударения применительно к сербо-хорватскому стиху, полагает, что и в законе о недопустимости односложных словесных единиц в конце полустииши десетерца ударение не при чем: «Kad bih ja uz ovo umovanje pristao, ja bih s tijem priznao, da je u gradi nekih naših narodnih stihova akcent neki faktor» (*Metrika narodnih naših pjesama*, 54).¹ Поскольку VAILLANT, исправляя МАРЕТИЧА, признает роль противопоставления ударных и безударных слогов в конце полустииши, теряет правдоподобие гипотеза о маловажности этого противопоставления в остальных долях стиха. Напротив, естественно в этом случае предположить наличие установки на ударение в сербо-хорватском десетерце. В последнем слоге полустииши безударность

¹ Cp. *Fr. Wollman, Njegošev deseterac*, 5.

— константа; в прочих четных слогах десетерца безударность, а в нечетных ударение — ритмическая тенденция. В русском классическом хорее последний икт стиха всегда выполняется ударным слогом, в отношении к прочим иктам ударение — ритмическая тенденция (тогда как слабые доли стиха всегда безударны). Можно ли, описывая русский хорей, говорить, что ударение не играет существенной роли в характеристике всех иктов, кроме последнего, где оно является константой? — Разумеется, нет, — и точно так же следует учитывать при характеристике сербо-хорватского десетерца роль, которую играет противопоставление ударных и безударных слогов не только в конце полустихий, но на протяжении всего стиха. Мы имели уже случай констатировать, что ШРЕПЕЛ, вопреки возражениям МАРЕТИЧА и МАТИЧА, показал своим анализом распределения ударных и безударных слогов в десетерце четкую трохайческую тенденцию этого стиха (см. Slav. Rundschau III, 276). VAILLANT признает наличие этой тенденции, но усматривает в ней не художественное задание, а «естественный ритм языка». Однако о нарочитости трохайческой тенденции (т. е. склонности к альтернации «сильное время — слабое время») отчетливо свидетельствует тот факт, что не только последний слог полустихий, но и остальные *четные* слоги десетерца избегают односложных словесных единиц. Исключения единичны. Этого «правила» автор не упоминает.

Конечно, нельзя приписывать полной автономии распределению ударений в десетерце. Я обследовал сделанные GESE-MANN'ом грамофонные записи двух эпических песен черногорского гуслера Вучича. Около 75% ударений падает в этих песнях на нечетные слоги. Еще ярче тенденция к размещению словоразделов перед нечет-

ными слогами десетерца: внутри стиха около 86% словоразделов проходит перед нечетными слогами. Основная тенденция — двусложная *фразировка*. Побочная тенденция, трохайческая разверстка ударений, в *значительной степени* обусловлена фразировкой. Но фразировка десетерца не может быть сведена к «естественному ритму языка». Склонность к двусложной фразировке, правда, присуща сербо-хорватскому языку, но в стихе она резко сгущена. Словесные единицы с нечетным числом слогов составляют в песнях Вучича всего 19% общего числа словесных единиц, а в прозе 47%.² Эпический стих ощутительно переиначивает прозаический язык. Поэтому не может быть принят тезис VAILLANT'a: *il suffit donc au chanteur, ou à peu près, d'avoir ses dix syllabes et sa césure après la quatrième syllabe et le reste est affaire de déclamation ou relève des lois esthétiques de l'euphonie* (13).³ Уже основоположник сербской метрики СУБОТИЧ справедливо отметил, что для десетерца «ніе доста само одморъ и извѣстно число слогова, као што нѣки мысле» (о. с. 52); равно а такой тонкий знаток юнацких песен как ИОКСИМ НОВИЧ указал, что жестоко ошибается тот, кто думает, *da ie to svejedno, samo kad mu ie na broju deset slogova, i kad su prva četiri odvoiena od zadnjih šest* (Ogledalo Srbsko 1864). Слова VAILLANT'a об элементарной легкости этого размера (14, 33) правильны только в одном смысле: такой привычный, традиционный стих, монопольный в эпической поэзии и располагающий таким множеством ритмико-синтаксических клише и готовых формул, не представляет больших затруднений для сказателя-импровизатора. Но лишь под углом зрения иноязычных навыков и чужеродных эстетических критериев можно говорить о «прозаичности» и «монотонности» десетерца или о «рудиментар-

² Рассмотрена первая тысяча словесных единиц в сказке «Aždaja i carev sin» (Maritić, Hrvatska Čitanka).

³ Между прочим, автор не вполне точно характеризует декламацию десетерца (13). Правда, певец

часто скандирует трохайческий метр и не считается с расположением языковых ударений, но нередко он следует именно этому расположению, поступаясь альтернативой слогов.

ном» характере его музыки. Она архаична, но отнюдь не рудиментарна.

Серьезных оговорок требует тезис, что количество не играет существенной роли в десетерце (13). *Количественная* каденция стиха — характерная черта этого размера. VAILLANT отмечает склонность девятого слога десетерца к долготе, если стих кончается двусложным словом. Это определение должно быть значительно расширено: 9-ый слог стиха под ударением долог, 7-ой и 8-ой слоги под ударением почти всегда кратки. Здесь снова обнаруживается значимость ударения в десетерце. Количественная характеристика соответствующих безударных слогов стиха куда менее постоянна, но все-же и при безударности *тенденция* к долготе 9-ого и к краткости 7-ого и 8-ого слогов налицо.

Своеобычный строй сербо-хорватского десетерца неразрывно связан с основными особенностями сербо-хорватской фонологической системы. Мысль о тождестве принципов народного стихосложения в сербо-хорватской и в болгаро-македонской области (13) верна только в отношении силлабической схемы. Болгаро-македонской области чуждо противопоставление долгих и кратких гласных, соответственно местный десетерац лишен, разумеется, количественной каденции. В языке здесь отсутствует так называемая *политония*, т. е. фонологическое противопоставление двух различных форм ударения, которое в сербо-хорватском десетерце служит к мелодической нюансировке стиха. Те говоры болгаро-македонской области, которые наделены свободным динамическим ударением, не предопределяют связи между фразировкой стиха и разверсткой ударений, тогда как в сербо-хорватском десетерце размещение ударений в значительной мере обусловлено фразировкой стиха.⁴ Наконец, в десетерце болгаро-македонской области, видимо, сильнее

сказывается тенденция к стандартному числу словесных единиц в стихе. Это явление, по всей вероятности, связано с тем, что единообразное — монотоническое ударение более отчетливо сигнализирует единство синтагмы, тогда как политония эту роль ударения несколько затушевывает.

Характерно, что те структурные элементы, которые утрачивает десетерац в болгаро-македонской области по сравнению с областью сербо-хорватской, находят себе возмещение в музыке. В приговоренном к печати предварительном отчете о поездке в Македонию BECKING констатирует резкое различие между двумя музыкальными типами южно-славянского эпоса: *македонскому* типу он противопоставляет *черногорский* (условный термин для типа охватывающего Черногорию, Герцеговину, Боснию и т. д., словом, область политонии). Вне области политонии фонологическая сигнализация стиха приглушена, — нет, как мы уже отметили, ни количественной каденции, ни связи между фразировкой стиха и трохаическим распределением ударений. За то македонский тип дает стиху куда более отчетливую музыкальную характеристику, нежели тип черногорский. Македонский тип отличается, согласно наблюдениям BECKINGA, во-первых сильной тенденцией к музыкальной строфичности. Строфа, дифференцируя и объединяя стихи, несомненно служит выделению стиха. Во-вторых, этот тип характеризуется отчетливым, устойчивым музыкальным ритмом («klar geprägte Physiognomie distinkter rationaler rhythmischer Werte») «в противоположность зыбкой основе и смелым построениям» черногорской музыкальной ритмики. Третья отличительная черта македонского типа — четкость, определенность музыкальной мелодии. Как конец стиха, так и сечение находят себе в музыке македонского эпоса яркое ритмическое и мелодическое выражение. Политония

⁴ Требуется специальный анализ десетерац каждой акцентологической зоны, а именно должны быть отдельно рассмотрены — в области *политонии* зоны

новоштокавского ударения и старого места ударения, а в области *монотонии* зоны свободного и неподвижного ударения.

позволяет, повторяем, нюансировать и разнообразить стих. Македонский тип возмещает отсутствие политоники широким использованием «лирических ценностей» музыкальной мелодии, тогда как черногорский музыкальный тип характеризуется «бережливым и планомерным обращением с мелодическими средствами».

Стих *бугарштици* еще ждет пристального исследования, но уже сейчас можно кое-чем дополнить суждение VAILLANT'a об этом размере (29). Автор отмечает, что стих бугарштицы может быть короче 14-и слогов, — следовало бы оговорить, что чаще он превышает 16 слогов (см. ШЕРЦЕР — Rad JA 182, стр. 190). Характерно, что из сегментов стиха оба крайних — 1-ый и 4-ый — наиболее устойчивы в силлабическом отношении, — они наиболее тяготеют к четырехсложной схеме. Обратно, для 2-ого сегмента особенно типичны колебания в числе слогов. 2-ой сегмент наименее отчетлив и в смысле распределения долгот и ударений. Вообще же разверстка слоговразделов, ударений и долгот внутри отдельных сегментов увеличивает определенные ритмические тенденции. Заслуживает внимания склонность предпоследнего слога сегментов к долготе, особенно явственная в сегментах второго полустишия.

VAILLANT полагает, что первоначально бугарштица и десетерац обслуживали различные поэтические жанры. Это предположение вполне правдоподобно, и автору удается извлечь несколько ценных указаний непосредственно из сопоставления материала: такова краткость и в то же время украшенный слог бугарштици (*verbiage* или, как говорит GESEMANN, *Wortaufschwellung*), по сравнению с длиной и «логическим», повествовательным стилем песен, сложных десетерцем; характерно и отсутствие бугарштици с «неисторическими» сюжетами. Но у нас нет пока данных для более точного определения первоначальной функции обоих метров; гипотеза, усматривающая в первоначальном десетерце размер духов-

ных стихов, остается голословным утверждением. Весьма вероятно, что это были первично размеры двух различных эпических стилей, а в дальнейшем один из этих стилей был обобщен. Исследователи сербо-хорватского эпоса невольно проецируют в прошлое современную монополию одного размера, но в эпической поэзии возможно и сожительство двух или нескольких метров, — например, современная русская эпическая традиция различает несколько размеров: полный былевой стих, сокращенный, смешанный, усеченный, «скомороший» и т. д. Оба сербо-хорватских размера могли различать два эпических жанра; может быть, как полагал уже МИКЛОШИЧ, первоначально разнилось и их географическое распространение. Во всяком случае оба размера характерны именно для эпоса. При этом песни, сложенные десетерцем, отличаются, как правильно отметил ЯГИЧ, особенно яркой эпичностью. Ссылка VAILLANT'a на то, что в старших текстах десетерац выступает в роли лирического стиха (32), нуждается в уточнении. Три десяти-сложника, которые мы находим у Хекторовича, лишены лирической окраски, а главное — они оказываются на проверку первыми половинками стихов бугарштицы и даже написаны в одну строку со вторыми полустишиями:

Maika mu je lipo ime dala,	svitla sunca gledajući.
Ljuba mu je zlatom venčac vila	uz konjica potičući.
Lipo ti je, brajro, pogledati,	lipa skoka junačkoga ...

В дальнейших стихах первое полустишие насчитывает уже не 10, а всего 9 и 8 слогов. Второе полустишие остается восьмисложным. Ср. с приведенными стихами такие стихи из бугарштицы:

Ерети сам се ја Угрян Јанко санку твому домислио:
Што оно ми ти се ведро небо под Будимом преложило.
(Богинич, Народне пјесме, 77).

К третьему из приведенных стихов Хекторовича есть в бугарштице и текстуальная параллель:

Л'јепо ти је погледати ову честиту госпoду.
(о. с. 5).

Что касается нескольких стихов [4+6], фигурирующих в одной из «песен на народный лад» Задрской рукописи 1507 г. (№ 7, см. *Stari pisci hrvatski* II, 509), то явно, что эти песни ухищренно экспериментируют фольклорным стихом, прибегая к таким непривычным размерам, как напр. [5+6] слогов (№ 8) или к сложным сочетаниям отдельных размеров, — напр. в упомянутой песне № 7 сперва идут 15 — исложные стихи, потом десетерцы, а рефрэн составляет 8 слогов; в песне № 5 за сложным размером [8+6] следует 6 стихов [5+5], а далее стихи [6+6] и т. п. В одном из таких опытов легко могла быть переключена функция размера, — эпический десетерац оказался использован лирически. Одинаково ошибочно искать в лирике и начатки десетерца, и дозвук бугарштицы. VAILLANT ссылается на свадебную песню, цитируемую БОГИШИЧЕМ (о. с. 69), но это отнюдь не размер бугарштицы, а обычный восьмисложный стих типа [4+4]:

Што се Јанко не ожени,
Ка остала браћа твоја...
и т. д.

Нет ни одного довода в пользу гипотезы, уверенно (*sans doute*) принимаемой VAILLANT'ом и выводящей стих бугарштицы из *византийского* пятнадцатисложного стиха. Последний неуклонно силлабичен, тогда как в дошедших до нас бугарштицах пятнадцатисложные стихи составляют, согласно подсчету ШЕРЦЕРА, неполных 64⁰/₁₀₀. В первом полустиии рассматриваемого византийского размера всегда 8, а во втором 7 слогов, — между тем в бугарштицах первое полустиие большей частью короче второго, из первых полустиий восьмисложны только 27⁰/₁₀₀, из вторых семисложны всего 5⁰/₁₀₀. Византийский стих ямбичен, бугарштица тяготеет к трохаичности. Конечно, можно объяснять расхождения сербохорватскими модификациями (30 след.), однако в чем же сходство обоих размеров? — 15 слогов в одном случае, некоторая склонность к пятнадцатисложности в дру-

гом, но ведь на свете существует немалое количество пятнадцатисложных размеров, естественно членищихся на два полустииа. Мастерски владеющий методологическими приемами сравнительно-исторического языковедения VAILLANT никогда не построил бы на таком шатком основании гипотезу о словарном или грамматическом заимствовании.

Еще рискованнее догадка автора о генезисе десетерца. Как известно, древне-болгарские поэты пользовались двенадцатисложным стихом с сечением после 5-ого слога. После падения слабых глухих эти церковно-славянские стихи «сохраняют 11, 10 или 9 слогов из 12-и, и в среднем это дает 10 слогов».⁵ Отсюда, по мнению VAILLANT'а, возникает десетерац; силлабическая схема (число слогов, место сечения) становится неуклонной константой лишь позднее, не без влияния более или менее образованных стихотворцев XVII—XVIII вв. (32 след.). Сходство церковно-славянского стиха, разрушенного падением слабых глухих, с десетерцем сводится к тому, что часть обесформленных церковно-славянских стихов наделена словоразделом после 4-ого слога (напр. в азбучной молитве Константина Болгарского около половины общего числа стихов), и что часть стихов насчитывает 10 слогов (напр. в названной молитве свыше четверти). Эти обломки десетераца преобразовал в силлабические константы, мало того — он самостоятельно создал новые константы: четные слогги стиха не могут быть выполнены односложными словесными единицами; в 9-ом слоге стиха недопустима ударная краткость, а в 7-ом и 8-ом ударная долгота; конец стиха отмечен фразной каденцией (или анти-каденцией), сечение — полу-каденцией. Этих новшеств так много по сравнению с унаследованным, что, собственно говоря, гипотеза о церковно-славянском прототипе десетерца лишена воз-

⁵ Наряду с падением глухих, автор упоминает «редукцию различных дифтонгов», но несомненно понятно, что он имеет в виду, и как вообще могла бы редукция дифтонгов сократить число слогов.

возможности объяснить основные особенности структуры последнего. Видеть в них плод позднейшей «ученой нормализации» невозможно, — разбор литературных подражаний XVIII в. юнацкому десетерцу, напротив, свидетельствует о неполном усвоении его констант (см. Slav. Rundsch. III, 277). Характерный пример: Релькович не соблюдает количественной каденции в десетерцах Сатира, тогда как в народной песне о братьях Якшичах, включенной в книгу Рельковича, эта константа до известной меры сохранена, — так на протяжении 102 стихов названной песни на 9-ый слог стиха приходится 32 долгих и 8 кратких ударений, 19 безударных долгот, а первые 102 стиха Сатира насчитывают в 9-ом слоге 20 долгих ударений, 31 краткое ударение и 7 безударных долгот.

Как ни шатки предположения ХАЛАНСКОГО и ШИШМАНОВА о средневековом латинском стихе [4+6] и романских декасиллабах как источнике десетерца, все же здесь больше элементов сходства, нежели между десетерцем и тем прототипом, который устанавливает для него VAILLANT. Еще требует пристального расследования вопрос о связи десетерца с инославянскими размерами той же силлабической схемы, — я имею в виду фольклорный стих [4+6] — чешский, точнее моравский (Ešče já si kol'e vody zajdu), польский (Przyjechali Mazurowie z pola),⁶ украинский (Моя мила, де с ти була вчера);⁷ к этим славянским размерам примыкает и литовский десятистолжник (Atsi-kėlus ankstąjį rytą). Но уже сейчас можно с уверенностью констатировать большую близость сербо-хорватского десетерца к этим формам, нежели к развалинам церковно-славянского двенадцатисложного стиха.

Неточно и исходное предположение VAIL-

LANT'a о том, что падение слабых глухих в южно-славянской области разрушило силлабическую схему церковно-славянского стиха. Такая утрата старой схемы могла иметь место в Чехии по мере угасания церковно-славянской традиции⁸, но южно-славянские авторы продолжали еще до XV века пользоваться греческим двенадцатисложным размером, при чем они стремились соблюсти традиционное правописание и слоговое произношение глухих (см. СОБОЛЕВСКИЙ, Материалы и исследования, 34 след.). Более правдоподобна и все-таки только предположительна связь между церковно-славянским двенадцатисложным стихом и южно-славянским дванаестерцем, — по видимому тенденция к переносу сечения на один слог вперед наблюдалась уже в церковно-славянской поэзии (см. нашу заметку в Известиях II АН, XXIV, 357).

В своем замечательном труде об индоевропейских источниках греческих метров MEILLET убедительно доказал путем сравнения нескольких древне-греческих и ведийских размеров их индоевропейское происхождение и вскрыл *основные принципы индоевропейского стихосложения: постоянное число слогов, сечение, количественная каденция*. Намечая дальнейший маршрут сравнительно-исторической метрики, он в частности формулирует вопрос, в какой степени сербские стихи являются продолжением индоевропейских типов (о. с. 13). Все вышеотмеченные принципы индоевропейского стиха сохранены в сербо-хорватском десетерце. Мало того, мы можем, пользуясь выводами MEILLET о характере модификаций индоевропейского стихосложения в греческой метрике, указать непосредственно *греческую* стихотворную форму, вполне отвечающую десетерцу.⁹ Нам

⁶ Этот размер распространен в польских повествовательных песнях (H. Windakiewiczowa — Rozpr. Wyszczu filol. Ak. Um. LII, 241). Letošík отмечает, что часть моравских песен, сложенных стихом [4+6], носит эпический характер (Český Lid, XIV, 1).

⁷ Среди размеров великорусской эпической поэзии есть редкая разновидность (см. нашу заметку

в Slavistische Studien Fr. Spina) — десятистолбный троханческий стих без постоянного сечения (У чesной вдовы да у Ненилы).

⁸ См. R. Jakobson, Nejstarší české písně duchovní, 24 след.

⁹ На этой проблеме мы остановимся подробнее в специальной статье.

кажется ошибочным априорный отказ VAILLANT'a от такого подхода, — отказ, формулированный в виде иронического предположения: *Nous ne remonterons pas jusqu' à Orphée ou à la civilisation indo-européenne* (18). Между тем только при постановке вопроса об индо-европейских истоках десетерца получает разъяснение, наряду с силлабической схемой, и его количественная каденция. В пользу архаичного происхождения этой каденции говорит и отчетливая склонность десетерца к открытым слогам: внутри стиха замыкающие слог согласные относятся в декламации к следующему слогу, а в конце стиха проявляется последовательная тенденция избегать слов, оканчивающихся на согласные фонемы (только сочетания «гласный + носовой» здесь обычны). Это — наследие праславянской просодии, которой была чужда проблема позиционной долготы, ибо язык не знал закрытых слогов. Тезису автора об изменчивости эпического стиха (33) мы противопоставляем тезис о его глубоком консерватизме. Архаичность стихотворной формы находит себе параллель и в музыкальной структуре сербо-хорватского эпоса, как показывают новейшие исследования BECKING'a.

Мнимое происхождение сербо-хорватского эпического стиха от стиха *средне-греческого* — таков единственный признак (*un indice isolé*), на котором VAILLANT строит смелую теорию: южно-славянский эпос возник под влиянием греческих эпических песен, — песен, о которых нам к тому же так мало известно. Но автор не ограничивается этим домыслом, — он полагает, что к восточным славянам эпос занесен сербами и болгарями, бежавшими от турецкого порабощения (20 след.), так что в конечном счете *весь славянский эпос восходит и византийскому* (46). Эта «*hypothèse tentante*» обоснована несколькими фантастическими предположениями, имеющими доказать позднее возникновение восточно-славянской эпической традиции. Даже утверждение, что украинский эпос не сохранил воспоминаний

о Киевской Руси (21), спорно, — ср. соображения ПЕРЕТЦА по поводу думы об Алексее Поповиче (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка CXLI—CXLIH) и замечания ГРУШЕВСКОГО о Михайлике (Ист. укр. літ., IV, 259 след.). Но с какой критической осторожностью мы бы ни относились к разысканиям т. н. исторической школы о русском былевом эпосе, не подлежит сомнению наличие в нем «княжеско-дружинного слоя». Автор намекает на возможность знакомства создателей былин с летописями, однако тот отбор исторических мотивов, который мы находим в былинах, был бы со стороны начетчиков XV—XVI в. непонятен. Между тем VAILLANT вслед за MAZON'ом полагает, что ранее этого времени не существовало русской эпической поэзии. Наряду с древними историческими мотивами и с несомненно древними собственными именами, в былинах обнаруживается, как указал ШАХМАТОВ, очень архаичный языковый слой, а склад былинного стиха восходит к XII веку, согласно веским доводам, которые формулировал ТРУБЕЦКОЙ на I съезде славянских этнографов. Можно предположить вслед за ШАМБИНАГО, что в XV—XVI веке былины подверглись радикальной переработке, но нельзя закрывать глаза на старшее ядро былевого эпоса.

Не только возникновение былин, но и «Слово о полку Игореве» VAILLANT готов отнести к XV. веку! О Бояне высказывалось немало фантастических предположений, и все-же гипотезу о Бояне — болгарском или сербском «беженце XV века» — можно признать одной из отважнейших. Автор не исключает и мысли о поддельности Слова. Этот нарек не впервые брошен во французской славистике. Уже MAZON характеризовал Слово как «текст, остающийся подозрительным, несмотря на усилия нескольких поколений ученых», и рекомендовал русским филологам мужественно поставить насущный вопрос о подлинности или по меньшей мере древности поэмы, как это сделал в свое время КАЧЕНОВСКИЙ (см. RĚS

III, 308 и V, 124; *Revue des Cours et Conférences*, 30 mars 1932, 691). Надо категорически сказать, что сомнение в подлинности Слова о полку Игореве свидетельствует о *недостаточном знакомстве с древне-русской литературой*. Русская наука за последние сто лет ясно показала тесную связь Слова с языком и письменностью домонгольской Руси. Достаточно проштудировать превосходную монографию ПЕРЕТЦА, чтобы убедиться, сколько параллелей к словарю, словоупотреблению, характерным оборотам и художественным образам этого памятника можно найти в прочих древнерусских литературных произведениях. В «Слове» нет ничего такого, что бы противоречило нашим сведениям по древне-русскому языку и словесности. Сведения о русском языке и литературных формах XII века были в начале прошлого столетия так фрагментарны, что тогдашние ученые не были способны на сколько-нибудь грамотную подделку под старину, мало того, нужны были многие десятилетия развития русского языкознания, палеографии, истории литературы и истории, чтобы то, что казалось в Слове темными местами, получило надлежащее объяснение. Реминисценции из Слова в различных памятниках XIV—XVII вв. (Псковский Апостол 1307 г., Задонщина, Псковская Летопись — [1514 г., псковское Житие Александра Невского — XVI в., поздний список Моления Даниила Заточника) указывают на известность «Слова» (особенно в псковской области) и позволяют ПЕРЕТЦУ набросать даже схему истории Слова. Названные памятники не были известны к моменту открытия Слова, и это еще раз подтверждает несостоятельность скепсиса КАЧЕНОВСКОГО. Еще менее вероятна догадка о старинной подделке, повторяемая за митрополитом ЕВГЕНИЕМ. Не говоря уже о непонятности мотивов, которые бы могли руководить деятельностью русского Макферсона XV века, речь Слова была настолько архаична, что «письменні люди XV—XVII вв. ледви її розуміли» (ПЕРЕТЦ,

34); а исторического языковедения в то время еще не существовало! То же, *mutatis mutandis*, может быть сказано и о содержании «Слова».

Суммирую: брошюра VAILLANT'a, за вычетом требующих пересмотра тезисов о стихотворной форме южно-славянского эпоса и о происхождении эпической поэзии у различных славянских народов, может быть рекомендована, как ценное, прекрасно изложенное пособие, каждому, кто хотел бы ознакомиться с нынешней стадией изучения сербо-хорватского эпоса.

Р. Якобсон (Brno).

FRITZ FICHTNER: WANDMALE-REIEN DER ATHOS-KLÖSTER. *Berlin 1931. Str. 64 + 63 tab. s 108 repr.*

Domníval-li by se kdo, že práce tato doplňuje publikace athonských památek nástěnného malířství (Brockhaus, Millet, Nikolskij, Kondakov, Pokrovskij) mýlil by se. Autor sice praví, že nechce opakovati v podstatě dosud známý materiál, nýbrž jej doplniti a tím přispěti k uveřejnění veškerých památek, že tudíž kniha jeho chce býti kamenem v pozdější celkové inventarisaci (str. 5.), tvrzení to je však osudný omyl.

Nejen, že autor přináší velmi málo nového, co by již z dřívějších publikací nebylo známo, leč ani to, co již opakuje, neznamená pro studium umělecko-historické ničeho. Leč o tom níže.

Přecházejíce úvodní stať o právním postavení Athonu v rámci řeckého státu, jež rámeček knihy zbytečně ruší, musíme se zmíniti o autorových estetických názorech na athonské malířství (kap. I. a II.). Athonské malířství, dle něho, je prostě výrazem, reprodukci mnišského života se vším jeho smyslem a obsahem. Z toho vyvozuje základní kompoziční principy: nikoliv obraz přírody, nýbrž vyjádření mnišského odríkáání, vytváření ideálního světa mystického, chápání života staticky a nikoliv dynamicky. Náзор ten je v podstatě správný,

nelze jej však úzce vykládati, jak autor činí, pouze na athonské malířství, poněvadž v *základě* stejnými principy ovládáno bylo již t. zv. umění starokřesťanské a zásadu tu převzalo a ve všech stupních svého vývoje přísně zachovalo umění byzantské vůbec. Bylo by zde však bývalo na místě zmíniti se o tom, jak vysvětliti suchost, ba grafičnost umění athonského (obzvláště pozdějších dob), když na př. srbské malířství XIV. i XV. stol., jež, i když zůstává věrně estetickým zásadám byzantského umění, dospívá k obdivuhodnému pathosu, ba dramatickosti.

V II. kapitole rozvádí autor svoji thesei o vzájemném uzavřeném vztahu mezi světovým názorem mnišským, ritem a uměním. I zde je něco oprávněného; tak jistě vytváření plánu athonského chrámu s bočními apsidami (sev. a již.) dělo se pod vlivem ritu, speciálně pak požadavku prostoru pro sbory; naproti tomu není příčiny ani předpokladů pro tvrzení, že i zahrnutí tří východních apsid do plánu chrámu je dílem *athonské architektury*. O tom, že plán vnitřní výzdoby nástěnné athoských chrámů je ve svých detailech dílem athoských malířů, nemůže býti sporu. Bezpečný doklad pro to je »Hermeneia«, které se i autor při popisu maleb přidržuje.

III. kapitola má býti synthetickým přehledem athonského malířství, které autor klade spolu s malbami makedonských klášterů do zvláštní, čtvrté periody byzantského umění, následující po periodě paleologovské a zahrnující v sobě památky XV. až XVII. stol. Dobu tu považuje autor za poslední, třebaž slabý rozmach byzantského umění, jež umožnily *vnitřní* nastřádání síly, vnější sil nebyla doba ta, bez zdravé síly lidové, nutného předpokladu pro uměleckou expansi, schopna (str. 42). Tuto novou tvůrčí periodu spatřuje autor v první řadě v nových ikonografických výtvorech; tak: okřídlený Jan Křtitel, Bohorodička »Pramen života«, »Nebeská liturgie«, nahrazující »Engelshierarchie« (ne-

vím co autor tímto termínem míní), Liturgie sv. Otců, Anděl veliké rady, »Grabesklage« v žertveniku (rovněž neurčitý výraz), »Αὐτὸς ὁ Θεὸς ὁ ὁρῶν καὶ κατὰ τὸ πρόσωπον« Spasitel v číši, »Neplač nade mnou matko«, »Oko neusínající« jsou podle autora produkty athonského malířství.

O vytvoření pojmu této nové tvůrčí doby svědčí dle autora i jména vynikajících umělců této doby.

K tomu ovšem nutno připojiti poznámku: výčet ikonografických nov má tu vadu, že většina těchto komposic vznikla o mnoho dříve než uvádí autor a nevznikla na Athoně, nýbrž byla sem přinesena s Balkánů.

Autor ku př. přehlíží, že okřídlený Předchůdce objevuje se poprvé v Ariliji v Srbsku (konec XIII. stol.¹) »Πληρὴ τῆς ζωῆς« v Lesnovu (1349), »Liturgie sv. Otců« vyvíjí se již od XII. stol. (Bačkovská kostnice) a její konečné vývojové stadium nacházíme v nartheru dečanském (1348); »Nebeská (neboli andělská) liturgie« známa je poprvé ve studenickém chrámu sv. Jáchyma a Anny (1314), Kristus »Neusínající Oko« rovněž po prvé v Lesnovu. »Kristus v hrobě« byl snad převzat z italského umění, že by však komposice ta v Itálii, speciálně v Sienně vznikla, nelze říci přesně. Za původně athonské komposice musíme dnes považovati jen »Anděla veliké rady« a »Αὐτὸς ὁ Θεὸς ὁ ὁρῶν« a to jen proto, že dosud nevíme takřka nic o řeckém a srbském nástěnném malířství XV. a XVI. stol.

Dle stylistických zvláštností rozděluje autor athonské malby na tři skupiny. Prvou tvoří cykly XVI. stol., jež zůstaly věrně komposicím XIV. stol. a závisí na centrálních školách charakteru dobrého a tradičního umění, druhou rovněž cykly XVI.

¹ Dosud jako první uváděný případ tohoto vyobrazení na relikviáři v Perpignano je mladší (XIV. stol.) a poněvadž mosaiku na chrámu sv. Jiří v Palermo není možno dnes datovati XI.—XII. stol. jak se dříve činilo, zůstává primát vyhrazen fresce v Ariliji.

stol., jež jsou pod vlivem italsko-krétského malířství a do třetí zařazuje pozdní práce XVII. a XVIII. stol., někdy rutinované, ale celkem bezradné, sledující stará schemata.

Datování athonských cyklů (kap. IV.) uspořádává autor v přehledné tabulce na základě vydaného již několikrátě nápisového materiálu, jenž svědčí o známé skutečnosti, že zachované původní cykly athonské nejsou starší poč. XVI. stol. a co z dřívějších dob je zachováno, pokryto je vrstvou pozdějších přemaleb.

Nejzajímavější je z knihy kapitola V., pojednávající o škole krétské a makedonské. Autor chce těmito dvěma slovy, jež sám nazývá »Decknamen« subponovat určitý obsah; vycházejí z historického faktu existence Panselina ze Soluně a Theofana Krefana a ze zjištěné činnosti prvního v Protatě, druhého v Lavře a Dionysiu, řadí i ostatní malby athonské do skupin stylového příbuzenství s těmito cykly a na základě rozboru vytyčuje tyto rozdíly mezi oběma školami: makedonská škola navazuje těsně na paleologovské umění, zůstává věrná komposici v ploše, ráda přidržuje se tíživé horizontály, zdůrazňuje kulovité hlavy a stlačené proporce, za to však vynazčuje se silnějším duchovním výrazem, dávajíc přednost jednoduché, skromné formě, nový naturalismus vyjádřuje jen v postavě, pohybových motivech a někdy i v těžkých zkratkách, celkem tedy makedonská škola pokouší se dosáhnouti nového vývoje na basi starého byzantského ducha.

Proti tomu krétská škola sleduje tradiční schemata jen v hrubých rysech, ale za to přidržuje se Hermeneie, prolamuje dvojrozměrnost a dává přednost volnější prostorové komposici, má sklon k vertikalismu, postavy kreslí štíhlé, s dlouhými hlavami s špičatou bradou, oblibuje si bohatost v detailech a uplatňuje ráda určité perspektivní znalosti v krajině a architektuře, celková její charakteristika je malířské pojmání obrazu na podkladě kompromisu.

Autor neuvádí jednotlivých dokladů k těmto svým závěrům, nedává tudíž možnost přezkoumání jich, ale i tak můžeme říci, že závěry jsou upřílišněné. V prvé řadě nutno si ujasnit *pojem* obou škol; autor na př. tím, že považuje Panselina za zástupce makedonské školy, která své umění přenesla na Athos, otvírá novou otázku: co je to makedonská škola, jaký okruh zahrnuje? Z rodiště Panselinova, Soluna, nelze uvést žádné doklady pro umění konce XV. či zač. XVI. stol., nutno proto dohlédnouti dále, ale opět vynořuje se nová otázka, kam? Buď na jih do Mistry a pak je název makedonská nesprávný a naprosto nepřiléhající, či na sever do slovanského Balkánu, ale zde — přihlížíme-li k malířství XIV. stol. a nečetným památkám XV. stol. — shroutí se celá charakteristika autorova makedonské školy, poněvadž stylistika maleb těch je pravý opak toho, co autor tvrdí o makedonské škole. Ještě těžší je stanoviti *pojem* krétské školy. V nauce zahníždil se zlovyk užívati označení školy krétské buď ve spojení s Italií nebo Řeckem pro celou řadu různorodých děl; nedivíme se proto ani autorovi, že tohoto pojmu užívá. Ale mluvíti a dokonce definovati »krétskou« školu malířskou, aniž bychom měli zjištěny památky na Kretě *samé*, je v nejlepším případě odvážné.

Kniha tato potvrzuje opět v poslední době mnohokrátě projevený náhled, že dnes ještě neuzrála doba pro periodisaci a klasifikaci byzantského umění, zejména na široké basi, nýbrž že ještě dlouho bude nutno věnovati se drobnému studiu památek a nejvýše synthesám úzkého okruhu.

A díváme-li se s tohoto hlediska na Fichtnerovu práci, můžeme říci, že o mnoho záslušnější by bylo vydati dosud vůbec přehlížené, třebaž pozdní památky athonské jako Philoteu, Xeropotam, Esfigmen, Sv. Pavel (katholikon), Karakall Kastamonit, Zograf, Simon-Petra, Gregoriu a řadu větších skitů těchto klášterů, aby tak aspoň

přehled athonského malířství byl úplný.

Z ilustrací ku knize připojených snad by se hodilo několik prvních jako prvotřídní krajinné snímky do odborných amatérských časopisů, ale pro knihu, která chce být vědeckou, jsou všechny ilustrace bezcenné. Nejenom to, že opakováno většinou to, co již bylo vydáno jinými autory, že fotografie jsou dělány úplně slepě, necílevědomě, ale i to maličko, co je zde poprvé reprodukováno (Xeropotam, Karakall), a to, co podává jakýs určitý předmět, je tak neostře a rozplhlé, že nelze z těchto snímků ať ku studiu architektury či malířství nebo uměleckého průmyslu upotřebiti ničeho. — Škoda, opravdu, nákladu na takovouto knihu.

J. Myslivec.

OSKAR WULFF: DIE NEURUSSISCHE KUNST. *První svazek: text, stran 361. Druhý svazek: ilustrace, 472 reprodukcí. Augsburg, Dr. Benno Filser, 1932.*

Známý historik dějin byzantského umění obrací se zde po prvé k látce, jeho speciálnímu oboru poněkud vzdálené. Příčinu toho vysvětluje v úvodu: umění popetrovského Ruska doprovázelo jej již od mládí, bylo mu spíše jako člověku, než jako historiku umění blízké a proto v této knize shrnuje vše to, co z dlouholetého poměru k tomuto umění vyplynulo.

Ve vlastním úvodu obrací se k otázce, na kterou se tak často odpovídá velmi povrchně, k otázce existence novoruského umění, zda totiž je toto umění nějakým samostatným pojmem a útvar, či zda ve svých jednotlivých odvětvích je pouze částí, po případě odrazem umění západní Evropy. Odpovědí na tuto otázku je vlastně celá kniha.

Na novoruské umění hledí autor, jak vyjádřil již v podtitulu knihy, pod zorným úhlem kulturního vývoje Ruska od Petra Velikého. Věren této zásadě předeseílá každému oddílu stručný přehled všeobecného stavu kultury v rámci dějin politiky.

Kniha tato je po výtce informativní a proto pokud možno rovnoměrně zabývá se všemi obdobími a zjevy novoruského umění. Proto, abychom nevybočili z rámce tohoto časopisu, referujeme o knize jen potud, pokud se zabývá *vztahy staroruského umění k umění popetrovské doby*.

Pokud jde o *stavitelství*, správně vystihuje autor, že ne teprve doba Petra Velikého přináší baroko do ruského umění, které nahrazuje svou článkovitostí starou blokovou architekturu původu byzantského, neboť již řada památek před r. 1714 zbudovaných, jako sv. Mikuláš-»Velký Kříž« v Moskvě (konec XVII. stol.), nebo chrám v Dubrovnici (1690—1704) či chrám Znamenie P. M. při Šeremetevském paláci (konec XVII. stol.) a j. dosvědčují, že ukrajinské baroko dosáhlo již před Petrem středního Ruska a zde pevně zakořenivši, dovedlo vytvořiti svůj osobitý tvar. — Doba Petra V. však trhá spojení s tradicí, která v těchto dílech ještě existovala: chrámy jeho doby jsou chápány jen holandsky. Proto právem zdůrazňuje autor veliký umělecký čin RASTRELLIHO (str. 24), který ve Smolné a pak v Andrejevské katedrále v Kyjevě dovede vsáti v základní barokní formu stavební princip pětikupolového chrámu. Tento pochod je však obrácený tomu, který lze viděti u shora jmenovaných staveb; tam základní forma pozdněmoskevského chrámu přijímá nejprve dekorativní a teprve později konstruktivní (Dubrovnic) prvky barokní, kdežto zde barokní architektura přizpůsobuje rozčlenění elevace a konstruktivní prvky (kupole) staré ruské tradici.

Stejně vědomou výpůjčkou z pokladů minulosti byla SACHAROVŮVA koncepce Admirality, neboť, jak autor správně zdůrazňuje, vytvořil toto dílo v témž duchu, »kterým kdysi byly vytvořeny nízké vnitřní hradební zdi moskevské i mohutné cihlové stavby Ivana IV. Používá členité stavby jenom proto, aby uvedl v pořádek a jasný přehled tuto do šířky stlačenou

stavbu» (str. 71), a stejně jako u velkých opevněných klášterů moskevského Ruska tvoří i zde triumfální brána centrum blokové stavby.

Spíše přáními Mikuláše I. nadiktovaný, než z opravdu uměleckých snah vyrostlý byl THOMONŮV chrám Spasitele. V posuzování tohoto díla je autor velmi benevolentní; praví, že se staviteli podařilo »vyřešiti předepsanou úlohu znovuoživení moskevského stavebního slohu ne sice v bezvadném, ale přece jenom uměleckém novém výtvaru, alespoň ve vnější stavbě« (str. 110). Tím více však vyniká nepochopení tohoto úkolu v prostorovém pojmání, kde THOMON se nezakrytě uchyluje k isakievské katedrále.

Teprve eklekticismus první pol. XIX. stol. dává architektuře nové impulsy k čerpání z prvků staroruského stavitelství. Právem odsuzuje autor PARLANDŮV nelogický chrám Zmrtvýchvstání »na Krvi«. Příliš silná vůle k vytvoření nových forem, podporovaná badáním archeologickým, způsobila, že z prvopočátečních zmatků a nešťastných pokusů vypracovali se četní umělci k jasným a volným projevům. Autor v tomto směru jest skoupý, uvádí jenom dle návrhů VASNECOVOVÝCH vystavěný chrám v Abramcevu v novgorodsko-pskovském slohu, POKROVSKÉHO katedrálu sv. Theodora v Carském Selu a ŠCUSEVŮV chrám při klášteře řádu Marie a Marty, jakož i Trojickou katedrálu v Počavské lavři. Rádi bychom zde však slyšeli něco o dalších architektech tohoto směru. Tak o dalších pracích POKROVSKÉHO, jako o chrámu ve Vozdvizen-ském chutoru (Černig. gubernie), o jeho napodobení moskevských stanových chrámů v hrobkovém pamětním chrámu pod Lipskem (1913), o chrámu v Gelendžiku u Novorossijska, který je již osobitým zpracováním výtvarných myšlenek tohoto slohu, zvláště pak o chrámu u Sliselburgu; neobyčejně zajímavý je i dřevěný chrám ve vesnici Jasenki v moskevské gubernii.

Za zmínku jistě stojí i další práce ŠCUSEVOVA, jako na př. chrám na místě bitvy na Kulikovském poli; kratičkou poznámkou je odbyt S. U. SOLOV'EV, ač jeho církevní stavby jako v humánních ústavech: Dobrininově, Trietjakovově a Medvědikovském jsou velmi zajímavé, alespoň v tom směru, jak umělec vyřešil zasazení církevní budovy do rámce profánních staveb.

Nenalézáme dále v knize ani zmínky o jiných architektech tohoto směru, ač pro celkový vývoj nebyli všichni bez významu. Jistě je význačné pro toto hnutí, že M. T. PREOBRAZENSKIJ v ruském chrámu ve Florencii používá pozdněmoskevských forem, že A. P. BAITENS v chrámu ve Mgě kopíruje novgorodské chrámy XIV. stol., ani si neuvědomil rozdíl mezi původním a současným stavem jejich jako zase J. E. BONDARENKO v chrámu staroobřadců pomorských v Moskvě, či G. D. GRIMM v chrámu sv. Aleksijs v Geslerovsku dovedou dosti obratně zacházeti s prvky staré architektury.

I v *malířství* setkáváme se občas se zjevy, které nutno odvoditi ze vztahů k staroruskému malířství. Representantem nového ducha církevního malířství tak cizího slohu ikonnému je klassicista BOROVIKOV-SKIJ, o jehož církevním malířství se autor krátce zmiňuje. Stejně krátce zmiňuje se autor o náboženských malířích pozdějšího klassicismu, Ugrjumovi, Jegorovi, Andr. Ivanovu, A. Šebuevu, ač zde by bylo na místě upozorniti na jejich poměr k starému umění po stránce ikonografické. Podobně bylo by možno se zmíniti o spolupracovnících na výzdobě Isakievské katedrály v Petrohradě a Spasitelovy v Moskvě, Markovu, Brunim, Šemiradském a j.; tak zajímavé jsou nenápadné pokusy Brunioho evangelické obrazy chrámu Spasitelova budovati na staré ikonografii, třebaš, bohužel, snaha ta nevyšla z rámce pokusů.

Marně bychom však hledali spojitost mezi starým uměním a náboženskými sub-

jektivisty-realisty, ať již je to ze starších IVANOV, či z novorealistů GE. Zajímavé je proto autorovo tvrzení, že Ivanov vzor pro postavu Krista ve zjevení našel v byzantském typu (143). Myšlenka ta snad má spojitost s míněním některých starších kritiků (v tomto smyslu mluví Chomjakov ve svém známém »Dopisu redaktoru«, což ostatně odpovídá ználostem současné doby), dnes však tak mysliti nelze.

Plné a poměrně správné hodnocení díla VASNECOVOVA vrcholí v úsudku: »Svého cíle přenést ikonografickou tradici staré církve do uměleckého nazírání své doby Vasnecov sice nedosáhl zúplna, ale jistě v hojné míře« (str. 279). »Splynutím Starého a Nového v dokonalou uměleckou jednotu bylo vnitřním zážitkem jeho zvláštní tvůrčí síly, bylo to plodem duševního zápelení a vnitřního zření« (ibid.). Že by při vytvoření vlastního slohu Vasnecovova hrála tak velkou úlohu stránka etnická, nezdá se nám pravděpodobné. Zejména zdůraznění její při »Posledním soudu«, kdy právě nejvíce přichází k slovu Vasnecovova osobitá expresivnost vypjatou theatrálností, není dosti opodstatněné.

Méně vřelý tón zaznívá z úsudku autora o NESTOROVY, tomto velikém lyriku, který nejen, jak WULFF míní, stojí vedle Vasnecova, ale jej v mnohém předčí. Nelze ovšem hledati jeho uměleckou sílu ve freskách Abbas-Tumanských (str. 291), nýbrž v obrazech poustevnických námětů jako »Sv. Pafnutij Borovskij« nebo »Mlčení«, které oplývají úžasnou vyrovnaností ruské věřící duše, a tato zase výtečkem vytrvalého studia starého ruského malířství. Naprosto nepochopitelné je nám však, proč autor spatřuje ve zmíněných freskách Abbas-Tumanských »přilnutí k středověkým kavkazským církevním malbám«. Co z těchto maleb známe, je jen nepatrný zlomek a pak není snad nic tak vzdáleno ať již tradice Zarzmy či t. zv. »syrsko-

chalkedonské skupiny« než právě Nestorovy fresky.

Správně oceňuje autor poměr STELECKÉHO k ikonnému malířství, ale zato pomíjí mlčením tak zajímavý poměr k starému umění, jaký vidíme v díle GONČAROVÉ a BILIBINA, u obou různého efektu, ale vždy samostatný a hluboký.

Velmi neradi konstatujeme, že u PETROVA-VODKINA nenalzáme ani slova o jeho poměru k ikonnému malířství; umělec ten již v počátcích své tvorby vědomě vypůjčuje si kolorit ikonný a pro tento kolorit také nelze Vodkina zváti ruským Gauguinem. Pro jeho uměleckou potenci je však zajímavé to, že se dovedl izolovati od ostatních prvků ikonného malířství, což nedovedla celá řada jeho vrstevníků, že se najmě odpoutal úplně od historie a přenesl tento kolorit na zcela jiné pole, pole moderního symbolismu. A proto tím zajímavější je jeho přímý návrat k náboženským freskám a ikonám, které spadají do posledních několika let předválečných, jako fresky v »mořském soboru« v Kronštadtě, u sv. Vasilu Zlatoverchého v Ovruču a ikony pro kostel v Sumách. Že v těchto případech nešlo u Vodkina o umělecké přizpůsobení nahodilé zakázce, dosvědčuje nejlépe jeho ikona »Bohorodička Umilene nje zlych serdec«, dílo plné životní síly a válečné bolesti, vlité podivuhodným způsobem v ikonnou formu.

Ani poměr ROERICHŮV k starému umění nevystihl Wulff plně. Právi-li, že jeho díla s náboženskými náměty zůstala symbolistickými uměleckými fantasiemi, pak přehlíží právě tu jejich osobivost, spočívající v transformaci starého ikonního slohu v mysticko-fantastických výtvozech.

O novém ruském umění bylo již psáno mnohokrát, zejména monografií je počet takřka nepřehledný, souborného díla jsme však dodnes neměli. GRABAROVY dějiny, pokud vůbec ruské umění v architektuře a plastice zasáhly, trpí nedostatky práce kolektivní, nehledě k tomu, že jsou

již zastaralé. Kniha BENOISOVA není prosta subjektivismu, což je vysvětlitelné, píše-li o umění své doby výtvarný umělec sám, a tak krom neobsáhlé knihy NIKOLSKÉHO neměli jsme dosud přehledného díla o novém ruském umění *vůbec*. Že dnes takovéto dílo bylo vydáno vůbec a

zejména německy, jest jen vítati, poněvadž bude moci přispěti k rozšíření poznání nového ruského umění na Západě; menší nedostatky, o nichž jsme se zmínili, nekazí strukturu díla, obsáhlého a pro svoji informativnost a všestrannost velmi cenného.

J. Myslivec.

ZPRÁVY – CHRONIQUE.

DOM. F. CABROL: LES LIVRES DE LA LITURGIE LATINE. *Bloud et Gay, Bibl. catholique des sciences religieuses; Paris 1930, 165 str.*

Studium vztahů byzantsko-slovanských nesmí pouštět se zřetele vztahů latinsko-slovanských. Bude proto obor našich studií zajímati i tato elementární a praktická knížka, v níž jeden z nejlepších znalců dějin křesťanské liturgie a spoluvydavatel monumentálního *Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie*, velmi důležitého pro byzantologii, kreslí vývoj latinských liturgických textů od dob nejstarších až do současnosti. Z laiků, jimž je tato příručka určena, sáhne po ní s prospěchem každý, kdo se zabývá liturgickými texty, tedy nejen filolog, nýbrž i archeolog, archivář a knihovník. A čím více knihovníků a archivářů po ní sáhne, tím lépe bude pro rukopisové katalogy, jež nám přinese budoucnost, a kde se pak snad již nebudou vyskytovat označení tak obecná a neurčitá jako *knihy modliteb* nebo *lekcionář* bez bližšího označení, jde-li o epistolář, či evangeliář, či home-liář, či lekcionář bohoslužebný. Autor, sleduje právě takovouto informaci, mluví o sakramentáři, benedikcionálu, misálu, hymnáři a graduálu, brevíři, hórách, antifonáři, pontifikálu, pasionálu, legendáři, kalendariu, martyrologiu, ceremoniálu biskupském, žaltáři, penitenciálu atd. Nesleduje odděleně osud každé z těchto knih průběhem staletí, nýbrž celý vývoj všech liturgických knih dělí si na etapy, jež studuje jako celky a, možno-li říci, jako systémy. V tomto rámci vykládá pak i o liturgických textech mozarabských, ambrosiánských a keltských. Výhoda tohoto výkladu je v jeho synchroničnosti vhodné u liturgických knih proto, že jsou to texty často labiní. Jsou knihy, jež vznikly z několika knih jiných (na př. rituál),

zatím co jiné se rozpadávaly v knihy nové (na př. sakramentář); v určité době všechny tyto části liturgického repertoíru ovšem spolu souvisí a jen v této souvislosti je možno přesně je pochopiti. P. Cabrol ukazuje také, jak východ na rozdíl od západu záhy ustálil své texty mešní, ale jak naproti tomu s velkou a neutuchající plodností vytvářel nová a nová troparia, kontakia a hermoi.

Jan Frček.

СЛОВНИК СТАРО-СЛОВ'ЯНСЬКОЇ МОВИ.

Хоч слов'янська філологія, яко наука, існує вже понад сто літ і хоч головною основою її увесь час була старо-слов'янська мова, проте доброго словника цієї мови ми ніколи не мали. Не мали, бо звичайно його складали ті чи інші окремі вчені, тоді як це справа понад сили одиниці. Багато маємо різних словників старо-слов'янської й церковно-слов'янської мови (див. про них мої «Пам'ятки старо-слов'янської мови X—XI віків» 1929 р., ст. 410—425), але серед них найліпший — це відомий *Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinitum*, 1862—1865 р. ФР. МІКЛОШИЧА, підручна книжка кожного словіста. Але й цей словник на теперішній час не задовольняє вже наших потреб, бо сильно застарів. Сьогодні наука ставить інші методологічні вимоги, ніж які були за часів Міклошича; крім того, з часу появи Миклошичевого Лексикону видано багато нових пам'яток, які вносять дуже цікавий матеріал до старо-слов'янської лексикології. Та й на свій час словник цей мав уже поважні недостатки. В основу його лягли головню південно-слов'янські пам'ятки, а це відразу обмежило його територіяльно; крім того, Міклошич не обмежився добою старо-слов'янською, подав слова з багатьох пам'яток значно пізніших, а це зробило словник невідповідним його назві, — не старо-слов'янським, лише церковно-слов'янським.

Нарешті, більшість матеріалу Міклошич подав не з оригіналів, але з других рук, з передруків, цеб-то повторив в своїй праці помилки старих видань. Таким чином потреба нового видання старо-слов'янського словника стає пекучим завданням сучасної словістики.

Тому зовсім на часі появилася цікава стаття проф. М. ВАЙНГАРТА в цій справі: «O slovníku jazyka staroslovenského» (див. «Symbolis grammaticis in honorem Ioannis Rozwadowski», Краків, 1927 р. т. II, ст. 227—246). Указавши вищеподані недостачі Міклошичевого Словника, М. Вайнгарт розповідає про працю покійного В. Вондрака († 13. IX. 1925) над старо-слов'янським Словником. Виявляється, що 15 останніх літ свого життя Вондрак працював над складанням старо-слов'янського словника (1909—1925). Зачав його ще в Відні, німецькою мовою, продовжував у Брні, перекладаючи німецьке на чеське. Зробив багато, опрацював понад 6000 слів, а деякі дуже докладно (напр. про *же* лишилося 15 великих карток), звертаючи пильну увагу й на їх семасіологічне значіння. Але те, що зробив В. Вондрак — хіба четвертина всієї праці. Смерть немилосердно перервала цінну ту працю.

Але праця над складанням старо-слов'янського словника не може спинитися, і проф. М. Вайнгарт заявив охоту продовжувати діло Вондрака. Бернський університет погодився на те, і передав М. Вайнгартові всі картки, які виготовував був покійний Вондрак. Вайнгарт заявляє, що мине яке десятиліття, поки він закінчить усю працю.

М. Вайнгарт заявляє, що він готує лише старо-слов'янський словник, цеб-то використовує для нього тільки пам'ятки X—XI віку, та й то не всі. Пояснення слів дане буде мовою грецькою, латинською, німецькою й чеською.

Що до методології складання будучого словника, то, на мій погляд, потрібним було б подати не тільки матеріал X—XI віку (цілий), але частинно й віків XII—XIV, бо дуже часто молодші списки подають стар-

ший текст і дуже цінні з погляду лексикологічного. При опрацюванні словника потрібно обов'язково звернути увагу й на наголоси (акценти), й подати всі приклади з акцентованих пам'яток XIII—XIV віків, напр. з Нового Завіту митрополита Олексія 1355 р. (Словник акцентів з цієї цінної пам'ятки друкую в «Prace Filologiczne»). У всякім разі обов'язкова умова: подавати матеріал тільки з оригіналів, а не з їх передруків, що часто бувають дуже недокладні, подавати зо всіма надрядковими значками (про методологію складання старо-слов'янського словника подаю окрему статтю).

В «Лѣтопись на Българската Академия на наукитѣ» 1931 р. т. XII на ст. 187 проф. М. Попруженко подає цікаву звістку, що акад. Ол. Ів. СОБОЛЕВСЬКИЙ перед своєю смертю († 26. V. 1929) увесь час працював над упорядкуванням словника церковно-слов'янської мови, для якого він мав багато матеріалів. Для цієї праці Соболевський підібрав відповідних співробітників і роздавав їм працю, подавши потрібні вказівки. На жаль, смерть припинила й цю працю...

Маю відомості, що проф. Варшавського університету СТ. СЛОНСЬКИЙ багато працює над старо-слов'янським словником.

У всякому разі було б дуже корисним, щоби особи, що працюють над складанням старо-слов'янського словника, подавали хоч коротенькі відомості про свою працю, вказуючи й метод своєї роботи.

Іван Огієнко.

ЗАГАЛЬНИЙ КАТАЛОГ КИРИЛІВСЬКИХ РУКОПИСІВ.

У 1925 р. Београдська й Загребська сербські Академії Наук святкували століття зо дня народження великого сербського філолога Юрія Даничича (1825—1882). Між іншими ухвалами, на внесення ак. Л. СТОЯНОВИЧА, постановлено вшанувати пам'ять Даничича виданням загального каталогу південно-слов'янських рукописів X—XVII віків, як глаголицьких, так і кирилівських. На жаль, минає вже сьомий рік від такої

ухвали, а для зреалізування її ще нічого не зроблено.

На I з'їзді слов'янських філологів у Празі в 1929 р. проф. С. КУЛЬБАКИН (див. «Sborník» з'їзду, ст. 557—560) знову порушив цю важливу не виконану справу. Але він зовсім справедливо належно поширив її: нам потрібний загальний каталог рукописів не лише південно-слов'янських, але всіх слов'ян. Та й часто буває, що південно-слов'янського не відрижнити, напр. від російського. Крім цього, С. Кульбакин указав, що мусимо й сам опис робити трохи іншим методом, ніж якто було за часів Востокова, Горського і др.

До того, що подав уже проф. С. Кульбакин, додаю три замітки. По-перше, в XVI віці південно-слов'янський правопис надзвичайно сильно й глибоко панує в рукописах українських. Ось я маю декілька рукописів XVI віку волинських, і всі вони мають у своїм правопису так багато південно-слов'янських рис, що тільки з трудом можна встановити їхнє українське походження. Те саме треба сказати й про рукописи молдавські та волоські XVI—XVII віків. Отож, загальний каталог рукописів тільки південно-слов'янських не виявив би правдивого дуже великого південно-слов'янського впливу на всіх слов'ян і на Молдавію з Валахією. Цеб-то, опис лише південно-слов'янських рукописів не подав би цілоти старої болгаро-сербської культури.

По друге. Перед складанням такого каталогу треба перше виробити докладну методологію опису рукописів (хоч би на зразок мого Програму опису стародруків, 1931 р.). Це дуже важлива справа, бо ще й сьогодні з'являються описи рукописів, що з погляду палеографічного зовсім мало цінні.¹

По третє. Видання загального каталогу слов'янських рукописів, як що до того дійдемо, буде тягтися десятки років. Я такої думки, що було б дуже корисним, поки що, видати бодай загальний покажчик до всіх

існуючих описів кирилівських рукописів. Шукання потрібного матеріалу по всіх існуючих описах (а де їх всі маємо?) — це річ дуже тяжка, а часто й неможлива. А між тим загальний покажчик до всіх їх — легкий до складання, не дорогий, а дав би змогу відразу знаходити потрібну довідку. Напр., хочу я знати, що в існуючих описах маємо про Хороброго чи Костянтина-Кирила; шукання по всіх описах забере мені місяці праці, тоді як загальний покажчик дав би це за пару минут. А вже знаючи з загального покажчика, де саме шукати потрібних мені описів, звертався б я до окремих покажчиків.

Перший з'їзд Слов'янських філологів в Празі ухвалив пропозицію проф. С. Кульбакина — приступити до видання загального покажчика кирилівських рукописів, для чого обрано відповідну комісію. На жаль, на тому справа й увірвалася: минає з того часу от уже третій рік, а про видання загального каталогу ані слуху.

Іван Огієнко.

TEODOR WIERZBOWSKI: VADE MECUM. *Podręcznik dla studentów archiwalnych. Wydanie drugie, zmienione i rozszerzone po śmierci autora przez K. Tyszkowskiego i B. Włodarskiego, Lwów-Warszawa, 1926, VIII + 253 str.*

При архівальних працях постійно потрібуємо такої підручної книжки, що давала б найпотрібніші відомості з палеографії, дипломатики, календаря, хронології і т. п. Слов'янських подібних книжок майже не маємо,² тому доводиться користатися звичайно з німецьких видань. Названа книжка Вежбовського, що першим виданням вийшла ще в 1908 році, дає багато потрібного підручного матеріалу. Друге видання сильно перероблене, а число потрібного матеріалу збільшене.

Найперше дається багато матеріалу календарного, — це практичні таблиці для

¹ Автор цих рядків склав уже «Програм опису кирилівських рукописів».

² Праця Д-ра В. Кучера: «Основи календаріогра-

фії» 1927 р. заспокоює лише частину цих потреб. Див. про неї мою рецензію в «Літ.-Наук. Вістн.» 1931 р. кн. XII ст. 1126—1127.

знайдення недільної літери, дня тижня, золотого числа, соняшного циклу, епакти, конкуренти, індикти; на ст. 83—153 дано повний календар на 899—2000 роки; таблиця XVI подає дати Великодня в тих самих роках; крім цього, подані ще календарі магометанський та французський революційний.¹

Друга частина дає хронологічні покажчики панування пап, королів німецьких, французських, іспанських і др., чеських, венгерських, султанів турецьких, ханів кримських, господарів молдавських і валаських і др., князів київських, суздальско-володимирських, московських, галицько-волинських, литовських, польських і др., спис в'їздів, сеймиків, сеймів і др.

Третя частина — таблиці мір і монет, а на закінчення — короткий опис всіх архівів і бібліотек польських.

У першій виданні підручника Вежбовського були хоч коротенькі вказівки з кирилівської палеографії, в 2-м виданні їх викинено зовсім, позоставлено лише саму табличку цифр кирилівських. Це велика й дошкульна недостача видання, бо ж кирилівських актів повно по всіх польських архивах, а читати їх рідко хто вміє і зовсім не дається про підвищення цього знання.

До календарного матеріялу на ст. 50—58 дано короткі вьяснення, але, на жаль, так неясно написані, що людина невідповідно мало з них скористає; прикладів не дано й не пояснено.

На ст. 1—49 подано повний алфавітний список католицьких святих і свят; але, на жаль, православного чи греко-католицького спису хочаб короткого не подано зовсім, а це не рідко веде студентів чи початкуючих учених до непорозумінь, бо вони й православні свята опреділюють з католицького календаря, тоді як ці свята дуже часто

припадають на різні дні. В XVI—XVII вв. і православні й греко-католики в Польщі дуже часто писали по-польському, але свята в своїх писаннях звичайно зазначали з свого календаря.

Іван Огієнко.

ЗАХІДНО-БОЛГАРСЬКА РЕЦЕНЗІЯ ЦЕРКОВНО-СЛОВ'ЯНСЬКОЇ МОВИ.

Історія церковно-слов'янської мови ще дуже мало вивчена в своїй довговіковій цілості. Учені звертають увагу головно на пам'ятки старо-слов'янські, а молодші пам'ятки, особливо XIV—XVII віків, облогом лежать недосліджені. З цього повстає велика шкода для науки, бо ж дослідження пам'яток XIV—XVII віків, напр. хоча б їхніх надрядкових значків, часто дає доброго ключа для зрозуміння пам'яток старо-слов'янських. Через таке поверхове вивчення пізніщих пам'яток ще й сьогодні не маємо, напр., міцного поділу старо-слов'янських пам'яток на територіяльні рецензії. А між тим, коляб церковно-слов'янські пам'ятки XIV—XVII віків були належно обслідувані й відповідно поділені на рецензії, то цей поділ дуже б придався для освітлення питання про рецензії старо-слов'янської мови.

Проф. СТ. МЛАДЕНОВ якраз і висвітлює одне дуже цікаве явище в поділі пам'яток на рецензії.² В науці віддавна запанувало твердження, ніби відсутність юсів в пам'ятці — то вже найхарактерніша ознака сербської рецензії; коли ж при цьому (при заміні ж через ѡ, а ѡ через ѣ) помічались виразні болгаризми, то вчені радили собі тим, що звали таку рецензію «сербско-болгарською». Проф. Младенов переконуюче показує, що такі назви не відповідають науковій правді.

Західно-болгарські говори (а саме: обшар Тимока, Болгарська Морави й частина

alters und der Neuzeit. Berlin, 1897.

¹ В більшості матеріял цей взято з відомих німецьких праць: *Grosesend: Handbuch der historischen Chronologie, Hannover, 1872; Його ж: Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit, Hannover, 1891—1898, два томи; Rühl: Chronologie des Mittel-*

² Див. його працю: *Изъ единъ западнобългарски Апостолъ отъ XIV вѣка. Съ уводни бележки върху названieto «сръбска редакція» («Списание на Българската Академия на наукитѣ», 1929 р., София, кн. XXXVIII, ст. 124—144).*

північної Македонії) ще й сьогодні добре знають *у, е* зам. давніх *ж, љ*, *цеб*-то ті самі риси, що панують і в мові сербській. Це в житті мов звичайне явище, бо переходові говірки відомі у всіх двох сусідніх народів.¹ На основі цього не можна звати пам'ятку сербською тільки за того, що вона має *е, у* зам. *љ, ж*, — рішення далші ознаки, а коли вони болгарські, то таку пам'ятку маємо звати болгарською, чи точніше — західно-болгарською.

На доказ таких своїх тверджень проф. Ст. Младенов докладно описує (й друкує текст) фрагменти (4 картки) Апостола XIV-го віку, знайдені в болгарському місті Плівен (Плевна); цілий рукопис пізніше знайшовся в Софійській Народній Бібліотеці. Плевненський рукопис знає *є, оу* замість *љ, ж*, *цеб*-то з першого погляду його можна віднести до рукописів рецензії сербської. Але докладніше вивчення цієї пам'ятки показує, що вона в фонетиці, морфології, лексиці й складні має багато ознак болгарської рецензії, напр.: 1. панує *ъ*, а не *ѣ*; 2. часто й послідовно вживається «двіла», перекреслене *з*, напр. в словах *зѣѣри, зѣѣзда, мнози* і т. п., пор. новоболгарські діалектичні *дзвер, дзвезда, млodziна* і т. п.; 3. часта вокалізація *ъ* на *ѣ*, напр. *начетокъ*; 4. відсутність епентетичного *л*, напр. *ѡ зѣме*; 5. відсутність йотації, що відоме й сьогодні в деяких болгарських говорах: *мѡд, зѣмѡд*; 6. старі слова: *ѣтери, гредѡу, благодѣѣ, небескѣмѡ*; 7. нестягнені форми прикметників: *прѣстѣннаго*; 8. давальний приналежності зам. родового. Отож, маємо багато ознак болгарської рецензії лише при двох ознаках рецензії сербської (*є, оу* зам. *љ, ж*): такий пам'ятник міг повстати тільки на території переходових говорів, де помітні вже сербські впливи, *цеб*-то на території західно-болгарській.

Таких пам'яток, як Плевненські уривки — каже Младенов — існує не мало. Так, Свєрлижські Євангельські уривки 1279 р. І. Срезневський, Є. Карський, Г. Ільїнський і др.

¹ Пор., напр., такі говірки на Підляшші на Поліссі, де сусідують українці з білорусами.

звичайно звали сербськими, тоді як вони північно-західно-болгарські, чому й згадується в них болгарський цар.

Безюсові болгарські пам'ятки, як показує вже сам Плевненський Апостол, появились досить рано, ще перед XIV віком. Костянтин Костенчський та Володислав Граматик, що працювали в західній Болгарії, затвердили в правопису безюсове писання, *цеб*-то те, що було вже до них.

Праця проф. Младенова дуже цінна своєю методологічною стороною, бо дає змогу докладніше окреслювати, коли маємо пам'ятку болгарську, а коли справді сербську. Особливо цінна вона для української науки: маємо багато пам'яток, що їх уважають за свої і українці, і білоруси. А в останній час повелося, що білоруські вчені, серед них навіть пок. академик Е. КАРСЬКИЙ, уважають пам'ятник за білоруський, коли знайдуть в нім хоч один сумнівний випадок акання, не дивлячись на те, що такий пам'ятник має багато українських ознак. Але про це говорю докладніше в своїй праці: «Розрізнення пам'яток українських від білоруських».

Іван Огієнко.

ПОМИЛКИ В ВИДАННІ «ІЗБОРНИКА» 1073 РОКУ.

Року 1880-го Петроградське «Общество Любителей Древней Письменности» випустило 55 число своїх видань під назвою: «Изборникъ великаго князя Святослава Ярославича 1073 года». Цінну пам'ятку видано фотолітографічно, в числі 360 примірників. Великі кошти на це видання дав член того ж Товариства Т. С. Морозов, за виданням доглядав Г. Карпов. В передмові до видання підкреслюється, що Изборник видається «черта в черту, ни въ чемъ не отступаая отъ подлинника» (ст. IX).

На жаль для науки, не сталося так, як хотів того редактор, бо видання вийшло з багатьма помилками. Пам'ятку видали фотолітографічно, а цей спосіб ніколи не давав зовсім точної копії, — найкращий маляр, роблячи копію від руки, обов'язково

зробить певне число найрізніших помилок. Ізборник 1073 р. копіював та підправляв Тимофіїв, і зробив дуже багато помилок, хоч за виданням і дотримувався Г. Карпов. Тоді в Росії фотографії ще не вживали для видання пам'яток, чому й видавці Ізборника пішли старою дорогою, хоч два роки перед тим як раз вийшло класичне видання W. Wattenbach'a und A. Velsen'a: *Exempla codicum graecorum*, — тут вперше використано фотографію для видання знімків з пам'яток.

Помилки нового видання чи не перший запитав В. Ягіч, що тоді як раз розпочинав свою працю в Петрограді. Дуже цікавого листа В. Ягіча в цій справі оце недавно опублікував акад. М. Н. Сперанський (див. «Slavia» 1931 р. т. X, ч. 3, ст. 641—648, стаття: »Sitna gđa za istoriju slovenske filologije«). У Публичній Бібліотеці ім. Леніна (б. Рум'янцевський Музей) М. Сперанський знайшов 5 листів В. Ягіча, адресованих в Москву, до А. Е. Вікторова, а серед них і лист від 14 квітня 1882 р. в справі нового видання Ізборника 1073 р. Лист подає цікаве світло на видання цього важливого пам'ятника, а тому передаю його зміст.

В. Ягіч розповідає, що він говорив із Президентом «Общ. Люб. Др. Письм.», князем Вяземським, про помилки в виданні «Ізборника». Але той «абсолютно не допускає такої можливості, ставить г-на Тимофеева вище всіх нас филологів і думає, что все, что говорится на счет неточности издания, не есть что другое, какъ плодъ интриги противъ Общества. Напрасно я старался убѣдить его въ противномъ. Даже нашъ молодой другъ Шахматовъ (тоді ще гімназист Московсько VI. гімназії) представляється ему не идеальнымъ юношей, каковъ онъ на дѣлѣ, а рабочимъ за деньги, чуть ли не подкупленнымъ, не знаю кѣмъ. Это объяснение произвело на меня очень тяжелое впечатлѣніе; я бы никогда не ожидалъ, что князь отнесется къ интересамъ науки столь пристрастно, чуть ли не враждебно. По его словамъ выходитъ, что собственно всѣ мы дураки, а только фотографы

и литографы заслуживаютъ вѣру и довѣріе!» І Ягіч просить розповісти про цей «казус» Буслаєву, щоб той вплинув на Вяземського, але додає, що «со своей стороны я не отказываюсь напечатать трудъ Шахматова (про помилки в виданні Ізборника) в моемъ Журналѣ (Archiv), считая его очень полезнымъ, даже необходимымъ для всѣхъ, занимающихся наукою». Крім цього Ягіч просить: «Въ виду такого пристрастія, сдѣлайте одолженіе, зайдите по случаю съ Шахматовымъ в Синодальную Библиотеку, чтобы лично убѣдиться по крайней мѣрѣ относительно самыхъ важныхъ отступленийъ издания отъ подлинника, кто правъ: мы ли, *servum pecus philologorum*, какими насъ считаетъ князь, или г-да корректоры — редакторы издания. Вы обожаете этимъ трудомъ и жертвою времени не только меня, но и всѣхъ настоящихъ почитателей нашей древности».

Такий зміст цього цікавого листа, що оце опублікував його М. Сперанський. Як знаємо, «казус» на цьому не покінчився: в VI томі «Archiv für sl. Phil.» ст. 590—597, 1882 р., «идеальный юноша» «молодой друг» Ягіча, А. Шахматов таки видрукував свою рецензію на видання Ізборника 1073 р., в якій показав, що фотолітографічне видання не скрізь відповідає оригіналові: в виданні змінено форми букв, часто не віддано надрядкових значків, часом титла не на своїм місці, буває, що бракує якоїсь літери, а то й цілого слова, на л. 111 навіть літера перескочила до іншої шпальти і т. п.

Оце тепер як раз минає 50 літ від часу, коли стверджено не повну науковість літографічного видання Ізборника 1073 р. А чи ж то не обов'язок тепер Всеукраїнської Академії Наук видати фототипією цей найцінніший старокиївський пам'ятник?

Іван Огієнко.

СТОСУНОК ЗБІРНИКА ЦАРЯ СВЯТОСЛАВА 1076 Р. ДО ЗБІРНИКА 1073 Р.

Дуже цікавий і цінний старокиївський Збірник царя Святослава 1076 р. ще грун-

товно не вивчений. Лишається не розв'язаним головне питання, — чи це переклад із грецької мови, чи це своя компіляція з тих книжок, що були тоді в Києві. Одної думки в науковій літературі на це не маємо, але панує погляд, що Збірник 1076 р. — це своя компіляція зо старослов'янських перекладів.¹ Але ще І. І. СРЕЗНЕВСЬКИЙ в 1870 роках писав про це трохи йнакше: «Сборникъ этотъ есть древнѣйшее изъ всѣхъ доселѣ открытыхъ Русское подражаніе Изборнику 1073 года»², цеб-то вказував на залежність Изборника 1076 р. від Изборника 1073 р.

Цим власне питанням займався Д. АБРАМОВИЧ в своїй статті: «До питання про джерела Изборника Святослава 1076 року» (див. «Науковий Збірник Ленінградського Товариства дослідників української історії, письменства та мови» 1929 р. т. II, ст. 65—74, Київ, видання Всеукраїнської Академії Наук). Його головне завдання — прослідити стосуючі Збірника 1076 р. до Збірника 1073 р. Виявляється, що зо Збірника 1073 р. до Збірника 1076 р. дійсно ввійшло трохи матеріалу, а саме: 1. Питання Анастасія Синаїта (І і V цілком і без перерібки, а II і XVIII перероблене, Зб. 1076 р. к. к. 1146—1166, 2026—205, 1166—121, 1276—131,

119—120, 128), 2. Стаття Нила Чорноризя (к. к. 231—234), 3. О хананьини (к. 234) і 4. Златоуст (помилково, к. 249б—250). Як бачимо, запозичено матеріалу не багато, а тому твердження І. Срезневського, ніби Збірник 1076 р. єсть «подражаніе Изборнику 1073 года» перебільшене.

В більшості матеріал брано не дослівно, але з великими відхиленнями — з додатками нового, пропусками, переробленнями; частину взято дійсно дослівно, а часом навіть із повторенням тих помилок супроти грецького оригіналу, які маємо в Збірнику 1073 року.

Цілу свою статтю автор вивопнює власне рівнорядними виписками зо Збірників 1073 і 1076 років, подаючи занадто вже мало своїх зауважень; він схиляється до думки Срезневського, ніби Збірник 1076 р. єсть наслідування Збірника 1073 р.

Але, на наш погляд, для такого твердження не маємо ще міцного ґрунту: вставки супроти тексту 1073 р. і значні перерібки говорять проти того й свідчать, може, що автор Збірника 1076 р. користав ще з якогось іншого джерела (крім Изборника 1073 р.), де були ті статті, але нам досі невідомого.

Іван Огієнко.

CONSTANTINE THE GREAT AND THE CHRISTIAN CHURCH. BY NORMAN H. BAYNES. THE RALEIGH LECTURE ON HISTORY. British Academy 1929. From the proceedings of the British Academy. Volume XV. London. p. 107.

Константин Великий своєю личністю являє поворот в історію, і поэтому нікто из изучающих средневековье не может ее миновать. Она не может быть объясненной из предшествующей истории и настолько индивидуальна, что характеристики Константина,

даваемые разными учеными, бывают прямо противоположными.

Докладчик, характеризуюя Константина рѣшил исходитъ от его писем и адиктов. Он признает всѣ, за исключением посланія к Собранію Святых, подлинными. Основная цѣль его доклада обрисовать отношение Константина к христіанской церкви. Если обратиться назад, то весь итальянскій поход Константина становится понятным послѣ того, как послѣдній повѣрил, что христіанскій Бог ему даст побѣду. Кромѣ оспари-

рия др. р. лит., 1922 р., ст. 61; М. Грушевський: історія укр. літ., т. II ст. 34.

² Славяно-русская Палеографія, ст. 116.

¹ Так тепер твердять: М. Сперанскій: історія др. р. лит., 1921 р., ст. 235; В. Истрин: Очерк исто-

ваемого Миланского эдикта характерно и вмѣшательство императора в спор донатистов и православных, унижающего по мнѣнію самого Константина святѣйшую религію. Послѣ побѣды у Хрисополя император вновь издает эдикт в пользу христіан: вмѣстѣ с тѣмъ объявляется терпимость язычеству. Для восточнаго періода правленія Константина характерно его вмѣшательство в спор аріан с Вселенскою церковью.

На основаніи разобраннаго матеріала докладчикъ заключаетъ, что Константинъ окончательно связал свою личность с христіанствомъ, что онъ былъ убѣжденъ в персональной миссіи, возложенной на него Богомъ и, что благо государства онъ связывалъ с благомъ Вселенской церкви. Константинъ долженъ получить мѣсто между предвидцами и пророками; не такъ незаслуженнымъ представляется также именованіе его тринадцатымъ пророкомъ. (Все же надо замѣтить, что церковь св. Апостоловъ в Константинополѣ была посвящена не 12, а всѣмъ 70 апостоламъ).

Текст доклада сопровождается многочисленными примѣчаніями, превосходящими его по количеству страницъ. В нихъ очень полно дается литература и также интересный разборъ отдѣльных извѣстій и источниковъ. В концѣ книги приложено добавленіе, разбирающее вопросъ объ отношеніи Константина Великаго и христіан вообще к изobraженію *sol invictus*. М. А.

L. HAUPTMANN, LES RAPPORTS DES BYZANTINS AVEC LES SLAVES ET LES AVARES PENDANT LA SECONDE MOITIÉ DU VIe SIÈCLE. Extrait de Byzantion, tome IV (1927—1928). Liège 1929. p. 137—170.

Во вторую половину VI-го столѣтія Балканскій полуостровъ находился подъ угрозою аварской опасности; но несмотря на важность вопроса положеніе различныхъ народовъ в ту эпоху по ту сторону Дуная и ихъ дипломатическія взаимоотношенія остались в научной литературѣ в значительной степени невыясненными. Гауптманн объясняетъ

это положеніе вещей тѣмъ, что никто изъ ученыхъ не пытался до сихъ поръ дать обзоръ всей «большой политики», которая велась в то время. Авторъ стремится заполнить этотъ, по его мнѣнію, пробѣлъ.

Об общемъ положеніи вещей послѣ 546 г., когда франки, гепиды и лангобарды были разьединены благодаря мастерской дипломатіи Юстиніана, повѣствуетъ довольно сумбурно Іорданъ. Описывая Скиѣю Іорданъ в своемъ повѣствованіи слѣдуетъ за своимъ предшественникомъ Кассіодоромъ; поэтому рассказъ его не имѣетъ цѣнности. Значительно больше даетъ Прокопій, описывая административное устройство придунайскаго края ок. 550 г. Къ этому времени славяне еще не занимали южной Венгріи. Берега Дуная от Желѣзныхъ Воротъ приблизительно до вѣнскаго бассейна были гепидо-лангобардскими, дальше шли владѣнія франковъ. Славяне помѣщались за гепидами, они были опасны только тогда, когда ихъ увлекали кочевья народности; обычно славяне не проявляли завоевательныхъ инстинктовъ (р. 147).

При первоначальномъ своемъ появленіи авары держали себя крайне скромно, памятуя еще свое бѣгство отъ турокъ. В 562 г. Юстиніанъ предложилъ аварамъ для поселенія прежнія земли геруловъ в сѣверо-западной Сербіи. Но авары, опасаясь гепидовъ и лангобардовъ, предпочитали расположиться в Добруджѣ. Этого имъ не удалось сдѣлать, и они принуждены были остаться в Южной Россіи и терпѣть прекращеніе выплаты дани Византіей и пораженія отъ франковъ. Выручилъ аваровъ Албоинъ, предложившій имъ союзъ с лангобардами; послѣдній состоялся на очень выгодныхъ для аваръ условіяхъ. Юстинъ II далъ спокойно разгромить гепидовъ и самъ захватилъ Сирміумъ. Когда же лангобарды двинулись в Италію, Паннонія осталась за аварами. Гауптманнъ отрицаетъ наличіе давленія якобы оказаннаго аварами на лангобардовъ, что должно было принудить ихъ двинуться в Италію. Авары не обладали для этого достаточнымъ военнымъ авторитетомъ. Первая

их побѣда только в 573 году, когда главныя византійскія силы были отозваны на Восток. Затѣм под предлогом усмиренья валашских славян, вторгшихся в предѣлы имперіи, авары безуспѣшно пытаются захватить Сирміум. Послѣ мира в 591 г. с персами Маврикій опять начинает вести оффенсиву против авар. К этому времени, точнѣе к 568 г., вся страна между Трансильваніей и Баваріей очутилась в руках славян. К этому же времени Гауптманн относит начало миграціи сербов, хорватов и словенов на Юг.

Совершенно внезапно в 595 г. вмѣстѣ с славянами на Западъ борются с франками и баварами также и авары. Этот поворот фронта с юго-востока на запад, случился под вліяніем оффенсивы Маврикія; но в 599 г. авары опять ненадолго обращаются к Ромейской имперіи. Только при Фокѣ авары, покорив валашских славян и болгар, наводнили цѣлый Балканскій полуостров и заселили его сплошь славянами. Сами же авары расположились в придунайской равнинѣ, отдѣлив западных славян от южных. Автор считает, что это отдѣленіе славянских пламен началось до прихода мадьяр и являлось косвенным слѣдствіем политики имп. Маврикія.

М. А.

К. ШКОРПИЛЪ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИ БЕЛЕЖКИ ОТЪ ЧЕРНОМОРСКАТО КРАЙ-БРѢЖІЕ. Отпечатокъ отъ *Извѣстія на Българския Археологически Институтъ*, томъ VI, 1930—31, стр. 57—88 съ табл. XII.

Извѣстный чешскій археолог, проживающій в Болгаріи, К. Шкорпилъ знакомит читателя с результатами своих раскопок на Черноморском побережьи и сдѣланными из них выводами: 1. Древніе *Krouvoii* не идентичны с Діонисополем-Балчиком, согласно послѣдним раскопкам Круны находились в окрестностях Екрене (среднев. *Ροβνις*); 2. Шкорпилом приводятся дополнительные рисунки для гробницы из Балчика, а, именно, разрѣзы гробницы и ея реконструкція. Автор останавливается также подробнѣе на важнѣйшей находкѣ — бронзовом кратерѣ

с изображеніем на нем исторіи Ифигеніи в Тавридѣ, и дает подробное его описаніе. 3. Результаты раскопок в старшей городской части Варны Сез-Севместѣ; особенно интересна ваза (*aryballos*) с цвѣтным рельефом. 4. Остатки постройки дорическаго стиля (капители и фрагменты колон в Варнѣ и Созополѣ). 5. Ионическія капители из гробницы лежащей у Варны вблизи евксиноградскаго шоссе.

М. А.

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN BYZANTIUM AND OLD RUSSIA, A. VASILIEV. Reprinted from the Journal of Economic and Business History. Volume IV, Numb. 2, February 1932. p. 314—334.

Извѣстный русскій византолог А. А. Васильев вновь обратился к византійско русским отношеніям и посвятилъ статью специально вопросу экономическому. Прежде чѣм приступить к разсмотрѣнію экономических отношеній; автор отмѣчает два важных добавленій сдѣланных за послѣднее время в наукѣ к исторіи Древней Руси: 1. что русское государство унаслѣдовало от своих предшественников сильно развитую экономическую организацію; 2. что этническій термин *Rus, Rush, Ros* или *Rosh* издавна существовал на Руси, и что совпаденіе его имени с сѣверным основанным скандинавами государством чисто случайное. Южная Русь, извѣстная арабам, торговала и с Византіей, но преимущественно в Херсонѣ. Настоящія торговыя отношенія с Византіей начинаются у Руси Сѣверной послѣ созданія норманских княжеств в Новгородѣ и в Кіевѣ. Древняя торговля с Востоком скандинавов шла по волжскому пути, затѣм выступает и днѣпровскій путь, ведшій в Константинополь. Торговля была упорядочена договорами с обѣих сторон. С середины XI-го вѣка этот путь был перерѣзан печенѣгами, и русскіе товары опять направились в Херсон, а позднѣе в Солдаю-Сурож. Кончает Васильев нумизматическим экскурсом в древнѣйшую русскую исторію

и между прочим останавливается и на таинственном знакъ, встрѣчающимся на монетах князей дома Владиміра Св. В связи с этим укажу еще на одну новѣйшую работу, посвященную этому вопросу: бар. М. А. Таубе, Загадочный родовой знак семьи Владиміра Святого. Сборник в честь Миллюкова. Прага 1929, р. 117—135. М. А.

НА СЪѢЗДѢ американских историков в Миннеаполисѣ на Рождествѣ 1931 г. проф. А. А. ВАСИЛЬЕВЫМ был прочтен доклад, в котором он затрагивал интересный вопрос о существованіи вассальных отношеній между древней Русью и Византіей: *Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?* Доклад этот должен появиться в печати в ближайшем времени. М. А.

А. Л. ПОГОДИН, ВАРЯГИ И РУСЬ. Записки Русскаго Научнаго Института в Бѣлградѣ, вып. 7. 1932. Стр. 93—135.

Автор статьи дает критическій разбор нѣскольких новѣйших работ, связанных с темой Варяги и Русь. Он отмѣчает в особенності то, что эти труды дают для разрѣшенія вопроса о началѣ русскаго государства. С этими трудами Погодин познакомился преимущественно во время своего пребыванія в Прагѣ лѣтом прошлаго года. 1. Начало Польскаго государства из Кіева. Автор рассматривает статьи ЗАКШЕВСКАГО, КРОТОСКАГО, КОЗИЕРОВСКАГО и дѣлает выводы, что «норманская струя в польских землях не получила особеннаго развитія». 2. Руса и Русь. В этой части рассматриваются труды акад. С. Ф. ПЛАТОНОВА о новгородской округѣ Руса, как о мѣстопробываніи первоначальной Руси, М. Д. ФАСМЕРА, Слѣды викингов в Россіи, СОБОЛЕВСКАГО о третьем русском племени, ВАСИЛЬЕВА о готѣях в Крыму, СМІРНОВА о Тмутаракани, кн. А. М. ВОЛКОНСКАГО, В. А. МОШИНА. 3. Варяги, восточные и западные пути их торговли. С работой Смирнова Погодин смог ознакомиться только в рефератѣ, поэтому оста-

вляет ее в сторонѣ, а разбирает труды В. А. БРИМА, Путь из Варяги в Греки, статью о Колбяхах, затѣм статьи Е. А. РЫДЗЕВСКОЙ и Э. ШВАРЦА и дает в концѣ своей статьи сводку новѣйших нумизматических данных. М. А.

П. МУТАФЧИЕВ, РУССКО-БОЛГАРСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ПРИ СВЯТОСЛАВѢ. *Seminarium Kondakovianum*, IV. Прага 1931. р. 77—94.

Автор пересматривает уже неоднократно поставленный вопрос об отношеніях болгар и русскаго князя Святослава Игоревича. Обычно вопрос разрѣшался в том видѣ, что Святослав оружіем преодолѣл сопротивление болгар и затѣм при помощи кроваваго террора заставил их воевать вмѣстѣ с собою против Византіи. Разсмотрѣвъ сообщенное Львом Діаконом и Скилицей, Мутафчиев находит в них извѣстія, дающія матеріал не только для выше изложеннаго взгляда, но и показывающія, что отношенія между болгарами и русскими далеко не походили на отношенія между «кровожадными завоевателями и дрожащими перед ними рабами». К таким извѣстіям относится фактъ ношенія болгарским царем Борисом II и впредь царских инсигній и его нахождение на волгѣ; также сокровища болгарских царей были пощажены. Подробно изучая призыв Никифором Фокой Святослава и интересы трех народов, Мутафчиев приходит к заключенію, что в Болгаріи к моменту II-го похода Святослава существовала антивизантійская партія на которую Святослав мог опереться. На этот раз русскій князь держал себя уже повелителем, а Борис II оставался только номинальным царем. Святослав грозит даже, какбы слѣдующим традиціям царя Симеона, изгнать греков в Малую Азію. Событія в Пловдивѣ и Доростелѣ являются исключительными, а доростельское избиеніе случилось во время массоваго отпаденія болгар. Сам автор рассматривает это отпаденіе, как ошибку. Вот в общих чертах основныя положенія Мутафчиева, бросающія иной свѣтъ на сущность эпопеи Свя-

тослава и заслуживающія поэтому особаго вниманія византинистов и русских историков. М. А.

ENCORE SUR DOBROTICA, par P. MUTAFČIEV. Annuaire de l' Université de Sofia, faculté hist.-phil., t. XXVII. 1931.

Автор еще раз возвращается к вопросу о формѣ имени перваго правителя Добруджы Добротицы¹ и наглядно доказывает, что имя Добротица славянскаго происхожденія, как по своему корню, так и по суффиксу «ица». Имя брата Добротицы Балик турко-татарское; повидимому, семья двух братьев вела свое происхожденіе от половцев, переселившихся в большом числѣ в Болгарію в XIII вѣкѣ, но затѣм ославянилась. Автор подробно останавливается на греческих и латинских извѣстіях, в которых имя Добротицы передано, как Τομροτίτζα(ς) и Δοβροτίμιος, Dobrodize, что указывает на славянскую форму Добротица, а не Добротич. Уменьшительныя имена, даже для князей, были очень распространены среди балканских славян и русских. М. А.

П. МУТАФЧІЕВЪ, КЪМЪ ЦЪРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАТА ГЕОГРАФІЯ НА ПЛОДИВСКОТО. Сборникъ в честь на Пловдивския Митрополитъ Максимъ. 1931, р. 1—27.

В первой части своей статьи, посвященной историко-географическому изслѣдованію об отдѣльных епархіях пловдивско-филиппопольскаго діоцеза, Мутафчиевъ разсматривает старшую нотіцію епископій с VII-го вѣка, гдѣ на 38 мѣстѣ помѣщена еракійская епархія, подчиненная митрополиту Филиппопольскому. В ней отмѣчены три епископства с центрами в Диоклетіанополѣ (автор оспаривает его мѣстонахожденіе около Чирпана), Севастополѣ и Диосполѣ. Другая нотіція епископій относится к первому иконоборческому періоду, в ней чис-

лятся не три а восемь епископій, но двѣ из них — Литопрозопон и Декастера попали в нее по ошибкѣ, под сомнѣніем также город Лебедос. Особое вниманіе удѣлено Мутафчиевымъ извѣстным в исторіи болгаро-византійскихъ войнъ Маркелламъ.

Во второй части разсматривается положеніе вещей послѣ заселенія территории епархія славянами. Главнымъ источникомъ служитъ нотіція времени Льва Мудраго, впрочемъ автор сомнѣвается дѣйствительно ли в ней дается положеніе вещей соотвѣтствующее правленію этого царя. К этому времени в пловдивской митрополіи уже насчитываются десять епископствъ: Скутаріонъ в равнинѣ на востокъ от Пловдива, Агатионія в области Сакара, Лютица, Констанція и Буково в восточныхъ Родопахъ, Левки в сѣверо-западныхъ; мѣстоположеніе четырехъ остальныхъ (Драмицы, Іоаницы, Влептоса и Велики) неизвѣстно. М. А.

ИЗЪ НАШИХЪ СТАРОПЛАНИНСКИ МОНАСТИРИ. *Бележки и материали отъ ПЕТЪРЪ МУТАФЧИЕВЪ. (Сборникъ на българската академия на науката, кн. XXVII.) Отдѣленъ отпечатъкъ. София 1931. стр. 72 и XVI. таб.*

Авторъ книги П. МУТАФЧІЕВЪ лѣтомъ 1915 года посѣтилъ Старую Планину в районѣ между рѣками Искеромъ и Осумой и осмотрѣлъ рядъ монастырей. В 1930 г., повторивъ эту научную экскурсію, онъ рѣшилъ подѣлиться с читателемъ своими замѣтками о видѣнномъ и собраннымъ матеріаломъ. Описаніе его тѣмъ болѣе интересно и заслуживаетъ вниманія, что многіе изъ этихъ небольшихъ памятниковъ постепенно разрушаются и грозятъ со временемъ совсѣмъ исчезнуть. Обстоятельное описаніе составлено критически и осторожно, быть можетъ мѣстами даже слишкомъ, в особенности в тѣхъ случаяхъ, когда авторъ, не имѣя подъ рукою точно датированныхъ данныхъ, воздерживается отъ всякой датировки или даетъ ее в очень общихъ чертахъ.

Большинство матеріала сообщеннаго Мутафчиевымъ относится к новѣйшей бол-

¹ *Mutafčiev, Dobrotić-Dobrotica et la Dobrudža. Revue des études slaves. VII, 1927, fasc. 1—2; отвѣтъ на нее Н. Іорги в Revue historique du sud-est européen (Avril-Juin 1928, p. 133—136).*

гарской исторіи, но кое что имѣет также отношеніе и к болѣе раннему времени — эпохѣ византійско-болгарской и даже старохристіанской.

Порядок описанія отдѣльных памятников таков: описаніе самой церкви или памятника, сохранившейся живописи, с привлеченіем надписей и свѣдѣній, касающихся его, отдѣльных предметов и рукописей и старопечатных книг, хранящихся в монастырѣ причѣм надписи на них приводятся полностью. При описаніи дается план церкви. К книгѣ приложено 16 таблиц фотографій.

Из старших памятников упоминается о древних городищах—Коритенградѣ и городищѣ на Риталѣ, восходящих в своей первоначальной формѣ к римскому времени. Интересныя развалины старо-христіанского храма обширных размѣров были обнаружены у монастыря св. Маріи у Бухова. План его без раскопок трудно опредѣлить, но по всей вѣроятности он напоминает план св. Софіи Софійской.

К эпохѣ средне-болгарской или византійско-болгарской относится городище над селом Божица XIV или XV-го вѣка, вблизи от котораго в скалѣ выдолблена небольшая пещерная церковь. К этой же эпохѣ относятся развалины церкви у с. Лютиброда, как на это указывает характерная конструкція его стрема нефами, раздѣленными столбами поддерживающими арки. Мутафчиев сообщает также о видѣнном им в 1915 году Деисусѣ с славянско-греческими надписями, нынѣ исчезнувшими. К XIV-му вѣку к самому концу его относятся также нѣсколько других памятников. Особенно интересна роспись Кремиковскаго монастыря св. Георгія 1493 г., как это указывает надпись у портрета ктиторов Радивоя, его супруги и двоих дѣтей. К XV—XVI вѣкам относятся строенія живописно расположеннаго Гложенскаго монастыря; в церкви его наряду с росписями XVIII-го в. сохранились болѣе раннія XV—XVI вв. Среди рукописей этого монастыря особенно любопытно написанное на отдѣльном листѣ сказаніе о чудо-

творной иконѣ св. Георгія, чудесно прибывшей на гору Лисец из Кіевопечерскаго монастыря. За ней послѣдовал из Кіева князь Гложен, основатель Гложенскаго монастыря, именующагося также Кіевским. Интерес легенды в том, что в ней отмѣчено явленіе чудотворной иконы в обратном направленіи из Руси на Балканы, тогда как русскія преданія говорят всегда о явленіи икон с греческаго юга. Названіе Кіевскій сохранился за монастырем и на бронзовой печаті; старинной же иконы св. Георгія, ни даже воспоминанія о ней не сохранилось.

К XVI—XVII вѣкам относится ряд памятников: Курильскій монастырь, св. Ивана Рыльскаго, построенный в 1593 году и написанный три года спустя. Мутафчиев высказывает предположеніе, что его расписал монах Зографскаго мон. Пимен. Приблизительно к тому же времени относится фреска Елешницкаго монастыря св. Богородицы, в церкви сохранилась мраморная плита с 1499 года; церковь Каруликовскаго монастыря Успенія св. Богородицы, росписи с 1602 года; внутреннія росписи Струпецкаго монастыря, св. Ильи, повидимому также относятся к XVI—XVII в.

К этой же эпохѣ относится расцвѣтъ, нынѣ захудалаго городка, Етерополя, извѣстнаго еще в византійско-болгарское время своими рудниками, позднѣе привлекшаго большую сербскую колонію горнорабочих. Этот городок сыграл большую роль в просвѣтительной дѣятельности того времени, по этому автор книги удѣляет его исторіи особое вниманіе. К сожалѣнію, сохранившіеся в нем памятники и сосѣдній монастырь св. Троицы относятся уже к XVIII—XIX вв. Из рукописнаго матеріала етеропольскаго мон. отмѣтим записанное поминовеніе болгарских и сербских государей (р. 57).

Значительное количество построек и росписей старопланинских монастырей относится уже к XIX вѣку, но в нѣкоторых случаях онѣ воздвигнуты на мѣстѣ болѣе древних памятников. Так в вышеупомянутом етеропольском монастырѣ сохранилась надпись

от 1858 года, гласящая, что вновь построенный монастырь существовал до этого 700 лѣт. Конечно, как на это указывает Мутафчиев, остается под вопросом насколько достоверно лѣтоисчисленіе игумена-обновителя монастыря. О другом монастырѣ Семи престолов, обновленном и расписанном в XIX вѣкѣ сохранилось пиротское преданіе, что в него переложил свою столицу Петр Дельян, а другое преданіе говорит, что основателем его был брат этого царя Георгій. Мутафчиев относит основаніе этого монастыря к эпохѣ Второго болгарского царства. Кладка церкви указывает также на древность ея постройки. Из других монастырей описанных Мутафчиевым отмѣтим еще Троянскій монастырь Успенія Божей Матери, построенный в первую половину прошлаго столѣтія, в бібліотекѣ, котораго сохранилась интересная монастырская лѣтопись поздняго времени.

На этом закончим обзор важнѣйших памятников, описанных Мутафчиевым в его работѣ, являющейся цѣнным вкладом в изученіе болгарских древностей и ея болѣе современных художественных и церковных памятников.

М. Андреева.

Д-р. АЛЕКСАНДР СОЛОВЬЕВ, ЕДАН НОВИ СПОМЕНИК БУГАРСКОГ ПРАВА. Прештампано из Архива за правне и друштвене науке, кн. X (1931) бр. 6, стр. 474—478.

По поводу объявленія и изданія М. ЛАСКАРИСОМ новой грамоты Іоанна Асѣня II Ватопедскому монастырю от 1230 г., Соловьев вкратцѣ обрисовывает сохранившіеся болгарскіе юридическіе памятники и подчеркивает значеніе вновь объявленной грамоты. Автор специально останавливается также на вопросѣ: заимствовала ли болгарская канцелярія от византійской два основных типа грамот — хрисовулл и простагму. М. Ласкарис в противоположность ИЛЬИНСКОМУ это отрицает, ссылаясь на открытую им грамоту, представляющую хрисовулл без аренги. Соловьев объясняет эту форму грамоты иначе. В данном случаѣ

мы имѣем дѣло не с хрисовуллом, а с переходным видом его извѣстным в византійской дипломатикѣ, с хрисовуллом-оризмой. Раздѣленіе грамот на хрисовуллы и простагмы существовало и в сербской канцелярской практикѣ.

М. А.

A. A. VASIL'EV, IL VIAGGIO DELL' IMPERATORE BYZANTINO GIOVANNI V PALEOLOGO IN ITALIA (1369—1371) E L' UNIONE DI ROMA DEL 1369. Estratto dagli »STUDI BYZANTINI E NEOELLENICI« vol. III a cura dell' Istituto per l' Europa Orientale. Roma 1931, p. 153—193.

Одновременно с книгой О. ХАЛЕЦКАГО¹ появилась статья проф. А. А. ВАСИЛЬЕВА, посвященная также путешествію Іоанна V Палеолога на Запад и принятію им Уніи. Васильев начинает повѣствованіе с событій 20 и 30 лѣт XIV столѣтія, принудивших византійских императоров обратиться за помощью на Запад. В 1335 г. Іоанн V Палеолог обращается с опредѣленным предложеніем к папѣ; в 1359 г. имѣл мѣсто небольшой крестовый поход, не принесшій существенных результатов. В 1365 г. возобновляются сношенія с папой и опредѣляется формула перехода Іоанна V в католичество. На помощь Византіи на Восток является гр. Амадео Савойскій. Наконец послѣ восшествія в 1367 на папскій престол Урбана V план заключенія Уніи приходит к осуществленію. Подробно автор останавливается на опредѣленіи пути по которому направился Іоанн V в Италію и мѣст его пребыванія; на документах, имѣющих отношеніе к принятію Уніи (Приводится латинскій коллацированный текст хрисовулла Іоанна V Палеолога (A. A. Arg. I—XVIII. N° 401), текст клятвы того же государя (N° 395); на пребываніи императора в Венеціи на обратном пути из Рима. Іоанн V, заключив с сеньоріей договор, по которому он уступал Венеціи Тенедос, был за-

¹ O. Halecki, Un empereur byzantin à Rome. Rozprawy Historyczne Tow. Nauk. Warsz. t. VIII. Warszawa 1930.

тѣм задержан венеціанцами за долги. Его выручает Мануил Палеолог, явившійся с нужными деньгами к отцу. На событіях 1371 г. Васильев заканчивает свое сжатое и богатое фактами повѣствованіе. М. А.

Д-р. АЛЕКСАНДАР СОЛОВЈЕВ, ЗЕТСКА ПРЕСУДА ИЗ 1445 ГОДИНЕ. Прештампано из Архива за правне и друштвене науке, кн. XXIII (XL), бр. 1—2, стр. 41—53.

А. Соловьев впервые издает судебную грамоту от 1445 г., выданную Ѳомой, воеводой Зетским в правленіе деспота Георгія. Этим воеводой, как это устанавливается автором, был грек Комнин, извѣстный и из других памятников. Изданіе грамоты сопровождается подробным комментарием; в области дипломатики проводятся параллели из византийской практики. М. А.

О ТРОНОШКОМ РОДОСЛОВУ написао НИКОЛА РАДОЈЧИЋ. (*Српска краљевска академија.*) Посебна издана књига XXXVI. Друштвени и историски списи књига 37. Београдъ 1931. стр. 82 и 2 прил.

В старой сербской литературѣ сохранился ряд кратких родословов сербских королей и болѣе пространных лѣтописей, скомпилированных главным образом на основаніи житій отдѣльных королей. По КАЧАНОВСКОМУ¹ к разряду послѣдних принадлежит и Троношкій Родослов. Этой лѣтописи поздняго времени, с довольно простым изложеніем событій, Радойчич посвятил специальное изслѣдованіе.

Как указывает в своем предисловіи автор, выводы его не могут считаться окончательными, в виду отсутствія критическаго изданія текста Троношскаго Родослова, как и близкаго ему по содержанію Общаго Листа. Радойчич пока что ограничивается попыткой опредѣлить историческое и литературное значеніе этого памятника.

Первая глава посвящена изученію ру-

кописи источника и его изданій. Впервые Троношкій Родослов был издан в 1852 году в Гласникѣ Друштва Српске Словесности ЯНКО ШАФАРИКОМ по одной из бѣлградских рукописей а в 1872 году там же (СХХIV) МИЛОЈЕВИЧЕМ по другой рукописи под заглавіем Общій Лист. Кромѣ этих двух редакцій сохранился еще цѣлый ряд рукописей с почти тождественным текстом. Все же самыя важныя глоссы находятся в рукописи Іосифа Троношца. Радойчич доказывает также филиацію обоих напечатанных текстов от двух различных редакцій одного и того же основного текста. Названіе памятника Родословом он признает за правильное, т. к. матеріал распределен по царствованіям отдѣльных королей.

II-ая глава: Содержаніе Троношскаго Родослова, его композиція и главные варианты. Троношкій Родослов, как типичное произведеніе этого рода, начинает свое повѣствованіе с Стефана Нѣмани, но дает предварительно исторію его рода, отводя его от Констанціи, сестры Константина Великаго и Лицинія Мучителя. Констанція послѣ пораженія ея супруга бѣжала съ дѣтьми в Захлуміе. Захлумскій поп Стефан, родоначальник Нѣманей ея потомок. Затѣм слѣдует исторія сербских королей и деспотов до паденія Будима в 1521 году. Радойчич подробнѣе останавливается на отдѣльных эпизодах, описываемых в Родословѣ и на их источниках. Ими в значительной степени были произведенія Мавра Орбини и гр. Юрія Бранковича; из болѣе ранних — житія кралей сербских Доментіана и Ѳеодосіево житіе св. Саввы. Зачастую в повѣствованіи измышленія сочетаются с реальными фактами. Неточно в большинствѣ случаев передаются извѣстія о сношеніях с Византіей. Напр., как отмѣчает Радойчич вымышлен рассказ о походѣ Стефана Душана на Цариград и о свиданіи его с царем и патриархом (р. 32). Невѣрно также сообщеніе о полученіи св. Саввой от царя Алексѣя Ангела Комнина вѣнца для Стефана Первовѣнчаннаго, тогда как на самом дѣлѣ он сно-

¹ В. Д. Качановскій, Сербскія житія и лѣтописи, как источник для исторіи южных славян в XIV и XV вѣках. Славянский сборник III. Пбг. 1876. р. 201.

силсѧ с Ѳеодором I Ласкарѧм (р. 18; Гласник, V, р. 36). Подробно Радойчич останауваѧсь на разборѧ особенно привлекающаго его вниманіе повѣствованіа о битвѧ на Косовом полѧ. В нем сохранились слѣды народнои традиціи; так наприм., разсказ о враждѧ Марка сына Вукашина к князю Лазарю. Марко во главѧ турецкаго войска мирно занимает свои собственные города, как поетсѧ и в одной албанскои рѣснѧ. Все описаніе составлено согласно сербскои и албанскои народнои традиціи, но в то же время и по данным позднѣйших хроник Бранковича и Орбини. Встрѣчаются также у автора Родослова ссылки на современное ему положеніе вещей и рационалистически-моралистическія разсужденія.

III глава посвящена взглядам отдѣльных ученых на цѣнность Трношскаго Родослова. МАЙКОВ и в особенности ГИЛЬФЕРДИНГ, котораго поразило необычайное для болѣ ранних сербских лѣтописей сильное развитіе моральнаго чувства, отнеслись к памятнику благосклонно. С Гильфердингом соглашается и Ф. РАЧКИ. Оба ученые относят составленіе Родослова к первой половинѧ XVI-го вѣка. ЯГИЧ предполагал, что составитель пользовался нынѣ утраченными источниками. Отрицательно отнеслись к исторической цѣнности Родослова И. РУВАРАЦ, В. КАЧАНОВСКІЙ и П. СРЕЧКОВИЧ.

IV гл. Время составленія и личность составителя Трон. Род. Издатели Родослова Я. ШАФАРИК и М. МИЛОЙЕВИЧ относили его составленіе к XVI-му вѣку; из иных датировок слѣдует отмѣтить датировку Рувараца — между 1740—1770 гг. и ПОПОВИЧА — 1791 г. Радойчич стремится в свою очередь по возможности сузить границы времени возникновенія Родослова: *terminus ante quem* 1722 — появленіе славянскаго перевода Орбини; *terminus post quem* 1748 г., когда имѣніе Нуштар уходит из рук графа Гозо. Таким образом временем составленія Родослова является первая половина XVIII-го вѣка, т. е. эпоха расцвѣта сербскаго

просвѣщенія. Что касается личности автора, то Радойчич не соглашается с Руварацем, находящаго его в лицѧ студеницкаго игумена Константина. Отмѣтив интерес к сербскои исторіи и стремленіе изложить факты с моралистической тенденціей в сербских школах в Новом Садѧ и в Карловацѧ, он высказывает предположеніе, что Родослов был составлен любителем наук, проживавшим в Сремѧ или по близости от него.

V глава касается манеры изложенія и общей исторической тенденціи разбираемаго памятника. Составитель хотѣл создать нѣчто большее, чѣм обыкновенный Родослов и стремился показать свою, хотя и небольшую ученость. Он отличается своим мировоззрѣніем от старших сербских лѣтописцев. У него замѣчаются тенденціи конфессіональныя, патриотическія и моралистическія. В изложеніи событій допускаются большія вольности, в то же время много шаблоннаго. Все же Родослов представляет значительный шаг вперед в области сербскои исторіографіи и является предтечей романтической традиціи, пользующейся, как и она, народными преданіями.

VI гл. Историческая критика. Проводится она составителем тенденціозно; в особенности это проявляется по отношенію к Мавру Орбини, котораго он очень недолюбливает за католическія и дубровницкія симпатіи. Автор Родослова повсюду проявляет свой сербскій патриотизм. Значеніе Родослова в развитіи сербскои исторической мысли велико. Если Родослов, как источник произведеніе второстепенное, то в этой области он занимает важное мѣсто. К этому выводу приходит в своей обстоятельной и интересной работѧ Радойчич. К книгѧ приложены два снимка с рукописи Іосифа Трношца.

М. Андреева.

ZBORNİK IZ DUBROVAČKE PROŠLOSTI. MILANU REŠETARU o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici. Dubrovnik 1931.

В сборникъ, выданном к 70-лѣтнему юбилею М. РЕШЕТАРА среди многочисленных статей касающихся различных сторон жизни и исторіи Дубровника, нѣкоторые представляют прямой или косвенный интерес для исторіи славяновизантійских отношений. Из них отмѣтим:

Н. ЮРГА, «Исторія и историки Рагузы» дает краткую характеристику источников и обзор важнѣйших трудов по исторіи республики: Петра Лукари, Енгеля, Иречка и собственного II тома (*Notes et extraits à servir à l'histoire du XV siècle. II. série*) не третьяго, как стоит в статьѣ.

Л. ГАУПТМАНН на основаніи извѣстій Константина Багрянороднаго опредѣляет національность народностей обитавших в дубровницком Hinterland'ѣ, т. е. захлумлян и травунян — были ли они сербами или хорватами. По мнѣнію автора в *de admin. imp.* Константин Багр. в 30 гл. передает народную версию о прибытіи и расселеніи хорватов, а в 31 обрабатывает ее в связи с византійскими политическими тенденціями; в 32 гл. он в соотвѣтствіи с преданіем о хорватах создает преданіе о сербах. Поэтому не слѣдует давать вѣры словам Константина, когда он заселяет Далмацію сербами, т. к. он недостаточно хорошо освѣдомлен. В XI и XII вв. византійскіе писатели знают хорватов, хотя послѣдніе уже составляли только высшій класс населенія и были подчинены Нѣманичам.

По дипломатикѣ I. НАГИ (Nagy) разбирает три старших грамоты боснійских банов Дубровнику, именно договоры 1189, 1249 и 1332 гг. М. КОС изучает двѣ привилегіи Стефана Котроманича от 15 авг. 1332 г. и 15 февраля 1333 г. и устанавливает преемственность их дипломатических формул от старших конца XII и начала XIII-го вѣка.

По нумизматикѣ Б. САРІА, полемизируя с ЧРЕМОШНИКОМ, пытается установить, что дубровницкій динар по своему вѣсу соотвѣтствовал сербскому в связи с хозяйственными интересами Дубровника. А. БЕНУССИ сообщает новую монету XV-го вѣка.

Б. ГУШИЧ в своей статьѣ прослеживает постепенный переход острова Меледы под власть Дубровника, совершившійся благодаря подчиненію бенедиктинцев дубровницкому архіепископу.

Изученіем отдѣльных сословій занимаются А. СОЛОВЬЕВ и В. ВУКАШОВИЧ. Соловьев дает перечень дубровницких патриціанских семей в XIV вѣкѣ, пользуясь списком распредѣляющим между ними владѣніе вновь приобрѣтенной землей в Кановлѣ. В. Вукашович дает имена и прозвища дубровницких ювелиров — они преимущественно славянскія.

Р. БУЙАС изучает нѣсколько старинных предметов, между ними серебряную статуетку св. Власа, относимую обычно к XII—XIII вѣку. Он устанавливает ее изготовленіе в XV вѣкѣ в дубровницких мастерских.

Г. НОВАК, Производство шерстяных тканей в Дубровникѣ до середины XVI-го столѣтія. В теченіи средневѣковія Дубровник торговал французским и венеціанским сукном, с XIV вѣка начинается торговля товарами собственного изготовленія; с XV в. Дубровник уже серьезно конкурирует с Венеціей и запрещает ввоз чужих сукон. Автор пользуется главным образом *Liber Croceus*.

I. БАРБУЛЕСКО занимается сношеніями румынских князей с Дубровником в эпоху «культурнаго славизма», т. е. XII—XVII ст. Сначала Дубровник насаждает славяновизантійскую культуру, но в то же время способствует проникновенію итало-латинских теченій. С XIV вѣка Румынія находится в сферѣ дубровницких экономических операций.

Нѣсколько статей посвящены изученію дубровницкаго сборника 1520 г., изданнаго Решетаром. С. ИВИЧ устанавливает соотношеніе текста, имѣющейся в нем статьи — разговор души с тѣлом, с соотвѣтствующей статьѣй глаголическаго сборника 1468 г. Н. ДУРНОВО изучает повѣсть об Акирѣ и устанавливает соотношеніе текста с упомянутой глаголической рукописью, сокращенным греческим текстом и иными сла

вянскими. М. Н. СПЕРАНСКІЙ изучает статьи вошедшія в сборник 1520 г., согласно их языку и содержанию. Он дѣлит их на двѣ группы: первая возникла под вліяніем восточной традиции, вторая болѣе новая под вліяніем западной. Обѣ эти традиции пропитывают всю внутреннюю жизнь Дубровника.

Из статей характера филологического слѣдует отмѣтить «Три базилики Дубровника и парные термины базилика и еkkлeсія» М. БАРТОЛИ. Автор считает, что замѣна слова базилика еkkлeсіей произошла под романским вліяніем и отрицает наличие непосредственного греческаго вліянія на Дубровник. Б. МИЛЮРАНИ разбирает отдѣльныя формы слов происшедших от имени Рагуза. Разбирая формы слова *Raguseo*, *Raguseus* и сопоставляя с *Ῥαουσαίος*, автор приходит к заключенію, что онѣ перешли в таком видѣ в итальянскій языкъ с греческаго. Он разбирает также выраженія отрицательнаго характера, имѣющіяся в итальянском и французском языкѣ. М. Андреева.

VASILE GRECU, CONTRIBUTII LA

STUDIUL IZVOARELOR MANUALUI DE PICTURĂ BYZANTINĂ. Extras din »INCHINARE LUI N. JORGA EN PRI-LEJUL ÎMPLINARII VÂRSTEI DE 60 DE ANI«. Cluj 1931, p. 1—7.

Автор публикует два отрывка из Ерменія — живописнаго подлинника — по рукописи XVIII-го вѣка, доставленной в Аѳины мало-азійскими бѣженцами. Это тот же текст, который был извѣстен ПАППАДОПУЛО-КЕРАМЕВСУ только в отрывкѣ и, который по его мнѣнію послужил источником Ерменіи Діонисія из Фурн. Греку издает введение, в котором упоминается Панселин и Теофан, и отрывок о христологических предсказаніях семи древне-греческих философов. М. А.

D. A. ZAKYTHINOS, náš spolupracovník, tajemník při Institutu Néohellénique na pařížské universitě, hájil dne 21. května t. r. na Sorbonně své dvě these: *Le despotat grec de Morée* (Paris, Belles Lettres, 334 str.) a *Le chrysobulle d'Alexis III Comnène* (tamtéž, 102 str.), a byl prohlášen doktorem ès lettres.

OPRAVY — ERRATA.

(Větší čísllice znamená stránku, menší — řádek.)

Místo — Au lieu de: — Čti — lisez:

p. 566₆ (dole, vlevo) Благовъ — Благоевъ

p. 567₁₈ (vlevo) Blagov — Blagoev

Λ 164

5 GI 158

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM RECUEIL POUR L'ÉTUDE
BYZANTSKO- DES RELATIONS
SLOVANSKÝCH VZTAHŮ BYZANTINO-SLAVES

VYDAVÁ
BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR
LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
DE L'INSTITUT SLAVE

ROČNÍK **IV** TOME
SVAZEK **2** VOLUME

VYDÁN DNE 30. I. 1933

P R A H A

V GENERÁLNÍ KOMISI NAKLADATELSTVÍ ORBIS, PRAHA-XII, FOCHOVA 62
VYTISKLA STÁTNÍ TISKARNA V PRAZE

1932

OBSAH — TABLE DES MATIÈRES:

ČLÁNKY — ARTICLES.

(DR = Deutsches Resumé — RF = Résumé en français.)

	Str. - Page
VĚRA IVANOVA (Sofija): Следитѣ отъ глаголица въ източна България. I. Глаголскиятъ надписъ въ Преславъ; II. Кирилскиятъ надписъ надъ с. Калугерица	227—233
RF: Les vestiges du glagolitisme en Bulgarie Orientale	234—235
N. VAN WIJK (Leiden): Die slavische Redaktion des ΜΕΓΑ ΔΕΙΜΟΝΑΡΙΟΝ	236—252
ANDRÉ VAILLANT (Paris): La traduction vieux-slave des Catéchèses de Cyrille de Jérusalem. La deuxième Catéchèse	253—302
JÁN STANISLAV (Praha): Doterajšie výskumy o frizinských pamiatkach. Kriticko-bibliografický prehľad	303—331
RF: Résultats actuels des recherches sur les fragments de Freising. Étude bibliographique et critique	331—334
WŁADYSŁAW KURASZKIEWICZ (Kraków): Gramoty halicko-wołyńskie XIV—XV wieku. Studium filologiczne	335—363
RF: Les chartes de Galicie et de Volynie du XIV ^e —XV ^e siècle. Étude philologique	363—364
J. A. JAVORSKIJ (Praha): Житіє Алексѣя Человѣка Божія въ карпаторусской стихотворной обработкѣ половины XVIII-го вѣка	365—370
RF: La vie d'Alexis l'Homme de Dieu dans la version carpatho-russe en vers du milieu du XVIII ^{ème} siècle	370
V. N. ZLATARSKI (Sofija): Намѣстници-управители на България презъ царуването на Алексия I Комнинъ	371—396
DR: Byzantinische stellvertretende Verwalter in Bulgarien während der Regierung des Alexios I Komnenos	396—398
V. F. RŽIGA (Moskva): О тканях до-монгольской Руси	399—416
RF: Des tissus de la Russie pré-mongole	416—417
J. MYSLIVEC (Praha): К иконографіи русских святыхъ	418—430
DR: Ein Beitrag zur Ikonographie der russischen Heiligen	430—431

POSUDKY — COMPTES-RENDUS:

<i>Union Académique Internationale</i> : Emploi des signes critiques, disposition d'apparat dans les éditions savantes de textes grecs et latins. Paris 1932 (JAN FRČEK)	432—434
P. Dr. Angelicus M. Kropp: Ausgewählte koptische Zaubertexte. Bd. I—III. Bruxelles 1930—1931 (M. ANDREEVA)	434—437

	Str - Page
<i>D. A. Zakythinos</i> Le despotat de Moree Paris 1932. (M. ANDREEVA)	438—442
Статьи <i>В.Н. Златарскаго</i> по исторіи Болгаріи. (M. ANDREEVA)	443—447
Проф. <i>О. Лотоцькій</i> : Українські джерела церковного права. Варшава 1931 (V. ZAİKYN)	447—457
<i>Кр. Миятевъ</i> Кржглата църква въ Преславъ. София 1932 (N OKUNEV)	457—461

ZPRÁVY – CHRONIQUE

462—471

podávají — par

M. ANDREEVA, F. DVORNÍK, J. FRČEK, J. MYSLIVEC.

Le Congrès des Études byzantines à Sofia — Inchinare lui Nicolae Iorga — Γ. Σωτηρίου, Ὁδηγὸς τ. βυζαντινοῦ μουσείου Ἀθηνῶν — G. Robinson, History and Cartulary of Greek Monastery — D. Zakythinos, Le chrysobulle d'Alexis III Comnène — A. A. Vasil'ev, Pero Tafur — K. Dietrich, Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte d. byzant. Balkanhandels — N. Baumgarten, Chronologie ecclésiastique — Vasil'ev, Was Old Russia a Vassal State of Byzantium? — Zaikyn, Učastie světskago elementa — Filov, Geschichte der albulgarischen Kunst — Ainalov, Geschichte d. russ. Monumentalkunst — Hakkel, Obraz trechglavoj Troicy — Recenzija V. Zaikyna — Povodom pedesetgodišnjice Jubileja »Vjesnika Arch. i Hist. Dal.« — Peščanskij-Svencickij, Ikonopisna tehnika — Kuba, Čtení o Starém Srbsku a Makedonii — Rumunské pravoslavné Euchologion.

BIBLIOGRAFIE

podávají — par

M. ANDREEVA J MYSLIVEC, M WEINGART 472—509

ČASOPISY DOŠLÉ VÝMĚNOU 510—511

REJSTŘÍKY. (Sestavila M. ANDREEVA.)

СЛЕДИТЪ ОТЪ ГЛАГОЛИЦА ВЪ ИЗТОЧНА БЪЛГАРИЯ.

I. ГЛАГОЛСКИЯТЪ НАДПИСЪ ВЪ ПРЕСЛАВЪ.

Въ първата книга на Български прегледъ г. Миятевъ издаде и прочете графититъ по стенитъ на така наречената Симеонова църква въ Преславъ.¹ Тази есенъ, докато замѣствахъ г. Миятева на разкопкитъ, можахъ да се занимая и азъ повечко съ тѣзи надписи. Тукъ давамъ своето, ново четене на глаголския надписъ, който ще се окаже навѣрно най-стариятъ глаголски надписъ, известенъ до сега.

Този надписъ-графитъ се състои само отъ единъ редъ² и е билъ надрасканъ по неизсѣхналата още фуга, на външната южна страна на църковната нартика, високо около 1.70 м. отъ пода. Цѣлиятъ редъ има всичко осемъ буквени знака, а предъ тѣхъ е издълбанъ кръстъ. Г. Миятевъ смѣта за кръстъ и втория знакъ следъ кръста, а освенъ това не е забелязалъ, че има и още една буква на края, та смѣта реда съставенъ само отъ шестъ букви, които даватъ, споредъ него, думата тигигъ. Такава дума нѣма нито въ старобългарски, нито въ другъ славянски езикъ. Естествено бѣше да се търси обяснението ѝ въ прабългарския и да се предположи, че имаме предъ себе си прабългарско име.³ А отъ този фактъ, именно гдето прабългарско име е предадено съ глаголица, можеха да се правятъ разни заключения, като напр. за азбуката, която прабългаритъ заели найнапредъ отъ славянитъ, следъ като се отказали отъ гръцкия езикъ и писмо. Както ще видимъ, обаче, четенето тигигъ ще трѣбва да се изостави и съ това падатъ сами по себе си и по-нататъшнитъ тълкувания и заключения.

Това, което ме накара най-напредъ да се усъмня въ даденото четене на глаголския редъ, бѣха дветъ хоризонтални (поправо почти хоризонтални) чъртици надъ втората частъ на реда, които на пръвъ погледъ изглеждатъ дори като една неравна права линия. Въ сжщностъ тѣ сж титли (съкратителни знакове) и показватъ, че надписътъ е съставенъ не отъ една дума, а отъ повече думи.

¹ Кр. Миятевъ, Симеоновата църква въ Преславъ и нейниятъ епиграфиченъ материалъ. Бълг. прегледъ, г. I, кн. 1, стр. 112—116.

² По-горе на сжщата стена стоятъ изолирано още две глаголски букви, м (ѿ), или лигатура на м съ друга буква и т (тѡ).

³ П. т., стр. 114.

Буквата, съ която г. Миятевъ завършва реда, не е ъ (*), а ж (*),⁴ а освенъ това тя не е последна, а подиръ нея иде буквата е (э), отъ която е запазена само долната половина. Така че последната дума, съставена отъ тритѣ букви вжѣ (ѡжэ) съ титла отгоре, е обикновеното съкращение на звателната форма Божѣ. Дветѣ букви ги⁵ (ѡт), непосредствено предъ нея, които се четатъ съвсемъ ясно, сж сжщо така съкратената форма — пакъ съ титла, съвсемъ ясна и тя — на друга звателна форма Господи. Значи втората половина на реда се състои отъ обръщението Господи Боже!; въ четенето ѝ нѣма никакво съмнение.⁶

По-несигурно обаче е четенето на първата дума, при все че и тукъ последнитѣ две букви ти (ѡт) сж много ясни. Не можемъ допустить, че това е 2-о лице ед. число отъ личното мѣстоимение: съседниятъ кирилски графитъ, въ който намираме думата цѣркѡва въ една много старинна форма (цѣркѡ съ ѡ предъ р) показва, че трѣбва да очакваме и мѣстоимението ти само въ старата му форма тѣ. Вглеждайки се въ знака, издѣлбанъ предъ това ти, който наистина първоначално е билъ кръстъ — за кръстъ го взема и г. Миятевъ — разбрахъ, че писачътъ, като е прибавилъ джгата отгоре, е искалъ да направи отъ кръста главната глаголка буква с (ѡ).⁷ Та първата дума ще бжде, съкратена, сти (ѡтѣ). Тя едва ли е погрѣшно съкращение — съ и вмѣсто ѣ — на прилагателното скѡти, както би помислилъ негли нѣкой. По-вѣроятно е, че представя съкратена императивна форма за 2-о лице единствено число, скѡти отъ глагола скѡтити, ἀγιαζεῖν, ἐνυαίνεῖν, sanctificare, consecrare, освещавамъ, посвещавамъ.⁸ Намираме го въ Клоцовия паметникъ,⁹ въ Остромировото

⁴ Подобна ж съ отдалечени още въ основата си рогчета намираме въ най-старитѣ глаголки паметници, като Синайския псалтирь, Зографското евангелие (прибавенитѣ листове), Виенскитѣ листове, Гршковичевия откъслекъ отъ Апостола. (Ягичъ, Глаголическое письмо, въ Энциклоп. слав. филологіи, вып. 3, табл. VI, 11; табл. VII, 14; табл. VIII, 17, 18).

⁵ Предавамъ за улеснение глаголкия знакъ т съ и вмѣсто съ условно приетия ѣ.

⁶ Намираме думата Боже, предадена по сжщия начинъ въ най-старитѣ паметници, като Киевскитѣ листове или Синайския псалтирь (Ягичъ, Цит. съч., табл. I, 1^a, 1^b; табл. VI, 11). А обръщението Господи, съкратено ги (гѣ) се срѣща въ всичкитѣ стари паметници и безброй пжти въ Синайския псалтирь. Дветѣ звателни форми съкратени по сжщия начинъ (гѣ вжѣ) намираме пакъ въ Синайския псалтирь (Псаломъ XII, 5 стихъ, изд. Geitler, Psalterium. Glagolski spomenik manastira Sinai brda, т. III отъ Djela jugoslav. akademie. Zagreb 1883, стр. 9).

⁷ Подобно начертание съ тѣсна, вертикална, дълга часть има с-то и въ нѣкои ржкописи (Ягичъ, Глаголическое письмо табл. X 22, редъ 13; табл. XI 24, редъ 7; табл. XII 25, редъ 8; табл. XVI 40, редъ 6, 8). Всички тѣзи ржкописи сж писани наистина съ жглеста глаголица, но не трѣбва да забравяме, че нашето с е само преправенъ кръстъ.

⁸ Miklosich, Lexicon paleoslovenicon, Vindobonnae 1862–65, стр. 832; Востоковъ, Словарь церковно-слав. языка, Спб. 1858, стр. 168; Срезневскій, Матеріалы для словаря древнерусскаго языка, т. III, вып. 1 и дополнение, Спб. 1903, стр. 305.

⁹ Cloz. I, 12, изд. V. Vondrák, Glagolita Clozův, Praha 1893, стр. 44.

ев.,¹⁰ въ Панонскитѣ жития на Кирила¹¹ и Методия и пр. Специално съ значението, което има въ нашия надписъ, се срѣща въ рускитѣ паметници. Напр.: въ ѿ дѣнь мѣла мѣла стѣниша цркви (Іак., Бор. и Глѣбъ 145); създа на бѣсть цркови... и склѣшена (Пск. 1 л. 6915 г.).¹² А и въ новобългарски глаголтѣ е запазенъ съ сѣщото значение въ изрази като «светя» вода, «светя» масло, «светѣна» вода.

Нашето четене би намѣрило подкрепа въ факта, че надписътъ е на стената на помѣщение, което е служило за кръщалня — запазенъ е облицования съ мряморъ басейнъ. Ясно е, обаче, че баптистериятъ е отъ втория периодъ въ строежа на църквата, когато къмъ нартиката сж прибавени отъ страни две крила, южното отъ които е служило за кръщалня. Въ този вторъ периодъ самиятъ надписъ, заедно съ цѣлата стена, е билъ покритъ съ пластъ мазилка, която го е и запазила до сега.

И така глаголскитѣ надписъ въ «Симеоновата» църква е християнска църковна формула на старобългарски езикъ, написана съ обикновенитѣ съкращения Ѣти Ѣи Ѣж; или развързано Ѣвати Господи Боже.

Независимо отъ смисъла и езика, надписътъ е интересенъ и съ самата форма на буквитѣ. Въпрѣки неблагоприятния материалъ — засъхваща хоросанена мазилка — случайниятъ писачъ е спазилъ добре навсѣкжде облитѣ извивки на кръжлата глаголица. Тѣзи кръгли извивки ставатъ още по-характерни, като ги съпоставимъ съ отвесно издълженитѣ и доста жглести форми на кирилскитѣ букви, написани малко по-долу на сѣщата стена и, естествена, въ сѣщото време, да не кажемъ въ сѣщия день. Нашитѣ закрѣглени и изтегнати на ширъ глаголски букви се много отличаватъ отъ високитѣ и жглести форми на хърватската глаголица¹³ и доказватъ, че българитѣ и въ източна България сж си служили съ сѣщата кръгла глаголица, съ каквато сж писали и българитѣ въ македонскитѣ краища.

Ноемврий 1930 год.

Въ излѣзлата напоследѣкъ своя книга «Кръжлата църква въ Преславъ» (София 1932, стр. 154—6) г. МИЯТЕВЪ издава за трети пѣтъ глаголския надписъ и го чете тигви. Въ прибавката на стр. 173—4, като отговаря на нашата статия, която му дадохме въ коректура, той приема, че надписътъ може да бѣде съкращение, както ние предлагаме, но отхвърля обаче съществуването на съкратителнитѣ знаци. Г. МИЯТЕВЪ

¹⁰ Йоанъ, гл. XVII 17, 19 стихъ фотолитографическо изд. 1889 г., л. 52а.

¹¹ Житие на Константина, гл. XV, *Pastrnek, Dějiny slov. apoštolů*. Praha 1902, стр. 204.

¹² Срезневскій, п. т.

¹³ Началното с наистина прилича на с-то въ жглестата глаголица, но то е било първоначално кръстъ и отъ кръста е останало високото тѣсно столче.

иска да вземе хоризонталнитѣ чърти надъ реда не за титли, а за следи отъ коренитѣ на дърветата, които покриваха църквата преди разкопаването ѝ. Тѣзи чърти обаче сѣ съвършено ясни и съвършено ясно е, че сѣ врѣзани сѣ същото острие, сѣ което сѣ написани и буквитѣ. Малко по-неясна е първата съкратителна чъртица, надъ буквитѣ ти, и ние не споменавахме за нея, само защото на снимката тѣ личи по-слабо и не искахме да караме читателя да приема на вѣра нѣща, които не може да провѣри. Нездържахме се и затова, защото на-шето четене на началото на надписа — ако и най-вѣроятното — не е така сигурно както четенето на втората частъ ꙗ ꙗ ꙗ като господи боже. Съществуването на всички тѣзи петъ букви включително и крайното ꙗ (э) и титлитѣ отгоре е надъ всѣко съмнѣние. Кръстътъ, който г. МИЯТЕВЪ вижда на кражъ, е само случайно кръстосване на случайни рѣзки.

Августъ 1932 год.

II. КИРИЛСКИЯТЪ НАДПИСЪ НАДЪ С. КАЛУГЕРИЦА.

Преславскиятъ надписъ не е единствения случай, гдето намираме глаголица въ източна България. По опакото на декоративнитѣ керамични плочки изкопани въ Патлейна до Преславъ виждаме, употребени като числа, не само кирилски, но и глаголки букви (а, з, д).¹

Следи отъ глаголица намираме и въ единъ сръднобългарски надписъ изрѣзанъ въ скалитѣ надъ с. Калугерица, Шуменско. Въ албума Абоба-Плиска,² г. К. ШКОРПИЛЪ бѣше издалъ, безъ да посочи, где се намиратъ и безъ да ги разчете, три части отъ този надписъ. Напоследъкъ г. КР. МИЯТЕВЪ издаде повторно дветѣ запазени части отъ същия надписъ (обр. 1) и ги прочете по следния начинъ:

I. азъ[зѣкъ]но златаръ

+зѣкъно ковачъ писахъ м[ѣкъ]ц[а] априлѣ
закаленъ бѣ патосъ нъ желѣзни^м клин^{ом}(и)
желѣзна дѣлна развихъ+

II. азъ... наза[дъ]+тра

ѣнокъ синъ³

¹ Ю. Господиновъ, Известия Варн. Арх. Др. III, стр. 98; В. Златарски, Известия Бѣлг. Арх. Инст. II, стр. 156; обр. 105; Кр. Миятевъ, Бѣлг. Прегледъ, I, кн. 1, стр. 120, обр. 6.

² Абоба-Плиска. Альбомъ къ X тому Изв. Русск. Арх. Института въ К-полѣ. Вѣна 1905, табл. ХСVII, 7, 10, 11.

³ Старо-български надписъ при с. Калугерица. Сборникъ Дяковичъ, София 1927, стр. 319—325.

Обр. 1. Глаголскіягь надписъ въ Преславѣ.

Основавайки се на това четене, проф. П. МУТАФЧИЕВЪ свързва⁴ съ името Зѣѣно името на Борисовия синъ Звиница (Ζβνίτζης), което проф. ФЕХЕРЪ обяснява съ корена на думата «свиня» и го смѣта за славянски преводъ на турското «докс».⁵ Безъ да мислимъ, че обяснението на проф. ФЕХЕРЪ е правилното, не можемъ прие и нѣкаква връзка между «Зви-

I. азъ [зѣѣ] но златаръ
 + зѣѣ но ковачъ пнсахъ ꙗ а прнлѣ
 за вачленъ бѣ патосъ нѣ желѣзникъ
 желѣзъ надѣ бѣ на разѣхъ ꙗ
 II. азъ [зѣѣ] нѣ азъ [зѣѣ] + тра
 ѣ но вѣ снѣ

Обр. 2. Кирилски надписъ надъ с. Калугерица.

ница» и «Зѣѣно», защото четенето на началното име въ Калугеришкия надписъ като Зѣѣно е сѣщо неправилно, както можахме да се убедимъ на самото мѣсто.

Въ първия надписъ — на лѣвата частъ на скалата — името на златаря-ковачъ, което г. МИЯТЕВЪ чете Зѣѣно, трѣбва, споредъ насъ, да се чете ѣно, т. е. Яно. Сега мѣстоимението азъ въ началото на първия редъ съвсемъ не личи и надписътъ почва съ едно ꙗ, на което е запазена добре само долната половина. Обаче отъ преписа направенъ отъ г. ШКОРПИЛА преди повече отъ двадесетъ и петъ години се вижда, че между това ꙗ и края на мѣстоимението преди него нѣма мѣсто за дветѣ букви зѣ, които вмѣта тамъ г. МИЯТЕВЪ. Така първиятъ редъ гласи въ сѣщностъ: (азъ) ꙗно златаръ.

⁴ Byz. Zeitschrift, XXVIII. Bd., стр. 229; *Theophylactus*, Martyrium SS. XV. Martyrium, у Migne, P. Gr. т. 126, стр. 152; бълг. преводъ въ Сборникъ на бълг. Акад. на наукитѣ, кн. XXVII, кл. истор.-филолог. 15, стр. 258.

⁵ Г. Фехеръ, Надписътъ на Мадарския конникъ, София 1928, стр. 112—13.

Въ втория редъ, началната буква **а** е предадена съ знака **+**, който г. МИЯТЕВЪ взима за кръстъ. Но буквата **а** е предадена съ **+** веднажъ и въ срѣдословието, въ втората, десната частъ на надписа, както ще видимъ по-долу, пъкъ и въ началото на третата частъ, унищожена сега. Въ преписа на г. ШКОРПИЛЪ се вижда ясно, че и този трети кръстъ е равнозначенъ на буквата **а**.

Нѣма да търсимъ произхода на този буквенъ знакъ въ гностическитѣ геми, които иматъ понѣкога буквата **а** предадена съ **+**,⁶ нито въ рѣдкитѣ случаи изъ грѣцкитѣ рѣкописи, гдето курсивното **а** напомня много кръстъ, поради което ЯГИЧЪ и ТАЙЛОРЪ извеждатъ отъ грѣцката **α** глаголското **α** (+).

Глаголскитѣ знакъ за **а** (+) въ нѣкои отъ най-старитѣ паметници има начертание на обикновенъ кръстъ. ЯГИЧЪ дори мисли, че този видъ на буквата трѣбва да се смѣта за първоначалния.⁷

Че въ Калугеришкия надписъ кръстътъ е по всѣка вѣроятностъ глаголскитѣ знакъ за **а** разбираме най-добре отъ смѣсенъ надписъ — писанъ съ глаголски и кирилски букви — на една колонка въ манастира Св. Наумъ на Охридското езеро, въ който виждаме **+** = **а** въ думата **написа** на втория редъ.⁸

Втората и третата буква на втория редъ въ нашия надписъ сж ясни **зъ** и нѣма нужда да се поправя **ъ** на **к**, както прави г. МИЯТЕВЪ. Така че началото на първия редъ — **азъ ꙗко** — се повтаря и въ началото на втория.

По-нататкъ буквитѣ на лѣвия надписъ сж ясни и добре запазени и четенето на г. МИЯТЕВА е съвсемъ сигурно. Само предъ **лрлѣ** има части отъ две букви, отъ които мжчно би се получило **м**, както иска г. МИЯТЕВЪ.

Въ втората, десната частъ не можаме да видимъ цѣлото мѣстоимение **азъ** така, както го дава г. Миятевъ. Има наистина въ началото на първия редъ единъ знакъ подобенъ на **а**, но следъ него и преди **з** е имало друга буква, сега изтрита, и следъ **з** нѣма **ъ** а се вижда ясно едно **д**. Този втори надписъ е предаденъ по-точно отъ г. ШКОРПИЛЪ; липсва само кръглата частъ на буквата **а**, прилепена къмъ лѣвата отвесна

⁶ Ягичъ, Энциклопедія слав. филол., Глаголическое письмо. Спб. 1911, вып. 3, III, стр. 62, 65.

⁷ «Въ древнѣйшихъ памятникахъ поперечная линія помѣщалась довольно высоко по отношенію къ пункту, въ которомъ она пересѣкала отвѣсную черту, клинообразные же кончики перекладины были сначала столь слабо развиты, что общій видъ буквы напоминалъ обыкновенный крестъ. Кажется, этотъ видъ буквы надо считать первоначальнымъ; нарочно ли это сдѣлано, чтобы уже при первой буквѣ обозначить христіанскій характеръ письма (такъ думалъ въ свое время Всеволодъ Миллеръ) не берусь рѣшать». (Ягичъ, П. т. стр. 181—82).

⁸ Й. Ивановъ, Бѣлг. старини изъ Македония, София 1931, стр. 53, № 40.

чърта на и и ерѣтъ, който е вметнатъ между з и л на следната дума, прилича доста на д. А по нашия преписъ:

а... здръгана зѣл+трѣ и се чете: аз(?) драгина з(ѣ)лат(а)рѣ
ѣнокъ сынъ ѣнокъ сынъ

Знаемъ, че глаголицата предава съ единъ и сѣщи знакъ двата звука ѣ и ѡ. И въ кирилски паметници, още отъ най-стария периодъ — напр. въ Самуиловия надписъ отъ 993 г. — намираме ѡ предадено съ ѣ. Въ сръднобългарскитѣ тази замѣна, особено въ краесловието, е вече честа: царѣ вмѣсто царя, въ нашия надписъ априлѣ вм. април(и)ѡ, въ Драгииното евангелие род. пад. драгыѣ попа⁹ и т. п. Въ Слѣпченския апостолъ,¹⁰ въ Драгииното евангелие¹¹ ѡ е замѣнено навсѣкѣжде съ ѣ. Въ Добромировото евангелие намираме сѣщо начално ѡ предадено съ ѣ: ѣко,¹² ѣкока.¹³ Името на сѣщия апостолъ е написано съ начално ѣ вмѣсто ѡ и въ дву-езичния надписъ отъ 1218 г. — арменски и старобългарски — зазиданъ въ църквата на Пожареваското село Витовница.¹⁴ Въ ктиторския надписъ на Боянската църква (1259 г.) името на севастократора Калоянъ е написано Калѡѣнъ,¹⁵ както е и името на царъ Калоянъ въ издадения напоследъкъ неговъ оловенъ печатъ.¹⁶

Тѣзи примѣри показватъ, че формитѣ ѣно, ѣнокъ за Яно и Яновъ сѣ напълно естествени за XII—XIII в., отъ когато се датира и надписа при с. Калугерица. Да търсимъ ли глаголско влияние и въ тази употрѣба на ѣ вмѣсто ѡ, как то прави Ст. Кулбакинъ!¹⁷

Смѣтаме, че съ горнитѣ редове можахме да докажемъ какво:

1. името на златаря-ковачъ въ Калугеришкия надписъ е не Зѣѣно, а Яно;

2. знакътъ подобенъ на кръстъ, който намираме на три пѣти въ надписа е, по всѣка вѣроятность, глаголската буква а (+).

⁹ П. Лавровъ, Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма. Энциклопедія слав. филологіи, Петроградъ 1914, стр. 125.

¹⁰ Сѣщи, П. т., стр. 63.

¹¹ П. т., стр. 125.

¹² П. т., обр. 43.

¹³ П. т., обр. 41.

¹⁴ ... «память ап(о)с(то)ла ѣкова и Петра въ лѣто ѣ. ѡ. ѣ. ѣ. ин(дикти)ѡн. ѣ» (Л. Стојановић, Записи и натписи I, № 8, стр. 5, срв. № 5998, табл. III, обр. I; Старица, кн. V (1888) 8.

¹⁵ А. Грабаръ, Боянската църква, София 1924, стр. 3, обр. 1.

¹⁶ Н. Мушмовъ, Оловенъ печатъ отъ царъ Калояна, сп. Вѣкове, г. I, кн. 2, стр. 19; Mušmov, Byzantinoslavica IV. стр. 135.

¹⁷ St. Kul'bakin, Le vieux slave, Paris 1929, стр. 59—60.

LES VESTIGES DU GLAGOLITISME EN BULGARIE ORIENTALE.

(Résumé.)

I. L'INSCRIPTION GLAGOLITIQUE DE PRES LAV.

Le graffite glagolitique gravé sur l'un des murs de la rotonde découverte parmi les ruines de l'ancienne Preslav fut publié et déchiffré par M. Kr. Miatev dans le fasc. I de la revue *Bălgarski pregled*. Il y lisait le mot *тигивъ* précédé de deux croix et y cherchait un nom de personne protobulgare. Nous donnons dans ce qui précède une autre lecture, très différente de la sienne. Les lignes horizontales surmontant les huit lettres que nous avons trouvées, au lieu des six qu'y voyait M. Miatev, nous font comprendre que nous avons devant nous plus d'un mot, mais écrits en abrégé. Ainsi le dernier mot de la ligne *вжѣ* est l'abréviation du vocatif *вжѣ*, l'avant dernier *ѣи* est de même la forme abrégée de l'autre vocatif *господи*, si commune dans les manuscrits de la première époque. La lecture de ces deux mots *ѣи вжѣ* est tout à fait sûre. Mais la lecture du mot initial n'est pas aussi certaine, quoique les deux dernières lettres de ce mot aussi soient très nettes — *ти* (ѡѡ). La première lettre que M. Miatev tenait pour une croix nous paraît être une ancienne croix transformée en un *с* (ѡ) par l'adjonction de l'arc reliant les extrémités du bras transversal de la croix. De cette façon le commencement de la ligne se lirait *сѣи*. La lettre *и* nous empêchant d'y voir l'abréviation de l'adjectif *свѣтъ* qui se termine normalement par un *ъ*, nous proposons d'y voir plutôt l'impératif *свѣти* du verbe *свѣтити* et de lire la ligne: consacre, Seigneur Dieu! La destination de la pièce — le baptistère de l'église — sur le mur de laquelle a été gravée l'inscription semble autoriser une pareille lecture.

L'article qui vient d'être résumé était destiné au fasc. IV du *Bălgarski pregled*, qui a cessé de paraître. M. Miatev qui avait lu les épreuves de notre article tout en acceptant la possibilité que la ligne fut une abréviation, dans la note à la page 173—74 de son livre *L'église ronde de Preslav* se refuse à accepter l'existence des signes d'abréviation tracés au-dessus. Les lignes horizontales — si nettes pourtant — qui surmontent les lettres ne seraient, d'après lui, que les traces des racines des arbres qui avaient poussé sur les ruines. Or rien n'est plus certain que la présence de ces signes d'abréviation, comme est certaine aussi l'existence des lettres terminales *жѣ* (ѡѡ) à la place du *ъ* (ѡ) ou *ѣ* (ѡ) qu'y veut voir M. Miatev.

II. L'INSCRIPTION DE KALUGERICA.

Dans l'album *Aboba-Pliska* M. K. Škorpil avait donné en 1905 une copie des trois parties de cette inscription sans la déchiffrer. En 1927 M. Kr.

Miatev publie de nouveau les deux parties encore existantes (fig. 2) et la lit comme il suit:

I. азъ[зкѣ]но златаръ
 +зкѣно ковачъ писахъ м[ѣсѣ]ц[а] априлѣ
 заваденъ бѣ патосъ нж желѣзни^а клин^а(и)
 желѣзна длѣбна разбихъ+

II. азъ... иаз[дъ]+тра
 ѣнобъ синъ

Acceptant cette lecture, le prof. Mutaſſiev cherche à rattacher au nom **Зкѣно** le nom Σβηνίτζης du fils du prince bulgare Boris, que nous trouvons mentionné par Théophylacte d'Okhrid. Or le nom **Зкѣно** n'existe pas dans l'inscription et le nom du forgeron-orfèvre qui fit réparer le chemin abîmé et s'en vante dans l'inscription est en réalité **ѣно** c'est-à-dire **Ѥно** (comparez **Ѥковъ** dans l'Ev. de Dobromir et dans l'inscription de Vitovnica). De cette façon l'inscription se lit: (азъ) **ѣно** златаръ, азъ **ѣно** ковачъ etc. Dans la seconde partie, c'est le fils de ce Jano, un certain Dragina (?) qui parle: аз(?) драгина **ѣнобъ** сынъ. Le signe + au commencement de la seconde ligne dans la première partie de l'inscription est en réalité la lettre а de l'alphabet glagolitique (+). Cette croix ayant la valeur de la lettre а se trouve non seulement dans le mot златаръ de la seconde partie, mais était aussi la lettre initiale de la troisième partie copiée par M. Škorpil et maintenant détruite.

DIE SLAVISCHE REDAKTION DES ΜΕΓΑ ΛΕΙΜΩΝΑΡΙΟΝ.

Es gibt eine Anzahl slavischer Handschriften, welche die kirchenslavische Übersetzung eines alphabetischen Pateriks und, sofort im Anschluß an diesen Text, diejenige einer Sammlung anonymer Apophthegmata und Anekdoten frommer Väter enthalten. Die Anonyma sind nach dem Inhalt in siebenzehn Kapitel eingeteilt. Ein Kodex dieses Typus wurde ausführlich von A. I. JACIMIRSKIJ in seinem Описание южно-славянскихъ и русскихъ рукописей заграничныхъ библиотекъ, I (Petrograd, 1921), S. 402—410, unter Nr. 50 beschrieben. Es ist Nr. 40 der Wukschen Handschriften der Berliner Staatsbibliothek. Der erste Teil des Alphabetikons fehlt; der größere, uns erhaltene Teil fängt mit Bl. 11 an, mitten im Buchstaben Α. Die vorhergehenden zehn Blätter gehören nicht zum Alphabetikon. Den 17 Kapiteln Anonyma (Bl. 106^v. — 215^v.) gehen eine Einleitung und ein Kapitelverzeichnis voran (Bl. 98^r. — 106^r.); der letzte Teil des Kodex (von Bl. 216 an) enthält eine Anzahl nicht zu derselben Sammlung gehöriger Texte; mehrere davon hat JACIMIRSKIJ, aaO. 409 f. aufgezählt.

Wenn man nur die Überschriften der 17 Kapitel Anonyma liest (siehe bei JACIMIRSKIJ, 407 f.), so kann man den Eindruck bekommen, daß hier keine Sammlung Anonyma vorliege, sondern eine slavische Übersetzung der ersten 17 Kapitel der Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος, welche PHOTIOS in seiner *Bibliotheca* ausführlich beschrieben und als eine Συγκεφαλαίωσις καὶ σύνοψις τοῦ μεγάλου καλουμένου Λειμωναρίου bezeichnet hat. Denn jene Überschriften stimmen mit denjenigen der von Pelagius bzw. Johannes übersetzten *Verba Seniorum* überein, welche eine lateinische Übersetzung der sogenannten Συγκεφαλαίωσις darstellen.¹ Nun enthält bekanntlich diese Sammlung in jedem Kapitel zuerst eine Anzahl Apophthegmata und Anekdoten namhaft bezeichneter Väter und dann eine Reihe anonymer Nummern. Bei einem genauen Studium des slavischen Textes, so wie er in der Berliner Handschrift Wuk 40 vorliegt, ergibt sich jedoch, daß derselbe eine von den *Verba Seniorum* bedeutend abweichende Sammlung darstellt, welche nur Anonyma enthält. Ein Teil davon kommt auch in den *Verba Seniorum* vor, aber bei weitem nicht alle; die letztgenannte Sammlung ist im allgemeinen viel weniger reichhaltig; sie enthält allerdings

¹ Auch Photios' Beschreibung dieses Textes enthält ein Kapitelverzeichnis; darin kommt jedoch eine Nummer (Kap. 3: περὶ κατανύξεως, de compunctione) nicht vor; s. W. Bousset, Apophthegmata, Studien zur Geschichte des ältesten Mönchtums (Tübingen, 1923), 4. — Die lateinischen *Verba Seniorum* sind, nach Rosweydes Ausgabe vom J. 1615 (2. Aufl. 1628), in den LXXIII. Bd. der Patrologia latina aufgenommen worden.

auch solche Anonyma, denen ich im Berliner slavischen Kodex nicht begegnete. Ich stellte ein vollständiges Verzeichnis der Apophthegmata und Anekdoten des slavischen Textes zusammen, und zwar sowohl des ersten, alphabetisch geordneten Teiles, wie des zweiten, der die Anonyma enthält; mit der Herausgabe dieses Verzeichnisses möchte ich aber warten, bis ich von einer größeren Anzahl der Nummern den griechischen Grundtext festgestellt habe als bisher der Fall ist.

Wesentlich dieselbe Sammlung wie im Berliner Kodex Wuk 40 ist in der Belgrader Handschrift enthalten, welche LJUB. STOJANOVIĆ in dem Каталог Народне Библиотеке у Београду, IV. Рукописи и старе штампане књиге (Belgrad 1903) unter Nr. 461 (726) beschrieben hat (S. 280 ff.); nur geht hier dem Alphabetikon nichts voran und dasselbe ist vom Anfang an vollständig bewahrt geblieben, sogar mit dem Prolog, — und auf die 17 Bücher Anonyma folgt nur noch ein unvollständig überliefertes *slovo* (Θεωφίλα, архієпископа ѱεγγανδρѣскаго слово ѡ нєхѡждєнн дѡуши). Merkwürdig ist, daß sowohl in der Berliner wie in der Belgrader Handschrift den 17 Kapiteln der Anonyma ein Kapitelverzeichnis vorangeht, welches außer diesen 17 Nummern noch 23 andere enthält. Davon wird unten noch die Rede sein.

Ich bespreche noch zwei andere Codices, welche sowohl das Alphabetikon wie die Anonyma enthalten, und zwar die von F. DOBRJANSKIJ, Описание рукописей Виленской Публичной Библиотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ (Wilna 1882), 151—159 beschriebene Handschrift Nr. 196 (Nr. 85 des Katalogs) der jetzt verloren gegangenen Wilnaer Öffentlichen Bibliothek und den in A. VOSTOKOV'S Описание русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума (S. Petersburg 1842), 435—437 sub Nr. CCCVII beschriebenen Paterik.

Dobranskij hat von dem Alphabetikon der Wilnaer Handschrift eine ausführliche Inhaltsübersicht gegeben (S. 152—157); die darauf folgende Anonymasammlung nennt er *Jerusalemmer Paterik*. Als ich meine *Studien zu den altkirchenslavischen Paterika* (Amsterdam 1931) schrieb, hat mich dieser Name irregeführt, indem er mir von vornherein die Möglichkeit auszuschließen schien, daß dieser Paterik mit der Anonymasammlung des Berliner Kodex (welche ich damals freilich für eine Übersetzung der sog. Συγκεφαλαιώσις hielt) identisch sein könnte. Aus der Überschrift der Einleitung Прѣсловнє ѡ житии, и повѣсти блжнѣи и сѣхѣи ѡцѣи und aus dem Initium derselben: Иже искони бѣше к бѣ бѣ слово ergibt sich jedoch, daß der Name *Jerusalemmer Paterik* sich hier tatsächlich auf die Anonyma bezieht, und das wird durch die Anzahl der Kapitel (17) bestätigt.

Dobranskij teilt uns mit, daß dasselbe Alphabetikon und derselbe Jerusalemmer Paterik in Handschrift Nr. 701 der Troickaja Lavra vorliegen. Den Teil des Katalogs der Lavra-Handschriften, wo dieser Kodex beschrieben wird, habe ich nicht zur Hand; wohl habe ich jedoch VOSTOKOV'S Katalog der

Rumjancov-Handschriften einsehen können, und dabei wurde es mir sofort klar, daß auch die oben bereits genannte Nr. CCCVII dieser Sammlung nach dem Alphabetikon dieselben 17 Kapitel Anonyma enthält wie die Berliner, Belgrader und Wilnaer Codices: sowohl die Überschrift und der Anfang der Einleitung wie auch die Kapitelanzahl sind dieselben; und auch die von VOSTOKOV mitgeteilte Überschrift des XVII. Kapitels: $\omega \lambda\upsilon\beta\epsilon\kappa\eta \varsigma\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ $\xi\iota$ stimmt zu den Berliner und Belgrader Handschriften.

Auf welches griechisches Paterikon geht nun diese slavische Sammlung von alphabetisch geordneten und darauf folgenden anonymen Apophthegmata und Anekdoten zurück? Wie bereits bemerkt wurde, hat PHOTIOS die von ihm beschriebene und einstweilen nur in lateinischer und teilweise in koptischer Übersetzung zugängliche $\text{Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος}$ als eine $\text{Συγκεφαλαίωσις καὶ σύνοψις τοῦ μεγάλου καλουμένου Λειμωναρίου}$ bezeichnet, und über die Zusammenstellung dieses Μέγα Λειμωνάριον haben die Untersuchungen BOUSSETS uns aufgeklärt: »PJ [die von Pelagius bzw. Johannes herrührende lateinische Übersetzung bzw. deren griechische Vorlage, $\text{Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος}$] ist in den Partien, welche die namentlich bezeichneten Stücke enthalten, auf Grund von G [Alphabetikon, von COTELIER und nach dessen Ausgabe in MIGNES *Patrologia graeca*, Bd. LXV publiziert] gearbeitet, also ein sekundärer Zeuge. PJ entstand dadurch, daß das Alphabetikon G nach sachlichen Gesichtspunkten auf die einzelnen Kapitel verteilt und mit dem anonymen Stoff zusammen eingearbeitet wurde« (aaO. 9). Bei den Anonyma lag eine solche Kapiteleinteilung schon früher vor; das ergibt sich aus der Einleitung zum griechischen Alphabetikon, wo der Kompilator von den Anonyma sagt: $\text{μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τῶν κατὰ στοιχείον ἐν κεφαλαίοις ἐξεθέμεθα}$; offenbar war das Μέγα Λειμωνάριον eine Sammlung alphabetisch geordneter und folgender, wohl nach sachlichen Prinzipien geordneter Anonyma, als ein Paterikon derselben Art wie die in den oben besprochenen slavischen Codices vorliegende Sammlung. Auch griechische Handschriften dieses Typus sind bewahrt geblieben, eine solche Handschrift ist etwa Nr. 342 der von VLADIMIR, *Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки. I. Рукописи греческия* (Moskau 1894) beschriebenen Moskauer Codices, vom X. Jh.² Hier folgt auf das Alphabetikon die uns aus den slavischen Texten bereits bekannte Einleitung und dann eine nach den Gegenständen geordnete Sammlung von Apophthegmata und Anekdoten, welche in ihren Hauptzügen mit dem slavischen Texte übereinstimmt. Das ergibt sich daraus, daß nicht nur die Kapitelüberschriften, sondern auch der größere Teil der Apophthegmata, mit welchen die einzelnen Kapitel anfangen, dieselben

² Vladimir hat bereits hervorgehoben, daß in dieser Kompilation die Kapitelüberschriften zwar mit denjenigen einer anderen Handschriftengruppe ($\text{Συγκεφαλαίωσις-Text}$) übereinstimmen, der Inhalt der Kapitel jedoch ein anderer ist. Siehe auch Bousset, aaO. 4, Anm. 3.

sind.³ Es gibt allerdings auch Abweichungen (s. die Fußnote), und dasselbe gilt für das Alphabetikon. Hier ist sogar die erste Nummer in den beiden Redaktionen eine andere: während in den Wilnaer und Belgrader Codices und wohl im allgemeinen in der slavischen Übersetzung auf das Πρῆκλονιμ zuerst ein Kapitel aus der *Historia Lausiaca* von PALLADIOS, und zwar das XXI. Kapitel nach der BUTLERSchen Ausgabe, folgt,⁴ steht an derselben Stelle im Moskauer griechischen Kodex eine Nummer, welche anfängt: Οἱ ἀρχαῖοι πατέρες. Offenbar hat es in den Details stark voneinander abweichende Redaktionen gegeben; die uns aus der lateinischen Übersetzung bekannte Συγκεφαλαίωσις hat wohl eine sehr reichhaltige Redaktion zugrunde gelegt, welche sozusagen ein Μέγα Λειμωνάριον κατ' ἐξοχὴν darstellte; der slavische Text dagegen setzt wohl eine einerseits bedeutend gekürzte, anderseits um mehrere Einschübe bereicherte griechische Redaktion voraus, — wenn jedenfalls die der *Historia Lausiaca*, dem Λειμὼν Πνευματικὸς von JOHANNES MOSCHOS, den Erzählungen des SKITIOTEN DANIELS usw. entnommenen Abschnitte bereits in der griechischen Vorlage gestanden haben. Eine detaillierte Inhaltsübersicht, so wie ich sie bald zu veröffentlichen gedenke, dürfte nicht nur für die slavische Philologie, sondern auch für die Textgeschichte des griechischen Μέγα Λειμωνάριον eine gewisse Bedeutung haben.

Es ist auffällig, daß in den slavischen Handschriften die Anonyma mit dem 17. Kapitel, ὁ λωβικὴ aufhören, während darauf in VLADIMIRS Kodex 342 noch Abschnitte über die διορατικοὶ und σημειοφόροι folgen. Daß dieselben zu dem ursprünglichen *Limonarion* gehört haben, ist um so wahrscheinlicher, als auch die Συγκεφαλαίωσις (= *Verba Seniorum PJ*), welche auch sonst dieselbe Kapiteleinteilung hat wie das Μέγα Λειμωνάριον, nach dem Kapitel περὶ ἀγάπης (*De charitate*), folgende zwei Abschnitte hat: περὶ διορατικῶν (*De praevidentia seu contemplatione*, P. XVIII + J. I), περὶ σημειοφόρων γερόντων (*De sanctis senioribus, qui signa faciebant*, J. II). So gar dürfte aus einer Vergleichung des lateinischen Textes mit den Überschriften bei PHOTIOS und mit der koptischen Redaktion hervorgehen, daß die Συγκεφαλαίωσις noch ein zwanzigstes Kapitel enthalten hat (περὶ πολιτείας θεοφίλους διαφόρων πατέρων, *De conversatione optima diversorum sanctorum*, J. III), während das IV. Kapitel des Johannes später hinzugefügt sein dürfte (s. TH. HOPFNER, *Über die koptisch-sä'idischen Apophthegmata Patrum Aegyptiorum*, Wien 1918, S. 49—56 und W. BOUSSET, *aaO.* 5 f.); und dann liegt der Gedanke nahe, daß die Anonyma des Μέγα Λειμωνάριον ebenfalls ein solches 20. Kapitel enthalten haben.

³ Kap. 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16. Zu den Unterschieden zwischen den beiden Redaktionen, für deren Feststellung die Beschreibung der griechischen Handschrift 342 in *Vladimirs* Katalog ein genügendes Material bietet, gehören die beiden Einschießel Bl. 244 ff. und 248 ff. πρὸς Γρηγόριον ἐπιστολή, bezw.: 'Ο μακάριος Σωσιμὰς ἔλεγεν οὕτως· πρῶτον· ποιῆσαι...

⁴ Inc.: Κρόνιός μοι διηγήσατο ὁ πρεσβύτερος τῆς Νιτρίας ὅτι Νεώτερος ὢν καὶ ἀκηδίας χάριν φυγὼν..., Wiln.: Покуда ми Кроніе презентеръ Нитрііскы, ако нѣкогда оунынію напашоу ми...

Beim jetzigen Stande unserer Kenntnisse sehe ich keinen Grund, weshalb wir annehmen sollten, daß die slavische Übersetzung jemals mehr als die aus den oben besprochenen Codices bekannten 17 Kapitel enthalten habe. Keiner dieser Codices hört mit Kapitel 17 der Anonyma auf, aber bei den weiteren Abschnitten gehen die Handschriften auseinander, während nirgends der Text eine Fortsetzung der 17 auch aus anderen Redaktionen bekannten Kapitel bildet. Wenn nicht künftige Forschungen uns eines bessern belehren sollten, so müssen wir annehmen, daß der Übersetzer mit Kapitel XVII aufgehört hat, obwohl in seiner Einleitung noch von weiteren Kapiteln die Rede ist.

Es folgt jetzt ein Abdruck dieser Einleitung nach der Berliner Handschrift.⁵

- 98^r. Прѣсловинѣ ѡ жити и по-
стѣ, бѣжен'нѣ и стѣхъ ѡцѣ нашихъ : —⁶
Иже искони бѣше къ бѣу бѣ слово · многы
ради бѣгостини, вѣсь миръ ѡ небытии
5 прѣмоудрѣю съзавъ · нѣо сътвори, надъ вѣсѣ-
ми вѣими прѣвѣзлѣжати, и на томъ свѣ-
тил'никъ положи, просвѣщати късѣу тварь ·
и члѣкѣ съпоспѣшати на потреб'на · тѣ же
самъ единородни сѣи и слово ѡчѣ · въ послѣ-
10 днѣи лѣта нашего ради сѣснни къчлѣчнѣ' се ·
и родив' се ѡ стѣго дѣа и стѣи мѣи дѣще · по вѣсе-
моу оупѣнѣ' се намъ кромѣ грѣха · быкъ члѣкъ ·
дрѣуго нѣо намъ сътвори · безъ расоуженни па-
че вѣмаго чѣтѣише · ѡво оубо чюкъст'вно сы,
15 чюкъст'вними помагѣи · ѡво же оум'но ѣ, и оу-
мъ къ бѣу къз'водитъ · то оубо ѣ вождь и оучи-
тель · и послѣдоующѣи ѣмоу, словесны бѣж'вны
звѣзѣы · свѣтомъ нетлѣн'нимъ сѣи бѣжнѣ съ-
тварѣи · оумнымъ оубо, тѣ и⁷ ѣ свѣ а не дрѣгын инъ ·
98^v. и ѡво оубо имать прѣлѣны звѣзѣы · ꙗкоже глабѣ
иже ѡ сѣи оупражниют' се · ѡво же вѣсе · не лѣны
и прѣно сътѣще се и нетлѣн'ныи · и ѡво оубо,

⁵ Punkte über dem i lasse ich weg, weil sie nicht konsequent verwendet werden und als diakritische Zeichen überflüssig sind. Auch die Verwendung des von mir durch ' angedeuteten Zeichens, welches bald als ein Haken, bald als ein Strich oder Punkt geschrieben wird, ist ziemlich willkürlich. Offenbar hat der Doppelstrich in кто u. dgl. denselben Wert. Das Zeichen steht aber auch in anderen Funktionen. Ich lasse es weg. Was den Gebrauch dieser und anderer Zeichen anbetrifft, bietet die Handschrift wenig Charakteristisches. Das breite e-Zeichen, welches, hauptsächlich im Sibenanlaut, als eine Variante von и auftritt, wird in diesem Textabdruck nicht vom gewöhnlichen и unterschieden.

⁶ Ich kopiere den Text der Handschrift, ohne Fehler zu verbessern. Obgleich die zwei Interpunktionszeichen, der Punkt und ein kommaartiges Zeichen, nicht immer auseinanderzuhalten sind, unterscheide ich dieselben, so gut wie es mir möglich ist.

⁷ Тыи?

- ІАКО КНИГА СВІТИ СЕ ІМАТЬ ПО БЖТВ'НОМЪ
 5 ГЛАСОУ · И ІЖЕ НА НІМЪ ЗВѢЗЫ ПАД'НОУТИ И-
 МОУТЬ ІАКО ЛИСТВИНѢ КЪ ПОСЛѢДНИ ДНЬ · ШКО
 ЖЕ ТОГДА ЗВѢЗДЫ СВОЕ ПРИЕМЪ К' СЕБѢ, ПОКАЖЕ
 ПАЧЕ СЛНЦА ПРѢСВѢТЛѢНІЕ · СІ ОУБО ДѢЛА И ПО-
 ОУЧЕНІЯ БЖТВ'НАЯ НАЧИНАНІЯ, НА ПОЛ'ЗОУ НА-
 10 МЪ ЦРКОВ'НИ СВѢТИЛ'НИЦИ И ОУЧИТЕЛИН, ИСПИ-
 САВ'ШЕ БЖТВ'НИ РАИ СЪДѢЛАШЕ · В'СѢМН ДОБРО-
 ДѢТЕЛ'НИМИ ДОБРОТАМИ, ВЪРОУ СИМЪ ПРИ-
 ЛЕЖИШ, ДШЕ ПИТАЮТЬ И ПРОСВѢЩАЮТЬ : —
 ЧТО ОУБО КЪ СИМЪ БЖСТВ'НИМЪ РАИ ДОБРО, Ѡ ХД
 15 ИСТИН'НАГО БА НАШЕГО НЕ НАСАЖДЕН'НО ІЕ : —
 БЕЗ'МЛВНІЮ ПРАВИЛО ХОТЕЩИМЪ · ВЪЗДРЪЖАНІЮ
 В'САЧЬКОМОУ ШПАСНОТА · ЦЕЛОМОУДРІЮ СМОТРЕ-
 НІИ · НЕСТЕЖАНІЮ КРИЛѢ · ТРПѢНІЮ И ХРА-
 БРОСТИ ПОКАЗАНІИ · ТАІНО ДѢЛАНІИ БОУ ТЬЧІЮ
 20 ВѢДОМО · ІЖЕ Ѡ НЕШОУЖДЕНІЯ СПІСЕНІИ ПРИ-
 ТЕЖАМО · РАЗ'СОУЖДЕНІЮ СВѢТИЛ'НИКЪ · ТРѢ-
 ЗВ'НАА И НЕПРѢСТАН'НАА МЛІТВА · СТРАН'НОЮ-
 БІЯ ВЕЛИЧЕСТВО · ПОСЛОУШАНІЯ ХЕО ПѢНИ ·
 ВЫСОТА СМѢРНОМОУДРІЯ · ЗНАМЕНОНОСНІ МЪ-
 25 ЖЪ НЕЗЛОБИЕ · И ДОБРОДѢТЕЛ'НАГО ЖІЯ РАЗЛИ-
 99г. ЧІЕ И ОУСПѢ : СІМЪ В'СЕМЪ ДОБРОДѢТЕЛ'ЕМЪ, ХЕ
 ІЕ ИСТИН'НИ БЪ НАШЪ, И ШБРАЗЪ И ПРАВИЛО, И НА-
 СТАВ'НИКЪ · И ПОДАТЕЛЬ И ОУЧИТЕЛЬ : — МЛЪЧАНІЮ
 ОУБО, ІЕДА ПО КРЩЕНІИ БЪ, ДНІИ, М · ІСКОУШАЕМЪ
 5 Ѡ ДІАВОЛА, НІЧЕСОЖЕ ІЗѢД'ШЕ, НЪ БКШЕ СЪ ЗВѢР'-
 МИ · И ПАКЫ ВІДѢВЪ НАРОДЪ, ВЪЗЫДЕ НА ГОРОУ ·
 И СКА'ШОУ ІЕМОУ, ПРИСТОУПИШЕ К' ІЕМОУ ОУЧЕНИ-
 ЦІ ІГО · И ѠВРЪЗЪ ОУСТА СВОІ · ОУЧАШЕ ІЕ ГЛІЕ · БЛА-
 ЖЕНЬИ НІЦИ ДХОМЪ, ІАКО ТѢ ІЕ ЦРѢТКО НЕБНОЕ ·
 10 И ПАКЫ ѠПОУСТИВЪ НАРОДИ, ВЪЗЫДЕ НА ГОРОУ
 НА ІДИНѢ ПОМЛІТИ СЕ · ВЕРОУ ЖЕ БЫВ'ШЪ, ІДИ-
 НЪ БКШЕ ТАМО · И ТЪ ЖЕ ПАКЫ САМЪ ГЪ, БКШЕ КЪ
 ПШТИНІА ѠХОДЕ И МОЛЕ СЕ · И ІШАН'НЪ КРѢТЪ БК-
 ШЕ КЪ ПОУСТИНІА ДО ДНІ ІАВЛЕНІЯ ІГО КЪ ІСРІАЮ : —
 15 И АПЛЪ ГЛІЕ · МЛЮ СЕ ПРѢЖЕ ВСѢ, ТВОРИТИ МО-
 ЛЬБЫ, И МЛІТВЫ, И МЛАНІЯ · Ѡ ЦРѢХЪ И Ѡ ВСѢ КЪ
 ВЕЛИЧІИ СОУЩІИХЪ · ДА ТІХО И БЕЗ'МЛВ'НО ЖІИ ЖИ-
 ВЕМЪ, КЪ В'СЕМЪ БЛГОВѢРІЕМЪ И ЧАСТИЮ · И ПА-
 КЫ · МЛАН' СЕ ВАМЪ БРАТІЕ · ІЗБОБЛОВАТИ ПАЧЕ
 20 И ЛЮБИТИ · БЕЗ'МЛВ'СТВОВАТИ И ТВОРИТИ СВОІ
 И ДѢЛАТИ РОУКАМИ · И СИЦЕВИМЪ ПОРОУЧАЕМЪ

- даже без'мьвнимь хлѣбъ свои ѿдѣтъ . и изыдѣ-
те ѿ срѣди ѿ и ѿлоучите се . и вышнѣиши ѿѣте .
вышнѣиша моудрѣствоуште, а не ѿже на земли .
- 25 О въздръжани же рѣ гѣ вындѣте тѣсними враты .
99^v . и что тѣснѣиши врата и прискрѣбѣнь поутѣ, ѿведе-
ши въ животь . и не имѣху . ѿ . аплѣ въ поустыни,
тъчню, ѣ, хлѣбъ и двѣ рѣкѣ . и пакы не имѣху
апли въ корабли, тъчню и динь хлѣбъ . и въстрѣ-
5 зяюще апли класы ѿдѣху, растирающе роука-
ми своими . и аплѣ, всакъ же подвижани се, ѿ в'се-
го въздръжит'се . и до инышнѣаго чѣ, и ал'чѣмь
и жежѣмь и назы ходимь . и брашно вѣ не прѣ-
ставитъ боу . и в'са пѣна ми соу, нь не в'са на по-
10 л'зоу . в'са ми пѣна соу, нь и азъ не вѣлѣнь боу нѣкы-
мь . брашна чрѣвѣ, и чрѣво браш'номь . бѣ же
и се и сѣ оупразднить . и аще браш'но съблжнѣ-
нѣтъ брата моего, не ѿмь мяса въ вѣкы, да-
же брѣ моего не съблжнѣ . и вѣмь изъвѣнѣ-
15 ствокати и смѣрати се . и насыщати се, и
ал'кати, и лишати се . и в'са трѣпимь, да не ѿ-
сѣчѣнии нѣкои дамы еулю хѣоу . О цѣломоу-
дри же гѣ рѣ . соу скопци . иже скопише себе цѣте(а)
ради нѣнаго . азъ же гѣлю камь . в'сакъ възыраи
20 женоу на възелѣнии, се оуже прѣлюбоудѣнство-
ва ю въ срѣцѣ своѣ . и аплѣ, вѣганте блѣда . и
миръ гоните съ в'сѣми, и вѣщенни . игоже кро-
мѣ, никтоже оузритъ гѣ . и оумрътвѣте оуды
ваше еже на земли . блѣдѣ, нечистотѣ страст(и)
25 желании зло . и не вѣсте ли, ѿкоу храмь бжнѣ нѣ-
100^r . сте, и дхѣ бжнѣ прѣвѣвѣи въ васъ . и еда кто вѣс-
дникъ и сквернѣнь ѿкоже исавъ . и не льститѣ,
ни блѣудници, ни роукоблѣудници, цѣтѣво бжнѣ
не наслѣдетъ . и юнот'скаѣ възелѣнии вѣган-
5 те . и ѿвѣи се блѣтъ бжнѣи спѣситель'ниѣи в'сѣмь
члѣкомь . даже ѿрек'ши нечѣстнѣи и мир'ска въ-
желѣннѣи . цѣломоудрѣно и правѣно и блѣговѣ-
р'но проживемь . и блѣдѣ в'сакъ или нечистота,
да не именуѣт' се въ вѣ . нь и игоже въ корин'дѣ
10 съ вѣздѣв'шаго, и по прѣданнѣи сатанѣ, пакы по-
кажѣв'ша се приведе писавъ . мѣю вѣ съвѣршнѣи
на нѣмь любовь . да не како множаншею скръ-
бнѣю, поглѣщенъ боудѣтъ сицевыи . и пакы бою
се еда како пришѣвшѣ ми, не ѿковы хотѣ вѣрѣ-

- 15 цюу вѣ · и въсплачю м'ногыи прѣже съгрѣших'ше,
 w нечистотѣ, и блоч'дѣ, и сквернѣ еже съдѣаше ·
 и паки, чеда моя о нѣже паки болю, дон'дѣже
 въвразит'се х'съ въ вѣ · и паки · аще вразы соущи ·
 примирихом' се · съмрътию сѣа нго · колыми паче при-
- 20 мирив'ше се, сѣсени боудемъ животомъ нго · и паки ·
 тѣм' же ѿпад'шени роуки и раслаблен'наи колѣна
 исправите · и поути прави створите ногама ва-
 шима · даже хромои ѿ пѣти не заблудить, нъ
 исцѣлѣются паче: — О нестежани же рѣ бѣ · не пе-
- 25 чалоути w дѣи вашей что пасте · ниже w тѣлеси
 100^у · вашемъ въ что заблѣчете се · ищѣте прѣже
 црѣво бжїи, и си к'са приложет' се вамъ · и не сте-
 жите злато или сребро, ниже д'вѣ ризѣ · и аще хо-
 щеши рѣ съвершени быти, продаи имѣнии своемъ
- 5 и дажь нищимъ, и имаши скровище на нѣсехъ ·
 и греди въ слѣдъ мене възъмъ крѣтъ · и аси извѣ-
 ны имоути и п'тици нѣнии швнталица, сѣа
 же члвчъ не имѣ г'дѣ главоу поклонити · и иванъ
 крѣтъ имѣше вѣѣнии своемъ ѿ власъ вель-
- 10 боужихъ · и поашъ оуспнианъ w чрѣселѣхъ своихъ · и
 аплъ глѣеть · ничтоже принесохомъ въ миръ,
 ниже из'нести можемъ · а иже хотеть бога-
 тити се, пѣють въ сѣти · и паки · іако ниши,
 многыи же богатеи · іако ничтоже имоути,
- 15 и к'са съдръжище: — О трыпѣни же и хуаврости
 глѣеть бѣ · да боудоути чрѣсла ваша прѣпоасана ·
 и свѣтил'ници гореще · и вы побни члвкомъ ча-
 ющимъ гна своего · и въ трыпѣни кашемъ сте-
 жите дѣшъ вашъ · и трыпѣкыи до конца сѣсени
- 20 боудеть · и никтоже възложъ роуки своеи на ра-
 ло и вбратив' се назадъ, правъ ѿ въ црѣво нѣномъ ·
 и вы есте прѣбывающе съ м'ною въ вѣдѣ мой ·
 и азъ заѣщиваю вамъ закѣ, іакоже заѣща ми
 ѿць мой црѣви; даже пасте и пиете на трапе-
- 25 зѣ мои · и аплъ глѣ · станѣте прѣпоасак'ше
 101^у · чрѣсла ваша истинною · и вбоув'ше нозѣ оуго-
 тованниемъ еѣла · и нѣ наша бранъ къ крѣви
 и пѣти · нъ къ начеломъ къ властемъ · сего
 рѣ възмѣте вѣвхоуженни крѣтнои, и крѣп'ци
- 5 боудѣте, недвижими · се оуже крѣме вѣлопри-
 ит'но, се нѣи дѣи сѣсени · и паки, недѣина
 соу стрѣниа нѣиашаго крѣмене, къ хотещи

- славе ѿкрыти се на нѧ · и паки, кто нѧ разла-
 чить ѿ любве хѣи · скръбь, или тѣснота, и про-
 10 чаа · и елика прѣнаписана быше, ѡ нашемъ
 поученіи прѣнаписаше се · даже трѣпѣннѧ и
 оутѣшениимъ писмен'нѧ, надежоу имамы ·
 и паки, никтоже воннѧ бываѧ съплетанъ се
 мирьскыи коуплѧми, да вонкодѣ оугодьнѧ
 15 боудѣ · и паки, никтоже вѣн'чаютъ се, аще не
 закон'но постраждеть · и паки · скръбь, трѣпѣ-
 ннѧ, съдѣванъ · трѣпѣннѧ же, искоушении ·
 искоушении же, надежоу · надежа же не
 посрамлѧи · и паки · въ в'сѣмъ съставляю-
 20 щѣ себе ѧко бжн слоужители · трѣпѣннѧ
 м'ногымъ, въ скръбехъ, въ ноужахъ · и паки ·
 тѣмъ же оупѣваю, въ недоугдѣ, въ скръбехъ : —
 Паки же, ѧко ничтоже на шв'линии творити
 гъ, рѣ · съблюдѧте мѧтинѧ вашѧ, не тво-
 25 рити прѣ члвкы, ѧко видѣни быти нмы ·
 101^v · нѧ творещоу мѧтнню, да не оутѣ шоуница твоѧ
 что творить десница твоѧ · и мѧ мѧиши се,
 къниди въ клѣть свою, и затвори дѣръ свою · и
 помѧи се ѡцоу своему въ таниѣ · и ѡцѧ твоя
 5 зрен въ таниѣ, въѣзаетъ тебѣ шкѣ · и мѧ расла-
 бин'наго исцѣли, оуклони се народоу соущѧ
 на мѣстѣ · и паки · къ прокажен'ному рѣ ·
 зри никомоужѣ, ничтоже рѣши · и къ апломъ ·
 никомоужѣ р'цѣте видѣннѧ, дон'деже сѧ члчъ
 10 ѡ мрѣбѣ въскрѣнетъ · и како можете вѣрова-
 ти, славоу ѡ члвкѣ принимающе · и аплѧ · ни-
 чтоже рѣ творещѣ, по зависти, ниже по тыще-
 славню · и аще живемъ дѣхомъ, дѣхомъ и съста-
 вляемъ се · не боудѣмъ тыщеславнии · дроугъ
 15 дрѡга призывающе, на шклетѧнии шкѣ ·
 дроугъ дроу завидещѣ · ѡ тыщеславниѧ бо, зависть ·
 и иже на шв'линии что творещи, дѣлатели
 соутъ лѣкави · лѣжни апли · пѣвещѣ быти апл(ы :)
 ѡже не всоужати рѣ гъ · не всоужѧте, и не всо-
 20 жѧн'ни боудете · имъже бо соудомъ соудите, сѧ-
 жѧни боудете · и аще встави члвкомъ съ-
 грѣшениѧ ѧ, вставить и вамъ ѡцѧ вашѧ не-
 бншн прѣгрѣшениѧ вашѧ · и паки · ѡче нашѧ
 иже иси на нѣсехъ, встави намъ дѣлгы нашѧ
 25 и паки, что зриши соучьчѣ иже ѧ въ ѡцѣ брѧ твоего,

- 102^г. а еже въ щцѣ твоимъ бръв'но не вѣши . изъми прѣ-
 же бръв'но изъ вка твоего . и тога прозриши , н-
 зети соучыца изъ вка бра своего . и апль , по
 что соудиши братоу своему . или и ты н⁸ почто
 5 оуничижиши брата своего . к томоу оуже
 дроугъ дроугу да не соудитъ . и паки . в'сакъ
 брѣме свое носить . и в'сакъ ш себѣ слѣ да бѣу .
 и паки . плен'ницами своѣ грѣ къжо стезан-
 т' се . и паки . мнѣ же въ хѣдѣ ѿ , да елими соуже-
 10 нь бѣдѣ . или члѣчимъ днѣмъ . соуден же ми гъ ѿ : —
 О раженн же гъ рѣ . вьнимае ѿ льже прѣкъ ,
 и ѿ льже оучитель . иже приходѣ въ вдежахъ ш-
 в'чнхъ . и не в'сакъ глѣни ми ги ги , вьнидѣтъ
 въ црѣтво нѣноу . нь творен колю шца моего .
 15 и боудете искоусни трапезници , добромъ , и зломъ
 вѣдающе . и паки . никтоже можетъ дѣла
 господинома работати , и прочаа . и паки .
 не дѣлаице пицѣ гыблимоу , нь пицѣ прѣ-
 бывающю въ жикоть кѣч'ни . и апль . азъ
 20 оубо тако текѣ , не іако невѣдоуще . тако нѣ-
 де се , не іако възоухъ вниюще . нь том'лю тѣло
 свое и порабошаю . и паки . тако тецѣте , іако
 да постыг'нете . и паки . блюдѣте шпас'но ка-
 ко ходите . и паки , блюдѣте пьсь . блюдѣте
 25 заны дѣлатели . и паки . недѣино іады , и пие
 102^в. тѣло и кровь гнѣю , грѣ себѣ ясть , и пие , не расоу-
 жамъ . аще себѣ соудили выхоумъ , не всоужени
 быти имѣхоумъ . соудими же ѿ га наказани'
 се , да не съ миромъ всоужен'ни боудемъ . и пак(ы)
 5 и еже по бѣѣ скръбь , покаянии дѣлаи' . мир'скаа
 же скръбь , смрѣ . и паки . еже искоушати на-
 мъ что ѿ кола бжнѣа блгаа , и оугод'номъ скръ-
 шен'но . и паки . по с'мотренню , гбню , на вѣ-
 н'чанинъ вш'ниго званиа . и паки . стани
 10 блговкрѣмен'но , и безкрѣмен'но . и паки . съблю-
 данте себе и в'се стадо . и паки . в'са искоушаю-
 щие , добромъ съдржите : — Я еже трѣзв'но и не-
 прѣстан'но млѣти се , гъ рѣ . блюдѣте да не кога
 штиг'чаютъ срѣца ваша пицами , и оупивание-
 15 мь , и печал'ми житенскими . б'дите и мо-
 лите се да не вьнидете въ напасть . и паки .

- иже глаголю вамъ, и въсѣмъ глаголю. подвижанте се
и бдите на всяко время. и пакы. просите и
да се вамъ. ищете и вѣршите. тѣхъ и ѿ-
20 вѣзетъ се вамъ. въсѣмъ проси принимати, и
ищети вѣршети, и тѣхъ оумомъ ѿверзутъ се.
рече же и притчу глаголю. иже яко побѣди въсѣгда трѣ-
звиги се. соудни никто бѣше неправеденъ въ
градѣ нѣкимъ. и пакы. боудѣте гдѣ, яко
25 въ нѣже чѣ не надѣтитѣ, глаголю приходитъ.
103^г. и аплъ въсѣгда радѣте, непрѣстанно млите се. въ
въсѣмъ благодарите. и съ страхомъ и трепетомъ
своемъ спсении дѣлайте. и пакы. непрѣстан-
но въспоминая еѣ въ мѣнѣхъ своихъ. и пакы.
5 въ всѣхъ мѣнѣхъ и мѣнѣхъ съ благодарени-
емъ. да въ домахъ къ боу боудѣтѣ прощения ва-
ша. и пакы. въ полоунощи павъ рече и сила,
мѣхъ еѣ въ тѣмъ ници. и пакы. трѣзвѣте
бдите. яко соупръники вашъ диаволъ, яко ри-
10 канъ ищети кого. поглотити: — О страннѣлюбви
же глаголю рече. принимати еѣ, мене принимати. и па-
кы. иже аще напонтъ единого ѿ малѣ сѣ, не
погубитъ мѣхъ свою. и пакы. прѣте блѣненіе
ѿца моего, наследуйте оубѣданіе вамъ
15 црѣви искони мира. и пакы. еѣ твориши
пиръ, или вѣрѣ, не съзываю дружки, ниже оу-
жикъ свое. нѣ съзываю, нищенъ. хромые,
непромыслиши. и блженъ боудеши. и пакы.
имѣни дѣхъ ризѣ, да да не имоушомъ. и имѣни
20 брашна, такоже да творитъ. и пакы. бла-
жено ѣ паче давати нежели възымати. и аплъ.
страннѣлюбви не забываете, таковыи бо жръ-
твы блгоугодни соу боу. и пакы. давати про-
стотю, и милоути тихостию, и проча. и па-
25 кы. сѣни и щеде. щедеи пожне. и сѣни, на
103^г. блженіи, на блженіи и пожне. и пакы. не скръ-
бю или ноужю, тиха оубо датели любети
бѣ. и пакы, аще оубо оусрьди прѣлежити.
также аще кто имѣ приетъ, не такоже не имѣ (.)
5 и пакы. да не по ноужу блгомъ твоимъ боудѣ, нѣ по воли. (:—)
О послушани же, глаголю рече. снѣдѣ сѣе. не творити ко-
лю свою, нѣ волю пославаго ме ѿца. и пакы. лю-
бви ѿца, или мѣрь паче мене, нѣ мѣ дѣни.
и пакы. аще любите ме, заповѣди мои съблю-

- 10 даиѣ · и прѣбываиѣ въ любѣи мои, тако-
же азъ заповѣди ѡца моего съблюдоу, и прѣбываю въ любѣи его · и пакы · иже грѣтъ къ мнѣ · и не възненавѣтъ ѡца своего и мѣре · і еще и скою дѣшю, не можетъ мнѣ оученикъ быти ·
- 15 и пакы · рѣ ꙗкъ къ петръ и соущимъ с' нимъ · грѣдѣте къ слѣдъ мене · ѡни же встакальше в'са, послѣдѣствоваше имъ · дроугы же ѡ оученикъ его рѣ имоу · повели ми прѣже ити и погрести ѡца своего · рѣ же имоу ꙗкъ · встакы мръ-
- 20 твыи погрести свои мрътвыи · ты же иди къ слѣдъ мене · и апль пакль · рабъ ісꙋ хꙋ званъ апль(ь) · и пакы · аще оубо блговѣст'воую, нѣ ми похвѣ · горе же ми ꙗко аще не блговѣствую · и пакы · се да моудрѣствоует' се въ вѣ, иже и въ хꙋ ісꙋхъ :
- 25 иже въразомъ бѣжимъ си · не похущении
- 104^г · мнѣвъ, иже быти равнь боу · нъ себе истыи въбразъ рабы приимъ, и проча · и пакы · ты же по-
дованъ моимоу оучению, житию оусердию · и пакы · плѣнющіе в'сакъ разоумъ въ послоу-
- 5 шанинъ хꙋ · и пакы · оугдѣвѣнни имоущіе ѡмьстити в'сако прѣслоушанинъ, ꙗгда испльт' се ваше послоушанинъ : — О смѣреномоудри же рече ꙗкъ · ꙗгда в'са закѣшан'наа вѣмъ сътворите глѣте тако непотрѣбни рабы ѡс'ми · и пакы иже
- 10 въ члвкъꙋ въсокоу, мръзо ꙗко прѣблѣ · и пакы · в'сакъ въз'носен себе, смѣрит'се · и пакы азъ ѡсмы по срѣвасъ тако слоужещи · и пакы, иже хоуѣ вѣ прѣвы быти, да ꙗко вѣмъ слоуга и в'сѣмъ рабъ · и пакы видѣвъ симонъ петръ, припаде къ ісꙋу глѣ · изы-
- 15 ди ѡ мене, тако моужъ грѣшнь ѡсмы ꙗ · и пакы рѣ іванъ къ народоу, азъ оубо крѣшю вѣю · грѣт' же крѣпленъ мене · имоуже нѣс'мъ дѣинъ прѣклон' се разрѣшити ремень сапога его · и ꙗкъ показаніе смѣреномоудри дае намъ · вѣстѣи ѡ вѣре и по-
- 20 лагаи ризы свои · и приимъ леен'ди прѣпоаса себе · та же вѣлиа водоу въ оумивал'ницѣ, начеть оумыти нозѣ оученикомъ · и истирати леен'динъ им'же бѣше прѣпоасанъ · и апль, азъ ѡсмы хоудѣиши въ апльхъ · иже нѣс'мъ дѣинъ нарица-
- 25 ти се апль, пониже гонитель бѣ цркви бѣжимъ ·
- 104^г · и пакы, ісꙋ хꙋ прииде въ миръ грѣшники сѣсти, ѡниже прѣвы ѡсмы азъ · и пакы млю вѣ азъ оузни-

- къ ѡ ꙗѣ . дѣнно ходите позвани имъ же званы
 бысте . съ в'сакымъ смѣриномѹ дриномъ и
 5 кротостию . и дълготрѣпѣнимъ . и пакы,
 не иже себе съставляиѣ . и пакы, аще и аще члѣ-
 ма оугажаѣ бѣ, хѣ рабѣ не бѣ быѣ : —
 О незлоби же рѣ ꙗѣ . любите врагы вашѣ . добро
 10 творите ненавидѣщимъ вѣ . мѣйте се ѡ
 ѡ скръбѣщѣ вѣ и оугадающомъ те за деснѹ
 ланитѣ, ѡбрати имѹ и дроугѹ . и хотѣш-
 моу соудити те, и ризѹ твою къзети встави
 имѹ и срѣщѹ . и пакы . ѡче встави имъ грѣ
 15 съ, не вѣдѣ оубо что твореть . иже же и ѡрѣза-
 н'ном оухо на прѣданіи, приимъ исцѣли . и пакы
 аплѣ . оукарами, бѣвимъ . гонимъ трѣпимъ .
 хоулими молим се . іако ѡтрѣбѣ мироу бы-
 хомъ . и пакы, бѣвите ненавидѣщѣ вѣ . бѣви-
 20 те, а не кльнѣте . и пакы . аще къз'можно ѣ ели-
 ко ѡ вѣ, съ в'сѣми члѣкы мирѣе се . и ꙗѣ корн(ь)
 не оукараше . страже, не прѣтѣше . и снѣ оубо (о снхъ.)
 Знамено, нос'цемъ же ѡцемъ не вѣроуѣ . или .
 іаже имъ глѣмаѣ, или дѣмаѣ не приим(ли)
 25 хѹ паче, и апломъ не вѣроуѣ, а не снѣ . понѣ
 105^г оубо ꙗѣ каломъ просѣѣти ѡчи слѣпомъ . бѣсы
 ѡгна ѡ члѣкы . мрѣвыи въскрѣн . водоу въ вино
 прѣложи . и петими хлѣбѣ, пѣ тысоуцѣ насы-
 ти . и т'мыи, и бес'числьнѣи, и неизрѣн'наѣ чѹсѣ
 5 сътвори . іаже миръ въмѣстити не можетъ .
 аплѣскыи же сѣны въскрѣн ризы, в'сакѣ недѣ-
 гѣ и в'сакѣ изѹ исцѣляхѹ . іакоже хѣ исти-
 н'ни бѣ нашѣ рѣ . вѣроуѣи въ ме . дѣла іаже азъ
 творѹ, и ѡнѣ сътворитѣ, и большѣ сѣ . идѣже
 10 бо прѣѣст'вни бѣ въсѣлит' се, прѣвъ ѣство и дѣ-
 ла быѣѹ . что же ѣ м'ного бѣлати . в'сако бѣж-
 ств'ном пѣнии вѣт'хом и новом . снѣ на в'са-
 къ дѣи истачати бѣгоуѣхан'нии и живо-
 тнии и бѣготочни воды . паче же, ѡ любѣи
 15 бес'числьнѣ . іаже бѣженіи пѣници изъверѣт'
 ше словомъ и дѣломъ къ бѣтѣ'номоу словѹ
 извѣстише се . на семь бѣтѣнымъ ѡснова-
 ни соушимъ . крапоуѣгальнимъ каменіи ісѣ
 хѣ ꙗѣ нашѣмъ ѡсновати се . елика оубо испра-
 20 вѣлати дѣшѹ члѣкѣ могуѣ . ѡ нинже в'са-

- ко слѣ и в'сака тинна . и ѿ глыбини грѣха сию и-
зводити . и къ томоу възводити же по вбра-
зоу и побюю, по сѣненнымъ писани . въсмы
блженнымъ рани вѣреть в'сакъ хотен посѣдовати : —
- 25 Прїте оуже вратїи . дѣшпольз'нои и дѣхов'нои
105^у . и вѣсьмрѣнои пиши оу сѣрѣно причестим' се . члѣчъ-
скаш оу нїженїи и ласкании . ни въ чтоже имѣ-
ще . и в'сако прѣкослови ѿтрес'ше, тако хѣвы
оученици, смѣрен'наго и крот'каго срдцемъ . и
5 не к'нижнїи ловць и прѣвѣсїен'нїи апль . даже
тѣснїи и вѣстры и прїскрѣб'ни ходив'ше поутѣ
показаниимъ и исповѣданнїимъ, и смѣреною мѣ-
дрю . по заповѣдѣ гнїи хъ, въ сѣвершєн'номъ и
бескон'чномъ приндемъ црѣтво нѣномъ . идѣже
10 нѣ болѣз'нь, ни скрѣбъ ни вѣзыханїи . идѣже
всѣхъ веселещїхъ се жнаниѣ, и глѣ чистаго радо-
ванїи ѿ хѣ ісѣ гнїи нашємъ . ѿмоужє побѣ-
иѣть в'сака слава . чѣсть дръжава . и покла-
нании . съ безначел'нымъ ѿцемъ . и живѣво-
решимъ дѣхомъ . нїи и прѣно и въ вѣкы вѣкѣмъ.⁹

⁹ Hierauf folgt das von *Jacimirskij*, aaO. 408 f. abgedruckte Kapitelverzeichnis.

Der hier abgedruckten Einleitung entnehme ich einstweilen nur diejenigen Data, welche für die Feststellung der Komposition der Apophthegmatasammlung selber eine gewisse Bedeutung haben.

Bl. 98^v, Z. 16 fängt eine Art Inhaltsübersicht an, welche auf Bl. 99^r, Z. 1 aufhört. Wenn man dieselbe mit dem Pateriktexte selber vergleicht, dessen Kapitel JACIMIRSKIJ, aaO. 407 f. aufgezählt hat, so ergibt sich, daß in der Einleitung folgende Nummern fehlen: 1. на оуспѣніи съврѣшѣа, 3. о оумилини, 11,¹⁰ 17 о любѣви. Merkwürdigerweise stehen vor незлобни die Wörter знаменоноснѣи мѣжъ, welche an die Überschrift des in der slavischen Sammlung nicht mehr vorhandenen XIX. Kapitels erinnern, und am Ende stehen noch die Wörter и добродѣтелиаго жѣа разанчии и оуспѣ, welche im Kapitelverzeichnisse der Berliner und Belgrader Handschriften in etwas kürzerer Gestalt unter Nr. 20 wiederkehren: о жити добродѣтелиахъ. Der Gedanke kommt auf, daß diese ursprünglich in griechischer Sprache geschriebene und unter anderem in VLADIMIR Codex graecus 342 vorkommende Einleitung zu einem aus 20 Kapiteln bestehenden Text verfaßt worden ist, dessen Kapitelüberschriften dann später vom Verfasser der Συγχεφαλαίωσις herübergenommen worden wären; nach den Untersuchungen HOPFERS und BOUSSETS hat ja auch diese Sammlung ursprünglich aus 20 Kapiteln bestanden (s. o. S. 239), deren vorletztes περὶ σημειοφόρων γερόντων (*De sanctis senioribus, qui signa faciebant*) hieß, während das letzte bei PHOTIOS περὶ πολιτείας θεοφίλου διαφόρων πατέρων, in der lateinischen Übersetzung *De conversatione optima diversorum sanctorum* genannt wird. Es wäre dann anzunehmen, daß dieses XX. Kapitel der Anonyma in gewissen Handschriften die Überschrift περὶ ἐναρέτου βίου gehabt hat, welcher Titel tatsächlich im von VLADIMIR beschriebenen Kodex 342 vorkommt, freilich nicht sofort nach den σημειοφόροι; dazwischen stehen noch: περὶ ἀναχωρήτων und: περὶ τοῦ πῶς δεῖ καθίσαι ἐν Κελλίῳ. Man beachte, daß auch im Kapitelverzeichnisse der Berliner und Belgrader slavischen Paterika eine ähnliche Reihenfolge vorliegt, indem sub 23 zum zweiten Male о добродѣтелиахъ жѣю steht, während 21 о дванадесетѣи шѣахъ и нѣхъ und 22 о како пѣвѣхъ сѣсти въ келии, по кѣпросу и ѡбѣтѣ nur durch die Hinzufügung der Zahl 12 sub 21 von den griechischen Überschriften bei VLADIMIR abweichen. Die Sache ist nicht ganz klar, vielleicht wird eine Heranziehung anderer slavischer Handschriften oder — was noch wichtiger wäre — die Herausgabe der griechischen Einleitung selber größere Klarheit schaffen.

Außer dem kurzen Kapitelverzeichnisse enthält die Einleitung in ihren weiteren Teilen ausführliche Erörterungen zu den einzelnen Kapiteln. Dabei werden folgende Kapitel berücksichtigt: 2 (99^r, 3—24), 4 (99^r, 25—99^v, 17),

¹⁰ Zwischen Bl. 171 und 172 der Berliner Handschrift fehlen ein oder mehr Blätter, worauf u. a. der Titel des XI. Buches (bei Photios: περὶ τοῦ δεῖν ἀεὶ νήφειν) vorkam.

5 (99^v, 17—100^r, 24), 6 (100^r, 24—100^v, 15), 7 (100^v, 15—101^r, 22), 8 (101^r, 23—101^v, 18), 9 (101^v, 19—102^r, 10), 10 (102^r, 11—102^v, 12), 12 (102^v, 12—103^r, 10), 13 (103^r, 10—103^v, 5), 14 (103^v, 6—104^r, 7), 15 (104^r, 7—104^v, 8), 16 (104^v, 9—22). Dann folgt ein Abschnitt über die *знаменосъщи* (104^v, 23—105^r, 14), während 105^r, 14—24 sich auf das 17. Kapitel beziehen dürften. Ein Passus über *добродѣтелиное житие* kommt in diesem Teile der Einleitung nicht vor. Abgesehen von diesem letzten Unterschiede sind die Weglassungen in den beiden Teilen der Einleitung dieselben. Das Fehlen von 3 erinnert an eine ähnliche Weglassung in PHOTIOS' Beschreibung der *Συγκεφαλαίωσις*; was 1 anbetrifft, so hat nach HOPFNER, *aaO.* 49 die koptisch-sa'idische *Συγκεφαλαίωσις*-Übersetzung 1 und 2 zu einem Kapitel zusammengeschmiedet, während die slavische Redaktion dieses Textes mit dem 2. Buche der aus dem Latein bekannten Redaktion anfängt (vgl. B. CONEV, *Славянски рѣкописи въ Виена, Sofia* 1929, 23, Nr. 152, und *Patrol. lat.* LXXIII, 858). Solche Bemerkungen haben jedoch keinen positiven Wert, solange die Diskrepanz zwischen der Einleitung und der sowohl in griechischen wie in slavischen Handschriften auf dieselbe folgenden Apophthegmasammlung nicht erklärt ist. Ich kann nur noch einmal wiederholen, daß vor allem die griechischen Handschriften unseres Pateriks genauer untersucht werden müssen.

Für das Studium der Paterika ist ein gegenseitiger Materialaustausch zwischen Byzantinologen und Slavisten notwendig. Einerseits sind die slavischen Sammlungen ohne eine gründliche Kenntnis der griechischen Vorlagen schwer genau zu charakterisieren, andererseits dürfte die slavische Überlieferung die Rekonstruktion bisher unbekannter Variationen griechischer Paterika ermöglichen. Deshalb beabsichtige ich ein vollständiges Verzeichnis der Apophthegmata und Anekdoten der Berliner Handschrift Wuk 40 herauszugeben. Auch glaube ich, daß das Verzeichnis von 40 Kapiteln in JACIMIRSKIJS und STOJANOVIC-ens Katalogen uns über den Inhalt einer griechischen Handschriftengattung unterrichtet. Es wurde bereits bemerkt, daß 17 dieser Kapitel in der slavischen Anonymasammlung enthalten sind, während die zwei bzw. drei folgenden in dem griechischen *Λειμωνάριον* auf jene 17 folgten; weiter wies ich auf die Übereinstimmung mit VLADIMIRS Kodex 342, auch was einige weitere Abschnitte anbetrifft, hin. Dazu dürfen wir noch Nr. 24: *и ѿ мнѣхъ въкратѣ, ѿ дѣловѣи цѣлѣи похвалѣнии* stellen, welche an derselben Stelle steht wie *Johannes Moschos* in VLADIMIRS Beschreibung des Kodex 342.¹¹ Bei einer so weitgehenden Übereinstimmung mit einer uns bekannten griechischen Paterikhandschrift liegt der Gedanke nahe, daß das ganze Verzeichnis von 40 Nummern aus einer griechischen Vorlage übersetzt worden ist und daß es griechische Sammelbände dieses Inhaltes tatsächlich gegeben hat. Ich bin augen-

¹¹ Ὁ Εὐχαριῦς ist ein Beiname von Johannes Moschos; s. D. C. Hesselring, *Morceaux choisis du Pré Spirituel de Jean Moschos*, Paris 1931, 1 f.

blicklich nicht imstande nachzuweisen, auf welchen Text sich jede Nummer des Verzeichnisses bezieht. Einiges aber dürfte klar sein. Die Nummern 26—33,¹² wohl auch 34 (25? 34? 35?), sind der von F. NAU, *Le texte grec des récits du moine Anastase sur les saints pères du Sinäi, Oriens Christianus II* (Rom 1902), 58 ff. herausgegebenen Sammlung entnommen. Bei Nr. 38 und 39 (ο ηρωηκ bzw. о герою братъ) liegt der Gedanke nahe, daß wir es hier mit zwei Kapiteln von CASSIANS *Collationes* zu tun haben (II, 5 bzw. 6),¹³ welche auch in dem IV. Buch der *Vitae Patrum: Excerpta ex Severo Sulpicio et Cassiano* vorkommen (cap. XLIII, XLIV, *Patrol. lat.* LXXIII, 841 f.). Allerdings ist es auffällig, daß ein Abschnitt περί Ἡρώων auch in der *Historia Lausiaca* vorkommt (Kap. XXVI von BUTLERS Ausgabe) und daß darauf in diesem Buche ein Kapitel περί Πτολεμαίου folgt, während auch Nr. 40 unseres Verzeichnisses ο ποτολομευ lautet.

¹² Nr. 31; ο αβ'ρα, ohne Namen, ist wohl unrichtig; in der Belgrader Hs. fehlt es; den Nrn. 32—35 entsprechen daselbst die Nrn. 31—34, während 36 über zwei Nummern (35, 36) verteilt ist.

¹³ Der vorhergehende Titel lautet: αβρα καχιμνα ωερακ σοφ'δεμιν.

ANDRÉ VAILLANT (Paris):

LA TRADUCTION VIEUX-SLAVE DES CATÉCHÈSES DE CYRILLE DE JÉRUSALEM.

LA DEUXIÈME CATÉCHÈSE.

On sait que la traduction des *Catéchèses* de Cyrille de Jérusalem est une oeuvre importante de la littérature vieux-slave. Mais l'étude de ce texte a peu progressé depuis l'époque de VOSTOKOV, de GRIGOROVIC et de GORSKIJ et NEVOSTRUEV: l'intérêt des philologues s'est concentré sur un seul fragment de manuscrit, les Feuilles de Chilandar de rédaction vieux-slave, qui représentent en effet la copie la plus ancienne et la plus correcte qui nous soit conservée, mais qui ne sauraient, avec leurs deux feuillets mutilés, donner une idée suffisante d'une oeuvre aussi étendue.

Comme GORSKIJ et NEVOSTRUEV l'ont mis en évidence en 1859 dans leur remarquable « Description des manuscrits slaves de la Bibliothèque synodale de Moscou », la traduction slave de Cyrille de Jérusalem est un document de grande valeur: 1° pour la connaissance de la langue littéraire vieux-slave, de sa grammaire et de son vocabulaire; 2° pour l'histoire religieuse des Slaves orthodoxes, puisque cette traduction a maintenu à la disposition des théologiens russes un texte fondamental de la patristique que l'Occident catholique avait perdu et qu'il n'a retrouvé qu'au XVIe siècle, grâce aux Slaves; 3° pour la philologie chrétienne, puisque le texte de Cyrille de Jérusalem n'est pas établi de façon définitive et qu'il ne peut l'être qu'avec l'aide de la version slave, qui fournit des leçons aussi précieuses que celles des manuscrits les plus anciens.

Cette traduction appellerait une édition complète. Mais c'est là un travail de longue haleine, difficile et coûteux pour qui habite loin de la Russie, où se trouvent tous les manuscrits signalés du texte. Un trop court séjour en URSS en 1930 ne m'a permis de copier ou collationner que le texte d'une Catéchèse, la deuxième, qui est précisément celle dont l'original grec se présente sous les formes les plus flottantes et qui a le plus besoin du témoignage du slave. La publication de cette Catéchèse isolée ne me paraît pas inutile: elle apportera un complément aux données trop fragmentaires des Feuilles de Chilandar, et elle facilitera la tâche au futur éditeur du Cyrille de Jérusalem slave.

I.

LE TEXTE DE LA DEUXIÈME CATÉCHÈSE.

Le texte slave est établi sur les copies que j'ai prises de deux manuscrits: celui de la Bibliothèque synodale n° 114 des XIIe—XIIIe siècles (S), et celui

de la collection Tolstoj du XIIIe siècle (T). J'ai collationné cinq autres manuscrits: ceux de la Bibliothèque synodale n° 115 (S¹), du monastère Soloveckij (Sol) et de la Laure de la Trinité Saint-Serge (Tr) de façon complète, plus sommairement celui de la collection Uvarov (U); pour le manuscrit du Musée Rumjancov (R), dont la date tardive (XVIe—XVIIe siècles) et le caractère aberrant ne me laissaient pas prévoir l'importance, je me suis aperçu trop tard que la collation détaillée que j'en avais faite était insuffisante, et que j'aurais dû en prendre une copie.

Le texte de base est celui du manuscrit de la Synodale n° 114. Je le reproduis exactement, mais en laissant de côté son système d'accents et de points sur les voyelles; les modifications que je lui fais subir conformément aux principes des éditions critiques sont indiquées par des parenthèses (résolution des abréviations) ou par des crochets (correction des fautes, et la leçon du manuscrit est donnée en note). Des autres manuscrits, je ne signale que les variantes les plus intéressantes, soit pour l'établissement du texte, soit du point de vue de la langue.

Le texte grec est pris à l'édition Touttée reproduite chez Migne, *Patr. gr.*, t. XXXIII, pp. 381—424. Mais comme les éditeurs de Cyrille de Jérusalem ont composé avec les variantes des manuscrits grecs deux textes différents de la deuxième Catéchèse, et que le slave ne correspond en entier à aucun de ces textes, j'ai été obligé de composer à mon tour, avec les leçons qui répondent au slave, un texte nouveau — c'est-à-dire de restituer un texte authentique. Je ne me suis d'ailleurs servi que de leçons attestées, et j'ai évité les restaurations arbitraires, en reportant à l'apparat critique la mention des variantes que suggère le slave. Je n'ai pas cherché à faire de comparaison entre le manuscrit que restitue la traduction slave et les divers manuscrits grecs utilisés par Touttée et Reischl: la parenté du Coislinianus et de l'original du slave, reconnue par Grigorovič, ne fait pas de doute, mais il n'est pas possible d'en tirer systématiquement parti avec les indications trop incomplètes des éditions sur le texte du Coislinianus.

LISTE DES ABRÉVIATIONS.

S = manuscrit de la Bibliothèque synodale n° 114 (XIIe—XIIIe s.).

Sol, Tr, U = manuscrits dérivés de S (XVe—XVIe s.).

S¹ = manuscrit de la Bibliothèque synodale n° 115 (XVIe siècle).

T = manuscrit de la collection Tolstoj (XIIIe s.).

R = manuscrit du Musée Rumjancov (XVIe—XVIIe s.).

Chil. = Feuilles de Chilandar (XIe s.).

Sl = traduction slave et manuscrit grec qu'elle restitue.

Coisl(inianus), Ottob(onianus I), Roe, Mon(acensis I) = principaux manuscrits grecs.

Signes typographiques:

() = *a*) lettres ajoutées dans la résolution des abréviations du slave; *b*) variantes du texte grec (petits mots: article, etc.) qui n'intéressent pas la traduction slave.

[] = à supprimer.

<> = modifications du texte du manuscrit de base (S): corrections ou additions. L'astérisque * marque la pagination du manuscrit S.

Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν
Κυρίλλου
ἀρχιεπισκόπου Ἱεροσολύμων
Κατηχήσεις.¹

Κατήχησις β' φωτιζομένων ἐν Ἱεροσολύμοις, καὶ περὶ μετανοίας καὶ ἀφέσεως ἁμαρτιῶν· καὶ ἀνάγνωσις ἐκ τοῦ προφήτου Ἰεζεκιήλ· (Ezech., XXXIII, 11) «Ζῶ ἐγώ, λέγει Κύριος, ὅτι οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ», καὶ τὰ ἐξῆς.

I. Δεινὸν ἡ ἁμαρτία, καὶ νόσος χαλεπωτάτη (τῆς) ψυχῆς ἡ παρανομία, ὑποτέμνουσα (μὲν) αὐτῆς τὰ νεῦρα καὶ πυρὸς αἰωνίου γιγνομένη παραίτιος. Κακὸν αὐτεξούσιον, βλάβημα προαιρέσεως. Καὶ ὅτι (γε) αὐτοπροαιρέτως ἁμαρτάνομεν λέγει πον σαφῶς ὁ προφήτης· (Jerem., II, 21) «Ἐγὼ δὲ ἐφύτευσά σε ἄμπελον καρποφόρον πᾶσαν ἀληθινὴν· πῶς ἐστράφης εἰς πικρίαν ἢ ἄμπελος ἢ ἄλλοτρία;»· Ἡ φυτεία καλὴ, ὁ καρπὸς κακός· ἐκ προαιρέσεως τὸ κακόν, ὁ φυτουργὸς ἀναίτιος. Ἡ δὲ² ἄμπελος κατακαυνθήσεται πυρὶ, ἐπειδὴ εἰς ἀγαθὸν ἐφυτεύθη καὶ³ εἰς κακὸν ἐκαρποφόρησεν ἐκ προαιρέσεως. (Eccles., VII, 30) «Ἐποίησε γὰρ ὁ Θεὸς τὸν ἄνθρωπον εὐθὴ, κατὰ τὸν Ἐκκλησιαστήν, καὶ αὐτοὶ ἐξήτησαν λογισμοὺς πολλούς». (Ephes., II, 10) «Αὐτοῦ γάρ⁴ ἔσμεν ποίημα, κτισθέντες ἐπὶ ἔργοις ἀγαθοῖς», φησὶν ὁ ἀπόστολος. Ὁ μὲν οὖν⁵ κτίστης ἀγαθὸς ἐπὶ ἔργοις ἀγαθοῖς ἔκτισεν· τὸ δὲ καλῶς κτισθὲν ὑπ' αὐτοῦ εἰς πονηρὸν⁶ ἐτράπη αὐτοπροαιρέτως.

Δεινὸν ἡ ἁμαρτία, ἀλλ' οὐκ ἀθεράπευτον· δεινὸν τῷ κατέχοντι, εὐίατον τῷ πιστεύοντι. Ὑπόθου μοι κατέχειν ἐν χειρὶ τινα τὸ πῦρ· ἕως κατέχει, φλέγει ὁ

¹ Une famille de manuscrits slaves présente le titre: «Dix-huit instructions (= catéchèses) et controverses à l'adresse des Juifs». — ² δέ devait manquer dans Sl. — ³ Sl «ayant été plantée, elle fructifia». — ⁴ γάρ manque dans Sl (il a dû être rajouté dans les mss. grecs d'après le texte de l'Écriture). — ⁵ Sl suppose l'asyndète, ou μὲν sans οὖν (et plus loin ἀγαθὸς sans ὦν). — ⁶ πονηρόν Coisl., var. πονηρίαν.

Fol. 1^r

Оглашении · Ѣ · просвѣшт(а)е(м)ыи мѣ² къ Нир(оу)с(а)л(и)мѣ, и о покаянии и Fol. 8 v
оставлении грѣховѣ³ · и чытении отъ пр(о)рока Иезекиила · Живѣ азъ, гл(а-
и)мѣть г(оспод)ь, яко не велю⁴ съмърѣти грѣшныица, и прочее.

I. Люто и⁵ грѣхъ, и недѣлѣ тѣжкѣ д(оу)ши закон(о)прѣстоупникъ⁶, прѣсѣкаа (е)и⁷ жиы и огнѣ вѣчныа⁸ быкаа виновныхъ. Зло самовластно⁹, прозвѣннѣе самовольно. И¹⁰ шкже самовольнѣ¹¹ съгрѣшамъ гл(оголѣ)тъ кдѣ швѣ пр(о)р(о)къ¹². Язъ же насадихъ тѣ винограда плодovitа вѣсего истинна. како прѣврѣти см¹³ къ горестѣ винограда тоуждин¹⁴; Садъ добръ, плодъ зълъ. изколеннѣе злое, саднѣтель безъ вины. Виноградъ¹⁵ съжжѣтъ см огнѣмъ, поннѣ же на бл(а)го(и) саждѣтъ¹⁶ быкъ* на зѣло плодъ сътвори отъ изколеннѣе. Сътко- Fol. 9^r
ри бо б(оу) в чл(о)вѣ(к)а правѣ, по Юкласнѣстоу, и ти вѣзискашъ мыслии многѣ¹⁷. Того нѣмѣ сътворѣннѣ¹⁸, съзѣдани на дѣла блага, рече ап(ост)олъ. Зижднѣтель блага на дѣла блага съзѣда, нѣ добръ(ѣ) съзѣдан(о)и имѣ¹⁹ на зло прѣврѣти см самовольствомъ.

Люто м²⁰ грѣхъ, нѣ не безъ ист(ѣ)л(ѣ)ннѣ²¹. люто държаштоуоумоу²² съ него, блгонистѣлно²³ вѣроуѣжштоуоумоу. Съкажи ми държашта въ роуцѣ етера²⁴

¹ оученіе ѿ прѣніе S¹ (sans fi): lire sans doute оучени(и) і прѣрѣни(и) ... fi; T et R ont des titres différents: Т книгы Кюрила Ёр(оу)с(а)л(и)мьскаго, R йже въ с(вѣ)-
тыхъ... Кирила... слово д(оу)шепользно. — ² просвѣщаёмымъ TR, просвѣште-
нымъ SS¹; cf. Cat. IV (Chil. II r¹, 1—2). — ³ Tremplace la suite du titre par la formule
Ѹи бѣгѣи вѣче. — ⁴ велюу S, велѣ Sol, велю S¹ Tr, хоуж U. — ⁵ есть T, etc. — ⁶ за-
конопреступленіе T R, законопрестоупленіемъ S¹, закона прѣстоупленіемъ S Sol.
⁷ и жиы S (и ом. Sol), житы ѡй T, жылы ѡж R. — ⁸ вѣчна S T, вѣчнаго Sol
(avec go d'une autre encre), вѣчнаго R Tr. — ⁹ самославно T. — ¹⁰ ѡй T R.
¹¹ самохотынѣ T R, qui peut être la leçon primitive. — ¹² прѣръ іавѣ T R (une note
marginale de R renvoie à Isaïe, V, qui n'est pas le texte exact, mais qui est la source
de Jérémie, II, 21). — ¹³ ѡбратї T R. — ¹⁴ тоуждин S Sol Tr (тѡжи S¹, тѡждий U):
киноградось цюжїї T (sûrement altéré de киноградъ стоуждин), киногрѣ съї R. —
¹⁵ ѡ киноградъ R, qui répondrait au grec ἡ δὲ ἀπτελος, mais T s'accorde avec S. —
¹⁶ на бѣгомъ сажденъ S (насажденъ Sol), на бѣго насаженъ T, на бѣго саждѣнъ R.
¹⁷ мыслїи мнѹго R Tr, мыслемного S¹. — ¹⁸ естє сътворенїе R, створенїе есте T. —
¹⁹ добръ създан'ноє ѡй R: добръ създание нмы T, добро създание нмы S (имы Sol,
създанїе U), avec нмы sans doute compris comme participe passé. — ²⁰ есть T Tr S¹, є Sol
(avec le signe ° qui paraît rajouté). — ²¹ ѡцѣленїѡ T, ѡцѣленїѡ R: ѡцѣленїѡ S.
²² -щємъ T S¹, -щомоу R. — ²³ благоистѣжно S Sol Tr (-їстажно U, -їстажно S¹),
-їсцѣлно R, бѣгоѡцѣленкно T. — ²⁴ їтера къ рѡцѣ T, нѣкобого въ рѡцѣ R.

ἄνθραξ· ἀποθήου τὸν ἄνθρακα, καὶ συναπέθου τὸ φλέγον. Εἰ δέ τις νομίζει μὴ κατακαίεσθαι ἁμαρτάνων, τούτῳ λέγει ἡ Γραφή· (Προν., VI, 27) «Ἀποθήσει τις πῦρ ἐν κόλπῳ, τὰ δὲ ἱμάτια οὐ κατακάυσει;» Καὶ ἡ ἁμαρτία τὰ νεῦρα τῆς ψυχῆς ὑποτέμνεται, συντρίβει τὰ ὀστέα τῆς διανοίας, ἐπικαλύπτει τὸ φωτεινὸν τῆς ψυχῆς.

II. Ἄλλ' ἐρεῖ τις· τί ποτε (ἄρα) ἐστὶν ἡ ἁμαρτία; ζῶν ἐστίν, ἄγγελός ἐστι, δαίμων ἐστί; τί ἐστι τὸ ἐνεργοῦν; Οὐκ ἐστὶν ἐχθρὸς ἕξωθεν ἐπεισαγόμενος, ἀλλὰ βλάστημα κακὸν αὐξάνον ἀπὸ σοῦ. (Προν., IV, 25) «Ὅρθά βλέπε τοῖς ὄμμασί σου», καὶ οὐκ ἐστὶν ἐπιθυμία. Κάτεχε τὰ σὰ καὶ μὴ αἶρε τὰ ἄλλότρια, καὶ ἀρπαγὴ κεκοίμηται. Μνημόνευε τῆς κρίσεως⁷, καὶ οὔτε πορνεία οὔτε μοιχεία οὔτε φόνος ἰσχύει παρὰ σοί. Ὅταν δὲ ἐπιλάθῃ τοῦ Θεοῦ, τότε λοιπὸν ἄρχῃ πηγάζειν πηγὰς κακῶν.

III. Οὐ μόνον δὲ τούτου σοὶ⁸ ἀρχηγός (εἰ), ἀλλὰ καὶ ἄλλος ὑποβολεὺς ἀρχηγός ὁ διάβολος. Ὑποβάλλει πᾶσιν ἐκεῖνος, ἀλλ' οὐκ ἐπικρατεῖ τῶν μὴ πειθομένων. Διὰ τοῦτο λέγει ὁ Ἐκκλησιαστής· (Eccles., X, 4) «Ἐὰν πνεῦμα τοῦ ἐξουσιάζοντος ἀναβῇ ἐπὶ σέ, τόπον σου μὴ ἀφῆς». Ἀπόκλεισον τὴν θύραν καὶ μάκρυνον ἀπὸ σοῦ, καὶ οὐ βλάψει σε. Ἐὰν δὲ δέξῃ τὸ σπέρμα τῆς ἐπιθυμίας, αὔξει διὰ τῶν λογισμῶν⁹, ῥίζας βάλλει, ἐκδεσμεῖ¹⁰ σου τὴν διάνοιαν, εἰς βόθρον φέρει κακῶν. Ἀλλὰ πολλάκις

⁷ Sl «le jugement dernier». — ⁸ Touttée τούτου σύ, Coisl. τοῦτό σοι: malgré une lacune dans les mss., Sl atteste nettement σοί, et cf. dans l'autre version οὐ μόνος δὲ σὺ καθέστηκας τοῦ πράγματος ἀρχηγός. — ⁹ Sl «par la pensée», sing., supposant sans doute διὰ τὸν λογισμόν (Coisl. τὸν λογισμόν, sans διά). — ¹⁰ Sl répond à ἐκδεσμεῖ plutôt qu'à la variante καταδεσμεῖ (καταδεσμεύει).

огнь · дондеже съдръжитъ²⁵, жежеть згль · отъложи²⁶ згль, и съотъложишь иси
полаштен²⁷. Иште ли кто мнить не иждизати сѧ съгрѣшаѧ, семоу гл(аголю)тъ²⁸
книгы · Бъложитъ ли кто огнь въ лоно, а²⁹ ризъ не съжъжеть³⁰; И грѣхъ жи-
лы д(оу)шыныѧ³¹ прѣрѣзати, съкроушати кости оумныѧ, прикрывати³²
5 скѣтлость д(оу)шевноуѧ.

II. Нъ речеть нѣкто · что оубо исть грѣхъ; зкѣрь* ли исть, анг(е)лъ ли исть, Fol. 9^v
бѣсъ ли исть; что исть дѣистств(а)н³³; Нѣсть врагъ извѣноу наводимъ, нъ
прозвѣлъ³⁴ зъла растоуци отъ тебе. Прокѣ гладан очима твоима, (и)³⁵ нѣсть
похоти. Дъръжи свои и не възьми чоужего³⁶, и грабленни³⁷ оуспѣ³⁸. Поминан
10 соудъ страшныи, и ни любодѣнии ни прѣлюбодѣнии ни оубиство можетъ
[быти] оу тебе³⁹. Югда же закоудеши в(о)г(а), то оуже начнеши истачати источь-
ники з'лы⁴⁰.

III. Не тычьж⁴¹ же себѣ... ти⁴² начатъкъ днаволъ. Бълагати въскъмъ онъ,
нъ не обладеть⁴³ не покарюшгми сѧ. Сего ради гл(аголю)тъ Еклиснастъ⁴⁴.
15 Иште д(оу)хъ владоуштаго възидеть на тѧ, мѣста си не остави. Затвори
двери, и оудали⁴⁵ отъ себе, и не вѣдять тебе. Иште же ли⁴⁶ примеши сѣмѧ
похотыноу, растеть мыслиж, коренни⁴⁷ поуститъ, и*звѣжеть⁴⁸ ти помыслы, Fol. 10^r
въ амоу ведеть⁴⁹ зъль. Нъ многашды гл(агол)еши⁵⁰ · вѣрнѣ исмѧ, и не

²⁵ дондеже съзидаетъ · жъжеть згль T, дон'деже съгоритъ жгль R: trace d'une altération ancienne dans l'archétype de T et R (съжизаетъ pour съдръжитъ?). — ²⁶ ѡложѣ T. — ²⁷ полаштен S Sol Tr U: lire sans doute палашиѣ T S¹, transitif (R ѡложѣ ѡгль, тогда ѡложѣ ѡ горѣчьсть ѣго; pour l'abstrait горѣчьсть, cf. r. горючьсть). — ²⁸ глѣтъ R. — ²⁹ I T, въ нѣдрѣ ѡ R. — ³⁰ не сожъжеть ли T. — ³¹ дшныѧ S Tr (дшныѧ Sol), дшекныѧ S¹, дшвыныѧ T, грѣхѡвныѧ R. — ³² прикрываѣ R. — ³³ дѣистствѣ ѡ S Sol Tr, дѣистствѣ S¹ U, дѣиство ѣго T, что ѣ дѣиствѣ ѣго R. — ³⁴ прорѣслъ R. — ³⁵ I T, om. S, etc. — ³⁶ чоужего S, etc., T R, чюжаго S¹. — ³⁷ грабленіѣ T, ѡб оуграбленіѣ R. — ³⁸ оспнеть T R. — ³⁹ мѡжеть въ тебѣ R, преможеть тебе T (l'emploi absolu de мошти calquant ισχυειν a été supprimé de façon indépendante dans S et T). Après тебе, T présente l'addition: поминѧ пламени ѡгньѧ негасимаго, ѡ в(о)г(а)таго ѡждѣтъша всѧ лѣта въ веселѣ, ѡ пламени мучима ѡ каплѧ водныѧ желающѧ · ѡ тако одержѧши себе ѡ пиѧнства. Югда же, etc. — ⁴⁰ Ainsi dans S, etc. (источати S¹, злыи Sol): источникъ истачати злы T, источати колѣ источъники R (avec злы rajouté à la suite au-dessus de la ligne; колѣ peut être altéré de водѣ, qui s'expliquerait par une réminiscence d'expressions de l'Écriture comme источникъ водъ Jean, IV, 14); il faut comprendre S злы comme génitif pluriel de зъль (cf. зъли тѡν κακῶν 10, 15, etc.), ou bien le corriger en з(ъ)лъ (cf. l. 18). Après злы, T a une lacune jusqu'à сего рѧ (l. 14). — ⁴¹ тѡкмо R. — ⁴² себѣ · ти S Sol, etc., совѣ · ты R (la dernière lettre très raturée): lacune d'une ligne environ dans l'archétype de tous les manuscrits slaves, avec ти qui ne peut représenter que la fin d'un mot mutilé. — ⁴³ обладеть S Tr, ѡбладѣть Sol (mais le ѣ a été rajouté): ѡбладѣтъ S¹ U R, qui peut être la leçon primitive. — ⁴⁴ еклиснастъ глѣтъ T. — ⁴⁵ ѡ оудали I T. — ⁴⁶ иже ли же T R (ordre des mots usuel), иже ли S¹. — ⁴⁷ I кореннѣ T. — ⁴⁸ извѣжеть S, etc. (cf. Supr. 79, 22–23 извѣзакъше ѡ), ѡ взатъ же S¹: ѡ свѣжеть T R. — ⁴⁹ въведѣтъ R, въ ѡмѣ же въведѣтъ T. — ⁵⁰ но рѣши же T.

λέγεις· πιστός εἰμι, καὶ οὐ περιγίνεται μοι δαίμων. Καὶ πέτραι ἐρρηξε πολλάκις ῥίζα εὐρεθείσα. Μὴ δέξῃ τὸν σπόρον, ἐπεὶ διαρρήσσει¹¹ τὴν πίστιν. Πρὶν (ἦ) ἀνθήσῃ, πρὸρριζον ἔξελε τὸ κακόν· μὴ πέλυκας¹² ὕστερον καὶ πῦρ πολυπραγμότητος¹³. Ἀρχόμενος ὀφθαλμῶν, θεραπεύου¹⁴ κατὰ καιρὸν, ἵνα μὴ... τυφλωθεῖς¹⁵ τότε ζητήσῃς τὸν ἱατρόν.

IV. Ἀρχηγὸς μὲν οὖν ἁμαρτίας ὁ διάβολος, γεννήτωρ τῶν κακῶν. Ἰησοῦς εἶπεν ὁ Κύριος, οὐκ ἐγὼ· αὐτὸς εἶπεν περὶ αὐτοῦ· (I Jean, III, 8)¹⁶ «Ὅτι ἂν ἄρχῃς ὁ διάβολος ἁμαρτάνει». Πρὸ αὐτοῦ ἥμαρτεν οὐδεὶς. Ἡμαρτε δὲ οὐκ ἐκ φύσεως τὸ ἁμαρτάνειν λαβὼν, ἐπεὶ ἀνατρέχει ἡ ἁμαρτία εἰς τὸν κατασκευάσαντα· ἀλλ' ἀγαθὸς κατασκευασθεὶς διάβολος γέγονεν, ἐκ τῆς πράξεως λαβὼν τὴν προσηγορίαν. Ἀρχάγγελος ὢν διάβολος ἐκλήθη ἀπὸ τοῦ διαβάλλειν, ἀγαθὸς ὢν¹⁷ Θεοῦ ὑπηρετῆς γέγονε Σατανᾶς· ὁ γὰρ Σατανᾶς τὸν διάβολον ἐρμηνεύει¹⁸. Οὐκ ἐμὰ ταῦτα τὰ διδάγματα, ἀλλὰ ὠφελήθημεν παρὰ Ἰεζεκιήλ· ἐκεῖνος γὰρ λαβὼν θρήνον¹⁹ ἐπ' αὐτὸν λέγει· (Ezech., XXVIII, 12–13) «Σὺ ἀποσφράγισμα ὁμοιώματος²⁰ ἐν τῷ παραδείσῳ τοῦ Θεοῦ ἐγεννήθης». Καὶ μετ' ὀλίγα· (Ezech., XXVIII, 15) «Ἐγεννήθης ἄμωμος²¹ ἐν ταῖς ἡμέραις σου, ἕως οὗ²² εὐρέθῃ (τὰ ἀδικήματα) ἐν σοί²³». Οὐκ ἔξωθεν ἐπισυνήχθη²⁴· ἐγέννησας τὸ κακόν. (Ezech., XXVIII, 16–17) «Καὶ διὰ τὰς ἁμαρτίας σου ἐτραυματίσθης, καὶ ἐπὶ τὴν γῆν ἐρριψά σε». Ὁ Κύριος²⁵ ἐν Εὐαγγελίοις λέγει· (Luc, X, 18) «Ἐθεώρουν τὸν Σατανᾶν ὡς ἄστραπτήν ἐκ τοῦ οὐρανοῦ πεσόντα ἐπὶ τὴν γῆν». Βλέπεις παλαιὰν συμφωνίαν πρὸς καινὴν²⁶. Οὗτος ἐκπεσὼν²⁷ συναπέστησε²⁸ πολλούς· οὗτος ἐμβάλλει²⁹ τὰς ἐπιθυμίας τοῖς πειθομένοις· ἐκ τούτου μοιχεία, πορνεία, καὶ πᾶν εἶ τι

¹¹ Var. διαρρήξει: Sl «de peur qu'il ne déchire». — ¹² Le singulier de Sl peut résulter d'une altération. — ¹³ Var. πολυπραγμονῆς, Coisl. πολυπραγμονεῖ: l'imperfectif du slave peut répondre à μὴ... πολυπραγμόνει, mais aussi au subjonctif aoriste. — ¹⁴ Var. ἱατροῦν. — ¹⁵ Sl «de peur que devenu peu à peu aveugle» = ἵνα μὴ κατὰ μικρὸν τυφλωθεῖς, variante non signalée (mais cf. la variante κατὰ καιρὸν μικρόν), qui peut être la bonne leçon. — ¹⁶ Dans les Épîtres, mais citation des paroles du Christ, Jean, VIII, 44. — ¹⁷ Sl «le bon serviteur» (= ὁ ἀγαθός, sans ὢν), mais il peut s'agir d'une altération du texte slave. — ¹⁸ Sl «car Satan s'interprète diable», traduction indépendante de la variante (εἰς τὸν ἀντικείμενον) ἐρμηνεύεται. — ¹⁹ Var. θρήνον (le singulier du slave ne prouve rien). — ²⁰ ὁμοιώματος Coisl., var. ὁμοιώσεως (texte de l'Écriture), ὁμοιότητος. — ²¹ Le slave (altéré) suppose une leçon fautive μῶμος «blâme» plutôt que ἄμωμος. — ²² Var. ἄχρις οὗ. — ²³ Lacune dans Sl, mais la conservation du singulier «a été trouvé» indique qu'elle n'est pas d'origine slave. C'est cette lacune de l'original grec qui a dû entraîner l'altération *μῶμος; elle devait être de plusieurs mots: d'après les variantes des mss., on pourrait conjecturer: ἕως οὗ εὐρέθῃ (τὰ ἀδικήματα) ἐν σοί. Εὐρέθῃ) ἐν σοί. — ²⁴ Sl «est venu se rassembler», répondant à Coisl. ἐπισυνήχθη plutôt qu'à la variante banale ἐπεισηγέχθη (Cyrille pense à la «multitude des iniquités» qui a rempli le cœur de Satan, cf. Ezech., XXVIII, 16–18). — ²⁵ πάλιν manque dans Sl, comme dans le Codex Monacensis du Xe s. — ²⁶ Sl présente la leçon fautive de Coisl., pour Παλαιᾶς συμφωνίαν πρὸς Καινὴν. — ²⁷ Sl répond à ἐκπεσὼν plutôt qu'à la variante πεσὼν. — ²⁸ Sl «a séduit avec lui», supposant peut-être une altération συνηπάτησε. — ²⁹ Var. εἰσβάλλει.

прѣдолѣють ми вѣсѣ. И камень развержеть многыиѣды корень⁵¹ оберѣтъ сѧ⁵². Н(е) приѣмѧ(и)⁵³ сѣмене, (е)да⁵⁴ растѣргнеть вѣроу. Прѣже даже не вѣцкѣтеть⁵⁵, ис корене изъми злои. не ишти послѣже секиры и огнѧ⁵⁶. Начѣнѣ очима болѣти, врачоуи сѧ⁵⁷ въ вѣмѧ, да не по малоу ослабкноуекъ⁵⁸ тѣгда начѣнеша врача
5 искати⁵⁹.

IV. Начальники оубо грѣхоу исть дѣволъ, родитель злыи⁶⁰. И(исоу)с рече г(оспод)ь, а не азъ. самъ рече о немъ. Ико ис прѣва дѣволъ съгрѣшѧтъ. Прѣже нго не съгрѣши никтоже. Съгрѣши же не отъ нестытка съгрѣш(а)ти приѣмѧ⁶¹, а възвращалъ сѧ бы⁶² грѣхъ на створышаго. нъ добръ сътворенъ дѣволъ бысть⁶³, отъ дѣлѣниѧ приѣмѧ прозѣваннѣ. Арханг(е)ль сы⁶⁴ дѣволъ * нарече сѧ отъ обаждѣннѧ, бл҃гы⁶⁵ б(ог)оу слоужитель⁶⁶ Fol. 10^v бысть Сотона. Сотона⁶⁶ бо дѣволъ съказанъ сѧ. Не моѧ соутъ си оучении, нъ полъзѣвани⁶⁷ быхомъ отъ Нѣзекн(ил)ѧ⁶⁸. онъ бо приѣмѧ плачь о немъ гл(аголю)тъ. Ты отъпечатствѣ(о)⁶⁹ подобниѧ въ ранѣ б(о)жинѣ роди сѧ. И по малѣ. Роди сѧ и(оро)кѧ⁷⁰ къ дѣи своѧ, дондѣже оберѣте сѧ въ тѣбѣ. Не изъноу приѣбра сѧ. роди злои. И за грѣхы твоѧ оумзкенъ бысть, и на землю съвѣргохъ тѧ. Г(оспод)ь къ Бж(а)нг(е)ли гл(аголю)тъ. Бидѣхъ Сотону⁷¹ яко⁷¹ малънию съ небесе на землю падъшоу⁷². Бидиши⁷³ вѣтѣхон съгласнѣ къ новоуоумоу⁷⁴. Бъ съпадъ многы прѣлѣсти съ собою. съ вѣлаганъ
20 похоти слоуж(шѧ)штиннѧ⁷⁵ нго. отъ сѧго любодѣани(е) и прѣлюбодѣани(е)⁷⁶ и ксе иже зло. симъ прадѣдъ нашъ ослоужшаниемъ падѣ⁷⁷, и въ раѧ

⁵¹ многожды корѣнь Т. — ⁵² оберѣтѣши сѧ R (gérondif fixé de type russe). — ⁵³ не приѣмѧи Т R, ни приѣмѧи S, etc. (ни прѣѣмѧ сѣмѧни S¹). — ⁵⁴ нъ да S, sûrement corrigé de не да, altération connue de еда: да не Т R. — ⁵⁵ вѣцкѣтеть S, etc. (кѣцкѣтеть Tr): вѣцкѣтеть Т, вѣцкѣтѣтъ R. — ⁵⁶ ни ѡгнѧ Т, ѡ не ѡшѣи ѡпослѣ сѣкѣры ѡгнѧ R: lire peut-être сѣкѣр(ъ) и огнѧ. — ⁵⁷ лѣкѣи сѧ Т (lacune d'une ligne dans R). — ⁵⁸ ослабкноуекъ Tr U. — ⁵⁹ Après искати, Т a une lacune jusqu'à гѣ къ нѣсѧнѣлѣи (l. 17). — ⁶⁰ зѧимъ Sol, зѧомъ Tr R, зѧомъ S¹ (S зѧымъ peut être le datif pluriel de l'abstrait зѧѧ). — ⁶¹ съгрѣшѧти приѣмѧ S, etc., прѣѣ съгрѣшѧти R. — ⁶² бы сѧ U. — ⁶³ бѣлѣ дѣлѣ R. — ⁶⁴ бѣлѣ R. — ⁶⁵ On peut conjecturer бл҃гъ сы = ἀγαθὸς ὢν. — ⁶⁶ Сотона R. — ⁶⁷ Pour полъзѣвани, mais sans doute mal compris (полъзѣвани Sol): полъзѣвани S¹. — ⁶⁸ нѣзекнѧ S¹, нѣзекнѧ S Sol Tr U. — ⁶⁹ отъ печатствѣ S, etc. — ⁷⁰ прѣкѣ S, etc., altération de порокъ plutôt que de ксе порока = ἄμωμος. — ⁷¹ ѧкы Т. — ⁷² спадъшоу Т R (et на землю manque dans R, comme dans le texte de l'Évangile): Luc, X, 18 падъша, var. съпадъша, et падъшоу Nik. par attraction de малъниѧ. — ⁷³ вѣдиши ан R; Т remplace cette phrase par: арханг(е)ль створенъ бл(а)гъ, ѡзѧлениемъ бѣис(тъ) Сотона, иже ѡ дѣволъ сказаѣтъ сѧ). Бъ спадъ, etc. — ⁷⁴ новоу Sol, etc. — ⁷⁵ слоужѧштиннѧ нго S, etc. (слѣжѧшѣмъ ѣмъ S¹), послѣжѧшѣмъ ѣго Т R. — ⁷⁶ любодѣаниѣ. ѡ прѣлюбодѣаниѣ Т R: любодѣаниѧ. ѡ прѣлюбодѣаниѧ S (mais S¹ прѣлюбодѣаниѣ). — ⁷⁷ Après падѣ, Т a une lacune, jusqu'à съ что оубо (4, 2).

κακόν· διὰ τοῦτον ὁ προπάτωρ ἡμῶν ἐκ παρακοῆς πέπτωκεν, καὶ ἀντὶ παραδείσου αὐτομάτως φέροντος καρποὺς ἀκανθοφόρον ἔσχεν γῆν.

V. Τί οὖν; ἔρεϊ τις· ἀπολώλαμεν; Ἡ ἁμαρτία δεινὸν καὶ οὐκ ἔστι σωτηρία; πεπτώκαμεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀναστήναι; ἐτυφλώθημεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀναβλέψαι; χωλοὶ γεγόναμεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀρτιποδῆσαι³⁰; ἵνα δὲ συντόμως εἴπωμεν, ἀπεθάνομεν· οὐκ ἔστιν ἀναστήναι³¹; Ἄρα ὁ τὸν Λάζαρον τὸν τετραήμερον ἐγείρας τὸν ὁδωδῶτα οὐ δύναται ἀναστήσαι; Ὁ³² τὸ τίμιον αἷμα ὑπὲρ ἡμῶν ἐκχέας οὐ δύναται ἡμᾶς ῥύσασθαι τῆς ἁμαρτίας; Μὴ ἀπογνῶμεν ἑαυτούς, ἀδελφοί, μὴ ῥίψωμεν ἑαυτούς· ὥσπερ τι δεινὸν ἔστι μὴ πιστεῦειν εἰς μετάνοιαν. Ὁ μὴ προσδοκῶν γὰρ³³ τὴν σωτηρίαν προστίθῃσι τὰ κακά, ὁ δὲ τὴν ἰατρειάν ἐλπίσας εὐμαρῶς (τὸ) λοιπὸν³⁴ ἑαυτοῦ φείδεται. Ληστής³⁵ ὁ μὴ δωρεὰν προσδοκῶν εἰς ἀπόνοιαν αὐξεί, ἐλπίσας δὲ εἰς μετάνοιαν χωρεῖ πολλάκις. Εἴτα ὅφρις μὲν ἀποτίθεται τὸ γῆρας, ἡμεῖς δὲ οὐκ ἀποθησόμεθα³⁶ τὴν ἁμαρτίαν; Καὶ ἀκανθώδης γεωργηθεῖσα γῆ εἰς καρποφόρον μετέβαλεν³⁷, ἡμεῖς δὲ διδασκόμενοι οὐ βελτιωσόμεθα; Ἐπιδέχεται ἡ φύσις τὴν σωτηρίαν, ζητεῖ δὲ τὴν προαίρεσιν.

VI. Φιλάνθρωπος ὁ Θεός, καὶ φιλάνθρωπος³⁸ οὐκ ὀλίγον. Μὴ εἵπης· ἐπόρνευσα, ἐμοίχευσα, τὰ δεινὰ μοι πέπρακται³⁹. Ἄρα συγχωρήσει ὁ Θεός; Ἄκουε τί λέγει ὁ ψαλμωδός· (Ps. XXX, 20) «Ὡς πολὺ τὸ πλῆθος τῆς χρηστότητός σου, Κύριε». Οὐ νικᾷ σου τὰ συναχθέντα ἁμαρτήματα τὸ πλῆθος τῶν οἰκτιρμῶν τοῦ Θεοῦ· οὐ νικᾷ σου τὰ τραύματα τὴν ἰατρικὴν ἐμπειρίαν. Δὸς μόνον σεαυτὸν μετὰ πίστεως· ἔξειπε⁴⁰ τῷ ἱατρῷ τὴν κάκωσιν, εἶπε καὶ αὐτὸς κατὰ τὸν Δαβίδ· (Ps. XXXI, 5)

³⁰ SI «avoir les jambes saines», qui répond à ἀρτιποδῆσαι, dérivé de ἀρτίπους (et réminiscence de l'Odyssée, VIII, 310, où ἀρτίπους s'oppose à χωλός), et non à la variante ὀρθοποδῆσαι. — ³¹ SI «et n'y a-t-il pas à revivre?», qui paraît supposer une leçon (καὶ) οὐκ ἔστιν ἀναζῆσαι (ἀναβιώναι). — ³² L'article n'est pas rendu dans SI, mais il peut s'agir d'une altération. — ³³ γὰρ manque dans SI. — ³⁴ (τὸ) λοιπὸν manque dans SI. — ³⁵ ληστής manque, et le traducteur slave a compris: «Celui qui n'attend pas gratuitement...», mais celui qui a espéré». — ³⁶ Var. ἀποτιθέμεθα. — ³⁷ Var. μετεβλήθη (SI «se transforme», avec le présent). — ³⁸ Var. φιλάνθρωπος δέ (sans καί). — ³⁹ SI «tout le mal, je l'ai fait», traduction libre. — ⁴⁰ Var. λέγε.

мѣсто саомоу о себѣ носѣ*шт(оу)⁷⁸ плоды тѣр'ноплодноу имѣ землю. Fol. 11^r

V. Что оубо⁷⁹, речеть кто · погыбохомъ ли; Грѣхъ лють и нѣсть сп(а)сенни · падохомъ и⁸⁰ нѣсть вѣстати · ослѣпноухомъ⁸¹ и нѣсть прозврѣти · хроми быхомъ и нѣсть цѣлоноговати⁸² · и да въ кратыцѣ речемъ, оумрѣхомъ⁸³ и нѣсть ожити. Въздвигнжѣ(и оу)бо⁸⁴ лазора⁸⁵ четврѣднѣвнааго⁸⁶ въсм(р)ѣдѣвшѣ⁸⁷ сѧ не можетъ ли [насъ]⁸⁸ въскрѣсити; Пролнжѣ⁸⁹ за ны чьстьноу ю свою крѣвь, не можетъ ли насъ избавити⁹⁰ ѿ грѣх(а)⁹¹; Не отъчанимъ себе, братиѣ, не повѣрѣмъ себе ꙗко и⁹² нѣчто⁹³ · люто нсть не вѣровати въ покаянии. Не чаши сп(а)сенни прилагають злѧ, а пѣвавын⁹⁴ на врачеваннѣ⁹⁵ оудобъ себе поштадитъ · [а] не чаши⁹⁶ тоуни въ безоумь растеть, оупѣвавын же въ покаянии въмѣститъ (сѧ)⁹⁷ множицю · * Да ли⁹⁸ змиѧ отълагають старость, а мы не отъложимъ ли сѧ⁹⁹ грѣхѣ; И тѣр'новита въздѣлана земл(а)¹⁰⁰ на плодовицоу прѣлагають сѧ, а мы оучимъ не оуныше¹⁰¹ ли боудемъ; Приемають нстьство сп(а)сенни, ницѣть же изволенни.

VI. Чл(о)в(ѣ)колюбець нсть б(о)гъ, и чл(о)в(ѣ)колюбець не хоудѣ¹⁰². Не рѣцн · любви дѣлахъ, прѣлюбы дѣлахъ, злон¹⁰³ в'се створи хъ · оубо¹⁰⁴ проститъ ли мѧ б(о)гъ; Слыши что глаголють псалмьникъ¹⁰⁵ · Коля много множество благости твоѧ, г(о)спод(и). Не оудолжѣть твоѧ събърании грѣси множествож щедротъ б(о)жин¹⁰⁶ · не прѣдолжѣють вѣдн¹⁰⁷ твоѧ врачевствѣн¹⁰⁸ хытлости. Дажѣ¹⁰⁹ сѧ тѣчию¹¹⁰ самъ съ вѣрою · повѣжда врачоу озвѣнни¹¹¹, рѣцн (и)¹¹²

⁷⁸ носѣши R (phrase participiale au datif en apposition): носѣштаѧго S. — ⁷⁹ T abrège en: съ что оубо (lire сѣ... оубо?) оумрохомъ · ꙗ нѣ ѡжити (l. 5). — ⁸⁰ и manque dans S¹, mais cette variante est sans doute sans intérêt. — ⁸¹ ѡслѣпншѣ Tr Sol U. — ⁸² нѣ ꙗцѣленѣ R. — ⁸³ оумрохомъ T R U S¹. — ⁸⁴ въздвигншѣмъ Sbo T R: въздвигнжѣшѣмъ S, etc. (·вше бо S). — ⁸⁵ лазора S Sol Tr T, лазаръ U S¹ R. — ⁸⁶ четвероднѣвнаго T R S¹ Sol Tr U; la forme de S est altérée de четврѣднѣвнъ- Jean, XI, 39. — ⁸⁷ въсмѣдѣвшѣ S, въсмердѣвшѣ T, etc. — ⁸⁸ насъ S Sol, etc., manque dans S¹: не можетъ ли въскрѣсити T. — ⁸⁹ пролнжѣ ST: lire peut-être пролнжѣ(и) = ὁ... ἐκχέας. — ⁹⁰ гонозити насъ T. — ⁹¹ ѿ грѣхѣ T: ѿ грѣхъ S, etc. — ⁹² ꙗкы TR. — ⁹³ Telle est la ponctuation de S et T, qui peut indiquer la façon dont le traducteur a compris le grec ὡσπερ τι. — ⁹⁴ пѣвавын S Sol, спокавын T R S¹ Tr U. — ⁹⁵ лѣкованнѣ T: R на покаяннѣ, въсѣко себѣ сѣсѣтъ. — ⁹⁶ не чаши R, а не... S; T a une lacune de [а] не... à множицю (l. 11). — ⁹⁷ въмѣститъ сѧ R: въмѣстити S Sol, etc. (sans сѧ), avec le sens probable de «comprendre» (cf. Mat., XIX, 12), doit s'expliquer par le rattachement de въ покаянии à оупѣвавын. — ⁹⁸ ꙗже ли R. — ⁹⁹ не ѡложимъ грѣхѣ T. — ¹⁰⁰ землѧ T R S¹, землю S, etc. (Sol ponctue въздѣла · на землю). — ¹⁰¹ оуныше S Sol, etc., зныши T S¹, лоучши R. — ¹⁰² ꙗ не хоудѣ члѣколюбець T, ꙗ не по малъ члѣколюбець R. — ¹⁰³ ꙗ злоѣ R, зло все T (avec все rajouté sur la ligne). — ¹⁰⁴ Lacune dans T, de створи à слыши. — ¹⁰⁵ книгы псаломникъ T. — ¹⁰⁶ вѣжнѣ Sol U S¹ R. — ¹⁰⁷ не прѣдолжѣють болѣзни R. — ¹⁰⁸ врачевствѣнѣ T, врачествѣ ѡ R, врачевствѣнѣ S Sol. — ¹⁰⁹ даже T. — ¹¹⁰ токма T, тѣкмо R. — ¹¹¹ врачоу озвѣнни S, etc. (ѡзвѣннѣ Tr, ѡзвѣненнѣ S¹ U), врачени ѡзвѣненнѣ T, врачени немощнѣ R. — ¹¹² ꙗ R, om. S T.

«Εἶπα· ἐξαγορεύσω κατ' ἐμοῦ τὴν ἁμαρτίαν μου τῷ Κυρίῳ, καὶ σὺ ἀφήκας τὴν ἀσέβειαν τῆς καρδίας μου».

VII. Θέλεις ἰδεῖν Θεοῦ φιlanθρωπίαν, εἰ⁴¹ τοῖς ῥητοῖς τῆς Γραφῆς οὐ πάνυ πιστεύεις, νεωστὶ εἰσελθὼν εἰς τὴν κατήχησιν; Θέλεις ἰδεῖν ἄλλους οὕτως σωθέντας, ἵνα... πιστεύσης⁴² ὅτι καὶ ἐπὶ σοῦ δυνατόν οὕτω γενέσθαι; Θέλεις ἰδεῖν Θεοῦ φιlanθρωπίαν πολλήν; Παρήκουσεν Ἀδὰμ (τοῦ) Θεοῦ· ἄρ' οὐκ ἠδύνατο εὐθέως ἐπαγαγεῖν τὸν θάνατον; Ἀλλ' ὁ φιlanθρωπος⁴³ ἐκβάλλει μὲν τοῦ παραδείσου, κατέναντι δὲ κατοικίζει, ἵνα βλέπων ἐκ μετανοίας σωθῇ. Καὶν ἀδελφοκτόνος, εὗρε-
της τῶν κακῶν⁴⁴, ἀρχηγὸς τῶν φόνων⁴⁴, φθονερός πρῶτος, ἀνελὼν τὸν ἀδελφὸν⁴⁵ τί καταδικάζεται⁴⁶; (Gen., IV, 12) «Στένων καὶ τρέμων ἔση ἐπὶ τῆς γῆς». Μέγα τὸ ἁμάρτημα, μικρὰ ἢ καταδίκη.

VIII. Φιlanθρωπία μὲν ἀληθῶς, ἀλλ' ἔτι μικρά. Λόγισαι τὰ ἐπὶ Νῶε. Ὁμάρτον οἱ γίγαντες παρανομία τοσαύτη, κατακλυσμὸς ἐμελλεν ἔρχεσθαι⁴⁷. Τῷ πεντακοσιοστῷ ἔτει λέγει τῷ Νῶε, τῷ ἑξακοσιοστῷ ἐπάγει τὸν κατακλυσμὸν ἐπὶ τὴν γῆν. Βλέπεις πλάτος φιlanθρωπίας Θεοῦ εἰς ἑκατὸν ἔτη ἐπιτεινόμενον⁴⁸; Ὅπερ ἐποίησε τότε, παραχοῆμα οὐκ ἠδύνατο ποιῆσαι; Ἀλλ' ἐπίτηδες παρέτεινεν, ἔνδοσιν⁴⁹ διδοὺς μετανοίας. Βλέπεις Θεοῦ ἀγαθότητα; Εἶθε⁵⁰ μετενόησαν οἱ τότε· καὶ ἐτύγχανον Θεοῦ φιlanθρωπίας.

⁴¹ Sl «ou tu ne crois pas...», avec εἰ lu ἦ. — ⁴² Sl «pour que toi aussi tu aies foi», supposant ἵνα καὶ σὺ πιστεύσης. — ⁴³ φιlanθρωπος Coisl., var. φιlanθρωπότατος. —

⁴⁴ Sl traduit par le singulier: «du mal... du meurtre». — ⁴⁵ Var. καὶ ἀνελὼν (sans complément): «son frère» semble une addition, soit dans l'original grec, soit dans la traduction slave, et la leçon primitive doit être ἀνελὼν τί, etc. — ⁴⁶ Var. κατακρίνεται. —

⁴⁷ Var. ἐπέρχεσθαι. — ⁴⁸ Var. παρατεινόμενης. Le slave rattache le participe à ce qui suit, ce qui donne un sens meilleur que celui des éditions: εἰς ἑκατὸν ἔτη παρατεινόμενον, ὅπερ ἐποίησε τότε, παραχοῆμα, etc. — ⁴⁹ Var. ἔνδομα (Cod. Mon. I). —

⁵⁰ Sl répond à εἶθε (et non à la variante εἴ γε), et paraît lier les deux phrases: «Si ceux d'alors s'étaient repentis et avaient obtenu, etc.»

ты по Д(авъ)доу · Рѣхъ · исповѣмъ на ма¹¹³ грѣхъ мои¹¹⁴ г(оспод)оу¹¹⁵, и ты остави¹¹⁶ нечистыи срѣца моего.

VII. Хоште(ши)¹¹⁷ ли видѣти * б(о)жии чл(о)в(ѣ)колюбьи, или словесемъ Fol. 12^r книжникомъ¹¹⁸ не з(ѣло)¹¹⁹ вѣроуши, ново въшѣдъ въ оучение; Хоштеши ли
5 видѣти ины¹²⁰ (такъ сп(а)с(е)ны, да і ты вѣрѣши¹²¹ пакъ) и на тебѣ мощно
исть томоу же быти; Хоштеши ли видѣти¹²² б(о)жии чл(о)в(ѣ)колюбьи много¹²³;
Ослоуша сѧ ядамъ б(о)г)а · и не можааше ли аби¹²⁴ навѣсти на нь смръти¹²⁵;
Нъ чл(о)в(ѣ)колюбьцъ изгонитъ¹²⁶ из-д-ра¹²⁷, прѣмо¹²⁸ же оуспѣхитъ¹²⁹ и¹³⁰,
да зѣрѧ покааніемъ сп(а)сѣть сѧ. Каннъ братоубици¹³¹, обрѣтѣнникъ зѣлоу,
10 начальникъ оубиствоу, закнстѣнникъ прѣвыи, [и]¹³² оубивъ брата како осоу-
(жд)ѣнии¹³³ приемлетъ; Стѣна и трепешта¹³⁴ боудѣши на земли. Бѣли¹³⁵ съгрѣ-
шеніи, а мало¹³⁶ осоужденіи.

VIII. Чл(о)в(ѣ)колюбьи бо въ истиноу, нъ (е)ште мало · непѣштоу[иш]и¹³⁷ иже
при Нон. Съгрѣшиша шюдокѣ законопрѣстоупленіемъ толнѣмъ, потопъ¹³⁸
15 хотѣаше¹³⁹ прити¹⁴⁰. Въ пѣтьсѣтъ * номъ лѣто гл(аголю)тъ Ною¹⁴¹, въ шѣтьсѣтъ- Fol. 12^v
номъ наводитъ потопъ на землю. Видиши ли широтоу¹⁴² чл(о)в(ѣ)колюбна б(о)-
жиа; На сѣто лѣтъ простираемо¹⁴³, иже¹⁴⁴ сътвори тѣгда, аби не можааше
ли сътворити; Нъ подобнѣ простѣре, ослабѣ даѧ покааніа¹⁴⁵. Видиши ли
б(о)жии бл(а)готоу¹⁴⁶; Ёша¹⁴⁷ сѧ показали тѣгдашѣи и оулоучили¹⁴⁸ б(о)жии
20 чл(о)в(ѣ)колюбьи.

¹¹³ на сѧ Т (Ps. XXXI, 5 на ма Sin., etc.). — ¹¹⁴ грѣхы мои R, безаконіа мои TS¹ (безаконіѣ Sin., etc. = τὴν ἀνομίαν). — ¹¹⁵ ѣи S¹, гѣи T R (ѣю Sin., гѣи Pog. Bon. Sof.). — ¹¹⁶ тѣ ѡстави T, тѣ ѡстави R. — ¹¹⁷ хоштеши R: хоште S, etc. Lacune de T entre моіго et іаи (l. 2—3). — ¹¹⁸ книжникомъ словосемъ (sic) T. — ¹¹⁹ злѣ S, etc., om. T. — ¹²⁰ иныи S, avec une lacune d'une ligne; видѣти нъ како T (avec нъ rajouté), вѣдати ѧ ины тако R. — ¹²¹ ѣи R. — ¹²² вѣдати R. — ¹²³ мноѣ T (qui omet бжии). — ¹²⁴ скоро R. — ¹²⁵ смрти навѣстѣ на нь T. — ¹²⁶ изгонитъ ѧ T, ѧзыгнѣ тогѣ R. — ¹²⁷ издраѧ S Tr, из раѧ T R S¹ Sol U. — ¹²⁸ прѣмо S Sol (премо) R, прѣмо T Tr U. — ¹²⁹ оуспѣхитъ S Sol Tr, ѡспѣхѣтъ U, ѡспѣхѣтъ T, ѡспѣхѣтъ S¹, прѣмо же раю въселѣніе дѧ ѣмѧ R. — ¹³⁰ и manque dans T (où il figure après изгонитъ). — ¹³¹ братоубици R. — ¹³² ѧ S, etc., manque T R. — ¹³³ осоужденіи S U, ѡсужденіе Sol (avec une rature), etc.; какѣо осоуженіе R. — ¹³⁴ стѣна ѧ трѣсѣи сѧ R. — ¹³⁵ бѣлико R. — ¹³⁶ малѣ R, малѣ суженіи T. — ¹³⁷ Altération dans tous les manuscrits: нъ аште мало непѣштоуши иже S, etc., нъ аще сѣ мало непѣштоуши, то иже T, нѣ аще сѣ малѣ помышлѣши, то ѧже . . . съгрѣшишѧ члѣи R. — ¹³⁸ потопъ T. — ¹³⁹ хотѣаше T, etc., хотѣше R. — ¹⁴⁰ прити S, etc. (притѣти S¹), прити на землю T. — ¹⁴¹ ноѣи T R. — ¹⁴² ширину T, ширину R. — ¹⁴³ простираемо R, mais tous les autres manuscrits ont le neutre. — ¹⁴⁴ иже бо T R; toute la phrase est modifiée dans T, qui ponctue: на · ѣ · лѣ · простираемо иже бо створи · тогѣ не можааше ли того створити. — ¹⁴⁵ даѧ мѣсто покаанію R, простѣре ѡслабѣ · даѧ кінѣ покаанію T (qui omet la phrase suivante). — ¹⁴⁶ бл҃годѧ бжїѧ R. — ¹⁴⁷ ёша S, ёше Tr U S¹, аще сѧ бѣша показѧи Sol (avec бѣша rajouté sur la ligne), ёда бѣша показѧи T, аще бѣ сѧ показѧи R. — ¹⁴⁸ ѧ оулоучили бѣ Sol, тѣгдашнїи члѣи · ѡлоучили бѣша T.

IX. Ἐλθὲ λοιπὸν καὶ ἐπὶ τοὺς ἄλλους τοὺς ἐκ μετανοίας σωθέντας, κἂν ἐν γυναιξίν. Ἐπόρνευσας, ἐμόλυνας τὸ σῶμα, ἄχρηστος γέγονας· ἄρα ἔστι σωτηρία; ἔρεῖς. Ἀπόβλεψον, ὦ γύναι, εἰς τὴν Ῥαὰβ, καὶ θάρσησον εἰς τὴν σωτηρίαν. Ἡ φανερώς καὶ δημοσίᾳ πορνεύσασα σώζεται. Πῶς⁵¹ ἐσώθη ἐκείνη; ἐπίστευσεν· εἶπεν μόνον⁵². (Jos., II, 11) «Ὁ Θεὸς ὑμῶν, ὁ Θεὸς ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς». Ὁ Θεὸς ὑμῶν· ἐαυτῆς γὰρ οὐκ ἐτόλμησεν εἰπεῖν διὰ τὴν ἀσέλγειαν. Μίμησαι τὴν πίστιν, καὶ δέξαι τὴν σωτηρίαν. Καὶ θέλεις γινῶναι ὅτι ἐσώθη; ἀνάγραπτόν ἐστιν ἐν ψαλμοῖς· (Ps. LXXXVI, 4) «Μνησθήσομαι Ῥαὰβ καὶ Βαβυλῶνος». Ὡς μεγάλης (τοῦ) Θεοῦ φιланθρωπίας, καὶ πορνῶν μνημονεύουσης ἐν Γραφαῖς. Ἄλλ' οὐχ ἀπλῶς· «Μνησθήσομαι Ῥαὰβ καὶ Βαβυλῶνος», ἀλλὰ· «τοῖς γινώσκουσί με». Ἔστι καὶ ἐπὶ ἀνδρῶν σωτηρία καὶ ἐπὶ γυναικῶν.

X. Κἂν ὁλόκληρος λαὸς ἁμάρτη, οὐ νικᾷ τὴν τοῦ Θεοῦ φιλανθρωπίαν. Ἐμοσχοποίησεν ὁ λαός, καὶ οὐκ ἀπέστη ὁ Θεὸς τῆς φιλανθρωπίας. Ἠρνήσαντο οἱ ἄνθρωποι (τὸν) Θεόν, ἀλλ' ὁ Θεὸς ἐαυτὸν οὐκ ἠρνήσατο. (Exod., XXXII, 4) «Οὗτοι οἱ θεοί σου, Ἰσραὴλ»· καὶ πάλιν ὁ Θεὸς τοῦ Ἰσραὴλ (ὁ) σωτὴρ. Καὶ οὐ μόνος ὁ λαὸς ἥμαρτεν, ἀλλὰ καὶ Ἀαρὼν ὁ ἀρχιερεὺς. Μωυσῆς ἐστὶν ὁ λέγων· (Deuter., IX, 20) «Καὶ ἐπὶ Ἀαρὼν ἐγένετο ὀργὴ Κυρίου· καὶ ἐδεήθη, φησὶν, ὑπὲρ αὐτοῦ»· καὶ συνεχώρησεν αὐτῷ ὁ Θεός. Μωυσῆς (μὲν) αἰτῶν ὑπὲρ ἀρχιερέως ἐδυσώπει⁵³ τὸν Θεόν, Υἱὸς δὲ⁵⁴ μονογενὴς αἰτῶν οὐ δυσωπεῖ τὸν Θεόν; Εἴτα τὸν Ἀαρὼν

⁵¹ Si ajoute une particule: πῶς δ' ἐσώθη. — ⁵² Si suppose ἐπίστευσε μόνον· εἶπεν. — ⁵³ Var. δυσωπεῖ. — ⁵⁴ Var. καὶ Υἱός.

IX. Приди оуже и на инты покаженимъ сп(а)сенымъ, аште и въ женахъ. Любы дѣла(а)¹⁴⁹ иси, оскверни тѣло, непотрѣбна¹⁵⁰ бысть · оубо есть ли сп(а)сение, речеши. Бѣзъри, ѡ жено, на Раавъ, и пѣван¹⁵¹ на сп(а)сении. Иже мѣт и прѣдъ чадиж¹⁵² любви дѣавъш(и)¹⁵³ сп(а)саетъ сѧ. Како же сѧ сп(а)се она; вѣровавъши¹⁵⁴ рече · Б(ог)ъ вашъ, Б(ог)ъ на н(е)б(е)си и на земли. Б(ог)ъ вашъ · своего бо не сѣмѣ решити за стоудодѣшникъ. Подобн¹⁵⁵ сѧ вѣрѣ¹⁵⁶, и прими сп(а)-сение. И хощеши ли оубѣдѣти тако сп(а)сена есть; Писано есть въ пѣсньхъ¹⁵⁷. Fol. 13^r
Поманж¹⁵⁸ Раавъ и Вавилона¹⁵⁹. Ёле¹⁶⁰ великомъ Б(о)жии чл(о)вѣ(к)колюбьи, и любодѣица поминаюште въ книгахъ. Нъ не просто · Поманюу Раавъ и Вави-
10 лона¹⁵⁹, нъ · Знаюштеи ма¹⁶¹. Юсть¹⁶² и мжжемъ сп(а)сении и же(намъ)¹⁶³.

X. (Ище і всі людіє сѣгрѣшають)¹⁶⁴, не прѣдолжють¹⁶⁵ Б(о)жию чл(о)вѣ(к)-колюбьж¹⁶⁶. Тельць сѣтвор(и)ша¹⁶⁷ людие, и не отъстоупи Б(ог)ъ чл(о)вѣ(к)колюбимъ¹⁶⁸. Отъвѣргоша сѧ чл(о)вѣ(к)ци Б(ог)а, нъ Б(ог)ъ себе¹⁶⁹ не отъвѣрже. Гни Б(о)зи твои, И(здран)лю · и пакы Б(ог)ъ И(здран)л(е)въ сп(а)сѧ¹⁷⁰. И не
15 тѣчню людие сѣгрѣшиша, нъ (и) Ирвинъ [и] архіерей¹⁷¹. Моисей¹⁷² есть гл(агол)-ли · И на Ирвинъ бысть гнѣвъ г(осподь)нъ · и помолнхъ сѧ, рече¹⁷³, о немъ · и прости и Б(ог)ъ. Моисей (о)¹⁷⁴ архіерей мола оумоли Б(ог)(а)¹⁷⁵, а с(ы)нъ еди-ночадын¹⁷⁶ просѧ не оумолитъ ли Б(ог)а¹⁷⁷, Ирвиноу же сѣгрѣшъшоу не вѣзбрани

¹⁴⁹ дѣла Т R S¹: дѣлаъ S Sol Tr (дѣлаа ёсть U, avec -а et -тъ par surcharge). —
¹⁵⁰ неподобна Т R. — ¹⁵¹ пѣван S, (оу)поваи Sol (оу rajouté sur la ligne), споваи Т R S¹ Tr U. — ¹⁵² людемъ R. — ¹⁵³ дѣавъши Т R: дѣавъшоу S, etc. (qui peut s'expliquer par la construction slavonne на Раавъ . . . иже . . . дѣавъшоу). — ¹⁵⁴ како же сѧ ѡна спсе · вѣрова тѣкма Т, како же сѧ спсе сѧ · вѣрѣжъ единомъ точию R: le texte de S, etc. est sûrement altéré de вѣрова тѣчнѣ · рече. — ¹⁵⁵ сподоби сѧ Т. — ¹⁵⁶ вѣрѣ іа Т R. — ¹⁵⁷ въ пѣмѣхъ Т, въ книгѣ ѡлаѡскѣ R. — ¹⁵⁸ помѣнж R. — ¹⁵⁹ вавилона Т, вавилона Tr S¹. — ¹⁶⁰ еле S Sol, etc., om. T. — ¹⁶¹ знаюштейма S, etc., S¹, знающа ма Т, знающаа ма R: les formes de T et R sont influencées par Ps. LXXXVI, 4 сѣвѣдѣшѣа ма Sin., etc. (acc. duel masc.), celle de S apporte un témoignage plus sûr, mais altéré: on peut supposer, soit знаюштейн(мъ) ма = τοῖς ὑνὼσχοῦσί με (cf. S¹ сѣжащѣимъ 3₂₀), soit знаюшт(и)и ма (acc. duel fém.). — ¹⁶² і ёсть Т. — ¹⁶³ Lacune d'une ligne dans S: иже не прѣдолжють, comblée par Т R. — ¹⁶⁴ сѣгрѣшають Т: сѣгрѣшѣа R, sans doute meilleur. — ¹⁶⁵ пре(ѡ)должють Т (avec ѡ rajouté sur la ligne), преѡдолжѣа R U. — ¹⁶⁶ б. чл. S R, чл. б. Т. — ¹⁶⁷ створиша Т: сѣтвориша S (avec une rature sur et après а), S¹. — ¹⁶⁸ чловѣколюбѣа бѣ Т. — ¹⁶⁹ себе бѣ Т. — ¹⁷⁰ Après спсеъ, lacune de T jusqu'à и на аронъ (l. 16). — ¹⁷¹ нѣ і адрѡнъ архіерей R: нъ арвинъ и архіерей S (и om. S¹ Sol, но (іа)аронъ Sol U, avec іа rajouté sur la ligne). — ¹⁷² мѡѡсей S¹. — ¹⁷³ рѣ моисѣи Т. — ¹⁷⁴ мѡѡсей ѡ архіерей R: моисей · и архіерей S, etc. (мѡѡсей арх. S¹, мо^исий · ѡ архіерей Sol, avec ѡ raturé sur и); lacune dans Т: і прости і бѣ · мола і ѡмоли бѣ. — ¹⁷⁵ бѣ S¹ Т R: бѣ S Sol Tr (бѣа U), qui ne peut être considéré que comme une faute (provoquée par l'opposition à сынъ de la phrase suivante), et ne saurait valoir comme exemple de l'accusatif pour le génitif-accusatif. — ¹⁷⁶ Иночадынъ Т. — ¹⁷⁷ не ѡмолиъ бѣ Т (et S¹, avec chute de нѣ), qui peut être la leçon primitive: cf. la phrase suivante, également plus exclamative qu'interrogative. Après бѣ, Т a une lacune jusqu'à покаи сѧ (7₂).

παίσαντα οὐκ ἐκώλυσεν εἰσελθεῖν εἰς ἀρχιερωσύνην, σὲ δὲ ἐξ ἐθνῶν ἐλθόντα κωλύσει ἐλθεῖν εἰς (τὴν) σωτηρίαν; Μετανόησον καὶ αὐτὸς ὁμοίως, καὶ οὐ κεκώλυταί σοι ἡ χάρις. Ἀνεπίληπτόν⁵⁵ σου παράστησον τὸν τρόπον. Φιλάνθρωπος γὰρ ἀληθῶς ὁ Θεός, καὶ οὐ δύναται ὁ πᾶς χρόνος ἐξαιρεῖν αὐτοῦ τὴν φιλανθρωπίαν· οὐδ' ἂν πᾶσαι αἱ γλῶσσαι συνέλθωσιν ὁμοῦ, οὐδὲ μέρος τῆς τοῦ Θεοῦ φιλανθρωπίας διηγήσασθαι δυνήσονται. Ἡμεῖς δὲ λέγομεν μέρος τῶν γεγραμμένων, ἀλλ' οὐκ οὔδαμεν ὅσα καὶ ἀγγέλοις συνεχώρησεν· συγχωρεῖ γὰρ ἀκαίνοις, ἐπειδὴ εἰς μόνος ἀναμάρτητος ὁ τὰς ἁμαρτίας καθαρίζων. Καὶ περὶ μὲν ἐκείνων αὐταρκεῖς⁵⁶, ἡμεῖς δὲ λοιπὸν τὰ περὶ ἡμῶν.

XI. Θέλεις σοι καὶ ἄλλους τύπους μετανοίας παραστήσω; Θέλεις ἐλθεῖν καὶ⁵⁷ ἐπὶ τὸν Δαβίδ; θέλεις ἰδεῖν τὸν μακάριον; λάβε⁵⁸ τύπον μετανοίας⁵⁸. Ἐξέπεσεν ὁ μέγας· μετὰ κοίτην τὸ δειλινὸν περιπατῶν ἐπὶ τοῦ δώματος, εἶδεν ἀδιαφόρως, καὶ ἔπαθεν⁵⁹ ἀνθρώπινον. Ἐτελέσθη ἡ ἁμαρτία, ἀλλ' οὐ συναπέθανεν ἡ εὐγνωμοσύνη. Ἦλθεν Ναθὰν ὁ προφήτης ἐλεγχος, ταχὺς ἱατρός. Ὡργίσθη, φησὶν, ὁ Θεός, καὶ⁶⁰ ἡμαρτες. Τῷ βασιλεύοντι ὁ ἰδιώτης ἔλεγεν· βασιλεὺς ὁ πορφυροφόρος οὐκ ἐπήρθη· οὐ γὰρ προσεῖχε τῷ λαοῦντι, ἀλλὰ τῷ ἀποστείλαντι. Οὐκ ἐτύφλωσεν⁶¹ αὐτὸν τὸ περιεστὼς στίφος τῶν στρατιωτῶν· ἔβλεπε γὰρ τὸ[ν] ἀγγελικόν· (Hebr., XI, 27) «Τὸν γὰρ ἀόρατον ὁρῶν ἐκατέρησεν». Καὶ φησι τῷ ἐλθόντι, δι' ἐκείνου τῷ ἀποστείλαντι ἀποκρινόμενος· (II Reg., XII, 13) «Ἡμάρτηκα τῷ Κυρίῳ». Βλέπεις (τοῦ) βασιλέως ταπεινοφροσύνην; βλέπεις ἐξομολόγησιν; Μὴ γὰρ ἦδει εἰ ἦν⁶² ἔλεγχος; μὴ γὰρ ἦδεισαν οἱ πολλοί; Ὅξέως ἐπράχθη τὸ προᾶγμα· (ὁ) προφήτης⁶³ παρῆν,

⁵⁵ Var. ἄληπτον. — ⁵⁶ Var. αὐτάρκως. — ⁵⁷ καὶ manque dans Sl. — ⁵⁸ Sl n'a pas cette phrase. — ⁵⁹ Sl « et il fit humainement », ce qui suppose peut-être une variante ἔπραξεν. — ⁶⁰ καὶ manque dans Sl (le texte grec semble s'inspirer d'Isaïe, LXIV, 5 ἰδοὺ σὺ ὠργίσθης, καὶ ἡμεῖς ἡμάρτομεν). — ⁶¹ Sl « aveugla », qui répond à ἐτύφλωσεν plutôt qu'à la leçon meilleure ἐτύφωσεν Coisl. Ottob. — ⁶² Sl « car est-ce que déjà était », supposant une leçon μὴ γὰρ ἦδη ἦν. — ⁶³ Sl « le prophète vint, le témoin à conviction ne vint pas », leçon qui paraît être à la base de la version paraphrasée καὶ ὁ προφήτης εὐθύς παρῆν κατήγορος, en regard de Coisl. οὐ προφήτης παρῆν, ἔλεγχος οὐ παρῆν.

вѣннѣти въ архіеросѹни¹⁷⁸, тѣѣѣ же изъ азъкъ пришѣдъшоу кѣзбраннѣ¹⁷⁹ * Fol. 13^v
 прити на сп(а)сении; Покая сѣ¹⁸⁰ и ты такожде, и не кѣзбраннѣ ти сѣ бл(а)-
 г(о)д(ѣ)тъ¹⁸¹. Безаворьноу си прѣдѣстави шѣоудѣ¹⁸². Члвкъколюбыцъ бо истъ
 по истинѣ б(о)гъ, и не можетъ въсе лѣто исповѣдати чл(о)в(ѣ)колюбнѣмъ нго .
 5 аште и всѣи азъци събероутъ сѣ въкоупъ¹⁸³, то ни части б(о)жнѣ чл(о)в(ѣ)-
 колюбнѣмъ исповѣдати кѣзмогоутъ. Мы же гл(а)голѣмъ часть написаныхъ, нъ
 не вѣмъ еинко¹⁸⁴ и анг(е)ломъ отъпоусти . отъпоуштатъ¹⁸⁵ бо <и> тѣмъ¹⁸⁶,
 имъже еднѣи тѣчию¹⁸⁷ безъ грѣха истъ очиштаи грѣхы. И о онѣхъ же оубо до-
 вѣлно¹⁸⁸ истъ . мы же оубо же о насъ.

10 XI. Хошти¹⁸⁹ ли да ти (и) инъ¹⁹⁰ образы покаяния прѣдѣставлю¹⁹¹; хошти¹⁸⁹
 ли¹⁹² прити къ Давыдоу; хошти¹⁸⁹ ли видѣти блаженнаго; Отъпадѣ¹⁹² великыи .
 по лѣжании пладънѣ¹⁹³ на полатѣ хо(д)мъ¹⁹⁴, видѣ неравнѣствънѣ¹⁹⁵, и сътвори* Fol. 14^r
 чл(о)в(ѣ)чскы[и]¹⁹⁶. Съконъча сѣ грѣхъ, нъ не съоумаре бл(а)гороазоумнѣ¹⁹⁷.
 Приде Наванъ пр(о)р(о)къ обличеннѣ¹⁹⁸, скоръ врачъ. Разгнѣка сѣ, рече, б(о)гъ .
 15 съгрѣшилъ еси. Ц(ѣ)сарствуюшѣоуоумоу¹⁹⁹ с[ѣ]мър'(дѣ)²⁰⁰ гл(а)голѣашѣ .
 ц(ѣ)саръ багъръ носѣ не кѣзнесе сѣ . не вѣнимаашѣ бо гл(а)голѣшѣлаго, нъ
 посълакъшааго. Не ослѣпи нго стоиши скръсть нго плѣкъ воескыи²⁰¹ . видѣашѣ
 бо анг(е)льскыи²⁰². Невидимааго бо зърѣ тѣр'паашѣ. И рече пришѣдъшоуоумоу²⁰³,
 онѣмъ посълакъшоуоумоу²⁰⁴ отъвѣштаваѣ . Съгрѣшихъ г(о)спод(а)оу²⁰⁵. Видиши
 20 ли ц(ѣ)сар(е)во съмѣ(р)еннѣ²⁰⁶; видиши ли²⁰⁷ исповѣдание; Еда²⁰⁸ бо бѣашѣ
 оубо обличитель; еда²⁰⁸ бо вѣдамоу мнозин²⁰⁹; Въ скорѣ сътвори сѣ вѣшть .

¹⁷⁸ архіеросѹни S¹ Sol Tr U, архіеросотаніѣ (sic) R. — ¹⁷⁹ кѣзбраннѣ ли S¹ (et U, avec li rajouté sur la ligne). — ¹⁸⁰ T abrège: покаѣ сѣ і тѣ і прощеніѣ і м(и)л(о)стѣ приѣмѣши ѿ б(о)га. Хоцѣши ли да ти поману Д(а)в(ѣ)да; Паде великыѣ, etc. (l. 11). — ¹⁸¹ благодать Tr (S блѣдѣти dans Chil. II r¹, 3, éd. Kul'bakin). — ¹⁸² шѣоудѣ U, безъ-заворѣнѣ сѣѣѣ поставѣи люди R (supposant également une lecture шѣдѣ = чѣдѣ). — ¹⁸³ в кѣпѣ S¹ R. — ¹⁸⁴ колнко R. — ¹⁸⁵ отъпоуштатъ S Tr U, ѿпѣша(ѣ)тъ Sol (avec e rajouté sur la ligne), ѿпѣшаѣтъ S¹ R. — ¹⁸⁶ ѿ тѣѣ R, и om. S, etc. — ¹⁸⁷ занѣ едѣнѣи токъмо R. — ¹⁸⁸ доволно S¹ Tr (довѣлно R, mais avec лъ pour ол, hyperdialectisme graphique). — ¹⁸⁹ хошти S Tr (3 ex.), хоцѣши S¹ Sol U (3 ex.), R (2 ex.), T (1 ex.). — ¹⁹⁰ да ти инъ S, etc., да ѿ инѣи R. — ¹⁹¹ ѿпоукѣ R. — ¹⁹² Remaniement dans R et T: хоцѣши ли . помѣнѣ дѣѣ блѣжнѣ . како тои паде R (la fin altérée de отъпадѣ), хоцѣши ли да ти поману дѣѣда паде T. — ¹⁹³ пладънѣ S Sol Tr (плѣнѣ U), пладѣнѣи S¹, полѣ днѣ T: паде великое падѣнѣ кѣ полѣднѣ R. — ¹⁹⁴ хо(д)мъ T: хотѣмъ S, etc. (на полатѣ тѣ видѣти S¹), R: peut-être faute ancienne de l'archétype de tous les manuscrits, corrigée dans T. — ¹⁹⁵ кнѣѣ же Еирсѣвѣж R. — ¹⁹⁶ члѣчскы R: члѣчскыи S, члѣкъ T. — ¹⁹⁷ блѣгороазмнѣи T, ѿ не ѣвѣ сѣ, нѣ ѣмѣ блѣгороазоуѣи R. — ¹⁹⁸ на ѣбличеніѣ T. — ¹⁹⁹ цѣро сѣшѣмъ T. — ²⁰⁰ смѣрдѣ T: сѣмър'тъ S, etc. — ²⁰¹ вѣнѣнскыи Sol, полѣкы вѣнѣнскыи S¹, полѣкъ сѣнѣи T. — ²⁰² і видѣши роі ангѣлѣ T. — ²⁰³ при-шѣшѣмѣоуѣмъ S¹, -шѣмѣ T, -шѣмъ Tr R. — ²⁰⁴ посѣлакъшѣоуѣмъ S¹, -шѣмъ Tr R, ѿ немъ . посѣлакъшѣмѣ і T. — ²⁰⁵ гѣ T. — ²⁰⁶ смѣрѣнѣи T S¹: сѣмѣшѣннѣ S, etc. — ²⁰⁷ ли manque dans T. — ²⁰⁸ еѣда . . . еѣда S¹ R; les deux phrases sont supprimées dans T. — ²⁰⁹ мнозин S, lu мнози . ѿ Sol: мнози S¹.

ἔλεγχος οὐ παρῆν· καὶ κεῖνος ὁμολογεῖ τὸ κακόν. Ἐπειδὴ εὐγνωμόνως ὁμολόγησεν, ὀξυτάτην ἔσχε τὴν ἰατρείαν καὶ ἀπλὴν⁶⁴. Ναθάν ὁ ἐλέγξας· (II Reg., XII, 13) «Καὶ Κύριος παρεβίβασε τὴν ἁμαρτίαν⁶⁵ σου». Βλέπεις ὀξυτάτην θυμοῦ μεταβολήν; (II Reg., XII, 14) «Πλὴν παροξύνων παρώξυνας τοὺς ἐχθροὺς Κυρίου». Πολλοὺς ἔσχε τοὺς ἐχθροὺς, ἀλλ' ἐφρούρει σε ἡ σωφροσύνη· νῦν δὲ παρώξυνας διὰ τὴν γενομένην ἁμαρτίαν.

XII. Ἄλλ' εἰ καὶ (τὰ) μάλιστα ἐκεῖνος εἶπεν· «Παρεβίβασε Κύριος τὸ ἁμάρτημά σου», οὐκ ἀπέστη τῆς μετανοίας ὁ βασιλεὺς. Περιεβάλετο σάκκον ἀντὶ πορφύρας, ἀντὶ χρυσοκολλήτων θρόνων ἐπὶ σποδοῦ καὶ γῆς ἐκαθέζετο⁶⁶. Ἄλλὰ καὶ σποδὸν εἶχε (τὴν) βρωσιν, καθὼς αὐτὸς φησιν· (Ps. CI, 10) «Ὅτι σποδὸν ὥσει ἄρτον ἔφαγον». Ἐξέτηξε δάκρυσι τὸν ἐπιθυμητὴν ὀφθαλμόν⁶⁷. Οἱ ἄρχοντες παρεκάλουν φαγεῖν ἄρτον, καὶ οὐκ ἐπείθετο· εἰς ἐβδόμην ὁλόκληρον ἡμέραν παρέτεινε τὴν νηστείαν. Βασιλεῖς οὕτως ἐξομολογοῦνται, σὺ ὁ ἰδιώτης οὐκ ὀφείλεις⁶⁸ ἐξομολογεῖσθαι⁶⁹; Καὶ μετὰ τὴν τοῦ Ἀβεσσαλώμ ἐπανάστασιν⁷⁰, πολλῶν οὐσῶν ὁδῶν τῆς φυγῆς, διὰ τοῦ ὅρους τῶν Ἐλαιῶν φεύγει, μονονουχὶ τὸν Λυτρωτὴν ἐπικαλούμενος. Καταρωμένου αὐτὸν τοῦ Σεμεὶ λέγει· (II Reg., XVI, 10–12) «Ἄφετε αὐτόν, ὅπως ἐπίδη ὁ Θεὸς ἐπὶ τὴν ταπείνωσίν μου».

XIII. Βλέπεις ὅτι καλὸν τὸ ἐξομολογήσασθαι; βλέπεις ὅτι ἔστι σωτηρία; Καὶ Σολομὼν ἐκπέπτωκεν· ἀλλὰ φησιν· τί καὶ⁷¹ λέγει; (Prov., XXIV, 32) «Ὑστερον

⁶⁴ καὶ ἀπλὴν Coisl. (καὶ πάλιν Ναθάν Ottob.): Sl «une guérison rapide et simple. Et Nathan (= Ναθάν δέ)»; toutes ces leçons sont altérées, sans doute de καὶ ἀπλῶς (ou ἀπλῆ?) Ναθάν, etc. — ⁶⁵ Var. τὸ ἁμάρτημα. — ⁶⁶ Var. ἐκάθητο et καθημέμος. — ⁶⁷ Sl «les yeux», duel. — ⁶⁸ Sl «et toi . . . tu ne veux pas», mais «et» est une addition naturelle, et le verbe «vouloir» rend parfois ὀφείλειν (par ex. Jagić, *Psalt. Bonon.*, Comm. à Ps. CV, 33^b). — ⁶⁹ Var. ἐξομολογήσασθαι. — ⁷⁰ Sl ajoute: «contre lui». — ⁷¹ καὶ manque dans Sl.

пр(о)р(о)къ приде²¹⁰, обличьникъ не приде · и онъ исповѣдають зломъ. Пониже
 бл(а)гоуѣмьнѣ исповѣдѣ²¹¹, скоро имѣ исцѣлении²¹² и просто. Наданъ же
 обличь*выи · И г(оспод)ъ мимоведе грѣхъ твои. Видиши ли скорѣмъ гнѣвоу Fol. 14^v
 прѣложенни²¹³; Обаче раздражаа раздражиа иси врагы г(оспод)ъна. Многы
 5 имѣ врагы, нъ блудаше тѣ цѣломоудри · нынѣ же раздражи быкъшима
 грѣхомъ.

ХІІ. Нъ обаче аште и онъ рече · Мимоведе г(оспод)ъ²¹⁴ грѣхъ твои, не остоу-
 ни²¹⁵ поканиа ц(ѣс)арь. Облѣ(че)²¹⁶ сѣ въ сажинѣ²¹⁷ остро въ багрянниц(ѣ)²¹⁸
 мѣсто, въ златоокованыхъ мѣсто прѣстолю²¹⁹ на попелѣ²²⁰ и земли сѣде. Нъ
 10 и попелѣ²²⁰ имаше пѣдь, такоже самъ рече · Яко²²¹ попелѣ²²⁰ яко²²² хлѣбъ пѣхъ²²³.
 Истан слъзами похотѣлиѣчи очи. Болѣре [рече] молѣхутъ и²²⁴ исти хлѣбъ, и
 не хотѣаше · на · ѿ · днѣ испильнъ простѣре поштеніи. Ц(ѣс)арь тако²²⁵ исповѣ-
 дають сѣ, а ты радъникъ сы не хошѣши²²⁶ исповѣдати сѣ. И²²⁷ по ѿвеса-
 ломни въстани на нѣ, многомъ соштемъ поутѣмъ бѣственомъ²²⁸, горюю* Fol. 15^v
 15 бле(о)ньскою²²⁹ бѣжитъ, тѣчииж не призываетъ избежитѣлѣ. Проклинавшюу и
 б(е)моу²³⁰ гл(агола)аше · Не дѣйте его, да призвритъ б(ог)ъ на сѣмѣ-
 ренни²³¹ мое.

ХІІІ. Видиши ли тако добро есть иже исповѣдати; видиши ли тако есть сп(а)-
 сеніи; И Голомонъ отъпаде · нъ рече · чьто гл(агола)тъ; Послѣдъ азъ покаахъ

²¹⁰ T abrège: приде і ѿблчи і. Понеже блгоуѣмнѣ исповѣда, Нафанъ рѣ · Гѣ ѿиатъ
 грѣхъ твои. Видиши ли, etc. (l. 3). — ²¹¹ Исповѣда T. — ²¹² ицѣлениѣ Sol. — ²¹³ Après пре-
 ложениѣ, T présente un texte différent: Нъ видиши ли како Д(а)в(ы)дъ, а і ц(ѣс)арь
 сы, толѣкѣ славу имѣа, на пришедъшаго ѿблचितъ не возъири сѣ; Нъ і ты ѿбл-
 чаемъ ѿ грѣсѣ терпи крѣпко, да і прощеніе ѿт б(ог)а полъчиши. Ц(ѣс)арь не
 посрами с(ѣ) ѿблѣчаемъ, не ѿстыдѣ сѣ народа сѣшаго с нимѣ, нъ съскочи съ
 пр(ѣ)ст(о)ла і поклони с(ѣ) предъ пр(о)р(о)комъ · Г(оспод)е! ѿ сѣгрѣшихъ, гл(агола)а.
 Нафанъ же ѿблचितъ, видѣ ѿмилени и смѣрени ц(ѣс)ар(е)во, ѿтѣша ·
 І г(о)с(под)ъ ѿиатъ (грѣхъ) твои. Нъ ѿбаче, etc. (l. 7). — ²¹⁴ і гѣ мимоведе T. —
²¹⁵ ѿстѣпи T S¹ Sol Tr. — ²¹⁶ облѣ S, avec la trace d'une ou deux lettres effacées:
 ѿблече Sol, etc. — ²¹⁷ врѣтише R. — ²¹⁸ багрянница T, ѿ въ мѣсто багрянница R:
 багрянницюу S, etc. — ²¹⁹ въ златокована мѣсто престола T, (багрянница) златѣ
 ѿкованныа, въ мѣсто же прѣтла, на голѣй зѣмліи сѣде R. — ²²⁰ пепел- S¹. —
²²¹ зане T = Ps. CI, 10 зане Buc. (иде Sin., etc.). — ²²² акы T. — ²²³ пѣхъ S Sol (cf.
 ꙗкъ Ps. Sin. Pog. Sof.), ѿдаахъ T S¹ Tr (cf. Bon. Buc.) — ²²⁴ болѣре · рече молѣ-
 хутъ ѿ S Sol Tr U, болѣре соутъ молѣхутъ и S¹, ce qui restitue сѣтъ «dit-il» dans
 l'original de S et S¹; сѣниі (его) молѣхутъ и T (la lecture ego est conjecturale: le
 mot est raturé), боѣре молѣха R (sans и). On peut supposer: болѣре (сѣ) молѣхутъ
 исти, avec le complément имоу non exprimé, sur le modèle du grec. — ²²⁵ T est
 altéré: на сѣмъ днѣ исполнъ пощеніи ∴ присно тако. — ²²⁶ не хошѣши ли T. —
²²⁷ Lacune importante dans T, jusqu'à бѣ і манасин (9, 14). — ²²⁸ бѣственомъ S Sol Tr,
 бѣдѣственомъ S¹, пѣтѣ коудѣ бѣжати ѿмѣ R. — ²²⁹ ѿлѣньскою S¹, ѿлѣньскою
 R: ѿлѣньскою S Tr U, ѿлѣ(ѿ)ньскою Sol (ѿ rajouté sur la ligne). — ²³⁰ (ѿгò) сѣмею R:
 (проклинааше) ѿ сѣмъ S¹, ѿсѣмоу S, etc. (ѿсѣменоу Sol). — ²³¹ смиреніѣ Sol S¹.

ἐγὼ μετενόησα». Καὶ ὁ Ἀχαάβ γέγονε⁷² παρανομώτατος, εἰδωλολάτρης ἐξαίσιος, ὁ προφητοκτόνος, ὁ ἀλλότριος τῆς εὐσεβείας, ἀλλοτρίων ἀγρῶν ἐπιθυμητής· ἀλλ' ὅτε τὸν Ναβουθαὶ ἀπέκτεινεν, ἐλθόντος Ἡλίου τοῦ προφήτου καὶ μόνον ἐπαπειλήσαντος, περιεβάλετο σάκκον καὶ ἔρρηξε⁷³ τὰ ἱμάτια. Καὶ τί φησιν ὁ φιλόανθρωπος Θεός; (III Reg., XXI, 29) «Ἐώρακας⁷⁴ πῶς κατενύγη Ἀχαάβ ἀπὸ προσώπου μου;» μονονουχὶ ἡμεροῖ⁷⁵ τὸ διάπυρον τοῦ προφήτου συγκαταβῆναι. (Ibid.) «Οὐκ ἐπάξω γάρ, φησί, τὴν κακίαν ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτοῦ». Καὶ μετὰ τὴν ἀφесιν οὐκ ἀπέστη τῆς πονηρίας· καὶ συνεχῶρει ὁ συγχωρῶν, οὐκ ἄγνω⁷⁶ τὸ μέλλον, ἀλλὰ τῷ προσκαίρῳ τὸ δέον ἀποδιδούς. Δικαίου γάρ δικαστοῦ ἐστὶ πρὸς ἕκαστον τῶν γινομένων⁷⁷ δικαίως ἀποκρίνασθαι.

XIV. Πάλιν (δ) Ἱεροβοάμ εἰστήκει ἐπὶ τοῦ θυσιαστηρίου⁷⁸. Ξηρὰ γίνεται⁷⁹ αὐτοῦ ἡ χεὶρ, ἐπειδὴ ἐκέλευσε συλληφθῆναι τὸν προφήτην. Αὐτῇ τῇ πείρᾳ ἐπιγνοῦς⁸⁰ τὴν ἐνέργειαν τοῦ ἐλθόντος⁸¹, λέγει· (III Reg., XIII, 6) «Δεήθητι τοῦ Κυρίου, καὶ⁸² κατασταθῇ ἡ χεὶρ μου». Διὰ⁸³ τὸ εἰπεῖν τὸν Ἱεροβοάμ· Δεήθητι, ἰάσατο⁸⁴ ὁ προφήτης· σὲ ἄρα ὁ Χριστὸς οὐ δύναται ἰάσασθαι; Γέγονε καὶ Μανασσῆς παρανομώτατος, ὁ τὸν Ἡσαίαν πρίσας⁸⁵· τί τούτου παρανομώ(ερον); Αἰχμάλωτος ἀπῆλθεν⁸⁶ εἰς Βαβυλῶνα, ἐπάξια παθὼν τῆς αὐτοῦ προαιρέσεως ὑπὸ τῶν ἐχθρῶν. Ἀλλὰ τί λέγει ἡ Γραφή; (II Paral., XXXIII, 12–13) «Ἐταπεινώθη Μανασσῆς καὶ ἐξωμολογήσατο τῷ Κυρίῳ, καὶ εἰσήκουσε Κύριος, καὶ ἐπανήγαγεν αὐτὸν εἰς τὴν βασιλείαν». Ὁ τὸν προφήτην πρίσας διὰ μετανοίας ἐσώθη· καὶ σὺ τῇ μετανοίᾳ ἀπιστεῖς;

XV. Βούλεσθε γινῶναι τὸ ἰσχυρὸν τοῦτο τῆς σωτηρίας ὅπλον, πόσον ἐξομολόγησις ἰσχύει καὶ κατὰ τῶν πολέμων; Ἐκατὸν ὀγδοήκοντα πέντε χιλιάδας Ἐζεκίας δι' ἐξομολόγησεως ἐτρέψατο. Καὶ τοῦτο ἔτι δὲ μικρόν⁸⁷· ἀπόφασιν Θεοῦ ἔλυσεν διὰ μετανοίας. Νοσήσαντι γάρ⁸⁸ αὐτῷ (δ) Ἡσαίας φησὶν· (Isaïe, XXXVIII, 1 = IV Reg., XX, 1) «Ἀποθνήσκεις σὺ καὶ οὐ ζήσῃ». Ποία λοιπὸν⁸⁹ προσδοκία, ποία ἐλπίς εἰς σωτηρίαν, τοῦ προφήτου λέγοντος; Ἀλλ' οὐκ ἀπέστη τῆς μετανοίας, ἀλλὰ μεμνημένος

⁷² γέγονε manque dans Sl, et ce peut être la bonne leçon. — ⁷³ Var. διέρρηξε; Sl «il se vêtit . . ., ayant déchiré», soit que le traducteur ait lu (δια)ρρηξας, soit qu'il ait voulu rétablir l'ordre logique des deux actes, d'après III Reg., XXI, 27. — ⁷⁴ Sl «j'ai vu» (qui peut être altéré de «tu as vu»), et la phrase n'est pas interrogative. — ⁷⁵ Sl «apaisant» = ἡμερῶν, leçon peut-être primitive (cf. la variante πείδων). — ⁷⁶ Var. οὐκ ἀπιδῶν. — ⁷⁷ Var. γεγεν(ν)ημένων. — ⁷⁸ Var. ἐπὶ βωμοῦ, ἐπὶ τῷ βωμῷ. — ⁷⁹ Var. γέγονεν: Sl «fut» ne prouve rien. — ⁸⁰ Var. γνοῦς. — ⁸¹ Var. παρόντος (que la traduction slave «venu» admet aussi, cf. 8,1). — ⁸² Sl «pour que». — ⁸³ Sl «et parce que» = καὶ διὰ. — ⁸⁴ Sl «et (le) guérit», d'après les mss.: l'addition de la particule de coordination entre la phrase subordonnée et la phrase principale est un fait slave, et plus probablement slavon que vieux-slave. — ⁸⁵ Les manuscrits slaves présentent des traces d'une addition: «avec une scie en bois» = πρίονι ξυλίνῳ. — ⁸⁶ Sl «fut conduit», qui paraît supposer une leçon meilleure ἀπήχθη (cf. la variante ἀχθεῖς). — ⁸⁷ Sl «et par là même encore peu». — ⁸⁸ γάρ manque dans Sl. — ⁸⁹ λοιπὸν manque dans Sl, qui, à ce mot inutile près, concorde ici avec la première version des éditions, le texte de la seconde version accusant un dérangement.

сѧ. И ѿхакъ законопрѣстоупникъ, и до слоужитѣль издрѣднѣ²³², пр(о)р(о)-
кооубницѣ, стоуждин²³³ отъ благочестнѧ, шѣждимъ²³³ сѧломъ похотѣникъ²³⁴.
нѣ ѿгда Наоудѣа оуби, пришѣдѣшоу Илии пр(о)р(о)коу и тѣчию попрѣтнѣ-
шоу, обѣаѣ сѧ къ сѧгъ, раздѣравѣ ризы своѧ. И что рече чловеколюбивыи
5 в(о)гъ; Видѣхъ како оумиан сѧ ѿхакъ прѣдѣ лицемъ моимъ · тѣчию не кротѧ
ражѣженимъ пр(о)р(о)ча²³⁵ съннѣти. Не наведоу бо, рече, зѧли²³⁶ въ дѧни ѿго. И по
оставленнѣи не отъстоупи отъ зѧн · и праштаѧи пра²³⁷шташе²³⁷, не неѣдѣты боу- Fol. 15^v
доуштаѧго, нѣ противоу вѣрѣмни²³⁸ подобноу отъдаѧ. Правѣдика бо соудѧѧ
и сѣтъ къ конмоуждо бывающимъ правѣднѣк отъвѣштати²³⁹.

10 XIV. Паки Ерокоамъ стоѧше при трѣбѣницѣ. Соуха бысть ѿмоу роука,
нѧмѣже повелѣ ѧти пр(о)р(о)ка. Еѧмѣмъ искоусомъ познаѣтъ дѣиство пришѣдѣ-
шаѧго, гл(а)голютъ · Помоли сѧ г(о)сподѧ²⁴⁰ да ми сѧ оустронѣ роука. И занѣ
рече Ерокоамъ · Помоли сѧ, и исцѣли и пр(о)р(о)кѣ · ани тебе²⁴¹ Х(ри)сто сѧ не
можетъ исцѣлѣти²⁴²; Бысть и Манаси²⁴³ законопрѣстоупникъ, иже Исаниѧ
15 прѣтѣр(ѣ)²⁴⁴ · что сѧго законопрѣстоупникѣ; Плѣнѣнъ ведѣнъ бысть въ Ба-
вилонъ²⁴⁵, достонна²⁴⁶ примѣтъ сконго изволеннѧ отъ врагѣ²⁴⁷. Нѣ что гл(а)-
голютъ книгы; Еѧмѣри²⁴⁸ сѧ Манаси (и) исповѣда²⁴⁹ сѧ г(о)сподѧ²⁵⁰, и оу-
слыша и г(о)сподѧ²⁵¹, и възврати и пакы въ ц(ѣ)рствѣ²⁵². Прѣтѣрын пр(о)-
р(о)ка покаа²⁵³ниимъ сп(а)се сѧ · а ты покааниѧ не ѧмѧиши вѣрѣ²⁵³.

Fol. 16^r

20 XV. Хошете ли познати крѣпѣкомъ се съпасениѧ ороужие, колико можетъ
исповѣданиѧ и на рѣтнѧмъ; ꙗ ꙗ ꙗ · тысячѣ²⁵⁴ Иезекиѧ исповѣда(ни)имъ²⁵⁵ по-
бѣди. И сѧмъ и²⁵⁶ еште мало · отъречениѧ в(о)жнѣ раздрѣши покаанимъ. Въз-
болѣвѣшоу ѿмоу Исаниѧ рече · Оумѣрѣши ты и не боудѣши живѣ. Кон чапаниѧ,
каѧ²⁵⁷ надежда въ сп(а)сениѧ, пр(о)р(о)коу глаголющѣ; Нѣ не остоупи²⁵⁸ отъ
25 покааниѧ, нѣ помѧнѣѣ написан(о)и²⁵⁹. ѿгда отъврашѣ сѧ въздѣхнѣши,

²³² ѿздрѣднѣ S Sol Tr, ѿзрѣдѣнѣ S¹, ѿ ѿзрѣдѣнѣ прѣкооубѣйца R. — ²³³ стѣ-
ждѣн... ѿ шѣждѣимъ Tr, стѣждѣимъ... ѿ тоуждимъ Sol (mais avec ѿ par correction
postérieure sur c ou ш), чюждѣн... чюждѣн U, стѣжѣимъ сѧлѣ S¹ (un membre de
phrase omis), чюжѣ блгочестнѣ, ѿ чѣжѣимъ R. — ²³⁴ похѣтѣникъ R. — ²³⁵ про-
рочѣскаго S¹. — ²³⁶ слѧ S¹. — ²³⁷ прощѧше R. — ²³⁸ вѣрѣмни S¹. — ²³⁹ ѿвѣшѣ-
каѧти S¹. — ²⁴⁰ къ гѣу S¹. — ²⁴¹ тебе Tr. — ²⁴² ѿ(с)цѣлѣти Sol (avec c rajouté). —
²⁴³ манасѣн цѣрѣ T, qui reprend ici. — ²⁴⁴ ѿсайѣ прѣтѣрѣ S, etc., ѿсайѣ прѣрѣ прѣ-
терѣ S¹, ѿсайѣ пѣлоу дрѣвѣиѧю прѣтерѣ T. — ²⁴⁵ вавѣлонъ T, вавѣлонъ Tr S¹. —
²⁴⁶ достѣиѧѣ T. — ²⁴⁷ ѿврагѣ («avorton») T. — ²⁴⁸ смири сѧ Tr S¹. — ²⁴⁹ мана-
сий исповѣда сѧ S Sol, манасѣн ѿсповѣда сѧ S¹; T est remanié (d'après II Paral.,
XXXIII, 11): нѣ что затворѣнъ бѣи въ мѣдѣ · ѿ исповѣда сѧ. — ²⁵⁰ гѣи T S¹. —
²⁵¹ ѿ слыша гѣи мѣтѣу ѿго T (d'après II Paral., XXXIII, 13). — ²⁵² въ цѣрѣво
пакы T. — ²⁵³ Aprѣс вѣрѣ, T abrѣge: ѣстанѣ сѧ ѿ тѣи ѿвѣчѣѣи прѣвѣи гѣхѣ ·
възврати сѧ, etc. (10, 8). — ²⁵⁴ тысячѣ S¹. — ²⁵⁵ ѿсповѣданѣмъ S, etc. (ѿсповѣ-
да(нѣ)ѣмъ Sol, par addition sur la ligne). — ²⁵⁶ ѿм. S¹. — ²⁵⁷ коѧ S¹ Tr. —
²⁵⁸ ѿстѣпи Sol Tr. — ²⁵⁹ написаниѧ S, etc. (пис. S¹, sans на).

τοῦ γεγραμμένου· (Isaïe, XXX, 15) «Ὅταν ἀποστραφεῖς⁹⁰ στενάξης, τότε σωθήσῃ», ἀπεστράφη⁹⁰ εἰς τὸν τοῖχον, καὶ τείνας τὴν διάνοιαν διὰ τῆς προσευχῆς⁹¹ εἰς τὸν οὐρανόν· (IV Reg., XX, 3) «Κύριε, φησίν, μνήσθητί μου». Αὐταρχες γὰρ εἰς ἱατρειάν⁹² τὸ σὲ μνησθῆναί μου. Οὐκ ὑποβέβλησαι⁹³ χρόνοις, ἀλλ' αὐτὸς εἰ τῆς ζωῆς (δ) νομοθέτης. Οὐ γὰρ κατὰ γένεσιν καὶ πλοκὴν ἄστρον ζῶμεν, ἀλλ' ὅτε⁹⁴ βούλει. Καὶ ᾧ τὸ ζῆν εἰς ἀτελπισίαν περιέστη⁹⁴, τούτῳ πεντεκαϊδεκαετῆς χρόνος εἰς ζωὴν προστετέθη· καὶ τὸ σημεῖον· δέκα ἀναβαθμοὺς ὃ ἥλιος ὑπέστρεψε. Διὰ δὲ τὸν Ἰησοῦν (δ) ἥλιος ἐξέλειπεν, οὐκ ἀναποδίσας, ἀλλ' ἐκλιπών, καὶ δεῖξας⁹⁵ τὴν διαφορὰν ἐκατέρων. Καὶ ὁ μὲν ἴσχυσεν ἀπόφασιν Θεοῦ λῦσαι· Ἰησοῦς δὲ οὐ χαρίζεται ἄφεσιν ἁμαρτιῶν; Ἀπόστρεψον καὶ στέναξον καὶ αὐτός· ἀπόκλεισον τὴν θύραν, καὶ πρόσκειναι ἵνα σοι ἀφειθῇ, ἵνα σου περιέλῃ τὰς φλόγας τὰς καυστικές⁹⁶. Ἰσχύει γὰρ ἐξομολόγησις σβέσαι καὶ πῦρ, ἰσχύει καὶ λέοντας ἡμερῶσαι.

XVI. Εἰ δὲ ἀπιστεῖς, ἐννόησον τί⁹⁷ συγκατέβη τοῖς περὶ τὸν Ἀνανίαν. Ποίας ἐπέχεαν πηγάς; Πόσοι ξέσται ὕδατος τὴν ἐπὶ τεσσαράκοντα ἐννέα πῆχεις φλόγα⁹⁸ σβέσαι ἠδύναντο; Ἀλλ' ὅπου ὀλίγον ὑπερανέβη ἡ φλόξ, ἐκεῖ ποταμηδὸν ἐξεχύθη ἡ πίστις, καὶ ἐκεῖ ἔλεγον τὸ ἀντιφάρμακον τῶν κακῶν· (Dan., III, 27) «Δίκαιος εἰ ἐπὶ πᾶσιν οἷς ἐποίησας ἡμῖν», καί· (Dan., III, 29) «Ἡμάρτομεν καὶ ἠδικήσαμεν»⁹⁹. Καὶ ἡ μετάνοια ἔλυσε¹⁰⁰ τὰς φλόγας. Εἰ ἀπιστεῖς ὅτι δύναται σβέσαι τὸ τῆς γεέννης πῦρ ἡ μετάνοια, ἐκ τῶν περὶ τὸν Ἀνανίαν γεγενημένων μάθε¹⁰¹. Ἀλλ' ἐρεῖ τις τῶν ὀξέως ἀκροωμένων· ἐκείνους ὃ Θεὸς δικαίως ἐρρῦσατο τότε¹⁰² διὰ (γὰρ)¹⁰³ τὸ μὴ θελῆσαι εἰδωλολατρῆσαι, ἔδωκεν αὐτοῖς ὃ Θεὸς τὴν δύναμιν. Ἐπειδὴ δὲ τοῦτο¹⁰⁴ παρέστη, ἔρχομαι λοιπὸν ἐφ' ἕτερον τύπον μετανόιας.

XVII. Τίνα ὑπόνοιαν ἔχεις περὶ Ναβουχοδονόσορ; Οὐκ ἤκουσας ἀπὸ τῶν Γραφῶν

⁹⁰ Sl distingue les deux verbes: «s'étant détourné... il se tourna»; il répond à ἀποστραφεῖς Coisl. et non à la variante ἐπιστραφεῖς Ottob., mais il suppose peut-être dans le second cas une leçon ἐπεστράφη. — ⁹¹ Sl «une pensée de prière», mais il doit s'agir d'une altération des manuscrits slaves, plutôt que d'une chute de διὰ dans l'original grec. — ⁹² Sl «car il me suffit pour la guérison», mais le pronom datif est appelé par la traduction et n'est pas une confirmation de la variante εἰς ἱατρειάν ἐμοί Roe. — ⁹³ Sl ajoute «car». — ⁹⁴ Lacune dans Sl, qui joint ἀλλὰ τούτῳ. — ⁹⁵ Sl «et il montra». — ⁹⁶ Sl «que te soit enlevée la flamme brûlante», avec le verbe au passif et le substantif au singulier. — ⁹⁷ εἰ... ἐννόησον manque dans Sl: «Qui a descendu avec...?» = τίς συγκατέβη τοῖς... (l'ange qui descendit dans la fournaise, Dan., III, 49). — ⁹⁸ Sl «la flamme étant à quarante-neuf coudées», avec «étant» qui répond régulièrement à l'article τὴν et qui exclut la leçon ἀνερχομένην Roe. — ⁹⁹ Le slave répond plutôt à ἠδικήσαμεν qu'à la variante ἠνομήσαμεν, introduite d'après le texte de Daniel. Des manuscrits attestent, en slave comme en grec, la correction ἡμάρτομεν γὰρ, avec γὰρ pour le premier καί. — ¹⁰⁰ Var. ἔπαυσεν: Sl «éteignit». — ¹⁰¹ Sl «sois persuadé». — ¹⁰² τότε manque dans Sl. — ¹⁰³ γὰρ est douteux en slave, comme en grec: les mss. divergent. — ¹⁰⁴ δὲ τοῦτο n'a pas de correspondant dans la traduction slave, qui paraît signifier «puisque la chose est présentée».

тѣгда сп(а)сешн сѧ, обрати сѧ къ стѣнѣ, и простѣрь мысль м(о)л(и)твеннѧ²⁶⁰
 на н(е)бо · Г(оспод)и, рече, помани мѧ. Докълѣтъ²⁶¹ бо ми на исцѣлении неже
 ты мѧ поманешн. Не лежи(ши)²⁶² бо подѣ лѣты, нѣ самѣ иси житию законо-
 ложителѧ²⁶³. Не по бытиѧ бо и съложению звѣзданоуоумоу живе*мѧ. Нѣ²⁶⁴ Fol. 16^v
 5 семоу · ѿ · лѣтъ вѣкѧ на животѣ приложи сѧ · и знаменни · ѿ · степенѣ слынце
 къспати сѧ. И(соу)с(а)²⁶⁵ же ради сѣнце иштезѧ, не въспѣтивѣ сѧ, нѣ по-
 мръкѣ, и показа разньство обоу. И съ же къзможе оскждени б(о)жнѧ разо-
 рити, а И(соу)сѣ не дастѣ ли оставлениѧ грѣховѣ; Възврати сѧ и въздѣхн
 и ты · затвори двѣри, и помоли сѧ да ти сѧ отъдастѣ (, да ти сѧ штиметѣ)²⁶⁶
 10 пламы²⁶⁷ жьгаи²⁶⁸. Можеть бо исповѣдании оуга(си)ти²⁶⁹ огнь, можеть и
 лѣтъ(и)²⁷⁰ оукротити.

XVI. Кто²⁷¹ съниде съ Янаниноу чаднѧ; Кыа изаиаша источникы; Колико
 вѣдърѣ²⁷² воды соушти²⁷³ на[дѣ] · ѿ · лакѣтъ²⁷⁴ пламы²⁷⁵ оугасити можааше;
 Нѣ идеже малы прѣкъзидѣ²⁷⁶ пламы²⁷⁷, тоу рѣкою изаи сѧ вѣра, и²⁷⁸ тоу
 15 гл(агол)ахоу соупротивнѧмъ лѣчьбоу зѣлѧ²⁷⁹. Правдѣнѣ иси * о въскѣхъ²⁸⁰ Fol. 17^v
 аже створи намѣ · (и) съгрѣшихомъ [бо]²⁸¹ и не оправдихомъ. И покании
 оугаси пламени²⁸². Яште²⁸³ не вѣроуши тако можеть оугасити геоньскаго огнь
 покании, отъ быкъшихъ на Янанинѣ чадн оуѣри²⁸⁴ сѧ. Нѣ речеть нѣкто
 острѣ послѣшашти²⁸⁵ · оны б(о)у правдѣнѣ избави · зане бо²⁸⁶ не въскхо-
 20 тѣшѧ капиштоу послѣжити, дастѣ имѣ б(о)у снаоу. Поне прѣди стонтѣ, то
 придоу оуже на држгыи образѣ покании.

XVII. Ком непѣштевани иماشн о Навѣходоносорѣ; Не слыша ли отъ книгѣ

²⁶⁰ мѣтвенноу Sol; lire sans doute молитвенноу. — ²⁶¹ докълѣтъ S Sol (avec k raturé), Tr, доклѣ U, доклѣтъ S¹. — ²⁶² не лежиши бѣ тѣмъ R: не леши S¹, не лежи S, etc. —
²⁶³ законоположитель Sol. — ²⁶⁴ Lacune, mais qui peut remonter à l'original grec. —
²⁶⁵ ѿа S¹ Sol: · ѿ · S (chiffre), Tr. — ²⁶⁶ Lacune de S, etc., comblée par T et R. —
²⁶⁷ пламы S Sol Tr U S¹, пламень R, ѿгнь T. — ²⁶⁸ жьгаи S, etc., жьгѣ S¹, жгѣи T,
 жгѣи R. — ²⁶⁹ оуга(си)ти S (avec si rajouté, d'une autre encre), оуго ѿгнь S¹, можеть
 бо ѿгнь шгасити исповѣданиѣ T. — ²⁷⁰ лѣтъ T S¹, лѣтъ S, etc. — ²⁷¹ T abrège:
 колико бо водоносѣ воды, etc. — ²⁷² вѣдърѣ S, etc. (вѣтрѣ S¹), R: водоносѣ T. —
²⁷³ сѣши T, сѣше R. — ²⁷⁴ на ѿ · лакѣ R, на · ѿ · рѣдесати ѿ · ѿ · локотѣ T:
 на · ѿ · лакѣтъ S, etc. (· ѿ · ѿ · S¹), supposant une graphie analogue à celle
 de T. — ²⁷⁵ пламы S, etc., S¹ T, пламень R. — ²⁷⁶ превзыде Tr. — ²⁷⁷ пламы S, etc.,
 S¹, пламень T R. — ²⁷⁸ ом. T. — ²⁷⁹ зѣлѧ S, etc. (зелен Tr), зѣлѧ S¹, противнѣю
 лѣчьбѣ зан T. — ²⁸⁰ въскѣхъ T. — ²⁸¹ ѿ съгрѣшихомъ T: съгрѣшихомъ бо
 S, etc. (d'après Dan., III, 29). — ²⁸² пламень T. — ²⁸³ аше ѿ T. — ²⁸⁴ скѣримъ сѧ T. —
²⁸⁵ Après послѣшашѣ, T abrège: зане не послѣжиша капишоу, пр(а)вдѣнѣ б(о)у
 избави мѧ. Нѣ вижѣ збо Навѣходоносорѣ тако кровопадець скертѣи и лѣвекѣ шюдѣ
 имѣа бѣ. Градѣ попѣлѣи, црѣвь пожьже, съсоудѣ с(ка)тѣмъ изнесѣ въ ндолю-
 скоѣ трѣбѣи внесѣ. Колика казнии, etc. (11,9). — ²⁸⁶ зане T (sans бо, mais le passage
 est remanié): lire peut-être занеже S¹.

ὅτι αἰμοβόρος, ἀγριώδης, λεοντώδης τὴν προαίρεσιν ἔχων¹⁰⁵; Οὐκ ἤκουσας ὅτι τὰ ὁστέα τῶν βασιλέων ἐκ τῶν τάφων ἐξήνεγκεν εἰς τὸ φῶς; Οὐκ ἤκουσας ὅτι τὸν λαὸν ἐξηχμαλώτευσεν; Οὐκ ἤκουσας ὅτι τοὺς ὀφθαλμοὺς τοῦ βασιλέως¹⁰⁶ ἐξετύφλωσε, προιδόντος¹⁰⁷ τὰ τέκνα ἐσφαγμένα; Οὐκ ἤκουσας ὅτι τὰ χερουβὶμ συνέτριψεν, οὐ λέγω τὰ νοητά, ἄπαγε, μὴ τοῦτο ὑπολάβῃς, ἀνθρῶπε, ἀλλὰ τὰ γλυπτὰ, ὧν ἀνάμεσον ἐλάλει ὁ Θεὸς φωνῇ; Τὸ καταπέτασμα τῆς ἁγιοσύνης κατεπάτησε, τὸ θυμιατήριον λαβὼν ἐπὶ εἰδωλεῖον ἀπήνεγκε, πάντα τὰ προσφερόμενα περιεῖλε, τὸν ναὸν ἐκ θεμελίων ἐνεπύρισε¹⁰⁸. Πόσων τιμωριῶν ἄξιός ἦν, ἐπὶ τῷ ἀνελεῖν βασιλέας, ἐπὶ τῷ ἐμπρῆσαι τὰ ἅγια, ἐπὶ τῷ αἰχμαλωτίσαι τὸν λαόν, ἐπὶ τῷ τὰ ἱερὰ σκευὴ ἐνδον εἰδώλων θέσθαι; Ἄρ' οὖν οὐκ ἦν θανάτων μυρίων ἄξιός;

XVIII. Εἶδες¹⁰⁹ τὸ μέγεθος τῶν κακῶν· ἐλθὲ λοιπὸν ἐπὶ τὴν τοῦ Θεοῦ φιλοφροσύνην. Ἀπεθριώθη¹¹⁰, ἐν τῇ ἐρήμῳ διέτριβεν· ἐμαστιγοῦτο ἵνα σωθῇ. Εἶχεν ὄνυχας ὡς λέων· ἀρπακτικὸς γὰρ ἦν τῶν ἁγίων. Εἶχε τρίχας λεόντων¹¹¹. λέων γὰρ ἦν (Ps. XXI, 14) «ἀρπαῶν καὶ ὠρνώμενος». Χόρτον ὡς βοῦς ἤσθιε· κτήνος γὰρ ἦν, οὐκ εἰδὼς τὸν δεδωκότα τὴν βασιλείαν. Ἐβάφη τὸ σῶμα αὐτοῦ ἀπὸ τῆς δρόσου· ἐπειδὴ προιδὼν κατασβεσθὲν ὑπὸ τῆς δρόσου τὸ πῦρ, οὐκ ἐπίστευσε. Καὶ τί γίνεται; (Dan., IV, 31) «Μετὰ ταῦτα¹¹², φησὶν, ἐγὼ Ναβουχοδονόσορ τοὺς ὀφθαλμοὺς μου εἰς τὸν οὐρανὸν ἀνέλαβον, καὶ¹¹³ τὸν Ὑψιστὸν ἠὺλόγησα¹¹³, καὶ τῷ ζῶντι εἰς τοὺς αἰῶνας ἤνεσα καὶ ἐδόξασα». Ὅτε τοίνυν ἐπέγνων τὸν Ὑψιστὸν, καὶ τὰς εὐχαριστηρίους φωνὰς ἀνέπεμψε τῷ Θεῷ, καὶ ἦλθεν εἰς μεταμέλειαν ὧν διεπράξατο¹¹⁴, καὶ ἐπέγνων τὴν οἰκείαν ἀσθένειαν, τότε ὁ Θεὸς ἀποδίδωσιν αὐτῷ τὴν τιμὴν τῆς βασιλείας.

¹⁰⁵ Var. καὶ ἀγριώτατος τὸν τρόπον, καὶ λεοντώδης, etc.: Sl répond à ἀγριώδης (ou ἀγριώδη, acc., selon les mss.) καὶ λεοντώδης τὸν τρόπον ἔχων (ἦν), mais «caractère» peut être une traduction libre de προαίρεσις. — ¹⁰⁶ Sl a le pluriel, mais peut être altéré. — ¹⁰⁷ Sl «ayant vu auparavant devant eux»: le traducteur a donné à προιδεῖν son sens usuel, et a ajouté «devant eux» (ou plutôt «devant lui») d'après IV Reg., XXV, 7. — ¹⁰⁸ Sl répond à ἐνεπύρισε et non à la variante ἐνέπρησε. — ¹⁰⁹ Sl «vois-tu» (phrase interrogative). — ¹¹⁰ Sl «il fut rejeté» (mais l'altération s'explique en slave), suivi de «et». — ¹¹¹ Var. τρίχας ἔσχεν ὡς λέοντος: Sl répond à εἶχε, et «comme» n'apparaît pas dans tous les mss.; le passage a été influencé par Dan., IV, 30 αἱ τρίχες αὐτοῦ ὡς λεόντων. — ¹¹² Sl «et il arrive ici, dit-il», sans τί, et peut-être avec une altération de μετὰ ταῦτα en ἐνταῦθα. — ¹¹³ Cette phrase manque dans Sl. — ¹¹⁴ Sl = ὧν διεπράξατο κακῶν.

яко крѣ[ва]воидаць²⁸⁷, сверѣпж и лъвовьскою²⁸⁸ штоудъ имъ²⁸⁹ бѣ; Не слыша ли яко кости ц(ѣса)рскы из гробишть изнесе на свѣтъ; Не слыша ли яко люди и с(п)лѣнока²⁹⁰; Не слыша ли яко очи ц(ѣса)ремь²⁹¹ ослапи, прѣже видѣвшимъ²⁹¹ прѣдъ собою чада скои исколѣна²⁹²; Не слыша ли яко хероу-
 5 кимъ²⁹³ съкроу*ши, не мѣнж разо(у)мъныхъ²⁹⁴, ни оубо, не непыштю²⁹⁵ сего, Fol. 17^v
 чл(овѣ)че, нъ из[ѣ]ва(ш)нымъ²⁹⁶, нхъже по средѣ б(ог)ъ гл(агол)аше гласомъ;
 Прѣпоноу с(ва)тыньюю попыра, кадильницю възьмъ въ идольское трѣ-
 биште несе²⁹⁷, вьса приносимаа отъа, црѣвъ отъ основании огнемъ пожже.
 Колика казни²⁹⁸ бѣаше достоннъ, зане изен ц(ѣса)рѣ, зане пожже с(ва)таа,
 10 зане плѣни люди, зане с(ва)т(ы)мъ²⁹⁹ съсуды оутръ въ идольствѣ поло-
 жи³⁰⁰; (Б)оли³⁰¹ оубо не бѣаше ли многамъ³⁰² съмъртьмъ достоннъ;

XVIII. Видиши ли велинство³⁰³ зъли; приди оуже на б(о)жие чл(о)в(ѣ)ко-
 любие. Отъвр'женъ³⁰⁴ бысть и въ пжстыи живааше · ранахъ бывааше да сѣ
 сп(а)сѣтъ³⁰⁵. Имаше [бо]³⁰⁶ ногъти яко и³⁰⁷ лѣвъ · кѣсхититель бо³⁰⁸ бѣаше
 15 с(ва)тынмъ. Имаше³⁰⁹ власы яко³¹⁰ лъковы · лѣвъ бо бѣаше³¹¹ (кѣсхитаа і ри-
 каа³¹². Гѣно акъ³¹³ колъ адаше) · скотъ бо бѣаше, не вѣды давшааго нмоу* Fol. 18^r
 ц(ѣса)рство³¹⁴. Омочи сѣ тѣло нго отъ росы · понижѣ прѣжде видѣвъ оу-
 гасъше³¹⁵ отъ росы огонь, не вѣрова³¹⁶. И бываать³¹⁷ сѣде, рече, азъ Навъходо-
 носоръ очи свои на н(е)бо възвѣд(оу)хъ, и³¹⁸ живѣштороу*моу³¹⁹ въ вѣкы въспѣхъ
 20 и прославихъ. Іѹгда³²⁰ же позна вышнѣаго, (и)³²¹ похвалнымъ въспжсти гласы
 б(ог)оу³²², и приде въ покаянии нхъже сътвори зъли³²³, и позна свои нмошть,
 тѣгда б(ог)ъ въздасть³²⁴ нмоу чьсть ц(ѣса)рства.

²⁸⁷ крѣвоидаць RT: крѣвакоидаць S, etc. — ²⁸⁸ сверѣпж и лъвовьскою S¹, сверѣпж и лъвѣску T, сверѣпж и лѣвѣскій нрѣвъ R: lire sans doute сверѣпж и лъвовьскою. — ²⁸⁹ імѣа T R. — ²⁹⁰ люди исплѣнока Vostokov (sûrement d'après R): людині плѣнока S, etc. (люди S¹). — ²⁹¹ Peut-être altéré d'un singulier comme цѣсарѣвъ (adj.) ... видѣвшоу. — ²⁹² Sic S Sol Tr (sans doute mal compris). — ²⁹³ хероукимънхъ-кроуши S Tr, пропсуе хероукимъ, нхъкроуши Sol. — ²⁹⁴ (не мѣнж) разжмны R: разоримныхъ S, etc. — ²⁹⁵ нн оубо помышлѣй чѣче того R. — ²⁹⁶ и зѣванымъ S, etc., S¹, съдѣланымъ R. — ²⁹⁷ внесе T (remanié). — ²⁹⁸ казни S¹, какоковы казни R. — ²⁹⁹ сѣтѣмъ T: сѣта S, etc. — ³⁰⁰ съсуды въ ндоложерствѣи ѿскверни T. — ³⁰¹ боли T S¹: боли S (avec в peut-être par surcharge sur в), боли Sol Tr U. — ³⁰² мнѣмъ S¹, многомъ T. — ³⁰³ величѣство T. — ³⁰⁴ Sic ST: lire sûrement озвѣринъ = ἀπεθ-ριώθη. — ³⁰⁵ да спѣтъ сѣ T. — ³⁰⁶ імѣаше T (sans в). — ³⁰⁷ акъ T. — ³⁰⁸ і кѣсхититель бо T. — ³⁰⁹ імѣаше T Sol. — ³¹⁰ яко S, etc., R, manque dans T. — ³¹¹ бѣаше T, etc., вѣше R. Lacune d'une ligne dans S, etc., comblée par T R. — ³¹² рыкаа R. — ³¹³ іако R. — ³¹⁴ црѣта T; le génitif peut être ancien. — ³¹⁵ шгасъша T, оугашъше S¹: les copistes comprenaient le verbe au sens transitif (оугасити pour оугаснѣти). — ³¹⁶ не вѣроваа T (correction d'après Dan., III, 95, où il est dit que Nabuchodonosor a cru). — ³¹⁷ бываать S Sol Tr, бываѣтъ T S¹. — ³¹⁸ възвѣдъ · і T: възвѣдѣи S, etc., S¹ (qui peut être altéré d'un aoriste de type archaïque: възвѣкъ). — ³¹⁹ живѣшамъ T, живѣшамъ S¹. — ³²⁰ и ѣгда T. — ³²¹ і T, manque dans S, etc. — ³²² бѣи T. — ³²³ слѣ S¹. — ³²⁴ възда T.

XIX. Τί οὖν; τῷ μὲν Ναβουχοδονόσορ τοιαῦτα διαπραξαμένῳ καὶ ἐξομολογησάμενῳ δέδωκε τὴν συγχώρησιν καὶ τὴν βασιλείαν· σοὶ δὲ μετανοοῦντι οὐ δίδωσι τὴν ἄφεσιν τῶν ἁμαρτημάτων καὶ τὴν τῶν οὐρανῶν βασιλείαν, ἐὰν ἐπαξίως πολιτεύῃ; Φιλάνθρωπος ὁ Κύριος καὶ ταχὺς εἰς συγχώρησιν, βραδὺς δὲ¹¹⁵ εἰς τιμωρίαν. Μηδεὶς οὖν ἀπελπίσῃ τῆς ἑαυτοῦ σωτηρίας. Πέτρος ὁ κορυφαϊότατος καὶ πρωτοστάτης τῶν ἀποστόλων¹¹⁶ ἐπὶ παιδισκαρίου ἡγήσατο τρεῖς τὸν Κύριον, ἀλλὰ μεταμεληθεὶς ἔκλαυσε πικρῶς. Τὸ δὲ κλαῦσαι¹¹⁷ τὴν μετάνοιαν τὴν ἐγκάρδιον παρίστησι· καὶ διὰ τοῦτο οὐ μόνον ἔλαβε τὴν ἄφεσιν ἐπὶ τῇ ἁρνήσει, ἀλλὰ γὰρ¹¹⁸ καὶ τὸ ἀποστολικὸν ἀξίωμα ἔσχεν ἀναφαίρετον.

XX. Ἔχοντες οὖν, ἀδελφοί, πολλοὺς τύπους τῶν ἁμαρτησάντων καὶ μετανοησάντων καὶ σωθέντων, προθύμως καὶ αὐτοὶ ἐξομολογήσασθε τῷ Κυρίῳ, ἵνα καὶ τὴν συγχώρησιν λάβητε τῶν προγεγενημένων ἁμαρτημάτων, καὶ τῆς ἐπουρανίου δωρεᾶς καταξιωθῆτε, καὶ τὴν ἐπουράνιον κληρονομήσῃτε βασιλείαν μετὰ πάντων τῶν ἁγίων. Ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ...¹¹⁹, ᾧ ἔστιν¹²⁰ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

¹¹⁵ δέ manque dans Sl. — ¹¹⁶ La traduction slave doit être « Le chef suprême des apôtres » (avec des altérations dans les mss.). — ¹¹⁷ Sl « par les pleurs », qui peut répondre à τῷ κλαῦσαι (sans δέ). — ¹¹⁸ γὰρ n'est pas traduit. — ¹¹⁹ Sl = Ἰησοῦ Κυρίου ἡμῶν. — ¹²⁰ ἔστιν manque dans Sl.

XIX. Что оубо; Навѣходоносороу ли (т)акова³²⁵ сътворышоу и исповѣдава-
шоу сѧ дасть прощении и ц(ѣса)рство · а тебѣ каюштоу сѧ не дасть (л)и³²⁶
прощенииа грѣховнааго³²⁷ и н(е)б(е)снааго ц(ѣса)рства³²⁸, аште достоинѣ по-
живеши; Чл(о)в(ѣ)колюбыцѣ исть б(о)гъ и скорь на прощении [грѣховномъ]³²⁹,
5 моудьнѣ³³⁰ на мочении³³¹. Никтоже оубо да не отчааетъ своего сп(а)сения.
Петръ³³¹ прѣкостателѣ върховьнии ап(ост)олѣ³³² рабчьномъ отъвѣрже сѧ три-
шъды г(оспод)а, нѣ пока³³³ъавъ сѧ плака сѧ горьцѣ. Плачымъ срдчьномъ покаянии Fol. 18^v
прѣстави³³³, и сего ради не тѣчи³³⁴ (пр)ѧ³³⁵ прощении отъмѣта(ни)а³³⁶,
нѣ и ап(осто)лскыи санѣ имѣ неотъятънѣ.

10 XX. Имже оубо, братиѣ, многы образы съгрѣшавъшихъ³³⁷ и пока-
мѣвъш³³⁸ сѧ и спасенъ³³⁹, спѣшнѣ³⁴⁰ и въ исповѣдантѣ³⁴¹ сѧ г(оспод)оу, да
и прощении примете прѣжде вывѣшихъ грѣхъ, и н(е)б(е)снааго дара съпо-
добите сѧ, (и)³⁴² н(е)б(е)сьномъ наслѣдоу(и)тѣ³⁴³ ц(ѣса)рство съ вѣкми с(вѣ)-
тымъ. О Х(рист)ѣ І(исус)ѣ г(оспод)ѣ нашемъ, ѡмже³⁴⁴ слава въ вѣкы вѣ-
15 комъ. Яминѣ.

³²⁵ таковаѧ Т: каковаѧ S, etc. — ³²⁶ ли S¹: не дасть · ѡ S, etc. (не дасть ли · ѡ Тг), а тебе ли... не дасть Т. — ³²⁷ грѣховъ Т. — ³²⁸ црѣва небѣго Т. — ³²⁹ грѣхов-
номъ S, etc., manque dans T. — ³³⁰ моудьнѣ S T, мѡдрѣ Тг, моудьнѣ Sol (лѣ rajouté
d'une autre encre), медленѣ S¹ U R. — ³³¹ Т abrégé: на мѡчениѣ · а петръ перко-
стателѣ аплѣкъ · ѡвергъ сѧ ꙗ плака · ꙗ плачѣмъ, etc. (l. 7). — ³³² Lire sans doute
ап(осто)л(ъ)скѣ Т; верховьнии Тг S¹, вер'ховнѣ Sol. — ³³³ прѣстави S Sol, прѣдъ-
стави Т S¹. — ³³⁴ сего дѣла не токмо Т. — ³³⁵ прѧ Т, om. S, etc. — ³³⁶ ѡмѣ-
таниѧ Т: ѡтѣмѣтаѧ S, etc. — ³³⁷ съгрѣшивши Т S¹ Тг. — ³³⁸ покаѣвши Т S¹ Sol
Тг. — ³³⁹ спѣшъ Т, спѣшъ S¹. — ³⁴⁰ спѣшно Т. — ³⁴¹ исповѣжътѣ гѣ Т; lire sans doute
исповѣдите сѧ. — ³⁴² ꙗ Т, manque dans S, etc. — ³⁴³ наслѣдѡитѣ S¹: наслѣдоуитѣ
S, etc., небѣо црѣко наслѣдѡитѣ Т. — ³⁴⁴ Т s'interrompt à ѡмѣ.

II.

HISTOIRE DU TEXTE DE CYRILLE DE JÉRUSALEM.

Les *Catéchèses* sont l'oeuvre principale de saint Cyrille, évêque de Jérusalem de 350—351 à 386. Elles se présentent sous la forme d'un recueil de vingt-quatre leçons d'instruction religieuse que Cyrille a données, comme prêtre et catéchiste, au sanctuaire du Tombeau du Sauveur à Jérusalem en 347 ou 348: une leçon d'introduction ou Procatéchèse, dix-huit leçons à des catéchumènes du degré supérieur des « illuminés » (φωτισόμενοι) avant le baptême, et cinq leçons sur les mystères ou Catéchèses mystagogiques aux nouveaux baptisés (νεοφώτιστοι). Ces Catéchèses n'ont pas été rédigées par l'auteur lui-même, mais elles représentent chacune une « improvisation » (κατήχησις σχεδιασθεῖσα): c'est-à-dire, plus exactement, comme par ailleurs elles suivent un plan logique et sont fortement documentées, qu'elles constituent des leçons de professeur que des élèves tachygraphes ont recueillies et préparées pour la publication.

Les *Catéchèses* de Cyrille de Jérusalem n'ont pas cessé d'être connues en Orient: outre la traduction slave qui a eu ses destinées particulières, il s'en est conservé plusieurs copies grecques des Xe—XIe siècles et d'époque postérieure. Au contraire, en Occident, l'oeuvre a été longtemps perdue de façon complète, et elle n'a été retrouvée qu'au XVIe siècle; révélée par Grodecius à la fin du Concile de Trente, peut-être dès 1560 par une édition des cinq Catéchèses mystagogiques, et en tout cas par la traduction latine complète de 1564, dont la préface, datée de 1563, a soin de marquer le lien de la publication avec le Concile (*scriptum Tridenti durante Concilio oecumenico*), elle apparut comme une arme contre les protestants, qui en contestèrent l'authenticité. C'est grâce à la traduction vieux-slave que les théologiens catholiques la découvrirent.

L'histoire de cette découverte nous est tracée dans la préface de GRODECIOUS à sa traduction de 1564, adressée à Gaspard, évêque de Breslau. Jean Grodecius, doyen de Glogau, chanoine de Breslau et de l'Ermeland, nous raconte qu'étant à Rome il avait trouvé chez le cardinal Hosius, évêque de l'Ermeland, qui allait être nommé (1561—1563) légat du Saint Siège auprès du Concile de Trente, un manuscrit grec de Cyrille de Jérusalem de la bibliothèque du cardinal Guillaume Sirlet, et qu'il s'était mis à le traduire en latin. Il avait achevé sa traduction quand JACOB UCHANSKI, archevêque de Gniezno et primat de Pologne, lui communiqua sa traduction polonaise d'une version slave des *Catéchèses*, provenant de Macédoine et de Bulgarie, qu'il avait trouvée bien auparavant: (*Catecheses*) *quas ille ante complures annos, Sclavonum idiomate conscriptas, ex Macedonia et Bulgaria nactus fuerat*. Grodecius compara cette traduction polonaise avec sa traduction latine et son manuscrit grec, il constata qu'elle s'accordait parfaitement avec l'original qu'il avait découvert et dont, à travers deux versions successives, elle garantissait merveilleusement l'authenticité (*ex mirabili quadam concordia diversae linguae et translationis*),

et il s'en servit pour combler les lacunes et rectifier les erreurs de son texte: *quamvis enim menda nonnulla et hiatus, qui vitio librariorum committi solent, in utroque exemplari non deessent, ex mutua tamen collatione sublati illis, et quae desiderabantur in integrum restitutis, series orationis et doctrinae sic concordabat, etc.*

Tel est le récit de Grodecius, mais il est visible que, tout en reconnaissant à Uchanski un certain droit de priorité, il s'applique à marquer l'indépendance de son travail et à se conserver le mérite de la découverte des *Catéchèses*. Il n'y a pas lieu de mettre en doute l'exactitude de ce qu'il nous dit, mais on doit penser qu'il ne nous a pas tout dit. Cette découverte simultanée de l'oeuvre de Cyrille de Jérusalem, vers la même date et dans un même milieu polonais, ne saurait être un effet du hasard: on connaissait en Pologne l'existence des *Catéchèses*. Il aurait été étrange qu'on l'ait complètement ignorée, alors qu'en Russie les *Catéchèses* étaient conservées et que les copies s'en multipliaient au XVe et au XVIe siècle. C'est pourquoi on en recherchait le texte, que Grodecius a eu la bonne fortune de trouver à Rome. Ainsi c'est la traduction vieux-slave qui a révélé l'oeuvre de Cyrille de Jérusalem aux Polonais, et, par leur intermédiaire, au monde catholique. Il n'est pas nécessaire de tirer des indications peu précises de Grodecius la conclusion qu'Uchanski aurait découvert le texte slave en Macédoine ou en Bulgarie (comme l'admet A. Faivre dans sa traduction française de Cyrille de Jérusalem, t. I, Lyon, 1844, p. III), ou qu'il aurait trouvé un manuscrit provenant de ces régions: bien plus probablement, il a eu en mains quelque manuscrit russe de cette traduction que l'on savait ancienne et d'origine méridionale.

Après Grodecius et son édition de 1564 à Rome, Cologne, Anvers et Paris, qui donne une traduction latine complète — avec simultanément une traduction française par Louis Ganey, Paris, 1564 —, et l'édition partielle du texte grec (douze Catéchèse) par GUILLAUME MOREL, Paris, 1564, les éditions importantes ont été: au XVIIe siècle celles de JEAN PRÉVOST, Paris, 1608, 1631, 1640; au XVIIIe siècle celle de THOMAS MILLES, Oxford, 1703, et celle du Bénédictin Dom AUGUSTIN TOUTTÉE, Paris, 1720 (publié par Dom Maran). L'édition de Touttée, réimprimée au XIXe siècle chez Migne, *Patrologia Graeca*, XXXIII, Paris, 1857 (avec un nombre étonnant de fautes d'impression), est la plus critique et fait autorité. Celle de REISCHL et RUPP, Munich, 1848—1860, apporte la collation de quelques manuscrits nouveaux; celle de DIONYSIOS KLEOPAS, Jérusalem, 1867—1868, n'est qu'une mauvaise reproduction du texte de Touttée, et le mystérieux manuscrit A dont elle fait état peut fort bien ne représenter qu'une bévue de l'éditeur Photios Alexandrides.

*

On connaît et on a utilisé plusieurs manuscrits anciens, du Xe et du XIe siècle: ainsi le Codex Monacensis I (éd. Reischl), le manuscrit de la bibliothèque de Thomas Roe à la Bodléienne (éd. Milles), l'Ottobonianus I et le

manuscrit de la bibliothèque du duc de Coislin (éd. Touttée). Le manuscrit que restitue la traduction vieux-slave est d'une ancienneté au moins égale, et vraisemblablement supérieure: il ne saurait être antérieur au début du Xe siècle, et il peut remonter au IXe siècle. Comme la traduction est correcte et fidèle, et même quelque peu littérale, son témoignage est généralement clair.

Cet original de la version slave n'était naturellement exempt, ni de lacunes, (voir p. 295), ni de fautes, mais les leçons qu'il atteste sont ordinairement celles des meilleurs manuscrits. Par exemple, dès le début de la Procatéchèse, nous lisons dans le texte slave (je cite d'après le manuscrit Tr, dérivé de S, voir p. 290): *оу же разоумнии цвѣти събирают сѧ на плетение н(ѣ)б(ѣ)сныхъ вѣнецъ* ce qui répond à ἡ δὲ τὰ νοητὰ ἄνθη συλλέγεται πρὸς πλοκὴν ἐπουρανίων στεφάνων, et confirme la leçon (plus exactement la lecture) συλλέγεται du Codex Regius du Xe siècle, préférable à συλλέγετε des éditions et à la variante συνελέχθησαν Roe. Comme l'a montré GRIGOROVIC (Статьи, касающіяся древне-слова́нскаго языка, Kazań, 1852, p. 85), les rapports sont particulièrement étroits entre la traduction slave et le Coislinianus du XIe siècle, qui est justement le manuscrit des *Catéchèses* auquel Touttée a reconnu le plus d'autorité (éd. Migne, p. 31—32: *eo codice me maximopere adjutum fateor*). Il est inutile d'apporter des preuves nouvelles de cette parenté, qui se confirme tout au long de la deuxième Catéchèse, pour autant que Touttée nous précise le texte du Coislinianus. Il suffit de noter que GORSKIJ et NEVOSTRUEV (Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки, II, 2, p. 59) ont retrouvé dans la version slave, à la fin du paragraphe XXIII de la XVIe Catéchèse, l'addition que présente le Coislinianus et que Touttée croit inspirée de saint Athanase (éd. Migne, pp. 951—952, note 4); ce qui explique pourquoi elle figure également dans la traduction latine de Grodecius: *unus existens cum* ne rend pas directement le grec ὁμοούσιον (τῷ Πατρὶ), mais la traduction slave *единосоушнь* (оѣоу), à travers le polonais d'Uchanski.

*

Le texte grec n'est pas établi de façon définitive: l'édition de Touttée s'appuie sur des collations sérieuses de bons manuscrits, mais elle n'est pas entièrement libérée de la tradition des mauvaises éditions des XVIe—XVIIe siècles, dont la base première est le texte composite de Grodecius (éd. Migne, p. 29—30: *quid ex Slavono libro, quid ex Graeco codice sumpserit Grodecius, non notat*). Pour la deuxième Catéchèse en particulier, c'est bien pis: on n'en a pas le texte réel, mais des combinaisons arbitraires de deux textes différents. Touttée a trouvé dans les éditions antérieures un texte qui ne répondait pas à celui des manuscrits grecs qu'il utilisait, et surtout à celui du Coislinianus. Ne pouvant réduire à l'unité des divergences trop considérables, il a pris le parti de publier deux textes de la Catéchèse, le premier qui est celui des éditions, le second qu'il a constitué avec les variantes importantes des manuscrits. En réalité,

comme Toutté lui-même l'indique (éd. Migne, p. 381—382), il a existé deux versions de la deuxième Catéchèse: l'une plus brève, et sûrement primitive, avec la simplicité et la concision qui caractérisent le style de Cyrille de Jérusalem; l'autre plus prolixe, évidemment remaniée et paraphrasée: cette Catéchèse, qui à l'occasion du dogme de la rémission des péchés développe largement le thème de la miséricorde divine, est d'allure plus oratoire que didactique, et elle se prêtait à être transformée en homélie, moyennant des modifications purement littéraires (*quae mutata sunt, ad dicendi tantum rationem spectare*) — il faut ajouter: fâcheusement littéraires. Puis les deux versions se sont plus ou moins mêlées, pour une part du fait des copistes, pour une autre par la faute des éditeurs. La paraphrase est constante dans la version postérieure, ainsi au début du paragraphe XII: ὁ δὲ μακάριος Δαβίδ, εἰ καὶ τὰ μάλιστα ἤκουσεν ὅτι, etc., par substitution à ἀλλ' εἰ καὶ μάλιστα ἐκεῖνος εἶπεν, etc. Voici un cas moins banal de remaniement: au paragraphe IV, la phrase ὁ γὰρ Σατανᾶς τὸν διάβολον ἐρμηνεύει (Ottob. I, Coisl., traduction slave), qui donne une interprétation inexacte, ou trop peu précise, du nom hébreu de « Satan », a été rectifiée en ὁ γὰρ Σατανᾶς εἰς τὸν ἀντικείμενον ἐρμηνεύεται (Roe, Ottob. II), d'où sûrement l'interpolation, dénoncée par Toutté, καὶ περὶ Ἀντικειμένου dans le titre de la Catéchèse.

Il y a une version primitive, et une version remaniée, mais qui peut être ancienne également. Il y a des manuscrits qui conservent la première version, d'autres la seconde, d'autres qui présentent des contaminations entre les deux versions; ou du moins c'est vraisemblable, mais ni Toutté ni Reischl ne nous renseignent de façon suffisamment précise sur le contenu des divers manuscrits. Le représentant le plus fidèle de la version primitive est sûrement, parmi les manuscrits grecs, le Coislinianus, qui fournit le texte le plus aberrant du texte traditionnel des éditions; son autre représentant est la traduction slave, qui, plus ancienne d'un ou deux siècles que le Coislinianus, semble conserver cette version primitive sous une forme particulièrement pure.

Ainsi le témoignage de la traduction slave, important pour l'établissement du texte de Cyrille de Jérusalem, a une valeur toute spéciale pour l'établissement du texte de la deuxième Catéchèse. Elle répond en gros au second texte de Toutté dans sa plus grande partie, du début jusqu'au paragraphe XV; à partir du paragraphe XVI jusqu'à la fin, c'est avec le premier texte qu'elle s'accorde. Pour les manuscrits grecs, Toutté note (éd. Migne, p. 379—380) que le Coislinianus et l'Ottobonianus I s'accordent avec le texte traditionnel au début de la Catéchèse, et qu'ils en divergent au milieu; l'indication est vague, et d'ailleurs, dans les premiers paragraphes, les deux versions diffèrent peu; mais nous trouvons plus loin (éd. Migne, p. 404, note 5) une donnée précise: c'est à la fin du paragraphe XV que le Coislinianus cesse de présenter un texte aberrant, c'est-à-dire que la concordance doit être parfaite entre le Coislinianus et la traduction slave.

III.

LA TRADUCTION VIEUX-SLAVE.

La traduction vieux-slave de Cyrille de Jérusalem a dû passer de bonne heure en Russie (cf. p. 286); nous en avons des copies depuis le XIIe ou le XIIIe siècle, et elle est citée en 1274 par le métropolite Cyrille III (SREZNEV-SKIJ, Древние памятники русскаго письма и языка, p. 139). Elle était encore connue, à la fin du XVIIe siècle, des érudits de l'école d'Épiphane Slavineckij (voir ci-dessous). Elle a été retrouvée au début du XIXe siècle par KALAJDOVIČ, dans deux manuscrits: celui du Musée Rumjancov qui présente dans sa première partie le Шестодневъ de Jean l'Exarque, et celui de la collection du comte Tolstoj qui contient plusieurs homélies de Cyrille de Turov, et qui est décrit dans l'Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей . . . графа Ѳ. А. Толстова de KALAJDOVIČ et STROEV (отд. I, p. 4, Moscou, 1825). Plus tard, VOSTOKOV donne une description du manuscrit du Musée Rumjancov (Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, p. 244, Saint-Petersbourg, 1842). En 1852, GRIGOROVIC public et commente le fragment de rédaction vieux-slave qu'il avait découvert dans le monastère de Chilandar au Mont Athos (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, I, pp. 89—100). En 1859, GORSKIJ et NEVOSTRUEV, dans leur Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки (II, 2, pp. 44—62), font connaître le manuscrit le plus important, celui de la Bibliothèque synodale de Moscou de la fin du XIIe siècle ou du début du XIIIe siècle, par une description détaillée de son contenu et de sa langue. Ces travaux dégagent le caractère de la traduction de Cyrille de Jérusalem, qui n'est pas seulement d'origine vieux-slave, mais de type archaïque en vieux slave. Ils apportent des données abondantes, mais surtout lexicographiques, sur la langue de ce texte important: VOSTOKOV insère dans son Словарь церковно-славянскаго языка (1858—1861) le produit de sa collation des manuscrits du Musée Rumjancov et de la collection Tolstoj, et MIKLOSICH (*Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, 1862—1865), puis SREZNEVSKIJ (Матеріалы, etc., 1893—1912), utilisent les matériaux de GRIGOROVIC (Feuilles de Chilandar), de GORSKIJ et NEVOSTRUEV (manuscrit de la Synodale) et de VOSTOKOV.

Outre la traduction vieux-slave, il existe des traductions récentes des Catéchèses, qu'il suffit de mentionner brièvement. L'une, conservée dans le manuscrit n° 116 de la Bibliothèque synodale et étudiée par GORSKIJ et NEVOSTRUEV (Описаніе, etc., II, 2, pp. 63—68), est intéressante comme document sur l'histoire du slavon tardif et sur les méthodes philologiques de l'école d'Épiphane Slavineckij. Elle a été composée par le moine Euthyme, élève de Slavineckij, après 1672, mais avant la mort de Siméon Polotskij (1680). Euthyme a fait sa traduction sur une édition occidentale de Cyrille de Jérusalem:

il cite une édition gréco-latine de Paris, c'est-à-dire une des éditions de Jean Prévost; mais il avait sous les yeux la traduction slave ancienne, dont il a par endroits conservé le texte en le rajeunissant. Une citation d'une traduction polonaise (Gorskij—Nevostruev, p. 64) nous atteste que les *Catéchèses* de Cyrille de Jérusalem continuaient, comme à l'époque de Jacob Uchanski, mais au XVIIe siècle pour alimenter la polémique entre les orthodoxes et les Latins, à faire l'objet de relations particulières entre les théologiens russes et polonais.

L'autre traduction est moderne: Святаго отца нашего Кврилла . . . огласительныя и тайноводственныя поученія, Moscou, 1772 (2e éd., 1784, 3e éd., 1824). Postérieure à l'édition de Touttée, elle a été faite sur le grec par Ambroise, métropolite de Moscou. Voici le début de la deuxième Catéchèse dans la 3e édition: Ужасное зло — грѣхъ, и болѣзнь души самая жестокая — преступленіе закона; оно лишаеъ ее совершенно силъ, etc.

*

La traduction vieux-slave de Cyrille de Jérusalem se caractérise par sa correction et sa clarté (Gorskij—Nevostruev, II, 2, p. 57). Elle est fidèle sans être trop littérale, elle présente un vocabulaire varié et des tours idiomatiques, et son auteur a su à l'occasion s'affranchir du grec pour rendre par des moyens slaves le sens de l'original. Elle est exempte d'hellénismes choquants. Par exemple, l'emploi de *иже* suivi d'une phrase nominale pour rendre l'article du grec n'est pas fréquent, et il ne se rencontre que dans des conditions où il est admissible en slave: *иже при Нон* 5, ₁₃ = τὰ ἐπὶ Νῶε, et de même 7, ₉, 9, ₁₄, etc.; la construction de l'infinitif avec *иже* ne se trouve qu'une fois dans la deuxième Catéchèse: *иже добро есть иже исповѣдати* 8, ₁₈ = ὅτι καλὸν τὸ ἐξομολογήσασθαι: elle a été ordinairement évitée, et d'ailleurs l'exemple des Feuilles de Chilandar: *каа бо полѣзѣтѣ еже вѣдѣти . . . а блждѣ дѣати* II v², ₉₋₁₂ = τί γὰρ ὄφελος εἰδέναι μὲν . . . καὶ πορνεύειν, atteste qu'il ne s'agit pas d'un calque mécanique du grec, et que *иже* existait en vieux slave en valeur de conjonction introduisant des phrases infinitives comme des phrases à mode personnel (cf. *доуклѣтъ бо ми . . . иже ты ма поманиши* 10, ₂₋₃ = αὐταρχες γὰρ . . . τὸ σὲ μνησθῆναι μου). Sans doute il y a des tournures qui sentent l'original grec, et on peut estimer qu'une phrase comme celle-ci n'est pas en slave d'une clarté absolue: *тъчню не кротѣ ражѣженнѣ пр(о)р(о)ча съннѣти* 9, ₅₋₈ = μονονουχὶ ἡμεροῖ (ou plutôt ἡμερῶν) τὸ διάπυρον τοῦ προφήτου συγκαταβῆναι: la locution *тъчню не* rend, ici comme ailleurs (cf. 8, ₁₅), d'une façon assez conventionnelle le grec μονονουχὶ «presque, comme si», et *съннѣти* «descendre» est une traduction bien défectueuse de συγκαταβῆναι «condescendre», même si elle est admise dans d'autres textes (*съннѣтъ συγκατάβασις* dans les Pandectes d'Antiochus, voir Sreznevskij). Mais des hellénismes de cette sorte ne sont pas inconnus même de la traduction initiale de l'Évangile, et ils abondent, par nécessité, chez Jean l'Exarque dès qu'il quitte le style simple

pour reproduire le style technique de la théologie grecque.

On distingue dans l'évolution de la langue littéraire vieux-slave deux périodes: la période macédonienne et la période bulgare, le passage de l'une à l'autre étant accusé par les révisions qu'ont subies certains textes anciens: ainsi la traduction de l'Homélie d'Épiphané, dont la version primitive nous est conservée dans le Clozianus et l'Homiliaire de Mihanović, et dont le Suprasliensis nous présente une version légèrement remaniée (en dehors des rajeunissements proprement grammaticaux). La traduction de Cyrille de Jérusalem remonte à la première période, comme le prouvent son vocabulaire, son style, et ceux des faits de grammaire qui se maintiennent relativement stables dans les manuscrits, c'est-à-dire surtout les faits de syntaxe; et certaines de ses copies portent la trace d'une révision d'époque bulgare (voir p. 293).

Cette traduction est anonyme. Son auteur devait vivre au début du Xe siècle. C'était un Slave qui connaissait bien sa langue et avait à sa disposition un vocabulaire riche et nuancé. C'était en même temps un homme cultivé, donc un homme d'Église très vraisemblablement, et de culture grecque. À son époque, le nombre des Slaves capables de faire oeuvre d'écrivains et d'interpréter correctement les Pères de l'Église devait être limité. Nous ne saurions toutefois prétendre les connaître tous, alors que nous connaissons si mal ceux dont par hasard les noms nous sont conservés. Les hypothèses qu'on a hasardées sur l'attribution de certains textes vieux-slaves sont stériles en l'absence de données positives. Mais il se trouve que, dans le cas du Cyrille de Jérusalem slave, une annotation du manuscrit le plus ancien et le plus conservateur pourrait désigner un des rares auteurs sur lesquels nous sommes un peu renseignés, et précisément celui dont l'oeuvre s'apparente le plus à celle du traducteur des *Catéchèses*.

Le manuscrit de la Bibliothèque synodale du XIIe ou du XIIIe siècle présente des annotations d'origines diverses. L'une d'elles, qui figure juste à la fin du texte (fol. 270^v), porte (voir Gorskij—Nevostuev, pp. 47—48):

Г(оспод)и помози рабѣ своему Ѳеодорѣ коньчавъшѣмъ книги сѣя. Дан
ѣмъ б(ог)ъ оставленни грѣховѣ. И раба б(о)жия Константина писавъшѣмъ
книги сѣя. Аминъ.

Elle est suivie de quelques lettres glagolitiques, tracées d'une main malhabile, que Gorskij et Nevostuev lisent спаси гѣи полита, plus un signe indéchiffirable. Mais la lettre où ils reconnaissent un л est bien plutôt un ч, et le dernier signe pourrait représenter un ю. On aurait ainsi: Спаси г(оспод)и почитаю(щаго); ce serait une note de quelque lecteur russe qui n'ignorait pas la glagolite. La présence de caractères glagolitiques dans un manuscrit vieux-russe n'est pas une grande rareté (cf. KARSKIJ, Очеркъ славянской кирилловской палеографии, pp. 259—261). Dans le manuscrit de la Synodale, le copiste a dû reproduire, tant bien que mal, une annotation qu'il ne comprenait pas: le texte glagolitique est accompagné d'une glose fantaisiste en cyrillique:

La note relative à Théodore et à Constantin, quelque peu incorrecte ou altérée (раба бжия au lieu du datif), peut donc être ancienne. Ces deux personnages étaient des hommes d'Eglise, moines ou prêtres; le premier est le copiste qui a achevé le manuscrit; le rôle du second est indiqué par le verbe писати, qui peut désigner le copiste principal, ou bien l'auteur du livre. Or l'association d'un écrivain Constantin et d'un copiste Théodore nous est connue par ailleurs: la traduction des *Discours contre les Ariens* de saint Athanase, composée en 907 par Constantin le Prêtre devenu évêque, a été copiée en 908 par le moine Théodore Doksov, ainsi que nous l'apprend une note écrite par Théodore lui-même ou du moins par un contemporain, et qui nous est conservée dans des manuscrits sensiblement plus récents que le manuscrit de la Synodale de Cyrille de Jérusalem, puisqu'ils ne sont pas antérieurs au XVe siècle, mais qui comme lui dérivent d'un original archaïque (voir STROEV, Библиологическій словарь, éd. Vyčkov, p. 177). Voici le début de cette note, qui a été souvent reproduite depuis GORSKIJ et NEVOSTRUEV (Описание, etc., II, 2, pp. 32—33), et que je cite d'après la copie la plus correcte, le manuscrit n° 968 de la collection Pogodin, daté de 1489:

ГЛА книги благочыстныа наричемыа ꙗвѣнась повелѣниемъ кнѧзѧ нашего
блѣгарьска · именемъ Сѣмѣѡна · прѣложи а ѿпѣкѣ Константинъ въ словѣнскы
ѧзыкъ ѡтъ гръчъска · въ лѣто ѡ начала мѡръ · ✙ ѿ · ѿ · дѣ · ѡнѣ · і · ѡученикъ сы
Мѡдѡдѣвъ архіепѣпа Моравы напса же а Тѣдѡръ чьрноризецъ Дохѡсовъ · тѣмъ же
кнѧземъ повелѣнъ · на ѡстинъ Тѣчѧ · въ лѣто · ѿ · ѿ · ѿ · ѡнѣ · дѣ ·

Cette annotation, détaillée et de style officiel, distingue avec précision l'écrivain et le copiste, tous deux personnages importants. La note du manuscrit de Cyrille de Jérusalem est rédigée de façon plus simple, mais elle peut remonter au même moine Théodore, qui aurait copié ou simplement achevé de copier le livre de Constantin. La traduction des *Catéchèses* serait ainsi de Constantin le Prêtre, et se placerait entre ses *Commentaires de l'Évangile* datés de 893—894, qui sont sûrement sa première oeuvre, et le moment où, nommé évêque, vers 907, il n'était plus un modeste *рабъ божии*. Une comparaison systématique entre la langue des oeuvres de Constantin et celle de la traduction de Cyrille de Jérusalem serait nécessaire pour établir si cette hypothèse doit être retenue: la note du manuscrit de la Synodale la suggère, mais est loin d'en fournir une preuve décisive.

IV.

LES MANUSCRITS DE LA TRADUCTION SLAVE.

Le texte du Cyrille de Jérusalem slave nous est conservé par divers manuscrits:

I) Un fragment de rédaction vieux-slave, les Feuilles de Chilandar, découvertes et publiées par Grigorovič, et plusieurs fois rééditées. L'édition la plus récente et la meilleure est celle de ST. KULBAKIN, Хиландарскіе листки (Памятники старославянского языка, I, 1), Saint-Petersbourg, 1900. Ce fragment de deux feuillets donne une partie de la fin de la IIIe Catéchèse (§§ 10—13) et le début de la IVe Catéchèse (§§ 1—2).

II) Un assez grand nombre de manuscrits de rédaction russe. Un de ces manuscrits, celui du Musée Rumjancov, a comme source un manuscrit de rédaction moyen-bulgare (voir p. 293). D'après ARCHANGELSKIJ (Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, Saint-Petersbourg, 1888, pp. 20—22), il n'existe pas de copie de rédaction serbe.

Par ailleurs, des Catéchèses isolées ou des fragments de Catéchèses se rencontrent dans divers recueils du XVe siècle et d'époque postérieure; un seul de ces manuscrits est plus ancien, celui du Musée Rumjancov n° 8 des XIIIe—XIVe siècles, qui donne aux feuillets 100—102 un extrait de la XVe Catéchèse (Archangel'skij, *op. cit.*, pp. 21—22).

J'ai utilisé les manuscrits suivants:

1) S: manuscrit n° 114 (n^o ancien 478) de la Bibliothèque synodale de Moscou, actuellement au Musée Historique, de la fin du XIIe siècle ou du début du XIIIe siècle; Gorskij et Nevostruev en ont donné une description à laquelle il n'y a rien à ajouter.

2) T: manuscrit du XIIIe siècle de la collection du comte Tolstoj (I, n° 8) à la Bibliothèque d'État de Leningrad (cote F. n. I, N° 39). Il a été décrit sommairement par Kalajdovič et Stroev, puis de façon complète par LAVROVSKIJ (Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей российскихъ, IV, 1858, pp. 40—51). C'est un recueil de textes divers; la plus grande place est tenue par la traduction de Cyrille de Jérusalem, qui va du feuillet 89^r jusqu'à la fin (fol. 184^v), où elle s'interrompt brusquement du fait d'une mutilation du manuscrit. La suite des Catéchèses comprend: la Procatéchèse (fol. 89^v—92^v), qui est dénommée ѿглашениіе · а ·, et la première Catéchèse manque; la deuxième Catéchèse (fol. 92^v—97^v) et les Catéchèses suivantes, y compris la fin de la IVe Catéchèse et la Ve Catéchèse qui manquent dans le manuscrit S (voir p. 291), jusqu'à la XVIe Catéchèse, qui débute au feuillet 181^r et qui est incomplète. Voici les dernières lignes du feuillet 184^r: . . . д(оу)хъ с(ва)тъ оутѣшникъ, ѿ немже реч(е) сп(а)съ · (Jean, XIV, 26) ѿнъ въ нау́чить всему, і въспоманѣть ѡнко рѣхъ вамъ. Не ѡна бо сѹтъ Х(ръ)с(то)ва ѹчениіа и ѡна с(ва)т(а)го д(оу)ха, нъ таже. Прже свѣдѣтельствова Павлови прилѹчаща

сѧ ѱмѣ, да вл(а)гоу(ѡ)шѣнѣ вѣдѣт. La dernière phrase répond au grec: προεμαρτύρατο τῷ Παύλῳ τὰ συμβησόμενα, ἵνα εὐθυμος γένηται (μᾶλλον ἀπὸ τοῦ προειδέναι), vers la fin du paragraphe XIV.

3) R: manuscrit n° 194 du Musée Rumjancov, décrit sommairement par VOSTOKOV. Ce recueil de 314 feuillets comprend le Шестодневъ de Jean l'Exarque (Книга глаголемая Шестодневъникъ ѿ ѿвѣнна ѿкар'ха) et les *Catéchèses* de Cyrille de Jérusalem. Les 42 premiers feuillets sont datés de 1594; le reste du manuscrit est postérieur, et a un aspect différent: il est du type des copies soignées des érudits du XVIIe siècle, avec notes marginales, et il représente une version russifiée de façon assez libre d'un original moyen-bulgare. Le texte des *Catéchèses* commence au feuillet 166^r; il est divisé en chapitres, et la Procatéchèse est dénommée гл҃ав(а) ѿ', la première Catéchèse (fol. 170^r et suiv.) гл҃ав(а) ·ѣ, la deuxième Catéchèse (fol. 172^r et suiv.) гл҃ав(а) ѿ', etc., jusqu'à la Ve Catéchèse mystagogique (fol. 312^r et suiv.), qui constitue le chapitre XXXVII (ѿ ѿѣ). Outre un feuillet arraché entre les feuillets 308 et 309, il manque à la fin deux feuillets environ, et le texte s'interrompt à: fol. 314^r да вѣдѣт колаѣ твоѣ ѿко на н(ѣ)б(ѣ)си ѿ на земли. Г(в҃а)тѣй бо в(о)жѣнѣ ѿгр(ѣ)ли в(о)жѣѣ колаѣ твоѣт, c'est-à-dire au début du paragraphe XIV de la dernière Catéchèse: οἱ θεῖοι καὶ μακάριοι τοῦ Θεοῦ ἄγγελοι τὸ τοῦ Θεοῦ θέλημα ποιοῦσι.

4) S¹: manuscrit du XVIe siècle de la Bibliothèque synodale de Moscou, n° 115 (n° ancien 782), maintenant au Musée Historique, qui a été décrit sommairement par GORSKIJ et NEVOSTRUEV (Описание, etc., II, 2, pp. 62—63). Il donne en 324 feuillets le texte des *Catéchèses*, jusqu'à la fin de la Ve Catéchèse mystagogique: fol. 323^v. . . ѿ д(ѡ)ша ѿ тѣло вѣ пришествѣн г(оспод)а нашего ѿсѣ хѣ да вѣдѣт (lire в(лю)дѣт) сѧ · ѿмѣже, etc., ce qui répond à la dernière phrase du texte grec: (I Thess., V, 23) . . . καὶ ἡ ψυχὴ καὶ τὸ σῶμα ἐν τῇ παρουσίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (δια)τηρηθεῖ· ᾧ, etc. La deuxième Catéchèse occupe les feuillets 17^r—29^r.

5) Tr: manuscrit du XVe siècle du monastère de la Trinité Saint-Serge (Свято-Троицкая Сергиева Лавра), n° 124, actuellement à la Bibliothèque Lenin à Moscou. Il comprend 274 feuillets et est tronqué à la fin. Il donne le texte complet des *Catéchèses*, du feuillet 1^r au feuillet 207^v (la deuxième Catéchèse aux feuillets 10^r—17^v), sauf une lacune accidentelle de deux ou trois feuillets entre les feuillets 6 et 7, qui va du début du paragraphe XIV de la Procatéchèse au titre de la première Catéchèse.

6) Sol: manuscrit du XVe siècle du monastère Soloveckij, n° 168 du catalogue de la collection, n° ancien 478 (497), à la Bibliothèque d'État de Leningrad; il a été donné au monastère de Solovki en 1493. Il présente la suite des *Catéchèses*, avec la deuxième Catéchèse aux feuillets 14^r—22^v.

7) U: manuscrit du début du XVIe siècle de la collection UVAROV, n° 457 (Bibliothèque Carskij, n° 201), au Musée Historique de Moscou; voir le cata-

logue de l'archimandrite LEONID, Систематическое описание славяно-російскихъ рукописей собранія Графа А. С. Уварова, I, pp. 114—115, Moscou, 1893. Il comprend 239 feuillets, et porte la deuxième Catéchèse aux feuillets 19^r—28^r.

*

En laissant de côté les Feuilles de Chilandar, ces manuscrits se groupent en deux familles, l'une, étroitement unie, constituée par S Tr Sol U S¹, l'autre, plus lâche, représentée par T et R.

a) La famille de S.

Les manuscrits Tr, Sol (XVe siècle) et U (début du XVIe siècle) sont des copies, directes ou indirectes, de S, et ils n'ont guère d'intérêt qu'en la mesure où ils comblent la lacune de S qui va du paragraphe XII de la Procatéchèse au paragraphe VI de la première Catéchèse, et qui résulte de la chute récente de plusieurs feuillets (Gorskij—Nevostuev, p. 45); encore le manuscrit Tr présente-t-il au même endroit une lacune semblable, mais moins étendue. Il suffit d'indiquer que Tr et Sol sont indépendants l'un de l'autre et assez conservateurs, et que Sol porte les traces d'une révision; quant à U, qui présente le texte de S sous une forme plus rajeunie, il paraît indépendant à la fois de Tr et de Sol.

Le cas du manuscrit S¹ est moins simple. D'une part, comme il est tardif (XVIe siècle), il est sensiblement moins conservateur que Sol et Tr, et ainsi il s'accorde souvent avec U ou R; d'autre part, à côté d'altérations assez fréquentes et de variantes qui peuvent ne représenter que des corrections secondaires, il apporte un petit nombre de leçons qui semblent plus anciennes que celles de S. Il est dans l'ensemble tout proche de S, et il connaît exactement les mêmes lacunes (voir p. 291), et ordinairement les mêmes fautes. Mais voici quelques cas dans la deuxième Catéchèse où ses divergences par rapport à S forcent à admettre qu'il n'est pas une simple copie de ce manuscrit:

11, ₁₁ БОЛЕ dans S (le *в* est peut-être raturé sur *к*, mais la correction remonterait à la première main), et de même БОЛЕ dans Sol Tr U: la bonne leçon T БОЛЕ = ἀρα figure dans S¹: *кѡлѣ*.

9, ₁₅ ИЖЕ ИСАИИЖ ПРѢТЪРѢ dans S, et dans Sol, etc., mais T porte *ἰσαῖο πλοιοῦ δρῦκιανοῦ πρετερῖ*, ce qui répond au grec ὁ τὸν Ἰσαίαν πρίσας, plus l'addition banale « avec une scie en bois »: S¹ a la leçon curieuse *ἰσαιῖο πῤεῤῥῖ πρετερῖ*, qui conserve le participe passé, et où *πρεδρεч(енаго)* doit être l'interprétation d'une interpolation identique à celle de T, mais abrégée sous une forme comme *п. др.*

10, ₃ НЕ ЛЕЖИ БО dans S, et dans Sol, etc., mais cet impératif est pour le présent *не лежѣши* R = οὐχ ὑποβέβλησαι, et S¹ porte *не леши*: on doit penser

que l'original de S et de S¹ présentait une forme altérée *лшш*, que S¹ a conservée, et que S a adaptée. De même dans l'exemple suivant:

10,₁₀ *ογατῆ ογῆ* S, avec *сн* rajouté (*сгасити* Sol, etc.): S¹ a *ογτο ὀγῆ*, qui n'a pas de sens; la forme *ογасити* est garantie par T, mais le mot devait être mutilé de quelque façon dans l'original de S et S¹.

Le cas le plus curieux est celui de la correspondance:

8,₁₁ *βολαρε · ρече молαхуѣтъ ѥ ѡсти хлѣбъ*, avec *ρече* dans S Sol Tr U, en regard de S¹ *коларе соѣтъ молахѣтъ ѥ*, etc.; le manuscrit T porte *сѡнѣ* (*εγο· молахуѣтъ ѥ*, avec *εγο* (ou *εю*) raturé et presque illisible (pour l'introduction de *сѡнѣ* dans le texte révisé de T, cf. S *пѣкѣ вонскыи* 7,₁₇ = T *полкѣ сѡнѣи*); R a simplement *коѡре молѡха* (sans *ѥ*). Le grec a *οἱ ἀρχοντες παρεκάλουν φαγεῖν ἄρτον*, sans l'incise « dit-il », et en effet ce n'est pas une citation de David, mais un emprunt à Samuel (II Reg., XII, 17). Mais comme la correspondance S¹ *соѣтъ*: S *ρече* restitue à coup sûr la vieille forme *сѡтъ*, il faut admettre, soit que le texte primitif portait *βολαρε сѡ молахѣ ѡсти хлѣбъ*, et que *сѡ* a été altéré en *сѡтъ* dans un original très ancien de S et S¹; soit que ce *сѡтъ* traduisait le verbe *φησίν* une ou deux lignes plus haut (*ρече* 8,₁₀), qu'il a été glosé par *ρече* plus récent selon le type connu (*ρече сѡтъ* Supr. 477,₁₉), puis qu'il s'est trouvé déplacé. Quoi qu'il se soit passé, la présence de *сѡтъ* dans une copie antérieure à S et S¹ n'est pas douteuse, non plus que l'indépendance de S¹ par rapport à S.

Ainsi S¹ est copié, non sur S, mais soit sur son original, soit plutôt sur quelque copie de cet original parallèle à S. On ne peut donc pas le négliger pour l'établissement du texte slave, et il faut le prendre en considération dans le cas aussi, qui est le plus fréquent, où les leçons qu'il apporte peuvent s'expliquer par des corrections ou des fautes secondaires, mais peuvent également être primitives. Ainsi: 7,₂₀ *сѣкрениѣ* T S¹ = *ταπεινοφροσύνην*, en regard de l'altération *сѣкрѣнениѣ* de S et Sol, etc. (le copiste de S pensait au péché de David); 4,₆ *не можетъ ли въскр(ѣ)сити* T S¹ = *οὐ δύναται ἀναστῆσαι* (sans complément), pour *не можетъ ли насъ въскрѣсити* S Sol, etc.

*

L'unité du groupe constitué par S, etc. et S¹ est établie matériellement par des lacunes que les manuscrits T et R ne présentent pas. Une de ces lacunes est considérable (Gorskiĭ—Nevostruev, p. 45, p. 62): dans la IVe Catéchèse, l'exposé des articles de foi et des règles chrétiennes s'interrompt dans S et S¹ au début du paragraphe XXII (après la seconde phrase, conformément à la disposition des chapitres dans le Coislinianus), et le chapitre *Περὶ σώματος* est annoncé mais fait défaut, de même que toute la fin de la Catéchèse (§§ XXII—XXXVII); et la Ve Catéchèse, sur le thème de la foi, manque en entier. La coupure est volontaire dans la IVe Catéchèse: un copiste mal au courant des hérésies des Gnostiques et des Manichéens a dû

être surpris par les thèses que le corps n'est pas étranger à Dieu et qu'il n'est pas cause de péché, et il a pu douter de l'authenticité du chapitre sur le corps, et penser du même coup que les prescriptions sur le mariage et le remariage, la nourriture, etc. étaient des additions suspectes ou inutiles au résumé des articles de foi; la chute de la Ve Catéchèse aura suivi cette coupure: la VIe Catéchèse porte le chiffre *ѣ*, et des confusions se sont produites, dans la substitution de la cyrillique à la glagolite, entre les systèmes numériques des deux alphabets.

Nous trouvons le texte complet dans le manuscrit T (sous réserve des lacunes qui abondent dans ce manuscrit). Voici la suite du paragraphe XXII de la IVe Catéchèse: fol. 109' *прѣми протнвѣ сѣлѣ ѿ тѣлѣи скоѣмъ слоко. О тѣлѣи(и). Ёда кого прѣмѣши гл(аголю)шихъ · чюже сео (lire *сѣо*) сѣ ѣсть тѣло =* δέξαι κατὰ δύναμιν καὶ τὸν περὶ τοῦ σώματός σου λόγον. Περὶ σώματος. Μή τινος τῶν λεγόντων ἀνάσχη ἀλλότριον Θεοῦ τοῦτο εἶναι τὸ σῶμα. La phrase suivante est abrégée et altérée: le passage embarrassait les copistes slaves, et aussi les copistes grecs, comme le montre la variante *ἀλλοτρίου Θεοῦ* pour *ἀλλότριον Θεοῦ*. La Ve Catéchèse, qui occupe dans T les feuillets 115^r—119^r, débute ainsi: *Колѣкѣ камѣ сѣнѣ дѣтъ г(о)с(по)дѣ ѿт ѿгласѣмъхъ чина кѣ вѣрнѣхъ прѣлагаѣ (pour *прѣкѣ*), Пакѣлѣ ап(о)с(то)лѣ рече =* Ἠλίκον ὑμῖν ἀξίωμα δίδωσιν ὁ Κύριος ἀπὸ (τοῦ) κατηχομένων τάγματος εἰς τὸ τῶν πιστῶν μετατιθέμενος, Παῦλος ὁ ἀπόστολος παριστάς φησι.

Les lacunes ordinaires de S et S¹, que T et R permettent de combler, consistent en la chute accidentelle de quelques mots: 10, *да ти сѣ отѣдасть (да ти сѣ ѿтѣмѣтъ) пламы*; 5, *4-5 хоштеши ли вѣдѣти нны (такѣ сп(а)-с(ѣ)ны, да ѿ тѣхъ вѣрѣ ѿмѣши ѣко) и на тѣкѣ...*, et de même 6, 10—11, 11, 15—16. Dans ces trois derniers exemples, la lacune est d'une trentaine de lettres: le copiste de l'archétype de S et S¹ avait sauté une ligne. Une lacune de même origine apparaît au début de la IVe Catéchèse, où le texte de S, reproduit par Gorskij et Nevostruev (p. 50), est complété par les Feuilles de Chilandar (II r², 21—24): *обложени кожей, (и образѣмъ безълобнѣкѣмъ прѣлѣшѣмъ, тѣлѣштинѣмъ, etc.*

b) La famille de T et R.

La parenté des manuscrits T et R est prouvée par les fautes qu'ils ont en commun, ainsi: 5, *1-2 тѣ ѿстакѣтѣ T, тѣ ѿстакѣ R*, pour S *ты остави* = σὺ ἀφῆκας, avec une altération de *ты* en *тѣ* devant la 2e—3e personne de l'aoriste; 1, *15 (того) створеніе ѣсте T, ѣстѣ сѣтвореніе R*, pour S *исмѣ сѣтвореніи* = (αὐτοῦ) ἔσμεν ποιήμα; et de même 7, *11*. Les deux premières altérations sont d'autant plus significatives qu'elles apparaissent dans des citations de l'Écriture (Ps. XXXI, 5 et Eph., II, 10).

Des variantes communes à T et à R attestent que ces deux manuscrits dérivent — indirectement — d'un même original qui présentait, non le texte

primitif de la traduction de Cyrille de Jérusalem, mais un texte révisé. Cette révision, qui a été faite sur le slave seul et sans recours au grec, a porté en particulier sur le vocabulaire, ainsi: 6,₂ *нѣподобна* T R, *нѣпотрѣбна* S = ἄχρηστος; 1,₁₁ *вѣрати с(ѧ)* T R, *прѣврати сѧ* S = ἐστράφη; 3,₁₈ *спадѣшю* T R, *падѣшю* S: il s'agit d'une citation de l'Évangile, et les variantes Luc, X, 18 *падѣша* Mar. Zogr. Ostr. (*падѣшю* Nik.), *сѧпадѣша* Ass. Sav., sont anciennes; etc. Les faits ne sont pas toujours aussi clairs: nous trouvons la correspondance 4,₈ *ѧко и* S, *акы* T R, mais ailleurs *ѧко* 3,₁₈ (*ѧко* dans l'Évangile) est donné à la fois par S et R, et *акы* n'apparaît que dans T; de même S et R s'accordent pour présenter *избавити* 4,₇, en regard de T *гонозити*. Mais en de tels cas le témoignage du manuscrit R, qui donne un texte rajeuni et russisé, ne vaut pas contre celui de T: l'opposition de S *ѧко и*, *избавити* et de T *акы*, *гонозити* dénonce la substitution au vocabulaire de l'Évangile du vocabulaire du Suprasliensis, et indique que le texte vieux-slave (vieux-macédonien) de la traduction de Cyrille de Jérusalem a subi dans l'archétype de T et de R une révision vieux-bulgare.

*

Les manuscrits T et R sont ainsi apparentés, et s'opposent à la famille de S. Mais ils n'en divergent pas moins beaucoup entre eux, et s'ils sont également altérés et remaniés, c'est de façon différente.

Le manuscrit R est récent (XVIe et plus probablement XVIIe siècle), et il représente une adaptation russe d'un original moyen-bulgare, comme l'a reconnu Vostokov. Parmi les traits moyen-bulgares qu'il incorpore à son slavons russe tardif, nous pouvons signaler: la graphie *нж* pour *нѣ* (1,₁₆, et couramment); le datif singulier en *-шомоу* dans la flexion du participe présent (1,₁₈, etc., pour S *-штоуоумоу*, T *-шѣмѣ*); *ж* pour *ѧ* après *j* et *ѣ*: *ѣж* 1,₈, *чажѣ* 4,₁₀, *сѣгрѣшѣшж* 5,₁₄; *ѧ* pour *ж* après *lj* et *nj*: acc. sing. *зѣмла* 3,₁₆, 4,₁, 3e pers. plur. *гѣлѣтъ* 2,₂, 1e pers. sing. *мѣнѧ* 11,₅; *ѧ* pour *ж* à la finale dans *молѧха* 8,₁₁; la forme *ѣгль* 2,₁ à côté de *жгль* (cf. bulg. dial. *ѣглень*, *ѣжглень*). Le manuscrit R, en tant que représentant d'une tradition moyen-bulgare indépendante, apporte un témoignage d'une grande valeur; mais il ne peut être utilisé qu'avec précaution, parce que l'adaptateur russe a pris des libertés avec son original. Le texte du Шестодневъ de Jean l'Exarque a dû être traité de la même façon.

Le manuscrit T, assez ancien (XIIIe siècle), est important, bien que moins conservateur, au point de vue des traits orthographiques et des formes grammaticales, que les manuscrits du XVe siècle dérivés de S; mais il est remanié, et surtout mutilé par des lacunes constantes. Dans la deuxième Catéchèse, la plus considérable de ces lacunes fait passer directement de l'exemple de David à celui de Manassès, en supprimant la valeur de deux paragraphes (8,₁₃—9,₁₄); une autre (9,₂₀—10,₈) fait disparaître presque tout le paragraphe

XV; le plus souvent, elles ne portent que sur une ou deux phrases, mais elles sont fréquentes: ainsi 3, ₂₁—4, ₁, 4, ₁₀—11, 4, ₁₆, 5, ₃, 5, ₁₈, 6, ₁₄—16, etc.

Il ne s'agit pas, du moins dans l'ensemble, de lacunes accidentelles, mais de coupures volontaires. Le début du paragraphe V (4, ₂₋₄) est abrégé en *съ что оубо; оумрохомъ*, c'est-à-dire que le manuscrit donne simplement le début de la période et la phrase finale qui, d'après le texte même (*и да къ кратъцъкъ речемъ*), la résume. L'abréviateur a librement supprimé des développements qui, à tort ou à raison, et plusieurs fois à tort, lui paraissaient inutiles; il est possible aussi qu'il ait éliminé par ce moyen des passages altérés qui l'embarrassaient, ainsi 2, ₁₃₋₁₄, où une lacune ancienne et commune à S et à R (voir p. 295) rendait une phrase incompréhensible. Dans plusieurs cas, un développement est remplacé par un résumé: ainsi le passage 10, ₁₉—11, ₉, condensé en quelques lignes; le passage 7, ₂—7, ₁₀, auquel est substituée une courte phrase; le passage 3, ₆—3, ₁₇, dont la suppression, qui mutile l'exposé sur le diable, est compensée sommairement par une modification de la phrase 3, ₁₈₋₁₉.

À côté des lacunes, et outre les résumés des passages volontairement omis, le manuscrit T présente deux additions dans la deuxième Catéchèse: l'une (2, ₁₁, note 39) est une exhortation contre le péché d'intempérance, qui développe en prédication morale l'exposé théologique de Cyrille de Jérusalem sur la nature du mal; l'autre (8, ₄₋₆, note 213) fait suite au récit, quelque peu abrégé, de la confession de David, et elle le reprend sous une forme plus banale. Les deux additions sont de même style et de même esprit, et on peut supposer que le texte de Cyrille de Jérusalem a suggéré au réviseur le souvenir de quelque homélie, ou l'envie d'esquisser un sermon de son cru.

Les autres Catéchèses ne sont pas mieux traitées dans le manuscrit T. Pour ne citer qu'un exemple, la Procatéchèse commence ainsi: *Неложь бо истъ рекъиъ яко любашиимъ в(о)дъ вса поспѣютъ сѧ въ бл(а)гоу = ἀψευδὴς γὰρ ὁ εἰπὼν ὅτι*, etc., c'est-à-dire que dès le début la première moitié du paragraphe I est omise. Le copiste de T ou de son original direct ou indirect a dû vouloir se constituer un abrégé de Cyrille de Jérusalem; mais, par inexpérience ou par paresse, il n'a guère fait que supprimer, un peu au hasard, des phrases ou des développements.

c) L'archétype de S S¹ et de T R.

Si les deux familles de manuscrits, S et S¹ d'une part, T et R de l'autre, sont bien distinctes, elles n'en dérivent pas moins, lointainement, d'un même archétype, postérieur à la traduction initiale, dont certaines fautes caractéristiques se laissent restituer. Le fait est rendu évident par une lacune dans la XIIe Catéchèse et par un dérangement du texte dans la XIIIe Catéchèse, qui sont communs aux manuscrits S S¹ et T (je n'ai pas examiné le manuscrit R).

Dans la XIIe Catéchèse, S et S¹ (Gorskij—Nevostruev, p. 46, pp. 62—63) présentent une lacune importante qui porte sur les paragraphes XXVIII—XXXIII du texte grec. Le manuscrit T est mutilé exactement de la même façon: fol. 157^r ἵακο δ(οϛ)χ^η πλοτ^ηι κ^{αι} κοστ^ηι η^ε η^ματ^η, ce qui répond au grec: § 28 καὶ πάλιν· ποία φύσις χεῖρα ἀνθρώπου (μεταβληθῆναι, etc.); § 33 (… τῷ λέγοντι) (Luc, XXIV, 39) Ψηλαφήσατέ με καὶ ἴδετε ὅτι πνεῦμα σάρκα καὶ ὀστέα οὐκ ἔχει. Le texte manquant représente 120 lignes dans l'édition de Migne.

Dans la XIIIe Catéchèse, S et S¹ passent sans transition de la fin du paragraphe XXV: τοῦτ'αὐτοῦ γε ποταμὸν ἔσται ἀποκρυβέντες οἱ ἀπόστολοι, au milieu du paragraphe XXIX: πρὶν ἢ δευτέρου πλοῦ ἐπὶ τὴν πόλιν, mais le passage omis réapparaît dans la suite. Gorskij et Nevostruev (*ibid.*) n'indiquent pas comment se fait la jonction, mais la voici dans T: fol. 167^v ἰδεεζе прѣдмнѡжаше с(а) грѣхъ · прѣйзевыточкствова бл(а)г(о)д(ѣ)тъ · дивно оубо проризанаю · нъ даже мнѣ др҃уго̄ реч(е)тъ нѣкто... = § 31 (Rom., V, 2) ὅπου ἐπλεόνασεν ἡ ἁμαρτία, ὑπερεπερίσσευσεν ἡ χάρις; § 25 θαυμαστὸν μὲν οὖν τὸ προφητευθέν. (§ 26) Ἀλλὰ δός μοι καὶ ἕτερον, ἑρεῖ τις... Les deux passages intervertis sont donc § 25—§ 29 et § 29—§ 31, qui comptent tous deux 60 lignes environ dans l'édition de Migne. Chacun d'eux devait représenter un feuillet dans l'archétype de S et T, et la lacune de la XIIe Catéchèse représente exactement le double, deux feuillets.

Ainsi l'archétype de tous nos manuscrits était déjà fautif. D'autres altérations doivent ou peuvent lui être imputées:

2,¹³ HE TBYKHK JE CEBK · TH HAYATBK · DHABOLH KLABAMHT dans S, etc., et de même dans R, avec la variante CEBK · TŪ (le groupe ū est raturé et de lecture douteuse); T fait défaut, cf. p. 294. Le texte grec dénonce une lacune du texte slave: οὐ μόνον δὲ τούτου σὺ (var. τοῦτό σοι) ἀρχηγὸς (εἶ), ἀλλὰ καὶ ἄλλος ὑποβόλεις ἀρχηγὸς ὁ διάβολος. Ὑποβάλλει, etc. (le verbe εἶ est donné par l'Ottobonianus III, mais manque dans le Coislinianus). Le slave CEBK garantit la lecture σοί, et du même coup la leçon τούτου; la forme impossible S TH, et la forme R TŪ, avec un essai de correction, s'accordent remarquablement, vu l'éloignement des manuscrits, pour indiquer une mutilation. On peut conjecturer approximativement: HE TBYKHK JE CEBK (HAYATBK SEMOY ECH, N'K H HNT' EST' KLABA)TH HAYATBK, avec chute d'une ligne environ.

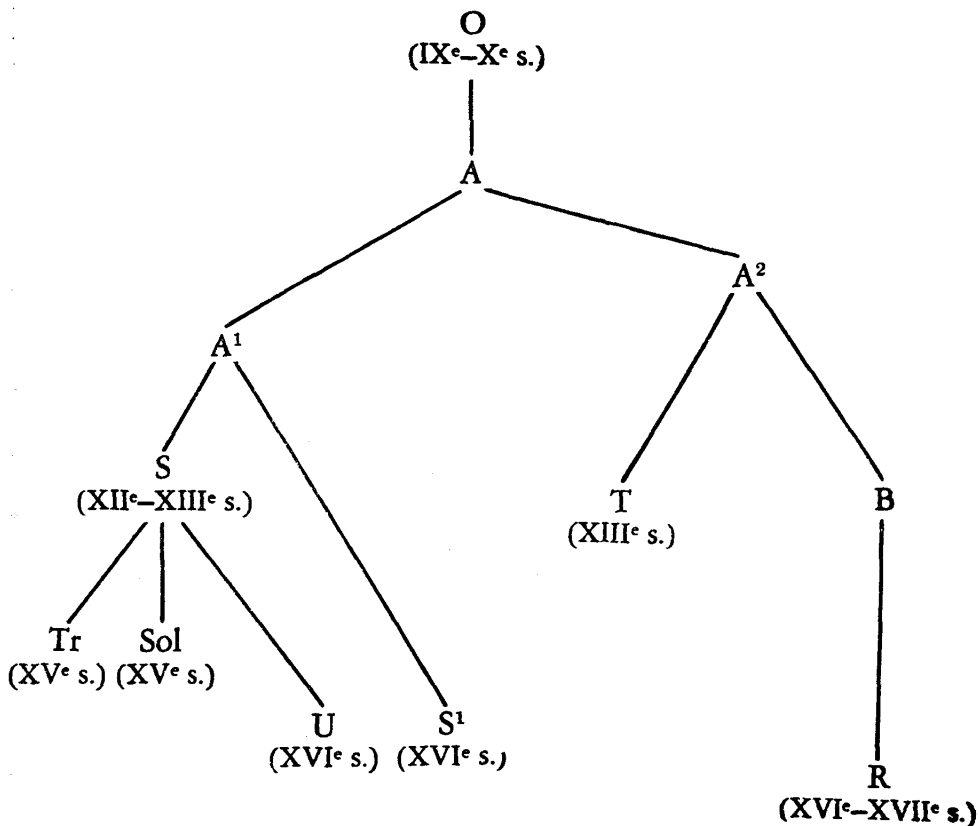
D'autres lacunes, par exemple 10, ₄, peuvent remonter à l'original grec: ainsi sûrement 3, ₁₅.

Dans un cas, une altération commune à tous les manuscrits a été suivie d'un remaniement dans l'archétype de T et R: $\alpha\upsilon\tau\epsilon$ pour $\epsilon\alpha\tau\epsilon$ = $\xi\tau\iota$, voir 5,13, note 137. On n'hésitera donc pas à admettre que $\sigma\tau\epsilon\kappa\alpha\rho\acute{\alpha}\nu\eta\kappa$ 11,13, bien qu'attesté à la fois par S et T, est altéré de la forme rare $\sigma\zeta\epsilon\kappa\rho\acute{\alpha}\nu\eta\kappa$ ($\beta\upsilon\sigma\tau\eta$) = $\alpha\pi\epsilon\theta\eta\rho\iota\omega\theta\eta$. Au début de la Procatéchèse, j'ai trouvé la leçon

fautive BOAA pour $\text{BOHA} = \delta\sigma\mu\eta$, non seulement dans S, etc. (cf. Gorskij—Nevostruev, p. 45) et S¹, mais aussi dans R (T manque, voir p. 294).

d) Conclusion.

Le groupement des manuscrits de la traduction slave de Cyrille de Jérusalem — en négligeant les Feuilles de Chilandar du XIe siècle — se laisse résumer dans le tableau suivant:

L'archétype A peut remonter (approximativement) au début ou au milieu du Xe siècle, l'archétype A² au milieu ou à la fin du Xe siècle, l'archétype A¹ au XIe siècle, l'original moyen-bulgare (B) de R aux XIIe—XIVe siècles.

Il n'y a pas d'hésitation possible sur le choix du manuscrit de base pour une édition du Cyrille de Jérusalem slave. Le manuscrit S est le plus ancien et le plus conservateur, et il est complet, sauf trois lacunes importantes: Cat. XII, §§ 28—33, où le texte slave est perdu; Cat. IV, §§ 22—37 et Cat. V,

où le texte est donné uniquement par T (abrégé à son habitude) et par R; et Procat., § 12 — Cat. I, § 6, où S est suppléé par ses copies et par S¹. La valeur de S nous est précisée, non seulement par la confrontation avec le grec, mais aussi par la comparaison que nous en pouvons faire avec les Feuilles de Chilandar: Gorskij et Nevostruev (p. 50) ont reproduit dans cette intention le début de la IVe Catéchèse dans S. Les deux manuscrits sont très près l'un de l'autre et fournissent le même texte, sans trace de remaniement; on doit même supposer qu'ils présentent une faute commune dans *оуѣдени* (*бѣдени*) Chil. II v¹, 10 = S, en regard du grec *θηρευθῶμεν* qui implique une leçon comme *оуловлени*, ou mieux *оуламени*: ce serait l'indice que les Feuilles de Chilandar dérivent du même archétype A que les familles de S S¹ et T R. Le manuscrit S est moins correct que les Feuilles de Chilandar, et nous y trouvons en moins d'une page une lacune d'une ligne (voir p. 292) et deux altérations: *воудѣтъ* pour *бѣдени* Chil. II v¹, 14, *кого пожрѣти* (d'après le texte de l'Écriture, I Pierre, V, 8 *τίνα καταπιεῖν*) pour *кого пожрѣтъ* Chil. II v¹, 16—17 = *τίνα καταπιή*. Mais les Feuilles de Chilandar ne sont pas elles-mêmes exemptes de fautes, et il faut corriger *нѣдите сѧ* II r¹, 13—14 en S *нѣдите сѧ* = *βιάζεται*, et plus loin *оучение* II v², 20 en *оучени*, gén. plur.

V.

LA LANGUE DE LA TRADUCTION SLAVE.

Une étude détaillée de la langue du traducteur des *Catéchèses* est naturellement impossible avant l'édition complète du texte. Il suffira ici d'ajouter aux indications de Gorskij et Nevostruev les données les plus intéressantes que fournit l'édition de la deuxième Catéchèse.

Du point de vue du lexique, l'archaïsme du texte est accusé par des mots comme le pronom acc. sing. *ѣтера* 1, 19 (et de même *ѣтеромъ* Chil. I v², 10) ou le verbe *нѣпѣшѣу[иш]* 5, 13, 11, 5 (et de même *нѣпѣшѣваѣши* Chil. II v¹, 13), subst. *нѣпѣшѣвани* 10, 22; on trouve une trace altérée du verbe *сѧтъ* (8, 11, voir p. 291). Il faut souligner en outre la richesse du vocabulaire: l'expression poétique d'Isaïe, LXIII, 1 *ἐρύθημα ἱματίων* est rendue par *вощени* *ризь* *нго* (Gorskij—Nevostruev, p. 61), ce qui indique que le traducteur, qui a pensé à l'emploi de la garance, connaissait bien la langue du peuple. On peut noter le mot *сѧтъ* 9, 4 et l'expression *сѧжиште остро* 8, 8 au sens de *σάκος* « cilice »; à *ἰδιώτης* « homme du vulgaire » répondent *смердъ* 7, 15 (T), cf. Supr. 101, 24 *смердъ*, et *рѣдники* 8, 13 avec une nuance d'emploi: le premier terme est péjoratif, le second, qui est appliqué à l'auditeur, est plus poli. La construction *люто ꙗ грѣхъ* 1, 7, 1, 18 = *δεινὸν ἡ ἁμαρτία* (mais *грѣхъ люто* 4, 2 = *ἡ ἁμαρτία δεινόν*), qui serait insolite en slave avec l'adjectif, doit sans doute s'expliquer par le substantif *люто*, rarement attesté (gén. *лютесе*, Supr. 341, 1).

La dérivation est riche et présente des formes intéressantes: fém. **тѣр'но-кнѣ** ἀκανθώδης 4,₁₂ (sur le modèle de **παιδοκνίτου** qui suit); loc. (**οὐτρη**) **въ нѣдѣ-стѣѣ** ἔνδον εἰδώλων 11,₁₀; **ранѣѣ** (**кыкаашѣ**) ἐμαστιγοῦτο 11,₁₃; acc. fém. **лѣвовѣ-скоу** λεοντώδη 11,₁ (**лѣвѣскѣ** - T R), cf. pour la formation Supr. **вѣсовѣскѣ** δαιμονιώδης; etc. Certains dérivés cités par GORSKIJ et NEVOSTRUEV (p. 51, p. 53) sont d'allure nettement populaire: voc. **дрѣвоушѣ** τολμηρότατε, dat. plur. **приснакомѣ** γνησίοις, et nom. sing. **мѣжакѣѣ** rendant ἀρσενόδηλος (Cat. VI, § 18), féminin en *-у (cf. **третнякѣ**, voir Miklosich) au sens de « hommasse, virago » de **mqžakŭ* qui n'est attesté que dans les langues modernes. On attachera moins d'importance à des formations dérivées ou composées appelées par le grec, comme **псалмѣмнѣнѣѣ** ψαλμῳδός 4,₁₇, **вѣсхѣтитѣлѣ** ἀρπακτικός 11,₁₄, **вѣстѣнѣмѣ** (dat. plur. masc.) τῆς φυγῆς 8,₁₄, **неразнѣстѣнѣѣ** ἀδιαφόρως 7,₁₂; **благонѣстѣлѣнѣ** εὐίατον 1,₁₉ (T **блгоѣцѣлѣнѣнѣ**), **прѣвѣстѣлѣ** πρωτοστάτης 12,₆, **пр(о)р(о)коуѣнѣнѣѣ** προφητοκτόνος 9,₁₋₂ (R **-оуѣнѣнѣѣ**), **злато-оковѣнѣнѣѣ** (gén. plur.) χρυσοκολλήτων 8,₉ (T **златоковѣнѣнѣ**, cf. г. **златоко-ванный**), **отѣпечѣстѣѣ(о)** ἀποσφράγισμα 3,₁₄, **сѣотѣлѣожнѣѣ** (**исн**) συναπέθου 2,₁, etc.; mais **цѣлоногѣнѣѣ** 4,₄ est un calque original de ἀρτιποδῆσαι (et non de ὀρθοποδῆσαι, qui appellerait une traduction du type **право ходити**, cf. Gal., II, 14, éd. VOSKRESENSKIJ, p. 180, et JAGIĆ, *Psalterium Bononiense*, p. 945, ISTRIN, *Хроника Георгия Амартола*, III, p. 134); et **законѣложитѣлѣ** νομοθέτης 10,₃₋₄ ne doit pas être une faute pour **законѣпо-ложитѣлѣ**, mais le second terme - **ложнѣ** - semble choisi pour s'opposer à **лѣжнѣ(шнѣ)** qui précède. Dans les formes verbales à préverbe, on peut signaler **вѣцѣкѣтѣѣ** 3,₂ (**вѣцѣтѣѣ** T R), cf. s.-cr. *ucvāsti*, slov. *vzcvesti*; on lit dans S **прѣстави** παρίστησι 12,₈, pour **прѣдѣстави** T S¹, et la forme à préverbe **прѣ-прѣстѣѣ** être ancienne, cf. le doublet **прѣстѣѣѣ**: **прѣдѣстѣѣѣ** dans les manuscrits de l'Évangile; pour **прѣднѣ** **стѣнѣѣ** **парѣстѣѣ** 10,₂₀, cf. Supr. 337,₁₀ **прѣднѣ** **стѣнѣѣ**.

Certaines formes remaniées des manuscrits présentent quelque intérêt, ainsi **гонѣзити** dans T pour **изѣвѣзити** 4,₇ (voir p. 293), ou dans R **прѣрѣсѣлѣ** pour **прѣ-зѣвѣлѣ** 2,₈, forme qui se retrouve dans le dérivé s.-cr. *prorāsljika*.

*

En ce qui concerne la grammaire, les faits phonético-orthographiques, essentiellement instables, ne sauraient retenir beaucoup l'attention quand on étudie un texte et non un manuscrit. Gorskij et Nevostuev (p. 49) ont indiqué les traits que le manuscrit S conserve d'un original de type assez archaïque, comme par exemple la confusion vieux-slave des jers; les bulgarismes de R n'ont d'intérêt qu'en ce qu'ils établissent l'origine, et du même coup la valeur, de cette copie tardive; du caractère vieux-bulgare de l'original de T, nous avons trouvé (p. 293) des preuves plus sûres que la forme **граѣнѣнѣ** 2,₉ sans *l* épenthétique. Il suffit de signaler dans S **из-д-раѣнѣ** 5,₈, avec l'épenthèse de

d régulière entre préposition et substantif dans les manuscrits de rédaction vieux-slave (из-д-раѣ Euch. Sin. 85 b) mais rarement attestée, et остѹпи 8, 7-8, 9, 24 à côté de отѣстоѹпи 6, 12, 9, 7 (le Psautier du Sinaï a de même остѣпѣти et отѣстѣпѣти); et dans R прикриваѣ 2, 4, en regard de прикрываѣтъ S T, qui peut remonter à la révision vieux-bulgare opérée dans l'archétype de T et R (le désaccord des deux manuscrits, russisés à des dates diverses, ne prouvant naturellement rien): la forme кри- pour кры- apparaît en particulier dans l'Évangile de Sava et dans le Suprasliensis, voir Vondrák, *Altkirch. Gramm.*², p. 80, Marguliés, *Der altkirch. Codex Suprasliensis*, p. 37.

La question suivante ne relève qu'apparemment de la phonétique: l'adjectif au sens d'« étranger » a dans les manuscrits la forme de type russe чѹжѣго 2, 9 (S T R), et les trois formes de type vieux-slave: тоѹждни 1, 11 dans S et S¹, mais la leçon виноградаѣ съюжѣи de T, avec un démonstratif postposé sûrement secondaire, nous conserve la trace d'une forme стоѹждни qui remonte au moins à l'archétype de T et de R (altéré); стоѹждни... штѣжднимы 9, 2 dans S, etc. et стѣжѣимъ dans S¹ (un seul exemple), en regard de чюжѣ... чѣжимъ dans R, dont la consonne initiale peut être moyen-bulgare aussi bien que russe; hors de la IIe Catéchèse, GORSKIJ et NEVOSTRUEV (p. 52) signalent le verbe оѹтоѹждиши. La forme la plus intéressante est стоѹжда, qui ne se rencontre qu'en vieux slave; elle est postérieure à тоѹжда des premiers traducteurs, et secondaire par rapport à штоѹжда qui seul a subsisté en bulgaro-macédonien en s'altérant en moyen bulg. чѹжда, bulg. mod. чѹжд(и), macéd. čus(ŕ), čúzdi. En vieux slave même (voir VONDRÁK, *Altkirch. Gramm.*², pp. 314—315), la forme стоѹжда n'est pas très fréquente, mais elle n'est pas limitée au Suprasliensis (7 ex.): outre un exemple dans l'Euchologe du Sinaï, elle apparaît dans les manuscrits de Constantin le Prêtre, de Jean l'Exarque, de la traduction de Grégoire de Nazianze, etc. (voir Sreznevskij).

Dans la morphologie, il faut noter le nominatif-accusatif пламы 10, 10^a (S S¹ = пламень R), 10, 13 (S S¹ T = пламень R), 10, 14 (S S¹ = пламень T R), d'ailleurs à côté de l'accusatif камень 3, 1 (et du nominatif корень 3, 1). Au nominatif neutre singulier de la flexion déterminée du participe présent, la correction дѣистѣж(а)и 2, 7 = τὸ ἐνεργοῦν est sûre, et les paradigmes des grammaires du vieux slave, qui ne donnent que la forme en -(ѣ)штеи de nominatif-accusatif, sont incomplets: Gorskij et Nevostruev (p. 52) signalent dans la traduction des *Catéchèses* гл(а)голѣи (3 ex.), очищѣи (1 ex.), leur citation велѣнии... в(о)жѣи исть гл(а)голѣи répondant sans doute à Cat. IX, § 13 ἐν τὸ τοῦ Θεοῦ πρόσταγμα τὸ λέγον; la traduction de Méthode d'Olympe a de même выкаѣи τὸ γινόμενον (*Le De Autexusio de Méthode d'Olympe*, p. XLV); et, en classe IV, Supr. 511, 27 носѣи τὸ φοροῦν est altéré de носѣи. Plusieurs formes verbales sont intéressantes, outre les graphies выкаѣи 11, 13 et отѣпоѹштѣи 7, 7 dans S à la 3e personne du singulier (cf. събираѣи,

etc. chez Gorskij—Nevostruev, p. 51, et 2e pers. sing. **въсташи** Chil. I v², 13): 2e pers. sing. **χοшти ли** 7, ₁₀, (2 ex.) 7, ₁₁ dans S (et deux autres exemples chez Gorskij—Nevostruev, *ibid.*); 3e pers. sing. **довѣлѣтъ** 10, ₂ (S), qui représente v. sl. **довѣлѣтъ** plus ancien que **довѣлѣтъ**; — impér. **осажѣте** Cat. XII, § 33 (S T, voir p. 295, et Gorskij—Nevostruev, p. 46), qui est Luc, XXIV, 39 **осажѣте** Mar. Ass. = **осажѣте** Ostr.; — aor. (**κῆνῃ-но**) **сѣ** (εἰς τὸ διηγεῖς) ἐκάθισεν, voir Gorskij—Nevostruev, p. 51: cette forme isolée, qui n'appartient pas à la flexion de **сѣсти** (aor. **сѣде**), mais de **сѣдѣти**, s'apparente à v. sl. **отѣкѣ**, aoriste du type de **из-к** d'une forme à préverbe ***отѣкѣдѣти** remplacée en tchèque par **odpověděti** et supplantée en vieux slave par un verbe différent, **отѣкѣшати**, et elle invite à admettre que **сѣдѣти** et **кѣдѣти** ont eu des aoristes **сѣ** (***sěst**), **кѣ** (***voist**) plus anciens que **сѣдѣ** (l'imparfait **сѣдѣаше** est seul usuel), **кѣдѣ** (usuel avec préverbe); — participe présent **бывающыи** τῶν γινομένων 9, ₉, forme connue de l'Évangile: Luc, XXII, 29, XXIII, 8, et Luc, XXI, 31 **бывающа** Mar. = **бываема** Nik., du Suprasliensis: 6, ₁₁ **бывающыи**, et d'autres textes, ainsi **бываема** dans la Chronique d'Hamartole (éd. ISTRIN, I, 560, ₆). Dans la morphologie de l'aspect, l'imperfectif dérivé **оусѣлѣтъ** 5, ₈ (S) est à joindre aux exemples à degré vocalique **ѣ** **всѣлѣтъ** Ps. Sin., LXVII, ₇, **всѣлѣхъ** Ps. Bon., CXII, 9, **всѣлаи** сѣ Supr. 546, ₈; la forme **всѣхита** 11, ₁₅ dans T R (S manque) est d'un type plus archaïque que **всѣхышта** des manuscrits du Psautier, Ps. XXI, 24 (les manuscrits de l'Évangile présentent les deux formes, voir MEILLET, *Études*, p. 51).

Pour l'emploi des formes, on peut signaler le génitif-accusatif **винограда** dans **насадихъ тѣ винограда плодови** 1, ₁₀: il est en apposition au pronom **тѣ**, et le traducteur savait par Isaïe, V, 7 que la « vigne » désigne Israël; les Feuilles de Chilandar présentent un exemple plus net encore de génitif-accusatif de nom de chose personnifiée: **оумрътвѣхъ грѣха** θανάτωσας τὴν ἁμαρτίαν I v², 6—7; inversement, c'est l'accusatif qu'on a avec le nom du « veau (d'or) »: **тебѣ сътвор(и)ша** 6, ₁₂. Dans la phrase **къ раи мѣсто самоу о себѣ носашааго плоды** 3, _{21—4}, il faut corriger S **носашааго** en R **носѣиш**, et y voir un exemple de l'apposition d'une phrase participiale au datif à un antécédent à un autre cas. Le locatif non prépositionnel apparaît dans le tour verbal **не прикосъшии сѣ имѣ** (Gorskij—Nevostruev, p. 52), et dans une locution temporelle du type du slavon **ономъ дѣне**, s.-cr. *onomádne*, r. **намѣдни**: **въчѣрашныи дѣне** ἐν τῇ χθὲς ἡμέρᾳ au début de la VIIe Catéchèse, où le texte de S (Gorskij—Nevostruev, p. 45) est confirmé par T **въчѣрашнемъ дѣи**; l'adverbe **падѣне** 7, ₁₂ dans S (= **полѣ дѣне** T, et R **къ полѣднѣ**, mais qui est peut-être une glose de **падѣне** altéré en **падѣнѣ**) répond, assez librement, à τὸ δειλινόν, et Gorskij et Nevostruev (p. 53) en signalent un autre exemple, fol. 78^v = **μεσημβρινόν** Cat. IX, § 6: ce locatif d'un composé **падѣнѣ**¹ est attesté en

¹ C'est ce qu'enseigne M. Meillet, et l'explication phonétique de Vondrák (*Vergl. slav. Gramm.*, 2,

vieux slave (Euch. Sin. 50^b,₃), comme en bulgare moderne et en serbo-croate, mais plus rarement que les locutions *полоу дѣне* (Euch. Sin. 17^b,₂₁, Ps. LIV, 18, etc.) et *полоу ношти* (Év.).

Un participe présent d'un verbe perfectif a une valeur nette de futur: *Т прилѣчаща сѧ емѹ τὰ συμβησόμενα* Cat. XVI, § 14 (cité p. 288). Le prétérît composé est d'emploi libre au sens du parfait, ainsi *С довьльнѣ слышали есте* ἀρχοῦντως ἀκηκόατε au début de la XXIIIe Catéchèse, voir Gorskij—Nevostruev, p. 47 (le manuscrit R lui substitue l'aoriste: *слышасте*); mais nous ne le trouvons dans la IIe Catéchèse que dans un cas spécial, qui confirme les observations de ST. SLONSKI (cf. MEILLET, *Le slave commun*, p. 224) — sans d'ailleurs accuser une débilité réelle de l'aoriste, qui est resté bien vivant en bulgaro-macédonien: le prétérît composé prend la place de l'aoriste à la 2e personne du singulier là où cette forme serait ambiguë. Voici les exemples: *сѣгрѣшилѣ еси* 7,₁₅, *сѣотъложилѣ еси* 2,₁ (= R *тогда ѿложи*); quand plusieurs verbes se suivent, le premier seul est un prétérît composé, pour préciser la personne, et les autres sont des aoristes: *любѹ дѣла(а) еси, осквѣрѣни . . . бысть* 6,₁₋₂, *раздражилѣ еси . . . имѣ . . . раздражи* 8,₄₋₅. Dans tous les cas où il n'y avait pas d'ambiguïté à craindre, le traducteur a employé la 2e personne de l'aoriste, ainsi *правдѣнѣ еси о вѣсѣхъ ажѣ створи намѣ* 10,₁₅₋₁₆, et de même *роди сѧ* 3,₁₄ (le sujet *ты* est exprimé), *не слыша ли* 10,₂₂ (précédé de *имашин*), etc.; dans *како прѣврѣти сѧ . . . виноградѣ* 1,₁₁, il a pu lire ἐστράφη au lieu de ἐστράφη, ou simplifier une construction difficile à rendre en slave.

Outre *ни оубо ѡπαγε* 11,₅, (*в)оли оубо ѡρ' οὖν* 11,₁₁, et la locution interrogative *да ли* qui répond librement à *εἰτα* 4,₁₁, et qui ailleurs rend *ἄρα* (Gorskij—Nevostruev, p. 55), il faut signaler la particule de souhait *ѡша* suivie d'un participe en *-л-* sans auxiliaire du conditionnel: *С ѡша сѧ покаали тѣгда-шѣни (и оулоучили)* 5,₁₀ = *εἴθε* (et non *εἴ γε*) *μετενόησαν οἱ τότε*. La particule *ѡша*, que les manuscrits altèrent de façons diverses (et qui a fini par être conçue comme synonyme de *ѡше*, voir Kalajdović, *Иоаннь екзархъ Болгарскій*, p. 196), est assez rarement attestée: Supr. 131,₈, etc. De la construction curieuse avec le participe en *-л-* sans auxiliaire, on ne donne que quelques exemples: Supr. 386,₆₋₇ *ѡша и не сѣбрали сѣбора, ѡша и сице не бесѣдоваали*; Ephrem le Syrien *ѡша и тѣ видѣхъ* (Miklosich, d'après Vostokov); Vie de Niphon *ѡша и тѣ имѣхъ плѣтъ εἴθε καὶ σὺ ἵνα εἶχες σάρκα* (voir B. LJA-PUNOV, *Извѣстія Одесскаго библиографическаго общества*, V, вып. 3—4, p. 94); Ménologe de février *ѡша* (= *εἴθε*) *расѣла сѧ оутрѣба родивша тѣ* (voir SREZNEVSKIJ); le tour en lui-même n'est pas fréquent, et en outre

I, p. 400) est arbitraire. Un composé **pol-dini* est analogue aux composés tch. *kratochville*, s.-cr. mod. *sladoled*, mais d'un type plus archaïque: le mot *polū* est l'ancien adjectif en *-u-* de la racine verbale de lit. *pilū, pilti*, etc. «emplir» (gr. *πολύς*, got. *filu*, skr. *purūh*), dont le neutre a donné un substantif signifiant «le plein, le milieu», cf. d'une part *olū* (*Маѣкѣ, Slavia*, VIII, pp. 212—213), et de l'autre *srēda* «le cœur, le milieu», puis est devenu masculin en *-ŭ-* comme *olū* et *medū*.

les copistes l'ont éliminé: dans le Psautier, la leçon primitive *ѡша исправили сѧ* Ps. CXVIII, 5 = ὄφελον κατευθυνθείησαν n'est conservée que dans le manuscrit du XIIIe siècle de Ste Sophie de Novgorod (voir SREZNEVSKIJ), et les autres manuscrits ont *ѡша... бѡша* (voir MIKLOSICH) ou des leçons *ѡда* (Sof. Buc.), *аше* (Pog.), parmi lesquelles la plus altérée est celle de Ps. Sin. et Ps. Bon. *не да исправили сѧ* — ce qui établit la parenté étroite de ces deux manuscrits et prouve que leur accord a peu de valeur pour la critique du texte du Psautier. L'hypothèse de G. ILINSKIJ (*Indogermanische Forschungen*, XXVIII, pp. 202—203), qui voit dans *ѡша* un ancien optatif **es-yēt* du verbe « être », apporterait la solution du problème de l'emploi du participe en *-l-* en valeur d'optatif (voir *La langue de D. Zlatarić*, II, 176), si παροι, qui n'est sûrement pas un emprunt au grec ᾄο' οὐ (BERNEKER), mais doit être une forme de l'adjectif *jarŭ* fixée dans quelque tour expressif, n'admettait pas en vieux slave la même construction (Supr. 386, 7, Grég. Naz.).

Ces indications très incomplètes sont suffisantes pour marquer l'importance de la traduction de Cyrille de Jérusalem comme document sur le vocabulaire et la grammaire du vieux slave.

JÁN STANISLAV (Praha):

DOTERAJŠIE VÝSKUMY O FRIZINSKÝCH PAMIATKACH.

Kriticko-bibliografický prehľad.

V ostatnom čase sa znovu venuje zvýšená pozornosť otázke pôvodu pisateľov Frizinských pamiatok, ich rázu jazykového, súvislosti so stol. pamiatkami a pod. — Najnovšie najmä SIMON PIRCHEGGER¹ chce úplne vypäť Friz. pam. zo súvislosti s ostatnou literatúrou stsl. a cksl. a donáša ešte i niektoré iné novoty, preto dobre bude všimnúť si vývoja celej otázky.

I. OD OBJAVENIA FRIZINSKÝCH PAMIATOK DO VONDRÁKA.

Frizinské pamiatky sú najstaršie texty slovanského písomníctva latinkou písané a preto od svojho objavenia r. 1803 tým skôr budily pozornosť.²

DOBROVSKÝ sa veľmi často nimi zaoberal v korešpondencii s Kopitarom;³ vznik I. zlomku kládol do X. stor., II. a III. do XI. stor. (pred 1050) a nepripúšťal vlivu cksl. (13. I. 1813). Pravdaže, ako podotýka aj Vondrák (Pam. 3), Dobrovského predstavy o cksl., lepšie stsl., neboly také, ako sú naše. O III. zl. si myslel, že pochádza z Lužice a že bol prenesený sv. Vojtechom do Čiech a odtiaľ do Slovinska (21. XI. 1826). Zlomok II. najmä pre *dl* a *vy*- pokladal za prepis z čes. originálu.⁴

¹ Untersuchungen über die altslovenischen Freisinger Denkmäler. Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität. Berlin. Herausgegeben von Max Vasmer. Markert u. Petters, Leipzig 1931, strán 150.

² Prvú zmienku o nich má *Aretin* (Neuer Liter. Anzeiger, 1807, č. 12, str. 190), potom *Dobrovský* v Slovanke 1814, str. 249—251. Prvý zlomok vydal *Kopitar* r. 1822 v Jahrbücher der Literatur XVII., str. 102—103, vo Viedni. Všetky tri potom vydal *P. J. Köppen* Сборникъ Словенскихъ памятниковъ находящихся внѣ Россіи. Petrohrad 1827. S úvodnou štúdiou o jazyku od Vostokova. Potom byly vydané ešte viac ráz: *Kopitar* r. 1836 vo vydaní Glag. Claz, *A. Janežič* r. 1854 (Slovenska slovnica, Celovec), *Miklosich* r. 1854 (Chrestomathia paleoslovenica, Viedeň); *Sreznevskij* r. 1865: Филологическія наблюденія А. Х. Востокова (Petrohrad 1865, IV., 78—82); *K. Maikowski* (Przegląd najdawniejszych pomników języka polskiego, Warszawa 1872) a v iných výboroch. Novšie *Vondrák*, Frizinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví, Praha 1896. Odtlačil ich *Glocke* (Изборникъ кievскій посвященный Т. Д. Флоринскому. 1904). Potom *Pirchegger*, i. c., a *Siewers*, Die altslavische Verstepte von Kiew und Freising, Leipzig 1929.

³ Prvý dôležitý list Dobrovského Kopitarovi z 22. júla 1811 je uverejnený v Arch. VI., 648 n. Všetky vydal JAGIČ, Briefwechsel zwischen Dobrovsky und Kopitar (1808—1828), Berlin 1885. Potom II. sväzok: Новые письма Добровскаго, Копитара и другихъ югозападныхъ Славянъ. Petrohrad 1897. V krátkosti shrnul materiál o Friz. pamiatkach v korešpondencii (I. sv.) A. Brückner v recenzii Jagičovho vydania I. sväzku (Arch. IX., 303—304).

⁴ Podrobne preberá všetky názory Vondrák, I. c. 1—10.

Frizinské pamiatky veľmi zaujímaly básnika V. VODNIKA; študoval ich so Zupanom a k I. zlomku napísal i latinský komentár. Sám Dobrovský si jeho úsudkov o Friz. pamiatkach veľmi vážil; komentár mu poslal Kopitar s listom 14. júna 1813. (Sr. Fr. Vidic: Valentin Vodnik, Der erste slovenische Dichter. Arch. XXIII., 428 n.)

VOSTOKOV v Köppenovom vydaní uverejnil súčasne slovan. prolog na sv. Marka podľa štyroch rukopisov, s ktorým sa Friz. zlomok II. miesty shodoval. Väčšiu príbuznosť so stnem. spovednými formulami nepredpokladal; ich pravopis srovnával so stč. Ich »slogъ i manerъ« sa mu zdal negréckym.

KOPITAR ich kládol do X. stor., PERTZ a J. GRIMM do IX.—X. stor. U Köppena a Kopitara uznáva sa, že Friz. pamiatky písal Frizinský biskup Abrahám (podľa Kopitara Abrahám napísal I. zl., jeho pisár II. a III.).⁵

Súvislosť s cksl. literatúrou videli najmä SCHLEICHER,⁶ SREZNEVSKIĬ⁷ a HATTALA.⁸ P. J. ŠAFÁRIK sa najmä pre Friz. pamiatky vzdal mienky o pôvode starej slovienčiny v Macedonii.⁹

Celkom zvláštnu mienku o pôvode Frizinských pamiatok mal UNDOŁSKIĬ.¹⁰ Myslel si, že II. zlomok napísal Kliment, keď ešte nebolo zostavené slovanské písmo.¹¹

W. BRAUNE¹² sa podrobne zaoberal grafikou Frizinských pamiatok a našiel v nich veľký vliv nemeckej grafiky. Je to zjav známy i zo staročeských pamiatok a tiež zo slovinských pamiatok XV. storočia (OBLAK, Starejši slovenski teksti. Let. Mat. Slov. Ljubljana 1889, str. 4—8). Pisára Nemca prezradzuje podľa neho najmä zlomok II., kde sa za *b* píše *p*. K týmto staronemeckým vlivom v grafike Vondrák potom (Friz. pam. 41) doniesol ešte nové doklady: *g* za *k*, *ch* za *k* (*chifdo* II. 80, кѣждо, кѣнждо). V najnovšom čase sa touto otázkou znovu zaoberal Pirchegger a preto o grafike bude reč nižšie.

MIKLOSICH¹³ zápis Frizinských pamiatok pripisuje biskupovi Abrahámovi, o ktorom hovorí ako o rodenom Korutancovi (957—994), a kladie ich podľa paleografických znakov do IX. alebo X. stor.; homíliu Klimentovu po-

⁵ Tejto mienky sa neskôr držali Merkel, Marn, Janežič, Kleinmayr, Grafenauer, Nahtigal, čiastočne Glaser a Sket. Odmietol ju Schmeller už r. 1822. Srv. M. Kos, ČSJKZ. IV., 29.

⁶ Beiträge zur vergleichende Sprachforschung, I., 1858, 319—328.

⁷ I. c. 82—89, najmä 88—89.

⁸ O poměru cyrilliciny k nynějším nářečím slovanským, ČČM. 1855, 102.

⁹ Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, Praha 1858, str. 25 a 28.

¹⁰ Климентъ, епископъ словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. Москва 1895, str. XXXIV.

¹¹ Miklosich, Die christliche Terminologie, Wien 1875, 8, sa vyslovil pravdaže proti tejto mienke; podľa neho zástancom takejto teorie môže byť len ten, kto nechce uznať nemecký pôvod Frizinských pamiatok.

¹² »Die altsloven. Freisinger Denkmäler in ihrem Verhältnisse zur althochd. Orthographie« v »Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur«. Vyd. H. Paul a W. Braune I. (1874), str. 527—534. Podrobne referuje o tomto článku Vondrák, Friz. pam., str. 38 n.

¹³ Die christliche Terminologie der slav. Sprachen, Wien 1875, 3, 7, 8.

kladal za závislú na II. zlomku Friz. pam. (str. 7), ktorý podľa neho vznikol z nemeckého textu. Klimentovi samému pripisoval národnú príslušnosť slovinskú. To všetko už súviselo s jeho pannonskou teoriou.

JAGIĆ¹⁴ reagoval na Miklosichove názory a zdalo sa mu, že ani opačný pomer závislosti oboch týchto pamiatok nie je nemožný, t. j. možno si myslieť, výstižne píše Jagić, že nemecko-latinskí kazatelia, povzbudení skvelým úspechom slovanskej misie, využili diela slovan. kazateľov, pokiaľ to dovoľoval západný ritus.

V jazyku Friz. pamiatok videl slovínčinu ovplyvnenú staroslovienčinou; nachádza v nich miešaný jazyk, lebo vedľa gen. *iega, uzega* . . . sú tu i tvary *iego, toga* . . . , vedľa *vzoues, zadenes, prides* je ešte aj *postedisi*, na miešanosť jazyka poukazujú mu i kontrahované formy *me, mo, memu, mega* atď., vzaté z dialektu, a *moia, moie, tuuoiu* atď. skôr podľa staroslovienčiny. Uvádza i ďalšie dublety: akuz. pl. *uze moie greche, gresnike* proti *crauii*, gen. sing. *ot zlodeine oblazti*, ale *moki* (moky), *szlauui*, gen. pl. *grechov* i *greb*, ďalej *segna, tage, toge, nikoligese*, kde *g*, t. j. *j* (alebo *dj*?), píše Jagić, odpovedajú stsl. *žd* proti *ugongenije* (= *оугождѣннѣ*), potom *ese* (*еже*) je podľa neho sotva ľudové, ale cirkevnoslovanské, slovín. je *tere* (staroslovín. *teže*), a podobne tiež *ponese, elicose, ise*.

Jagić ďalej uvádza niektoré perfektá a proti nim imperfektá, ktoré našiel na týchže miestach, kde je shoda v znení s evanjelskými textami. (Jagić tu mylne hovoril o aoriste miesto o imperfekte.) V evanjelskom texte je aorist, ale vo Friz. pamiatke je imperf.: *oni bo lajna natrovuechu, segna neboiachu, bozza obuiachu, naga odeachu, malomogoncka* . . . *bozzekacho*, v Zogr. Mat. 25, 37---38: *кѣгда тѣ видѣхомъ · аачжштѣ ꙗ натровѣхомъ · аи жаждажштѣ ꙗ напоѣхомъ · когда же тѣ видѣхомъ страна · ꙗ кѣѣсомъ · аи нага ꙗ одѣхомъ · когда же тѣ видѣхомъ колашѣ · ꙗи кѣ тѣмъници ꙗ придохъ къ тебѣ*. V texte Friz. pamiatky najmä slovo *natrovechu* mu prezradzovalo zrejmú súvislosť s hlahol. rázom evanjelského textu (451). Pirchegger (73—74) mu vytкнуť, že si pomýlil aorist s imperfektom, a slovnú shodu pokladá len za náhodnú (75). Pirchegger načítal 10 (11) perifr. perf., 13 aor. a 18 impf. (všetky tieto v II.). I keď nie sú zachované aoristy v uvedenom texte, je preca zaujímavé, že tu nie sú perifr. perfektá, t. j. aorist vtedy už vypadúval zo systému slovinského jazyka, v textoch podobných tomuto boli aoristy nahradzované zas len tvarmi syntetickými: imperfektom. A toto je zaiste dôležitý doklad pre posúdenie procesu, ako sa staršie texty a reminiscencie prejímaly a v akom smere sa menily, aby sa prispôbily domácomu systému, ale aby sa pri tom primoc neodlišovali od pôvodného znenia.

Jagić neuviedol tu *dl* || *l* a *vy-, iz-*, lebo vedel, že sú v slovinských dialektoch dodnes zachované (v. nižšie).

¹⁴ AfslPh. I., 450—451.

Sú tu zjavné dve vrstvy jazykové — staršia a mladšia, ale pri mnohých treba pravdepodobne vychádzať z domáceho, staroslovinského jazykového stavu, t. j. z kolísania vo vývoji.

Jagić potom¹⁵ sám myslel na výklad z domáceho stavu pri otázke, kedy a ako vznikali tvary *žene* m. *ženy*, *grebe* m. *grehy* a pod.

Jagić videl vážnosť otázky súvislosti Friz. pamiatok s cksl. literatúrou a v recenzii Hist. slovan. literatúr od Pypína a Spasoviča zdôraznil, že táto otázka musí byť nepodmienečne potvrdená (AfslPh. IV., 1880, 475).

Frizinské pamiatky boli Jagićovi dôvodom proti Kopitarovej a Miklosichovej pannonskej teórii. Svoje tvrdenie rozviedol najmä v článku Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen (AfslPh. XVII., 1895, str. 52—53). Poukázal najmä, že Friz. pamiatky majú *ć* za *š'*, *o* za *q*, *e* za *ę*; nerozumel dobre, prečo je tak často *u* za *q* a myslel, že to pochádza z hlaholskej predlohy, ktorá mohla byť cirkevnoslovansko-slovinská alebo cirkevnoslovansko-chorvátská. Za miesto vzniku pokladal Jagić skôr Pannoniu ako východné Korutansko. (Arch. XX., 1898, 8.)

Proti Jagićovým názorom, vysloveným v AfslPh. I., 450—451, ozval sa ŠKRABEC na obálkach časopisu Cvetje z vertov sv. Frančiška (II., 1881, s. 4; sr. Jezikoslovni spisi I. Ljubljana 1916—1919, str. 145—150); neuznával najmä miešanosti jazyka Frizinských pamiatok (II. zlomok pokladal za najstarší), pretože ešte dnes sú v slovinských dialektoch dvojtvary ako *vže* — *vre* (friz. — *že* vedľa *tere*), *-š* vedľa *-ši* v 2. os. sing. a pod. Poukazoval na to, že vo Frizinských pamiatkach máme stav, keď sa začínajú uplatňovať jazykové novosti vedľa ešte žijúcich starších zjavov. Tento názor Škrabcov je nepochybne správny; zdôraznil to neskoršie i RAMOVŠ v Slavii II., 117—118, neuznal však Škrabcovu mienku, že II. zlomok je najstarší. J. BAUDOUIN de COURTENAY (Učenyja zapiski imperatorskago kazanskago universiteta. Kazaň 1877, č. 3, str. 14) v shode s Jagićom charakterizoval jazyk Frizinských pamiatok ako miešaný.

II. NÁZORY VONDRÁKOVE A ICH OHLASY.

Sústavne sa zaoberal Frizinskými pamiatkami V. VONDRÁK najprv v štúdiu Althochdeutsche Beichtformeln im Altkirchenslavischen und in den Freisinger Denkmälern (AfslPh. XVI., 1894, str. 118—132),¹⁶ potom širšie vo zvláštnej knihe: Frizinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví (Praha 1896, s textom, slovníkom a faksimilami). Nesúhlasil s niektorými doterajšími výkladmi.¹⁷ Správne neuznal (Pam. 8) výklad Dobrovského

¹⁵ Ein Kapitel aus der Geschichte der südslav. Sprachen v Arch. XVII., 53, a v Einige Streitfragen, AfslPh. XVII., 1876, 13 n.

¹⁶ Je to skrátený obsah knihy »Frizinské památky...«.

¹⁷ Vondrákove výklady nie sú všade dost jasné. Na to sa ponosuje i Jagić, AfslPh. XVIII., 599, a M. Noha, ČMM. I. (1926), 44—45.

o mieste vzniku II. zlomku, lebo *dl* a *vy-* sú i v slovin. nárečiach. Nepresvedčovali ho ani Sreznevského dôvody (ib. 9). Poukazoval na súvislosť zlomku I. a III. Srovnáva spovednú formulu v III. zlomku s textom v Euch. sin. a sthnem. textom t. zv. svätoemmeramskej modlitbe a II. zlomok s homíliou Klimentovou; nachádza rovnaké miesta (ib. 12—16, 62—65, AfslPh. 14, 120—121), a *vnútornú príbuznosť* (podčiarkuje V. na str. 16). Sledy po cksl. vidí všade (na str. 16 a n. vypisuje viac spoločných miest), i v pravopise, a bez cksl. literatúry nevie si predstaviť Friz. pamiatok (ib. 16). Videl i vliv čsl. [*oběť, ion (тънь), vzděl, krilatec (křidlatec)* a i.], najmä slovenský (ib. 19—20, 31, 32, 34, 51, AfslPh. XIV., 127 n.), a predpokladá blízkosť čsl. živlu. Videl aj vliv nemeckého originálu, ktorý sa mu podarilo najst, v spovednej formuli Euch. sin. i Friz. pam. (ib. 21—22, AfslPh. XIV., 124 n.). Vznik ich prvotného znenia kladie (str. 34) tam, kde bolo literárne spojenie so slovan. cirkvou v Bulharsku — asi na uhorské územie, blízko Blatenského jazera (22, 31—32, 51, AfslPh. XIV., 131—132) alebo v Korutansku. Preklad nemeckých spovedných formulí a modlitby urobil tu slovan. duchovný, asi tuzemec, ktorému cksl. bola známa, ale nie úplne (22). Nesúhlasí s MIKLOSICHOM,¹⁸ že homília sv. Klimenta, s ktorou súvisí II. zlomok Friz. pam., vznikla z textu známeho v Korutansku (26). Z grafiky a jazykových znakov Vondrák videl, že II. a III. zlomok pochádzajú od jedného pisateľa a boli napísané neskoršie ako I. (str. 28), a že II. zl. mohol napísať len Nemec, lebo vidí v ňom vliv starej bavorčiny (29—30, 35); v III. zl. už nevidí tak veľkých stôp stbavor., lebo vznikol neskôr, keď sa už Nemec lepšie naučil slovinsky. Pri II. zlomku mal ešte iný originál, bezpochyby hlaholský (lebo sa nemecké duchovenstvo stýkalo so Slovanmi v Pannonii); pri III. zl. mal už len latin. text (30). Pisár II. zlomku menil hlaholský text (31); v III. sú staršie tvary ako v II., čo mu hovorí o rôznej povahe predlôh. V pravopise Friz. pam. našiel znaky hlahol. textov (č sa píše v hlah. textoch i vo Friz. pam. ako *k* a i., v. str. 32). V určitých slabikách Friz. pamiatok objavujú sa čiarky, označujúce podľa Vondráka asi prízvuk. Vondrák im pripisuje veľkú dôležitosť, vypisuje ich a donáša doklady na také prízvukovanie zo slovin. dialektov (36—37). Na niektoré dôležitejšie známky vlivu nemeckej grafiky vo Friz. pam., ako sme už spomenuli, upozornil už W. BRAUNE. Podľa stbavor. spôsobu píšú *s*, *z* ako *z*, *š*, *ž* ako *f*. Vondrák (Pam. 38) upozorňuje, že je to spôsob obvyklý i v stč. (Geb. I., 491, 510—511, 475).

JAGIČ v recenzii tohoto Vondrákovho diela (AfslPh. XVIII., 1896, 598—601) pravdaže prijal tvrdenia Vondrákove o súvislosti Frizinských pamiatok s Euch. sin. a homíliou Klimentovou a vôbec so starocirkevnoslovanskou literatúrou. Doplňuje tu staré svoje názory. Podľa neho spovedná modlitba vznikla už skôr v Pannonii, kde hneď na počiatku ordo confessionis bolo veľmi dôle-

¹⁸ Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Denkschriften viedenskej Akad., fil.-hist. tr., sv. XXIV., r. 1875, str. 7, 8.

žité. Niektoré spovedné formule podľa Jagičovej mienky boli tu známe už pred sv. Cyrilom a Metodom a tieto po jazykovej úprave boli neskoršie pojaté do Euch. sin. Nie mu je jasná Vondrákova formulácia o súvislosti II. Friz. zlomku s homíliou Klimentovou, t. j. najmä jeho tvrdenie, že niet vnútornej súvislosti medzi II. Friz. zlomkom a cit. homíliou a že treba hľadať tretí prameň. Vondrák (Pam. 26) tu myslel na predlohu oboch pamiatok — homílie a II. Friz. zlomku.

Jednotlivosti Vondrákových výkladov Jagiča nepresvedčovali (ib. 600); neveril príkladom na akcenty, o príkladoch na čechizmy hovorí, že stoja na veľmi krehkých nohách, príklady na *dl* skôr by pokladal za dialektické slovinské (sr. *Dudlebi* južne od Blatenského jazera — v Pannonii), nemyslí, že *k* za *č* predpokladá prevzatie z chorvatského prostredia. Trochu pravdepodobnejšie mu znie, že mnohé *u* za *ñ* môžu viesť k chorv. vlivu, hoci, podotýka správne, i proti tomu môžu byť námietky. Neprijal tiež niektoré jeho transkripcie, čítal na pr. správne *neimuči* a nie *neimy*. Vidíme a uvidíme ešte nižšie, ako Jagič jasne videl do našej otázky, hoci sa ňou do podrobností nezaoberal; ďalšie výskumy potvrdili jeho pozorovania. To je už Jagičova osobnosť.

B. M. LJAPUNOV¹⁹ ešte pred Vondrákom zdôraznil cksl. vliv na Friz. pamiatky. V. OBLAK podávajúc zprávu o tomto článku pripomína, že po Vondrákovom poukázaní na súvislosť Friz. pamiatok s Euch. sin. v AfslPh. XVI., 1 n., nemôže sa už o tom pochybovať (Arch. XVII., 1895, str. 600).^{19a} Neveril však srbskej recenzii, ako si to myslel Sreznevskij, a tiež nie slovakizmom; v zápisoch *o*, *on*, *un*, *u* za *q* a *e*, *en* za *ę* videl len neúplnú grafiku a myslel si, že jazyk Friz. pamiatok ešte mal nosovky, ako ešte dnes niektoré slovinské dialekty.

Celkom podobne sa OBLAK vyslovil aj v recenzii Glaserovej Zgodovine slovenskega slovstva (I., 1894) v AfslPh. XVIII. (1896), str. 238—239;²⁰ pokladal *vy*-, *dl*, *mega*, *mo* a pod. za domáce. Miesto slovenského vlivu myslel by radšej na známky jazyka Kocel'ovho kraja. Za pozostatok z cirk slov. predlohy pripúšťa pokladať *-m* v 1. os. plur., ale nevylučuje možnosť, že je to znak nejakého slovinského vymretého dialektu (239). Na domáci národný hovor vo Friz. zlomkoch myslel Oblak už vo svojej práci Doneski k historični slovenski dialektologiji (sep. z LMSl. 1890, str. 3, 4). Sprvu si myslel, že sú

¹⁹ Краткій обзоръ главнѣйшихъ явленій словѣнской (хорутанской) литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи словѣнскаго языка къ старо-словянскому и другимъ словянскимъ. Записки императ. Харьков. Университ. I (1893).

^{19a} V AfslPh. XI. (1888), str. 397, Oblak bol ešte napísal: »da es noch nicht festgestellt ist, ob ihre Sprache frei vom kirchenslavischen Einflusse ist«. Odvolával sa tu na spomenutú už Jagičovu kritiku Miklosichových názorov o Frizinských pamiatkach v AfslPh. I., 450—451. M. Murko v Ant. Knezovej knjižnici VI., 268, ľutoval, že sa Oblak nikde rozhodne nevyjadril o vlive staroslovenčiny na Frizinské pamiatky; sám tento vliv predpokladal (ib. a Ottův N. S. XIII., 393—394; Murko, V. Oblak, ein Beitrag zur Geschichte der neuesten Slavistik. Wien 1902, 55).

²⁰ Srv. tiež Ljublj. Zvon XV., 310, a jeho Doneski k histor. sloven. dialekt. I., 48.

písané korutanským nárečím (LMSl. 1890, str. 4), neskoršie sa držal mienky, že majú znaky ziljského nárečia alebo nejakého podobného západného nárečia, ktoré už na severe od Drávy vyhynulo. (AfslPh. XVI., 1894, 156, 163, XVII. 600, XVIII. 238, Ljubljanski Zvon 1895, 310.)

Je zaujímavé, že českým (slovenským) vlivom neveril už ani M. HATTALA v článku »O poměru cyrilliciny k nynějším nářečím slovanským« (ČČM. 1855, 103); dobre si myslel, že *dl, vy* atď. mal jazyk staroslovinský v X. stor., lebo ich ešte podnes majú Korutanci (takto podľa Kopitara a Miklosicha). Celkom správne novšie neverili českým (slovenským) vlivom M. NOHA v ČMM. L., 44 a V. BURIAN v Slavii VIII., 54—55. Takto tedy sa vyslovili OBLAK (AfslPh. XVII., 600, Arch. XVIII., 238), JAGIČ (ib. XVIII., 600), M. MURKO (Dr. V. Oblak, Knez. knjižn. VI., 269), J. GRAFENAUER (Slov. čit. II., 1922, v pozn. na str. 6—12), NAHTIGAL, ČZN. XII., sn. 2, str. 117, PIRCHEGGER l. c. 141—142 (upozorňuje tiež, že v kat. kostole sa neprinášajú *sacrificia*, ale *vota*). Českým (slovenským) prvkom veril GLOKKE (l. c. 206); on toto, ako aj iné veci, nekriticky prevzal z Vondráka. Podľa Vondráka uznával ich aj SOBOLEVSKIJ v PфБ., XLIII. (1900), str. 176.

K Frizinským pamiatkam vracia sa VONDRÁK v Studiích z oboru cirkevne-slovanského písennictví.²¹ Tu sa zaoberá podrobnejšie pomerom druhej Frizinskej pamiatky k homílii pripisovanej biskupovi Klimentovi (Poučenie na paměť apostola ili mččenika).

V prvej svojej štúdii o Frizinských pamiatkach Vondrák chválil skladateľa homílie, že obsahove jej vety tesne súvisia, čoho nenachádza v prvej časti II. Frizinskej pamiatky a vôbec prácu skladateľa Frizinskej pamiatky II. pokladal za príštípkársku a to najmä tiež preto, že opakuje v tejže vete túže myšlienku týmiže slovami (str. 26). Uviedli sme už, že tu Friz. pamiatky pokladal za mladšie ako Klimentovu homíliu; v Studiích rieši túto otázku opačne: druhá Friz. pamiatka, tvrdí, je pôvodnejšia a Kliment z nej jednotlivé myšlienky vpravil do svojej homílie (str. 9). K tomuto záveru dochádza po podrobnej, ale nesprávne aplikovanej analýze gramatickej i myšlienkovvej oboch pamiatok.

Okrem rovnakých miest v oboch textoch VONDRÁK uvádza takéto dôkazy:

Vo Friz. pam. II. vidí dve samostatné časti: 1—66, 66—113. V prvej sa hovorí o Adamovom zhrešení; touto myšlienkou sa začínajú aj iné cirkevné texty západné, a vo Friz. pamiatke je podľa Vondráka len širšie rozvedená, čo je vraj pôvodné znenie. V homílii Klim. v *аще бо бы ю* (t. j. *заповѣдь съхранилъ*) je pôvodné znenie »pro peccatis, ecce bi... nezegrefil« už porušené (str. 10). Vondrák tvrdí, že Klimentovo myšlienkové spojenie časti o Adamovi s ostatným textom je nútené, t. j. len aby sa prišlo k Adamovi. Keď si však všimneme celého passusu, vidíme, že tu nemôže byť reči o nútenosti, naopak: myšlienky sú pospájané dosť obratne a hladko.

²¹ Rozpravy Čes. Akad., tř. III., č. 20. Praha 1903.

Za gréc. ἐπιουρία, ἐπιουρεω, lat. periurium, periurare, stnem. meinsverto, v druhej Friz. pamiatke stojí »*roti choise ih ne pazem*« (t. j. vo Vondrákovom prepise: *roti koichže ne pasem*, Friz. pam. 55, verš 23—24); v I. 14: *úne praudnej rote* (v prepise Vondr.: *v nepravdnej rote*); III. 33: *uzpitnih rotah* (Vondr. prepis: *v spítnich rotach*), v Klimentovej homílii je tu κλατβοпрѣ-стѣплѣннѣ, v Euch. sin. (68a, r. 25): прѣстѣпколатиѣ, v t. zv. Emmeram. modlitbe лихо κλατβѣ (Euch. sin. 72a, r. 15); podľa tohoto Vondrák (Studie 13) usudzoval, že nemotorný (sic) preklad Frizinských pamiatok je pôvodnejší ako preklad homílie, kde je už aspoň mluvnicky uhladený. Tu by sa skôr dal vidieť prínos nemeckého kňaza.

K najdôležitejším známkam, ktoré ukazujú, že text druhej Friz. pam. je starší ako text homílie Klim., patrí podľa VONDRÁKA vynechanie prívlastku vo výraze »mrzkých děl«, ponechanie však komparatívu мьрзѣчѣн a zamenenie výrazu »pred božima očima« výrazom въ чловекучѣхъ; výraz »pred božima očima« nachádza ešte raz vo Friz. pam. (riad. 75—76) a myslí, že to bol výraz pôvodcovi tejto pamiatky bežný, avšak i pôvodcovi homílie, takže by ho bol ináč vynechal (Stud. 13). Je to tvrdenie, ktoré sa dá ľahko obrátiť.

Zrejmu závislosť homílie Klim. na Friz. pamiatke II. videl VONDRÁK v časti, kde sa vypočítavajú »děla sotonina«; je v nich okrem jedného prípadu tenže poriadok (str. 11—12). Celý passus robí však dojem práve opačný; homília Klimentova podáva úplnejší a správnejší preklad či lat. alebo stnem. originálu. Friz. pamiatka robí dojem skráteneho výňatku, ktorý si azda pre prax spovednú (chytřejšie postupovanie) skrátili a jazykove pozmenili už na slovinskom území.

»Sex opera misericordiae« (Mat. XXXV. 35—39), vyskytujúce sa vo Friz. pam. II., nie sú podané v tomže postupe u Klimenta; podľa Vondráka tie vyrušili Klimenta z jeho pôvodného poriadku (Stud. 14). Za tým túže myšlienku Friz. pamiatky II. Kliment rečnícky rozvádza. Keď sa vo Friz. pam. II. poukazuje na súdny deň atď. a vyzýva sa k spovedi, Klimentova homília smyslom sa shoduje s Friz. pamiatkou II., ale vyzýva k nasledovaniu svätého, ktorého pamiatka sa slávi (str. 14—15).

Za veľmi dôležitý pokladá tu passus ... *tere nepriiaznina uznenuvideſſe* proti textu v homílii ... нѣ въсакоу злобу възненавидѣ...; podľa slova *nepriiaznina* text Friz. pam. II. je, podľa mienky Vondrákovej, starší ako text homílie Klimentovej. Toto slovo vo význame »diabolus« sa vyskytuje vo Friz. pamiatke II., 8—9, ešte raz: *poneže zavistju by neprijazninu vġnan od slavi božije* (vo Vondrákovom prepise). Vo všetkých troch zlomkoch je dva razy. Slovo *zъlo* vyskytuje sa len vo význame »malum« (II., 82, I., 12, III., 73).

Vondrák vyzdvihol dôležitosť miesta, kde proti *nepriiaznina* vo Friz. pam. II., 32—33, stojí *zlobu* v Klimentovej homílii, uviedol i druhé miesto, kde sa vyskytuje slovo *neprijaznin*, ale ich nesrovnal a nevšimnul si, že *neprijaznina* vo Friz. pam. a *zlobu* v hom. Klim. majú rôzne významy. V druhom mieste totiž

proti (*zavuistiū*) *nepriiazninu* vo Friz. pam. II., 8—9, stojí (*zavistijū*) *dьja-voljeju*.

Zo srovnania týchto miest vysvitá niečo inšieho, ako si myslel Vondrák. Vieme, že v evanjelských textoch διάβολος ostáva nepreložené ako дѡволъ a že неприазнь zastupuje grécke ὁ πονηρός vo význame zlého ducha (osoby).²² Slovom неприазнь sa prekladá grécke διάβολος v Apostole a v iných neskorších textoch.²³ V Glag. Cloz. (I., 147) máme raz неприкзнь, διάβολος, ale tri razy дѡволъ a raz adj. дѡволъ (všetky v I.); vieme však od Vondráka (14), že Glag. Cloz. je odpis na chorvatskej pôde z konca X. alebo začiatku XI. storočia. Mohlo teda byť неприкзнь v tomto význame vnesené už prepisovačom. ὁ πονηρός býva v Apostole obvyčajne prekladané slovom зѡлъ, ale i tu býva, hoci menej, неприазнь.

Z toho vidíme, že slovo неприазнь vo význame zlého ducha (bytosti), ὁ πονηρός, patrí do najstaršej vrstvy slovníkovej, ale vo význame διάβολος je už vo vrstve o niečo mladšej. A tak sa Vondrákom postavený pomer obracia práve opačne. Nebolo správne, keď postavil proti sebe ako významove identické slová *nepriiaznina* a *zlobu*, lebo z kontextu slova *zloba* poznávame, že nie je prekladom slova διάβολος, ako to máme v prípade *nepriiaznina* (diabolica), ale, že je tu reč skutočne o zlu ako o etickom pojme: *тому ubo, bratija, porъvъnuitъ, i takože dobraja дѣла tvorimъ, i тъ бо ѣлукъ же бѣ jakože i my, нъ всъjaku zlobu възненавидѣ, i благѡтъ божию i милость възлѡubi*; sú teda v Klimentovej homílii postavené do protikladu: *въsjaku zlobu* proti *благѡтъ божию* a *i милость*.

Slovo зѡло je v takomto význame známe evanjelským prekladom: Mat. 5, 39: неприкнѡти сѡ зѡлоу: μή ἀντιστῆναι τῷ πονηρῷ.²⁴ Forma зѡлоба sa vyskytuje v evanj. textoch (Mar.) raz vo význame »malitia«, κακία Mat. 6, 34 a raz vo význame »iniquitas«; πονηρία Luk. 11, 39. V Ps. sin. je зѡлоба vo význame πονηρία päť ráz. V Glag. Cloz. v tomto význame je tri razy.

Z tohoto všetkého rozboru Vondrákových príkladov pre náš problém vysvitá teda to, že *nepriiaznina* nie je dokladom závislosti Klimentovej homílie na Friz. pamiatkach, že Friz. p a m i a t k y týmto zjavom p r e d s t a v u j ú n o v š i u f á z u a konečne, že v tomto slove musíme vidieť dôležitý doklad súvislosti Friz. pamiatok (II.) so starocirkevnoslovanskou literatúrou. JAGIĆ sám si tohoto dokladu v AfslPh. XXVIII., 1896, 400—401, dobre nevšimnul, lebo ešte asi nebol ďaleko v štúdiu slovných vrstiev v starocirkevnoslovanských pamiatkach.²⁵ Je pravdepodobné, že ten fakt sám by bol pokladal za jedno z naj-

²² Srv. Jagić, Entstehungsgeschichte 1913, 306, 369, Zum altkirchslav. Apostolus II., 31. Srv. tiež index ku kodexu Mar.

²³ Sreznevskij, Филологическія наблюденія А. X: Востокова (Petrohrad 1865, IV., str. 85), uvádza zo starorus. pamiatok 11.—13. stôr. niekoľko príkadov na неприазнь vo význame διάβολος.

²⁴ Srv. Jagić, Entstehungsgeschichte 369, 348.

²⁵ Prvé vydanie Entstehungsgeschichte vyšlo r. 1900 v Denkschriften der kaiserlichen Akademie

dôležitejších svedectiev súvislosti Friz. pamiatok, najmä II. zlomku, s ostatnou cirkevnoslovanskou literatúrou a pravdaže za doklad proti závislosti Klimentovej homílie na Frizinských pamiatkach.²⁶

Už v III. zlomku Friz. máme diabolus preložené slovom *zlodej*: *Jazze zaglagolo zlodeiu* (Ego abrenuncio diabolo). V slovinských spovedných formulách z XV. stor. (okolo 1430) je už *hudič* (OBLAK, Starejši slovenski teksti. Let. Mat. Slov. Ljubljana 1889, str. 36 a 37): *Jaz ze ad pouem chudiczu* (list 244 b. 2, 245 b. 2). Slovo *neprijâzen* u Dalmatina (16. stor.) znamená »Feindschaft« (Pleteršnik I., 698).

VONDRÁK si tiež všimá zvláštností slohových a jazykových vôbec. Pôvodca Friz. pam. si obľúbil väzbu *se je (jest)* s infinitívom: *gemu be siti* (r. 3 a 7) a pod. Kliment si ju neobľúbil a preto podľa Vondráka zmenil tento výraz в то въ вѣкъ имоу было жити (str. 5, r. 15) a menil potom i iné väzby, ktoré sa mu po tejto zmene dobre nehodily. V iných spisoch Klimentových nič podobného Vondrák nenachádza a preto tu vidí vliv Friz. pam.

Dalšiu oporu svojho tvrdenia vidí Vondrák (17) v tom, že Friz. pam. boli spovedné formule a homília Klimentova mala sláviť pamiatku svätého a tedy časti týkajúce sa vlastne spovedi nemohly sa podľa Vondráka tam dostať len tak, že boli vybraté zo spovedných modlitieb. Zdá sa však, že je tu opačný pomer ešte možnejší. Vliv na homíliu podľa Vondráka mohla mať len prvá časť Friz. pam. II.; Vondrák (str. 17—18) nepredpokladal, že by Friz. pam. II. bola vznikla zo dvoch modlitieb, lebo jej jazyk je rovnorodý.

Nepredpokladal, že by Friz. pam. II. vznikla od Klimenta, lebo tomu odporuje jej jazyk a súvisí s Friz. pam. I. a III. (str. 45—46). Podobných spovedných formulí ksl. nebolo a preto Kliment použil Friz. pamiatky a Emmeramskej modlitby, čo by malo význam pre vznik Friz. pamiatok. Z predlohy ksl. nepovstaly, ale vliv ksl. je v nich (46): vidí ho najmä v »sex opera misericordiae«. Cirk slov. vliv vidí vo výraze: *lasna natrovuechu*, sr. Mat. 25, 37: когда та видѣхомъ лачуща и натровхомъ, ktoré je tu len v najstarších textoch, v Ostr. už напнтахомъ a pod. i. (str. 47).²⁷

Dalej VONDRÁK tvrdí, že sa jazyk Emmeramskej modlitby líši od ostatných častí spovedného poriadku od Klimenta a približuje sa jazyku Friz. pamiatok. Kliment podľa neho poznal spovedné formule (Friz. pam. II.) v Panonii.

der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Classe, Band XLVII. Druhé, podstatne rozšírené vyd. je z r. 1912. V prvom vydaní o slove *неприимъ* podotýka len toľko, že jeho význam *διάβολος* je charakteristický pre Apoštolské texty (v. 69, poznámka je v indexe na str. 87).

²⁶ Slovo *дншволъ* za gr. *διάβολος* ostalo i v neskorších textoch, ako sú Friz. pamiatky, ale v Klimentovej homílii vzhľadom k času, keď povstala, môžeme v ňom vidieť prvú vrstvu slovníkovú. Tu pravdaže treba študovať slovník Klimentových prác, ale pre náš problém sama otázka cit. slova už nedonesie prekvapenia. Stačí fakt Friz. pamiatok.

²⁷ Srv. tenže názor vyššie u *Jagića* (Arch. I., 451).

Kliment pravdaže nepoznal Friz. pamiatok, ale bude treba ešte podrobne preskúmať, ktoré spovedné formule poznal.

Vondrák (str. 47—48) znovu preberal *čechizmy* (*slovacizmy*), ktoré pravdaže čechizmy (*slovacizmy*) nie sú. Na pr. tvar *ton* < *тънъ* je na Slovensku podľa mojich vedomostí a informácie prof. *Vážného* neznámy.

V cirkevnej slovančine Friz. pamiatky napísané neboly, ako myslel Sreznevskij (l. c.). VONDRAK len predpokladá, že sa pôvodcom týchto prekladov dostalo výdatnej pomoci so strany *gréckoslovanského* duchovenstva (str. 49). Vondrák totiž predpokladal, že staronemecké texty byly bezpochyby napred prekladané ako-tak do domáceho nárečia pannonského a azda i do latiny, a na základe toho sa tu a tam upravil text pomocou cksl. To sú otázky, ktorých odpoveď nemusí byť záporná. Mohly to však byť latinské texty, z ktorých sa prekládalo.

Tak v texte »*da bim nezramen i neztiden na zudinem dine pred tuima ofima stoial* (r. 52—56) — *да и азъ непосрамленъ прѣдъ очима твоима бѣдѣхъ* (Euch. sin. 72 a, r. 22—24). Vondrák si myslí (49), že význam slova *nesramen* bol zatemnený a dakto si neskôr pripojil v texte ako vysvetlivku *nestiden*.

Tento Vondrákov výklad nemôže obstáť, lebo v slovinčine adj. *nesramen* je veľmi dobre známe a naopak *nestiden* je neobvyklé; *nesrâm* je doložené už u Trubara (16. stor.).²⁸ Subst. *stîd* je slovinčine známe, mohlo tedy byť známe i adj. (*ne*)-*stiden*, lebo dnes sa vedľa *nesramen* užíva, hoci menej, i *brezstiden* (Ljubljana, u Pleteršnika ho niet). Nebolo tedy treba k *nesramen* pripojovať vysvetlivku *nestiden*; sú tu postavené vedľa seba dve homonýma, čo v cirkevných textoch je zjav častý.

VONDRAK myslel i na to, že sa niektorí rímsko-nemeckí duchovní priučili cirkevnej slovančine, aby jej pomocou mohli prekladať staronemecké texty. Je to názor, ktorý, ako sme videli, vyslovil JAGIČ, a je iste správny. Znovu tu opakuje svoje tvrdenie, že bez cksl. nevysvetlíme textov Friz. pamiatok.

I na pr. podľa striednic za jery vo Friz. pamiatkach (*zudinem*, *zodni*, *uui- zem* a i.) Vondrák (str. 49) usudzuje, že tieto texty prešli prostredím slovanského písma (hlahol.). Toto je však jeden zo slabých jeho dôkazov.

VONDRAK si ďalej všima *myšlienkovvej* (liturgickej) *stavby* a *liturgického poriadku* Friz. pamiatok a prichádza k domnienke, že Friz. pamiatky a Emmer. modlitba v Euch. sin. poukazujú k Bavorsku (52) — najmä na svätohavelské formule.

Všetky tri Friz. pamiatky nepochádzajú od tejže osoby, ale preca z tohože ovzdušia: 1. I., 2. II. a III. (str. 52, 53). Nachádza i súvislosť medzi spovedným poriadkom Klimentovým s nemecko-slovanskými (53). Vondrák tu znovu preberá znaky grafiky a jazyka Friz. pamiatok, znovu poukazuje na vliv bavorskej grafiky a tiež výslovnosti, vidí vliv srbochorvatského písma pri označo-

²⁸ *Pleteršnik*, Slovensko-nemški slovar. Ljubljana 1894—5.

vaní *č*.²⁹ Pri striedniciach za *q* vidí nejednotnosť: slovinské *o*, srbochorv. *u* a ckslov. *on, un* (str. 57, 59), pri *g*: *en* (*vuensih* I., 23)³⁰ a inde len *e* (str. 60). Toto *e* vykladá tým, že v srbochorv. bolo tiež len *e*. Podľa toho Vondrák (60) usudzuje, že Friz. pamiatky pochádzajú z hlaholských predlôh a že prepisy z hlaholských originálov zaobstarali nemeckým duchovným pôvodne chorvatskí hlaholiti po prípade Friz. pamiatku II. predvriaval nejaký chorvatský hlaholita. Friz. pam. II. bola podľa Vondráka písaná podľa sluchu,³¹ bola diktovaná z hlaholského textu, tretia bola písaná podľa latinskej predlohy (Friz. pam. 29—30, Stud. 55—56). Ako doklad, že II. Friz. pam. bola písaná podľa diktovania, uvádza Vondrák písanie *ui* za *y* staronemeckým spôsobom, ktorých niet v I. a III. zlomku (str. 63). V slovinčine sa vraj vtedy *y* nevyslovovalo a ten, kto diktoval, vyslovoval ho len podľa hlahol. originálu. Dôkazy tieto sú veľmi slabé; správne ich odmietol NAHTIGAL (ČZN. XII., 119) a RAMOVŠ (Slavia I., 34), ktorí tu vidia odraz slovinského živého hovoru.

Vondrák poukazoval tiež na vliv severoitalskej grafiky vo Frizinských pamiatkach. Vidí ju najmä pri písaní *f* = *š*, lebo tu sa *s* vyslovovalo ako *š* (str. 61—62); podobne pri písaní *g* za stsl. *žd* a *k* za *č* (63).³²

Na koniec vykladá niektoré slová Frizinských pamiatok: *v uzmazi* I., 15, *creztu* I., 20, *cruz* II., 89, *vuuraken* I., 13 a pod. (str. 63—66).

Nesúhlas s Vondrákovými vývodmi vyslovil V. JAGIČ v AfslPh. XXVII., str. 395—412: Hat Bischof Klemens für eine seiner Homilien den Text des Freisinger Denkmals vor Augen gehabt? Nepresvedčujú ho Vondrákove dôkazy, že Klimentova homília je závislá na Friz. pam., a v shode s Vondrákovým skorším názorom predpokladá spoločnú tretiu predlohu; táto podľa neho môže, ale nemusí byť slovanská.

Jagič vidí viac neshôd ako shôd a pýta sa, prečo Kliment prevzal tak málo do svojej homílie (str. 397); nenachádza žiadneho istého dôkazu pre to, že Kliment mal pred očima text Friz. pamiatky, alebo že vedome z nej čerpal (411). Pri námete o Adamovi Jagiča práve neuspokojuje začiatok Friz. zlomku II., ktorý vchádza hneď in medias res, a naopak v Klimentovej homílii vidí jasný chod myšlienok a uspokojive vyjadrený (398). Jagič donáša doklady z iných textov, kde je myšlienka o Adamovom priestupku, na pr. u Popova (v katalogu Chludova) 388: *ранском житии, из негоже испадъ прѣдѣдъ нашъ адама*.³³

²⁹ V písaní *č* ako *k* vidí vliv neskoršej gréckej výslovnosti spoluhlásky *k* pred mäkkými samohláskami. Chorvati boli pod vlivom severoitalskej grafiky, kde *k* mohlo tiež tak znieť (60, 63).

³⁰ Friz. pam. I. pokladá za staršiu.

³¹ Tento názor prijíma *Nahtigal*; v ČSJKZ. I., 1918, str. 20, píše, že sa tento názor všeobecne pokladá za dokázaný.

³² Proti tomuto *Ramovš*, Hist. gram. slov. jez. II., 262—263.

³³ Ств. tiež неже строрн прадѣдъ адама въ ран древалъ (Stoj. V., 45—47), v Klim. hom.: ... jaže bě predana Adamu, pradědu našemu, въ raji drevlje..., vo Friz. pam. II. *Ecceę bi detd naš neze grešil... Vondrák*, Stud. 399.

Začiatkové slová homílie Klim.: *Bratija, prisno žadaja spasenija našego gospodъ bogъ*, JAGIČ našiel aj inde (str. 398), na pr. na začiatku reči na Turice (Stoj. VIII., 1): *присно ѡждаѣ и богъ спасеннѣа нашѣго*. Jagič srovnáva začiatok Friz. pamiatky II. s príslušným miestom v homílii Klim. (399—400); vidí, že už len pri prečítaní vidno nie priamu závislosť, ale skôr oporu o nejakú tretiu predlohu. Doslovne sa shodujú len dve vety: 1. *старости не приимлюще* — *starosti ne prigemloki*, 2. *ни слъзъна тѣла (сг. дѣла) нмощи* — *ni slzna teleze imoki*. Jagič si myslí, že táto shoda pochádza z tretej predlohy (str. 400, 401). Paralely na vetu *bone se zavuzitju bui ne priiazninu uvigan od szlavui bosigę* (v homílii Klim.: *zavistiju dъjavoljeju otluči sja otъ slavy božija*) našiel (str. 401) inde u Klimenta, na pr. Stoj. XXIII., 35: *да никтоже ѡ насъ изгнанъ боудеть чрътога* a tiež v Supr. (139, 5).

Za »*potom na narod zlovuezki strazti i petzali boido*« (t. j. *potom na narod ělovečki strasti i pečali poido*, podľa Vondrákovho prepisu). Jagič nachádza u Klimenta (a v iných stsl. a cksl. textoch) krajšie znenia: *отъ толѣ нападоша на родъ чловѣчьскыи печали и страсти*; sr. u Luk. I., 12: *и страхъ нападе на нь* a pod. (401—402).

Jagič donáša mnohé paralely z druhých textov pripisovaných Klimentovi a tiež z niektorých iných pamiatok cksl., podľa ktorých sa vidí, že Kliment nepoznal Friz. pamiatok. Sú to miesta, ktoré si Kliment pamätal z čítania sv. písma.

Miesto *nizce teh del mirzene pred bosima ozima* Vondrák čítal *nič že tech del mirzneje pred božima očima*, Jagič: *nič že tēh dēl mrže nē prēd božjima očima* (ib. 409); adj. *мръзѣкъ* našiel Jagič v inom Klimentovom texte (sr. Изв. IX., 3, 218 *лестѣма мръскама*), adj. *зълъ* je u Klimenta tiež často (ib. 408—409).

Kliment podľa Jagiča (410—411) poznal rôzne spovedné modlitby a formule, ktoré boli v jeho časoch užívané jednak v *g r e c k o m* a jednak v *l a t i n . j a z y k u*, možno, že niektoré i slovanské.

Na Jagičove námietky odpovedal potom VONDRÁK v AfslPh. XXVIII., 256—260. V krátkosti opakuje tu znova svoje dôvody; tvrdí zas, že Kliment užil slovan. textu, ako sa nám — zaiste kuso (sic) — zachoval vo Friz. pam. II. alebo mu aspoň kde-tu poslúžil asi tak, že ho na pr. opätovne počul a že jednotlivé veci mu ostaly v pamäti.

JAGIČ v dodatku k Vondrákovej odpovedi (ib. 260) stojí na svojom stanovisku o tretej predlohe; ukazuje, že po odpovedi Vondrákovej rôznosti ich mienok nie sú tak veľké, keďže Vondrák druhú Frizinskú pamiatku pokladá len za kusú. Jagič chcel najmä chrániť česť Klimentovu, ktorá bola Vondrákovým vylíčením prinízko cenená (260—261).

V Entstehungsgeschichte (254—255) kladie JAGIČ vznik Euch. sin., aspoň časti, do prvej periódy apoštolskej činnosti Konstantínovej. Súvislosť Friz. pam. II. s homíliou Klimentovou môže podľa neho

byť dokladom literárnej činnosti Klimentovej na Morave a v Panonii. Znovu popiera vliv Friz. zlomku II. na cit. homíliu a sa domnieva, že táto bola nejako známa autorovi Friz. pamiatky II. Opačný pomer pokladá ešte za definitívne neobjasnený. Jazyk Friz. pamiatok, ako to už skôr vyslovil, je mu svedectvom proti panonskej teórii (256).

M. NOHOVI (ČMM. L., 1926, str. 48) sa tento výklad nezdá úplne prípadným, lebo vraj Klimentova homília pôsobí dojemom prepracovanej a rozšírenej nejakej spovednej modlitby; podotýka však, že je ťažké vyniesť v tejto veci určité mienenie. Len toľko asi sa dá podľa Nohu povedať, že Kliment vo svojej homílii tu a tam čerpal z nejakej slovanskej spovednej modlitby, ktorej text sa aspoň na istých miestach shodoval s druhou Friz. pamiatkou. Na toto by sa dalo namietnuť, že sa pri skladaní spovedných formulí skôr mohlo vychádzať z pojednania o živote svätých, evanjelského textu a pod., ako naopak z formulí spovedných rozvádzať myšlienky pre pojednanie a pod. o živote nejakého svätého.

Po Vondrákovi rozbor jazyka Frizinských pamiatok podal GLOKKE v Sborníku Florinského.³⁴ Na túto štúdiu sa potom zabudlo. Glokke tu načrtal v krátkosti historiú pamiatok, odtlačil ich texty podľa Vondráka s prepisom v azbuke, určil funkciu grafémat, popísal systém fonetický a morfológický a napokon sa zaoberal otázkou o pôvode a jazyku Frizinských pamiatok. Srovnával ich text s textom Klimentovej homílie, nemeckej sv. Emmeramskej spovednej formule a s Euch. sin. Celý článok sa zakladá na výsledkoch štúdií Vondrákových vo Friz. pam. (1896), nie však ešte v jeho Studiích (1903). Pozoroval, že zlomok I. a III. majú spoločné rysy (str. 177); príčinu písania nosoviek ako *on* a *un* a prepis jerových hlások videl v tom, že zlomky prepísal cudzinec (178—180). V morfológii poukazuje na to, že sú tu čisté stsl. tvary vedľa už slovinských. Pri otázke o pôvode a jazyku Friz. pamiatok pridrža sa Vondráka a tiež Vostokova a Kopitara.

Tak veril v české (slovenské) prvky (206), ale zas na pr. pri *é* správne poukázal na to, že v starej slovinčine ono bolo ešte častejšie ako dnes, a že tedy nemožno tu hovoriť o srbskom vlive (197). Srovnáva text II. zlomku s »Publica confessio bohemia seculi XIII.—XIV.« a Klimentovou homíliou a našiel len málo shôd so stč. textom (198), ale shodne s doterajšími výskumami našiel ich moc pri srovnaní s homíliou Klimentovou. Je presvedčený, že Klimentova homília vznikla pred Frizinskými pamiatkami³⁵ a že sa pri Friz. pam. II. čerpal z nej. Spomína tiež to, že Miklosich poukázal na latinskú predlohu Klimentovej homílie. Dodnes nebolo dostatočne prebadané, či spo-

³⁴ Н. Э. Глокке, Разборъ языка Фрейзинскихъ отрывковъ. Изборникъ кievскій посвященный Т. Д. Флоринскому. Кіевъ 1904, str. 166—207.

³⁵ Je to zas shoda s prvotným názorom Vondrákovým; jeho »Studií« nepoznal. Usudzoval tak podľa Kopitarovho datovania r. 957—994 a data Klimentovej smrti r. 916. M. Noha, ČMM., L., 48. pozn., správne podotýka, že táto dedukcia je celkom pochybená, lebo Friz. pam. sú odpis.

vedné formule nemajú gréckej predlohy. GLOKKE upozorňuje na to, že takéto formule a modlitby vo východnej cirkvi boli (205). Cirkevnoslovanské prvky vidí na každom kroku.

Glokkeova štúdia nedonáša tedy zvláštnějších príspevkov k riešeniu problémov Frizinských pamiatok; najcennejšie je jeho upozornenie na možnosť gréckej predlohy stsl. spovedných modlitieb a formulí. Dodnes sa v tomto smere neurobilo skoro nič.

Inak už v tejto druhej fáze štúdia Frizinských pamiatok nikto neprispel dôležitejšími pozorovaniami a poznatkami. Stretáme sa len s náhodnými poznámkami, prejatými väčšinou od Vondráka bez ďalšieho badania.

P. A. LAVROV³⁶ položil otázku, či zjavná súvislosť nepochádza z toho, že Kliment užíval modlitby, keď táto bola nezávislá na celom slovanskom oficiu.³⁷ Vondrák má na to zápornú odpoveď. Lavrov v tomže článku podotýka tiež, že Kliment nebol Slovinec, lebo by sme u neho našli stopy jazyka Friz. pamiatok (str. 361).

M. MURKO³⁸ hovorí o Friz. pam. ako o odpisoch, o vlive cksl. ako o nestom; počíta ich (II. zlomok) do cksl. literatúry.

Podobne tiež J. MÁCHAL (Slov. lit. I., 1922, 16) hovorí o Friz. pam. ako o odpisoch; píše o nich, že vznikly bezpochyby za času bisk. Abraháma, Korutanca, najskôr slovanského pôvodu, v poslednej štvrti X. stor. a že sa v ich jazyku vidí podobnosť s korutanskými textmi; drží sa tiež predpokladu Vondrákovho, že boli pôvodne písané hlaholikou.

V krátkosti staršiu literatúru shrnul LEOPOLD LÉNARD v článku »Rozwój gramatyki słoweńskieje« (PF. VIII., 1916, str. 111—112). Menšie-väčšie spomienky o Frizinských pamiatkach bývajú v každej príručke slovinskej literatúry. Tak na pr. obsírnejšie o nich pojednáva GRAFENAUER, Kratka zgodovina slovenskega slovstva (Ljubljana, I. vyd. r. 1917, str. 45—47, II. vyd. r. 1920, str. 30—32); Grafenaur pokladá Abraháma za Korutanca, najskôr Slovinca, o predlohe hovorí, že bola najskôr napísaná hlaholikou. Rovnako aj GLASER (Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana 1894, I., 45—47). Veľmi krátko sa o nich zmieňujú IVAN PRJATELJ, Словеначка книжевност (Београд 1920, str. 12—13), P. POPOVIĆ, Jugoslovenska književnost (Cambridge, I. vyd. 1917, II. vyd. 1917, str. 3—4, 15 v II. vyd.), populárne o nich píše AVGUST PIRJEVEC, Slovenski možje (Mohorjeva knjižnica 20, Prevalje 1927, str. 5—7, s fotografiou začiatku I. zlomku a jeho prepisom do dnešnej slovinčiny) a pod.

³⁶ Die neuesten Forschungen über den slavischen Klemens. Arch. XXVII. (1905), 352.

³⁷ Takto sa vyslovil už v cit. vydaní Undoľského práce o Klimentovi (str. XXXIV.). Tento jeho názor vychádza z Undoľského, doplneného Miklosichovou pannonskou teoriou. Je zrejme nesprávny.

³⁸ Die Kultur der Gegenwart. Th. I., Abtlg. X. Die osteuropäischen Literaturen und die slavischen Sprachen. Berlin u. Leipzig 1908, str. 199.

B. CONEV (История на българският езикъ. София 1919, 145—146) uviedol tiež len v krátkosti nejhlavnejšiu literatúru; pokladá ich za pamiatky slovinsko-bulharské (toto súvisí s jeho názorom na starú sloviencinu), v *u* za **q* správne nevidí chorvatský vliv, ale domáci slovinský zjav. Vidí v nich živý odraz jazyka sv. Cyrila a Metoda a sú mu dokladom toho, akú širokú oblasť zaujímal voľakedy starosloviensky (podľa Coneva starobulharský) jazyk ako literárny. Od-tlačuje a prepisuje začiatok II. zlomku (147—148).

III. NOVŠIE PRÁCE PO PREVRATE.

Do nového štádia pokročil výskum Frizinských pamiatok najmä prácami Slovincov NAHTIGALA, KOSA a RAMOVŠA. Títo štúdium ich jazyka kladú na širší podklad, všímajú si ostatných latinských textov v mníchovskom kodexe a používajú výsledkov dialektologického badania k výkladom četných zjavov čiste jazykových, ktoré Vondrák vykladal ináč, vlivmi a pod. Tým sa nám Frizinské pamiatky postavily do celkom iného, jasnejšieho svetla, hoci ešte ostaly problémy, k riešeniu ktorých bude treba ešte rozšíriť plochu výskumov.

*

V prvom článku (ČZN. XII., č. 1, str. 1—12)³⁹ NAHTIGAL sa zaoberal výkladom slovin. *V uzmaži* I., 15 a *Uuzmaztue* III., 36. Kopitar v Glag. Cloz. XLIII. myslel tu na nem. *māze*, Jagić v Arch. 18, 601 na *сѣмѣсь*, Vondrák (Friz. 21, 75) tiež na *сѣмѣсь*, v Studiích (63—64) vychádzal zo slovin. *žmach* »cibi cupiditas« (Belostenec r. 1740). Nahtigal ich vykladá zo *smažbje*, *smažbstvo* (sr. *smažiti*). PIRCHEGGER (l. c. 115—125) sa podrobne zaoberal týmito výkladmi a podal nový: myslel na **Vъz-mazъ* fem., **vъz-mazati* »inquinare«. Tento výklad, zdá sa, je z uvedených najsprávnejší.

NAHTIGAL sa potom zaoberal otázkou reflexov nosoviek vo Friz. pam. (ČZN. XII., 2, str. 77—122). Pri **ę* nachádza všade už *e* a len raz *en* (*vuenſih*), sleduje vývoj **ę* v srbchorv. textoch, všíma si ho v iných slovan. jazykoch, a potom najmä v slovinských dialektoch, a ukazuje (podľa stavu v dnešných dialektoch), že i *en* pred *ć* (*č*) v tomto príklade je celkom v duchu systému vtedajšieho slovin. jazyka (91). Za **q* je vo Friz. pam. *on* (2), *un* (2), *o* (34), *u* (50). Nahtigal roztrieduje ich podľa polohy a akcentu, podáva obraz striednic za **q* v slovin. dialektoch a prichádza k rovnakému postrehu ako pri **ę* (str. 114).⁴⁰ Pri *u* nepripúšťa vlivu ksl. (str. 106, 113—114). Sú to všetko zjavy, pri ktorých treba vychádzať zo slovinčiny samej. Nahtigal sa tiež stavia proti mienke Vondrákovej (Friz. pam. 31, Stud. 63), že *y* je vo

³⁹ V osobnom rozhovore p. prof. Nahtigal mi znovu potvrdzoval svoj výklad.

⁴⁰ Niektoré prípady nemôže dobre vyložiť: *juni* II., 19, na *zudinem dine* III., 54, za *sođni* I., 9, 31 (viď str. 113).

Friz. pam. vlivom hlaholského originálu (116—120); vidí v tom správne zas len slovinský stav.⁴¹ Podľa reflexov nosoviek Friz. pamiatky, píše Nahtigal, stoja v najbližšej príbuznosti so skupinou nárečí, ktoré ju tvoria dodnes rožanština, rezjanština a ziljština a ktoré ju tvorily niekedy ešte ďalej na sever a juh. OBLAK, píše Nahtigal, myslel si na ziljštinu (v. ib. 122 bez cit. miesta).⁴²

V ČSJKZ. I., str. 1—64 (Vážnosť latinského dela brižinskega kodeksa in njegovih pripiskov za vprašanje o postanku in domovini slovenskih odlomkov) urobil NAHTIGAL pokrok v štúdiu Frizinských pamiatok tým, že študoval i latinský kodex, v ktorom sú zapísané, nateraz však len podľa Kopitarovho prepisu odpisu celého kodexu od mníchovského kustosa J. B. Bernharta.⁴³ Podľa doterajších výskumov, ktorých prehľad Nahtigal obsírne registruje (2—12), sa zdá, že slovinské zlomky v latinskom kodexe stoja celkom bez súvislosti s latinskými textmi. Nahtigal si všímal poradia a obsahu týchto zápisov a našiel, že je naopak i prvá i druhá slovinská pamiatka v spojitosti s predchádzajúcim latinským textom. Skutočne je to z uvedených nadpisov zrejmé, pokiaľ ide o ich celkovú povahu obsahovú. Pri prvom sa hovorí o spovednom obraze v predchádzajúcom »ordo ad visitandum infirmum«; pred druhým stojí, výmuc vložku dvoch písem pápeža Gregora, tiež tak odpovedajúce »sermo de poenitentia« (obsah Nahtigalovi nie je známy). »Octo vitia principalia« sa vypočítavajú v III. zlomku (str. 23). Všetko dovedna tvorí s b i e r k u b i s k u p s k ý c h ú k o n o v v jeho pastierskom povolaní (str. 25), nejaké rituale alebo pontificale.

Na niektorých stranách kodexu sú prípisky obsahu majetkovo-historického; podľa toho Nahtigal usudzuje, že rukopis slúžil tiež za n a h o d i l ú z á p i s n ú k n i h u (str. 29). Nahtigal si všíma obsahu tejto časti a podľa týchto prípiskov a z nich vyplývajúcich rôznych historických súvislostí hľadá autora Friz. pamiatok a nachádza ho v osobe frizinského b i s k u p a A b r a h á m a, o ktorom pripúšťa, že nebol nemeckého pôvodu (str. 43) a býval asi v stredu frizinských dŕžav, v Korutansku, na Ostrove pri Vŕbskom jazere. Jazykový ráz pamiatok by to potvrdzoval (str. 53—54). Pripúšťa tiež, že II. zlomok, o ktorom je presvedčený, že bol napísaný podľa diktátu, zapísal do kodexu nejaký Abrahámov pomocník alebo sekretár (str. 58).

O grafike sa NAHTIGAL nechce vyjadrovať, pokiaľ nevidí originálu. Rôznosti jazykové môžu sa podľa neho vykladať z teže dobovej fázy slovín-

⁴¹ Srv. k tomu Ramoščov článok: Drobnosti iz slovenske gramatike v Opazke k y-ju. Slavia I., 27 n., o Friz. pam. 34 (schvaľuje Nahtigalovo tvrdenie).

⁴² V svojej práci Doneski k historični slovenski dialektologiji (sep. z LMSl. 1890, str. 4) Oblak hovorí o korutanskom nárečí. Na ziljské nárečie myslel v AfslPh. XVI. (1894), 156, 163, XVII. 600, XVIII. 238, Ljublj. Zvone 1895, 310.

⁴³ Nahtigal želie, že sa nemôže dostať do Mníchova; touto prácou chce vzbudiť záujem o vec. Tu prebral doterajšiu literatúru.

ského jazyka,⁴⁴ neupiera však vlivov starej cirkevnej slovančiny (58—59). Nepokladá ich za pôvodiny (59).

Vidí súvislosť na jednej strane so starocirkslov. pamiatkami, na druhej spolu s Euch. sin., so starohornonem. svätoemmeramskou svednou modlitbou. Túto spojitosť vykladá rolou frizinských biskupov pri stykoch nemecko-slovan-ských. Poukazuje na rozlohu panstva frizinských biskupov a najmä Abraháma. Boly tu priame styky s Pannoniou; r. 830 Kocel' daruje frizinskej cirkvi majetok pri Blatenskom jazere (51). Keď bavorskí biskupi r. 870 povstali proti sv. Metodovi, frizinský biskup Anno si prisvojil česť byť sudcom⁴⁵ a predsedom sboru nad Metodom (str. 51, podľa listiny pápeža Jána VIII. frizin. biskupovi r. 873). Ešte viac stykov s Pannoniou mala cirkev regensburská, ktorej svätyňou bol kláštor sv. Emmerama (60); táto cirkev mala rozsiahle majetky okolo Zaly, Ráby a Blatenského jazera (60—61). Je potom, píše Nahtigal, srozumiteľné, že staronem. modlitba našla cestu zo sv. emmeramskej cirkve do hlaholského euchologia a že sa starocirkslov. cirkevná literatúra stala prameňom pre frizinsko-slovinské ordo confessionis (61). Nevie, kde a kedy vznikla Klimentova homília, nevyjadruje sa určite o jej pomere k II. Friz. pam., ale dá sa vyznamenať, že neverí vo Vondrákovo tvrdenie v Studiích. Uvádza Vostokovov postreh o negréckom ráze homílie (61).

NAHTIGAL upozorňuje i na to, že Euchologium má vedľa sthnem. modlitby i stati z latiny. Ako SOBOLEVSKIJ (Sborn. petrohr. ak., kn. 88, str. 100) našiel súvislosti »slova boleštich radi« s Besédami pápeža Gregora Veľkého alebo Dialogu, tak Nahtigal upozorňuje na to, že v latin. frizinskom kodexe je »omilia beati Gregorii lectionis eiusdem« a že, ako stojí vo frizin. kodexe »ordo ad visitandum infirmum sive unguendum« pred I. zlomkom, tiež v Euch. radia sa modlitby »nadъ bolemъ vъpadъšemъ« 24 a, »nadъ nedozъnymъ« 26a, »nadъ olěemъ bolъnaago pomazati« 27a atď. pred obradom (»činom«) »nadъ ispovědajōštiimъ sę« 66b. K ďalšiemu záveru však nemôže pristúpiť, lebo nepozná obsahu uvedených modlitieb v latin. frizinskom Kodexe (str. 62).

NAHTIGAL z toho vidí, že slovinské pamiatky sú v ňom podstatnou súčasťou, ako ukazuje i hlaholské euchologium, nemožno ich tedy deliť, ale o tom všetkom chce povedať posledné slovo, keď bude môcť preštudovať celý kodex.

Dobu vzniku Friz. pam. kládol Nahtigal medzi r. 972—983,⁴⁶ najskôr na r. 975 (str. 65). I. zlomok podľa neho vznikol asi pred r. 975, lebo v kodexe sú zápisy mien pri zámene majetku »Gudago« s Ruodhariom pred

⁴⁴ Takto aj G. Krek, *Einleitung in die slav. Literaturgeschichte*, 2. vyd., 241 n.

⁴⁵ *Dvorník*, *Les Slaves, Byzance et Rome*. Paris 1926, 209.

⁴⁶ Roky vyhnanstva Abrahámovho asi 974—983 (str. 47). Za ten čas býval podľa *Nahtigala* i v Korutansku na Ostrove pri Vřbskóm jazere (43, 44, 47, 53—54). Vo vyhnanstve bol, lebo r. 974 s Henrichom II., čes. Boleslavom a poľským »Misigo« povstali proti Ottovi II., aby ho svrhli s trónu (str. 40—41).

ním okolo r. 975 a písané sú touže rukou (podľa Bernharta, V., str. 36 n.); zlomky II. a III. sú zapísané neskoršie.

V štúdiách Nahtigalových pokračoval M. KOS. Všimol si už pôvodiny kodexu č. 6426 v bavor. štát. bibliotéke v Mníchove a našiel, že je písaný viacerými rukami. Kodex pozostáva zo šiestich dielov; hlavných rúk je šesť. Súvislosť medzi slovinskými a latin. textmi nie je organická, pozostáva len v tom, že sú zapísané do kodexu, ktorého vonkajšie slozenie tvorí šesť podľa ich liturgicko-homilistického obsahu dovedna patriacich sväzkov, vedľa iných podobných a príbuzných aj tri slovinské texty, ktorých obsah je práve tak liturgicko-homilistického významu (str. 10).

Kos podrobuje podrobnej analýze celý kodex a určuje, že písmo kodexu patrí medzi druhy písma doby Karla Veľkého, ktorým sa písalo v západnej Európe a rozšírilo sa všade, kde sa písalo latinkou (str. 12).

Všima si najprv I. zlomku (na foliu 78—78') a srovnáva ho s latinským liturgickým textom písaným touže rukou na predchádzajúcich fol. 73—77', potom si všima II. a III. zl. na ff. 158'—161' a latin. textu na ff. 151—153. Výsledok celého skúmania je dôležitý: lat. i slovin. texty kodexu 6426 napísaly v okruhu bavorských pisárskych škôl rôzne ruky v štvrtstoročí priamo pred a po r. 1000, slovin. texty v paleogr. ohľade, čo sa týka duktusu, tvarov písmen, ligatúr, skratiek a iných znakov držia sa minuskule, ktorých sa užívalo v uvedenej dobe predovšetkým v textoch napísaných v latinskom jazyku (18). Podrobnosti tu uvádzať nebudeme, poukazujú na dobrého paleografa a sú pečlivo študované. Čiarkami, o ktorých VONDRÁK (l. c.) si myslel, že označujú akcent (Kos o nich tiež hovorí ako o akcente), podľa Kosa sa riadil pisár tak, ako to robili starostliví pisári lat. textov tejže doby, ktorí kladli prízvukové znamienko na rôzne slabiky slov, najmä v textoch, ktoré boli určené pre verejné čítanie (14). V slovin. textoch máme tedy podľa neho rovnaký účel.

Čo sa týka chronologie: II. a III. zlomok sú písané touže rukou ako starší zápis o majetku Godego 28. mája 972 (na ff. 152'—153); KOS podľa toho súdi, že II. a III. zlomok nemohly vzniknúť pred 28. V. 972, lebo sú zapísané za textom o majetku Godego (str. 21—22) a aj paleografické znaky na to ukazujú. Kos si ďalej myslí, že je možné, že zápis v kodexe o majetku Godego je až z r. 992 (v. str. 22, 23, 24), keď si Abrahám žiadal od Ottu III. potvrdenie majetkov v Trevisansku a Vicentinsku.

Nahtigal súdil na autorstvo Abrahámovu najmä podľa konca zápisu o majetku Godego »omnia et omnibus quandum *mihi* pertinet«. Kos (23) neverí, že sa biskup Abrahám zabýval takými zápsmi, ale že ich skôr diktoval a ak je nie tedy notica prepisom z nejakej nezachovanej predlohy, to »mihi« by sa týmto vyložilo. Táto okolnosť, píše Kos, sa shoduje i s tým, že sa i o II. zlomku hovorí ako o prepise (23). To »mihi« podľa Kosa sa nemusí vzťahovať na Abraháma († 26. V. 994), ale i na jeho následníka. Majetok Godego si vymenil frizinský biskup Egilbert s trentinským biskupom Udalrichom I. Oba nastúpili vládu

r. 1006 a Udalrich I. umrel 24. aug. 1022, nastala tedy zámena medzi r. 1006—1022. Po smrti Udalricha I. Egilbert si berie nazpät Godego; tento žil do 1039 (str. 24—25). Na foliu 78'—79 je soznam osôb, ktoré majú od r. 1022 alebo 1023 platiť census frizinskému biskupovi; soznam je asi pokračovaním notice na f. 1' touže rukou r. 1022 alebo 1023 (25. str.). Soznam mien je po I. zlomku; Kos (26. str.) podľa toho usudzuje, že zápis slovinského zlomku I. bol urobený *pred* 1022—1039 (sic), keď podľa paleografických znakov mohol vzniknúť ten soznam (26).

Terminum ante quem vzniku II. a III. zlomku určuje Kos podľa aktu o výmene majetku asi medzi regensburským biskupom Gebhardom a frizinským obhájcom Odalschalkom t. zv. notice regensbursko-ergoldinskej, urobenej pred r. 1022—1023⁴⁷ (str. 24—25). Táto notica stojí hneď po notici o majetku Godego; nevznikla tedy pred ňou.

Zápis o majetku Godego je urobený touže rukou ako zlomky II. a III. Z týchto všetkých dát KOS určuje datum vzniku Frizinských pamiatok: nie pred r. 972 (pre tú dobu nehovorí ani grafika), zápis II. a III. zlomku pred r. 1022, 1023, prvého tiež pravdepodobne pred tú dobu, v každom prípade však pred r. 1039.

Zaoberá sa tiež otázkou pôvodu biskupa Abraháma a nenachádza dokladov pre jeho pôvod z rodu korutansko-palatinských alebo gorišských grófov alebo napokon pre jeho slovinský pôvod (str. 29—37). Niet dokladu ani o jeho vyhnanstve na Ostrove pri Vřbskom jazere (str. 37).

KOS sa drží Dobrovského mienky (Slovanka 1, 1814, str. 249—251, cituje podľa Vondráka, Pam. 67), že Friz. pamiatky patrily členovi frizinskej cirkve pri vykonávaní jeho duchovno-pastierskej služby medzi Slovincami (str. 29).

V ČSJKZ. VIII. M. KOS sa vrátil k Frizinským pamiatkam: Nove študije k freisinským spomenikom (st. 126—146). Všíma si latinskej listiny (v štát. archíve v Mníchove v kodexe č. 188) z r. 977—981, ktorou si frizinský biskup Abrahám zamieňa majetok s Ruodhariom s akýmsi majetkom v Korutansku. Srovnávacou paleografickou analýzou slovinských textov frizinských a cit. listiny ukazuje, že oba texty napísala táže ruka (II. a III. Friz. pam.). Datum 977—981 mu potvrdzuje datovanie vzniku Friz. pam., ako ho predtým ustanovil: 977—1022/3. Uverejňuje faksimile začiatku II. Friz. pamiatky slovinskej a začiatok cit. listiny, osvetľuje historické pozadie a vyslovuje hypotézu, že II. a III. Friz. pamiatky zaznačil »nobilis clericus Ruodharius«.

Na Kosovu prvú štúdiu reagoval hneď NAHTIGAL: »Programaticke i. dr. opazke k Kosovi razpravi o freisinských spomenikih« (Dodatek k moji razpravi »Fresingensia III.« — Freisingensia IV.), ČSJKZ., IV., 171—184. Najdôkladnejšie sa tu zaoberá otázkou spomínaných čiarok nad písmen-

⁴⁷ Datum 1023 podľa smrti regensburského biskupa Gebharda a 1022 podľa prvého spomínania Odalschalka.

n a m i najmä vo Friz. pam. I. Podrobne si všima príkladov a tvrdí, že čiarky tieto neslúžili za označenie prízvuku a pod., ale je to len grafický zvyk bez akcentno-fonetického významu, či už čo sa týka kvantity alebo miesta akcentu, pre lepšie rozlišovanie písmen a slov pri čítaní bez súvislosti s prízvukom (177, 179, 181).⁴⁸ Vlivu stnem. grafiky pričíta Nahtigal striežku nad samohláskami v: *Tīge* (II. zlom., fol. 159, col. 1, v. 7) a *bdê* (fol. 16, v., col. 2, v. 15). Značky, podotýka Nahtigal, sú niečo celkom inšieho ako znaky v Ki-jevských zlomkoch (181).

NAHTIGAL nesúhlasí úplne s Kosom, že posledné dva slovin. zlomky majú len význam nahodilého vpísania bez súvislosti s predchádzajúcim a nasledujúcim textom. V hlavnom diele kodexu vidno jednotnejší úmysel; posledné dva hovory kodexu ukazujú na mladší typ písma ako v predchádzajúcich slovin. a lat. textoch. Z Kosovho popisu vidí, že kodex nebol písaný alebo dokonca prepísaný nepretržite, ale povstával pomaly. Iniciatívu na jeho povstanie a zostavenie Nahtigal pripisuje frizinskému biskupovi, ktorému pripadá i vrchná redakcia väčšiny rukopisu (str. 172—173, sr. už v ČSJKZ. I., 21, 57).

Nahtigal celkom správne zdôrazňuje podrobné poznanie obsahu celého kodexu (172). Znovu poukazuje na obsahovú súvislosť kodexu s *Euchologiom* (173—174) a požaduje paralelnú analýzu obsahového ústroja oboch kodexov (174). Tiež celkom správne tvrdí proti Kosovi, že súvislosť vo friz. kodexe je tesnejšia ako len pri príležitostných zapisoch; organická je natoľko, nakoľko vôbec mohla byť pri vtedy potrebných slovinských cirkevných textoch (174). Žiada preštudovať aj ostatné kodexy frizinskej proveniencie (174). Za najvážnejší pokladá Nahtigal Kosov výsledok paleografický (174). Cit. »mihi« zas len pripisuje Abrahámovi, lebo ten zápis je možno konceptom listiny (z r. 972) potvrdenej r. 992. Súvislosť zápisov cit. osobných mien necháva Nahtigal ešte k riešeniu (182). K určeniu data poznamenáva Nahtigal, že je veľmi pravdepodobné pre neskoršiu noticu o Gudago, že je staršia, z r. 992, ak nie prvej, a že tedy II. a III. zlomok spadajú ešte do doby Abrahámovej, prvý zlomok by kládol pred r. 992, lebo podľa obsahu a ruky patrí skorej k podstatnému prvotnému dielu celého kodexu (183). Jazykove ich zas kladie do Korutanska a nie do Pannonie, ako si myslel Jagić (Arch. XVIII., 600). Neverí, že by Abrahám nebol býval na Ostrove pri Věb-skom jazere. Za nepochybný dôkaz toho pokladá slovin. zlomky, ktoré prišli do kodexu po praktickej potrebe a o ktorých neverí, že by boly vznikly až za jeho následníkov po r. 993. Ináč Nahtigal uznáva, že Kos urobil vo výskume Frizinských pamiatok veľký krok napred (184).

Týmto určením zápisov, hoci ešte nie je povedané posledné slovo, úplne padá Vondrákova teória o vlive Frizinských pamiatok na homíliu Klimentovu, lebo i keď sú to len prepisy, pri II. zlomku

⁴⁸ Na to myslel i Vondrák, Friz. pam. 35.

je to najpravdepodobnejšie, sotva vznikly pred smrťou Klimentovou († 916), ale len neskôršie a teda možný je skorej opačný pomer alebo pôvod zo spoločnej predlohy, ako si to myslel Jagić. M. WEINGART (Nové Atheneum III., 295) už Nahtigalove výskumy pokladal za skvelé potvrdenie Jagićovej tézy; Kosove oba príspevky donášajú jej ešte spoľahlivejšej opory. Zo štúdií Nahtigalových a Kosových vidíme, koľko úloh tu ešte čaká na linguistu, historika a teologa, kým bude môcť byť definitívne riešená otázka pôvodu predlohy Frizinských pamiatok.

*

Jazyka Frizinských pamiatok si všímal ED. SIEVERS.⁴⁹ Sievers podáva zvukový rozbor dvoch textov: Friz. a Kijev., a ich fonetickú transkripciu. Ako novosť donáša mienku, že Friz. pam. sú písané vo verši a že čiarky, ktoré bývaly pokladané za znaky akcentu, sú znamienkami, ktoré majú viesť melódiu deklamácie (najviac ich je v I. zlomku = 70). Podľa rôznosti v »Taktfüllungsart« myslel na troch autorov. Vo vokalizme všíma si najmä závislosti reflexov psl. hlások podľa intonácií a ukazuje, že táto závislosť vo Friz. pam. je. O zámenách *b* a *p* v II. Friz. pam. hovorí, že závisia na zostupnej a vzostupnej intonácii (29—30). O celkovom ráze jazyka Sievers nehovorí.

RAMOVŠ v kritike tejto štúdie (ČSJKZ. VII., 160—168) prijíma veľmi málo zo Sieversových tvrdení a naopak túto prácu pokladá len za príklad, ako Sievers číta Friz. pam. s poznámkou, že príde niekto iný a bude ich čítať inakšie. Vytýka mu najmä, že sa primoc spolieha na grafiku a ukazuje, ako tým prichádza do rozporu s ďalším vývojom jazyka; keby Sieversove výklady boli správne, dnešný stav (reflexy hlások a pod.) by bol v slovin. celkom inakší. Pri spomienke *p* a *b* Ramovš podotýka, že tento fakt sám hovorí, že pamiatku (II.) písal Nemec a že preto treba vôbec počítat s tým, ako slovinské hlásky apercipoval, substituoval a na podklade svojej apercepce označoval. Ramovš tiež vidí nejednotnosť v jazyku Friz. pamiatok (*jego: jega, tere: -že, greb: grehov, dl: l* atď.) a staršie a mladšie vývojové štádium slovinského jazyka, ak už, podotýka, nechceme hovoriť s Vondrákom o stsl. vlive.

N. VAN WIJK v recenzii Sieversovej knižky v Slavii V., 557—563, pozdravuje jeho metodu, hoci ako začiatočný pokus, ale o Friz. pam. sa nijak osobitne nevyjadruje. Urobil tak potom v novej svojej práci, v Grammatik der altkirchenslavischen Sprache (Berlin-Leipzig 1931, str. 4—5, literatúra na str. 7—8); vo Frizinských pamiatkach vidí zjavné stopy starocirkevnoslovanského vlivu. I keď Nahtigalom, Ramovšom a Škrabcom niektoré zjavy boli vyložené

⁴⁹ Die Altslavischen Verstehte von Kiew und Freising (im Verein mit Georg Gerullis und Max Vasmer herausgegeben von E. S. Berichte über die Verh. der sächs. Akad. d. Wiss., phil.-hist. Kl. 76, 2, Leipzig 1929, str. 1—59). Niekoľko poznámok k Friz. pamiatkam podáva tu aj Vasmer na str. 58—59. Sú to najmä námietky k miestam prízvuku, ako ho kladie Sievers.

z domáceho staroslovinského stavu, preca podľa v. Wijka ostávajú ešte vlivy lexikálne.

Dôkladné posudky Sieversových prác priniesol OLAF BROCH.⁵⁰

Vyslovil podobné pochybnosti ako Ramovš. Nesúhlasí so Sieversovým tvrdením o striedniciach za *q, ę, e, ѣ, ѥ, y* a pod. Pri *iy > iu* (*protiju*) Sievers poukazoval na starohornonemecký zjav; BROCH celkom správne upozorňuje, že ten zjav je aj v novej slovinčine (str. 25, sr. Slav. Phon. § 208). Nesúhlasí s jeho tvrdením o príčine zámeny *p* a *b*, lebo takéhoto javu v slovanských jazykoch niet. Myslí tu na nem. vliv (26). Poukazuje, ako už Vasmer v doslove ku Sieversovej knižke, na ťažkosti pri intonáciách, ako ich zaznačil Sievers (26–27).

Slovom Sieversova »Schallanalyse« pochodila okrem v. Wijka všade so zašlúženým neúspechom.

O jazykovom charaktere Friz. pam. sa vyjadril RAMOVŠ v najnovšej svojej práci »Dialektološka karta slovenskega jezika« (1931) a tvrdí tam, že Friz. pamiatky nie sú písané dialektom korutanským, ako si mysleli Oblak (Arch. 18, 238) a NAHTIGAL (ČZN. 12, 120—1, ČSJKZ. I., 53), lebo *dl* sa vyslovovalo ešte ďaleko za hranicami korutanskými, *mê* (moje) bolo obecno slovinské a *vuenfih* predstavuje *větiĥ*, tedy obecno slovinskú formu (str. 9). Tieto okolnosti podľa RAMOVŠA hovoria o tom, že starý praslovin. stav ešte nebol obmenený (sr. Slavia 6, 780). Toto tvrdenie bude zaiste oprávnené, treba ho však ďalej rozvinúť. RAMOVŠ sa dotýkal niektorých problémov aj v iných svojich prácach. Tak na pr. v Hist. gram. slov. jez. II., 1924, str. 262—263 nesúhlasí s Vondrákom (Stud. 59), že *k* za *č* je vliv chorvatskej (severoitalskej) grafiky; Ramovš ho číta *t* (event. *k*). V Slavii I., 33—34, ukazuje, že písanie *ui* za *y* je zápis slovin. živého jazyka.⁵¹ Podľa zápisu redukovaných vokálov vo Friz. pam. usudzuje o asimilácii spoluhláskových skupín (235—236).

IVAN GRAFENAUER v ČSJKZ. VIII., 103—106 (So li Freisinški spomeniki osamljen slučaj) podľa Vondrákových štúdií polemizuje s Fr. Kidričom, ktorý vo svojej Zgodovini slovenskega slovstva (1929, str. 9) nazval Friz. pam. »za storočia osamelým prípadom, ktorý nevytvorili zvyky«.

T. LEHR-SPLAWIŃSKI (Zarys dziejów literatur i języków literackich słowiańskich. Napísali A. Brückner a T. Lehr-Splawiński. Lwów 1929, str. 179—180) pokladá za pravdepodobné, že sa vznik Frizinských pamiatok viaže s činnosťou Metodovou alebo jeho žiakov na území Pannonie; ich jazyk je podľa neho slovinský, veľmi archaický, hoci nie prostý nádychov západoslovanských a chorvatských. ST. MLADENOV (Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin-Leipzig 1929, 71) v shode so svojou známou koncepciou hovorí o Frizinských pamiatkach ako o jedinom reprezentantovi korutansko-slovinskej redakcie

⁵⁰ »Eduard Siever's Untersuchungen auf slavischen Gebiet« v časopise Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, sv. IV., Oslo 1930, str. 5 a n. (o Friz. pam. na str. 21—27).

⁵¹ Srv. i u Nahtigala, ČZN. XII., 119; ako sme spomenuli, Vondrák (Stud. 63) myslel na vliv hlahol. predlohy.

starej bulharčiny (t. j. podľa nás: starej cirkevnej slovančiny). Toto poňatie správne odmietol K. H. MEYER v Slavii IX., 591; on predpokladá, že zlomok Frizinských pamiatok mal stsl. predlohu, ale naopak ovlivnenie Frizinských pamiatok jazykom starocirkevnoslovanským je mu viac ako otázkou. K. H. Meyer nevykladá ďalej, prečo stavia k sebe takéto dva dosť ťažko slučiteľné predpoklady. P. DIELS (Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg 1932, 1, 12—13) uvádza aj najnovšie práce Nahtigalove, Kosove a Ramovšove; Frizinské pamiatky pokladá za zjavne závislé na nemeckých formuliach a modlitbách, vidí v nich vlivy starocirkevnoslovanské a súvislosť s vlastnou cirkevno-slovanskou literatúrou.

Vidíme teda, že sa názory dnešných vedúcich slavistov podstatne nelíšia. Vo Frizinských pamiatkach vidia staroslovinský jazyk, ovlivnený starou slovienčinou, uznáva sa súvislosť s cirkevnoslovanskou literatúrou a napokon prestávajú veriť československým a chorvatským vlivom.

*

Najnovšie Frizinské pamiatky vo zvláštnej knihe skúma SIMON PIRCHEGGER (I. c.). Všíma si najmä Vondrákových štúdií, vo väčšine jeho názorov o grafike Friz. pamiatok a o ich súvislosti so starocirkevnoslovanskou literatúrou. Pri grafike poukazuje na písanie ponemčených miestnych názvov v ponemčených slovinských krajoch; zdôrazňuje, že tieto zápisy, t. j. Friz. pamiatok, predstavujú nie staroslovinskú, ale starohornonemeckú výslovnosť a podľa toho podáva aj prepis II. a III. zlomku. Tvrdí, že Frizinské pamiatky sa musia čítať výslovnosťou starohornonemeckou. Dotýka sa písania nosoviek a tvrdí proti Ramovšovi, že písania *un*, *on* nepredstavujú nám výslovnosť *on*, ale *un* a *on*; pomáha si tu zápismi spomenutých miestnych názvov, ale doklady, ktoré uvádza, sú z triciatich rokov a polovice 12. storočia a tiež z neskorších čias. Názor Ramovšov a iných badateľov o čítaní *on*, *un* vo Friz. pamiatkach je podľa P. len preto pomýlený, lebo ich čítali slovinsky (8—12). Ďalej upozorňuje na to, že grafiku Friz. pamiatok treba srovnávať s písaním súčasných starohornonemeckých pamiatok a nie s neskoršími. To je názor isteže správny, ale nie je všade správne ďalšie aplikovanie tohoto požiadavku, ako ho urobil Pirchegger. Preberá písanie spoluhlások, ako to urobil už Braune v uvedenej práci, sčítava ich, určuje ich fonetickú platnosť a proti Brauneovi, ktorý podrobne poukázal na vliv nemeckej grafiky; donáša tú novosť, že ich srovnáva s písaním v spomenutých názvoch (a pravdaže so starohornonem. písmom) a že vyslovuje požiadavku, aby sa Frizinské pamiatky čítali podľa starohornonemeckej výslovnosti.

Pri *ch* I. a III. zlomok je v 100% v shode so sthnem. grafikou, II. menej (str. 17), podobne pri *k* a *č* (18—19).⁵² Pri písaní staroslovin. *u a *y našiel

⁵² Slovin. *ch* podľa polohy sa píše *ch* a *h*; *k* ako *c*, *ck*, *g*, *ch*, ale najčastejšie *ch*.

v I. 76,68% konsekventnosti, v II. len 76,61% a v III. 87,64% (str. 19—21); *i* a *ī* sú písané v I. s 90%, v II. s 83,3% a v III. s 96,4% konsekventnosťou. Predpokladá, že originál *III. mal 100% konsekventnosť pri *i*, *ī* a *u*, *ū* (str. 22). Najmenšia dôslednosť je tedy v II. zlomku!

Obširne sa PIRCHEGGER zaoberá štúdiom *syka v i e k*; tu vidí úplnú shodu so starohornonemeckou grafikou, t. j. v najväčšom počte prípadov označujú sa slovin. *s*, *z* a *c* písmenou *z* a *š*, *ž*, *č* ako *f*. Príklady, ktoré sa odchyľujú od očakávaného zápisu, Pirchegger vykladá asimiláciou a disimiláciou, na pr. III. 74 *blaſe* < *blazě* číta *blaſe* — vraj disimiláciou (str. 30), III. 70 *iſbauuiti* číta *iſbauiti* — vraj asimiláciou v toku reči (*greſnikie iſbauiti*; viď str. 30—31). Každý vidí, že je to zjavná násilnosť a že takouto metódou by sme zachádzali k nemožnostiam.

Pri *p* a *b* pisár II. zlomku si pomýlil oba zvuky a zameňuje ich, na pr. II. 5 je *b* za *p*: *briplifaze*, v II. zlomku je 18 ráz *b* za *p* (7—8 *boneſe*, 12—13 *boido* a *i*., viď str. 23). Takto si pisár II. zlomku poplietol aj *t* s *d* (80: *chiſto*, *кѣижда*, píše aj *td* za *d* (1: *detd*).⁵³ Pri *p* vedľa *b* za staroslovin. **b* v II. zlomku Pirchegger by čakal *v*, *f* alebo nehlasné lenis *b* za **b*. Keď sa v písme vyskytnú, pokladá ich so Schwarzom (Reibelaute 51) za »Schriftformen« alebo on sám radšej za »individualsprachliche Formen« (65 n.).⁵⁴ Takéto »individualsprachliche Formen« vidí aj v striedniciach za **ž* a staroslovin. **ô* (ib. 66—67). Sú to všetko nie ľahké metodologické chyby.

Z tohoto vidíme, že pisateľovi ako bavor. Nemcovi cudzia bola pravdaže znelostná korelácia, a pri sykavkách apercipoval len palatálnosť a nepalatálnosť. Slovinské hlásky *ž* a *z* sa mu javily len ako fonetické varianty foném *š* a *s* a preto pre ich grafické označenie nehľadal zvláštnych grafém, ale použil len tých, ktoré v systéme jeho rodného jazyka a latiny označovali základné varianty týchto foném.⁵⁵ Príklady, ktoré sa odchyľujú od očakávaného zápisu a ktoré P. vykladá ako zjavy asimilácie a disimilácie, svedčia len o tom, že pisár cit. fonetické varianty pozoroval, ale nevedel si s nimi rady. Najlepšie to dokazuje miešanie *p* a *b* (v II. zlomku). Ako sme spomenuli PIRCHEGGER by podľa zápisov slovin. miestnych názvov v ponemčenom území čakal za stslovin. *b* hlásku *v*, *f* alebo nehlasné lenis *b* a vykladá ich ako »individualsprachliche Formen« (65 n.). V prepise nemení ani *d* a *g*. Pri tejto otázke zdá

⁵³ V písaní *td* videl Gloske (l. c. 183) priblíženie sa hlasného *d* nehlasnému *t* na konci slova.

⁵⁴ Pri tejto otázke Pirchegger sa pýta, prečo slovinčina prevzala lat.-rom. *Dalmatia* ako *Tolmin*, prečo je rus. *Don*, ale gréc. *Τάναος*, za pers. *Xub*, (cez turecké prostredie) v bulh. a srb. *chubavъ*, *hubav*, ale v rus. a ukr. *chupavъ*, *chupavyj*, hoci tieto jazyky robia prísny rozdiel medzi znelými a neznelymi spoluhláskami. Sú to ojedinelé zjavy, všetko prevzaté slová, a P. sa nepýta, akým prostredím a v akých formách prešli do rus. a ako do jhsl. (*chubav* — *chupav* a tak aj *Tolmin*). V prípade Friz. pamiatok nejde o ojedinelé zjavy, ale o systém. A to je dôležité.

⁵⁵ Písanie sykaviek bolo i neskoršie ťažkým problémom pre zapisovateľov slovanských textov. *Oblak* (Starejší slovenski texti, Let. Mat. Slov., Ljubljana 1889, str. 5—7) poukázal na to, s akými ťažkosťami tu zápasili pisári pri zapisovaní sykaviek v slovinských (i českých) textoch XV. storočia.

sa, že Pirchegger sám ustupuje, lebo píše už, že si za úlohu položil len výskum zvukovej hodnoty sykaviek (str. 69). Najviac nedôsledností je pochopiteľne pri *c*, *č*. a *ĉ* (*c* a *č* označuje aj diakriticky). PIRCHEGGER akoby zabúdal, že pisár vedel latinsky. Máme tu tedy užívanie tejshe abecedy, latinskej, tohože inventáru písmen, ktorými mal vyjadriť i zvuky, ktoré latin. a bavor. systému boli cudzie. Toto všetko tedy nehovorí o tom, že sa Friz. pamiatky majú čítať podľa nemeckej výslovnosti (so stanoviska fonologického je to vec jasná), ale o tom, že pisár nebol dost obratný. Spomenuli sme už, že sa v stč. pamiatkach užíva tiež tej grafiky; podľa zbežného môjho pozorovania, užívalo sa jej aj pri prepisovaní slovenských mien v latinských listinách uhorských kráľov a i. Nikomu však nemôže prísť na um vysloviť podobnú mienku, ako to urobil Pirchegger. Už SIEVERS sa dopustil podobnej chyby, že primoc dôveroval písmenám. RAMOVŠ ukázal, kam to vedie.

Napokon nezáleží na tom, akou písmenou sa označuje nejaké fonéma, nás zaujíma funkcia týchto grafém, t. j. pozeráme sa na to, aké fonéma predstavovalo nejaké graféma v povedomí hovoriacich. V tomto prípade nie je dôležité, či nejaký nemecký kňaz to čítal a zapísal tak alebo onak; musíme sa prizerať na funkciu celej pamiatky: Frizinské pamiatky slúžili slovinskému ľudu, ich reč zapisoval nemecký kňaz, a i keď ju zle zapísal, zaujíma nás najsamprv, ako to vyslovoval ľud, a len potom, ako zvuky ich reči apercipoval cudzinec. Fonologia robí nám tu dnes dobré služby.

Tvrdenie Pircheggerovo, že sa na Friz. pamiatky máme pozeráť so stanoviska jazykového systému nemeckého, má slabinu ešte aj inde. Pirchegger si všima sonantných *r*, *l*, našiel svarabhaktické vokály (60—62), našiel však aj *flzna* II. 5, *mrzna* II. 50, *raztrgachu* II. 103, *mrtuim* III. 58. Donáša doklady z miestnych názvov a nenachádza v nich príkladov na *l*, *r* ako vo Friz. pamiatkach. Pirchegger tomuto nechce pripisovať žiadnej zvláštnej dôležitosti (62). Tu by sme však čakali tiež prispôsobenie starohornonemeckému systému; keď ho niet, je to len dôkazom toho, že sa pisár preca len snažil zachytiť jazyk slovinského ľudu tak, ako ten ľud hovoril a už tým potom celý pomer, ako ho chcel postaviť Pirchegger, sa nedá udržať, t. j. Friz. pamiatky treba čítať staroslovinsky, pri čom sa má určovať funkčná hodnota zápisu jednotlivých písmen so zreteľom, že je to zápis nie dokonalý, zaznačený cudzincom.

Účelom štúdie PIRCHEGGOVEJ bolo to, aby poprel Vondrákovo tvrdenie, že Friz. pamiatky úzko súvisia s cirkevno-slovanskou literatúrou: »... meine Arbeit ist hier ja nur die, die Heranziehung der Ksl. Verhältnisse durch Vondrák nun auch als *unnötig* (podčiarkuje P.) zu erweisen« (str. 51). Tohoto cieľu Pirchegger nedosiahol.

V tejto prvej časti svojej knihy PIRCHEGGER sa dosť často dotýka niektorých drobných zjavov, pri čom zas často užíva svojich znalostí o miestnych mienách. Je to isteže správne, ale musí sa poukazovať na súdobé písanie, počítat s nedokonalosťou záznamov a vôbec pracovať s veľkou rezervovanosťou.

Dôležitejšie sú jeho výklady v druhej časti knihy (102—150); podáva tu svoje poznámky k výkladom niektorých tvarov, slov a výrazov vo Frizinských pamiatkach. Tieto poznámky sú cennejšie ako prvá časť knihy, lebo Pirchegger sa rozumie niektorým teologickým drobnostiam, ktoré boli známe najmä v nemeckých krajocho.

Tak na pr. I. 3 *zuetemu creztu*, II. 89 *zueticruz* vykladá so stslovin. *křst-*, ktoré bolo uspôsobené sthnem. výslovnosti; atribut »svätý« v starej nemčine je obvyklý (102—109). Bude to treba ešte ďalej skúmať. *zuori* III. 10 (**stvtvori*) proti *ztvoril* I. 23, *ztuoril* III. 23, 30—31, *ztoriti* II. 107, *štuorife* II. 108 vykladá sthnem. zjednodušovaním skupiny *st-*, ako Szreliz z r. 1051, zo **strělbъ* a *Zudenich* 1134, *Ztudenich* 1249, *Tudenice* 1253 z stslovin. **studen-*; srovnanie prvého prípadu so skupinou *str-* je nesprávne, lebo vieme, ako sa takáto skupina (*str*, *zdr*, *sr*, *zr*) obmeňovala na samej slovinskej⁵⁶ a slovanskej pôde vôbec. Nie je však možné identifikovať prípad *zuori* so *Zudenich*, lebo medzi dokladmi je i forma (dnešná) *ztoriti*. Máme tu zjednodušenie nie skupiny *st-*, ale *stv-* (*stŭ-*); proces disimilačnej eliminácie je tu v začiatku, o čom svedčia ostatné príklady so zachovaným *stv-*. Pri tomto začiatočnom procese bolo na začiatku kolísanie: raz sa eliminoval jeden člen skupiny, druhý raz druhý, kým nenastalo ustálenie na *st-*.⁵⁷ Je to teda najpravdepodobnejšie odraz domáceho slovinského jazykového stavu a nie prispôbenie systému sthnem.

Pri výklade výrazov *zaconníc* III. 17, *vuernisom* I. 6, *zelom bošiem* I. 5 (a i.), o ktorých pravom význame boli rôzne mienky, PIRCHEGGER donáša nové objasnenia podľa staronem. paralel: *zaconníc* »Priester« (má to byť jeden z germanizmov Friz. pamiatok; v. na str. 114), *vuernic* »Bekenner«, pri *zelom* (*съль*) vo smysle »apoštol« (u VONDRÁKA: legatus) upozorňuje, že nielen cksl. má *съль*, ale aj sthnem. *boto*, *bote* (114). To pravdaže nemôže mu byť nijakým dokladom germanizmu slovanského *съль*.

Pri *primete* I. 33—34 m. cksl. *naslědujite* upozorňuje, a zdá sa správne, na lat. dubletu »possidete-percipite« (126—134), *imugi* je vraj prepísanie m. *imogi* (**imōci*; v. str. 134—136). Ramovš (ČJKZ. VII., 166) vychádzal tu z *imuġ*; je pravdepodobnejšie, že je tu *imoči* alebo aj *imuči*.

II. 13—14 *bz zredu* sa vykladalo *bez čřědu*, Pirchegger myslí na *poslědu*; cesta, ktorou k tomuto výkladu dochádza, je nesnadná (136—139).

ton II. 91, v ktorom sa nesprávne videl slovackizmus, vykladá PIRCHEGGER dosť pravdepodobne z **trъ ni* (= *ny*) ako I. 34 *Eseu* = *Ese vi* (**vy*). Pirchegger podáva ešte niektoré iné drobnejšie výklady.

*

⁵⁶ Srv. Ramovš, Hist. gram. slov. jez. II., 220—221; je i zmena *zdr* > *zr*: *zdrav* > *zrav*.

⁵⁷ Zjednodušenie *stv* > *sv* máme i v stč., na pr. už v Žalt. Witb. 775 je *-stwie* > *svie*: *Swiedeczſwie* a pod. Gebauer, Histor. mluvn. čes. jaz. I., 397.

Celkove z doterajšej literatúry o Frizinských pamiatkach poznávame, že všetky tri zlomky nie sú originály. Toho názoru bol i Pirchegger (22). Tomu by sa okrem uvedených svedectiev prihovárало i to, že texty rukopisu sú pečlivo zapísané v jednom ťahu a bez opráv (viď faksimile u Vondráka a Kosa), čo pri písárovi, ktorý sa slovinčine len naučil, by sa nečakalo. Je isté, že zápisy, ktoré máme, urobil nemecký kňaz. Na presnom zistení osoby, povedal by som, ani natoľko už nezáleží, ako skôr na tom, že vieme, akou osobou zápisy boli urobené. Nech to bol už Abrahám alebo Ruodharius. Súvislosť s cirkevno-slovanskou literatúrou je, nie síce ešte dostatočne, ale preca preukázaná. Pirchegger ju popieral a vytýkal Vondrákovi, že nemal »jenes Feingefühl in der Auswertung der beobachteten Einzelheiten« (79). Je pravda, že niektoré paralely, ktorými Vondrák poukazoval na súvislosť so stsl. a cksl. literatúrou, pochádzajú z príbuzného lexikálneho pokladu. Sami sme niektoré jeho dôvody popreli. Lenže Friz. pamiatky sú malé zlomky a paralely, ktoré uviedol Vondrák je pomerne dosť a nedá sa ľahko riskovať tvrdenie, že vznikly spoločnou predlohou a spoločným lexikálnym inventárom. Užívanie slova *непонианъ* vo smysle »diabolus« je jedným z najdôležitejších svedectiev tejto súvislosti a nedá sa vyložiť náhodou. Tento fakt nám poukazuje na celé kultúrne ovzdušie, v ktorom Friz. pamiatky vznikly: na jednej strane pridŕžanie sa dedictva slovanských apoštolov sv. Cyrila a Metoda, na druhej strane styky Metodových žiakov so západnou cirkvou⁵⁸ a prenikanie latinskej kultúry, kňazstva atď. V tomto ovzduší dá sa predpokladať, že nemeckí kňazi mali účasť na prekladoch Friz. pamiatok, ale popreť vliv cksl. by znamenalo i zakrývanie očí pred historickým pozadím, ako ho vylíčil najmä Kos a Dvorník. Nahtigalom spomenuté Sobolevského súvislosti, zdá sa, môžu doniesť nové osvetlenie.

Pomerne iste je zistené datum vzniku rukopisu (odpisu). Miesto vzniku je najpravdepodobnejšie Korutansko. Zlomok I. nie je súčasne napísaný so zlomkom II. a III.

Pomer ku Klimentovej homílii je zrejme opačný, ako si myslel Vondrák. Klimentova homília a Friz. pamiatka II. nevznikly pravdepodobne z teže stsl. predlohy, ale už z dvoch rôznych odpisov prvotného originálu.

Niektoré nedoriešené a ani neriešené problémy sme naznačili; videli sme, že ich je ešte dosť. Bude treba ešte najmä podrobne preštudovať uvedený latinský kodex. Nové objasnenia prídu s ďalším skúmaním cirkevno-slovanskej literatúry s rôznymi hľadiskami.

Videli sme tiež, aký veľký význam pri riešení niektorých problémov mala znalosť dnešných slovinských dialektov. Mnohé zjavy, ktoré si najmä Vondrák vykladal vlivmi, dajú sa vyložiť z domáceho jazykového stavu.

Najväčšiu zásluhu o výskum Friz. pamiatok má V. VONDRÁK; hoci mnohé jeho mienky padly, nemôžeme si bez jeho štúdií dobre predstaviť, že by

⁵⁸ Srv. tiež u W. Weingarta, *Nové Atheneum* III., 290.

stav doterajších našich výskumov a vedomostí o Frizinských pamiatkach bol v tom štádiu, v akom je dnes. Nie sme pri konci, ale je len Vondrákovou zásluhou, že sa mu blížíme čím ďalej tým viac.⁵⁹

RÉSULTATS ACTUELS DES RECHERCHES SUR LES FRAGMENTS DE FREISING.

Étude bibliographique et critique.

(Résumé.)

Les trois fragments de Freising, découverts en 1803, retinrent surtout l'attention du monde savant parce qu'ils sont écrits en lettres latines. Il n'y avait pas de doute qu'ils fussent écrits en langue slovène, mais on se posait plusieurs questions à leur sujet: quelle influence avaient eue sur eux la littérature slavonne (vieux-slave ecclésiastique) et les autres littératures slaves? quel en était l'auteur? dans quel lieu avaient-ils été écrits? etc. . . . J. Dobrovský, étant donné l'état des connaissances sur la langue slavonne, à son époque, avait sur eux des idées fort vagues. Vostokov rapprochait le second fragment du prologue de Saint Marc. Kopitar, Miklosich et, après eux, d'autres savants, jusques et y compris Nahtigal, les attribuaient à l'évêque Abraham et à son scribe. La plupart d'entre eux considéraient Abraham comme un Slovène. On en reportait généralement l'origine au IXe ou Xe siècle. Braune y avait montré des traces de l'influence de l'écriture allemande. Miklosich considérait que l'homélie de Clément se rattachait au second fragment. Jagić s'en servait pour éclairer un tableau de l'histoire de la civilisation; il soulignait les caractères slavons de cette langue, mais il n'en découvrit pas autant que Vondrák. C'est en effet Vondrák qui s'est consacré le plus systématiquement à l'étude de ces fragments; il leur voyait un modèle vieux-haut-allemand dans ce qu'on appelle la prière de Saint Emmeram, il comparait le troisième fragment avec la formule de confession de l'Euchologe du Sinaï, il insistait sur la grande influence de la littérature slavonne, sur l'influence tchécoslovaque (slovaque) et croate; dans l'écriture il voyait l'influence du vieux-haut-allemand, de l'italien du nord et du croate: il les considérait comme une copie faite par un clerc allemand; dans les traits qui surmontent les lettres, il voyait des signes d'accentuation, et plaçait le lieu de leur composition aux environs du lac Balaton. Oblak et Jagić nièrent l'influence tchécoslovaque et croate, en faisant ressortir que *vy* et *dl* étaient et sont des particularités propres des dialectes slovènes.

Pour ce qui est du second fragment, Vondrák pensait, au début, qu'il se

⁵⁹ Tieto zásluhy Vondrákove napokon všetci uznávajú, najmä tiež jeho životopisci M. Wein-gart (l. c. 289) a M. Noha (l. c. 53).

rattachait à l'homélie de Clément, mais, lorsqu'il eut étudié plus à fond la question, il soutint le contraire. Cette assertion fut immédiatement réfutée, d'une façon convaincante, par Jagić, qui supposait une troisième source. Jagić apporta de nombreux parallèles, tirés d'autres ouvrages de Clément, qui prouvent que Clément ne connaissait pas ces fragments. Les recherches ultérieures fournirent davantage encore de preuves contre cette théorie de Vondrák. Nous trouvons une preuve d'importance contre elle, si nous nous appliquons à l'étude du *vocabulaire* des deux textes: par exemple, le mot *неприазнь* se trouve dans le second fragment de Freising, comme dans d'autres textes slaves postérieurs avec la valeur de *διάβολος*. C'est aussi en même temps un important témoignage de la dépendance des fragments de Freising par rapport à la littérature slavonne.

Parmi d'autres suggestions nous considérons comme de grande valeur celle de Glokke, qui admet *la possibilité d'un modèle grec pour les prières slaves pour la confession*, car elles existaient aussi dans l'église d'Orient. On n'a encore rien trouvé dans ce sens, mais la découverte d'un modèle grec mettrait l'Euchologe du Sinaï et aussi les fragments de Freising dans un jour tout nouveau.

Depuis la guerre ceux qui se sont le plus occupés des fragments de Freising sont Nahtigal, Kos et Ramovš. Nahtigal s'est surtout appliqué à l'étude des nasales dans les fragments de Freising et il est arrivé à cette conclusion qu'il est inutile de voir dans *on*, *un* et *u* (au lieu de *o*) et dans *en* (au lieu de *e*) une influence étrangère, mais que ce traitement phonétique est celui de l'état slovène normal, dans les dialectes de Carinthie. Ramovš est arrivé à des conclusions analogues.

Nahtigal et Kos ont regardé le manuscrit latin tout entier, dans lequel sont écrits les trois fragments slovènes. Ce manuscrit est un recueil d'actes de l'évêché et il a servi à l'occasion de livre de notes; les auteurs, pour Nahtigal, étaient Abraham et son aide; il pensait qu'Abraham était d'origine slovène. Nahtigal fait remarquer la concordance de l'ordre des prières dans l'Euchologe du Sinaï et dans ce manuscrit latin. D'après lui les fragments de Freising font partie intégrante du manuscrit latin. Il place l'époque de leur composition entre 972 et 983, d'après la mention qui y est faite d'un bien fonds « Gudago » et d'après d'autres mentions. Nahtigal n'a étudié que la copie et la description du manuscrit. Kos avait sous la main l'original, mais il ne trouva pas de cohérence entre les fragments slovènes et le texte latin: il ne voyait de cohérence que dans leur composition externe, c'est-à-dire dans leur caractère liturgique. D'après l'écriture et la teneur des actes concernant les propriétés épiscopales Kos a déterminé la date des fragments: *le premier fragment ne remonte pas au delà de 972, les deux autres remontent sans doute à 1022—23 peut-être à 1039*. Dans l'écriture, Kos voit l'écriture de l'époque de Charlemagne. Il ne croit pas qu'Abraham fut d'origine slovène et par une

analyse paléographique comparée des fragments de Freising et d'un acte en latin d'un manuscrit de Munich (n° 188, des années 977—981), il est arrivé à supposer que l'auteur des deux derniers fragments est « nobilis clericus Ruodharius ».

Nahtigal insista de nouveau sur *la concordance des fragments de Freising avec l'Euchologe du Sinäi*, demandant que l'on fît une analyse parallèle du contenu de tout le manuscrit et que l'on étudiât tous les autres manuscrits provenant de Freising. À la suite de ces recherches *la théorie de Vondrák sur la dépendance des fragments de Freising par rapport à l'homélie de Clément, s'écroula*.

Sievers fit des fragments une analyse phonétique (Schallanalyse) qui n'a pas autant de valeur que le croyait van Wijk, comme l'ont montré Ramovš et O. Broch. Sievers émit l'avis que les fragments sont écrits en vers et que les traits qui surmontent les lettres indiquent la mélodie de la déclamation.

S. Pirchegger demanda que l'on prononçât le texte des fragments *d'après la prononciation du vieux-haut-allemand*; il voulait en trouver la preuve dans la notation des chuintantes: *s, z, c = z* et *š, ž, č = š*. Les dérogations à cette manière d'écrire s'expliquaient pour lui, à tort, comme des « individualsprachliche Formen ». Il comparait l'écriture et la langue des fragments avec la graphie de certains noms de lieux slovènes dans les contrées germanisées. Mais Pirchegger n'a pas vu que l'écrivain, étant un allemand de Bavière, ne percevait dans les chuintantes que le caractère de palatalité ou de non palatalité et que la corrélation des phonèmes *tenuis* — *media* lui était inconnue. Les phonèmes slovènes *z* et *ž* n'étaient pour lui que des variantes phonétiques de *s* et *š* et c'est pourquoi il ne chercha pas à leur donner une notation particulière, se contentant d'employer les signes graphiques qui, dans sa langue maternelle et en latin, notaient les variantes fondamentales de ces phonèmes. En transcrivant le texte, il faut surtout se demander quel est le phonème qui correspondait à telle ou telle graphème, dans l'esprit du sujet parlant. Pirchegger a perdu de vue le fonction des fragments: ils servaient au peuple slovène; la langue a été notée par un prêtre allemand. Pirchegger voulait par ce moyen renverser la théorie des rapports des fragments de Freising avec la littérature slavonne, mais il n'a pas réussi. Il a proposé aussi des explications pour plusieurs formes, en se basant surtout sur l'analogie avec le vieux-haut-allemand, mais il évite souvent de peu l'in vraisemblance.

D'après les études faites jusqu'à ce jour, nous pouvons conclure que les fragments ne sont pas originaux: nous en avons une preuve accessoire dans le fait que les manuscrits sont écrits au courant de la plume et sans ratures. Ils ont été écrits *par un prêtre allemand*, dans leur langue nous voyons des *traits dialectaux de la langue slovène*. Nous ne croyons pas à l'influence tchéco-slovaque ou croate, mais nous croyons à un *lieu étroit rattachant ces fragments à la littérature slavonne*. La date a pu être fixée approximativement, ainsi que

le lieu de composition: nous savons à quel milieu appartenait l'auteur, si nous ne savons pas son nom (du reste, le *fragment I n'est pas contemporain des deux autres*). Des travaux qui restent à faire, les plus pressants sont l'*étude approfondie du manuscrit latin et la recherche du modèle grec de l'Euchologe du Sinäi*.

WŁADYSŁAW KURASZKIEWICZ (Kraków):

GRAMOTY HALICKO-WOŁYŃSKIE XIV—XV WIEKU.

Studjum filologiczne.

Znaczenie gramot jako zabytków językowych podnoszą wszyscy badacze języków ruskich. Polega ono na tem, że treść tych zabytków nie dotyczy spraw religijno-cerkiewnych, lecz ówczesnego życia politycznego, społecznego, czy gospodarczego, i wskutek tego język ich jest bardziej niż we wszystkich innych zabytkach wolny od tradycji cerkiewnej, przedstawia żywą mowę warstw wyższych, jakiej używano w kancelariach ruskich. Przytem zabytki te są ściśle datowane i podają miejsce swego pochodzenia, co umożliwia dokładniejszą chronologizację faktów językowych i wydobyć niektórych właściwości lokalnych. Nic dziwnego więc, że badacze np. SOBOLEWSKI, KRYMSKI i inni pełną garścią czerpią z gramot materiał do swych badań, a zapowiedziane przez W. ROZOWA¹ specjalne studjum o ich języku oczekiwane było z wielkiem zainteresowaniem. Niestety całej tej pracy ROZOW nie wykonał, wielką jednak jego zasługą w tej dziedzinie jest jego książka: *Українські грамоти, том перший, XIV в. і перша половина XV в., у Києві 1928*, w której starannie wydał 95 gramot małopolskich, przez co udostępnił ten cenny materiał szerszym kołom badaczy. Wkrótce też ukazała się praca WASYLA DEMJANCZUKA: *Морфологія українських грамот XIV і першої половини XV в., у Києві 1928*,² sporządzona właśnie na podstawie materiału wydanego przez W. Rozowa. W tej pracy Demjanczuk pominął zupełnie fonetykę, nawet nie zbadał pisowni gramot, wskutek czego niektóre jego spostrzeżenia dotyczące zjawisk morfologicznych budzą poważne wątpliwości, choć praca ta jest naogół wykonana sumiennie. Gramoty mołdawskie, nieuwzględnione przez Rozowa, doczekały się już specjalnej monografii językowej w pracy W. JAROSZENKA: *Українська мова в молдавських грамотах XIV—XV в. в.*³

W swoich badaniach nad historją języka małopolskiego specjalnie zająłem się gramotami halicko-wołyńskimi wydanymi przez W. ROZOWA właśnie ze względu na wartość tego materiału. Przy szczegółowem badaniu okazała się przede wszystkim potrzeba dokładnej lokalizacji tych dokumentów, o ile bowiem uwagi Rozowa co do czasu ich powstania naogół zadawalniają, to podane przez niego miejsce ich napisania niejednokrotnie budzi wątpliwości. Pozatem

¹ W bardzo pożytecznej krytycznej pracy: *До староруської діалектології (Іще до питання про галицько-волинське наріччє)*. Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. LXXVII, 1907.

² Записки Істор.-Філол. Від. У. А. Н. у Києві, кн. XVI, 73—109; także osobno.

³ Збірник комісії для дослідження історії української мови, т. I, Київ 1931.

Rozow prawie zupełnie nie zwrócił uwagi na pisarzy gramot, chociaż przed każdym tekstem podaje krótkie uwagi o pisowni. Tymczasem dokładne porównanie poszczególnych gramot pod względem pisma, pisowni i języka pozwala nieraz bardzo łatwo wykryć wspólnego pisarza dla kilku gramot, często nawet takich, które wymieniają różne miejsca swego pochodzenia. Te właśnie filologiczne zagadnienia: o wzajemnym stosunku poszczególnych gramot, o sposobie ich nadawania, o pisarzach i t. p., niewątpliwie pożyteczne dla badań historycznych, a konieczne do szczegółowej analizy językowej, są tematem niniejszej pracy.

Przedstawię pokolei grupy gramot, jakie udało mi się ustalić dla poszczególnych pisarzy: I gramoty z kancelarii *Kazimierza Wielkiego*, II z kancelarii *Władysława Jagielly*, III z kancelarii *Świdrygielly*, IV z kancelarii *Witolda*, V uwagi o sposobie nadawania tych gramot, VI gramoty *przemyskie*, VII *żydaczowskie*, VIII *lwowskie*, *halickie* i *kijowskie*. W »dodatku« podaję tekst gramoty o poręczeniu rjazańskiego księcia Olega Iwanowicza królowi Jagielle z Perejasławia 1393 r., której ROZOW w swym zbiorze nie uwzględnił, choć jest to gramota małoruska tego samego pisarza, co gramoty wydane u Rozowa pod nr 20, 21 i 23 — a także poprawiam dostrzeżone błędy w książce Rozowa. Przy badaniu gramot stale posługuję się albumem paleograficznych zdjęć SOBOLEWSKIEGO i PTASZYCKIEGO: Палеографические снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка, Издание Спб. Археологическаго Института, С.-Петербургъ 1903 (skrót S-P), a także łaskawie mi użyczonemi przez prof. J. ZILYNSKIEGO fotografiami gramot z archiwów krakowskich. Poznałem też niektóre inne oryginały gramot, znajdujące się w Polsce.

I.

§ 1. Trzy gramoty ze zbioru ROZOWA omawiają sprawy króla *Kazimierza Wielkiego*: nr 2, 3 i 7. Gramota 2 o nadaniu przez króla Kazimierza studze Iwanowi dworzyszczu Zaniewa i Mikicina z przemyskiej włości, jako miejsce i czas swego powstania podaje: а писанъ листъ оу днѣ пѣдѣсѣтѣхъ на городѣ казимирѣ 2¹⁵ 4 Rozow na podstawie interpretacji danych historycznych sądzi, że powstała ona po roku 1349. Gramota 3 o umowie litewsko-ruskich książąt: Jawnuty, Kiejstuta, Lubarta, Jurja Narymontowicza i Jurja Korjatowicza z królem Kazimierzem i mazowieckimi książętami Ziemowitem i Kazimierzem nie podaje ani daty ani miejsca swego napisania. Rozow, rozpatrzywszy różne próby datowania tej gramoty, skłania się do poglądu HRUSZEWSKIEGO,⁵ że dokument ten był napisany między czerwcem a wrześniem 1352 roku, w sprawie zaś miejsca napisania powiada: »безъ сомнѣнія, онъ составленъ на Вольни.« Gramota 7 o umowie wołyńskiego księcia Dymitra (Lubarta) z królem Kazimierzem również nie wymienia daty ani miejsca napisania. Rozow z uwagi na to, że w gramocie jako poręczyciele występują wojewoda łucki Iwan i władca łucki Arsenij, przyjmuje Łuck jako miejsce powstania gramoty i odnosi ją za Hruszewskim do 1366 roku.

⁴ Pierwsza cyfra oznacza numer gramoty, druga drobniejsza — wiersz gramoty.

⁵ Історія України-Руси, IV, 444—445.

Zestawiwszy oryginały tych trzech gramot, nietrudno zauważyć wzajemne ich podobieństwo. Szczegółowa analiza ich pisma, pisowni i języka każe przypuszczać, że zostały one napisane przez tego samego człowieka. Istnieją wprawdzie pewne drobne różnice zarówno w piśmie jak i w pisowni tych gramot, ale łatwo można je objaśnić znacznym odstępem czasu pisania: gramota 2 w 1349 r. — 3 w 1352 r. — 7 w 1366 r. Pismo gramoty najstarszej 2 jest najstaranniejsze, duże, równe, litery jednakowych wymiarów, ostro łamane, podczas gdy w gramocie 3 jest ono mniej staranne, litery bywają pochylone, niewszystkie jednakowej grubości; wreszcie w gramocie 7 pismo jest najmniej

2. **А** **К** **О** **Р** **О** **Л** **Ь** **І** **С** **А** **З** **Н** **М** **Н** **Р** **Ь** **К** **Р** **А** **І**
К **А** **Н** **О** **В** **Н** **Д** **В** **О** **Р** **Н** **Ц** **Е** **З** **А** **Н** **Ь** **О** **.**
Т **И** **Н** **О** **Д** **К** **О** **Р** **Н** **Ц** **Е** **Т** **К** **О** **М** **У** **Ж** **Ь**
Н **І** **М** **Ь** **Н** **З** **Е** **М** **Л** **Ю** **Р** **О** **Л** **Ь** **Н** **У** **Ю** **Н** **І**
Б **Ь** **Т** **З** **А** **Н** **А** **Н** **З** **Е** **М** **Л** **Ь** **Р** **О** **Л** **Н** **А** **А**

3. **Т** **Ь** **О** **У** **Г** **О** **Р** **Ь** **С** **К** **Ы** **Н** **К** **О** **Р** **О** **Л** **Ь** **Н** **А** **Н** **Т** **Ь** **У**
О **А** **Н** **Т** **Ь** **Ы** **С** **А** **У** **Ш** **А** **Е** **Т** **Ь** **К** **О** **Р** **О** **Л** **Ь** **Н** **І**
І **Н** **І** **К** **Н** **А** **З** **Е** **М** **Ь** **А** **Н** **Т** **О** **В** **Ь** **С** **К** **Ы** **М** **Ь** **П**
Н **Т** **О** **В** **Ь** **С** **К** **Ы** **М** **Ь** **К** **Н** **А** **З** **Е** **М** **Ь** **Н** **Е** **П** **О** **Л** **А** **.**
У **Д** **Ь** **П** **Е** **Р** **Е** **Д** **Ь** **П** **А** **Н** **Ь** **О** **У** **Г** **О** **Р** **Ь** **С** **К** **Ы** **А**

7. **С** **Е** **І** **А** **З** **Ы** **К** **Н** **А** **З** **Ь** **В** **Е** **Л** **Н** **І** **С** **Ы** **Н** **Д** **А** **Н** **Н**
Т **А** **І** **К** **О** **В** **О** **Ю** **.** **І** **С** **Е** **Д** **О** **К** **О** **Н** **У** **А** **Н** **І**
А **М** **Н** **Т** **Р** **Н** **І** **Е** **М** **Ь** **І** **З** **В** **О** **Л** **О** **Д** **А** **Н** **Н**
С **У** **А** **Н** **Ь** **І** **Б** **Е** **Р** **О** **Д** **Ь** **П** **О** **Є** **О** **У** **Ф** **Н** **М** **І**
В **А** **.** **Ї** **М** **А** **Р** **К** **О** **В** **А** **С** **Т** **А** **В** **А** **П** **О** **Л** **Ы**

1. Wzory pisma gramot 2, 3 i 7.

staranne, widocznie szybkie, wyróżnia się przedewszystkiem tem, że ogonki liter: **з**, **р**, **у** są wyraźnie grubsze i niekiedy aż przecinają wiersz następny, podczas gdy w gramotach 2 i 3 sięgają tylko do wiersza dolnego. Ogólny jednak rysunek liter i sposób pisania we wszystkich trzech gramotach jest zupełnie identyczny. Charakterystyczna np. jest litera **ы**, której obie części nie są złączone, tylko od środka kreski pionowej wystaje mały jęczyczek w lewo, zwykle opuszczany w gramocie 7; litera **ѣ** ma trzonek ukośny; przy literach **є** i **и** koniec jęczyczka jest zagięty w dół albo do góry, albo tylko pogrubiony i t. p.

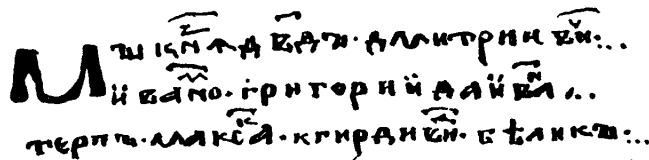
Z analizy tej wynika zdaje się dość jasno, że wszystkie te trzy gramoty pisał jeden pisarz i to Małorusin, pochodzący z obszaru gwar południowomałoruskich, prawdopodobnie halickich. Wnioskowi temu wcale nie przeczy fakt, że gramoty te wskazują różne miejsca swego pochodzenia: gramota 2 pisana na *городъ казимиръ*, a 3 i 7, jak przypuszcza ROZOW, na Wołyniu, może w Łucku. Zjawisko to potwierdza się w tychże warunkach wśród gramot króla Władysława Jagiełły, czy księcia Świdrygiełły, to też oma-

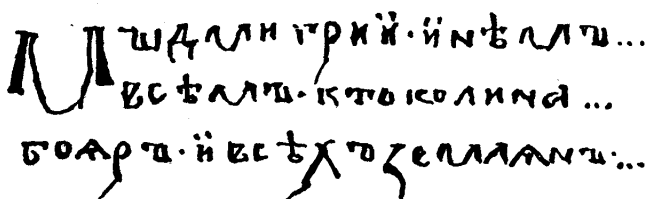
II.

Pod względem językowym te trzy gramoty są również identyczne. We wszystkich pozycjach konsekwentnie pisze się **ѣ**, tylko w gen. sg. i w nom.-acc. pl. przymiotników zamiast **ѣ** występuje **и** np.: **землѣ молдавскѣ** 66_{4, 6}, 67_{10, 10, 14}, 68_{3, 4, 5}, **за добрыйи пекныи прииѣтелѣ имѣли** 66₁₉, wyjątkowo tylko **в днѣ стѣхъ лѣцѣи** 66₂₀, 67₂₀, 68₁₉. Często jest nowe **ѣ** np.: **зѣмля** 66_{1, 2}, 68_{1, 2}, także **ѷ ≤ ѥ** np.: **намѣсткѣмъ** 66_{16, 18, 19}, 67_{11, 17}, 68_{8, 11}. Po **ч**, **ж**, **ш** często występuje **о** z **ѣ** np.: **пришолѣ** 66₈, 68₁₈, **нашѣи** 66₁₄, 67₉. Stale **ки**, **ги**, **жи**; **ѣ** i **и** nie mieszają się; częściej występują grupy: **-ѣа**, **-ѣю**, **-ѣѣ**, niż **-иа**, **-ию**, **-иѣ**. Język mocne wokalizują się — słabe zaś w śródgłosie są opuszczane, nawet **ѣ**; w wygłosie **ѣ** ginie tylko w przyimkach, a zamiast **ѣ** występuje **ѣ** w końcowym **-мѣ**. Stale występuje **ча**, **жа**, **ша**, **ца**, **шѣ**, ale **рѣ**; początkowe **оѣ** oznacza **и** i **ѣ**, stale jednak jest **ѣ** w zaimku **ѣѣмъ**, i t. p. Często występują końcówki **-оки**, **-ове**, **-оѣ**: **кroleки** 67₁₇, **намѣсткоѣ** 67_{9, 15}, 68_{6, 10}, **передѣкоѣ** 66_{9, 16—17}, **листоѣ** 66_{9, 17}, 68₃, **голдѣѣ** 66₅; stale w 1 pl. **-мы**: **чинимы** 66_{2, 14}, 68_{1, 12} i t. p. We wszystkich gramotach jest wiele polonizmów jednakowo zapisanych: **стѣфанѣ** 66_{8, 12}, 68₆, **оѣ ланчинѣ** 66₂₀, 67₂₀, 68₁₈, obok: **сѣдомирскоѣ** 68₄; stale **ѣ** w wyrazie **корѣна**, **корѣнѣ** i t. p.

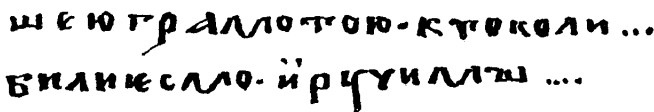
⁷ А. А. Шахматовъ, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. Энциклопедія славянской филологіи вып. 11, Петроградъ 1915, str. 344. Autor prócz własnej cytuję też drugą formę: *своѣти*, której jednak w tekście niema.

§ 3. Podobnie też łatwo zauważyć, że jeden pisarz z kancelarii Jagielly pisał: gramotę 20 w sprawie poręczenia książąt i bojarów południowo-ruskich królowi Jagielle za siewierskiego księcia Dymitra Korybuta z uwagą: а доконалоса том дѣло оу годѣхъ лѹчици, gramotę 21 o przysiędze siewierskiego księcia Dymitra Korybuta na wierność królowi Jagielle z uwagą: а дана грамѣ оу краковѣ i gramotę 23 o przysiędze kniazia Dymitra Olgerdowicza Brjańskiego na wierność królowi Jagielle z uwagą: а дана грамѣ в молодечнѣхъ. Wszystkie z 1388 roku. Pozatem w zbiorze paleograficznych zdjęć SOBOLEWSKIEGO i PTASZYCKIEGO bezpośrednio po zdjęciach 5 i 6, które ROZOW

20.
 МѢШКАДѢАХЪ. АЛЛИТРИНЪ. И...
 ИВАНЪ. ГРИГОРИЙ. АИВЪ...
 ТЕРПЪ. АИКЪ. КРИАНЪ. БѢЛКЪ...

21.
 ПШДЛИТРИЙ. ИНѢЛТ...
 ВСТАЛТ. КТОКОЛИНА...
 БОАРТ. ИВСТАХОЗЕЛЛАНТ...

АЛШВЕЛИНСИЙ. КНАУЛЕГЪ...

17P.
 ШЕЮГРАЛЛОТОЮ. КТОКОЛИ...
 ВПЛИЕСЛО. ИРЦУИЛТ...

2. Wzory pisma gramot: 20, 21 i S 7 P.

wydał jako gramoty 20 i 21, występuje nieuwzględnione przez Rozowa zdjęcie 7 [S 7 P] z gramoty niewątpliwie tego samego pisarza, jak tego dowodzi identyczne pismo, pisownia i język. Jest to gramota w sprawie poręczenia rjazańskiego księcia Olega Iwanowicza królowi Jagielle, dana w Perejaławiu 1393 r.⁸ Możliwe też, że od tego samego pisarza pochodzi gramota 25 bez daty i oznaczenia miejsca napisania. Jest to poręczenie książąt i bojarów zachodnioruskich księciu Skirgielle za Gridka Konstantynowicza; zawiera wyłącznie imiona i nazwiska poręczycieli. Oryginału ani zdjęcia tej gramoty nie widziałem, obecnie w Moskwie, ale zupełna zgodność jej pisowni i języka z gramotami 20, 21, 23 i S 7 P pozwala przypuszczać, że pisał ją ten sam pisarz królewski, choć jest to gramota Skirgielly.

Ponieważ wszystkie te gramoty były pisane w małym odstępnie czasu, więc prawie wcale nie różnią się ani pismem, ani pisownią, ani językiem. Pismo tych gramot ma wiele cech charakterystycznych. Znak ѣ składa się z dwu kresek poziomych i trzech pionowych, z których środkowa jest zwykle krótsza, a niekiedy zlekka pochylona w lewo

⁸ Tekst tej gramoty podaję w »Dodatku«.

i sięga prawie do górnego rogu szczególnie przy **ѣ**. Znak **м** ma szeroki łuk w środku, sięgający niżej niż oba ukośne ramiona. Znak **к** ma dolne wybrzuszenie niezamknięte i górne w kształcie trójkąta. Znak **ж** ma grubą kreskę pionową, a cienkie oba boczne ukośne haczyki. Oryginalne jest w tych gramotach skrzywienie w prawo ogonków przy literach: **з**, **ц**, **ѣ**, przyczem często od końca ogonka tych liter, a także **р** i **х**, odchodzi kreska ukośna w lewo normalnie nieco cieńsza.

W zakresie pisowni tych gramot podkreślić należy mieszanie znaków **и** i **і** na początku zgłoski, przyczem znak **и** pochylony w lewo z języczkiem zagiętym ku górze jest normalny po spółgłoskach. Poza to na początku zgłoski występuje **оу**, **у**, po spółgłoskach zaś **ѣ**, **о**; we wszystkich pozycjach **ѣ**, **и**. Nad **у** i **и** po samogłoskach lub w nagłosie używa pisarz dwu kropek, kresek, lub kropki i kreski.

Pod względem językowym również te gramoty są zupełnie zgodne. We wszystkich pozycjach mają **ѣ**, z wyjątkiem tylko: **всѣмъ** 20^{5, 10, 13}, **ѡто всѣ** 23⁹, **вѣѣни мѣти** gen. sg. 20⁹, S7 P³⁻⁴, obok **корѣны поскоѣ** 23⁸, także gen. sg. **королѣни** 20¹⁴⁻¹⁵, **земли** 20¹³. Często jest nowe **ѣ**: **иѣмъ именѣ** 20^{6, 21¹}, **нароженѣ** 20^{17, 21¹⁵⁻¹⁶}, **повелѣниѣмъ** 20¹¹, **прилюбѣниѣ** 20⁸, jednak **земля** 20^{3, 21⁵}, S7 P⁴, **при немъ** 23⁸, **в чѣмъ** 20¹⁴. Brak wyróżnienia **ѡ**: **крѣпость** 20^{16, 21¹⁴}, 23¹⁶, S7 P¹³ i t. p. Poza przykładowi: dat. sg. **нашой** S7 P¹³, **оу нашомъ** S7 P¹⁴, brak przejścia **и** w **о**: **оу нашой** 23¹²⁻¹³, **нашѣмъ** 21⁵, **нашею** 21^{3, 23¹⁰}, S7 P¹⁻², S7 P¹¹. Litery **ѣ** i **и** nie mieszają się. Stale występuje **ки**, **гѣ**, **хѣ**. Grupy **-ѣю**, **-ѣи**, **-ѣа** występują obok **-иу**, **-иѣ**, **-иа**: **вѣѣго нарожѣниѣ** 21¹⁵⁻¹⁶, 20¹⁷ i t. p. Słaby **ѣ** ginie w śródgłosie i w przyimkach w wygłosie, **ѣ** w śródgłosie trzyma się często, specjalnie przed przyrostkiem **-ск-**: **полѣскомъ** 20^{3, 21^{4, 9}} i t. p., mocne zaś **ѣ**, **ѣ** wokalizują się. Stale występuje: **ча**, **жа**, **ша**, obok **ра** i **чу**, **жу**, **шу**, **ру**. Nagłosowe **оу-** oznacza **и** i przyimek **въ**, choć często **въ** pisze się przez **к** np.: **оу годѣ в нѣлю** 20¹⁷, stale też **всѣю** i t. p. Wiele polonizmów np.: **всѣго** 20⁸, **всѣи** 20¹¹, **корѣнѣ** dat. sg. 20^{15, 12, 10, 21^{6, 9, 12}}, 23^{3-4, 6}, **вѣбѣномъ** 21⁴ i t. p. Wreszcie gramoty 20, 21 i 23 wszystkie z roku 1388 zawierają wspólny błąd, trafia się tu bowiem forma nom. zamiast acc. lub instr. sg. fem.: **кнѣ вѣбѣный дмитрій . . . голдованиѣ и вѣрность и послушѣство и такѣ служѣ и хѣта цѣло (7) ниѣ наша добра раѣ и наші . . . прилюбѣниѣ не приѣкolenи а ни котораѣ зла колаѣ приѣчѣни . . . вѣрность праваѣ и не ѣзрушѣстаѣ слюбѣ** 20⁸⁻¹⁰, **на вѣчнаѣ крѣпость** 20¹⁶, **именѣмъ и моча вѣиѣ земляниѣ иго** 20¹¹, **ѣже добраѣ рада . . . и нашею доброю колею . . . голдовали ѣмо** 21²⁻¹⁰, **вѣбѣюѣмъ наша присѣга и наша вѣра и чѣтъ** 21¹⁰, **чѣстаѣ вѣрность и полна вѣдемъ держѣ** 21¹¹, **наша печатѣ завѣсѣниѣ ѣмо** 21¹⁴, **цѣклѣю правѣдѣ и чѣста вѣра** 23⁷, **приѣкѣли ѣмо наша печѣ** 23¹⁶. Oczywiście brak podobnego błędu w gramocie S7 P (w gramocie 25 wogóle brak odpowiedniej formy) nie może być argumentem przeciw tożsamości pisarza tych gramot, bo i w gramotach 20, 21 i 23 częste są formacje prawidłowe; przytem taki błąd występuje także u innego pisarza w gramocie 19: **а на крѣпость того наша печатѣ к сѣмъ лѣстѣмъ вѣлѣли ѣми приѣкѣсити** 19¹⁷⁻¹⁸. DEMJANČUK (l. c., p. 39) sądzi, że ten błąd wskazuje pisarza Niemca lub Żyda, wyklucza natomiast możliwość pisarza Polaka, który w tych formach wymawiał samogłoskę nosową. Pisarzem tym jednak mógłby być Polak, w tym bowiem czasie, jak tego dowodzi pisownia samogłosek nosowych w rotach sądowych,⁹ wygłosową samogłoskę

⁹ Por. moją pracę: Studja nad polskimi samogłoskami nosowymi, rezonans nosowy. Rozprawy Wyd. Filologicznego P. A. U., t. LXIII, Kraków 1930.

Oczywiście zupełnie niesłusznie KARSKI (Бѣлоруссы, I, 360) zalicza gramoty 23 i 25 do białoruskich.

Również język we wszystkich tych gramotach jest podobny. Konsekwentnie występuje **ѣ**, nawet w formach **кѣкъмѣ**, **кѣкъѣ**, tylko w gen. sg. fem. niekiedy obok **ѣ** występuje **и** np.: **бѣи** 32¹³, **до скоѣи волн** 27⁴, **ей** 35⁶, 38^{8, 13}, **нашей земли** 38¹⁶, obok **ѣкъ** 34⁴, **корѣны полкоѣкъ** 34⁴, 35⁶, **с другоѣкъ стороны** 38⁸, a także w acc. pl.: **наши пѣчати** 22¹², **тѣи пѣкъ** 38¹³, i t. p.; częściej niż w innych gramotach trafiają się tu przykłady z **ѣ** zamiast **ѣ**: **бѣѣ мѣсти** 27³, 32¹, **верѣ** 32³, **вѣчнѣсто** 38¹⁷, **нѣменѣи** 22¹⁰ i t. p. Nowe **ѣ** zaznaczono w przykładach: **по нѣкъмѣ** 32³, **намѣненѣмѣ** 38¹⁰; pozatem **ѣ** i **ѣ** nie wyróżniają się. Są przykłady zmiany **ѣ** w **ѣ** po **ч**, **ж**, **ш**: **чѣтъри** 34⁸, 38¹⁹. Nie mieszają się litery **ѣ** i **и**; zawsze występuje **ки**, **ги**, **хи**; obok grup: **-ѣѣ**, **-ѣѣ** występują w gramotach 34, 35 i 38 także: **-иѣ**, **-нѣѣ**; wszędzie: **чѣѣ**, **жѣѣ**, **шѣѣ**, **рѣѣ** i **чѣѣ**, **шѣѣ**, **шѣѣ**, **рюѣ**, tylko w gramocie 15: **чѣѣ**, **шѣѣ**. W gramotach 32 i 38 zamiast połączenia **-ни** w wygłosie występuje jeden znak **и** z dwoma kreskami u góry np.: **люди** 32¹⁶, **галицкѣи** 32¹⁵, **премыскѣи** 38^{1, 11}, **рускѣи** 32¹, 38¹, wyjątkowo tylko brak

15. СЕАЗЪ ФЕВРАДА ННЛЪ ЕВНЪ. ИЗБРАТА
АДАВСЕД КРАВАУ. ГОСПОДРЕВНІ ФАЛУЕ.

22. РУСЬЮ И ПОВІДНІАХЪ ЗЕМЛЮ СПІРА.
АДРЪ АДА ННЛЪ ЕВНЪ. ИЗБРАТА ФЕВРАДА

27. МІСЦА ФЕВРАДА ЛОБОРТОВІ. ЗНАК.
НАНЪ. ВІЗРІ. ІЛІНДІВ. ОУСЛІШІ. ДІЛІГІ.
ІЛІХЪ. ЗЕМЛЪ. ГІРЬ. НАНЪ. МІЛІВІ. БРІ. І

32. РОЙМА БІКІСТА. МІВАДА ННЛЪ Б
ІННІВЪ. ЗНАК. ПОСІЛІВНІВ. ЛІСТА
ДНО. ЧЕКЕРЕВІ. ПОСЛУЖІ. НА ВЕРНЕ МІ. В
РІТІ. ПОСЛУЖІ. ІНДІВ. РІТІ. ЧЕКЕРЕВІ

34. СЕАЗЪ ІСНІ. ДІКІДІНЪ. ПІПРІСІ
ЛІСТАМЪ. ДІКІКІЛЮБУ. ІСЛЮБІ. ЧЕКЕРЕВІ

38. МІБІСІУПІ. МАУТІ. ПРЕМІСІ. ІІФІ.
МІРІСІ. НА ПЕТРЪ. ВОКВОДІ. МІДЗОВІ

39. ІІНЪ. МНОТЪ. ІІМЪ. ПАП. АДРА. ЗНАК.
СТА. ІСДІКІ. НАУ. НА БІРА. ІСТА. ІСНІ. НА
ШІТЪ. БІО. ЧІТІ. ІСДІ. ІСНІ. ЛІСТА.
ІДІ. ІІДІ. ІСНІ. МІШІ. ІСРІ. ЧІ

kresek w przykładzie *мазовѣски* 32¹⁵, a także *стародубѣки* 34¹¹, natomiast w gramotach 22 i 27 pisownia jest normalna: *полянскій, рѣчскій, литовскій*, 27², *четвертєнскій* 22⁴, *нескизскій* 22⁵. Trafiają się końcówki *-скѣ*, *-скѣ*: *поручнико* 22¹¹, *господаревѣ* 34³, *гдѣ* 35⁴; w 1 pl. końcówki *-мѣ*, *-мѣ* i *-мо* występują obok siebie.

Mimo tak daleko idących zgodności tych wszystkich gramot pod względem pisma, pisowni i języka można jednak mieć niejaki wątpliwości, gdyby się chciało wszystkie te gramoty odnieść do jednego pisarza. Bez większych zastrzeżeń jedną rękę (*писарь малоухѣй*) przyjąć można tylko dla gramot: 27, 32, 34, 35 może też 38, natomiast gramoty 15 i 22 raczej były pisane przez innych pisarzy.

§ 5. Jest to właśnie cechą gramot *kancelarii jagiellońskiej*, że wszystkie, choć od różnych pisarzy pochodzą, wykazują wiele podobieństwa w pisowni i języku, nawet w piśmie. Nawet gramoty, które pod względem językowym są białoruskie, jak tego dowodzi zupełne pomieszanie znaków *ѣ* i *ѣ*, wykazują duże podobieństwo pisma i pisowni do innych maoruskich gramot jagiellońskich. W zbiorze ROZOWA białoruską jest gramota 29 o nadaniu przez króla Jagiełłę służby Daniłowi Dażbogowiczowi Zaderewec kiemu kilku wsi w halickiej i żydaczowskiej włościach, dana w Krakowie 1394 r.; w albumie zaś SOBOLEWSKIEGO i PTASZYCKIEGO zdjęcie 47 [S 47 P] z gramoty Symeona Lygwienja mianowanego opiekadlnikiem w Wielkim Nowogrodzie o ślubowaniu wierności królowi Jagielle, dana w Sandomierzu 1389 r. Obie one pod względem pisma i pisowni bardzo przypominają gramoty: 15, 22, 27 i 34. Dwie inne znowu gramoty białoruskie: S 14 P o nadaniu Skirgielle księstwa trockiego i Połocka, pisana *оу ловеѣхъ сконстерскѣхъ* 1387 r., i S 39 P o przymierzu smoleńskiego księcia Jurja Iwanowicza z królem Jagiełłą, dana w Wilnie 1386 r., bardzo są podobne do gramot: 20-21-23. Widocznie w kancelarii królewskiej pisarze specjalnie starali się o jednolity typ pisma i pisowni.

dzięki temu można do kancelarii jagiellońskiej, lecz nie do jednego pisarza, zaliczyć także: gramotę 26 od chana Złotej Ordy Tochmatysza królowi Jagielle z 1393 r., gramotę 30 o zobowiązaniu biskupa łuckiego Ioanna zapłacić królowi Jagielle dwieście ruskich grzywien i trzydzieści koni za uzyskanie halickiej metropolii, daną w Opatowie 1398 r., gramotę 47 o nadaniu przez Jagiełłę wsi Tarła popu Michałowi Terleckiemu, daną w Medyce 1415 r., gramotę 49 o rozgraniczeniu włości Ignata Kutiszczy i Kuncera Połagicza z polecenia króla: *ажѣ король господарь нашъ казалъ намѣ розѣ-ѣхати границу* 49³⁻⁴, daną 1419 r. — Wszystkie one pod względem pisowni i języka godzą się naogół z gramotami wymienionymi wyżej.

§ 6. Od tych grup gramot jagiellońskich wyraźnie wyodrębniają się tylko gramoty: 19, 39, 42, 71 i 72, wykazując pewne indywidualne właściwości swoich pisarzy.

Gramota 19 o pożyczce 4.000 rubli od wojewody mołdawskiego Piotra pod zastaw grodu Halicza, pisana w Łucku 1388 r., wyróżnia się przede wszystkim przez: znak *ѣ*¹⁰ występujący szczególnie w zaimku **ѣ* i w zakończeniu przymiotników zamiast *и*, znak *о* zamiast *ѣ* w wygłosie np.: *тото нѣмѣ. гродо* 19¹⁸, przez ligaturę *оу* w dwu przykładach: *оу луцкѣ* 19¹⁹, *ислѣбуемо* 19⁵, trafia się tu też *и* zamiast *ѣ*.

Gramota 39 o nadaniu przez Jagiełłę karczmy Werbiaż służby Iwanowi Wołoszynowiczowi, dana w Medyce 1407 r., wyróżnia się przez konsekwentne użycie ligatury *оу* we wszystkich pozycjach, pisownią *кѣ* w przykładzie *оужиткѣ* 39⁷, mieszaniami znaków *ѣ* i *и*. Mimo to ROZOW zupełnie słusznie uważa, że pochodzi ona z kancelarii

¹⁰ Rozow l. c. str. 36 określa ten znak: »ѣ видѣ десятиричнаго и, но перечеркнутого по серединѣ ѣ«.

Jagielly, a niestaranność pisma, opuszczanie wyrazów w tekście tłumaczy tem, że to jest bruljon, nie zaś odpis, jak sądzili wydawcy tej gramoty w A. G. Z. II. Przypuszczenie Rozowa, że jest to bruljon gramoty, można poprzeć tem, że na odwrotnej stronie tego dokumentu¹¹ ten sam pisarz wyraźnie wypróbowywał pióra przed pisaniem gramoty. Pisał u góry z lewej strony: *мау чрызмон в кшталце крзыжа і почзатек грамoty: Ѡ велнко крѣ слѣ нашаму вѣрнѣ* і potem zupełnie bez sensu: *на памать прокононъ у мѣсь брадомъ ажъ прака помогать*. Taki sam krzyżyk і początkowe Ѡ z tego zdania napisał w środku kartki, odwróciwszy ją, а u dołu znów próbki pisma: *Ѣи помози напнтисѣ* і drugi raz *Ѣи помози напнтѣ сѣ гораздѣ іако двора*. W prawym rogu próbki liter: *непокосечѣсѣчно* і t. p. Za tożsamością pisarza gramoty і próbek na odwrocie świadczą zupełnie podobne litery: а, ѡ, ѣ, з, д, м, р і t. p. Litery te, szczególnie ѣ, о, а, ѣ, е, bardzo przypominają swoim kształtem jagiellońskie gramoty: 15, 22, 27, 32, 34, 38, co dobrze widać na rys. 3.

Gramota 42 o zobowiązaniu króla Jagielly do zapłacenia wojewodzie mołdawskiemu Aleksandrowi 1000 rubli, pożyczone pod zastaw Śniatyna, Kołomyi і Pokucia z 1411 r., wyróżnia się przez: użycie znaku *та* na początku zgłoski, *ѡ* po spółgłoskach, nagłosowe Ѡ, szerokie е w nagłosie z dwoma kropkami u góry і krzyżykiem zamiast języczka, znak і, częste *ѣ* zamiast *ѣ*, stale *кѣ*, *гѣ*.

Gramota 71 o przysiędże Fedka Neświdzkiego królowi Jagielle, dana w Krzemieńcu 1434 r., bardzo jest podobna do gramot 66—67—68, wyróżnia się od nich właściwie tylko przez mieszanie znaków *ѣ* і *и* np.: *кнѣ фѣдико нескндискин* 71, *велнмѣжннин* 71₉, *на чнтѣ* (= *na čsti*) 71₁₄, *слѣжитѣ* ... *его мѣсть* dat. sg. 71₂₄, 26; 37; 39; 44; 46; і t. p. Stąd też chyba — wyjątkowo w tej gramocie — bezokolicznik ma końcówkę *-тѣ* (15 r.) obok *бѣти* 71₄₄.

Gramota 72 o przysiędże tegoż samego Fedka Neświdzkiego królowi Jagielle, dana w Czernichowie 1435 r., choć powtarza miejscami niemal słowo w słowo treść gramoty 71, jednak napewno miała innego pisarza. Pochodził on z Wołynia, lub może właśnie z Czernichowa, bardzo ściśle bowiem pisał *ѣ* tylko pod akcentem (30 r.), w pozycji zaś nieakcentowanej *ѣ* (20 r.) np.: *вѣрнѣ* 72₄, 21; 29; *сѣтоѣ корѣны польскоѣ* 72₁₄, *женѣ* 72₁₃, ale *корѣне* 72₁₇, 20; 22; 25; 28; 30 і t. p. Jednak przy pisaniu tej gramoty pisarz wyraźnie posługiwał się gramotą 71, chociaż nie czynił tego niewolniczo, jak świadczy o tem odmienna pisownia, wyróżniająca gramotę 72 nietylko od 71, ale też od wszystkich jagiellońskich. O ile w gramocie 71, zgodnie z gramotami jagiellońskimi, na początku zgłoski і po spółgłoskach występuje naogół taki sam znak е, to w gramocie 72 na początku zgłoski występuje szerokie е, lub duże ѣ, po spółgłoskach zaś wąskie е. Pozatem pisarz ten używa stale *ѣ*, *ѡ*, wcale nie miesza znaków: *ѣ* і *и*, chociaż wpływ gramoty 71 zaznaczył się pod tym względem w przykładzie *слѣжитѣ* inf. 72₂₁, wobec normalnej tu końcówki *-ти* (12 r.). Nawet powtarzając tekst gramoty 71 pisarz jest samodzielny, świadczy o tem choćby formuła początkowa:

а се ѡѣѣ кнѣ фѣдико нескндискин
староста крѣманецкин . и братславѣ
(1)скин . вѣзнаваѣ то сѣмѣ . лнстѣ .
нашѣ . нынѣшннмѣ . и потѣ бѣдѣ
чнмѣ . пѣ(2)рѣ кого жѣ колн сѣсь лѣтѣ .
нѣ приндѣ . или оѣслѣшнтѣ его чнтѣчи .

71—3.

а се ѡ кнѣзѣ фѣдко нескндѣскнѣ ста
роста крѣманнцкнѣ . ѣ брѣславскнѣ .
вѣзнава(1)ѣмѣ то сѣ нашѣ лнстомѣ
нынѣшнѣ ѣ потѣмѣ вѣдѣчнѣ перѣдѣ
кого жѣ колн сѣсь (2) лнстѣ нашѣ
прнѣдѣтѣ . ѣли оѣслѣшнтѣ ѣго чѣтѣчи .

72—3.

¹¹ Oryginał pisany na jednej kartce papieru został przedarty od składania.

Wobec tego gramota 72 bliższa jest wołyńskim gramotom Świdrygiełły niż gramotom z kancelarii jagiellońskiej.

III.

§ 7. Prócz króla Jagiełły dużą kancelarię miał *wielki książę Świdrygiełło*. W zbiorze ROZOWA jest 15 gramot Świdrygiełły, z tego 9 pochodzi z Łucka, tam widocznie była siedziba jego kancelarii. Niektóre z tych gramot podają nazwiska swoich pisarzy i ciekawą uwagę, na czyje polecenie (приказъ) gramota została napisana.

74. **М**нѣ вѣдѣно, мѣ великимъ княземъ вѣдѣно, что
пѣбуауцѣ хпѣанамъ вѣдѣно. илѣчтучне
не шпущену ю. нашегавѣ рѣдого служѣ. папагр
ѣну иаписали. за рѣговѣ рпую службу. с. сла.

4. Wzór pisma Snaksara z gramoty 74.

Gramota 74 o nadaniu Grzegorzowi Streczenowiczowi dwu wsi w latyczowskim powiecie, pisana w Ostrogu 1437 r., zawiera uwagę: а пана самашко приказъ · писѣ многорѣшнынъ сѣасаръ великого княа писаръ 74¹⁸⁻²¹. Podobnie też gramota 75, o nadaniu kuchmistrzowi Piotrowi Myszczyzowi wsi i lasu w krzemienieckim powiecie, pisana w Łucku 1438 r., podaje: а прикѣ княа борисѣ пѣканѣцнѣ рѣго · а пана самашковѣ · многорѣшнкѣ снѣасаръ писѣ прикнѣлѣ 75²⁵⁻³⁰. W żadnej innej gramocie niema wzmianki o pisarzu Snaksarze, żadna też inna gramota Świdrygiełły nie da się odnieść do jego pióra. Obie gramoty Snaksara 74-75, ponieważ są pisane w krótkim odstępie czasu, są zupełnie podobne pod względem pisma, pisowni i języka. Z właściwości tych wymienić można w zakresie pisma: gruby daleko w prawo wyciągnięty ogonek przy з, szerokie е на początku zgłoski pochylone w prawo, odwrotnie niż w gramotach krakowskich, znak т w kształcie odwróconego ш і t. p.

W zakresie pisowni: на początku zgłoski т, оу, ѡ, е, po spółgłoskach м, у, о, е; stale ѡ; bardzo częste znaczki nad literami: т, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, nawet nad ѡ, w kształcie jednej lub dwu kropek, czy kresek.

W zakresie języka: stale ча, ша, жа, ца, ра, także чѣ, рѣ, ale шѣ obok шю; przyimek вѣ pisze się przez оу і в; trafiają się przykłady przejścia е w о: борѣцковѣ 75⁵⁻⁶, стрѣчѣновѣ 74¹⁰; nie wyróżniają się głoski ѡ і ѣ; normalnie występuje кн, гн, ale trafia się і кѣ; normalnie też -ѣе, -ѣа, -ѣн, ale trafia się -нѣ, -нѣа; 1 pl. есмо 74^{3, 16}, 75²³ і t. p. Najważniejszą cechą języka Snaksara, wskazującą na jego północne pochodzenie, jest ściśle przestrzeganie użycia т pod akcentem і е bez akcentu np.: оу повѣтѣ 74⁴, 75⁵, pisownia zaś wyrazu сѣножатѣ 74⁸, 75¹², o ile ѣ nie jest błędem zamiast е, czy т, dowodzi dyspalatalizacji spółgłosek przed nieakcentowaniem і dlatego podwyższonem е.

§ 8. Prócz Snaksara trzy razy wymieniony jest pisarz *Juszeko*: w gramocie 81 o nadaniu Iwanowi Muszacie wsi Skleń w łuckim powiecie, pisanej w Łucku 1445 r., w uwadze: приказъ княа мѣхѣйла черторѣйского маршалѣка великого княа. ѣ писалъ великого княа шѣнтригаѣла писаръ ѣшко 81²⁹⁻³⁴; w gramocie 85 o nadaniu Mitce krewnemu starosty łuckiego Nemiry, pisanej w Łucku 1451 r., w uwadze:

Гиножатымъ 81₇, промѣнѣти 81₁₉, jak i pod akcentem: со всѣмъ тѣмъ 81₆, кир-
дѣкнѣ 81₂₃, дѣти 81₁₉, ѿмѣнѣти 81₁₀, къ склѣнѣю 81₁₂ (склѣнѣ 81₅, ѿ склѣнѣ
81₁₂), вѣлики 81₁₄, 14, razem 15 r. wobec * 26 r., czego brak zupełnie u Juszka, bo
przykłady gen. sg.: нѣмири 84₂₀, 85₅, нѣхъ скои роуки 85₁₈, i acc. pl.: долгиѣ шни
86₅ mają zupełnie inną wartość. Pozatem w gramocie 81 stale występuje ѿ ро ч, ж, ш
przed twardą spółgłoską, podczas gdy u Juszka normalnie о: нашего 81₄, 24—25, на-
шему 81₂₇ i t. p. — ничего 84₈, 85₁₂, 86₁₀, нашего 85₂₀, 84₄ i t. p. Często wahania
w gramocie 81: 1) ца—цѣ: мѣцѣ 81₂₈ — Гкрынѣцами 81₈, gdy u Juszka stale

! Мѣтѣмъ бѣжѣюмы великии
нашимъ листомъ. Ісѣжъ
ѿгоучуи оуслѣшитъ іс
службѣ ѿгоуѣрѣю и
и мѣпорадишѣ сѣмѣи
оулицѣмъ повѣсти сѣмѣи

7. Wzór pisma gramoty 81.

ца, 2) шѣ—шю: нашю 81₂₆ — про лѣпшю 81₂₆, gdy u Juszka stale шю, 3) гѣ—гѣ:
Глѣгѣ 81₄ — мѣгѣлѣ 81₁₃, gdy u Juszka stale гѣ. I szereg innych różnic: нѣнѣ 81₆,
нѣнѣшнѣмъ 81₂ — нѣнѣшнѣмъ 84₂, 85₂, 86₂, каждому 81₂ — каждому 84₁, 85₂,
86₂, вѣлѣкѣрѣовичѣ 81₁ — вѣлѣкѣрѣовичѣ 84₁, 85₁, 86₁ i t. p.

Wszystko to dowodzi, że gramota wydana przez ROZOWA pod nr. 81 z dy-
plomu Archiwum Czapskich w Krakowie jest odpisem późniejszym z niezachowanego
oryginału Juszka, przytem mieszanie znaków * i ѿ wskazuje, że przepisywacz nie po-
chodził z północnego Wołynia, jak Juszko.

§ 10. Poprzednie dwa wydania gramoty 81 w A. Ю. З. Р. т. I 17 i u HOŁOWAC-
KIEGO: »Памятники«, Науковий сборникъ 1867, nr. 44, str. 142—3, są również sporząd-
zone z kopji, na której zaznaczono: та привилегія подтверждева королемъ Сигизмун-
домъ I 1541, сѣнтября 20. Niestety Hołowacki podaje tekst w pisowni wyraźnie popra-
wionej, wskutek czego badanie językowe jest dość utrudnione. Tekst Hołowackiego
[H 44] różni się od tekstu ROZOWA przez: 1) opuszczenia wyrazów, lub całych
zwrotów: a) od słów панѣ ѿванѣ мѣшати... do słów ѿ ѿго дѣти 81_{18—19} opusz-
czono cały wiersz: ѿ ѿго дѣтѣмъ ѿ ѿго оуничѣтомъ ѿ ѿго ближнѣмъ по нѣмъ
вѣдѣшнѣмъ можѣть (18) панѣ ѿванѣ мѣшати..., b) pominięto końcową uwagę
o pisarzu, c) ѣмѣ склѣнѣ Н 44₈, wobec ѣмѣ село склѣнѣ 81₅; 2) charakterystyczne
błędy: по вѣрѣховскѣю Дорогѣ Н 44₂₆ — по горѣ хѣвѣскѣю 81₁₃, о гнѣтѣ Н 44₂₆ —
о гнѣ 81₁₈, Іванѣ Козаринѣ Розановичѣ Н 44₃₄ — козаринѣ розановичѣ 81₂₂;
3) wreszcie przez pisownię przyimków: съ, зѣ z jerem, gdy w 81 normalnie с, з np.:

зъ ган, съ полѣми и съ нѣвами и зъ сѣножатѣми Н 44₁₀ — и з гаѣ и Ѣ полѣми и Ѣ нѣвами и Ѣножатѣми i t. d. 81₆.

Jeżeli przypuścić, że H 44 jest odpisem z 81, to te odstępstwa byłyby zrozumiałe, ale jest wiele innych różnic między obu tekstami, które nie pozwalają na takie przypuszczenie. Z cech graficznych wymienię: w 81 stale jest znak *ia* na początku zgłoski, gdy w H 44 normalnie *а*, raz tylko *ia* дамъ Н 44₂₇, więc podobnie jak w gramotach Juszka; znak *і* w 81 występuje tylko sporadycznie, podobnie też u Juszka, a w H 44 konsekwentnie w zakończeniu -кій 7 r.: великій Н 44₁, луцкій Н 44₃₄, чорторыскій

ВОНАМА. БЖЕЪ ЯМННЪ. ПЪХН. ЧТОРЗИННЪ. ВУАСК.
 БѢСТЬ. ИМѢЛЪ. АН. БѢ. ПРИИТН. КЪБЪДЪЩОН.
 НЫ. ПРОТО. МЪ. ШЕНТРИ. ГАЙЛО. ННАКО. 50/
 54. СТЬ. ТО. ЧНАННЪ. СМ. НАШННЪ. КАЖДО ДОБѢ

8. Wzór pisma Wańka z gramoty 54.

H 44_{37, 32}, козловскій Н 44₃₈, полоцкій Н 44₃₄₋₃₅, колодзкскій Н 44₃₇, a także БѢДЪЩЕ Н 44₃₇, божією Н 44₁.

Także w języku H 44 jest cały szereg ważnych odrębności. 1) Zmiana nieakcentowanego *a* po palatalnych w *e*: память Н 44₃₉, порадившѣ Н 44₇, десетинѣ Н 44₂₀, десетинномѣ Н 44₂₅, десетины Н 44₂₆, ale князи nom. pl. Н 44₃₂, съ князи Н 44₈, co mogło być wywołane analogją do князь, albo miało akcent napienny. 2) Normalna pisownia *ѣ* we wszystkich pozycjach z wyjątkiem: склинѣ Н 44₈ (скаѣнѣ 81₅), склинѣ Н 44_{19, 21}, со вснмѣ Н 44₉ i kilku form z *ѣ*: про лепшѣю Н 44₃₉, дѣти БѢДЪЩЕ Н 44₁₇, канцлерѣ Н 44₃₈, кирдеевичѣ Н 44₃₅, васнлей Н 44₃₄₋₃₅, przez co H 44 bardziej godzi się z gramotami Juszka niż z odpisem 81. 3) Brak wyróżnienia *ѣ* i *ѣ*, czego ślady w 81 występują: козловскій Н 44₂₅ (козлуѣтскскій 81₂₅), пешко Н 44₃₆ (пѣшко 81₂₃), по немѣ Н 44_{16, 17} (по нѣмѣ 81₁₀ — по немѣ 81₁₀), wyjątkowo tylko неомѣшканѣю Н 44₆ wobec не ѡмешканію 81₄. 4) Przejście *ѣ* w *о* po *ч*, *ж*, *ш*: нашого Н 44_{6, 7, 39}, нашомѣ Н 44₄₀, предреченомѣ Н 44₁₅, чорторыскскій Н 44_{32, 33}, znów zgodnie z gramotami Juszka. 5) Sporadyczne wypadki przejścia *и* w *ы* po *р* i *ч*: оузырѣтъ Н 44₄, шкентрыгаѣло Н 44₁, козарынѣ Н 44₃₄, ѣдѣчы Н 44₂₂, БѢДЪЩЫМѢ Н 44₁₆, wobec *ри*, *чи*, *ши*, *чи* zarówno w 81 jak i u Juszka. 6) Pisownia *ръ*, *чъ*, także *рѣ*, *чѣ*, *шѣ* i *ча*, *жа*, *ша*: богоматерѣ Н 44₂₇, канцлерѣ нашѣ Н 44₃₈, ефифановичѣ Н 44₃₇, вѣрхоуѣскскію Н 44₂₂ (горюѣ-хоуѣскскію 81₁₃), нашѣ Н 44₄₀, мѣскоуѣвичѣ Н 44₂₃, немира Н 44₃₄, жалованѣ Н 44₃₉, наша Н 44₃₁, печать Н 44₃₉₋₄₀, wyjątkowo tylko: номѣрѣ Н 44₄₂, васн-лѣвичѣ Н 44_{32, 33}, оуѣкирдѣвичѣ Н 44₂, co może być przeniesione z oryginału, bo zarówno u Juszka jak i w 81 stale występuje *чъ*, *шъ*, *рѣ*, *чю*, *шю*, *жю*, *рѣ*, chociaż *ча*, *жа*, *ша*. 7) Analogiczna palatalność w formie еѣмо Н 44_{8, 15, 18, 23, 24, 28, 30, 40}, wobec еѣмо stale w 81 i u Juszka. I szereg cech innych np.: кождомѣ Н 44₃ — каждому 81₂, кажномоу 84₁, 85₂, 86₂, дѣброка Н 44₂₁ — дѣброка 81₁₃, козѣка Н 44₃₆ — козѣка 81₂₄ i t. p.

Z wyliczonych tu właściwości widać, że kopja H 44 częściej godzi się pod względem

pisowni i języka z gramotami Juszka niż z odpisem 81, widocznie została sporządzona, tak samo jak i 81, z oryginału Juszka.

§ 11. Trzeci pisarz Świdrygiełły występuje w gramocie 54 o nadaniu kilku wsi Maksymowi Dragosynowiczowi, pisanej w Sniatynie 1424 r., w uwadze: *а то · листъ · вышѣ · есть · з рѣкъ · йкашка · поѣкарвго · а пѣа ванко*. 54^{21—22}. Porównanie pisowni i języka wykazuje, że tenże *Wańko* pisał też gramotę 55 o nadaniu przez Świdrygiełłę wsi Chwatowce Jurkowi Kozeniacie w Kołomyi 1424 r. w trzy dni po gramocie 54, choć brak tu wzmianki o pisarzu. Pismo *Wańka* wyróżnia się od innych

*М*лѣтѣю бѣхъ сѣю мы великии и сѣи
 тѣмъ убо вѣроу · нинѣшнѣ
 гнѣ · иже · вѣрѣ · и гнѣмѣ ·
 подѣрѣ · сѣи · шимъ и сѣи
 сѣломихъ и сѣ · оулуцѣ · сѣ ·
 шѣ · сѣ · вѣи · сѣ · и сѣ ·
 зѣ · вѣ · вѣ · и · зѣ · вѣ ·
 рѣ · и · сѣ · и · сѣ · и · сѣ ·
 сѣ · и · сѣ · и · сѣ ·

9. Wzór pisma gramoty 65.

gramot Świdrygiełły przez: ostro zakończone bez haczyków daszki liter: *з, к, ѣ, ѣ, ѣ*, wąskie, lub lekko pochylone w lewo *є* jednakże we wszystkich pozycjach i t. p.

We wszystkich pozycjach używa *Wańko* *м, є*, stale *ѣ*, tylko *оу*, w na początku zgłoski, zaś *у*, o po spółgłoskach. Nad rozpoczynającymi zgłoskę *а, в, оу, є* stawia najczęściej dwie kropki. Często wynosi nad wiersz litery pod tytłą w kształcie dużego łuku.

Najważniejszą cechą języka obu gramot *Wańka* jest konsekwentna pisownia *ѣ* niezależnie od akcentu, tylko w gen. sg. fem. *н: з вожьѣи мѣтѣи* 54³, 55¹, *краковскон · монѣтѣи* 55⁵, *руськой · личѣи* 55⁵, także w nom.-acc. pl.: *рѣчѣи которѣи ... бѣ · вають* 54⁴, *на сѣи · лѣпшин · пожитки* 54¹⁶, widocznie *Wańko* nie pochodził z północnego Wołynia. Pozatem wymienie: nowe *ѣ*: *пѣтѣ · вѣ · жѣ · нѣи* 54^{19—20}, 55¹⁰; *о ≤ е* 1 r.: *вышѣ* 54²¹; brak mieszanina *ѣ* z *и*; stale *ки, ги*; *-ѣѣ, -ѣи, -ѣѣ*; *ча, ша, жа*, *ца, обок ца, шю*; końcówki *-ове, -овѣ* np.: *намѣтѣ · ковѣ* 54¹⁹, *листвѣ* 54²; 1 pl. *-мѣ* np.: *чинимѣ* 54⁴ i t. p.

§ 12. Dla innych gramot Świdrygiełły trudno określić pisarza. Wprawdzie gramota 82 o nadaniu Chodkowi wsi Miłowszy i Zadyby, pisana w Łucku 1446 r. bardzo zbliżona jest do gramot Juszka, a gramota 65 o nadaniu Andrzejowi Wołotowiczowi, pisana w Kijowie 1433 r., — do gramot Snaksara [charakterystyczna np. pisownia wyrazu *з вортѣ · нѣи* (*земла · ми*) u Juszka 84⁷, 85¹², 86^{9—10} także 82⁸, z *ѣ* po *т* *wo · бес з вортѣ · нѣи* u Snaksara 74^{5—6}, 75⁸, także 65⁷], ale porównanie pisma na fotografiach gramot i niektóre, choć drobne, różnice językowe nie pozwalają gramoty 82 i 65 odnieść do pióra Juszka, czy Snaksara.

W każdym razie pisarze obu tych gramot, a także gramoty 69 o nadaniu przez Świdrygiełłę kilku wsi Lenkowi Zarubiczowi, pisanej w Żytomierzu 1433 r., pochodzili z północnego Wołynia, piszą bowiem *ѣ* tylko pod akcentem, tak samo jak Juszko i Snaksar. Natomiast w gramotach Świdrygiełły nr. 78 z Gródka pod Lwowem i nr. 76 i 80 z Łucka, podobnie jak w gramotach Wańka 54 i 55, stała pisownia *ѣ* niezależnie od akcentu dowodzi, że pisarze ci nie pochodzili z północnego Wołynia.

§ 13. Podobnie jak gramoty z kancelarii królewskiej, także gramoty Świdrygiełły (z wyjątkiem gramot Wańki 54–55, a także 76, 78 i 80, których pisarze pochodzili z południa) wykazują duże wzajemne podobieństwo. Tak np. litera *ѣ* wszędzie pisana jest jak odwrócone *ш*, niekiedy zaś z wysoko nad wiersz wyniesionym daszkiem w kształcie długiej kreski, jak przy *ѣ*; stale występuje znak *ы* często z rozmaitemi znaczkami; na początku zgłoski pisze się szerokie *е*, najczęściej pochylone w prawo, odwrotnie niż w gramotach krakowskich, chociaż np. daszek przy *ѣ* często wynoszony wysoko nad wiersz przypomina niektóre gramoty krakowskie. Z cech językowych najważniejsza to zastępowanie nieakcentowanego *ѣ* przez *е*. Wreszcie wszystkie zaczynają się bardzo podobnie np. w 65: *мѣтъю бжѣю мы великий кнѣзь швентригайлѣ ...*

IV.

§ 14. Z kancelarii wielkiego księcia Witolda ROZOW wydał dwie gramoty: 59 o nadaniu Eškowi Neszewiczowi, pisaną w Ostrogu 1427 r., i 61 o nadaniu Bedrychowi, pisaną w Turejsku Włodzimierskim 1429 r. Obie pisane są niewątpliwie jedną ręką. Mają podobny format, przed tekstem taki sam krzyżyk z dwu przecinających się linii,

† мѣ великий кнѣзь вѣтовѣ. да нѣ смоу ѣнашѣ
61. бѣдрѣху. шѣ держитѣ ѣнашѣ двѣ сѣлѣци. шѣ
чѣмѣчѣ. да рѣго бѣрѣхѣ волѣвѣца оу сѣмѣтрѣцѣ

† мѣ великий кнѣзь вѣтовѣ. да нѣ смоу ѣку нѣмѣвѣчѣ,
59. полѣвоу пу сѣтѣ. шѣ ѣ нѣ вѣтѣ нѣмѣу сѣтѣ нѣ рѣспѣхѣнѣ.
ѣнашѣ по двѣ рѣцѣ за пѣлѣнѣ смоу ѣку сѣмѣнѣ шѣ ѣоу грамѣю.
до вѣтѣ рѣ рѣ нѣ вѣ

10. Wzory pisma gramot 61 i 59.

identycznie się zaczynają: *мы великий кнѣзь вѣтовѣ. да нѣ смо ...* Pismo w obu gramotach jest zupełnie podobne, przypomina kancelarię Świdrygiełły, np. wysokie litery *ѣ*, *ѣ* i niekiedy *ѣ* częściej pisane z długimi ogonkami. Różnice w piśmie są zupełnie nieznaczne: w gramocie 61 początkowe *ѣ* jest wąskie, opuszczone w dół aż do wiersza następnego, a w 59 bardzo nieznacznie, w obu języczek wyraźnie skierowany w dół;

pozatem ogonek przy 3 w 59 jest dłuższy niż w 61, ale tak samo pisany. W pisowni różnic żadnych nie widać: w obu gramotach na początku zgłoski występuje: *оу*, *у*, duże wąskie *ѣ*, po spółgłoskach *у*, *о*, *ѣ*; wszędzie *ѡ*, *ѣ*; częste znaczki nad: *ѡ*, *у*, *ѣ*, *ю* na początku zgłoski. Z właściwości językowych wymienić należy: *ѣ* w miejscu nieakcentowanego *ѣ*: *послѣ* 59₈, *по тѡмъ личѣ* 59₇, co wskazuje na pochodzenie pisarza z północy; brak wyróżnienia *ѡ* i *ѡ̃*; brak mieszaniny *ѡ* z *ѡ̃*; stale *ѡ*, *ѡ̃*; przyrostek *ѡ̃* pisany przez *оу* i *ѡ̃*; połączenia *ѡѡ*, *ѡѡ̃* obok *ѡѡ̃*, także *ѡѡ̃*, *ѡѡ̃*; 1 pl. *ѡѡ̃* i t. p. W prawym rogu u dołu gramoty 59 napisano: *Довкгардъ праѡ̃*. Rozow sądzi, że to jest »приписка другимъ почеркомъ«, ale niesłusznie, jest to niewątpliwie podpis pisarza obu gramot — Dowgarda.

V.

§ 15. Uderzającą jest rzeczą, że gramoty pochodzące z tej samej kancelarii, nawet tego samego pisarza, podają rozmaite miasta, jako miejsce swego pochodzenia. I tak z gramot Kazimierza Wielkiego — nr. 2 podaje gród Kazimierz, zaś gramoty 3 i 7, jak przypuszcza ROZOW, prawdopodobnie były pisane na Wołyniu. Jeden z pisarzy Jagiełły jako miejsce nadania swych gramot wymienia: w gramocie 20 Łęczycę, w 21 Kraków, w 23 Mołodeczno, w S 7 P Perejasław, drugi zaś pisarz w gramocie 27 wymienia Wiślicę, w 32 Lwów, w 35 Merecz, w 34 jezioro Krudę między Grodnem i Mereczą. Pisarz Świdrygiełły Juszko wszystkie swoje gramoty pisał w Łucku, Snaksar gramotę 74 pisał w Ostrogu, a 75 w Łucku, a znów Wańko gramotę 54 pisał w Śniatynie, a 55 w Kołomyi. Pisarz Witolda Dowgard gramotę 59 pisał w Ostrogu, zaś 61 w Turajsku Włodzimierskim.

Bardzo być może, szczególnie gdy chodzi o niektóre gramoty jagiellońskie, że pisarz niezawsze we wskazanym miejscu pisał gramotę, tylko wygotował tekst w swojej kancelarii, a na wskazanym w gramocie miejscu następowało jej wręczenie, ewentualnie też zawieszenie pieczęci. Wskazuje na to wyraźnie formuła pisarza jagiellońskich gramot 27, 32, 34 i 35, które wskazują na tak bardzo odległe miejscowości: *нашю · печать · приѡѡ̃сли ѡ̃мо · оу кнѡ̃лицѡ̃ · 27₉, ѡ̃ тому · на крѡ̃пость · печать · нашю · казали ѡ̃мъ · приѡѡ̃сѡ̃ · во лѡ̃вѡ̃ 32₁₂, нашю печѡ̃ · приѡѡ̃сли ѡ̃мо · оу кнѡ̃лицѡ̃ · оу крѡ̃дѡ̃ · межѡ̃ · городѡ̃ · ѡ̃ мѡ̃рѡ̃ 34₈, печѡ̃ · свою · приѡѡ̃сли ѡ̃мъ · к городѡ̃ · оу мѡ̃рѡ̃чѡ̃ 35₉₋₁₀, albo u pisarza gramot 20—21—23—S 7 P: *нашю печать велѡ̃ли ѡ̃мо приѡѡ̃сѡ̃ти оу нашомъ городѡ̃ · оу перѡ̃славѡ̃ S 7 P₁₃₋₁₄*, choć w innych gramotach pisarz ten używa innej formuły: *дана грамѡ̃ · оу краковѡ̃ 21₁₄₋₁₅, а дана грамѡ̃ к моладѡ̃чѡ̃ 23₁₇, а доконало сѡ̃ томъ дѡ̃ло оу годѡ̃ лѡ̃чѡ̃ 20₁₆₋₁₇*. W gramotach Świdrygiełły formuła ta normalnie we wszystkich gramotach brzmi: *а на потвержѡ̃нѡ̃ того нашего жалованѡ̃ · про лѡ̃пшю · память · ѡ̃ твердѡ̃сть · ѡ̃ печать нашю велѡ̃ли ѡ̃мо приѡѡ̃сѡ̃ти к сѡ̃му нашѡ̃му листу · а пѡ̃ · к кнѡ̃вѡ̃. 65₁₅₋₁₆*; w niektórych tylko gramotach zamiast: *пѡ̃ оу* ... występuje *данѡ̃ оу* ... W gramotach Witolda powiada się krótko: *пѡ̃ к городѡ̃ к остроѡ̃ 59₈, а писана оу турѡ̃нѡ̃скѡ̃ в колодимѡ̃рѡ̃скомъ 61₁₀*.*

Dla językoznawcy ważny jest ten wniosek, że podane w gramocie miejsce jej napisania wcale nie dowodzi, że gramota reprezentuje dany typ dialektyczny, trzeba by wiedzieć, kto był pisarzem gramoty i skąd on pochodził. Niestety tylko niektóre gramoty podają nazwiska swych pisarzy, a tylko pisarz gramot przemyskich wskazał dokładnie swoje pochodzenie.

VI.

§ 16. Wszystkich gramot *przemyskich* jest ośm: gramota 5 Piotra Radziejowskiego i Anny Radiwonkowej, pisana w Przemyślu 1359 r., gramota 6 Piotra Radziejowskiego i Szułżyczów, pisana w Przemyślu 1366 r., gramota 12 o nadaniu ziemi przez Władysława Opolskiego słudze Wołoszynowi, dana w Bachorzu 1377 r., gramota 13 Choński Wąskowej i protodiakona Iwana Gubki, pisana w Przemyślu 1378 r., gramota 18 sędziego przemyskiego Kosćka dla króla Jagiełły o zbiorze podatków, pisana między 1386—1418 r., gramota 23a Jana Tarnowskiego, braci Czerniewiczów i Mużykowicza w sprawie zamiany majątków, pisana w Przemyślu 1390 r., gramota 24 przemyskiego wojewody Februna, pisana w Przemyślu 1391 r. i gramota 28 ruskiego starosty Gniewosza, pisana w Wiszni 1393 r.

W pierwszych czterech gramotach pisarz jest wymieniony: а писалъ грамоту писарь старостыня дѣакъ изъ болестрашичъ именемъ дѣачковичъ 5₁₁₋₁₂, а писалъ приклякъ се поповичъ болестрашицкий именемъ дѣачковичъ василювъ ѣнъ поповъ кость прѣзвищемъ сорочичъ 6₁₂₋₁₃, а писалъ княжин писарь костько болестрашицкий 12₂₅, а писалъ грамоту костько дѣакъ болестрашицкий 13₂₈. Późniejsze gramoty nie wymieniają pisarza, ale wśród świadków zawieranych umów mówią o obecności sędziego Kosćka (костько судѣа перемышльски 24₁₄, 23a₂₂, 28₁₃, 18₂), podczas gdy w poprzednich gramotach wspomniany jest Ѡлефѣрько судѣа 5₉, соудѣа Ѡрефѣрько 6₁₁. HRUSZEWSKI¹² słusznie utożsamia sędziego Kosćka z djakiem Kosćkiem Bolestraszyckim, dawniejszym pisarzem starościńskim, potem księżym. Porównanie bowiem pisma, pisowni i języka gramot Bolestraszyckiego: 5, 6, 12 i 13 z gramotami: 23a, 24, 28, w których występuje sędzia Kosćko jako świadek, i z gramotą 18, w której Kosćko jako sędzia przemyski w pierwszej osobie pisze królowi sprawozdanie, wyraźnie dowodzi, że pisał je ten sam człowiek. Natomiast gramota 38 o sprawie króla Jagiełły z Jadwigą Pilecką, dana w Medyce 1404 r., w której również występuje костько судѣа прѣмыскѣ 38₆ jako świadek, nie jest pisana przez Kosćka, należy wyraźnie do kancelarii Jagiełły.¹³

Pismo gramot Kosćka jest staranne, ustaw, lub półustaw, pierwsza litera gramoty zwykle jest ozdobna. Charakterystyczną cechą jego pisma jest wielkie **Ѧ**, występujące niekiedy na początku zdania, często w wyrazie **Ѧмниъ** 12₁, 24₁, 13₁; różni się od zwykłego a tem, że trzonkiem zaczyna się nad wierszem daleko z lewej strony haczykiem, biegnie prawie poziomo, lub lekkim łukiem w dół, i u góry jest dwa razy przekreślony, lub ozdobiony jednym, czy dwoma haczykami od dołu. Również znak **Ѧ** wyróżnia się przez to, że cienka kreseczka pozioma, łącząca grubą pionową ze zwykłym a w górnej ich połowie, jest w środku przekreślona od góry krótką, niewystającą ponad linję, dość grubą kresieczką.

Pisownia wszystkich tych gramot jest jednakowa: na początku zgłoski występuje **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**, szerokie **Ѧ**, **Ѧ** lub **Ѧ** z jakimś znaczkiem w miejscu **Ѧ**, po spółgłoskach zaś **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ**, stale **Ѧ**. Wyjątkowo tylko w gramocie 6 występuje **Ѧ**: **прѣзвищемъ** 6₁₃, a także **Ѧ** po spółgłoskach 8 r. wobec **Ѧ** 18 r. Charakterystyczną cechą pisowni Kosćka jest stawianie dwu kropek nad **Ѧ** w początku zgłoski, choć niekonsekwentnie: **Ѧ** 19 r., wobec **Ѧ** 10 r.

¹² Історія України—Руси VI, 236—237.

¹³ Por. wyżej § 4.

w historii języków ruskich.¹⁴ Natomiast pomieszanie znaków **ѣ** i **и** w przykładach: **лѣпѣли** 18²⁰, **прѣѣкли** 12²⁰, **имѣиши** 12⁸, należy uznać za zwykłe błędy. Druga ważna cecha językowa Kośka zaznacza się w zastępstwie znaku **и** przez **ѣ**: **кѣзмѣчъ** 6⁸, **икановѣчъ** 6⁸, **лонѣчъ** 6⁸, **паголниковѣчъ** 6⁸, **и сѣ рѣкамѣ** 12¹⁶, **исѣмѣ** (= *jesi mi*) **казалъ** 18³¹, **оу кѣшини** 28¹⁴ — więc po spółgłoskach wargowych — razem 7 r. wobec prawidłowej pisowni: **ми** 59 r., **ки** 51 r., **пи** 27 r.; poza wargowymi wyjątkowo tylko: **старостѣмѣ** 5¹¹, **кѣснихъ** 6⁴. Widocznie spółgłoski wargowe przed **и** były już u Kośka twarde, zgodnie z czem stoi też częsta pisownia **-мѣ** w wygłosie zamiast **-мъ** we wszystkich jego gramotach. Poza tem z właściwości językowych Kośka wymienić należy: częste wyróżnianie **ѡ** i **ѣ** w postaci **ѣ**, **оу**, **ю**, **ѣ**; stale **ча**, **жа**, **ша**, **ца** obok **ца**, ale **чю**, **шю**, **жю**, **цю**; zmiana nieakcentowanego **о** i **ѣ** w **ѣ** i **и**: **мѣнастѣрь** 13⁷, **иши** 12⁶, **причнѣстоѣ** 13¹⁰⁻¹¹; stale **ки**, **ги**, **хи**; końcówki **-ѣки**, **-ѣвъ**; **мѣнастѣрьѣки** 13²¹, **королѣки** 18¹, **грошѣвъ** 13²⁸, **шѣлжничѣвъ** 6² i t. p.

Już z tych kilku uwag widać, jak wielką wartość językową przedstawiają gramoty Kośka z Bolestraszy; przynoszą materiał dość obfity i dający się zlokalizować ściśle, przypuszczać bowiem należy, że Kośko mówił i pisał swoją gwarą bolestraszycką, a nie urabiającym się wówczas sztucznym językiem literackim.

VII.

§ 17. Prócz przemyskich dużą grupę jednolitą stanowią także gramoty księcia *Fiedora Lubartowicza*: 43, 45, 52, 60, 64 i gramota 56 żydaczowskiego starosty Lenka, wszystkie pisane w Żydaczowie (**къ зоудечѣѣ**) w latach 1411–1430. Treścią ich jest załatwianie sporów sąsiedzkich i rozgraniczanie majątków. Przytem interesująca jest wiadomość o fałszywych dokumentach — opisach majątków. Tak np. w gramocie 64³⁻⁷: **пѣ дмитрь даниловъ з роуды · жаловалъ ѣ позвалъ пѣ мѣка дѣдошицкѣ дже ёмоу взалъ вѣрѣ · на ёго дѣворѣ · черѣ границу · ѣ пѣ мѣкъ · заложилсѣ · старци · ѣбѣми · оуказати свою · границу · дѣдошицкоу · ѣ пѣ · дмитрь · даниловъ з роуды · заложилсѣ · листы · оуказати свою границу жирѣвскоу · ѣ пѣ · мѣкъ · дѣдошицкий · приганил · листѣ · дже неправѣи листы фалшо · ваныи пѣ дмитровѣ даниловича з роуды**. Podobna sprawa występuje też w gramotach: 45, 52 i 60, co dowodzi, że wiele takich starych dokumentów musiało zaginąć w prywatnych archiwach.

Przeciwko autentyczności niektórych gramot Fiedora Lubartowicza wypowiedział się stanowczo RADZIMIŃSKI,¹⁵ chociaż przed nim tacy badacze jak Hube, czy Ksawery Liske nie mieli żadnych wątpliwości w tej sprawie. HRUSZEWSKI¹⁶ ze względu na Radzi- mińskiego sądzi, że gramoty te należy zbadać na nowo, bo »они всі непевні«. Językoznawcy, którzy te gramoty badali, jak ROZOW, DEMJAŃCZUK, dawniej KRYMSKI, nie podzielają zdania Radzińskiego — i zupełnie słusznie, przytoczone bowiem przez niego argumenty zupełnie nie przekonują. Przecież końcowa formuła: **а то сѣ дѣло к нашѣ дворѣ къ зоудечѣѣ** niczego nie dowodzi, spotyka się zresztą także

¹⁴ Пор. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, издание четвертое, Москва 1907, стр. 169–233. — И. Дурново, Очеркъ истории русского языка, Москва 1924, стр. 277–278 i 303–309. — Карский, Бѣлоруссы, II, 174, 214.

¹⁵ Монографія XX Sanguszków, I, 19–25.

¹⁶ История України-Руси, IV, 169.

gdzieindziej np. w gramocie Jagiełły nr 39 o nadaniu słudze Iwanowi Wołoszynowiczowi: *а҃ нашюмъ дворѣ а҃ медѣцѣ*; i prawie w każdej gramocie inaczej wygląda. Polonizmy np.: *фалшєвѣнын, зморєнын, обчѣнн* i t. p. również niczego tu nie dowodzą, pełno ich bowiem we wszystkich gramotach, nawet kijowskich. Również niema w tem nic dziwnego, że obok księcia Fiedora Lubartowicza i starosty żydaczowskiego Lenka występują ludzie mało skądinąd znani, przecież na podobne sprawy graniczne zjeżdżali się sąsiedzi, niekoniecznie ludzie głośni.

Dokładna analiza pisma, pisowni i języka, przeprowadzona na oryginałach tych dyplomów¹⁷ wcale nie przeczy ich autentyczności i prowadzi do wniosku, że wszystkie były pisane przez jednego pisarza. Podobieństwo gramot 45, 52, 60 i 64 na pierwszy rzut oka jest widoczne. Wyodrębnia się wyraźniej tylko gramota 43 przez to, że ma litery mniejsze i cieńsze, a także przez to, że znak *а* ma tu trzonek wysoko wystający nad wiersz, czego brak w pozostałych gramotach — choć w 64 taka tendencja znów jest widoczna. Pozatem daszki przy literach *т, ѣ, ѡ, ѣ, з* kończą się tu kropkami, przy *ѣ* haczykiem z lewej strony od góry, podczas gdy w pozostałych gramotach daszki te bywają na końcach zaopatrzone w grube i długie ogonki, czasem aż przez całą wysokość wiersza, przez co np. *т* wygląda jak odwrócone *ш*. Różnice te nie są jednak dostateczne, by dla gramoty 43 przyjmować innego pisarza, i można je wyjaśnić jako wariacje pisma tej samej ręki, bo i w pozostałych gramotach: 45, 52, 60 i 64 zarówno wielkość liter jak kształt ulegają dużym wahaniom. Można więc przypuszczać, że charakterystyczne ogonki przy literach: *т, ѣ, ѣ, з* w gramotach: 45, 52, 60, 64 i wysoki trzonek *а* w gramocie 43 są tylko odmiennymi ozdobami pisma u tego samego pisarza. Przy literze *т* ogonki niezawsze dorównują długości trzonka, szczególnie prawy bywa znacznie krótszy od lewego i trzonka. Prócz tego zdarza się znak *т* z daszkiem wyniesionym i to 1 r. w gramocie 43: *ѡсѣа(19)кнлн*, jak i w 52: *сѣа(7)рѣнн*. Litery *ѣ, ѣ* i *з* wykazują jeszcze więcej wahań. W gramocie 45 pod koniec coraz częściej występuje *ѣ* z daszkiem wyniesionym ponad wiersz w kształcie łuku. Czasem ten daszek jest krótki, cienki i niewiele wystający z wiersza np. *кѣ чорномѡу* 45₁₈, *ѣнѣхѣ* 45₂₄, od czego krok tylko do zupełnego zmieszania *ѣ* z *ѡ*. W gramocie 52 daszek *ѣ* jest lekko wyniesiony nad wiersz, ale w kształcie cienkiej kreseczki z haczykiem ku górze, co już zupełnie przypomina *ѣ* z gramoty 43. W gramotach 60 i 64 daszek *ѣ* nie wystaje ponad wiersz, jest to kreseczka cienka, niekiedy bardzo krótka, podobna do ogonka przy *ѡ* w gramocie 43, a spotyka się nawet *ѣ* z daszkiem takim jak w 52 i 43 np.: *дѣмѣтрѣ* 64₇. Znak *ѣ* we wszystkich gramotach ma trzonek wysoki, ale kształt daszka waha się podobnie jak przy *ѣ*. W 45 daszek *ѣ* jest na wysokości wiersza i ma długi ogonek z lewej strony, w 52 obok takiego występuje też on w kształcie cienkiej kreseczki z haczykiem ku górze, podobnie jak przy *ѣ*, znowu więc zgodnie z gramotą 43. Wreszcie w gramotach 60 i 64 obok tych dwu występuje jeszcze trzeci kształt daszka *ѣ* w postaci dużej wachlarzowatej kreski wysoko nad wierszem. Podobnie też różnice w kształcie litery *ч*, ogonka przy *з* i t. p. nie przeszkadzają przypuszczeniu o jednym pisarzu tych gramot, zależały widocznie od chwilowej manieri pisarza. Poza temi wahaniami w kształcie liter *т, ѣ, ѣ, а, ч*, pismo jest zupełnie podobne we wszystkich gramotach; najbardziej ono się zgadza w gramotach 60 i 64.

Podobnie też charakterystyczną cechą pisowni tych gramot są wahania w użyciu nie-

¹⁷ Oryginał gramoty 56 zaginął, ale pod względem pisowni i języka godzi się ona zupełnie z innemi.

43. **С**тѣ
 ѣкий мѣти мѣки назѣ фѣдоръ любортъ овнѣ чини мѣ
 лни днѣ оузритѣ даю бо оуслѣши мѣ бо оутѣи джѣш
 сззѣдѣ во вѣски мѣ иеу лисомѣ веремухомѣ про
 селѣ оуловнѣ оуоуа да кога зѣмѣни мѣшѣ сѣлѣ то гдѣ
 — ѿ сѣлѣ и нѣи —

45. **Т**ронъ мѣца и сѣи сѣтѣ оуа дѣа. а мѣи. мы
 боуа доуа оуа. и сѣтѣ оуа и нѣи оуа оуа. и
 боуа оуа. а жѣ прѣи дѣа. прѣи сѣи. и прѣи пѣ
 — и сѣ чорномѣ — и нѣи —

52. **Т**ронъ мѣца и сѣи сѣтѣ оуа дѣа. а мѣи. мы и сѣи. фѣдоръ люб
 и нѣи оуа оуа. и нѣи оуа оуа. и нѣи оуа оуа. и нѣи оуа оуа.
 52. **Б**лазѣни чини. жалоба. и позѣи пѣи оуа и нѣи оуа оуа.
 — зѣла жѣи сѣи сѣи — сѣи сѣи —

60. **Т**ронъ мѣца и сѣи сѣтѣ оуа дѣа. а мѣи. мы и сѣи. фѣдоръ
 мѣи оуа оуа. и сѣтѣ оуа и нѣи оуа оуа. оуа оуа. и нѣи оуа оуа.
 60. **Д**мѣ боуа оуа. а жѣ прѣи дѣа. прѣи сѣи. и прѣи пѣи. и
 — а мѣи сѣи. —

64. **Т**ронъ мѣца и сѣи сѣтѣ оуа дѣа. а мѣи. мы и сѣи. фѣдоръ
 доуа оуа. и сѣтѣ оуа и нѣи оуа оуа. оуа оуа. и нѣи оуа оуа.
 64. **Д**мѣ боуа оуа. а жѣ прѣи дѣа. прѣи сѣи. и прѣи пѣи. и
 доуа оуа. а жѣ сѣи оуа оуа вѣи сѣи. и сѣи оуа
 — а мѣи сѣи. — — сѣи сѣи —

VIII.

§ 18. Prócz Przemysła i Żydaczowa spora ilość gramot podaje jako miejsce swego powstania: Lwów, Halicz i Kijów, jednak prawie każda z nich ma swego osobnego pisarza.

Wśród dziesięciu gramot *lwowskich* tylko gramota 44 ruskiego starosty Iwana Śrem-skiego, wydana Wojtkowi Sulimowskiemu 1412 r., wykazuje pewne podobieństwo do gramoty 46 Machny Uzwardowskiej i Jachny Kijskiej z 1414 r. W obu gramotach brak

† дѣ ꙗꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ
ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ
ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ
40. — ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ ꙗꙗꙗ

* а҃сѣпъ мѣхъ бѹдѹщѣи нѣ старѣ
знающе снмъ свои мѣ лихомъ те
бѣ. ꙗко на томъ лихъ погнѣ и лихоразѣ.
48. — пѣмъ — селъ, —

13. Wzory pisma gramot: 40 i 48.

znaczków nad literami, wyjątkowo tylko рождѣтка хрѣто́ва 46₁₃; bardzo często są wynoszone litery nad wiersz i to nie tylko końcowej spółgłoski, ale nawet całej zgłoski np.: с ѡа̑ 46₂, па̑ gen. sg. 44₅ i t. p.; na początku zgłoski stale ѡ, po spółgłoskach zaś ѧ; we wszystkich pozycjach ѱ, Ѡ, Ѣ; zamiast Ѧ występuje ѧ w obu gramotach w jednakowym stosunku: 44 (Ѧ 2 r., ѧ 17 r.), 46 (Ѧ 1 r., ѧ 6 r.). Znak ѱ w nagłosie występuje w miejscu u i vž; stale шю, чю; niekiedy trafia się є zamiast ѥ niezależnie od akcentu np.: свѣтоѥ нѣдѣлѣ 46₁₂, тогда 44₅, obok тогдаѥ 44_{4, 12}, свѣдци 44₁₄, odwrotnie велѣ pol. *wiele* 44₁₆, 46₁₀; brak wyróżnienia ô i ě, brak przejścia є w o brak mieszanina ѡ i ѡ; stale кѡѡ; -ѧе, -ѧи, ale по ѱзнесеньи божи 44₁₇; wiele polonizmów wspólnych i t. p.

Jest jednak parę różnic zarówno w pisowni jak i w języku. W gramocie 44 jest wszędzie jednako wąskie *ѣ*, a w 46 ROZOW stwierdza na początku zgłoski szerokie, pochylone w lewo *ѥ*, tylko po spółgłoskach wąskie *ѣ*; prócz tego w 44 występuje wyjątkowo raz ligatura *ѡ*, a w 46 raz *Ѡ*. Różnica językowa jest tylko jedna: w gramocie 46: *ѡѦ* 2 r. *ѡѧ* 1 r., wobec *ѡѦ* 2 r., *ѡѧ* 1 r. w 44; natomiast przykłady zmieszania *ѧ* i *н* w gramocie 46: *ѧѢДНН* 46₃, *ѧѨѧ ѡѧѧѧ* 46₄ są chyba zwykłymi błędami pisarza. W porównaniu ze zgodnościami te różnice są zbyt drobne, by mogły przeczyć wnioskowi o jednym pisarzu dla obu gramot. Dla pewności w tym względzie należałoby porównać pisma oryginałów, niestety oryginał gramoty 46 jest w Moskwie i dla mnie niedostępny.

§ 19. Spośród sześciu gramot *halickich* również tylko dla dwu udało mi się wykryć wspólnego pisarza. Są to: gramota 40 halickiego starosty Jana Szczekockiego z 1409 r.

i 48 halickiego starosty Jana Buczackiego z 1418 r. Obie są pisane zupełnie podobnym niezbyt starannym półustawem. W szczególności podkreślić należy: litera *а* ma trzonek tłusty wyciągnięty ponad i pod wiersz; grube ogonki liter: *р, з, ц, ш, д, ү*; znak *ж* u góry stanowi prawie poziomą linię; przy literach *к, г, ѣ, љ, ѥ*, dolne wybrzuszenie często nie jest zamknięte; czasem daszek *ѣ* jest wyniesiony nad wiersz w kształcie cienkiej poziomej linii i t. p.

Również pisownia obu gramot jest zupełnie podobna: na początku zgłoski *w, оу*, po spółgłoskach *о, ү*, wszędzie *ѣ, ѥ, ѥ*. Nad *и* zarówno na początku zgłoski jak i po spółgłoskach może być kropka, przyczem w gramocie 40 jest to prawie regułą, bo nawet *кѣ* stale 15 r., zaś w gramocie 48 częściej występuje *и* niż *ѣ*. Końcowe spółgłoski, nawet zgłoski, są zwykle wyniesione nad wiersz, ale bez tytułu.

Tak samo język obu gramot wykazuje identyczne zjawiska: wszędzie *ча, жа, ша, ца*, ale *чу, цю*; w nagłosie *оу* oznacza *и* i *ѣ*; stale *о* dla *ѣ*, choć *приколѣньемъ* 40₅; w wygłosie *ѣ, ѥ* zachowują się, ale ginie *ѣ* w przyimkach; stale *-мъ* zamiast *-мѣ*; po spółgłoskach mieszają się znaki *ѣ* i *ѥ*, przyczem w 40 występuje *ѥ* zamiast *ѣ* 18 r. a *ѣ* zamiast *ѥ* 1 r., odwrotnie zaś w 48: *ѥ* zamiast *ѣ* 1 r., ale *ѣ* zamiast *ѥ* 26 r.; pozatem w 48 pojawia się też *о* zamiast *ѣ* w słabej pozycji 3 r. i t. p.

W obu gramotach są częste i podobne błędy pisarza: *галцкѣи* 40₁, *вѣчѣиствомъ* (zamiast *-ми*) 40₁₁, *извѣдѣровами* 40₁₁, *слѣлѣками* 40₁₂ — *панюю* acc. sg. 48₁₂, *моуѣуѣ* 48₁₇, *того лѣст(3)ого лѣстѣ* 48₃₋₄, *нин(9)инѣ* 48₉₋₁₀, *бѣчацѣкии* 48₂₄₋₂₅, *бѣчацѣкии* 48₁, *марѣкрѣтѣ* 48₁₂. Wreszcie początek i koniec obu tych gramot jest zupełnie podobny.

§ 20. Gramoty kijowskie mają tylko jedną cechę wspólną: wiele cerkiewizmów, ale bliżej nawzajem się nie łączą.

Podobnie też spośród wszystkich innych gramot nie da się wydzielić jakiejś grupy, coby pochodziła albo od jednego pisarza, albo z jednej kancelarii. Są to w większości wypadków gramoty o rozgraniczeniu majątków, o załatwieniu sporów, kupna, darowizny i t. p., nadawane przez miejscowych starostów, czy szlachtę, ogólnie więc się przypuszcza, że pisarze ich pochodzili z najbliższych okolic, choć nieraz można mieć co do tego wątpliwości przy drobiazgowem badaniu ich języka.

DODATEK.

Gramota o poręczeniu rjazańskiego księcia Olega Iwanowicza królowi *Jagielle* za swego zięcia, brata Jagielly, księcia Korybuta, nadana w Perejaślawiu 1393 r. Oryginał w Muzeum książąt Czartoryskich w Krakowie. Dotychczas była wydawana trzy razy: w Archiwum książąt Sanguszków I, nr. 17, w A. Ю. З. Р. (Акты Юго-Западной Россіи) II, nr. 67, i przez KRYMSKIEGO, (Украинская грамматика, Москва 1907, str. 506–7) wszystkie wydania niedokładne. ROZOW chyba przez pomyłkę pominął ją w swem wydawnictwie. Oto tekst na podstawie paleograficznego zdjęcia z albumu SOBOLEW-SKIEGO i PTASZYCKIEGO (S 7 P).

мѣи великий кѣѣ ѡлѣгъ ѣвановичъ • рѣзанѣский • знаѣмо чинимѣи • сею на(1)шюу грамотою • кто коли на ню возрѣти • ѣли пакѣ оуслѣшѣи • аже сѣю-бѣемѣи ѣ сѣю(2)били нѣмо • ѣ рѣчимѣи ѣ порѣчили нѣмо • оу великого • корола • оу володислава • бѣѣ(3)нѣи милости • полеского • литовского ѣ рѣского • ѣ ѣнѣхъ мѣнѣи (!) земѣлѣ гѣпѣдрѣ • за ѣго (4) брата • за кѣѣ • за корѣвѣта • ѣже бѣти нѣмѣи вѣрѣи ѣ послѣшѣиу сѣюго бѣѣ великого корѣ (5) преже написаного • а ѣи

Строна	Wiersz	Wydrukowano	Powinno być
34	13	къ 1391 году (грамота перемышльскаго воеводы Фебруна)	къ 1390 году (грамота Яна Тарновскаго 23а)
34	28	послѣ согласныхъ Ѹ, ѡ, ѣ	— Ѹ, ѡ, ѣ
51	3	землю	землю
59	10	оуслыши̃ .	оуслыши̃ .
59	10	верный	верный
59	32	королевѣмъ	королевѣмъ
64	10	и с тымъ	и с тымъ
70	12	залѣснѣ	залѣснѣ
78	34	Бжій	Бжій
79	21	зоудечовскаго	зоудечовскаго
79	passim	zamiast ů ѡ	ů ѡ
80	10	оу зоудечовѣ	оу зоудечовѣ
83	9	такъ	тѧ
95	14	рѣже ѡ,	(zbyteczne)
95	19	кнѧ	кѧ
115	22	слога ѡ, ѣ	слога ѡ, ѡ, ѣ
128	21	з локы	з локы
136	24	тѧхъ	тѧхъ
151	25	данная 15 мая	данная въ Луцкѣ 15 мая

b) w słowniku

Strona	Wiersz	Wydrukowano	Powinno być
4	15	БОРЪТНЫМИ 65 ₇ , 74 ₅₋₆ , 75 ₈ , 82 ₈ , 84 ₇ , 85 ₁₂ , 86 ₉₋₁₀ , 89 ₃₋₄	БОРЪТНЫМИ 65 ₇ , 74 ₅₋₆ , 75 ₈ , 89 ₃₋₄ ; БОРЪТНЫМИ 82 ₈ , 84 ₇ , 85 ₁₂ , 86 ₉₋₁₀
5	37	КЕЛИМЪЖНИИ	КЕЛИМЪЖНИИ
8	20	wszystek	wszytek
8	42	оуписаню	оуписаню
15	7	[brak]	Дисни N. pl.: попове дисни 9 ₁₂
50	9	N. sg. 6 ₂	N. sg. 6 ₁₂
53	11	31 ₅₋₆	31 ₅₋₆ исмы прикѣкли 12 ₂₀

LES CHARTES DE GALICIE ET DE VOLYNIE DU XIVe—XVe SIÈCLE.*Étude philologique.**(Résumé.)*

Pour l'histoire de la langue petite-russienne, les chartes (gramoty) de Galicie et de Volynie du XIVe—XVe siècle, éditées très soigneusement par W. ROZOV, sont peut-être les documents les plus importants. En analysant en détail la langue des gramoty, il fallait d'abord définir leur provenance plus exactement que Rozov ne l'avait fait. Dans ce but, l'auteur de cet article a étudié à fond la langue et l'orthographe ainsi que l'écriture des gramoty, en se servant de l'original, des photographies et, surtout, du fac-simile paléographique provenant de l'édition de Sobolewski et Ptaszycki. Le résultat a montré que beaucoup de chartes ont été transcrites par un seul clerc.

Les chartes du roi Casimir le Grand, les n°s 2, 3 et 7 dans l'édition de Rozov, furent transcrites par un seul clerc, probablement un Galicien, officier de la chancellerie royale. Parmi les gramoty du roi Władysław Jagiełło, on trouve quelques groupes émanant d'un seul clerc. Un clerc écrivit le groupe des gramoty n°s 66, 67 et 68, l'autre le groupe n°s 20, 21, 23 ainsi que la charte concernant la soumission d'Oleg Ivanovič, prince de Rjazań, au roi Jagiełło, qui avait été omise par Rozov, un troisième clerc écrivit les n°s 27, 32, 34, 35. Il est impossible de classer les autres gramoty dans des groupes analogues, pourtant toutes les gramoty jagiełłoniennes se différencient très distinctement les unes des autres par certains caractères de l'écriture et de l'orthographe. Parmi les gramoty du grand-duc Świdrygiełło le n° 74 et le n° 75 furent transcri-

tes par Snaksar, les n°s 84, 85 et 86 par Juszko et le n° 81, quoiqu'elle soit signée par Juszko, est une copie ultérieure d'un original inconnu de Juszko, tout-à-fait indépendante de l'autre copie de cette gramota éditée par Hołowacki. Les deux clers, Snaksar et Juszko, ainsi que le clerc des n°s 82, 69 et 65 étaient originaires du Nord de la Volynie parcequ'ils n'écrivaient *ѣ* que s'il était accentué, au contraire ils employaient *ѣ* dans la position non-accentuée. De même Dowgard, clerc de deux gramoty du grand-duc Witold, était originaire du Nord de la Volynie. L'autre clerc, Wańko, clerc de Świdrygiełło, auteur des gramoty n°s 54 et 55 et les clercs du reste des gramoty de Świdrygiełło, n°s 76, 78 et 80, n'étaient pas originaires du Nord de la Volynie. Un groupe considérable est composé par les gramoty de Przemyśl, écrites toutes par Kościsko de Bolestraszyce, plus tard juge de Przemyśl; ce sont les n°s 5, 6, 12, 13, 18, 23 a, 24, 28. Aussi les gramoty de Żydaczow, n°s 43, 45, 52, 56, 60, 64 ont été transcrites par un seul clerc, alors que Radziwiński admet que quelques-unes soient falsifiées. Enfin parmi les gramoty de Lwów, le même clerc a transcrit les n°s 44 et 46, et parmi celles de Halicz un seul clerc a été l'auteur des n°s 40 et 48.

Il est assez remarquable que, dans plusieurs cas, les gramoty d'un seul clerc: portent différents lieux de provenance, souvent même très éloignés, l'un de l'autre p. e.: n° 20 Łęczycza, 21 Kraków, 23 Mołodeczno, S7P Perejaśław; on peut supposer que le texte avait été transcrit dans la chancellerie principale et que les gramoty étaient délivrées dans ces différents lieux ou que l'on y apposait le sceau.

Ces considérations concernant les clercs et la provenance des gramoty sont une introduction nécessaire à l'analyse détaillée de la langue de tous ces matériaux, et sont spécialement importantes pour l'investigation de certains caractères de la langue paysanne petite-rusienne du XIVe—XVe siècle.

L'auteur joint à l'article le texte de la gramota omise par Rozov, concernant la soumission du prince Oleg Ivanovič de Rjazań, tirée du fac-simile paléographique de la collection de SOBOLEWSKI et PTASZYCKI, et corrige quelques fautes de l'édition de Rozov. Enfin, l'auteur illustre ses déductions par quelques exemples de l'écriture des différents clercs.

ЖИТІЕ АЛЕКСѢЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖІЯ ВЪ КАРПАТОРУССКОЙ СТИХОТВОРНОЙ ОБРАБОТКѢ ПОЛОВИНЫ XVIII-го ВѢКА.

Чрезвычайно рѣдкій и интересный случай стихотворнаго приспособленія извѣстной агіографической легенды къ частной цѣли именного панегирика и поздравленія представляет издаваемая ниже карпаторусская вирша объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, оказавшаяся въ найденномъ мною недавно рукописномъ сборникѣ духовныхъ виршъ и пѣсень, написанномъ Іоанномъ Югасевичемъ въ с. Прикрой, Шаришской столицы, въ 1761—63 годахъ.¹

Агіографическая легенда объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, жившемъ, по церковному преданію, въ концѣ IV-го и началѣ V-го вѣковъ, возникла и получила впервые письменное выраженіе — вскорѣ послѣ его смерти — въ Сиріи, какъ мѣстѣ его добровольнаго изгнанія и подвижничества, откуда она затѣмъ, черезъ византійское посредство и съ новыми подробностями и наслоеніями, распространилась широко какъ въ Западной Европѣ, такъ и у Южныхъ Славянъ и — въ особенности — на Руси.²

Что касается, въ частности, славяно-русской старой письменности, то въ ней обнаруженъ цѣлый рядъ какъ болѣе пространныхъ, такъ и краткихъ редакцій даннаго житія, восходящихъ, главнымъ образомъ, къ южно-славянскимъ, а отчасти также прямо къ греческимъ и латинскимъ источникамъ, причемъ, какъ основныя, должны быть названы слѣдующія изъ нихъ: 1. т. наз. редакція «Златоструя» XII в., 2. Троицкая редакція XIV—XV вв., 3. редакція «Четыхъ Миней» митрополита Макарія XVI в., 4. редакція Арсенія Грека въ «Анеологіонѣ» 1660 г. и 5. редакція Димитрія Ростовскаго въ его «Четыхъ Минейхъ» 1700 г.; кромѣ того, имѣется въ ней тоже нѣсколько болѣе краткихъ — проложныхъ и синаксарныхъ — редакцій, а также рядъ отдѣльныхъ западно и южно-русскихъ переводовъ или пересказовъ житія изъ «Legenda aurea», «Gesta Romanorum», «Żywotów świętych» П. Скарги и др.³ О чрезвычайной популярности его на русской почвѣ, наконецъ, свидѣтельствуется также обстоятельство, что оно здѣсь было передѣлано и въ дра-

¹ Краткое описаніе этого пѣсенника см. въ моемъ Отчетѣ объ археографической поѣздкѣ въ Закарпатскую Русь лѣтомъ 1931 года — »Práce Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze«, I.

² В. П. Адрианова: Житіе Алексѣя человѣка Божія въ древней русской литературѣ и народной словесности, Птгр. 1917, 69—82.

³ Тамъ-же, 82—126, 457—513.

му,⁴ и въ рядъ духовныхъ виршъ,⁵ и — что особенно существенно и характерно — въ народные духовные стихи.⁶

Которая изъ означенныхъ выше редакцій или формъ житія Алексѣя челоуѣка Божія послужила непосредственнымъ источникомъ и образцомъ для издаваемой здѣсь карпаторусской вирши о немъ — опредѣлить довольно трудно, такъ какъ, во 1-хъ, всѣ, встрѣчающіеся въ ней, мотивы и черты имѣются полностью налицо и во всѣхъ извѣстныхъ русскихъ редакціяхъ житія подрядъ, стихотворная же форма ея, приуроченная къ нарочитому поздравительному акростику и, слѣдовательно, свидѣтельствующая явно объ оригинальномъ, мѣстномъ ея происхожденіи, не представляетъ тоже въ этомъ отношеніи никакихъ опредѣляющихъ примѣтъ.⁷ Въ общемъ только, принимая во вниманіе обычный въ Закарпатской Руси того времени кругъ чтенія, приходится предположить, что такимъ прямымъ источникомъ ея могъ быть какой-нибудь изъ вышеупомянутыхъ переводныхъ житійныхъ пересказовъ о святомъ, встрѣчающихся иногда и въ мѣстныхъ сборникахъ церковныхъ поученій и легендъ.⁸

Какъ бы то ни было, впрочемъ, если полная зависимость карпаторусской вирши отъ одной изъ этихъ русскихъ прозаическихъ редакцій житія по существу, естественно, предполагается сама собой, то, какъ ужъ сказано, ея условная, искусственная форма, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ уже всецѣло мѣстному, хотя и неизвѣстному, пииту, запечатлѣвшему послѣднюю наглядно въ именномъ, привѣтственномъ акростихѣ: «Алексей Павлович, презвитер Чернянскій, виват!»⁹

Дѣло въ томъ, что этотъ, чествуемый здѣсь въ акростихѣ, Чернянскій презвитеръ Алексѣй Павловичъ — дѣдъ извѣстнаго карпаторусскаго дѣятеля и поэта А. И. Павловича (1819—1900), бывший во 2-ой

⁴ Тамъ-же, 149—204.

⁵ Тамъ-же, 214—225.

⁶ Тамъ-же, 63—68, 226—436, 515—516 + таблица.

⁷ Слѣдуетъ замѣтить кстати, что въ старыхъ карпаторусскихъ пѣсенникахъ широко была распространена еще другая пѣснь объ Алексѣѣ челоуѣкѣ Божіемъ, содержащая плачь его матери («Коханого гды втеряла, matka сына жаловала»), съ которой, однако, наша вирша не имѣетъ никакихъ созвучныхъ чертъ. См., кромѣ того-же пѣсенника Іоанна Югасевича 1761—63 гг. (л. 23—24 v), принадлежащія мнѣ тоже рукописные пѣсенники: того-же І. Югасевича 1811 г., л. 30 v—31, Пряшевскій, л. 48 v—49 v, и Буштинскій, л. 6 v—7, а также: *М. Вознякъ*: Матеріяли до іст. укр. пісні і вірші, Львовъ, 1913, I, 106, 156; Свящ. *Уріилъ*: Пѣсенникъ, Унгваръ, 1913, 132—133; «Подкарп. Русь», Ужгородъ, 1929, № 7, 166; *Fr. Tichý*: Československé písně v Moskevském zpěvníku, Praha-Bratislava, 1931, 13.— Ср.: *В. П. Адрианова*: указ. соч., 215—219.

⁸ См. напр.: *И. Франко*: Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв., Львовъ, 1900, 52, 61.

⁹ Въ печати составныя буквы этого акростиha (въ началѣ строфы) отмѣчаются особымъ, жирнымъ шрифтомъ. — Остающіеся въ немъ въ концѣ двѣ лишнія буквы Н и М не означаютъ ли, быть можетъ, инициаловъ самого автора?

половинѣ XVIII-го вѣка приходскимъ священникомъ въ с. Черной или Чарной, Бардіевскаго округа въ Шаришѣ,¹⁰ гдѣ затѣмъ остался на приходѣ и сынъ его Иванъ, отецъ поэта, который и родился здѣсь въ 1819-мъ году.¹¹ Стало быть, не подлежитъ сомнѣнію, что и сама вирша была составлена гдѣ-то по сосѣдству съ той-же Черной, очевидно — около половины XVIII-го вѣка, но во всякомъ случаѣ не позже 1761 года, когда была написана та начальная часть пѣсенника, въ которой она — уже какъ обыкновенная духовная пѣснь — помѣщена.

Такимъ образомъ, издаваемая ниже вирша, помимо своего общаго историко-литературнаго значенія, приобрѣтаетъ также особенную цѣнность благодаря тому, что она является — насколько намъ пока извѣстно — и древнѣйшимъ мѣстнымъ книжно-стихотворнымъ памятникомъ вообще, представляющимъ притомъ дальнѣйшій интересъ, какъ косвенный, но характерный показатель той литературно-нравственной традиціи и среды, изъ которой позже вышелъ и развился и А. И. Павловичъ, какъ народный дѣятель, будитель и поэтъ.

Л. 24 v. ||

ПѢСНЬ СЯТОМУ АЛЕКСЕЮ.¹²

(Под.: Богородице Царице.)

1. Алексія днес(ь) хваляще,
пѣснь ему восклицающе,
Алексія святаго
и блаженаго
5. память(ь) торжествующе,
любовнѣ¹³ вси возопите,¹⁴
Алексія восхвалите,
Божія ч(е)лов(ѣ)ка,
о всѣхъ насъ молебника,

10. всѣмъ сердцемъ ублажите!
Еуфимій бѣ отецъ его
и Агла ест(ь) мати его, —
сенаторска роду,
не имѣяше плоду,
15. стрегуще приказаня Божего. ||
25. || Кождаго дня Богу ся моляше
и офѣры приношаше,
едною вѣрою
и любовію¹⁵

¹⁰ См. родословную таблицу Павловичей въ изданіи И. А. Поливки: Вѣнецъ стихотвореній А. И. Павловича, Ужгородъ, 1920, 11.

¹¹ Объ А. И. Павловичѣ вообще см.: И. А. Поливка: указ. изданіе, 7—10; В. Бирчакъ: Лит. стремлѣня Подкарп. Руси, Ужг. 1921, 75; Е. И. Савовъ: Очеркъ лит. дѣятельности и образованія карпатороссовъ, Ужг. 1925, 20; Д. Зубрицкій: Александер Павлович, Ужг. 1925; П. С. Федоръ: Очерки карпаторусской литературы съ 2-ой пол. XIX ст., Ужг. 1929, 43—46; Е. Л. Недзѣльскій: Очеркъ карпаторусской литературы, Ужг. 1932, 169—175.

¹² По техническимъ причинамъ титлы раскрываются здѣсь мною, надстрочныя же буквы вносятся въ строку, причемъ въ сколько-нибудь сомнительныхъ случаяхъ отдѣльныя начертанія заключаются въ круглыя, очевидныя же выполненія текстуральныхъ пропусковъ — въ прямыя скобки. Дѣленіе на стихи и разстановка знаковъ препинанія — тоже мои.

¹³ Въ рук.: любовнѣ.

¹⁴ Въ рук.: возопіемъ.

¹⁵ Въ рук.: любовію.

20. сіе обое творяше.
Служаху нищимъ у стола,
обои[мъ] бѣ една воля:
сына сплодити
и упросити
25. отъ Христа Спасителя.
Есть молитва ихъ выслухана,
и Агла ест(ь) повила сына
Алексія,
ч(е)лов(ѣ)ка Божія, —
30. по всемъ Римѣ новина.
Имя ему дано Алексій,
отъ Бога ест(ь) упрошенъ сій, —
бѣ радост(ь) велія
въ домѣ Еуфимія,
35. на мори и на земли всей.
Приказаня его учашу,
боязни и Божія страху,
поста, || 25 г. || чистости,
мѣрности, трезвости
40. прилежно наказоваху.
А имѣющу¹⁶ южь лѣта,
дана Алексееви невѣста,
зъ роду славнаго
[и] кесарскаго
45. славнаго Римскаго мѣста.
Въ ложницу съ нею вшедши,
перстень зъ палце ей подавши:
«Бывай щасливе,
а не тескливе!» —
50. сице къ ней вѣщаше.
Ложницу и домъ оставивши,
къ морю тайно прибѣгши,
сяде въ корабли,
надожею (?) умедли,
55. по морю плаваше.
Огень любви имѣя къ Богу,
богатый¹⁷ возлюбил¹⁷ нищету многу,
отиде въ землю
Лаодокію,
60. въ Едесѣ приста къ храму. ||
26. || Виде невѣста до отца:
«Азъ пострадахъ облюбенца,
вашего сына,
.¹⁸
65. мнѣ вѣвѣрена за оборонца.
Изыйде тайно отъ мене,
оставивши мнѣ перстене (!),
вручи мя Богу,
на жалост(ь) многу:
70. «Прійми даръ сей отъ мене!»
— «Чтò намъ сотворилъ еси,
почто насъ оставилъ еси,
сыну мой, сыну,
чтò же за вину
75. отъ насъ имѣлъ еси?» —
Плакася сице Еуфимій,
облюбенница и мати съ ними,
отець, мати — сына,
невѣста — господина¹⁹:
80. «Где сокрыся нашъ любимый?»
Рабомъ своимъ Еуфимій рече:
«Скоро бѣжите далече, ||
- 26 г. || по всѣхъ сторонахъ,
селахъ и градахъ
85. прилежно его ищите!
Елицѣхъ въ пути обращете,
прилежно о[тъ?] всѣхъ истязѣте,
о моемъ сынѣ,
вашемъ господинѣ,
90. прилежно взыщите²⁰!»
Зъ росказу въ путь идоша,
страны и грады пройдоша,
прилежно искаху
и проходаху, —
95. ничтоже обрѣтоша.
Внидоша въ градъ Едескій,
где бѣ при храмѣ сынъ Римскій,
убогій, покорный,
тихий, спокойный
100. сынъ сенаторскій.
И испроси отъ слугъ своихъ

¹⁶ Въ рук.: имѣаше.^{17—17} Въ рук.: богаты * въ любви.¹⁸ Здѣсь, повидимому, одинъ стихъ пропущенъ.¹⁹ Въ рук.: ѣдна.²⁰ Въ рук.: взыщайте.

- ялмужну до рукъ своихъ,
Бога похваливъ
и благодаривъ,
105. пріявши офѣру отъ нихъ. ||
27. || «Твоей сей [ради?] терпливости,
Марія Дѣва [въ своей?] милости
тебе прослави
и благослови
110. и въ церковь повелѣ²¹ вовести:
«Есть²² ч(е)лов(ѣ)къ сей Божій,
царства Божія достойный, —
сего въведѣте
и представѣте
115. предъ честный образъ мой!»
Рече Дѣва пресвятая:
«Воведѣте ч(е)лов(ѣ)ка Божія, —
сей бо вамъ²³ угоди,²³
[самъ?]»²⁴ себе побѣди, —
120. въ святыхъ святая!»
Чтѣ услыша ч(е)лов(ѣ)къ Божій,
яко гласъ сей есть небесный,
самъ себе покори
и²⁵ [себе?] усмири,
125. тайно бѣжа въ край иный.
Едесъ градъ оставлше²⁶
и въ корабль²⁷ сѣдше,
вѣтрами, || 27 г. || волнами,
Божіими тайнами
130. къ Риму приплывше.
Римъ увидѣвше, восплаче,
сиче во умѣ своемъ рече:
«Въ домъ отца пойду
и тамо пребуду,
135. дондеже житіе истечетъ».
Найде на домъ Еуфимію,
проси себѣ обитанія, —
въ дому родича
пріяша, яко нища,²⁸

140. для препитанія.
Яко видѣ во храмину,
пристави отецъ дружину,
ему служити
и приносить
145. отъ стола живину.
Ношаше раби ему живность,
въ нейже имѣяше мѣрность,
воздержаніе
и смиреніе,
150. тихость и кротость. ||
28. || Семнадесят(ъ) лѣтъ пребывши,
наруганіе претерпѣвши,
въ домѣ отцевскомъ
и родительскомъ
155. житіе ко[н]чавши, —
картію себѣ испрошаше
житіе свое написаше²⁹:
«Азъ есм(ъ) Алексій,
отецъ — Еуфимій,
160. Агла есть мати, мя раждаше».³⁰
Искончивши свой животъ,
стался зъ неба гласъ трикротъ:
«Взыщите Алексія,
ч(е)лов(ѣ)ка Божія, —
165. у Еуфимія ест(ъ) тотъ».
И порвался зъ ревностію,
стяжаше свою фамилію:
«Жиетъ, ци умеръ?
Гласъ слышахъ о немъ,
170. яко о ч(е)лов(ѣ)ку Божію».
Видѣ въ руцѣ картію, —
не пусти ю Еуфимію,
въ руцѣ || 28 г. || держаше,
никому [не] дающе,
175. токмо архіерею.
Испроси отъ него Онорій,
бывши намѣсникъ Божій:

²¹ Въ рук.: повели.²² Въ рук.: Еетъ.^{23—23} Въ рук.: оугоди вамъ.²⁴ Ср. дальше — ст. 123.²⁵ Въ рук.: и я.²⁶ Въ рук.: оставлше.²⁷ Въ рук.: корабль.²⁸ Въ рук.: нищи.²⁹ Въ рук.: пише.³⁰ Въ рук.: раждаша.

- «Даждъ сію грамоту,
яко да прочту,
180. аще есм(ь) и грѣшный!»
Взять карту и прочте:
«Алексій, сынъ вашъ», — рече.
Еуфимію,
отцу его,
185. мечъ болести сердце протече.
Агла и³¹ невѣста, падше,
на земли омлѣв[а]ше:
«Сыне мой, сыне!»
— «Мой господине!» —

190. обѣ сіе вѣщаше.
«Ты былъ наша потѣха,
нынѣ смутокъ въ наша уха, —
седмѣнадесят(ь) лѣтъ
не далъ еси намъ отвѣтъ,
195. терпя отъ рабовъ смѣха». ||
29. || Нынѣ просимо тя вси:
моли[ся] о насъ на небеси
Отцу и Сыну
и Духу святому,
яко патронъ нашъ еси!
201. Молися и о всемъ мирѣ ... ³²

LA VIE D'ALEXIS HOMME DE DIEU
DANS LA VERSION CARPATHO-RUSSE EN VERS DU MILIEU
DU XVIIIème SIÈCLE.

(Résumé.)

La vie d'Alexis homme de Dieu a été composée originairement, comme on le sait en Syrie vers le Vème siècle. De là elle a été propagé et est parvenue surtout par l'intermédiaire de Byzance jusqu'en Europe occidentale et également chez les Slaves. Qu'à un moment donné, elle soit parvenue jusqu'en Russie où elle eut une large diffusion et une grande popularité, nous en avons la preuve non seulement par les importantes rédactions dont les plus anciennes datent du XIIème siècle, mais aussi par toute une série de rédactions postérieures, par les versions plus courtes et plus simples ou les rédactions refondues, qui pour la plupart venaient d'Europe occidentale et également par leurs nombreux échos ainsi que par les versions des « jeux » et poèmes religieux russes et surtout par les chansons populaires.

La vie d'Alexis homme de Dieu est précisément une de ces versions en vers originale et intéressante de Russie Subcarpathique. Nous la publions d'après un manuscrit de 1761. Outre sa valeur littéraire générale qui est incontestable, elle a surtout une très grande valeur pour la littérature de la Russie Subcarpathique en particulier non seulement par ce que ce document est peut-être le premier essai original carpatho-russe en vers, mais encore parce que l'acrostiche élogieux, d'après la lettre initiale de chaque strophe, qui s'y trouve contenue se rapporte au grand-père de A. J. Pavlovič, le célèbre érudit et poète national carpatho-russe du XIXème siècle, et ainsi rattache à lui bien que d'une façon indirecte et extérieure, la littérature traditionnelle.

³¹ Въ рук. : еѣ.

³² Повидимому, молитва неокончена.

НАМѢСТНИЦИ-УПРАВИТЕЛИ НА БЪЛГАРИЯ ПРЕЗЪ ЦАРУВАНЕТО НА АЛЕКСИЯ I КОМНИНЪ.

V.

Въ сборката на Ив. Меурсия писмо 68-о е адресирано така: «до Господина севаста и дука на Верроя, Константина, сина на севастократора»,⁵⁵ т. е. до севаста Константина, сина на севастократоръ Исаака. Севастократоръ Исаакъ ималъ трима синове: Иванъ, Алексий и Константинъ. И тъй наймалкиятъ синъ на севастократора, Константинъ Комнинъ, билъ дука на градъ-крепостъ Верроя (сег. Беръ или Караферия). Обаче не е известно, щото крепостъта Верроя да е била въ XI. вѣкъ, па и въ други вѣкове, центъръ на нѣкоя отдѣлна административна областъ или тема, и поради това военниятъ ѝ началникъ не е могълъ да носи такава висока титла, каквато била титлата «дука». Оттукъ ясно става, че ако Константинъ Комнинъ билъ почетенъ съ титлата *δούξ* — дука, то той ще да е заемалъ по-важна длъжностъ, която да отговаря на ранга, и е билъ съ по-широка властъ, отколкото единъ мѣстенъ архонтъ или стратигъ; и понеже гр. Верроя се намиралъ въ български земи (днеш. южна Македония), то не подлежи на никакво съмнение, че Константинъ Комнинъ билъ управителъ на България и нареченъ билъ дука на Верроя, само защото той ималъ за резиденция тъкмо тоя градъ тъй, както и неговитѣ предшественици сж живѣли въ разни градове, но въ сжщото време сж били и управители на България.⁵⁶ Че Константинъ Комнинъ е заемалъ въ България такава висока длъжностъ, се види и отъ съдържанието на самото писмо.

Теофилактъ ублажава брата си Димитра,⁵⁷ задето ще се срещне лично съ севаста, като описва братовата си радостъ. «Следъ това, пише архиепископътъ, като прегърнахъ брата си, ублажавахъ го, че ще се наслади на такава гледка, ще се напирува съ амбросията на твоя нравъ и ще се напие съ нектара му. Така ти привличашъ всички съ наистина златната

⁵⁵ *Migne*, ib., col. 488 C: Τῷ σεβαστῷ καὶ δουκὶ Βεῤῥορίας, κυρίῳ Κωνσταντίνῳ, τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκράτορος. — У митр. Симеона, п. т., стр. 170.

⁵⁶ Вж. В. Н. Златарскій, Устройство Болгарии и положеніе болгарскаго народа и пр., п. т., стр. 52—57.

⁵⁷ Въ разгледваното писмо името на Теофилактовия братъ не е казано, но то е известно отъ друго писмо. Вж. писмо 71-о по Меурсия. — *Migne*, ib., col. 497 A: τῷ ἀδελφῷ μου Δημητρίῳ. Ср. у митр. Симеона, п. т., стр. 175.

верига на благостта си.» Като отправя към Константина тия похвали за благия му характер, Теофилактъ продължава: «Не преставай, прочее, да ѝ (на веригата) прилагашъ нови брънки, за да можешъ да привличашъ по-много хора. Защото да те подканва да не разплиташъ веригата, това не подобава нито на оногова, който чувствува великодушното ти, нито на оногова, който храни голѣми и добри надежди на тебе.» Така се пише на човѣкъ, който притежава широка власт и голѣмо значение въ страната поради високата длѣжностъ, която той заема, и отъ когото архиепископътъ заедно съ паството си очаквалъ да «почувствува неговото великодушие», за да получи нѣкоя услуга или нѣкои добрини, и затова възлагалъ «голѣми и добри надежди на него». Писмото, очевидно, е било писано наскоро, следъ като Константинъ Комнинъ пристигналъ въ Верроя и поелъ управлението на България, и поради това Теофилактъ изпратилъ брата си да го поздрави лично съ встъпването му въ новата длѣжностъ и по тоя начинъ отъ самото начало да го разположи къмъ себе си, безъ да изстъпва на първо време съ нѣкои конкретни искания.

Като дохождаме до такова заключение за длѣжността, която заемалъ Константинъ Комнинъ въ България, нѣма съмнение, че Теофилактъ не ще да се е ограничилъ само съ горното писмо, а писалъ е и други писма до него, за да използва неговата «благостъ» и да изпълни намеренията, които той прави, както видѣхме, въ 68-о писмо. Тия писма, споредъ както това ще покажемъ по-долу, сж: 6-о, 7-о, 8-о, 16-о, 17-о, 18-о и 20-о по Ламия, за които обикновено се мисли, че тѣ сж били адресирани до най-голѣмия братъ на Константина, бившия драчки дука Ивана Комнинъ,⁵⁸ защото въ надписа на едно отъ тѣхъ (7-о), както ще видимъ, стои «севастъ Иванъ».⁵⁹ Обаче, ако вникнемъ по-дълбоко въ съдържанието на тия писма, то лесно ще се убедимъ, че тѣ по никой начинъ не могатъ да се отнасятъ къмъ Ивана Комнинъ, макаръ че а priori може да се каже, че тия писма не могатъ да се считатъ за адресирани до Ивана Комнинъ, стига само да си спомнимъ за неприязненитѣ му отношения къмъ архиепископа още отъ времето на доноса му противъ него.

*

⁵⁸ До кога Иванъ Комнинъ е билъ драчки дука, вж. тукъ въ края Притурка.

⁵⁹ *Θ. Успенски* на едно мѣсто (Образование, стр. 23, бел. 1) като че ли приема, какво тия писма сж били адресирани до Константина Комнинъ, а на друго (п. т., стр. 21, 026) — до неговия братъ Ивана Комнинъ. — *В. Г. Васильевски* сжщо така ги адресира до последния, а до Константина — освенъ 68-о, още 63-о и 64-о по Меурсия, когато последнитѣ две сж адресирани до Константина Дука, сина на протостраторъ Михаила Дука и сестриникъ на Алексия I и началникъ на Вардарската областъ (вж. п. т., стр. 157 и 164); впрочемъ той се поправя на стр. 329—330. — *Сжщиятъ*, Матеріали для внутренней истории византийскаго государства. ЖМНП. ч. 202 (1879), стр. 418. — *Митр. Симеонъ*, п. т., стр. 59, 198, 201, 215 и 219.

И, наистина, въ 6-о писмо, което носи надписъ: «до сина на севастократора»,⁶⁰ следъ като му поднася длѣжимия поздравъ, Теофилактъ му съобщава, че писмото му съдържа най-първо молитва за неговото здраве, като при това го нарича „застѣпникъ свой, който отъ самото начало (т. е. откакъ адресатътъ заелъ длѣжността си) билъ единъ отъ първитѣ му помощници, и стена, и ограда . . . , а сетне и молба за добротворство». Като му напомня да не забравя своята добродетелна природа и остроумнитѣ и здрави наставления на баща си, архиепископътъ пише: «Както знаешъ, че добротворството е свойствено на Бога, а злотворството — на злитѣ орисници, дигни се заради страданията и охканията на сиромаситѣ, зарадъ охканията на беднитѣ и противъ ония, които имъ ги причиняватъ.» Ако това писмо се е отнасяло къмъ Ивана Комнинъ, който впрочемъ въ това време не е билъ дука на Драчъ или управител на драчката тема, то по силата на каква власт и авторитетъ надъ българското си паство Теофилактъ би поискалъ отъ него да се застѣпи за страданията и охканията на сиромаситѣ противъ тѣхнитѣ причинители, т. е. фискалнитѣ чиновници, да въздействува надъ които архиепископътъ билъ немощень. Съ такава молба Теофилактъ би могълъ да се обърне само къмъ тогова, който е ималъ непосредна властъ надъ фискалнитѣ чиновници въ страната и е стоялъ близко до бедното население на архиепископията, а това е могълъ да бѣде само намѣстникъ-управителътъ на България, т. е. Константинъ Комнинъ.

Писмо 7-о, въпрѣки че носи надписъ: «до Господина севаста Ивана, сина на севастократора»,⁶¹ не може сѣщо така да се отнесе къмъ Ивана Комнинъ, защото съдържаието му, което се намира въ връзка съ онова на 6-то и е последвало наскоро следъ него, не позволява това. И наистина, въ това писмо, следъ като изтъква, че адресатътъ се застѣпилъ за сиромаситѣ и го подканя да не престава и занапредъ въ това дѣло, Теофилактъ го моли да избави беднитѣ, т. е. простото население отъ въздействието на единъ иеромонахъ, който «взелъ образа на блудница, снелъ отъ себе си священото облѣкло, станалъ отъ постникъ месоядецъ, отъ цѣломѣждъръ—сладострастенъ, или по-добре да се каже, ако и да е посветенъ на цѣломѣдрие, той и съ жена заживѣлъ и безъ срамъ се хвалилъ предъ всички съ своето разпѣтство». Но злото не се свършвало само съ това. Тоя монахъ-разпопъ се отдалъ въ услуга на Иаситовитѣ хора, т. е. на фискалнитѣ чиновници, «за да взематъ несправедливи и не-

⁶⁰ *Migne, ib.*, col. 513 B: Τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκράτορος. — У митр. Симеона, п. т., стр. 197.

⁶¹ *Migne, ib.*, col. 513 D: Τῷ σεβαστῷ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκράτορος. — У митр. Симеона, п. т., стр. 197.

законни подкупи», за което тѣ много го почитали и комахай на глава го носѣли, а пъкъ «сиромаситѣ се сгромолясвали и гинѣли отъ клевети, защото нѣмало кой да ги избави и спаси». Теофилактъ се опиталъ да упражни върху него своята властъ, като пратилъ да го доведатъ, дори го държалъ известно време въ затворъ, но всичко това нищо не помогнало, защото нѣмало сѣднии, предъ които да го изправи и обвини, и той се видѣлъ принуденъ да го освободи. Но Иаситовитѣ хора отново го приели и го наричали «ловецъ», защото той самъ се наричалъ така поради това, че имъ доставялъ добъръ ловъ.

Въ това писмо се говори за факти, които сѣ ставали въ България и, ако архиепископътъ не успѣлъ да се противопостави на действията на тоя монахъ-разпопъ поради това, че той се намиралъ подъ покровителството на фискалнитѣ чиновници—противници негови, то естествено той се обърналъ къмъ лице, което е имало по-голѣмъ авторитетъ и властъ, защото, споредъ думитѣ на Теофилакта, това лице било едничкото, което можело да поправи злото, стига само «да продума една дума, и демонътъ, който мѣчелъ божия народъ, ще бѣде прогоненъ». Освенъ това, като го предупреждава да не се поддава на никакво разкаяне отъ страна на монаха-разпопъ, защото и съ писма, и на лични срещи го призовавалъ да се покае, но нищо не подействувало, архиепископътъ моли сина на севастократора «да се смили надъ сиромаситѣ» и «да нареди да се пропѣди отъ тия страни тая заразителна и обща болестъ». Отъ приведенитѣ думи ясно става, че Теофилактъ се обърналъ не къмъ Ивана Комнинъ, който презъ даденото време нито е билъ драчки дука, нито е могълъ да се бърка и да се разпорежда въ чужда областъ, а къмъ оновова, който е ималъ въ страната и сила, и властъ, за да изпълни просбата му, къмъ непосредния си «господаръ и закрилникъ», т. е. къмъ управителя на България, а такъвъ въ даденото време билъ, както видѣхме, Константинъ Комнинъ, сѣщо синъ на севастократора. Предъ видъ на всичко това името «Иванъ», което се чете въ надписа на писмото, е несъмнено посетнешна вставка, и при това погрѣшна вставка;⁶² първоначално надписътъ е гласѣлъ, както и надписътъ на 7-о писмо: «до сина на севастократора», а нѣкой усърденъ монахъ, преписвачъ на Теофилактовитѣ писма, който отъ съчинението на Анна Комнина е знаелъ само за сина на севастократора, Ивана Комнинъ,⁶³ понеже тя нийде не споменува за Константина, вмѣкналъ името на брата му, безъ да даде неговата длѣжностъ въ надписа.

⁶² Че не всички издадени засега Теофилактови писма носятъ вѣрни и точни надписи, показватъ 12-о по Финети писмо, което неправилно е надписано до Григория Каматира (В. Г. Васильевскій, каз. ред. п. т., стр. 323. — Митр. Симеонъ, п. т., стр. 45 и 175) и 2-о по Ламия «до великия domestikъ» (В. Г. Васильевскій, п. т., стр. 159. — Митр. Симеонъ, п. т., стр. 190—191).

⁶³ Вж. *Anna*, lib. VIII, cap. 7; II, p. 19/21—22; lib. X, cap. 7; II, p. 79/24—25.

Що се отнася до въпроса, кой е билъ тоя монахъ-разпопъ, то **Θ. УСПЕНСКИ** видѣлъ въ него «сѣятелъ на нѣкакво-си ново учение», и дори «попъ **Василия**, учителя на българскитѣ богомили». ⁶⁴ Но **В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИ** още на времето си се противопостави на това предположение като «лишено отъ каквото и да било основание». «Монахътъ, пише той, който снелъ отъ себе си монашеското облѣкло и почналъ да живѣе съ жена, вече, разбира се, е постѣпилъ така не отъ привързаностъ къмъ богомилския дуализъмъ. «Богомилската природа», изразява се **Анна Комнина**, «твърде ловко умѣе да надѣне личината на добродетель: рѣдко ще видишъ човѣкъ, който носи коса посвѣтски, да е богомилъ; напротивъ, това зло обича да се прикрива съ мантия и кукуль (монашеска шапка). Богомилътъ има мраченъ изгледъ, нататрузва до самия си носъ покривалото на главата, ходи прегърбенъ и нѣщо шепне съ уста». ⁶⁵ Нима това прилича, пита **Васильевски**, на безпѣтния монахъ, за когото пише **Теофилактъ**? Що се отнася въ частностъ до попъ **Василия**, то ние знаемъ отъ разказа сѣщо на царкия **Анна**, че тоя фанатикъ всѣкога носѣлъ монашеско облѣкло и поразявалъ съ изтощения си изгледъ.» ⁶⁶ **Митроп. Симеонъ**, като възприема напълно опроверженията на **Васильевски** и посочва отъ своя страна на храната и образа на живѣене у богомилитѣ и на поведението на въпросния монахъ, не допуска, че, ако, наистина, споредъ думитѣ на **Успенски**, монахътъ-разпопъ билъ проповѣдникъ на нѣкакво ново учение, за което въ писмото и намеки нѣма, то **Теофилактъ** едвали би премълчалъ това. **Митр. Симеонъ** дохожда до заключение, че «монахътъ свещеникъ въ това писмо нѣма нищо общо съ **Василия**, учителя и разпространителя на богомилството въ Цариградъ». ⁶⁷

Къмъ всичко гореизложено ние ще прибавимъ и следното. Отказването на иеромонаха отъ духовния санъ и неговото безпѣтство за **Теофилакта** било, разбира се, зло, което обаче още се търпѣло, защото подобни случаи за разпопство е имало и въ миналото; но за него по-големо зло, «което гнѣвило най-много Бога, а него наскърбявало», било това, че той «като отхвърлилъ страхъ божий и рекълъ на Бога: «твоитѣ пѣтища не искамъ да зная», т. е. като изгубилъ страхъ предъ Бога и се отказалъ да се покорява на божия законъ, съ други думи, като станалъ безвѣрникъ, а не че сѣялъ нѣкакво ново учение, — «той чезне, продължива **Теофилактъ**, за да стане силенъ чрезъ злото и служи на **Иасиповитѣ** (вм. **Иаситовитѣ**)» ⁶⁸ хора, за да взиматъ несправедливи и незаконни подкупи». Последнитѣ думи показватъ, както се каза, че мо-

⁶⁴ *Θ. Успенскій*, Образование и пр., стр. 32, бел. 3.

⁶⁵ *Анна*, lib. XV, cap. 8; ib. II, p. 294, 31—295, 5.

⁶⁶ *В. Г. Васильевскій*, каз. рец., стр. 164—165.

⁶⁷ *Митр. Симеонъ*, п. т., стр. 199.

⁶⁸ Вж. *Θ. Успенскій*, Образование и пр., стр. 31, прим. 4.

нахътъ-разпопъ се сближилъ съ хората на бирникъ Иасита, т.е. съ фискалнитъ чиновници, негови привърженици и противници на Теофилакта, за да имъ служи, като имъ давалъ най-точни сведения за имотитъ на църквата и архиепископа, или както самъ последниятъ се изразява, «чрезъ злото да стане силенъ». Затова Теофилактъ призовава сина на севастократора «да се смили най-много надъ неговата душа, която, преди той да повреди на другитъ съ пакости, сама се изхажява отъ лошотия», т. е. отъ лошитъ си замисли, «и да нареди да се пропъди отъ тия страни», т. е. не само отъ Охридско, но и отъ другитъ български области, «тая заразителна и обща болестъ». «Ако пъкъ азъ успѣя да го заловя», предупреждава Теофилактъ, «той ще умре въ кулата (т. е. затвора) като общо и общественно зло» (ὥς καθὼν καὶ κοινὸν καὶ δημοσίον), разбира се, не въ вѣрско, а въ чисто материално отношение.

*

Следното 8-о писмо носи надписъ: «до сжщия»,⁶⁹ който вече дава достатъчно основание да считаме, че и то е било адресирано, както и предното, до управителя на България, Константина Комнинъ. Но, ако се обърнемъ къмъ съдържанието му, то ще се установи сжщото. Въ това писмо Теофилактъ, като напомня на адресата си, че даренията на божественитъ мжже трѣбва да сж неотмѣними, каквито сж и ония «отъ Бога», пита го, защо е отмѣнилъ една отъ най-сжщественитъ привилегии на съседнитъ по мѣсто (т. е. отъ неговата епархия) свещеници — съвършеното имъ освобождение отъ всички други тегоби освенъ отъ поземления данѣкъ,⁷⁰ — привилегия, която била дадена преди това отъ

⁶⁹ *Migne, ib.*, col. 516 D: Τῷ αὐτῷ. — У митр. Симеона, п. т., стр. 200.

⁷⁰ Въ гръцкия текстъ у *Migne* я това изречение се чете така: τὴν τῶν πολιγετόνων ἱερέων παντελῶς ἐξουσίαν μόνῃ καταβαρυνομένην τῷ τοῦ ζευγόμεω τέλει, τῶν ἄλλων δὲ πασῶν ὑπερχεϊμένην ἐπληρεῖων — съвсемъ безсмислено, което, поправено отъ Θ. Успенски споредъ ватиканския преписъ (вж. п. т., стр. 21, бел. 2) и отъ митр. Симеона (п. т., стр. 200, бел. 1), гласи: τὴν τῶν πολυγεϊτόνων ἱερέων παντελῶς ἐξουουσίαν, μόνῃ καταβαρυνομένην τῷ τοῦ ζευγόμεω τέλει, τῶν ἄλλων δὲ πασῶν ὑπερχεϊμένων ἐπληρεῖων. Митр. Симеонъ го превежда така: «съвършеното освобождение на селскитъ свещеници отъ данѣци, които плащаха само данѣкъ за впрегатния добитѣкъ, и бѣха незасегнати отъ всички други тегоби», при което думата ὑπερχεϊμένων той отнася къ ἱερέων, когато, ако се сѣди по мѣстото и въ изречението, тя трѣба да се свърже съ ἐπληρεῖων и тогава τῶν ἄλλων δὲ πασῶν ὑπερχεϊμένων ἐπληρεῖων ще трѣба да се преведе: «отъ всички други налагаеми (разбир. върху мирянитъ) тегоби.» Сжщо така думата πολυγεῖτονες митр. Симеонъ превежда «селски», обаче, като се има предъ видъ, че тая дума състои отъ πόλος = τόπος = «мѣсто» и γεῖτων = «съседенъ, близѣкъ», οἱ πολυγεῖτονες ἱερεῖς означава «свещеници близки по мѣсто» (В. Г. Васильевски чете тая дума πολυγεῖτονες и я превежда «сосѣдни съ городомъ». Вж. «Материалы и пр. п. т., стр. 425) на архиепископското седалище, т. е. свещеницитъ отъ епархията на Теофилакта, а не въ цѣлата архиепископия. Що се отнася до израза τὸ τοῦ ζευγόμεω τέλος, макаръ и да не ни е известно етимологическото значение на

императоръ Алексия I Комнинъ, защото по-нататъкъ въ сѣщото писмо архиепископътъ пише: «Виждашъ ли, какъ сигилията на пансеваста Комнина бѣ отмѣнена отъ самия Комнинъ.» Теофилактъ иска отъ своя адресатъ да тури пластиръ на тая рана, т. е. да повърне отново казаното право на свещеницитѣ, което напълно отъ него зависѣло и което той твърде лесно ще направи, като подпише съ ржката си разпоредбата и заповѣда на своя представителъ въ Охридъ да освободи свещеницитѣ отъ всѣка тегоба и робия на преторията,⁷¹ каквито сж наложени върху мирянитѣ, и да повърне, каквото е взелъ отъ свещеницитѣ или ... клирици, или други нѣкои (хора)». Отъ приведенитѣ тукъ думи Теофилактови става очевидно, че и съ едното, и съ другото — даването и отнемането на въпросното право — е могълъ да се разпорежда не личностъ, която е нѣмала никакво отношение къмъ България, а само оня, който е билъ пълновластенъ и е заемалъ най-високата длъжностъ въ страната, именно нейниятъ управителъ, Константинъ Комнинъ. — По-нататъкъ въ това писмо Теофилактъ споменува за «посрѣдници». Това ще да сж били, както се досѣща митр. Симеонъ, особени чиновници, които сж посрѣдничали между управителя и населението, ползували се съ голѣмо значение и сила и поради това твърде много сж злоупотрѣбвявали съ тѣхъ,⁷² като сж държали дори свещеници на частни свои служби, и «дотогава наплашили простото население, че то не могло да се оплаче за свещеницитѣ, защото сами искали да ги изкористватъ, и по тоя начинъ нарушавали привилегиитѣ на църквата за своя печалба». Архиепископътъ моли, щото «тия посрѣдници да престанатъ вече да упражняватъ такова насилие върху подведомственитѣ на архиепископа». Найсетне Теофилактъ, като призовава Исуса Христа да запази неговия господарь, моли последния да приеме неговото благословение, изразено въ сто солени риби.

*

Ние видѣхме по-горе, че подъ «сина на севастократора» трѣба да разбираме не Ивана Комнинъ, а най-малкия неговъ братъ Константина Комнинъ, който е билъ управителъ на България. Не по-малко ясно това под-

ζευγόμεον, вѣроятно вмѣсто ζευγολόγων или ζευγολογών (както стои въ 20-о по Ламия писмо, вж. по-долу тукъ), ние все пакъ се досѣщаме, че тукъ става дума за по-късното ζευγαγίσιον — поземления данѣкъ, който билъ свѣрзанъ съ чифтъ волове — ζευγάριον и съ съответното количество земя. Вж. *F. Dölger*, Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts, Leipzig-Berlin 1927, S. 53.

⁷¹ Понеже една отъ титлитѣ на българскитѣ управители билъ преторъ (πραιτωρ) (вж. *В. Н. Златарски*, Устройство Болгарии и положеніе болгар. народа и пр., п. т., стр. 52), очевидно, че подъ «претория» тукъ трѣба да се разбира висшата свѣтска власть въ лицето на българския управителъ, на която сж били подчинени всичкитѣ ѣ органи — административни, сѣдебни и финансови.

⁷² Митроп. *Симеонъ*, п. т., стр. 204.

твърдява и съдържанието на 16-о по Ламия писмо съ надписъ: «до сина на севастократора».⁷³ Архиепископътъ почва въ това писмо съ туй, че споменува за нѣкакви добрини, които синътъ на севастократора направилъ за Прѣспа и Дѣволъ, «като ги разхладилъ съ лѣха на правотата и правосъдието, което той показалъ спрямо ония, които ги онеправдали». Въ какво се състояли тия добрини и кои сж били тия онеправдатели, Теофилактъ не посочва, — нито пъкъ това може да се установи отъ нѣкое друго писмо или другъ изворъ; обаче едно остава вѣнъ отъ всѣко съмнение, че главната целъ на архиепископа била да нарисува въ това писмо жалкото положение на дѣволската епископия. Той изтъква обстоятелството, че тая епископия въ даденото време преживявала голѣма опасностъ, която състояла въ това, че църквата въ Дѣволъ, «най-честитата нѣкога църква, една отъ седемтѣ съборни, които известниятъ прехристиянски Борисъ, български царь, е съградилъ», останала безъ свещенослужители, като се почне отъ дякона, та до епископа, и че мѣстното население около тая църква се разбѣгало по гори и планини. Като причина на това печално положение Теофилактъ изтъква това, че дѣволската епископия, като се намирала на кръстопътъ, била излагана на много и голѣми пакости и безпокойствия отъ «страшнитѣ притѣснители» (διὰ τοὺς δεινοὺς ἐπηρεαστάς). Нѣма съмнение, че архиепископътъ е ималъ тукъ предъ видъ нѣкои случки въ живота на епископията, които сж причинили тия пакости и безпокойствия и принудили дѣволския епископъ да напусне седалището си, а населението да бѣга по околнитѣ планини, следов., за да си съставимъ понятие за характера на тия случки, трѣба да видимъ, кого Теофилактъ разбира подъ «страшни притѣснители».

Презъ времето на своето архиепископствуване Теофилактъ, както е известно, влѣзълъ въ силна борба противъ произволитѣ на фискалитѣ власти въ своя диоцезъ. Въ цѣлъ редъ писма, отправени до разни високопоставени и влиятелни личности, той се оплаква и търси защита противъ представителитѣ на фиска, главно противъ бирницитѣ, които посѣгали върху правата и привилегиитѣ на църквата, при всичко че тия права и привилегии били установени съ императорски грамоти, оскърбявали нейнитѣ служители и вършили всѣкакви несправедливости, насилия и притѣснения надъ населението на църковнитѣ земи. Въ 24-о писмо по Меурсия «до великия domestikъ Адриана», както видѣхме, Теофилактъ характеризира тогавашнитѣ чиновници така: «Като гледахъ бъркотията на сегашния животъ, безсрамието и наглостъта на користолюбieto, което тѣй безстыдно е похабило и омърсило нравитѣ (дѣлата), а държавнитѣ служители повече плячкаджии, нежели бирници, които считатъ божественитѣ закони и царскитѣ повели за паяжини, годни, споредъ изречението на Анахарсиса къмъ Солона, да ловятъ мухи, а отъ

⁷³ Migne, ib., col. 529 A: τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκράτορος. — У митр. Симеона, п. т., стр. 214.

оситѣ да се разкъсватъ; като гледахъ, че достоянието на християнския народъ се плячкосва, защото нѣма кой да избави и да спаси, изгубилъ бѣхъ всѣка надежда за спасение, която, ако човѣкъ нарече духъ на паднала въ злочестина душа, нѣма да сгрѣши.»⁷⁴

Това сж били «страшнитѣ притѣснители» на Теофилакта. Въ своитѣ притѣснения и своеволия въ Дѣволъ и въ околността тѣ достигнали дотамъ, че епископътъ билъ принуденъ да напусне града, защото не искалъ да търпи разни оскърбления и заплахи, а населението, оставено безъ защитникъ, — да избѣга далечъ отъ притѣснителитѣ. Теофилактъ ни представя положението на дѣволската епископия тъкмо въ момента, когато епископътъ, който току що билъ назначенъ съ царска грамота, дето билъ опредѣленъ броятъ на неговитѣ клирици и парици, трѣбало да отиде въ седалището си при паството си, може би по уговорката на самия Теофилакта, но такова не останало около града. Както изглежда, самъ архиепископътъ се опиталъ да въздействува лично върху мѣстнитѣ жители, като посетилъ Дѣволъ, но тоя опитъ не донесълъ никакъвъ резултатъ. Затова той решилъ да се обърне къмъ оногова, който билъ по-силенъ отъ него и ималъ по-голѣмъ авторитетъ. И наистина, никой така непосредно не е могълъ да прави добрини всрѣдъ България и да има такава власт и значение да защити правата на църквата — въ случая на дѣволския епископъ отъ притѣсненията на бирницитѣ и да въздействува върху прѣснатото се по гори и планини население отъ земитѣ на дѣволската епископия подъ натиска на страшнитѣ притѣснители — фискалнитѣ чиновници, да се върне по мѣстата си, освенъ управителътъ на България, въ компетентността на когото, като на императорски намѣстникъ, влизали всички тия права. Това се види и отъ думитѣ на самия Теофилактъ, който, като отправя къмъ адресата молба да помогне въ това дѣло, уговаря го, че голѣмъ трудъ за това не е потребенъ, а само «едно протягане на ржката» и «три прѣста»: да се напише и издаде «една умоляваща грамота», т. е. едно възвание къмъ разбѣгалитѣ се жители, да се върнатъ пакъ въ бащинитѣ си огнища. Теофилактъ билъ увѣренъ, че «тѣ, окуражени чрезъ това, ще се измъкнатъ отъ гжсталака, църквата пакъ ще разцвѣне, ще се освѣтли и ще се удостои съ богослужение». Най-сетне въ края на писмото архиепископътъ му пожелава: «Богъ да даде на дѣсницата ти успѣхъ въ всички военни и граждански дѣла, като те направи вѣренъ подражателъ на държавния, и свети, и христорлюбивъ твой баща и нашъ господарь», т. е. на севастократоръ Исаака Комнинъ. Съ военна и гражданска (т. е. административна) властъ, както е известно, били сж облѣчени тъкмо управи-

⁷⁴ Вж. *Migne, ib.*, col. 405 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 81—82. — Ср. В. Н. Златарски, Де се намиралъ гр. Дѣволъ. «Известия на Историческото Д-во», кн. V (1922), стр. 49—53.

телитѣ на отдѣлнитѣ области, въ случая управительтѣ на България, Константинѣ Комнинѣ.

*

Надписътъ на следващото 17-о по Ламия писмо «до сѣщия»⁷⁵ показва, че и то било адресирано до управителя на България. Въ него изпѣква една отъ важнитѣ функции на единъ областенъ управителъ, а особено на единъ императорски намѣстникъ — да раздава правосѣдие и да издава сѣдебни решения. Нѣкой-си Никола Вутовъ, очевидно, българинъ, причинилъ на земледѣльца Веса Михаилъ Ламбинъ по-рано безбройни щети, като при това използвалъ сѣдействието на прѣспанския началникъ Макремволита, «който билъ много изкусенъ да се залавя за чужди работи». Работата дошла чакъ до управителя на България, когато такъвъ билъ Иванъ Дука, който осѣдилъ Никола Вутовъ, като издалъ и нужния документъ, т. е. писмена присѣда, подписана отъ самия севастъ-дука. Никола, обаче, не само не искалъ да се подчини, но и оспорвалъ решението на българскитѣ управители, като «досаждалъ на високото правосѣдие на държавнейшия господарь Теофилактъ и разтакалъ казания Веса Михаилъ по сѣдилища и разправи въ най-работното време за земледѣльца». Че така обстояла работата, Теофилактъ посочвалъ на войската, вѣроятно командувана отъ Макремволита⁷⁶ въ Прѣспанската областъ, която «цѣла попитана ще обяви истината по тая работа». Теофилактъ приборява сѣщия тоя Никола къмъ «клеветницитѣ и клюкаритѣ», отъ което ясно става, че последниятъ билъ единъ отъ противницитѣ на архиепископа, и затова Теофилактъ иска, «него прѣвъ да накаже за злината му несравняемата справедливостъ на севастократоровия синъ», «пазителката на всички насъ, които сме ѣ предадени отъ Бога». Последнитѣ думи ясно сочатъ, че Теофилактъ се обръща къмъ лице, подъ чиято властъ се намиралъ той и цѣлата страна, а това е билъ управителтѣ на България, което се потвърждава съ напомнянето за разпоредбитѣ на Ивана Дука, когато тоя билъ български управителъ и поради това Теофилактъ нарича своя адресатъ «държавнейший мой господарь и застѣпникъ».

*

⁷⁵ *Migne, ib.*, col. 532 A-C: τῷ αὐτῷ. — У митр. Симеона, п. т., стр. 216—217.

⁷⁶ За Ивана Макремволитъ (Μακρεμβολίτης) знаемъ отъ Скилица като участникъ въ заговора на Михаила Керулария противъ Михаила IV Пафлагонъ въ 1040 г. и обикалящатъ го «пафлагонска клика» (*Skyl.-Cedr.*, *ib.*, p. 530, 19—22). За другъ чинъ отъ тоя родъ — за Димитра Макремволитъ споменува Ив. Киннамъ. Той билъ изпратенъ прѣвъ да посрѣще германското кръстоносно спѣлчение въ 1147 год. (*Cinnatus*, ed. Bonn., p. 67_{11—13}). Едвали нашиятъ Макремволитъ, е сѣщия тоя Димитъръ Маркемволитъ, защото, като се вземе подъ внимание, че сѣ се изминали почти отъ 40 год. отъ времето на последния, т. е. около две поколѣнія, ще трѣба да приемемъ, че нашиятъ Макремволитъ ще да е билъ синъ или родина на стария.

Не по-малко свидетелствува и следващото 18-о по Ламия писмо,⁷⁷ че и то е било адресирано до управителя на България. Въ него Теофилактъ изстъпва «да ходатайствува за тегобитѣ на народа». Въпросътъ се касае до наборъ на войници пехота въ Охридско. Тамъ билъ вече направенъ наборъ, но, както изглежда, военниятъ началникъ искалъ да го увеличи, отъ което щѣло да последва, споредъ думитѣ на архиепископа, 1. обезлюдяване на областта и 2. изселване на останалитѣ следъ набора, защото тѣ щѣли да намразятъ отечествената земя и ще предпочтатъ чуждата. Но да чуемъ, какво пише самъ Теофилактъ. «Охридско (τὸ τῆς Ἀχρίδος), пансевасте, нашъ застъпникъ, ще изчезне отъ България по-скоро, отколкото човѣкъ може да очаква, ако всесилната ти рѣка не се погрижи за него. Защото тая (область) е малка, съвършено бедна, произвежда малко дървено масло и се явява най-окаяна отъ всички други области. Нека, прочее, милостивата ти и грижлива власть се смили по въпроса за набора на пехота и нека се намали. Защото събранитѣ отука за пехотата какъ нѣма да направятъ твърде явно намалението на цѣлата областъ? И останалитѣ тукъ какъ нѣма да намразятъ обичната отечествена земя, като враждебна и опропастителна и за заплуване и какъ нѣма да обикнатъ чуждата? Не азъ само моля. Водя и други двама ходатаи — самото право, основано върху това, че областта е малка, и нейното мѣстоположение, защото областта е на пѣтъ и служи за спасение на всички пѣтници. Тя заслужва да бѣде помилвана отъ господаря ми, ако не за нея самата, то поне за да спасява проходещитѣ. Събранитѣ за пехотата стигатъ, за да бѣдемъ ние съвсемъ смазани, и дано съ величайшата помощ на моя господаръ, който е дошълъ да ни спаси, да не се увеличи наборътъ. Защото, както казахъ, произведениятъ такъвъ достатъчно е намалилъ малката областъ. Нашата страна не е Пелагония, а пословичниятъ за своята незначителностъ и малкъ островъ Миконосъ.»⁷⁸

И тъй, за да спре увеличението на войнишкия наборъ въ Охридско, Теофилактъ апелира къмъ «всесилната рѣка», «милостивата и грижлива власть» и «величайшата помощ на своя господаръ и застъпникъ», който не може да бѣде въ страната никой другъ, освенъ управительтъ на България. Това ще ни стане още по-ясно, ако се вземе въ внимание това, което Теофилактъ съобщава въ 65-о по Меурсия писмо «до магистеръ Ивана Пантехни», а именно: «всеуважаемиятъ севастъ и протостраторъ, господинъ Михаилъ е изпратенъ отъ императора да събира войска и да се противопостави на изверга. И той събира вече, и ето ще го нападне

⁷⁷ *Migne*, ib., col. 532 C–533 A: τῷ αὐτῷ. — У митр. Симеона, п. т., стр. 217.

⁷⁸ Μύκονος, Miconus и Mucose днеш. Микони, малкъ скалистъ цикладски о-въ на ю.-из. отъ Теносъ и сев. отъ Делосъ. Легендата пренесла на тоя островъ митичната битка на гигантитѣ, и всички избити отъ Херакла гиганти сж погребани подъ тоя островъ.

и ще навлѣзе въ страната му».⁷⁹ Очевидно, че това съобщение се намира въ тѣсна връзка съ набора, за който архиепископътъ пише въ нашето писмо. Протостраторъ Михаилъ билъ братъ на императрица Ирина, или вториятъ⁸⁰ внукъ на Ив.-Владиславовия синъ Трояна. Анна Комнина ни го характеризира така: «мжжъ, който се славѣше по умъ и надминаваше съ хубостта и височината на тѣлото не само своитѣ съвременници, но и всички хора, които нѣкога сж живѣли (всички, които сж го видѣли, се очудвали); това бѣше човѣкъ ненадминатъ и способенъ да предугажда бѣдещето, да открива настоящето и своитѣ наблюдения да обръща въ дѣло».⁸¹ Той участвувалъ като началникъ на отдѣленъ отредъ въ войната противъ Роберта Гюискара и действувалъ противъ Боемунда въ 1083 г. въ Тесалия,⁸² въ знаменития походъ на Алексия I Комнинъ противъ печенѣзитѣ въ 1086 год.⁸³ и въ борбата противъ лъже-Константина Диогенъ и куманитѣ въ 1092 год.⁸⁴ Следъ това Анна нищо повече не споменува за него. Обаче отъ споменатото 65-о по Меурсия писмо узнаваме, че той взелъ участие и въ войната противъ Боемунда Тарентски презъ 1107—1108 год., както се види отъ гореприведения пассажъ, въ който подъ думата «извергъ», както и подъ «отстъпникъ» и «гушеръ, стопленъ отъ лжчитѣ на царскитѣ добрини» се разбира тъкмо Боемундъ, а не известниятъ противникъ на Теофилакта, парикътъ Лазаръ, както обикновено се приема.⁸⁵ И тъй тоя, който билъ изпратенъ въ България презъ 1106 год. да произведе войнишки наборъ, билъ протостраторъ Михаилъ Дука, единъ отъ известнитѣ византийски пълководци при Алексия I Комнинъ.⁸⁶ Както се види отъ нашето писмо, той билъ строгъ въ изпълнението на възложената нему задача и предъ видъ на опасността откъмъ Боемунда искалъ да събере въ Охридско повече войници измежду хората на църковнитѣ земи, които въ такъвъ случай биха останали безъ работни рѣце, па имало, споредъ думитѣ на архи-

⁷⁹ *Migne*, ib., col. 484 D—485 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 165.

⁸⁰ Първиятъ билъ Иванъ Дука, бившиятъ управител на България, вж. тукъ по-горе, стр. 139—145.

⁸¹ *Anna*, lib. V, cap. 7; ib., I, p. 175₁₄—11.

⁸² *Ibidem*, I, p. 175₁₁—29.

⁸³ *Ibidem*, lib. VII, cap. 3; ib., I, p. 237₁₈—23.

⁸⁴ *Ibidem*, lib. VIII, cap. 4; ib. II, p. 10₂₀—28.

⁸⁵ Подробно по тоя въпросъ въ литературата вж. у митр. Симеона, п. т., стр. 165—167.

⁸⁶ В. Г. Васильевски (каз. рецен., п. т., стр. 167—168), изхождайки отъ това, че въ подробния разказъ на Анна за войната съ Боемунда (1107—1108) нийде не се срѣща неговото име, предполага, че «всичката му роля се и ограничвала съ грижитѣ за набора на войска въ България едновременно съ другитѣ многобройни приготовления и отбранителни мѣрки, предприети отъ самия императоръ при първитѣ слухове за готвеното нашествие на Боемунда». Но това твърдение едвали е приемливо, защото Теофилактъ право пише: «да събира войска и да се противопостави на изверга. И той събира вече, и ето ще го нападне и ще навлѣзе въ страната му».

епископа, и опасностъ, да не би и тия, които останатъ следъ набора, да се разбѣгатъ. Поради това Теофилактъ пише, че «събранитѣ за пехотата стигатъ, за да бѣдемъ смазани». Той, очевидно, не е билъ въ състояние да се противопостави на протостраторъ Михаила, който ще да е билъ облѣченъ съ пълномощни права, и затова потърсилъ «всесилната рѣка», «милостивата и грижлива властъ» и «величайшата помощъ» на «своя всевеличайши господаръ и застъпникъ», т. е. на управителя на България, който, като императорски намѣстникъ, ималъ по-голѣма властъ и по-силенъ авторитетъ, а главно, споредъ думитѣ на архиепископа, защото «той билъ дошълъ, за да го спаси».⁸⁷

Но и при все това, като не билъ увѣренъ, че синътъ на севастократора ще въздействува върху протостратора, Теофилактъ потърсилъ защита и у други по-високи личности, както се види отъ следния пасажъ въ 29-о по Меурсия писмо «до своя ученикъ, халкидонския дяконъ Никита», който пасажъ се отнася сѣщо къмъ времето, когато Михаилъ Дука произвеждалъ войнишкия наборъ въ България. «Писахъ на освещената господарка, майка на светата владѣтелка, да помогне за една работа полезна не толкова намъ, колкото ней. Защото писмото изисква да помогне на правилата, мачкани отъ нейния пансевастъ синъ, протостратора, или по-добре да кажа, да се претече на помощъ нему, който мачка правилата, защото за последнитѣ не е нѣщо страшно да бѣдатъ мачкани. Тѣ сѣ нѣщо божествено. Заповѣдани и изговорени сѣ отъ оногова, силата на когото, вѣрваме, се извършва въ немощъ (2. Корин. 12, 9). Ала надъ него, протостратора, виси велика и тежка опасностъ, колквато и каквато надъ всички, които нарушаватъ божииѣ заповѣди. И тъй, било като стане съюзница на Божия синъ, чиито закони се нарушаватъ, било като избави своя собственъ синъ отъ грѣха да ги нарушава, тя безъ друго твърде много печели. Изискваме, ти да представишъ това писмо на божията рабиня и наша обща майка. И, понеже за сѣщата работа писахъ на пансевастъ протостратора, затова нека се представи на нея и писмото ми до него, за да му се предаде чрезъ нея. Защото въ писмото си до нея и това просимъ отъ най-преподобната между женитѣ.⁸⁸ И тъй Теофилактъ не се ограничилъ само да пише на българския намѣстникъ-управителъ за действията на протостраторъ Михаила въ България. Той се решилъ да напише и на самия протостраторъ за «нарушението на божииѣ заповѣди», но за да има писмото по-голѣмо значение и по-силно да въздействува върху него, архиепископътъ изпратилъ писмото чрезъ дякона Никита до майка му Мария,⁸⁹ на която той писалъ по сѣщата

⁸⁷ Тия думи ясно говорятъ, че писмото е било писано наскоро следъ пристиганено на Константинa Комнинъ въ България, т. е. въ края на 1105 или въ началото на 1106 и сл.

⁸⁸ *Migne*, ib., col. 420 D–421 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 94.

⁸⁹ Мария, дъщерята на царъ Ив.-Владиславовия синъ Трояна, споредъ думитѣ на Никифора Вриенния, била най-красивата и най-умната отъ всички жени, съеднявала

работа, като натоварилъ дяконъ Никита да ѝ предаде дветѣ писма и да я помоли тя сама да изпрати писмото му до протостратора. Както и да било, но приведеніята пасажъ ни ясно рисува строгия и настойчивъ характеръ на протостраторъ Михаила Дука, който Теофилактъ не можилъ да пренася при производството на войнишкия наборъ, понеже се нахърнявали стопанско-економическитѣ интереси на църквата.

*

Най-сетне и 20-о по Ламия писмо, което носи безсмисленъ надписъ: «до севаста на севастократора»,⁹⁰ трѣба така сѣщо да се отнесе къмъ писмата, които сѣ адресирани до управителя на България. Ние нарекохме надписа безсмисленъ, защото севастократорътъ не е могълъ да притежава севастъ, понеже тая дума е титла, която се давала на всички императорови роднини, па и самъ севастократоръ Исаакъ, братътъ на Алексия I Комнинъ, се наричалъ пансевастъ. Очевидно, въ надписа по-диръ «севаста» има нѣщо изпуснато, което, споредъ насъ, е титлата и името на адресата, а по аналогия съ 68-о по Меурсия писмо, лесно може да се допълни, а именно: «до севаста [и дука на Верроя Константина, сина] на севастократора».⁹¹ Дали тоя, който погрѣшно прибавилъ, както по-горе се показва, името Иванъ въ надписа на 7-о по Ламия писмо, и тоя, който тѣй безсмислено съкратилъ надписа на разгледваното писмо, сѣ една и сѣща личностъ, мѣчно може да се установи; въ всѣки случай, че адресатътъ и на това писмо билъ тъкмо управительтъ на България, ще ни покаже самото му съдържание.

Охридската епархия отъ старо време владѣла едно село, безъ да е плащала данѣкъ за него,⁹² но императорътъ го отнелъ отъ църквата, както

съ външната си хубостъ и вътрешна красота и блистѣла освенъ съ знатността на рода си, още и съ добродетелна чистота и приятенъ нравъ, а Анна Комнина казва, че тя «до-толкова привличала съ своята красота и стройностъ на тѣлеснитѣ части и членове, че нито една (жена) по онова време не се бѣ явила по-красива отъ нея.» Тя била жена на Андроника Дука, синъ на кесаръ Ивана, брата на Константина X Дука, и имала три дѣщери, отъ които първата *Ирина* била женена за Алексия I Комнинъ, втората *Мария* — за Георгия Палеологъ протасикрита, а третата Теодора още като дете била покалугерена и двама синове, протостраторъ *Михаилъ* и *Иванъ*, дука драчки (вж. N. Bryennius, ed. Vol., p. 106, 8—107, 3, погрѣшно нарича Трояна (Τρωϊαννος), синъ на Самуила. — Anna, lib. II, cap. 6; ib., I, p. 74, 8—12; cap. 7, ib., I, p. 77, 30—32). — Доколкото може да се сѣди по споменатото писмо, въ дадения моментъ Мария ще да е била вече монахиня, защото Теофилактъ я нарича «освещена», «божия рабиня» и «най-преподобната отъ женитѣ».

⁹⁰ *Migne*, ib., col. 533 C et 536 B: Τῷ σεβαστῷ τοῦ σεβαστοκράτορος. — У митр. Симеона, п. т., стр. 218—219.

⁹¹ *Migne*, ib., col. 488 C: Τῷ σεβαστῷ [καὶ δουκὶ Βερρόριας, κυρίῳ Κωνσταντίνῳ τῷ υἱῷ] τοῦ σεβαστοκράτορος.

⁹² Въ грѣцкия текстъ (*Migne*, ib., col. 533 D) последното изречение се чете: μηδὲ πρακτικῷ ὑπερχείμενον, което В. Г. Васильевски (Материалы, п. т., стр. 428) превежда: «и которое

и селата на всички архонти—едри землевладѣлци. Архиепископътъ обаче съ помощта на една малка утеха (т. е. парично възнаграждение) придобилъ снизходителната услуга на тогавашния бирникъ и отново го владѣлъ, както и много други замлевладѣлци—своитѣ. Въ дадения моментъ това село било пакъ отнето отъ императора, който искалъ другиму да го подари, и поради това Теофилактъ не се противопоставялъ на царската воля, но и при все това счелъ за необходимо да забележи, че «справедливо било, дето отъ страна на благочестивия родъ Дуковци никой другъ не се предпочиталъ предъ църквата, която при това отначало владѣла селото». Но отъ друга пѣкъ страна Теофилактъ не можелъ да допусне, че била издадена отъ неговия господарь, т. е. отъ управителя на България, такава сѣща заповѣдь за църковния домъ и за дворището. «Затова, пише архиепископътъ, изпраща се настоящиятъ нашъ човѣкъ, за да се изучи съ съгласието на ваше благородие добре въпроса: по кои причини изгонватъ насъ, царскитѣ слуги, отъ земята, която ние до день днешенъ считахме наша и се ползувахме отъ нея. Но понеже се смѣта, че не е наша, ние въ всѣки случай ще внесемъ поземления данѣкъ, тъй като вашето превъзходство постановява, че това ще се приложи върху всички.»⁹³ Защото, като се придирва всичко наше, съ-

никому больше не принадлежало», което едва ли е вѣрно, защото, ако църквата е владѣла селото, то ео ipso не е могло да принадлежи другиму. *Θ. Успенски* (Образование, стр. 26) го предава: «и изъто было отъ государственныхъ повинностей», а митр. *Симеонъ* (п. т., стр. 218) — «безъ да плаща за него»; последнитѣ двама, които по смисълъ се сходятъ, сж по скоро обяснили, отколкото превели въпросното изречение. Но да се разбере правилно смисъла му трѣба да се знае, какво значи τὸ πρακτικόν. Това било поземлена книга (тур. емлячка книга, нѣм. Grundbuch), въ която се обозначавало голѣмината на всѣки недвижимъ имотъ, качества на почвата му, производителната му сила, поземления му данѣкъ, списъка на селенитѣ-данѣкоплатци, тѣхното качество и тѣхнитѣ данѣчни задлжения (Подробно за πρακτικόν'а вж. *F. Dölger*, каз. съч., стр. 100—102. — *G. Ostrogorsky*, Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. S.—Ab. (1927). S. 87—88). И тъй, когато Теофилактъ писалъ приведеното изречение, той е искалъ да каже, че селото, като собственостъ на църквата, не било записано въ никаква поземлена книга и затова църквата не плащала поземленъ данѣкъ.

⁹³ Въ грѣцкия текстъ (*Migne*, ib., col. 536 A) последниятъ пасажъ се чете: Ἐπεὶ δὲ οὐχ ἡμετέρα δοκεῖ ζευρόλογον πάντως καταθησόμεθα τοῦτο γινώσκουσης τῆς σῆς ὑπεροχῆς, ὥς καὶ εἰς πάντας δραμεῖται τοῦτο. *В. Г. Васильевски* (п. т., стр. 428) превежда тоя пасажъ така: «Если же она оказывается не нашею, то, конечно, съ насъ будетъ сложена поземельная подать, какъ это признаетъ справедливымъ и ваше превосходство, и она уже перейдетъ на всѣхъ». *Θ. Успенски* (п. т., стр. 26) пѣкъ превежда: «Если она не признается нашею, мы внесемъ поземельную подать, такъ какъ она простирается на всѣхъ безъ исключенія», а митр. *Симеонъ* (п. т., стр. 219) предава тоя пасажъ така: «И понеже се смѣта, че не е наша, ние ще платимъ това, което се пада на цѣфтъ волове, като знае вашата възвишеностъ, че това ще се приложи на всички». Отъ тритѣ превода най-близѣкъ и по смисълъ, и по форма стои преводътъ на митр. Симеона, когато отъ другитѣ двама Васильевски не разбралъ цѣлия пасажъ и му дава невѣренъ смисълъ, съвсемъ противоположенъ на истинския, а Успенски и тукъ по-скоро обяснилъ, нежели превелъ пасажа, като оставилъ непреведенъ γενετ. abs. γινώσκουσης τῆς σῆς ὑπεροχῆς, който не е преведенъ

глежда се клечката и се прецежда комарътъ, не бива нито гредата да остане несъгледана, нито камилата да се глътне (Мат. 7, 3-5; 23, 24). И тъй властъ имашъ, направи съ дворището, каквото заповѣдашъ. Нека се подпали, нека се изгори, нека се издигне голѣмъ огънь, та съ свѣтлината му да може да се види и това, което не се вижда. А Богородица, чиито сѣ земята и дворището, на което сега се посѣга, дано да те пази по-горе отъ всѣка беда, защото, както знаешъ, това е наша работа».

И тъй, въ това писмо се говори за разпоредби на две лица: 1. на императора, въ случая на Алексия I Комнинъ и 2. на адресата, когото Теофилактъ нарича «мой господарь» и го представя като такъвъ, който ималъ властъ да се разпорежда самовластно въ страната, въ случая да отнема имота на църквата, съ други думи, той е билъ представителъ на императора и действувалъ отъ негово име, а такъвъ можелъ е да бѣде само управителтъ-намѣстникъ на България. Освенъ това Теофилактъ изпраща при него свой човѣкъ, който, очевидно, е донесълъ и нашето писмо, за да узнае отъ него лично, кои сѣ били причинитѣ, задето се посѣга върху тоя имотъ на църквата, която го владѣла отъ старо време и се ползувала отъ него, следов. адресатътъ се намиралъ въ България. Но, като предполагалъ, че църковниятъ имотъ се отнемалъ поради това, че той не билъ записанъ въ никаква поземлена книга и за него не билъ плащалъ поземления данѣкъ, а пъкъ въ разпоредбата на адресата се казвало, че тоя данѣкъ щѣлъ да се приложи върху всички други не само църковни, но и свѣтски имоти, архиепископътъ, за да предупреди отнемането на въпросния имотъ, изказва готовность да внесе припадащия се поземленъ данѣкъ, следов. лицето, до което било изпратено нашето писмо, не само имало властъ да се разпорежда пълновластно въ страната и живѣло въ България, но и налагало изискванията на фиска, а то не е могло да бѣде никой другъ, освенъ намѣстникътъ-управителъ на България. Той, очевидно, е билъ отъ рода на Комниновци, защото Теофилактъ намѣрилъ за необходимо да изтъкне въ писмото си мисълта, какво «благочестивиятъ родъ на Дуковци всѣкога е давалъ предпochtение на църквата предъ всѣкиго другиго», т. е. че Дуковци всѣкога сѣ покровителствували църквата и сѣ били щедри къмъ нея, чрезъ което упрѣквалъ право и ясно представителя на Комниновци, какъвто е билъ управителтъ на България въ даденото време, Константинъ Комнинъ. Тъкмо тоя упрѣкъ ни дава достатъчно основание да видимъ въ селото, за което става дума въ нашето писмо, споменуваното въ 12-о по Ламия писмо до Ивана Дука, шурей на императора, село Могила, което било подарено на

вѣрно отъ другитѣ двама. Теофилактъ, желаейки да спаси имота отъ изземване изказва готовность да изплати поземления данѣкъ, очевидно, затуй, защото адресатътъ решилъ (соб. постановилъ — ὑποβόησεν въ второто му значение), какво тоя данѣкъ ще се приложи върху всички други землевладѣлци.

църквата презъ времето, когато Иванъ Дука билъ, както видѣхме, управителъ на България (1090—1092), защото тамъ Теофилактъ възхвалява между другитѣ му добродетели и неговата благотворителностъ, щедра рѣка и снизхождение къмъ ония, които посветили себе си на Бога; а пъкъ при първия опитъ да се отнеме селото заедно съ имота на църквата, за който опитъ архиепископътъ споменува въ нашето писмо, последниятъ се обърнулъ въ 1093 г. къмъ Ивана Дука, когато тоя билъ дука-управителъ на тема Еллада и Пелопонесъ, съ искане да му издаде нужния документъ за право на владѣние селото и да му окаже застъпничество,⁹⁴ което произвело, както изглежда, своето въздействие, и селото останало пакъ въ владѣние на църквата.

*

Съ това се изчерпватъ писмата на архиепископъ Теофилакта за и до управителитѣ на България.⁹⁵ Отъ тѣхъ на брой четиринадесетъ, както видѣхме, най-много — осемъ писма сѣ били адресирани до дука на Верроя, Константина Комнинъ, сина на севастократоръ Исаака, който билъ назначенъ, както се каза, въ 1105 год. непосредно следъ предшественика

⁹⁴ Вж. тукъ по-горе, стр. 140—144. — Може би, въ споменувания въ 12-о по Ламия писмо Романъ Стравороманъ, който се билъ настанилъ въ църковния имотъ въ с. Могила, трѣба да видимъ тъкмо тогавашни бирникъ, когото съ «малка утеха» Теофилактъ успѣлъ да разположи къмъ себе си и да върне имота на църквата.

⁹⁵ Въ писмото до близкия си приятелъ Анема (19-о по Меурсия = 24-о по Ламия), който е заемалъ нѣкоя важна служба въ България (вж. писмо 21-о по Меурсия = 26-о по Ламия: «като казвашъ, че си станалъ съвсемъ варваринъ между българитѣ: сжщо и писмо 33-о Ламия, дето се казва, че Теофилактъ билъ въ съседство съ Анема), архиепископътъ пише: «Но блазѣ ти, че се яви въ нашитѣ мѣста защитникъ отъ злото (ἀλεξίκακος), и то когато тия (мѣстата) се намираха въ отчаяно положение. Лизия би рекълъ, злобата на началницѣтѣ (ἡγεμόνων) достигла до върха си: отъ една страна градостроителтъ (градъ = крепостъ, ὁ καстроκτίστης) събаряше работитѣ на нещастницѣтѣ, а отъ друга — катепантъ (ὁ κατεπάνος) отвѣшаваше дори прѣстѣта» и т. п. (Вж. *Migne*, ib., col. 393 A et 541 A). Обаче въ 24-о по Ламия писмо вм. ὁ κατεπάνος стои ὁ κατὰρχος, която значи «тоя, който притиска», «който души», когато ὁ κατεπάνος (още κατεπάνος нескл.) е високъ чинъ следъ δοῦξ — дука, който сж носили обикновено управителитѣ на отдѣлни области или страни. Коя отъ тия две думи е стояла въ оригиналното писмо на Теофилакта, мжчно е да се установи; но все пакъ като имаме предъ видъ, 1. че въ самото писмо се говори тъкмо за причинителитѣ на отчаяното положение, въ което тогава се намирала България и 2. че при харманитъ, когато се отвѣшало и после прибирано житото и изобщохранитѣ, е препятствувалъ не управителтъ на областта, а главниятъ бирникъ (πράκτωρ) или поне нѣкой отъ фискалнитѣ чиновници, то ние имаме достатъчно основание да приемемъ, че въ оригинала е стояла думата ὁ κατὰρχος, употребена тукъ, очевидно, за да се изрази понятието «потисникъ» и, може би, съ аллюзия на главния бирникъ Иасита, най-заклетия врагъ на Теофилакта и най-жестокотия притѣснителъ на населението. Като считаме по тоя начинъ, че думата ὁ κατεπάνος е попаднала въ нашето писмо по недоразумение, ние не можемъ да видимъ въ нея нѣкое намекване за особенъ български управителъ.

му, дука на Скопие Ивана Таронитъ. До кога, обаче, той е стоялъ начело въ управлението на България, остава засега неизвестно; по съдържанието на 18-о по Ламия писмо за войнишкия наборъ изключаваше всѣко съмнение, че той е заемалъ тая длъжностъ и презъ времето на войната противъ Боемунда Тарентски въ 1107—1108 год. Кой е билъ следъ него дука на България презъ останалата частъ отъ царуването на Алексия I Комнинъ, не може да се установи, защото следъ писмата на Теофилакта се прекратяватъ въ византийскитѣ извори всѣкакви известия за управителитѣ на България. Въ това отношение биха ни помогнали моливдовулитѣ на тия управители, които сж еднички и най-сигурни данни за тѣхъ, и на които въ последно време археолозитѣ обръщатъ особено внимание. Ние можемъ да се надѣваме, че ще се откриятъ такива моливдовули както въ музейнитѣ, тѣй въ частнитѣ сбирки и ще се даде по тоя начинъ възможностъ да се попълни изобщо списъка на българскитѣ управители не само презъ царуването на Алексия I Комнинъ, но и на неговитѣ преемници до освобождението на българитѣ отъ Византия. А че такива моливдовули е имало, най-добре показва известниятъ за сега моливдовуль на Лъва Дримисъ (Λέων Δριμίς), катепанъ на България,⁹⁶ отъ края на епохата на Комниновци или при Ангелитѣ.

*

ПРИТУРКА.

Въ бележка 54 на стр. 158 е казано, че Теофилактовитѣ писма 31-о и 50-о по Меурсия сж адресирани до драчкия дука Вриенния, баща на Никифора Вриенния, зетя на Алексия I Комнинъ. Считаме за необходимо да посочимъ тукъ, на какво се основава това наше твърдение, защото има вече изказани различни имена: 1. че тия писма се отнасятъ къмъ стария Никифора Вриенния, претендента на императорския престолъ и противника на Алексия I⁹⁷ и 2. че както 41-о, тѣй и тия две писма сж адресирани до младия Никифора Вриенния, зетя на Алексия I.⁹⁸

Въ цѣлата известна засега преписка на архиепископъ Теофилакта има само три писма, и то въ сбирката на Меурсия, съ адресъ до Вриенния: 31-о «до Вриенния, свата на императора» (τῷ Βριεννίῳ, τῷ συμπενθέρῳ τοῦ βασιλέως), 41-о «до паниперсеста Вриенния, зетя на императора» (τῷ πανυπερσεβάστῳ Βριεννίῳ τῷ γαμβρῷ τοῦ βασιλέως) и 50-о «до драчкия дука Вриенния» (τῷ δουκὶ Δραχαίου, τῷ Βριεννίῳ).⁹⁹ Не подлежи на никак-

⁹⁶ Вж. *V. Laurent*, п. т., стр. 611—614. — *N. Bănescu*, п. т., стр. 62. — *В. И. Златарски*, Устройство Болгарии и пр. п. т., стр. 54, прим. 25.

⁹⁷ *В. Г. Васильевскій*, каз. рецензия, п. т., стр. 322—324.

⁹⁸ *Митр. Симеонъ*, п. т., стр. 111—112 и 148—149.

⁹⁹ *Migne*, ib., col. 428 A; 441 D; 468 A. — У митр. Симеона, п. т., стр. 109, 125 и 148.

во съмнение, че второто (41-о) отъ тия писма е било адресирано до кесаря и паниперсевастъ Никифора Вриенния, мъжа на Анна Комнина и зетя на Алексия I; това се доказва както отъ надписа на писмото, тъй и отъ съдържанието на самото писмо.¹⁰⁰ Отъ Анна знаемъ, че нейниятъ мъжъ, кесарь Никифоръ Вриенний, билъ внукъ на известния византийски пълководецъ и държавенъ мъжъ, Никифора Вриенний, съперника на императоръ Никифора Вотаниатъ,¹⁰¹ а отъ запискитъ на Никифора Вриенния-внукъ узнаваме, че стариятъ Никифоръ Вриенний, наистина, ималъ синъ, *пагриций Вриенний*, който въ 1078 год., когато баща му вдигналъ бунтъ противъ Никифора Вотаниатъ и се прогласилъ за императоръ, току що билъ излѣзълъ отъ момчешката възраст, билъ буенъ и храбъръ *μεγαλίων*, т. е. юноша, младежъ между 17—20 год.,¹⁰² и тогава той се отличилъ съ това, че пръвъ по единъ много смѣлъ начинъ се изкачилъ върху стенитъ на гр. Траянополь (сег. Еносъ) и принудилъ жителитъ му да признаятъ баща му за императоръ.¹⁰³ Следъ катастрофата и ослѣпяването на баща му той заедно съ чича си Ивана Вриенния се установилъ въ Одринъ, дето спокойно, както изглежда, е проживявалъ. Отново той изпжква на сцената презъ 1092 год. при защитата на обсадения отъ лъже-Диогена и куманитъ Одринъ. Анна, отъ която узнаваме, че той носилъ сѣщо така име Никифоръ, при това прибавя, че «и той самъ, следъ като дигналъ бунтъ, билъ лишенъ отъ очитъ». ¹⁰⁴ Но какъ трѣба да разбираме това изречение: въ смисълъ ли, че той билъ ослѣпенъ заедно съ баща си, задето участвувалъ въ неговия бунтъ, или пъкъ по-

¹⁰⁰ Че титлата *πανυπερσεβαστος* Никифоръ Вриенний получилъ не въ 1108 год., както би могло да се заключи отъ думитъ на самата Анна (вж. lib. XIII, cap. 11, II, p. 208, 30—32), а преди 1105 год., вж. В. Г. Васильевскій, *каз. рец.*, п. т., стр. 322 и особено у митр. Симеона, п. т., стр. 131. — Ние обаче не можемъ да се съгласимъ съ предположението на Васильевски, какво писмо 41-о, въпрѣки надписа му, могло е да бже писано не до паниперсевастъ Вриенния, а до другъ, защото имало и другъ паниперсевастъ, именно, Михайлъ Таронитъ, защото въ нашето (41-о) писмо Теофилактъ се обръща къмъ своя адресатъ като къмъ кесарь (*Migne, ib., col. 448 A: μάλιστα τῆς βασιλείας σου δέομαι*). Ср. писмо 12-о по Меурсия (*ibid., col. 380 B*), 5-о и 9-о по Ламия (*ibid., col. 512 C, 517 D et 520 A*), които сж адресирани до кесарь Никифора Мелисинъ), а кесарь паниперсевастъ е билъ само Никифоръ Вриенний — внукъ, когато паниперсевастъ Михайлъ Таронитъ никога не е билъ кесарь; освенъ това Теофилактъ не е могълъ да пише писмо съ такова съдържание до Михаила Таронитъ, отъ когото не е видѣлъ никаква добрина и който е държалъ страната на неговитъ противници.

¹⁰¹ *Anna*, lib. VII, cap. 2, *ib., I*, p. 230, 27—30: ὁ γὰρ Καῖσαρ οὗτος τοῦ μὲν Ἀλεξίου ἤδη τὰ Ῥωμαίων διέποντος σκῆπτρα γαμβρὸς ἐγένονε, τοῦ δε Βουεννίου ἐκείνου ἀπόγονος. — Само *Zonaras*, ed. Dindorfii, IV, p. 240, 14—21, погрѣшно твърди, че Никифоръ Вриенний, мъжътъ на Анна, билъ по-големия отъ синоветъ на Вриенния дѣдо.

¹⁰² *N. Bryennius*, ed. Bon., p. 112, 1—3: ὁ τοῦ βασιλεῦστος ἤδη Νικηφόρου υἱὸς ὁ πατρικιὸς Βουέννιος, ἀρτι τὴν παιδικὴν ἡλικίαν ὑπερελάσας καὶ μεγαλίων ὢν θυμοειδὲς καὶ γενναῖον.

¹⁰³ *Ibidem*, p. 112, 7—113, 9.

¹⁰⁴ *Anna*, lib. X, cap. 2, *ib., II*, p. 62, 10—12: Νικήφορος ὁ υἱὸς τοῦ πάλαι τυράννησαντος Βουεννίου, καὶ αὐτὸς τυραννίης καὶ τῶν ὀφθαλμῶν στερηθεὶς.

сетне той самъ билъ така също вдигналъ бунтъ, неизвестно противъ кого, и затова билъ лишенъ отъ очитѣ? Ако приемемъ първото за фактъ, то въ такъвъ случай остава съвсемъ неумѣстно твърдението на самата Анна, че тогава, въ 1092 год., «всичката властъ въ Одринъ се намирала въ него» (Никифора Вриенния-синъ) и че той наредилъ дори излазъ отъ града на храбри войници противъ куманитѣ.¹⁰⁵ Ако въ даденото време Никифоръ Вриенний-синъ е билъ слѣпъ, то едвали Алексий I би му повѣрилъ такава голѣма длъжностъ, а той би могълъ да играе такава важна роля въ Одринъ презъ ония тежки и дори критични моменти, които тогава преживявали одринци. Ако пъкъ приемемъ второто положение въ горната алтернатива, т. е. че Вриенний-синъ билъ участвувалъ по-късно въ нѣкое съзаклятие или бунтъ, за което билъ лишенъ отъ очитѣ, то Анна, която съобщава най-акуратно за всѣки бунтъ и съзаклятие, би споменала непременно за това, а пъкъ тя нийде по-нататъкъ въ своята история и името му дори не споменува; да е станало подобно нѣщо при Ивана Комнинъ, сина и преемника на Алексия I, не съобщаватъ нито Никита Акоминатъ, нито Иванъ Киннамъ. Направенитѣ тукъ разяснения изключватъ всѣко съмнение, че Никифоръ Вриенний-синъ въ 1092 год., а следов. и въ следнитѣ години е билъ живъ и здравъ и че въпросното изречение у Анна остава безъ всѣко значение като противоречиво на самата ней. Следъ женидбата на сина му за Анна Комнина Никифоръ Вриенний-синъ, като «сватъ на императора», се издигналъ отново и билъ назначенъ за дука-управителъ на драчката областъ, както това ще потвърди и съдържанието на 31-о писмо на Теофилакта, отправено до него.

Преди да пише това писмо, Теофилактъ ималъ лична срѣща съ Никифора Вриенния-синъ и се е ползувалъ отъ неговата благосклонностъ, и затова той почва писмото си съ тия думи: «Откакъ вкусихъ за пръвъ пътъ отъ меда на твоята благостъ, великосвѣтлий мой господарю, неговиятъ вкусъ остана въ устата на сърдцето ми и, като възпроизвеждамъ сладкия му вкусъ, не мога да не си спомня за висотата на твоето величество. Затова всѣкога копнѣя да се разговарямъ съ тебе. Но, понеже азъ, злочестиятъ въ любовта си, нѣма какъ да разхлада копнежа си (защото ми прѣчи разстоянието), измислямъ да го охлаждавамъ съ писма и чрезъ това срѣдство се срѣщамъ съ тебе и ти отправямъ подобаващитѣ приветствия.» По-нататъкъ, като му пожелава душевно и тѣлесно здраве и успѣхъ въ всѣко начинание, Теофилактъ очаквалъ да чуе за него само това, което е угодно на Бога, пристойно за него самия и отъ архиепископа желателно, а именно: «почести къмъ свещеницитѣ, като къмъ бащи, успокоение на народа и връщане отъ чужбина, както когато бѣ дошълъ освободителтъ, покорение на варварски страни,

¹⁰⁵ *Ibidem*, cap. 3, ib., II, p. 65, 24—28: ἐν ἐκείνῳ γὰρ ἡ πᾶσα ἐξουσία τῆς Ἀδριανουπόλεως ἦν.

които да придобиватъ доброта съ доброта, а не съ копие. Защото копието подбужда къмъ бѣгство, а добротата е едничкиятъ залогъ за любовъ, поддържанъ съ рѣка».¹⁰⁶

Начертавайки тия бѣдещи очаквания, Теофилактъ чрезъ това вече посочва, че адресатътъ му наскоро преди това е постѣпилъ на нова служба, която ще да е била висока, самостоятелна и съ широка властъ. Но да разберемъ смисъла на тия очаквания, необходимо се явява да знаемъ, де и каква длѣжностъ е заемалъ тоя царски сватъ; въ това ще ни помогнатъ по-нататъшнитѣ думи на Теофилакта. «Дано, продължава той, мѣлвата да ни носи всѣкога това и повече отъ него, а ние да го разгласяме съ велегластнитѣ уста на словото, като се радваме на твоитѣ правилни действия и се веселимъ заедно съ благодетелствуванитѣ, та, като гледаме безъ завистъ, че съседитѣ ни сѣ благодати, да бѣдемъ и ние честити. Защото нашитѣ работи сѣ твърде печални.»¹⁰⁷ Преди всичко отъ тия думи ясно личи, че адресатътъ живѣелъ въ областъ, съседна на Теофилактовата—охридската, а тя не е могла да бѣде друга освенъ драчката областъ,¹⁰⁷ а пѣкъ широката властъ, съ която била свързана очакваната отъ негова страна обширна дейностъ право сочи, че той е заемалъ длѣжността на дука-управителъ на сѣщата областъ. Но допустимо ли е такова заключение, когато е общоприето, че Иванъ Комнинъ, синътъ на севастократора, е билъ драчки дука непрекъснато отъ 1090 до 1107 год.¹⁰⁸

Това мнение се основава на следното известие на Анна Комнина. Като разказва за разпоредбитѣ на Алексия I Комнинъ следъ пристигането му въ Солунъ (септемврий 1105 год.), за да се приготви да посрѣщне очакваното нападение на Боемунда Тарентски, а именно, за назначението на Алексия, втория синъ на севастократоръ Исаака, за драчки военачалникъ (ἡγεμόνα), а отпосле и за драчки дука, за образуването на голѣма и силна флота отъ всички приморски области на империята заедно съ венициански кораби за охрана на Драчъ и изобщо на адриатическия брѣгъ откъмъ морето и за даденитѣ отъ императора инструкции, Анна по-нататѣкъ пише: «И тъй, като направилъ тия твърде умѣстни разпоредби и се вдигналъ оттамъ (отъ Солунъ), той (императорътъ) дохожда въ Струмица, а оттамъ пѣкъ до Слѣпимъ. Като се научилъ и за поражението на Ивана, сина на севастократора, който билъ изпратенъ по-рано противъ далматитѣ (сърбитѣ), той, като доставилъ войска, изпраща (я) на помощъ. А пѣкъ Вълканъ, бидейки всѣкога най-лукавъ, моли императора за миръ и изпраща поисканитѣ заложници. Следъ като

¹⁰⁶ *Migne, ib., col. 428 B.* — У митр. Симеона, п. т., стр. 110.

¹⁰⁷ Това приемаатъ и В. Г. Васильевски, каз. рец., п. т., стр. 322—323, и митр. Симеонъ, п. т., стр. 110—111.

¹⁰⁸ Вж. В. Г. Васильевскій, п. т., стр. 157. — *F. Chalandon*, п. т., стр. 239. — Митр. Симеонъ, п. т., стр. 185.

прекаралъ напрегнато въ течение на една година и два месеца, той, по-неже се бѣ убедилъ, че Боемундъ все още се бавилъ въ лангобардскитѣ страни, съ настѣпването на зимата, разпусналъ войницитѣ по домоветѣ имъ, а самъ потеглилъ за Солунъ.» По пѣтя за тоя градъ той дошълъ въ Валависта (българ. Валовище, тур. Демиръ-хисаръ), дето отпразднувалъ деня на св. Димитра, солунски великомъченикъ (26. октомврий), и оттамъ заминалъ за Цариградъ, дето стигналъ къмъ началото на м. ноемврий 1106 г.¹⁰⁹

Подчертаното тукъ известие стои съвсемъ изолирано отъ другото съдържание на гл. 4 отъ кн. XII въ историята на Анна, нито пъкъ може да се свърже съ това, което по-рано се разказва: Анна нийде другаде не споменува нито за нѣкакво второ изпращане на Ивана Комнинъ противъ сърбитѣ, нито за нѣкое второ негово поражение отъ тѣхъ, нито пъкъ за нѣкакъвъ новъ походъ на Алексия I противъ сърбитѣ, освенъ за ония презъ 1091, 1093 и 1094 гг., за които тя разказва въ кн. VIII, гл. 7 и кн. IX, гл. 1, 4, 5 и 10.¹¹⁰ Тая изолираностъ на горното известие

¹⁰⁹ *Anna*, lib. XII, cap. 4, II, p. 154/32–155/17. – *F. Chalandon*, п. т., стр. 239, и бел. 8, неизвестно защо поставя деня на св. Димитра на 25. януарий и поради това твърди, че императорътъ се върналъ въ столицата презъ февруарий 1107 г., което не е вѣрно, защото, споредъ Анна, Алексий I останалъ на западъ въ българскитѣ земи 1 година и 2 месеца, което напълно отговаря на периода отъ септемврий 1105 год. до началото на ноемврий 1106 год.

¹¹⁰ Въ практикона на мѣнастиря Богородица Елеуса при с. Велюша или Велюса, с.-з. отъ гр. Струмица, отъ юлий 1152 г. се казва, че когато Алексий I Комнинъ дошълъ въ τὸ θέμα τῆς Στρουμίτζης, ὅτε κατὰ τῶν Σέρβων ἐξῆλθε, посетилъ и тоя мѣнастирь и направилъ известни дарения, за които издалъ и нужната грамота (вж. *L. Petit*, *Le Monastère de Notre-Dame de Pitié*. Изв. Рус. Арх. Ин-та, кн. VI (1900), стр. 34_{18–19}). *L. Petit* дава къмъ горното изречение следнитѣ обяснения: »Il s'agit sans doute ici de l'expédition dirigée par Alexis en personne contre Durazzo. En septembre 1105, l'empereur est à Thessalonique. *Murali*, p. 101; l'année suivante, au mois de juin, il y rentre victorieux, après avoir pris Durazzo et forcé Volk à demander la paix; *ibid.*, p. 102. Au retour, il passe par Stroumitsa (*ibid.*); il a dû suivre, à l'aller, le même itinéraire. C'est donc probablement à l'automne 1105 qu'il faut placer la visite d'Alexis au monastère» (*L. Petit*, *ibid.*, p. 61). Отъ даденитѣ тукъ цитати се види, че *L. Petit* е написалъ своитѣ обяснения възъ основа на данни, почерпани изключително отъ хронологията на *Муралта*, обаче въ тѣхъ нѣма нищо вѣрно. Преди всичко въ 1106 г. Алексий I не е предприемалъ никакъвъ походъ лично противъ Драчъ, нито го е превземалъ, защото въ тая година той се е намиралъ въ византийски рѣце, нито е влизълъ въ Солунъ като победителъ; сѣщо така презъ тая година той не е принуждавалъ сръбския жупанъ Вълкана да иска миръ, защото такъвъ билъ сключенъ още въ 1094 г. и били дадени отъ сърбитѣ заложници (вж. тукъ по-долу); наистина, презъ септемврий 1105 г. императорътъ дошълъ въ Солунъ и изобщо споходилъ западнитѣ области на империята, но неговата цель, както видѣхме, била съвсемъ друга. Въ следната година той дошълъ и въ Струмица и тогава ще е споходилъ и мѣнастиря Богородица Елеуса, както това показва и издадената отъ него на мѣнастиря презъ августъ грамота (*L. Petit*, *ib.*, p. 28–30). Отъ тия пояснения става явно, че подъ израза ὅτε κατὰ τῶν Σέρβων ἐξῆλθε трѣба да се разбира походътъ на Алексия I не презъ 1106 г., защото такъвъ тогава е нѣмало, а презъ 1094 г., когато той така сѣщо посетилъ сѣщия мѣнастирь и е издалъ споменуваната въ практикона отъ 1152 год. грамота.

може да се обясни само съ това, че, завършвайки разказа си за дейността на императора по укрепяването западните граници на империята и осигуряването защитата на Драчъ, Анна, очевидно, поискала да изтъкне, че въ даденото време, въ 1106 год., отношенията на императора къмъ сърбитѣ били мирни, и затова тя намѣрила да добре да спомене за събитията, които сж докарали тия мирни отношения, а именно, за страшното поражение на тогавашния драчки дука Ивана Комнинъ при Звечанъ отъ сръбския жупанъ Вълкана, следъ което той избѣгаль въ Цариградъ и за предизвикания по тоя случай походъ на Алексия I въ 1094 год. противъ сърбитѣ; тоя походъ, обаче, се свършилъ съ това, че, когато императорътъ стигналь въ Липенионъ (сег. Липлянъ), Вълканъ се явилъ при него съ покорна глава, сключилъ миръ и далъ двадесетъ заложници, между които се намирали неговитѣ братанци, Урошъ и Стефанъ Вълканъ.¹¹¹ За нарушението на тоя миръ отъ страна на сръбския жупанъ презъ времето отъ 1094 до 1106 г. Анна нищо не споменува.

Но въ въпросното известие има още една особеностъ: тамъ Анна дава само името на севастократовия синъ, но не и длъжността, която той е заемалъ въ това време (1106 г.), нито споменува, че братъ му Алексий билъ назначенъ вмѣсто него, както тя обикновено съобщава, а това показва, че Иванъ Комнинъ не е билъ вече драчки дука не само презъ 1106 год., на и по-рано. Но отъ кога? Последенъ пжтъ Анна го нарича съ тая титла тамъ, дето тя разказва, какъ билъ излѣзълъ на адриатическия брѣгъ при Драчъ Хуго, графъ Вермандуа и братъ на френския кралъ Филипа I, единъ отъ виднитѣ водачи на кръстоносцитѣ отъ първия походъ, и какъ билъ приетъ той съ голѣми почести отъ Ивана Комнинъ, но че последниятъ го задържалъ при себе си подъ надзоръ, докато императорътъ, предизвестенъ своевременно за пристигане на графа, изпратилъ известния тогава добъръ византийски пълководецъ Мануила Вутумитъ да го отведе презъ Пловдивъ въ Цариградъ, ако не като пленникъ, то като многоваженъ заложникъ, защото, макаръ и въ Цариградъ графътъ да билъ приетъ сжщо така любезно и блѣскаво, все пакъ той не се ползувалъ съ пълна свобода и се намиралъ подъ надзоръ.¹¹² Всичко това станало скоро известно на другитѣ кръстоносни водачи и ги силно сърдило противъ императора.¹¹³ Следъ това Анна нийде вече не говори за Ивана Комнинъ освенъ въ приведеното по-годе известие, което не е нищо друго, както видѣхме, освенъ едно припомняне за събитията отъ 1094 г., а това ясно показва, че наскоро следъ преминаването на първитѣ кръстоносци презъ Балканския полуостровъ и изпращането имъ въ Мала Азия презъ 1097 год. Иванъ Комнинъ престаналь да бѣде драчки дука,

¹¹¹ *Anna*, lib. IX, cap. 4-5, II, p. 38, 39-24; cap. 10, ib., p. 53, 14-30.

¹¹² *Anna*, lib. X, cap. 7, ib., II, p. 79, 16-81, 10.

¹¹³ *Willelmi Tyrensis, Historia etc.* ed. Bongars, p. 653, 67-654, 9.

и че неговото уволнение отъ тая длъжностъ, както и онова на Никита Карики, дука на България, ще трѣба да се свърже съ неговата враждебна и оскърбителна постѣпка съ графа Вермандуа. Трѣба да се предполага, че когато Годфридъ Лотарингски и Боемундъ Тарентски се съгласили следъ дълги преговори да дадатъ ленна клетва на Алексия I Комнинъ, между условията било поставено, щото като удовлетворение за оскърблението на такава важна и знатна личностъ, какъвто е билъ графъ Хуго Вермандуа, да бѣде уволненъ тогавашниятъ управителъ на Драчъ. Тогава, и то не по-късно отъ 1098 год., билъ отстраненъ Иванъ Комнинъ, синътъ на севастократоръ Исаака, отъ длъжността драчки дука, на което не по-малко е повлияло и неговото жестоко поражение отъ сърбитѣ въ 1094 г.,¹¹⁴ тогава или по-късно билъ назначенъ Никифоръ

¹¹⁴ За Ивана Комнинъ като драчки дука споменува и Теофилактъ въ писмото си «до деспина Госпожа Мария», т. е. до жената на Михаила VII Дука, а следъ свалянето му и на Никифора Вотаниатъ. Въ това писмо се казва, че когато на връщане отъ Никомидия, «където го тласнали вълнитѣ на неговитѣ злочестини», Теофилактъ поискалъ да излѣзе на о-въ Принкипо, за да посети экс-царица Мария, която била тамъ изпратена на заточение, това не му позволилъ «севастътъ и преторътъ на Драчъ, комуто било възложено да нагледва и управля работитѣ му», и затова го придружавалъ презъ времето на пътуването му (вж. писмо 1-о по Ламия, *Migne, ib., col. 504 A.* — У митр. Симеона, п. т., стр. 181). Митр. Симеонъ, който въ «севаста и претора на Драчъ» правилно вижда Ивана Комнинъ (п. т., стр. 185–186), опирайки се, вѣроятно, на мнението, че Иванъ Комнинъ билъ драчки дука до 1107 год., не се съгласява съ изказаното отъ *K. Roth*, (*Studie zu den Briefen des Theophylactos Bulgarus. Program. des K. Gymnasiums Ludwigshafen a. R., 1900; S. 1–22*) мнение, че както заточението на царица Мария на о-въ Принкипо, тъй и пътуването на Теофилакта въ Никомидия и връщането му оттамъ, а оттука и писмото му до царицата се отнасятъ къмъ 1094 год., и поставя едното и другото въ 1106–1107 год. Обаче това последното едва ли може да се приеме, и то възъ основа на следнитѣ съображения: 1. презъ 1106 год. Алексий I се е намиралъ не въ Никомидия, а въ Солунъ и нѣкой български градове (Струмица, Валовище и др.); въ Никомидия той билъ презъ 1095 год., когато, следъ като въдворилъ миръ на Балканския полуостровъ, той обърналъ всичкото си внимание къмъ източната граница, която турцитѣ силно бѣха стѣснили (*Anna, lib. X, cap. 5; II, p. 72/27–73/16*); 2. въ 1106 год. Иванъ Комнинъ не е билъ вече драчки дука, защото въ тая година, както видѣхъма, за такъвъ билъ назначенъ отъ императора братъ му Алексий; 3. изразътъ на Теофилакта въ въпросното писмо: «има толкова време» (откакъ архиепископътъ дошълъ въ Охридъ), което митр. Симеонъ опредѣля отъ 1092 до 1094 г. и го счита за твърде малко, не е толкова необяснимъ, защото Теофилактъ дошълъ въ България въ 1091 год., а пътуването му за Никомидия, както ще видимъ, се отнася къмъ 1095 год. или Теофилактъ билъ вече прекаралъ 4 години въ Охридъ, които му сж били достатъчни, за да се запознае и да изучи положението на работитѣ въ България, а презъ това време интригитѣ и клеветитѣ противъ него да се създадатъ, и 4. твърде правдоподобно е, че заточението на царица Мария трѣба да се свърже съ заговора на Никифора Диогена, както това прокарва *K. Roth*; тоя заговоръ билъ окончателно разкритъ, и участницитѣ въ него били наказани презъ времето на похода противъ сърбитѣ въ 1094 год. (въ края на юний); императорътъ се върналъ въ Цариградъ презъ втората половина на сжщата година, следов. Мария е била изпратена на о-въ Принкипо въ края на 1094 или въ началото на 1095 год., а оттука пътуването на Теофилакта за Никомидия и връщането му оттамъ е могло да стане само презъ 1095 год., когато Иванъ Комнинъ, наистина, е билъ още драчки дука.

Вриенний-синъ, баща на Никифора Вриенния-внукъ и сватъ на императора, може би, подъ влиянието на женидбата на сина му съ дъщерята на Алексия I. Най-сетне, че Никифоръ Вриенний-синъ билъ драчки дука, показва и надписътъ на 50-о по Меурсия писмо, което по никой начинъ не могло да бжде адресирано нито до стария и слѣпия Никифора Вриенния-дѣдо, който е билъ драчки дука въ 1075 год., нито до неговия едновременно внукъ, защото той никога не е билъ такъвъ.

При такива изводи вече не е мжчно да се обясни смисълътъ на начертанитѣ отъ Теофилакта къмъ Вриенния-синъ очаквания, а именно: 1. «почести къмъ свещеницѣтѣ, като къмъ бащи», т. е. да почита духовнитѣ лица и да зачита тѣхнитѣ права, тъймо това, което въ България не съществувало; 2. «успокоение на народа и връщане отъ чужбина, както когато билъ дошълъ освободителътъ», т. е. да успокои мѣстното население следъ станалитѣ нападения на сърбитѣ както въ драчката област, тъй и въ българскитѣ земи (днеш. Македония) и следъ преминаването на първитѣ кръстоносци и да повърне въ живелищата имъ всички избѣгали или отведени отъ прикрепеното население презъ времето на войнитѣ съ сърбитѣ тъй, както това станало отчасти въ 1094 год., когато следъ пристигането на освободителя — Алексия I въ Липлянъ по сключения съ Вълкана миръ една частъ отъ тия бѣглеци били върнати въ земитѣ на господаритѣ си, и 3. «покорение на варварски страни», т. е. да покори и сръбскитѣ земи подъ византийска власт, защото за Теофилакта не само българитѣ, но и всички славяни били «варвари», като при това съветва, това покорение да става не чрезъ война, както е било дотогава, а съ добри и мирни обноси, или съ други думи, да става културно покорение, защото войната подбужда народа, т. е. работното население да бѣга, да се изселва отъ земитѣ на господаритѣ, и защото «добротата е едничкъ залогъ на любовъ, поддържанъ съ помощта на ржката», т. е. съ силата на властта.

Разгледаното тукъ писмо Теофилактъ ще да е изпратилъ до Вриенния-синъ следъ заминаването на Никифора Вриенния-внукъ отъ България, т. е. следъ 1100 год., защото по-нататкъ въ писмото си пише, че неговитѣ работи били твърде печални (τὰ ἡμέτερα καὶ λίαν ἔχει πικρῶς); но за тѣхъ той нищо не споменува, а му съобщава, че, ако Вриенний пожелае поради благосклонността си къмъ архиепископа да ги узнае, то приносительтъ на писмото — Теофилактовъ ученикъ, който е посветенъ въ тия работи и добре ги познава, ще може да му разкаже; но и при все това работитѣ на архиепископа не ще да сж станали толкова лоши, защото той пише: «а ние, бичувани отъ Отца, отъ Него ще очакваме и утеха, защото Той се нарича и Отецъ на всѣка утеха» (2 Кор. 1, 3), а това иде да потвърди, че писмото било писано вече следъ назначението на Ивана Таронитѣ за дука-управителъ на България, т. е. следъ 1100 год. Очевидно, следъ заминаването на Никифора Вриенния-внукъ отъ Бълга-

рия, Теофилактъ съ 31-о писмо е искалъ да намѣри въ лицето на драчкия дука Вриенния-синъ, свой покровителъ и защитникъ, като влиятелно лице предъ императора, въ борбата си съ финансовитѣ-чиновници въ България, защото Иванъ Таронитъ държалъ тѣхната страна.

Що се отнася до 50-о писмо, което било адресирано, както се каза, също до Вриенния-синъ, то съдържанието му иде да подкрепи това, защото то се намира въ връзка съ 31-о писмо. Макаръ то да говори само за изпращането на единъ армаганъ отъ десетъ риби, вѣроятно охридска пѣстърва, отъ името на св. Богородица, на която е посветена архиепископската църква (сега св. Климентъ) въ Охридъ, все пакъ тоя армаганъ е билъ изразъ на радостъ и благодарностъ отъ страна на архиепископа къмъ драчкия дука Никифора Вриенния-синъ, задето последниятъ живѣлъ по «здравия разумъ» и «водѣлъ добъръ животъ» по отношение къмъ всички хора, и особено къмъ «сѣсловieto и чина на служителитѣ божии», или, съ други думи, Теофилактъ се убедилъ, че Никифоръ Вриенний оправдалъ неговитѣ очаквания, изказани въ първото (31-о) писмо, а оттука ясно става, че 50-о писмо е писано следъ 31-о, т. е. много време следъ 1100 год.

Дали назначениятъ въ 1106 г. за драчки дука Алексий Комнинъ, вториятъ синъ на севастократоръ Исаака, е билъ непосреденъ преемникъ на Никифора Вриенния-синъ, или е имало още нѣкой другъ между тѣхъ, засега остава неизвестно.

BYZANTINISCHE STELLVERTRETENDE VERWALTER IN BULGARIEN WÄHREND DER REGIERUNG DES ALEXIOS I. KOMNENOS.

(Résumé.)

Auf Grund der Korrespondenz des bulgarischen Erzbischofs Theophylactos von Achrida (1091—1108), herausgegeben in den drei Sammlungen von B. FINETTI, J. MEURSIUS und J. LAMI (MIGNE, Patrologia gr. t. 126, col. 307—558), und anderen Quellen stellt der Verfasser des obigen Artikels fest, daß während der Regierung des byzantinischen Kaisers Alexios I. Komnenos (1081—1118) und nach der Ernennung Alexander Kabasilas von Nikephoros Botaniates als dux von Skopije, folgende stellvertretende Verwalter von Bulgarien tätig seien:

1. *Ioannes Dukas*, Schwager von Alexios I. Komnenos, Bruder der Kaiserin Irina und Enkel des Bulgaren Trojan, des Sohnes des bulgarischen Zaren Iwan Vladislav (1015—1018); er verwaltete in den Jahren 1090 bis 1092 (v. Epist. N° 4. et 12. apud Lami).

2. Auf Grund der Angaben aus den Berichten Albert von Aachen und Wilhelm von Tyrus, die den ersten Kreuzzug (1096) beschrieben haben, wird festgestellt, daß der nächste stellvertretende Verwalter von Bulgarien (dux,

princeps Bulgarorum, praeses ciuitatis Belegraue) *proedros Niketas Karike* gewesen ist, dessen Residenzstadt im Jahre 1096 Belgrad war; dieses wird auch aus einem seiner molybdobulon mit der Inschrift: Γραφῶν-σφραγὶς τοῦ δουκὸς Βουλγαρίας τοῦ προέδρου Νικήτας Καρικῆ, d. h. »Briefstempel des bulgarischen dux Niketas Karike« bestätigt (V. LAURENT, Bulletin de sigillographie byzantine. Byzantion V [1929—1930], fasc. II, p. 590—592).

3. Sein unmittelbarer Nachfolger ist *Nikephoros Bryennios* gewesen, Schwiegersohn von Alexios I. Komnenos — der spätere Kaiser — Gatte der Schriftstellerin Anna Komnena und Enkel des älteren Nikephoros Bryennios, des Prätendenten für den Kaiserthron und Nikephoros Botaniates Nebenbuhler; er hat ungefähr in den Jahren 1097/98 bis 1100/1101 verwaltet (v. Epist. Nr. Nr. 6 et 24 apud Meursium).

4. Sein ebenfalls unmittelbarer Nachfolger ist *Joannes Taronites* gewesen, Sohn des Michael Taronites — Alexios I. Komnenos Schwiegersohn — und Neffe des Gregorios Taronites, des dux — Verwalters von Trapezunt; er hat als dux von Skopije in den Jahren 1100/1101 bis 1105/1106 verwaltet. Seine Verwaltung sei aber für den Erzbischof Theophylactos am schwersten gewesen, da Joannes Taronites auf der Seite seiner Widersacher, der Steuerbeamten, festhielt.

5. Auf Grund des 68. Briefes apud Meursium, welcher Brief „an den sebastos und dux von Berroja, Herrn Konstantinos, den Sohn des sebastocrators (τῷ σεβαστῷ καὶ δουκὶ Βεῤῥδοίας κυρίῳ Κωνσταντίνῳ, τῷ υἱῷ τοῦ σεβαστοκρατόρος) gerichtet wurde, geht hervor, daß der jüngere Sohn des sebastocrators Isaak, älterer Bruder von Alexios I. Komnenos, *Konstantinos Komnenos*, ein dux der Stadt-Festung Berroja (jetzt Ber oder Karapherija) gewesen ist. Solch eine Festung Berroja ist jedoch weder im XI., noch in den anderen Jahrhunderten als Zentrum eines abgesonderten Verwaltungsgebietes oder thema bekannt. Infolgedessen konnte ihr Militärverwalter in keinem Fall die hohe Auszeichnung tragen, die der Titel dux darstellte. Daraus geht hervor, daß, wenn Konstantinos Komnenos wirklich mit dem Titel δουξ ausgezeichnet sei, so müßte er eine wichtigere Stellung, dem Range nach, gehabt haben und mit größerer Macht bekleidet sein als ein lokaler archon oder strategos. Da sich aber die Festung Berroja auf bulgarischem Lande (im heutigen Südmazedonien) befand, bleibt außer jedem Zweifel, daß *Konstantinos Komnenos eben ein Verwalter von Bulgarien gewesen ist* und daß er dux von Berroja nur deshalb genannt wurde, da er gerade diese Festung als seine Residenz gewählt hatte, genau so auch seine Vorgänger in verschiedenen bulgarischen Städten wohnten und gleichzeitig Bulgariens Verwalter waren (s. В. Н. ЗЛАТАРСКИ, Устройство Болгарии и положение болгарскаго народа въ первое время послѣ покорения ихъ Василиемъ II Болгаробойцею. Seminarium Kondakovianum, IV [1931], S. 52—57). Daß Konstantinos Komnenos ein so hohes Verwaltungsamt in Bulgarien inne hatte, beweist der

Verfasser durch eine Analyse des Inhaltes sowohl des 68. Briefes apud Meursium, wie auch der Briefe 7, 8, 16, 17, 18 und 20 apud Lami, welche Briefe, seiner Meinung nach, an Konstantinos und nicht an seinen älteren Bruder, den ehemaligen dux von Dyrrachion, Joannes Komnenos gerichtet seien, wie im allgemeinen angenommen wird und zwar nur weil in der Überschrift eines dieser Briefe (des 7. Briefes) „sebast Joannes“ steht. Konstantinos Komnenos ist der unmittelbare Nachfolger von Joannes Taronites gewesen; wie lange er aber als Verwalter von Bulgarien tätig war, bleibt vorläufig unbekannt; aus dem Inhalt des 18. Briefes apud Lami geht jedoch klar hervor, daß er dieses Amt auch während des Krieges gegen Boemund von Tarent in den Jahren 1107—1108 bekleidete.

Wer der nächste dux-Verwalter von Bulgarien in der übrigen Zeit der Regierung Alexios I. Komnenos gewesen ist, konnte der Verfasser nicht feststellen, da mit Theophylaktos Briefen jede weitere Auskunft über die Verwalter von Bulgarien in den byzantinischen Quellen versiegt. In dieser Beziehung könnte uns nur die molybdobula dieser Verwalter Aufklärung schaffen, da sie die einzig sichersten Angaben darüber enthalten. Der Verfasser drückt seine Hoffnung aus, daß solche molybdobula sowohl in den Museen, wie auch in den Privatsammlungen entdeckt werden könnten und daß uns dadurch die Möglichkeit gegeben wird, das Verzeichnis der bulgarischen Verwalter nicht nur während der Regierung Alexios I. Komnenos, sondern auch bei seinen Nachfolgern bis zur Befreiung Bulgariens von der Herrschaft der Byzanz festzustellen. Daß solche molybdobula wirklich vorhanden waren, zeigt am deutlichsten das uns bis jetzt allein bekannte molybdobulon von *Leo Dri-mys*, Bulgariens katepanos aus der Endzeit der Komnenos oder aus der Zeit der *Angelos*.

In der Beilage beweist der Verfasser, daß die Briefe 31, „an Bryennios, den Verschwägerten des Kaisers“ und 50, „an den dux Dyrrachion“ (apud Meursius) — in Bezug auf welche Briefe die Meinung geäußert wurde: 1. daß sie sich an den älteren Nikephoros Bryennios, den Thronprätendenten und Alexios I. Komnenos Gegner beziehen und 2. daß diese zwei Briefe, wie auch der 41. Brief, an den jüngeren Nikephoros Bryennios, Alexios I. Komnenos Schwiegersohn gerichtet seien — an Nikephoros Bryennios, den Sohn des älteren Nikephoros Bryennios und Vater des jüngeren, Alexios I. Schwiegersohn geschrieben sind. Auf diese Weise unterscheidet der Verfasser drei Nikephoros Bryennios: Großvater, Sohn und Enkel, von denen Nikephoros Bryennios-Sohn der Verschwägte des Kaisers und dux von Dyrrachion um, oder bald nach dem Jahre 1100 gewesen ist. Ob der im Jahre 1106 als dux von Dyrrachion ernannte Alexios Komnenos, der zweite Sohn des Sebastokrators Isaak, sein unmittelbarer Nachfolger war, oder daß dazwischen noch ein anderer Verwalter tätig gewesen ist, bleibt vorläufig unbekannt.

О ТКАНЯХ ДО-МОНГОЛЬСКОЙ РУСИ.

Вопрос о тканях древнейшего периода русской истории труден и мало исследован. Настоящий очерк ставит своею целью, насколько возможно, осветить основные стороны этого вопроса, пользуясь как уцелевшими вещевыми фрагментами древнейших тканей, так и показаниями литературных памятников того времени.

Сведения о тканях, бытовавших в эпоху до-монгольской Руси удобнее всего рассмотреть, распределив их на три группы: 1. о тканях шелковых; 2. шерстяных; 3. льняных, конопляных и бумажных.

Т к а н и ш е л к о в ы е .

Шелковые ткани в древнейшее время были у нас исключительно привозные и шли главным образом на парадную одежду высшего правящего класса и лишь отчасти на удовлетворение нужд религиозного культа. Ткани эти привозились главным образом из Византии. До настоящего времени сохранился ряд отдельных названий шелковых материй, которые нуждаются в раскрытии их смысла и в сопоставлении с уцелевшими фрагментами.

Из шелковых тканей своей особой ценностью выделялся аксамит. Слово о полку Игореве, описывая добычу взятую у половцев, упоминает в составе ее не только «паволокы», но и «драгыя оксамиты».¹ Контекст летописных упоминаний аксамита ясно указывает, что эта драгоценная ткань применялась только в высшей социальной среде, княжеской и придворной. Так, известно, что в 1164 г. греческий император прислал князю Ростиславу «дары многы... оксамоты (по другому списку: оксамиты) и паволокы и вся узорочь(я) разноличная».² Несколько позднее, во второй половине XIII в. аксамит характеризуется именно как материя, подобающая убранству царей. А именно, из рассказа Ипат. летописи о смерти князя Владимира Васильковича в 1288 г. мы узнаем, что «княгини его, омывше его, и увиша оксамитомъ со круживомъ, яко же достoitъ царемъ».³ Аксамит могли носить и придворные, на что указывает летописный рассказ об убийстве Андрея Бололюбского в 1175 г. «Помнишь ли, жидовине, (говорил боярин Кузьма Амбалу, убийце Андрея Боголюбского), въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшетъ? ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежить.»⁴ Аксамит шел и на церковные нужды. Позднее свидетельство 1288 г. упоминает, что одни завесы

¹ Слово о полку Игореве, I. изд. стр. 10, 11.

² Летопись по Ипатьевскому списку, изд. Археографичес. комиссии. СПб. 1871, стр. 357.

³ Ibid., стр. 604.

⁴ Ibid., стр. 401.

у икон были «золотомъ шиты», а другие «оксамитные съ дробницею».⁵ Слово аксамит происходит, конечно, от греческого ἑξάμιτος, что собственно значит шестинитный (ἕξ — шесть, мίτος — нить), но каким образом это смысловое значение связывалось с особенностями аксамита, до сих пор не установлено. Так как древнейший аксамит приходил к нам из Византии, то именно там в истории византийского шелкового дела и приходится искать данных для ближайшего определения характерных свойств этой ткани. В связи с политическими успехами X и XI вв. Византия испытала значительный хозяйственный и художественный подъем, что отразилось и на шелковом ткацком деле, которое в эпоху X—XII вв. достигло здесь особого расцвета. Из Константинополя эта отрасль промышленности распространилась на острова и на Элладу, и главными центрами ее, кроме столицы, стали Кипр и Фивы. По свидетельству, относящемуся ко второй половине XII в., «в Фивах жило около 2000 евреев, искусных работников шелкового дела и пурпурных мастеров».⁶ Историк шелкового ткацкого дела Фальке различает три категории византийских шелковых тканей эпохи расцвета с X в. до XII в.: 1. ткани с орнаментальными узорами; 2. ткани, условно называемые «атласные» и 3. ткани со звериными узорами. Чисто орнаментальные шелковые ткани были особенно распространены и дошли до нас в большом количестве мелких фрагментов. Узор этих тканей состоял главным образом из различно оформленных розеток, звезд, крестов и подобных основных мотивов, которые входили в сеть ромбов, кругов или многоугольников. Особенностью орнаментальных тканей являлось и специфическое чисто византийское сочетание красок: излюбленными были глубокие пурпурные тона, фиолетовый и темноголубой, с одноцветными черными, зелеными и желтыми узорами. Мрачное сочетание черного с фиолетовым или голубым или коричневатым пурпурно-красным — пользовалось наибольшим распространением. Изображения византийской одежды на мозаиках, миниатюрах и кости ясно показывают, что на одежду шли главным образом такого рода ткани с простым орнаментом и своеобразной расцветкой.⁷

Другую категорию византийских шелковых материй составляют ткани, условно называемые атласными. Они сотканы необыкновенно плотно и прочно и отличаются блестящим шелковым глянцем, одноцветностью и линейным узором. Преобладающим цветом их является золотисто-желтый, реже: красный, белый, фиолетовый или зеленый. «Чисто линейные рисунки их, по замечанию Фальке, производятся таким образом, что линии кажутся углубленными в поверхность, как будто бы они

⁵ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, II, ст. 653.

⁶ Kunstgeschichte der Seidenweberei von Otto v. Falke. Zweiter Band, 1913, S. 2.

⁷ Ibid., стр. 6—8.

были выгравированы по белому металлу; там, где они идут параллельно с нитью основы, они образуют резкие борозды...»⁸ Преобладающая схема узора византийских атласных материй сводится к тому, что «поверхность ткани посредством узких полос, волнообразно восходящих, разлагается на остроконечные овалы в 60 сант. вышиной, которые расположены рядами, примыкающими один к другому. В четырех местах они соединены между собой маленькими кружками. Середину каждого остроконечного овала, окруженного жемчугообразной полосой наполняет пальметта с замечательными, пластически воспринимаемыми завитками. Жемчужная полоса опирается на меньшую пальметту и окружена венком из сильно изогнутых листьев».⁹ Ткани такого рода шли главным образом на церковные одежды и в качестве таковых засвидетельствованы рядом памятников, уцелевших в Западной Европе до настоящего времени.

Третью категорию византийских шелковых материй составляли ткани с звериными рисунками.¹⁰ Этот вид тканей в художественном отношении находился в самой тесной зависимости от персидского влияния, так как главные мотивы звериных рисунков шли именно из Персии; таковы: грифы, львы, орлы, расположенные или в одиночку или попарно или на сплошном фоне или, что чаще, в кругах. Материи эти представлены достаточным количеством сохранившихся памятников и довольно обстоятельно описаны в инвентаре папской курии, составленном в 1295 г. Так как в инвентарь этот вошли многие ткани, приобретенные гораздо ранее этого года, и так как Курия была одним из самых крупных покупателей византийских шелковых материй, то показания данного инвентаря получают особое значение. Ткани с звериными рисунками характеризуются здесь большей частью как красные или фиолетовые и, любопытно, что самая материя не раз называется «*xamitum*». Так, например, под № 944 инвентаря читаем: «*Unam planetam de xamito rubeo laboratum ad catenas cum grifonibus et aquilis ad aurum filatum de opere Romanie*»; под № 1194: «*Xamitum jallum ad rotas in quibus sunt leones et grifones ad aurum filatum de opere Romanie*».¹¹ Но в редких случаях аксамит имел и растительный узор, каким являлась лилия: упоминание об аксамите с таким узором встречается также в инвентаре папской курии всего один раз: «*Xamitum violaceum ad lilia aurea de opere Romanie*».¹² Если добавить к этому, что рассматриваемая категория материй, кроме нужд религиозного культа, шла только на парадные одежды высшей правящей среды, на что указывает, напр., изображение византийского придворного по

⁸ Ibid., стр. 8.

⁹ Ibid., стр. 9.

¹⁰ Ibid., стр. 10—22.

¹¹ Ibid., стр. 21.

¹² Ibid., стр. 21.

ркуп. XI в.,¹³ то мы получим все данные для того, чтобы представить себе, что такое древне-русский аксамит.

Если сопоставить теперь сведения об аксамите на византийской почве с уцелевшими у нас памятниками до-монгольской Руси, то легко убедиться, что с аксамитом мы имели дело в следующих случаях. Во-первых, верхняя одежда из аксамита изображена на фресках Спасо-Нередицкой церкви близ Новгорода. Строитель этой церкви князь Ярослав Владимирович представлен здесь в парадной одежде с церковью в руках. Верхний плащ его и сделан из роскошной материи с звериными узорами в кругах по темно-красному полю. Пространство между кругами заполнено четырехконечной розеткой с заостренными концами, а внутри кругов изображены орлы, что ясно видно на левом плече князя. Нет никакого сомнения, что ткань эта является аксамитом.¹⁴ Материя с орлами в кругах оказалась также на фресках Киево-Софийского собора, изображающих Ярослава и его семью. Из этой материи сделана мантия самого Ярослава. Материя с кругами без детального изображения того, что находится в этих кругах, наблюдается и на других членах семьи Ярослава, изображенных идущими за ним. Еще Н. П. Кондаков заметил, что «мантии и облачения с таким рисунком, носившие в Византии специально название «орлов», входили в число сановных облачений византийского двора».¹⁵ Плащ из подобной материи с кругами изображен и в Трирской псалтири XI в. на фигуре матери Ярополка.¹⁶

Два образца византийского аксамита с звериными узорами, уцелевшие до сих пор в виде фрагментов, найдены были в погребении Андрея Боголюбского в Успенском соборе во Владимире. Они хранятся теперь во Владимирском Музее, а в свое время были изданы В. Прохоровым. Оба они вытканы из крученого шелка. Узор первого фрагмента представляет собою парных грифов в кругах. Грифы стоят на задних лапах «спиной один к другому с поднятыми крыльями и головами обращенными друг к другу».¹⁷ Кайма круга орнаментирована узором, по обе стороны которого изображены птички с поднятыми крыльями. Большие круги соединены небольшими орнаментальными кружками, а остающиеся промежутки заполнены парными фигурами львов. Насколько можно судить по изображению выцветшей окраски, материя эта представляла собою сочетание двух основных цветов — зеленого для звериных фигур и фиолетового в качестве фона, что вполне отвечает

¹³ Ibid., стр. 6.

¹⁴ Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые В. Прохоровым, 1881 г. нумерованные таблицы после стр. 78.

¹⁵ Н. П. Кондаков, Изображения русской княжеской семьи с миниатюры XI века. Изд. Акад. Наук. СПб. 1906, стр. 38.

¹⁶ Ibid., стр. 17 и табл. VI.

¹⁷ Материалы по истории русских одежд, изд. В. Прохорова, стр. 84.

той характеристике византийского аксамита, о которой мы говорили раньше.¹⁸

Другой фрагмент материи из погребения Андрея Боголюбского выткан из крученого шелка и золотых нитей. «Узоры на этой материи, по описанию Прохорова, состоят из небольших львов, стоящих друг против друга с поднятыми вверх головами, между которыми две небольшие птички одна к другой спиной, а передом к головам львов. Птички и головы львов вытканы тонкими золотыми нитками. Каждую группу львов разделяет узор в виде пальмы. Рисунок львов, птичек и пальм выткан толстыми линиями, темнозеленым шелком.»¹⁹ Фон в настоящее время является желтым, весьма возможно, что выцвел он из красного. Кусок этой ткани имеется в Гос. Историческом Музее и воспроизводится нами на рис. 1. Узор с парными грифами в кругах представляют и фрагменты материи, найденные Самоквасовым в одном из Киевских курганов и изданные тем же Прохоровым.²⁰ Надо думать, что подобные фрагменты с животными узорами в кругах встречаются и в других случаях археологических находок в области до-монгольской Руси, но по кратким описаниям этих находок не всегда можно судить, какого рода узор там имеется. Так, весьма возможно, что с аксамитом имеем мы дело и в одном из саркофагов под Десятинной церковью, но сообщения об этом были очень краткие и указывали лишь, что на некоторых истлевших кусках шелковой материи, найденных там, сохранился «красивый рисунок».²¹ В виду ограниченности древне-русского иллюстративного материала для характеристики аксамита не лишен интереса иллюстративный материал, сохранившийся на болгарских фресках 1259 г. в Боянской церкви св. Николы, изображающих основателей этой церкви в лице старо-болгарской четы. Особенно любопытен узор на женской одежде Десиславы, представляющий большие круги с звериным узором на красном фоне. В кругах — парные фигуры зверей, стоящих на задних лапах с мордами, обращенными в сторону находящегося между ними дерева. Аксамит приходил сюда из той же Византии. Мужская одежда боярина Калояна сделана, повидимому, из одноцветной темнофиолетовой ткани с линейными узорами, которая, судя по всему, принадлежит к группе византийских атласов.²²

Аksamит с растительным узором, а именно с лилиями также может быть иллюстрирован, если не фрагментом материи, то с одной стороны

¹⁸ Прохоров, табл. 5., после стр. 86.

¹⁹ Стр. 84, табл. 6 после стр. 86.

²⁰ Прохоров, табл. 3 после стр. 86.

²¹ Известия Археологической комиссии. Вып. 31. СПб. 1909. Прибавление к 31 вып., стр. 73.

²² Минало. Българо-Македонско научно списание. София, 1909. Година. I. Книга 3. «Цвѣтни образи на старобългарски боляри. (Художественъ паметникъ отъ 1259 годъ)».

миниатюрой Трирской псалтири, где такая материя изображена на кафтане Ярополка,²³ с другой — Рязанскими бармами, на которых мы видим плащи Бориса и Глеба, сделанные из материи, с вытканными на ней кринами.²⁴

К аксамиту и по качеству и по назначению был весьма близок т. н. оловир. Упоминание о нем для древнейшего времени мы находим в Ипатьевской летописи под 1252 г., где речь идет об одежде князя Даниила Галицкого при въезде его в Пресбург. На Данииле был надет «Кожюхъ же оловира Грѣцького и круживы златыми плоскими ошить».²⁵ Подобно аксамиту оловир шел также на изготовление предметов религиозного культа, что видно хотя бы по летописному указанию от второй половины XIII в.: «а другое еуангеліе опракошь же волочено оловиромъ».²⁶ На свойства ткани указывает самое слово *ὀλόβηρος*, что значит весь пурпурный. Дюканж в греческом словаре замечает, что слово *ὀλόβηρος* — имеет в виду краску шелка, цвет, а не самый шелк и служит обозначением настоящего пурпурного цвета.²⁷ Аналогичный комментарий находим и в латинском словаре Дюканжа, где слово «holoverus» объясняется как «purpureus»: «vestes holoverae, quae totae vero colore, ἀληθινῶ, seu purpureo tinctae sunt, absque ullius alterius coloris permistione».²⁸ Приведенная далее цитата из Прокопия поясняет, кроме того, что краски и цвет оловира приличествовали царям: «Procopius in Hist. arcana, pag. 112, 1 Edit. *ὀλόβηρον tincturam et colorem fuisse, qui regum proprius est, ... indicat*».²⁹ В другой цитате из Прокопия пурпурная краска характеризуется как «краска царственная, которую привыкли называть оловиром» («βασιματος δὲ τοῦ βασιλικοῦ, ὅπερ καλεῖν ὀλόβηρον νενομίκασι») ³⁰ При сплошном чисто пурпурном цвете оловир мог иметь те же звериные рисунки, как и аксамит, что достигалось применением золотой нити.

В применении золотой нити в ткацком деле Византии различаются два периода:³⁰ первый, когда господствовало применение нити из настоящего золота, и второй, когда на смену ей стала распространяться нить, позолоченая тончайшим листовым золотом (*Goldschlägergold*), которое накладывалось на тонкую беловатую кишечную оболочку, обворачивавшую нити из льна, реже шелка или шерсти. Подобная позолоченая нить была конечно, гораздо дешевле настоящей золотой и получила, начиная

²³ Н. П. Кондаков, Изображения русской княжеской семьи с миниатюры XI века. Спб. Стр. 16, 99, табл.

²⁴ Стр. 49, 50, а также Кондаков. Русские клады, СПб. 1896, стр. 83—96 и табл. XIV.

²⁵ Летопись по Ипат. списку, стр. 541.

²⁶ Ibid., стр. 609.

²⁷ Du Cange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis, 204.

²⁸ Du Cange, Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinatis, IV, 213.

²⁹ Ibid.

³⁰ Du Cange, Gloss. ad script. med. et inf. graec., 204.

с XI в., широкое распространение, а с XIII в. и совсем вытеснила золотую нить. Памятников древней златотканой парчи первого тысячелетия почти не сохранилось даже на Западе, так как старая изношенная парча такого типа сжигалась или вообще уничтожалась каким-нибудь способом, чтобы извлечь из нее не утрачивавшее ценности настоящее золото. Такою тканью были, повидимому, т. наз. «фофудьи», упоминающиеся у нас в ранних памятниках, и прежде всего в Лаврентьевской летописи под 992 г., где говорится: «Царь же Леонъ слы Рускыя почтивъ дарми, золотомъ и паволоками, и фофудьями»...³¹ Затем в летописном рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г. читаем: «повелѣ Володимеръ метати (в Киевской летописи точнее: «рѣжючи, розметати») паволоки, фофудью и орничѣ, бѣль, людемъ силно налегшити, а быста легко дошли церкви».³² Для характеристики фуфудий интересна приводимая Дюканжем цитата из апокрифического жития Алексея: „Ἐστὶ δὲ Ἑβραϊκὴ λέξις το ποικίλην λεπτὴν ϑενδαν Βαβυλωνικὸν φουφουδοτὴν καλὴν, ἥ γοὺν χλαμύδα βασιλικὴν χρυσοῦν, τινὲς δὲ στολὴν ὕφασμα, ἱμάτιον... etc. т. е.»³³ «Есть еврейское изречение — пестрая легкая ткань, ренда Вавилонская, фуфудота прекрасная, т. е. хламида царская золотая, а некоторые называют: стола, гюфасма, гиматион»... Златотканная материя в применении к верхней одежде известна по летописным сведениям в одном случае, а именно, златотканый плащ был у варяга Якуна: «и приде Якунъ с Варяги и бѣ Якунъ съ лѣпъ, луда бѣ у него золотомъ истъкана».³⁴ И далее говорится, как этот же Якун во время боя потерял свой златотканый плащ: «и Якунъ ту отбѣже луди златоѣ».³⁵ Целных вещественных памятников фуфудий не сохранилось, но любопытно, что в новейшее время при раскопках Черниговского Спаса в одном из саркофагов, открытых около северной стены северной пристройки к собору, найдены остатки одежды, обильно протканной чисто золотыми нитками.³⁶ Кроме того о двух-трех случаях сохранившихся фрагментов тканей, перетканых золотыми нитками, упоминал еще Ханенко.³⁷ Что касается позолоченой нити, то тут можно различать с одной стороны нить византийскую, которая была сильно позолочена и заключала в себе желтую шелковую сердцевину и нить кипрскую в состав которой входила толстая льняная нить.³⁸ Исторический Музей располагает рядом фрагментов

³¹ Полн. собр. русск. летоп., I, стр. 16.

³² Летопись по Ип. списку, стр. 202, летоп. по Лаврентьевск. сп., стр. 276.

³³ Du Cange, Gloss. ad script. med. et infim. graec., t. II, appendix, 163–164.

³⁴ Летопись по Лавр. сп. изд. Археогр. Ком. 1872, стр. 144, под. 1024 г.

³⁵ Ibid., стр. 145, под. 1024 г.

³⁶ Всеукраїнська Академія Наук. Записки Історично-філологічного Відділу, кн. XX. У Києві, 1928. Микола Макаренко. Чернігівський Спас. (Археологічні досліді 1923 р.), ст. 15.

³⁷ Ханенко, Древности Приднепровья. вып. V, стр. II.

³⁸ Otto v. Falke, назв. соч., II, стр. 24.

с блестящей нитью, и химический анализ, конечно, покажет, где мы имеем дело с настоящей золотой нитью и где с позолоченой, какого происхождения последняя византийского или кипрского и является ли применение ее результатом ткацкой продукции или шитья.

Мы видели, что вторую группу византийских тканей составляли атласные материи, которые отличались одноцветностью и линейным узором и шли главным образом на церковные одежды. Такого рода ткани в достаточном количестве засвидетельствованы для Западной Европы, но для эпохи до-монгольской Руси до сих пор, повидимому, не найдены. Отсутствие соответствующих находок не говорит однако за отсутствие этих тканей в древнем обиходе, и надо думать, что такие фрагменты рано или поздно будут обнаружены.

Если аксамиты, оловиры и фофудьи обслуживали главным образом княжескую среду и лишь отчасти церковь, а византийские атласы шли на церковные облачения, то третья категория византийских шелковых тканей с пестрым орнаментальным узором имела широкое распространение в более или менее состоятельной городской среде. Так было в Византии, за византийским примером тянулась и древняя Русь. Что шелковые ткани широкого потребления (в условном смысле этого термина) успели получить достаточное распространение, на это указывает частое употребление слова «паволока». В литературе было высказано мнение, что «паволоки, это — общее название иностранных драгоценных шелковых и золотых тканей», и что, «в число паволок входили: парчи, фофудьи, грецкие оловиры, аксамиты и другие сорта тканей самых разнообразных цветов, среди которых особенно славились пурпуровые и червленые или багряные».³⁹ Однако с этим мнением нельзя согласиться. Столь широкое значение слова не может быть аргументировано цитатами. Наоборот, случаи словоупотребления ясно показывают, что в категорию паволок не входили ни аксамиты, ни фофудьи, так как те и другие упоминаются особо наряду с паволоками. На цитату о фофудьях мы уже ссылались. Припомним ее снова: «Царь же Леонъ слы Рускыя почтивъ дарми, золотомъ, и паволоками, и фофудьями . . .» Что аксамит не входит в понятие паволоки, это видно и из Слова о полку Игореве и из Ипатьевской Летописи. В первом читаем: «и рассушыя стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволоки, и драгыя оксамиты».⁴⁰ В Ипатьевской же летописи, там, где идет речь о подарках, присланных Византийским императором князю Ростиславу: «И присла царь дары многы Ростиславу, оксамоты и паволоки и вся узорчъ(я) разноличная.»⁴¹ Нет также совершенно никаких данных для того,

³⁹ В. Клейн, Путеводитель по выставке тканей VII—XIX веков, собрания Исторического Музея. Москва, 1926, стр. 11.

⁴⁰ Слово о полку Игореве, I изд. стр. 10, 11.

⁴¹ Летопись по Ипат. списку, изд. Арх. Ком. СПб. 1871, стр. 357, под 1164 г.

чтобы включать в число паволок и оловир; правда, сведения об этой ткани очень скудны, но, судя по всему, эта ткань была не менее ценная и исключительная по своему назначению, чем аксамит. Итак понятие паволоки должно мыслиться уже. Чтобы уяснить его значение остановимся на других случаях древнего словоупотребления. На пестроту узора древней паволоки указывает цитата из Даниила Заточника: «Паволока испрещренна (чит. испещрена) многими шелки, красно лице являет.»⁴² Паволока шла как на одежду в богатой среде, так и на другие предметы быта. В Слове о богатом и Лазаре по Троицк. сборнику XII в. читаем: «Ты же облачишися и ходиши въ паволоцѣ и въ кунахъ.»⁴³ И далее: «Тъ богато на земли живаше, въ багърѣ и въ паволоцѣ хожаше.»⁴⁴ Из паволоки делали подушки и перины. Еще Даниил Заточник упоминал: «Паволочитое зголовье соломы наткано»,⁴⁵ а Слово о богатом и Лазаре по Сборнику XII в. одной из принадлежностей богатого быта считало «одръ настѣланъ перинѣ паволочитыхъ».⁴⁶ Паволоки не раз являлись желанным предметом военной добычи. Так было и в X в., когда по свидетельству Повести временных лет: «И приде Олегъ къ Киеву, неся золото и паволокы»...⁴⁷ Так было и позднее в XII в., когда по Слову о полку Игореве паволоки входили в состав добычи, полученной после победы над половцами.⁴⁸ Паволоки упоминаются в числе почетных подарков в международных сношениях, а именно со стороны византийского императора русским князьям и со стороны русских князей венграм. Провожая княгиню Ольгу с большим почетом, византийский император «дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя и отпусти ю, нарек ю дъщерью собѣ».⁴⁹ Гораздо позднее в 1151 г. русские князья «Вячеславъ же (и) Изяславъ велику честь створиша угромъ, Вячеславъ же отъ себе, а Изяславъ же отъ себе и дарми многыми одариста и, и съсуды и порты и комонми и паволоками, и всякими дармы».⁵⁰ Паволоки упоминаются и в числе подарков, какими обменивались русские князья. Так, в Ипатск. Лет. под. 1146 г. находим: «и ту присла к нему (т. е. Святославу) Гюрги дары многи, паволокою и скорою, и женѣ его, и дружину его одари повелику».⁵¹ Паволоки издавна были ходовым предметом в товарообмене между Русью и Византией. Еще Святослав, говоря о привлекательности для него Переяславля на Дунае,

⁴² Срезневский, II, ст. 855—856.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Летопись по Ипат. сп., стр. 19.

⁴⁸ Слово о полку Игореве, I изд., стр. 10.

⁴⁹ Летопись по Лавр. сп. под. 955, стр. 60.

⁵⁰ Летопись по Ипат. списку, стр. 290.

⁵¹ Ibid., стр. 240.

упоминал о том, что сюда со всех сторон сходятся различные товары, и в частности из Византии: «отъ Грѣкъ паволоки, золото, вино и овощи разноличнии...».⁵² Есть основания заключать, что со стороны русских купцов уже в X в. был особенно повышенный спрос на паволоки, так что Византии в договоре с Игорем в 945 г. пришлось установить предельную сумму, на которую могли покупать паволокъ русские купцы, и эта сумма была определена в 50 золотников, т. е. в 175 рублей на человека. С другой стороны в виду повышенного спроса паволоки являлись для Византии своего рода валютой, которою измерялась ценность других товаров, как, например, ценность рабов. В том же договоре Игоря с греками в 945 г. была определена стоимость раба в 2 паволоки, а так как рыночная цена раба по Русской Правде равнялась приблизительно 35 рублям, и так как за русского пленника по договору Игоря полагалось 10 золотников (т. е. тоже 35 рублей),⁵³ то отсюда ясно, что стоимость куска паволоки в то время была 17½ рублей и, следовательно, каждый русский купец согласно договору мог приобрести не более 10 кусков.

Итак, паволоки, это — шелковые пестрые ткани, игравшие довольно значительную роль и в товарообмене до-монгольской Руси и в домашнем быту. Ткани эти были достаточно плотные в отличие от сорта более тонкого шелка, который назывался «коприна». Различие между паволокой и «коприной» прекрасно иллюстрируется известным легендарным сказанием о паволочитых и копринных парусах, которые сшили себе возвращающиеся из Царьграда Русь и новгородские славяне. Паволочитые паруса Руси уцелели, копринные паруса новгородских славян были разорваны ветром. Что коприна тонкий шелк, на это есть еще указание, хотя и более позднее, относящееся к XIV веку. «Въ одеждахъ мягкихъ... иже отъ лена и копринъ тънцѣ истѣканныхъ».⁵⁴ В пользу применения у нас и тонких мягких сортов шелка можно сослаться на Слово о богатыре и Лазаре, где упоминается — «одръ слоновъ съ прѣтыкаными понявами свильными мажъками».⁵⁵ Мы уже указали, что категории паволок лучше всего соответствуют те шелковые ткани, которые и в Византии пользовались наибольшим распространением, обслуживая более или менее зажиточные городские слои. Ткани эти, как видели мы, отличались известной пестротой красок и применением орнаментальных, а не звериных узоров, из различно оформленных розеток, звезд, крестов и подобных основных мотивов, входивших в сеть ромбов, кругов или многоугольников. Образцы тканей такого типа изображены во втором томе Фальке на рисунках №№ 225—230.⁵⁶ Паволоки упоминаются

⁵² Ibid., стр. 44, под. 969 г.

⁵³ Н. Аристов, Промышленность древней Руси, СПб. 1866 г., стр. 281.

⁵⁴ Список Слов Григория Назианзина XIV в. (Срез., I, ст. 1281).

⁵⁵ Срезневский, Сведения и заметки, I, № 20, стр. 30.

⁵⁶ Otto v. Falke, в. II, табл. после стр. 6.

и среди имения Андрея Боголюбского, которое подверглось разграблению после его смерти: «Горожанѣ же Боголюбци разграбиша домъ княжъ, и дѣлатели, иже бяху пришли к дѣлу, золото и серебро, порты и паволоки, имѣние, ему же не бѣ числа.»⁵⁷ Надо заметить, что в наших письменных памятниках встречаются еще некоторые названия шелковых материй, а именно *годовабль*,⁵⁸ *оксия*⁵⁹ и *брачина*,⁶⁰ но первые два слова были вообще мало употребительны и отмечены главным образом в переводных памятниках; последнее же, хотя и встречается в русских текстах, как например, в житии Бориса и Глеба и в Слове о богатом и Лазаре, но имеет общее значение шелковой ткани (см. цитаты у Срезневск. I, ст. 175).

Говоря о шелковых тканях, и в частности златотканых, нельзя не упомянуть и о том, что по примеру Византии у нас известно было и золотое шитье (позолоченной нитью). Оно применялось как для религиозного культа, так и в быту высшей среды. В 1146 г. Изяслав разграбил в Путивле церковь Вознесения и церковные одежды, шитые золотом.⁶¹ Когда во Владимире сгорела в 1183 году церковь, то по свидетельству летописи сгорело много «портъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, яже вѣшали на празникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычнихъ сѣний, во двѣ же вѣрви чюдныхъ».⁶² Позднее, во второй половине XIII в. Владимир Василькович устроил в Юрьевской церкви в Любомли: «платци оксамитны, шиты золотомъ съ женчюгомъ херувимъ и серафимъ»... «индитья (напрестольные одежды) золотомъ шита вся...»,⁶³ а во Владимире «завѣсы золотомъ шиты, а другие оксамитные съ дробницею...».⁶⁴ Золотое шитье применялось и в быту высшей среды. Так известно, что золотом вышивались оплечья. При описании Липецкой битвы в 1216 г. в Лаврентьевской Летописи говорится: «Се пришелъ вы товаръ въ руки, вамъ же були кони, брони, порты... Аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій, да не оставимъ ни единаго же живаго.»⁶⁵ «Золотое» шитье на рукаве оказалось и в погребении старшего сына Ярослава Мудрого, Владимира Ярославича, умершего в 1052 г. и погребенного в Софии Новгородской. Это погребение недавно открыто в Новгороде и в нем сохранилась одежда с вы-

⁵⁷ Летопись по Ипат. спис., стр. 402, под. 1175.

⁵⁸ Срез., I, 536 Prof. Dr. Lubor Niederle, *Život starých Slovanů. Díl I., svazek II., Praha 1913*, стр. 412, 413, прим. 4. — Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, S. 316. «Годовабль» — слово германского происхождения, сопоставляется с немецким «Gottgewebe».

⁵⁹ Срез., II, 653.

⁶⁰ Dr. L. Niederle назв. соч., стр. 414, прим. 1.

⁶¹ Летопись по Ипат. сп. стр. 237.

⁶² Ibid., стр. 426.

⁶³ Ibid., стр. 609.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Летопись по Лавр. сп., стр. 470.

шивкой на рукаве. Вышивка сделана на розовой материи позолоченной нитью. Узор вышивки воспроизводится на рис. 2.⁶⁶

Золотом вышивалась и обувь. В наряде Даниила Галицкого под 1252 г. упоминаются «сапози зеленого хъза, шиты золотомъ».⁶⁷ Для украшения парадных одежд шла также золотом шитая узорная тесьма, называвшаяся кружевом. Мы уже упоминали в качестве наряда того же Даниила Галицкого — «Кожухъ оловира грецкаго и круживы златыми плоскими ошить».⁶⁸ Несколько позднее в 1288 г. при погребении Владимира Галицкого говорится, что его «увиша оксамитомъ съ круживомъ».⁶⁹ Заканчивая категорию шелковых тканей, необходимо также отметить, что шелковые материи приходили к нам и с Востока, но вопрос этот нуждается в предварительной разработке на археологической почве. Можно отметить лишь, что ряд таких тканей для до-монгольского периода уже найден. К ним принадлежит, напр., один из фрагментов в погребении Андрея Боголюбского, который представляет собою легкую полосатую ткань с синими, желтыми и красными полосами, украшенную крестообразно расположенными розетками. Фрагмент этот в свое время был воспроизведен в издании Прохорова⁷⁰ и в настоящее время в виде небольшого отрезка имеется в Государственном Историческом Музее. В том же издании воспроизведены и другие образцы восточных шелковых тканей, найденных в курганах.⁷¹

Шерстяные ткани.

Переходя к шерстяным материям, необходимо заметить, что уже в древнейшее время они были у нас двоякого происхождения. Лучшие дорогие сорта доставлялись из-за границы, более простые и грубые производились у себя дома. Насколько велик был привоз иностранных сукон, сказать трудно. Можно установить только, что сукна эти шли с Запада, в частности из Франции или морем через Новгород или доставлялись в Галицкую Русь сухим путем. До нас дошли только два упоминания о французских сукнах на почве до-монгольской Руси. В грамоте князя Всеволода, данной Иоанно-Предтеченской церкви на Петрятине дворще (1130—1135 г. г.) и устанавливающей между прочим условия вступления в Ивановскую купеческую корпорацию, говорится: «А хто хочет въ купѣчество вложится въ Иванское, дасть купцемъ пошлымъ вкладу пятьдесятъ гривень серебра, а тысяцкому сукно Ипъ-

⁶⁶ Фотографический снимок с вышивки получен мною благодаря содействию А. В. Орешникова, которому и приношу глубокую благодарность.

⁶⁷ Летопись по Ипат. сп., стр. 54.

⁶⁸ Ibid., стр. 541.

⁶⁹ Ibid., стр. 187, 220.

⁷⁰ В. Прохоров, Материалы по истории русских одежд, 1881 (табл. 7 после стр. 86).

⁷¹ Ibid., табл. 1 и 2 после стр. 86.

ское⁷² (т. е. Ипрское).⁷³ Любопытно, что Ивановская корпорация расплавивалась Ипрским сукном и с владыкой, когда приглашала его служить на храмовой праздник. Торговля Ипрским сукном, рано начавшаяся в Новгороде, позднее не только удержалась, но, повидимому, развилась еще больше. Известно, что вел. князь Иван Васильевич III во время пребывания своем в Новгороде получил в числе подарков от разных лиц 70 поставов (постав — от 15 до 30 метров) Ипрского сукна.⁷⁴ Одной из разновидностей французского сукна был скарлат, дорогая суконная ткань, выкрашенная в пурпурный цвет. Самое раннее упоминание скарлата встречается у нас под 1287 г. в грамоте Владимира Васильковича, где читаем: «А село есмь купиль Березовичѣ у (Ю)рьевичи у Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немь 50 гривенъ кунъ, 5 локоть скорлата, да бронѣ дощатые.»⁷⁵ Позднее, в XIV в. торговля сукнами особенно развилась.⁷⁶

К той же категории иностранных шерстяных материй, приходивших еще в эпоху до-монгольской Руси, нужно отнести т. н. кольчужную ткань, которая представляла собою шерстяную ткань с вплетенными в нее мелкими металлическими спиралями и кольчужками и которая найдена была в курганах б. Петербургской губернии в Унотицах, а также встречалась в Прибалтийском крае. А. А. Спицын высказал предположение, что эта ткань «быть может тот «ватмал», которым торговали готландцы в XII-м веке и, вероятно, позднее».⁷⁷ Два куска этой ткани и были изданы А. А. Спицыным.⁷⁸

На ряду с заграничными сукнами, повидимому, очень рано культивировалась у нас выработка и своих шерстяных тканей. На материале курганов Южного Приладожья археологи уже отметили, что им встретились там два рода шерстяных тканей: «более грубая, которая по виду весьма сближается с употребляющейся поныне на малороссийские кафтаны (свитки), и другая, более тонкая, несколько подходящая даже к современным нам шерстяным материям.»⁷⁹ Один из сортов шерстяной материи местного изготовления назывался, повидимому «орницъ». Так заключать мы можем, сопоставляя две цитаты, одну из Кирилла Туровского, где говорится: «Постригоста главѣ и черны отъ сукна створиста си

⁷² Срез., III, ст. 615.

⁷³ Ипр — торговый город во Фландрии.

⁷⁴ П. Савваитов, Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб. 1896, стр. 138.

⁷⁵ Летопись по Ипат. списку, стр. 595.

⁷⁶ Н. Аристов, Промышленность древней Руси. СПб. 1866, стр. 213, прим. 666.

⁷⁷ А. А. Спицын, Курганы Петербургской губернии (Материалы по археологии России), № 20. Стр. 32.

⁷⁸ Ibid., табл. XVI, №№ 15 и 16.

⁷⁹ Н. Е. Бранденбург, Курганы Южного Приладожья. (Материалы по археологии России, № 18) СПб. 1895, стр. 27.

ризы»,⁸⁰ а другую из Студийского устава 1193 г., где монахам рекомендовалось в зимнее время носить не более двух одежд из черного орница. «Подобаеть же мнихомъ ничсоже двоубо виною зимы носити, довьльно бо имъ, утѣха бо имъ въ годъ студени и ничьсо же боле дъвою ризу тълстии чърнаго орница свиты учащени въ нихъ же ходашеи довьльно сѣгрѣвающеѣ тѣми ни единою лютости зимьныя чувства примуть.»⁸¹ Кроме того следует добавить, что от XIV века сохранилось запрещение монахам делать одежду из немецких сукон.⁸² Если это запрещение возводить и к более раннему времени, то нет сомнений, что «орница» был шерстяной тканью туземного изготовления. Вопрос о дальнейшем уяснении свойств шерстяных тканей до-монгольской Руси может быть поставлен лишь путем возможно более широкого и систематического собирания фрагментов, найденных в курганах, и их технологического и химического исследования. В сборнике Московской Секции Академии Материальной Культуры, вышедшем в 1928 г., опубликованы два интересных анализа курганных тканей X—XII в. в. Оба фрагмента относятся к территории Вятичей. Первый взят из раскопок Н. И. Булычева в с. Кохана Мосальского уезда Калужской губернии (Собр. Госуд. Исторического Музея № 25788/2). Анализ определил между прочим природу волокна, образующего ткань, которое оказалось грубой шерстью овцы, установил свойства окраски пряжи — каким являлся темнокоричневый цвет, достигнутый использованием растительной краски на квасцовой протраве, и выяснил систему переплетения нитей, которая оказалась простейшей, известной теперь под названием «переплетения полотняного», применяемого и теперь к полотняным тканям.⁸³ Анализ другой шерстяной ткани X—XII в. в. из раскопок А. А. Спицына с р. Днепра в Смоленской губ. (собр. Гос. Историч. Музея, № 42796) — дал еще более интересные результаты. Материалом ткани также послужила шерсть овцы, окраска ткани коричневая, достигнутая крашением по железной протраве растительными красками. Переплетение же ткани совсем иное, чем в предыдущем случае, а именно т. н. саржевое, четырехремизное, состоящее в том, что нить утка проходит между чередующимися парами нитей основы и на каждой следующей уточине делает уступ по одной ремизке. Этот вид переплетения является в настоящее время общепринятым при изготовлении шерстяных материй и с внешней стороны напоминает грубый шевит.⁸⁴ Приведенные образ-

⁸⁰ Срезневский, т. III, ст. 615.

⁸¹ Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел третий. часть первая. М. 1869, стр. 263.

⁸² Срезн., III, ст. 615.

⁸³ Гос. Акад. Истор. Матер. Культ. Московск. Секц. Сбор. I. К десятилетию Октября, М. 1928, стр. 33—35, рис. на стр. 34.

⁸⁴ Ibid., стр. 35—37, рис. на стр. 36.

цы анализа уже показывают, что в древнейшее время у нас вырабатывались различные виды шерстяных материй. И если поставить теперь вопрос, к какому виду шерстяной ткани надо относить упомянутый нами «орницъ», то нельзя не высказать предположения, что это была не примитивная ткань первого вида, а более сложная, скорее с саржевым переплетением, чем полотняным. Быть может, на это более сложное переплетение указывает и одна черточка в той цитате, которую мы уже привели: рекомендуемые монахам одежды характеризуются здесь как достаточные для защиты от зимнего холода, так как, это — сделанные из «чънаго орница» свиты ичашены». Что «орницъ» не примитивная ткань за это говорит и упоминание его наряду с паволоками в Ипатьевской летописи и наряду с паволоками и фофудьями в Лаврентьевской летописи под 1115 г., когда Владимир Мономах, чтобы устранить тесноту народа при перенесении мощей Бориса и Глеба, велел бросать в толпу отрезки различных тканей: «и повелѣ Володимеръ рѣжючи паволоки, орници, бѣль, розметати народу . . .».⁸⁵ Так читается в Ипатьевской лет., а в Лаврентьевской: «и повелѣ Володимеръ метати паволоки, фофудью и орничѣ, бѣль . . .».⁸⁶ Кстати сделаем поправку к Словарю Срезневского. Там стоят два слова без объяснения их значения: одно — «ориньць»,⁸⁷ другое «орьница».⁸⁸ Первое иллюстрируется приведенной нами цитатой из Студийского Устава, но в цитату вкралась опечатка. В Словаре написано: «чернаго ориньца», в рукописи читается: «чернаго орница».⁸⁹ Следовательно слово не «ориньць», а «орницъ». Поэтому и форма «орьница = орница» (Срезн., II, 711), отвлеченная от вин. пад. множеств. числа: «орници» является неправильной. Итак вместо двух слов у Срезневского: «ориньсь» и «орьница» надо читать одно слово «орницъ». Кроме названных видов шерстяных тканей в древнейшее время была известна еще ткань особенно грубая по материалу и по выработке пряжи и употреблявшаяся на т. наз. власяницы. В Несторовом житии Феодосия власяница характеризуется как «свита власяна, остра на тѣлѣ».⁹⁰ Шерсть шла не только на ткани, но и на валяльное дело. Изготавливались полсти или войлоки, которые употреблялись главным образом при устройстве шатров, от чего шатер, обложенный полстью, назывался «пѣлѣстница». Упоминания полстницы неоднократны. Так, напр., в Лаврентьевской летописи под 1207 г.: «и цѣловавъ ихъ, повелѣ имъ сѣсти в шатрѣ, а самъ князь великій сѣде в полѣстици»;⁹¹ или в Новгород. I летописи: «Съ

⁸⁵ Летопись по Ипатск. сп., стр. 202.

⁸⁶ Летопись по Лаврентьевск. списку стр. 276.

⁸⁷ Срезневский, II, стр. 706.

⁸⁸ Ibid., II, стр. 711.

⁸⁹ Ркп. Гос. Ист. Музея, б. Синод. Библ. № 380 (330), л. 223 об.

⁹⁰ Срезневский, I, ст. 275.

⁹¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 409.

же Глѣбъ преже прихода ихъ, изнарядивъ свое дворяне и братиѣ и поганыхъ Половчъ множество въ оружїи, и съкры я въ полостьници близъ шарта, в немъ же бѣ имъ пити».⁹²

Ткани льняные, конопляные и бумажные.

Переходим к тканям из растительного материала и прежде всего льняным и конопляным.

Эти ткани, конечно, были главным образом местного изделия. Уже из Устава Ярослава видно, что лен и конопля разводились тогда и изготовление полотен было обычным явлением: «Аже мужъ иметъ красти коноплю или ленъ и всякое жито, епископу въ винѣ со княземъ на-полю; такоже и женка, иже имѣтъ красти. Аже мужъ крадетъ бѣлые порты или полотна, портици, и понѣвы, такоже и женка, епископу въ винѣ съ княземъ на-полю.»⁹³ Выделкой полотна занимались и в монастырях. В Несторовом житии Феодосия упоминается о монахе, который делал полотна: «чърноризыць тъ, иже бѣ своима рукама дѣлая, сътажалл имѣния мало, бѣ бо платъна дѣлая».⁹⁴ Льняные и конопляные ткани уже рано стали различаться по сортам в зависимости от тщательности выработки. Так, с одной стороны изготовлялись грубые ткани, которые назывались «яригъ» и «тълстина». Тълстина служила в качестве парусов новгородским славянам, как видно из рассказа Повести временных лет под 907. С другой стороны холст мог белиться и тогда получались «бѣлые порты» или «полотна», упоминаемые в Уставе Ярослава. Шли они главным образом на белье. Более тонкое полотно было, повидимому, известно под названием частины и иногда доставлялось из-за границы. Так, Смоленская грамота 1229 г. предусматривала: «А како будетъ гость нѣмѣчкый в городѣ, дати имъ княгини поставъ частины...»⁹⁵ Однако во всяком случае и собственное полотняное производство успело уже настолько развиться, что вырабатывались не только полотна для белья, но и скатерти, убрusy и полавочники, т. е. широкие полотенца, расстилавшиеся по лавке. Указание на эту продукцию находится уже в грамоте 1150 г., данной Смоленским князем Ростиславом Мстиславичем епископу Мануилу, которая в состав подати в Торопце включает: «полавачникъ, двѣ скатерти, три убрusy».⁹⁶

Что касается вещественных памятников полотняных тканей до-монгольской Руси, то кроме фрагментов, встречающихся в курганах и под-

⁹² Полн. собр. русск. летоп., т. III, под. 1218 г., стр. 36.

⁹³ М. Владимирский Буданов, Христоматия по истории русского права. Вып. I. Киев, 1876 г., стр. 204, 205.

⁹⁴ Срезневский, II, 956.

⁹⁵ Русские Достопамятности, ч. II. М. 1843, стр. 259, 260.

⁹⁶ Дополнения к Актам Историческим, собранным Археографической Комиссиею, т. I. СПб. 1846, стр. 8.

Рис. 1. Фрагмент аксамита из погребения Андрея Боголюбского (1175 г.).

Рис. 2. Шитье на рукаве из погребения Владимира Ярославича (1052 г.).

лежащих учету и анализу, следует упомянуть известный антиминс 1149 г. новгородской церкви Николы Дворищенского. На нем по краям четырехугольника расположена надпись, точно его датирующая и писанная полууставом XII в.: «Жертвѣникъ сѣго мѣа Гевргиа свѣдѣтъ ѿ Нифонта архієпискупа Новгородьскаго повелѣніемъ епискупа Ростовьскаго Нестора при бѣгоучствѣ кнѣзи Гевргии ѿнѣ Мономаховѣ мѣца сѣнтѣвра въ 1 (1) въ лѣтѣ 8хнз (6657), индикта в ік (12)». ⁹⁷ Антиминс сделан из хорошего не грубого холста и по свойствам своей ткани может быть характерен для местной продукции.

В заключение два слова о тканях бумажных. Из всех видов тканей они оказались наименее сохранными во всех отношениях, не уцелел ни в вещественных памятниках до-монгольской Руси, ни в памятниках языка, и тем не менее утверждать, что их не было в древнейшей Руси, все-таки нельзя. Дело в том, что такие восточные бумажные ткани как *зендень* и *миткаль*, которые стали у нас хорошо известны гораздо позднее, ⁹⁸ по всей вероятности, приходили на Русь даже в древнейшее время, так как существование их на Востоке засвидетельствовано уже для X-го века. *Зендень* упоминается у Наршахи в описании Бухары в форме, которая читается различно: «занданичи», «zendènèdjy», «зенданчи» и происходит из бухарского селения Зандана (или Зендене), от имени которого она и получила свое название. Ткань эта, по сообщению историка, выделялась во многих бухарских селениях и вывозилась в отдаленные области. ⁹⁹ Наршахи называет эту ткань бумажною, такою она была известна и впоследствии. Другая древняя бумажная ткань — *миткаль*. «Миткаль» — по объяснению Иностранцева, происходит от арабского слова «мискаль», означающего определенный вес ($1\frac{3}{7}$ драхмы) и золотую монету. ¹⁰⁰ Ткань хорошо известна была на Руси впоследствии, ¹⁰¹ а на Востоке засвидетельствована арабским писателем Ибрагимом-ибн-Якубом. ¹⁰²

⁹⁷ Ф. Морозов, Антиминс 1149 (6657) года. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. XI, Петр., 1915.

⁹⁸ В. Клейн, Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология.

⁹⁹ К. Иностранцев, Из истории старинных тканей. Алтабаси, дороги, *зендень*, *миткаль* мухойр. Записки восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, 1900, вып. IV, СПб. 1901 г., стр. 84.

¹⁰⁰ Ibid., стр. 85.

¹⁰¹ В. Клейн, Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. и их терминология.

¹⁰² Prof. Dr. Lubor Niederle, Život starých Slovanů. Díl I., svazek II., Praha 1913, S. 412, 413, прим. 4.

РЕЗЮМЕ.

Распределив ткани изучаемого периода на три группы: 1. ткани шелковые, 2. шерстяные, 3. льняные, конопляные и бумажные, автор раскрывает и иллюстрирует содержание мало уясненных терминов древнейших тканей, каковы в особенности: аксамит, оловир, фофудьи, паволоки, орницъ и другие. Аксамит был византийской драгоценной шелковой тканью, главным образом с звериными узорами. Фрагменты его сохранились в погребении Андрея Боголюбского и на изображениях фресок, миниатюр и эмалей. Для оловира характерен пурпурный цвет. Фофудьи были златотканной, парчевой тканью. Паволоки отличались пестрым орнаментальным узором, были широко распространены как в Византии, так и у нас и представляли собою один из ходких предметов в товарообмене. «Орницъ», а не «ориньць» (как в Словаре Срезневского) был по всей вероятности шерстяной тканью местного изготовления, но лучшего сорта с саржевым переплетением, приближаясь к типу современного швиота; он может быть иллюстрирован находками в курганах.

Шелковые ткани приходили к нам главным образом из Византии, шерстяные были отчасти предметом импорта с Запада, особенно из Франции (каково, напр., Ипрское сукно), отчасти предметом местной продукции.

Полотняные и конопляные ткани изготовлялись, конечно, на Руси и лишь изредка в виде более тонкого полотна, известного под названием «частинны», привозились с Запада.

Что касается восточных тканей, то факт их бытования для до-монгольской Руси не подлежит сомнению. Ряд фрагментов восточных шелковых тканей уже найден в курганах, а распространение у нас бумажных восточных тканей весьма вероятно, так как такие материи, как зендень и миткаль, были известны на Востоке уже в X в.

DES TISSUS DE LA RUSSIE PRÉMONGOLE.

(Résumé.)

L'auteur, ayant classé les tissus de l'époque qu'il étudie en trois groupes: 1) tissus en soie, 2) en laine, 3) en lin, en chanvre et en coton, découvre et éclaircit le sens de ces termes usités pour les tissus les plus anciens et restés encore insuffisamment compris. Ce sont par excellence les axamites, l'o'ovir, les fofudji, les pavoloki, l'ornic' ainsi que d'autres. L'axamite était un tissu byzantin en soie, très précieux, orné généralement d'un ornement du style animal. Des fragments de ce tissu se sont conservés dans le sépulcre d'André Boguljubski. Ce tissu a aussi été représenté sur des fresques, des miniatures et des émaux. La couleur caractéristique pour l'olovir est le pourpre. Les fofudji étaient des

étoffes tissées avec du fil d'or. Les pavoloki, qui se distinguaient par leur dessin ornemental bigarré, étaient largement répandues en Byzance ainsi qu'en Russie; elles faisaient partie des objets d'échange des plus propagés. L'ornic', non l'orin'c' (comme on le trouve dans le dictionnaire de Sreznevski), était d'après toute probabilité une étoffe de laine confectionnée sur place, mais d'une meilleure qualité – un tissu sergé, qui s'approche du type contemporain de la cheviote. Des illustrations pour cette étoffe peuvent être trouvées dans les découvertes des kourganes.

Les étoffes en soie parvenaient en Russie surtout de Byzance; celles de laine étaient en partie l'objet d'importation de l'Occident, surtout de France (comme par exemple le drap d'Ypres); elles étaient aussi en partie l'objet de l'industrie locale.

Les étoffes en lin et en chanvre se confectionnaient certainement en Russie et seulement à de rares occasions des espèces de toile plus fine, connues sous le nom de častina, étaient importées de l'Occident.

Ce qui se concerne des étoffes orientales, il n'y a pas le moindre doute sur leur présence dans la Russie pré-mongole. Toute une série de fragments d'étoffes orientales en soie a été trouvée déjà dans les kourganes; l'expansion en Russie d'étoffes orientales en coton n'est plus que probable, car des étoffes, comme le zenden' et le mitkaï avaient été connues en Orient déjà au Xème siècle.

К ИКОНОГРАФИИ РУССКИХ СВЯТЫХ.

На выставкѣ русской иконы в Прагѣ была выставлена (№ 35, из собранія С.) икона святых Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго, которая представляет извѣстный интерес с точки зрѣнія иконографіи русских святых вообще (Табл. I).

Икона эта написана на липовой доскѣ размѣра 0.525×0.37 м., при толщинѣ в 0.02 м. Внутренняя углубленная ея часть, так называемый ковчег, имѣет размѣры 0.42×0.31 м. Общая сохранность иконы вполне удовлетворительна, только у нижняго края она слегка покоробилась от ссыханія; с задней стороны она укрѣплена одной короткой шпонкой. Грунтовка иконы, первоначально охроваго цвѣта, в настоящее время вслѣдствіе почерненія олифы приобрѣла золотистый тон. Край рамы обведен узкой свѣтло-коричневой полоской. Темно-зеленая земля, на которой стоят обѣ фигуры святых, бѣлой чертой отдѣлена от почти столь же широкой свѣтло-зеленой полосы, которую от остального фона отдѣляет черная прямая линія.

Святые повернуты друг к другу и молитвенным жестом правой руки обращаются ко Христу-Эммануилу, изображенному в медаліонѣ вверху между ними. Фигура стоящаго слѣва св. Прокопія обращает на себя вниманіе своей непропорціональностью (отношеніе размѣра головы к остальному тѣлу равняется приблизительно отношенію 1 : 5,5). Тѣло его представлено в профиль, голова же повернута в три четверти к зрителю. Голова непомѣрно велика, шарообразной формы; волосы короткіе, темно-коричневые с черным оттѣненіем; такого же цвѣта усы и борода, короткая и довольно рѣдкая. Глаза сравнительно велики и довольно хорошо моделированы; взглядъ обращенъ вверх и в сторону. В лѣвой рукѣ святой держит тонкую и очень длинную палочку с ручкой в видѣ топорика, а правую приподымает кверху с раскрытой ладонью в молитвенном жестѣ. Нижняя одежда его представляет род довольно длинной туники темно-зеленаго цвѣта с широким вырѣзом для шеи и широкими рукавами; поверх надѣт гиматій, также зеленый, но очень темный, почти черный, — он переброшен через лѣвое плечо и лѣвую руку, а другим концем пропущен под правую руку; в нижних частях одежд вышла путаница — ближайшую к зрителю, правую ногу покрывает нижняя одежда, а лѣвую, обнаженную ниже колѣна, гиматій, который затѣм уходит под тунику. И туника и гиматій образуют многочисленные складки, которыя исполнены красно-коричневыми, а кое-гдѣ и свѣтло-зелеными полосами, прорисованными черными чертами. Над колѣном правой ноги одежда образует условную, эллипсовидную

Голову святого окружает нимб, образованный двойной красной линией. Над головой читается надпись: *ᲘᲗ* прокопи, продолжение которой помѣщено справа ниже:

Харазродивын
Зстыюскынүю
Дотворець

ХОУТЫНЬ
СКИНЮ
ДОТВОРЕЦЪ

ХОУТЫНЬ
СКИНЧЮ
ДОТВОРЕЦЪ

По всѣм признакам можно относить икону к XVII-му столѣтію и видѣть в ней произведеніе какой то провинціальной мастерской. Кромѣ ошибок в надписях свидѣтельствует об этом и грубая трактовка фигуры

св. Прокопія, особенно бросающаяся в глаза в непомѣрно большой головѣ, тонких ногах и в неодинаковом размѣрѣ рук. Элегантныя складки одежд со стремленіем передать реалистически сложение ноги, как это, напримѣр, мы видим на иконѣ Вознесенія из собранія Рябушинскаго¹ или на иконѣ Преображенія в церкви Спаса на Бору в Москвѣ,² превращаются здѣсь в ремесленные схемы. Сравнительно лучше написанная фигура св. Варлаама приводит нас к предположенію, что иконописец пользовался при написаніи нашей иконы двумя разными переводами для каждой фигуры, которыя скопировал, не приведя к правильному соотношенію пропорціи фигур, или что он скопировал лишь фигуру св. Варлаама, а фигуру св. Прокопія скомпоновал сам на основаніи текста подлинника.

На XVII столѣтіе указывает и колорит иконы. Еще в XVI вѣкѣ иконопись была в состояніи и при изображеніи сюжетов колористически весьма бѣдных, какими являются фигуры монахов, достигать значительных красочных эффектов. Достаточно указать на икону св. Варлаама в Историческом Музеѣ,³ гдѣ бѣлый подрясник святого удачно сочетается с ультрамариноваго цвѣта схимой, темнокоричневым плащом и темно-красной тростью. На нашей иконѣ мы, однако, видим уже колорит поздне-московскаго времени, когда для красочнаго оживленія употребляли лишь киноварь, и когда гамма красок ограничивалась одними землистыми тонами, если характер сюжета не позволял употреблять киновари.

Отвѣчает XVII вѣку и иконографическая схема иконы. Композиція, представляющая двух святых, обращенных друг к другу и молящихся изображенным над ними Христу или Богородицѣ, извѣстна уже в XII вѣкѣ, и прекрасным образцом такой композиціи может служить изображение на задней сторонѣ чудотворнаго образа «Знаменія Богородицы» в Знаменском соборѣ в Новгородѣ Великом, гдѣ так представлены в молитвенном обращеніи ко Христу⁴ апостол Петр и св. Наталія. Позднѣе она встрѣчается, однако, довольно рѣдко и то главным образом при изображеніи двух святых Θεодоров, Тирона и Стратилата; излюбленной она становится лишь в концѣ XVI вѣка в Россіи, гдѣ она получает особенное распространеніе в Строгановской школѣ иконописи на семейных иконах, а позднѣе главным образом на иконах русских святых.

¹ N. Kondakov: *Ruská ikona*, I. Praha 1928, табл. XXV.

² П. Покрышкинъ: Иконы Московскаго придворнаго Собора Спаса на Бору. I. СПб. 1913, табл. I.

³ N. Brunov—M. Alpatov: *Geschichte der altrussischen Kunst*. Augsburg 1932. II. Рис. 201 (черная репродукція). А. Анисимов и другіе: *Masterpieces of Russian Painting*. London 1930, табл. XLVII (цвѣтная репродукція).

⁴ А. Анисимов: Домонгольский период древнерусской живописи («Вопросы реставрации», II, стр. 128, рис. у стр. 122).

С точки зрѣнія иконографіи наша икона представляет большой интерес. Изображеніе св. Варлаама Хутынского († 1192 г.), извѣстныя нам, относятся всѣ ко времени болѣе позднему, чѣм начало почитанія святого,⁵ но зато они представляют собою ряд памятников, которые дают нам не только портрет святого, но и ряды иллюстрацій к его житію. Изображеніе его на нашей иконѣ не являлось бы ничѣм исключительным, если бы этот святой, специфически новгородскій, не был бы сопоставлен здѣсь со святым Прокопіем, устюжским святым. В этом заключается оригинальность нашей иконы. Кромѣ того особенный интерес представляет и изображеніе св. Прокопія.

Святой этот, который был юродивым, жил в Устюгѣ и там скончался по одним извѣстіям в 1285 г., а по другим (в обоих случаях мало надежным) в 1303,⁶ был затѣм, как кажется, забыт. Только в 1458 г. начинается его почитаніе в связи с довольно странным событіем; в этом году пришел из Москвы в Устюг какой то «нищій человѣкъ», который заказал икону Прокопія, выстроил над его могилой часовню и в ней икону повѣсил. Устюжское духовенство, однако, велѣло часовню разрушить, нищаго выгнало, а образ спрятало. Только в 1481 г. культ Прокопія был воскрешен возвратившимися из похода на Казань устюжскими воинами, которые в благодарность за оказанную им помощь вновь выстроили над его могилой церковь; с этого времени в Устюгѣ 8-го іюля празднуется день св. Прокопія. В ту пору, повидимому, этот культ уже был признан церковными властями, так как в освященіи храма принимает участіе Митрополит Ростовскій.⁷ Полное же признаніе церковью почитаніе Прокопія получает на московском соборѣ 1547 г., когда он был вмѣстѣ с другим устюжским юродивым, Іоанном, канонизирован и признан *мѣстным* устюжским святым.⁸

В то же время почитаніе Прокопія начинает распространяться и за предѣлами Устюга; если вѣрить легендарным житіям его, от его образа в Москвѣ получает исцѣленіе окольничій Ивана III, в 1548 же году ему посвящается церковь в Борисоглѣбском монастырѣ в Сольвычегодскѣ, гдѣ хранилась его чудотворная икона.

Церковь, выстроенная в 1471 г. устюжскими воинами, повидимому, сгорѣла уже в 1496 г.^{8а} Другой храм этого святого, также деревянный,

⁵ Упоминается в прологах 1425 и 1432 гг. и у Митроп. Макарія (Арх. *Сергій*: Полной мѣсяцесловъ Востока. Томъ II. Святой Востокъ. Москва 1876 г., стр. 296).

⁶ Арх. *Сергій*, стр. 179 и 196.

⁷ *Е. Голубинскій*: Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Москва, 1903, стр. 78 и сл.

⁸ *Ibid.*, стр. 101.

^{8а} *Я. Смирновъ*: Устюжское изваяніе св. Георгія Московскаго Успенскаго Собора. («Древности». Томъ XXV. Москва 1916, стр. 172).

о пяти верхах и с тремя престолами упоминается в описании Устюга 1630 г.⁹ В болѣе позднем описании Устюга, относящемся к 1676—1683 гг., говорится уже о каменном пятикупольном храмѣ, посвященном Прокопію. Он находился на берегу рѣки Сухоны рядом с собором и был выстроен в 1668 г. на основании указа ростовского митрополита Іоны¹⁰ пришедшим купцом Аѳанасіем Федотовым, сыном Гусельниковым. Мѣсто, гдѣ этот храм стоял, было, повидимому, тѣм же, гдѣ был прежній деревянный 1471 года, т. е. над могилой святого.

На извѣстных нам памятниках изображеніе св. Прокопія мы находим довольно рѣдко, чаще всего на групповых иконах. Так на иконѣ Бого-родицы Боголюбской школы Прокопія Чирина¹¹ (начала XVII в.), он изображен на колѣнях рядом с Іоанном Устюжским в группѣ русских святых. Его черты здѣсь совершенно соотвѣтствуют изображенію на нашей иконѣ; у него здѣсь такіе же слегка вьющіеся волосы, хотя это нельзя, как кажется, относить к его портретным чертам, так как совершенно такіе же волосы мы видим и у нѣскольких иных святых на той же иконѣ. То же можно отмѣтить и на немного болѣе древней (конец XVI в.) строгановской иконѣ Русскаго Музея «Придите ко мнѣ вси труждающіеся», гдѣ мы находим Прокопія среди сѣверорусских святых (с Григоріем Шенкурским, Кириллом Бѣлозерским и др.),¹² на иконѣ XVII в., входящей в настоящее время в состав царских врат, хранящихся в берлинском музеѣ,^{12a} а также на поздней иконѣ (XVIII в.?) собранія Лихачева, на которой представлена большая толпа св. монахов и пустынников.¹³

Указанія на то, как должен быть изображаем св. Прокопій мы находим и в нѣкоторых подлинниках; изображеніе его под 8 іюля заключает в себѣ и лицевой строгановскій подлинник. Здѣсь также у святого короткіе волосы, как и на нашей иконѣ, одинаково изображены одежды, одна нога обнажена под колѣном и ноги обуты в высокіе сапоги; единственное различіе заключается в том, что в подлинникѣ святой ничего не держит в руках.¹⁴ В Сійском же подлинникѣ, на листѣ 135, святой представлен с тремя кочергами в рукѣ;¹⁵ этот иконографическій элемент

⁹ Б. Дунаевъ: Городъ Устюгъ Великій. Москва 1919, стр. 8 и сл.

¹⁰ *Ibid.*, стр. 15 и сл., стр. 30.

¹¹ И. Грабарь: Исторія русскаго искусства. Томъ VI, стр. 353. Примѣчаніе Муратова о том, что она была выставлена на выставкѣ русскаго искусства в 1913 г., ошибочно.

¹² А. Бенуа: Русскій Музей Имп. Александра III., Москва 1906, стр. 9.

^{12a} O. Wulff: Der Ursprung des kontinuierenden Stils in der russischen Ikonenmalerei («Seminarium Kondakovianum», III. Prague 1929, табл. VIII).

¹³ Н. Лихачевъ: Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. СПб. 1906, № 659.

¹⁴ Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ. Москва, 1869.

¹⁵ Н. Покровскій: Сійскій иконописный подлинникъ, — s. I. 1895, стр. 106—107. Также он изображен и на царских вратах берлинскаго музея (см. прим. 12 а выше).

взят из житія святого, как оно читается в Прологѣ, гдѣ рассказано, что он носил в лѣвой рукѣ три кочерги; в том году, когда он носил их обращенными ручками кверху, бывал богатый урожай, когда же он их переворачивал, наступал неурожайный год.¹⁶

Из этого иконографическаго обзора видно, что почитаніе святого, с которым связано и возникновеніе его изображеній, возникает лишь в половинѣ XV вѣка, т. е. почти полтора столѣтія послѣ его смерти; уже на основаніи этого мы можем считать, что извѣстные нам изображенія Прокопія не имѣют ничего общаго с дѣйствительным его портретом. В связи с этим само собою возникает вопрос о том, до какой степени вообще могут почитаться портретными изображенія и остальных русских святых.

За исключеніем святых Бориса и Глѣба, которые были, как мы можем судить по сохранившимся остаткам, впервые изображены в апсидѣ церкви Спаса Нередицы в Новгородѣ (1199 г.)¹⁷ и святых Антонія и Ѳеодосія Печерских, представленных впервые на иконѣ Печерской Богородицы Свенскаго монастыря (XIII в.),¹⁸ изображенія русских святых можно прослѣдить на иконах, в стѣнописях, на произведеніях художественной промышленности и в подлинниках лишь с XV-го, вполнѣ же только начиная с XVI-го столѣтія. Существует, слѣдовательно, большой промежуток между временем жизни большинства святых и появленіем первых их изображеній, что, естественно затрудняло или вообще препятствовало появленію на иконах настоящих *портретов* этих святых. О том же, что иконописцы все же стремились *приблизиться* по возможности портретам, свидѣтельствует сказаніе, заключающееся в житіи св. Александра Ошевенскаго († 1489), судя по тексту рукописи XVII в. собранія гр. Уварова (№ 421); житіе это было составлено в 1568 г. іеромонахом Ошевенскаго монастыря, Ѳеодосіем.

По разсказу житія, монаху Ошевенскаго монастыря, Тимоѳею, явился во снѣ старец, который сообщил, что он Александр, основатель монастыря, и приказал передать игумену, что он желает, чтобы над его гробницей был помѣщен его образ. Игумен на слѣдующій же день дал порученіе иконописцу Симеону написать икону. Симеон же был в затрудненіи, как ему вѣрно, «по подобію», изобразить святого, потому что уже много лѣтъ прошло от его смерти. Поэтому, он начал распрашивать монахов в своем и в иных монастырях не помнит ли кто либо еще наружности Александра, но все было напрасно; ничего не оставалось другого, как писать святого в том видѣ, как его видѣл во снѣ Тимоѳей.

¹⁶ *Θ. Буслаевъ*: Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка (Сочиненія, II, стр. 454).

¹⁷ *В. Мясоедов*: Фрески Спаса-Нередицы. Лгр. 1925, табл. XXIV, 1 и 2.

¹⁸ *А. Анисимов*, *op. cit.*, табл. у стр. 152.

Как раз в это время пришел в монастырь какой то человек по имени Никифор с рѣки Онеги, который еще помнил наружность Александра, описал ее братіи монастыря, и это дало возможность Симеону написать икону.¹⁹

Является ли эта часть житія достовѣрной или нѣтъ, она подтверждает лишь то, что исполнитель первой иконы, как мы могли и сами предположить, всегда искал возможности получить хотя бы какія либо данныя о наружности святого, котораго ему предстояло изображать; но и в тѣх случаях, когда это ему удавалось, он не мог в своем произведеніи итти дальше приданія извѣстных индивидуальных особенностей опредѣленному общему типу. Это послѣднее обстоятельство лучше всего иллюстрируется тѣм описаніем наружности св. Александра Ошевенскаго, которое дал Никифор, и которое ничѣм не отличается от обычных описаній подлинников.

Выше мы указали на то, что за малым исключеніем изображенія русских святых становятся извѣстными лишь начиная с XV и XVI вв. Такое позднее появленіе их объясняется культурно-историческими причинами. Культ святых или, сказать лучше, культ святыми почитаемых имѣл до XVI вѣка главным образом мѣстный характер, и, как можно судить по случаю св. Прокопія, характер неофіціальныи. Переимѣна наступает только при митрополитѣ Макаріи, который был первым распространителем и поборником почитанія русских святых, о чем лучше всего свидѣтельствует цѣлый ряд святых, канонизированных на московских соборах 1547 и 1549 гг., и образующих двѣ группы: святых мѣстных и святых, почитаніе которых было признано общерусским. Канонизація имѣла своим естественным послѣдствием популяризацію почитанія русских святых и распространеніе их изображеній. О том обстоятельстве, что изображенія эти начинают прочно проникать в круг иконографических тем русской церковной живописи только в XVII столѣтіи, свидѣлствуют русскіе подлинники. Так подлинник Строгановскій (не лицевой), который Буслаев считает древнѣйшим, и который надо относить ко времени до 1595 г.,²⁰ заключает в себѣ лишь очень немного имен русских святых, занесенных в общій календарь, в порядкѣ котораго он составлен: ряд этих святых описан самостоятельно в концѣ календаря.²¹ То же мы видим и в болѣе поздних подлинниках, гдѣ также русскіе святыи отдѣлены от общаго календаря и обыкновенно расположены не

¹⁹ Цитирую по *Θ. Буслаеву*: Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ (Сочиненія, II, стр. 374).

²⁰ Так как не знает еще об обрѣтеніи мощей свв. Гурія и Варсонофія Казанских, которое случилось в этомъ году.

²¹ *Θ. Буслаевъ*, *op. ult. cit.*, стр. 367 и сл.

в хронологически-календарном порядкѣ, а по мѣстам их подвижничества.²²

Если распространение изображений русских святых начинается только в XVI в., то способы установления их иконографических черт, какіе указаны в вышеприведенном житіи св. Александра, можно было употреблять только в примѣненіи к тѣм святым, которые жили в теченіи послѣдняго столѣтія. Если же дѣло касалось святого болѣе древняго, а между канонизированными в 1547 а 1549 гг. был ряд святых, живших в XII столѣтіи, нужно было прибѣгнуть к какому либо общему приему, иными словами создать нѣсколько изображений, отвѣчающих сословію или слою населенія, из котораго святой происходил, и в каждом отдѣльном случаѣ надѣлять эти изображенія конкретными детальными чертами. Так, можно сказать, создалось нѣсколько типов: «тип» монаха, епископа, князя и юродиваго. Первый «тип» был использован напримѣр, при изображеніи св. Сергія Радонежскаго, одного из наиболѣе почитаемых русских святителей, его учеников, особенно св. Никона Радонежскаго († 1426),²³ а также святых Михаила Клопскаго († 1456),²⁴ Александра Свирскаго († 1533),²⁵ Павла Обнорскаго,²⁶ Александра Ошевенскаго,²⁷ Антонія Сійскаго,²⁸ князя Іосафа, чудотворца Каменецкаго монастыря (изображался безбородым),²⁹ Нила Столбенскаго († 1554),³⁰ Саввы Сторожевскаго († 1405),³¹ Никиты Переяславскаго († 1186),³² Никодима Кожеозерскаго,³³ Никодима Хозюгскаго,³⁴ Пахомія Кенскаго,³⁵ Ѳеодора Сійскаго,³⁶ Макарія Желтоводскаго († 1444),³⁷ Александра Невскаго († 1263), который изображался без бороды, но с усами,^{37а} Димитрія Прилуцкаго († 1391),³⁸ Зосимы († 1478) и Савватія († 1435), осно-

²² *Ibid.*, стр. 368.

²³ См.: *Лихачевъ*: Матеріалы, № 560; покровъ на мощи его 1623—1633 г. Троицко-Сергіевской лавры (А. *Рѣчменскій*: Собраніе памятниковъ церковной старины. Москва, 1913, стр. 10).

²⁴ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 564 и 615.

²⁵ *Ibid.*, № 567. *Покровскій*, *op. cit.*, стр. 95 и 188.

²⁶ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 586.

²⁷ *Ibid.*, № 588.

²⁸ *Покровскій*, *op. cit.*, рис. 40, 42, 46 и 49.

²⁹ *Ibid.*, стр. 190.

³⁰ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 648.

³¹ *Ibid.*, № 669.

³² *Ibid.*, № 670. *Грѣбѣрь*, *op. cit.*, VI, стр. 43.

³³ *Покровскій*, *op. cit.*, стр. 214.

³⁴ *Ibid.*, стр. 226.

³⁵ *Ibid.*, стр. 214.

³⁶ *Ibid.*, стр. 163.

³⁷ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 671, также на покровѣ XVII в. собранія Рябушинскаго (Выставка древнерусскаго искусства въ Москвѣ 1913 г. — Москва 1913, стр. 66).

^{37а} Напримѣр на покровѣ XVI в. собранія Сапожниковых (*ibid.*, табл. у стр. 61).

³⁸ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 305 и 306.

вателей Соловецкаго монастыря, Пафнүтія Боровскаго († 1478),³⁹ двух князей-супругов, принявших монашество, Петра-Давида и жены его Февроніи-Евфросиніи († 1228)⁴⁰ и т. д.

Второй «тип», святого-епископа, в фелони с омофором или в саккосѣ, с митрой или клобуком на головѣ, без точнаго канонически-литургическаго различья этих облачений, употребляется, напримѣр, при изображеніи святых митрополитов и епископов, Петра,⁴¹ Алексѣя († 1378),⁴² Іоны,⁴³ Леонтія Ростовскаго († 1073, празднованіе установлено уже в 1190 г.),⁴⁴ Филиппа († 1570),⁴⁵ Іоанна Новгородскаго,⁴⁶ Никиты Новгородскаго (изображался безбородым),⁴⁷ Ѳеогноста,⁴⁸ Варсанофія и Арсенія Тверскаго († 1409),⁴⁹ Антонія Вологодскаго,⁵⁰ Исаяи Ростовскаго⁵¹ и др.

Особый «тип» святого-князя, который был выработан уже при изображеніи святых Бориса и Глѣба и св. князя Владиміра,⁵² примѣняется в изображеніях св. Михаила Черниговскаго († 1244);⁵³ его же мы видим на иконѣ ярославских чудотворцев,⁵⁴ гдѣ изображены — в серединѣ св. Ѳеодор-инок, а по его сторонам молодые князья святые Давид и Константин. Тот же тип представляет и изображеніе св. Всеволода Псковскаго († 1138),⁵⁵ в качествѣ ктитора псковскаго Троицкаго собора, с моделью храма в руках; одѣт он в княжеское корзно и бобровую шапку.

Третій «тип», выработавшійся для изображенія святых-юродивых, представляет сравнительно больше всего иконографических особенностей. Так, на иконѣ св. Артемія Веркольскаго,⁵⁶ конца XVII в., этот святой

³⁹ *Ibid.*, № 558.

⁴⁰ *Ibid.*, № 465.

⁴¹ *Ibid.*, № 342, 455 и другіе.

⁴² *Ibid.*, № 455 и 493.

⁴³ *Ibid.*, № 455.

⁴⁴ *Ibid.*, № 457 и 455.

⁴⁵ *Ibid.*, № 466, 467 и 468, икона Рогожскаго кладбища XVII в. (Снимки древнихъ иконъ и старообрядческихъ храмовъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, № 49).

⁴⁶ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 585.

⁴⁷ *Ibid.*, № 332 и 615.

⁴⁸ Икона XV в. в государственных реставраціонных мастерских в Москвѣ. (*Brunov-Alpatov*, *op. cit.*, II, рис. 253).

⁴⁹ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 461.

⁵⁰ *Покровскій*, *op. cit.*, стр. 108.

⁵¹ *Ibid.*, стр. 129.

⁵² Икона XV в. в равеннском Museo Nazionale (*Ph. Schweinfurth*: *Geschichte der Russischen Malerei im Mittelalter*. Haag 1930. — Выходная таблица).

⁵³ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 345 и 348.

⁵⁴ *Ibid.*, № 649 и 462.

⁵⁵ Икона XVI в. собранія Рябушинскаго (Выставка, № 70).

⁵⁶ *Лихачевъ*, *op. cit.*, № 562.

изображен молящимся юношей, высокого роста, с густыми темными волосами на головѣ, в подпоясанной бѣлой рубашкѣ до колѣн и в узких и длинных бѣлых штанах. Также он изображен и на другой иконѣ, первой половины XVII в., вмѣстѣ со святым Васильем Блаженным, наиболѣе популярным русским юродивым († 1552).⁵⁷ Послѣдній представлен на покровѣ, который был вышит в 1584 г. на его раку,⁵⁸ в видѣ совершенно нагого человѣка средних лѣтъ с растрепанными волосами и с короткой бородкой. Почти совершенно также изображался и Максим Московскій.⁵⁹ Этот тип повторяет ряд других икон наряду с подлинниками. Юродивый, Симеон Юрьевскій изображен на иконѣ петровскаго времени молодым с короткой бородкой, длинными волосами, в одной только подпоясанной рубашкѣ.⁶⁰ То же и Іоанн, устюжскій юродивый, изображается скорѣе молодым и обыкновенно полунагим.⁶¹ Не смотря на извѣстные признаки схематизаціи этот «тип» несомнѣнно болѣе близок портрету, чѣм всѣ остальные.

Расширенію и углубленію такого рода схематизаціи изображенія, которое первоначально имѣло портретныя тенденціи, способствовали главным образом подлинники; достаточно обратиться к любому подлиннику, особенно же к безобразовскому, чтобы убѣдиться в том, что изображенія святых обыкновенно описываются путем указанія на особенности изображенія других святых. Ряд памятников, которые с полным правом можно назвать портретами, свидѣтельствуют, однако, что нельзя всѣ вообще изображенія русских святых считать отвлеченными композиціями.

В Лихачевском собраніи была икона св. *Кирилла Бѣлозерскаго* († 1427), XVII вѣка, на которой святой был представлен «карликом с непомѣрно большой головой».⁶² На первый взгляд могло бы показаться, что непропорціональность фигуры святого явилась слѣдствіем неумѣнія иконописца, если бы мы не могли сравнить эту икону с другой иконой того же святого, значительно болѣе тонко написанной и значительно болѣе древней, так как писал ее Діонисій Глушицкій, мѣстный иконописец бѣлозерскій, около 1424 г.;⁶³ и здѣсь святой представлен очень маленькаго роста, но зато с очень большой головой, довольно длинной бородой, короткими волосами, высоким лбом и глубоко посаженными

⁵⁷ *Грбарь*, op. cit., VI, стр. 405; *Brunov-Alpatov*, op. cit., II, рис. 321.

⁵⁸ *Рѣчменскій*, op. cit., стр. 31.

⁵⁹ На вышеупомянутой иконѣ Боголюбской Богоматери (*Грбарь*, op. cit., стр. 383).

⁶⁰ *Лихачевъ*, op. cit., № 589.

⁶¹ *Покровскій*, op. cit., стр. 107.

⁶² *Лихачевъ*, op. cit., № 656, II, стр. 11.

⁶³ *Brunov-Alpatov*, op. cit., I, стр. 283.

блестящими глазами.^{63a} Нѣтъ, поэтому, причины сомнѣваться в том, что указанные индивидуальныя особенности в изображеніи фигуры святого являются наблюденными в дѣйствительности.⁶⁴

Преподобный Максим Грек († 1556), эта значительная фигура русской культурной исторіи, также нерѣдко был изображаем в древнерусской живописи. В собраніи же Лихачева была икона этого святого (повидимому XVI в.), которая поражает своим художественным исполненіем (Табл. II, 1).⁶⁵ Преподобный представлен на ней по грудь старым монахом в мантии и со скуфьей на головѣ; лѣвая рука его держит открытую книгу с надписью (начало поученія о троеперстном сложеніи), правая совершает крестное знаменье. Лицо очень худое, покрыто морщинами, лицевыя кости выступают вперед, глубоко сидящіе глаза имѣют измученное выраженіе монастырскаго затворника. Волосы у него короткіе, зачесанные за уши, но зато огромная по пояс борода вѣером покрывает всю грудь по самыя плечи, призыва въпечатлѣніе мѣхового воротника; отдѣльныя пряди полусѣдых волос тщательно прописованы с удивительным натурализмом. И эту икону мы можем считать очень близкой портрету; ея портретный характер выступает еще больше от сравненія с другими изображеніями этого святого и прежде всего с другой иконой того же собранія,⁶⁶ гдѣ он представлен пишущим за столом. Издѣсь лицо его обросло большой бородой, которая к тому же очерчена своего рода контуром полуминдалевидной формы; вмѣстѣ с тѣм черты лица указывают уже на значительно большую стилизацію. То же можно сказать и об изображеніи преподобнаго в стѣнописях церкви св. Іоанна в Толчковѣ в Ярославлѣ.⁶⁷ Уже полную стилизаціи первоначальнаго реалистическаго портрета дает икона собранія Золотницкаго (начала XVII ст.),⁶⁸ гдѣ борода не только приобрѣла точную геометрическую форму эллипсиса, но и полусѣдые волосы в ней обозначены четкими концентрическими чертами условнаго характера.

Еще больше характерных черт в этом родѣ представляет изображеніе другого святого, чье имя также тѣсно связано с жизнью Москвы — Іоанна Юродиваго († 1589). Мы нашли это изображеніе только в Сійском подлинникѣ (л. 147) (Табл. II, 2).⁶⁹ Святой этот представлен стоящим в лѣвой части иконы⁷⁰ и обращенным вправо, гдѣ вверху, в облаках является

^{63a} *Ibid.*, II, рис. 201.

⁶⁴ «... es ist das schärfste Porträt der altrussischen Malerei» (*ibid.*, I, стр. 283).

⁶⁵ Лихачевъ, *op. cit.*, № 568.

⁶⁶ *Ibid.*, № 584.

⁶⁷ *Ibid.*, № 587.

⁶⁸ P. Muratoff: *Trente-cinq primitifs russes*. Paris 1931, стр. 92.

⁶⁹ Покровский, *op. cit.*, стр. 113, рис. 27.

⁷⁰ Мы описываем изображеніе в том видѣ, в каком оно помѣщено в подлинникѣ; при

ему Богородица с благословляющим Младенцем. Он высокаго роста, полный, почти толстый; у него большая голова на короткой шеѣ, лысая с вѣнчиком длинных, падающих на плечи волос по краю, плоскій лоб, маленькіе глаза; от тонкаго носа проходят двѣ морщины, скрывающія между собою маленькій рот. Общая тучность лица увеличена двойным лишенным бороды подбородком. Лѣвую руку он молитвенно подымает вверх, а в правой держит палку в видѣ костыля, под мышкой же у него большая желѣзная шляпа, благодаря которой он получил прозваніе «Большой клобук». Одѣт он в широкой и длинный плащ с капюшоном, застегнутый спереди нѣсколькими пуговицами, на ногах же у него род валенок. На фонѣ изображена архитектура в видѣ открытой трехкупольной церкви, в которой лежит в гробу тѣло святого со шляпой под скрещенными на груди руками — так, как видѣли его вѣрующіе в церкви св. Троицы «на рву» в Москвѣ. До какой степени изображеніе святого на этой иконѣ является портретным, можно судить по изображенію его мертвым, гдѣ бoльшая часть наиболѣе выразительных деталей уже исчезает. Кромѣ того, общая трактовка толстаго лица, которая в корнѣ противорѣчит стилизованным худым лицам иных святых на иконах того же времени, сама собою говорит о наличіи в нем портретности.

Наконец, портретным, по крайней мѣрѣ, что касается лица, можно считать и изображеніе св. Димитрія Царевича († 1591), из многочисленных реплик котораго приведем одну, относящуюся к началу (первой трети) XVII столѣтія, т. е. приблизительно ко времени, когда его мощи были перенесены из Углича в Москву (1606).⁷¹ Димитрій изображен здѣсь юношей почти роста взрослого человѣка, но с дѣтским овальным лицом, маленьким ртом, небольшим раздвоенным подбородком, прямым носом и высоко сведенными бровями.

Как из сказаннаго слѣдует, приведенныя здѣсь изображенія являются портретами святых, живших в XV и XVI вѣках — времени не слишком отдаленном от той поры, когда возникли их иконы. На основаніи этого мы приходим к заключенію, что русская иконопись XVI столѣтія была в состояніи создавать портреты лиц в то время живших, что, кромѣ того, подтверждается и извѣстными портретными иконами царя Θεодора Іоанновича и князя Василія Скопина-Шуйскаго. В тѣх же случаях, когда дѣло касалось изображенія святых, живших в болѣе отдаленное время, она пользовалась общими иконографическими типами отдѣльных сословій, из которых святые происходили, и эти типы в нѣкоторых случаях

переводѣ прориси на икону стороны измѣняются — лѣвая становится правой и наоборот. Таким образом, положеніе святого в точности повторяет обычное изображеніе святых на строгановских иконах (Іоанна Воина, Никиты, Алексія Митрополита, Антипы и др.).

⁷¹ *Kondakov*, op. cit., I, табл. LXIII.

индивидуализировала, путем измѣненій или дополненій в деталях; случай такого рода представляет и наша икона.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Табл. I. Икона святых Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго собранія С.

Табл. II. 1. Икона преп. Максима Грека б. собранія Лихачева.

2. Изображеніе Іоанна Юродиваго в Сійском подлинникѣ.

EIN BEITRAG ZUR IKONOGRAPHIE DER RUSSISCHEN HEILIGEN.

(Resumé.)

In der Ausstellung d. J. »Die russische Ikone« in Prag befand sich unter Nr. 35 eine Ikone der hlgen. Prokopios von Ustjug und Varlaam von Chutynj aus der Sammlung S., die wir vom Standpunkt der Ikonographie der russischen Heiligen in folgendem betrachten. Den stilistischen Merkmalen nach, kann man sie als das Werk einer provinziellen, vielleicht nordrussischen handwerkmäßigen Schule des XVII. Jhts. betrachten, das hier zwei verschiedenartig aufgefaßte Gestalten genannter Heiligen in dem Schema der symmetrischen Anbetung des jungen Christus darstellt. Interessant ist diese vom Standpunkt der Ikonographie, da hier zwei regional verschiedene, nicht in Zusammenhang stehende Heiligen nebeneinander gestellt sind. Der hl. Varlaam († 1192) ist aus den altrussischen Bilddarstellungen nicht unbekannt, aber alle uns bekannten Denkmäler sind nicht älter als seine Kanonisation, die im Jahre 1547 stattfand. Der hl. Prokopios aber, der gleichzeitig im Jahre 1547 zusammen mit dem anderen »jurodivyj« von Ustjug Johannes, als lokaler Heiliger kanonisiert wurde, war, wie wir durch Legenden und Annalen belegen können, schon 150 Jahre nach seinem Ableben (1285—1303), und zwar im J. 1458 als Heiliger geehrt. Dieser ursprüngliche Kultus war von seltsamer volkstümlicher Prägung, da, wie uns die Chroniken erzählen, ein armer Mensch in diesem Jahre eine Kapelle über seinem Grabe errichtete und in dieser auch seine Ikone angebracht hat. Aber die dortigen Geistlichen befahlen die Kapelle niederzureißen und verwahrten die Ikone. Das zweite Aufleben seines Kultus begann im J. 1481, als die Kriegsleute von Ustjug zum Danke für die Hilfe dem Prokopios eine hölzerne Kirche über seinem Grabe errichteten, der noch in der Beschreibung der Stadt Ustjug vom J. 1630 Erwähnung getan wird. Die hölzerne Kirche wird durch eine steinerne vom J. 1668 ersetzt, als ein Votivum eines gewissen Kaufmannes Afanasios Fedostov. Die repräsentative Darstellung des hl. Prokopios läßt sich später in vielen gruppenartigen Ikonen der russischen Heiligen feststellen, und, wenn wir einer anderen Legende Glauben schenken können, war dessen Kultus noch vor seiner Kanonisierung außer der Ustjurger Stadt und Kreis verbreitet. Die Beschreibung der Darstellung finden wir auch in vielen Musterbüchern (»podlinniky«); das umfangreiche

Икона свв. Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго.

1. Икона преп. Максима Грека.

2. Св. Иоанн Юродивый.

Musterbuch von Sijskij-Kloster z. B. enthält eine Beschreibung der Darstellung des hl. Prokopios, in dem es ihn als einen Mann von mittlerem Alter, der drei Schürhaken in der linken Hand hält, darstellt. Dieses Motiv ist aus dem sog. Prolog entnommen, das erzählt, daß der Heilige diese Schürhaken mit den Heften in den fruchtbaren Jahren nach oben, in den unfruchtbaren Jahren nach unten hin zu tragen pflegte. Obwohl wir auf Grund mehr oder weniger glaubwürdiger Quellen die Entstehung des — vielleicht repräsentativen — Bildnisses datieren können, stellt es sich außer Zweifel, daß es sich hier um kein Porträt handeln kann, denn mehr als 150 Jahre nach dem Tode kann man die Entstehung keines Porträts voraussetzen. Es gilt darum nur die Ansicht, daß schon diese ursprüngliche Darstellung im besten Falle ein konkretisierter Typus war. Es taucht nebenbei die Frage auf, wie es bei den anderen russischen Heiligen war. Von der älteren, besonders der vormongolischen Zeit, kennen wir heute nur die Bildnisse der hl. Boris und Gljeb und den Gründer der Kijevo-pečerskaja Lavra der Hl. Antonios und Feodosios. Die überwiegende Mehrheit dieser Bildnisse stammt vom XVI. und besonders XVII. Jht. Hier könnten wir auf den ersten Blick dasselbe annehmen, was wir von dem Bildnisse des hl. Prokopios gesagt haben, wenn wir besonders die so oft sich wiederholenden, nicht zahlreichen Typen dieser Bildnisse in Betracht nehmen. Aber die Sache ist nicht so einfach. In einer Lebensgeschichte des hl. Alexander Oševenskij († 1489) lesen wir über die Schwierigkeiten, die sich in den Weg stellten, als ein Mönch die Ikone dieses Heiligen malen sollte, die er aber beiseitigen wollte, was ihm auch gelang, als sich ein alter Mann fand, der den Heiligen noch kannte, und auf Grund seiner *Schilderung* und *Angaben* trat dann der Maler an sein Werk. Aber es ist möglich, noch weiter zu forschen; in den Denkmälern können wir einige als reine *Porträts* betrachten. Es ist an erster Stelle das Bildnis des hl. Kyrill vom Bělozerskij-Kloster († 1427), das noch zu seiner Lebenszeit gemalt zu sein scheint, dann des seligen Maxim des Griechen († 1556), des hl. Johann »jurodivyj« von Moskau († 1589) und endlich des hl. Zarewitsch Dimitrios († 1591). Diese letztere Meinung scheint nicht widersinnig zu sein, wenn wir zugleich die zwei bekannten Porträtikonen des Zaren Feodor Ivanovič und des Fürsten Vasil Skopin-Sušskij in Betracht ziehen, die den vollen Beweis erbringen, daß die Zarenkunst von Moskau noch so stark war, daß sie auch die Porträtkunst, — zwar nicht gänzlich ohne den Einfluß der abendländischen Renaissance-Epithaphen — in bedeutendem Maße beherrschte.

ABBILDUNGEN:

- I. Die Ikone der hl. Prokopios und Varlaam aus der Sammlg. S. (XVII. Jhts.).
- II. 1. Die Ikone des sgen. Maxim des Griechen (XVI. Jhts.).
2. Das Muster für die Darstellung des hgen. Johann von Moskau aus »Sijskij podlinnik«.

POSUDKY – COMPTES-RENDUS.

Union Académique Internationale. — EMPLOI DES SIGNES CRITIQUES, DISPOSITION DE L'APPARAT DANS LES ÉDITIONS SAVANTES DE TEXTES GRECS ET LATINS. Conseils et recommandations. Paris, Champion, 1932, 46 str.

Mezinárodní svaz akademií na návrh Královské akademie belgické zabýval se od května r. 1928 otázkou metodického sjednocení v užívání konvenčních znamének ve vědeckých textových vydáních. Otázka byla nejprve svěřena tříčlenné komisi, a ta svůj první elaborát předložila učencům různých zemí, zejména latinistům a firmám, které vydávají latinské a řecké klasické texty. Pak byl teprve vypracován elaborát definitivní, který nyní Mezinárodní svaz akademií vydává beze jména autora spíše jako výsledek mezinárodní ankety. I když stylisace brožury je regulativní, předmluva precisuje, že jde v ní jen o rady a pokyny, ne o příkazy. Skutečně také povaha věci, totiž rozdílnost problémů edičních podle povahy textu, je tak různá, že by nebylo třeba ani vyhraněné individuality vědeckých pracovníků, aby bylo možno předvídati individuální odchylky od obecného pravidla tuto navrhovaného. Vždycky bude zajisté jinak pojat aparát vydání základního, kde budou všechny varianty (*édition constituant*), než aparát vydání zkráceného, obsahujícího jen varianty užitečné pro určitý cíl, různé budou aparáty podle toho, půjde-li o vydání princeps, učené, školní či popularisační, o vydání textu klasického či pozdního, nebo konečně budou-li varianty zasahovati jen slova či celou stylisaci jako na př. v rubrikách textů liturgických, kde knězova gesta nacházíme nejednou popsána volně, s podstatnými odchylkami jednotlivých rukopisů ve stylisaci, ale věcně totožně. Tyto zvláštnosti situací, v nichž se budou vždycky ocitati vydava-

telé textů, způsobí i napříště, že nebude možno ani při nejlepší vůli zachovávatí na-prosto totožný vydavatelský usus pro všechny případy. Proto také Rady chtějí podati jen všeobecné směrnice a navrhují sjednocení jen ve věcech základních. Obrací se k vydavatelům klasických textů latinských a řeckých, ale není pochyby, že mnohé z nich bude užitečné i pro vydávání památek jiných.

Klasická filologie je z filologických věd nejstarší, a její staletá vydavatelská tradice může býti v mnohém vzorem i filologii slovanské, i když má slavistika své problémy vlastní. Je čím dále, tím jasnější — a právě více ve filologii klasické než v slovanské — že vydávání textů, má-li čtenáři přinášeti materiál dosti bohatý, průkazný, zhodnocený a zejména zpracovaný, přináší řadu zásadních i drobných problémů, a vyžaduje dlouhé a bedlivé práce, práce důkladnější, než ta, jež byla až dosud pravidelně věnována vydání na př. církevně-slovanských textů. Z té však Rady všchnu pozornost věnují jen části, totiž aparátu variantovému a paleografickému, pro nějž přinášejí podněty v podstatě typografické. Těmito otázkami zabýval se v poslední době O. STÄHLIN (*Editionstechnik — Ratschläge für die Anlage textkritischer Ausgaben. Leipzig, Teubner, 1909, 1914*) a v důsledku této jeho studie J. SIEMIENSKI (*Les symboles graphiques dans les éditions critiques de textes. Projet d'unification. Varsovie 1927*). Již z těchto prací bylo zřejmé, že se cítí potřeba unifikovati; zkušenost s jednotlivými znaménky je jistě již tak dlouhá, že je dnes již možno ocenit, co se osvědčilo. O to tedy se pokoušejí tyto Rady.

*

Jiné jsou ediční problémy při vydávání rukopisů, jiné při vydávání textů papyro-

vých a nápisů. Papyrolog a epigrafik nemají zpravidla několik variant svého textu a proto nemají ani variantového aparátu, zato však potřebují většího množství znamének. Rady rozeznávají proto mezi »texty« na jedné straně, a papyry a nápisy na straně druhé; nejvíce typografických nesnází přináší kritický aparát textů, a tomu také je věnováno v Radách nejvíce pozornosti.

Rady doporučují nejprve několik důležitých zásad: dokonalou jasnost, úspěšnost, čitelnost a důslednost aparátu, a zásadní respektování tradice. Dále varují před přílišnou hutností aparátu — tohoto varování je skutečně třeba — a přivádějí ke cti staré dobré stylistické a logické pravidlo označovat *idem per idem*. Jako Siemieński doporučují i Rady, aby vydavatel označil, nejen jaký text je podkladem jeho vydání, nýbrž i oč se opíral při tisku, t. j. zda při tisku v případě pochyb — a ty se vyskytnou vždy, praví správně Rady — mohl kontrolovat svůj text přímo textem, jenž je podkladem jeho vydání, či zda měl k dispozici jen své opisy a poznámky.

V podrobnostech přisuzují Rady základním znaménkům < >, [], *, + stejnou funkci jako ta, již mají u Stählina, L. Haveta¹ a ve většině vydání. Návrhy Siemieńského, ne vždy vhodné, příliš se odchyľující od běžného usu a nehodící se pro řečtinu (a ani pro filologii slovanskou), nebyly tu přijaty.

Dále doporučují Rady označovat *korektury*, provedené opisovačem nebo dalšíma rukama v původním znění A, značkami A¹ A² A³. Myslím však, že by bylo lépe použít těchto značek pro označování rukopisů podle měst, kde jsou chovány, na př. moskevské rukopisy citované v daném vydání označit M¹ M² M³, římské R¹ R² R³, jak toho užil na př. M. I. ORLOV v svém díle *Литургия святаго Василия Великаго* (С. Пб. 1909). Jeť těžko vystačiti s písmeny abecedy tam, kde je užito většího počtu rukopisů, na př. ve sbornících, kde by jistě nebylo vhodné zavádět pro každý kus značení

nové, zejména když prameny sborníků jsou často sborníky obdobné.

Ve věci *zkratek* sledují ovšem Rady běžný usus klasické filologie: radí rozvádět je. Ve vydáních církevněslovanských textů jsou zkratky šmahem zachovávány, a to i ve slovech tak hláskoslovně nepochybných jako je slovo *Богъ*. Je zvláštností slavistiky, že vydavatelé buď z přílišné úzkostlivosti, nebo snad i z pohodlí otiskují texty tak, jak jsou, omezují se jen na rozdělení kompaktního textu ve slova, a ponechávajíce při tom všechny zkratky, ba neznačíce ani interpunkci. ŠAFAŘÍK, který r. 1847 napsal, že nad touto metodou roní krvavé slzy (šlo o vydání Bodjanského, která se od tohoto způsobu vydávání lišila jen tím, že tiskla text kompaktně) a hovořil přímo o barbarství, škodě papíru a peněz,² dnes, po 85 letech, by asi tuto metodu neposuzoval mírněji.³ Jsou ovšem případy, kde zvláštní hláskoslovné problémy církevněslovanské nedovolují prostě rozvésti každou zkratku, protože by se vydavatel dopustil nepřipustné libovůle. Tu jistě nejlépe bude položit doplněné části slova mezi () : *Ч(ЛО-БЪ)КЪ*. Toto značení rozvedených zkratek Rady nepředvídají, jako vůbec doporučují, ovšem v souvislosti s poměry v klasické filologii, *pravopis* zachovávat tak, jak se po staleté vydavatelské práci ustálil, a neměnit tento usus ani zaváděním novot, jež by byly založeny na textech samých.

V *interpunkci* ponechávají Rady vydavatelům volnost. Rozumí se, že se bude interpunkce vydání vesměs odchyľovat od znamének textů, jež ani v klasické filologii nejsou po této stránce zvlášť prozkoumány, a počítá se s tím, že tu bude každý vyda-

¹ L. Havet, Règles pour éditions critiques. (Règles et recommandations générales pour l'établissement des éditions G. Budé.) Bez data.

² V. A. Francov, Korespondence P. J. Šafařka. I, 2, str. 704; dopis Pogodinovi. Srv. B. Havránek v Naší vědě, 13 (1932).

³ S tím je ovšem možno srovnati i některá vydání latinské epigrafiky, kde originál je reprodukován kapi-tálami tak těsně, že vydaný text je skoro faksimilem originálu.

vatel pod vlivem interpunkce svého mateřského jazyka (s tím počítá i L. HAVET o. c., když francouzským vydavatelům doporučuje střizlivost v užívání interpunkčních čárek).

Pro odkazy v aparátu doporučují Rady odkazovati k řádkům a ne k slovům, pro označování ročníků časopisů doporučují pak, aby pro ušetření času čtenářů a vyhnutí se stálým chybám tiskařským bylo užíváno čísel arabských.

Všude, jak řečeno, mluví Rady jen o aparátu variantovém a paleografickém, a nikoliv o textovém komentáři, který do aparátu nepřipouštějí. Nepřipouštějí tam ani odkazy k paralelním místům a pramenům, z nichž text cituje, vyhrazující jim zvláštní místo mezi textem a aparátem. Tu nejvíce cítíme odchýlení od zásad francouzské filologie, která, chtěc čtenáři usnadnit vedle dobrání se archetypu poznáním rukopisné tradice také skutečné pochopení textu, žádá od vydavatele nejen kolacionování rukopisů, nýbrž i kritické proniknutí textu samého. Tak L. Havet o. c. žádá, aby kritický aparát upozornil na všechna místa, kde je možno tušiti buď chybu opisovačovu či autorovu, nebo autorovu nedbalost, aby zaznamenal každý rozpor, každou věcnou nepravděpodobnost, každý anachronismus, každou nejasnost nebo dvojznačnost, každou mluvnickou nesprávnost, každý poklesek proti proporcím, souměrnosti a rovnováze. V bibli, která je textově kriticky textem nejtěžším, jsou ovšem problémy ještě jiné.⁴ Rady nehovoří také o dodatku při vydáních, do něhož L. Havet odkazuje zejména všechna orthographica a všechny podrobnější výklady, doporučují však pořízení *prolegomen*, kde by byly uvedeny všechny zvláštnosti užitých rukopisů, aby tak bylo ulehčeno aparátu.

Celý tento spisec chce ve shodě se snahami dneška připravit normalisaci a standardisaci edičních znamének. Je to cíl

zásadně dosažitelný, protože rozdíly v užívání těchto znamének vznikly jistě také tím, že nebylo dosud po ruce takto sebrané zkušenosti; bude ho dosaženo ovšem jen částečně, protože obtíže a problémy jednotlivých textů jsou různé. Sjednání bude zajisté třeba prováděti také shora, t. j. od jednotlivých velkých řadových publikací učených společností a vědeckých nakladatelství, kde všude je zaveden určitý znaménkový systém, který je pak udržován ve všech publikacích tam vydaných. I tam však dochází ke změnám. Tak na př. *Bibliotheca Teubneriana* vynechává v poslední době v aparátu po lemmě dvě tečky, kterých dříve užívala stejně jako vydání Association Guillaume Budé.

Používání Rad je citelně usnadněno podrobným věcným a osobním rejstříkem, který je pořízen se stanoviska čtenáře i autora.

Jan Fréek (Brno).

AUSGEWÄHLTE KOPTISCHE ZAUBERTEXTE von P. Dr. ANGELICUS M. KROPP O. P. *Geleitwort* von JEAN CAPART; *Vorrede* von W. E. CRUMM M. A. *Gedruckt mit Unterstützung des Byzantine Institute of America and Yassa Bey Andraos Bichara. Bd. I. Textpublikation. p. 123 + XIX. 7 Schriftproben und 4 Tafeln. Édition de la fondation Égyptologique. Bruxelles 1931; Bd. II. Übersetzungen und Anmerkungen. p. 286 + XV. Bruxelles 1931; Bd. III. Einleitungen in koptische Zaubertexte. 15 Abbildungen. Bruxelles 1930.*

Общество египтологов имени королевы Елисаветы в Брюссель только что закончило издание трехтомного сочинения Кроппа, в котором опубликован ряд избранных магических текстов, заговоров – формы хорошо известной и в славянской литературе.

В области магии вѣроваіа одних народов, их обряды и обрядныя записи легко проникают друг к другу. В научной литературе уже давно отмѣчены близость магических текстов димотических к греческим, тоже должно сказать и о коптских. Если

⁴ Dom H. Quentin, *Essais de critique textuelle* (ecdotique). Paris. Picard. 1926. 177 str.

в греческих папирусах встрѣчаются коптскія слова и цѣлыя формулы, то тоже только в обратном видѣ отмѣчено в коптских. Там встрѣчаются греческія магическія формулы, цѣлыя фразы и отдѣльные выражения. Кромѣ того самые заговоры, как по своей композиціи, так и по содержанию имѣют много общаго. И копты и греки многое заимствовали из своей языческой древности (необходимо также обратить вниманіе на царствовавшій в эллинистическую эпоху религіозный синкретизм), также из христіанства, частью апокрифическаго, из гностики и из Ветхаго Завета, от іудеев. Поэтому эти коптскіе тексты представляют большой интерес и для византолога, и поскольку возможно предположить влияніе греческой магической литературы на славянскую народную, отчасти и книжную, магію для славистов.

I том в нашем случаѣ представляет меньшій интерес. Он дает изданіе коптских текстов, т. е. текстов писанных народным египетским языком христіанскаго времени греческими буквами. Текстам предшествуют два предисловія ЖАНА КАПАРА, о значеніи коптской магіи для египтологов, и КРУММА о языкѣ и палеографіи издаваемых памятников. Слѣдует таблица сокращеній и оглавленія. Наконец третье предисловіе принадлежит перу издателя текстов КРОППА. Кропп знакомит читателя со состояніем изученія и публикаціи коптских магических текстов и объясняет систему своего изданія. Слѣдуя плану в первом томѣ он ограничивается помѣщеніем только впервые публикуемых текстов, за исключеніем четырех, которые по особым причинам переиздаются. Слѣдует изданіе текста с образцами письма и с указателем к тексту.

Второй том представляет читателю нѣмецкіе переводы, как опубликованных в первом томѣ текстов, так и ряда других схожих по темам, но вышедших прежде в других изданіях. К каждому заговору приложены резюме и примѣчанія. Этот том знакомит с содержаніем заговоров и вводит

в атмосферу греко-коптскаго колдовства. Матеріал расположен слѣдующим образом: 1. древніе боги в легендах, 2. ритуалы, 3. христологическія сказанія, 4. благословенія, 5. молитва Маріи на Бартосѣ, 6. экзорцизмы, 7. различные амулеты, 8. заклинанія, наложеніе проклятій.

Первым помѣщено любовное заклинаніе. В нем, как обыкновенно бывает в таких случаях, сначала передается легенда о богах — Изидѣ и Горѣ, в которой скрывается магическая формула, примѣняемая затѣм при случаѣ магом; иногда различныя легенды, христіанскія и языческія причудливо переплетаются. В подобных заговорах иногда встрѣчаются и угрозы божеству в случаѣ неисполненія желанія колдующаго. Одной из самых страшных по своей кощунственности представляется слѣдующая (р. 21) «я спущусь в преисподню привести наверх Тартаруха и сказать ему: Ты тоже Бог».

В текстах, помѣщенных под заголовком «ритуалы» приводятся магическія формулы, предписанія для необходимых в различных случаях обрядов, рецепты по которым слѣдует изготовлять амулеты. Отмѣтим ритуал по которому при закладкѣ дома под фундамент зарывают восковую куклу.

Особый интерес представляет цикл текстов, посвященный христологическим легендам, в них вошло много элементов апокрифических. Встрѣчается возглас Христа на крестѣ, удлинненный тайным именем Бога, исцѣленіе тещи апостола Петра, исцѣленіе лани, тексты апокрифической переписки Христа с Авгаром, сказаніе о копѣ прозившем Христа на крестѣ, молитва об указаніи мѣста, гдѣ был сокрыт животворящій крест. В заклинаніях слѣдующей группы, благословеній различных предметов, часто служащих к исцѣленію больных, большое значеніе приписывается ангелам, которые призываются на помощь вмѣстѣ с Богом Отцом и Иисусом Христом. Среди этих заговоров по своему содержанию выдѣляется благословеніе сѣти и амулетта для успѣшной ловли рыбы, в нем вспоминаются со-

отвѣтствующіе эпизоды из жизни Іисуса Христа. В тексты благословенія зачастую входят отрывки из молитв. Ближе к апокрифическому циклу стоит молитва Маріи в Бартоѣ (ad Bartos) заклинанія Божьей Матерью архангелов Михаила и Гавріила, которые должны способствовать освобожденію апостола Матѣя.

Большой отдѣл экзорцизмов, т. е. заклинаній и молитв для изгнанія злых духов. Для этого призывается и сам Іисус Христос, под магическим именем Бактіова и Давіоея. Особую группу составляют заклинанія - молитвы, приписываемыя св. Григорію Богослову, приводится параллельный греческій текст. В этом же отдѣлѣ опубликован перевод т. наз. гностическаго трактата России, заклинанія против демонов, с обращеніем к Богу и небесным силам; приводятся сокровенныя имена. В небольшом отдѣлѣ различных амулеттов, в писанных на них заговорах встрѣчается значительное количество христіанских молитв, но конечно в самых неожиданных примѣненіях (напр. р. 211) отождествленіе матери закликающаго с Богоматерью, а себя самого с Іисусом Христом. Большинство амулеттов имѣет значеніе цѣлебное, встрѣчаются и от дурного глаза. Магическое свойство приписывается перечню имен 24 пресвитеров и 40 севастійских мучеников.

Страшны по своему содержанію и про-являющейсѣ в них злобѣ проклятія. Проклятіе падает иногда и на развернушаго папирус, спрятанный в сокровенном мѣстѣ, часто в гробѣ муміи, которая тѣм самым должна принять участіе в магическом дѣйствіи и мести. В концѣ тома прилагается перевод отрывка Бартоломеевскаго апокалипса, близкаго по содержанію к заговорам.

Третій том посвящен разбору текстов напечатанных в первом и втором томѣ, поскольку они представляют интерес для исторіи религіи. Автор останавливается с одной стороны на высших силах с которыми в магическом искусствѣ приходится считаться, с другой стороны на средствах

при помощи которых возможно повлѣять на промежуточное царство и на богов (р. 3). Изложеніе носит характер перечисленія подраздѣленных по различным рубрикам текстов, что неизбѣжно вызывает повтореніе части матеріала напечатаннаго во втором томѣ. Это особенно замѣчается в первой части, посвященной высшим силам.

В связи с особенностями коптскаго міросоздѣрцанія и религіознаго синкретизма, эти высшія силы принадлежат к цѣлому ряду религіи и вѣроученій. В первую очередь это древнеегипетскіе боги; их сравнительно мало. Затѣм в особую группу выдѣлены боги и демоны синкретизма, за исключеніем опредѣленно гностических, среди них выдѣляется повелитель преисподни, носящій греческое имя Тартаруха. Отмѣтим также Авракаса, извѣстнаго и в славянской литературѣ, как повелителя над громами; в коптских магических текстах это иногда эпитет Бога Саваоѣа и Іисуса Христа.

III группа — пережитки гнозиса. Вліяніе гностики велико. Встрѣчается и гностическая Троица: Отец, Мать и Сын. Сохранилась легенда о снисхожденіи на землю вышшаго Дѣна Христа; представленіе о Христѣ, как о совершенном человѣкѣ, наконец отдѣльныя фигуры гностической міеологіи (семи Дѣнов), деканов планет, архангелов, четырех свѣточей.

IV группа христіанская. Бог, ангелы, демоны и святые, по церковному ученію и апокрифам. При описаніи Бога Отца смѣшиваются новозавѣтныя и ветхозавѣтныя понятія. Особое мѣсто в магіи удѣлено сотворенію міра. Встрѣчаются упоминанія о том, гдѣ находился Бог до сотворенія міра, также как и об обычном пребываніи Его — скинии. Встрѣчаются и тексты, касающіеся Іисуса Христа и Святого Духа. Важную роль играют ангельскія силы. Как отмѣчает Кропп, при ближайшем знакомствѣ с коптской магической литературой становится понятным отрицательное отношеніе к культу ангелов в церкви. Классификація ангельских сил, кромѣ

семи ангельских хоров, согласно Священному Писанию, знает и дальнѣйшее подраздѣленіе ангелов в зависимости от их службы и мистическаго значенія апокалиптических чисел 4, 7 и 24 (р. 69). Четырьмя великими ангелами являются носители Престола Господняго. Маг часто прибѣгает к помощи семи архангелов, имена их, как и толкованіе их значенія, колеблются. Особо выдѣлены «эсхатологическіе» ангелы, обязанность которых карать (р. 85). Демоны в христіанско-иудейском понятіи их, как павших ангелов, встрѣчаются наряду с языческими. Упоминается и Сатана, как перво-созданный (ἀρχήπλασμα). Сравнительно мало привлекаются Дѣва Марія и святые.

II-ая часть книги посвящена средствам к магическому воздѣйствію (р. 107—166.). Таковыми представляются различные склонные к магіи животныя, растенія и минералы. Цѣль мага овладѣть их усіей (οὐσία) сущностью, т. е. матеріальным средством, стоящим в связи по своему существу с демонами, живыми существами или с божественною силою. Примѣняется также хорошо извѣстный в средніе вѣка замѣститель в видѣ восковой фигурки. Видную роль в магіи играет человѣческая рѣчь, которой устно или письменно представлялось возможным воздѣйствовать на высшія силы. Сила имени простирается на божество и на демонов. Поэтому маг стремится узнать сокровенное имя, дающее ему власть над ними. Очень употребительны имена на иностранных языках или на «языкъ богов», в существованіе котораго вѣрили. Часть этих имен является общим достояніем греко-египетских преданій, напр., ἀβραῆας.

Особняком стоят слова с загадочным смыслом, т. н. Ephesia grammata. Священными представлялись всѣ гласныя, написанныя рядами. Маг не останавливается перед угрозой божеству, иногда кощунственной, но чаще наивной и нелогичной; иногда он отождествляет себя с божеством. Для всѣх магических дѣйствій должна существовать соотвѣтствующая обстановка. В свя-

зи с этим вырабатывается специальный ритуал, точно опредѣляющій одежду и предметы, необходимыя для принесенія жертвы и изготовленія амулетта.

В III части Кропп изучает самое магическое дѣйствіе и молитву (р. 166-244). Начинает он с разсмотрѣнія различных видов магических текстов. Магію он подраздѣляет на теургію, гоетию — обращеніе к низшим демонам и фармакію. Медецина и магія у коптов близко соприкасалась. «Для излѣченія и охраны лица от всевозможных болѣзней в магіи существовала практика языческая и церковная. Так как медецина и магія в заботах об исцѣленіи больных открывала широкое поле дѣятельности колдовству, то в интересах церкви было своими религиозными упражненіями противоборствовать магическим обычаям». Слѣдует интересный разбор понятія экзорцизма и принципов на которых построено изгнаніе злых духов. Проводится сравненіе церковнаго и магическаго благословенія-эпиклезы, и отмѣчается проникновеніе церковных элементов в магію. Затѣм разбираются отдѣльные случаи примѣненія благословенія, обычно в случаѣ болѣзни. Церковное вліяніе проникает и в практику изготовленія амулеттов, кромѣ того оно сумѣло замѣнить их (р. 208). В этой главѣ Кропп описывает и комментирует изображенія, встрѣчающіяся на амулеттах, репродукціи которых приложены. Послѣдняя глава посвящена изученію магической и религиозной молитвы существенно отличающихся друг от друга тѣм, что сущность первой есть приказаніе, а второй просьба. Автор останавливается на формах магической молитвы, на указаніях о ея мнимом происхожденіи. Он также устанавливает отношеніе магических молитв к синкретически-гностическому кругу религиозных вѣрованій и к церковной литургіи и частной молитвѣ; приводятся поучительныя параллели. В концѣ всѣх трех томов этого фундаментальнаго сочиненія приложены указатели, облегчающіе читателю пользованіе им.

М. Андреева.

LE DESPOTAT DE MORÉE. *Thèse pour le doctorat ès Lettres présentée à la Faculté des Lettres de l'Université à Paris par DENIS A. ZAKYTHINOS. Paris 1932, p. 325.*

M. Zakythinos dans un beau volume récemment publié présente au lecteur la première partie de son grand travail sur le despotat de Morée, c'est-à-dire sur la Grèce depuis sa reprise en partie des Francs par les Byzantins en 1262 jusqu'à sa conquête par les Turcs en 1460. Ce travail vient prendre place dans la série des ouvrages comme ceux de Ch. HOPF et de W. MILLER¹, traitants le même sujet. Mais si dans les livres de l'éminent savant qu'est M. W. Miller, le sort de la Grèce byzantine ne prend généralement place qu'à côté de l'histoire des principautés franques, c'est justement à cette Grèce byzantine, qui prit après le nom de despotat de Morée, que M. Zakythinos porte intérêt. Comme il l'explique lui même dans la préface: «Le despotat grec de Morée... tient dans la vie de l'Empire byzantin aux temps des Paléologues une place considérable.» Son expansion territoriale, sa position privilégiée, qui lui permit «à exercer une influence considérable dans la politique internationale», enfin son rôle dans la civilisation et l'art byzantin sont de grand intérêt. C'est à cette vie intérieure du despotat, aux questions ethniques, administratives, ecclésiastiques et sociologiques, à la lutte des grands seigneurs grecs avec leur suzerain — le despote, aux mouvements économique, littéraire et artistique que sera consacrée la deuxième partie de l'ouvrage de l'auteur. C'est là aussi que M. Zakythinos traitera probablement de plus près les relations qu'existaient entre le despotat et l'Empire. Aux liens dynastiques des mem-

bres de la famille des Paléologues et à leurs mariages, souvent purement politiques et par cela même très expressifs pour les relations extérieures de l'Empire l'auteur, bien qu'ayant exprimé l'intention de s'en occuper particulièrement, ne s'arrête qu'en passant. Cependant les liens dynastiques et personnels ont été toujours d'importance dans l'histoire médiévale.

Le premier chapitre, ayant pour titre: «Les possessions byzantines de Morée du traité de Constantinople à la fondation du despotat (1262—1348)» débute par une brève caractéristique de la position internationale en Orient après la conquête de Constantinople par les Croisés. Puis M. Zakythinos repasse au traité de Constantinople de 1262. Il présente un examen minutieux des sources grecques et occidentales et vient à la conclusion, que le récit de Pachymère est le plus précis de tous. Pachymère écrit dans son Histoire, que le prince d'Achaïe Guillaume II Villeharduin non seulement avait cédé trois forteresses importantes aux Byzantins, mais s'était aussi déclaré vassal de l'Empereur. Par cet acte fut commencée la reconquête finale de la Morée. Dans la deuxième partie, bien plus longue du chapitre M. Zakythinos traite des guerres des Grecs et des Francs. Les sources principales pour l'histoire de ces guerres sont la Chronique de Morée et les documents des chancelleries napolitaines et du Saint Siège. D'après l'auteur, le danger de l'utilisation de ces sources est caché dans leur tendance francophile, M. Zakythinos tâche d'y remédier par une critique approfondie. Dans la description des guerres de cette époque l'auteur paie une grande attention à la position que prennent envers les deux parties combattantes les autres pouvoirs politiques — le Pape et surtout Venise, car à ce moment-là a lieu le rapprochement de Byzance et de Gênes.

Après le traité de Viterbo en 1267, sur la scène politique apparaît Charles d'Anjou. En conséquent la Morée franque est

¹ K. Hopf, Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit. Ersch-Gruber Allgemeine Encyklopädie, t. LXXXV—LXXXVI. Leipzig. 1867—1868; William Miller, The Latins in Levant. A History of Frankish Greece. 1908; Essays on the Latin Orient. Cambridge 1921.

ravitaillée par les Napolitains. La lutte en Morée ralentit quelque peu pendant les pourparlers de Michel VIII Paléologue avec le pape Grégoire IX, pour recommencer derechef. Enfin après la mort de Guillaume II Villeharduin la Morée franque tomba en décadence, car les baillis envoyés de Naples n'avaient ni force ni autorité. Seulement en 1289 avec l'élévation à la principauté de Florent de Hainaut une paix plus ou moins durable s'établit entre Francs et Byzantins. Enfin en 1308 après avoir réformé l'administration, en mettant à la tête de la province grecque un gouverneur au pouvoir élargi et envoyé pour une plus longue durée, les Byzantins aboutirent à des succès plus décisifs. Le premier de ces gouverneurs fut le père du futur empereur Jean Cantacouzène. Après lui Andronik Assan continua la guerre avec les Francs, qui mécontents se détournèrent de Naples et traitèrent avec Venise. Dans la troisième partie du chapitre M. Zakythinos s'occupe de l'administration de la province grecque. La Cour de Constantinople avant tout marqua son attention envers l'Église moréote. Ce fut surtout la métropole de Monemvasie qui s'attire ses sympathies et qui reçut de nouveaux privilèges. La ville même eût des privilèges commerciaux et fut ornée de constructions nouvelles. On bâtit aussi à Misthra. Un fléau terrible pour la Morée grecque furent les pirates, parmi lesquels dès le XIVe siècle sont signalés des Turcs.

Chapitre II. « Le despotat de Morée sous les Cantacuzènes (1348—1384). » En 1348 Jean Cantacouzène créa le despotat et plaça à sa tête son fils le despote Manuel. M. Zakythinos trouve cette mesure et le choix de la personne du despote fort propices. Il serait aussi d'intérêt de retracer un parallèle entre le nouveau despotat et celui d'Épire et d'examiner cette mesure du point de vue de l'intégrité de l'État byzantin et de l'administration, ainsi que des motifs personnels de Jean

Cantacouzène; peut être l'auteur en dira plus long dans la seconde partie de son livre. Les deux successeurs du premier despote, qui gouverna plus de trente ans, Matthieu et Démétrius ne l'égalèrent pas; le dernier d'entre eux dut maintenir une lutte acharnée contre Théodore Paléologue envoyé de la capitale pour le remplacer. Cette lutte ne finit qu'avec la mort de Démétrius.

Le IIIe chapitre, le plus volumineux de tous, est consacré au gouvernement de la dynastie des Paléologues en Morée (1383 à 1460). Ce fut l'époque la plus brillante du despotat, lorsque presque toute la Morée fut réunie sous le pouvoir grec, mais qui se termina par la conquête turque. Dans la politique intérieure on peut noter pour cette époque des liens plus rassis avec la capitale. Ainsi les empereurs Manuel II et Jean VIII se mêlèrent aux affaires du despotat, d'autre part les despotes de Morée jouèrent un rôle très significatif dans la vie et la politique de la capitale. Ce rôle du despotat est la suite de son expansion territoriale, qui lui procurait une grande importance dans l'Empire byzantin déjà tellement diminué. Par conséquent Misthra devint un des principaux centres de l'Empire du point de vue de la politique et de la civilisation. Mais en même temps commencèrent à paraître des éléments de décadence: combat pour le pouvoir des membres de la dynastie des Paléologues; lutte perpétuelle des féodaux—archontes avec le pouvoir central, qui épuisait les forces économiques et les finances du pays. L'état économique de la Morée, d'après l'auteur, à l'époque des Paléologues était loin d'être brillant. Il faut néanmoins suggérer à propos de la description fait par M. Zakythinos, que la Morée à cette époque là paraissait être tout de même un morceau friand aux Turcs et un marché fort désiré aux Ragusains.

Dans la politique extérieure le rôle prépondérant appartient à Venise et aux

Turcs. Passant à la personnalité et au gouvernement des différents despotes, l'auteur caractérise Théodore I Paléologue, comme un administrateur bien doué et adroit, mais pas assez scrupuleux au sens moral. Ainsi il remet Monemvasie aux Vénitiens pour les repayer de leur aide pendant la lutte avec Cantacouzène. Dans la politique intérieure ce prince eut à subir une lutte acharnée avec les grands seigneurs moréotes, les archontes, surtout avec Paul Mamonas. Pour fortifier sa position il invita en Grèce des colons albanais. En même temps il combatit les Navarros qui eurent recours à l'aide de Bajazet. Une terrible invasion turque en résulta. Ce ne sont que les traits principaux de la vie politique fort remuée de ce temps, dont M. Zakythinos nous fait un tableau détaillé. Cependant parmi ces faits divers l'auteur ne parle pas de la visite de Manuel Paléologue chez son frère à son allée et retour du voyage en Occident, pendant la durée duquel il laissa sa famille en Morée.

À Théodore I succéda son neveu Théodore II Paléologue. Durant sa minorité son père Manuel II gouverna à sa place et fit construire la fameuse muraille du Hexamilion, qui en cas de guerre isolait la Morée du reste de la péninsule. Cette mesure trouva résistance chez les archontes, qui se révoltèrent. On dut recourir aux armes pour les apaiser. D'après Mazaris la démoralisation de la société était profonde. M. Zakythinos s'arrête aussi à l'intéressante mémoire de Gémistos Pléthon, remise à l'empereur entre 1416 et 1418. Pléthon proposa une réorganisation complète de la société contemporaine. Après le départ de Manuel II le gouvernement passa aux mains des deux frères Théodore II et Jean VIII. En retraçant le tableau de la vie politique de l'époque M. Zakythinos s'arrête à l'épisode de l'occupation vénitienne de Monemvasie de 1419 à 1428. Il nie ce fait et est enclin de trou-

ver les documents publiés par W. MILLER à n'avoir pas la signification qui leurs était attribuée. Le gouvernement de Théodore II ce qui est de la politique extérieure fut propice aux Grecs; à noter est l'amitié de ce prince pour les Vénitiens. Cette politique amicale changea avec l'apparition en Morée du despote Constantin Paléologue, que Zakythinos déclare être un des faits les plus importants pour l'histoire de la Morée au XVe siècle.

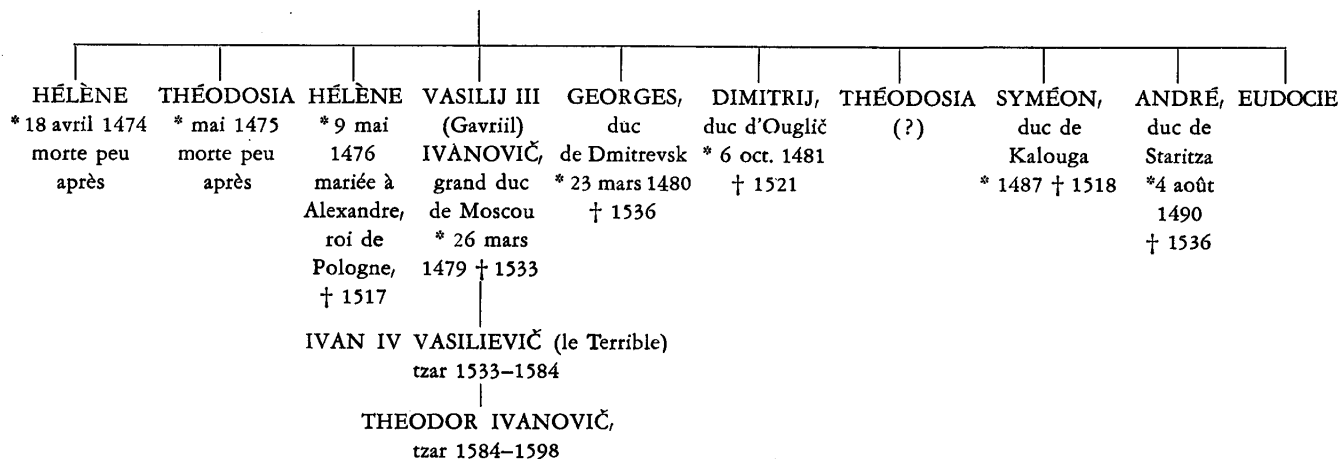
Les trois frères continuèrent à maintenir l'unité du territoire grec et de faire avec succès cause commune contre l'ennemi extérieur. Mais la lutte pour le trône et l'intervention turque mit fin à l'expansion territoriale du despotat. Aussi l'histoire de la Morée de 1437 à 1443 est pauvre de faits. En 1443 Constantin revint en Morée. Il rebâtit l'Hexamilion et entreprit la réorganisation de l'administration civile. Il tâcha aussi à remédier à la guerre économique des Vénitiens très pénible pour les habitants de la Morée et fit alliance avec Raguse et par son intermédiaire avec les Serbes. Ainsi eut lieu le mariage de la fille de Thomas Hélène avec le fils de Georges Branković, Lazare. Dans ces sympathies slaves a pu joué aussi un grand rôle l'origine slave de par sa mère de Constantin Dragaš. M. Zakythinos ne paraît pas payer attention à ce fait là. En général sur les relations avec Raguse et les Serbes on aurait pu dire plus long. Dans la liste bibliographique sont cités des ouvrages slaves ou traitant des Slaves, mais malheureusement ce ne sont souvent que des titres seuls.

Après 1449 en Morée restèrent Thomas et Démétrius qui ne paraissent pas avoir les capacités administratives de leur frère; ils se montrèrent agressifs envers Venise. Pendant la catastrophe finale de l'Empire une révolte générale des Albanais éclata et les despotes eurent à recourir à l'aide des Turcs. La fin du despotat fut amenée par la lutte des deux frères, dans laquelle

ZOË-SOPHIE PALÉOLOGUE,

† 5 AVRIL 1503. 1472 AVEC IVAN III, GRAND DUC

DE MOSCOU † 1505

M. Zakythinos retrouve l'opposition de deux tendances politiques — la latinophile de Thomas et la turcophile de Démétrius. Un paragraphe spécial traite des relations diplomatiques de l'époque, l'auteur y revient encore une fois au traité de 1451 avec Raguse.

Le quatrième chapitre est consacré aux derniers Paléologues en exile, c'est-à-dire au sort de Démétrius et Thomas et de leurs descendants. Thomas après le refus de Raguse de l'abriter fut reçu à Rome et devint pensionnaire du Saint-Siège. L'histoire de Thomas et de ses enfants, surtout de leur séjour à Rome, a été décrite déjà plusieurs fois (W. Miller et P. Pierling). M. Zakythinos, tout en y apportant quelques nouveaux détails, y commet de graves erreurs, que nous ne retrouvons pas chez les auteurs nommés plus haut. Ainsi à la page 295 déclare-t-il, que « Sur la descendance des derniers Paléologues après 1502 nous n'avons pas la moindre indication qui puisse résister à la critique historique(!) ».

C'est vrai qu'à la page 297, il nous fait connaître d'après l'article de Georges E. TYPALDOS sur les derniers Paléologues (Δελτίον 1922), qu'André Paléologue avait un fils Constantin, dont il est question dans un document, dattant du 17 octobre 1508; mais si l'auteur aurait payé plus d'attention à l'ouvrage de P. Pierling (La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques. Tome premier. IIe éd. Paris 1906), il y aurait aussi trouvé (p. 325) que le fils d'André Constantin, capitaine de la garde pontificale, faisait en 1507 un voyage en Allemagne. Mais ce qui est encore d'une plus grande importance qu'à cette date était encore vivante Zoé-Sophie Paléologue, morte une année après. De sa fameuse progéniture, qui compte dans ses rangs un grand duc et deux tzars, M. Zakythinos ne paraît connaître que Hélène, épouse du roi de Pologne Alexandre I, morte en 1517(!). Il répète en ceci l'erreur de M. Hopf (Chroniques gréco-ro-

manes inédites ou peu connues. Berlin 1873, p. 536). Nous n'avons qu'à le renvoyer de nouveau à l'ouvrage de M. PIERLING (p. 237 sq.) où est aussi conté l'histoire de la naissance longtemps attendue du fils aîné de Sophie Vasilij-Gavriil (Basilie-Gabriel). Vasilij III fut après la mort de son père Jean III grand duc de Moscou et son fils est le tzar Jean le Terrible — petit fils de Sophie Paléologue. Avec ce mariage commencèrent les prétentions bien connues des grands ducs de Moscou au titre de tzar. Je présente ici une petite table généalogique,² où sont nommés les nombreux enfants de Sophie. Pour les autres descendants je ne note qu'en grands traits la ligne royale.

Dans l'appendice M. Zakythinos publie pour la première fois in extenso deux lettres du pape Martin V à Théodore II Paléologue et à son épouse Cléope Malatesta (d'après le Cod. Barber. lat. 878). Une bibliographie volumineuse et une table des noms propres sont adjointes.

La première partie de travail de M. Zakythinos nous fait connaître en détails l'histoire politique du despotat de Morée. L'auteur bien qu'il trace principalement le tableau des relations locales et des guerres de la Morée byzantine, et non de la politique de l'Empire, envisage les faits du point de vue de l'intérêt de l'État et de la nationalité grecque. D'une plus grande importance encore doit être le deuxième volume promis par l'auteur, qui nous présentera un tableau de la vie intérieure de la Grèce de l'époque des Paléologues — un domaine peu étudié, et que nous espérons à voir bientôt paraître.

M. Andreeva.

² Cette table généalogique est dressée d'après Karamzine, История государства российскаго, ed. IV. т. VI. СПб. 1834. p. 137, adn. 176 et 178; А. В. Экземпларский, Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505. том I. СПб. 1889. p. 277; таб.; Полное собрание русских летописей. т. XXI. СПб. 1908. Книга степенная царскаго родословія, p. 578.

СТАТЬИ В. Н. ЗЛАТАРСКАГО ПО ИСТОРИИ БОЛГАРИИ.

Извѣстный болгарскій историк В. Н. ЗЛАТАРСКІЙ, в продолженіи многих лѣтъ работающій по исторіи своего народа и выпустившій уже первый и второй выпуск перваго тома своего капитальнаго труда «История на българската държава прѣзъ срѣдните вѣковѣ» (1918—1927), в настоящее время подготовил к печати третью книгу — первый выпуск второго тома, посвященный исторіи Болгаріи в эпоху византійскаго владычества, т. е. от завоеванія ея Василием II Болгаробойцею в 1118 году до возстановленія ея в концѣ XII-го вѣка братьями Асѣней и Петром. Не буду сейчас останавливаться на огромном значеніи продѣланной Василием Николаевичем Златарским работы и оцѣнкѣ его труда, самаго обширнаго и полнаго по исторіи его родины, построеннаго на тщательном и по возможности полном изученіи источников и являющагося достойным продолженіем и пополненіем знаменитаго труда КОНСТАНТИНА ИРЕЧКА «Geschichte der Bulgaren». О новѣйшем трудѣ Ф. ГИБЛА по исторіи Болгаріи, недавно вышедшем в Чехіи, подробно писал на страницах этого журнала Я. БИДЛО.¹

Задачей моего обзора только познакомить читателя, поскольку мнѣ это возможно, с вышедшими со времени появленія послѣдняго тома (I₂) Исторіи болгар, статьями проф. В. Н. Златарскаго. Статьи эти с одной стороны вносящія новыя историческія данныя, с другой популяризирующія результаты болѣе ранних изслѣдованій ученаго, могут по своему содержанію быть раздѣлены на нѣсколько групп: 1. относящіяся к исторіи Перваго Болгарскаго царства, 2. к исторіи Болгаріи под византійским владычеством, 3. к исторіи II-го Болгарскаго царства, 4. к новѣйшему времени, и, наконец, 5. *varia*.

Особый интерес представляют статьи второй и третьей группы. По вопросам этой

эпохи Златарскій высказываясь в своей краткой исторіи Болгаріи на нѣмецком языкѣ. (Prof. Dr. W. N. Slatarski, Geschichte der Bulgaren. I Teil. Von der Gründung des bulgarischen Reiches bis zur Türkenzeit (679—1396). Bulgarische Bibliothek. Band V. Leipzig 1918). Теперь же он знакомит с результатами своих новѣйших изслѣдованій.

В первой группѣ по исторіи Перваго Болгарскаго Царства отмѣним в первую очередь статью, посвященную одному из первых ханов, хорошо извѣстному в исторіи Византіи Круму (Българска Историческа Библиотека, год. III, т. I. Ханъ Крумъ, р. 1—33). Этот хан коренным образом измѣнил своей побѣдой над Никифором I и походами под Цариград политическія взаимоотношенія обоих государств, а в внутренней политикѣ положил начало здоровому слиянію славянскаго и тюркскаго этническаго элемента.

Ряд статей касается личности царя Симеона и его внутренней и внѣшней политики. Онѣ по преимуществу написаны по поводу 1000 лѣтію со смерти этого государя, эпоха котораго является наивысшим расцвѣтом Болгаріи в первый період ея самостоятельнаго существованія. В царствованіе Симеона окончательно опредѣлился состав и границы болгарской народности, завершилось внутреннее устройство государства в политическом и социальном экономическом отношеніи и превозглашена была самостоятельность болгарской народной церкви, что стояло в связи с расцвѣтом духовной и матеріальной культуры Болгаріи. Так характеризует значение его царствованія в юбилейной рѣчи, произнесенной в Академіи Наук в Софіи, Златарскій. (Държавно-политическитѣ идеи на царъ Симеона. Лѣтопись на Бълг. Акад. на наукитѣ, кн. XII. р. 194—207). По случаю же юбилея написана большая статья «Политическая деятельность на царъ Симеона (893—927). Българ. Истор. Библ. год. I, 1928, т. IV. р. 3—48). Это болѣе популярное изложеніе того, что пишет автор в нѣскольких главах своей исторіи (т. I, История на първото българско царство,

¹ Dr. František Hýbl, Dějiny národa bulharského, díl I a II v Praze 1930. ref. J. Bídlo. Byzant.-sl., III p. 202—220.

часть 2, От славѣнизацията на държавата до паденето на първото царство (852–1108), отдѣл IV. Борба съ Византией за политическое надмощие, р. 278–515). В том же томѣ Златарскій помѣщае статью «Переписката на българския князь Симеона с императорския делегат Льва Магистра (р. 180–192). В ней приводится перевод на болгарский язык переписки болгарского государя с византийским дипломатом, интересной не только с точки зрѣнія дипломатической, но и литературных вкусов царя Симеона, которого за его ученость современники называли полугреком. Внѣшней политикѣ царя Симеона посвящена также статья «Българско хорватскитѣ отношения предъ първата половина на Х вѣкъ» (*Sveslavenski Zbornik. Zagreb 1930. р. 45–55*). Въ 925 году Византия и южные славяне создали опасную коалицію, направленную против Болгаріи и послужившую причиной хорватско-болгарской войны 926 года. Война эта закончилась в том же году миром заключенным при посредстве папских легатов. Наконец небольшую біографію царя Симеона автор помѣстил в сборникъ *«Menschen die Geschichte machten.» Wien (Bd. I. Symeon von Bulgarien, р. 304–309)*.

Концу I-го Болгарского царства, когда центр государства был перенесен на Запад в Македонію, а власть сосредоточилась в руках Комитопулов, посвящена статья «България при царѣ Самуилѣ и неговита преемници» (*Бълг. Ист. Библ., год. II, том III, 1929, р. 1–32*). В сжатом очеркѣ автор рисует исторію Болгаріи с 969 до 1018 г. Эти событія подробнѣе изложены в томѣ Исторіи (VI. Борба за независимость, р. 633–790).

Перейдем к разсмотрѣнію статей, касающихся положенія вещей под византийским владычеством. В них автор высказывает свои взгляды на правовое положеніе страны и ея церковное управление; он устанавливает ряд важных новых данных для этой до сих пор сравнительно мало изученной эпохи.

В первой из них «Устройство Болгаріи

послѣ присоединенія ея и положеніе болгарскаго народа в первое время послѣ покоренія их Василием II Болгаробойцею» (*Seminarium Kondakovianum, IV, 1931, р. 49–61*) Златарскій стремится точнѣе и конкретнѣе опредѣлить внутреннее устройство Болгаріи послѣ присоединенія ея к Византии. Важнѣйшим источником представляются три грамоты пожалованныя Василием II архіепископу Охридскому. Из них явствует, что по договору 1018 года император гарантировал сохраненіе в неприкосновенности территоріи бывшаго болгарскаго государства и неизмѣняемость внутренней и административной жизни страны. На прежнія воеводства посажены были греческіе стратиги, а во главѣ всей территоріи, за исключеніем выдѣленных ранѣе при Цимисхиѣ нѣскольких южных городов присоединенных к Тѣракіи и владѣній болгар по адриатическому побережію, переданных ѡемѣ Диррахіи, поставлен был намѣстник-стратиг. Это сохраненіе территоріальной цѣльности особенно ярко выразилось в автокефальности болгарской церкви, сохранившей свой національный характер. Преемником патриарха Давида был болгарин Іоанн из Дибры. Положеніе вещей со смертію Василия II измѣнилось, и с конца XI-го вѣка Охридское архіепископство превращается в чисто греческое (*Prima Justiniana im Titel des bulgarischen Erzbischofs von Ochrida. Byz. Zeit, XXX. 1929–30, р. 484–489*). Всеже ея архіепископы стремятся защитить свою независимость от цариградскаго патриарха и притязаній католиков. С этой цѣлью ближайшіе преемники Теофилакта стали отождествлять болгарское архіепископство съ забытой Justiniana Prima. Несмотря на непризнаніе этого титула (*ἀρχιεπισκοπὸς τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πόλεως Βουλγαρίας*) Константинополем, он продолжает быть в употребленіи и дальше. Перемѣна церковной политики — возведеніе в сан охридскаго архіепископа не болгарина, а грека Льва Пафлагонца, как и другія нарушенія привилегій данных Василием II, вызвали возстаніе в Болгаріи. Этому возста-

нію и личности, ставшаго во главѣ повстанцев Петра Дѣляна Златарскій посвящает двѣ статьи. В «Възстанието на Петра Дѣляна на 1040–1041 година» (Бѣлг. Ист. Библ., год. IV, т. I, 1931, р. 94—114) он дает на основаніи главным образом греческих источников, среди которых особое значеніе имѣет Стратегикон Кекавмена, изложеніе событий. Привлекаются им также норманскія саги, освѣщающія роль в подавленіи возстанія Гаральда Гардраада, находившагося в то время на византийской службѣ.

Во второй «Wer war Peter Deljan?» *Annales Academiae Scientiarum Fenicae*. Bd. XXVII. *Mélanges de philologie offerts à M. J. J. Mikkola* (р. 354—363). Златарскій устанавливает, что Петр Дѣлян в дѣйствительности был сыном царя Гавріила Радомира и венгерской принцессы, дочери Стефана Св., а не Гейзы, как это полагали раньше. На личности другого участника возстанія Алусіана Златарскій останавливается в статьѣ «Моливдовультъ на Алусіана» (Извѣст. на ист. друж., кн. X, р. 49—63). Эта печать по мнѣнію изслѣдователя была изготовлена во времена болгарскаго возстанія, когда Алусіан не находился на византийской службѣ; в пользу этого говорит отсутствіе перечисленія чинов и санов ея владѣльца.

Другой, изучаемый Златарским моливдовулл принадлежит капитану Подунавія, весту Симеону (Моливдовультъ на веста Симеона, катепанъ на Подунавieto, *Šišićev Zbornik*, 1929, р. 143—148). В противоположность высказанному БАНЕСКУ взгляду, автор полагает, что этот Симеон не может быть отождествлен с Симеоном проедром и протовестиаріем 30-х лѣт XI ст., а что он жил и занимал должность в концѣ 60 или в началѣ 70-х годов XI ст. В этом убѣждает также употребленіе позднѣйшаго термина τὸ Παράδουναβιον вмѣсто Παρίστριον, выдѣленного в особую ѳему во вторую половину XI-го вѣка.

О положеніе сѣверной Болгаріи особо говорится в небольшом изслѣдованіи «Политическото положеніе на северна Бѣл-

гария презъ XI и XII вѣкове» (Извѣстия на Истор. Друж. кн. IX, 1929, р. 1—50). Автор пересматривает вопрос о возникновеніи ѳемы Паристріон и, опровергая Банеску, приходит к заключенію, что послѣдняя входила в состав Болгаріи и была выдѣлена из него позднѣе во вторую половину XI-го вѣка. Он останавливается и на отдѣльных начальниках ѳем, в том числѣ и на катепанѣ Симеонѣ и магистрѣ Василии Парадунавія (Παραδουναβίς), послѣдній как он доказывает не мог быть в 1059 дукой придунайских городов. О том что Парадунавій является фамиліей Василія, Златарскій говорит и в другом мѣстѣ, разбирая приписку на греческом языкѣ XI-го вѣка к сочиненію Іоанна Лѣствичника в *codex Paris. Coisil 263*, (Една датирана приписка на грѣцки отъ срѣдата на XI вѣкѣ. *Byzantinoslavica I*, 1929, р. 22—34). Другой важный вопрос для положенія Болгаріи в XI-ом вѣкѣ — это нашествіе с сѣвера кочевников, в особенности печенѣгов. Златарскій останавливается и отдѣльно на вопросѣ этническом, именно какой народ подразумѣвает Анна Комнина под γένος τι Σκυθικόν (Какъвъ народъ се разбира у Анна Комнина подъ израза γένος τι Σκυθικόν. Изв. на истор. друж., кн. XI—XII, 1931—1932, р. 71—83). ВАСИЛЬЕВСКІЙ в нем видѣл русских, а ІОРГА и БАНЕСКУ румын, по Златарскому это было кочевое племя узваторков.

Вниманіе изслѣдователя привлекла также переписка Теофилакта Охридскаго. На основаніи ея и иных литературных памятников и сигиллографіи Златарскому удастся возстановить имена ряда лиц бывших намѣстниками-стратигами Болгаріи. (Намѣстници-управители на Бѣлгария прѣзъ царуването на Алексія I Комнинъ (*Byz.-sl.*, IV, р. 139—158, продолженіе в этом выпускѣ IV-го тома).

Ряд интересных статей посвящен II-му Болгарскому царству, в частности XIII-му вѣку и моменту наивысшаго расцвѣта Болгаріи — царствованію Ивана Асѣни II. В 1930 г. исполнился 700 лѣтній юбилей битвы при

Клокотницѣ. По этому поводу Златарскій помѣстил двѣ статьи в Болгарской Исторической Библиотекѣ. Первая из них рисует картину правленія и войн Ивана Асѣни II, который по мнѣнію автора имѣл наибольшее право и обладал всѣми необходимыми качествами и талантами, чтобы носить титул «царя болгар и ромеев» и даже возсѣсть на престол Восточной имперіи. «Иванъ Асѣнь II (1218—1241)». Ист. Бѣлг. Библ. г. III, т. III, р. 1—55). Автор со свойственным ему мастерством разобрал сложные вопросы взаимоотношеній трех имперій на Балканах, в которыя вплетаются интересы и епирскаго деспотата и венгерскаго королевства. Отдѣльно Златарскій разбирает побѣдную надпись в церкви 40 мучеников в Тырновѣ и дает исторію ея открытія и опубликованія (Там-же, р. 56—64. Тырновскія надпись на Ивана Асѣни II). Надпись эта, как и житіе св. Параскевы патр. Евфимія, показывает, что Асѣнь считал себя сюзереном константинопольских латинян. Б. м. такое отношеніе болгарскаго царя и послужило одной из причин обращенія латинян за помощью к другому лицу. Во всяком случаѣ Асѣнь воспринял свою роль слишком серьезно, а латиняне дѣйствовали неискренно.

Интересен также и важен по своим выводам отдѣл, касающійся церковнаго вопроса и образованія новаго Тырновскаго патріаршества. Златарскій указывает на состоявшійся в началѣ 1234 года по этому поводу собор, на котором присутствовал и антиохійскій патріарх. По его мнѣнію тырновскій патріарх был поставлен в равное со всѣми остальными патріархами положеніе. Церковнаго вопроса касается и статья, помѣщенная в Вуз.-сл., II, 1930, р. 231—258. «Единъ грѣцки фальсификатъ, който се отнася къмъ бѣлгарската история». Автор приходит къ заключенію, что повѣствованіе о возстановленіи болгарскаго патріархата, находящееся на концѣ одного аеонскаго устава составлено в послѣдней четверти XIV-го вѣка и в связи с событіями враждебно на-

строено к тырновскому патріарху и умышленно искажает факты.

Политическим событіям в Южной Болгаріи послѣ смерти Ивана Асѣни II посвящена статья «Южна Бѣлгария слѣдъ смъртта на Ивана Асѣни II и регинскія миръ» (р. 327—341. Сборникъ Борисъ Дякович, София 1927). Событія эти, удачныя для византийцев и их молодого царя Θεодора II-го Ласкаря, завершились миром, заключенном в Регинѣ при посредствѣ бана Мачвы, русскаго князя Ростислава Михайловича. Этот мир вызвал неудовольство болгар и сверженіе Михаила II Асѣни. Излагая подробно событія, Златарскій касается и манифеста, посланнаго ромейским царем своим подданным на Восток, в Малую Азію. Царь, любитель риторики и сам писатель, в концѣ его возвѣщая побѣду, прибѣгает к аллегоріи: замѣняет имена участвующих народов именами звѣрей. Златарскій их толкует слѣдующим образом: собака-болгары, лев-половцы, медвѣдь-венгры, респективно Ростислав Михайлович. Он также полагает, что рѣчь была составлена уже послѣ смерти Михаила II в концѣ 1256 года, т. к. «собака была обезглавлена». Я позволю себѣ в свою очередь предложить нѣсколько иное распредѣленіе аллегорических звѣрей: а, именно, скимн (σκῆμνος), т. е. львенок-юный болгарскій царь, собака-половцы, а медвѣдь Ростислав, только по видимому это прозвище относится больше к нему лично, чѣм к венграм (καὶ ἡ ἄρχη τοῦ παραδοξότατου, τὸ καινότατου) μεσότης ἐγγύονε. Theodori Ducae Lascari, Epistulae ed. Festa, р. 283). За то, что под собакой подразумеваются половцы говорит слѣдующее обстоятельство. Хотя согласно Акрополиту они и обратились в бѣгство, узнавъ о поспѣшном приближеніи царя, всеже многіе из них и притом главари их не успѣли спастись, а погибли (Acropolitae, ed. Heisenberg, р. 126η ἐμεραδῆκεσαν γὰρ καὶ οὗτοι τὴν ταχεῖαν τοῦ βασιλέως ἔφοδον, καὶ ὡς εἰχὼν ποδῶν ἔφυγον καὶ πλείους δὲ αὐτῶν καὶ περιφανέστεροι τοῦ ἔθνους περὶ τοῦ τὰ μέρη τῆς Βι-

ζύης ξίφους ἔργον ἐγένοντο). Это извѣстiе можетъ соотвѣтствовать выраженiю καὶ ἔχατομήτη ὁ κύων, вторая же часть фразы καὶ ὁ σκύμνος φυγὰς διεσώζετο какъ будто намѣкаетъ на бѣгство болгарскаго царя. О дѣйствiяхъ послѣдняго Акрополитъ ничего не сообщаетъ. Во всякомъ случаѣ выступить противъ Θεοδора II Ласкаря онъ не рискнулъ, и не лишено вѣроятности, что онъ отступилъ со своими войсками. Нужно принять въ расчетъ и чисто риторическое заостренiе и преувеличенiе событiй Ласкаремъ. Кромѣ того отождествленiе собаки съ половцами встрѣчается и въ другомъ случаѣ у Ласкаря (Андреева, Очерки по культурѣ византийскаго двора въ XIII вѣкѣ, Прага 1927, р. 54). Что же касается датировки посланiя, то мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ составленiе его непосредственно послѣ событiй. В словахъ (р. 383₃₁) «εἰ τοίνυν καὶ σκύμνοι καὶ κύνες καὶ ἄρκτοι τὰ θηριωδέστατά γε τὰ λαίμαυρότατα τὴν τῆς Βασιλείας μου σπάθην δειδοῖσιν ὡς πρὸς σπουδὰς καὶ προσκυνήσεις ταύτης ἐκτρέπονται, οἷον ἂν βάρβαρον φύλον ἔτερον πρὸς ταύτην ἀντιμαχέσται», можно усмотрѣть намекъ на то, что всѣ дѣйствующiя лица еще живы. Иной варварскiй народъ — это повидимому, появившiйся тогда на Востокѣ татары, пока еще только опасные для Иконiйскаго султаната и не угрожавшiе еще непосредственно Византии.

Здѣсь же упомяну статью Златарскаго, захватывающую и болѣе раннее время, именно о сербско-болгарскихъ отношенiяхъ въ средневѣковiи, когда оба сосѣднихъ славянскихъ народа стремились усилиться одинъ за счетъ другого (Българско-сърбскитѣ политически отношения въ миналото, р. 61–102. Бълг. Ист. Библ., год. II, т. II).

Среди своихъ трудовъ по средневѣковой исторiи Златарскiй нашелъ время, чтобы удѣлить его и новѣйшей исторiи. Упомяну хотя бы «Какъ былъ завзетъ Одринъ отъ руситѣ и билъ заключенъ Одринскiй миръ въ 1829 година. Наученъ Прегледъ» или «1. Четири писма отъ Диаберкира. 2. Къмъ биографията на архиепископъ Йосифа Сокол-

ски. Сборникъ въ честь на Пловдивския Митрополитъ Максимъ, 1931, р. 1–20»).

Отмѣчу еще библиографическiй очеркъ о Успенскомъ (Академикъ Ф. И. Успенскiй, 1845—1928). Лѣтописи на българск. Акад., кн. XII, р. 143—153, и статью о болгарскомъ историко-литературномъ элементѣ въ русской лѣтописи. Составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» между иными источниками имѣлъ подъ рукой и болгарское «сказанiе о преложенiи книгъ». (Труды V Съѣзда Акад. орган. загр., ч. I, р. 337—352). М. Андреева.

ПРОФ. О. ЛОТОЦКИЙ, УКРАЇНСЬКІ ДЖЕРЕЛА ЦЕРКОВНОГО ПРАВА (*Prof. A. Lotocki, Les sources ukrainiennes du droit ecclésiastique*). Праці Українського Наукового Інституту. Том V, кн. I. Варшава. 1931. Стр. 320, 8⁰.

Настоящая книга А. И. Лотоцкаго, профессора исторiи Церкви на православномъ богословскомъ отдѣлѣ Варшавскаго Университета, директора Украинскаго Научнаго Института въ Варшавѣ и делегата Варшавской Православной Митрополiи на Всеправославномъ Предсоборѣ, представляетъ весьма значительный интересъ, какъ первая попытка систематическаго историческаго обзора источниковъ православнаго церковнаго права, дѣйствовавшаго въ Южной Руси (Украинѣ) со времени Владимира Св. почти донынѣ.¹ Обзоръ такого рода привлекаетъ наше вниманiе въ особенности, въ виду того, что — несмотря на существованiе обширной научной литературы по исторiи русскаго (и въ частности южно-русскаго) церковнаго права — многiе вопросы, касающiеся источниковъ южно-русскаго церковнаго права, особенно «литовско-польскаго періода» (XIV—

¹ До появленiя книги А. И. Лотоцкаго былъ лишь одинъ очеркъ исторiи украинскихъ источниковъ церковнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ украинской церковно-юридической литературы съ древнѣйшихъ временъ (XI ст.) до нашихъ дней — «Поглядъ на українську канонічну літературу» Р. Ковшевича, печатавшiйся въ львовской «Богословiі» (тт. VI и VII); очеркъ этотъ однако слишкомъ кратокъ и по своему содержанiю является болѣе опытомъ критико-библиографическаго обзора, чѣмъ научнымъ изслѣдованiемъ.

XVII вв.), остаются не разработанными; на эти вопросы общий обзор источников южно-русского церковного права, очевидно, должен дать или, по крайней мѣрѣ, намѣтить отвѣтъ хотя бы в краткой и общей формѣ. Обзор такого рода должен быть интересен и для исторіи византийско-славянских отношеній, т. к. все южно-русское (украинское), как и вообще все русское церковное право базируется на византийской основѣ, и его главные источники или рецепированы из Византии (непосредственно или чрез посредство южных славян, гл. обр. болгар) или составлены в большей или меньшей степени по образцу византийских. Вмѣстѣ съ тѣм, книга А. И. Лотоцкаго представляет не только научный, но и практическій, злободневный интерес, что сильно на ней отразилось и очень сильно ей повредило: книга эта написана, можно сказать, в разгар борьбы за основы церковного строя Православной Церкви в Польшѣ, в которой борющіяся стороны часто ссылаются на давнія и постоянныя церковно-юридическія «традиціи» Украины и на разные источники украинскаго церковнаго права; между тѣм нѣкоторые мѣста в книгѣ А. И. Лотоцкаго заставляют сдѣлать вывод, что он иногда не столько стремился к объективному и всестороннему изученію своего предмета, сколько старался обосновать историческими ссылками нѣкоторыя церковно-политическія тенденціи.

Прежде всего, приходится обратить вниманіе на методологическіе недочеты в книгѣ А. И. Лотоцкаго. Не совсѣм ясен даже предмет его изслѣдованія, именно, разсматривает ли он только источники права в тѣсном смыслѣ слова, т. е. юридическіе памятники, бывшіе источниками дѣйствовавшаго права (*fontes essendi*), или же всѣ вообще памятники, из коих можно почерпнуть свѣдѣнія о дѣйствовавшем правѣ (*fontes cognoscendi*); если автор имѣл в виду изслѣдовать только источники дѣйствовавшаго права, тогда совершенно излишним представляется цѣлый ряд глав в его книгѣ, именно о канонических трактатах; о па-

мятниках полемической литературы, о завѣщаніях, о «Пунктах о выгодах малороссійскаго духовенства», о постановленіях Пинской Конгрегаціи 1792 и нѣк. др.; если же автор желал дать обзор всѣх источников исторіи украинскаго церковнаго права, тогда ему слѣдовало остановиться также на лѣтописях, житіях святых, патериках, четых-минеех, дарственных грамотах в пользу церкви и монастырей и т. д.

Автор раздѣляет свою книгу на двѣ части: об «источниках внутренняго права Церкви» и об «источниках внѣшняго права Церкви»; но опять-таки неясно, что автор разумѣет под внутренним» и «внѣшним» правом Церкви, именно, считает ли он внѣшним правом Церкви право, регулирующее церковно-государственныя отношенія или же право, созданное для Церкви государством. Нпр., «Устав Духовных Консисторій», «Книга о должностях пресвитеров приходских» и нѣк. др. почему-то попали в книгѣ Лотоцкаго в число источников внѣшняго права Церкви, хотя они не были созданы или изданы государственной властью, а предмет их составляют нормы, регулирующія не отношенія между Церковью и государством, а внутреннее устройство Церкви, компетенцію и дѣятельность консисторій, обязанности священников и т. п.

Очень много мѣста автор удѣляет в своей книгѣ вопросам, которые не имѣют прямого отношенія к исторіи источников церковнаго права, и даже таким вопросам, которые вовсе церковнаго права не касаются, а скорѣе относятся к исторіи церковно-славянскаго и украинскаго языка, к исторіи письменности, к палеографіи и т. п. Но эти постоянныя отклоненія автора в область исторіи языка и письменности и т. п. еще не составляли бы сами по себѣ существеннаго недочета, если бы автор надлежащим образом освѣтил основные вопросы исторіи источников южно-русскаго церковнаго права. К сожалѣнію однако, удѣлив слишком много вниманія вопросам сторонним, автор цѣлый ряд весьма важных источников южно-

русского церковного права оставил совершенно без разсмотрѣнія, о других упомянул лишь вскользь, а о третьих — хотя написал сравнительно много — но не о юридическом их значеніи и содержаніи, а об их языкѣ, правописаніи, переводах и т. п. Так нпр. в главѣ о Свящ. Писаніи, как источникѣ церковного права, содержащей двадцать страниц, автор на девятнадцати страницах говорит о рукописях и печатных изданіях Свящ. Писанія в Южной Руси (Украинѣ), об их языкѣ и правописаніи, о переводах Свящ. Писанія на украинскій язык, и т. п. (причем неизвѣстно, на каком основаніи, к украинским изданіям причисляет вышедшую в Прагѣ біблію Скорины и ряд книг, изданных в Вильнѣ); между тѣм самому вопросу о Свящ. Писаніи, как источникѣ церковного права, автор удѣляет одну неполную страницу; при этом автор неправильно утверждает, будто в Свящ. Писаніи из позитивных норм церковного права содержатся лишь нѣсколько постановленій относительно брака и развода, тогда, как в дѣйствительности Св. Писаніе содержит цѣлый ряд позитивных норм — о Таинствах, об іерархіи, о церковном судѣ и т. д.; но и о нормах Св. Писанія отн. брака и развода автор только упомянул и не подумал нпр. остановиться на весьма интересном вопросѣ о пониманіи на Украинѣ извѣстных слов Христа (Мѡ., 19, 9), на которых обычно базируется в православном церковном правѣ допустимость развода (католическая Церковь толкует это мѣсто иначе и развода вообще не допускает); на Украинѣ в XVII—XVIII ст. мы совершенно неожиданно встречаем толкованіе этого мѣста евангелія, совершенно сходное с католическим; было бы весьма интересно выяснить, откуда и как явилось такое толкованіе; но, к сожалѣнію, автор повидимому даже и не знал о таком необычном пониманіи на Украинѣ упомянутых слов евангелія. Подобным же образом в главѣ о с л у ж е б н и к а х автор на одиннадцати страницах распространяется об их изданіях, языкѣ, правописаніи, надстрочных знаках,

удареніи в них, о переводѣ их на украинскій язык, а также о «религіозной исключительности» Москвы, об «отсутствіи просвѣщенія» в Московском государствѣ до XVII—XVIII в. включительно и т. д.; но о юридических нормах служебников и их значеніи автор упоминает лишь вскользь. Главы о символических книгах, о памятниках религіозно-полемиической литературы, о духовных завѣщаніях, по крайней мѣрѣ, на три четверти состоятъ из разсужденій и сообщеній, не имѣющих отношенія к источникам церковного права. Глава о постановленіях церковных соборов, хотя и относится к исторіи церковного права, но как раз вопросом о самых постановленіях соборов автор занимается в ней очень мало, а вмѣсто того старается доказать большое значеніе «соборно-выборных» начал в жизни Православной Церкви на Украинѣ. — В то же время о нѣкоторых интересных памятниках древне-русского церковного права, как нпр. о «Правосудіи Митрополічем» автор даже не упомянул. Равным образом автор совершенно не коснулся в высшей степени интереснаго, поднятаго еще В. О. КЛЮЧЕВСКИМ и до сих пор окончательно нерѣшеннаго вопроса об отношеніи «Русской Правды» к церковному праву. Украинско-бѣлорусское церковное право литовско-польскаго періода, до сих пор наименѣе изслѣдованное и наименѣе извѣстное, осталось не изслѣдованным и в книгѣ Лотоцкаго; даже сравнительно хорошо извѣстные источники внѣшняго православнаго церковного права в Литвѣ и Польшѣ, в том числѣ и знаменитые «Puncta assecurationis» 1632 г. в книгѣ Лотоцкаго даже не упоминаются. Об источниках церковного права Буковины и Закарпатской (и Пряшевской) Руси в книгѣ Лотоцкаго также нѣтъ ни одного слова. Не упоминаются и многіе источники церковного права новаго времени, в частности нпр. законодательство, отн. «возсоединенія» уніатов и т. п.

Источники и научная литература, имѣющая отношеніе к источникам церковного

права Южной Руси (Украины), использованы автором сравнительно слабо. Так нпр. из источников автором совершенно оставлены без вниманія: «Acta patriarchatus Constantinopolitani» (изд. Миклошича), «Hist. Russiae Monumenta», «Vetera Monumenta Poloniae», «Scriptores rerum polonicarum», «Volumina legum» (последній автор, правда, упоминает, но нигдѣ не видно никакого слѣда пользованія ими), «Литовская Метрика», «Monumenta Confraternitatis stauror. Leopoliensis», «Юбил. издание Львовск. Ставроп. Братства», «Archiwum Sanguszków», «Archiwum Sapiechów» и т. д. Нѣкоторые из важнѣйших сборников источников украинско-бѣлорусскаго церковнаго права, как нпр. «Акты, относящіяся к ист. Зап. Россіи» и «Архив юго-зап. Россіи» использованы далеко неполно. — Западно-европейская литература, касающаяся исторіи источников украинскаго церковнаго права, осталась автору совершенно неизвѣстна, в том числѣ даже труды Л. К. ГЕТЦА (Kirchenrechtliche u. kirchengeschichtliche Denkmäler Altrusslands», «Staat u. Kirche in Altrussland», «Das russ. Recht» и др.), ГЕЛЬЦЕРА («Beiträge zur russ. Kirchengeschichte» и др.), Б. ЛЕБ'а («Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle»), J. RAPP-SZILÁGYI («Enchiridion iuris Ecclesiae orientalis»), РЕГЕЛЯ («Analecta byzantino-rus-

sica»), еп. І. ПЕЛЕША («Geschichte der Union»), П. ПИРЛИНГА («La Russie et le St. Siège» и др.), А. МАЛЬВИ и М. ВИЛЛЕРА («La Confession Orthodoxe de P. Moghila»), М. ЖЮ-ЖИ («Theologia dogm. christianorum orientalium...»; срв. особенно часть «De Ecclesia») и ряд других.² — Равным образом автору совершенно неизвѣстна соотвѣствующая литература на болгарском, сербском, греческом языках (в частности нпр. работа ИЛЬИНСКАГО «Къмъ въпроса за българското влияние върху староруското църковно право», труды БОБЧЕВА «Черковно право», «История на старобългарското право», «Учебникъ по исторіята на българското право» и т. д.; не использован даже извѣстный курс церковнаго права Еп. НИКОДИМА МИЛАША). — Из довольно обширной польской литературы, касающейся источников церковнаго права Южной Руси, автор называет лишь три работы, из коих одной (CZERMAK, Sprawa równoprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie) он в дѣйствительности не использовал, а другая (TREPIAK, Piotr Skarga w dziejach literatury Unji brzeskiej) совсѣм не относится к предмету его изслѣдованія.³ — Даже немногочисленные сочиненія на украинском языкѣ, имѣющія отношеніе к источникам украинскаго церковнаго права, автор использовал

² Из сочиненій на латинском языкѣ автор отмѣчает в указателѣ литературы и источников, относящихся и его труду только двѣ работы: о. Т. Галуцискаго «De ucrainis S. Scripturae versionibus» (не имѣющую никакого отношенія к церковному праву) и Игн. Кульчинскаго «Specimen Ecclesiae ruthenicae».

³ Так. обр. автор оставил без вниманія даже такія классическія работы, как В. АБРАНАМА «Początki organizacyi Kościoła łacińskiego na Rusi». Lw. 1904. и ST. KUTRZEBY «Historja źródeł dawnego prawa polskiego», т. I—II, Krak. 1925—1926 (содержащая между прочим специальную главу об источниках «рускаго» (т. е. украинско-бѣлорусскаго) церковнаго права; далѣе, такія работы, как напр.: J. BARTOSZEWICZ, Szkic dziejów Kościoła ruskiego w Polsce, Kr. 1880; его же: Z dziejów Unii, 1877; ks. J. FIJAŁEK, Średniowieczne biskupstwa Kościoła wschodniego na Rusi, Kwart. Hist., 1896—1897; и др.; A. LEWICKI, Sprawa unii kościelnej za Jagiełły, Kwart. Hist., 1897; и др.; ks. biskup E. LIKOWSKI, Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII—XIX w., Warsz. 1906 и нѣсколько др. его работ; A. PROCHASKA, Dążenia

do Unii kościelnej za Jagiełły, «Przegląd Powszechny», 1896; Z dziejów Unii brzeskiej, «Kwart. Hist.» 1896; Unia Brzeska, «Przegląd Polski», 1896 и др.; I. SZARANIEWICZ, Rzut oka na beneficia Kościoła ruskiego za czasów Rzeczypospolitej Polskiej, Lw. 1875; его же — Patriarchat wschodni wobec Kościoła ruskiego i Rzeczypospolitej Polskiej, Lw., 1879 и др.; VONDRAK, Zachodnio-europejskie postanowienia pokutne w literaturze starocerkiewno-słowiańskiej, «Bulletin de l'Acad. d. Sciences de Cracovie», Classe de Philol. d'Hist. et de Philos., 1903; и ряд других, а равным образом и новѣйшія — K. CHODYNICKI, Stosunek Rzeczypospolitej do wyznania grecko-wschodniego, «Rocznik T-wa Miłośników hist.», Warsz., 1921; L. CHAREWICZOWA, Ograniczenia gospodarcze nacyj schizmatyckich i żydów we Lwowie XV i XVI w., «Kwart. Hist.», 1925; ST. PTA-SZYCKI, Stosunek dawnych władz polskich do cerkwi ruskiej, «Ks. pamiąt. ku czci W. Abrahamy», t. I, Lw. 1930 (работа эта, правда, крайне тенденціозна, но содержит цѣнныя свѣдѣнія, важныя и для исторіи источников укр.-бѣлорус. церк. права); K. SOCHANIEWICZ, Rozwody na Rusi halickiej w XV i XVI w., Lw. 1929.

далеко не всё; так нпр. им оставлены без внимания работы Р. КОВШЕВИЧА «Погляд на українську канонічну літературу» («Богословія», 1928, 1929), С. ЮШКОВА «Устав кн. Всеволода» («Ювил. Збірник в честь акад. Дм. Багалія»), Б. БУЧИНСЬКОГО «Грамота Нифонта» и «Грамота Мисаїла» («Зап. Н. Т.», Київ, т. XIII), «Змагання до унії руської церкви з Римом» (ibid., тт. IV—VI), «Студії з історії церковної унії» («Зап. Н. Т. III, Льв., тт. 85, 86, 88, 90, 100), о. А. ИЩАКА «Догматика незєдиненого Сходу», Льв., 1929 (заключающая главы, цѣнныя для історії источников украинского церковного права) и ряд других; не использована (хотя и упомянута) автором даже «Історія України-Руси» М. ГРУШЕВСЬКОГО, содержащая прекрасно и объективно написанные главы по історії церковного строя и церковного права на Украинѣ.

Совершенно недостаточно использована автором и русская историко-канонистическая и церковно-историческая литература, представляющая конечно наибольшую цѣнность

⁴ Так. обр. оставлены автором без внимания курсы церковного права Н. К. Соколова, прот. М. И. Горчакова, А. Альбова, М. И. Богословского, П. А. Лашкарева, прот. В. Г. Ільцова, М. А. Остроумова, М. Красножона и даже А. С. Павлова и наиболее полный, можно сказать, грандиозный курс И. С. Бердникова, не говоря уже о старых курсах Еп. Іоанна (Соколова), Сковрцова и проч. От всѣх этих курсов отдѣляется автор весьма смѣлым заявленіем, что всѣ русскіе курсы церк. права, кромѣ курсов Суворова и Павлова, «представляют собою лишь болѣе или менѣе удачные опыты курсов» (?; думаем, впрочем, что, если бы автор был хоть немного знаком с курсом Бердникова; то не рѣшился бы говорить о нем, как о каком-то «болѣе или менѣе удачном опытѣ». Впрочем, пусть эти курсы только такіе «опыты», — все же в них есть цѣнныя свѣдѣнія и сужденія отн. источников церк. права, и поэтому он не имѣл права оставлять всѣ эти курсы без всякаго вниманія.

⁵ Между тѣм во всѣх этих курсах (наиб. значительными среди них являются курсы Владимирскаго-Буданова, Дьяконова, Загоскина, Латкина, Леонтовича, Малиновскаго, Мрочек-Дроздовскаго, Филиппова, Ясинскаго) имѣются спеціальныя и иногда обширныя главы о др.-русских церковных уставах и других памятниках церк. права, примѣнявшихся в Южной Руси; впрочем, в главѣ об уставах кн. Владимира автор ссылается на нѣкоторые из этих курсов; но в других главах о них как-будто забывает.

для изслѣдованія источников южно-русского (украинского) церковного права. Автор нпр. оставил без вниманія всѣ русскіе курсы и учебники церковного права, кромѣ СУВОРОВА,⁴ всѣ многочисленные курсы и учебники історіи русского права, кромѣ САМОКВАСОВА,⁵ из обзоров історіи русской Церкви автор пользовался только общирными курсами митр. МАКАРІЯ и ГОЛУБИНСЬКОГО; впрочем, и эти два курса использованы им лишь отчасти. Из работ В. Н. БЕНЕШЕВИЧА, занимающих, как извѣстно, весьма важное мѣсто среди изслѣдованій об источниках церковного права, автор знает лишь три,⁶ большая часть работ А. С. ПАВЛОВА, одного из авторитетнѣйших изслѣдователей источников церковного права автору тоже неизвѣстна,⁷ из трудов Н. С. СУВОРОВА автор использовал только его общій «курс» и «учебник», монографическія же изслѣдованія этого знаменитаго канониста остались ему неизвѣстны (автор, правда, в указателѣ литературы называет еще одну работу — «Слѣды зап. католич.

⁶ Так. обр. остались не использованными и пови́димому неизвѣстными автору такія работы Бенешевича, как «Два списка славянскаго перевода Синтагмы М. Властаря» (Изв. отд. р. яз. и сл., 1901, т. VI, кн. 4), «Каноническій сборникъ XIV титуловъ» (Пб. 1905), «Древнеслав. кормчая XIV титуловъ безъ толкованій» (Пб. 1906—1907), «Die Geboten der heiligen Vater» (Юбил. сборн. в честь Ягича, 1908), «Прохи́ронъ въ новѣйшей рус. литературѣ» (Юрид. Зап., изд. Демид. Юрид. Лицеумъ, 1909), «Памятники др.-рус. канонич. права XI—XV вв.», т. I (Р. И. Б., VI), «Синагога въ пятьдесятъ титуловъ и другіе юридическіе сборники Іоанна Схоластика» (Зап. Классич. Отд. Имп. Рус. Археол. Общ., VIII, 1914) и т. д.

⁷ В частности, автором не использованы из работ Павлова: «Критическіе опыты по історіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ» («Отч. о XIX присуд. наградъ гр. Уварова», Пб. 1878), «Теорія вост. папизма» («Правосл. Обзор», 1879), «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи» («Зап. Новоросс. Univ.», 1871), «Подложная дарственная грамота Константина Вел. папѣ Сильвестру» в полн. греч. и слав. переводѣ («Визант. Врем.», III, в. 1); «50-ая глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ брачнаго права» («Христ. Чтеніе», 1887), «Мнимые слѣды католич. вліянія въ древн. памятн. юго-слав. и русскаго церк. права» («Чтенія въ Общ. любит. духовн. просв.», 1891—1892) эта послѣдняя работа авторомъ правда названа в указателѣ, но не использована и др.

церк. права в памятниках др. русск. канонич. права», но в действительности работой этой он не пользовался, что особенно ясно видно из главы, посвященной «Церковному Уставу кн. Владимира»; из трудов Е. Е. ГОЛУБИНСКАГО использована (да и то поверхностно) только «Исторія Русской Церкви»; оставлены без вниманія также всѣ труды извѣстных русских канонистов АЛАЗОВА, прот. ГОРЧАКОВА, ЗАОЗЕРСКАГО, КРАСНОЖЕНА, ОСТРОУМОВА, ТЕМНИКОВСКАГО и др. Равным образом не принял во вниманіе автор и новѣйших работ — Г. В. ВЕРНАДСКАГО, А. Д. ДМИТРИЕВА, А. Л. ПЕТРОВА, С. В. ТРОИЦКАГО, В. М. ЧЕРНОВА, С. ЮШКОВА и проч. Совершенно не использована в книгѣ автора литература исторіи Церкви и церковнаго права (важная и для изученія церковно-юридических источников) южно-русских окраин: Слободской Украины (нпр. очень цѣнный труд АМФ. С. ЛЕБЕДЕВА «Бѣлгородскіе архіереи и среда их архипастырской дѣятельности», Харьк. 1902),⁸ Кубани, Холмщины, Закарпатской Руси (нпр. цѣнные работы А. Л. ПЕТРОВА) и т. д. Почти не коснулся автор и обширной литературы о брачном и бракоразводном правѣ и его источниках, вовсе не коснулся литературы по исторіи канонизаціи святых в Южной Руси и т. д.

Чтобы дать болѣе или менѣе удовлетворительный историческій обзор источников церковнаго права, примѣнявшихся в Южной Руси (Украинѣ), автору слѣдовало использовать не только литературу, касающуюся спеціально южнорусских церковно-юридических источников, но и вообще, всю важнѣйшую литературу об источниках восточнаго (особенно византійскаго) церковнаго права, — но об использованіи этой литературы автор, как кажется, даже и не подумал.

В результатѣ недостаточнаго знаком-

ства автора с историко-канонистической литературой, в его книгѣ явились не только значительные пропуски, но и одностороннія, а иногда совершенно устарѣлыя сужденія. К таким сужденіям принадлежит, прежде всего, взгляд автора на Византію, ея церковно-государственные отношенія и ея роль в исторіи Церкви на Украинѣ и в Велико-россіи. Автор все еще придерживается устарѣлаго отрицательнаго взгляда на Византію и в частности считает, что в Византіи всецѣло господствовал цезаропанизм, т. ч. Церковь была совершенно поработана государством. Автор далѣе думает, что Византія оказала очень большое (и при том отрицательное) вліяніе на Велико-россію, гдѣ византійскій цезаропанизм, вслѣдствіе «некультурности москалей» дошел до крайних предѣлов; наоборот, на Украинѣ византійское вліяніе было слабѣе, Украина была культурнѣе Москвы, причем ея культура и в частности ея церковный строй представляли собою «синтез» западных и восточных начал; в украинском церковном строѣ господствовали демократическіе принципы — широкое участіе свѣтскаго элемента в церковном управленіи, соборность, выборность и проч. — Всѣ эти утвержденія А. И. Лотоцкаго построены на односторонне подобранных фактах, а нѣкоторыя из них и вовсе безосновательны.

Прежде всего, надлежит сильно ограничить утвержденіе Лотоцкаго (широко распространенное, правда, и до сих пор среди лиц, поверхностно знакомых с исторіей церковно-государственных отношеній в Византіи) о полном поработаніи Церкви государственною властью в Византійской имперіи и о специфически византійском характерѣ «цезаропанизма». Система церковно-государственных отношеній в Византіи в теченіе 1000-лѣтіяго ея существованія, конечно, не оставалась неизмѣнной; несомнѣнно, в Византіи были періоды верховенства свѣтской власти над Церковью (особенно при императорах-еретиках), но хотящее представленіе о постоянно прису-

⁸ В этой книгѣ имѣются, между проч., цѣнные свѣдѣнія о своеобразном пониманіи на Слоб. Украинѣ в XVIII ст. 9-го стиха 19-ой главы еванг. Матеѣя.

щем Византіи цезаропапизмъ нынѣ должно уже оставить, как и много других устарѣлыхъ воззрѣній на Византію.⁹ С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что верховенство свѣтской власти над Церковью проявлялось далеко не в одной Византіи; во Франконской монархіи цезаропапизмъ проявлялся в нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще сильнѣе и ярче, чѣмъ в періоды его расцвѣта в Византіи; в сосѣднихъ с Русью зап.-славянскихъ странах, в частности в Польшѣ, цезаропапизмъ всецѣло господствовалъ до XIII в., выражаясь в такихъ формахъ, какихъ Русь вовсе не знала.¹⁰ В Великороссіи цезаропапизмъ, несомнѣнно, существовалъ, хотя онъ почти всегда смягчался идеей служенія царя Церкви, т. ч. самая власть царя в области церковныхъ дѣлъ была в его глазахъ и глазахъ населенія обязанностью попеченія о дѣлахъ и интересахъ Церкви. Былъ ли однако этотъ цезаропапизмъ заимствованъ из Византіи или развился независимо от византійскаго вліянія, этотъ вопросъ требуетъ еще спеціальнаго изученія и разъясненія. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что цезаропапизмъ в XV—XVI ст. былъ свойственъ западно-русской (украинско-бѣлорусской) православной Церкви почти в такой же степени, как и великорусской: литовскіе великіе князья и польскіе короли, несмотря на то, что сами были католиками, а не православными, считались все-таки верховными «опекунами» православной Церкви в вел. кн. Литовскомъ и в Польшѣ, были ея «эпистимонархами»; имъ принадлежало право раздачи всѣхъ «столицъ духовныхъ»; они довольно часто (въ XVI ст. почти всегда) назначали митрополитовъ, часто назначали также епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ нѣкоторыхъ монастырей, иногда и нѣко-

торыхъ «протопоповъ», или передавали право назначенія православныхъ духовныхъ лицъ другимъ и т. д.; они же иногда созывали или поручали митрополитамъ созывать православные церковные соборы; производили (нпр. Витовт, Сигизмунд III) радикальныя реформы в зап.-русской православной Церкви; регулировали ея правовое положеніе, издавали даже уставы внутренней жизни монастырей и т. д. В виду всего этого противоположеніе проникнутаго «византійскимъ» цезаропапизмомъ церковнаго строя Великороссіи «свободному» будто бы от цезаропапизма строю зап.-русской (украинско-бѣлорусской) Церкви мы считаемъ совершеннымъ недоразумѣніемъ. А. И. Лотоцкій старается вообще доказать существованіе громадныхъ культурныхъ, идеологическихъ и церковно-устройственныхъ различій между Украиной и Великороссіей. В дѣйствительности, однако такихъ ужъ глубокихъ различій между ними не было. Византія оказывала на Украину не меньшее вліяніе, чѣмъ на Великороссію; болѣе того, Украина была вѣдь долго даже проводникомъ византійскихъ вліяній в Великороссію. Что касается культурнаго превосходства Украины надъ «некультурною», «бруталною» Москвою, такъ усиленно подчеркиваемаго Лотоцкимъ, должно сказать, что в области православной церковной жизни такого превосходства до конца XVI ст. не было: наоборотъ, в XV—XVI ст. православно-церковная жизнь, духовная литература, монашество, богословская мысль стояли в Великороссіи несравненно выше, чѣмъ на Украинѣ (достаточно вспомнить заволжскихъ старцевъ, Зиновія Отенскаго, Іосифа Волоцкаго, митрополита Макарія и т. д.), и лишь с конца XVI ст. Украина дѣйствительно в области церковной жизни, духовной литературы и богословской науки быстро и сильно опережаетъ Москву и первенствуетъ передъ нею выше полутора столѣтій; но в XV—XVI стол., вопреки мнѣнію Лотоцкаго, никакого культурнаго превосходства украинская православная Церковь передъ великорусской не

⁹ Срв. нпр. краткую, но правильную характеристику церковно-государственныхъ отношеній в Византіи в ст. Г. А. Острогорскаго «Отношеніе церкви и государства въ Византіи» (Semin. Kond., IV, p. 123—132).

¹⁰ Срв.: W. Abraham, Pierwszy spór kościelno-polityczny w Polsce, RAU, wyd. hist.-filoz., t. XXXII, стр. 281 слл., ks. J. Umiński Henryk arcybiskup gnieźnieński, zwany Kietliczem, Lublin, 1926, стр. 6 слл.

им'ѣла. — Весьма сомнительным и шатким должно признать и утверждение Лотоцкаго (позаимствованное им, кажется, у уніатскаго историка Церкви Н. ЧУБАТАГО), что церковный строй Украины представляет «синтез» западных и восточных начал, в противоположность всецѣло восточному, византійскому церковному строю Велико-росіи. К сожалѣнію, Лотоцкій не указывает, какія же именно западныя «начала», неизвѣстныя Византіи и Велико-росіи, проникли в церковный строй Украины. «Западными» обычно считают нѣкоторые постановления церковных уставов Владимира и Ярослава (о предѣлах юрисдикціи церковнаго суда, о покаяніи), даѣе институт «клиросов», десятильников; нѣкоторые признают также западное происхождение церковных братств и патроната; но постановления церковных уставов Владимира и Ярослава, а равно институт «десятильников» были обще-восточнославянскими, а не специально украинскими; что касается братств, то с Запада заимствована, самое большее, лишь самая идея братств, получивших затѣм на Украинѣ и в Бѣлорусіи совершенно иной характер и значеніе, т. ч. между ними и западными братствами образовалась громадная разница; патронат в зачатках своих извѣстен был и Византіи и на Русь повидимому был перенесен оттуда, но затѣм в Велико-росіи он постепенно исчез, а на Украинѣ и Бѣлорусіи в литовско-польскій період нашел наоборот чрезвычайно благоприятную почву для своего развитія, сливаясь с нѣсколькими аналогичным «правом подаванья» и проч.; так. обр., чуть ли не единственным подлинно западным, неизвѣстным Византіи и Велико-росіи, учрежденіем украинско-бѣлорусской Церкви был кажется только клирос, аналогичный западной капитулѣ. Поэтому нам кажется, что нельзя говорить серьезно о том, что церковный строй Украины представлял собой какой-то «синтез» западных и восточных элементов; основы православнаго церковнаго строя Украины, Велико-росіи и Бѣлорусіи были

почти и однѣ и тѣ же и заимствованы онѣ были из Византіи; но детали церковнаго устройства были, конечно, различны, но и детали эти, за рѣдким исключеніем, были не западнаго, а византійскаго или мѣстнаго происхожденія. — Правда, в жизни зап.-русской православной Церкви был момент — в концѣ XVI и нач. XVII стол., когда в церковную идеологию вторгнулся западный, протестантскій взгляд на церковный строй, церковную іерархію, священство и т. д.; в нѣкоторых сочиненіях, изданных в это время православными, особенно в написанном реформатором, но изданном православными «Апокрисисѣ» Христофора Филалета Бронскаго, проводятся чисто протестантскіе взгляды на священство, іерархію, отношенія между духовенством и мірянами в Церкви, участіе мірян в церковном управленіи и проч.; одновременно с этим и в церковном управленіи на Украинѣ и Бѣлорусіи обнаруживается сильное вліяніе свѣтских лиц; но уже в 1620-ых годах начинается реакція вторженія протестантских элементов в зап.-русскую церковную идеологию и против чрезмѣрнаго вліянія свѣтских лиц на церковное управленіе; а вслѣд затѣм во время управленія зап.-русскою Церковью митрополита Петра Могилы (1633—1646), благодаря его энергичной дѣятельности и точному опредѣленію основ православнаго исповѣданія, совершенно устраняются протестантскія вліянія и сильно ограничивается участіе свѣтских лиц в управленіи Церковью. — Утвержденіе автора о постоянном господствѣ демократических начал в церковном управленіи на Украинѣ (в противоположность будто-бы не знавшей этих начал Велико-росіи) является опять-таки результатом отчасти недоразумѣнія и недостаточнаго знакомства автора с литературой и источниками, отчасти-тенденціознаго подбора фактов. Заявленіе автора (повторенное им вслѣд за Н. Чубатым), будто на Украинѣ уже в до-монгольскій період обнаружилось господство вѣча, т. е. народа в церковном управленіи, это (как вы-

яснил уже акад. Н. ВАСИЛЕНКО)¹¹ чистый вымысел: как раз в южно-русских княжествах в до-монгольский период незамѣтно никакого вліянія вѣча на церковное управление, и наоборот в Новгородѣ вѣче дѣйствительно играло огромную роль в дѣлах Церкви; далѣе, на Украинѣ до сред. XVII ст. нѣтъ слѣдов (за рѣдкими исключениями, имѣвшими мѣсто в совершенно особенной обстановкѣ) избранія священников прихожанами (господствовало или назначеніе священников патронами или переход священнических должностей по наслѣдству), наоборот в Великороссіи выбор священников прихожанами был очень давним и укоренившимся обычаем; соборы на Украинѣ, вопреки утвержденію Лотоцкаго, играли в церковном управленіи весьма незначительную роль, за исключеніем 1590-ых и 1620-ых годов – созывались рѣдко и вообще не пользовались ни вліяніем ни авторитетом; наоборот, в Великороссіи до нач. XVIII ст. соборы имѣли громадное значеніе в церковной жизни.¹²

Подчеркнув противоположности украинской и великорусской культур, идеологій и систем церковнаго строя, автор особенно настойчиво доказывает «насильственный» характер соединенія украинской Церкви с великорусской (1686 г.) и далѣе пытается начертить картину «гоненій» на украинскую православную Церковь со стороны «некультурных» «москалей». У А. И. Лотоцкаго выходит так, что украинская православная Церковь в період владычества Польши на Украинѣ наслаждалась как будто полной свободой, но когда Украина соединилась с единовѣрной Великороссіей, начались гоненія «москалей» на украинскую православную Церковь. Исторія переворачивается как-бы вверх дном... «Гоненія» Москвы на украинскую Церковь заключались, между прочим, в том, что Москва — с согласія

украинскаго гетмана содѣйствовала переходу кievской митрополіи из-под верховенства константинопольскаго патріарха под верховенство патріарха московскаго, далѣе в том, что Москва согласилась на отдѣленіе черниговской епархіи от Кievской митрополіи, о чем усиленно просил извѣстный украинскій архипастырь, тогдашній архіепископ черниговскій Лазарь Баранович, в том, что на мѣсто патріарха московскаго был поставлен синод, долгое время состоявшій в большинствѣ своем из украинцев, в том, что этот синод часто назначал в XVIII ст. на епископскія каѳедры на Украинѣ епископов, служивших перед тѣм в Великороссіи (но — о чем Лотоцкій умалчивает — по происхожденію украинцев, воспитанников кievской академіи, служивших в Великороссіи б. ч. недолго) и т. п. Страницы о «гоненіях», воздвигнутых Москвой на украинскую православную Церковь, показывают лишь, с какой вообще осторожностью слѣдует относиться ко всѣм утвержденіям и выводам А. И. Лотоцкаго.

Но будем справедливы. В книгѣ Лотоцкаго есть нѣсколько сравнительно хорошо написанных глав. Такова, прежде всего, небольшая глава о так наз. «люблинской Кормчей» священника Василя; глава эта написана на основаніи работы А. ПАВЛОВА («Кормчая люблинскаго священника Василя» в «Памят. рус. старины», т. VIII); «люблинская Кормчая» представляла собой Кормчую софійской редакціи, с разными измѣненіями на основаніи латинскаго изданія Номоканона и Синтагмы Фотія 1561 г. и с любопытным предисловіем составителя или точнѣе редактора этой люблинской Кормчей свящ. Василя. Хотя А. И. Лотоцкій ничего новаго в этой главѣ не дает, но эта глава все же цѣнна, как популяризація мало извѣстнаго историко-каноническаго памятника. — Заслуживает вниманія и глава о

¹¹ «Праці Комісії для вивуч. зах.-русского та українського права ВУАН.», вып. III, стр. 461—463.

¹² Подробнѣе всѣ эти вопросы рассмотрѣны мною в моей кн. «Участіе свѣтскаго элемента въ церковномъ управленіи, выборное начало и «собор-

ность» въ кievской митрополіи въ XVI и XVII вв.», Варш. 1930, и въ моемъ докладѣ в «Польском Учен. Обществѣ» во Львовѣ — «Ustrój prawny Kościoła ruskiego w okresie przedtatarskim» («Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie za r. 1931», zeszyt 4).

«чиновниках», содержащих правила поставления разных духовных лиц; написанная на основании работы Н. И. ПЕТРОВА, глава эта между проч. содержит ясное указание на то, что в избрании и поставлении епископов и др. духовных лиц в зап.-русской православ. Церкви рѣшающая роль де jure неизмѣнно признавалась за духовными лицами, свѣтскіе же люди при этом лишь присутствовали. — Больше самостоятельности проявляет автор в главах о церковных уставах князей Владимира и Ярослава, в которых старательно доказывает их древность (в противовѣс Голубинскому и Суворову); особенно интересна глава об украинской редакции второго из этих уставов, иначе называемой «Свитком Ярославим»; жаль однако, что автор не выяснил надлежащим образом вопроса о происхождении отдѣльных норм этих уставов и в частности совершенно не коснулся вопроса об отношении этих уставов к западному каноническому праву.

Главы, посвященные рецепированным в Южной Руси византийским и византийско-южнославянским памятникам церковного права очень кратки и не свободны от ошибок и устарѣлых взглядов. Автор нпр. все еще думает, что номоканон, извѣстный с именем патр. Іоанна Схоластика, дѣйствительно был составлен этим патріархом († 578), между тѣм, как в дѣйствительности составление его несомнѣнно относится к болѣе позднему времени, именно к послѣдним годам VI ст. или к нач. VII вѣка. Равным образом, автор полагает, что номоканон в XIV титулов «окончательно дополнен и проредактирован, вѣроятно, самим патріархом константинопольским Фотіем», хотя уже ЦАХАРИЭ, Еп. МИЛАШ, СУВОРОВ и др. выяснили, что патр. Фотій не имѣл отношенія ни к дополненіям ни к окончательной редакціи этого намоканона. О сборниках Никона Черногорца, Эклогѣ, Прохиронѣ, «Законѣ судномъ людемъ» автор пишет лишь по нѣскольку слов.

Болѣе интересна глава о патріарших

грамотах, представляющая попытку обзора всѣх грамот константинопольскаго и др. восточных патріархов к кievским митрополитам, южно-русским церковным братствам и проч. Правда, в обзорѣ этом автор перемѣшал грамоты патріархов, имѣвшія подлинно юридическій характер и значеніе с грамотами, содержащими лишь совѣты и поученія или даже только привѣтствія и благословенія; а с другой стороны автор (вѣроятно, сознательно) обошел нпр. молчаніем очень интересную и несомнѣнно имѣвшую юридическое значеніе грамоту константинопольскаго патріарха 1624 г., уничтожавшую многоэкзаршество и ставропигію братств и монастырей, его же грамоту, в значительной степени отмѣнявшую первую, далѣе грамоту константинопольских патріархов митроп. П. Могилѣ, среди которых особенно важна первая — грамота К. Лукариса 1633 г., возвышавшая власть П. Могилы и подчинявшая ему ставропигіальные братства и монастыри и т. д.; эти пропуски сильно обезцѣнивают обзор патріарших грамот в книгѣ Лотоцкаго; но самая идея такого обзора безусловно цѣнна. Патріаршія грамоты Лотоцкій в общем оцѣнивает, как фактор болѣею частью негативный в судьбах украинской Церкви. Однако такой взгляд является односторонним. Роль патріархов в жизни православной Церкви на Украинѣ (и Бѣлоруссіи) была далеко не всегда одинакова. Что касается періода домонгольскаго, зависимость всей русской Церкви от константинопольских патріархов была скорѣе фактором положительным, чѣм отрицательным, т. к. она устраняла возможность порабоженія Церкви мѣстными князьями и неизбежных раздоров и смут, которыя несомнѣнно наступили бы, если бы Церковь попала в подчиненіе многочисленных и враждующих между собою князей. В частности, отказ патріарха Андрею Боголюбскому в раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, за который Лотоцкій сильно порицает патріарха, мы считаем одной из самых больших заслуг

константинопольскаго патріарха, т. к. отказ надолго предохранил русскую Церковь от подчиненія политическим тенденціям разных князей и проч. отрицательных послѣдствій. В XIV ст., в період борьбы между Москвой, Литвой и Польшей за верховенство над русской митрополіей и за ея единство, роль константинопольскаго патріарха была уже далеко не столь положительной, как в XII—XIII вв.; отношеніе патріархов к русской Церкви и в частности к вопросу о ея раздѣленіи на двѣ или даже три митрополіи отличается крайней неустойчивостью, что впрочем объясняется в значительной степени трудностью самого вопроса о раздѣленіи русской митрополіи. В концѣ XVI и в XVII в. нѣкоторыя грамоты и вообще нѣкоторыя дѣйствія патріархов, нпр. патр. Іереміи в 1589 г., в отношеніи зап.-русской Церкви были прямо разрушительны; но с другой стороны, нпр. грамоты патр. К. Лукариса 1633 г. содѣйствовала возрожденію зап.-русской Церкви.

Т. к. наша рецензія разрослась до слишком больших размѣров, мы не можем подвергнуть детальному разбору остальные отдѣлы книги Лотоцкаго. Отмѣтим лишь нѣкоторыя, наиболѣе бросающіяся в глаза фактическія ошибки. Автор утверждает, что титул архіепископа в восточной Церкви; (ок. X в.) означал непремѣнно главу автокефальной Церкви; в дѣйствительности титул этот носили и епархіал. архіереи, непосредственно подчиненные патріархам. Правила митропол. Іоанна (1080—1089), Максима, св. Петра и нѣкот. др. автор совершенно безосновательно причисляет к каноническим трактатам, между тѣм, как это были церковно-законодательные акты. Говоря о сильно волновавшем Русь в сред. XII в. спорѣ о постах в среду и в пятницу в праздничные дни, автор неправильно приписывает воспламенение этого спора вмѣшательству константинопольскаго патріарха и неправильно утверждает, что в русской Церкви были правила о постах, менѣе суровыя, чѣм в греческой (в дѣйствительности, было на-

оборот). Основаніе галицкой Митрополіи автор относит к 1303 г., между тѣм грамота, говорящая об этом событіи в 1303 г., признана подложной. Наоборот основаніе первой православной митрополіи в Литовском вел. княжествѣ автор относит лишь к 1415 г., тогда, как в дѣйствительности отдѣльные митрополиты для литовско-русских земель были уже и в XIV в. Украинское козацкое государство в XVII—XVIII вв. автор называет *независимым*, хотя в дѣйствительно оно таковым, конечно, не было. Постановленія Пинской конгрегации 1792 г. о реформѣ Православной Церкви в Польшѣ автор считает очень важным источником украинскаго церковнаго права; между тѣм это был лишь проект, никогда никакой церковной властью не утвержденный и никогда не получившій силы закона, а потому, конечно, и не примѣнявшійся.

Но, в общем, несмотря на недостаточное знакомство с источниками и литературой предмета, многочисленные пропуски и цѣлый ряд фактических ошибок, все же его работа была бы шагом вперед, как попытка систематизации источников южно-русскаго (украинскаго) церковнаго права; к сожалѣнію, однако стремленіе автора доказать, во что бы то ни стало, господство демократических принципов в церковном строѣ на Украинѣ и какая-то странная и во всяком случаѣ недопустимая в научной работѣ ненависть к Великоросіи придали его книгѣ совершенно тенденціозный и ненаучный характер, т. ч. лишь нѣсколько отдѣльных глав его книги — о чиновникѣх, о люблинской Кормчей и об уставах князей Владимира и Ярослава сохраняет подлинно научный характер и имѣют научное значеніе.

Вячеслав Зайкин. (Lwów).

КР. МИЯТЕВЪ, КРЖЛАТА ЦЪРКВА ВЪ ПРЕСЛАВЪ. «Издания на Народния Археологически Музей», № 25. София, 1932. Стр. XII + 281, таблицы 3 и 285 рисунков в текстѣ.

С полным удовлетвореніем мы можем

привѣтствовать выходъ въ свѣтъ книги, которая посвящена одному изъ самыхъ замѣчательныхъ архитектурныхъ памятниковъ средневѣковаго искусства, открытыхъ за послѣднее время. Честь самого открытія и вся заслуга въ дѣлѣ тщательнаго проведенія раскопокъ, научной обработки добытаго матеріала и его изданія принадлежатъ автору книги, талантливому болгарскому ученому. С самымъ памятникомъ въ главныхъ чертахъ мы были уже знакомы по предварительнымъ его работамъ, такъ же, какъ и съ надписями, теперь онъ предлагаетъ вниманію читателя весь матеріалъ полностью.

Остатки древностей въ Преславѣ давно уже привлекали къ себѣ вниманіе археологовъ, такъ какъ здѣсь въ концѣ IX-го и въ первой половинѣ X-го вѣковъ находилась столица древняго болгарскаго царства въ періодъ его значительнаго, хоть и короткаго расцвѣта. Исслѣдованія проф. В. Н. ЗЛАТАРСКАГО и Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ не имѣли, однако, большаго успѣха, и вниманіе Ѳ. И. УСПЕНСКАГО было отвлечено работами на мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда еще болѣе древній болгарскій центр — Плиска. Интересъ къ Преславу возросъ особенно послѣ того, какъ въ его окрестностяхъ, въ Патлейнѣ, И. Господиновымъ была раскопана церковь, которая и своими архитектурными формами, а главное, своей внутренней керамической декорацией представляла совершенно новое, и неимѣющее себѣ подобныхъ, художественное явленіе. Къ этой церкви было отнесено первоначально и то единственное, болѣе опредѣленное письменное извѣстіе о построеніи княземъ Симеономъ на устьѣ рѣки Тичи «золотой церкви», которое заключается въ, такъ называемой, «припискѣ» Тудора Доксова, сдѣланной имъ въ началѣ X вѣка на оригиналѣ перевода «Словъ св. Аѳанасія противъ аrianъ» и сохранившейся въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки. Послѣ открытія преславской церкви естественно возникъ вопросъ, не къ ней ли слѣдуетъ относить это извѣстіе. На этотъ вопросъ уже далъ положи-

тельный отвѣтъ Б. ФИЛОВЪ, указавшій на то, что вновь открытыя развалины находятся совсѣмъ близко отъ «устья» рѣки Тичи, т. е. отъ того мѣста, гдѣ она выходитъ на равнину изъ узкаго горнаго ущелія, Патлейна же лежитъ въ разстояніи полутора километровъ отъ рѣки. К. МЯТЕВЪ оставляетъ этотъ вопросъ нерѣшеннымъ на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, было бы болѣе понятнымъ, если дѣло касалось преславской церкви, указать, что она находится въ Преславѣ, а не опредѣлять ея мѣстонахожденіе неопредѣленнымъ положеніемъ «на устьѣ Тичи» (стр. 187). Намъ кажется, однако, что такое топографическое опредѣленіе не противорѣчитъ возможности относить извѣстіе къ преславскому храму: въ Преславѣ могла быть, и навѣрное была, не одна церковь, и авторъ «приписки» среди нихъ указываетъ ту, которая находится на устьѣ Тичи, новую, а то, что она находится въ Преславѣ, ему казалось само собою понятнымъ. Во всякомъ случаѣ, по времени это извѣстіе соответствуетъ обоимъ памятникамъ и едва ли могло относиться къ какому либо третьему, а потому датировочная сила за нимъ должна быть сохранена. Эта сила, по нашему мнѣнію, не меньше, чѣмъ у надписи Павла Хартофилакса, которая, хоть и была сдѣлана, можетъ быть, во время постройки, могла все же относиться не къ круглой церкви, а къ какой нибудь другой.

Вновь открытая преславская церковь еще въ большей степени можетъ почитаться единственной въ своемъ родѣ, чѣмъ патлейнская. По своимъ архитектурнымъ особенностямъ она не имѣетъ до сихъ поръ аналогій и ее можно только сближать съ тѣми или другими памятниками того же рода. Эти особенности въ общихъ чертахъ заключаются въ слѣдующемъ. Куполъ довольно большихъ размѣровъ (8 м. въ діаметрѣ) опирался въ ней на 12 колоннъ, поставленныхъ по кругу и несшихъ на себѣ аркатуру. Давленіе купола, затѣмъ, съ колоннъ при помощи небольшихъ арокъ (всего 0-60 м. въ просвѣтѣ) передавалось на 12 при-

на разстояніи 1'50 м. друг от друга; только тѣ, которыя стоят против западнаго главнаго входа, разставлены немного дальше и тѣ, которыя стоят против апсиды, имѣют между собою разстояніе в 3'20 м. Между соотвѣтствующими каждой колоннѣ пилястрами с сѣверной и с южной стороны устроены полукруглыя ниши, по 4 с каждой стороны. С западной стороны вмѣсто ниш сдѣланы во всю ширину между пилястрами три входа, покрытые очевидно арками. С восточной стороны пространству между колоннами отвѣчает довольно глубокое алтарное помѣщеніе, которое заканчивается полукруглой апсидой. Всѣ восемь боковых ниш снаружи имѣют трехгранную форму, и между ними выступают наружные пристѣнные пилястры, которые соотвѣтствуют пилястрам внутренним. Такіе же наружные пилястры выступают и у пилонов, раздѣляющих три входа.

С западной стороны к храму прилежит притвор, над которым, повидимому, были хоры, поддерживавшіеся четырьмя колоннами. На эти хоры вела лѣстница, находившаяся в одной из двух круглых башен, встроенных в наружные углы нартекса. С боковых сторон к нартексу примыкают небольшія прямоугольныя помѣщенія; в одном из них, в южном, была устроена крещальня. Притвору предшествует довольно большой атриум с фіалом по серединѣ. Ограда атриума с небольшими измѣненіями повторяет архитектурную комбинацію ниш и колонн самого храма: в боковых стѣнах устроены ниши, полукруглыя и внутри и снаружи, а в промежутках между ними поставлены колонны, которыя несли на себѣ аркатуру, и с которых без сомнѣнія были переброшены арочки на простѣнки между нишами; на эти арочки очевидно опирались коробовые своды, к которым примыкали ниши, и которые покрывали образовавшійся таким образом портик. Так же, как и в церкви, между нишами с наружной стороны выступают пилястры, на этот раз круглой формы и только с декора-

тивной функціей, так как им не приходилось противодѣйствовать никакому давленію.

Обнаруженный при раскопках в сильно разрушенном состояніи архитектурный и декоративный матеріал дает возможность представить себѣ до извѣстной степени внутреннее и наружное убранство храма. Колонны, поддерживавшія купол, были бѣлыя мраморныя. Онѣ стояли на базах римско-аттического типа и на высоких постаментах; сверху были увѣнчаны довольно простыми, украшенными канеллюрами, цилиндрическими капителями, на которых лежали очень характернаго вида низкіе и широкіе импосты (кемпферы). На эти импосты опирались пяты арок внутренней аркатуры, украшенной богатым скульптурным обрамленіем. Другой скульптурный карниз выступал, повидимому, выше, у основанія купола. Своды были украшены мозаикой на золотом фонѣ, а стѣны керамическими дощечками, расписанными разнообразнѣйшим орнаментом, геометрическим, растительным и животным, и изображеніями святых. Эту керамическую декорацію обрамляли мраморныя рельефныя рамочки и колонки. Эти рамочки и колонки были украшены инкрустаціей в видѣ геометрических фигур, исполненной мрамором же, керамическими плитками и цвѣтным стеклом. Красочное богатство всего этого убранства дополнялось еще мозаическим полом. Многія, затѣм, из найденных архитектурных деталей, как колонки меньшаго діаметра из розоваго мрамора, разнообразныя карнизы и рамки из мрамора и известняка и т. д. относятся к украшеніям алтаря, к иконову, который, возможно, там был, к амвону, который находился по серединѣ церкви и к наружной декораціи храма.

Сопоставляя данныя обще-историческія, относящіяся к прошлому Преслава со свидѣтельством Тудора Доксова, надписью Павла Хартофилакса, с надписью глаголической, найденной на одной из стѣн, а главное с данными стилистическаго анализа архитектурных и декоративных форм хра-

ма, мы вмѣстѣ с автором разбираемаго сочиненія можем с полной вѣроятностью относить время построения этого храма к концу IX-го или к началу X-го вѣка. Результаты раскопок преславскаго храма и произведеннаго автором изслѣдованія открывают нам новую страницу культурнаго прошлаго Балканскаго полуострова. Покуда нельзя указать полной аналогіи ни плану храма, ни его декораціи, особенно керамической: кромѣ Патлейны, она нигдѣ еще не была обнаружена. Для пониманія же отличающих его художественных форм необходимо попытаться выяснить их происхожденіе. Это и дѣлает автор во второй части своей книги. Не во всем, однако, мы можем здѣсь с ним согласиться.

Стремясь опредѣлить архитектурный тип преславской церкви, автор изслѣдованія разсматривает всѣ извѣстныя центрально-купольныя зданія с нишами в кругѣ наружной стѣны и различает в них два типа — армянскій и средиземноморскій, которые, однако, очень мало чѣм друг от друга отличаются, так как в основѣ обоих лежит один общій конструктивный принцип — купол и барабан в них опираются непосредственно на ниши. Сравнивая этот армяно-римскій тип с преславской церковью, автор приходит к правильному выводу, что между ними существует значительное различіе, которое заключается в том, что в послѣдней купол опирается на ряд колонн, поставленных по кругу, чего нѣтъ в храмах армяно-римскаго типа. Далѣе, он сопоставляет преславскій храм с византійскими центрально-купольными зданіями и с древне-христіанскими ротондами и здѣсь не находит достаточно элементов сходства. Заключеніе (стр. 200) — преславская церковь есть «геніальный синтез древних художественно и конструктивно завершенных и осмысленных строительных элементов и форм». С этим можно в извѣстной мѣрѣ согласиться, но можно и найти опредѣленный круг памятников, в котором окажутся не только отдѣльные элементы, близкіе архитектурѣ

Преслава, но и одинаковая общая концепція.

Найти этот круг памятников будет возможно тогда, если мы раздѣлим всѣ извѣстныя нам центрально-купольныя зданія на группы по конструктивным приемам в них примѣненным. Тогда окажется, что таких групп мы имѣем пять: 1. ротонды — купол на круглой стѣнѣ (Пантеон, св. Георгій в Салониках и т. д.); 2. круглый концентрическій план — купол на круглой стѣнѣ, которая опирается на колонны или пилоны, поставленные по кругу; давленіе купола с этих устоев при помощи арок и сводов передается на внѣшнія стѣны (св. Констанца и св. Стефан в Римѣ, св. Донат в Зарѣ, Босра в Сиріи и т. д.); 3. многолепестковый план — купол и барабан, опирающіеся на ниши, поставленные по кругу (Минерва Медика в Римѣ, армянскія круглыя церкви и т. п.); 4. многоугольный план — купол с помощью парусов или тромпов опирается на многогранную стѣну (равенскій баптистерій и др.) и 5. многоугольный концентрическій план — купол с помощью парусов (свв. Сергій и Вакх в Константинополѣ) или тромпов (св. Виталій в Равеннѣ) опирается на многогранную стѣну (чаще всего октогон), которая лежит на устоях, поставленных в углах планового многоугольника; с этих устоев давленіе купола при помощи системы боковых сводов и арок передается на наружныя стѣны.

Тут мы должны указать на одно утвержденіе автора, с которым мы не можем согласиться. Так он считает, что колонны преславскаго храма имѣли главным образом декоративное назначеніе, такое же, как и колонны атриума, и что между ними и стѣной церкви нельзя было пройти (стр. 34). Мы считаем это ошибкой. По своей конструкции преславскій храм относится ко второй из указанных выше групп. Он имѣет круглый концентрическій план, в котором поставленные по кругу колонны принимают на себя давленіе купола и передают его на внѣшніе устои, в данном случаѣ — на пристѣнные пилястры, усиленные снаружы

внѣшними пилястрами. Колонны и эти устои представляют скелет здания, ниши являются лишь декоративным заполнением, получая на себя очень незначительную часть давления. В другом мѣстѣ своей книги (стр. 199) то же говорит и автор, считая только, что давление купола распредѣлялось на двѣ стороны — наружу, на контрфорсы, и внутрь, на колонны, что мы себѣ представить не можем. Разстояніе от стѣны, на котором поставлены колонны — 0'55-0'60 м. — является вполне достаточным, при разницѣ в высотах колонн и пилястров, для того, чтобы первыя могли служить передаточным пунктом давления на вторые. Достаточно оно и для прохода — вѣдь и теперь часто дѣлаются в домах двери шириной в 0'60 м. Вслѣдствие этого не согласимся мы с автором в том, что преславская церковь является церковью «однонефной» (стр. 237). Если же она по своей конструкціи относится ко второй из указанных нами выше групп, то и может быть сближаема со всѣми памятниками, к этой группѣ принадлежащими. Она имѣет ту же конструкцію, но отличается от них частностями ея осуществления и стороной декоративной. Поэтому, мы не могли бы сближать ее с ротондой св. Ильи в Брусь, как это дѣлает автор, а нашли бы значительно болѣе сходства у нея с церковью св. Георгія в Врзыханѣ, близ Бейбурта, у которой автор видит общія черты только во внѣшнем расчлененіи стѣн (стр. 203). Тут, однако, на лицо одна и та же конструкція и одинаковое ея рѣшеніе: с близко стоящих у стѣн колонн давление передается на пилястры, усиленные и снаружи. Между пилястрами здѣсь нѣтъ ниш, как в Преславѣ, и наружныя стѣны образуют октогон, но каждый отрѣзок обхода, соотвѣтствующій каждой грани покрыт конхой, т. е. имѣет то же завершеніе, что и ниши в Преславѣ. Капители столбов в Врзыханѣ очень напоминают по формѣ импосты преславских ко-

лонн: такія же низкія и сильно расширяющіяся кверху.

Не можем мы согласиться и еще с нѣкоторыми утвержденіями автора. Так, напримѣр, на стр. 195 у него подчеркнута фраза «колоната като подпорка или декоративенъ мотивъ е чужда на арменскитѣ многонишести църкви». Этому противорѣчит примѣр церкви Спасителя в Ани, гдѣ между нишами у стѣн поставлены колонны, ничего не несущія и имѣющія чисто декоративное назначеніе (у Стржиговскаго, рис. 143 и 146); в Ириндѣ (там же, рис. 137, 141 и 142) и в церкви Абугамренц в Ани (там же, рис. 129 и 131) в этих мѣстах полуколонны. Не могли бы мы также утверждать, что круглыя башни на фасадах церковей имѣют малоазійское происхожденіе, только на основаніи одного единственнаго изображенія такого рода башен на рельефѣ, который по мнѣнію нѣкоторых ученых происходит из Малой Азіи (стр. 208 и др.). Не считали бы, что, так называемая, стоя Адриана в Аѣниах «по плану и формѣ совершенно подобна Червеной церкви» около Перуици (стр. 254, прим. 2); стоя представляет правильный четырехконх, а в перуицкой церкви с восточной стороны не конха, а коробовый свод, к которому затѣм примыкает алтарная апсида, значительно меньших размѣров, чѣм экседры главнаго нефа.

Недостаток мѣста не позволяет нам коснуться всѣх вопросов, вызываемых интересной книгой К. МЯТЕВА, давшей такой богатый матеріал для дальнѣйшей работы, и указавшей главные пути этой работы. За все это и за строго научный метод его работы мы должны быть ему искренне признательны. Общее же наше заключеніе о памятникѣ вполне совпадает с общим выводом автора: преславская круглая церковь есть произведеніе эллинистическаго художественнаго духа, постоянно жившаго в византійском творчествѣ. *Н. Окунев.*

ZPRÁVY – CHRONIQUE.

LE CONGRÈS DES ÉTUDES BYZANTINES À SOFIA. On sait qu'il a été décidé à Athènes d'accepter l'invitation du gouvernement et des organisations scientifiques bulgares et d'organiser le prochain congrès des études byzantines à Sofia. On a exprimé le désir que le congrès ne coïncide pas avec le congrès international historique qui se tiendra en 1933 à Varsovie. Se conformant à ce vœu et tenant compte de la situation économique actuelle le comité bulgare a décidé de remettre l'organisation du congrès byzantin à l'année 1934. C'est une heureuse solution qu'on ne saurait trop approuver. *Dv.*

INCHINARE LUI NICOLAE IORGA
cu prilejul implinirii vârstei de 60 de anni.
Cluj. Editura Institutului de Istorie Universală.
1931, p. 440 + XXXVIII in 4°.

Прекрасно изданный сборник, внушительный по своим размерам, приподнесен его учениками известному румынскому ученому НИКОЛАЮ ИОРГЪ к его шестидесятилѣтію.

В началѣ сборника помѣщен портрет юбиляра, список его многочисленных научных званій и еще болѣе многочисленных научных трудов (число их доходит до тысячи). Этот огромный список раздѣлен на нѣсколько отдѣлов: 1. изысканія в области румынской исторіи и литературы, между ними большое количество издаваемых впервые документов; особое мѣсто среди них занимают работы по румынской литературѣ и искусству XVIII-го вѣка; 2. труды, относящіяся к всеобщей исторіи и литературѣ; в этот отдѣл включены и работы Иорги по исторіи Византіи и Турціи; 3. труды по исторіи искусств; 4. по литературѣ; 5. отдѣл критики литературной и в области социальной, культуры и политики и описаніе путешествій.

Из статей, вошедших в сборник, остано-

вимся в настоящем обзорѣ только на тѣх, которыя по своему содержанію могут представить нѣкоторый интерес для занимающихся исторіей Византіи, славян и искусства вообще.

По филологіи, исторіи литературы и фольклору отмѣтим слѣдующія статьи: N. DRĂGANU «Amroiu» (p. 133—137). Автор разбирает происхождение названія одного из притоков Муреша Amroiu или Ompoii и находит в ней старую дако-романскую форму имени этой рѣки. V. BRĂTULESCU изучает отрывок псалтыря (псалом LXXXVIII) по одной оставшейся до сих пор неиспользованной славяно-румынской рукописи, которую он относит к XVI-му вѣку. К статьѣ приложен словарь встрѣчающихся в отрывкѣ славянских и румынских выраженій. T. CĂPIDAN останавливается на изученіи лексикона на четырех языках, входящаго в состав Εισαγωγική διδασκαλία Даниіла Москопула, на изданіях его и литературѣ о нем. Наконец, R. ORTIZ занимается литературными мотивами «возвращеніе супруга», часто встрѣчающимся в фольклорѣ, и дѣлает попытку классификаціи по различным эпизодам разсказа и по странам, в том числѣ Греція, Румынія, Сербія и Болгарія, в которых этот сюжет встрѣчается.

В области исторіи большинство статей касается непосредственно исторіи Румыніи, поэтому остановимся только на слѣдующих: GR. NANDRIS публикует документ, относящійся к 1372 (1373) году. Это грамота константинопольскаго патріарха митрополиту Угровлахіи Іакинѣу, находящемуся при смерти, о поставленіи впредь двух митрополитов для той же, слѣшком обширной для одного, территоріи. К сожалѣнію в славянском текстѣ грамоты замѣчается много опечаток. К исторіи церкви относится и статья общаго характера FR. MILLER'a об основных линіях, в которых опредѣлились в различных христіанских вѣроисповѣдо-

ваніях, в том числѣ и в православіи, понятія церкви и общинности. D. C. ARION посвящает статью разысканію об употребленіи титула «dominus stinens» в княжествах Валахії и Молдавіи в XIV и XV вв. и проследживает его употребленіе по грамотам того времени. N. BĂNESCU останавливается на связях румынских княжеств с генуэзцами, усилившимися непосредственно послѣ паденія Константинополя. Живыя сношенія поддерживались румынами с генуэзской колоніей в Каффе; в приложеніи автор дает регесты соотвѣтственных генуэзских документов от 1447—9 до 1465 г.

По археологіи отмѣтим статьи: GH. CAN-TACUZINO о камей, находящейся в коллекціи Д. Флореско в Букарестѣ, на которой изображена военная сцена — обращеніе с рѣчью к войнам полководца, т. н. *adlocutio*. В результатѣ разбора деталей автор относит изготовленіе камей ко времени с начала правленія Марка Аврелія до начала III-го вѣка. В 1928 г. в Калиперовѣ, недалеко от Силистріи, был найден клад. Содержимое этого клада — монеты и драгоценныя украшенія описываются G. SEVEREANU. Найденныя монеты относятся к царствованіям Василія II Болгаробойцы, Константина IX Мономаха, Исаака I Комнина. В числѣ драгоценностей найдены браслеты, серьги и подвѣски. Автор также останавливается на дальнѣйшей эволюціи форм славянских серег на румынской территоріи послѣ XV-го вѣка. G. BALȘ описывает находящіеся в Суцеавѣ в двух церквях камни-жаровни и приводит текст вырѣзанных на них надписей.

Ряд статей посвящен архитектурѣ и в частности занимаются деревянным зодчеством. Замѣтка общаго характера T. SO-COLESCU опредѣляет главныя линіи развитія новѣйшей румынской архитектуры. V. N. DRĂGHICEANU дает описаніе церкви Іоанна Греческаго, основанную Бранковичем, в настоящее время снесенную, и прилагает нѣсколько фотографій. N. GHIKO-BUDEȘTI изучает проникновеніе различных

вліяній и взаимодействіе их в Молдавіи и Валахії. Автор различает вліяніе середиземное в Олтани и германское и славянское в Буковинѣ. Он разсматривает с точки зрѣнія их отдѣльные памятники, начиная с церкви в Водицѣ XIII-го вѣка и кончая церквями XVII—XVIII вв. Одной архитектурной детали, а именно, примѣненію контрафорсов в валахских церквях XVI-го в. касается HORIA TEODORU, в частности он останавливается на контрафорсах церкви Куртеа-Веке в Букарестѣ. По вопросу изученія деревяннаго зодчества в Молдавіи высказывается VIRGIL VATĂȘIANU. Он знакомит с нѣсколькими оставшимися еще неизученными церквями в Калугарицѣ, Кабешти, Каличанкѣ, св. Николая в Чернауцѣ, Саратѣ Доамнѣ, Чехлау, Бистричюарѣ и изучает их архитектурныя особенности. На одной из деталей деревянных церквей — на башнѣ останавливается CAROLIAN PETRANU. Он приходит к заключенію, что «не исключена возможность видѣть в них продолженіе дако-романской строительной традиціи».

Вопросу иконографіи посвящена статья V. GRECU. Послѣдній публикует два отрывка из подлинника, извѣстнаго также *Паппадопуло-Керамевсу* по другой рукописи, и повидимому послужившаго источником для извѣстных Ерминій Діонисія Фурнаграфіота. С. J. KARDJA издает пять портретов Влада Тепеша и напечатанное на нѣмецком языкѣ инкунабулями с соотвѣтствующими иллюстраціями повѣствованіе о его жестокостях. М. А.

ΓΕΩΡΓΙΟΥ Α. ΣΩΤΗΡΙΟΥ, ὉΔΗΓΟΣ ΤΟΥ ΒΥΖΑΝΤΙΝΟΥ ΜΟΥΣΕΙΟΥ ἈΘΗΝΩΝ. Ἔκδοσις δευτέρα. Ἐν Ἀθῆναις 1931, р. 154 + 8 таб.

Небольшой, прекрасно изданный каталог византійских и древне-христіанских древностей Аѣинскаго Музея только что появился во втором изданіи. Онъ начинается с описанія отдѣльных зал нижняго этажа, со вкусом и знаніем воспроизводящих, частью при посредствѣ древних частей, внутреннее

устройство греческих церквей. Воспроизведена древне-христианская базилика, византийский храм и греческий, повизантийского времени. В нижнем этаже главного здания находятся также скульптуры, главным образом рельефы, некоторые интересные образцы которых изданы при каталоге. Верхний этаж отведен иконѣ, рукописям и прикладному искусству, между прочим эмалям и тканям. Описанию отдѣльных памятников предшествуют небольшие обзоры, знакомящие с отдѣльными отраслями искусства. Кромѣ древностей мѣстнаго происхождения имѣются коптскія и анатолійскія, среди икон встѣчаются критскія и итало-греческія. При музеѣ имѣется отдѣлъ копій с фресек и мозаик. М. А.

GERTRUDE ROBINSON, HISTORY AND CARTULARY OF THE GREEK MONASTERY OF ST. ELIAS AND ST. ANASTASIOS OF CARBONE. II. Cartulary. *Orientalia Christiana*, vol. XIX—1. No 62. Julio-Augusto 1930, p. 199.

Г. РОБИНЗОН продолжает издание интересных для исторіи византийскаго монастырскаго землевладѣнія актов греческаго монастыря св. Ильи и св. Анастасія в Карбонѣ, первые тома котораго уже вышли в *Orientalia Christiana* (vol. XI, 44, I. History; XV, 53, II. Cartulary). Второй выпуск второго тома содержит No XXXII—LXVIII грамот, выданных монастырю сицилійским королем, императрицей Констанціей, должностными лицами и некоторыми частными, и иные акты. Написаны эти грамоты в большинствѣ случаев по гречески, рѣже по латински, и относятся к 1134—1195 гг. По содержанию своему онѣ представляют дарственные записи, судебныя рѣшенія, веденных монастырем тяжб имущественнаго характера. Послѣдніе два номера LXVII и LXVIII представляют из себя списки монастырских вассалов с означеніем их фіефов. К греческим текстам прилагается англійскій перевод. В концѣ книги помѣщены замѣтки, касающіяся чтенія отдѣльных мѣст текста и

его перевода, список византийских чинов под норманским владычеством, т. е. сохранившихся от византийскаго времени должностей и званій. Толкованіе их значенія не всегда можно признать удачным, как и ссылки на Кодина. Константин Багрянородный мог бы быть также во многих случаях очень полезным. Слѣдовало бы также рядом с встрѣчающимися в грамотах формой написанія званій дать и общепринятую, напр. *καρτυλάριος-καρτουλάριος, πλάτοκαυδιδάτος-πλάτοκαυδιδάτος* (p. 163). Большой интерес представляет Глоссарій необщепотребительных греческих слов, значеніе которых Робинзон пытается разъяснить. М. А.

D. A. ZAKYTHINOS, LE CHRYSOBULLE D'ALEXIS III COMNÈNE, EMPEREUR DE TRÉBISONDE EN FAVEUR DES VÉNITIENS. *Collection de l'Institut Néo-hellénique de l'Université de Paris*, fasc. 12, Paris 1932, p. 102 + VIII.

В небольшой работѣ Д. А. ЗАКИНОИНОС дает подробный разбор с точки зрѣнія филологии и исторіи хрисовулла Алексѣя III Комнина, императора трапезунтскаго, венеціанцам. Автор при этом вновь издает хрисовулл Алексѣя III, исправив прежде уже издаваемый текст по греческой рукописи Национальной и Университетской бібліотеки в Туринѣ. Кромѣ того он приводит проверенный им текст латинскаго перевода договора трапезунтскаго императора Алексѣя II с венеціанцами 1319 г., который им привлекается для сравненія с текстом 1364 г. и для разъясненія малопонятных мѣст. Изданію текста предшествует разбор с точки зрѣнія формальной: описаніе рукописи, изданія ея, наблюденія с точки зрѣнія дипломатики и языка; анализ содержанія.

Большую часть книги составляет комментарий, разъясняющій по существу и со стороны языковой отдѣльныя фразы и выраженія. Автор останавливается также и на отдѣльных упоминаемых личностях государей и венеціанских уполномоченных, о послѣдних он обычно дѣлает только краткое

замѣчаніе о знатности их рода. Нѣкоторые комментаріи к отдѣльным выраженіям представляют большой интерес для выясненія экономическо-правовой стороны жизни той эпохи. Между ними отмѣчу и поправку, внесенную Закинѣиносом в прежнее издание текста: ὕψιων ἀνωμαλίᾳ (19, р. 45–47); ὕψιων поставлен вмѣсто ἐλίχων, автор находит в ней намек на спор о престолонаследіи. Интересно объясненіе значенія терминов вуленты, скала, пекуликон и коммеркій. Коммеркій по опредѣленію G. ROUILLARD обозначает, как такса с обращенія товаров, так и налог с продажи товаров (56, р. 54–59). Закинѣинос устанавливает, что в хрисовулѣ 1364 г. κομμέριον означает только налог с продажи, а что такса с обращенія товаров упоминается отдѣльно. Автор пытается также опредѣлить значеніе различных наименованій товаров, как напр. βλαττία (99), κολυβάριον (99). Килихартіо, вопреки мнѣнію ДѢЛТЕРА, автор всеже склонен считать особым видом ткани, вывозимой из Бухары.

Подробно разобран и параграф договора, относящійся к устроению венеціанской колоніи и отводимой под нея мѣстности в Трапезунтѣ. Отмѣчу в особенности разбор выраженія Καὶ λόντζην τὴν συνήθη (140, р. 81–83), званія байля, стоящаго во главѣ венеціанской колоніи, платзіаріев-глаштаев, архонтопулов и пайдопулов. Относительно послѣдних вполне возможно заключить по приводимым Закинѣиносом ссылкам, что они существовали и при трапезунтском дворѣ (р. 83 ὁ ἀπὸ τῶν παιδοπούλων). Доводы автора о написаніи с двумя λ недостаточно убѣдительны. Только это не были сановники, а потѣшныя, нѣчто вроде пажей, какіе имѣлись и в Константинополѣ при дворѣ, состояли они в вѣдѣніи спальника-паракимомена (Codinus, de off., р. 341; Андреева, Очерки по культурѣ византійскаго двора в XIII вѣкѣ. Прага 1927, р. 39). Большой экскурс дѣлается автором о обозначеніи византійской имперіи именем Романіи — Ῥωμανία, очень распространенным на Западѣ, и которое, добавляю,

существовало и у славян.

Небольшая работа Закинѣиноса, дающая исправленный текст договора, освѣщающая исторію его возникновенія и толкующая отдѣльные мѣста и параграфы, является полезным вкладом в изученіе торговых отношеній на греческом Востокѣ в XIV-ом вѣкѣ.

М. А.

A. VASILIEV, PERO TAFUR. A SPANISH TRAVELLER OF THE FIFTEENTH CENTURY AND HIS VISIT TO CONSTANTINOPLE, TREBIZOND AND ITALY. BYZANTION, 1932, tome VII, fasc. I (1932), р. 75–122.

Перо Тафур дважды в 1437–1438 гг., посѣтил Константинополь, Адрианополь, гдѣ в это время пребывал турецкій султан, Трапезунт и Каффу в Крыму. Интересные отрывки, относящіеся к исторіи Византіи этого времени выбраны проф. ВАСИЛЬЕВЫМ и комментированы. Кромѣ того им провѣрен перевод сдѣланный на англійскій язык ЛЕТТСЕМ, и в нѣкоторых мѣстах соотвѣтственно исправлен. Слѣдует отмѣтить, что до сих пор извѣстія, сообщенныя Пером Тафуром, прошли незамѣченными в научной литературѣ по византинологіи. Васильев в настоящей статьѣ обращает на них вниманіе изслѣдователей.

М. А.

K. DIETRICH, ZUR KULTURGEOGRAPHIE UND KULTURGESCHICHTE DES BYZANTINISCHEN BALKANHANDELS. Byzantinische Zeitschrift, t. XXXI, 1931, р. 37–57; 334–350.

В интересной, затрагивающей цѣлый ряд общих вопросов, статьѣ К. ДИТРИХ опредѣляет значеніе византійской торговли для славян и стремится установить пути ея проникновенія к ним и степень ея вліянія. Согласно вступительным словам автора, (р. 37) «основное значеніе византійской торговли для распространенія культуры в славянских предѣлах Балканскаго полуострова лежит в том, что старая культура городов эллинистически-римскаго времени

была вновь ей насаждена в подвергнувшихся отчуждению от этой культуры областях, вследствие славянского нашествия VII и VIII вв.» В этом наличии готовой городской культуры на Восток в средние века Дитрих усматривает коренное отличие от Запада, где ее вновь пришлось воссоздавать и уже не сохранилось непрерывной связи с позднеантичной культурой, столь характерной для Византии.

Византийские греки, по мнению автора, были столь же хорошими торговцами, как и античные и современные нам. Вредила торговле система меркантилизма, проводимая византийскими императорами, от которой страдала столица и в меньшей степени другие крупные торговые центры, как Солунь и Смирна (р. 39). Все же и Константинополь играл большую роль в балканской торговле и морем и по суше. Сфера влияния Константинополя — Болгария; Солуни — Сербия (р. 49). Б. м. это разделение сфер влияний проведено слишком резко; западная часть Болгарии несомненно была экономически связана с Солунью.

Затем Дитрих переходит к определению главных торговых путей на Балканах. Для этого он также привлекает распространенные в географической номенклатуре Балкан имена двух святых, особо чтимых в Константинополе и Солуни, в праздники которых имели место главные ярмарки. Это свв. Георгий и Димитрий.

Во второй части своей работы Дитрих пытается на основании филологических данных конкретно установить степень влияния в области культуры византийской торговли на славян. Для этого он рассматривает проникнувшие в старославянский, в сербский и болгарский языки слова (в последние они отчасти принимают и в пост-византийское время р. 335). Автору удается привести ряд поучительных примеров для терминов, связанных с общей организацией торговли (напр., пошлины — *kumetŭki* от *komerŭzion*), с единицами обмена (названия монет и мер), и с названиями товаров. Интересно, что и

общия понятия и употребительные при продаже выражения проникли в славянские языки (напр. *εἶναι εὐθηρό!* *δύο ἄσπρα τὸ κόμματι!* *ῥελῆ*, р. 336 — аналогии и в сербском и в болгарском). Наконец целые пословицы, связанные с торговлей, тоже вошли в славянский обиход. Свои основоположения Дитрих иллюстрирует примерами, которые могут быть еще преумножены и в некоторых случаях подлежат проверке, но ему несомненно принадлежит заслуга установления общей характеристики балканской торговли и создания полезной для дальнейших изысканий в этой малоизученной области схемы.

М. А.

N. DE BAUMGARTEN, *Chronologie ecclésiastique des Terres Russes du Xe au XIIIe siècle*. *Orientalia Christiana*. vol. XVIII. No 58. Januario-Februario 1930, p. 177.

Н. БАУМГАРТЕН в своей новой работе делает опыт восстановления хронологии событий русской церковной жизни в домонгольский период. Как он сам отмечает в введении, с 1140 г. этими источниками будут только известия, часто крайне противоречивые, русских летописей (р. 17). На исторической ценности различных летописей он так же останавливается. Перечень летописей, источников, имеющих второстепенное значение, и литературы дается в начале книги.

Самая хронология разделена на две части: первая с 987 по 1039 г., вторая с 1040 до 1240 г. (р. 39—157). Первую часть Баумгартен начинает с 987 г. крещения Владимира Св., крещение же Руси отнесено к 990 г., и кончает 1039 г. известием о освящении Десятиной церкви. Под каждым годом он заносит соответствующее событие с ссылкой на источник.

Вторая часть, более обширная, начинается с известия о войне Ярослава Мудрого с Византией в 1043 г., последнее о захвате Чернигова татарами и о судьбах черниговского епископа. В заключении Баумгартен резюмирует, что нового дают для освящения

истории Древней Руси, собранный им извѣстия. Он отмѣчает большой интерес в ту эпоху к церковным вопросам, послужившим одной из причин междукняжеских войн; замѣтное усиление византийскаго вліянія в противовѣс западному, болѣе близкому варягам; полное отсутствіе свѣдѣній о предполагаемом греческом происхожденіи первых русских митрополитов; перечень хотя и неполный древних церквей. В концѣ книги прилагается список митрополитов и епископов по отдѣльным епархіям, хронологическія данныя о них, указатель. М. А.

A. A. VASILIEV, WAS OLD RUSSIA A VASSAL STATE OF BYZANTIUM? *Speculum. A. Journal of Mediaeval Studies, vol. VII. July 1932. N° 3. p. 350—360.*

Вопрос о том была ли древняя Русь в политической зависимости от Византіи поднимался не раз в русской научной литературѣ и разрѣшался различным образом. Прямых указаній на вассальное положеніе Руси в источниках не встрѣчается. Проф. А. А. ВАСИЛЬЕВ обращается к изученію отдѣльных извѣстій и на основаніи их возстановливает слѣдующую картину.

В древнѣйшее время до Владиміра Св. Русь была политически независима от Византіи, но при этом князѣ положеніе вещей измѣняется. «Конечно, Василій не выдал замуж свою сестру за сѣвернаго варвара и язычника только для того, чтобы увидѣть Владиміра и его страну крещенной. Византискій василевс был не только миссіонером, но и прежде всего государственным дѣятелем, поэтому какая то перемѣна должна была наступить, но эта перемѣна была не в пользу молодого сѣвернаго государства» (р. 352). Подтвержденіе политической зависимости от Византіи Руси Васильев находит в фактѣ присылки митрополитов из Константинополя, в сферу юрисдикціи которых входили и нѣкоторые свѣтскія дѣла. За это же говорит отсутствіе договоров с Византіей Владиміра и Ярослава, званіе византийскаго стольника русскаго великаго князя

(ὁ ἐπὶ τῆς τραπεζῆς), рисунок вотивной мозаики в св. Софії Кіевской. Представленіе что великій князь был вассалом византийскаго императора было широко распространено на Западѣ, как об этом свидѣлствуют современные хронисты.

Такое положеніе вещей вызывало протест энергичных государей, напр. Андрея Боголюбскаго. В свою очередь Мануил Комнин стремился усилить свое вліяніе. С XIII-го вѣка картина в связи с татарским игом и с ослабленіем династіи Палеологов мѣняется. Все же еще в теченіи XIV-го вѣка византийскій император продолжает вмѣшиваться в русскія церковныя дѣла, а русскіе правители, хотя бы теоретически, признают его верховную власть над православными.

Общій вывод к которому приходит Васильев, что приходится с одной стороны имѣть дѣло с византийскою доктриной о суверенных правах императора по отношенію к другим народам и фактом, что в Византіи русскаго князя считали своим вассалом, с другой стороны русскіе князья, окрѣпнув, стремились избавиться от нѣкоторой зависимости от Византіи, появившейся вмѣстѣ с принятіем христіанства, и в то же время в теоріи признавали авторитет царя, как единаго правителя православных. М. А.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙКИН, УЧАСТІЕ СВѢТСКАГО ЭЛЕМЕНТА В ЦЕРКОВНОМ УПРАВЛЕНІИ, ВЫБОРНОЕ НАЧАЛО И «СОБОРНОСТЬ» В КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛІИ В XVI И XVII ВѢКАХ. *Варшава. Синодальная типографія. 1930, р. 162.*

Автор поставил себѣ цѣлью в небольшой работѣ, вкратцѣ освѣтитъ нѣкоторые важные моменты из истории церковнаго строя Кіевской митрополіи XVI—XVII ст. (р. 9); для их разъясненія он обращается к болѣе раннему времени. Этих экскурсов в область византийской церковной практики и ея вліянія на практику Кіевской митрополіи мы главным образом здѣсь и коснемся. Как явствует из заглавія книги, Зайкин стре-

мится точно установить в чем заключалось участие свѣтскаго элемента в церковной жизни южной Руси. Для древнѣйшаго времени он подчеркивает, что покровителями церкви, назначающими иногда и митрополитов, были князья, а не вѣче (р. 11). Вліяніе послѣдняго он скорѣе склонен находить всѣверо-восточной Руси. Усиленіе вмѣшательства свѣтскаго элемента в юго-западной Руси произошло под вліяніем феодализма; право «подаванья всѣх столиц духовных» перешло от короля к магнатам и затѣм на мѣщан городов, пользовавшихся магдебургским правом (р. 24—25). На этой почвѣ возникли братства. Автор изучает это право подаванья, владѣльческій патронат и опеку мѣщанства над церковью в городах. В связи с этим стоит и вопрос об экзаршествах в Кіевской митрополіи. К изученію основных форм экзаршества, начиная с VI-го вѣка Заикин и обращается. Он различает нѣсколько видов экзархов: 1. іерархов, возглавлявших самостоятельные церковные округа, 2. уполномоченных патріарха константинопольскаго, своего рода легатов. 3. постоянные экзархи, но с ограниченной автокефальностью, находящіеся под верховенством патріарха (р. 66). Автор останавливается также на вопросѣ о верховных правах императора по отношенію к церкви, и считает, что нѣкоторые из них у него существовал всегда (р. 69, adn. 73). Этот сложный вопрос автор разрѣшает б. м. слишком категорически. Затѣм Заикин переходит к изученію церковных соборов и снова обращается к примѣру Византіи (р. 91—96). Он приходит к выводу, что «соборы духовных лиц находились там в подчиненном положеніи и засѣдали под руководством и надзором высших іерархов» (р. 96). В Кіевской Руси в XV—XVI вв. замѣчается нѣкоторое проникновеніе на соборы и свѣтскаго элемента. Дальнѣйшая часть интересной и содержательной монографіи посвящена исторіи борьбы митрополитов с чересзмѣрно усилившимся «общественным папизмом».

М. А.

BOGDAN FILOW, GESCHICHTE DER ALTBULGARISCHEN KUNST. — BIS ZUR EROBERUNG DES ALTBULGARISCHEN REICHES DURCH DIE TÜRKEN. — *Berlin u. Leipzig (W. de Gneyter & Co) 1932.* —

Bogdan Filow vydává zde po třetí dějiny bulharského umění. Tentokrát je to pouze první díl, zahrnující v sobě dobu prvního a druhého bulharského carství a končící opakováním Bulharska Turky. Prvá část této knihy, pojednávající o předkřesťanské době, promlouvá nejprve o památkách, jež pocházejí podle všeho z doby před příchodem Bulharů i z prvních století křesťanských. Poněvadž se týkají Bulharska toliko jako teritoria, nikoliv po stránce ethnické, dotýká se jich autor jenom letmo, a přechází k obsírné stati o památkách Aboby a Madary, v nichž stejně jako v další části o pokladu Nagy-Szent-Miklós-ském zastává jím i jinými autory již dříve vyslovený názor o silném vlivu umění sasanidského na toto umění. V dalším pokračuje autor v popisu architekturních památek z doby prvního carství: basiliky v Abobě a památkách přeslavských, do nichž pojímá i nově objevený okrouhlý chrám. Přidrží se historického faktu rozdělení bulharské říše r. 963, popisuje zvláště památky západního Bulharska, tedy dnešní ochridské Makeдонie.

V druhé části, pojednávající o době druhého carství, přidrží se autor obvyklé trifurkace materiálu dějin umění, pojednává nejprve o architektuře, vedle církevní též i o profánní. V oboru církevní architektury probírá památky trnovské, Assenovu pevnost, chrámy mesemvrijské, bačkovský chrám sv. archandělů, zvláště pak odděluje křížově-kupolovité chrámy, v jejichž čelo staví chrám sv. Petra a Pavla v Trnovu, z méně známých staveb pak toho druhu uvádí chrám v Koluši a neexistující chrámy sv. Sofie ve Slivnu a ve vesnici Rila. Zde se zmiňuje autor i o stavbách této doby v okolí Ochridy. V kapitole

o malířství rozděluje autor látku na čtyři části: prvou vyplňuje pokusem o vytvoření zvláštní školy trnovské ve XIII. stol., v druhé popisuje fresky bojanské, jež považuje za dílo čistě bulharské, ve třetí části popisuje malby XIV. stol., a to zlomky výzdoby chrámu sv. Jiří v Sofii, malby zemenského kláštera a kratičce se zmiňuje, ale nepopisuje fresky jeskynních chrámů v Rusenski Lom a Ljutibrodu. Ve čtvrté kapitole probírá autor miniaturní malířství a ornamentiku, obšírně se zmiňuje o evangeliu Dobřejšově a vatikánské kronice Manasseově vedle jiných rukopisů. Závěrem knihy je stručný přehled uměleckého průmyslu, a to keramiky a kovových prací — včetně mincovnictví — na jedné straně a řezbářství na druhé straně. Kniha doprovázena je 48 tabulkami reprodukcí, které však veskrze přinášejí materiál již známý.

Recensi o této knize přineseme příště.

M.

DEMETRIUS AINALOV, GESCHICHTE DER RUSSISCHEN MONUMENTALKUNST DER VORMOSKOVITSCHEN ZEIT. — *Ibid.* 1932.

Kniha tato je prvou částí dějin ruského umění známého starešiny historiků ruského umění. Část tato zasahuje, jak nadpis již praví, pouze dějiny monumentálního umění do doby moskevské. Rozsah její po stránce obsahové jest dán látkou a zahrnuje v sobě umění Kyjeva, Novgorodu a Vladimíru. V kyjevském umění, a to jak v architektuře, tak v malířství a v mosaikách, nachází autor dvě školy, za dílo prvé považuje chrám desátkový a sv. Sofii. Zajímalé jsou výklady autorovy při popisu mosaik posléze uvedeného chrámu, v nichž nachází vlivy orientální. Do druhé školy zařazuje jednak hlavní chrám kyjevo-pečerské lavry, michajlského kláštera a kyrlovského kláštera, jakož i chrám tří světů a chrám Spasitele v Berestově. Rozdělení toto spočívá však na předpokladech historických, nikoliv umělecko-historických. V dů-

sledku toho připojuje k této škole i popis památek černigovských, třeba se v nich dle autora projevují silné vlivy západní. Souvisle popisuje autor chrámy Novgorodu, jak v době předmongolské, tak po ní, vytýčuje však přesně pojem nového typu chrámu koncem XIII. stol. Obšírně obírá se autor malbami chrámu neredického na jedné a nových maleb XIV. stol. na druhé straně, zejména provádí přesnou analýsu fresek volotovských. Dodatkem této kapitoly je neobšírný popis architektury pskovské a polocko-vitebské. Poslední kapitola pojednává o památkách knížectví vladimírsko-suzdalského, vedle kratičké zmínky o památkách Ržazaně. Zejména velkou pozornost věnuje autor plastice těchto chrámů; originální v tom směru jsou závěry, shrnuté v poslední zvláštní kapitole, kde ukazuje autor i na Srbsko, jako jeden z pramenů tohoto druhu umění. Kniha doprovázena jest 64 tabulkami ilustrací, z nichž některé jsou uveřejňovány po prvé. — Recensi přineseme příště.

M.

А. ГАККЕЛЬ, ОБРАЗ ТРЕХГЛАВОЙ ТРОИЦЫ. Статьи и материалы. Из чтений в кружке любителей русской старины. Берлин 1931, р. 28—40.

Автор поставил себѣ задачу на примѣръ древне-русской иконы «Видѣніе преп. Петра Александрійскаго» посильно выявить западно-европейскіе истоки искусства христіанскаго Востока, начиная с XIV-го вѣка. Эта композиція изображает Ангела с тремя головами, олицетворяющаго Троицу; таким образом иконописец передал неизрѣченную славу явившагося Іисуса Христа. Совершенно неудачным представляется придуманное для подобной композиціи означеніе «Трехглавая Троица». Послѣ краткаго историческаго экскурса, Гаккель переходит к опредѣленію истоков этого единственнаго в своем родѣ изображенія Троицы в русской иконописи. Аналогичныя по замыслу изображенія автор находит в Германіи с XII-го вѣка, а затѣм в роман-

ских странах; они получили особое распространение на Западѣ, начиная с XV-го вѣка. Трехглавыя фигуры примѣняются и для изображенія демонов. По мнѣнію Гаккеля новый тип изображенія Троицы был занесен на Русь сѣверо-итальянскими мастерами. К сожалѣнію при многочисленных ссылках на источники и памятники автор не приводит аналогичных изображеній, которые были бы достаточно убѣдительными с точки зрѣнія иконографіи. М. А.

БОЛЬШУЮ РЕЦЕНЗИЮ посвятил первому тому Исторіи охридскаго архіепископства ИВАНА СНѢГАРОВА (т. I. Основането и до завладѣването на Балканския полуостровъ отъ турцитѣ. София 1924) в *Przewodnik historyczno-prawny*. Roczn. II, zes. 4. Lwów 1931, p. 320—329. В. ЗАЙКИН. Зайкин подробно останавливается на литературѣ по вопросу и приводит соотвѣтственную библиографію. Соглашаясь в общем с СНѢГАРОВЫМ, он все же не признает удачной его періодизаціи исторіи охридскаго архіепископства. Зайкин также высказывается особо по вопросу о полученіи в X-ом вѣкѣ болгарскими правителями царскаго титула из Рима и разрѣшает его, в отличіе от СНѢГАРОВА, в положительном смыслѣ. М. А.

POVODOM PEDESETGODIŠNJICE JUBILEJA «VJESNIKA ZA ARCHEOLOGIJU I HISTORIJU DALMATINSKU» (*Bulletin d'Archéologie et d'histoire dalmate*) 1878—1928. MGR. FRANE BULIĆ. *Split 1931*.

По многолѣтней дѣятельности в области археологіи и послѣ многочисленных раскопок в Сплитѣ и Салонѣ, Монсиньор Ф. БУЛИЧ, в возрастѣ 84 лѣт, уходя на покой, прощается с Вѣстником, в котором он проработал 50 лѣт, и сообщает об установленіи стипендіи своего имени для работы в области археологіи и исторіи искусств. Булич обращается также с призывомъ къ «Collegium Cultorum Martyrum» в Римѣ. Вторая часть сборника посвящена

статьямъ по археологіи. К статьѣ Н. DELAHAYE, Note sur une inscription de Milan. Aurelius civitatis Riditionis Episcopus (Rider en Dalmatie). Булич дѣлаетъ дополненіе о мѣстоположеніи муниципіи Ридер. Знаменитый изслѣдователь древностей Сплита и Салоны в отдѣльной статьѣ описываетъ пятое из вновь открытых старохристіанскихъ погребеній в Салонѣ, на юго-восточной сторонѣ города. Он знакомитъ также с рядомъ надписей: из Рупотина у Солоны, греческой из храма св. Стефана в Дубровникѣ, надписью священника Доминика, основателя часовни св. Мартина над Porta Aurea и съ нѣкоторыми небольшими археологическими находками. Слѣдуютъ извлеченія изъ иныхъ научныхъ періодическихъ изданій, касающихся салонскихъ и сплитскихъ древностей, и библиографія. М. А.

ВОЛОДИМИР ПЕЩАНСКІЙ ИЛЛАРИОН СВЕНЦИЦКІЙ, ИКОНОПИСНА ТЕХНИКА ТА Ї ДЖЕРЕЛА. Записки ЧССВ, т. IV, 1-2. Львов 1932, p. 5—32.

Двѣ небольшихъ статьи двухъ авторов посвящены разбору иконописной техники и источниковъ знанія о ней. В. ПЕЩАНСКІЙ в первой статьѣ подъ заглавіемъ: «Темперова техника старинной иконописи» подробно описываетъ техническіе приемы иконописанія и приводитъ рецепты изготовленія красокъ. Онъ останавливается также отдѣльно на техникѣ фресковой живописи и приводитъ объясненія нѣкоторыхъ иконописныхъ терминовъ. І. СВЕНЦИЦКІЙ в добавленіе къ статьѣ Пещанскаго знакомитъ читателя съ источниками познаній о иконописной техникѣ и издаетъ великорусскій подлинникъ по рукописи принадлежавшей Пещанскому. М. А.

LUDVÍK KUBA, ČTENÍ O STARÉM SRBSKU. *Cesty a studie z roků 1890—1927. Orbis pictus III. Družstevní práce*, 1932, p. 220, 20 tab.; ČTENÍ O MAKEDONII. *Cesty a studie z roků 1925—1927. Orbis pictus IV. Družstevní práce*, p. 232, tab. 20.

В живо написанныхъ очеркахъ Л. КУБА

дѣлится с читателем своими путевыми впечатлѣніями о Старой Сербіи и Македоніи и при этом предается и историческим реминисценціям. Главным образом на эту историческую часть и будет обращено внимание в настоящей замѣткѣ и оставлены в сторонѣ этнографія, фольклор, в изучение котораго Куба вносит много цѣннаго, и политика.

В первой книгѣ о Старой Сербіи автор описывает ряд памятников и исторических мѣстностей, как церковь св. Петра и Павла в Новом Базарѣ, Георгіевы Столбы, Студеница, Жича, Сопочаны, Звенчаны, Печь, Дечаны, Призрен, Неродимлье, Косово Поле, Грачаницу, Раваницу и Манассію и дѣлает экскурсы популярнаго характера, поясняя историческое значеніе описываемаго. В III части «Чешско-сербскія сношенія в древности» он излагает нѣсколько исторических эпизодов. Так посылка письма Карлом IV Стефану Душану, пребываніе в Хебѣ в ссылкѣ претендента в сербскіе вожди Бранковича в концѣ XVII-го вѣка; разсказ о двух королевах: Кунгутѣ, дочери Ростислава Михайловича, супруги Пржемысла Оттокара II и Елисаветѣ, разведенной жены Милютина, вышедшей замуж за Завиша из Фалкенштейна. В IV-ой части Куба пытается дать общую характеристику сербскаго искусства и его значенія в жизни народа, в особенности в религіозной. Отмѣчу также интересныя главы об эпосѣ о царевичѣ Марко и о народных пѣснях.

Во второй книгѣ, посвященной Македоніи значительно больше мѣста удѣлено описанію быта и фольклору, в этом отношеніе особенно интересны главы, посвященные Галичнику. С точки зрѣнія историко-географической интересно описаніе Прилѣпа — родины кралевица Марко.

Всеже приходится констатировать, что в обѣих книгах Куба, привлекая историческій матеріал, освѣщает его зачастую слиш-

ком субъективно и дѣлает иногда слишком смѣлыя заключенія, точно также он не всегда соблюдает достаточной точности в деталях. Напр., (Македонія, р. 50) говорится, что I-ое Болгарское царство пало «*za třetého nástupce*» царя Самуила, на самом дѣлѣ при втором его преемникѣ; (Сербія, р. 56) діаконикій производится от славянскаго слова дякъ; (Македонія, р. 65) царскій лор кралевица Марко толкуется, как «*diakonská štola*» — оранъ діакона. Таких примѣров можно привести больше. Несмотря на это книга полезна для интересующихся Балканами, т. к. необыкновенно живо, рельефно и красочно знакомит с их обитателями, отдѣльными мѣстностями и природой.

М. А.

RUMUNSKÉ PRAVOSLAVNÉ EUCHOLOGION je právě předmětem liturgického rozboru P. VINTILESCU,¹ profesora pravoslavné fakulty v Bukurešti, který na základě řeckých pramenů podnikl skutečnou revisi rumunského textu a shledal v něm řadu nepřesně přeložených míst; vedle nich zaznamenává i odchylky od usu ostatních pravoslavných církví. Pozornost věnoval dosud proskomidiím liturgie sv. Jana Zlatoustého.

Nutnost obdobné revise je však cítěna i v samotné církvi řecké, kde moderní euchologion, ačkoliv každé jeho vydání ujišťuje, že podává text, opravený podle nejstarších rukopisů, netěší se úplné důvěře Fanaru. Nejvyšší místa v řecké církvi doufají v materiál, který je možno vytěžiti ze studia euchologia slovanského, kde Sinajské euchologion je jedním z nejstarších svědectví o počátcích řeckého euchologia vůbec.

J. F.

¹ P. Vintilescu, Contributii la Revizuirea Liturghierului roman, in-8°, 160 str. Cf. Echos d'Orient, 35 (1932), str. 384.

BIBLIOGRAPHIE.

AVANT-PROPOS.

Quoiqu'on se soit servi d'un plus grand nombre de périodiques pour le IVe tome de la *Byzantinoslavica*, la bibliographie n'a pas pu atteindre le degré de complet voulu. L'irrégularité de l'envoi des revues et périodiques, les lacunes fréquentes dans les séries en ont été cause. Ceux des périodiques dont les numéros suivants ne sont pas parus ou nous ont été inaccessibles ne sont pas nommés dans la liste. Les titres des articles et critiques du IIIe tome de notre revue ont été cette fois-ci inclus dans la bibliographie. A la fin de chaque note se trouve le chiffre de celui qui l'a rédigée: (A) — Andreeva; (M) — Myslivec. M. W. — M. A.

LISTE DES PÉRIODIQUES.

- Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Comptes rendus des séances de l'année 1931. Bulletins. — Bul. Acad. In. B. L. American Journal of Archeology, vol. XXXVI, No 2. 1932.
- Analecta Bollandiana, t. XLIX. 1931; t. L, fasc. 1—2, 1932. — An. Bol.
- Архив за правне и друштвене науке, Орган Београдског правног факултета, Друго коло. 1930. год. XX; 1931. год. XXI; t. XX (XXXVII)—XXIII (XL). — Архив прав. друш.
- Archiva. Organul societății istorico-filologice din Jasi, an. XXXIX. No 932. No 1—3.
- Archivum Franciscanum Historicum, an. XXV. fasc. II. 1932. — Arch. Franc. Hist.
- Братство, Друштво св. Саве. Београд. t. XXVI. fasc. 41. 1932.
- Bratislava, t. V. 1931; t. VI. 1932. fasc. 1—2.
- Българска историческа библиотека, 1930, an. III; 1931—1932, an. IV. — Бълг. ист. библиот.
- Bulletin d'Information des sciences historiques en Europe Orientale, t. III. 1930; t. IV, fasc. 1. 1931. — Bul. Inf.
- Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1932, t. IX., fasc. 1—2. — Byz. neugr. Jahrb.
- Byzantinische Zeitschrift, t. XXXI₂, 1931; t. XXXII₁, 1932. — Byz. Zeit.
- Byzantinoslavica, 1931, t. III. — Byz.-sl. Byzantion, t. VI₂, 1931; VII₁, 1932. — Byzant.
- Центральная Европа, 1932. No 1—11. — Центр. Евр.
- Croatia sacra, Archiv za cirkevni povjest. 1932, an. 2. No 4.
- Časopis Matice Moravské, 1932, t. LVI, fasc. 1—2. — Č. M. M.
- Časopis Národního musea, 1931, CV₃₋₄; 1932, CVI₁₋₂. — Cas. nár. mus.
- Časopis za zgodovino in narodopisje, an. XXVI₂.
- Český Časopis Historický, 1931, XXXVII₂; 1932, XXXVIII₁₋₂. — Č. Č. H.
- Доклады Академии Наук СССР, В. 1930; 1931. No 3. — Док. А. Н. СССР.
- Духовна култура, Четиримесечно списание за религия, искусство и наука. 1932. апр.-авг. t. 48—49. — Дух. культ.
- Дзвони, Літературно-науковий журнал, Львів. No 10 (19). 1932.
- Échos d'Orient, Revue trimestrielle d'Histoire, de Géographie et de Liturgie orientales. 1931. 34 an. No 164; 1932. 35 an. Nos 165—167. — Échos Or.
- Ἑλλάς, t. V. 1931.
- Ἑπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, an. VII, VIII, 1930, 1931 — Ἑπετη-

- ρις. Έτ. Βυζ. Σπ.
 Eranos, Acta philologica suegana, vol. XXX, fasc. 1. 1932.
 Eurasia Septentrionalis Antiqua, 1932, t. VII.
 L'Europe Orientale, Rivista storica e politica, t. XI, 1931; t. XII₁₋₈, 1932. — Europe Orient.
 Гласник историског друштва у Нови Саду, t. V. fasc. 1, 2. — Глас. ист. друш. Н. Сад.
 Гласник земалског музеја у Босни и Герцеговини, II св. (за историју и етнографију). Сараево. 1931. т. XLIII. — Glas. zem. mus. B.
 Годишникъ на Софийския университетъ, Историко-филологически факултетъ, т. XXVII, 1931. — Годиш. Соф. унив.
 Historisches Jahrbuch, 1932, t. 52, fasc. 3.
 Historische Vierteljahrschrift, t. XXVII, fasc. 3. 1932.
 Historische Zeitschrift, 1932, t. 147, fasc. 1.
 Irénikon, 1931, t. VIII; 1932, t. IX₁₋₄.
 Известия Академии Наук СССР, VII sér. 1931; 1932. No 1—4. — Изв. Ак. Н. СССР.
 Известия на българския археологически институтъ, 1930—1931; т. VI. — Изв. Бълг. Арх. Инст.
 Известия на историческото дружество въ София (1931—1932), т. XI—XII. — Изв. ист. друж. Соф.
 Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, 1932, t. VIII₂.
 Journal des savants (Institut de France), mai—déc. 1931. — Jour. sav.
 Юридически прегледъ, София. 1932. fasc. 1—8.
 Јужнословенски филолог, повремени спис за словенска филологију и лингвистику. Београд. 1931, т. X₁₋₂. — Јуж. фил.
 Klio, Beiträge zur alten Geschichte, t. XXV. (Neue Folge, t. VII, fasc. 3.). 1932.
 Kwartalnik historyczny. Wiadomości historyczne, rocz. XLV. 1931 (rocz. XLVI, zes. 1—2. 1932).
 Летопис Матице Српске, Нови Сад. ап. CVI. lib. 331, 332, 333.
 Listy filologicke, t. LVIII, 1931; t. LIX, 1932.
 Ljetopis jugoslovanske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1929/30, t. 43. Zagreb. 1931.
 Lud Słowiański, Kraków, 1931, t. II., fasc. 2.
 Македонски Прегледъ, 1931. т. VII.
 Mitteilungen des Österreichischen Instituts für Geschichtsforschung, 1931, t. XII, fasc. 2.
 Le Monde Slave, 1932. No 1—8.
 Narodna Starina, 1931, 1932. No 23, 24, 25. — Nar. Star.
 Národopisný věstník československý, 1930, 1931, t. XXIV.
 Naše věda, 1931, t. XII₇₋₁₀; t. XIII₈, 1932.
 Наученъ прегледъ, an. III. fasc. 2. 1931.
 The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society, 1932, part II. V^e sér. N° 46.
 Orientalia christiana, 1930—1932. N° 58—79. — Orien. christ.
 Прилози за книжевностъ, језик, историја и фолклор. 1931. т. XI; 1932. т. XII, fasc. 1. — Прилози за книж.
 Przegląd historyczny, wydany przez Towarzystwo Miłośników Historji, IIe ser., t. X, fasc. 1.
 Przewodnik historyczno prawny, 1931, t. II, fasc. 4.
 Revista istorică Română, t. I. fasc. 3—4 (1931); t. II. fasc. 2—3 (1932).
 Revue archéologique, V^e série, t. XXXVI, 1932, juil.—oct.
 Revue des Études Slaves, 1931, t. XI₃₋₄; 1932, t. XII₁₋₂. — Rev. Ét. Sl.
 Revue d'histoire et de religion. Annales du Musée Guimet, t. 102 (1930); t. 103—104 (1931).
 Rivista de Letterature Slave, 1932, t. VII, fasc. I. — Rivista Let. Sl.
 Rocznik slawistyczny, 1931, t. X. — Rocz. slaw.
 Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte, t. 40, fasc. 1—2, 1932.

- Sbornik Matice Slovenskej, 1931, t. IX₁₋₄.
 Сборникъ на българската академия на науката, t. XXVII. 1931. — Сбор. бълг. ак.
 Seminarium Kondakovianum, Praha 1932, t. V. — Sem. Kond.
 Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, 1932.
 Slavische Rundschau, 1932, t. IV, fasc. 1—6.
 Славянска библиотека, Период. изд. 1932. год. IX. — Слав. библи.
 Sprawozdania poznańskiego towarzystwa przyjaciół nauk, 1931 (kw. II, III, IV). — Sprawozd. pozn. towarz.
 Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii umiejętności, 1931, t. XXXVI, No. 6, 7. — Spraw. Polsk. Ak.
 Starinar, t. V (1930); t. VI (1931). — Star.
 Studi Rumeni, Bolonia, vol. I—II (1927); vol. III (1928); vol. IV (1929—1930).
 Труды Института Славяноведения Академии Наук СССР. t. I, 1932. — Труды Инст. Слав.
 Училищентъ прегледъ, 1932; t. XXXI, fasc. 1—7. — Уч. Прег.
 Ungarische Jahrbücher, t. XI (1931). — Ung. Jahr.
 Věstník České Akademie věd a umění, t. XL, 1931; XLI (1931) 4—6.
 Věstník Král. České Společ. Nauk, 1931.
 Wiadomości archeologiczne, t. XI, 1932.
 Записки Русскаго Научнаго Института въ Българѣ (1931, 1932). № 5, 7.
 Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena, 1931, t. XXVIII. — Zbor. nar. živ. Sl.
 Zeitschrift für slavische Philologie, 1931, t. VIII.

I. Littérature et légende.

A. Littérature scientifique.

H. LEWY, *Neue Philontexte in der Überarbeitung des Ambrosius. Mit einem Anhang: Neu gefundene griechische Philonfragmente* — l'auteur présente des fragments des « Quaestiones in Genesium et Exodum » extraits des écrits de St. Ambroise, ainsi que des fragments conservés chez divers auteurs grecs et passés jusqu'ici inaperçus. — *Sitz. d. Preus. Ak.* 1932. No II—IV. p. 23—84. (A)

A. VAILLANT, *De autexusia de Méthode d'Olympe*. Paris 1930. — *Byz.-sl.* t. III. p. 517—519. — par G. IL'INSKIJ. (A)

P. STÉPHANOU, *Théophane de Médie. Opuscules philosophiques* — exposé des idées de ce philosophe byzantin d'après ces écrits — traités de l'âme, de la Providence, correspondance. — *Échos Or.* 1932. No 166. p. 165—176. (A)

E. STÉPHANOU, *Études récentes sur Pléthon* — en particulier sur le livre de J. W. TAYLOR, Georgios Gemistos Pletho's criticism of Plato and Aristotle. — *Échos Or.* 1932. No 166. p. 207—217. (A)

Статии по исторія византийских и славянских политических идей В. Е. Вальденберга — *Byz.-sl.* t. III. p. 220—223. par M. ANDREEVA.

Φ. Ι. ΚΟΥΚΟΥΛΕ, Αἱ παρὰ τῷ Θεσσαλονίκῃ Εὐσταθίῳ δημῶδεις παροιμίαι καὶ παροιμῶδεις φράσεις — l'auteur classe en trois catégories les proverbes d'Eustache de Salonique; il étudie ceux qui sont de l'invention de l'auteur et d'autres qui étaient d'usage à son temps chez le peuple. — *Ἑπετηρὶς Ἐτ. Βυζ.* Σπ. VIII. 1931. p. 3—29. (A)

A. VOGT et J. HAUSHERR, *Oraison funèbre de Basile Ier par son fils Léon VI*

le Sage — publication pour la première fois du texte de l'Oraison d'après le manuscrit N° 360 du Vatopède, fin du XIe siècle. Dans l'introduction est analysée la composition du discours de Léon le Sage et est traitée la question de l'origine paternelle de cet empereur. — *Orien. christ.* vol. XXVI₁. N° 77. Avr. 1932, p. 5—79. (A)

A. VOGT, *Panegyrique de St. Pierre. Panegyrique de St. Paul. Deux discours inédits de Nicéas de Paphlagonie, disciple de Photius* — édition de deux panégyriques de Nicéas de Paphlagonie d'après le manuscrit 755 de la Bibl. Nat. de Paris du XIe siècle avec une introduction sur l'oeuvre et son auteur. — *Orien. Christ.* vol. XXIII₁. No 71. Julio 1931. p. 1—97. (A)

JOANNES SAJDAK, *Ioannis Kyriotis Geometrae Hymni in SS. Deiparam. Analecta Byzantina I. Poznaniae 1931* — *Byz.-sl.* t. III. p. 515—517. — par M. ANDREEVA.

† СИМЕОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ ВАРНЕНСКИ И ПРЕСЛАВСКИ, *Писмата на Теофилакта, Архиепископъ Български* — traduction en bulgare de la correspondance de Théophylacte d'Ochride, avec un commentaire détaillé et la biographie de l'écrivain byzantin et évêque. — *Сбор. Бълг. акад.* 1931. t. XXVII. pp. XXXIII + 280. (A)

† СИМЕОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ ВАРНЕНСКИ И ПРЕСЛАВСКИ, *Писмата на Теофилакта, Архиепископъ Български.* — *Сборникъ на Българската академия на наукитѣ.* кн. XXVII; 1931, pp. XXXIII + 280. — par A. МИЛЕТИЧЪ, — *Мак. Пр.* t. VII. fasc. 2—3. p. 220—223; 265—267. (A)

GYULA MORAVCZIK, *Ἡ χειρόγραφος παράδοσις τοῦ De administrando imperio* — étude des manuscrits de l'oeuvre de Constantin Porphyrogénète et de leurs rapports aux éditions faites.

Tous les manuscrits dérivent d'une manière directe ou indirecte du ms Paris. gr. 2009, que l'auteur date du XIe siècle. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 138—152. (A)

K. KUMANIECKI, *Notes critiques sur le texte de Théophane continué* — quelques-unes des erreurs, contenues dans le texte de Théophane continué (ed. Bonnen-sis) peuvent être corrigées à l'aide des passages correspondants de Georges le Moine et Syméon le Logothète. — *Byzant. t.* VII. 1932, p. 235—237. (A)

Σ. ΕΥΣΤΡΑΤΑΔΟΥ, *Συμμένων Λογοθέτης ὁ Μεταφραστής, χρόνος τῆς ἀκμῆς καὶ τὰ ποιητικὰ αὐτοῦ ἔργα* — l'auteur se propose de prouver d'après les titres des ouvrages de Syméon le Logothète et des données, tirées de quelques auteurs byzantins, que Syméon Métaphraste n'est autre que le logothète Syméon Seth, contemporain de Michel VII Dukas. Il dresse aussi une liste des canons de Syméon en usage à l'Eglise orthodoxe. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 46—65. (A)

Г. А. ОСТРОГОРСКИЙ, *Славянский переводъ хроники Симеона Лозовеца* — étude sur le rapport du texte de la traduction slave de Syméon le Logothète aux textes des manuscrits grecs. Le plus proche du slave est le Vat. 1807. Les meilleures rédactions de Syméon sont la traduction slave et Théodose de Melitène. — *Sem. Kond.* t. V. p. 17—37. (A)

В. Е. ВАЛЬДЕНБЕРГ, *Речь Юстина II в древнерусской литературе* — le discours de Justin II, qu'on retrouve chez plusieurs historiens byzantins, a été traduit en langue slave au XVIIe siècle le plus tôt à la fin du XVIe. Ces traductions ne sont pas toujours précises, la meilleure, mais la moins répandue est celle de la chro-

nique de Syméon Magistre. Bien plus répandue fut la traduction de l'histoire de Dosithée le Monémbasiote avec le texte incomplet du discours. — *Док. Ак. Н. СССР.* 1930. No 7. p. 121—127. (A)

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ, *Из наблюдений над древнерусским переводом Историки Иудейской войны Иосифа Флавия* — l'analyse d'une des interpolations du Josèphe Slave sur la prédiction du maître de l'univers démontre que le texte slave dépend du texte grec, mais le traduit librement; une explication analogique de cette place peut être trouvée chez les écrivains ecclésiastiques du IIIe—IVe siècles. — *Док. Ак. Н. СССР.* В. 1930. No 2. p. 19—25. (A)

V. M. ISTRIN, *Моравская история славян и история поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи.* — *Byz. sl.* III. p. 308—331. (A)

N. van WIJK, *Eine Vulgataleseart im slavischen Evangelium (Mat. XVIII, 48)?* — *Byz. sl.* III., p. 89—91. (A)

ЛАВРОВ, АКАД. ПЕТРО, *Кирило та Методий у давно-слов'янському письменстві.* У Києві. 1928. 421 стр. — par С. КУЛЬБАКИН. — *Южносл. фил.* т. X. fasc. 1—3. p. 225—237. (A)

МИНКО ГЕНОВЪ, *Дѣлото на св. Кирила въ преценка на старобългарските писатели* — caractéristique de l'impression laissée sur les contemporains de Cyrille et Méthode par l'oeuvre des deux frères. Ces écrivains contemporains sont St. Clément d'Ochride, l'évêque Constantin, Jean l'Exarche, Doxe et Chrabr. — *Слав. Библ.* т. IX (1932). p. 45—68. (A)

МИНКО ГЕНОВЪ, *Иванъ Екзархъ* — biographie de Jean l'Exarche et aperçu de son oeuvre littéraire. — *Бълг. ист. библ.* 1931. an. IV. t. I. p. 56—93. (A)

МИНКО ГЕНОВЪ, *Черноризецъ Храбъръ* — étude de l'oeuvre littéraire du moine Chrabr; celui-ci a joué un grand rôle dans la lutte contre la langue grecque dans l'église bulgare et s'est prononcé dans son traité « sur les lettres » en faveur de la langue slave. — *Бълг. ист. библ.* 1931. an. IV. t. II, p. 1—29. (A)

Д-р. А. СОЛОВЬЕВ, *Светосавски Номоканон и његови нови преписи* — l'auteur après avoir étudié les divers manuscrits du Nomokanon de St Sava et les avoir comparé avec ceux de la rédaction russe, vient à la conclusion, que St. Sava n'avait pas traduit directement du grec, mais s'était servi des traductions russes. Il a choisi ce qui lui convenait et en a composé une nouvelle compilation originale. *Браство*, t. XXXVI. fasc. 41. p. 21—43. (A)

M. SPERANSKIJ, *Малоизвестное византийское «Видение» и его славянские тексты.* — *Byz. sl.* III. p. 110—132. (A)

А. СЕДЕЛЬНИКОВ, *Из истории «Епистолии о неделе». Иерусалимско-Иоакимовская версия у русских и у южных славян* — la date de la diffusion de l'Épître du dimanche tombe d'après l'auteur sur l'an 6956, sous le patriarche de Jérusalem Joachime; alors apparurent les deux prototypes slaves: le russe et le slave méridional. — *Slavia*, t. XI, p. 56—72. (A)

M. H. СПЕРАНСКИЙ, *Неизвестный византийский флорилегий в старом славянском переводе* — étude d'un florilegium byzantin, qui s'est conservé en grec dans un manuscrit du XVIe siècle et en traduction slave dans des manuscrits serbe du XIIIe siècle et bulgare du XIVe. L'auteur vient à la conclusion que la traduction slave provient du territoire bulgare occidental du XIIe siècle. Dans l'appendice sont parallèlement publiés les textes grec et bulgare. — *Труды Инст.*

Слав. т. I. 1932. p. 105—116; app. II. p. VI—XXIV. (A)

Б. ЦОНЕВЪ, *Единъ срѣднобългарски паметникъ отъ XIII вѣкъ* (Кюстендилско четвероевангеле) — publication d'un tétraévangile de Kustendil du XIII s. C'est le seul monument conservé pour cette époque qui appartient à la sixième école d'orthographe de la langue bulgare médiévale, à l'école vlachobulgare. — *Годишникъ Соф. Унив.* 1931. т. XXVII. No 11. p. 1—50. (A)

Г. А. ИЛЫНСКИ, *Записъ на Средецком евангелии*, 1329 г. — réédition d'une inscription sur un Évangilaire du métropolite de Srdec (Sofia) en Bulgarie de 1329. — *Изв. ист. друж. Соф.* т. XI.—XII. p. 119—121. (A)

МИНКО ГЕНОВЪ, *Григорий Цамблакъ*. (Изъ историята на културнитѣ сношения между българи, руси, сѣрби и румъни) — biographie de Grégoire Tzambalak, qui a joué un rôle important dans la vie littéraire et ecclésiastique des Serbes, Russes et Roumains. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. т. II. p. 150—195. (A)

Д-р. МИЛОЈЕ ВАСИЋ, *Константин Костенски и Херодот* — reflet de la connaissance de Hérodote, vraisemblablement par l'intermédiaire d'auteurs byzantins, chez Constantin Kostenski. Épisode de Crésus, dans le trésor duquel se trouvaient des céramides (pour *ἡμιπλινθία*). — *Прилози за књиж.* т. XI. 1931. p. 140—150. (A)

P. P., *La première traduction latine de « Barlaam et Joasaph » et son original grec* — la première traduction latine a été faite à Constantinople par une personne de la suite d'Argyros. Le manuscrit grec lui fut transmis par un moine amalfitain du Mont Athos, où la traduction grecque du géorgien avait été exécutée au monastère d'Iviron par St. Euthyme. — *An. Bol.*

1931. XLIX., p. 276—312. (A)

А. С. ОРЛОВ, *Книга русскаго средневековья и ее энциклопедические виды* — études sur les formes d'encyclopédie qu'on retrouve dans les recueils, qui abondaient dans la littérature russe du moyen âge et par là même dans la littérature byzantine qui l'avait influencée. — *Док. Ак. Н. СССР.* B. 1931. No 3. p. 37—51. (A)

B. Littérature populaire.

HENRI GRÉGOIRE, *Autour de Digénis Akritas. Les cantilènes et la date de la recension d'Andros-Trébizonde* — I. l'épopée de Digénis Akritas a eu pour source les cantilènes akritiques populaires; II. la rédaction Andros-Trébizonde de la Digénide a été revue et corrigée au XIIe siècle, comme le prouve le nom d'Aaron (voir Aaron, fils de Jean Vladislav). — *Byzant.* t. VII₁. p. 287—302. (A)

HENRI GRÉGOIRE, *Digénis. Notes complémentaires. I. La Sagyid Battâl arabe* — un nouveau texte arabe contribuant à la « geste de Malatya »; II. *Philopappas et Kinnamos* — deux héros prébyzantins de l'épopée commagénienne — le dernier roi Antiochos Philopappas et l'usurpateur Kinnamos, rendant le trône à Artabane III. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 318—320. (A)

R. GOOSSENS, *Autour de Digénis Akritas. La « Geste d'Omar » dans les Mille et Une Nuits* — l'auteur vient à la conclusion, que « l'Histoire de Roi Omar al Néman, telle que les Mille et Une Nuits nous l'ont transmise, confirme pleinement l'hypothèse, due à M. Henri Grégoire, d'une geste arabe d'Omar, source de la « geste de l'émir dans notre poème grec ». — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 303—316. (A)

А. X. ХАТЗΗ, Ἡ γλῶσσα τῆς Ἀκριτικῆς ἰδρύσεως — l'auteur soutient, que

l'Acritéis a été composée par Eustache Macrembolite dans la langue littéraire de son époque. — Ἐπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 234—235. (A)

A. X. XATZH, Εὐστάθιος Μακρεμβολίτης καὶ Ὁμηρος — sur les rapports de l'Acritéis au poème de Homère. D'après M. Hadjis l'auteur de l'Acritéis est Eustache Macrembolite — Ἐπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 236—239. (A)

A. VOGT, *Études sur le théâtre byzantin* — l'auteur donne un examen approfondi d'une pièce traduite du grec en syriaque; elle a pour titre « histoire des comédiens qui ont été emprisonnés ». — *Byzant.* VI₂. 1931. p. 623—640. (A)

Б. АНГЕЛОВЪ, *Българска народна историческа балада* — de la ballade populaire bulgare et de ses héros historiques, dont le principal est le dernier tzar bulgare avant la conquête turque, Jean Chichman. — *Уч. Прег.* an. XXXI. No 1. 1932. p. 37—52. (A)

ANDRÉ MAZON, *Mikula le prodigieux laboureur* — étude de la composition et des sources de la byline de Mikula Selianinovitch. — *Revue Ét. Sl.* t. XI. fasc. 3—4. p. 149—170. (A)

S. H. CROSS, *La tradition islandaise de Saint Vladimir* — conclusion: les matériaux sur St. Vladimir, conservés dans les sagas, par suite de la pauvreté des sources et de l'évolution rapide de la légende ne fournissent que des données assez vagues, cependant les souvenirs de quelques faits historiques y sont restés. — *Revue Ét. Sl.* 1931. t. XI. fasc. 3—4. p. 133—148. (A)

Dr. STJEPAN IVŠIĆ, *Iz hrvatska glagoljska književnosti. Legenda o Ivanu Zlatoustom* — étude linguistique de la légende de St. Jean Chrysostome, transcrite à la fin

du XVe—début du XVIe siècle dans un manuscrit glagolique croate (Zgombičev Zbornik). Publication du texte. — *Прилози за књиж.* t. XI. 1931. p. 59—82. (A)

C. Légende. Folklore.

DOM ANSELM STRITTMATTER, O. S. B., *Ein griechisches Exorzismusbüchlein Ms. Car. C. 1430 der Zentralbibliothek in Zürich* — I. description d'un manuscrit du XIe siècle, renfermant des exorcismes. — *Orien. Chr.* vol. XX₃. Decembri 1930. *De Oriente, documenta, studia et libri.* p. 169—178. — II. publication de quelques textes d'exorcismes d'après le manuscrit décrit dans la I^e partie, entre autres de la prière attribuée à Grégoire le Thaumaturge. — *Orien. Christ.* vol. XXVI₂. No 78. Maio—Junio 1932. *De Oriente.* p. 125 à 144. (A)

M. A. ANDREEVA, *Политический и общественный элемент византийско-славянских гадательных книг. гл. III.* — *Вуз. сл.* t. III. p. 430—461.

M. A. ШАНГИН, *К вопросу о средневековом «гадании по Пифагору» (с 2 фиг.)* — étude du manuscrit grec No 575 (XVIIe sc.) de la Bibliothèque Nationale de Léningrad, par excellence du texte de la divination d'après Pythagoras et de la connaissance de cette méthode au moyen âge. — *Док. Ак. Н. СССР.* В. 1930. No 6. p. 109—116. (A)

СТЕВАН ЈОСИФОВИЋ, *Раскршка у античком и модерном веровању* — des croyances antiques et modernes attachées aux carefours des routes, qui ont leur origine dans le culte des ancêtres — *Прилози за књиж.* t. XII. fasc. 1. 1932. p. 52—64. (A)

Л. МИЛЕТИЧЪ, *Издигането на кравая въ обряда на семейната «служба» и «слава»* — nouveaux arguments ayant le but de dé-

montrer « l'existence de la cérémonie rituelle » de la « slujba » chez les Bulgares, avec une « élévation » du pain rituel (le « karavai ») de même que chez les Serbes. — *Mak. Pr.* t. VII. fasc. 1. p. 28—32; 182—183. (A)

EUEN ONATSKY, *Residui di cosmogonie antiche nel folklore ucraine* — l'auteur retrouve dans les matériaux ethnographiques de la Russie du Sud — dans les légendes au sujet cosmogénique l'influence

du dualisme antique. — *Rivista Let. Sl.* 1932. fasc. V—VI. p. 436—460. (A)

Dr. IVO PILAR, *O dualizmu u vjeri starih Slavjena i o njegovu podrijetlu i značenju* — étude du problème du dualisme chez les anciens Slaves. L'auteur se range du parti de Peisker et fournit des preuves nouvelles, trouvées dans la topographie yougoslave, pour l'origine iranienne du dualisme slave. — *Zbor. nar. živ. Sl.* 1931. t. XXVIII. fasc. 1. p. 1—86. (A)

II. Manuscrits et Bibliographie.

A. Manuscrits et Bibliographie.

Γ. Ν. ΧΑΤΖΙΑΚΙ, *Περὶ τοῦ θησαυροῦ τῆς Μεσσαιωνικῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης* — observations sur le Dictionnaire de la langue grecque médiévale à paraître. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. p. 223—226. (A)

ΧΡΙΣΤΟΦΟΡΟΥ ΚΤΕΝΑ, *Τὰ χειρμυλιαρχεῖα τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει Ἀθῶ ἱερᾶς Μονῆς τοῦ Δοχειαρίου* — description des chartes et manuscrits de l'époque byzantine et turque ainsi que des reliques et divers objets, conservés dans le trésor du couvent de Docheiaron. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 104—132. (A)

ΕΥΛ. ΚΟΥΡΙΛΑ, *Τὰ ἁγιορειτικὰ ἀρχεῖα καὶ ὁ κατάλογος τοῦ Πορφυρίου Οὐσπένσκη* — des richesses des archives du Mont Athos et du catalogue de Porf. Ouspenski, dont l'auteur présente la traduction en grec. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 180—222; t. VIII. 1931. p. 66—109. (A)

EULOGIOS KOURILAS, *Κατάλο-*

γος τῶν κωδίκων τῆς ἱερᾶς σκήτης Καυσοκαλυβίων καὶ τῶν καλυβίων αὐτῆς. Paris H. Champion. 1930 in 4°. δ' — 151 pp. (= *Ἀγιορειτικὴ Βιβλιοθήκη*) — par FR. HALKIN. — *An. Bol.* t. XLIX. 1931. p. 442—444. (A)

ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ Μ. ΣΑΡΡΟΥ, *Κατάλογος τῶν χειρογράφων τοῦ Φ. Α. Συλλόγου Κωνσταντινουπόλεως* — description de trente nouveaux manuscrits de la collection du Syllogue de Constantinople. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 157—199. (A)

Β. Α. ΜΥΣΤΑΚΙΔΟΥ, *Τραπεζοντικά κώδικες φροντιστηρίου Γαβρᾶς Θεόδωρος* — description de quelques manuscrits, qui se trouvaient avant au monastère de St. Théodore à Trapézonde et furent transportés à Constantinople. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 79—93. (A)

GERTRUDE ROBINSON, *History and Cartulary of the Greek Monastery of St. Elias et St. Anastasius of Carbone. II.* *Chartulary* — publications d'actes du monastère grec de Carbone des années 1134—1195. — *Orien. Christ.* t. XIX₁. No 62. 1930. pp. 199. (A)

ЙОРДАНЪ ИВАНОВЪ, *Български старини изъ Македония*. София 1931. par A. SELIŠČEV — *Mak. Пр.* 1931. t. VII. fasc. 2—3. p. 101—109; 164—165. (A)

V. GRUMEL, *Les Regestes des patriarches de Constantinople* — sur les critères, qui ont présidé au choix des documents et des raisons qui ont motivé les limites chronologiques. — *Échos Or.* 1932. t. XXXI. No 165. p. 5—16. (A)

V. LAURENT, *Les diplômes de la chancellerie impériale de Byzance* — sur les deux grands ouvrages de Fr. Dölger, qui sont les premiers pas pour l'apparition du Corps des diplômes grecs du moyen âge. — *Échos Or.* 1932. No 165. p. 44—51. (A)

P. COLLINET, *Chronique du droit byzantin* (1928, suite — 1929, 1930). — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 831—839. (A)

АЛЕКСАНДАР СОЛОВЈЕВ, *Историја права на Меѓународном византолошском конгресу* — bref exposé de l'évolution des études du droit byzantin des débuts et résumé des communications faites au IIIe Congrès des Études byzantines à Athènes. — *Архив прав. друш.* 1930. XX. livre XXI. p. 413—417. (A)

Le IIIe Congrès international des études Byzantines à Athènes 1930 — *Byz.-sl.* t. III. p. 256—264. — par FR. DVORNÍK.

E. STEPHANOU, *Bulletin bibliographique de philosophie byzantine* (1918—1931) — bibliographie générale et spéciale avec une introduction de l'importance de la philosophie byzantine. — *Échos Or.* 1932. No 165. p. 55—74. (A)

MICHEL LASCARIS, *La littérature historique grecque. Compte rendu.* 1928—1930. — I. Généralités. (Revue, bibliographies, catalogues de documents et de

manuscripts) p. 5—7; II. Histoire de l'Europe orientale, p. 7; III. Période Byzantine (395—1453), p. 8—9; VI. Histoire locale, Généalogie, Sigillographie, Iconographie, p. 11—12. — *Bul. Inf.* 1931. t. IV. fasc. 1. (A)

MILKO KOS, *La littérature historique yougoslave. (La littérature historique slovène.) Compte-rendu.* 1921—1930. 2. *Histoire politique* — à noter p. 159—160. — *Bul. Inf.* 1930. t. III. fasc. 4. (A)

Dr. JOSIP NAGY, *Bibliografski podaci za god.* 1930. [Nastavak Ust. Croatia Sacra I (1931), str. 309—317] — bibliographie des ouvrages parus en 1931 en Yougoslavie. — *Croatia sacra.* 1932. an. 2. fasc. 4. p. 293—305. (A)

NICOLAS IORGA, *La littérature historique roumaine. Compte-rendu* (jusqu'en 1928) — pour les études byzantines, p. 23—24. — *Bul. Inf.* 1930. t. III. fasc. 1—2. (A)

ANTOINE FLOROVSKIJ, *La littérature historique russe. Emigration. Compte-rendu.* 1927—1929. — Parties ayant intérêt pour la byzantinologie, p. 31—33, 40 à 44, 67; 68—69, 70—77. — *Bul. Inf.* 1930. t. III. fasc. 1—2. (A)

PAUL GRONSKI, *La littérature historique soviétique. (La littérature historique russe.) Compte-rendu.* 1917—1927 — à noter p. 39—40. — *Bul. Inf.* 1931. t. IV. fasc. 1. (A)

J. H. LEDIT, S. I., *Bulletin d'Histoire Slave* — dans la revue sont aussi mentionnés: Dr. J. Levickij, De exordiis praedicationis ucrainorum; l'histoire de Russie de Kopistjanskij et celle de Feliks Koneczny (t. II). — *Orien. Christ. De Oriente*, vol. XXVI₂. N° 78. 1932. p. 170—198. (A)

J. MACŮREK, *Nové zpracování dějin uherského státu od doby nejstarší do nejnovější* — revue des ouvrages sur l'histoire de l'Hongrie, parus depuis 1898. — *Čas. nár. mus.* t. CVI₁₋₂. 1932. p. 18—63.

(A)

J. MORAVCZIK, *Hongrie (1922 à 1930). Bulletins régionaux* — liste des travaux sur l'histoire des relations byzantino-hongroises avec de courts résumés. — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 657—702.

(A)

LEONARD G. WARTON, *L'histoire de l'Europe orientale dans la littérature anglaise. Compte-rendu. 1921—1928* — à noter p. 81. — *Bul. Inf.* 1930. t. III. fasc. 1—2.

(A)

Sborník prací věnovaných A. Heisenbergovi. Byzantinische Zeitschrift XXX — *Byz. sl.* t. III. p. 198—202. — par JAN FRČEK.

Mélanges Charles Diehl, 2 vol. Paris 1930. — *Byz.-sl.* t. III. p. 184—197 — par FR. DVORNÍK.

B. Bibliographie des savants.

БОР. ЙОЦЕВЪ, *Йозефъ Добровски и нашето възраждане* — des travaux de l'éminent slaviste J. Dobrovský et de l'influence de son oeuvre dans les pays slaves et surtout en Bulgarie. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. I. p. 154—189.

(A)

† А. HEISENBERG — nécrologe par М. АНДРЕЕВА. — *Slavia.* t. XI₁. 1932. p. 195—196.

(A)

FR. DVORNÍK, † *Aug. Heisenberg* (nécrologe). — *Byz. sl.* t. III. p. 181—183.

VASILE GRECU, † *August Heisenberg.* 13 Noemv. 1869—22 Noemv. 1930 — nécrologe. — *Codrul Cosminlui.* t. VII. 1932. p. 551—565.

(A)

П. МУТАФЧИЕВЪ, † *Августъ Хайзенбергъ* — nécrologe. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI.—XII. p. 402—404.

(A)

С. А. ЖЕБЕЛЕВ, *Август Гейзенберг.* *Некролог* — nécrologe. — *Изв. Ак. Н. СССР.* VIIe sér. 1931. N° 5. p. 509—515.

(A)

ION. I. NESTOR, *Nicolae Iorga ca istorie* — caractéristique de Iorga, comme historien à propos de son 60me anniversaire. — *Codrul Cosminlui.* t. VII. p. XXI—XXXII.

(A)

V. GHERASIM, *Conceptia istorică a lui Nicolae Iorga* — sur les conceptions historiques de N. Iorga. — *Codrul Cosminlui.* t. VII. 1932. p. 435—438.

(A)

C. C. GIURESCU, *O nouă sinteză a trecutului nostru. (N. Iorga, Istoria Românilor și a civilizației lor)* — étude critique de l'Histoire des Roumains, de leur civilisation et de la méthode historique de N. Iorga (à suivre). — *Revista ist. rom.* 1931. vol. I. fasc. IV. p. 337—382.

(A)

М. ЛЯПУНОВ, *Очерк жизни и деятельности академика Е.Ф. Карскаго* — essai sur la vie et l'oeuvre de E. Karskij (avec une liste bibliographique) — *Изв. Ак. Н. СССР.* VIIe série, 1932. N° 3. p. 167—192.

(A)

М. Н. СПЕРАНСКИЙ, *К истории славянской этнографии* — étude sur les lettres de Matya Majar. — *Изв. Ак. Н. СССР.* VIIe sér. 1931. No 8. p. 985—1000.

(A)

Ф. ГРАНИТЬ, *Радови Ил. Рувараца који имају везе с византиском историјом. (Библиографски прилог)* — revue de quelques articles de Il. Ruvarac, qui sont d'intérêt pour la byzantinologie. — *Глас. ист. друш. Н. Сад.* 1932. t. V. fasc. 2. p. 245—247.

(A)

Д-р. ВЛАДИМИР ЂОРОВИЋ, *Љубамир*

Стојановић — biographie et aperçu de l'oeuvre de L. Stojanović. — *Прилози за књиж.* t. XI. 1931. p. 1—29. (A)

ТРУДЫ В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО. Том четвертый. Изд. Акад. Наук. Л. 1930. стр. 331. — par И. СОКОЛОВ. — *Труды Инст. Слав.* t. I. 1932. p. 515—518. (A)

ЛЮДМИЛЪ СТОЯНОВЪ, *Византизмът и славянството К. Н. Леонтевъ за българитъ* — critique de la théorie de K. Leontiev sur le rôle du byzantinisme

chez les Slaves; l'auteur modifie la théorie de Leontiev et ne trouve pas le byzantinisme aussi propice pour les Bulgares, qu'il l'était pour les Russes. — *Уч. Прег.* an. XXXI. 1932. No 2. p. 309—328. (A)

БОР. ЙОЦОВЪ, *Иванъ Асень II като образъ на национално съзнание презъ време на рабство* — étude sur le rôle qu'a joué le personnage de Jean Assène II dans la littérature et mentalité bulgares dès le XVIIIe siècle. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. III. p. 185—227. (A)

III. Langue, Métrique et Musique.

A. WERNER, *Die Syntax des einfachen Satzes bei Genesios* — étude approfondie de la syntaxe des phrases simples de Génésios et de leurs parties grammaticales. — *Byz. Zeit.* 1931. t. XXXI₂. p. 258—323. (A)

E. DARKÓ, *Neue Emmendationsvorschläge zu Laonikos Chalkokandylos* — l'auteur examine les émendations du texte de Chalkokandylos, proposées par V. Laurent et G. Moravcsik. — *Byz. Zeit.* 1932. t. XXXII₁. p. 2—12. (A)

NIKOLAJ DURNOVO, *Ещё о происхождении старославянского языка и письма.* — *Byz.-sl.* t. III. p. 68—78.

G. IL'INSKIJ, *Где, когда, кем и с какою целью глаголица была заменена «кириллицей?»* — *Byz.-sl.* III. p. 79—88.

Проф. ИВАН ОГИЊКО, *Исторія церковно-слов'янської мови. Короткий науково-популярний нарис* — l'auteur distingue les périodes suivantes dans l'histoire de la langue vieux-slave: 1) époque de Cyrille et Méthode jusqu'à la fin du XIe siècle; 2) époque des XIIe, XIIIe, XIVe siècles avec un centre en Bulgarie; 3) époque commençant par la réforme du patriarcat

Euthyme jusqu'au XVIe siècle; 4) époque ukrainienne de la seconde moitié du XVIe siècle jusqu'à la deuxième moitié du XVIIe; 5) dernière époque — moscovite ou synodale. — *ЕЛ ПІС.* t. V. 1931. p. 20—37. (A)

ST. KULBAKIN, *Le vieux slave (Collection de manuels publiés par l'Institut d'études slaves — V).* Paris 1929. p. 8 + 368. par Jos. Kurz. — *Rocz. slaw.* t. X. 1931. p. 137—160. (A)

H. С. ДЕРЖАВИН, *Наука на службѣ империализма* — critique de l'ouvrage récent du prof. S. Koulbakine sur la langue slave de Cyrille et Méthode du point de vue de la lexicque. — *Изв. Ак. Н. СССР.* VIIe sér. 1932. N° 2. p. 125—150. (A)

KR. SANDFELD, *Linguistique balkanique.* Paris 1930. — *Byz.-sl.* t. III. p. 224—226. — par M. WEINGART.

TADEUSZ MILEWSKI, *O powstaniu prastawiańskich samogłosek nosowych* — étude sur les origines des voyelles nasales de la langue praslave; des éléments originaux dont se sont formées les voyelles nasales et du procès qui a amené leur for-

mation. — *Rocz. slaw.* 1931. t. X. p. 80 à 115. (A)

B. von ARNIM, *Studien zum altbulgarischen Psalterium*. Leipzig 1930. — *Byz. sl.* t. III. p. 228—231. par G. IL'INSKIJ.

A. VAILLANT, *Les deux i de l'alphabet vieux-slave et du slave commun* — l'auteur arrive à la conclusion que « l'i bref, noté dans l'alphabet primitif, était en vieux slave du IXe siècle une voyelle bien distincte de i long, noté и, d'une part et de ъ de l'autre, d'emploi très fréquent et qui apparaissait en toute position » (p. 186). — *Revue Ét. Sl.* t. XI. fasc. 3—4. p. 171 à 186. (A)

A. VAILLANT, *Notules I. La forme nom.-acc. *korę et son origine* — la forme korę remonte aux débuts de l'école bulgare; à l'époque de Syméon il existait déjà une version des Apôtres où elle était employée. — *Slavia*, t. XI₁. 1932. p. 33—36. (A)

PETAR SKOK, *Slave krstъ « baptême »* — le mot krstъ par lequel le sens général de baptême n'est pas exprimé a dû être imposé par les apôtres slaves eux-mêmes, qui étaient des théologiens. — *Revue Ét. Sl.* t. XI. fasc. 3—4. p. 201—203. (A)

A. VAILLANT, *Notules. V. kŭlygŭ* — un terme vieux-bulgare du début du Xe siècle, qui veut dire « parasite » ou « flatteur ». — *Slavia*, t. XI₁. 1932. p. 41—42. (A)

A. VAILLANT, *Slave commun oŭilŭ, polonais wapić* — sur les formes de cet adjectif et son évolution dans le polonais. — *Revue Ét. Sl.* t. XI. fasc. 3—4. p. 203 à 205. (A)

НИКИФОР ВУКАДИНОВИЋ, *Још нешто о усклику ya!* — les exclamations serbes « rua » et « ua » viennent du grec « οὐὰ ».

— *Прилози за књиж.* t. XII. fasc. 1. 1932. p. 88—89. (A)

A. SALAČ, *Město Pautalia v Prokopiově dĭle* περὶ κτισμάτων — de la forme juste du nom de la ville de Pautalia (et non Pantalía) — *Listy filol.* t. LVIII. fasc. 4/5. 1931. p. 392—395. (A)

Γ. Ν. ΧΑΤΖΙΔΑΚΙ, Γολος-Βολος — ce nom de ville ne paraît pas être d'origine grecque, mais dérive de la racine slave « golo » et veut dire lieu dénudé. — *Ἑπετηρίς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 231—233. (A)

A. Χ. ΧΑΤΖΗΣ, Μορεᾶς - Ἰχθυός — l'auteur après avoir examiné les théories différentes de la provenance du nom de la presqu'île de Morée se met de sa part à prouver que le nom de Morée avait été auparavant celui du cap d'Élide Ichtus et vient de là. — *Byz. neugr. Jabr.* 1932. t. IX. fasc. 1—2. p. 65—91. (A)

С. Н. БЫКОВСКИЙ, Днепр // Березина — река иберов — sur le nom du Borysthénos — Dněpr et de la Bérézina. — *Док. Ак. Н. СССР.* В. 1930. No 2. p. 26—31. (A)

Α. Ι. ΛΥΤΤΕΝΚΟ, Σαμβατάς у Константина Багрянородного — d'après l'auteur Σαμβατάς était l'autre nom, d'origine non slave et peut être khazare, du château fort de Kiev. — *Док. А. Н. СССР.* 1930. No 4. p. 66—72. (A)

СТ. РОМАНСКИ, *Имената на нѣкои македонски градове. 5. Велесъ* — le nom slave de Veles vient de l'ancien Vēlesōrā, dont la première partie est une forme génétive de Vel (racine du nom ancien du Vardar) et la seconde veut dire « pont ». — *Мак. Пр.* t. VII. fasc. 1. p. 1—6; 177—180. (A)

СТ. РОМАНСКИ, *Имената на нѣкои ма-*

кедонски градове. — 6. Тетово и Полоз — la forme ancienne du nom de Tétovo est Хтеџтоџа — Htétovo, la même ville a porté aussi le nom de Polog. — *Мак. Пр.* 1931. t. VII. fasc. 2—3. p. 147—149.

(A)

P. MUTAFČIEV, *Encore sur Dobrotica* — preuves de ce que le nom de Dobrotica est le diminutif d'un nom slave et ne veut pas dire fils de Dobrota, comme le soutient N. Iorga. — *Годишникъ Соф. унив.* t. XXVII. N° 7. 1931. p. 1—14.

J. NÉMETH, *Произходът на имената «Кобратъ» и «Есперюхъ»* — explication du sens des noms des khans bulgares Kubrat — rassemble (le peuple) et d'Isperich — faucon. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 169—177.

(A)

ЮРД. ТРИФОНОВЪ, *Към историята на членивѣ форми въ българския езикъ* — l'auteur présente 79 exemples d'articles vieux bulgares, extraits de monuments de la fin du IXme et du début du Xe siècle, qui se sont conservés dans des copies du XIIIe—XIVe siècles, et les explique. — *Мак. Пр.* t. VII. fasc. 1. p. 7—26; 180—182.

(A)

MLADENOV, ST., *Geschichte der bulgarischen Sprache. Mit einer Karte. (Grundriß der slavischen Philologie und Kulturgeschichte).* Berlin u. Leipzig 1929, XIV + 354 par. Г. ИЛЬИНСКИЙ. — *Рocz.*

slaw. 1931. t. X. p. 160—175. (A)

I. SIADBEI, *Le latin dans l'Empire d'Orient* — la conclusion de l'article est: que dans l'évolution du latin d'Orient, après la phase commune qui peut être établie en comparant l'élément latin du roumain et de l'albanais, a existé une époque prè-roumaine. A cette époque là se sont produites les innovations, caractérisant le roumain commun, et que l'élément latin de l'albanais ne connaît plus. — *Archiva.* an. XXXIX. N° 1—3. 1932. p. 6—20.

(A)

CHR. GEAGEA, *Elementul grec in dialectul aromân* — étude sur l'élément grec dans le dialecte aroman: des influences grammaticales, transformations sémantiques — assimilation du sens de mots roumains à des formes correspondantes grecques, de même dans la phraséologie; table de mots communs pour l'aroman, megleno-roumain et le néogrec; vocabulaire; les mots connus seulement par les Aromans du Sud sont relevés à part. — *Codrul Cosminlui.* t. VII. 1932. p. 207—432.

(A)

S. P. ORLOV, *La musique religieuse en Russie* — grâce à l'influence de l'orthodoxie le chant populaire russe s'est conservé. Le chant ecclésiastique de la première période fut un chant grec importé, ce que ne permit point au chant populaire de se développer librement. — *Irenikon.* 1931. t. VIII₄₋₅. p. 439—456.

(A)

IV. Théologie.

A. Littérature.

V. GRUMMEL, *Les aspects généraux de la théologie byzantine* — esquisse des traits caractéristiques qui distinguent la théologie byzantine de l'occidentale. — *Echos Or.* 34 an. No 164. 1931. p. 385—396.

(A)

V. GRUMMEL, *Quelques témoignages byzantins sur la primauté romaine* — l'auteur les retrouve dans un ménologe du Xe siècle, dans les écrits du patriarche Nicéphore Ier, dans la Vie anonyme de Saint Germain de Constantinople et celles de St. Jean Chrysostome. — *Echos Or.* 1931. an. 34. No 163. p. 422—430.

(A)

F. P. KARNTHALER, *Zu Ioannes Chrysostomos «Über den Priestertum»*; eine comparatie — Jean Chrysostome dédie la préface du *Περὶ ἱερωσύνης* à son ami Basile, en y faisant la comparaison des caractères de son ami et le sien. — *Byz. neugr. Jahr.* 1932. t. IX. fasc. 1—2. p. 36 à 38. (A)

IRÉNÉE HAUSCHERR, S. I., *Les versions syriaque et arménienne d'Évagre le Pontique. Leur valeur — leur relation — leur utilisation* — étude critique des textes qui amène aux conclusions suivantes: 1° La version syriaque est très littérale et fidèle; 2° La version arménienne dérive d'une version syriaque. — *Orien. Christ.* t. XXII₂. No 69. 1931. p. 69—118. (A)

M.-TH. DISDIER, *Élie l'Ecdicos et les ἑτερα κεφάλαια attribués à Saint Maxime le Confesseur et à Jean de Carpathos* — les ἑτερα κεφάλαια ont été composés par Élie l'Ecdicos, qui est identique à Élie, mélode du XIe ou XIIe siècle. — *Échos Or.* 1932. No 165. p. 17—43. (A)

M.-TH. DISDIER, *La vie spirituelle selon Élie l'Ecdicos* — exposé des idées d'Élie l'Ecdicos sur la vie spirituelle d'après son opusculé, intitulé *Ἀνθολόγιον*. — *Échos Or.* 1932. No 166. p. 144—164. (A)

M.-TH. DISDIER, *Jean de Carpathos: l'homme, l'oeuvre, la doctrine spirituelle (1er article)* — biographie de l'écrivain byzantin du VIIe siècle; liste de ses ouvrages. — *Échos Or.* 1932. No 167. p. 284 à 303. (A)

ERIK PETERSON, *Zu griechischen Asketikaren. III. Scholien zu Johannes Klimax* — attribution de quelques unes des scholes anonymes de l'ouvrage de Jean Klimax à divers auteurs. — *Byz. neugr. Jahr.* 1932. t. IX. fasc. 1—2. p. 45—54. (A)

K. I. ΔΥΟΒΩΝΙΩΤΟΥ, *Ἀνθύμου Ἀθηνῶν λόγος ἀνέκδοτος εἰς τὴν Γέννησιν τοῦ Χριστοῦ* — première publication d'une homélie sur la Nativité du Christ par le métropolite d'Athènes Anthime. — *Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 38—45. (A)

K. I. ΔΥΟΒΩΝΙΩΤΟΥ, *Ἀνθίμου Ἀθηνῶν λόγος ἀνέκδοτος τῶν τοῦ Ἀγίου Πνεύματος προόδων* — publication d'une Homélie des processions du Saint Esprit par Anthyme d'Athènes, précédée d'un commentaire et de notes biographiques. — *Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 31—41. (A)

IRÉNÉE HAUSCHERR, *Note sur l'inventeur de la méthode d'oraison hésychaste* — d'après les témoignages des manuscrits l'auteur de l'article conclut que le moine Nicéphore est l'auteur de la Μέθοδος et qu'il paraît être d'origine latine. — *Orien. Christ. De Oriente.* vol. XX₃. No 66. Decembri 1930. p. 179—182. (A)

Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. Fasc. XXI—XXX. dir. Mgr. A. BAUDRILLART, continué A. De MEYER, ET. Van CAUWENBERGH. Paris 1929—1931, in 4°, col. 449—1402; 1—1390, par FR. HALKIN. — *An. Bol.* p. 119—123. (A)

BUCHBERGER, MICHAEL, *Lexikon für Theologie und Kirche. Zweite, neubearbeitete Auflage des kirchlichen Handlexikons.* In Verb. m. Fachgel. u. Dr. KONRAD HOFMANN. Freiburg in Br. Herder et Co. 1931. III Bd. *Colorbasus bis Filioque.* In 8° max. VIII p. 1040 col. par P. DONATUS Van ADRICHEM. — *Arch. Fran. hist. an.* XXV. fasc. II. 1932. p. 282. (A)

B. Hagiographie.

Le nouveau volume des Acta Sanctorum

— quelques notes sur la publication du complément du tome II pars prior, qui est rempli par un commentaire du Martyrologe Hiéronymien. — *An. Bol.* 1932. t. L. fasc. 1 et 2. p. 59—66. (A)

Martyrologium e codice basilicae vaticanae nunc primum editum — exemple d'un martyrologe interpolé par des recettes médicales, des mentions des signes du Zodiaque et autres. — *An. Bol.* 1931. t. XLIX. p. 51—97. (A)

H. D., *Quelques dates du Martyrologe Hiéronymien* — étude critique et éclaircissement de la personnalité des saints à qui sont attribuées quelques dates. Ce sont St. Étienne du mois d'août, les saints milanais, St. Timothée d'Antioche, martyr de Césarée etc. — *An. Bol.* t. XLIX. 1931. p. 22—50. (A)

JULIAN ȘTEFĂNESCU, *Legende despre sf. Constantin în literatura română* — les sources des versions roumaines des légendes de St. Constantin sont byzantines. Ces versions sont passées en roumain du synaxaire grec, de la collection slavo-russe de St. Dimitrij Rostovskij et d'une version néo-grecque de la vie de St. Constantin par Syméon Métaphraste. — *Revista ist. rom.* t. I. fasc. III. p. 251—297. (A)

PIERRE MARIE BRUN, *La vie de Saint Dosithée* — réédition du texte grec de la vie de St. Dosithée avec une traduction en français. — *Orien. Christ. De oriente.* vol. XXVI₂. N° 78. 1932. p. 87—123. (A)

HENRI GRÉGOIRE et M. A. KUGENER, *Marc le Diacre, Vie de Porphyre, évêque de Gaza.* (Collection byzantine.) Paris 1930, in 8°. CXII—75—156 pp. par FR. HALKIN. — *An. Bol.* 1931. XLIX. 155—160. (A)

FRANÇOIS NAU, *Les « belles actions »*

de Mar Rabboula, évêque d'Edesse de 412 au 17 août 435 (ou 436) — histoire de la vie et caractéristique de Rabboula, évêque d'Edesse. — *Revue hist. rel.* t. CIV. N° 3—6; 1931, p. 96—135. (A)

P. HESELER, *Hagiographica. I. Zur Vita Spyridonis des Theodoros von Paphos* (B. H. Gr. 1647) — sur les sources, dont Théodore de Paphos a puisé en écrivant la vie de St. Spyridon. — *Byz. neugr. Jahrb.* t. IX. fasc. 1—2. p. 113—128. (A)

ALBERT VOGT, *St. Théophylacte de Nicomédie* — édition de la vie de St. Théophylacte de Nicomédie d'après deux manuscrits du XIIIe et du XVIIe siècles de la Lavra du Mont Athos. — *An. Bol.* 1932. t. L. p. 67—82. (A)

Д. ЪОРИЪ, *Мошти св. Артемона у мон. Месичу* — des reliques de St. Artémon au monastère de Messic. — *Глас. ист. друш. Н. Сад.* 1932. t. V. fasc. 1. p. 63. (A)

В. СЛ. КИСЕЛКОВЪ, *Житие на св. Параскева отъ патриархъ Евтимий* — traduction en bulgare moderne de la Vie de St. Paraskève, composée par le patriarche de Tirnovo Euthyme avec une introduction du traducteur. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. I. p. 190—217. (A)

В. СЛ. КИСЕЛКОВЪ, *Митрополитъ Иосафъ Бдиньски и словото му за св. Филотея* — biographie du métropolite Iosaphe de Bdin et analyse de son traité en honneur de St. Philothée. Traduction de celui-là en bulgare moderne. L'auteur s'arrête longuement aux relations ecclésiastiques de Constantinople, Tirnove et Bdin. — *Бълг. ист. библи.* 1931. an. IV. t. I. p. 169 à 206. (A)

ἹΕΖΑΚΙΗΛ, μητροπ. Θεσσαλώτιδος καὶ Φαναριοφερσάλων, Ἀπολογισμὸς τοῦ ὁσιομάρτυρος Δαμιανοῦ

τ ο ũ ν έ ο υ — première publication par le métrop. Iezekiel d'une messe ancienne, composée en honneur de St. Damien le Jeune par un certain Matthieu. — Έπε-τηρής Έτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 46—63. (A)

C. Apocryphes.

S. KIRYŁOWICZ, *Acta S. Thomae Apostolis, jako źródło historyczne* — analyse des Actes apocryphiques de Thomas du point de vue de leur importance comme source historique. — Έλπίς. t. V. 1931. p. 118—147. (A)

D. Dogmatique, Liturgique etc.

R. AIGRAN, *Liturgia. Encyclopédie populaire des connaissances liturgiques*. Paris 1931. — Byz. sl. t. III. p. 513—515 — par JAN FRČEK.

T. THEOPHILUS SPÁČIL, S. I., *Doctrina theologiae Orientis separati de sacra infirmorum unctione* — la première partie présente un exposé de la doctrine théologique de l'onction des malades dans l'Église Orientale; deuxième partie de la cérémonie et sacrement mêmes. — *Orien. Christ.* t. XXVII₁. 1932. No 79. pp. 258. (A)

A. LAPIŃSKI, *Nauka o apokatastasie przed potępieniem jej na Soborach Ekumenicznych* — étude sur le dogme de l'ἀποκατάστασις, formulé par Origènes et condamné par les Conciles oecuméniques et de son influence sur les Pères de l'Église, principalement sur St Clément d'Alexandrie. — Έλπίς. t. V. 1931. p. 142—155. (A)

B. ИЛИЕВЪ, *Богословието на св. Кирила Иерусалимски. II Учение за Бога Самъ въ Себи Си. §1. За Бога единъ по сщество*. (Продолж. отъ кн. 44) — exposé de l'argumentation de St Cyrille de Jérusalem des dogmes de l'Église sur la Nature de Dieu.

— *Дух. Культ.* 1932. fasc. 48—49. p. 136—151. (A)

E. STEPHANOU, *La coexistence du corps et de l'âme d'après saint Grégoire de Nysse et saint Maxime l'Homologète* — opinions à ce sujet des deux Pères de l'Église, qui ont une grande ressemblance, mais celle de St. Maxime marque un progrès. Sa théorie de coexistence se base sur l'unité du composé humain. — *Échos Or.* 1932. No 167. p. 304—315. (A)

Concilium universale Chalcedonense edit EDVARDUS SCHWARTZ. Volumen quartum. *Leonis papae I epistolarum collectiones*. Berlin et Leipzig. W. de Gruyter et Co. 1932, in 4°, XXXVII—192 pp. (= *Acta conciliorum oecumenicorum*, tomus alter, volumen quartum) — par P. P. — *An. Bol.* 1932. t. L. p. 169—173. (A)

IGNAZ RUCKER, *Studien zum Concilium Ephesinum 431. II. Ephesinische Konzilakten in lateinischer Ueberlieferung*. Oxenborn bei Günzburg. 1931. in 8°. II—184 et XVI—121 pp. — par P. P. — *An. Bol.* 1932. t. L. p. 167—169. (A)

GEORG HOFMANN, S. I., *Concilium Florentinum III. Denkschrift des Kardinals Cesarini über das Symbolum. Erstaussage des lateinischen Textes, verbesserte Ausgabe der griechischen Übersetzung* — publication première du mémoire du cardinal Cesarini présentée au Concile Oecuménique à Ferrare en latin et une réédition critique de sa traduction en grec par l'interprète officiel Nicolas Secundinos. — *Orien. Christ.* vol. XXII₁. no 68. 1931. pp. 62. (A)

GEORG HOFMANN, S. I., *Concilium Florentinum II. Zweites Gutachten der Lateiner über das Fegefeuer. Text mit Einführung* — l'auteur publie le texte latin de la seconde réponse des Latins aux Grecs sur le Purgatoire. Un chapitre donne aussi

la comparaison de la traduction grecque au texte original latin. — *Orien. Christ.* vol. XVII₂, No 59. Martio 1930. p. 184—244. (A)

M. J. ROUËT de JOURNAL et J. DUTILLEUL. S. I., *Enchiridion asceticum*. Freiburg i. Br. Herder. 1930. in 8°. XXXV à 666 pp. — par FR. HALKIN. — *An. Bol.* 1932. t. L. p. 166—167. (A)

Γ. Α. ΒΑΤΟΠΕΔΙΝΟΥ, Αἱ ἐν τῇ Ἀγίᾳ Εἰρήνῃ κατὰ τὴν Μ. Παράσκευὴν τελούμεναι «Θεῖαι κατηχήσεις» — publication d'après un manuscrit grec du Vatopède (XIII s.) des «cathéchèses divines»; ces cathéchèses étaient célébrées, comme l'écrit Constantin

Porphyrogénète, par le patriarche le Vendredi Saint à l'église de St. Irène. — Ἑπετηρίς Ἐκ. Βυζ. Σπουδ. t. VII. 1930. p. 382—387. (A)

JEAN DESLANDES, *L'obligation de l'office chez les Orientaux* — examen de la question si l'office quotidien était obligatoire au clergé oriental. — *Échos Or.* 1932. an. 35. No 166. p. 129—143. (A)

Б. БІДНОВ, *Дзвони* — histoire de l'emploi des cloches; au début les cloches furent connues en Occident; plus tard avec l'influence occidentale elles passèrent en Byzance et en Russie. — *Ἑλπίς*, t. V. 1931. p. 96—117. (A)

V. Histoire.

A. Histoire politique.

FRANTIŠEK HÝBL, *Dějiny národa bulharského. Díl I. a II.* V Praze 1930 — *Byz.-sl.* t. III. p. 202—220. — par JAROSLAV BIDLO.

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Ханъ Крумъ* — histoire du règne du khan Crum, durant lequel changea complètement le caractère des relations avec Byzance et commença le procès d'assimilation des Bulgares et des Slaves. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. I. p. 1—23. (A)

Юрд. ТРИФОНОВЪ, *Известието на сирийския пресвитеръ Константинъ за Исперихова побѣда надъ византийцитѣ* — d'après un renseignement fourni par le XVIme Acte du VIme Concile oecuménique l'auteur vient à la conclusion qu'Isperich passa le Danube pas en 679 mais à la fin de 680. L'armée byzantine affaiblie par la discorde en matières religieuses fut battue au printemps de l'année 681. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 199—215; 334—336. (A)

S. P. ŠESTAKOV, *К истории греко-болгарскихъ отношений в третьемъ десятилетии X-го века* — *Byz.-sl.* III. p. 97—101.

N. A. ΒΕΗΣ, Α ἐπιδρομαὶ τῶν Βουλγάρων ὑπο τὸ τζάρον Συμεῶν καὶ τὰ σχετικὰ σχόλια τοῦ Ἀρθέα Καισαρείας. Ἑλληνικά, t. I. (1928) p. 337—370. — par Β. БЕШЕВ-ЛИЕВЪ. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI-XII. p. 351—360. (A)

D. ANASTASIJEVIČ, *Болгарія 973-го года* — *Byz. sl.* t. III. p. 103—109.

D. N. ANASTASIJEVIČ, *Die chronologischen Angaben des Skylitzes (Kedrenos) über den Russenzug des Tzimiskes* — l'auteur après un examen minutieux des données de Skylitzès sur la guerre de Jean Tzimiskès vient à la conclusion, que Skylitzès se présentait la durée de la guerre commencée en 971, au moins de deux ans. — *Byz. Zeit.* 1931. t. XXXI₂. p. 328—333. (A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Възстанието на Петра Дѣляна въ 1040—1041 година* —

histoire de la révolte des Bulgares, qui avaient à leur tête le tzar Pierre Delian. — *Бълг. ист. библи.* an. IV. t. I. p. 94—114.

(A)

СТ. МЛАДЕНОВЪ, *Печенизи и узи-кумани въ българската история* — des invasions des Petchinakes et Koumans et leur signification dans l'histoire bulgare. Question de l'origine des Gougouzes de Dobrudža. — *Бълг. ист. библи.* 1931. an. IV. t. I. p. 116—136.

(A)

ПЕТЪРЪ НИКОВЪ, *Сждбата на северозападните български земи през средните векове* — étude historique sur la partie Nord-Ouest du territoire du I et II Empire bulgare. Une partie de ce territoire commence à devenir serbe au XIIIme siècle. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. I. p. 96—153.

(A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Иванъ Асень II (1218—1241)* — histoire du règne, principalement de la politique extérieure, de l'un des plus puissants tzars bulgares Jean Assène II. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. III. p. 1—55.

(A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Българо-сръбските политически отношения въ миналото* — étude des relations bulgares-serbes pendant le moyen âge, c'est à dire de la moitié du VIIme siècle jusqu'à la fin du XIVme. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. II. p. 61—102.

(A)

М. ДИНИЪ, *Урица «од Срема Баница»* — l'auteur commente une épisode, narrée par l'historien Mauro Orbini; il est question de la guerre d'Uroš I avec la veuve de Rostislave Michailovitch Anne, que est nommée d'après le titre de son époux «ur». Urica. — *Глас. ист. друш. Н. Сад.* t. V. fasc. 1. 1932. p. 63—65.

(A)

GREGOR ČREMOŠNIK, *Nekoliko dubrovačkih listina iz XII i XIII stoleća* —

publication de quelques copies de chartes ragusaines de 1186 à 1280. L'auteur en suite d'une étude des chartes vient à la conclusion, que Raguse n'était pas sous le pouvoir byzantin tout le temps entre 1192 et 1204, mais qu'entre 1193 et 1201 elle appartenait de nouveau aux Normands. — *Glas. zem. muz. Bos.* XLIII. 1931. p. 25 à 54.

(A)

L. de VOÏNOVITCH, *La Dalmatie* — esquisse de l'histoire de la Dalmatie et de ses relations culturelles et politiques avec ses voisins, slaves, grecs, italiens, hongrois et autrichiens. — *Monde Slave*, IX. an. III. N° 7. 1932. p. 1—30.

(A)

СВ. ГЕОРГИЕВЪ, *Две писма на видни кръстоносци отъ Пловдивъ презъ 1189 год.* — traduction en bulgare de deux lettres de Frédérique II Barberousse, envoyées de Philippople. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 249—264.

(A)

СВ. ГЕОРГИЕВЪ, *Императоръ Фридрихъ Барбароса на Балканския полуостровъ и въ българските земи* — description détaillée du passage de Frédérique Barberousse et des Croisés par la péninsule balkanique; ce fait paraît de grande importance pour l'histoire des relations byzantino-slaves. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. II. p. 103—149.

(A)

GENNARO M. MONTI, *Studi di storia angivina. III. I domini angioni oltre l'Italia et il Levante Mediterraneo* — de la politique extérieure de la dynastie angivienne, en ceci des relations avec Byzance, l'Hongrie et les Slaves. — *Rivista ist. ital.* sér. IV. t. II. fasc. 1. 1932. p. 21—45.

(A)

O. HALECKI, *La Pologne et l'Empire byzantin* — l'article reproduit, sous une forme élargie, la communication faite à l'Académie d. Inscriptions et B. L. Pour les rapports entre les deux pays sont de

grande importance deux problèmes historiques: de l'Union des Églises et de la défense contre les Turcs. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 40—67. (A)

O. HALECKI, *La Pologne et l'Empire byzantin* — l'auteur analyse quelques textes caractéristiques pour les relations entre Byzance et la Pologne (chronique de Thietmar de Mersebourg, lettre de Ladislas Jagello de 1420 à Manuel Paléologue etc.). — *Bul. Acad. Insc. B. L.* 1931. juil.—sept. p. 298—300. (A)

GENNARO M. MONTI, *Una storia italiana dei Tartarie e dei loro rapporti con l'Europa Cristiana* — article critique sur le livre de Giovanni Soranzo, Il Papato, l'Europa, Cristiani e i Tatar. — *Europe Orient.* 1931. t. XI. no 5—6. p. 163—172. (A)

ГЛИША ЕЛЕЗОВИЋ, *Турски извори за историју Југословена. Два турска хроничера из 15 века. 1. Ашик Паша Заде. 2. Дурсун бег* — traductions en serbe de quelques chapitres des ouvrages de deux historiens turcs du XIVe siècle Achic Pacha Zadé et Dursan beg, dans lesquels il est question de faits relatifs à l'histoire de Byzance et des Slaves du Sud. — *Братство.* t. XXVI. fasc. 41. p. 51—125. (A)

ИВ. ГОШЕВЪ, *Две новооткрити писма на «деспотъ Вукъ» до «султана Баязитъ ханъ бегъ»* — publication de deux lettres du despote Vuk au sultan Bajazet II, découvertes par A. Daisman dans la bibliothèque d'une djamie. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 265—269. (A)

B. Histoire intérieure. (Civilisation, administration, économie.)

Ф. И. УСПЕНСКИЙ, *Центрбежные и центростремительные силы в истории Ви-*

зантии — conférence du défunt F. I. Ouspenskij, tenue le 10 décembre 1925. L'auteur cherche à établir les causes de la catastrophe de 1204 et les retrouve dans la décadence profonde de l'Empire: manque total de patriotisme et de la compréhension des questions actuelles; l'église même et non seulement l'administration, n'est plus à cette époque là à son hauteur habituelle. — *Изв. Ак. Н. СССР.* 1931. VII sér. N° 4. p. 455—470. (A)

И. И. СОКОЛОВ, *Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии* — étude du point de vue agraire et économique des actes des monastères grecs, récemment publiés ou pas encore assez étudiés, comme le sont ceux de Vazelon, Votopède, Docheiarion, Météore et Chilandar. Ces documents contribuent à l'éclaircissement des relations féodales à Byzance; de grande importance paraissent être les institutions de charistike, pronoiâ, exoussie et prostasie. — *Изв. Ак. Н. СССР.* VII sér. 1931. N° 6. p. 683—712. (A)

K. DIETRICH, *Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels.* II — l'auteur dans la seconde partie de son article répond à la question: quelle était l'influence concrète du commerce byzantin sur la civilisation slave et quelles traces cette influence a-t-elle laissée dans les langues slaves. — *Byz. Zeit.* 1931. t. XXXI₂. p. 334—350. (A)

G. I. BRĂȚIANU, *Nouvelles contributions à l'étude de l'approvisionnement de Constantinople sous les Paléologues et les empereurs ottomans* — deux épisodes, l'une de l'époque des Paléologues, l'autre de Catherine la Grande de Russie, peuvent servir d'illustration au conflit des deux politiques opposées — du régime protectionniste byzantin et celui de la «porte ouverte» des grandes compagnies levantines. — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 641—656. (A)

PAUL KIRN, *Die mittelalterliche Staatsverwaltung als geistgeschichtliches Problem* — sur les idées politiques du moyen âge allemand d'après les sources, avec une comparaison aux traités de Constantin le Porphyrogennète. — *Hist. Vierteljahrsch.* t. XXVII₃. 1932. p. 523—548. (A)

R. JANIN, *Un ministre byzantin — Jean l'Orphanotrophe (XIe siècle)* — biographie de ce personnage, qui a joué un rôle important pendant les règnes de Romain III Argyros et des deux Michel. — *Échos Or.* 1931. an. 34. No 164. p. 431—443. (A)

G. CASSIMATIS, *La dixième « vexation » de l'empereur Nicéphore* — dans la première partie de l'article l'auteur s'arrête à la caractéristique de Nicéphore Ier, telle que l'on la trouve dans les sources et la littérature historique. Dans la deuxième il explique la mesure du prêt aux armateurs, comme une exemption de la loi générale, défendant le prêt à taux. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 149—160. (A)

ΣΠΥΡ. Ν. ΜΑΡΙΝΑΤΟΥ, Εὐμαθίος ὁ Φιλοκάλης, τελευταῖος βυζαντινὸς στρατηγὸς τοῦ θέματος τῆς Κρήτης — se basant sur une inscription grecque du XIe—XIIe siècles sur une colonne à Héracleion, l'auteur déclare que la Crète à cette époque là était encore un thème byzantin. Le stratège Eumathe Philocalès est connu par ailleurs sous le règne d'Alexis Ier Comnène. — *Ἑπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 388—393. (A)

A. A. VASILIEV, *Harun ibn Yahya and his description of Constantinople* — l'auteur présente la traduction anglaise des parties de l'ouvrage de Harun ibn Yahya, dans lesquels il est question de Constantinople et des Slaves. A propos du texte il fait la remarque que le nom du roi B-sus au temps duquel furent baptisés les Slaves doit expri-

mer le nom de Basile Ier. — *Sem. Kond.* t. V. p. 149—163. (A)

G. OSTROGORSKY, *Zum Reisebericht des Harun ibn Jahja* — d'après l'auteur Harun ibn Yahya a dû visiter Constantinople pendant le règne d'Alexandre en été 912. — *Sem. Kond.* t. V. p. 251—259. (A)

Д-р. М. А. АНДРЕЕВА, *Очерки по культуре византийского двора в XIII в.* « Rozprawy Król. České Spol. Nauk. Tr. fil.-hist.-jazykozpyt. Nová Řada (VIII), čís. 3. V Praze 1927. 4°, 208 — par ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙКИН. — *Дзвони.* 1932. № 10 (19). p. 693—694. (A)

A. VASILIEV, *Pero Tafur a Spanish Traveller of the Fifteenth Century and his Visit to Constantinople, Trebizond and Italy* — l'auteur présente au lecteur la traduction anglaise revue des parties de l'ouvrage de Pero Tafur, relatives à Byzance, Trapézonde et le voyage de Jean VIII Paléologue en Italie. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 75—122. (A)

J. L. La MONTE, *To what extent was the Byzantine Empire the Suzerain of the Latin Crusading States?* — les princes des États francs au Levant, à l'exception du prince d'Antioche, qui consentait à être vassal de l'Empire au sens féodal, ne reconnaissaient qu'une hégémonie assez vague de l'empereur byzantin. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 253—264. (A)

FR. DVORNÍK, *La carrière universitaire de Constantin le Philosophe* — *Byz. sl.* III. p. 59—67.

Д-ръ Н. БОБЧЕВЪ, *Св. Кирилъ и Методий, славянски просвѣтителни и покровители на Слав. дружество въ България* — récit popularisé de la mission des saints frères Cyrille et Méthode, les apôtres des Slaves. — *Слав. библи.* t. IX. (1932). fasc. 1—2. p. 1—19. (A)

Д-ръ В. СЛ. КИСЕЛКОВЪ, *Дѣлото на Кирила и Методия* — de l'importance de l'oeuvre des Sts Cyrille et Méthode pour les Slaves et les Bulgares par excellence. — *Слав. библ.* t. IX (1932). p. 20—44. (A)

Н. РОПОВ, *Спорно место в сар. IX. De admin. imp. Константина Багрянороднаго* — *Byz.-sl.* III. p. 92—96.

КР. МИЯТЕВЪ, *Нови данни за българитѣ презъ X вѣкъ* — l'auteur appelle l'attention à une épisode de la vie de St. Georges, contée dans le man. grec N° 381 de la Bibl. Synod. de Moscou, et qui se concerne à l'histoire bulgare. — *Изв. Бѣлг. Археол. Инст.* t. VI. p. 281—283. (A)

П. НИКОВЪ, *Ханъ Омортагъ и кавханъ Исбулъ* — le khan Omortague est une des figures principales du IXe siècle — époque de la formation de l'État bulgare; un de ses collaborateurs les plus fidèles est son chancelier Isaboul, corégent du fils d'Omortague Malamir. L'auteur donne une caractéristique détaillée de l'activité du khan et de ses buts. — *Бѣлг. ист. библ.* 1931. an. IV. t. I. p. 1—55. (A)

V. BEŠEVLIJEV, *Der Titel KANAPTИ KEINOΣ* — explication avec l'aide du texte d'une inscription récemment trouvée près de Philippi du titre bulgare de *καναρχι κεινος*. On doit le lire *κανάς τικεтνος*, c'est à dire le jeune khan; ce titre est porté par l'héritier du trône. — *Byz. Zeit.* 1932. t. XXXII, p. 13—15. (A)

С. С. БОБЧЕВЪ, *Титли и служби въ областното управление на старовремска България (Споредъ грамотитѣ на българскиѣ царе)* — études des titres et fonctions des fonctionnaires bulgares, qu'on rencontre dans les chartes vieux bulgares. Ce sont: bolari, rabotniki, vladaltoi, vladachti ou joupans; prachtors et sébastes, catépan et kefali, vévodes. L'administration

des villages était aux mains des primiciers, knèses et kmètes. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 228—248. (A)

ИВ. САКЖЗОВЪ, *Обществено и стопанско развитие на България при Асеновцитѣ* — tableau de la vie sociale et économique du règne du tzar Jean Assène II, quand la Bulgarie délivrée était parvenue au sommet de son pouvoir politique. — *Бѣлг. ист. библ.* 1930. an. III. t. III. p. 112—148. (A)

J. IVANOV, *Български старини изъ Македония*. Sofia 1931. — *Byz. sl.* t. III. p. 224—226. — par M. WEINGART.

Д-ръ. ИВ. САКЖЗОВЪ, *Новооткрити документи отъ края на XIV вѣкъ за българитѣ отъ Македония продавани като роби* — publication de documents relatifs au commerce d'esclaves; ils sont tirés des Archives nationales de Venise — du registre notarial de Bresciano de Candie. — *Макед. Пр.* 1931. t. VII. fasc. 2—3. p. 1—62; 235—239. (A)

MICHEL LASCARIS, *Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine* — *Byz.-sl.* III. p. 500—510.

M. LASCARIS, *Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine*. Extrait de *Byz.-sl.* III, 1931. p. 13 — par ИВ. ДУЙЧЕВЪ. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 384—389. (A)

Проф. М. ЛАСКАРИС, *Ватопедската грамота на царъ Иванъ Асѣна*, par A. SOLOVJEV. — *Архивъ прав. друш.* 1931. an. XXI. t. XXIII. p. 474—478. (A)

ВѢРА ИВАНОВА, *Орѣховскиятъ манастиръ и неговитѣ грамоти* — description du monastère d'Oréchof et étude et publication nouvelle des chartes octroyées à ce monastère par le tzar bulgare Jean Ale-

xandre et par les rois serbes Étienne de Dečan et Étienne Douchan. Les chartes des souverains serbes sont d'après l'auteur des falsificats, fabriqués à Orëchov même et à Chilandar à une époque postérieure. — *Иав. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 84—118. (A)

IVAN OHÏENKO, *Дві грамоти валашського Івана Мирчі Великого*. Палеографічно-історично нарис — *Byz. sl.* III. p. 415—429.

СТ. СТАНОЈЕВИЋ, *Од Велбужда до Косова* — exposé des faits de la période historique de la victoire des Serbes à Velbujde en 1330 jusqu'à la défaite de Kossovo en 1389. D'après l'auteur à cette époque a eu lieu l'assimilation des terres macédoniennes — de la Serbie du Sud au noyau du royaume Serbe des Némanides. — *Браство*. t. XXVI. 1932. p. 1—20. (A)

JOSEPH DEËR, *Die dalmatinische Munizipalverfassung unter der ungarischen Herrschaft bis zur Mitte des 12. Jahrhunderts* — sur les privilèges municipaux que durent octroyés les rois hongrois aux villes dalmatines, après que la question de la vassalité de celles ci fut finalement réglée avec l'Empire byzantin. — *Ung. Jahrb.* t. XI₄. p. 377—387. (A)

ТЕОДОР ТАРАНОВСКИ, *Неки нови прилози за Историју словенских права. XIX. Правна конструкција Српске државе у средњем веку* — critique de la thèse de doctorat de Miloche Mladénovitch, Le caractère de l'État serbe au moyen âge. — *Архив прав. друш.* 1931. an. XXI. t. XXIII. p. 464—471. (A)

Ђ. С. РАДОЈЧИЋ, *Грдеша (Грд), требњински жупан XII века* — identification du joupan de Trebignie Grd du XIIe siècle avec le joupan de la charte de Dessa et le Γορδέσης de Cynnames de 1150. —

Прилози за књиж. t. XI. 1931. p. 155—156. (A)

Д-р. АЛЕКСАНДАР СОЛОВЈЕВ, *Земска пресуда из год. 1445* — première publication d'une charte judiciaire de Thomas Comnène, vévode de Zète de l'an 1445. — *Архив прав. друш.* 1931. an. XXI. t. XXIII. p. 41—53. (A)

RAMIRO ORTIZ, *Mediaevo Roumeno* — étude sur la Roumanie médiévale, la vie de laquelle porte les traces d'une forte influence de la culture gréco-slave, néanmoins l'auteur trouve une coïncidence chronologique entre le Moyen Âge Occidental et Oriental, ainsi qu'une conformité de conditions sociales, de mœurs et de coutûmes. — *Studi Rumeni.* vol. I. 1927. p. 35—64; v. II. 1928. p. 165—198. (A)

ТЕОДОР БАЛАН, *Vornicia în Moldava* — la dignité de dvornik a plusieurs significations. Le dvornik de la Cour est un des principaux dignitaires et avait les fonctions de juge. A la Cour se trouvaient aussi des dvorniks de moindre importance. Les chefs de lieux, où il n'y avait pas de bourgs, s'appelaient aussi dvorniks. — *Codrul Cusminlui.* t. VII. 1932. p. 63—204. (A)

C. Histoire de religion.

Н. Н. АФАНАСЬЕВЪ, *Провинціальныя собранія Римской имперіи и Вселенскіе Соборы* — Constantin le Grand conformait sa conduite envers les conciles oecuméniques chrétiens à la tradition, que les conciles payens provinciaux étaient convoqués par les fonctionnaires de l'État. Les principes des rapports réciproques du Concile et de l'État furent néanmoins quelque peu modifiés. — *Зап. Рус. Инст. Бъл.* № 5. 1931. p. 25—46. (A)

ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ Κ. ΣΤΕΦΑΝΙΔΟΥ,

Ἡ Μέγας Κωνσταντῖνος καὶ ἡ λατρεῖα τῶν αὐτοκρατόρων — des sentiments de Constantin le Grand sur son adoration comme dieu. L'empereur finit par interdire le culte et ne laisse subsister de ses propres statues que celles qui portaient des symboles chrétiens. — Ἐπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ. t. VIII. 1931. p. 214—226. (A)

CHRYSOSTOMUS BAUR. O. S. B., *Johannes Chrysostomos und seine Zeit*. I. Bd. *Antiochien*. II. Bd. *Konstantinopel*. München. 1929, 1930. pp. XL—333, 411. par J. SIMON. — *An. Bol.* 1931. t. XLIX. p. 143—146. (A)

EDWARD JAMES MARTIN, *A History of the Iconoclastic Controversy*. 1930. XII—288 pp. carta — par J. SIMON. — *An. Bol.* 1931. t. XLIX. p. 433—434. (A)

Г. И. ОСТРОГОРСКИЙ, *Афонские психасты и их противники (К истории поздневизантийской культуры)* — esquisse de l'histoire de la controverse palamite et caractéristique de l'hésichasme — *Зан. Рус. Инст. Бъл.* t. 5. 1931. p. 349—370. (A)

M. JUGIE, *La controverse palamite (1341—1368). Les faits et les documents conciliaires* — histoire de la lutte des deux partis; l'auteur détermine la date et la portée des documents conciliaires promulgués à cette époque. — *Echos Or.* 1931. 34 an. No 164. p. 397—421. (A)

V. GRUMEL, *Le mois de Marie des Byzantins* — l'empereur Andronic II introduisit par un décret spécial la consécration d'un mois entier à la Ste Théotocos. — *Echos Or.* 1932. No 167. p. 257—269. (A)

В. БЕШЕВЛИЕВЪ, *Религията на прабългаритѣ* — étude de la religion prébulgare et exposé des données sur la vie religieuse et le culte d'après les sources

archéologiques, littéraires et linguistiques. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. II. p. 29—60. (A)

Проф. Г. ИЛЪИНСКИ, *Объ епископском титуле Климента Словенскаго* — explication du titre de St. Clément d'Ochride comme on le trouve chez l'archevêque Théophylacte «ἐπίσκοπος Δρεβίτζας ἦτοι Βελίτζας.» La ville Velika qui se trouvait sur l'affluent du Vardar Treska a disparu, non loin de là se trouve la ville de Débritza. — *Мак. Пр.* t. VII. fasc. 4. p. 11—24; 149. (A)

СВ. ГЕОРГИЕВЪ, *Папа Николай I и българитѣ* — histoire des relations du tsar Boris Ier avec le pape Nicolas Ier, qui résultèrent du mécontentement des Bulgares avec le clergé grec. — *Бълг. ист. библ.* an. III. 1930. t. IV. p. 32—80. (A)

ПЕТЪРЪ НИКОВЪ, *Църковната политика на Иванъ Асеня II* — l'union avec l'église catholique des Assénides résulta de motifs purement politiques. Pendant le règne de Jean Assène II la constellation politique changea et ramena vers l'Empire byzantin les sympathies des Bulgares. L'opposition profonde de l'Orient envers l'Occident et plus tard de l'empereur occidental envers le pape ont joué un rôle considérable dans l'histoire ecclésiastique de l'époque. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. III. p. 65—111. (A)

СТ. СТАНОЈЕВИЧЪ, *Архиепископ Арсеније (1233—1263; † 28 октобра 1266)* — essai d'une biographie d'Arsène Ier, archevêque de Serbie et successeur de St. Sava. — *Глас. ист. друш. Н. Сад.* 1932. t. V. fasc. 1. p. 1—13. (A)

N. de BAUMGARTEN, *Chronologie ecclésiastique des terres Russes du Xe au XIIIe siècle* — essai d'une chronologie des faits de la vie ecclésiastique de la Russie

ancienne, d'après les données des sources. — *Orien. Christ.* t. XVII₁. No 58. 1930. pp. 177. (A)

N. de BAUMGARTEN, *Saint Vladimir et la conversion de la Russie* — biographie de St. Vladimir sous le point de vue spécial de sa conversion au christianisme. L'auteur ne croit pas que la conversion du prince russe soit l'oeuvre d'un évêque grec; le baptême de Vladimir est placé sous l'année 987. — *Orien. Christ.* vol. XXVII₁. No 79. Julio—Augusto 1932. p. 1—136. (A)

N. de BAUMGARTEN, *Olaf Tryggwison roi de Norvège et ses relations avec Saint Vladimir de Russie* — en suite d'un examen des données historiques des sagas l'auteur vient à la conclusion qu'Olaf Tryggwison a joué un rôle dans les événements liés à la conversion de St. Vladimir. — *Orien. Christ.* t. XXIV₁. No 73. 1931. p. 5—37. (A)

A. B. СОЛОВЬЕВЪ, *Исторія русскаго монашества на Аѳонѣ* — exposé de l'histoire des monastères russes au Mont Athos, dont le plus ancien est St. Pantélémon, fondé au XIme siècle. — *Запис. Рус. Инст. Бѣл.* 1932. No 7. p. 137—156. (A)

B. A. МОШИН, *Николай, епископ тмутараканскій* — la diocèse de Tmutarakan, subordonnée directement au patriarche de Constantinople, a existé sous le prince Oleg Sviatoslavovitsch de 1084 à 1094; avant et après cette date elle faisait partie de la diocèse de Zikhe. — *Sem. Kond.* t. V. p. 47—62. (A)

K. CHODYNICKI, *Tzw. prawo podawania w Cerkwi prawosławnej na ziemiach Rzeczypospolitej w XV i XVI w.* — les facteurs suivants ont contribué à la genèse du « podawania » (collatio) de l'Église orthodoxe en Pologne: 1° le κτητορικόν

δικαίον byzantin; 2) l'organisation du Grand duché de Lithuanie; 3) l'Église catholique. — *Sprawozd. pozn. towarz.* 1931. fasc. II, III, IV, p. 44—48. (A)

ἈΘΗΝΟΓΟΡΑ, Μητροπολίτου Παγαμυθίας καὶ Φιλιατῶν, Ὁ θεσμὸς τῶν συγγέλλων ἐν τοῖς πατριαρχείαις Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας καὶ Ἱεροσολυμῶν — IVme partie (suite Ἐπετηρὶς 1927) — de l'institut des synkelles et de leur position administrative aux patriarchats d'Alexandrie, Antioche et Jérusalem. — Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 308—326. (A)

B. K. ΣΤΕΦΑΝΙΔΟΥ, Οἱ ὅροι ἐπιστήμης καὶ ἐπιστημονάρχης παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς — du sens donné dans l'Église byzantine aux termes ἐπιστήμη et ἐπιστημονάρχης. — Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 153—158. (A)

Проф. О. ЛОТОЦКИЙ, *Церковно-правни основи автокефалиї* — étude des principes sur lesquels se base l'autocéphalie; ses fondements l'auteur retrouve déjà aux temps apostoliques ainsi que dans des circonstances qui lui ont été favorables. — Ἐλπίς, t. V. 1931. p. 58—71. (A)

D. Chronologie. Varia.

FRANZ DÖLGER, *Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden*. München 1931. — *Byz.-sl.* t. III. p. 511—513 par M. LASCARIS.

G. de JERPHANION S. J., *Calcul de la férie pour une date donnée* — exposé de la méthode du calcul du jour de la semaine sur lequel tombe une date donnée. — *Orien. Christ. De Oriente.* vol. XXVI₂. No 78. 1932. p. 145—153. (A)

OTMAR SCHISSEL von FLESCHENBERG, *Die Ära der Hohenpriester (Zu*

Michael Psellos) — on retrouve dans l'ouvrage de Pselle les traces du compte des années jusqu'à J. Chr. d'après les grands prêtres. — *Byz. neugr. Jabr.* t. IX. fasc. 1—2. p. 111—112. (A)

Я. ТОДОРОВЪ, *Източно-азиатскиятъ животенски цикълъ отъ гледище на астрологическитъ вѣрованія. Къмъ въпроса за Именика на първитъ българске ханове* — étude sur le cycle chronologique d'après les animaux, usuel chez les peuples de l'Asie Orientale, du point de vue astrologique. C'est d'après ce cycle que sont datés les règnes des premiers khans bulgares. — *Годишникъ Соф. унив.* 1931. t. XXVII. № 10. p. 1—42. (A)

C. ZENGHELIS, *Le feu grégois et les armes à feu des Byzantins* — les Byzantins avaient inventé une matière explosive à base de salpêtre — la première poudre, ainsi que les armes à feu, utilisant pour la projection du projectile la force propulsive des gaz dégagés par l'inflammation de cette poudre. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 265 à 286. (A)

G. OSTROGORSKY—E. STEIN, *Die Kreunungsordnungen des Zeremonienbuches. Chronologische und Verfassungsgeschichtliche Bemerkungen* — le résultat de l'examen de quelques-uns des chapitres du

« De cerimoniis aulae byzantinae » de Constantin le Porphyrogénète est le suivant: chap. 38 a. Couronnement d'un empereur: 2 Oct. 811 ou 11 Juillet ou 25 Dec. 820; chap. 38 b. Couronnement d'un corégent (empereur): 829—30 ou 839—40; chap. 39 et 41: Couronnement et noce d'une impératrice: 932—33; chap. 40 a (et b): Couronnement de deux césars: 2 avril 769 (d'après Diehl); chap. 43 b. Couronnement d'un César: 830—31. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 185—233. (A)

Č. P., *O periodisaci českých dějin* — critique du point de vue de la philosophie de l'histoire de la division en périodes de l'histoire tchèque, proposée par M. J. Peškař dans son allocution rectorale. L'auteur fait remarquer, que l'épisode byzantine n'a pas trouvé la place due dans la période ancienne. — *Česká Mysl.* 1932. t. XXVIII. fasc. 3—4. p. 131—142. (A)

I. C. FILITTI, *Despina, princesse de Valachie, fille présumée de Jean Brankovitch* — étude généalogique sur la famille des Brankovitch. Jean Brankovitch avait trois filles: Marie Frangipani († 1542), Despina, mariée au prince de Valachie Neagoe († 1544) et Hélène Rarez († 1552). — *Revista ist. rom.* t. I. fasc. III. p. 241—250. (A)

VI. Géographie, Topographie, Ethnographie.

N. I. ΓΙΑΝΝΟΠΟΥΛΟΥ, *Τὸ φρούριον τοῦ Βόλου* — notes historiques et archéologiques sur la forteresse de Volos, description de quelques monuments conservés et sur les origines du nom de Volos. — *Ἑπετηρίς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 110—133. (A)

TH. PH. ΠΑΡΟCONSTANTINOU, *Ἡ Καστορία*. Athènes 1930 — *Byz.-sl.*

t. III. p. 223—224. — par D. ZAKYTHINOS.

K. AMANTOS, K. Ἀμαντος, *Τὰ ἐθνολογικὰ ὀνόματα εἰς τοὺς Βυζαντινοὺς συγγραφεῖς*. Ἑλληνικά, t. II. 1929. p. 97—104, par B. БЕШЕВЛИЕВЪ. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 348—350. (A)

Д. П. ДИМИТРОВЪ, *Към историята на Августа-Траяна* — sur les fortifications, bâties à Augusta Traiana — Stara Zagora par Marc Aurèle pendant la guerre marcomanne. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 54—70. (A)

ИВ. ВЕЛКОВЪ, *Единъ римски градъ въ България Nicopolis ad Istrum (Никюпъ)* — description de Nicopole — une colonie gréco-romaine sur la rive du Danube, d'après les résultats des fouilles entreprises sur son emplacement. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. II. p. 1—28. (A)

ИВ. ВЕЛКОВЪ, *Бележки за колонизацията и градовете по нашето Черноморско-крайбрежие* — histoire des colonies grecques sur le littoral de la Mer Noire, dont les principales sont Apollonia et Odessos. Elles ont joué un grand rôle dans la civilisation du pays. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 33—53. (A)

KAREL ŠKORPIL, *Стратегически постройки въ черноморската област на балканския полуостровъ (продължение)* — *Byz.-sl.* III. p. 11—28.

Д-ръ КОНСТАНТИНЪ ЙОС. ИРЕЧЕКЪ, *Воениятъ път отъ Бѣлградъ за Цариградъ и Балканскитъ проходи.* Историко-географска студия. Преведе отъ оригинала СТОЯНЪ ВЕЛКОВЪ — traduction en bulgare du travail classique de Constantin Jireček sur la route militaire de Belgrade à Constantinople. — *Бълг. ист. библ.* 1931. an. IV. t. IV. pp. 162. (A)

П. Д. МИЯТЕВЪ, *Единъ новъ изворъ за историята на дунавскитъ българи* — critique du travail de Dj. Moravczik sur les Onogures (*Ungar. Jahrb.*) t. X. 1930₁₋₂. p. 53—90. — *Изв. Бѣлг. Археол. Инст.* t. VI. p. 283—286. (A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Какъвъ народъ се*

разбира у Анна Комнина подъ израза γένος τι Σκυθικόν — analyse de l'expression du récit d'Anne Comnène sur « un peuple scythe quelconque »; le peuple apparaît sur la rive droite du Danube. L'auteur propose que c'étaient des Uses. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 71—83. (A)

А. СП. РАЗБОЙНИКОВЪ, *Село Клокотница* — description du terrain où a eu lieu la fameuse bataille de 1230 entre l'empereur de Salonique Théodore Ange et Jean Assène II. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. III. p. 228—237. (A)

П. МУТАФЧИЕВЪ, *Търново и Старинава* — réfutation de la théorie exposée par V. Avramov, que Tirmovo et Starinava sont deux lieux différents, c'est le même. — *Уч. Прег.* an. XXXI. 1932. № 6. p. 1154—1163. (A)

А. Л. ПОГОДИН, *Варяги и Русь* — revue des ouvrages récemment parus traitant de l'origine de la Russie et de la question varègue. — *Зап. Рус. Инст. Бѣл.* 1932. t. 7. p. 93—136. (A)

MIRON KORDUBA, *Najnowsze teorie o początkach Rusi* — revue des théories nouvelles sur l'origine de la Russie. — *Przegląd hist.* II sér. t. X. fasc. 1. 1932. p. 58—74. (A)

А. ПОГОДИН, *Три замѣтки о началѣ Русскаго государства: I. Остатки языка варягов в Договорѣ Игоря с греками в 945 г.; II. Участіе финнов в основаніи Русскаго государства. III Д. Свиндров и др.* — I. dans les Annales primaires s'est conservée la traduction originale du traité d'Igor du grec en slave; II. les peuplades finnoises ont été déjà au VIIme siècle sous une forte influence des Varègues et ont collaboré à leur invitation par les Slaves de Novgorod; III. noms de quelques stations normannes sur la grande voie « de Varègues aux Grecs ». — *Slavia.* t. XI₁. p. 118—140. (A)

V. A. MOŠIN, *Начало Руси. Норманы в восточной Европе (окончание)* — *Вуз.-сл.* III. p. 285—307.

Е. А. РЫДЗЕВСКАЯ, *Несколько замечаний по поводу статьи В. А. Брига «Колб'аги»*. — sur les origines et le nom du peuple kolb'agui — Kylfingars. — *Док. Ак. Н. СССР*. В. 1930. № 8. p. 137—142. (A)

И. И. СОКОЛОВ, *Мариупольские греки. I. Мариупольские греки до поселения их на Украине (XV—XVIII вв.)* — histoire des colons grecs en Crimée pendant la domination turquo-tatare; l'auteur commence par un bref exposé de l'histoire de la Crimée

byzantine. — *Труды Инст. Слав.* т. I. 1932. p. 297—317. (A)

ΦΑΙΔΩΝ ΚΟΥΚΟΥΛΕ, *Περὶ κομμώσεως τῶν Βυζαντινῶν* — des manières diverses de se coiffer chez les Byzantins d'après les données des sources littéraires. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 3—37. (A)

ΣΩΦΡΟΝΙΟΥ ΕΥΣΤΡΑΤΙΑΔΟΥ, *Περὶ κομμώσεως τῶν Βυζαντινῶν* — l'auteur publie un discours du nomophylax Jean Eugenicos sur les toilettes féminines de son temps. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 42—46. (A)

VII. Histoire de l'Art.

A. Questions générales. Varia.

JACQUES ZEILLER, *Sur la place du palais de Dioclétien à Spalato dans l'histoire de l'art* — l'auteur aboutit à la conclusion, que « le palais de Spalato en définitive... doit moins à la tradition romaine classique qu'à l'Orient ». — *Byzant.* t. VI₂. 1932. p. 565—569. (A)

Δ. Σ. ΜΠΑΛΑΝΟΥ, *Ἡ ἐκκλησιαστικὴ τέχνη καὶ οἱ πατέρες τῆς Ἑκκλησίας* — l'auteur réfute l'opinion que le développement de l'art ecclésiastique depuis le IVme siècle est dû à des causes esotériques et à la protection des Pères de l'Église et des prélats. — *Ἑπετηρὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 133—137. (A)

Н. Е. АНДРЕЕВ, *О «дѣлѣ дяка Висковатого»* — étude détaillée de l'affaire du diak Viskovatij du point de vue historique et iconographique. — *Sem. Kond.* V. p. 191—242. (A)

VASILE GRECU, *Manualul de pictură*

al lui Dionisie din Furna în Românești — description du manuscrit unique de la traduction roumaine de Denis de Fourne, achevée en 1805 par l'archimandrite Macarius. — *Codrul Cosminlui*, t. VII. 1932. p. 51—59. (A)

G. de JERPHANION, *Bulletin d'archéologie chrétienne, byzantine et slave* — l'auteur présente une revue des publications récentes relatives à l'antiquité chrétienne, aux rapports de l'Orient et de l'Occident, à l'architecture, peinture et iconographie: byzantine, balkanique et russe; le compte-rendu du Congrès d'Athènes et des extraits des publications périodiques. — *Orien. Christ.* vol. XX₂. no 65. nov. 1930. p. 85—135. (A)

Ouvrages ukrainiens sur l'art byzantin parus pendant la période de 1917 à 1930 — *Byz.-sl.* t. III. p. 247—255. par V. SICHYNS'KYJ.

CH. DIEHL et J. EBERSOLT, *Une Exposition d'art byzantin à Paris* — préface et introduction, publiées dans le Catalogue

de l'Exposition, donnant une caractéristique générale de l'art byzantin. — *Byzant.* t. VI₂. p. 707—721. (A)

DOM. TH. BECQUET, *L'exposition d'art byzantin à Paris* (28 mai—29 juillet) — impressions de l'exposition de 1930 et caractéristique générale de l'art byzantin. — *Irénikon.* t. VIII. n° 4—5. 1931. p. 500 à 506. (A)

Vystavka vizantijskago iskusstva v Parižě — *Byz. sl.* t. III. p. 536—542. — par N. OKUNEV.

D. THOMAS BECQUET, *L'art russe à Bruxelles et à Gand* (Décembre 1931) — impressions sur l'ensemble de l'ancien art russe, reçues à l'exposition en Belgique. — *Irénikon.* t. IX. n° 1. 1932. p. 96—101. (A)

H. E. del MEDICO, *Essai sur Kahrié Djami au début du XIIe siècle* — d'après l'analyse des sources, entre autres d'Antoine de Novgorod, Kahrié Djami a dû porter au XIIe siècle le nom du Christ Φιλάνθρωπος et de la Vierge Χώρα Κεχαριτωμένη et a été l'église commune de deux monastères fondés par Alexis Ier Comnène et son épouse Irène. — *Byz. Zeit.* 1932. t. XXXII₁. p. 16—48. (A)

R. JANIN, *Les églises Sainte-Euphémie à Constantinople* — topographie et histoire des quatre églises de Sainte-Euphémie de Constantinople. Ce sont celle de l'hippodrome, du quartier τὰ Ὀλυβρίων, du Pétrion et celle ἐν τῇ Πέτρᾳ. — *Échos Or.* 1932. an. 35. No 167. p. 270—283. (A)

I. ΜΗΑΙΟΠΟΥΛΟΥ, Τραπέζοντιὰ καὶ ἀρχεολογήματα — description des ruines de l'église élevée par Constantin Gabras au XIme siècle en honneur de son oncle le martyr Théodore Gabras à Trapézonde. — Ἐπετηρίς Ἑτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 69—93. (A)

ПЕТЪРЪ МУТАФЧИЕВЪ, *Изъ нашихъ старопланински манастири. Бележки и материали* — description de divers monuments historiques, principalement d'églises, se trouvant sur les hauteurs de la Stara Planina entre les rivières Iskère et Ossoume. — *Сбор. бълг. акад.* 1931. t. XXVII. pp. 72. (A)

ИВ. ЕНЧЕВЪ-ВИДЮ, *Ярловската църква* — description de l'église de St. Demetrius à Iarlovci. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 296—297. (A)

М. АНДРЕЕВА, *Дубровник и его архитектурные памятники* — description des monuments de Raguse de diverses époques. — *Центр. Евр.* 1932. N° 4. p. 216—224. (A)

Т. БОШКОВИЧЪ, *Извештај и кратке белешке са путовања* — comptes rendus d'une excursion archéologique: A. la région entre le lac de Scadar et la mer: I Spič (St. Vierge de Rtac); II Stari Bar; III Svač; IV Ulcigne; V environs de Virpazar; VI Îles du lac de Scadar; VII Krajina; B. Serbie méridionale: I environs de Mitrovica de Kossovo (Banjska); II environs d'Usküb et de Koumanovo (Staro Nagoričino, Mlado Nagoričino, Psača, Nerezi [iconostase] et autres); III environs de Gradsko (Pološko); C. Région de la Serbie du Nord: I. environs de Niš (Matejevci); II environs de Požarevec. — *Стар.* t. VI. 1931. p. 140—189. (A)

Д-р. ВЛАД. Р. ПЕТКОВИЧЪ, *Манастири у Шумадији* — énumération des monastères de Šumadia avec leur histoire en trait général. — *Браство*, t. XXVI. fasc. 41. 1932. p. 44—50. (A)

АЛЕКСАНДАР ДЕРОКО, *Бањско* — quelques contributions nouvelles à l'étude du monastère de St. Étienne à Ban'sko. — *Стар.* VI. 1931. p. 107—109. (A)

БОРБЕ МАНО-ЗИСИ, *Рудник* — comptes rendus des fouilles à Roudnik. — *Стар.* t. VI. 1931. p. 137—139. (A)

БОГДАН Н. НЕСТОРОВИЋ, *Ископаваня у Стобима* — comptes rendus des fouilles de Stobi (fondements d'une grande construction avec des pavés en mosaïque, son architecture et décor). — *Стар.* t. VI. 1931. p. 109—114. (A)

P. HENRY, Les églises de la Moldavie du Nord à la fin du XVIe siècle. I. II. Paris 1930. — *Byz.-sl.* t. III. p. 244—247 — par M. ANDREEVA.

B. Architecture.

N. BRUNOV, *Zur Erforschung der byzantinischen Baudenkmäler von Konstantinopel* — comptes-rendus sur les travaux archéologiques entrepris à Constantinople et par excellence l'analyse des découvertes relatives à l'architectonique faites dans la mosquée Bodrum. D'après l'auteur c'est, peut-être, une construction unique d'église à coupole au plan en croix datant du VIe—Xe siècles. — *Byz. Zeit.* XXXII. 1932. p. 49—62. (M)

N. BRUNOV, *Über zwei byzantinische Baudenkmäler von Konstantinopel aus dem XI. J.* — description et étude des formes architectoniques de deux églises byzantines du XIe siècle l'Eski-Imaret et la Molla-Gürani Djami. — *Byz. neugr. Jahrb.* t. IX₁₋₂. 1932. p. 129—144. (A)

A. K. ὉΡΛΑΝΔΟΥ, Ἡ ἐπὶ τῆς Ὁ-θρουοῦς μονῆ τῆς Ἀντινίτσης — description d'une église, jusqu'à présent passée inaperçue dans la science, que l'auteur date d'après son architecture de la seconde moitié du XVme siècle. — *Ἐπετηοὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 369—381. (A)

A. K. ὉΡΛΑΝΔΟΥ, Δύο ἀνέκδο-τοὶ ναοὶ τῶν Ἀθηναίων Μπενι-ζέλων — l'auteur fait connaître deux petites églises de la famille de Benisélos; l'une à Patissia — st. André du XVIe siècle, l'autre, plus ancienne, aux oliviers de la famille. — *Ἐπετηοὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VIII. 1931. p. 318—328. (A)

ἈΜΙΑΚΑ Σ. ἈΛΙΒΙΖΑΤΟΥ, Τὸ «Ρηνάκι» τῆς Πλάκας — description d'une petite église de Ste Irène, dans le quartier de Plaka à Athènes, qui faisait partie du couvent disparu à nos jours de St. André. — *Ἐπετηοὶς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 327—334. (A)

Ю. С. ГОСПОДИНОВЪ, *Разкопки въ Преславъ* — comptes-rendus des fouilles, que poursuit et dirige l'auteur ensemble avec K. Škorpil, c'est-à-dire de la découverte du « palais » et de l'Église Ronde. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. 1930—1931. p. 183—193. (M)

КР. МИЯТЕВЪ, *Разкопки на «Вжтрешния градъ» въ Преславъ* — compte-rendu des fouilles entreprises dans la citadelle de Preslav. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 151—159. (A)

КР. МИЯТЕВЪ, *Мѣстни традиции и национални елементи въ кржелата преславска църква* — l'auteur soutient, que l'église ronde de Preslav, récemment découverte, est l'oeuvre nationale des Bulgares. Les formes des baptistères anciens sont combinées d'une façon originale avec les constructions byzantines au plan central. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. 1930—1931. p. 194—205. (M)

F. VÁMOS, *Attilas Hauptlager und Holzpaläste* — description détaillée d'après le récit de Prisque du camp d'Attila; l'auteur vient à la conclusion que le plan du camp était rectangulaire et pas rond. —

Sem. Kond. t. V. p. 131—148. (A)

АЛ. ДЕРОКО, *У Бодиновој престоници* — travail sur l'architecture serbe du littoral (Scadar et environs), dans lequel les types architectoniques divers de nombreuses constructions, qui se sont conservées en ruines, ont été brièvement marqués. — *Star.* V. 1930. p. 128—151. (M)

Б. БАШКОВИЋ, *Кубе над припратом манастира Каленић* — partie d'une communication sur la restauration de l'église à Kalenič, fondée dans les années 1407—1413, par le « protodovijare » Bogdane et son frère Pierre. — *Star.* t. V. 1930. p. 156—173. (M)

Ж. ТАТИЋ, *Стара црква на смедеревском гробљу* — description et analyse architectonique d'une petite église à Smederovo, monument important de l'école appelée « de Morave », qui d'une part a reçu et refait à sa manière les formes athonites, d'autre part a posé les fondements du type moldavo-valaque. — *Star.* t. V. 1930. p. 55—62. (M)

L. BRÉHIER, *L'art des églises de Bucovine aux XVe et XVIe siècles* — de la place qu'occupe le livre de Paul Henry sur les églises de la Moldavie du Nord et de la Bucovine dans la littérature savante. L'auteur trace le tableau de l'évolution de l'architecture moldave et bucovinienne (à suivre). — *Journ. d. Sav.* déc. 1931. p. 433—440. (A)

PAUL HENRY, *Les Églises de la Moldavie du Nord des origines à la fin du XVIe siècle* — par G. BALȘ. — *Anale.* t. LI. 1931. p. 235—236. (A)

W. R. ZALOZIECKY, *Gotische und barocke Holzkirchen in den Karpathenländern.* Wien 1926 — *Byz.-sl.* t. III. p. 531—535. — par J. MYSLIVÉC.

CAROLIAN PETRANU, *Die Kunstdenkmäler der Siebenbürger Rumänen im Lichte der bisherigen Forschung.* 1927; *Bisericile de Lemn din Județul.* Arad. 1927; *Monumentele istorice ale Județului Bihor.* I. *Bisericile de Lemn.* 1931. — *Byz. sl.* t. III. p. 525—527. — par J. MYSLIVÉC.

C. Sculpture.

ΔΗΜ. Ι. ΠΑΛΛΑ, Ἐγχάρακτος εἰκονογραφικὴ πλᾶξ τοῦ Βυζαντινοῦ Μουσείου Ἀθηνῶν — description et étude d'un fragment de plaque sculptée, provenant d'Ephèse. — Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ. t. VIII. 1931. p. 256—263. (A)

КР. МИЯТЕВЪ, *Бронзовый рельефъ съ изображеніемъ Богоматери изъ пловдивскаго музея* — étude d'un relief en bronze du XIIe—XIIIe siècles du musée de Plovdiv, représentant la Mère de Dieu avec l'Enfant Jésus sur le bras droit. Essai d'une classification des types de la Vierge debout avec l'Enfant dans l'art byzantin. — *Sem. Kond.* t. V. p. 39—45. (M)

ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΜΑΚΡΙΔΟΥ, Ἀνέκδοτα ἀνάγλυφα τοῦ Μουσείου Κωνσταντινουπόλεως — description du relief représentant la Sainte Vierge et d'un chapiteau, provenant de la mosquée de Bajazet ainsi qu'un fragment d'arc de ciborium; tous les deux sont marqués du monogramme des Paléologues. — Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ. t. VIII. 1931. p. 329—337. (A)

Dr. N. Z. BJELOVUČIĆ, *Ruševine crkvice sv. Jurja u Janjini* — huit fragments sculptés, trouvés pendant des fouilles à l'emplacement de l'église de St. Georges de Janjini, qui datent du IXe—Xe siècles. — *Nar. Star.* No 25. 1932. p. 110 à 112. (A)

A. B. SCHUCHERT, *Eine unbekannte Elfenbeinkassette aus dem 11. Jahrhundert* — description d'une cassette en ivoire sculpté du XIe siècle conservée au couvent de Farfe; elle est décorée de scènes christologiques et de la Koimésis. — *Röm. Quartalschrift*. t. XL. fasc. 1—2. 1932. p. 1—11. (A)

D. Peinture.

ΣΤΕΦΑΝΟΥ ΞΕΝΟΠΟΥΛΟΥ, Ἡ τεχνικὴ τῶν ἐν τοιχείων μωσαϊκῶν καὶ τῶν γεωμετρικῆς διακοσμήσεως δαπέδων — étude sur la technique des mosaïques. L'auteur soutient, que l'on confectionnait généralement les mosaïques dans l'atelier; puis on les appliquait au mur et consolidait, les pavés seuls étaient confectionnés sur place. — *Ἑπετηρίς Ἑτ. Βυζ. Σπ.* t. VII. 1930. p. 358—368. (A)

ED. WEIGAND, *Zum Denkmälerkreis des Christogrammnimbus* — contributions nouvelles à la thèse de l'auteur, que le « Christogrammnimbus » procède de l'Italie du Nord au IVe siècle et peut-être de Milan même. — *Byz. Zeit.* XXXII₁. 1932. p. 63—81. (M)

O. WULFF — M. ALPATOV, *Denkmäler der Ikonenmalerei*. Hellrau 1925. — *Byz. sl. t.* III. p. 527—531. — par J. MYSLIVEC.

LUDMILA WRATISLAW-MITROVIC et N. OKUNEV, *La dormition de la Sainte Vierge dans la peinture médiévale orthodoxe* — *Byz. sl.* III. p. 134—180.

J. MYSLIVEC, *Ikonografie Akathistu Panny Marie* — aperçu des monuments ayant ce sujet, du XIVe et XVe siècles et leur analyse du point de vue de l'iconographie et de l'illumination. — *Sem. Kond.* V. t. p. 97—130. (M)

JOSEF MYSLIVEC, *Liturgické hymny jako náměty ruských ikon* — *Byz. sl. p.* 462—497.

Н. П. КОНДАКОВ, *Русская икона*. I—III. Прага 1928—1931 — *Byz. sl. t.* III. p. 521—524. — par M. ANDREEVA.

PHIL. SCHWEINFURTH, *Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter*. Haag 1930 — *Byz. sl. t.* III. — par N. OKUNEV.

M. J. PUIG Y CADAFALCH, *Les peintures du VIe siècle de la cathédrale d'Egura (Tarassa en Catalogne)* — description et analyse des fresques d'une basilique et d'un baptistère annexé, datant de la première moitié du VIe siècle. Les peintures sont influencées d'Orient et probablement d'Égypte. — *Bul. Acad. Ins. B. L.* 1931. avril—juillet. p. 154—162. (A)

G. de JERPHANION, *Histoire de Saint Basile dans les peintures cappodociennes et dans les peintures romaines du moyen âge* — description des scènes de la vie de St. Basile, peintes aux parois de l'église de Toquale Kilissé. Quelques-unes de ces scènes se rencontrent à Rome à Sancta Maria de Gradellis (temple de la Fortuna Virilis). — *Byzant. t.* VI₂. 1931. p. 535—558. (A)

H. E. del MEDICO, *La mosaïque de la KOIMHΣΙΣ à Kabrié Djami* — analyse détaillée d'une mosaïque récemment découverte à Kahrié Djami et qui représente la Dormition de la Vierge. La mosaïque ne fait pas partie de la décoration murale, c'est une icône, qui d'après l'auteur fut confectionnée au XIe siècle. Elle ne fait non plus partie de la décoration de Métochite. — *Byzant. t.* VII₁. 1932. p. 123—141. (M)

A. GRABAR, *Miniatures gréco-orienta-*

les. II. *Un manuscrit des homélies de St. Jean Chrysostome à la Bibliothèque Nationale d'Athènes* — suite de la publication des manuscrits grecs illustrés, marquant une influence orientale; cette partie contient la description du Cod. Athen. 211. saec. X. — *Sem. Kond.* t. V. p. 259—297. (M)

Б. ФИЛОВЪ, *Старобългарската живопись през XIII и XIV вѣка* — aperçu général de la peinture bulgare ancienne, principalement du XIIIe et XIVe siècles. L'auteur décrit les monuments de peinture murale et d'illumination et caractérise les écoles principales. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. I. p. 52—95. (A)

АЛ. РАШЕНОВЪ, *Българска школа въ византийския стилъ* — essai de démontrer la collaboration active de la Bulgarie dans la formation de l'architecture du second millénaire, qui apparaît dans le style pittoresque de l'ornementation des constructions. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. 1930—1931. p. 206—220. (M)

Проф. Б. ФИЛОВЪ, *Възражението на българското изкуство* — caractéristique de l'art bulgare à l'époque de son renaissance après la délivrance de la domination turque. Pour le mieux comprendre l'auteur remonte à l'art bulgare de l'époque précédente. — *Бълг. ист. библ.* 1931. an. IV. t. II, III. p. 30—57. (A)

С. ПОКРОВСКИЙ, *Новооткрытая мозаика въ базиликѣ св. Софїи города Софїи* — analyse des fragments de mosaïque d'un pavé d'une chapelle de cimetière, récemment découverte sous le niveau de Ste Sophie à Sofia; leur caractère est de l'art chrétien ancien. L'auteur les date du IIIe—IVe siècles. — *Sem. Kond.* t. V. p. 243—250. (M)

АНДРЕЙ ПРОТИЧЪ, *Художествениѣтѣ паметници на Иванъ Асеня II* — étude des

monuments d'architecture et de peinture de l'époque de Jean Assène II. Pour l'évolution de la peinture bulgare sont d'une grande importance l'école réaliste de Berandé et les éléments baroques qui commencèrent à apparaître à Tirnovo. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. III. p. 149—185. (A)

ИВ. ЕНЧЕВЪ-ВИДЮ, *Изъ църквитѣ около Рилския манастиръ* — description brève de quelques petites églises des environs du monastère de Ryla et de leurs peintures murales. Ces monuments datent du XVIIIe et début du XIXe siècles. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. 1930—1931. p. 286—294. (M)

ИВ. ЕНЧЕВЪ-ВИДЮ, *Изъ Гложенския манастиръ* — description des peintures de l'église du monastère de Gložen, aux environs de Teteven, qui datent de l'an 1828. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. 1930—1931. p. 294—296. (M)

Б. ФИЛОВЪ, *Два портрета на стари български царе* — M. Filov transmet la communication de M. A. Grabar sur les portraits des tzars Boris et Symeon, qui se sont conservés dans deux manuscrits de Moscou. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 301. (A)

1. Н. Д. ПРОТАСОВ, *Черты староболгарской одежды в славянской миниатюре*. Институт археологии и искусствознания, Труды секции археологии. III, Москва 1928, стр. 87—95 и табл. III.

2. Н. Д. ПРОТАСОВ, *Славянская одежда в болгарской миниатюре XIV века*. Институт археологии и искусствознания, Труды секции археологии. IV. Москва 1928, стр. 391—407, таб. XXIII и XXIV par K. R. MIJATEV. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 326—332. (A)

С. OSIECZKOWSKA, *Les peintures byzantines de Lublin* — contribution répétée pour l'étude des peintures de l'église de la

Trinité au château de Lublin, datant de 1418. Polémique avec Walicky, qui a récemment publié ces peintures. — *Byzant.* t. VII₁. 1932. p. 241—252. (M)

MARSÓWNA, A., *Freski ruskie w katedrze w Sandomierzu* — les fresques russes de la cathédrale de Sandomire proviennent du milieu artistique russe, qui était en relations permanentes avec la Volynie et les Balkans. Elles sont influencées de l'art byzantin des Paléologues et ont des analogies dans la composition avec Curtea d'Arges. — *Sprawozd. Polsk. Ak.* t. XXXVI. No 7. 1931. p. 7—10. (A)

M. A. АНДРЕЕВА, *Новейшие труды по истории русской иконы, вышедшие в Центральной Европе* — revue de principaux ouvrages sur l'icone russe parus dans l'Europe centrale. — *Центр. Евр.* 1932. No 6—7. p. 393—397. (A)

W. BORN, *Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei*. I. Teil — analyse des matériaux, en partie jusqu'à présent restés inconnus, de l'ornement zoomorphique dans la miniature, formant ensemble avec la plastique vieux-russe et norvégique. — *Sem. Kond.* t. V. p. 63—95. (M)

Н. ТОЛЛЬ, *Икона Тихвинской Божией Матери из собрания К. Т. Солдатенкова* — description de l'icone de la Mère de Dieu de la collection Soldatenkov (XVI) et esquisse des origines de ce type iconographique. — *Sem. Kond.* t. V. p. 181—184. (M)

І. МЫСЛИВЕЦ, *Сказание о перепискѣ Христа съ Авгаромъ на русской иконѣ XVII в.* — étude d'une icône de la collection Soldatenkov, ayant pour sujet la rencontre du Christ avec l'envoyé, porteur de la lettre du roi Abgar. L'icone est datée de la fin du XVIe et début du XVIIe siècle. — *Sem. Kond.* t. V. p. 185—190. (M)

Д-р. ВЛАД. Р. ПЕТКОВИЋ, *Авгарова легенда у фрескама Матејића* — sur la légende d'Abgar et l'icone de la Sainte Face. La scène de la transfération de l'icone sur la serviette est représentée à Matéiç. — *Прилози за књиж.* t. XII. fasc. 1. 1932. p. 11—19. (A)

Л. МИРКОВИЋ, *Анђели и демони на капителима у цркви св. Димитрија Маркова манастира код Скопља* — l'auteur explique la présence du sujet iconographique de l'ange et du démon sur les chapiteaux de l'église du monastère de Marko. En ce but il se sert du Commentaire mystique de la messe, traduit du grec en slave. Il a aussi recours aux miniatures du manuscrit Vat. No 2137 (1600), publié par Angelo Mai. — *Стар.* t. VI. 1931. p. 3—13. (A)

ПЕРА Ј. ПОПОВИЋ, *Смрт мајке краља Уроша I (фреска у манастиру Сопочанима)* — contribution nouvelle à l'étude de la fresque, importante du point de vue de l'histoire et de la civilisation, de la « Mort de la reine Anne, mère d'Uroš I », qui non seulement est d'assistance pour pouvoir dater le monastère même, mais est aussi une preuve de l'existence d'un art original serbe. — *Стар.* t. V. 1930. p. 30—36. (M)

ВЛ. Р. ПЕТКОВИЋ, *Циклус слика из легенда св. Ђорђа у Дечанима* — description d'un des cycles, du grand nombre de ceux de Dečani (1348), dans lequel en quinze tableaux est narrée la vie de St. Georges. — *Стар.* V. 1930. p. 7—11. (M)

Ђ. МАНО-ЗИСИ, *Један запис капитела из Дечана испод фреска слика зачећа Кайна* — communication de la découverte de la signature du peintre Sergius sur le chapiteau d'une des colonnes du monastère de Dečani. Se basant sur le fait que cette signature se trouve sous une scène de l'Ancien Testament l'auteur cherche par une analyse stylistique de ce tableau et sa compa-

raison à d'autres à identifier les ouvrages de ce peintre dans la décoration de l'église de Dečani. — *Star.* t. V. 1930. p. 185—193. (M)

БОРЪЕ МАНО-ЗИСИ, *Св. Софија у Охриду* — description des décorations sculptées de l'église de Ste Sophie à Ochride — de l'ambon et du ciborium, ainsi que des peintures murales, datant de trois époques différentes, du XIe, XIIe, XIIIe—XIVe siècles. — *Стар.* VI. 1931. p. 123—132. (A)

БОРЪЕ МАНО-ЗИСИ, *Мало прилози о живопису 14 века охридских црква* — description de la peinture murale de l'église de St. Clément, de la Vierge Peribleptos, St. Démétrius, St. Nicolas, St. Clément Mineur, Pečino kod Kane et le St. Médecins à Ochride. — *Стар.* t. VI. 1931. p. 132—135. (A)

БОРЪЕ МАНО-ЗИСИ, *Цркве у околини Охрида* — description de quelques églises aux environs d'Ochrida et surtout de la fondation de Georges Brankovitch — la Mère de Dieu Zachlumska (1361). — *Стар.* t. VI. 1931. p. 135—137. (A)

БОРЪЕ МАНО-ЗИСИ, *Полошко* — description des fresques du XVme siècle du monastère de St. Georges à Pološko. — *Стар.* t. VI. 1931. p. 114—123. (A)

Д-р ЛАЗАР МИРКОВИЋ, *Руденица* — description des fresques de l'église de Roudenica, peintes au temps du prince Vuk (1409/1410) par le zoographe Théodore. — *Прилози за књиж.* t. XI. 1931. p. 81—112. (A)

E. Arts mineurs. Archéologie.

GEORG MÜLLER, *Die Fibel mit umgeschlagenem Fuß in Ungarn und Siebenbürgen* — étude de la provenance de

la fibule en arquebuse en Hongrie. L'auteur conclut, qu'elle n'est pas d'origine germanique, bien que portée par les Germains. — *Ung. Jahrb.* t. XI. fasc. 1/2. p. 567—76. (A)

Е. М. ПРИДИК, *Неизданный золотой медальон Константина Великого в Государственном Эрмитаже* — description et définition de la date (324) d'un médaillon de Constantin le Grand récemment découvert. L'empereur y est représenté avec ses quatre fils. — *Док. Ак. Н. СССР.* В. 1930. N° 1. p. 11—17. (A)

G. de JERPHANION, *La calice d'Antioche à l'exposition d'art byzantin* — revision de ses propres théories par l'auteur: le calice est authentique et date du Ve—VIe siècles. — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 613 à 621. (A)

T. RICE, *Byzantine Glazed Pottery.* Oxford Clarendon Press 1930 — par A. GRABAR. — *Byz. Zeit.* 1931. t. XXX₁. p. 400—407. (A)

JEAN EBERSOLT, *Céramique et statuette de Constantinople* — description d'un fragment d'une plaque (de la classe des poteries non vernissées) de revêtement avec l'effigie d'un saint et d'une statuette en bronze, représentant un conducteur de char. — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 559—563. (A)

Др. ЛАЗАР МИРКОВИЧ, *Старине фрушкогорских манастира.* Београд 1931. — *Byz. sl.* t. III. p. 524—525. — par M. ANDREEVA.

РАД. М. ГРУЈИЋ, *Хвостански аџис и нерески θροῖνος* — comparaison de la scène de l'Enlèvement de la Croix sur l'épitaφios, retrouvé en 1908 près de Chvostno avec la même scène de la peinture murale de l'église de Nérezi (1164). — *Стар.* t. V. 1930. p. 12—19. (M)

J. D. ȘTEFĂNESCU, *Monuments d'art chrétien trouvés en Roumanie* — description de différents objets d'art; lampe romaine de terre cuite, panagiaires, pa-

tène do Bodrog, couverture d'évangélaire de Văleni, croix de bois sculptés, broderies liturgiques et icônes. — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 571—612. (A)

VIII. Numismatique, Sigillographie, Héraldique.

H. A. МУШМОВЪ, *Колективни находки на монети* — des trouvailles collectives de monnaies durant les années 1929—1930 en Bulgarie. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 314—318. (A)

H. A. МУШМОВЪ, *Женскиятъ образъ въ българската нумизматика* — étude des effigies des impératrices et reines sur les monnaies byzantines et slaves. Dans la numismatique bulgare on ne connaît qu'un seul exemple: la régente Irène est représentée avec son fils mineur le tzar Michel Assen (1246) — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 160—168. (A)

H. A. МУШМОВЪ, *Монетитъ на Иванъ Асеня II и на неговото семейство* — étude du monnayage bulgare de l'époque et des types différents des pièces de monnaie, qui accusent une forte influence vénitienne et byzantine. — *Бълг. ист. библ.* 1930. an. III. t. IV. p. 81—93. (A)

H. A. МУШМОВЪ, *Неиздадени български монети* — l'auteur présente 29 nouvelles variantes de monnaies de tzars bulgares, qui avaient été publiées en 1924 dans son travail « Numismatique et sigillographie bulgares »; parmi elles se trouve une pièce d'argent d'Assène II et une de cuivre de Michel Chichman. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 221—240. (A)

MICHEL LASCARIS, *Sceau de Radomir Aaron* — *Byz. sl.* III. p. 404—413.

MICHEL LASCARIS, *Le sceau de Radomir Aaron* (*Byz.-sl.* III₂. 1931) — par

ВЛ. АЛЕКСИЕВЪ — *Мак. Пр.* t. VII. fasc. 2—3. p. 205—208; 259—260. (A)

M. LASCARIS, *Sceau de Radomir Aaron*. Extrait de *Byz. sl.* III₂. 1931. p. 12. — par ИВ. ДУИЧЕВЪ. — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 375—384. (A)

V. LAURENT, *Bulletin de sigillographie byzantine*. 1930 — bibliographie des ouvrages récemment parus ainsi que l'inventaire des molybdo-bulles découverts et publiés, entre autres ceux de l'archevêque de Bulgarie (p. 784—786), de Syméon vestes et catépan du Paristrion (p. 791), d'Alousianos (p. 803—804), d'André Blados (p. 804—805). — *Byzant.* t. VI₂. 1931. p. 771—829. (A)

V. LAURENT, *Légendes sigillographiques et familles byzantines* — étude des sceaux de Nicolas Phrangopoulos, Basile Tzirithou, éparque de Constantinople, Georges Skaranos, Jean Pistophilos, Jean Maroulès. — *Échos Or.* 1931. 34 an. No 164. p. 466—484. *Ile article* — étude des sceaux de Georges Doucas Philanthropénos, de Constantin Pergaménos et de Georges Pharisaios et de leurs familles. — *Échos Or.* 1932. No 165. p. 177—187. *IIIe article* — étude des sceaux de Jean Pédiasimos, Théodore Smyrnaïos, Constantin Opos, Andronic Laperdas, Nicolas Phrangopoulos, Nicétas Machétarios. — *Échos Or.* 1932. No 167. p. 327—349. (A)

N. BĂNESCU, *Les sceaux byzantins trouvés à Silistre* — réédition des sceaux de la collection de Papahagi (VIIIe—XIIe

siècles). — *Byzant.* t. VII. 1932. p. 321 à 331. (A)

V. LAURENT, *Sceau inédit de Christophe stratège d'Artziké (Arcke)-Arkérapbon en Arménie* — intéressant par le type iconographique de St. Georges. — *Échos Or.* 1931. an. 34. No 164. p. 452—465. (A)

V. LEBEDEVA, *Zu den drei Siegeln des Historischen Museums in Moskau* — dessin rectifié du sceau N° 1, publié p. 58 (B. Z. XXXI₁). — *Byz. Zeit.* 1931. t. XXXI₂. p. 350. (A)

ANDREI VERESS, *Originea stemelor Tărilor române* — l'aigle du cimier de l'écus valaque ramène au berceau commun des Comans, des Hongrois et des Besarabs. — *Revista ist. rom.* 1931. v. I. fasc. IV. p. 225—232. (A)

GH. I. BRĂTIANU, *In jurul originiei stemelor Principatelor române* — l'auteur proteste l'origine comane de l'aigle du cimier de l'écus valaque, et trouve en celui-ci comme en l'écus même une forte influence occidentale; son blason est le symbole de la souveraineté hongroise. — *Revista ist. rom.* t. I. fasc. IV. p. 233—240. (A)

IX. Épigraphie.

Д. П. ДИМИТРОВЪ, *Антични гръцки надписи отъ Стара-Загора* — publication de quelques inscriptions grecques de l'époque impériale, se trouvant à Stara Zagora, l'ancienne Augusta Traiana. — *Изв. Бълг. Археол. Инст.* t. VI. p. 135—141. (A)

V. BEŠEVLIEV, *Zu der Inschrift des Reiterreliefs von Madara* — l'auteur présente une lecture nouvelle du text joint au relief de Madara. Il y retrouve trois inscriptions différentes: la première du temps du khan Tervel; la seconde du temps du khan Κρουνέσις-Κορμεσίος la troisième du temps du khan Omortague. — *Byz.-neugr. Jahr.* t. IX. fasc. 1—2. p. 1—35. (A)

В. БЕШЕВЛИЕВЪ, *Надписетъ около Мадарския конникъ* — voir plus haut *Byz. neugr. Jahr.* — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII (1931—1932). p. 1—32. (A)

КР. МИЯТЕВЪ, *Мадара и Мадарскиятъ конникъ* — étude des monuments de Madara de l'époque préhistorique, thraco-romaine, byzantino-bulgare et bulgaro-chrétienne. L'auteur s'arrête surtout à la

controverse du fameux relief du cavalier et conclut, que le relief est de provenance bulgare et fut exécuté par l'ordre du khan Omortague. — *Бълг. ист. библи.* 1930. an. III. t. I. p. 24—51. (A)

В. БЕШЕВЛИЕВЪ, *Эпиграфски бележки* — lecture nouvelle de quelques inscriptions protobulgares (E. Kalinka *Antike Denkmäler in Bulgarien*) — *Изв. ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 340, 347, 348. (A)

KAREL ŠKORPIL i PETR NIKOV, *Надписи отъ първото българско царство в черноморската област на балканския полуостровъ (продължение).* — *Byz. sl.* III. p. 1—10; 333—382.

F. DVORNÍK, *Deux inscriptions grecobulgares de Philippes.* Bulletin de Correspondances Helléniques. t. LII (1928). p. 125—147 — par В. БЕШЕВЛИЕВЪ. — *Изв. Ист. друж. Соф.* t. XI—XII. p. 361—371. (A)

КР. МИЯТЕВ, *Эпиграфические материалы изъ Преслава* — *Byz.-sl.* III. p. 383—403.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ, *Из славянской эпиграфики* (с 3 фиг.) — étude paléographique des matériaux épigraphiques de Preslav. Aux temps du tzar Syméon l'écriture slave connaît trois alphabets: le grec, le glagolique et le cyrillique. — *Док. Ак. Н. СССР*. В. 1930. № 3. p. 51—57. (A)

Κ. Μ. ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΠΟΥΛΟΥ, Ἐπιγραφὴ ἐκ τοῦ ναοῦ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου Μαγκούτη — après l'examen des inscriptions de deux plaques sculptées, provenant de l'église de St. Jean Mangouti à Athènes et qui remontent au XIIe siècle, l'auteur vient à la conclusion, que l'église fût fondée au XIe siècle. — Ἐπετηρὶς Ἐτ. Βυζ. Σπ. t. VIII. 1931. p. 244—255. (A)

В. Н. ЗЛАТАРСКИ, *Търновският над-*

писъ на Иванъ Асень II — histoire de la découverte et de la publication de l'inscription de Jean Assène II, taillée sur une colonne d'après son ordre en 1230 à Tirmovo. — *Бълг. ист. библ.* an. III. 1930. t. III. p. 56—64. (A)

ВЛАД. Р. ПЕТКОВИЧ, *Написи и записи у старим српским црквама* — inscriptions de l'église de Morača et sur les objets de son inventaire, datant de 1574 à 1861. — *Стар.* 1931. p. 79—86. (A)

Е. Ф. КАРСКИЙ, *Славянская кирилловская палеография*. 1928. Тит. л. + XIV + 944 стр. с. 125 табл. и многочисленными иллюстрациями в тексте — par М. СПЕРАНСКИЙ. — *Труды Инст. Слав.* t. I. 1932. p. 466—478. (A)

X. Sciences spéciales.

† ALBERTONI, A., *Diritto byzantino, diritti balcanici, diritto italiano* — Byzance a eu non seulement une forte influence sur la vie juridique de l'Europe méridionale, mais aussi sur celle des peuples slaves. En ceci, du point de vue juridique, l'Italie, Byzance et les Slaves forment une vaste area historique. Pour prouver cette thèse l'auteur présente une étude sur les boni homines — καλοὶ ἄνθρωποι. — *Studi Rumeni*. t. IV. 1929—30. p. 3—41. (A)

PAUL COLLINET, *La Règle de saint Benoit et la Législation de Justinien* — l'auteur complète la démonstration de Chapman, que la Règle de St. Benoit avait influencé quelques unes des lois de Justinien; il déclare que Justinien s'était probablement dès 530 tourné vers l'Occident et avait reçu la règle de son auteur ou l'a connue par l'intermédiaire du Pape. — *Revue hist. rel.* t. CIV. p. 272—278. (A)

А. В. СОЛОВЬЕВ, *Кара за убийство въ византийском и славянском правѣ* — étude du système pénal byzantin, slave et germanique, comparaison des lois divers; l'auteur constate l'influence réciproque du droit byzantin et slave, surtout dans la question de la peine capitale en cas de meurtre. — *Зап. Рус. Инст. Бѣл.* 1932. t. 7. p. 331—352. (A)

С. В. ТРОИЦКИЙ, *Нелегальное кровное родство, как препятствие к браку* — étude des règles canoniques et de la législation laïque byzantine et russe des mariages interdits à cause de la parenté, et par excellence les cas des enfants naturels et des bâtards. — *Зап. Рус. Инст. Бѣл.* t. 5. 1931. p. 335—348. (A)

HR. JAEGER, *Bericht über den Corpus Medicorum Graecorum* — des travaux entrepris pour continuer cette édition. — *Sitz.*

d. Preus. Ak. Öf. Sitz. 21. Jan. 1932. p. XXIX—XXXII.

(A)

ἈΡΙΣΤΟΤΕΛΟΥΣ Π. ΚΟΥ-
ΖΗ, Τὸ «περὶ τῶν ἐν ὁδοῦσι πα-
θῶν» ἔργον Νεοφύτου τοῦ Προ-

δρομηνοῦ — l'auteur publie le petit traité de Néophyte Prodrominos des maladies de dents et démontre, que cet ouvrage est en étroits rapports à celui de Galien. — Ἑπετηρίς Ἑτ. Βυζ. Σπ. t. VII. 1930. p. 348—357.

(A)

VÝMĚNOU DOŠLY

V DOBĚ OD 31. XII. 1931 DO 31. XII. 1932 TYTO ČASOPISY:

- Anale*: (București) LI.
Analecta Bollandiana: (Bruxelles) XLVI. (1928) — L. (1932).
Archiv orientální: (Praha) IV. (1932).
Ateneum Wileńskie: VII. (1930).
Boboslovija: (L'viv) VIII. (1930), IX. (1931).
**Bratislava*: (Bratislava) VI. (1932).
Bulletin of the New York Public Library: Vol. 36 (1932).
Byzantinische Zeitschrift: (München) XXXII. (1932).
Byzantion: (Bruxelles) VII. (1932).
Central'naja Evropa: (Praha) V. (1932).
Croatia sacra: (Sarajevo) 4 (1932).
**Časopis Matice moravské*: (Brno) 56 (1932), seš. 1—2.
Časopis Muzeálnej Slovenskej Spoločnosti: (Turč. S. Martin) 24 (1932), č. 1—2.
**Časopis Národního musea*: (Praha) CV. (1931), sv. 3—4, CVI. (1932), sv. 1—2.
**Časopis pro moderní filologii*: (Praha) XVIII. (1931/32), č. 2, 3, 4 XIX. (1932/33), č. 1.
Časopis za zgodovino in narodopisje: (Maribor) XXVII. (1932), 1—2.
**Československo-jihoslovanská revue*: (Praha) II. (1931/32) 5—10, III. (1932/33) 1—3.
**Doklady Akademii Nauk SSSR*: 1931.
Dom in svet: (Ljubljana) XLIV. (1931) 10, XLV. (1932) 1—8.
Dzvyony: (L'viv) II. (1932), č. 12.
Échos d'Orient: (Constantinople) 34, No. 164; 35, No 165—167.
Elpis: (Warszawa) V. (1931).
**Ἐπετηρίς Ἑταιρείας βυζαντινῶν σπουδῶν*: (Atheny) VIII. (1930), IX. (1931).
Eurasia Septentrionalis Antiqua: (Helsinki) VII. (1932).
L'Europa Orientale: (Roma) XII. (1932).
Glasnik istoriskog društva: (Novi Sad) 12 Kn. 5/2 (1932).
Godišnik na Sofijskija universitet: (Sofija) XXVII. (1931-32).
Hrvatska revija: (Zagreb) V. (1932).
Irénikon: (Prieuré d'Amay sur Meuse) IX. (1932) 1—5.
**Izvestija Akademii Nauk SSSR*: (Lenin-grad) 1932, Serija VII. 1—4.
**Izvestija na Seminara po slavjanska filologija*: (Sofija) VI. (1929), VII. (1931).
**Izvestija na Istoričeskoto družestvo*: (Sofija) XI.—XII. (1931—1932).
**Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*: (Breslau) VII. (1931) 4, VIII. (1932) 1—2.
Juridičeski pregled: (Sofija) XXXIII. (1932) 1—9.
**Knižnaja letopis*: (Moskva) XXV. (1931) 64—72, XXVI. (1932) 1—55.
Knyholjub: (Praha) V. (1931/32).
**Kwartalnik historyczny*: (Lwów) XLVI. (1932), I. 1—2, II. 1—2.
Letopis Matice Srpske: (Novi Sad) CVI. 331, 332, 333, 334.
**Listy filologicke*: (Praha) LVIII. 6, LIX. 1—5.
Ljetopis Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti: 43 (1929/30), 44 (1930/31), 45 (1931/32).
Lud: (Lwów) Serija II. T. IX., X.
Lud Słowiański: (Kraków) II. 2. (1931).
Makedonski Pregled: (Sofija) VII.
Le Monde Slave: (Paris) VIII. (1931), IV. 3, IX. (1932).
**Národopisný Věstník českoslovanský*: (Praha) XXIV. (1931) č. 3—4.
**Naše řeč*: (Praha) XVI. (1932).
**Naše věda*: (Brno, Praha) XII. (1931) 7—10, XIII. (1932) 1—8.
Naukovyj zbornik Tov. »Prosvita«: (Užhorod) VII.—VIII.
**Orientalia Christiana*: (Roma) XXVIII. 81, 82.

- **Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor*: (Beograd) kn. 12 (1932).
- Przewodnik historyczno-prawny*: (Lwów) R. II., N. 4 (1931).
- Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*: (Zagreb) 240, 242, 243 (1932).
- Revista istorică Română*: (București). Vol. II., fasc. 1—3 (1932).
- Revue des Études Slaves*: (Paris) XI., 3—4 (1931), XII. 1—2 (1932).
- Rivista di Letterature Slave*: (Roma) VI. 6 (1931), VII. 1—6 (1932).
- Rocznik slawistyczny*: (Kraków) X. (1931).
- **Rodna reč*: (Kazanlik) V. (1931) 3—6, VI. (1932) 1.
- Rozprawy historyczne*: (Warszawa) V. (1925/26), VI. (1927/28), VII. (1928 až 29), VIII.—IX. (1931).
- Ruch literacki*: (Warszawa) VII. (1932) 1—9.
- Ruch słowiański*: (Warszawa) IV. (1931) 3—6.
- Ruski arhiv*: (Beograd) XVI.—XVII. (1932).
- Sborník Matice Slovenskej*: (Turč. Sv. Martin) IX. (1931).
- **Sborník Muzeálnej Slovenskej Spoločnosti*: (Turč. Sv. Martin) XXVI. (1932).
- Sborník na B'lgarskata Akademia na naukite*: (Sofija) XXVII. (1931).
- Seminarium Kondakovianum*: (Praha) IV. (1931), V. (1932).
- **Slavia*: (Praha) X. (1931), seš. 4.
- Slavische Rundschau*: (Praha) IV. (1932).
- The Slavonic Review*: (London) X. N. 30, XI. N. 31.
- Slovanská knihovna*: (Praha) I. (1931) č. 3—4.
- **Sprawozdania Polskiej Akademji Umiej.*: (Kraków) XXXVI. (1931) 6—10.
- Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie*: XI. (1931) 1, 2, 3.
- **Starinar*: (Beograd) I. (1884), 3. serija knj. VI. (1931).
- Studi rumeni*: (Roma) I.—IV. (1929/30).
- Trudy Instituta slavjanoveděniia Akademii nauk SSSR*: I. (1932).
- Učilišten Pregled*: (Sofia) XXXI. (1932).
- Ungarische Jahrbücher* (Berlin) XII. (1932).
- **Věstník České Akademie věd a umění*: (Praha) XL. (1931) 8, 9, XLI. (1932), č. 1, 2.
- Věstník Král. čes. společnosti nauk*: (Praha) 1931.
- Wiadomości archeologiczne*: (Warszawa) XI. (1932).
- Wschód. L'Orient*: II. (1931).
- **Zapysky Naukovoho Tovarystva im. Ševčenk*: (Lwów) CLI. (1931).
- Zapiski Russkago Naučnago Instituta v Bělgardě*: 7 (1932).
- Zbornik za nar. život i običaje južnih Slavena*: (Zagreb) XXVIII. (1931) 1, 2.
- Zlatorog*: (Sofija) XIII. 1—7.

REJSTŘÍKY

k IV. ročníku sborníku Byzantinoslavica (1932).

Sestavila M. A. ANDREEVA (Praha).

(Bibliografie není pojata ani do jmenného ani do věcného rejstříku.)

REJSTŘÍK OSOBNÍ.

- Aaron, syn Jana Vlad. 136, 137
 Abgar, král edesský 435
 Abraham, bisk. frizinský 304, 317, 319, 320, 321, 322, 323, 330, 331, 332
 Abramovič, D. 215
 Adam, praotec 309, 314
 Agla, matka Alex. Čl. B. 367, 369, 370
 Achilles, vůdce marmid. 148, 151, 152
 Ainalov, Demetrius 469
 Akir »Premudrý« 224
 Akominatos, Niketas, dějep. byz. 178, 390
 Akropolites (Akropolit), Georgios, dějep. byz. 178, 446—447
 Albertus Aquensis (von Aachen), spisov. 145, 146, 336
 Alboin, král langobardský 216
 Al'bov, A. 451
 Aleksěj viz Alexis
 Alexander (Aleksandr) Nevský, sv., v. kn. 202, 425
 Alexander Ošvenský, sv. 423, 424, 425, 431
 Alexander Svirský, sv. 425
 Alexander IV, papež 178
 Alexander, král polský 441, 442
 Alexander Veliký, car makedonský 117
 Alexander, vévoda moldav. 345
 Alexander Patrykejevič, kn. starodubský 342
 Alexandrides, Fotios 281
 Alexis (Aleksěj), Člov. Boží, sv. 365 až 370, 405
 Alexis (Oleksij), sv. metrop. mosk. 210, 426, 429
 Alexis I Komnen, císař byz. 140, 142, 144, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 156, 158, 371—398, 445
 Alexis III Angel Komnen (Comnène, Komnin), císař byz. 222, 225
 Alexis II Komnen, císař trapezuntský 464
 Alexis III Komnen (Comnène), císař trapez. 464—465
 Alexis-Aleksěj Popovič, bohatýr 201
 Almazov, A. 188, 452
 Alousian, syn Jana Vlad. 136, 137, 445
 Amadeo Savojský, hrabě 221
 Ambal, vrah And. Boh. 399
 Ambrosios (Ambroise), metrop. moskev. 285
 Anacharsis, skyth. kn. 149, 378
 Anema, byz. úř. 387
 Andreeva, M. A. 66—84, 177—181, 181 až 183, 184—187, 215—216, 217—219, 219—221, 221—223, 223—225, 434 až 437, 438—442, 443—447, 462—468, 469—471
 Andrej, Andreas viz Ondřej
 Andronik, apoštol 43
 Andronik II Paleologos, císař byz. 162, 180
 Andronik III Paleologos, císař byz. 163, 172
 Angel, Jan, vojevůdce byz. 159
 Angel, Jan, synovec Konst. 164, 165, 166, 172
 Angel, Konstantin, syn Jana 161
 Angelovci (Angles) 388, 398
 Anna, matka Jana V Pal. 165
 Anna, despina epirská 161, 162, 163
 Anna, dcera Michala II 160
 Annios (Annij), patr. cařihr. 20, 21
 Anno, bisk. frizinský 230
 Antipa, sv. 429
 Antonios (Antonij) Pečerský, sv. 423, 431
 Antonios (Antonij) Sijský, sv. 425
 Apokaukos, úřed. byz. 163, 165
 Aretin, P. 303
 Archangel'skij, A. 288
 Arion, D. C. 463
 Aristoteles (Stagirit), filos. 155
 Arnaud, L. 188
 Arnim, von B. Dr. 126, 127
 Arsenios (Arsenij), bisk. lucký 336
 Arsenios II, arcib. ochridský 186
 Arsenios Tverský, sv. bisk. 426
 Artemios (Artemij) Verkolský, sv. 426
 Aseddin Kaikos II, sultán ikonský 179
 Asěn I (Assène), car bulh. 137, 443
 Asěnovci 178
 Assan, Andronik, vojevůdce byz. 439
 Athanasios (Athanase), sv. 282, 287, 458
 Athèna (Atina) 158

- Avraksas 436, 437
- Baibars, sultán egypt. 180
- Baitens, A. P. 206
- Bajazet II, sultán. tur. 440
- Baktiothos 436
- Balș, G. 463
- Bănescu, N. 445, 463
- Barbulescǔ, I. 224
- Barsov, N. P. 37
- Bartoli, M. 225
- Basil (Vasilij, Saint Basile le Jeune) Nový, sv. 55, 56
- Basil (Vasilij) II, Bulharobojca, císař byz. 181, 397, 443, 444, 463
- Basil, kněz 455
- Basil, pop bohů 376
- Baudouin de Courtenay, J. 306
- Baumgarten, de N. 466
- Baynes, Norman H. 215—216
- Becking 197, 201
- Bedřich 352
- Beés, N. 172
- Beneševič, V. N. 451
- Benois, Al. 208
- Benussi, A. 224
- Berdnikov, I. S. 451
- Bernhart, J. B. 319, 321
- Berneker, E. 302
- Bertholdus, comes 160
- Besnier 131
- Beševliev (Béchévlieff), B. 126, 127, 135
- Bidlo, Jaroslav 443
- Bilibin, I., malíř 207
- Blažej (Vlas), sv. 224
- Blemmydes (Vlemmid), Nikefor 178, 180
- Bobčev, S. 450
- Bodjanskij, O. M. 433
- Boemund Tarentský, vévoda norman. 147, 152, 155, 382, 388, 391, 392, 398
- Bogoslovskij, M. I. 451
- Bohišić, V. 198, 199
- Bojan 201
- Boleslav, kn. český 320
- Bolestraszycki, Kostka, písař a soudce přemýšl. 342, 354, 355, 356, 364
- Bondarenko, J. E. 206
- Bonifacios Monferratský, král soluňský 160
- Borila, car bulh. 137
- Boris I Michail, car bulh. 86, 135, 136, 137, 138, 231, 235, 378
- Boris II, car bulhar. 218
- Boris Vladimirovič, kn. sv. 48, 404, 405, 409, 413, 423, 426, 431
- Borovikovskij, V. L., malíř 206
- Bousset, W. 238, 239, 250
- Brancoveanu, Constantin (Branković), vévoda valaš. 463
- Branković, Jiří, desp. srb. 222, 440
- Branković, Jiří, hr. spisov. 222, 223
- Branković Jiří Jov., desp. srb. 471
- Branković, Lazar, bisk. černih. 455
- Brătulescu, V. 462
- Braune, W. 304, 307, 326, 331
- Brienne, de Gothier 162
- Briennios, Ivan 389
- Briennios (Vriennios, Vriennij), Nikifor, pretend., děd 152, 388, 389, 395, 398
- Briennios (Vriennij), Nikifor, otec, duka dračský 158, 388, 389, 390, 395, 396, 398
- Briennios (Vriennij), Nikifor, syn, panyperseb., kešař. dějep. 152, 153, 158, 383, 388, 389, 395
- Briennici 152
- Brim, A. 218
- Broch, Olaf 325, 333
- Brockhaus 202
- Bronskij, Christofor Filalet 454
- Brückner, A. 303
- Bruni 206
- Bučinskij, B. 451
- Budé, Guillaume 434
- Bujas, R. 224
- Bulić, Fr. Mgr. 175, 470
- Bulyčev, N. I. 412
- Burian, V. 309
- Buslaev, Th. I. 214, 424
- Butler 252
- Cabrol, F. Dom 208
- Cagnat 131
- Canossa, de Albertino, rytíř 160
- Canossa, de Rolandin, rytíř 160

- Cantacuzènes viz Kantakusenos
 Cantacuzino, Gh. 463
 Capart, Jean 434, 435
 Capidan, T. 462
 Cassian 252
 Claudius, císař římský 86
 Conev, B. 252, 318
 Constantin viz Konstantin
 Conybeare 188, 189
 Cotelier 238
 Crassus, M. Licinius, vojevůdce římský 86
 Crumm, W. E. 434, 435
 Curio, C. Scribonius 86
 Czerniewicz, Choděk, sluha 342
 Czerniewicz 354
 Cyrille viz Kirill
- Čacha, emir 139, 140, 142, 143
 Černogorec, Nikon, spisov. 191, 456
 Černorizec, Nil, spisov. 215
 Černov, V. M. 452
 Čirin, Prokopij, malíř 422
 Čremošnik, Gregor 224
 Čubatj, N. 454
- Dalmatin, Jiří 312
 Daničić, Jur. 210
 Daniil Halický, kn. 404, 410
 Daniil Zatočnik, spisov. 407
 David, prorok 16, 19, 283, 291, 293, 294
 David, patr. bulh. 444
 David, sv. kn. jaroslav. 426
 Davitheos 436
 Delahaye, H. 470
 Demjanczuk, W. 335, 341, 356, 362
 Derselas 123, 130
 Diakon, Lev, dějep. byz. 218
 Diels, P. 326
 Dietrich, K. 465—466
 Dimitr, sv. 392, 466
 Dimitr Carevič, sv. 429, 431
 Dimitr (Dimitrij) Prilucký, sv. 425
 Dimitr Rostovský, sv. 465
 Dimitr (Dimitrij) Ivanovič, kn. uhlický 441
 Dimitr (Dymitr) Korybut, kn. sěverský 340, 361
- Dimitr Olgerdovič, kn. brjanský 340
 Dimitr, bratr Theoph. Ochr. 371
 Dimitriou, A. 47
 Diocletianus, císař římský 131
 Diogen, Konstantin 151
 Diogen, Konstantin-pseudo 155, 382, 389
 Diogen, Lev 151
 Diogen, Nikifor, spiklenec 394
 Dionysos 124
 Dionysios z Furn viz Furnagrafiot
 D'jakonov, M. 451
 D'jakovič, Boris 446
 Dmitriev, A. D. 452
 Dmitrijevskij, A. 188, 189
 Dobrjanskij, F. 237
 Dobrotica, vlad. Dobrudži 219
 Dobrovský, J. 2, 8, 9, 11, 303, 304, 306, 322, 331
 Dobschütz, E. 10
 Doksov, Theodor, kopista 286, 287, 458, 459
 Dölger, Franz 177—181, 465
 Domaszewski, v. A. 131, 132
 Domentian, spisov. srbský 222
 Dominik, kněz 470
 Domživa Ljutkovič, Pavel 192
 Dowgard, písař 353, 364
 Drăganu, N. 462
 Drăghiceanu, V. N. 463
 Dragij, kněz 233
 Dragoľ, kněz 65, 66
 Dragosynowicz, Maksym 351
 Drimis, Lev, katepan Bulh. 388, 398
 Du Cange, du Fresne 404, 405
 Duka, Andronik 384
 Duka, Ivan kesar' 384
 Duka, Ivan, duka bulh. 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 380, 382, 384, 386, 387, 396
 Duka, Konstantin, nač. Vardar. kr. 159, 372
 Duka, Marie, dcera Andr. 384
 Duka, Michal, protostrator 158, 372, 381, 382, 383, 384
 Duka, Stefan 166
 Duka, Theodora, dcera Andr. 384
 Dukovci 143, 144, 385, 386

- Durnovo, Nikolaj 224
 Dvorník, Fr. 330, 462
 Efrem Syrský, spisov. 301
 Egilbert, bisk. frizin. 321, 322
 Egorov (Jegorov), A. E. 208
 Elisabeta, choť Zav. z Falk. 471
 Engel 224
 En Nuaveiri, spisov. arab. 180
 Epifanos, sv. spisov. 286
 Étienne viz Stefan
 Eudokia, choť Konst. X 151
 Eudokia Ivanovna, dcera Sof. Pal. 441
 Eugenios (Evgenij), metr. 202
 Euthymios (Evfimij), patr. cařihr. 184
 Euthymios (Evfimij), patr. trnovský 446
 Euthymios, mnich 284
 Evfimij, otec Al. Čl. B. 367, 368, 369, 370
 Ezechiel, prorok 149
 Faivre, A. 281
 Falke O. 400, 408
 Farlati, D. 183
 Februn, vévoda přemýšlský 354
 Fehér, G. 124, 125, 126, 129
 Feodosij viz Theodosios
 Fevronia-Eufrosinie, sv. 426
 Fichtner, Fritz 202—205
 Fiedor viz Theodor
 Filipp, metrop. moskev., sv. 426
 Filipp I, král. franc. 393
 Filippov, A. 451
 Filothej viz Philotheos
 Filov, Bogdan 123, 175, 176, 458, 468 až 469
 Finetti, I. 374—396
 Flamandez, Flamenc le, Antonios, rytíř, baili 161, 162
 Floresko, D. 463
 Florinskij, T. D. 316
 Foka, císař byz. 217
 Fokas (Phokas), bisk. filad. 179
 Fotios (Fotij, Photios), patr. cařihr. 22, 23, 34, 236, 238, 239, 250, 252, 455, 456
 Frangopoulos, učitel byz. 178
 Fränkel, M. 132
 Franko, Ivan 191
 František (Francíšek), sv. 306
 Frček, Jan 187—190, 208, 223, 225, 432 až 434, 471
 Fuchs, Fr. 179
 Furnagrafiotes, Dionisios, spisov. 225, 463
 Gabriel (Gavriil), arch. 436
 Gabriel Ramodir (Gavriil), car bulh. 445
 Ganey, Louis 281
 Gardner, Alice 179
 Gaspard, bisk. breslav. 280
 Gaugin, malíř 207
 Gavr, Grigorij 151
 Gavr, Teodor, duka trapezunt. 151
 Gavrilopoulo (Gabrielopoulos), rod. thes. 160, 172
 Gavrilopoulo, Michal 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 172, 173
 Gavrilopoulo, Stefan 163
 Ge, N. N. malíř 207
 Gebhard, biskup řezenský 322
 Geisa, král uher. 445
 Gelzer, H. 450
 Genrich viz Jindřich
 Georgios, sv. 123, 466
 Georgios (Georges) Terter, car bulh. 136
 Georgios (Georgij) Ivanovič, kn. dmitr. 441
 Georgios (Jurij) Ivanovič, kn. smolen. 344
 Georgios (Jurij) Korjatovič, kn. lit.-rus. 336
 Georgios (Jurij) Narymontovič, kn. lit.-rus. 336
 Georgios (Georgij) Vladimirovič, kn. syn VI. M. 415
 Germanos II, patr. cařihr. 184
 Gesemann, G. 196, 198
 Getz, L. K. 450
 Ghiko-Budești, N. 463
 Gil'ferding viz Hil'ferding
 Gjurgi 407
 Glaser 304, 317
 Glava, Jan, archont 160
 Glěb Vladimirovič, sv. kn. 48, 404, 405, 409, 413, 423, 431
 Glocke, N. E. 303, 309, 316, 317, 327, 332

- Gložen, kníže 220
 Glušickij, Daniil, malíř 427
 Gniewosz, starosta ruský 354
 Goar, J. 188, 189
 Godfrid Lotrinský, vévoda 152, 394
 Golubinskij, E. E. 451, 452, 456
 Gončarov, malíř 207
 Gorčakov, M. I. 451, 452
 Gordinskij, Jaroslav, Dr. 190—194
 Gorskij, A. V. 14, 211, 253, 282, 284, 287, 288, 289, 292, 295, 297, 298, 299, 300, 301
 Goso, hr. 223
 Gospodinov, I. 458
 Grabar, Igor 207
 Grafenauer, Ivan 304, 309, 317, 325
 Gramatik, Volodislav 213
 Grecu, V. 225, 463
 Grégoire viz Řehoř
 Gregoras (Grigora), Nikefor 178, 179
 Grek, Arsenij, spisov. 365
 Gridko Konstantinovič 340
 Grigorij viz Řehoř
 Grigorovič, V. J. 253, 254, 282, 284, 288
 Grimm, G. D. 206, 304
 Grodecus, Jan 280, 281, 282
 Gubka, Ivan, protodiakon 354
 Guillaume II Villeharduin, pr. achaiský 160, 438, 439
 Guiscard, Robert, vévoda norman. 141, 142, 382
 Gusel'nikov, Athanasij Fedotov 422, 431
 Gušić, B. 224
 Hakkel (Gakkel'), A. 469—470
 Halecki, O. 221
 Hamartolos (Hamartole, Amartolos) Georgios, dějep. byz. 37, 38, 43, 55, 56, 300
 Harald Hardraad, kr. norský 445
 Hattala, M. 304, 309
 Hauptmann, L. 216, 224
 Havet, L. 433, 434
 Heisenberg, A. 177
 Hektorovič, P. 198
 Hélène, dcera S. Pal., choť Al. Pol. 441, 442
 Hélène, dcera Tom. Pal. 440
 Héra 129
 Heraclès (Herkules) 123, 130, 381
 Heraklios (Iraklij), cí. byz. 65, 66
 Hieroklès, spisov. byz. 132, 133
 Hil'ferding, A. F. 223
 Hołowacki 349
 Holszańskij, Ivan Olgimuntovič, kn. 342
 Homeros (Omir), poeta 152, 157
 Honorius, arcib. ří. 369
 Hopf, K. 438, 442
 Hopfner, T. 239, 250, 252
 Hordianus (Gordian), cí. byz. 123
 Horos 435
 Hosius, bisk. emerland. 280
 Hrušev'skij (Gruševskij), M. 201, 336, 354, 356, 451
 Hube, dcera Ksav. Liska 356
 Hus, Jan 44
 Hýbl, Fr. 134, 443
 Chalanskij, M. G. 200
 Chanenko 405
 Charles viz Karel
 Chrisofakt, Konstantin, praetor 141
 Chlapen, srb 166
 Chodek 351
 Chomatianos, Demetrios, arcib. 160, 184
 Christos viz Kristus
 Iafet 37
 Iakinthos, metrop. Ugrovlachii 462
 Iasita, fin. úřed. 374, 375, 376
 Ibrahim-ibn-Jakub, spisov. arab. 415
 Ieremia viz Jeremiáš
 Igor' Rjurikovič, kn. kyjev. 46, 47, 49, 182, 406
 Igor' Svjatoslavovič, kn. severský 201
 Il'inskij, G. A. 42, 213, 221, 302, 450
 Illarion, metrop. kyjev. 51, 52
 Innocentius III, papež 136
 Inostrancev, K. 415
 Ioann (Sokolov), bisk. 451
 Ioann viz Jan
 Iona, metrop. moskev. 426
 Iona, metrop. rostov. 421, 422
 Iordan, spisov. gothský 216
 Iorga, Nik. 185, 224, 445, 462

- Iosaf, kníže sv. 425
 Iosif viz Josef
 Iraklij viz Heraklios
 Iriart 188
 Iréne (Irina), choť Alex. I Kom. 139, 382, 384, 396
 Iréne, dcera Andr. II. 162
 Iréne, choť Preljuba 166
 Isaak I Komnen, cí. byz. 463
 Isaiáš (Isaja), prorok 19, 290, 295, 300
 Isida 435
 Isichios Jerusalemský, koment. žalt. 28, 29
 Isperich, chán bulh. 112
 Istrin, V. M. 36—57, 298
 Iščak, A., kněz 451
 Ivaňlo, car bulh. 137, 138
 Ivan III Vasilievič, v. kn. moskev. 411, 421, 441, 442
 Ivan IV Vasil'evič, Hrozný (le Terrible), car mosk. 205, 441, 442
 Ivan, sluha 336
 Ivan, vévoda lucký 336
 Ivan viz Jan
 Ivanov, Andr., malíř 206, 207
 Ivanov, Iordan Prof. 131, 132, 133
 Ivanova, Věra 227—235
 Ivič, S. 224
 Izjaslav Mstislavovič, v. kn. kyjev. 407, 409
 Jacimirskij, A. I. 23, 236, 250, 252
 Jagić, V. 27, 28, 214, 223, 232, 298, 303, 305, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 313, 314, 315, 318, 323, 331, 332
 Jakobson, R. 194—202
 Jakšiči, bratři 200
 Jakun, varjag 405
 Jan (Ioann) Damaskin, sv. 63, 191
 Jan Křtitel, sv. 203
 Jan Zlatoustý, sv. 215
 Jan (Ioann) Jurodivij-Ust'južskij, sv. 421, 422, 427, 428, 430
 Jan Klimax (Lěstvičnik), patr. cař. sv. 445
 Jan Novgorodský, arcib. sv. 426
 Jan Voin, sv. 429
 Jan VIII, papež 320
 Jan z Dibry, patr. bulh. 444
 Jan Scholastik, patr. cař. 456
 Jan (Ioann), metr. kyjev. 457
 Jan, bisk. lucký 344
 Jan (Ioann) Cimischios, cí. byz. 181, 444
 Jan II Komnen, cí. byz. 147, 390
 Jan III Duka Vatatz, cí. byz. 178, 179
 Jan IV Duka Laskaris, cí. byz. 180
 Jan V Paleologos, cí. byz. 164, 221
 Jan VI Kantakuzenos (Kantakuzin, Cantacuzène) 163, 164, 165, 166, 168, 172, 173, 439
 Jan VIII Paleolog (Paleologue), cí. byz. 439, 440
 Jan Alexandr, car bulh. 137
 Jan II Asěn (Ivan, Assène II), car bulh. 136, 137, 221, 445, 446
 Jan Šisman (Ivan Chichman), car bulh. 137
 Jan Vladislav (Ivan Vladislav), car bulh. 136, 137, 139, 382, 383, 396
 Jan II Angel, sebastokrator patřský 160, 161, 162, 172
 Jan (Johannes), překladatel 236, 238
 Jan (Jean l'Exarque) Exarch, spisov. bulh. 284, 285, 289, 293, 299, 301
 Janežič, A. 303, 304
 Janko (Ugrin) 198, 199
 Jano, Zvěno, kovář 231, 232, 233, 235
 Jaropolk II Vladimirovič, kn. 402, 404
 Jaroslav Vladimirovič, Moudrý, v. kn. kyjev. 55, 57, 402, 409, 414, 454, 456, 457, 466, 467
 Jaroslav Vladimirovič, kn. 402
 Jarošenko (Jaroszenko), W. 335
 Jasinskij, M. N. 451
 Jason, tyran ferský 159, 162
 Javorskij, J. A. 365—370
 Javnuta, kn. lit. rus. 336
 Jean viz Jan
 Jegorov viz Egorov
 Jeremiáš (Ieremia), patr. cař. 457
 Jindřich (Genrich), cí. latinský 160
 Jindřich II (Genrich), cí. něm. 320
 Jireček, K. (Ireček) 124, 126, 127, 130, 134, 224, 443
 Johannes viz Jan
 Josef (Iosif) Volockij, spisov. rus. 453

- Jugasevič, Jan 365, 366
Jugie, M. 450
Jurij viz Georgios
Justin II, cí. byz. 216
Justinian I (Justinien), cí. byz. 73, 131, 133, 216
Juško (Juszko), písař 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 364
Juškov, S. 451, 452

Kabasilas, Alexander, duka skop. 139, 396
Kacarov (Kazarow), G. 119, 122, 124
Kačenovskij, V. D. 201, 202, 222, 223
Kalajdovič, I. F. 284, 288, 301
Kalojan (Kaloyan), car. bulh. 135—138, 233
Kalojan, sebastokrator bulh. 233, 403
Kalothet, Theodot, duka 180
Kamatiros, Georgios 147, 148, 149, 374
Kanic 126
Kantakuzenos, Démétrios, desp. mor. 439, 440
Kantakusenos, Matiaš, spolucís. 439
Kantakusenové (Cantacuzènes) 439
Kapozzo, Petr, kardinál 178
Karaman, L. 175
Karamzin, N. 442
Kardja, C. J. 463
Karel Veliký, cí. řím. 321, 332
Karel IV, cí. něm. 15, 471
Karel z Anjou, král sicil. 438
Karike (Kariki, Nikita), Niketas, duka bulh. 146, 147, 152, 153, 397
Karpov, G. 213, 214
Karskij, E. F. 58, 59, 64, 213, 286, 339, 342, 356
Karcevskij (Karzevskij), S. 195
Kassiodor, spisov. 216
Kavvadias 132
Kazimír (Kazimirz) Veliký, kr. pol. 336, 339, 369
Kekavmen, Katakalon, vojevůd. a spis. byz. 445
Kidrič, Fr. 325
Kiejstut, v. kn. litov. 336
Kiepert, H. 127, 130
Kijská, Jachna 360

Kinnamos, Jan, spisov. byz. 380, 390
Kiril (Kirill, Kirilo, Cyril, Konstantin Filosof), sv. 1, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 41 až 42, 43, 52, 229, 308, 318, 330
Kiril Běloserský, sv. 422, 427, 431
Kiril Jerusalemský (Cyrille de Jérusalem), sv. bisk. 253—302
Kiril III (Cyrille), metr. kyjev. 284
Kiril Turovský, metr., spisov. 284, 411
Klavidij viz Claudios
Kleinmayer 304
Klement (Kliment) Slověnský, sv. 186, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 320, 323, 324, 330, 331, 332, 333
Klement (Kliment) Veličský, sv. 15
Kleopas, Dionysios 281,
Ključevskij, V. O. 449
Kocel, kníže 45, 52, 308, 320
Kodin, spisov. 464
Koloman, král chorvat. 165
Komitopulové, bulh. dynastie 444
Komnen, Adrian, vel. domestik 148, 151, 152, 153, 156, 378
Komnen (Komnin), Alexis, syn sebastokr. Is. 371, 391, 396
Komnen (Komnin), Isaak, sebastokr., bratr Al. I 142, 151, 371, 379, 384, 387, 391, 396, 397, 398
Komnen (Komnin), Ivan, duka drač., syn seb. Is. 142, 143, 144, 148, 371, 372, 373, 374, 377, 391, 392, 393, 398
Komnen (Komnin), Konstantin, syn seb. Is., duka berský 371, 372, 373, 374, 376, 377, 380, 383, 384, 386, 387, 397, 398
Komnen, Thomas, vévoda zetský 222
Komnena (Komnina), Anna, spisov. byz. 142, 143, 147, 151, 152, 154, 374, 375, 382, 384, 389, 390, 391, 392, 393, 397, 445
Komnena, Eudokia, sestra Adr. Komn. 151
Komnena, Marie, sestra Adr. 151
Komnena, Theodora, sestra Adr. Kom. 151
Komnena, Zoe, choť Adr. 151
Komneni 143, 144, 385, 386, 388
Kondakov, N. P. 202, 402
Kononov, N. N. 68

- Konstantia, sestra Konst. V. 222
 Konstantia, choť Jindř. VI 464
 Konstantin Veliký (Constantin the Great),
 cís. byz. 86, 215—216, 222
 Konstantin VII Porfyrogenetos (Bagrja-
 norodnyj), cís. byz. 135, 181, 183, 224,
 464
 Konstantin IX Monomachos cís. byzant.
 463
 Konstantin X Duka, cís. byz. 151, 384
 Konstantin XI (Constantin Paléologue)
 Paleologos, cís. byz. 440
 Konstantin Asěň, car bulh. 136, 137
 Konstantin, sv. kn. jaroslav. 426
 Konstantin (Constantin), beg 134
 Konstantin, hegyemen. stud. 223
 Konstantin Bulharský, bisk., spisov. 199,
 286, 287, 299
 Konstantin Kostenský, spisov. 213
 Kopistens'ky, Zach. 192
 Kopitar, B. 303, 304, 306, 309, 316, 318,
 319, 331
 Köppen, P. J. 303, 304
 Kos, Milko 224, 318, 321, 322, 323, 324,
 326, 330, 332
 Kosma Kitijský, arcib. ochrid. 186
 Kosma (Kus'ma), bojar 399
 Kovševič, R. 447, 451
 Kozeniáci, Jurko 351
 Kozierowskij 218
 Kransnoseľcev 188
 Krasnožen, M. 451, 452
 Kresmir, kn. hrvat. 183
 Kristus (Christ, Christos, Iisus) 137, 203,
 289, 377, 419, 420, 430, 435, 436, 449,
 469; Emmanuel 419, 420, 430
 Kronios, presb. nitrský 239
 Kropp, Angelicus, M. 434—437
 Krotoskij 218
 Krum, chán bulh. 126, 129, 443
 Krumbacher, K. 177
 Krymskýj, A. 335, 356, 361
 Kuba, Ludvík 470—471
 Kul'bakiň, St. 190, 211, 233, 288
 Kunhuta, král. česká 471
 Kuraszkievicz, Władysław 335—364
 Kutisz, Ignat 344
 Lamanskij, V. I. 48
 Lambin, Michal 380
 Lami, J. 139, 141, 142, 153, 157, 372, 374,
 377, 378, 380, 381, 386, 387, 388, 396,
 398
 Larsa, de Guilelmo, rytíř 160
 Laskari, dynastie byz. 177, 180
 Laskaris, Konstantin 178
 Laskaris, Michal 221
 Laškarev, P. A. 451
 Latkin, V. N. 451
 Laurent, V. 137, 138, 397
 Lavrov, P. A. 13, 14, 15, 16, 19, 21, 59,
 317
 Lavrovskij 288
 Lazar, sv. žebrák 407, 408 409
 Lazar, parik 382
 Lazar Branković, desp. srb. 440
 Lazar Grebelianović, kn. srb. 223
 Leake, W. M. 131
 Lebedev, Amf. S. 452
 Lehr-Splawiński, T. 325
 Leib, B. 450
 Lénard, Leopold 317
 Lenin, N. I. 214
 Lenko, starosta žydačovský 356, 357
 Leon-Lev VI, cís. byz. 182, 219, 405, 406
 Leon (Lev) Magister, dipl. byz. 444
 Leonid, archimandrit 290
 Leontios (Leontij) Rostovský, sv. metrop.
 426
 Leontović, Th. I. 451
 Letts 465
 Licinius (Licinij Mučitel'), cís. řím. 222
 Lichačev, N. 422, 428, 430
 Lisios (Lisij), retor řecký 387
 Liska, Ksaver 356
 Ljapunov, B. M. 301, 308
 Lotoc'kyj, A. I. 447—457
 Lubarta (Dymitr), kn. lit. rus. 336
 Luculla, Marcus, vojevůdce řím. 86, 127
 Ludmila, sv. 15
 Lukari, Petr 224
 Lusignan, de Gui 163
 Lydos (Lid), Jan, spisov. byz. 73
 Máchal, J. 317

- Majkov, A. A. 223
 Makarios (Makarij), metrop. moskev. 421, 424, 451, 453
 Makarios (Makarij), Želtovodský, sv. 425
 Makedonští, dynastie byz. 181
 Makferson 202
 Makrembolites (Makremvolit), náčeln. presp. 380
 Makrembolites, Dimitr 380
 Makrembolites, Jan 380
 Maksim viz Maxim
 Makušev, V. 185
 Malamir, chán bulhar. 122
 Malatesta, Cleopa, choť Th. II Pal. 442
 Malchas, spis. byz. 133
 Malinovskij, I. A. 451
 Matkowski, K. 303
 Malvi, A. 450
 Mamonas, Pavel, arch. 440
 Manassēs, prorok 293
 Manasias, dějep. byz. 59
 Mansvetov 188
 Manuel (Manuil) I Komnen, cí. byz. 147, 467
 Manuel II Paleolog, cí. byz. 184, 222, 439, 440
 Manuel, bisk. 414
 Manuel, dioiketos 164
 Marek, sv. evangelista 3, 304, 331
 Mark Aurelius, cí. řím. 463
 Maretič 195, 196
 Marie Panna (Maria,, Bohorodice) 135, 137, 144, 203, 207, 386, 420, 422, 429, 435, 436, 437
 Marie, choť Mich. VII Duki 394
 Marie, dcera Iv. Vlad. 383
 Marina, sv. 123
 Marn 304
 Marko kralevic, syn Vukaš. 195, 223, 471
 Martin V, papež 442
 Matič 196
 Matouš (Matthěj), ap. 436
 Matouš (Matvěj), arcib. ochrid. 184, 186
 Maurikios (Mavrikij), cí. byz. 217
 Mavrodinov, N. 113
 Maxim (Maksim) Grek, prepod. 422, 430
 Maxim Moskevský, sv. 427
 Maxim, metrop. 457
 Maxim (Pečanin, Gavrilovič), bisk. pečujský 69, 74, 75
 Maxim, metrop. plovdiv. 219, 447
 Mazaris, spisov. 440
 Mazon, A., prof. 10, 201
 Meester, de Plácido, R. P. D. 187—190
 Meillet, M. 10, 195, 200, 300, 301
 Meletios (Melitij) Nový, sv. 147
 Melissino, rodina byz. 160, 172
 Melissino, Jan, archont 167
 Melissino, Nikifor, kesar' 151, 389
 Merkel 304
 Mesopotamit, Georgios, duka pilep. 151
 Metod (Metoděj, Metodij, Méthode, Methodij), sv. 1, 13, 14, 15, 21, 30, 31, 35, 43, 52, 229, 308, 318, 320, 325, 330
 Metod (Méthode d'Olympe), bisk. olymp. 29, 299
 Meursius, Jan 147, 149, 150, 151, 153, 156, 158, 371, 378, 381, 382, 383, 384, 388, 395, 396, 397, 398
 Meyer, K. H. 326
 Migne 153, 238, 295, 376
 Michajlik 201
 Michal, archistratig-archand. 163, 436
 Michal, sv. kn. černihov. 179, 426
 Michal Klopský, sv. 425
 Michal Kerularios, patr. cařihr. 380
 Michal III, cí. byz. 137, 138
 Michal IV Paflagonský, cí. byz. 380
 Michal VII Duka, cí. byz. 394
 Michal VIII Paleolog, cí. byz. 164, 177, 180, 439
 Michal IX Paleolog, spolucí. byz. 180
 Michal II Asén, car bulh. 446
 Michal II, despot epirský 160
 Michal, kn. zachlum. 183
 Micheas (Michej), prorok 19
 Mijatev, Kr. 119, 121, 124, 125, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 457—461
 Miklosich (Miklošič), Fr. 24, 198, 209, 284, 298, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 316, 317, 331
 Mikuláš I, car ruský 206
 Milaš, Nikodim, bisk. 450, 456
 Miletič, L. 124

- Miliorani, B. 225
 Miller, Fr. 462
 Miller, Vsevolod 232, 438, 440, 442
 Milles, Thomas 281
 Millet, Gabriel 202
 Milojević, M. 222, 223
 Miloš, vévoda srb. 195
 Miljutin viz Stefan Mil.
 Mionnet 132
 Miroslav, kn. hrv. 183
 Misigo, kn. pol. 320
 Mladenov, St. 212, 213, 325
 Mogila (Mohila), Petr, metrop. kyjev. 192, 454, 456
 Mojžíš (Moisej), pror. 20
 Molochěj, písař 344
 Monomachos, Georgios 142
 Monomachos, Michal, eparch 163
 Morel, Guillaume 281
 Morozov, T. S. 213
 Moschopoulos, Daniel 462
 Moschos, Jan 239, 252
 Mošin, V. A. 218
 Mroček-Drozdovskij, P. N. 451
 Muralt, Ed. 392
 Murko, M. 194, 308, 309, 317
 Müller, K. 131, 133
 Muszacij, Iwan 346
 Mušmov (Mouchmoff), N. A. 132, 135 až 138
 Mutafčiev, P. 185, 218, 219—221, 231, 235
 Mužykovič (Muzykowicz) 354
 Myslivec, J. 202—205, 205—208, 418 až 431, 468—469
 Myščycow (Myszczyzow), Piotr, kuchmistr 346
 Nachtigal, R. 304, 309, 314, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 330, 331, 332, 333
 Nagy, I. 224
 Nandris, Gr. 462
 Naršachi, spisov. 415
 Narzes, vojevůdce byz. 182
 Natalia, sv. 420
 Nau, F. 25, 252
 Naum, sv. 186
 Nečevič, Esko (Nesczewicz, Eško) 352
 Nekraševič, St. 194
 Němaniči (Niemanides) 173
 Nemira, starosta lucký 346, 347
 Nenila 200
 Nestor, bisk. rostovský 415
 Nestor, letopisec ruský 38, 39, 45, 48, 55, 57, 413, 414
 Nestorov, M. V., malíř 207
 Nešvidzki (Nešwidzki), Feďko, kníže 345
 Nevostruev, K. I. 14, 253, 282, 284, 287, 288, 289, 292, 295, 297, 298, 299, 300, 301
 Niederle, Lubor 39
 Nifont (Niphon), sv. 301
 Nifont, arcib. novgorod. 415
 Nikefor (Nikifor) I, cí. byz. 443
 Nikefor II Fokas, cí. byz. 181, 218
 Nikefor III Votaniates, cí. byz. 139, 142, 144, 152, 389, 396, 397
 Nikefor II, despota epirský 163, 165
 Nikefor (Nikifor) 424
 Nikerites, Leon, vojevůdce byz. 147
 Niketas (Nikita), sv. 429
 Niketas, chalked, jáhen 383, 384
 Niketas Novgorodský, bisk. sv. 426
 Niketas Perejaslavský, sv. 425
 Nikodim Chosjugský, sv. 425
 Nikodim Kozeoserský, sv. 425
 Nikolskij, N. K. 36, 37, 39, 41, 42, 48, 50, 53, 56
 Nikolskij 202, 208
 Nikon Radonežský, sv. 425
 Nikov, P. 122, 127, 179
 Nil Stolbenský, sv. 425
 Nireos (Nirej) 148
 Noha, M. 10, 309, 316, 331
 Noe, praotec 149, 285
 Novak, G. 224
 Novakovič, St. 76
 Nović, I. 196
 Oblak, V. 304, 308, 309, 312, 319, 325, 327, 331
 Obrétěnoff, M. N. 135
 Odalschalk, obhájce friz. 322

- Ohienko, Ivan 190—194, 209—210, 210 až 211, 211—212, 212—213, 213—214, 214—215
- Okunev, N. L. 186, 457—461
- Oleg, v. kn. kyjevský 47, 182, 407
- Oleg Ivanovič (Iwanowicz), kn. rjazanský 336, 340, 361, 363, 364
- Olechno 342
- Olga, v. kn. kyjevská 51, 52, 407
- Omortag, chán bulh. 86, 90, 113, 122, 126
- Ondřej (Andrej), apoš. 51
- Ondřej (Andrej) Bogoljubský, v. kn. kyjevský 399, 402, 403, 409, 410, 416, 456, 457
- Ondřej (Andrej) Ivanovič, kn. starický 441
- Onorij viz Honorius
- Opolski, Władisław 354
- Orbini, Mauro, spisov. dubr. 222, 223
- Orlov, M. I. 433
- Ortiz, R. 462
- Ostroumov, M. A. 451, 452
- Otto II, cí. něm. 320
- Otto III, cí. něm. 321
- Paflagonec, Leo, bisk. ochrid. 444
- Pafnutij Borovský, sv. 426
- Pachomij Kenský, sv. 425
- Pachymeros, Georgios, spisov. byz. 178, 180, 438
- Paisios (Paisij), mnich 66, 68
- Paleolog, Dimitr, desp. mor. 440, 442
- Paleolog, Georgios, protoasikrit 384
- Paleolog, Konstantin, syn Ondřeje 442
- Paleolog, Ondřej, syn Tom. 442
- Paleolog, Sofia-Zoe, dcera Tom. 441, 442
- Paleolog, Theodor I, desp. mor. 439, 440
- Paleolog, Theodor II, desp. mor. 440, 442
- Paleolog, Tomáš, desp. mor. 440, 442
- Paleologové 73, 74, 163, 181, 439, 442, 467
- Palladios 239
- Pankratios, sv. 183
- Panselin, malíř 204, 225
- Pantechini, Ivan, magistr 381
- Pape-Benselor 132
- Papp-Szilágyi, J. 450
- Pappadopoulos-Kerameus, A. 225
- Paradunavios, Basil (Vasil), magistr 445
- Paraskeva, sv. 446
- Parland, archit. 206
- Pavel, ap. 16, 20, 39, 42, 43, 44, 51, 52, 288, 289
- Pavel, metrop. smederov. 184
- Pavel, chartofylax 458, 459
- Pavel Obnorský, sv. 425
- Pavlov, A. S. 451, 455
- Pavlovič, Alexis, presb. Černjanskij 366
- Pavlovič, A. I. 366, 367, 370
- Pavlovič, I. A. 367
- Pavloviči 367
- Pelagius, překl. 236, 238
- Pelesch, I., bisk. 450
- Peretz, V. 69, 75, 201, 202
- Pertz, G. 304
- Perthes, J. 131
- Peščanskij, Vl. 470
- Petit, L. 392
- Petr, apoš. 420, 435
- Petr, metrop. moskev. 426, 457
- Petr, car bulh. 136, 443
- Petr, vévoda moldavský 344
- Petr Alexandriský, sv. 469
- Petr-David, kn. sv. 426
- Petr-Deljan, car bulh. 445
- Petr Lukaris, patr. cař. 456, 457
- Petr Veliký, car ruský 205
- Petralif, Theodor, archont 160
- Petranu, Karolian 463
- Petrov, A. L. 452
- Petrov, N. I. 456
- Pěvcov, V. G. 451
- Petrov-Vodkin, K. S., malíř 207
- Photios viz Fotios
- Philotheos (Filothej), protoatriklin 182
- Pierling, P. 442, 450
- Pierre viz Petr
- Pilecka, Jadwiga 342, 354
- Pimen, mnich zografský 220
- Piotr viz Petr
- Pirchegger, Simon 303, 305, 309, 318, 326, 327, 328, 329, 330, 333
- Prijevec, August 317
- Piscia, Rolando, rytíř 160

- † Platonov, S. F. 218
 Pléthon, Gemistos, filosof byz. 440
 Pogodin, A. L. 218
 Pogorelov, Valerij 13—21
 Pokrovskij, S. I. 202, 206
 Połagicz, Kuncer 344
 Polotskij, Symeon, spisov. ruský 284
 Polydamas 159
 Popov 314
 Popov, Raf. 89
 Popović, P. 223
 Popović, P. 317
 Popruženko, M. 210
 Preljub, kesar' srb. 159, 166, 173
 Preobraženskij, M. T., archit. 206
 Prévost, Jean 281, 285
 Pribunja, ban bosen. 183
 Prijatelj, Ivan 317
 Prodróm (Ptochoprodrom), Theodor, spisov. byz. 147
 Prochorov, V. 402, 403, 410
 Prokofievič, Paško (Prokofiewicz, Paszko) 347
 Prokopios (Procope de Césarée, Procopius, Prokopij), spisov. byz. 131, 132, 133, 216, 404
 Prokopios (Prokopij) Ustuzský, sv. 418, 419, 420, 421, 422, 424, 430
 Protič, A. 124
 Přemysl Ottokar II, král český 471
 Ptašyckij (Ptażycki) 336, 340, 344, 361, 363, 364
 Ptolomeios (Ptolomej, Claude Ptolomée), zeměpisec 70, 133, 252
 Pypin, A. N. 70, 306
 Rački, F. 223
 Radivoj, ktitor 220
 Radivonkova, Anna 354
 Radojčić, Nikola 222—223
 Radomir Aaron, syn Aarona 137
 Radziejowski, Petr 354
 Radziwiński 356, 364
 Ramovš, Fr. 306, 314, 318, 319, 324, 325, 326, 328, 329, 332, 333
 Rasterelli, V., archit. 205
 Regel, V. E. 450
 Reischl 254, 281, 283
 Relković 200
 Rešetar, Milan 223, 224
 Rikard, kardinal 178
 Rjabušinskij, P. 420
 Robinson, Gertrude 464
 Roe, Thomas 281
 Roerich, N. K. 207
 Roche, de la, arcivév. athenský 160
 Roche, de la Guido, arcivév. athen. 161, 162, 165, 172
 Roman I Lekapen (Lecapenus), císař byz. 181—183
 Roman IV Diogen, císař byz. 151
 Rostislav, kn. moravský 44—45, 52
 Rostislav Michailovič, kn. rus., ban Mačvy 179, 446, 471
 Rostislav Mstislavovič, kn. smolenský 414
 Rostislav Vladimirovič, kn. 406
 Rosweyd 236
 Roth, K. 394
 Rouillard, G. 465
 Rozov, W. 175—177, 335, 336, 338, 339, 340, 342, 344, 345, 346, 348, 349, 352, 353, 356, 360, 361, 362, 363, 364
 Rumjancov, N. P. 63
 Runciman, Steven 181—183
 Ruodharius, clericus 320, 322, 330, 333
 Rupp 281
 Ruvaraz, I. 233
 Ruzicka 132
 Rydzevskaja, E. A. 218
 Ržiga, V. F. 399—417
 Řehoř Bohoslovec, sv. 63, 436
 Řehoř (Grégoire de Nazianze) Nazianzin, sv. 299
 Řehoř (Grigorij Šenkurský), sv. 422
 Řehoř Veliký, papež 319, 320
 Řehoř IX, papež 439
 Sacharov, I. 205
 Salač, A. 131—134
 Samokvasov, D. J. 403, 451
 Samuel, prorok 291
 Samuel (Samuil), car bulh. 384, 444
 Samuel, syn Alusiana 137

- Saria, B. 224
 Soronitès, Michal, úřed. byz. 138
 Satan 283
 Savin, K. P. 62
 Savva, sv. arcib. srbský 178, 222
 Savva Storoženský, sv. 425
 Savvatij, sv. 425
 Semiradskij, G. I. 206
 Senacherim, učit. byz. 178
 Sergij Radonežský, sv. 425
 Sermon, protospathar 137
 Severeanu, G. 463
 Sever'ianov 29
 Severus, Caecina 86
 Scherling, von E. 22
 Schleicher 304
 Schmeller 304
 Schwarz 327
 Siemiński, J. 432, 433
 Sievers, Ed. 303, 324, 325, 328, 333
 Sigizmund II, kr. polský 453
 Simeon, metrop. varněnský 158, 375, 376, 377, 385
 Simeon viz Symeon
 Sinaït, Anastasij 215
 Sirlet, Guillaume, kardinal 280
 Skarga, Petr 365
 Sket 304
 Skilica (Skiliza Jean, Ivan), Jan, dějep. byz. 139, 218, 380
 Skirgiello, kn. trocký a polocký 340, 344
 Skitiot, Daniel 239
 Skopin-Šujskij, Vasilij, kn. vojevůdce rus. 429, 431
 Skrutnja, I. o. 191
 Skutariotes, Theodor, dějep. byz. 178, 180
 Skvorcov 451
 Slavineckij, Epifan, spisov. rus. 284
 Slonskij (Słoński), St. 210, 301
 Smirnov 218
 Snaksar, písař 346, 347, 351, 352, 353, 364
 Sněgarov, Ivan 184—187, 470
 Sobol', Spir. 192
 Sobolevskij, A. I. 14, 42, 59, 200, 210, 218, 309, 320, 335, 336, 340, 344, 361, 363, 364
 Socolescu, T. 463
 Soden, v. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10, 11
 Sokolov, I. I. 65, 170,
 Sokolov, N. K. 451
 Sokolski, Josef, arcib. 447
 Solon, zákonodár. řecký 149, 378
 Solov'ev (Solovjev), Alexandr, Dr. 159 až 174, 221, 222, 224
 Solov'ev, S. I. 206
 Soteriou, Georgios 463—464
 Spasovič 306
 Speranskij, M. N. 58—64, 214—225
 Spicyn, A. A. 411, 412
 Srečković, P. 64, 223
 Sreznevskij, I. I. 45, 213, 215, 284, 299, 301, 302, 303, 304, 307, 413, 416, 417
 Stählin, O. 432, 433
 Stanislav, Ján 303—334
 Stavrorman, Roman 387
 Stefan, sv. král. uher. 445
 Stefan Nemanja, v. župan 222
 Stefan Pervověncanný, kr. srb. 222
 Stefan Milutin, kr. srb. 471
 Stefan Dušan (Étienne Dušan), kr. srb. 72, 159, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 222, 471
 Stefan Kotromanič, ban bosen. 224
 Stefan Veliký, vévoda moldavský 184, 339
 Stefan Vilkan, bratr Vilkanův 393
 Stefan Byzantský (Étienne de Byzance), spisov. 133
 Stefan, kněz zachlumský 222
 Steleckij 207
 Stojanović, Ljub. 210, 237, 252
 Stratigopoulo (Stratégopoulos) 160, 172
 Stravoroman, Manuil, spisov. byz. 144
 Stravoroman, Nikefor, spisov. byz. 144
 Stravoroman, Roman 144, 145
 Stroev, V. 284, 287, 288
 Strzygowski, J. 176, 461
 Stojanović, Stanoje 64, 183
 Subotić 195, 196
 Sulimovski, Wojtek 360
 Suvorov, N. S. 451, 456
 Svencyčkyj, Illarion 470
 Svjatopolk, kn. moravský 45, 52
 Svjatoslav Igorovič, v. kn. kyjev. 46, 49, 52, 407

- Svjatoslav Jaroslavovič, v. kn. kyjevský 213, 214
 Svjatoslav Ol'govič, kn. černih. 407
 Symeon, car bulh. 86, 129, 182, 218, 287, 443, 444, 458
 Symeon, bratr Dušanův 166, 173
 Symeon, malíř 423, 424
 Symeon, proedr a protovestiář 445
 Symeon, vest a katepan Podun. 445
 Symeon Ivanovič, kn. kaluž. 441
 Symeon (Simeon) Jurievskij, sv. 427
 Synkellos, Georgios, dějep. byz. 55
 Szczekocki, Jan 360
 Szulżycz 354
- Šafařík, Janko 222, 223, 433
 Šafařík, Pavel Josef, 3, 37, 304
 Šachmatov, A. A. 38, 55, 57, 201, 214, 339
 Šambiny 201
 Ščepkin, V. N. 59
 Ščukin 62
 Ščurátov, V. 191
 Ščusev 206
 Šebuev, A. 206
 Šerzer 198, 199
 Šišić, F. 183
 Šišmanov 200
 Škorpil, Hermin 127
 Škorpil, Karel 85—130, 217, 230, 231, 232, 234, 235
 Škrabec, P. 306, 324
 Šrepel 196
 Švarz, E. 218
- Šremski, Iwan, starosta ruský 360
 Świdrygiełła, kn. lit. 336, 338, 346, 351, 352, 353, 363, 364
- Tafur, Pero, cestovatel 465
 Tailor 232
 Tanger 113
 Taronit, Řehoř (Grigorij), duka trapezunt. 154, 397
 Taronit, Taronitopoulos (Ivan), Jan, duka skopský 153, 154, 155, 156, 158, 388, 395, 396, 397, 398
- Taronit, Michal, panypersebast 151, 154, 389, 397
 Tarnowski, Jan 354
 Tartarouchos 435, 436
 Taube, M. A. 218
 Temnikovskij 452
 Tepeš, Vlad., vévoda moldav. 463
 Tereškovič (Tereszkowicz), Jerča (Jersza) 347
 Terleckij, Michal, kněz 344
 Theodor Inok., sv. 426
 Theodor Sijský, sv. 425
 Theodor Stratilat, sv. 420
 Theodor Tiron, sv. 420
 Theodor I Laskaris (Laskar'), cis. byz. 178, 223
 Theodor II Laskaris, cis. byz. 177, 179, 180, 446—447
 Theodor Angel, cis. solunský 160
 Theodor Ivanovič, car moskev. 429, 431, 441
 Theodor (Fodorko) Davydovič 411
 Theodor (Fiedor Lubartowicz) Lubartovič, kn. 342, 356, 357
 Theodoru, Horia 463
 Theodosia, dcera Sof. Pal. 441
 Theodosios, hieromonach 423
 Theodosios, spisov. srb. 222
 Theodosios Pečerský, sv. 413, 414, 423, 431
 Theofanos, dějep. byz. 225
 Theofanos (Theofan) Krefan, malíř 204
 Theofylaktos (Theofilakt), patr. cařihr. 182
 Theofylaktos (Teofilakt) Ochridský, bisk. 15, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 235, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 395, 396, 397, 398, 444, 445
 Theofilos, arcib. alex. 237
 Theognostos, sv. 426
 Thomon, archit. 206
 Tiberios, cis. řím. 86
 Tichonravov 75
 Timofeev 214

- Timotheos, mnich 423, 426
 Tischendorf 10
 Tochmatyš, chán tatar. 344
 Tomaschek, W. 127, 130
 Tomislav, král hrvát. 183
 Toutté, Augustin, Dom 281, 283, 285
 Trabur, spisov. 313
 Traianus, cí. řím. 131
 Troickij, S. V. 452
 Trojan, syn Iv. Vlad. 139, 382, 383, 384, 396
 Tronošec, Josef, spisov. srb. 222
 Trpimir, kn. hrvát. 183
 Trubeckoj, N. 201
 Truhelka, Čiro 175—177
 Typaldos, Georges E. 442
 Tyszkowský, K. 211—212
 Ubaldini, Octavian, kardinal 178
 Udalrich I, bisk. trentinský 321, 322
 Ugrjumov, G. I., malíř 214
 Uchanskij, Jakob, arcib. hnězdenský 280, 281, 282, 285
 Undol'skij, V. M. 304, 317
 Urban V, papež 221
 Uroš, car srbský 166
 Uroš, bratr Vlkánův 393
 Uspenskij, Porfirij 2
 Uspenskij, Th. I. 90, 151, 153, 180, 372, 375, 385, 447, 458
 Usener, H. 134
 Uvarov, A. S., hrabě 62, 289, 290, 423
 Uzwartowska, Machna 360
 Václav, sv. kn. český 15
 Václav (Vjačeslav) Vladimirovič, kn. 407
 Vaillant, André 194—202, 253—302
 Vajs, Josef 1—12
 Valter (Holak) 146
 Varlaam Chutynský, sv. 418, 419, 420, 421, 430
 Varsanofij, sv. 426
 Vasilenko, N. 455
 Vasil'ev (Vasiliev), A. A. 178, 217—218, 221—222, 465, 467
 Vasil'evskij, V. G. 147, 154, 155, 178, 372, 375, 382, 384, 385, 389, 445
 Vasilij Blažennyj, sv. 427
 Vasilij (Gavriil) Ivanovič, v. kn. moskev. 441, 442
 Vasilij viz Basil
 Vasmer Max D. 218, 324, 325
 Vasnecov, V., malíř 206, 207
 Vatašan, Virgil 463
 Velkov, Iv. 113
 Velsen, A. 214
 Vermandua, Hugo, hr. 393
 Vernadskij, G. V. 452
 Veselovskij, N. I. 180
 Viktorov, A. E. 214
 Viller, M. 450
 Vintilescu, P. 471
 Višens'ky, I. 191
 Vitold (Vitovt), v. kn. litev. 336, 342, 353, 364, 453
 Vjazemskij, P. P. 214
 Vladimír 238, 239, 250, 252
 Vladimír Jaroslavovič, kn. 409
 Vladimír Svjatoslavovič, v. kn. kyjev. 40, 42, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 218, 426, 447, 451, 452, 454, 456, 466, 467
 Vladimír Vasil'kovič, kn. 399, 409, 411
 Vladimír Vsevolodovič, Monamach, v. kn. kyjev. 405, 413
 Vladimírskij-Budanov, M. F. 451
 Vlas viz Blažej
 Vlastaris, Matouš, spisov. byz. 170
 Vlastimír, kn. srb. 182
 Vlemmid viz Blemmydes
 Vlkán, župan srb. 391, 392, 393, 395
 Vodnik, V. 304
 Vojtěch, sv. 42, 303
 Volk, vlastel srb. 168
 Volkonskij, A. M. 218
 Vondrák, V. 210, 299, 300, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 321, 322, 323, 324, 325, 328, 329, 330, 331, 332, 333
 Voronov, A. D. 13, 15, 21
 Voskresenskij 298
 Vostokov, A. X. 211, 237, 238, 253, 284, 289, 293, 301, 303, 304, 316, 320
 Vriennij viz Briennios
 Vsevolod, kn. 410

- Vsevolod Pskovský, sv. kn. 426
 Vučić, houslař 196
 Vuić, I. 167
 Vukašin, král srb. 223
 Vukašovič, V. 224
 Vutov, Nikolaj 380
 Vutumit, Manuel, vojevůdce byz. 393

 Wańko, písař 351, 352, 353, 364
 Waškowi, Chońek 354
 Wattenbach, W. 214
 Weingart, M. 210, 324, 331
 Wirzbowski, Theodor 211—212
 van Wijk, N. 22—35, 236—252, 324, 325, 333
 Wilhelm z Tyru, dějep. 396
 Witold viz Vitovt
 Władysław Jagiełła, král. pol. 336, 338, 339, 340, 342, 344, 345, 346, 353, 354, 361, 363, 364
 Włodarski, B. 211—212
 Wołoszyn 354
 Wołoszynowicz, Iwan, sluha 344, 357
 Wołotowicz, Andrzej 351
 Wulff, Oskar 205—208

 Yassa Bey Andraos Bichara 434

 Xénophon, spisov. řecký 172

 Zaderewecki, Daniel Dažbogovič 344
 Zafa Ursini, Jan 166
 Zagoskin, N. P. 451
 Zachariáš, prorok 19
 Zacharie von Lingenthal, E. 456
 Zaikyn, Václav 447—457, 467—468, 470
 Zakševskij 218
 Zakynthinos, D. A. 225, 438—442, 464—465
 Zamolxis, pror. get. 127, 130
 Zaozerskij, A. 452
 Zarubič, Lenko 352
 Zatočnik, Daniil, spisov. rus. 202
 Záviš z Falkenštejna, kn. 471
 Zevs 112, 118, 123, 129, 158
 Ziřynsky, I. 336
 Zinovij Otenký, zavolžský stařec 453
 Zlatarski, V. N. 127, 139—158, 180, 182, 371—398, 443—447, 458
 Zosima, sv. 425
 Zupan 304
 Zvinica, syn cara Bor. I 231, 235
-

REJSTRÍK SLOV.

I. SLOVANSKÝCH.

- а 58, 59, 62, 63, 230, 232, 235, 293, 338, 345, 348, 351, 353; а + н 62; а + к 63; а + р 63; а + ү 63
азъ 231; азъ зѣсно 232
аминъ 354
априлѣ 233
ашти 295
- б 62, 361
бискупъ 14
бже. 228, 230, 234
благодарити 30
болѣре 291
братъ 31
- в 59, 341, 346, 353, 358, 361; вѣ 356;
в + ѣ 63
велеглави 14
велика 30
воле 290; вола 296
всякаго подобна 20
възвеселити сѧ 16
въспоманѣти сѧ 29
вѣмъ 339
- гн = Господи 228, 230, 234, 287
- д 58, 59, 60, 62; д + а 62; два 58; де 58; до 58; др 58; дв 58
данъ оу 353
диаволъ, дѣволъ 311, 312
Димитрие 58
доздѣ 58
- е 58, 59, 62, 63, 230, 287, 338, 339, 341, 342, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 358, 360, 361, 362, 364; е 337, 339, 342, 345, 346, 347, 348, 352, 360, 362
етеръ 28, 297
еша 301, 302
- ж 293, 308, 339, 341, 342, 349, 350, 361
- з 58, 59, 230, 232, 337, 341, 342, 345, 346; 349, 351, 353, 357, 358, 361; зѣ 231, з + н 62; зѣ 349
завѣтъ 19
законъ 19
за оутра 29
Зѣсно 231, 235
знаменосный мѣжъ 250
зѣло 311; зѣлъ 311, 315
- и 228, 234, 338, 339, 341, 342, 344, 345, 346, 348, 349, 351, 353, 355, 356, 360, 361
иже 285; иже ѿсайъ прѣтъре 290
ї 58, 63, 348, 358
- Калѣбнѣ 135, 233
ки 338, 339, 341, 342, 346, 347, 351, 353, 358, 361; кѣ 338, 344, 345, 346, 360
киновъ 27
клатвопрѣстѣпленьи 310
къждо, кѣждо 304
Кѣрманѣнскон зѣмъ 71
- л 58, 59, 286; л + ү 61, 62, 63
- м 59, 135, 232, 341, 345; мѣ 356; м + ү 61, 62; мѣ 344, 356, 358, 361; мѣ 338, 356, 358, 361
малжена два 14
манастирь 27
молитвы 16
мыѣше сѧ въ кѣпѣли 3
мръзѣчѣ 310; мръзѣкъ 315
- н + и 61; н + к 63; н + п 63; н + ю 62; нѣ-нѣ 293
напитахомъ 312
невѣра 169
не лежи бо 290—291
непрѣзнь, непрѣзнь 311, 312, 330, 332
- о 62, 339, 341, 342, 345, 346, 347, 348,

- 349, 351, 353, 354, 360, 361; о + ү 61
 ОБАЪГАТИ 28
 ОБЫЩЕ ЖИТИЕ 27
 ОБЪКТЫ 16
 ОТЪВЪР'ЖЕНЪ 295
 ОТЪДАТИ, ОТЪДАНИЕ 29, 30

 п 58, 59, 60, 62, 63, 347
 ПЕЧАЛЬНЫ 33
 ПЕѦАНІИ 75
 ПЛАДЬНЫ 300, 301
 ПОМАНЖИ 29
 ПОПЪ 27
 ПОТРУДИ СЯ ДО НАСЪ 14
 ПОУКАЛИТИ 30
 ПОЧРЪПАТИ, ПОЧРЪПАЖ 28
 ПРЕ 58
 ПРЕЗВИТЕРЪ 27
 ПРИКАЗЪ 346, 347
 ПРИНОШЕНИѦ 30
 ПРЪ 58
 ПРОСИТЕЛЬ 3
 ПРОСТИТИ 29, 30

 р 58, 59, 63, 337, 341, 342, 345, 348, 350, 361; рѣ 350; р + ѣ 62
 РАВЪ БОЖИИ 287
 РАДОУИТЕСЯ 16
 РАСЪМОТРЕНИЕ 34, РАСЪМОТРИТИ 29
 РАСЖДИТИ 29
 РЕЧЕ 291; РЕЧЕ БО ВЪ ѲАЛЪМЪХЪ 19
 РЕКНОТИВА 31

 с 63, 234, 348, 349; съ 349
 СВ БЦА 135
 СЕВЪК 295
 СКА 58
 СКРЪБЬНЫ 33
 СЛѦПЪ 3
 СМЕРДЪ 297
 СЪГРѦШИТИ 30
 СЪНИТИ, СЪНИТЬЕ 285
 СТИ = СВЯТИ 228; СВЯТЫ 228, 234; СВЯТИТИ 234; СВЯЩЕНА 229; СТІ ГИ БЖЕ 229
 СЯТЪ 291

 т 58, 59, 63, 346, 347, 351, 352, 357; ТИ 228, 234, 295, 345; ТР 58, 61; ТѦ 58
 ТИГНЕ 229, 234
 ТРЕТИЕ БРАТѢ ЧЕДО 170
 ТРОУДИ СЯ ДО НИХЪ 14
 ТРОУЖДЪ, ШТОУЖДЪ, ЧОУЖДЪ 299
 ТЪЧНИОНЕ 285
 ТЫ ОСТАВИ 292

 ү 314, 337, 338, 339, 342, 346, 348, 351, 353, 354, 356, 358, 360, 361, 362
 ОҢ 338, 339, 341, 342, 344, 346, 348, 351, 353, 354, 356, 358, 361; Ң 354, 358
 ОҢАСИТИ 291
 ОҢГОЖДЕНИЕ 305
 ОҢНИТИ 291
 ОҢАДЕНИ 297

 ф 234

 х 341

 w 338, 341, 342, 346, 348, 351, 353, 354, 361
 Ѡ 338, 339, 345, 348
 ѠГЛАШЕНИЕ · А · 288

 ц 341, 342, 348, 361
 ЦАРѦ-ЦАРИА 233
 ЦАРКЪ 228

 ч 286, 339, 342, 349, 350; ч + е 62; ЧЪ 350
 ЧРЪПАТИ, ЧРЪПАЖ 28, 30, 31

 ш 62, 339, 342, 346, 347, 349, 350, 352

 щ 62, 361

 ѣ 135, 232, 337, 338, 339, 341, 342, 345, 347, 351, 352, 357, 358, 360, 361

 ы 228, 234, 237, 338, 339, 340, 341, 342, 345, 351, 354, 357, ы 346, 348, 352, 353, 356, 360, 361

 ь 135, 338, 339, 341, 345, 357, 358, 360, 361

ѣ 135, 231, 338, 339, 341, 342, 344, 345,
346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353,
354, 355, 356, 357, 358, 360, 361, 364
ѣковѣ 235; ѣко, ѣкова 233
ѣно (златарь) 231, 233, 235; ѣновѣ 233,
235

ю 286, 338, 339, 348, 353, 356

ѡ 233, 338, 339, 345, 346, 347, 354, 356,
358, 360, 362

ѡко 293; ѡкоже рекохомѣ 36

ѡ 337, 338, 341, 354
ѡднородишнь (однор) 282
ѡже 285, 305

ѡ 212, 213, 293, 338, 339, 341, 342, 345,
346, 347, 348, 350, 351, 353, 354, 358,
361, 362

ѡ 212, 213

II. ŘECKÝCH.

ἀγιάζειν, ἐνγαίνιζειν 228

ἀληθινῶ 404

ἀλλοτρίου Θεοῦ 292

ἀναμνησθῆναι 29

Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος 22, 34, 236, 238

ὁ Ἀντικείμενος 283

ἀντλεῖν, ἀνθλῆσαι 28

ἀπεθριώθη 295; θηρευθῶμεν 297

ἀπιστία 169

ἄρα 290

ἀροσστής 147, 148

ἄρχων 147

αὐθέντης 163, 167

βασιλεὺς Σερβίας καὶ Ῥωμανίας 167

Βελεβούσιον 133

Δάουσδανα 85, 127, 128

Δαρζάλεια 123; Δερζέλας 122, 123, 130

διάβολος 283, 311, 312, 332; διαβα-
λεῖν 28

διαθήκη 19

διακρίναι 29

διορατικοί 239

δούξ, ὁ 140, 371, 397

ἐλούετο 3

ἐπιτορκία, ἐπιτορκέω 310

ἐξάμιτος 400

ἐτι 295

Ζβηνίτζης 231, 235

Ἡσαίαν πρίσας 290

θετταλικὴ ἵππος 165

ιδιώτης 297

κατάγχων, ὁ 387

κατέβαινεν 3

κατεπάνος, ὁ 387

κατήχησις σχεδιασθεῖσα 280

μεγαλειότητας, τῆς σῆς 156, 158

Μέγας θεός 122, 130

μειράκιον 389

μεσημβρινόν 300

μνησθῆναι 29

μονονουχί 285

Μουνδράγα 128, 130

νεανίας, ὁ 151

νόμος 19

ὀλόβηρος 404

ὁμοούσιον (τῷ Πατρὶ) 282

ὀρκωματικὸν γράμμα 163; ὀρκωματικὸς
χρυσόβουλλος λόγος 167, 173

ὀσμή 296

οὐ ποιήσεις σεαυτῷ εἶδωλον, οὐδὲ παν-
τὸς ὁμοίωμα, ὅσα κτλ. 20, 21

οὐχ ὑποβέβλησαι 290

πανυπερσέβαστος 389

Πατερικά 34

Παυταλία 132, 133, 134; Παιταλία 132;

Πανταλία 132, 133, 134; Πανταλεία

133; Πανταλιῶται 132

περιοπή 154
 ποιῆσαι, ποιεῖν 29
 πολογεῖτονες 376
 πονηρία, πονηρός 311
 πορθητὰς μᾶλλον ἢ φορολόγους 149
 πραιτωρ 140, 377
 πρακτικόν, τό 385
 προσαίτης 3, 4
 προτασηκῶτης 147

Ῥούνης 217
 Ῥωμανὸς Ὀστακορωμός 144

Σατανᾶς, ὁ 283
 σημειοφόροι 239, 250
 σκύμνος, ὁ 446
 σὺ ἀφῆκας 292
 συγκατάβασις, συγκαταβῆναι 285
 Συγκεφαλαίωσις καὶ σύνοψις τοῦ μεγά-

λου καλουμένου Λειμωναρίου 22, 23,
 34, 236, 237, 238, 239

συγχωρῆσαι 29
 συλλέγεται, συλλέχετε, συνελέχθησαν 282

τὰ ἐξῆς 29
 τάξαι 29
 τρισεξαδελφός 170
 τυφλός 3, 4
 τῷ Τορνωσοπούλῳ τῷ Δοκισκοπιῶν 153

ὑποχεῖρες 164

φησὶν 291
 φίλοι 169
 φουφουδοτήν 405
 φωτιζόμενοι 280
 χηρεῦον φέοδον 162

III. LATINSKÝCH.

Apollonia in Ponto 85, 111
 Callatis (Kallatis) 85, 111, 122
 Colonia Flavia Deultensium 86; Deultum
 117
 diabolus 330
 die sequenti 29
 dux 146; d. Belgrau 147
 holoverus 404
 iniquitas 311

nec similitudinem omnium, neque omnem
 similitudinem 20
 Pautalia (Ulpia) 131; Paut 132; Pauta
 132; Pautalensis 132; Pentalia 133; Po-
 telense 132
 periurium, periurare 310
 sanctificare (consecrare) 228
 unum existens cum 282
 xamitum 401

REJSTRÍK VĚCNÝ.

Abecedarium: modlitba (azbučnaja) Konst.

Bulh. 199; paterik podle abecedy 236

Albanie: 159, 166; Albánci 163, 233

Akademie věd: bulharská 443; srbská 210

apokryfy: Apokalypsa Bartolomějova 436;

křest. legendy v koptských mag. textech 435—437; modlitba Marie u Bartoše 436; modlitby Řeh. Boh. 436

Arabové viz Byzantsko

archeologie: starokřesťanská 175—177; viz

Bulharsko, Byzantsko a j.

architektura: Balkánského poloostrova I.—

XI. st. po Kr. 175—177; I. vlivy pozdě-
římské 175; II. vl. syrské a palestin. 175
až 176; III. vl. byzantské a armen. 176
až 177; centrální kupol. budovy 460 až
461; věže 461; Minerva Medica 460;
Panteon 460; Stoa Hadrianova v Athé-
nách 460; viz kostely

Armeni: archit. chrámů 460

archivy: patriarchální bohoslov. úst. sv.

Trojice 1; kn. Sanguško 361

Athos viz Byzantsko

Balkánský poloostrov: 203, 204, 216, 220,
393, 394, 460

Benátky: 166, 167, 221; morejská politika
438, 440

bibliografie: práce Iorgovy 462; otázky vě-
deckých edic řeckých a latin. textů 432
až 434; »Vade mecum« pomoc. věd
historických 211—212; viz Bulharsko
a j.

bohomoilové: viz kacířství

Buchara: 415

Bulharsko: Bibliografie: prací o dě-
jinách B. 443; prací Zlatarského 443 až
447; spor o maďar. nápis a relief 124
až 128, 130. Starožitnosti: před-
historické památky 89—128; mohyly
(Sърт-juk) 90, 128; prabulhar. skupiny
kamenů (devtašlar) 90—91, 128; ka-
menné baby 91; Schalteine 91—129;
památky vysekávané ve skále 91, 129;
obětní kameny (Šerap-taši) — mega-

litní 92—96, 129; umělé jeskyně 96 až
102, 129; dolapity 97; kelie 96—97;
odaity 96; orlí hnízda 97, 107; jeskyně
97—102; Buloto 98; Dolní Kjoškove
98—100; Horní Kjoškove 100—101;
budovy: dřevěné 102—108, 129; svaty-
ně 103; severní skupiny 103—104; již-
ní skupina: v Kjoškově 104—107; na
jih od jesk. 107—108; legenda o Kara
Baši 108; budovy kamenné 108—117,
chrám Diův na Kurt-gjaldžiku 111 až
112; křesťanské budovy 112—113; svět-
ské 113—115, 129; pevnosti 115—117;
129—130; Hrad 115—116, 127—128,
130; jeskyně Hrad-alt 116; hradiště
117, 220; starož. antické na Černomoř.
pobřeží 217; maďarský relief 88, 92,
108, 112, 117—128; popis reliedu 117
až 121, 130; postava jezdce 117—119;
zvíře 119—121; otázka datování rel. 121
až 124; otázka vzniku nápisu 124—127,
130; Aboba-Pliska 86, 115, 121, 123,
230, 234, 458; Veliký Přeslav 86, 115,
121, 227—229, 230; Patlejn 458; si-
gilografie: molybdobully: Borise Mi-
chala 135, 136, 137—138; bulh. carů
136—137; Ivaňly 138; Kalojana 135 až
138; velbudžský 133—134; řecké ná-
pisy na mol. 137—138; paleografie: vliv
řeckých písmen na b. 59; diplomatika:
chrysobulky-orismy v b. kanc. 221; viz
listiny; numismatika: mince cara Kolo-
jana 135—136. Dějiny: křest Bulha-
rů 86; data setkání Symeona s Rom.
Lek. 182; poměr B. k Rusům a Byz. za
Svjatoslava 218—219; genealogie po-
tomků J. Vlad. 139, 383—384; severní
Bulh. v XI. st. 445; doba cara Asěna II.
445—446; reginský mír 446—447;
otázka původu car. titulu 470; otázka vý-
znamu pro B. kult. byz. 185. Jazyk:
aorist v bulh.-maked. nářečí 301; místo
ta v starobulh. 233, 235; západní
b. recense církevně-slovanské mluvy 212
až 213. Literatura: deseterac bulh.-

- maked. 197—198; 199—200; jižní slovan. epos viz Srbsko; komentář evangelijní 287; počátky písemnictví 38 až 40; překlad hromníků Paisiův 66, 67, 68; přepis Doksův 458, 459; středobulh. překlad Kyr. Jer. 286, 289, 299; zeměp. tabulka podle znaků Zodiaka 69 až 70. **U m ě n í:** starobulharské 121 až 122, 468—469; architektura: basiliky 175 až 176; okrouhlý chrám v Přeslavu 229 457, 461; staro-planinské kláštery 219—221; stavitelství c. Borise 378. **Z e m ě p i s:** Küstendil a j. viz Byzantsko; Maďarsko-mogilsko plato 85—130; dějiny kolonisace 85—86; popis M.-m. plato 87—89, 130; viz starožitnosti; Stara-Planina 219
- byzantino-slavica:* hypotese Vaillantova o vlivu byzant. eposu na jihoslovanský 194 až 202; práce o byz.-sl. liturgice 188 až 189; překlad pateriku do slovanštiny 22 až 35; různé redakce 23—25; srovnání s latinským překl. 25—26; srovnání různých slov. redakcí 26—31; otázka autorská 31; srovnání textů dvou rukopisů stejné redakce 31—34; studie pateriků 251; vliv listiny Gavrilopulovy na list. Dušanovu a Zákonník 167—171, 173 až 174
- byzantologie:* práce o athonských památkách 202
- Byzantsko:* Starožitnosti: sigillografie: molybdobully: Alusianův 445, Nik. Kariki 146, místodržitelů bulhar. 388, 398, Symeona vesta 445; paleografie: řecká minuscula v rus. rukop. XV.—XVI. st. 58—59, 60; vliv na slovanskou paleogr. 59; diplomatika: korpus středověkých řeckých listin 177 až 181; přísaha v chrosobullech (ὁρκωματικὸς χρυσόβουλλος λόγος) 164, 167—168, 172, 173; numismatika: b. mince v Rumunsku 463. **D ě j i n y:** poměr k Slovanům a Avarům v VI. st. 216—217; války s Bulh. a Svjat. za N. Foky a Jana Cim. 218—219; doba císa. Rom. Lek. 181 až 183; genealogie Brienovců 152—153, 388; Komnenovců 151—152; spor mezi Komneni a Dukovci 143—144; spiknutí Nik. Diogena 394; povstání Pseudo-Diogena 389; válka s Rob. Guisc. 141, 142; válka s Boem. Tarent. 382, 388, 391, 392, 394; otázka o počátku panování Th. I. L. 178; otázka spoluvládnutí Th. II. L. 179; listiny kanc. Lask. 177—180; thessalští archontové ve XIV. st. 159—174; Thes. pod epirským despotou 160—161; vassalitet v. vévodovi atenskému 161; Katalanové v Řecku 162; samostatná Thessalie 162—163; byzantská 163—165; opanování Thes. Št. Dušanem 159, 165—166; Dušanovy listiny 166—171; cesta Jana V. P. do Italie 221—222; Morejský despotát za Kant. a Paleol. 438—442; genealogie Paleologů 441, 442; ekonomické vztahy k Rusku, viz Rusko; b. obchod na Balk. pol. 465—466; Trapezunt — obchod s Benátčany 465. **P o m ě r y v n í t ě r n í:** otázka feudalismu 159—174; despotáty 439; themy: místodržitelství bulharské 139—158, 371—398, 444—445; místodržitelé bulh. za Nik. Bot. 139; za Alexise I. K.: Ivan Duka 139—145, 387, 396; Aleks. Kabasilas 396; Nik. Karikes 146—147, 393; Řehoř Kamateros 147—152; Nikefor Bryennios 152 až 153, 388—398; Jan Taronit 153—158, 395—396, 397; Konst. Komn. 371 až 380, 397; Lev Drim 387; autonomnost místodržitelská 386—388, 397; soudní funkce 380, 384—387; vojen. odvody 381—384; Dalmacie 183; Dyrrachion 142, 183; Hellada a Pelopones 140 až 141, 143, 144, 147; Trapezunt 151, 154. **Ú ř e d n í c í:** archontové 147; domestik, veliký 147, 153, 156, 378; duka, veliký 140; duka 371, 380; duka Berroe 371, 372, 384, 387, 397; d. Bulh. 146, 153, 394, 395; d. dračský 372, 373, 374, 388, 390, 391, 393, 394, 395, 398; d. Hellady a Pel. 387; d. plovdivský 151; d. skopský 154, 155, 388, 396, 397; trapezuntský 151; epar-

chos 163; eunuchové 181—182; finanční úř. 373—376, 377, 378—380, 387; katepan 154, 387; katepan bulh. 388; kesar 152, 389; magister 381; pansebast 377, 381, 383, 384; panypersebast 52, 154, 388, 389; patrikios 389; praktor 387; pretor 140, 377; pr. dračský 394; proedr 397; protoasekret 147; protoproedr 140; protostrator 381, 382, 383; sebastokrator 374, 377, 379, 380, 383, 384, 387, 391, 393, 394, 396, 397; sebastos 147, 153, 371, 372, 380, 381, 384, 394, 398. Finance: konflikt berních úřed. s církví 144—145, 149 až 150, 156—158, 376—377, 385—386; pozemkové daně 376—377, 385—386; agrární proces 380; praktikon 384 až 385; průmysl hedvábný 399—401, 406; eksamitos 400, 401, 403, viz Rusko, aksamit; fufudia 405; olovíř 404; purpur 404; zlaté nitě 404—406, 409. **V o j s k o:** thessalská jízda 160, 161 až 162, 165—166; odvod pěchoty 381 až 384. Církev: různé formy eksarchatu 468; filipopolská diecese 219; biskup. notitie 219; křesťanství na Černomoř. pobřeží 86; poměr Konst. V. k církvi 215—216; biskupství Theoph. Ochrid. 143—144, 153, 155—156, 373—376, 379—380, 381—384, 384—387; hieromonach finanč. úř. 373—376; daňové privileje duchovenstva Al. I. Kom. 376—377; vnitřní poměry v děvolském biskupství 378—380; poměr Cařihradu k Ochridu za posledních Paleol. 184; vliv B. na církevní život ruský a ukrajinský 454. **L i t e r a t u r a:** západní kodexy evang. v IX. v. v Cařihradě 1, 2; pozdější doby 1, 10, 11; dvě katecheze Kyr. Jer., jejich vydání a text 254, 255, 256—279; dějiny textu 280, 281—282; vydání Toutteovo a Reichlovo 282—283; otázka řeckého originálu pannonského životopisu 13 až 15; Fotiova knihovna 22; Fotiův Ἀνδρῶν ἁγίων βίβλος anebo Συγκεφαλαίωσις καὶ σύνοψις τοῦ μεγάλου καλ-

ουμένου Λειμωναρίου 22, 23, 34, 236, 238 až 240, 251; Illiada u byz. autorů 151, 152, 157—158; Λειμὼν Πνευματικός J. Moscha 239, 251; povídání Dan. Skitiota 239; povídání Anastasia mnicha 252; zprávy b. kronik o Bulharsku 139; zprávy Konst. Porf. o Chorvatech 183, 224; zprávy Prok. z Ceasarei 131, 132—133; kronika Anny Komn. 142, 143; korespondence Teofylakta Ochrid. 139—158, 317—398, 445; otázka adresátů dopisů N° 6, 7, 8, 16, 17, 18 a 20 372—387, 388; lékařství a magie 434 až 435. **U m ě n í:** prvky hellenské 461; athoské malby 202—205; 3 skupiny jich 203—204; balkánské vlivy 203; b. vlivy umělecké na Balkáně 175—177; doba popaleologovská 203. **Z e m ě p i s:** správný tvar jména Pautalia 131—134; viz epigrafika, numismatika, zprávy byz. autorů zvlášť Prokopa z Ceasarei; Cařihrad (Konstantinopel) 149, 152, 155, 216, 222, 375, 392, 393, 394, 400, 408; Byzanz-Romanie 401; Adrianopol 389, 390; Asie, Malá 393; Athény 140; Attika 160, 161, 162, 172; Bělehrad 146; Berroe 397; Damaia 163; Delos 381; Dévol 378, 379; Drač 391, 392, 393, 394; Elasona 163; Epiros 163; Eurip na Negropontu 140; Hellada 400; Fanara 161, 162, 163, 167, 171, 173; Kardica 161; Kastoria 160, 163; Kastron 163; Kefissios 162; Kréta 146, 147, 204; Kypr 400; Larissa 160; Lichonia 160, 163; Lipljan 393, 395; Malevilla-Zemun 146; Misthra 439; Mohila 144—145, 386; Monembasie 439, 440; Morea 160, 161, 172; Mykonos 381; Nikomedia 394; Nova Patra 160; Ochrid 143, 144, 145, 148, 157, 184—187, 376, 377, 381, 382, 384, 391, 394, 396; Pelagonie 144 až 145, 381; Platamon 160; Plovdiv 142, 151, 393; Prěspa 378, 380; Prinkipo 394; Ptelon 166; Ravenikion 160; Seres 159; Skoplje 154, 155, 169, 171, 174, 183; Smyrna 139, 140; Soluň 155,

- 160, 163, 204, 391, 392, 394; Strumica 391, 394; Theby 140, 400; Theby (thes.) 160; Thessalie 159—174, 382; Tenedos 221—222; Tenos 381; Trajanopol' (Enos) 389; Trapezunt 151; Trikala 163; Valavista 392, 394; Vardarský kr. 372; Veletin 160; Vlachie (Blaquie) 160, 166, 172, 173; Zeituni 161
- církev*: ordo confessionis v Pannonii 307 až 308; vnitřní postavení ochrid. arcibiskupství 186—187
- církevní slovanština*: bibliografie: prací o výzkumu Frizinských památek 303—334; přípravy nového slovníku cír.-sl. 209—210; studie překladů katechez Kyr. Jer. 253; paleografie: otázka akcentování 192—193; způsob popsaní rukopisů 190—194, viz literaturu Friz. pam.; jazyk: perioda bulharská a makedonská 286; jazyk originálu pannon. životopisu 13—21; zvláštnosti jaz. překladu Sv. Písma 13—15; jaz. překladu katechez Kyr. Jer. 297—302; citáty v pan. životopise 15—21; slovo *неприказъ* v c.-sl. 311, 330; hellenismy 285; lexikologie Pateriku 27 až 28, 30; synonyma 25; latinské vlivy na redakce Pateriku 26; literatura: evangeliijní kodexy staroslověnské 1—12; staroslověnský překlad 2, 3; srovnání řeckého byzantského K^a textu s textem překladu c.-sl. 4—10, 11—12; předloha překladu c.-sl. 8—9; otázka spolehlivosti c.-sl. textů 9—10, 11; Emmeramská modlitba 312, 313, 316; Homelie Klementova — poměr k Frizinským památkám 304, 307, 308, 309—311, 312, 313, 314—315, 316—317, 323, 330; Frizinské památky a jejich výzkum 303 až 334; od objevení jich do Vondráka 303—306; názor Vondrákův 306 až 318; novější práce po převratu 318 až 331; paleografie a otázka původu 318 až 324; jazyk 324—329; doba napsání 330—331; překlad katechez Kyr. Jer. 252—302; dosavadní studie 252; slov. text překladu a řecký originál 2. katecheze 253—279; dějiny textu, viz Byzantsko a latin.; význam slovan. překladu 282, 283; analýse slov. překl. 284—302, viz Rusko; charakteristika původního překladu 285—287; přípis na ruk. XII.—XIII. st. 286—287; rukopisy slov. překladu 288—290; skupina S—Sin. XII.—XIII. st. 290—292; příbuzenství se skupinou S₁ 291—292; skupina T a R 292—294; prototyp obou skupin 294—296; poměr variantů a jejich tabulka 296—297; redakce překladu Μέγα Λειτουργίον 236—252; anonymní sbírky anekdot 236—238; otázka Jerusalemského Pateriku 237 až 238; poměr k latin. překladu 236; srovnání př. sl. s řeckým originálem 238 až 240; úvod berlínského rukopisu 240 až 249; příspěvky k otázce o komposici Apophtegmatů 250—252; překlad Metoda Olymp. 299; pověst o Akiře 224; sborník 1520 r. 224—225; slovo o duši Theoph. Alex. 237
- Čechy*: česko-moravský folklorový verš 200; otázka vlivu na jazyk Friz. pam. 307, 308, 313, 333; vliv na chorvatské hlholské bohoslužebné knihy 14—15
- Černá Hora*: deseterac 197
- Dalmacie*: 183, 224; archeologie 470; Solona 175, 183; Illyrové v ruském létopise 36—39; umění dalm. 176—177
- Dubrovnik*: 224—225; D. a Morea 440; práce o dějinách D. 224
- Egypt*: 176, 180; koptské magické texty 434—437; překlad pateriku 22, 238
- epigrafika*: nápis Epidavského Asklepeonu 132; n. hlholský z Prěslavu 227 až 230, 234, 458; chamberlijský 122; kyrillský nad v. Kalugerice 230—235; Kadin most 132; Kurt-gjoldžický 111; milníků 132; Pavla Chartophylaxa 458, 459; Samuilův 993 r. 233; skaptopar-

- ský 131; trnovský 1230 r. 446; z Vitovnice 1218 r. 233, 235
- etymologie*: jména Dobroticy 219; Raguseo-Ραουσιος 224
- euchologion*: otázka správnosti pravoslav. euch. 471; Coisilian. 189, 213; Sinajské euch. 188, 299, 307, 308, 313; doba jeho vzniku 314—315, 316; souvislost s mnichov. kod. 223, 334; euch. knihovny sv. Onufria 191, 192
- evangelium*: kodexy c.-sl. 1—12; Alexandrinus V. st. 2, 3, 8; Cyprius IX. st. 2, 3, 8; Drahinův 233; Dobromirův 233; Mariánský 27; minuskulové kodexy z IX. st. 2, 3; Otsromirův 228—229; Petropolitanus IX. st. 2, 3, 8; Uvarovský 60
- Filigrahy* (vodní znaky) 194
- fonetika*: ЧΟΥЖДА-ТОУЖДА-СТОУЖДА в překl. Kyr. Al. 299
- Francie*: Frankové 216, v Morei 438 až 440, 442; království soluňské 160; vlněné tkáně a obchod 410—411
- fresky*: Abbas Tumanské 207; Boianské 403; Kievo-sofijské 402; Spasa Nere-dicy 402; Uspenského chrámu ve Vladimíru 402
- Gepidové* 216
- Gerulové* 216
- Gotland*: obchod »vatmalem« 411
- grafika* severoitalská 314; německá 304, 313
- Hagiografie*: kult sv. Jiří 123; sv. Mariny 123; prolog na sv. Marka 304; prolog ruský 423; životopisy: sv. Alexandra Ošven. 423—424, 425; Alexise Čl. Bož. 365—370; sv. Ludmily a Václava 15; sv. Meletia Nového 147; sv. Metoda 15; pannonské živ. Kyrilův a Metodův 13—21, 52, 229; otázka autorství 13—15, 21; citáty ze Sv. Písma v pan. ž. 15—21; sinajských otců 252; sv. Vasilu Nového 55, 57
- hlaholice*: text Sv. Písma 305, 307, 314; stopy hl. ve východním Bulharsku 227 až 235; hlah. nápis z Přeslavu, jeho čtení 227—229, 234; okrouhlá kyrillice 229; čtení ТИГНН 229, 230; h. a v kyril. nápisu 232; hlah. znak pro **ѣ** a **ѧ** 233; hl. v ruském ruk. XII.—XIII. st. 286; hl. v překl. Kyr. Al. 291
- homélie*: Epiphana 286
- Chorvatsko*: české vlivy IX. a X. st. 15; poměr k Byzantsku 182—183; umění chorv. 175, 176—177; vlivy chorv. jazyka na Friz. památky 308, 333; vlivy srbo-chorv. písma 313—314
- Ikonomie*: Malířská technika ruská 470; sb. předloh: Hermeneia Dionysa z Furn 203, 204, 225; Sijský 422, 431; Stroganovský 422, 424; makedonská škola malířská 204; kretská šk. 203—204; Panselin a Teofanos Krétan 204; *ikonografie*: Christa Emmanuela 418, 419; ruských svatých 418—431; zobrazení sv. Prokopia Ustužského 418 až 419, 421—423, 424, 430; sv. Varlaama Chut. 419—420, 421; ik. schema a kolorit ikony XVII. st. 430; otázka portrétnosti v zobrazení sv. 423, 425, 427, 431; podobizny: zobrazení sv. Kirila Běloser. 427—428, 431; Maxima Greka 428, 431; Jana Jurod. 428—429, 431; sv. Dimitria Carev. 429, 431; svět-ské podobizny 429—430, 431; sv. Trojice 469—470; *komposice*: Anděl veliké rady 203; Bohorodička »Pramen života« 203; Kristus v hrobě 203; liturgie sv. Otců 203; nebeská liturgie 203; Oko neusínající 203; Okřídlený Jan Křtitel 203; Spasitel v číši 203; *ornament*: původ pleteného or. 176—177; geometrický or. na tkáních 400, 401, 408—409; rostlinný or. 400, 401, 403—404, 406; zvířecí or. 400, 401, 402; grifové 401, 402, 403; lvi 401, 402, 403; orlové 402; ptáci 403
- ikony*: Bohorodice Bogoljubské 422; Boh. Pečerské 423; Prokopa Ustuž. a Varl.

- Chutyn. 418—420
Itálie: 221; Lombardové v Thessalii 160
Kacířství: bohomilové 375; gnosticism 291; gn. v kopt. magii 436—437
kalendáře: poměr k věštebným knihám 67
katalogy: rukopisů knihov. sv. Onufria 190—194
keramika patlejská a přeslavská 230, 459, 460
kláštery: na Athosu: Dionysiův 204; Esfigmen 204; Gregoriův 204; Chilander 284; Karakall 204, 205; Kastamonit 205; Lavra 204; Pavla, sv. 204; Philotheův 204; Simona Petra 204; Xeropotam 204, 205; Zograf 204, 220; Bohorodice Eleusy 392; Elešnický 220; Gloženský 220; sv. Ilji a Anastasia v Kabroně 464; Karulikovský 220; Kievopečerský 220; Kremikovský 220; Kurilský 220; Lembiský 177; Lykusade 166, 172; sv. Marie u Buchera 230; sv. Onufria ve Lvově 190, 191; Ošvenský 423; Patmoský 177; Řehoře Thaum. 186; Sedmi přestolů 221; Strupecký 220; Svenský 423; sv. Trojice u Eteropolu 220; Trojanský 221; Zablantia 167, 172, viz kostely
kodex, viz rukopisy
koncil tridentský 280
kongres byzant. studií 462
konsonantismus: »b» a »p« ve Friz. zl. 324, 325, 327; »dl« v slovinštině 308, 324; »kač« ve Friz. zl. 325, 326, 328; sykavky ve Friz. zl. 327, 333
Korutansko: 305, 306, 307, 319, 321, 323, 330; korutanské nářečí ve Friz. zl. 309, 325, 332
kostely: Abugameuz v Ani 460; sv. Achilla na o. Prespě 176; sv. Andreje v Kijevě 205; sv. Apoštolů v Cařihradě 216; Arilja 203; Bačkovská kostnice 203; Basilika constant. v Soloně 175; sv. Bohorodice (sv. Klimenta) v Ochridu 144, 145, 396; Borisoglebský v Solvyčegodsku 421; Bosra 460; Červený u Perušice 461; Dečany 203, Des'atinnyj 403; Diokletianovo mausoleum 176; sv. Donatus v Zadaru 460; Dubrovnice 205; sv. Hrobu v Jerusalemě 280; sv. Ilji v Brusě 460; Ioanno-Predtečenský na Petrjatině dvorišče 410; Irinda 460; sv. Jáchyma a Anny v Studenici 203; sv. Jana v Tolčkově v Jaroslavě 423; sv. Jiří v Kardici 161; sv. Jiří v Soluni 460; sv. Jiří v Vrzychani 460; Jurievský v Ljubomili 409; sv. Konstance 460; sv. Kříže v Nině 176; Lesново 203; Lipské pamjatný 206; Ljutibrodský 220; sv. Martina v Biachích 176; sv. Mikuláše v Nině 176; sv. Mikuláše Velikého Kříže 205; Mořský v Kronšladtu 207; Nikoly Dvoriščenského v Novgorodu 415; Okrouhlý v Přslavu 176, 229 457—461; Patlein 458, 460; sv. Petra v Zadaru 176; sv. Prokopia v Ustugu 421—422, 430; sv. Sergia a Bakchosa v Cař. 460; Smolný 205; sv. Sofie Kyjevské 402; sv. Sofie Novgorodské 409; sv. Sofie Sofijské 175, 220; Spas Černihovský 405; Spas na Boru 420; Spas Neredica 402, 420; Spasitele v Ani 460; Spasitele v Moskvě 206; sv. Stefana v Dubrovníku 182; sv. Stef. v Římě 460; sv. Symeona Stylity 175; sv. Theodora v Carském Selu 206; sv. Trojice na Rvu v Moskvě 429; sv. Trojice ve Splitu 176; Trojický k. v Pskově 426; sv. Uršuly v Zadaru 176; sv. Vasilja Zlatoverchého v Ovruču 207; sv. Vitalia v Ravenně 460; Vitovnický 233; Vozdviženského chutoru 206; Voznesenia v Putivlě 409; Znamenský v Novgorodu 420; Znamen. při Šeremetev. pal. 205
Křížáci: 380, 393—394 396; I. křížová výprava 145—146, 152, 153; IV. kř. výp. 159—160
Kumanové: 155, 178, 219, 382, 389, 390; hedvábné tkáně 339, 406, 407
kyrillice: všeobecný katalog rukopisů 210 až 211; kyr. nápis nad v. Kalugerice 230 až 235; popis a čtení 230; význam křížků = a 232; viz Rusko

kyrillo-metodějská otázka: překlad evangelijní 285—286; překlad pateriku sv. Metodějem 31, 35

Langobardové 216

latina: lat. původ některých míst st. sl. př. Sv. Písma 10; Verba Seniorum — překlad řeckého pateriku 22, 23, 26, 236 až 237, 251; lat. překlad Katechez Kyr. Alex. 280—281, 284; Collatio Cassiano-vo 252; Historia Lausiaca 239, 252; legendy o Alexisovi Čl. B. 365; vliv modliteb I. na slovanské 315, 316 až 317; paleografie: studie Mnich. kod. N° 6426 318—320, 330, 334; písmo friz. zl. 320—322, 332—333; otázka akcentů 322—323, 324

lexikografie: sl. překl. Kyr. Jer. 284, 297, 298

listiny: Alexise I. K. kl. Bohor. El. 392; Alex. III. Trapez. Benátčanům 464 až 465; dubrovnické 224; Jagellonské kanceláře: Al. Patrikejevovi N° 34, 342, 343, 363; Dim. Korybuta (N° 20, 21) 341, 363, 364; Dim. Brjan. N° 23 341, 363, 364; Fed. Dan. N° 15 342, 343; Fed. Lubart. N° 27 342, 343, 363; Fed. Nešwid. N° 71, 72 345; Gridka Konst. N° 25 340; Ivanovi N° 39 343, 357; Iv. Holzanského N° 35 342, 363; Iv. Wološina N° 39 344—345; Jadv. Pil. N° 38 342, 343; Jagelly 1399 N° 32 342, 343, 363; Janu, bisk. luck. N° 30 344; Olega Iv. Rjaz. N° 77 340, 361 až 363, 364; Terlěckemu N° 47, 49 344; Tochmatyš N° 26 344; vévody moldav. Alex. N° 42 345; Petra N° 19 344; Štěpána N° 66, 67, 68 339; Fed. Lubar. kanceláří N° 43 358, 359, 364; N° 45, 52, 60, 64 356, 357, 358, 364; Gavrilopulova 1342 r. 163—164, 168, 169, 172, 174; Haličské N° 46 360, 364; N° 48 361, 364; kabron. klášť. 464; Kazimíra Vel. 1349 r. N° 2 336, 337; 1352 r. 336, 337; 1366 r. N° 7 336, 337, 364; Lenka star. N° 56 356, 357, 358, 364; lvovské N° 44, 46 360,

364; mnich. k. N° 188 322; přemýšl. ské N° 5, 6, 12, 13, 18, 23a, 24, 28 354; smolenské 1150 r. a 1229 r. 414; Štěpána Duš. 1346 Krojě 166; kl. Likusidě 166, 167, 173; kl. Zavlantiu 167—168, 173; Symeona, br. Duš. kl. thes. 166, 173; kontost. Ursini 166; Svidrigaillovy kancel. N° 74, 75 346, 363; N° 81 346, 348, 349, 350, 351; N° 85 346 až 347, 364; N° 86 347, 364; N° 84, 347, 348, 364; N° 17 349; Uhrovlaš. metro- politě 462; Vitovta (kancel.) N° 59, 61 352—353

Litevsko: kancelář Svidrigailly a Vitovta viz Polsko

liturgika: Liturgia byzantina 187—190; liturgika latinská 209; lit. materiál 188 až 190

Makedonie: 159, 371, 395, 444, 471; ochrid. arcib. v době turecké 184—187; jazyk 212—213

Morava: činnost Konst. Fil. 316; křesťanství 42, 43—44; moravismy v Pannon. životopise 14; moravské dějiny nár. slov. 54, 56; otázka vlivu na Povjest vrem. I. 36 až 57; literár. styky s Ruskem 52, 54, 56

morfologie: berlín. ruk. pateriku 30; aorist v překl. Kyr. 301; genet.-accus. v překl. Kyr. Al. 300—301; **ѣти** při participiu a optativu 301, 302; imperat. 2 I. **срати** 228—229; nominat.-accus. v překl. K. A. 299; partic. prés. perfekt. slovesa ve futur. 301; perfektum a imperfektum ve Friz. zl. 305; vocativ **Господи Боже** 228; zvláštnosti verbálních forem v překl. Kyr. Al. 229—300

museum: athénské 463—464; kn. Czartoryských v Krakově 361; istorické gosudarstvenné 405—406, 410; sofijské 135, 137

Neapol: morejská politika 439

Německo: viz Korutansko; missionáři 305, otázka překladu z němčiny Friz. zl. 307, 313; němečtí písaři 307, 313, 330, 333;

- starohornoněmecká výslovnost ve Friz. zl. 325, 326, 328, 333
- Normanové a Byz.* 142, 445 viz Byz.
- numismatika*: arab. miskal' 415; dubrovnické mince 224; s vyobrazením jezdce 118, 122; maďarské 117; z Pautalie 132; viz Bulharsko a j.
- Oděv*: bulharský 403; byzantský 400, 401, 402; ruský (do-mongolský) 399—417, 402, 404; varjažský 405
- orthografie*: překl. Kyr. Al. 298—299
- Pandekty Antiocha* 285
- Pannonie* 306, 307, 312, 316, 323, 325
- paterik*: berlín. stát. prus. kn. Wuk 40 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31—32, 34, 35; Cod. slav. vindob. N° 152 23, 24—25, 26, 27, 28, 29, 30; listky srb. p. XIII.—XIV. st. 22, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35
- Pečeněhové* 217, 382
- Persie*: hedvábné tkáně 401; relief z Nikt i Rustemu 122
- Podkarpatská Rus*: církevní právo 449; životopis Alekseje Čl. Bož. 365—370; vývoj legendy ve slovansko-ruské liter. 365—366, 370; prameny podkarpat. variantu 366, 370; otázka autorství 366 až 376
- Polsko*: bibliografie: badání listin haličsko-volyňských 335—336; diplomatika a paleografie: listiny hal.-vol. 335—364; klasifikace 336; listiny z kanceláří Kaz. Vel. 336—339, 362; listiny kancel. Ladislava Jagellovce 339—346, 352, 361 až 363; listiny stejného rázu 339—344; I. odlišné 344—346; list. v. kn. litevského Svidrigailly 346—352, 363; písaři Snaksar 346, 364; Juško 346—351; Vaňko 351—352; I. kanc. Vitovta 352 až 353, 364; místo vydání I. 353—364; přemyšlské I. 354—356, 364; Fedora Lubart. a Lenka 356—359; I. Ivoenské 360; haličské 360—361; kyjevské 361; postavení ruské pravosl. církve v Polsku 447—448, 453, 457; překlady Kyr. Al. 281
- Rukopisy*: apoštol slěpčenský 233; překladu Řehoře Naz. 299; ruk. Jana Eksarcha 299; Konst. Prezb. 299; žaltáře sinajského 228; troického 402; k o d e x y: Bělehradské nár. kn. N° 461 237; Bělehrad. N° 466 467; Berol. Wuk. N° 40 236, 237, 240—249; Bodleianus (Roe) 255, 281; Bohoslovie Jana Damaš. Sinod. kr. N° 108 63; Closianus 228, 286; Coislianus 254, 255, 282, 283, 295; Českého musea 74—83; Jugasevičův 365; Mihanovičův 286; Monacensis I. 255, 281; Ottobonianus I. 255, 281, 283, III. 295; Rumjancovův N° 194 254, 284, 289, 290, 291, 292—294; Solovecký 254, 289, 290—292; Suprasliensis 286, 299; Synod. Moskev. N° 114 253, 284, 286, 288, 290—292; Synod. Mosk. N° 115 254, 289, 290, 291—292; Synod. Moskev. N° 116 284; Synod. Moskev. N° 342 X. st. 238, 239, 250, 251; Kolekce Tolstého XII. st. 254, 284, 288 až 289, 290; Trojicko-Serg. Lavry 254, 289, 290—292; Tr. Serg. L. N° 701 237—238; Trojic. sborník XII. st. 407; Uvarovský 254, 289—290, 290—292; Vídeňský N° 152 251; Vilen. veř. kn. N° 169 237; listky kyjevské 228; z l o m k y: Frizinský I. 303, 304, 307, 313, 317, 320, 321, 330, 331—334; II. 303, 304, 305, 307, 308, 309, 310, 313, 314, 316, 321, 322, 323, 324, 327, 330, 331—334; III. 303, 304, 307, 312, 313, 319, 321, 322, 323, 327, 330, 331 až 334
- Rumunsko*: Valachie — círk. vztahy s Ochridou 184; vlivy na Moldavsko 211; obchod R. s Genuesci 463; kulturní vliv Dubrovníku na R. 224; překlady věštebných knih 67; architektura 463; Dobrudža 219
- Rusko*: b i b l i o g r a f i e: historicko-kanonistická a církevně-historická liter. 451—452; prací E. F. Karského 58—59, 64; prací o Varjago-Rusi 218; vydání Izborniku v. kn. Svjatoslava 1073 r. 213 až 214; S t a r o ž i t n o s t i: tkáně v do-

mongelském Rusku 399—414; klasifikace 399, 400, 401; tk. hedvábné 399 až 410, 416, 417; aksamit 399, 400—404, 416, 417; fragmenty tk. z pohřbu Ondřeje Bohol. 402—403; fragm. z kyjev. kurganů 403; pohřeb novgorodský 409—410; rjazaňské barmy 404; atlasové tkáně 406—408, 409; fufudia 405, 416, 417; olovíř 404, 416, 417; povoloky 399, 406—409; vyšívání zlatem 409 až 410; vlněné tkáně 410—414, 416, 417; iperské sukno 410—411; kolčuzina 411; skarlat 411; domácí vln. tk. 411—414; orniz 411—414, 416, 417; nálezy v kurganech 411, 412; tkáně bavlněné a plátina 414—415, 416, 417; antimins Nikoly Dvoriščenského 415; mitkal 416; zenden 416; numismatika: mince Vlad. Sv. 217 až 218; paleografie: ligатурné písmo v rus. ruk. XV.—XVI. st. 58, 61—64; řecké písmo v r. ruk. XV.—XVI. st. 58, 61, 63—64. *Dějiny*: starší styky s Byz. 47, 182, 408; ekonomické vztahy 217—218; otázka vasalských poměrů k. Byz. 218, 467; otázka řeckého kult. vlivu 48—50, 51—53; příbuzenství dějepisu rus. a byz. 55, 56—57; poměr k Bulh. za Svjatoslava 218—219; křesťanství do VI. Sv. 46—47, 49, 51—53; Křesť VI. Sv. 48—50, 52; potomstvo Sofie Paleolog. 441, 442. *Církev*: chronologie X.—XIII. st. 466—467; kanonisace svatých v Ustugu 421, 424—425. *Literatura*: překlady Kyr. Al. 281, 284 až 285; překl. nomokanonů 455—456; historický epos a jeho vznik 201; vznik Slova o Polku Igorevě 201—202, 407; Prameny Pověstí vremenných lét 36 až 57, 407, 414; otázka západně-slovanského pramene 36—39, 39—42; 2 redakce Pov. vr. I. 36, 39—40, 41—42, 44, 55, 57; Skazanie o preloženii knih 36, 37, 39, 40—42, 51, 52, 54, 55, 57; legendy o poljanech 39—55; grecofilská a slavo-filská tendence 53—54; Kronika Hamartolova 37, 38; Chronograf po vel. izloženiju 40, 43, 49, 55, 57; Ipatievský

letopis 399, 404, 406, 407, 413; Lavrentěvský 405, 409, 413; Anthologion Arsen. Greka 365; Četii Minii Dim. Rostov. 365; Makariové 365; index apokryfů 69; Izbornik Svjat. 1073 r. 213 až 214; 1076 r. 214—215; spis Daniela Zatočnika 407; Slovo o bohatém a Lazarě 407, 408, 409; Slovo o zákonu i blahodati metr. Illar. 51—52; Tolkovaja Palea 36; Ústav Jaroslavův 414; Ústav Studijský 412, 413; životopisy: Alex. Čl. B. 365; Borise a Glěba 409; Theodosiův 413; škola Epif. Slavn. 284 až 285; Zlatostruj 365. *Umění*: monumentální do mongolské epochy 469; baroko v R. 205—206; novoruské umění od Petra Vel. 205—208. *Jižní Rusko*: poměr Ukrajiny k V. R. 453—455; církevní právo a jeho prameny 447 až 457; světský život v církv. životě XVI. až XVII. st. 467—468; maloruský písař kr. Kazimíra 352, 364, 398—399. *Viz Polsko, Litevsko*: běloruský písař Jagelly 344; Zeměpis. etnický termín Rus, Rush, Ros, Rosh 217—218; Halická Rus 410; Novgorod 410—411

Řecko: Thessalie v antické době 159, 172; kolonisace černomořského pobřeží 85, 111—112; list. řeckých patriarchů kyjevskému metrop. 456—457; ř. metrika 200 až 201; modlitby při zpovědi 315, 332
Řím: 221; kolonisace černomořského pobřeží 86; maďarské nálezy 113, 115, 123; Ř. a Morea 438, 442; Ř. a Ochrida 185; vliv záp. církve na slovanskou 330

Sborník: Jorgův 462—463; Rešetarův 223 až 225

Skulptura: reliefy jezdců 121, 122—123; Aladža 118; Eski Džumaja 118; Kurt. gjoldžik 111—112; mohilský 117; Nagy Szent Miklós 119, 122; sarkofágy 403, 405; soška sv. Blažeje 224

Slované: theorie o balkánském domově Sl. 38—39; příbuzenství Poljanů se záp. Sl. 39; postavení Sl. v VI. st. 216—217

Slovinci: vliv cír. sl. na slovinštinu ve Friz. zl. 305, 306, 307, 319—320, 330, 333; národnost bisk. Abrahama 304—305; friz. církev a Slovinci 321—322, 323, 324—325

Srbsko: Dějiny: počátky migrace na jih Srbů, Chorv. a Slov. 217; Tažení Al. I. Komn. proti Vlkánovi 142, 391—393, 394, 395; opanování Thes. Štěp. Duš. 159, 165—166; privileje Thes. 166 až 171, 173; oddělení srb. církve od Ochridu 184—185; autokefální biskupství 178; církev a Zák. Št. D. 171; 39 bod Dušanova Zákonníku 169, 173; 40 bod D. Z. 169—170, 173; 41 bod 170, 173; 45, 46, 47 bod 170; 52 bod 168, 169, 170, 173; zetská soudní listina 1445 r. 222; poměr Dušana k archontům 169—171; vliv provinciál. sněmů na zákonodárství Dušanovo 170—171; zádruha 168, 173 až 174; soud a porota 169; česko-srbské styky 471. Úředníci: kefalie 170; kesar 159; kontostabl 166; světské funkce biskupa 170. Jazyk: srbská recense cír. sl. 212—213. Literatura: historický epos 194—202; metrika: deseterac 195 až 197; bugarštica a poměr její k byz. m. 198—199; překlad pateriku 22; Tro-nošský Rodoslov 222—223; srbský létopis 222; kronika Brankovićova 223; Orbiniho 223. Zeměpis: Budim 222; Zachlumie 222 viz Byz.

staroslovanský jazyk viz církevní slovanština

Svaté Pismo byzantské recense; cařihr. texty a různé čtení; Ka, původ a povahy tohoto textu 2—4; poměr k slov. překl. viz cír. sl.; alexandrijské kodexy 1, 8, 10, 11; cařihradské 9, 10, 11; západní

1, 2, 3, 4—5, 8, 10, 11

syntaxis: používání *иже* v překl. Kyr. Al. 285

Španělsko: cesta Pera Tafura do Byz. 465

Tataři a Byzancie 180

Thrakové (Getové) v černomoř. okresu 85, 128; bůh-jezdec 118, 119, 122—123; Burziava 127; Nympheum a kult Herkulesa 123—124

Turci: seldžukové, dobrodružství Čachovo 139—140, 142, 143; osmanové 185, 394

Uhry 407; U. a Bulhaři 445, 446; v Panonii 38, 41

Ukrajina: pravopis ruk. 211; viz Jižní Rusko

Unie florentinská 184; 1367 r. 221

Věštba: věšebné knihy slovanské: změny textové v překladech 65—84; překlad hromniku cara Heraklia 65—66; geografická tabulka podle Zodiaku 69—70; zájem o věšebné knihy u Slovanů v XV. až XVIII. st. 66—68; jižní slov. rukopisy 67—68, 74—83; poměr církví k věšt. kn. a index 68—69, 84; změny v předpovědích 70—73, 84; předp. zeměpisné 70—71; sociální 71—72; náboženské 72, 73; vývoj sociál. a polit. předpovědí 73—74

vokalismus: nosovky ve Friz. zl. 308, 314, 318, 325, 326—327, 333; otázka reflexů nosovek 318—319; otázka júsů *ж* a *ѣ* 212; výslovnost *»y«* ve slovenštině 314, 325; výslovnost *ѣ* 231, 233

zlomky viz rukopisy

žaltář viz rukopisy